

Международная ассоциация исследователей
истории и культуры российских немцев,
Международный союз немецкой культуры,
Центр изучения истории и культуры немцев России
Института истории и международных отношений
Саратовского государственного университета

ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «НАРОДА В ПУТИ»

Материалы XII международной
конференции.

Москва, 18–20 сентября 2008 г.

УДК 94(47)(=112.2)(082)

ББК 63.3(2)я43

Э 91

Э 91 **Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути».** Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. М.: «МСНК-пресс», 2009. – 632 с.

ISBN 978-5-98355-063-6

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор А. А. Герман

Издание осуществлено при поддержке Посольства Германии в Москве.

УДК 94(47)(=112.2)(082)

ББК 63.3(2)я43

ISBN 978-5-98355-063-6

© АОО «Международный союз
немецкой культуры», 2009

© ЗАО «МСНК-пресс», 2009

Оглавление

Предисловие	8
--------------------------	---

1. «Народ в пути»: общие проявления феномена

Барбашина Э.Р. (Новосибирск). Исторический феномен «народа в пути»: новые вопросы и контексты – новые ответы	10
Венгер Н. В. (Днепропетровск). Теория Дж. Армстронга «о призванной диаспоре» как объяснительная модель истории меннонитских общин в Российской империи (1789-1914)	19
Черказьянова И. В. (Санкт-Петербург). Русификация российских немцев: политика государства, компромиссы и протесты общества	37
Лиценбергер О. А. (Саратов). Законодательство Российской империи конца XVIII – начала XX в. об особенностях регулирования прав и обязанностей немцев-католиков и немцев-лютеран	60
Дик П. Ф. (Костанай). Этноконфессиональный компонент духовной культуры немецкой национальной группы	74
Малиновский Л. В. (Барнаул). Историческая ономастика немецких колоний в России: проблемы и научные перспективы	82
Нелипович С. Г. (Москва). Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)	85
Зейферт Е. И. (Караганда). Литература «народа в пути» в контексте концепции Ю. Лотмана о семиосфере	104
Блинова А. Н. (Омск). Традиции воспитания детей: качества «немецкого национального характера», не подлежащие сомнению	125
Москалюк Л. И. (Барнаул). Роль шванка в сохранении идентичности российских немцев	133
Иларионова Т. С. (Москва). Российские немцы в интернете	140
Духхардт Х. (Майнц). Старая дисциплина в новом одеянии. Международные отношения в фокусе современных научных исследований	148

2. Региональная феноменология «народа в пути»

Центральные регионы

Афанасьева А.В. (Курск). Эмиграция российских немцев в Германию в 1992–2002 гг. (на примере Курской, Орловской и Тульской областей)	155
---	-----

Поволжье

Булычев М. В. (Саратов). Проявления русско-украинского влияния в хозяйстве и быту поволжских немцев в начале XIX в.	160
--	-----

Плешаков И. Н.(Саратов). Иностранцы колонисты в Поволжье и военный построй (Последняя четверть XVIII – начало XIX в.).....	168
Порох А.Н. (Волгоград). Экологическая целесообразность природопользования немецких колонистов второй половины XVIII– начала XIX в. (на примере поселения Сарепта).....	180
Герман А. А. (Саратов). «Богато, весело живем под сталинской звездой»? (Некоторые аспекты демографии и реалий повседневной жизни населения в Республике немцев Поволжья).....	206
Шишкина Е.М. (Астрахань). О гибридности и конгломеративности музыкальной традиционной культуры поволжских немцев в начале 3-го тысячелетия.....	212

Урал

Вайман Д. И., Черных А.В. (Пермь). Межэтническое взаимодействие как фактор формирования специфики традиционной культуры немцев Прикамья в XX веке	226
Бахарева О. Я. (Оренбург). Исторические памятники немцев-пивоваров в городах Оренбургской губернии.....	235

Сибирь

Вибе П. П. (Омск). Социальная мобильность немецких колонистов как проявление национального менталитета (на примере Сибири)	245
Смирнова Т. Б. (Омск). Особенности воспроизводства этнической культуры немцев Сибири в условиях миграций	250
Чернова И. Н. (Москва). Адаптационные процессы в истории семьи немецкого населения Западной Сибири конца XIX – начала XXI в.	259
Алишина Г. Н. (Томск). Особенности социокультурной адаптации сельских и городских немцев, переселившихся в Томскую губернию в конце XIX – начале XX века	271
Нам И. В. (Томск). Участие немецких переселенцев в Славгородском восстании 1918 г.: попытка реконструкции событий ..	278
Маркдорф Н. М. (Новокузнецк). Особенности региональной политики по сохранению и восстановлению иностранных воинских захоронений Второй мировой войны в Западной Сибири	286
Охотников А. Ю. (Новосибирск). Немцы Поволжья и кулундинское переселенческое село 1950-1960-х гг.: проблемы этнического взаимодействия	295

Конев Е. В. (Новокузнецк). Динамика численности и социально-экономическое положение немецкого населения в местах некомпактного проживания Западной Сибири во второй половине XX века 304

Дальний Восток

Иларионова Т. С. (Москва). Немцы в российской дипломатии на Дальнем Востоке 308

Кусбер Я. (Майнц). Военные наблюдатели и командиры. Немцы на Дальнем Востоке на войне и в революции. 1904–1906 гг. 320

Шульга И.И. (Саратов). Русско-японская война и немцы Поволжья 330

Чернолуцкая Е. Н. (Владивосток). Миграции немецкого населения на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг.: версии, факты, заблуждения... 337

Кавказ

Чернова-Деке Т. (Берлин). Специфика управления духовными делами закавказских немецких колонистов в Российской империи 349

Зейналова С. (Баку). Характерные особенности и общие черты в процессе переселения и хозяйственной деятельности немецкого населения на Южном и Северном Кавказе 361

Бабкова В.Ю. (Ставрополь). К вопросу о региональных стратегиях адаптации переселенческих сообществ: уникальность и типичность северокавказской меннонитской общности 377

Чернова-Деке Т. (Берлин). Проблема ликвидации недвижимого имущества немецких колонистов в Тифлисской губернии (Грузия) в период Первой мировой войны 381

Вердиева Х. (Баку). Социально-политические аспекты жизни немцев Азербайджана в первой половине XX века 393

Украина

Бобылева С. И. (Днепропетровск). Шведский колонистский округ 397

Костюк М. П. (Луцк). Миграционные процессы в среде волыньских немцев в конце XIX начале XX в. 411

Безносков А.И. (Днепропетровск). Альтшведендорф в годы революции и Гражданской войны: судьбы шведов 421

Васильчук Г. Н. (Киев). Немцы Украины в реалиях сталинской реконструкции 433

Мартыненко В. Л. (Харьков). Политика командования вермахта в отношении этнических немцев на территории военной зоны Украины (1941–1943 гг.) 442

Казахстан

- Бургарт Л. А. (Усть-Каменогорск). Немцы-католики в Казахстане в конце XIX – начале XXI вв.: основные характеристики и периоды религиозной жизни 449
- Ефремова-Шершукова Н. А. (Томск). Организация немецкой автономии на территории Казахстана: неудачная попытка решения проблемы восстановления нарушенных прав народа 477
- Буданова Ю. П. (Лисаковск). Элементы традиционной немецкой культуры (свадебный обряд, национальная кухня, особенности домостроения) как критерии этнической идентификации в условиях полиэтнической социальной среды. (По материалам детских этнографических экспедиций в села Костанайской области, Северный Казахстан) 484
- Яковенко О.А. (Караганда), Брандес Д.(Дюссельдорф). К вопросу об этнической самоидентификации немецкого населения (по материалам социологического исследования Центрального Казахстана) 488

Средняя Азия

- Иноятова Д. (Ташкент). Немецкие школы в Узбекистане (конец XIX в. – 1930-е гг.) 496

Прибалтика

- А. А. Конопленко (Саратов) Прибалтийские немцы до вхождения в состав Российской империи: три исторических сюжета 510

Польша

- Нелипович С. Г. (Москва) Варшава: шпионские страсти Первой мировой войны (1914–1915 гг.) 547

Африка

- Шмидт В. (Регенсбург). Эмиграция российских немцев в Восточную Африку (1906–1913 гг.): из колониального прошлого Германии 561

Северная Америка

- Ходченко Е.Е. (Днепропетровск). Проблемы сохранения идентичности российскими меннонитами в Новом Свете..... 581
- Клоберданц Т. Дж. (Фарго). Немцы из России в Северной Америке: жизнестойкая этническая группа или исчезающий феномен? (на английском языке) 589

3. Персональные аспекты феномена «народа в пути»

Машкин М. Н. (Москва). Отто фон Бисмарк, Санкт-Петербург. Россия	608
Зарипова М. А. (Москва). Семья Эйхенвальд как феномен в истории культуры и науки России второй половины XIX – начала XX века»	615
Гентшке В. Л. (Москва). Российские немцы – исследователи Востока: вклад в диалог культур (XVIII – начало XX в.)	619
Наши авторы	628

Предисловие

Проводящийся в рамках деятельности Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН) примерно с 2004 г. второй этап исследований истории и культуры российских немцев призван выйти за рамки «чистой» истории российских немцев, на основе глубокого системного анализа связать ее с национальной историей России и стран построссийско-имперского и постсоветского пространства. Прошедшие в 2006 и 2008 гг. международные научные конференции сделали в этом направлении заметный шаг вперед ¹.

Вполне понятно, что любой этнос, если он является национальным меньшинством, развивается в условиях ряда внешних обстоятельств и воздействий (благоприятных и неблагоприятных) как со стороны государства, так и окружающего иноязычного социума. Поэтому огромное значение приобретают объективные обстоятельства и субъективные факторы, позволяющие малому этносу адаптироваться к окружающей среде, установить нормальные для своей жизнедеятельности взаимоотношения с государством и обществом. При этом неизбежны взаимозаимствования в производственной деятельности, быту, традициях, обычаях, определенных трансформации в национальном сознании и психологии, в ментальности.

В этом плане опыт исторического поведения немецкого национального меньшинства в России, как показали проведенные исследования, представленные на двух упомянутых выше конференциях, является уникальным и дает немало поучительных примеров для современной жизни российских немцев. К началу XX века в России сформировался целый ряд устойчивых региональных этнических групп немцев (поволжские, причерноморские, закавказские, волынские, польские и т.д.), которых в своей жизнедеятельности многое объединяло с исторической родиной, но в то же время, каждая из этих групп впитала в свою внутреннюю сущность многие черты соответствующих окружающих социумов.

В ходе проводившихся исследований в сфере внимания членов МАИИКРН оказался феномен российских немцев, давший возможность назвать их «народом в пути», однако в более широком понимании, чем то, которое вкладывался в этот термин раньше (высокая миграционная мобильность). Речь идет о том, что сформировавшиеся в России региональные группы российских немцев оказались настолько этноустойчивыми, что даже потеряв свою малую родину и смешавшись между собой, частично ассимилировавшись в иноязычную среду, они сохранили многие этносоциальные и этнопсихологические особенности своих региональных групп..

Еще разительнее этот феномен проявился у российских немцев-эмигрантов, покинувших малую родину в конце XIX – начале XX в. До сегодняшнего дня их потомки, проживая практически на всех континентах Земли (не только в Евразии,

но и в Северной и Южной Америке, Африке, Австралии), несмотря на существенное воздействие ассимиляционных процессов, помнят, что они немцы Поволжья, Причерноморья и т.д., сохраняют и бережно передают из поколения в поколение многие традиции и черты ментальности своих предков.

Первые итоги исследований отмеченного феномена были представлены и обсуждены на очередной XII международной конференции ассоциации «Этнические немцы России: исторический феномен “народа в пути”», которая прошла в Москве 18–20 сентября 2008 г. Материалы этой конференции как раз и представляются читателям в данном издании.

Как подчеркивали участники конференции, понятие «народ в пути» отражает не только многочисленные моменты, связанные с миграциями российских немцев, но и духовное, культурное обновление этноса, его динамику, движение вперед. Народ в развитии, в движении – таков российско-немецкий этнос и его производные этногруппы, существующие в различных регионах мира, за пределами исторических очагов формирования и проживания на территории бывших Российской империи и СССР.

В материалах конференции проблема «народа в пути» получила лишь свое первоначальное освещение. Представляется, что необходимо приложить еще немало усилий для более глубокого ее осмысления и понимания.

В работе конференции приняло участие около 60 исследователей из 7 стран мира, более половины из них – доктора наук, профессора. К сожалению, не все участники конференции смогли представить свои доклады для публикации. В настоящем сборнике опубликовано 55 докладов.

Состоявшаяся конференция по своим результатам важна и полезна не только для научного сообщества, но и для каждого российского немца и человека другой национальности, тем или иным образом связанного с российско-немецкой действительностью.

Материалы конференции имеют существенную практическую направленность. Извлекая уроки из прошлого, исследователи показывают примеры из истории предков, достойные подражания, предостерегают от шагов, чреватых повторением драматических или трагических ошибок.

Несомненно, представляемые на суд читателей материалы XII международной научной конференции МАИИКРН – это новый шаг на пути углубленного и всестороннего изучения истории и культуры российских немцев.

¹ См.: Российские немцы в инациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции. Саратов, 14–19 сентября 2004 года. М.: МСНК-пресс, 2005; Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): материалы 11-й международной научной конференции. Москва, 1–3 ноября 2006 г. М.: МСНК-пресс, 2007.

Э. Р. Барбашина (Новосибирск)

Исторический феномен «народа в пути»: новые вопросы и контексты – новые ответы

Новые вопросы относительно исторического феномена «народа в пути» российских немцев не означает, что это такие вопросы, которые никогда ранее не возникали, и мы сегодня являемся их авторами. Атрибутивная характеристика «новые» может иметь и другую смысловую нагрузку.

Во-первых, «новые» может означать постановку давно обсуждаемых вопросов в новом историческом контексте. Не случайно в европейской культуре фактически общепризнанным является афоризм о том, что древние греки уже тысячелетия назад поставили основные нравственные вопросы, на которое человечество до настоящего времени ищет ответы. И для каждой эпохи, для каждого поколения эти вопросы звучат по-новому.

Во-вторых, «новые» вопросы могут быть связаны с «воскрешением» ранее существовавших вопросов, которые по тем или иным причинам оказались в забвении. По аналогии это можно сравнить с проблемой традиций и новаций в культурном процессе. Нередко традиции давно минувшего времени воспроизводятся как новации.

В-третьих, «новые» вопросы могут возникать в связи с целевыми установками исследователей как в рамках конкретных научных дисциплин (история, социология, психология и другие), так и в исследованиях междисциплинарного характера.

Важность акцентуации признака «народ в пути» и его исследования как миграционной истории той части немецкого материнского этноса, чья самостоятельная история начинается с нового места жительства в России, не вызывает сомнения. До настоящего времени именно эта составляющая выступает источником и основанием исторической преемственности между представителями, с одной стороны, первой и других волн миграции европейцев в Россию и другие места, с другой стороны – их наследников, проживающих сегодня в десятках стран мира.

В целом миграционная история российских немцев находилась и находится, несмотря на последепартационное табу, в центре внимания исследователей-историков. Многочисленная литература и дискуссии представляют собой в настоящее время своеобразное «пред-знание» как для начинающего, так и опытного исследователя. Анализ этого типа знания, с учетом результатов отечественных и зарубежных исследований, позволяет сделать ряд взаимосвязанных выводов.

Во-первых, накопление знаний по сформулированной теме осуществлялось длительное время по принципу реконструкции исторических фактов и процессов с целью уменьшить количество «белых пятен» в истории миграции немцев по географической линии «Европа – Россия – другие страны». Причинная обусловленность такой акцентуации включает гносеологические, предметно-методологические, идеологические и др. факторы, осмысление которых можно признать самостоятельной исследовательской задачей.

Во-вторых, практически отсутствует системный анализ знания миграционной истории, в рамках которой и был сформирован феномен «народа в пути». Обобщенный анализ накопленного исторического массива знания предполагает выявление его структурно-функциональных характеристик, дисциплинарного и междисциплинарного характера, методологического обоснования, соотносительности проблемно-тематического поля с культурно-историческими контекстами и др. Получение ответов на эти вопросы, как и многие другие, возможно лишь в будущем.

Во-вторых, системный анализ самого знания миграционной истории, определившей феномен «народа в пути» или отсутствует, или занимает маргинальное положение в проблемно-научном поле. Анализ такого знания, аккумулированного в науках, включает выявление его структурно-функциональных характеристик, дисциплинарного и междисциплинарного характера, методологического обоснования, соотносительности проблемно-тематического поля с культурно-историческими контекстами и др. Реализация отмеченных, как и многих других, задач относится, вероятнее всего, к компетенции исследований в перспективе.

В-третьих, несмотря на достаточно комплексные исследования конкретных этапов или типов миграционной истории российских немцев (о чем наглядно свидетельствуют, например, работы профессора И.Р. Плеве), даже к этим процессам, как и к более слабо разработанным и изученным, будут обращаться новые исследователи в настоящем и будущем. К причинам такого обращения можно отнести не только установку ученых на поиск истины.

Одним из важных отличий социальных исследований, включая исторические, является, как отмечает один из основоположников теоретической социологии М. Вебер, роль ценностной, мировоззренческой ориентации ученого при выборе предмета исследования. Высокая степень вероятности выбора миграционной истории российских немцев в качестве предмета исследования обращение можно гипотетически подтвердить несколькими причинами.

Во-первых, исследовательский интерес ученых из среды потомков «народа в пути».

Во-вторых, уникальность этнокультурной истории российских немцев, обусловленная «встречей» двух эпох – доиндустриальной и индустриальной.

В-третьих, повышенный интерес к миграционной проблематике в контексте современных и перспективных глобальных процессов, в том числе мировой миграционной революции.

Если выбор темы исследования в социальных исследованиях осуществляется в зависимости от ценностных установок и мировоззрения автора, как это было доказано еще М.Вебером, то выбор методов исследования, способов объяснения, интерпретации находится вне ценностных параметров (М.Вебер). Развивая это методологическое положение автора, сформулируем вопрос: если методы анализа и объяснения имеют объективный характер, то не могут ли они оказать методологическую помощь в выборе приоритетных задач, проблем, направлений исследования феномена «народ в пути»? Вопрос в том, что можно ли на основе методологии, ее возможностей конкретизировать предмет исследования. Ответ на него, на мой взгляд, положительный.

Словосочетание «народ в пути» не является научным, качественно и количественно определенным понятием. Тем более «народ в пути» не является научным термином. Это, однако, не исключает возможность смысловой экспликации его значения. Данное афористическое словосочетание служит для обозначения одного из важнейших признаков (качеств, характеристик) российских немцев. Одновременно оно находится в смысловом противоречии с другой, не менее распространенной характеристикой российских немцев, которую афористично выразил А.Соложеницын. Он сравнивает народ с ивой, которая быстро приживается при пересадке и украшает ландшафт. Подобно иве, немцы в России при всех переселениях фундаментально обустроивались, упорным трудом создавая удобства быта и облагораживая среду проживания.

Итак, выявлены два противоречивых признака. С одной стороны, готовность к территориальным перемещениям и их реализация. С другой – «привязанность» к территории проживания. Мне представляется важным для выявления сущностных характеристик немецкого народа более подробный анализ этих двух противоречивых признаков. Ответ на этот вопрос сложно найти только в рамках исторически описательного подхода, ибо требуется использования / обращение более широкого круга методологических средств.

Одним из них выступает методологическая предписательность герменевтического анализа. Герменевтика (от греческого *hermeneuein* – толковать, истолковывать, интерпретировать) – это искусство, учение толкования, объяснения, понимания. Понимание реализуется через истолкование, интерпретацию. Реальность, на которую ориентировано стремление понять, всегда есть проинтерпретированная, т.е. определенным способом освоенная реальность. Любое познание прошлого с необходимостью должно включать процедуру интерпретации.

Для нашей темы особый интерес представляют две традиции в постановке и разрешении проблем интерпретации. Эта тема занимала одно из ключевых мест в дискуссиях социологов, философов, историков, психологов конца XIX – начала

XX века. В терминологии Г. Дроузена, М. Вебера речь шла об «интерпретирующем понимании». При этом в отличие от В. Дильтея, у которого это понятие раскрывалось прежде всего как метод интуитивного познания, для Вебера и других его единомышленников это означало метод постижения и объяснения причинно-следственных связей.

Применительно к теме «народ в пути» вопрос о причинно-следственных связях имеет принципиальное значение, так как миграция всегда есть движение конкретных людей, социальных групп «от» одного места проживания «к» другому. Из пункта А в пункт Б. И вот здесь очень важен вопрос о причинах этого перемещения.

В литературе по миграционной проблематике причины переселения, их типология, структура относятся к сравнительно разработанным вопросам. Причинная структура миграционных перемещений по отношению к миграционной единице включает внешние и внутренние факторы. К первым, например, относятся условия проживания в настоящем и предполагаемом будущем, ко вторым – мотивационные факторы субъекта миграции. Среди последних обоснованно особое внимание уделяется вопросу свободного выбора, свободы поведения миграционных единиц – добровольная или вынужденная миграция.

Несмотря на то что в многочисленных исследованиях по истории цивилизаций, культур выделяются этнические образования с различными типами миграционного потенциала (в его содержательном и количественном измерении), тем не менее причинно-следственные связи, роль миграции в этнической судьбе тех или иных этнических образований требуют конкретизации и содержательной интерпретации. В том числе и когда речь идет о «российских немцах».

Для реализации этой задачи герменевтические традиции в целом, принципы интерпретации имеют значительный эвристический потенциал. Речь не идет о реконструкции многочисленных трансформациях принципов и приемов герменевтического анализа. А в течение более чем 2000-летней его истории – начиная с античности, через труды схоластов эпохи Средневековья, заканчивая работами философов XX века (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер и др.) – их было немало. Для обоснования актуализации новых вопросов относительно исторического феномена «народа в пути» достаточно ограничиться основополагающими, общепризнанными и «работающими» принципами и приемами герменевтики последнего столетия.

Исходное значение имеет, на мой взгляд, тезис Гадамера о том, что интерпретация имеет принципиально открытый характер. Другими словами, процесс интерпретации никогда не может быть полностью завершенным. Одновременно это означает, что ни одна из возможных или существующих интерпретаций не должна абсолютизироваться, не должна претендовать на абсолютную истинность. Более того открытость интерпретации дает возможность утверждать, что интерпретации прошлого выступают самостоятельной составляющей, элементом исторической

преемственности. И они тоже подлежат изучению. Например, почему Л. Белковец сначала писала о белом терроре, а потом о красном?

Обращение к интерпретации феномена «народа в пути» связано содержательно с пониманием прошлого опыта. Само понятие «опыт» объединяет и процесс накопления «средств жизни», с помощью которых осуществляется жизнедеятельность этнической группы, и «обладание средствами». Это означает, что опыт включает знания, умения, деятельность, понимание, переживания, воображение и т.д. Опыт всегда имеет не только общие, но и уникальные признаки. Для нас важно подчеркнуть, что раскрытие опыта прошлого всегда есть и раскрытие нового в своем настоящем «Я».

В содержательном плане это означает, что интерпретации истории феномена «народа в пути» являются также новым осмыслением или переосмыслением этого явления в настоящем и через настоящее. Отсюда можно предположить, что результаты целенаправленных исследований и интерпретаций проблем миграции и адаптации многочисленных потоков российских немцев в Германию в конце прошлого, XX века с позиции прошлого опыта «народа в пути» могут значительно отличаться от существующих сегодня.

В рамках такого подхода, например, сложности интеграции российских немцев в Германию, не могут быть объяснены (при всей их объективной важности), только несоответствием профессиональной подготовленности потребностям рынка труда, плохими знаниями немецкого языка и норм современной жизни в новом обществе и т.д. Если обратиться к сравнительному анализу качественных составляющих интеграционного потенциала миграционных потоков российских немцев в разные периоды, выступающих источниками и факторами «укоренизации», «обустройства» в новых местах проживания, то становится понятным что им удавалось успешно преодолеть их несоответствие объективным факторам.

Поэтому самого пристального внимания требуют, на мой взгляд, ментальные характеристики этнических групп (сознательные и бессознательные), и факторы, влияющие на них.

Следующим важнейшим положением герменевтического анализа является признание обусловленности интерпретации исторических событий культурными, смысловыми контекстами как прошлого, так и настоящего, в котором осуществляется осмысление прошлого. Гадамер, например, особо подчеркивает необходимость соотнесения прошлого с культурным и мыслительным опытом современности. Согласно этому мы должны очертить исторические, культурные и мыслительные границы обсуждаемого феномена «народ в пути». Если речь идет о современности, то совершенно очевидно, что «границы» активных переселенческих процессов российских немцев, подтверждающих признак «народа в пути», определяются последними десятилетиями. С позиции причинно-следственных связей и исследователи, и лидеры общественных движений выделяют прежде всего институциональные причины государственного масштаба – последствия депортации, распад

СССР, изменения российско-германских отношений. Среди социально-этнических причин, послуживших активизации миграционных процессов, выделяются, в том числе и автором настоящей работы, ассимиляционные и экономические проблемы, а также родственные связи.

Если вернуться в прошлое, то все-таки временное начало «народа в пути» относится ко второй половине XVIII века. Обращает на себя внимание, что характеристика причин этого начала фактически зеркально отражает современность: экономические проблемы – разруха, нищета на европейской территории; интересы и проблемы государства российского; семейно-демографические факторы. Разница между причинами второй половины XVIII века и конца XX века заключается в ассимиляционных проблемах. При этом хорошо известно, что процесс формирования европейских государств-наций в тот период не было завершеным. Соответственно возникает вопрос, можно ли интерпретацию контекста анализа истории «народа в пути» ограничить европейской и российской историями XVIII века? Ответ представляется отрицательным. Это обусловлено тем, что фундаментальные основания этничности переселенцев в тот период были в большей степени обусловлены культурно-религиозным контекстом средневековой эпохи, чем индустриальной. Соответственно «почвенная укорененность» (в терминологии М.Хайдеггера), восприятие природы/земли через «свое отношение», «свой вклад» в нее, «любовь к земле как любовь к себе» и др. преобладали в архетипе этнического самосознания. Если исходить из «почвенной укорененности» как базового основания этнического самосознания российских немцев, то логически последовательным будет признание и того, что колониистский образ жизнедеятельности российских немцев способствовал воспроизводству этого основания, т.е. обеспечивал его устойчивость. Отсюда следует, что определяющее, приоритетное значение в историческом опыте российских немцев имеет укорененность, привязанность к «своей земле, территории проживания». Соответственно в рамках герменевтического анализа мы можем сделать следующий вывод о причинно-следственных связях в прошлом опыте: фундаментальными причиной и основанием для появления феномена «народа в пути» выступала опасность, угроза укорененности, привязанности к своей земле.

Теоретический анализ этой проблемы может быть осуществлен не только с позиции соотношения двух культурных эпох – индустриальной и доиндустриальной. В рамках этнопсихологии самостоятельное направление исследования может быть основано на использовании эвристического потенциала широко известного учения К. Юнга об архетипах памяти, о коллективном бессознательном. Такой анализ мог бы, например, приблизить нас к пониманию значимости в этнической ментальности российских немцев «почвенной укорененности» независимо от степени его осознанности, от отсутствия или присутствия рационального обоснования.

Интерес представляет в связи с этим проблема трансформации базовых оснований этничности российских немцев, и факторная обусловленность такой трансформации. Полученные результаты исследования отмеченных проблем могут содействовать поиску новых ответов на вопросы, связанные как с историческим, так и современным опытом российских немцев. Иллюстрацией исторического аспекта может служить, например, вопрос о причинах разрыва связей с материнским этносом. А это, в свою очередь, может быть связано не только с идеологическими или политическими факторами, но и со спецификой этнической ментальности.

В контексте изложенной выше теоретической гипотезы важное значение приобретает вопрос о роли в истории «народа в пути» территориально-географического самоопределения российских немцев. Многолетние этносоциологические опросы, проводимые под руководством автора данной статьи, показали, что даже в последнем десятилетии прошлого столетия немцы в Сибири и Северном Казахстане очень четко идентифицировали себя с поволжскими, украинскими, волынскими и др. немцами. Учитывая специфику послевоенного периода этнической истории немцев в Сибири (или Казахстане), этот феномен нельзя объяснить ни пропагандистскими, ни религиозными причинами. При этом очень четко проявлялась тенденция потери исторической памяти о своем европейском прошлом, т.е. о Германии. Можно ли такую потерю объяснить только российско-германскими отношениями, опасностью связи с зарубежными родственниками, т.е. репрессиями и т.д.? Или здесь сыграла свою роль (если да, то в какой степени) новая «почвенная укорененность»? Уже по отношению к Поволжью, Волыни, Кавказу и т.д.?

Не менее интересен в данном контексте вопрос о степени рациональной детерминации миграционных процессов, которые стали основанием метафоры «народ в пути». Абсолютизация рациональных причин миграции оставляет в тени такую тему, как «свобода воли», «свобода выбора», «выбора и ответственности» и т.д. В отличие от депортационных процессов, все переселения «народа в пути» оставляют большой диапазон возможностей для их интерпретации как результата свободного выбора (что не исключает актуальность и необходимость анализа других причин). Такой выбор предопределял, в свою очередь, свободную ориентацию на укоренизацию в новых местах проживания. Может быть, именно поэтому в самосознании самых разных групп «народа в пути», где бы они не проживали, сохраняется образ «облагороженной земли» на территории России. В этом образе, в конечном итоге, персонифицировано представлены и предки, и те, кто сегодня этот опыт расшифровывает.

Для обоснования потребности расширения контекстов интерпретации «народа в пути» представляется целесообразным обращение к традиционализму. Если компонентом основных признаков любой этнокультурной самобытности признается менталитет, то важнейшей характеристикой последнего является его традиционность. Традиции выступают самым действенным механизмом трансляции исторического опыта этнических групп. При этом передача и освоение традиций

происходит прежде всего в первичных группах. В основе формирования не только первых переселенческих групп, но и дочерних колоний российских немцев, не последнюю роль играли кровнородственные отношения и связи. Если вслед за Гадамером признать важность учета мысленного опыта прошлого и настоящего для объяснения и интерпретации, то для анализа истории и настоящего «народа в пути» необходимо признать эвристическую полезность социологических и этнологических концепций взаимодействия индивида и общества.

В связи с этим необходимо учитывать, что только в прошлом столетии гуманитарные науки обратились к активному изучению проблем человека и общества через призму первичных групп (Ч.Х. Кули), изучение действия и поведения индивида в соотносительности с поведением целой группы (Г. Мид), анализ жизненного мира, повседневной жизни (А. Шюц) и др. Первичные группы характеризуются, по Кули, тесным личным общением и сотрудничеством. Они являются первичными во многих отношениях, но главным образом в том, пишет автор, что они являются первостепенно важными в формировании социальной природы и идеалов индивидов. Колонистский способ индивидуальной и коллективной жизни большей части российских немцев является, с одной стороны, специфическим типом жизнеорганизации первичной группы. Многие признаки этого типа первичной организации имели как сходство, так и отличия, например, от аналогичной первичной группы русского населения в сельской местности. Эти отличия очень четко определялись, в первую очередь существованием в иноэтнической среде и способами взаимодействия с ней.

Вопрос о взаимосвязи генезиса этнического самосознания «народа в пути» и типов отношений с инокультурными средами является в конечном итоге вопросом об истоках и сути этнокультурной специфики российских немцев в настоящее время. Так, доказательство ассимиляции или трансформации этнокультурных признаков российских немцев не может ограничиваться констатацией явных изменений, связанных, например, с резким уменьшением числа лиц, владеющих диалектами. Контекстуальный подход в исследовании этой проблемы включает сравнительный анализ межкультурных взаимодействий в разных исторических эпохах. Общеευропейская история свидетельствует, что межкультурное взаимодействие в период географических открытий осуществлялось на основе различности этих культур. Это был период наиболее интенсивного культурного обмена и взаимообогащения. С индустриальной эпохой связано становление нового типа культурного взаимодействия на основе одинаковости, стандартизации, унификации. «Народ в пути» в течение нескольких столетий демонстрировал взаимообогащающий тип межкультурного взаимодействия. Эта тема также относится, на мой взгляд, к междисциплинарным задачам и ждет своего исследования не только на территории России.

С позиции современности к актуальным контекстам интерпретации истории немцев как «народа в пути» относится глобализация. При этом сам этот контекст

находится только в становлении и потому существует огромное количество вариантов его понимания и прогнозирования. К наиболее дискуссионным аспектам относится проблематика глобализации в области культуры, соотношения локально-этнического и унифицировано-массового. Именно с этих позиций история российских немцев, по аналогии с коренными малочисленными народами, требует сегодня новых подходов в исследовании, понимания, объяснения и интерпретаций. Независимо от этнического будущего российских немцев, их исторический опыт как «народа в пути» с приоритетностью на укорененность, на культурное взаимообогащение, на толерантное взаимодействие с другими народами может стать востребованным опытом-образцом в новых исторических условиях.

Теория Дж. Армстронга «о призванной диаспоре» как объяснительная модель истории меннонитских общин в Российской империи (1789–1914)

Проблема российской колонизации является одной из наиболее динамично развивающихся областей в системе имперских исторических студий. Несмотря на активный эпистемиологический диалог, впечатляющий объем собранной информации и опубликованных сборников научных трудов, концептуальное оформление проблемы все еще остается задачей на будущее. Преодоление данного состояния, видимо, кроется в расширении методологического арсенала и преодоления узкодисциплинарности. Наступила насущная необходимость открытия «диалогового окна» для дискуссий с учеными – представителями смежных гуманитарных дисциплин философского характера. Действенность данного подхода может быть весьма плодотворной. В качестве примера обратимся к теории американского социолога Дж. Армстронга².

Данная концепция может быть использована как объяснительная модель сложной системы взаимоотношений между имперской властью и локальными этническими сообществами, для понимания асимметричности административно-политических, социальных и правовых структур Российской империи. Исследуем степень пригодности концепции «о призванной диаспоре» к анализу истории колонизационного потока, представленного меннонитскими общинами.

Как поясняет Армстронг, «призванная диаспора» – этническая группа, которая, не будучи аборигенной (исторически свойственной для данной территории), находясь на позиции национального меньшинства, тем не менее пользуется значительными преимуществами и привилегиями в конкретном полиэтническом обществе³.

Особость положения диаспоры определяется важнейшей функцией – ролевой специализацией группы, для выполнения которой она была призвана (приглашена) для поселения на территории конкретного государства. Другое важное свойство диаспоры – ее консолидированность, четкая самоидентификация всех членов, нацеленность на этнический коллектив. Две вышеназванных дефиниции определяют правила общения «призванной диаспоры» с доминантной этнической группой. Представление о диаспоре основано на экономической выгоде для государства, которое инициирует переселение и принимает отдельные колонизационные потоки под свое покровительство⁴.

Далее Дж. Армстронг обозначает ряд этапов в динамике взаимоотношений между доминантной группой и мобилизованной диаспорой⁵. Назовем эти ступени и охарактеризуем их применительно к истории колонизационного потока, находящегося в фокусе нашего исследования:

Этап первый. Период возникновения государственной потребности, когда мобилизованная диаспора оказывается необходимой (востребованной) для доминантной группы.

Применительно к нашим обстоятельствам это события, предшествовавшие колонизации, разработка проекта и взаимовыгодных условий, этап принятия решения как для государства, так и для конгрегаций. При этом диаспора играла роль активного субъекта всех обозначенных процессов (до 1789 гг.).

Как известно, меннонитская колонизация была начата в 1789 г. Ей предшествовали переговоры между уполномоченными меннонитов г. Данцига (фламандской общины) (Польская Пруссия) и князем Григорием Потемкиным. Активное поведение меннонитов нашло одобрение со стороны российских властей. Они сознательно приглашали к диалогу всех потенциальных переселенцев⁶, а в словном российском обществе обычной была практика, когда отдельные социальные группы занимали особое правовое положение в государстве. Эти установки соответствовали и устремлениям самих меннонитов, которые всегда сохраняли дистанцию с обществом, жили согласно собственным убеждениям и правилам, но, намереваясь избежать преследований, стремились достигать предварительных договоренностей с властями и не действовать противно законодательству.

Характерно, что переговоры меннонитов при переселении в Россию и полученные ими привилегии имели беспрецедентный для меннонитских общин характер. Как показывал их европейский опыт, ранее предоставленные общинам привилегии оговаривали допуск (санкцию) на сохранение некоторых устоев их повседневной жизни: возможность проведения религиозных собраний, женитьбы, похорон, право на создание школ и привлечение в них своих учителей. Эти привилегии не носили специфического характера. «Просительные статьи» меннонитов впервые предоставили право на реализацию более детального и широкого перечня затребованных ими экономических привилегий, которые нашли позитивный отклик со стороны российского правительства⁷.

К тому же переселение в Россию данцигских эмигрантов было признано делом государственной важности. В отличие от условий «ограниченной формы толерантности», в которых находились меннониты в большинстве городов и стран Европы, в России меннониты, как социальная группа аграрной специализации, получили права и возможности, которыми в то время не обладало российское крестьянство в целом, включая находившуюся в наиболее благоприятном положении группу государственных крестьян. Меннониты, как колонисты, сумели добиться законодательного подтверждения условий Манифеста, в результате чего им удалось занять особую нишу в системе социальной иерархии Российской империи среди других непривилегированных социальных групп.

Отметим также, что для меннонитов переселение из Польской Пруссии было своеобразным бегством от наступающей модернизации. Модернизация как процесс уже по определению вела к социальной унификации, проявлением которой

и была военная реформа, возмущившая пацифистские настроения меннонитов. Для России же колонизация, напротив, стала одним из методов приближения и ускорения модернизации. Таким образом, по иронии судьбы, пытаясь избежать наступления индустриальной эпохи и других явлений, связанных с ней в Европе, в России меннонитская диаспора вынужденно приняла участие в модернизационном проекте. Меннониты также находились в основе процессов формирования гражданского общества и капиталистической индустриализации⁸. Наделенные правом самоуправления, общины меннонитов являлись своеобразными замкнутыми микрогражданскими коллективами в соответствующем историческому контексту пониманию данного понятия. В исторической ретроспективе гражданственность меннонитов стала результатом необходимости, их принадлежности к типу сообществ, квалифицируемых как «мобилизованная диаспора». Вынужденно мигрируя, оставаясь одной из маргинальных этносоциальных групп, меннониты вырабатывали в себе способность к диалогу как внутри общины, так и во взаимоотношениях с властными структурами. Конгрегации являлись творцами своей судьбы, своей истории. Состав данных микрогражданских групп отличался образованностью и готовностью проявлять инициативу, что не было свойственно для большей части российского общества⁹. Гражданственность меннонитов выражалась в осознании своих прав и обязанностей в конгрегации, общине, а в конечном счете по отношению к государству. В меннонитском социуме также культивировалась и пропагандировалась идея о том, что привилегии были предоставлены членам конгрегаций для выполнения ими особой показательной миссии. Они всячески культивировали себя как диаспору. Для перспектив развития империи привилегии иностранных колонистов в сочетании с особенностями региона были весьма благоприятным прогнозом для решения выдвигаемых перед колонизацией задач.

Второй этап взаимоотношений диаспоры и государства это период начального взаимодействия между доминантной группой и призванной диаспорой, когда безопасность (или благополучие) переселенцев зависела от настроений доминантной группы. Для изучаемой нами проблемы этот этап соотносится с периодом адаптации и «льготных лет», когда общины освобождены от выплаты налогов, а также последующий период, когда деятельность общин является объектом контроля и лоббирования со стороны попечительных органов (1789–1846).

Мы квалифицируем обстоятельства развития меннонитских поселений в России первой половины XIX ст. как «отдельную экономическую зону». Отдельная экономическая зона» (ОЭЗ) меннонитских колоний являлась формой ускоренного развития хозяйственной системы на территории меннонитских колоний юга России, в рамках которой были обеспечены благоприятные надконкурентные условия для развития экономической деятельности. Определяющими признаками такой зоны были: 1) строго очерченная, ограниченная законодательством территория; 2) льготное налогообложение и финансовая поддержка; 3) особые законодательные и административные условия.

Важным условием формирования зоны, сохранения ее территориальных границ была относительная замкнутость ОЭЗ. Меннониты, как и другие представители радикального протестантизма, тщательно оберегали замкнутый мир своих поселений. Степень контактности колоний менялась в зависимости от этапа колонизации. В начальный после заселения период, на льготном этапе (до 1815 г.), стремление к изолированности преобладало. Чужие воспринимались меннонитами как своеобразный экзистенциальный антитезис: меннониты держались обособленно, и даже немецкоязычные лютеране и католики не допускались в пределы меннонитского социума. Определенную роль в сохранении замкнутости общин сыграла деятельность попечительных органов и колониистское законодательство.

Поддержкой «призванной диаспоры» и проявлением заботы о ее благополучии и успешном выполнении миссии, стало установление на территории меннонитских колоний благоприятного кредитно-инвестиционного режима. По сведениям Министерства государственных имуществ, на меннонитов первого и второго водворения (1789, 1793–1795) было израсходовано 358 236 руб. государственных средств¹⁰. Для них также были предусмотрены выплаты на хозяйственное обзаведение¹¹. Согласно личному предложению С. Х. Контениуса – главного судьи Конторы опекунства Новороссийских иностранных поселенцев, каждая из обосновавшихся семей, наряду с другими выплатами, получала по 25 руб. на приобретение сельскохозяйственного инвентаря¹², по 100 руб. на постройку дома и 100 руб. на хозяйственное обзаведение¹³. Несмотря на то что турецкие военные кампании, поглощая значительные ресурсы, приводили к искажению режима инвестиций, на разного рода пособия данной группе общин было выделено 42 686 руб. казенных денег. Таким образом, весь долг меннонитов составил 400 923 руб. Выплата данных обязательств, которые не облагались процентами, была отложена на 15 лет и окончательно возвращена меннонитами к 1847 г.¹⁴ Правительство простило меннонитам долг за путевые издержки.

Кроме того, власти всячески контролировали состояние колоний в связи с выплатами. В сентябре 1805 г. принимается постановление «О взыскании казенного долга с Хортицких меннонитов и Йозефстальских колонистов и о платеже ими поземельных денег»¹⁵. В данном документе речь шла о сложностях адаптационного периода, с которыми столкнулись 346 семейств меннонитов первого выхода. Спустя 10 лет данная группа поселенцев оказалась неспособной к выплате государственных денег. По сведениям опекунских органов, отдельные семьи имели долги в размере до 1000 руб. (!) Правительство приняло решение об увеличении льготных лет на 5 лет и организовало переселение 150 семей, которые испытывали недостаток в земле, на новые, купленные за счет казны, земли с продлением льготных лет для переселившихся на 10 лет¹⁶.

Молочанские меннониты приступили к выплате займов с 1820 г.¹⁷. Из общей суммы казенного долга (более 5 000 000 руб.) к выплате было назначено около

4 000 000 руб. Часть денег, затраченных для обустройства меннонитских колоний, 557 524 руб., была оставлена без взыскания¹⁸.

В голодный для региона 1824 г., который, по выражению Фадеева, «потряс самое основание благосостояния поселенцев, сравнял некоторых достаточных из них с совершенно бедными», по требованию попечительных органов меннониты, как, впрочем, и другие колонисты, получили финансовую помощь (13 381 руб. для Молочанских и 2 400 руб. для Хортицких селений). При этом общая сумма, затраченная на восстановление колоний (меннонитских, немецких, шведских, крымских) составила 25 652 руб.¹⁹.

Кроме этого, меннониты также пользовались льготами, которые предусматривались правительством для других групп колонистов. В июле 1828 г. был принят закон «Об облегчении иностранных поселенцев южного края России в платеже ссуды и о сложении с них недоимки в платеже за излишние земли в пользовании их состоящие», согласно которому в связи с неурожаем возврат ссудных денег переносился с 1826-го г. на 1831 г.

Как известно, вплоть до второй половины XIX ст. в России отсутствовала последовательная кредитная политика. Государственный кредит в промышленности фактически отсутствовал. В свою очередь, меннониты имели возможность воспользоваться небольшими кредитами, размер которых позволял создать небольшую мастерскую. Право получения кредита обеспечивалось посредничеством органов попечения и, как свидетельствуют источники, было весьма частым явлением²⁰.

Меннониты (а с ними болгары и «румелийцы») пользовались привилегиями в выплате податей по окончании льготных лет. Согласно «Жалованной грамоте» они должны были выплачивать по 15 коп. с десятины в год, освобождаясь при этом от других податей. В 1839 г. эта подать, переложенная на серебро, была определена в Уставе как 4,5 коп. с десятины, что нашло отражение в статье 260 Устава. Остальных колонистов, согласно закону «О порядке обложения оброчною податью выходящих из льгот колонистов», по истечении льготных лет следовало уравнивать в платеже податей с государственными крестьянами²¹.

Когда накануне реформы П. Киселева власти задумались о практическом реформировании государственных крестьян, на подготовительном этапе которого проводилось изучение опыта развития исследуемых нами конгрегаций в России, ответственные чиновники отказывались от возможности распространения меннонитской системы обложения на государственных крестьян. Это могло бы привести к серьезным финансовым издержкам для государства. Как пояснял в своей записке чиновник Сухомлинов, «поземельная подать меннонитов не может быть применена к новым поселениям... Колонии меннонитов, вследствие особой привилегии, подушной подати не платят, а обязаны вносить только незначительную поземельную подать... Если начальству угодно будет перевести..., надо будет согласовывать с Кадастровою комиссиею...»²².

Таким образом, после окончания льготных лет меннониты выплачивали меньшее количество податей, чем другие группы колоний: на треть меньше немецких колонистов, которые приравнивались к ним по уровню дохода, и несколько больше, чем малороссийские государственные крестьяне, чьи доходы были в 2,9 раза ниже, чем у меннонитов²³.

Таблица 1

Сведения о доходах различных групп поселений юга Российской империи (1849), руб.

Категории поселений	Доход	Расход	Остаток	Казенные подати
Меннониты	1 100	931,07	168,93	78,69
Колонисты	1 100	935	165	105
Малороссияне	400	403	3	77
Ногайцы	350	350	Нет информации	70

По этой причине уже после экспедиции П. Кеппена (1841) власти задумались об изменении податных условий для меннонитских поселений. В 1862–1863 гг. поземельная подать меннонитов возросла на 25%²⁴. Однако на данном этапе развития поселений увеличение налогового бремени не могло принести колониям серьезного финансового ущерба.

Определенную специфику ОЭЗ придавало наличие специальной вертикали управления. Изолированность иностранных колоний, в том числе и меннонитских, поддерживалась особой системой администрирования, формирование которой было, в основном, завершено в марте 1818 г., когда было разработано положение «О главном управлении колонистов Южного края России»²⁵. Наличие попечительной вертикали выделяло колонии из традиционной административной системы управления края²⁶.

Следующий, третий этап в истории взаимоотношений диаспоры и государства, согласно концепту Армстронга, характеризуется переходом от усиленного патрона к созданию благоприятных условий для достаточно «свободного» развития диаспоры (согласно нашему исследованию это период от 1840-го по 1871 г. – до этапа принятия административной реформы).

Государство расширяет экономические права меннонитских колоний. Привилегии меннонитов еще раз подтверждаются в 1838 г. Вместе с тем власти впервые задумываются о правомерности льгот, что привело к незначительному повышению налогов. Тем не менее государство по-прежнему испытывает потребность в хозяйственных навыках колонистов и меннонитов.

Главными критериями, позволяющими рассматривать 1840–1871 гг. как отдельный период в развитии меннонитского предпринимательства, были два основных события: окончание выплат и принятие Указа 1846 г., допускающего выход колонистских экономических интересов за пределы трех новороссийских губерний²⁷.

Это был период наивысшей экономической свободы и наиболее благоприятных для развития колоний экономических и политических условий. Долги государству были выплачены. Налоги – необременительны. Конкуренция – незначительна. Реформа отмены крепостного права – впереди. При существенной разнице экономических потенциалов в «отдельной зоне» и за ее пределами обмен приносил колониям достаточную для дальнейшего развития прибыль. Названный этап был важнейшим качественным прорывом колоний в развитии агропромышленного производства, ремесла и промышленности. После 1846 г. прослеживается формирование меннонитского фабричного производства, ставшего основой капиталистической индустриализации в регионе²⁸.

На этапе 1846–1871 гг. общественное мнение преимущественно благоволило к колонистам. Пример колонистов (и прежде всего меннонитов) самым внимательным образом изучался Министерством государственных имуществ с целью применения их опыта для реформирования государственных крестьян, создания так называемых «образцовых выселков государственных крестьян»²⁹. В августе 1841 г. П. Киселев лично посетил Хортицкую группу колоний, где состоялась встреча с администрацией селений³⁰. Колонисты, как сословие, пользовались правовыми привилегиями. Контроль над развитием экономических процессов по-прежнему осуществлялся органами опеки. Они давали разрешение на открытие предприятий, проводили инспекционную деятельность³¹. Лоббирование со стороны попечительных органов сохранялось вплоть до 1871 г.

На четвертом этапе развития диаспоры этническая группа используется государством для решения задач как внутренней, так и внешней политики. Отменяется патронат, начинается усиленное использование того ресурса, который был сформирован ранее.

Применительно к нашему дискурсу этот этап охватывает события 1871–1914 гг. Реформы 1871–1874 гг., отменив статус колонистов, тем не менее не прервали общую традицию во взаимоотношении титульной нации и «призванной диаспоры». Несмотря на отдельные этапы непонимания, общины в целом сохраняли достаточно благоприятные возможности для развития не только экономики, но и культуры (открыто работают типографии, школы, газеты, церковные институты. Запрещено только религиозное миссионерство). Возникновение явления «меннонитского сообщества» (Mennonite commonwealth) было возможно только в таких благоприятных условиях.

В целом характер взаимоотношений между государством и «подвижной» (призванной) диаспорой определялся объективными условиями развития модернизационных процессов в пределах конкретного государства. Получая от государства определенные привилегии, мобилизованная диаспора находилась в зависимости от внутренней ситуации в государстве и, более того, от успешности программы, которую ей следовало реализовать. Как показывал европейский опыт истории меннонитских общин, легко предоставленные права могли быть с такой же легко-

стью отобраны после выполнения миссии. Таким образом, приблизить «разрыв» партнерских взаимоотношений между колонистами и государством могли следующие причины: существенные подвижки в освоении южных территорий, либо желание государства отказаться от использования миссии колонистами, вызванное внутри- и внешнеполитическими условиями, либо синтез, ситуативное сочетание этих причин, как это и случилось с меннонитской диаспорой в России.

Принимая непосредственное участие в освоении южного региона, объективно способствуя ускорению процессов модернизации, меннониты, в известном смысле, сами приближали момент в изменении своего правового и социального статуса в государстве. Оказывая влияние на развитие модернизационных процессов в государстве, постепенно интегрируясь в общую экономическую систему региона, меннониты (как и другие успешно действовавшие колонисты) способствовали трансформации и конвергенции не только ОЭЗ, но и окружающего экономического пространства. Под влиянием различных внешнеполитических и внутренних обстоятельств в государстве, в числе которых определенное место занимал и пример развития меннонитских колоний, власти и общественность пришли к пониманию необходимости кардинальных реформ в государстве.

Основную часть комплекса буржуазно-ориентированных преобразований 1860–1870-х гг. составляли реформы, которые должны были устранить главные препятствия на пути развития производительных сил, формирования рынка свободной рабочей силы, кадров предпринимательства. В условиях аграрного государства в орбиту этих преобразований были вовлечены все социальные группы, принимавшие участие в развитии аграрного сектора экономики: крепостные, государственные крестьяне и, наконец, колонисты.

В ходе реформ положение колонистов, как и других вышеназванных социальных групп, подверглось кардинальным изменениям. Для меннонитов эти перемены были вызваны не экономическими реформами в государстве, которые проходили не одномоментно, инертно, постепенно, и к которым меннониты были в целом, более чем другие социальные группы, подготовлены, а административной реформой 1871 г., принятой в отношении статуса всех иностранных колонистов – подданных Российской империи. Она обозначила не только новую страницу в истории политики империи в отношении колонистов, но и оказала влияние на все стороны жизнедеятельности колоний. Данная реформа привела к отмене условий «отдельной экономической зоны», переподчинив развитие изучаемой нами этнической группы общероссийскому законодательству.

Вопрос о необходимости изменения правового статуса колонистских поселений, поднимавшийся впервые в 1840-х гг., начал более последовательно изучаться с 1860-х гг., что было связано с реализацией закона о государственных крестьянах. Как пояснил в своей записке относительно данных проектов один из чиновников Министерства государственных имуществ, цель будущих нововведений состояла в «полном по возможности объединении колонистов с крестьянами-собственниками

как по правилам личным, так и по состоянию, так и по земледелию, общественному управлению и суду, не препятствуя дальнейшему хозяйственному преуспеянию колонистов, что вполне согласовывалось бы с общими коренными началами, лежащими в основе общего законодательства об устройстве сельского состояния»³². В журнале «Комиссии об устройстве общественного управления иностранных поселян», заседание которой состоялось в июне 1867 г., необходимость реформ обосновывалась следующим образом: «Окружившее колонии русское население положило естественный предел дальнейшему расширению колонистами их землевладения. Напротив того, приумножившееся, даже удесятирившееся колонистское население, скучиваясь все более в пределах первоначального надела, по необходимости должно искать и ищет выхода, стремится к расширению за пределами колоний хозяйственной и промышленно-торговой деятельности, а без более тесного сближения колонистов с общим государственным строем удовлетворение этой естественной потребности для них крайне затруднительно. Наконец, дарованием всему сельскому состоянию прав общественного самоуправления, призвание всех сословий, в том числе и колонистов, к самостоятельному заведыванию местными хозяйственными нуждами, и введение в действие новых судебных уставов 1864 г. устраняют все те коренные препятствия...»³³. Не отрицая необходимости общих целей унификации в управлении социальными группами аграрного сектора, что вполне соответствовало характеру Российского государства, всегда стремившегося к контролю над отдельными стратами общества, мы все же должны признать, что данной реформой государство демонстрировало тот факт, что миссия колонистов в целом завершена, этап привилегий пройден. Подтверждением этому, в отношении меннонитов, как одного из бывших субсословий, стало принятие последующих указов, среди которых наиболее контroversивно выглядел закон о распространении на меннонитов всеобщей воинской повинности.

На этапе принятия административной реформы задача специальных законодательных комиссий сводилась к тому, чтобы применить к колониям, с одной стороны, общее положение 19 февраля 1861 г. о вышедших из крепостной зависимости крестьянах, а с другой – Именной указ Правительственному Сенату 24 ноября 1866 г. «О поземельном устройстве государственных крестьян». Достаточно долгий опыт взаимодействия властных структур с отдельными колонистскими группами поясняет, почему государство считало невозможным механическое переподчинение диаспоры уже разработанным указам. Следует также предположить, что причиной этому были и некоторые политические мотивы и настроения. Государство, которое в свое время перед лицом европейской общественности приняло на себя определенные обязательства в отношении колонистов – бывших иностранных подданных, как это достаточно показательно следует из документов, опасалось негативной реакции со стороны колонистов. К тому же, что касается меннонитов, их привилегии по их просьбе подтверждались еще раз в 1838 г. лично императором Николаем I³⁴. В связи с этим вначале был поднят вопрос о

создании специального положения (или закона), которое должно было бы заменить действующий «Устав о колониях». Данная задача была сложновыполнимой, поскольку «Устав о колониях», как комплексный массив колониального законодательства, формировался в течение всего периода истории иностранных поселений. Как следует из последовательного изучения материалов работы комиссии, такую цель власти перед собой не ставили. Похоже, как это часто случается в политике, государство скрывало свои истинные цели, пытаясь выждать некоторое время, пока протестные настроения в обществе улягутся, намеревалось приучить колонистов к самой мысли о неизбежности перемен, причем, как оказалось, перемен весьма кардинального характера. Высочайше утвержденные правила «Об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической, и области Бессарабской», были утверждены 14 июня 1871 г., спустя 5 лет после начала его разработки³⁵.

Как следует из дальнейших действий правительства и принятого им закона, государство по-прежнему нуждалось в хозяйственных навыках и предпринимательских способностях колонистов. Задача сохранения в целом благоприятных условий для дальнейшего развития экономики колониальных поселений не утратила своей актуальности. Подчиняя колонистов ведению общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений, власти тем не менее не отказались полностью от поощрительной политики колонистов. «Правила об устройстве поселян-собственников» содержали три основных тезиса, важных для понимания сути данной реформы: 1) колонисты-поселяне подчинялись ведению общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений; 2) сохранялись все их личные преимущества, «коиими доселе пользовались»; 3) сохранялась собственность на все состоящие в их наделе земли и угодья³⁶. Согласно данному закону каждая волость имела свое страховое общество, ссудно-сберегательную кассу, фельдшера, врача. Меннонитские округа сохраняли систему образования. Волости делились на отдельные сельские общества, которые «могли и впредь сохранять существующую между ними связь по делам хозяйства». Признавая за колонистами право на ведение предпринимательской деятельности и связанной с этим необходимостью временного отсутствия в колониях, власти вводили практику малого сельского схода. Его созыв допускался, если отдельный населенный пункт имел многочисленное население, либо квота членов схода не могла быть обеспечена ввиду отсутствия жителей по причине их вовлеченности в торгово-промышленную деятельность³⁷.

Одним из логически предусмотренных последствий реформы была ликвидация органов попечения. Данная инновация оказала амбивалентное влияние на будущее меннонитских общин. С одной стороны, реформа привела к отчуждению колонистов и меннонитов от власти, усложнила возможности диалога с государ-

ственными органами управления. С ликвидацией деятельности органов попечения прямая связь для контактов с властями была утрачена. Однако ситуация не носила тупикового характера и вовсе не исключала возможности диалога элиты «призванной диаспоры» с государственными структурами. Это иллюстрируют события не только второй половины столетия, но и раннего советского периода³⁸. Реформа 1871 г. не остановила поступательного развития поселений, не ставила своей целью локализовать, или еще чего более, блокировать дальнейшее развитие поселений. Необходимость регулирования жизнедеятельности колоний в условиях отсутствия патроната и лоббирования органов попечения потребовала от сообщества формирования особой тактики управления поселениями, регулирования различных сфер социально-общественной практики, что привело к созданию целого ряда общественных внутриконгрегационных организаций. В результате активизации общественной деятельности общин возникло явление, которое Д. Рэмпель в своем исследовании назвал «меннонитским сообществом»³⁹. Несмотря на контroversивный характер его концепции, многие позиции ее обоснования кажутся нам вполне верными. Меннонитские общины превратились в корпорацию с более широкими, чем это было свойственно для конгрегаций, функциями. То, что формирование такого образования как «меннонитское сообщество» оказалось возможным в результате реформы, еще раз существенно реабилитирует не только реформу 1871 г., но, и в определенной степени российскую национальную политику в целом. В условиях непримиримого национализма и последовательной русификации существование явления «меннонитского сообщества» (с присущими ему качествами сохранения и развития национальной школы, училищ, прессы, издательств, сохранения языка (несмотря ни на что)) было бы невозможным. «Административная унификация» (в современной постсоветской и западной историографии термин «русификация» все чаще заменяется понятием «административная унификация», «административная рационализация»), бесспорно, прежде всего учитывала интересы государства, однако, как осознавали власти, не должна была разорвать окончательно доверительные отношения государства с отдельными этническими группами, находившимися в подданстве Российской империи.

В этой связи, однако, неизбежно возникает вопрос о распространении на меннонитов закона «О всеобщей воинской повинности», весьма болезненно воспринятом конгрегациями⁴⁰. Как доказывает даже самый беглый анализ событий вокруг принятия «Устава о воинской повинности», он не был окончательным и бесповоротным решением, принятым властями. Государство неохотно, но все же шло на существенные уступки меннонитам. 1 января 1874 г. был утвержден закон, освобождавший меннонитов от службы в действующей армии и от ношения оружия, но обязывающий их к несению нестроевых должностей в мастерских, госпиталях, «Лесных командах». Указом 8 апреля 1875 г. меннонитам вверялось в обязанность отбывать службу в мастерских морского ведомства, пожарных командах и в особых

подвижных командах лесного ведомства⁴¹. Эмиграция, которая последовала вслед за принятием закона, заставила правительство подумать о последствиях, прежде всего для экономики региона. Как писал барон Медель, автор одной из докладных записок, «едва ли правительство может безразлично отнестись к выселению меннонитов. Нельзя отрицать благотельного влияния меннонитских поселений на развитие рационального сельского хозяйства... Меннониты всегда отличались примерным трудолюбием, чистотою нравов и доказали свою преданность нашему правительству»⁴². 8 апреля 1875 г. были приняты правила, согласно которым меннониты подлежали отбыванию военной службы преимущественно в пределах Новороссийского края и смежных с ним губерний, а с 23 июня 1880 г. – только в пределах трех Новороссийских губерний⁴³. 25 мая 1882 г., 19 января 1883 г., 7 мая 1885 г. Особым мнением Государственного Совета место службы для меннонитов, которые прибыли в Россию до 1 января 1874 г., ограничивалось «Лесными командами». Характерно, что Указ 1874 г. утверждал легитимность совместных богослужений. Таким образом, в указах о воинской повинности сохранялись условия для сохранения религиозной идентичности, которая для меннонитов находилась в тесной связи с их этнической идентичностью. Таким образом, момента «националистической агрессии» в указе 1874 г. явно не прослеживается⁴⁴.

Резюмируя, отметим, что переход к новому правовому и социальному статусу привел к нескольким объективным последствиям для меннонитских общин: 1) активизировал их общественную, социальную, хозяйственную деятельность; 2) ликвидировал условия ОЭЗ; 3) законодательно способствовал развитию мелких форм предпринимательства в бывшей колониальной среде и повышению статуса предпринимательства. Наконец, анализируя значение административной реформы в рамках общеимперского дискурса, следует признать, что данные нововведения оказали опосредованное влияние на процесс формирования гражданского общества в России. Отдельные колониальные группы нарабатывали свой собственный опыт общения с другими социальными и этноконфессиональными группами в государстве, а также учились вести эффективный диалог с властью.

После утверждения Указа 1871 г. меннонитские колонии были переподчинены общероссийским правовым нормам. Несмотря на то что на этапе разработки указа выдвигалось требование пересмотреть устав о колониях и согласовать его с новым законодательством, никаких правовых нововведений не последовало. К рассматриваемому периоду меннонитские общины являли собою социально неоднородное общество с четко проявившимися признаками разделения труда и имущественной дифференциации.

Для понимания перспектив развития меннонитского сообщества в условиях данного этапа взаимоотношения с государством важно принять во внимание особенности локальных экономических условий развития территорий, на которых были расположены анклав меннонитских поселений. Рост меннонитского населения, который отмечается большинством исследователей во второй половине

столетия и вплоть до 1914 г. (от 40 000 до 104 000 чел.), сопровождался увеличением географической и социальной мобильности данной этноконфессиональной группы. Несмотря на увеличение ареала расселения (Сибирь, Кавказ), к концу исследуемого периода 68% меннонитского населения все еще проживали на территории бывшей Новороссии⁴⁵.

Благодаря исследованиям Эрта, мы также располагаем некоторыми сведениями о характере занятости меннонитского населения (по сведениям на 1913–1914 гг.). Особенно интересным может оказаться сопоставление показателей, характеризующих социальную структуру «призванной диаспоры» в сравнении со средними показателями по Российской империи в целом⁴⁶. Данные сведения демонстрируют высокую степень социальной интегрированности сообщества, которое не отторгалось, но принималось российским социумом.

Таблица 2

Социальная структура меннонитского сообщества Российской империи в сопоставлении с общеимперскими показателями (1897)

Направление деятельности	Российские меннониты	По России (в целом)
Сельское хозяйство	72%	70,2%
Владельцы промышленных предприятий	18,5%	16,7%
Ремесленники	4,5%	7,2%
Коммерческая деятельность	4 %	3,6%
Другие	1%	2,3%
Всего	100%	100%

На последнем, пятом этапе взаимоотношения доминантной группы и диаспоры, государство, как правило, «вероломно» (эпитет Армстронга) отрицает важность «мобилизованной диаспоры».

Для меннонитских колоний это период обсуждения Ликвидационного законодательства 1914–1917 гг., когда представители конгрегаций находятся под угрозой лишения гражданских прав и собственности.

Превращение элементов «антиколониистского сознания» в «немецкий вопрос», как устойчивый элемент российских общественно-политических настроений, было вызвано реальными политическими и экономическими предпосылками. В качестве первотолчка выступил внешнеполитический вызов пангерманизма, который впоследствии обрел дополнительную внутризкономическую основу⁴⁷. И, как утверждал Дж. Армстронг, «создание Второго рейха стало началом конца многомиллионной немецкой диаспоры во всей Восточной Европе, а прежде всего в Российской империи»⁴⁸. В системе национальной политики Александра III (1881–1894) анти-немецкие нотки звучали особенно выразительно. В развитии немецкого вопроса

внутриполитические и геополитические факторы подогревали и взаимно влияли друг на друга, способствуя эскалации конфликта в целом. Дальнейший генезис немецкого вопроса сопровождался растущим противостоянием между набиравшим силу и влиянием немецким компонентом в аграрном секторе и промышленности, с одной стороны, и интересами российских помещиков и предпринимателей – с другой, что придавало ему стойкость и обеспечивало динамику его последующего развития. Немецкий вопрос находил социальный резонанс во всех слоях российского общества, в том числе и в среде крестьянства. Таким образом, даже если было бы возможно теоретически предположить, что внешний источник немецкой проблемы мог исчезнуть, и государство находилось бы в идеальных для него геополитических условиях, последующее существование немецкой проблемы могло бы быть пролонгировано внутриэкономическими социальными резервами.

Внутренним экономическим полем немецкого вопроса на этапе его возникновения являлась преимущественно земельная проблема. Процессы расширения немецкого землевладения в России выглядели достаточно рельефно. Рост количества немецкоязычного населения становился более заметным и в связи с процессом основания дочерних поселений. В одной только Новороссии с 1832-го по 1904 г. меннониты основали 23 группы дочерних колоний. По сведениям «Лесных команд», которые приводит в своем исследовании П. М. Фризен, на 1907 г. в собственности меннонитов числилось 713 213 десятин земли⁴⁹. Кроме данного объема земель, меннониты обрабатывали 50 000 десятин арендованных участков. По подсчетам П.М. Фризена, исходя из приведенной им численности населения меннонитских колоний России, на одного человека, представителя данных конгрегаций, приходилось 10 десятин земли (или же 50 десятин на семью)⁵⁰. Согласно сведениям Министерства иностранных дел Германии в 1918 г. на территории южных губерний бывшей Российской империи проживало около 700 000 чел. немецкого населения, земельная собственность которых составляла 4,5 млн. гектаров земли. В некоторой степени немецкая проблема подпитывалась усложнившейся комплексной конфессиональной ситуацией в России, распространяющимся влиянием баптизма, в появлении которого не без причины обвинялись немецкие колонии.

В ходе антинемецкой пропаганды настроения властей существенно меняются. Если ранее благосостояние представителей «мобилизованной диаспоры» объяснялось трудолюбием и другими положительными качествами колонистов, то теперь государство культивирует образ немца-врага, нахлебника, который пользуется исключительными привилегиями в государстве, ничего не возвращая обществу взамен. Описывая благосостояние меннонитских поселений, автор одной из записок «О меннонитах» (подписано «чиновник особых поручений»), предоставленной в феврале 1915 г., объясняет его «резким контрастом с положением окружающего малорусского крестьянства, владеющего ничтожными дешевыми наделами и вынужденного владеть полугодное состояние»⁵¹.

Ликвидационное законодательство (1914–1917) являлось наивысшим проявлением развития антиколониистских настроений и его порождения – немецкого вопроса в России. Природа данного социального феномена имела глубокие исторические корни и была связана с ожесточенными спорами о соблюдении интересов государства, перспективах развития империи, с одной стороны, и процессов экономической интеграции немецкоязычного населения – с другой. Общественная реакция на первые законодательные акты 1914 г., имевшие ограничительный характер, а также настроения отдельных социальных групп в государстве свидетельствовали о том, что антинемецкое законодательство приобрело значительную силу инерции. Это значило, что мероприятия, направленные на земельных собственников, должны были неизбежно экстраполироваться на другие социальные группы и производственные практики немецких граждан Российской империи. Понимание этого вызвало активную деятельность со стороны лидеров сообщества. На происходящие вокруг дискуссии меннонитское население отреагировало традиционно, в соответствии с наработанным им опытом «микрогражданского коллектива» и «призванной диаспоры»⁵². Определенно негативным прогнозом для российского общества был тот факт, что общественность во многом либо отмалчивалась, либо поддерживала продвижение законов, попирающих права граждан своего государства. Ликвидационное законодательство вновь продемонстрировало отсутствие «социального пространства», социальной свободы за пределами «государственной пользы», другими словами, отсутствие правового государства. Российское общество показало, как легко оно может принимать условия гражданской войны, поддерживать беззаконие политических сил, находящихся у власти, пренебрегая интересами других ради собственной выгоды.

В связи с анализом последнего этапа истории династии для нас также весьма важным является комментарий Армстронга о том, что взаимодействия титульной нации и диаспоры строятся в тесной зависимости от геополитических условий, а также от цивилизационных особенностей государства, в котором проживает «мобилизованная диаспора». Так, например, Армстронг замечает, что в обществах, где модернизация носит динамичный характер, в условиях демократии и гражданских свобод мобилизованная диаспора не вызывает ревностного отношения с чьей-либо стороны (других социальных групп, власти), что может привести к ее органичному последовательному исчезновению, растворению в социальной ткани общества⁵³. Учитывая конфессиональный характер меннонитских общин, мы едва ли могли бы ожидать полной реализации подобного сценария, однако несомненным является и то, что именно в характере российской модернизации следует искать многие причины этнической и социальной конфликтогенности, в которые были втянуты исследуемые нами группы колоний в изучаемый период. В целом является очевидным, что события 1914–1917 гг. вызваны трудностями российской модернизации, несбалансированностью ее социальной и экономической динамики.

Таким образом, как следует из анализа схемы Дж. Армстронга, она достаточно точно срабатывает на материале, который является предметом нашего исследования. Данная теоретическая конструкция предоставляет весьма точный абрис правовых условий существования меннонитских конгрегаций, а, следовательно, и различных социальных практик, продуцируемых общинами. В системе данного теоретического концепта нас также привлекает и одна из базовых способностей меннонитского сообщества как «призванной диаспоры» – позитивный опыт эффективного экономического взаимодействия государства и этноконфессиональной группы, которая в системе данных взаимоотношений занимала активную позицию, зачастую иницилируя диалог с властями и отстаивая интересы сообщества конгрегаций, тем самым оказывая влияние на социальные и демократические процессы в государстве. Создавая прецедент диалога, колонии способствовали появлению практики взаимодействия властей с подданными государства, формируя сегменты гражданского общества, способствуя социальной эмансипации Российской империи. В этом состояла одна из важнейших, заранее не прогнозируемых властями миссия диаспоры.

¹ См.: Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции. Саратов, 14–19 сентября 2004 года. М.: МСНК-пресс, 2005; Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): материалы 11-й международной научной конференции. Москва, 1–3 ноября 2006 г. М.: МСНК-пресс, 2007.

² См.: Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // *American Political Science Review*. Vol. 70. 1976. № 2. P. 393–408

³ Op. cit. P. 395.

⁴ Op. cit. P. 396–397.

⁵ Op. cit. P. 397–399.

⁶ См.: ПСЗРИ. Т. 16. № 11880. С. 214; Там же. № 11879. С. 212–213.

⁷ См.: Rempel D. G. The Mennonite Commonwealth in Russia: A sketch of its Founding and Endurance, 1789–1919 // *MQR*. 1973. № 4. P. 287–289.

⁸ См.: Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920): Монография. – Днепропетровск, 2009. С. 76–78.

⁹ См.: Супоницкая И. М. Социальная история России и проблемы модернизации // Одиссей: Человек в истории. Рыцарство: реальность и воображаемое. М.: Наука, 2004. С. 378–390.

¹⁰ См.: История и статистика колоний иностранных поселенцев в России // *ЖМГИ*. СПб. 1854. № 8. С. 67.

¹¹ См.: Правила для принятия и водворения иностранных колонистов (20 февраля 1804) // ПСЗРИ. Изд. I. Т. XXVIII. С. 137–140

¹² См.: Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 1106. Л. 111; Там же. Д. 123. Л. 3.

¹³ См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.383. Оп. 29. Д. 382. Л. 4.

¹⁴ См.: История и статистика колоний иностранных поселенцев в России // ЖМГИ. СПб. 1854. № 8. С. 67.

¹⁵ См.: О взыскании казенного долга с Хортицких меннонитов и Йозефстальских колонистов, и о платеже ими поземельных денег (9 сентября 1805) // ПСЗРИ. Изд. I. Т. XXVIII. С. 1241–1243.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: Правила для взыскания с Новороссийских колонистов казенного долга (9 марта 1825 г.) // ПСЗРИ. Изд. I. Т. XL. С.131–136.

¹⁸ См.: История и статистика колоний...

¹⁹ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 232. Л. 30.

²⁰ См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 175. Л. 30.

²¹ См.: Порядок обложения оброчною податью выходящих из льготы колонистов (2 марта 1853) // ПСЗРИ. Изд. II. Т. XXVIII. С. 89–90.

²² РГИА. Ф. 398. Оп. 9. Д. 2765. Л. 50.

²³ См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Таврическая губерния / Сост. Герсиванов. – СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1849. С. 139.

²⁴ См.: РГИА. Ф. 1181. Оп. 18. Д. 71. С. 133.

²⁵ См.: О главном управлении колонистов Южного края (22 марта 1818 г.) // ПСЗРИ. Изд. I. Т. XXXV. – С. 154–159.

²⁶ См.: Инструкция для внутреннего распорядка и управления Новороссийских иностранных колоний. (16 мая 1801 г.) // ПСЗРИ. Изд. I. СПб.: Типография II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1930. Т. XXVI. С. 635–649.

²⁷ См.: Отмена существующего запрещения на отпуск Новороссийских колонистов для заработков далее пределов Новороссийского края (9 декабря 1846) // ПСЗРИ. Изд. II. Т. XXI. С. 628.

²⁸ См.: Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920): Монография. Днепропетровск, 2009. С. 228–267.

²⁹ См.: РГИА. Ф. 398. Оп. 2. Д.2768. Л. 23–30.

³⁰ См.: A Mennonite in Russia: A Dairy of Jacob D. Epp / Ed. Dyck Harvey. – Toronto : University of Toronto Press, 1991. P. 20.

³¹ См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 504. Л. 197.

³² РГИА. Ф. 1181. Оп. 18. Д. 71. Л. 4.

³³ Там же. Л. 118.

³⁴ См.: РГИА. Ф. 3383. Оп. 29. Д. 614. Л. 1–25.

³⁵ См.: Высочайше утвержденные правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и в области Бессарабской (14 июня 1871) // ПСЗРИ. Изд. II. Т. XLVI. С. 813–819.

³⁶ См.: РГИА. Ф. 1181. Оп. 18. Д. 71. Л. 136–139. .

³⁷ См.: Там же. С. 102–103.

³⁸ См.: Осташева (Венгер) Н. В. На переломе эпох. М.: Готика, 1998. С. 72–74, 83–92.

³⁹ См.: Rempel D. G. The Mennonite Commonwealth in Russia: A sketch of its Founding and Endurance, 1789 – 1919 / D. G. Rempel // MQR. 1973. №4. P. 259–308.

⁴⁰ См.: Правила об отбывании обязательной службы меннонитами // ПСЗРИ. Изд. II. Т. L. С. 146–147.

⁴¹ См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 276.

⁴² РГИА. Ф. 381. Оп. 17. Д. 21366.

⁴³ См.: РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68 783. Л. 19.

⁴⁴ См.: Правила об отбывании обязательной службы меннонитами // ПСЗРИ. Изд. II. Т. L. С. 146–147.

⁴⁵ См.: Urry J. Prolegomena to the study of Mennonite society in Russia 1880–1914 / J. Urry // JMS. 1990. № 8. P. 53.

⁴⁶ См.: Ehrt A. Das Mennonitentum in Russland: von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart / A. Ehrt. – Manitoba, Canada : Crossway Publication Inc., 2003. S. 96.

⁴⁷ См.: Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I / E. Lohr. – Cambridge: Harvard University Press, 2003. – 220 p.

⁴⁸ Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas. P. 393–408.

⁴⁹ См.: Friesen P. M. The Mennonite Brotherhood in Russia (1789–1911). Fresno: Protestant Spiritual Tradition, 1978. P. 865.

⁵⁰ Op. cit. P. 865.

⁵¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 319. Л. 114.

⁵² См.: Венгер Н. В. Казус «ликвидационного законодательства»: факторы антиколони­ст­ской пропаганды и антиколони­ст­ского сознания в динамике межэт­ни­ческих взаимоотношений в поздней Российской империи // Вопросы германской истории. – Д.: Пороги, 2007. – С. 121–124; Венгер Н. В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации юга Российской империи... С. 405–443.

⁵³ См.: Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas. P. 408.

Русификация российских немцев: политика государства, компромиссы и протесты общества

Русификация национальной школы была одной из составляющих национально-языковой политики царского правительства второй половины XIX в. До середины столетия в России этноязыковая идентичность играла второстепенную роль по сравнению с сословной и религиозной принадлежностью. Но в условиях буржуазной модернизации нерусскость все больше ассоциировалась с языком, а национальность, основанная на собственном языке, становилась главным критерием для разграничения между русскими и нерусскими, между разными нерусскими народами.

В историографии советского периода процесс русификации традиционно трактовался исключительно как государственная политика, направленная на тотальную денационализацию и ассимиляцию всех населявших Россию этносов. П.А. Зайончковский характеризовал национальную политику конца XIX в. как период «решительной русификации и угнетения народов». Он связывает русификацию учебных заведений в Польше, Прибалтике с введением преподавания на русском языке, хотя политику русификации, проводившуюся за пределами сферы образования, трактует более широко. Это и замена местных языков в делопроизводстве, в рекламе, публичной сфере, и преобразование национальных учреждений (судебных, административно-политических) в общегосударственные учреждения. Важным показателем русификации, как считал Зайончковский, было обращение в православие представителей других конфессий, преследования священнослужителей иного вероисповедания, обвинявшихся «в соращении веры».

В годы перестройки начался поиск новых подходов к осмыслению понятия «русификация». Продолжали соседствовать два определения – русификация как форма денационализации и ассимиляции и русификация как форма адаптации национальных меньшинств к российским условиям. В.Г. Бабин в 1992 г. утверждал, что, чем выше была культура народа, тем беспощаднее изгонялся из школы его родной язык¹. Это утверждение о зависимости политики русификации от уровня культуры русифицируемого этноса при обращении, например, к истории российских немцев не выдерживает критики. В.С. Дякин одним из первых в перестроечное время предпринял попытку переосмысления национальной политики царизма на рубеже XIX и XX веков. Он отмечал, что единой национальной политики, сформулированной в официальных документах, не существовало. Политика строилась всегда применительно к конкретным народам и конфессиям. Однако политика русификации школы рассматривалась им как основной рычаг ассимиляции окраин².

Прямо противоположные точки зрения имеются на процессы, происходившие в Прибалтике по отношению к местному немецкому населению. В.Г. Чеботарева приходит к выводу, что у правительства не было цели превратить немецкую школу в русскую, а противодействие местного дворянства, главным образом немецкого, правительственным мероприятиям не позволило утвердить русский язык даже в качестве предмета обучения. Она считает, что «несостоятельность такой политики объясняется исключительными правами местного населения на автономное обособленное существование»³. Ей решительно возражает Н.С. Андреева. Русский язык был введен в прибалтийских школах, утверждает автор, но и она отмечает трудности реализации закона от 25 марта 1889 г., предусматривавшего введение преподавания на русском языке в частных учебных заведениях, где в основном обучались дети немцев⁴. Н.Э. Вашкау, говоря о поволжских немцах, утверждает, что правительство «не предусматривало для немцев полной или частичной русификации, как это наблюдалось в случае с прибалтийскими немцами или поляками»⁵. Последнее утверждение не отвергает самого понятия и процесса русификации, но различает политику правительства по отношению к немцам Поволжья и Прибалтики.

Такой разнотой мнений, на наш взгляд, связан с тем, что исследователи пока не договорились о том, что же подразумевает русификация. Сегодня однозначно можно сказать, что у правительства не было задачи превратить нерусских людей в русских, но, например, мероприятия, нацеленные на преобразования в национальных школах, вытеснение родного языка в конечном итоге русифицировали население. Проблема сохранения национальной идентичности и сегодня остается актуальной. Она оказалась очень стойкой и продолжает сохранять остроту даже после десятилетий советской власти, и после провозглашения о появлении новой общности «советский народ». Процессы, происходящие на постсоветском пространстве среди русского населения, оказавшегося на положении национального меньшинства в бывших союзных республиках, снова заставляют обратиться к истории вопроса. В первую очередь, чтобы понять и правильно оценить суть происходившего в прошлом, надо отойти, насколько это возможно, от эмоционального восприятия самого процесса. Такую попытку, на наш взгляд, предпринимают современные исследователи Р. Суни и А. Миллер.

Рональд Суни (США) и Алексей Миллер (Россия) предлагают подходить к вопросу о русификации более гибко, поскольку общепринятый образ царской национальной политики о приверженности исключительно русификации крайне не адекватен и предполагает упрощенную картину действительности. Суни выделяет три типа русификации. При Екатерине II обрусение означало государственную политику, направленную на административную унификацию. Второй тип предполагает спонтанный процесс самоадаптации народов к нормам жизни и господствующему языку империи. Этот процесс особенно характерен для середины XIX в. Третья, историческая форма русификации, которую обычно и принимают за

общую модель, была нацелена на культурное обрусение. Эта модель была достаточно поздним явлением⁶. Миллер говорит о многообразии русификаций и предлагает взглянуть на процесс с позиций ситуационного подхода. В расчет должны приниматься разнообразие социальных взаимодействий, выбор цели и логика поведения участников этого процесса. Ситуации исключительно насильственной или исключительно добровольной русификации были редки. Часто агенты обрусения стремились, наряду с давлением, создать позитивную мотивацию, а у тех, кто подвергался аккультурации или ассимиляции, были свои мотивы для усвоения русского языка. Существовавшие в русском языке слова «обрусеть» и «обрусить» точно передавали смысл явлений. Первое означало добровольное принятие индивидуумом или группой людей определенных черт русскости, а второе означало процесс обрусения под нажимом государства⁷.

Такой принцип анализа многообразия типов русификации позволяет более точно описать процессы, которые развивались в школе немецких колонистов. В настоящем исследовании рассматривается один из аспектов русификации – культурная русификация, связанная с введением русского языка в немецких школах. На первом этапе русский язык вводился как обязательный предмет обучения, второй этап связан с переводом преподавания всех дисциплин на русский язык.

Формы взаимодействия властей и немецких колонистов вокруг вопроса русификации были разнообразными: от вполне партнерских отношений в начале XIX в. до решительных административных и даже полицейских мер в конце столетия и, особенно, в период Первой мировой войны. У разных групп немецкого населения отмечается различный порог готовности воспринять этот процесс. Наиболее мотивированное усвоение русского языка наблюдается у меннонитов, которые рассматривали государственный язык как инструмент для достижения собственных целей, отстаивания своих прав. По их убеждению, это был необходимый шаг, чтобы спасти большее – свою «самость», свою религию.

До середины XIX в. правительство практически не вмешивалось в дела начальной школы колонистов. В этот период одним из каналов проникновения русского языка в общество колонистов стала сеть так называемых центральных училищ. Их организация в немецких колониях, начавшаяся в 1830-е годы одновременно в Поволжье и на юге России, была, по нашему мнению, первым очевидным шагом по русификации немецкого населения. Эти училища учреждались государством через попечительные органы колонистов, с правилами, которые также устанавливались государством, но на деньги населения. Причиной, побудившей организовать подобные училища, была необходимость усовершенствовать управление колониями. Они были разновидностью волостных школ, которые готовили служащих низшей квалификации (писарей, землемеров и т.п.). Создание тех и других совпадает по времени. Впервые волостные школы в России возникли в 1830-е годы. Так, к 1836 г. в Петербургской губернии было организовано шесть таких школ, а в 1840 г. насчитывалось уже 20⁸. В системе Министерства государственных имуществ (МГИ)

школы для писарей, обучающихся русскому языку, были введены и для татарского населения в Таврической губернии, и у болгарских колонистов. Само приобщение к русскому языку низовых служащих было типичной имперской практикой кадровой русификации. Внедрение русского языка через эти училища предполагалось, но не было самоцелью. Планировалось подготовить группу учителей из немцев, которые дальше смогли бы самостоятельно преподавать русский язык в начальных школах. Планы распространения языка с использованием центральных училищ поначалу выглядели простыми и вполне достигаемыми, на деле же все оказалось сложнее из-за различия интересов государства, церкви и населения.

В целом политика государства по отношению к немецким колонистам в первой половине XIX в. отличалась толерантностью и прагматизмом, стремлением упорядочить все стороны жизни, включая духовную сферу. Инструкции для колонистов, разработанные в 1800–1803 годах, детальным образом регламентировавшие жизнь колоний, продолжали действовать вплоть до 1871 г. и стали составной частью Устава о колониях иностранцев, т. е. законодательная база практически оставалась неизменной на протяжении десятилетий. Анализ политики властей этого периода по отношению к школьному образованию колонистов показывает, что она не имела культурно-языковой направленности, а степень влияния государства на традиционную школу был минимальным. Правила о катехизическом учении 1840 г. были разработаны на основе школьной и церковной традиции, закрепляли существовавшие отношения между общиной и церковью. С учетом выше изложенного вряд ли можно говорить о целенаправленной политике русификации немецкого населения в первой половине XIX в., можно говорить лишь о некоторых ее элементах.

В дореформенный период, по мнению Андреаса Каппелера, в России крайне редко были случаи ассимиляции значительного числа людей другим этносом. Русификации, германизации и подобным процессам подвергались небольшие группы населения, проживавшие в мощном иноязычном и инокультурном окружении, либо представители сельского населения, попадавшие в города⁹. Это подтверждают исследования других ученых¹⁰. В тех городах, где имелись широкие возможности для развития национальных школ, замедлялись ассимиляционные процессы в этой этнической группе.

Период «великих реформ» положил начало, а контрреформы углубили процесс русификации при активном государственном давлении. Реформированию немецких школ предшествовал ряд мероприятий, инициированных МГИ, которые должны были продемонстрировать лояльность колонистов по отношению к правительственным намерениям и их готовность к социальным реформам.

Знаковым событием стал съезд представителей всех южнорусских колоний, проходивший в 1866 г. в Одессе. По предложению министра А. А. Зеленого 7 февраля 1866 г. МГИ приняло решение о созыве съезда немецких и болгарских колонистов для обсуждения лозунга правительства о гражданском самоуправлении.

МГИ предложило обсудить вопросы: об улучшении существующих и организации новых центральных училищ, о создании касс взаимопомощи в каждом округе, об установлении новых правил страхования от огня. Съезду предшествовали уездные и губернские собрания колонистов, на которых были избраны 156 делегатов. Работа съезда началась 20 июня 1866 г.¹¹.

18 августа 1866 г. председатель Попечительного комитета об иностранных поселенцах докладывал министру о результатах работы съезда уполномоченных. По вопросам образования съезд постановил: расширить существующие центральные училища в Сарате, Хортице, Гальштадте и Пришибе и открыть шесть новых: одно в болгарских колониях на уровне прогимназии и в немецких колониях (Нейзац, Грунау, Либенталь, Кучурган и Березанское) меньшие по программе¹². Делегаты предложили повсеместно устроить центральные училища и подтвердили их цели: распространение русского языка среди колонистов и подготовка учителей, писарей и должностных лиц, владеющих русским языком. Было предложено образовывать девять учебных колонистских округов. Для учителей центральных училищ испрашивались права учителей уездных училищ¹³.

Вопрос о центральных училищах на съезде был важным, но не единственным в повестке заседаний. Соседство школьного вопроса с другими свидетельствует о том, что в то время модернизация центральных училищ не была самоцелью, а являлась одной из составляющих общего процесса реформирования колоний. Решения съезда продемонстрировали позицию населения, желание колонистов примкнуть к общегосударственным программам преобразования, и показали, что немецкое население не стремится к самоизоляции.

Вслед за решениями съезда последовали практические шаги по их реализации. В декабре 1868 г. были открыты приготовительные классы в проектируемых центральных училищах в немецких поселениях Либенталь (Одесский уезд) и Грунау (Александровский уезд Екатеринославской губернии) и в болгарской колонии Комрат (Бессарабская область). Готовились к открытию Кучурганское и Березанское центральные училища в колониях Зельц и Ней-Фрейденталь Херсонской губернии¹⁴.

Со второй половины XIX в. большое значение в российской имперской идеологии и практике приобретала установка на утверждение государственного единства и сближение нерусских народов с русскими. С приходом в 1866 г. к руководству Министерством просвещения графа Д.А. Толстого, а затем с утверждением его в 1882 г. министром внутренних дел, был взят курс на объединение народностей России не через приспособление к их нуждам, а через обучение в единой для всех школе с государственным языком преподавания.

Уже при обсуждении «Положения о начальных народных училищах», принятого в 1864 г., в Государственном совете была исключена принципиально важная статья, допускавшая местные языки при первом обучении с дальнейшим переходом на русский язык преподавания. Решение мотивировалось тем, что «правительство

должно озабочиваться развитием общей русской грамотности, а не местных наречий»¹⁵. 19 февраля 1868 г. было высочайше утверждено решение Госсовета об обязательном преподавании русского языка во всех школах империи.

Своеобразным рубежом в языковой политике по отношению к немцам можно считать 1866 г. После проведения съезда южнорусских колонистов началось активное расширение сети центральных училищ – основных проводников русского языка. Другим знаковым событием стало введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. и распространение закона на немецкое население, ранее освобожденное от несения воинской службы. Новобранцы практически не владели русским языком, что осложняло не только положение самого призывника, но и обостряло восприятие немцев в обществе. Изменение в военном законодательстве дало еще один повод к тому, чтобы колонисты ввели в школах русский язык в качестве учебного предмета.

Желание колонистов использовать центральные училища для распространения русского языка еще не означало, что они готовы перевести все преподавание на русский язык. Этот переход произошел в центральных меннонитских училищах только после передачи училищ в ведение Министерства народного просвещения (МНП), в конце 1880-х годов. Первым центральным училищем на юге России, перешедшим на русский язык преподавания, было Пришибское училище¹⁶. В Лесно-Карамышском училище преподавание по-русски было введено в 1889 г., после проведения ревизии центральных училищ в Поволжье.

Передача всех начальных школ немецких колонистов в ведение МНП завершилась в 1892 г. С этого времени политика русификации особенно активно стала влиять на эту сферу народного образования.

В последнее десятилетие XIX в. был принят ряд законодательных актов, лишивших немецкое население ранее принадлежавших им прав в области школьного образования. Важнейшим из них было лишение права самим избирать учителя. Прецедент был создан в Одесском учебном округе. МНП циркуляром от 14 сентября 1891 г. было разрешило попечителю Одесского округа Х. П. Сольскому в виде временной меры, до издания нового положения о колонистской школе, установить порядок избрания и утверждения учителей в немецких поселениях. Право выбора кандидата принадлежало теперь инспектору народных училищ, и по его представлению директор училищ мог утверждать, увольнять и перемещать учителей. Новое положение о колонистской школе так и не было выработано, а временное правило, примененное в Одесском округе, распространилось уже 24 сентября 1891 г. в виде постановления МНП на все учебные округа империи¹⁷.

После передачи церковных школ в ведение МНП под угрозу увольнения попали учителя, слабо владеющие русским языком. Циркуляром от 23 августа 1891 г. министр просвещения указал попечителю Казанского округа Н.Г. Потапову на то, что шульмейстеры, не обладающие знанием русского языка, могут в течение двух лет оставаться на своих местах, а по окончании этого срока необходимо решить

вопрос об их оставлении или увольнении¹⁸. Через два года, 20 ноября 1893 г. попечитель донес министерству, что учителя не приобрели надлежащих знаний и их увольнение будет равнозначно закрытию школ. Попечитель пытался с помощью директоров народных училищ Самарской и Саратовской губерний решить вопрос о замещении неугодных учителей. Но распоряжения директоров о замене учителей оказались неосуществимыми, т. к. найти заместителей в короткий срок практически было невозможно, а крестьянские общества не хотели и не могли содержать отдельно учителя и кистера. Неурожай начала 1890-х годов усугублял ситуацию – население было в бедственном положении. Поэтому министерство отложило решение вопроса до принятия новых правил о школах бывших колонистов. Об этом министерство уведомило попечителя циркуляром от 14 декабря 1893 г.¹⁹. Пример показывает, что министерство пыталось волевыми методами заставить учителей выучить русский язык, но на практике не было организовано само обучение учителей, а без повседневной практики сохранить знания языка было крайне сложно. Под напором объективных обстоятельств правительство вынуждено было отступить, т. к. закрыть школы и оставить детей без изучения Закона Божьего оно не могло.

24 февраля 1897 г. высочайше утвержденным мнением Государственного совета министру образования было предоставлено право, по мере возможности, постепенно вводить в школах поселян-собственников преподавание на русском языке, а Закон Божий и родной язык преподавались бы на немецком языке, при таком числе уроков, которое необходимо для усвоения этих предметов²⁰. Закон был некоторым отступлением от ранее применявшейся стратегии русификации немцев. Попытки ввести русский язык в качестве языка преподавания натолкнулся на препятствие, которое не брали в расчет, а именно, отсутствие подготовленных учительских кадров. Попытки заменить всех немецких учителей русскими или заставить в короткий срок немецких учителей выучить русский язык были обречены на провал. Не состоявшаяся попытка МНП выработать приемлемые правила для немецких школ в 1895–1896 годы продемонстрировала сложность ситуации, и невозможность применения скоропалительных мер. Поэтому новый закон и говорил о постепенности его применения.

Курс на русификацию затронул и вопрос о языке преподавания Закона Божьего для детей лютеранского исповедания. По инициативе МНП в 1880-е годы началась активная полемика о возможности обучения лютеранскому вероисповеданию на русском языке. Прецедент возник в 1867 г., когда высочайшее разрешение последовало относительно учебных заведений Военного министерства. Разрешалось использовать на уроках религии два языка, русский и немецкий. Это была временная мера, согласованная с Петербургской лютеранской консисторией. Она касалась лютеран, не владеющих немецким языком. В 1881 г. при рассмотрении этого вопроса возникли разногласия между ведомствами, а разрешение конфликта затянулось до конца 1890-х годов.

Министерство внутренних дел (МВД) еще в 1886 г. согласилось с предложениями попечителей Виленского, Казанского и Киевского учебных округов о том, чтобы во всех учебных заведениях МНП, где все остальные предметы ведутся на русском языке, ввести преподавание лютеранского вероучения по-русски. Наиболее ярким противником немецкого языка в учебном ведомстве был попечитель Петербургского округа М.Н. Капустин. Он писал министру просвещения И.Д. Делянову: «Плодотворное и желательное обрусение распространяется не только среди латышей и эстов, но касается также немецких семейств. Благоразумные и добросовестные родители пришли к сознанию, что для русского подданного русский язык неизмеримо важнее немецкого, что между языком и религией не существует неразрывной связи и что, вступая посредством языка в общение с народом, можно сохранить свои особые религиозные верования. При таких условиях обычай преподавания лютеранского вероучения на немецком языке представляется вредным и в педагогическом и в религиозном отношении»²¹. Делянов поддержал идею Капустина о введении в средних учебных заведениях Петербургского округа преподавания вероучения лютеран на русском языке. С возражениями выступала лишь Генеральная консистория, но уже в 1887 г. она получила предписание из МВД следовать требованиям учебного ведомства²².

Передача нерусских школ в ведение МНП была призвана унифицировать формы обучения. Вместе с тем были созданы условия и для активного вмешательства государства во внутренние вопросы школ. Передача немецких школ в ведение МНП совпала с усилением русификаторского давления государства на национальные школы, поэтому в сознании немецкого населения реформирование школ было синонимом их русификации. Протестные формы населения были типичными – это бойкот русской школы и русского учителя, отказ приобретать на свои средства русскоязычные учебники и пособия, открытие альтернативной тайной школы, в которой преподавание велось по-немецки, а также попытки избежать регистрации имеющейся школы. Все эти формы объединены общим знаменателем – неприятием вмешательства государства в дела школы, основанного на отрицании духовных традиций и родного языка населения. Для жителей русской была та школа, в которой преподавание велось на русском языке. Это могла быть министерская или земская школа, а русским учителем мог быть русский по происхождению или немец, преподававший русский язык.

Передача школ в ведение МНП на Волыни проходила в 1888 г. по спискам, составленным местной полицией и при участии представителя МВД. Казалось бы, при таких условиях невозможно было скрыть наличие школ в колониях. Однако, по мнению попечителя Киевского учебного округа, в Волынской губернии в 1889 г. продолжали существовать «тайные школы с предосудительным направлением, тщательно скрываемые колонистами, как от полиции, так и от училищного начальства»²³. Тем не менее сообщал попечитель, инспектора народных училищ обнаружили некоторые тайные школы и закрыли их. Библиотек в лютеранских

школах в то время не было, лишь под воздействием настоятельных требований инспектора в некоторых школах Новоград-Волынского уезда были приобретены, в самых незначительных количествах, русские учебники²⁴. Проверка немецких школ в ноябре 1887 г. показала следующее. Колонисты решительно не желали обучать детей по-русски, учителя не владели русским языком. Преподавание языка началось лишь в некоторых школах, но ни один из учеников не мог произнести ни слова по-русски²⁵. Высочайшим повелением от 2 апреля 1889 г. молодым людям из немецких лютеранских колоний было разрешено поступать в учительские семинарии Киевского округа, а распоряжением министра просвещения – и в городские двухклассные училища, для приготовления к учительской должности. Но ни пасторы, ни само население ничего не предприняли для того чтобы молодежь пошла учиться в русские учебные заведения²⁶. Попечитель Киевского учебного округа В.В. Вельяминов-Зернов, известный ориенталист, до 1878 г. действительный член императорской Академии наук, не видя возможности реорганизовать немецкие школы, предложил вообще их закрыть: «Немецкая школа не может быть реорганизована, она должна быть закрыта, а вместе с нею должны исчезнуть раз навсегда старые традиции и обычаи»²⁷. Через десять лет в немецких колониях Волыни везде преподавание велось на русском языке, но качество знаний языка было низким.

В нашем распоряжении имеется незначительное количество фактов, которые могут охарактеризовать восприятие реформы немецкой школы жителями южно-русских колоний. Отдельные свидетельства по Аккерманскому уезду Бессарабской губернии говорят о том, что русских учителей в колониях было мало. Это объяснялось тем, что немецкое население уезда неохотно принимало их из-за незнания учителями немецкого языка. В свою очередь, русские учителя тяготились службой и жизнью в немецких поселениях, и при первом удобном случае стремились перейти в министерские или земские школы. Воспитанники учительских семинарий также избегали службы в немецких школах²⁸.

О степени распространения русского языка в нерусских школах в конце XIX в. косвенно можно судить по официальным данным МНП. Обратимся к опубликованным сведениям за 1896 г.²⁹. Даже беглый взгляд позволяет говорить, что статистика неполная или неточная. Так, по Бессарабской губернии нет сведений о количестве протестантских школ. Тем не менее, по ней можно проследить определенную тенденцию. К этому времени все нерусские школы были переданы в ведение МНП, а русский язык активно внедрялся в качестве языка преподавания. Согласно данным, в Волынской и Бессарабской губерниях все училища были с одним, русским языком преподавания. Этот факт вызывает сомнения, поскольку лишь на Волыни в это время существовало 324 конфессиональные школы (50,5% от общего числа школ). Вероятнее всего, за этим стоит желание дирекции училищ приукрасить ситуацию и показать собственное старание по внедрению русского языка. В Екатеринославской губернии школы с двумя языками (государственным

и местным) составляли 25,5% (160 школ), в Таврической – 41,5% (303), в Херсонской – 20,2% (142)³⁰. В Самарской губернии в это время насчитывалось 147 школ с двумя языками (19,8%), в Саратовской – 6 (менее 1%)³¹. Из этих данных нельзя сделать вывод о преобладании того или иного языка, но наличие школ с двумя языками преподавания свидетельствуют о том, что русификация в регионах шла различными темпами. Причинами успешности или отставания могли служить как действия училищных властей, так и противодействие процессу самого населения, а также многие объективные причины.

Материалы всеобщей переписи населения 1897 г. также могут свидетельствовать о позициях русского языка среди немцев. В Таврической губернии, самой благополучной с точки зрения распространения русского языка среди немцев, уровень владения языком выглядел так. На 100 мужчин данной национальности грамотных было 68,36 человек (второе место после эстонцев), а грамотных по-русски – 46,06 (второе место после евреев). Среди женщин всего грамотных было 67,08 человек (второе место после эстонцев), а по-русски – 36,95 (второе место после эстонцев)³². За количественными показателями стоит работа по организации обучения языку. Грамотность по-русски предполагала, например, наем русского учителя в начальные школы для преподавания предметом на русском языке. Кроме того, большую роль в распространении языка играли центральные училища. И, в-третьих, население посылало своих детей в городские училища, где изучался русский язык. В той же Таврической губернии грамотных по-русски на 100 мужчин было: у болгар – 39,77 человек, у русских 33,51, у малороссов – 30,65³³.

У немецкого населения Таврической губернии и в дальнейшем наблюдалась положительная тенденция по освоению русского языка. По данным на 1 января 1900 г., практически во всех немецких школах преподавался русский язык, исключение составляли две школы для глухонемых³⁴. В то же время русский язык вообще не преподавался у татар (в 505 школах), евреев (116), караимов (10)³⁵. Мы склонны считать, что успех русского языка в немецких поселениях объясняется скорее изменившимся отношением населения к нему, чем действиями властей. В противном случае следовало бы ожидать других показателей у татар и евреев. Таким образом, можно предполагать, что у немцев губернии было более лояльное отношение к государственному языку, чем у других этнических групп.

В Поволжье и в Сибири ситуация развивалась более противоречиво. По данным МНП за 1903 г., положение школьного дела у немцев в Саратовской и Самарской губерниях было признано неудовлетворительным. Попечитель Казанского округа С. Ф. Шешков объяснял ситуацию следующим образом. Школьные помещения не приспособлены для занятий, они проводятся в молитвенных домах. Учителя страдают от чрезмерной переполненности школ, на одного учителя приходится до 500 человек. Низкое жалование приводило к частой смене учителей русского языка. И, главное, – это отчужденность немецкого населения, которое не осознает необходимости изучения русского языка. Поэтому жители не снабжают

школу учебниками по русскому языку. Дети неаккуратно посещают уроки русского языка, иногда отсутствует до 50% учащихся, а родители снисходительно смотрят на это, а за пропуски не подвергаются штрафам. Попечитель осознавал, что отсутствие закона о немецкой школе, где были бы указаны источники содержания, устройство учебной части, порядок открытия и заведования, также серьезно влияет на ход дела³⁶.

К перечисленным положениям попечителя следовало бы добавить одно очень существенное замечание – недостаток квалифицированных учителей, которых должно было бы готовить государство. Ведь все немецкие школы состояли в ведении МНП, теоретически министерство и должно было бы создавать условия для подготовки учительского состава, но ни о какой подготовке национальных кадров речь не шла. Попечитель Казанского округа в своем анализе об этом умалчивает, а все недостатки объясняет в основном несознательностью населения. Между тем не существовало специальных государственных учебных заведений по подготовке немецких учителей на родном языке. Лучшее, что могло предложить МНП немецкому населению, это направить в их школы подготовленных русских учителей. Так, например, для более активного внедрения русского языка Казанскому учебному округу в 1901 г. был выделен кредит в размере 3300 руб. Деньги были выделены для содержания учителей русского языка на 10 немецких школ, кроме того, были проведены языковые курсы.

Население болезненно встречало русских учителей или преподавателей русского языка, направленных к ним на работу. Конфликт вокруг русского учителя немецкого происхождения произошел в селах Сплавнуха и Норка Саратовской губернии в 1897 г. Сельские сходы приняли решение уменьшить содержание учителям русского языка Константину Доршу и Александру Ширу на 1898 г. с 600 до 360–332 руб. Камышинский уездный съезд и директор училищ Саратовской губернии считали уменьшение жалования несправедливым, а Саратовское губернское присутствие и МНП были того мнения, что нет законов, обязывающих крестьян давать какие-либо постоянные суммы³⁷.

Директор училищ Самарской губернии М. Грифцов в 1903 г. в докладе попечителю Казанского округа писал о невозможности заставить немцев содержать второго учителя (имелось в виду учителя русского языка), хотя школы переполнены до отказа. По существующим требованиям педагогики и гигиены на учителя должно приходиться не более 40 учеников, поэтому вместо 91 школы с одним учителем надо иметь 515. Чиновник жаловался на то, что к немцам невозможно применить это требование по финансовым соображениям и «по враждебному отношению к русскому языку». «Немцы-колонисты, бывшие до 1881 г. полными хозяевами своих школ, – писал он, – враждебно встретив школьную реформу, до сих пор смотрят на нее, как на посягательство на их веру и национальность»³⁸.

Одним из путей решения вопроса о «русском учителе» стала организация так называемых министерских школ или образцовых сельских училищ. Они открыва-

лись на основании закона 29 мая 1869 г. и особой инструкции МНП от 4 июня 1875 г. и должны были давать более полное, по сравнению с другими сельскими школами, элементарное образование. Содержались за счет казны, при обязательном участии местных источников, учителя назначались из числа православных. Циркуляром МНП от 30 июня 1903 г. попечителям Казанского, Кавказского и Одесского учебных округов предлагалось принять меры для успешного преподавания русского языка в школах бывших колоний. В этих целях необходимо было сделать следующее. Содействовать преобразованию школ в министерские училища; пополнять учительский персонал подготовленными лицами из немцев, молодых людей направлять в учительские семинарии и педагогические курсы; проводить краткосрочные педкурсы и съезды учителей; устраивать при школах русские библиотеки для учителей и учащихся; поощрять педагогов, работающих в немецких колониях, денежными пособиями, почетными наградами; организовывать экскурсии для немецких учителей вглубь России для ознакомления с памятниками и бытом, для практики в языке; организовывать курсы русского языка для взрослых³⁹. Перечисленные мероприятия представляли целую программу по расширению сферы русского языка, она охватывала не только учащихся и учителей, но и все взрослое население. Механизм воплощения этих мер не был указан, но практика показывала, что были задействованы учебные власти и земские учреждения.

В начале XX в. министерские школы стали преобладающим типом начальной школы в империи. По данным на 1911 г., только в Сибири они составляли 46,5%⁴⁰. У немцев Сибири первые министерские школы были открыты в 1900 г. в самых густо населенных лютеранских селах Омского уезда, Александровке (11 ноября 1900 г.)⁴¹ и Новинке (26 сентября 1902 г.)⁴². В Александровке уже была лютеранская школа, а в подавляющем большинстве православных сел Акмолинской области вообще не было никаких школ. Тем не менее часть государственных средств была направлена в немецкое село. Такое внимание к нуждам немцев можно рассматривать, как стремление властей заставить их учить русский язык. Если школьное здание в Александровке было построено при содействии казны (ссуда составила 1500 руб.)⁴³, то при открытии школы в Новинке государство не потратило и рубля на строительство – она была учреждена в молитвенном доме⁴⁴. На 1 января 1915 г. в Омском уезде насчитывалось уже 15 министерских школ, организованных исключительно в немецких лютеранских поселках⁴⁵.

Бойкот русской школы жителей Александровки выражался в том, что родители просто не отпускали детей на уроки русского языка и арифметики, проходившие в первой половине дня, потому что их проводил русский учитель. На этих уроках присутствовало всего 15–20 человек. После обеда на занятиях по немецкому языку и Закону Божьему присутствовало уже 60–80 учащихся⁴⁶. Жители с. Романовского Акмолинского уезда в конце 1909 г. отказались от дальнейшего содержания министерской школы (давать помещение, обеспечивать отоплением и освещени-

ем) в знак протеста против назначения в школу русского учителя. В наказание училище было перенесено в другой поселок⁴⁷.

В отчете за 1906 г. Генеральная консистория с тревогой докладывала в МВД о состоянии подотчетных ей школ: по окончании учебы дети не знают ни русского, ни немецкого языка. Духовенство просило от имени всех лютеранских приходов империи вернуть в школы родной язык (немецкий, латышский, эстонский и др.) в качестве языка преподавания и, как можно скорее, утвердить семинарии для подготовки учителей⁴⁸.

В годы первой революции вопрос о национальной школе стал одним из приоритетных в национальных движениях. Среди государственных деятелей – противников русификации этого периода были председатель Комитета министров С.Ю. Витте и министр просвещения (с 31 октября 1905 г.) И.И. Толстой. В декабре 1904 г. Витте обосновал новые принципы национальной политики, которые бы учитывали государственную пользу и обеспечивали возможность для экономического и духовного развития многочисленных народов империи. Появление указа 12 декабря 1904 г. стало основанием для пересмотра таких острых для нерусских народов вопросов, как земельный и школьный. В отношении школ Витте считал, что они служат не для политических, а для педагогических целей, т.е. должны давать знания.

И.И. Толстой осознавал важность начальной школы в настоящем и будущем России, понимал, что «разноплеменность» создает огромные дополнительные трудности в постановке дела. «Низшее образование в России, – по мнению министра, – несомненно, является краеугольным камнем не только всяческого прогресса, но и тем основанием ее будущего величия и роли в цивилизованном мире, от правильной постановки которого зависит направление, можно сказать, всей внутренней ее политики. Без удовлетворительно поставленной народной школы нет надежды на культурное развитие всей народной массы, на ее правильное отношение к сложным вопросам общежития, к своим собственным интересам и интересам всего государства. Ясно, что в такой громадной стране, как Россия, дело народной школы приобретает почти фантастические размеры, а разноплеменность населения ее усложняет и без того сложное дело низшего образования»⁴⁹. Толстой решительно осуждал стремление русифицировать малые народы через школы: «Но если вообще стремление превратить одну национальность в другую должно считаться <...> безумным по своей безнадёжности, то все старания сделать школу проводником этих стремлений я считаю преступлением, извиняемым только недомыслием и недостаточной вдумчивостью». Он был убежден, что путем насилия никогда никакой русификации достигнуть не удастся, поэтому «пусть дети учатся на том языке, на котором желают, чтобы они учились, как их родители»⁵⁰. Министр имел собственную программу решения национально-школьного вопроса. Она заключалась в том, чтобы допустить в низшей школе (официальной, казенной или общественной) преподавание на родном языке. Одновременно с этим он

предлагал организовать в местах со сплошным инородческим населением достаточное количество государственных школ с русским языком преподавания, чтобы у населения была возможность выбора. Начальное образование обязательно должно субсидироваться государством. Толстой допускал существование и средней школы, как на русском языке, так и на местных языках, но последние должны были финансироваться за счет местного общества.

Предложения Толстого рассматривались на заседаниях Совета министров 30 декабря 1905 г. и 26 января 1906 г. Основную задачу преобразований министр видел в организации доступного и обязательного начального образования. По поводу языка преподавания он предлагал разработать специальный закон для начальных и средних учебных заведений, учреждаемых для нерусского населения. Совет министров во главе с Витте одобрил предложения и поручил Толстому разработку законопроекта о введении всеобщего образования. Проект был внесен на обсуждение Думы 1 ноября 1907 г. уже новым министром П.М. Кауфманом.

Предположения министра о создании закона для всех нерусских школ на практике ограничились отдельными мерами. 31 марта 1906 г. он утвердил «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России». Новый закон заменил правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. Толстой провел через Совет министров законопроект, разрешавший открывать в прибалтийских губерниях частные училища при условии преподавания в них русского языка, истории и географии на русском. 19 апреля 1906 г. проект был высочайше одобрен. Таким образом, либерализация национального образования, предпринятая Толстым, оказалась ограниченной и не затронула интересы многих нерусских народов.

Умеренной уступкой для немецкого населения было принятие законов о языке преподавания от 31 января 1907 г. «О допущении преподавания на немецком языке в начальных училищах и в частных учебных заведениях Варшавского учебного округа»⁵¹ и от 23 марта 1907 г. «О разрешении в школах бывших немецких колонистов преподавания на немецком языке»⁵². Последний из них касался начальных школ в немецких поселениях Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Волынской губерний, а также Области Войска Донского, но только тех школ, которые содержало общество. На русском языке сохранялось преподавание собственно русского языка, истории и географии, если эти предметы велись как самостоятельные учебные дисциплины. Уступая в языке преподавания, власть не распространила льготы по несению воинской службы на выпускников этих школ. Закон не касался других территорий, например, Оренбургской губернии или Акмолинской области, где к тому времени уже действовали немецкие школы. Для них закон предусматривал специальное обращение в МНП о разрешении преподавания на немецком языке.

Именной Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. (пункт 14) признавал право преподавания закона Божьего инославного христи-

анского исповедания во всех учебных заведениях на природном языке учащихся, а преподавание этого предмета должны вести духовные лица подлежащего исповедания⁵³. В соответствии с этим МНП изменило все свои ранее изданные распоряжения, противоречащие этому пункту, и издало 22 февраля 1906 г. временные правила о преподавании закона Божьего инославных исповеданий и о порядке наблюдения духовных лиц за преподаванием этого предмета в учебных заведениях МНП. Второй пункт правил гласил о том, что родной язык учащихся определяется письменным заявлением родителей или опекунов ученика⁵⁴.

Революция 1905–1907 годов показала, что вопрос о национальной школе был одним из важнейших вопросов, связанных с правами национальностей. Несмотря на некоторые уступки, главный вопрос не был решен – национальная школа не получила собственного статуса, поэтому противоречие между ролью школы в жизни населения и отношением государства к национальному образованию сохранялось.

Уступки правительства в области национальных отношений, сделанные под натиском революционного движения, уже в 1908 г. стали сворачиваться. Наступление на школу возглавил сам председатель Совета министров и глава МВД П.А. Столыпин. Политика велась как непосредственно по отношению к школам, так и опосредованно через ущемление неправославных народов в вопросах вероисповедания. В письмах к министру просвещения А. Н. Шварцу Столыпин неоднократно высказывался о нежелательности распространения национальных школ. В послании от 13 ноября 1908 г. он призывал принять меры по отношению к школам в Прибалтике, которые находились на содержании немецких обществ⁵⁵, а 2 октября 1909 г. – к школам мусульман Поволжья⁵⁶. В январе 1910 г. в письме к министру он вновь выразил недовольство распространением на западных окраинах школ на родном языке. Школа, подчеркивал он, есть проводник идей русской государственности и не может быть «поприщем для националистического политиканства»⁵⁷. В том же обращении Столыпин предложил Шварцу организовать межведомственное совещание по вопросу образования инородческого населения. Поводом для такого предложения послужили ходатайства о преобразовании начального обучения в селениях немецких колонистов Саратовской и Самарской губерний и в евангелическо-аугсбургских приходах царства Польского, поступившие в МВД и МНП от Московской евангелическо-лютеранской и Варшавской евангелическо-аугсбургской консисторий. Первая из них ходатайствовала о введении в начальных школах названных поселений преподавания всех предметов, кроме русского, по-немецки и об учреждении для подготовки начальных учителей особой кистерской семинарии⁵⁸.

Позицию МВД по возбужденным консисториями вопросам выразил директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД А.Н. Харузин в докладной записке директору Департамента народного просвещения С.И. Анциферову от 12 сентября 1910 г.⁵⁹. Обращение к этому документу показывает, что

немецкий вопрос, не только касавшийся Прибалтики, но и других губерний, в политике Столыпина играл не менее важную роль, чем польский.

Харузин отмечал, что «нельзя не обратить особо серьезного внимания на те течения, которые замечаются и среди немецкого населения на конфессиональной почве, стремления тесно связанные с проявлением германизма»⁶⁰. «Проявления германизма» выражались в том, что центральные училища в Екатериненштадте и Лесном Карамыше, существовавшие в Поволжье с 30-х годов XIX в. перестали удовлетворять и население, и духовенство в главном своем назначении – подготовке учителей для немецких начальных школ. Поскольку учитель одновременно был и помощником пастора (кистером), то для его подготовки русифицированное центральное училище уже не подходило. Оно не устраивало население и по уровню подготовки молодых людей к будущей учительской профессии. Поэтому предлагалось преобразовать одно центральное училище в чисто духовное учреждение (кистерскую семинарию), а другое – в учительскую семинарию. Предполагалось, что оба учебных заведения в дальнейшем будут в меньшей степени зависеть от учебного начальства, а больше подчинены духовенству. Область применения русского языка сокращалась до минимума. МВД возражало против изъятия этих школ из сферы государственного влияния, хотя в принципе не было против устройства учебных заведений для подготовки помощников пасторов. Вопрос остался открытым до выяснения общего вопроса о том, в какой степени допустимы в государстве конфессиональные заведения для инородцев.

Большое беспокойство у правительства вызывали школы сектантов и старообрядцев, к числу которых были отнесены меннониты. Меннониты, которые некогда прибывали в России по особым приглашениям императора, имели большие привилегии, чем другие немцы, обладали большим доверием со стороны властей, теперь оказались в роли подозреваемых чуть ли не в антигосударственной деятельности. Вопросы религии неизбежно тянули за собой и вопросы образования, поэтому внесенный МВД проект от 23 февраля 1907 г., выделявший категории «исповедания» и «секты», вызвал протест меннонитов, которых причислили к сектам. Новый статус меннонитов ставил под сомнение не только религиозный строй и внутренний порядок общин, но и вопросы взаимоотношений духовенства, общины и школы. Меннониты настаивали на том, что они являются представителями законного протестантского исповедания, более того, они добивались возвращения им прежнего порядка назначения учителей, когда духовенство и община не только выбирали кандидатов, но и утверждали их в должности учителей. 7 февраля 1908 г. представители меннонитской Молочанской общины подписали обращение с протестом для передачи его депутату Думы Г.А. Бергману⁶¹. Бергман, меннонит, землевладелец Екатеринославской губернии, был членом думской комиссии по делам вероисповеданий, через него меннониты неоднократно пытались лоббировать свои интересы.

Вопросы деятельности меннонитских школ рассматривались властями через призму некоторых важных законов. Это высочайше утвержденное положение Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.⁶²), указы «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» (17 октября 1906 г.)⁶³, а также правила об обществах и союзах (4 марта 1906 г.)⁶⁴ и о публичных собраниях (4 марта 1906 г.)⁶⁵.

Демократические уступки в области вероисповедания и общественной жизни привели к росту национальных, религиозных и просветительских объединений, усилилось конфессиональное образование. В этом правительству видело сепаратистские устремления, «культурное засилье инородческих и иноверческих элементов», а в конечном итоге – угрозу государственным интересам.

В отношении школ меннонитов Харузин писал: «Будучи обставлены весьма широко в материальном отношении и располагаясь нередко в местностях с коренным русским и православным населением, они, при отсутствии или скудности в данных местностях государственных школ, в значительной степени парализуют их влияние и являются, таким образом, рассадником просвещения в духе узко-немецкого племенного, а также религиозного сепаратизма»⁶⁶. Центральные училища меннонитов вызвали опасение уже тем, что по уровню образования они давно вышли за рамки начального образования и встали вровень со средними учебными заведениями, а из-за отсутствия специальных учебных заведений по подготовке учителей учительские должности занимали лица, получившие образование за рубежом и лишь сдавшие установленный экзамен. Особое беспокойство МВД вызывало то обстоятельство, что за границей существовал ряд «сектантских духовно-учебных заведений», которые готовили проповедников для России. Исходя из этого, власти готовы были удовлетворить ходатайства меннонитов об учреждении библейских курсов в селе Фриденталь Херсонского уезда, баптистских – в Житомирском уезде и евангельских – в Петербурге. Но все эти шаги, по мнению министерства, должно было контролировать государство, чтобы вести дело планомерно и последовательно. В тесной связи с подготовкой вероучителей стоял и вопрос подготовки народных учителей. Отсутствие государственных учебных заведений для подготовки педагогов из числа сектантов подталкивало население к созданию альтернативных курсов и учебных заведений.

Оценивая все проблемы и опасности для государства, связанные с нерусскими школами, МВД предложило ряд вопросов, которые должно было обсудить Совецание о школьном образовании в местностях с инородческим и инославным населением, созданное при МНП. В числе основных вопросов стояли такие: допустимо ли вообще открытие каких бы то ни было инородческих училищ, конфессиональных или светских, допустимо ли использование в школах «местных инородческих наречий», должно ли государство обеспечивать начальное религиозное образование для инородцев⁶⁷.

Заседавшее с 30 ноября 1910 г. по 14 декабря 1912 г. Совещание вынуждено было считаться с создавшимся положением по национальным школам. Лучшим способом разрешения проблемы участники видели в распространении всеобщего образования, в ходе которого министерские школы вытеснят частные школы с родным языком преподавания. Члены совещания пришли к заключению, что преподавание в частных школах допустимо лишь на тех языках, которые имеют свою письменность и литературу, а именно: польском, литовском, немецком, эстонском, латышском, татарском, бурятском, калмыцком, грузинском, армянском языках. Совещание высказалось против разрешения открывать новые конфессиональные средние учебные заведения, включая лютеранские и католические, но решило сохранить существующие в городах⁶⁸.

Проблемы национальных меньшинств рассматривались в Государственной думе, как правило, при рассмотрении вероисповедных или школьных вопросов⁶⁹. В решении вопросов образования наиболее успешной была работа думы третьего созыва, в ходе работы которой обсуждался законопроект МНП о введении всеобщего образования. Вопрос неизбежно касался всех начальных учебных заведений, в т.ч. и национальных школ. Первый вариант проекта был внесен в 1907 г., а после доработки активно дебатировался в 1910 г. Концепция закона опиралась на теорию МНП о единстве управления всем народным образованием. Основным принципом было превращение школ в государственные и взаимодействие учебных властей с местными органами самоуправления, наделенных большими правами. Уже при обсуждении вопроса в Комиссии по народному образованию, а затем в прениях Думы проект вызвал множество точек зрения, особенно острым был вопрос о языке преподавания⁷⁰. Для инородческого населения предусматривалось обучение на родном языке первые два года, при условии, что через три месяца после поступления в школу дети приступят к изучению русского языка. Представители национальных меньшинств выступали за расширение прав родного языка. Фракция Союза 17 октября, в которую входили и депутаты от немецких колонистов (Г.А. Бергман, Л.Г. Люц, В.Э. Фальц-Фейн), требовала, чтобы преподавание на родном языке продолжалось в течение всего времени обучения в начальной школе. Среди активных сторонников идеи был депутат от Эстляндской губернии, член Комиссии по народному образованию барон Шиллинг. Он доказывал, что это минимальное требование инородцев, которое можно удовлетворить без всякого ущерба для государства, и даже, наоборот, в интересах государства⁷¹. Его поддерживали другие депутаты от Прибалтики, представители немецкого дворянства – барон Г.Г. Фелькерзам и барон А.Ф. Мейендорф.

Хотя проект закона о всеобщем обязательном начальном образовании после прохождения через Думу претерпел значительные изменения, а реформа образования оказалась сильно урезанной, важно было уже то, что в начале 1911 г., вопреки возражениям министра финансов, Дума приняла финансовый план всеобщего обучения⁷².

Выделение средств на всеобщее образование позволило приступить к более активному формированию школьной сети всеобщего обучения. Пригодность школ для включения в сеть определяли земства, в ведение которых перешли начальные школы. В 1916 г. 35 школ Камышинского уезда попали в проектируемую сеть. Условием для включения было требование о наполняемости классов: на одного учителя должны были приходиться не более 50 учеников⁷³. Подобным требованиям отвечали в основном министерские школы, которые уже прошли некий этап унификации. Несмотря на большую подготовку, планы всеобщего образования до конца не были реализованы.

На состояние национальных школ оказывали влияние не только мероприятия, проводимые по линии МНП, опосредованно влияли и действия МВД. Наступление на национальные общества и союзы, организованное Столыпиным, затрагивало и школьные вопросы, т. к. немало обществ создавалось для поддержки образования. В циркуляре губернаторам от 20 января 1910 г. министр предложил отказываться в регистрации каких бы то ни было «инородческих обществ», а уже имеющиеся закрыть под любым предлогом⁷⁴.

Вслед за этим документом на местах началась проверка правомочности существования школ сектантов, к которым относили и меннонитов. В течение 1910–1911 годов в Акмолинской области распоряжением губернатора были закрыты некоторые школы, действующие без разрешения попечителя учебного округа⁷⁵. Яркой иллюстрацией того, как исполнялся циркуляр МВД об обществах, является история регистрации устава Омского менонитского училищного общества. В течение года (с марта 1911-го по март 1912 г.) документ, направленный в Акмолинское областное присутствие по делам обществ и союзов, отклонялся и возвращался на доработку. Главной претензией была ссылка на то, что общество преследует, прежде всего, религиозные цели, допускает к членству и не меннонитов⁷⁶. 12 мая 1912 г. учредители общества подали жалобу на отказ в регистрации в Сенат. Акмолинский губернатор, представляя жалобу, доносил, что из-за развития сектантства в крае общество чисто конфессионального характера нанесет «несомненный ущерб православному населению области»⁷⁷. 5 апреля 1913 г. Сенат постановил: оставить жалобу без последствий.

В русле общей антидемократической национальной политики царизма возобновилась борьба с «тайными» школами. В циркуляре губернаторам от 11 января 1911 г. Столыпин потребовал резко ужесточить меры наказания за «тайное» обучение⁷⁸. В 1912 г. право определять язык для преподавания вероучения перешло от родителей к заведующему школой. Отменялись письменные заявления родителей о языке обучения, под предлогом, чтобы за безграмотных родителей не писали неизвестные лица, под которыми подразумевались экстремально настроенные элементы⁷⁹.

Анализ национально-образовательной политики, проведенный до революции Н.П. Малиновским, а в современный период В. С. Дякиным, подводит к выводу о

том, что формально российское законодательство не знало правовых ограничений по национальному признаку (исключение составляли евреи, с 1864 г. – поляки-католики, а на уровне подзаконных актов – татары-мусульмане). Малиновский писал, что нигде в Своде законов империи нет каких-либо ограничений права инородцев на образование. Нет даже отдельных, более или менее общих, постоянных распоряжений, закрывающих инородцам, кроме евреев, доступ в школу⁸⁰. Но дело не в ограничениях, а в том, что реально давало инородцам это право.

В целом политика, касающаяся немцев, не строилась по этническому признаку достаточно длительное время. Этническая и языковая идентичность отходили на второй план по сравнению с сословной и религиозной принадлежностью. Появление в российском обществе «немецкого вопроса» относится к последней четверти XIX в., что во многом вызвано внешнеполитическими факторами. В первой половине XIX в. политика все еще имела патерналистический характер, четко проявлявшийся в XVIII в., она отличалась стремлением упорядочить все стороны жизни колонистов, включая духовную сферу. Статус лютеранской церкви в империи, лояльность меннонитов к правительству и ответное отношение к ним властей, выражавшееся в большом доверии к меннонитам – все это определяло характер политики по отношению ко всем немецким колонистам.

Изменения политики в отношении школьного образования немцев, происходившие на фоне общих реформ империи, связаны не только с социальными причинами (проведение административных реформ, изменение социального статуса колонистов), но и с изменением политики самодержавия в отношении национальных меньшинств в целом и к немецкому населению, в частности. Во второй половине XIX в. все явственнее проявляется курс на русификацию образования. Затянувшийся, по сравнению с другими народами, переход немецких школ в ведение МНП несколько сгладил болезненные преобразования, проходившие в конце XIX в.

Минимальные уступки в отношении языка преподавания, достигнутые немцами в годы первой революции, вскоре были пересмотрены. Ухудшение положения школ вызвано очередным обострением «немецкого вопроса», связанным с политикой Столыпина. Мероприятия, направленные на подготовку ликвидации немецкого землевладения, а также связанные с определением статуса меннонитов, создавали предпосылки для усиления административного контроля и произвола по отношению к школам. С другой стороны, в начале столетия решение национально-школьного вопроса стало проходить в рамках проведения реформы образования, которая предполагала усиление государственных начал в национальной школе.

Оценивая результаты русификации по отношению к немцам, следует отметить, что степень ее влияния оказалась поверхностной. Это объясняется как своеобразием политики государства по отношению к немцам, так и позицией церкви и населения, которые последовательно отстаивали свои права на родной язык. До

революции русский язык значительно расширил сферу применения в немецком обществе, но он не смог вытеснить родного языка немцев. Последний, хотя и в очень урезанном виде, сохранился в школе, кроме того, статус немецкого языка поддерживался за счет практики богослужения, немецкоязычной прессы, собственных издательств, а также контактов с Германией.

¹ См.: Бабин В. Г. Проблемы национальной школы в Государственной думе I–IV созывов: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. СПб., 1992. С. 11.

² См.: Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 16, 28.

³ Чеботарева В. Г. «Русификация» немецкой школы в Прибалтийских губерниях (XIX век) // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 55.

⁴ См.: Андреева Н.С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 181–185.

⁵ Вашкау Н. Э. Школа в немецких колониях Поволжья. Волгоград, 1998. С. 164.

⁶ См.: Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империй // *Ab imperio*. 2001. № 1–2. С. 64–65.

⁷ См.: Миллер А. 1) Русификация: классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2002. № 2. С. 133–148; 2) Империя Романовых и национализм. М., 2006.

⁸ См.: Исторический обзор деятельности земских учреждений Санкт-Петербургской (ныне Петроградской) губернии (1865–1915 гг.). Пг., 1917. С. 169.

⁹ См.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 114.

¹⁰ См.: Юхнева Н. В. 1) Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в. Л., 1984; 2) Немцы в многонациональном Петербурге // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб., 1998. С. 56–68; Гаврилов А. К. Петербург в судьбе Генриха Шлимана. СПб., 2006.

¹¹ См.: Sonderregger, J. H. Die Versammlung der Abgeordneten aus den Kolonien in Odessa // *Odessaer Zeitung*. 1866. 22 Juli. S. 325–326.

¹² См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 11. Д. 6396. Л. 394–394об.

¹³ См.: Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869. С. 429–431.

¹⁴ См.: Училищная часть иностранных колоний в России // *Правительственный вестник*. 1869. 19 нояб.

¹⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 450.

¹⁶ Подробнее см.: Отчет о состоянии Пришибского центрального училища за 1885–1887 учебные годы. Гальбштадт, 1887.

¹⁷ Постановление опубликовано во всех учебных округах, см., например: Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1891. № 10. С. 451–452.

¹⁸ См.: Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 19392. Л. 18–18об.

¹⁹ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 2133. Л. 11об.; НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 19392. Л. 48–48об.

²⁰ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 2133. Л. 12 об.; Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1897. № 3. С. 136.

²¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 449. Л. 132–132об.

²² См.: Там же. Л. 74.

²³ Отчет попечителя Киевского учебного округа о состоянии чешских и немецких школ на Волины за 1889 год. Киев, 1890. С. 24–25.

²⁴ См.: Там же. С. 29.

²⁵ См.: Там же. С. 32.

²⁶ См.: Там же. С. 33–34.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 11.

²⁹ См.: Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 год. СПб., 1898.

³⁰ См.: Там же. С. 66–67. (Подсчет в процентах сделан автором).

³¹ См.: Там же. С. 82–83.

³² См.: Статистический справочник Таврической губернии. Ч. 1. Симферополь, 1915. С. 47, 50.

³³ См.: Там же. С. 50.

³⁴ См.: Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии, Севастопольского и Керченского градоначальств за 1898 и 1899 годы. Симферополь, 1900. С. 6.

³⁵ См.: Там же.

³⁶ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 2133. Л. 8–10.

³⁷ См.: НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 23196. Л. 11–18, 26–27.

³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 429. Л. 128.

³⁹ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 2133. Л. 52–53.

⁴⁰ См.: Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 246.

⁴¹ См.: Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1900. С. 551.

⁴² См.: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. С. 354.

⁴³ См.: Справочные сведения о переселенческих селениях и участках Акмолинского переселенческого района. Омск, 1911. С. 2.

⁴⁴ См.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 3340. Л. 128.

⁴⁵ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2271. Л. 25–27 об.

⁴⁶ См.: ЦГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3340. Л. 132 об.

⁴⁷ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 879. Л. 169 об.

⁴⁸ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 22. Л. 159 об. – 160.

⁴⁹ Мемуары графа И. И. Толстого. М., 2002. С. 141.

⁵⁰ Там же. С. 188.

⁵¹ См.: ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 27. № 28842.

⁵² См.: Там же. № 29016.

⁵³ См.: Там же. Т. 25. № 26125.

⁵⁴ См.: Настольная книга по народному образованию. Т. 4. СПб., 1911. С. 494–496.

⁵⁵ См.: П. А. Столыпин: Переписка. М., 2007. С. 299–300.

⁵⁶ См.: Там же. С. 350–351.

⁵⁷ Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения. 1905–1938 гг.: Сборник документов. Ч. 1. М., 1998. С. 158.

⁵⁸ См.: Там же. С. 157.

⁵⁹ См.: Там же. С. 200–216.

⁶⁰ Там же. С. 205.

⁶¹ См.: Документы, относящиеся к вероисповедным вопросам меннонитов. Гальбштадт, 1910.

⁶² См.: ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 25. № 26126.

⁶³ См.: Там же. Т. 26. № 28424.

- ⁶⁴ См.: Там же. № 27479.
- ⁶⁵ См.: Там же. № 27480.
- ⁶⁶ Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения. 1905–1938 гг. С. 210.
- ⁶⁷ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 517. Л. 26–27.
- ⁶⁸ См.: Журнал междуведомственного совещания по вопросу о постановке школьного образования для инородческого, инославного и иноверческого населения // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 524. Л. 41–135.
- ⁶⁹ Подробнее см.: Вельможко И. Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственной думы: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1998; Зорин В. Ю. Национальный вопрос в III Государственной думе России (1907–1912 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2000.
- ⁷⁰ См.: Государственная дума. Созыв 3. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия 4. Ч. 1. Заседания 1–38 (с 15 октября по 17 декабря 1910 г.). СПб., 1910.
- ⁷¹ См.: Там же. Стб. 664.
- ⁷² См.: Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 1998. С. 390.
- ⁷³ См.: Обзор начального образования в Саратовской губернии за 1915–16 учебный год. Саратов, 1917. С. 5.
- ⁷⁴ См.: П. А. Столыпин: Переписка. С. 668–669.
- ⁷⁵ См.: ЦГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9137. Л. 6–7, 9, 15, 23.
- ⁷⁶ См.: Там же. Д. 2966. Л. 11–12, 23, 25, 33.
- ⁷⁷ См. Там же. Л. 41.
- ⁷⁸ См.: Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 570–571.
- ⁷⁹ См.: Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1912. С. 481–483.
- ⁸⁰ См.: Малиновский Н. П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа: Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Пг., 1916. С. 119.

Законодательство Российской империи конца XVIII – начала XX в. об особенностях регулирования прав и обязанностей немцев-католиков и немцев-лютеран

Вплоть до начала XVIII в. католики и лютеране в России не имели не только единого управления, но и правовой базы своего существования. Впервые законодательные нормы, посвященные дееспособности иноземцев и иноверцев, появились в Соборном уложении 1649 г. Уложение запрещало иноземцам, не принявшим православие, вступать в родственные связи с русскими, владеть недвижимостью на территории Москвы и предписывало сломать все лютеранские кирхи на территории столицы. Таким образом, государство посредством правовых норм провозглашало неравенство подданных, исходя из их конфессиональной принадлежности.

До XVIII века в России не существовало традиции религиозной толерантности. Терпимость вероисповеданий впервые была провозглашена Екатериной II в Указе от 17 июня 1773 г.¹ Именно при Екатерине II произошли наибольшие изменения в правовом статусе западных христианских конфессий. Императрицей были приняты следующие шаги по созданию католической и лютеранской организации в России.

1. В 1769 г. принят Регламент Петербургской Римско-католической церкви², который позже был распространен и на поволжских католиков. Римская курия не признала Регламент, так как он подчинял Католическую церковь русскому государственному аппарату, а не Папе. Все же Регламент оставался основой отношений католиков с государством вплоть до 1917 г.

2. Утверждена Инструкция для иностранных колонистов³, в которой подробно регламентировались место и роль духовенства в общинах.

3. В 1774 г. учреждена Могилевская римско-католическая епархия под руководством епископа С. Богуш-Сестренцевича. Высшее управление делами Римско-католической церкви было передано из Юстиц-коллегии в Сенат, Католическая церковь признавалась независимой от Римского двора⁴.

4. Разрешена деятельность Ордена Иисуса (иезуитов) в России. В 1773–1814 гг. Россия являлась единственной страной мира, где иезуиты существовали легально, в других государствах они действовали лишь тайно.

5. Согласно Манифесту 1794 г. римско-католические священники объявлялись независимыми от заграничной духовной власти, они были обязаны давать присягу на верность императрице и знать русский язык⁵.

6. В 1785 г. Екатериной II был издан указ об открытии лютеранские консисторий во всех губерниях России⁶. Этот указ остался единственной нереализованной мерой в религиозной политике императрицы.

Начало XIX в. ознаменовало собой новый этап правового регулирования. Указы первых лет правления Александра I (например, манифест от 27 ноября 1801 г.) провозглашали веротерпимость как норму политического поведения правительства. Александр I оставил без изменения основные постулаты управления католиками и лютеранами Российской Империи, которые сложились во второй половине XVIII в.

В целом, вероисповедная политика Александра I до 1810 г. характеризовалась предоставлением инославным церквям довольно широкого самоуправления. Можно отметить единственный указ репрессивного характера за все царствование императора Александра I – Указ «О высылке из России иезуитов»⁷. Большинство исследователей называют его чрезвычайно необычным для Александровской эпохи.

Законодательным актом, кардинально изменившим положение российских католиков и протестантов, стал Указ от 25 июля 1810 г., согласно которому в России было создано Главное управление Духовных Дел иностранных исповеданий⁸. Оно стало высшим административным учреждением, контролировавшим и управлявшим всем духовенством и прихожанами⁹.

С одной стороны, период XVIII – начала XIX в. отличался крупными преобразованиями в законодательстве, отраслевой дифференциацией права, крайне активной нормотворческой деятельностью во всех его отраслях. Цифры свидетельствуют: если во второй половине XVII в. в год издавалось примерно 36 различных указов, то в первой половине XVIII века – 160 указов в год¹⁰. Екатерину II также не случайно обвиняют в легисломании – страсти к изданию законов. Именно поэтому в конце XVIII в. система государственно-церковных отношений, развивавшаяся вместе с остальным российским правом, начинает оформляться в систему законодательных актов.

С другой стороны, правовое положение Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей не было законодательно урегулировано в масштабах всего государства; правовой статус западно-христианских вероисповеданий оставался ограниченным.

В целом, религиозное законодательство XVIII – начала XIX в. являлось бессистемным, состояло из разрозненных, несвязанных между собой нормативных актов, часто включавших и судебные прецеденты. Однако исследователи отмечают, что российское законодательство второй половины XVIII в. было направлено на охрану прав нерусских, неправославных народов, а правительство проводило осторожную национальную политику.

С 1835 г. и вплоть до 1917 г. правовое положение Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей, а также особенности их взаимоотношений с Российским государством регламентировались Сводом законов Российской империи. В 15-томный Свод законов, который представлял собой блестящий образец систематизации законодательства по отраслевому принципу, входили все

действующие нормативные акты Российской империи. Текст Свода законов был опубликован в 1832 г. и введен в действие с 1 января 1835 г. Структура Свода оставалась неизменной до 1917 г., несмотря на внесение дополнений в содержание отдельных статей.

Все 15 томов Свода законов, объединенные в 8 книг, имели те или иные законодательные нормы и институты, связанные с правами и обязанностями католиков и лютеран. В алфавитный указатель к Своду законов Российской империи вошли, например, такие понятия как «римско-католический» и «евангелический», «лютеране» и «католики», «Римско-католическая церковь» и др. Только католиков, по нашим подсчетам, Свод законов упоминал более чем в 300 статьях¹¹. Рассмотрим некоторые правовые нормы, содержащиеся в отдельных составных частях Свода законов Российской империи.

В разделе Основные государственные законы впервые провозглашался принцип свободы вероисповедания, однако невероисповедное состояние подданных в законе не предусматривалось.

В соответствии со Сводом законов все вероисповедания делились на три группы: 1) первенствующее и господствующее – православие; 2) терпимые – западные христианские исповедания, т.е. католицизм, лютеранство, некоторые другие течения протестантизма, а также ислам, буддизм-ламаизм, иудаизм, язычество и 3) гонимые – старообрядчество и сектантство, возникшее на почве православия¹². Последние были лишены права на легальное существование.

Свод законов создавал определенные условия для нормальной деятельности западно-христианских религиозных объединений. Например, он гарантировал получение духовенством содержания из государственного казначейства. Законы о состояниях (ст. 394–501), оговаривали обязанности католических и лютеранских священников и наделяли их особыми правами.

Все христианское духовенство в Своде законов объявлялось привилегированным, неподатным сословием. Законы о состояниях освобождали всех лиц духовного звания от воинской повинности (ст. 394), телесных наказаний (ст. 396) и податей. Отдельные статьи определяли состав евангелическо-лютеранского духовенства (ст. 477–479), разделяли римско-католическое духовенство на белое и монашеское (ст. 454–455)¹³. Священнослужителей всех христианских вероисповеданий освобождал от воинской повинности и Свод уставов о повинностях¹⁴. Отсрочку от военной службы до 28 лет могли получить воспитанники Римско-католических Академий. Освобождение духовенства от пошлин (ст. 331) предусматривалось в Уставе о пошлинах, который предоставлял также освобождение от уплаты некоторых видов налогов евангелическим попечительствам о бедных¹⁵.

Устав о пенсиях и единовременных пособиях назначал пенсии не только православным, но и католическим и протестантским законоучителям, занимавшимся преподаванием Закона Божия в учебных заведениях (ст. 336), а также преподавателям Римско-католических духовных академий и епархиальных семина-

рий (ст. 459)¹⁶. Государство обеспечивало процесс преподавания католической и евангелической религии в учебных заведениях, уравнивая их, таким образом, с православием.

Т.о. отметим, что Свод законов подходил к католикам и к лютеранам как к равноправной, составной части населения Российской империи. Свод законов не только оговаривал права и обязанности священнослужителей, но и уделял достаточно много внимания общинам и простым прихожанам. Например, Свод уставов счетных предусматривал порядок ведения шнуровых книг для записи приходов и расходов в католических и лютеранских общинах (ст. 79–85)¹⁷. Порядок заключения браков с православными оговаривался в Законах гражданских состояний и в Своде губернских учреждений. Последний объявлял предметом ведомства полиции выдачу удостоверений лицам римско-католического исповедания, вступающим в брак с православными или протестантами, о внебрачном состоянии и правоспособности на вступление в брак¹⁸. Законы о состояниях определяли порядок ведения метрических книг (ст. 881–904).

Во множестве статей законодательные нормы оговаривали частные конкретные случаи, касавшиеся католиков или лютеран. Например, Устав об акцизных сборах предоставлял право изготовления крепких спиртных напитков Сарептскому евангелическому обществу (ст. 118, 122)¹⁹. Устав казенных имений касался вопроса о безземельных крестьянах лютеранского вероисповедания, наделенных землей в Прибалтийских губерниях (ст. 5, 7)²⁰.

В Своде законов отсутствовала общая глава или единые законоположения о католиках и лютеранах (за исключением уставов духовных дел иностранных исповеданий). Все нормы, посвященные неправославным христианам, были рассредоточены в каждом из 15 томах Свода законов. Первое знакомство с ними приводит к выводу о наличии формального юридического равенства между всеми христианами Российской империи и их привилегированном положении по сравнению с нехристианами.

Однако этот принцип не получил в Своде законов абсолютной реализации, поскольку католики и лютеране не обладали полной правоспособностью. Ограничения их прав были тщательно завуалированы законодателем: многие нормы о католиках и лютеранах имели неопределенность формулировок и описательный характер.

Так, например, правила о постройке церквей (ст. 142–143, 147–148) были изложены в Уставе строительном²¹. Строительство неправославных церквей могло производиться только с разрешения губернского правления, Министерства внутренних дел и Департамента духовных дел иностранных исповеданий, согласие которых было необходимо в каждом отдельном случае. Согласно Уставу, государство оказывало финансовую помощь религиозным организациям в процессе строительства, реставрации и содержания церковных зданий. Однако Уставы духовных дел иностранных исповеданий (ст. 125) вводили существенные ограни-

чения на строительство католических церквей, да и на практике дело обстояло не лучшим образом.

В другом случае Устав лесной определял, что леса духовного ведомства римско-католического исповедания, как и православного, приобретенные в собственность, не подлежали надзору управления казенными лесами (ст. 113, 240, 467, 468)²². Однако православные епархиальные начальства имели право на неограниченное получение «строеного и дровяного леса», а духовенство сельских римско-католических церквей – только в том случае, «если таковые надобности сего духовенства не могут быть удовлетворены достаточно из лесов, жалованных к тем церквам или когда сего рода лесов вовсе при оных не находится»²³.

Устав о цензуре и печати, имевший главу 3 «О цензуре книг иностранных», запрещал все те книги духовного содержания, «кои заключают в себе умствования и мнения противные главным началам христианской веры, или опровергающие учение Православной церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного Писания и т.п.» (ст. 184)²⁴. При этом в качестве экспертов-цензоров выступали православные священнослужители.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.²⁵ впервые в российском уголовном праве охраняло интересы не только Русской православной, но и других христианских церквей. Уложение по-прежнему сохранило многие консервативные принципы по отношению к свободе вероисповедания. Как и ранее, ущемлялись интересы нехристианских религий.

Однако закон последовательно проводил принцип защиты всех христианских конфессий от преступных посягательств. В статьях главы первой встречаются такие составы преступлений как «порицание христианской веры, или Православной церкви» (ст. 184), недонесение о «порицании христианского закона вообще» (ст.185), «богохуление христианской веры, или церкви Православной в печатных или в письменных сочинениях» (ст. 187), «кощунство, неуважение к правилам или обрядам церкви Православной, или вообще христианства» (ст. 188). Таким образом, права христиан римско-католического и евангелическо-лютеранского исповеданий, как и православных, находились под охраной государства.

В нескольких статьях Уложения содержалось прямое упоминание о защите интересов лютеран и католиков. Лишению всех прав состояния и ссылке подлежали магометане и евреи, вступившие в брак с лицами евангелическо-лютеранского или реформатского исповедания, которые «будут вопреки данным им подпискам, воспитывать детей своих не в христианской вере» (ст. 192). В другой статье «изобличенные в погребении христианина... римско-католического... или же одного из протестантских исповеданий без совершения при сем надлежащих христианских того исповедания обрядов» подвергались аресту до трех месяцев (ст. 222).

Глава вторая данного закона упоминала «сворачивание кого-либо от христианской веры в веру магометанскую, еврейскую или иную не христианскую» (ст. 190). Данное преступление наказывалось плетью, наложением клейма, лишением всех

прав состояния и последующей ссылкой на каторжные работы на срок от восьми до десяти лет (при применении насилия в процессе совращения христианина – до 15 лет).

За совращение из православного в иное христианское вероисповедание виновный приговаривался, согласно ст. 195 Уложения, к лишению всех прав и преимуществ, ссылке «на житье в губернии Тобольскую или Томскую» или «к наказанию розгами и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от одного до двух лет». В случае если доказывалось, что для совращения из православия в другое христианское исповедание были употреблены принуждение и насилие, то виновный приговаривался к лишению всех прав состояния, наказанию плетью и ссылке на поселение в Сибирь (ст. 195).

Несколько статей Уложения были посвящены противоправным действиям священнослужителей неправославных христианских исповеданий по отношению к православным верующим – совращению в свое исповедание в проповедях (ст. 197), допущению к исповеди, причащению, исправлению других духовных треб для православных (ст. 201), преподаванию катехизиса малолетним (ст. 202) и пр. Запрещалось препятствовать кому-либо, добровольно присоединиться к Православной церкви (ст. 199), а также принимать кого-либо из иноверных российских подданных в свое вероисповедание “без особого на каждый случай разрешения” (ст. 204).

Закон умалчивал о наказаниях за насильственное обращение граждан инославных и иноверных конфессий в православие, хотя, например, факты массового обращения из лютеранства в православие имели место в 40-х гг. XIX столетия в прибалтийских губерниях России среди латышей и эстонцев²⁶.

Данный пробел в праве был ликвидирован главой четвертой «О предупреждении и пресечении преступлений против правил веротерпимости» Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1890 г.²⁷ Глава третья Устава 1890 г. называлась «О предупреждении и пресечении отступления от православной веры». Она устанавливала следующее правило: «как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер, запрещается отступить от нее и принять иную веру, хотя бы то и христианскую» (ст. 36). Таким образом, Закон по-прежнему ущемлял право на свободу совести при переходе в неправославные исповедания.

Правовое положение инославных церквей регламентировали разрозненные нормативные акты, вошедшие в структуру Свода законов. Несомненно, Свод имел важное юридическое и практическое значение для западно-христианских церквей. Во-первых, Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквям было законодательно предоставлено привилегированное положение по сравнению с нехристианскими исповеданиями. Во-вторых, церковное управление было четко выделено из общего комплекса государственного управления как особый инсти-

тут. В-третьих, в различных томах Свода фиксировались права и обязанности христианского духовенства, которое рассматривалось как особое сословие.

Следует отметить, что в Российской империи XIX в. не было создано необходимых правовых предпосылок для полноценного осуществления католиками и лютеранами свободы совести, а также деятельности их религиозных организаций. Разрешение данной проблемы должно было стать важнейшей задачей государства и общества.

Правовое положение Евангелическо-лютеранской и Римско-католической церквей в России и общие законоположения о внутренней жизни иностранных исповеданий определялись церковными Уставами. Уставы церквей неправославных исповеданий были опубликованы в 11 томе Свода законов Российской империи 1857 г. под названием «Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных» (далее Свод) и вошли в историю под иным, наиболее часто употреблявшимся наименованием – Уставы Духовных Дел иностранных исповеданий²⁸.

Свод не только регулировал участие Католической и Лютеранской церкви в правовых отношениях с государством и другими субъектами, но и определял внутреннюю структуру их управления. Книга первая Свода (далее Устав Римско-католической церкви) была посвящена католикам и называлась «О управлении духовных дел христиан римско-католического исповедания» (ст. 11–133). Устав подразделялся на разделы, разделы на главы, а главы на статьи, которых насчитывалось 123.

К 30-м годам XIX века накопилось значительное количество указов и иных законодательных актов, нуждавшихся в систематизации и отражавших деятельность церкви в России. Предпринимавшиеся ранее попытки принятия всеобъемлющего церковного Устава терпели неудачу (исключением стал Регламент 1769 г., однако он устарел и не охватывал всей совокупности государственно-церковных отношений). Необходимость в кодификации общих положений внутрицерковной жизни ощущалась все острее.

С принятием данного Устава Римско-католическая церковь в Российской империи, кроме чувства духовного единства, приобрела новый юридический статус и правовую основу, на которой теперь могло строиться ее дальнейшее существование. Источниками Устава стали прежние законодательные акты, высочайшие повеления и царские манифесты, а также договоры с Римским двором.

Глава первая «О составе епархий» называла существовавшие в империи семь епархий римско-католического исповедания: архиепархия Могилевская, епархии Виленская, Тельшевская, Минская, Луцко-Житомирская, Каменецкая и Тираспольская. Устав не рассматривал вопросы управления Римско-католической церковью в царстве Польском (ст. 11).

Отделение второе главы (ст. 44–56) подробно очерчивало круг обязанностей епископов – духовный суд, управление церковными делами епархии, высший

надзор за белым и монашествующим духовенством, а также за церквями, монастырями, семинариями, прочими духовными учреждениями и их имуществом. Римско-католические епископы были обязаны на основании канонических правил осматривать церкви и другие духовные учреждения своей епархии, «уничтожать злоупотребления и исправлять нравы» (ст. 46).

Одной из важнейших особенностей Устава было закрепление в нем правила, по которому все сношения с Римским Двором могли производиться в строго определенном порядке. А именно: «Все христиане римско-католического исповедания, духовные и светские из подданных государства, по делам своего исповедания сносятся с Римским двором не иначе, как чрез министра внутренних дел, который относится о сем в Министерство иностранных дел. Никакие буллы, послания и наставления Римского двора не могут быть приводимы в действие в империи... без высочайшего Его Императорского Величества разрешения...» (ст. 47). В 1857 г. данная норма, впервые законодательно сформулированная 28 апреля 1798 г., уже в двенадцатый раз повторялась в текстах государственных законов Российской империи.

Устав подробно оговаривал и правила назначения епископом проповедников. Епископу запрещалось переводить или принимать в свою епархию духовных лиц из другой епархии без ведома правительства. Устава о цензуре и назначении цензоров для рукописных проповедей. Закон строго запрещал римско-католическому духовенству в своих проповедях, произносимых в церквях, касаться политических вопросов «даже в общих выражениях» и издавать сочинения о политических делах, особенно о внутреннем государственном правлении (ст. 54).

Отделения шестое и седьмое «О духовенстве приходском» (ст. 75–77) и «О духовенстве монастырском» (ст. 78–88) регулировали правовой статус духовенства. Одной из основных обязанностей приходского священника, которая оговаривалась в Уставе, было «чтение в церкви, после окончания божественной службы, Высочайших манифестов и указов, издаваемых со словами «объявляется всенародно», а равно и тех постановлений и предписаний светского начальства, которые признано будет нужным сделать наиболее известными в народе» (ст. 77).

Все епархиальные управления, а также духовенство (кафедральное, приходское, монастырское и служащее в разных частях гражданского, военного и морского управления) получали содержание из государственного казначейства и из процентов особого капитала, состоящего в ведении министра внутренних дел (ст. 91). Устав подробно оговаривал размер прогонных и суточных денег из государственной казны, выдаваемых на служебные поездки духовных лиц различного сана, а также распространял существующие узаконения о производстве пенсий и единовременных пособий на законоучителей римско-католического исповедания.

Регулирование вещного права в Уставе Римско-католической церкви также отличалось значительным своеобразием по сравнению с Уставом Евангелическо-

лютеранской церкви. В нем отразился как тот факт, что церковь в своей деятельности могла руководствоваться Кодексом канонического права, так и общие начала церковного католического законодательства со слабым развитием регулирования гражданских и имущественных отношений²⁹. Согласно Уставу, учреждения Римско-католической церкви владели движимым и недвижимым имуществом практически на тех же основаниях, что и религиозные организации Русской православной церкви.

Раздел третий «О управлении имуществ, принадлежащих духовным установлениям» (ст. 112–127) предоставлял право заведования имуществом каждого монастыря или церкви настоятелям. Монастырям запрещалось приобретать недвижимое имущество без специального разрешения императора и министра внутренних дел. Все церковные, монастырские, учебные и иные богоугодные заведения были освобождены от воинского постоя и всяких полицейских и городских повинностей, «за исключением исправления и содержания в чистоте мостовой и освещения уличных фонарей» (ст. 117).

Глава вторая данного раздела (ст. 123–133) устанавливала правила управления церковным и монастырским имуществом настоятелями, в обязанности которых входило управление доходами церкви и наблюдение за сохранностью церковного имущества. Примером ограничения деятельности католиков в Российской империи может послужить статья 125 Устава, которая регулировала проведение ремонта, перестройки и строительства культовых зданий. Согласно данной статье, Римско-католические церкви могли быть построены с разрешения местного губернского начальства, православной епархии и Министерства внутренних дел только в тех местах, «где сего потребуют или приращение народонаселения, или слишком большая обширность существующих приходов и трудность сообщений». Каждый церковный приход должен был состоять не менее чем из ста дворов прихожан.

Таким образом, Устав, хотя большей частью систематизировал ранее изданные нормативные документы и указы правительства, все же стал значительным шагом вперед по сравнению с предшествующим законодательством. В нем рассматривались не только отдельные вопросы государственно-церковных отношений, как ранее, а некоторые стороны внутренней жизни Католической церкви. Те проблемы, которые не вошли в Устав, должны были регулироваться каноническим правом. Однако если на практике возникали вопросы, не предусмотренные действующим законодательством, они могли быть разрешены только императором по представлению Министерства внутренних дел.

Книга вторая Свода (далее Устав Евангелическо-лютеранской церкви) носила название «О управлении духовных дел христиан протестантского исповедания» и была посвящена лютеранам (ст. 134–904). Устав Евангелическо-лютеранской церкви, вошедший в Свод законов 1857 г., был впервые опубликован гораздо раньше, чем Устав Римско-католической церкви – еще в 1832 г. Николай I, учитывая

назревшую необходимость юридического закрепления правового положения лютеран, указом от 22 мая 1828 г. создал Комитет для начертания проектов общего Устава Евангелическо-лютеранской церкви в России³⁰.

28 декабря 1832 г. выработанный Устав получил высочайшее утверждение. Одновременно с Уставом Николай I подписал Инструкцию для духовных лиц и органов Евангелическо-лютеранской церкви. Принятые документы стали основными нормативными актами, которыми руководствовалась Евангелическо-лютеранская церковь в последующее столетие своего существования, до принятия нового Устава церкви 1924 г. Указы от 22 мая 1832 г. и от 28 декабря 1832 г. превратили Евангелическо-лютеранскую церковь в государственную, приблизив ее по правовому положению к Русской православной церкви.

Устав Евангелическо-лютеранской церкви значительно превосходил по своему общему объему Устав Римско-католической церкви, он состоял из 771 статьи, включая раздел второй «Особенности постановления о управлении духовных дел некоторых обществ протестантского исповедания». В то время как Устав Католической церкви не рассматривал теологические вопросы, в первой статье Устава лютеран провозглашалось исповедание церкви, закреплялись основы евангелическо-лютеранского вероучения.

Помимо определения вероисповедания, глава I «О учении» (ст. 134–138)³¹ строго запрещала прозелитизм и любые проявления неуважения к представителям других конфессий, признаваемых в Российской империи. Интересен то факт, что термин «прозелитизм» не употреблялся в Уставе Римско-католической церкви, что объясняется скорее структурой строения Устава, в которой не уделялось места вопросам вероисповедания, а не отсутствием прозелитских устремлений у католиков.

Часть первая главы II «О богослужении» (ст. 139–150) была посвящена особенностям отправления общественного богослужения и предписывала проводить службы не только по праздникам и воскресным дням, но и в дни рождения императоров и членов их семей (ст. 143).

Лютеранским священникам, как и католическим, а также православным, запрещалось заниматься торговлей, ремеслами и другими делами не соответствующими их духовному сану, им не разрешалось подавать иски в суд, кроме дел, касающихся их самих или их семей, не дозволялось отлучаться из прихода по воскресеньям и более чем на неделю без разрешения начальства.

Устав подробно оговаривал и права проповедников (ст. 348–358), принадлежавшие им кроме прав личных и имущественных и регулировавшиеся в законах о состояниях³². Эти права мало чем отличались от прав католических священников. К ним относились право на получение титула, право на награждение золотыми наперсными крестами, освобождение от уплаты весовых денег при отправке почты, освобождение от телесных наказаний, распространявшееся на жен и детей духовных лиц. Кроме того, вдовы проповедников в течение первого траурного

года могли пользоваться жилищем и всеми доходами своего мужа, а позже получать помощь из специальных вдове-сиротских касс. Кроме жалования от государства, пасторам разрешалось принимать всевозможные даяния за совершение треб-священнодействий. Доходы проповедников не могли быть уменьшены по воле прихожан.

Устав рассматривал способы приобретения церковной собственности и отчуждения недвижимого имущества. Так же, как и католикам, лютеранам в случае приобретения недвижимого имущества на сумму более 1 тыс. руб. требовалось разрешение министра внутренних дел, а на сумму свыше 5 тыс. руб. – разрешение императора.

Раздел второй Устава (ст. 790–904) рассматривал особенности управления евангелическо-реформатских обществ Санкт-Петербурга (798–811) и Москвы (812–833), Архангельского евангелического прихода (834–857), немецких колонистов в Закавказском крае (858–884), евангелических братских общин аугсбургского исповедания в Сарепте и Прибалтийских губерниях (885–898), шотландских колонистов Карраса, базельских колонистов в Шуше и меннонитов (899–904). В самом Уставе Евангелическо-лютеранской церкви 1832 г. о реформатах не говорилось ни слова. Только в 30–40-е гг. XIX в. были изданы специальные постановления Правительственного Сената, касавшиеся реформатов.

Рассмотрение правовых норм, содержащихся в «Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных», на первый взгляд, приводит к выводу, что Свод имел явные преимущества по сравнению с предшествующими нормативными актами. Прежде всего, он ввел в правовой обиход традиционное ныне наименование – «свобода веры» (в современной формулировке – «свобода совести»). Принятие церковных Уставов способствовало укреплению законного положения римско-католической и евангелическо-лютеранской религии среди других конфессий в России. Однако с их изданием развитие церковного права и государственного урегулирования правового статуса церквей не остановилось.

Из всех нормативных актов, включенных в Свод законов и отразивших на себе его консервативные принципы, Уставы являлись наиболее ярким примером проведения в жизнь прогрессивного института веротерпимости. Несомненно, Уставы имели как положительные, так и отрицательные стороны: закрепляя правовое положение католицизма и лютеранства в России, Уставы подчиняли церкви государству, которые отныне теряли последние ростки своей прежней независимости.

Принятие внутрицерковных Уставов сыграло более важную роль для лютеран, нежели для католиков. Устав Римско-католической церкви отличался большей степенью формализма: это был кодекс подновленного в духе времени канонического права. Католическая церковь должна была мириться со своим положением в государстве и принять как должное необходимость создания Устава. Лютеране же, не имевшие канонического законодательства, воспользовались предоставленной

им возможностью для конструирования собственной, единой системы правового регулирования с большим воодушевлением.

В Уставах подробно регламентированию со стороны государства подверглись не только права и обязанности духовенства, полномочия органов церковного управления, но и внутрицерковная жизнь, вопросы церковного имущества. Например, главы и преподаватели католических духовных учебных заведений утверждались правительством (ст. 105), лютеранские пробсты – Министерством внутренних дел (ст. 404), католические епископы и генеральный суперинтендент Евангелическо-лютеранской церкви назначались императором (ст. 24, 419). В отличие от инославия в Православной церкви назначение епископов императором производилось лишь на кафедры наиболее важные в политическом отношении.

Устав Римско-католической церкви действовал в России 60 лет (незначительные изменения были внесены в него в 1894 г.), Евангелическо-лютеранской – 92 года. После их опубликования копии были направлены во все приходы страны³³. В соответствии с данными законами католичество и лютеранство получали статус официальных церквей, таких же, как и Русская православная. В целом, взаимоотношения государства с инославными церквями строились на основании тех же принципов, что и отношения с православием.

В начале XX в. религиозная жизнь российских подданных регулировалась устаревшим законодательством. С конца XIX века в Российской империи наметилась тенденция к свободе вероисповедания, хотя во многих европейских странах отделение церкви от государства уже являлось основополагающим принципом внутренней политики. Царское правительство приняло ряд законодательных актов в области вероисповедной политики. Первым в их числе стал царский манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 26 февраля 1903 г. Он обещал «благоговейно почитая Православную церковь первенствующей и господствующей», предоставить «всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной»³⁴.

Следующий указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» регламентировал порядок и условия деятельности инославных и иноверных исповеданий в Российской империи и положил начало изменению отношения государства к неправославным конфессиям. Указ признавал, «что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно за собою влечь каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий»³⁵. Указ существенно изменил правовой статус инославных исповеданий, разрешил преподавать Закон Божий на родных языках, без ограничений владеть имуществом и др. Католикам облегчались условия сооружения молитвенных зданий.

В 1905 г. «для согласования действующих узаконений с Указом 17 апреля 1905 г.» было создано Особое совещание, которое настаивало на необходимости

преобразования порядка управления духовными делами протестантов³⁶. В этом же году прошение правительству с просьбой об отмене религиозных ограничений, разрешении свободного сообщения с Ватиканом и открытии мужских и женских монашеских орденов в Тираспольской епархии направил епископ И. Кесслер³⁷.

Старая модель государственно-церковных отношений подверглась окончательной деформации, когда был издан основополагающий документ в области религиозной политики, известный как Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Впервые в истории страны он даровал россиянам наряду с гражданскими свободами и свободу совести³⁸. После издания Манифеста от 17 октября 1905 г. с письмом к Николаю II обратился Виленский епископ Эдуард Ропп. В своем послании он приветствовал инициативу императора и подчеркнул возможность улучшения положения Римско-католической церкви в России.

Учитывая специфическую особенность Российской империи начала XX в. как поликонфессионального и многонационального общества, необходимо отметить, что законодательство того периода было далеко от совершенства и имело ряд существенных пробелов. Государство законодательно регулировало лишь вопросы управления иностранными церквями и создания новых епархий, оставляя без внимания вопросы внутрицерковной организации и деятельности конфессий.

Царское правительство всеми силами стремилось подчинить неправославные христианские церкви российскому правительству. Их деятельность находилась под жестким контролем административных органов. Наиболее яркий пример – правило, по которому вся переписка католиков с Ватиканом должна была обязательно проходить перлюстрацию в Министерстве внутренних дел.

Таким образом, в начале XX в. характер отношений инославных церквей с российским правительством определялся кардинальными изменениями в нормативно-правовой базе. Демократизация общественной жизни привела к закреплению в законодательстве уравнивания прав всех исповеданий, либерализации вероисповедных отношений, предоставлению подданным права свободного выбора конфессии.

¹ См.: Полное собрание законов (далее ПСЗ). Т. 17. № 13996.

² См.: ПСЗ. Т. 17. № 12776. С. 1032–1033.

³ См.: Писаревский Г.Г. Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II. Варшава, 1914. С. 11–21; Woltner, M. Das wolgadeutsche Bildungswesen und die russische Schulpolitik. Leipzig: Kommissionverlag Otto Harrassowitz, 1937. S. 49.

⁴ См.: ПСЗ. Т. 21. № 15326.

⁵ См.: ПСЗ. Т. 23. С. 257–258.

⁶ См.: ПСЗ. Т. 22. № 16188.

⁷ ПСЗ. Т. 37. № 28198. С. 113–116.

⁸ См.: ПСЗ. Т. 31. № 42326.

⁹ См.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 821. Оп 1.

¹⁰ См.: История отечественного государства и права / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1996. Ч. I. С. 229.

¹¹ Подсчитано по: Алфавитный указатель к Своду законов Российской империи / Составлен под редакцией присяжного поверенного А.М. Нюренберг. М., 1911.

¹² См.: Свод законов Российской империи (далее СЗ). СПб., 1857. Т. I. Ч. 1.

¹³ См.: СЗ. СПб., 1899. Т. IX.

¹⁴ См.: СЗ. СПб., 1897. Т. IV. Ст. 79.

¹⁵ См.: СЗ. СПб., 1906. Т. V. Ст. 245.

¹⁶ См.: СЗ. СПб., 1912. Т. III.

¹⁷ См.: СЗ. СПб., 1857. Т. VIII.

¹⁸ См.: СЗ. СПб., 1912. Т. II. Ст. 681, Т. X. Ст. 61–76.

¹⁹ См.: СЗ. СПб., 1906. Т. V.

²⁰ См.: СЗ. СПб., 1906. Т. VIII.

²¹ См.: СЗ. СПб., 1906. Т. XII.

²² См.: СЗ. СПб., 1905. Т. VIII.

²³ СЗ. СПб., 1905. Т. VIII. Ст. 240.

²⁴ См.: СЗ. СПб., 1890. Т. XIV.

²⁵ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 6. М., 1988. С. 211–221.

²⁶ См.: Симон Г. Русская церковь и российское государство в противостоянии с иноверцами // Диа-Логос: Религия и общество. 2000–2001. Альманах. М., 2001. С. 496; Пинкевич В.К. Конституционная реформа С.Ю. Витте и проблемы веротерпимости в начале XX века // Религия и право. 2003. № 2. С. 20.

²⁷ См.: СЗ. СПб., 1890. Т. XIV.

²⁸ См.: СЗ. СПб., 1896. Т. XI. Ч. 1.

²⁹ См.: Кодекс канонического права. Ч.III. Кн. 5 «Церковное имущество» // Codex iuris canonici. Codex des kanonischen Rechtes. Auctoritate Ioannis Pauli Papa II. promulgatus. Lateinisch-deutsche Ausgabe – Kevelaer: Butzon und Bercker, 1983.Can. 1141, 1083–1094.

³⁰ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 2,3.

³¹ Нумерация статей дается в соответствии со «Сводом учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных» Свода законов Российской империи, где уставы отдельных церквей не имеют собственной внутренней нумерации.

³² См.: СЗ. СПб., 1899. Т. IX.

³³ См.: Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). ф. 180. Оп. 3. Д. 7. Л. 14–23.

³⁴ Собрание узаконений (далее СУ). 26 февраля 1903. Отделение I. Ст. 246.

³⁵ См.: СУ. 17 апреля 1905. Отделение первое. Ст. 526.

³⁶ См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 6.

³⁷ См.: Kessler, J. Geschichte der Diözese Tiraspol. Dickinson. N. Dakota, 1930. S. 202.

³⁸ См.: Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // ПСЗ. Собрание третье. Т. 25. Отделение первое. № 26803.

Этноконфессиональный компонент духовной культуры немецкой национальной группы

Наши социологические и социально-философские исследования религиозной культуры немцев на материалах Казахстана позволяют прогнозировать модели конструктивного бытия малого этноса в многонациональной, разноязычной и поликонфессиональной макросреде¹.

Немецкую (германскую) национальную группу в социокультурном пространстве России–СССР–СНГ правомерно рассматривать как этническое и религиозное меньшинство. Особенности религиозной культуры немцев остаются преимущественно протестантская религиозность и доминирование немцев в протестантских многонациональных объединениях. Противоречивые тенденции интеграции и дезинтеграции, типичные для бытия меньшинства, у немцев дополняются спецификой конфессий протестантизма: относительной автономностью общин, стимулированием религиозного и социокультурного творчества у всех верующих, демократией. Единство семейно-родственной группы и религиозной общины обеспечило основу для создания народной религии и этноконфессиональных общностей в Украине, Поволжье, Крыму и на Кавказе: немцев-лютеран, немцев-католиков, немцев-меннонитов и других групп. Принудительные миграции немцев в Сибирь и Центральную Азию, системная практика ограничения географической и социальной (вертикальной) мобильности национальной группы в советский период привели к дезинтеграции локальных этноконфессиональных общностей и тенденции к интеграции в единую немецкую общность. Становящаяся общность «советские немцы» проявила себя разграничением этнического и конфессионального, переходом части верующих-немцев из лютеранства, меннонитства, католицизма в конфессии баптизма, евангелизма, адвентизма, а также появлением растущей группы нерелигиозных немцев, в том числе атеистов. Религиозные объединения немцев успешно совмещали религиозные функции и функцию самостоятельных этнокультурных центров. В протестантских объединениях крупных городов выявлены значительные группы членов немецких общин, для которых комфортное этнокультурное общение было ведущим мотивом участия в разнообразной деятельности деноминаций.

Среди наиболее стойких традиций, содействующих поддержанию религиозности, являются этноконфессиональные - следствие относительной изоляции нескольких поколений немцев от инонациональной и иноконфессиональной среды. Эти традиции противоречивы. С одной стороны, они противодействуют консолидации немецкого этноса, с другой – облегчают воспроизводство религиозности в традиционных для немцев конфессиях. Наши исследования, проведенные в Казахстане в восьмидесятые годы, подтвердили факт повышенной организованной,

преимущественно протестантской религиозной активности среди немцев региона и не подтвердили бытующее тогда мнение о немецких верующих как потенциальных и действующих экстремистах. Следует уточнить два момента. Немецкие религиозные общины в СССР были объектом пристального внимания; это были единственные легальные и полуполиэгалные объединения немцев по национальному признаку. Во-вторых, под традиционализмом (консерватизмом) в нашем исследовании имеется в виду объективная тенденция бытия религии, противоположная второй стороне – модернизму.

Немецкие общины выполняли и продолжают выполнять роль национальных клубов на конфессиональной основе, в том числе в современной Германии для немцев, переселившихся из СССР, стран СНГ на постоянное место жительства. В национальных клубах на конфессиональной основе община и семейно-родственная группа тесно связаны, используются формы, методы и средства общения, позволяющие реализовать личностные, религиозные, национальные и возрастные социокультурные потребности в полном объеме. Организация многообразных контактов позволяла немецким общинам или немецкой части полиэтнических протестантских общин обеспечить сравнительно успешно простое, порой расширенное воспроизводство этноконфессиональной религиозности без явного конфликта с существующим законодательством о религиозных объединениях. Ведущей тенденцией в деятельности протестантских общин, объединяющих верующих немецкой национальности, является опора на традиционализм, отвечающий привычкам и желаниям большинства верующих. Так, большинство верующих-немцев и немецких общин в свое время вошли в состав ЕХБ потому, что объединения традиционных конфессий немцев тогда не признавались уполномоченным органом. В составе разнородных объединений евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) немецкоязычные общины сохраняли приверженность элементам прежнего культа. Деноминация ЕХБ стремилась удовлетворить потребности верующих-немцев в отправлении культа, литературе, религиозном образовании и своей кадровой политикой. Руководство ЕХБ отмечало религиозную активность верующих-немцев и сложность взаимоотношений с бывшими лютеранами, католиками, церковными и братскими меннонитами². Богослужения в протестантских объединениях немцев велись преимущественно на немецком литературном языке, межличностные контакты осуществлялись на диалектах немецкого и русском языке. Религиозное самообразование, прежде всего углубленное изучение Библии, проводилось преимущественно на немецком языке. Отвечая на вопрос о воздействии религии на человека, респонденты выделили утешительную функцию. Среди мотивов привлекательности общины доминируют эстетические (музыка и песни); общение с людьми своей национальности оказалось более привлекательным, чем общение с единоверцами и ровесниками. В конфессиональном разрезе евангельские христиане-баптисты и меннониты отдали первое место общению с единоверцами. Большинство ответов на вопрос о прочности связей между людьми выстроилось

в следующей последовательности: родственные (свыше половины респондентов), религиозные (30%), дружеские (18%). Свыше 93% опрошенных протестантов-немцев назвали немецкий язык родным. Кроме религиозного объединения, немецкий язык представлен в семье: он незначительно преобладает над русским в общении с детьми, но немного уступает русскому языку в общении супругов и еще больше с родителями. В конфессиональном аспекте немецкий язык предпочтительнее у меннонитов: 96% опрошенных меннонитов предпочитали немецкий в семейном общении. Наши исследования показали включенность верующих в советскую макросреду, открытость верующих-немцев полиэтническому обществу и их социальную активность. Каждый третий респондент отметил, что участвует в общественной жизни, прежде всего в борьбе с недостатками на работе, треть опрошенных выбирает на производстве товарищей из числа трудолюбивых и старательных, а каждый десятый – по религиозному признаку³. Подобное поведение немцев в религиозных объединениях протестантов и католиков отмечают исследователи этнических групп немцев из дальнего зарубежья⁴. Непосредственные контакты с немцами, выехавшими на постоянное место жительства в Германию из стран СНГ, анализ материалов периодики «русских» немцев и о «русских» немцах в Германии пока подтверждают выводы и прогнозы нашего исследования.

Постсоветское бытие немцев в странах СНГ актуализировало некоторые полузабытые проблемы, порой толкуемые как новые. Кардинальные изменения в бытии групп и личностей поднимают уровень тревожности в психике и духовности людей, что ведет к росту числа конфликтов во взаимоотношениях. Российские философы-религиоведы отмечают факты предубеждения части населения, некоторых представителей православной творческой интеллигенции к расширению деятельности католических, протестантских конфессий России, склонность объяснять данные процессы результатом действий антирусских сил из-за рубежа. Порой протестантские объединения и деноминации России трактуются как формы тоталитарных сект⁵. Насколько новые эти проблемы для России? Немецкие поселения в России XIX века порой толковались как немецкое завоевание, угрожающее русской собственности, русской культуре, в том числе православной⁶. Принципиальная гражданская позиция цвета многонациональной российской интеллигенции тогда уберегла честь страны; российские немцы сохранили свой статус до распада Российской империи.

Полагаем, что подобные угрозы-уроки и опыт их разрешения забывать нельзя. Тревожат конъюнктурные способы классификации сект и методы противодействия сектантам. В число защитников прав всех верующих на свободу вероисповедания встали ученые-религиоведы советской школы, огульно обвиненные в атеистической посредственности и нетерпимости в годы перестройки. Впрочем, новоявленные критики сектантов и этих ученых отнесли к корыстным пособникам сектантов. Между тем, научная теория и конструктивное социальное управление требуют объективного познания действительности и разумного действия. Один

из основоположников современной социологии М. Вебер на основе анализа деятельности протестантских сект в Европе и США сделал общеизвестный вывод о протестантских сектах как источниках духа и дела капитализма⁷. Философы и богословы, почитаемые элитой Русской православной церкви, видят корень русского сектантства, «его порождающую и движущую силу в стремлении к «правильной», праведной жизни. В чем содержание этого понятия праведности, – на общих определениях этого сходятся все секты: это жизнь по божьим заповедям, мир, любовь, воздержание и т.д... В чем же разница? Разница между отдельными сектами, во-первых, в принципе, который кладется в основу секты (рационализм и мистицизм), а затем в интенсивности нравственных требований»⁸. Где и когда здравомыслящие люди преследовали других людей за самостоятельность в поиске «праведной жизни», если этот поиск не ограничивает основные права личности, не угрожает бытию общества, государства?

Религия выполняет двуединую социокультурную функцию; она является фактором стабильности и изменения, интеграции и дезинтеграции⁹. В современной социологии этот принцип развернуто представил Т. Парсонс. Марксистско-ленинская идеология в СССР, опираясь на позицию К. Маркса о религии как опиуме народа, то есть поддерживающей капиталистическое (антагонистическое) общество, сформулировала понятие иллюзорно-компенсаторной функции религии, церкви и представила ее в качестве центральной, сущностной для религии. Считаем, что наследие К. Маркса, – часть германского философствования, – предоставляет реальную возможность для иного осмысления аспектов роли религии в обществе. Например, религия как социальный институт не только поддерживает, но и критикует существующий порядок вещей.

Полагаем, что наше определение сущности религии – система освящения творческого начала, включающая общение-преклонение¹⁰ – не противоречит центральной идее философии К. Маркса, идее осознанного преобразования мира. Мысль о творчестве в религии и посредством религии проходит красной нитью в трудах Н. Бердяева, философа свободы и творчества. Религия – органичная часть духовной культуры, духовности. Дух есть сознание в действии, по определению А. Лосева. Понятие духа как творчества, в том числе этноконфессионального аспекта духа, разработано в классической германской (И. Кант, Шеллинг, Гегель) и российской (Вл. Соловьев, Н. Бердяев) философии не без влияния идей германского мистика Я. Беме о двойственном основании бытия – действии противоположных качеств, добра и зла. Понятия религиозного и этнического, мистического и нравственного, церковного и светского; самостоятельность и единство этих феноменов, взаимодействующих как стороны противоречия, разрабатываются Кантом, Гегелем, Вл. Соловьевым. Дух протестантизма у М. Лютера, Т. Мюнцера есть призыв к практическому действию, творчеству в единстве форм мистического и светского. Не умаляя другие конфессиональные культуры, следует вспомнить, что стабильные парламентские демократии в Европе и Северной Америке возникли

и существуют преимущественно в обществах с преобладанием протестантизма в религиозной сфере. Более подробное представление понятий духовного и религиозного, этнического и конфессионального в связи с бытием германской (немецкой) национальной группы в русской (российской) социокультурной среде не входит в задачу данной статьи. Изложенного выше достаточно для понимания нашей методологии: анализ духовно-культурных оснований немецкой национальной группы должен включать общее из наследия германской и российской (русской) философской культуры. Представляется, что на этом пути возможно достоверное выявление сущности немецкой национальной группы, понимаемой нами как пограничный (близкий понятию «пограничная ситуация» у К. Ясперса) феномен – социокультурное условие и динамичный продукт – тысячелетнего противоречивого совместного бытия (со-бытия) русской и германской культур, а также прогнозирование перспектив сосуществования культур на пространствах Евразии.

Известно, что М. Вебер стремился понять религию как фактор социального изменения, прежде всего посредством классического анализа взаимодействия процессов становления протестантизма и капитализма в Европе и Северной Америке. Это не означает, что для становления и развития капитализма протестантизм является обязательным компонентом духовной культуры. Он допускал мысль, что психология современного капитализма может иметь другую религиозную мотивацию. Принимая положения М. Вебера о характере связи между протестантизмом и капитализмом, С. Булгаков видел аналогичный потенциал в религиозно-этических основах русского православия и промышленности России и сожалел, что почти нет подобных исследований российского хозяйственной жизни в современной ему теории с безраздельным господством экономизма¹¹.

Концепция религии как социокультурного фактора стабильности и изменения стремится объективно осмыслить и объяснить феномен деструктивности религиозно-конфессиональных конфликтов, факты нетерпимости и фанатизма в поведении верующих и религиозных групп. Получила признание идея, что религиозная нетерпимость порождается сущностной для религии монопольной претензией на истину: догматы всех конфессий возводятся к абсолюту. Отсюда типичное для конфессий деление религий на правильные и неправильные, позитивные и негативные, господствующие и второстепенные, привилегированные и преследуемые, церкви и секты. Более того, теологические разногласия часто скрывают глубинные конфликты, личностные и групповые, в том числе этнические. Конфликт – источник перемен. Для социокультурной реальности имеет принципиальное значение характер конфликта: деструктивный или конструктивный. Это в полной мере относится к религиозным, этническим, этноконфессиональным конфликтам¹².

Очевидно, что в Казахстане, России современный межконфессиональный диалог, диалог религиозной и светской духовности как позитивный феномен духовной культуры поддерживается, зачастую корректируется, благодаря доброй воле

авторитетных политических лидеров этих стран. Анализ постсоветских публикаций показывает, что данные и выводы социологических исследований религиозности населения, проведенных в одном регионе, различаются порой до противоположности. Представляется, что в полиэтническом и поликонфессиональном сообществе на постсоветском пространстве, с его массовым атеизмом и жестко ограниченной деятельностью всех конфессий в недавнем общем прошлом, необходимы объективные, скоординированные на межгосударственном уровне солидные светские исследования духовной жизни общества для моделирования и реализации действий конкретного светского государства, гражданского общества в условиях становления мировоззренческого плюрализма. Необходимо научное светское религиоведение, независимое как от политического атеизма, так и от конфессиональной теологии, идеологии нетрадиционных культов и популизма.

Полагаем, что профессионально выверенное применение перспективных идей, традиций советского и зарубежного религиоведения помогли бы евразийскому сообществу избежать некоторых осложнений в постсоветской социокультурной практике. Например, в осмыслении «народной», «исторической» религии на уровне понятий и их операциональной интерпретации представляется любопытным для евразийского сообщества подход Р. Белла¹³. Религия, понимаемая социологом как символическая система, в своем развитии знает пять этапов (типов): примитивный, архаический, исторический, раннесовременный и современный. Современный тип находится в становлении, поэтому его трудно очертить и определить. Ясно, что он непохож на предыдущие этапы, а порой и на религию. Для него характерна социокультурная активность, сдвиг от церковной приверженности к личной ответственности. Белла утверждает, что любое современное общество включает все мыслимые типы религиозной ориентации. В поликонфессиональном обществе, сообществе мировоззренческого плюрализма в качестве критерия религиозной, в целом духовной культуры может стать, полагает Р. Белла, «гражданская религия», выступающая приемлемой для всех основой религиозного, а может быть и духовного единства общества. «Гражданская религия» у Р. Белла – это признание общих «святынь», как сакральных, так и секулярных.

Полагаем, что в социокультурном пространстве СНГ актуальна разработка понятия единой основы надгрупповой метаобщности. Опыт взаимодействия, традиции общности, память о едином культурном пространстве есть. Понятие гражданственности (не путать с гражданством) производно от понятия гражданского общества; гражданственность может стать перспективной основой феномена евразийского культурного ареала. Гражданственность подчеркивает общую основу взаимодействия, понимаемого как конструктивное сотрудничество и развитие без претензии на ликвидацию этнического (народного), языкового, мировоззренческого, религиозно-конфессионального многообразия. Понятие и реализация такой модели социокультурного устройства и взаимодействия позволит конструктивно разрешать возникающие противоречия и конфликты.

В системе этноопределителей роль вербального языка политизирована и небоснованно абсолютизирована. Философия языка исследует свой предмет взвешенно. Во-первых, язык, по определению, например, П. Флоренского, есть выражение тела и телом человека, есть способ бытия личности. Во-вторых, живой язык, как и состоящий из групп народ, развивается и изменяется в целом и в частях-диалектах. В-третьих, реальное бытие вербального языка во всех сферах жизнедеятельности личности, общества, государства возможно в мощном, государственно организованном и стабильном, длительно развивающемся сообществе. Таких в современном мире немного. В-четвертых, владение этническим (вербальным) языком и этническое самосознание не тождественны. В самом деле, далеко не все люди, свободно изъясняющиеся на английском языке, считают себя англичанами. Эти бесспорные положения применительно к реалиям языка немецких (германских) меньшинств дополняются такими моментами, как историческое множество этнических и этноконфессиональных диалектов немецкого (германского) языка, сравнительно непродолжительное сосуществование исторических земель-стран в единой Германии (меньше полутора веков), дисперсное расселение немцев за пределами Германии, их многочисленные миграции, в том числе принудительные, наконец, необходимость владеть в совершенстве государственным и (или) господствующим языком для успешной социальной мобильности в стране постоянного проживания. Есть и новые реалии. В суверенном Казахстане, как и в других странах постсоветского пространства, немецкий язык в системе образования не выдерживает конкуренции с английским языком. Учитывая изложенные выше аргументы, мы разделяем точку зрения этнологов, считающих этническое (национальное) самосознание ведущим признаком этноса¹⁴.

Наши исследования религиозности немцев подтверждают правоту суждения об этническом самосознании как социокультурной основе малого этноса. Сферы бытия немецкого языка верующих респондентов ограничены богослужением и бытом. Русский язык охватывает все сферы жизнедеятельности даже у протестантов-немцев. Данные переписи населения СССР 1979 года свидетельствуют, что немецкий язык родным назвали 57% немцев. Это означает, что 43% немцев в значительной степени или полностью утратили немецкий язык, однако в самосознании определили себя немцами, и не потому, что это было социально престижно. Известно, что немецкая национальная группа в СССР семидесятых годов не являлась элитарной, надежды на изменение статуса этноса или эмиграцию немцев были иллюзорными. Этнологи знают, что языковая трансформация не всегда приводит к ассимиляции этнической; в мире были и есть малые и большие самостоятельные этносы, которые говорят на языке другого этноса изначально или приняли иной язык в качестве своего этнического в процессе исторической динамики. Такой вариант развития есть и у немецкой национальной группы.

В нашей научно-идеальной модели, немецкая национальная группа СНГ, равноудаленная от крайностей самоизоляции и вынужденной ассимиляции, экстре-

мизма и конформизма, освобождающаяся от пессимизма консервативного стиля-комплекса утраты и поиска идентификации, творческим трудом вносит достойный вклад в развитие своей динамичной этнической общности, открытой конструктивным изменениям, в дело развития открытого Евразийского сообщества; является подлинным «культуртрегером» в этом контексте.

¹ См.: Дик П.Ф. Особенности религиозности протестантов немецкой национальности... Автореферат дис. канд. филос. наук. Ленинград: ЛГПИ, 1988; Дик П.Ф. Основы религиоведения (этнокультурный аспект): Учебник для слушателей юридических специальностей. Астана-Костанай, 2000. Гл. 4-7, 11; Дик П.Ф., Дик Н.Ф. Культурология: Уч. пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс, 2006. С. 141-153 и другие.

² См., например: Братский вестник, 1985, № 3; 1983, № 2; 1980, №№ 1-2.

³ См.: Дик П.Ф. Особенности религиозности протестантов немецкой национальности... С. 9-14.

⁴ См.: Берзина М.Я. Формирование этнического состава населения Канады. М., 1971. С. 130-137.

⁵ См.: Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Мировые религии. М., 1998. С. 162-163, 182, 201, 215.

⁶ См.: Велицин А.А. Немцы в России. С-Пб, 1893.

⁷ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 56-277.

⁸ История религии /А. Ельчанинов, В. Эрн, П. Флоренский, С. Булгаков. М., 1991. С.189.

⁹ См.: Гараджа В. Социология религии: Учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М., 1996. С. 29-49.

¹⁰ См.: Дик П.Ф. Основы религиоведения (этнокультурный аспект)... С. 10.

¹¹ См.: Булгаков С. Соч. в 2-х т. М., 1993. Т. 2.

¹² См.: Этносоциология: Учебное пособие для вузов. /Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. М., 1999. С. 231-245.

¹³ См.: Белла Р. Социология религии //Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

¹⁴ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Историческая ономастика немецких колоний в России: проблемы и научные перспективы

Эпиграф или посвящение как введение в научное сообщение не соответствуют тону и обычаю научных конференций. Но я на этот раз позволю себе небольшое отступление от правил – я посвящу свое выступление, в полном соответствии с темой, памяти нашего выдающегося коллеги – писателя Зеппа Эстеррайхера.

Этот замечательный юморист, которому теперь исполнилось бы уже 103 года, был, кроме того, и ученым-филологом: в сибирском концлагере он изучал язык русских уголовников, а в нашей газете «Нойес Лебен» он постоянно отвечал на вопросы читателей «откуда и как возникла моя фамилия». Так он познакомил нас с новой для нас наукой – немецкой ономастикой, которую он сам изучал в Венском университете.

Но наука о немецких именах и фамилиях имеет и другую, географическую грань – это топонимика, изучение немецких географических названий, прежде всего названий населенных пунктов. Для наших сельских жителей, немецких колонистов, это означало прежде всего историю наименования и переименования их деревень.

Наименования колоний были, в отличие от русских деревень, не просто издавна сложившимися и общепринятыми географическими названиями, но возникли по произволу вызывателей или чиновников, либо сложились исторически в силу обстоятельств. Так колония Ново-Саратовка под Петербургом была образована колонистами, которые не захотели ехать в собственно Саратовскую губернию и обосновались рядом со столицей. Колония Починная была так названа чиновниками Екатерины II как одна из первых в Поволжье, но это название не прижилось и было заменено на Крацке по имени первого старосты этой деревни. Целый ряд колоний получил названия согласно именам швейцарских кантонов – Цюрих, Шафгаузен, Гларус и др. – потому что действительно предполагалось поселить там под властью вызывателя барона Кано де Борегара швейцарских иммигрантов. Этого не произошло, но названия остались. Часть колоний сохранила прежние русские названия (напр. Ягодная Поляна), другие были названы в честь известных деятелей (Палласовка) или чиновников (Хансау на Волге или Шумановка на Алтае). Особо следует отметить колонии в Бессарабии, которые были названы Александром I по местам сражений Отечественной войны 1812 года – Бородино, Малоярославец, Тарутино и даже Ватерлоо! Аналогичные названия получили казацкие станицы на Урале, в нынешней Челябинской области.

На этом, как известно, история наименований колоний не остановилась. С середины XIX века началось бурное развитие дочерних колоний, в частности в Заволжье, которые получали традиционные названия мест выхода с приставкой Ней- (напр. Ней-Галка) или произвольные новые названия, отражавшие мечту колонистов о

счастливой жизни на новом месте (напр. Блюменфельд, Хорошее, Райхенфельд) или мечту о превращении этих колоний в цветущие города – Претория, Варшава, Лондон, Америка (последние три на Алтае).

Первоначальные названия колоний сохранились, однако, только до событий начала XX века Первая мировая война принесла вместе с «ликвидационными законами» и насильственной русификацией школы также и русификацию немецких географических названий, которая, однако, просуществовала только три года, после 1917 г колонисты вернулись к своим немецким названиям. Новая волна русификации прошла после второй мировой войны, когда были русифицированы (или украинизированы – пример – Грослибенталь – Велика Долина) бывшие поселения депортированных немцев или существующие немецкие поселения (Гальбштадт на Алтае – Некрасово, ныне снова Гальбштадт, центр Немецкого района).

Таким образом история наименований немецких поселений отражала все волны политических событий в России в целом, в советское время названия сел и районов отражали кроме того и тенденции произвольного наименования районов (напр. Карл-Либкнехтовский район на Украине – Ландау), причем особый интерес для этого периода представляют собой названия колхозов – они от произвольных и фантастических постепенно превратились в пантеон очередных советских деятелей и героев – Ленин, Сталин, Энгельс, Тельман, Каганович либо Эйхе – с последующей отменой в связи с насильственной смертью или смещением соответствующего деятеля.

Казалось бы, кому интересны названия, данные когда-то в честь часто сомнительных деятелей прежнего режима? Однако здесь есть определенный научный интерес. Дело в том, что в советской прессе большей частью не указывалось, крестьяне какой деревни отличились в производстве или наоборот потерпели фиаско в каком-то деле. Это особенно важно для изучения истории немецкой деревни 1930-х годов, которая подробно еще не написана. А данные об этой истории, прежде всего хозяйственной, зашифрованы в печати под названиями «колхоз имени НН». Следовательно, необходимо иметь списки колхозов по районам (поскольку названия были стандартными и повторялись в каждом районе) и с указанием названий деревень, иначе все данные о колхозах обесцениваются. Вот пример: в советской печати АССРНП часто в числе передовых упоминался кантон Лизандергее, как будто хозяйства этого района преуспевали в силу своего старания или квалификации специалистов. Ничего подобного, соревнование кантонов шло при неравных условиях: деревни кантона Лизандергее были основаны на левой стороне Волги на сто лет позднее остальных колоний Поволжья, это были менониты, приехавшие в Россию накануне 1861 г. и резко отличавшиеся от прочих колонистов. Это были не бедные крестьяне и ремесленники юго-западной Германии, а прусские капиталистические фермеры, которые еще до эмиграции усвоили более современные методы ведения сельского хозяйства. Сравнить их с прочими колонистами, особенно с правой стороны Волги, было по меньшей мере некорректно, хозяйственные и социальные

предпосылки успехов были совершенно другими (прежде всего система наследования и все ведение хозяйства).

К сожалению наши авторы часто не обращают внимания на историческую географию немецких колоний (не считая специальных работ В. Дизендорфа, которые заслуживают отдельного разговора) или Германии и допускают грубые ошибки. Так некто Адам опубликовал очень интересную работу о хозяйстве крестьянина-меннонита Унру¹, однако пишет, что предки семьи Унру приехали в Россию из «Пройзен». Оказывается, это была германская земля Пройссен, которая по-русски пишется «Пруссия», причем эмигрировали меннониты не из Пруссии в целом (это государство состояло из многих частей, располагавшихся по всей Северной Германии от Немана и до Рейна), а конкретно и только из Западной Пруссии (к югу от Данцига), которая два столетия входила в состав Польши. Без такого указания читатель мог думать, что эти меннониты прибыли в Россию из Бранденбурга или других районов центральной Пруссии, история которых была совершенно иной. Кроме того этот автор искажает другие географические названия, Давленоно вместо Давлеканово, Ранополь вместо Ровнополь, что обесценивает его интересную работу, читатель теряет к ней доверие.

Положительным примером может в этом случае служить работа А. Н. Келера из Омска «Изменения в немецкой топонимии Одесского региона»². Автор подробно раскрывает обстоятельства первоначального наименования одесских колоний, попытки чиновников навязать колонистам русские названия уже в конце XIX века, влияние Первой мировой войны на топонимику колоний, влияние сселения хуторов (носивших названия по фамилии владельцев) на сокращение числа немецких названий, показывает процесс образования национальных районов на Украине. образование новых выселков из немецких безземельных, процесс образования первых колхозов на основе немецких хуторов. Он цитирует новый документ о восстановлении немецких названия во время германской оккупации 1941-44 гг. и, наконец, показывает ход и результаты процесса переименования всего немецкого после 1945 г. и издержки этого процесса. Эта работа может действительно служить примером научно обоснованного подхода к вопросу о топонимике немецкой деревни в России, других работ такого уровня мы пока еще не видели, хотя затронутый нами выше вопрос о наименовании колхозов и здесь еще не нашел своего разрешения.

В целом можно сказать, что немецкая топонимика как часть немецкой ономастики в России еще находится в самом начале научной разработки, подробное раскрытие этой тематики на местах еще только предстоит.

¹ Адам Я. В. Из истории семьи Унру // Немцы Сибири, история и культура: Материалы 4-й научно-практической конференции. Омск, 2002. Новосибирск, 2003. С. 3–6.

² Немцы Одессы и Одесского региона: Сборник докладов... на конференциях в Геттингене / Сост. А. Айсфельд и Э.Г. Плесская. Одесса, 2003. С. 330–354.

Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)

Вопрос об участии меннонитов юга России в Первой мировой войне продолжает оставаться малоизученным. Во-первых, практически не известно количество призванных на военную службу adeptов этого учения. Во-вторых, еще не освещалась роль правительственных структур Российской империи в привлечении меннонитов к военной или альтернативной службе.

Уже в годы войны 1914–1918 гг. стали выходить работы, посвященные проблеме меннонитов и их отношения к службе. Наиболее солидной выглядела книга С.Д. Бондаря «Секта меннонитов в России» (Пг, 1916), который пользовался архивом Министерства государственных имуществ. Его данные о призыве меннонитов в 1914–1915 гг. и сейчас не утратили актуальности. Главный же вывод работы лежал на поверхности: изобразить меннонитов как очаг немецкого завоевания России. Автор всячески подчеркивал их нелояльность и подозрительность. Отповедью стала книга Я. Штаха «Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов» (М., 1916): она носила популярный и полемический характер и задала тон последующей литературе по данной проблеме. Изучение истории российских меннонитов превратилось на долгие годы в полемику между обвинителями и защитниками этой общины.

Наиболее ярко это проявилось с началом коллективизации и нового витка борьбы уже советского государства с религией. А.И. Клибанов, А. Рейнмарус и Г. Фризен в это время написали ряд работ о «вредительстве» меннонитов, рассматривали их как агентов царизма, призванных для «мирного добывания» южнорусского и украинского крестьянства¹.

Более чем на полвека научная разработка данной темы была прекращена в России.

В настоящее время эта тема вновь волнует историков. В 1998 г. выходит интересная и солидная работа Н.В. Осташевой «На переломе эпох: Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг.» (М., 1998). Автор провел, кроме того, анализ отечественной и зарубежной историографии по меннонитам.

Тем не менее, большой пласт архивных источников пока не привлекался исследователями: это документы военного ведомства России 1914–1918 гг., прежде всего документы Главного управления Генерального штаба, которое в период мировой войны ведало, в том числе, и использованием в военных целях призывного контингента меннонитов (Российский государственный военно-исторический архив).

Задача данного исследования – выяснить порядок использования меннонитов в военных целях, раскрыть взаимоотношения между сообществом, каким являлись в России меннониты, и государством в годы Первой мировой войны.

Вопрос о службе меннонитов был решен к 80-м годам XIX века путем введения для них своеобразной альтернативной повинности. Они призывались согласно Правилам от 25 мая 1882 г., подтвержденным Лесным уставом 1905 г., в лесные команды Министерства государственных имуществ. К началу войны в 8 таких командах служило 1204 человека².

Сам вопрос о такой службе сложился в результате противоречия следующего характера: меннониты во время войн охотно оказывали помощь раненым и больным, но считали это делом добровольным, а не обязательной службой или повинностью. В этом же ключе решался вопрос об их службе и с началом войны против Германии и Австро-Венгрии. 13 августа 1914 г. Совет Министров с согласия императора Николая II принял решение о привлечении меннонитов во всех губерниях на лесные работы вплоть до конца войны. Соответственно к вопросу о призыве меннонитов для отбывания этой службы были привлечены Министерство внутренних дел, на котором лежала обязанность организации призыва через уездные по воинской повинности присутствия, и Главное управление Генерального штаба (Мобилизационный отдел), которое через местные бригады ведало в военных округах использованием новобранцев, запасных и ополченцев. В частности, Мобилизационный отдел распределял меннонитов по лесным командам, а затем и по санитарным учреждениям.

Всего к началу войны в России насчитывалось примерно 80 тыс. меннонитов. Больше всего их было в Новороссии (Таврическая и Екатеринославская губернии), поэтому речь прежде всего идет об их роли в войне (до 50 тыс. чел.)³. В Предуралье (Самарская и Оренбургская губернии), в Сибири и на Кавказе меннонитов было значительно меньше.

Летом-осенью 1914 г. был осуществлен призыв меннонитов, находившихся в запасе. Из 3105 запасных в военно-санитарные и благотворительные медицинские учреждения было направлено 1365 человек, что также предусматривалось Журналом Совета Министров от 13 августа 1914 г.⁴ Осенью 1914 г. последовал очередной призыв новобранцев: было мобилизовано 33 меннонита Самарской губернии, 42 – Оренбургской губернии, 4 – Минской, 2 – Ставропольской, 26 – Херсонской, 237 – Таврической, 102 – Екатеринославской, 4 – Тобольской, 41 – Томской, 18 – Семипалатинской области и 9 – Кубанской области, всего 518 человек⁵. Всего с учетом этого контингента к началу 1915 г. (здесь и далее все даты по старому стилю) на дорожных работах в Таврической и Екатеринославской губерниях находилось в 18 командах 271 меннонит, на лесозаготовках в Петроградской, Брянской и Новгородской губерниях – 225 чел., на охране лесов в 19 различных европейских губерниях России – 664 чел.⁶ В санитарных учреждениях к этому же времени служило 2116 меннонитов⁷.

Направление в санитарные отряды и медицинские учреждения осуществлялось на основании запросов этих организаций. Так, например, 23 декабря 1914 г. председатель Всероссийского земского союза кн. Г.Е.Львов просил у Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба (далее – ГУГШ) 400 меннонитов для лазаретов и санитарных отрядов Всероссийского земского союза (далее – ВЗС). 28 декабря эта просьба была поддержана Главным управлением Красного Креста (гофмейстер А.А.Ильин), а 30-го – и Главное управление землеустройства и земледелия (Лесной департамент) выразило согласие на передачу меннонитов из лесных команд в санитары (100 чел.). В это время запаса свободных меннонитов у военного ведомства уже не было, и поэтому с согласия Лесного департамента 100 человек были назначены из служащих в Лисинском казенном лесничестве, а остальные могли быть направлены только после призвания нового контингента. 8 января 1915 г. такая отправка была произведена распоряжением Петроградского уездного воинского начальника полковника Утина⁸.

24 декабря 1914 г. император Николай II утвердил решение Совета министров о призыве на службу ратников ополчения из меннонитов сроков призыва 1900-1914 гг. Все они должны были быть использованы в качестве санитаров⁹. 10 января 1915 г. и.д. начальника Мобилизационного отдела генерал-лейтенант П.И.Аверьянов после согласования с Министерствами государственных имуществ и внутренних дел отдал распоряжение о призыве ополченцев-меннонитов во всех уездах Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Томской и Воронежской губерний, Кубанской, Терской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Приемом меннонитов ведали: в Новороссии и на Украине – Екатеринославский уездный воинский начальник, на Северном Кавказе – окружной воинский начальник Ростова-на-Дону, в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, включая Алтай, – Самарский уездный воинский начальник. Все ополченцы находились в непосредственном распоряжении ГУГШ¹⁰. 10 января 1915 г. товарищ Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.А. Риттих, в чьем ведении находились лесные команды, предложил начальнику ГУГШ М.А. Беляеву призвать еще и контингент 1915 года (около 450 чел.), но тот посоветовал «с призывом новобранцев повременить», несмотря на поток заявок из санитарных учреждений¹¹. Однако министр внутренних дел гофмейстер Н.А. Маклаков 12 января твердо высказался за призыв контингента 1915 года и определил срок сбора меннонитов – после отправки в войска новобранцев, то есть с 10 марта (кроме Сибири, где меннонитов было немного, а внеочередной призыв новобранцев завершался в апреле)¹². Поскольку уездные присутствия по воинской повинности подчинялись МВД, его позиция имела решающее значение. Призываемыми ратниками (их количество оценивалось в 2,5–4 тыс. чел.) могли быть укомплектованы все санитарные учреждения, включая и санитарные поезда Красного Креста армий Юго-Западного фронта. Требуемые для них 100 человек были сняты с лесных работ в Херсонско-Бессарабском управлении и к 4 февраля

сосредоточены у Екатеринославского уездного воинского начальника (15 рабочих Жеребковского, 20 – Рацинского, 25 – Чернолесского, 37 – Владимирского лесничеств)¹³. Однако становившийся обычным ход событий был неожиданно нарушен. В середине января 1915 г. в Мобилизационный отдел обратился член Военного совета генерал от инфантерии П.С. Саввич. Он жаловался, что санитары из меннонитов в госпитале им. Наследника Цесаревича ведут антивоенную пропаганду среди раненых. Уже 17 января было сделано распоряжение о переводе всех 42-х заподозренных во вредном влиянии на солдат санитаров в лесную команду Пермской губернии. Но в Мобилизационном отделе ГУГШ тревога продолжалась: ведь в санитарных отрядах служило к тому времени более 2400 меннонитов; поэтому генерал М.А.Беляев запросил у Саввича подробности дела и приказал начать расследование¹⁴. 1 февраля военный министр генерал от кавалерии В.А.Сухомлинов и начальник ГУГШ генерал от инфантерии М.А. Беляев уведомили Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.А. Риттиха о нежелательности призыва меннонитов вместе с другими новобранцами и об ограничении тысячью человек количества ратников, передаваемых для военно-санитарной службы. Генералы предполагали даже «в зависимости от результатов расследования ...совершенно отказаться от дальнейших призывов и даже возвратить в первобытное состояние всех меннонитов, уже призванных... в качестве санитаров». Письмо такого же содержания было направлено и в МВД¹⁵.

Было признано нежелательным направление меннонитов на передовые позиции, поэтому в просьбе главноуправляющего Красного Креста района армий Юго-Западного фронта было отказано, а собранные уже в Екатеринославе сто меннонитов 15 февраля отправились обратно в лесничества Херсонско-Бессарабского управления¹⁶. Сосредоточенные у Омского уездного воинского начальника новобранцы 1915 года получили назначение в Исиль-Кульское лесничество¹⁷. Остатки же контингента призывников 1914 г. были распределены по военно-санитарным учреждениям (38 Херсонского уезда и губернии, 4 Перекопского уезда Таврической губернии, 20 от Самарского уездного воинского начальника)¹⁸. «Кризисом доверия» воспользовался директор Лесного департамента Н.В. Грудистов, который вместе с Риттихом 11 февраля обратился в Военное министерство и в Совет Министров с проектом изменения порядка службы меннонитов во время войны: те новобранцы и ополченцы, которые оказались бы не нужны военному ведомству, должны были бы направляться на лесные работы, а распоряжение ими вновь переходило бы к Главному управлению Землеустройства и Земледелия¹⁹. Генерал от инфантерии М.А.Беляев, только что заступивший на место смещенного Сухомлинова, был вынужден согласиться. Со своей стороны и МВД предложило военным перенести призыв ополченцев-меннонитов на апрель 1915 г. (вместе с ратниками ополчения других конфессий), тем более что к этому времени ожидалось завершение расследования. Беляев согласился и на это²⁰.

События вокруг меннонитов стали волновать общественность. Член Государственной думы Г.А.Бергман обратился к военному министру, прося разъяснений и одновременно ходатайствуя о направлении всех меннонитов на военно-санитарную службу: «Единственно чем они могли бы помочь в эту тяжелую годину своему горячо любимому Отечеству, – это служба в санитарях»²¹. О встрече с Бергманом просил Беляева и председатель Государственной думы М.В. Родзянко, но его позиция была иной: «Я не имею ни малейшего намерения ни вмешиваться в Ваши распоряжения, ни критиковать их, так как очень опасаясь вообще вредного влияния немцев на солдатиков (о чем, конечно, Бергману не говорите), но по обязанности моего положения ...обязан помочь члену Думы выяснить обстоятельства интересующего его дела»²². 26 февраля Бергмана принял Беляев и изложил ему официальную точку зрения: порядок призыва и прохождения службы меннонитам не может быть изменен, столько санитаров военному ведомству не нужно, а перевод санитаров в лесничества носит частный характер и вызван их пацифистскими взглядами и «вредным влиянием» на солдат²³.

Раздавались голоса и из другого лагеря. В скандально известной газете «Новое Время» под псевдонимом «Омикрон» появилась статья «В чем дело?» с призывом отменить особенности прохождения службы меннонитами: «Такое привилегированное положение группы выходцев из Германии, воспользовавшейся и без этого всевозможными льготами, прямо-таки ненормально и глубоко обидно для коренного русского населения»²⁴. Судя по всему, власти сознательно допустили утечку информации о предполагающемся изъятии меннонитов из военной службы, тем более что «кризис доверия» совпал по времени с принятием ликвидационного законодательства, с разгулом шпиономании и с крупномасштабными депортациями немцев из царства Польского.

2 марта 1915 г. генерал-майор П.И. Аверьянов запретил перевод в санитары 36 новобранцев 1915 г., за которых ходатайствовали Г.А. Бергман и А.А. Риттих, и потребовал от Лесного департамента отклонять и впредь «частные просьбы, идущие вразрез с отдаваемыми на сей предмет распоряжениями, ...так как произвольное назначение меннонитов нарушает установленный порядок их призыва и лишает возможности вести правильный учет им»²⁵.

6 марта Совет министров рассмотрел предложения Главного управления землеустройства и земледелия о службе меннонитов во время войны и признал их «вполне целесообразными и подлежащими осуществлению». Теперь в лесные команды можно было направлять и ратников ополчения, если Военное министерство находило их «излишними», Лесной департамент восстанавливал власть над призванными меннонитами в полном объеме, а министры военный, морской и внутренних дел обязывались в короткое время разработать проект привлечения меннонитов к службе в действующих войсках без ограничений. 17 марта это решение утвердил Николай II²⁶.

Несмотря на то что к этому времени санитарные организации просили направить им более 1600 меннонитов, Мобилизационный отдел ГУГШ распорядился 31 марта о призыве в Казанском военном округе только 300, а в Одесском – 700 меннонитов-ополченцев. Ратники Саратовской, Уфимской и Оренбургской губерний собирались в Самаре, а Екатеринославской губернии – в Екатеринославе. Уже призванные ополченцы Кубанской и Терской областей (соответственно 32 и 15 человек), новобранцы 1915 года из Одесской бригады направлялись в лесничества²⁷.

В начале апреля выяснилось, что не все из «вредных» меннонитов госпиталя им. Наследника Цесаревича прибыли в пермские леса. На запрос ГУГШ инициатор «кризиса доверия» П.С. Саввич с более чем 2-месячным опозданием ответил, что оставил 20 самых надежных, «дабы не нарушать правильного течения работ в госпитале». Получив такой ответ, начальник ГУГШ генерал Беляев приказал «этот вопрос больше не поднимать»²⁸.

Проблема была исчерпана, но последствия «кризиса доверия» были велики. Была восстановлена прежняя система службы для меннонитов – в Лесном департаменте, направление в санитары стало исключением. Был изменен порядок призыва и использования ратников ополчения, казалось бы, определенный Советом министров и императором в декабре 1914 г. Роль военного ведомства в использовании меннонитов была ограничена. События февраля 1915 г. показали, что государство боится душевных порывов и самоотвержения своих подданных, если они не приемлют войны и насилия. Изменились и настроения меннонитов. В конце XIX века они боролись за независимость от Военного министерства, считая помощь раненым христианским долгом, а не повинностью. Теперь к этим настроениям прибавилось отношение к службе в лесных командах как к наказанию, как к ущемлению священного права и долга помощи ближнему, осуществляемому службой по военно-санитарной части.

К середине апреля 1915 г. Екатеринославский уездный воинский начальник полковник Н.С. Круглов отправил в санитарные учреждения Москвы, Новгорода, Екатеринослава, Херсона и Симферополя 570 ополченцев из меннонитов (из Екатеринославского уезда – 243, Изюмского – 35, Старобельского – 4, Бахмутского – 144, Павлоградского – 13, Верхнеднепровского – 48, Александровского – 76, Новомосковского – 6 и Московского уезда и губернии – 1)²⁹.

Генерал-квартирмейстер штаба Казанского военного округа генерал-майор С.А. Сухомлин сообщил о сборе к концу месяца 116 меннонитов по Самарской, 34 по Уфимской и 10 по Оренбургской губерниям. 100 из них были командированы санитарями в госпитали Москвы и Крыма³⁰. Но заявки к тому времени уже превысили 2000 человек, и это при том, что многие меннониты, не дожидаясь призыва в лесные команды, добровольцами шли в санитары. В связи с тем, что в лесные команды ополченцы почти совсем не поступали, Мобилизационный отдел ГУГШ потребовал от военных округов розыска и задержания «ратников меннонитов, не явившихся к

отбыванию установленной для них повинности»³¹. Кроме того, военное ведомство просчиталось в оценке количества ратников, подлежащих передаче в санитары: как видно из вышеприведенных сводок, по Екатеринославской губернии недобор составил 30%, а по Поволжью и Предуралью – почти половину от оценочного количества. Тем не менее, военные по-прежнему находили «нежелательным» направление санитаров-меннонитов в передовые санитарные отряды. Так, против присутствия меннонитов в районе Ковно высказался начальник штаба армий Северо-Западного фронта генерал-лейтенант А.А. Гулевич. Заявка на 40 санитаров была отклонена³². В тыловых районах использование меннонитов не было ограничено. 20 апреля начальник ГУГШ М.А. Беляев высказался за допустимость принятия меннонитов на санитарную службу в Крыму, где по свидетельству председателя Главного управления Российских обществ Красного Креста (РОКК) гофмейстера А.А. Ильина невозможно было нанять никого для работы в госпиталях³³.

Нужда в санитарях заставила по-иному, отбросив политические амбиции, подойти к вопросу об использовании контингента новобранцев 1916 года. 5 мая 1915 г. А.А. Риттих запросил М.В. Беляева, будет ли новый призыв меннонитов направлен в санитары без предварительного распределения по лесным командам (количество призывников оценивалось в 600 человек). Начальник ГУГШ ответил, что «в виду непрекращающегося роста лечебных заведений и целесообразности назначения меннонитов в качестве санитаров... предоставление новобранцев меннонитов призыва 1916 года в распоряжение военного ведомства является крайне желательным», и предложил призвать только контингент из Европейской части России и с Кавказа³⁴.

10 мая Мобилизационный отдел направил циркуляр в военные округа о сосредоточении всех меннонитов призыва 1916 года у Екатеринославского и Самарского уездных воинских начальников.

Весь этот контингент поступал в распоряжение ГУГШ. Совместно с Главным управлением землеустройства и земледелия 15 мая был определен состав губерний, откуда призывались меннониты: Новороссия, Северный Кавказ, Польша, Воынь, Курляндия, Поволжье и Предуралье³⁵. К этому времени в санитарных учреждениях служило уже 2747 меннонитов – добровольцев, призывников 1914 г., запасных и ополченцев³⁶.

Но санитаров катастрофически не хватало. Только в учреждения Екатеринославской губернии было направлено 268 меннонитов, а требовалось еще более 200, так что генерал Аверьянов в сердцах заметил: «Родить их не могу»³⁷. Высокие моральные качества санитаров-меннонитов свидетельствовали вернувшиеся из плена врачи (медицинский персонал по соглашению с Германией подлежал обмену): «К чести санитаров меннонитов, они поддерживали их (раненых и больных пленных – С.Н.) интересы перед немцами... Санитары работали везде: в перевязочной, в палате, в кухне, носили больных во второй этаж (приходилось носить до 20 больных), носили воду, раздавали обеды, дежурили по ночам, вообще им при-

ходилось тяжелее всех: трудная без отдыха работа, скверное помещение в подвале... Некоторые лица, пользуясь тем, что они были не русского происхождения и хорошо говорили по-немецки, распространяли про них лживые, клеветнические слухи, но их трудолюбие, честность, трезвость и удивительная для плена ровность характера заслужили им доверие и уважение работавших с ними лиц и больных». Согласно показаниям врача санитарного поезда № 489 Н.А. Судакова, меннониты отказались стать лагерными надзирателями³⁸.

17 июня 1915 г. М.А. Беляев обратился к А.А. Риттиху с предложением о передаче в военное ведомство 1000 меннонитов из лесных команд – ополченцев и новобранцев 1915 года, от которых отказался весной. Другого выхода не было: требовалось более тысячи санитаров, призыв 1916 года давал не более 500 человек, а назначение в санитары нижних чинов действующей армии являлось «крайне нежелательным». Только через месяц, 14 июля, товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием дал ответ о «чрезвычайной затруднительности» передачи в санитары меннонитов, занятых заготовкой дров для столиц и железных дорог. Было предложено использовать досрочный призыв меннонитов 1917 года без предварительной передачи их Лесному департаменту. Такой вариант был принят начальником ГУГШ 18 июля³⁹.

Призыв 1916 года был израсходован очень быстро. Из Саратовской губернии было призвано 48 новобранцев, из Оренбургской – 50, из Херсонской – 26, из Таврической – 190, из Екатеринославской – 187, со Ставрополя и Кубани – соответственно 5 и 7. По некоторым губерниям – Харьковской, Варшавской, Курляндской и другим меннонитов не оказалось вовсе⁴⁰. В то же время наряды от учреждений ВЗС – ВСГ⁴¹ и РОКК поступили на 1100 санитаров. Практически весь призыв 1916 года к июлю 1915 г. был израсходован: московские госпитали получили к июлю 300 меннонитов из Екатеринослава, санитарные отряды Южного района – 80 человек оттуда же, Закавказский Земсоюз довольствовался 60 новобранцами из Самары, хотя требовал 500⁴².

1 июля 1915 г. начальник мобилизационного отдела ГУГШ генерал-лейтенант П.И. Аверьянов отдал распоряжение начальникам штабов всех военных округов о призыве меннонитов срока службы 1917 года: весь контингент поступал на военно-санитарную службу и должен был собираться у уездных воинских начальников: Екатеринославского (6-я армия, Двинский, Минский, Киевский, Одесский и Московский округа), Самарского (Казанский, Туркестанский, Омский, Приамурский и Иркутский округа) и Владикавказского (Кавказский округ и Донская область)⁴³. Кроме того, по настоятельной просьбе главноуполномоченного ВЗС князя Львова еще 310 меннонитов, служащих добровольно санитарями и подлежащих призыву в лесные команды (90 ратников ополчения, 196 новобранцев сроков 1914–1916 гг., 24 обязанных рабочих), было перечислено в военную службу без явки на призывные участки 5 августа 1915 г.⁴⁴

Призыв контингента 1917 года пришелся на середину августа. В течение нескольких дней эти новобранцы-меннониты были распределены по санитарным учреждениям Новороссии, Москвы и Тифлиса. У Екатеринославского уездного воинского начальника полковника Круглова за 14–20 августа было собрано более 550 меннонитов (202 Бердянского уезда, 140 Екатеринославского, 15 Перекопского, 20 Верхнеднепровского, 12 Изюмского, 1 Феодосийского, 45 Херсонского, 6 Симферопольского, 22 Александровского, 9 Евпаторийского, 62 Бахмутского и 1 Гомельского уезда). С учетом еще находившихся на сборных пунктах с 6 по 24 августа из Екатеринослава в распоряжение Главного управления РОКК убыло 700 человек, в Закавказский ВЗС – 110, в Московскую управу ВСГ – 50⁴⁵. Самарский уездный воинский начальник полковник Орловский за это же время отправил в Тифлис 100, Московскому городскому голове 52, в Симферопольские лазареты 8 меннонитов призыва 1917 г. (всего собрал 53 новобранца Оренбургского уезда, 15 Новоузенского, 32 Бузулукского, 3 Самарского, 9 Омского, 29 Павлодарского, 6 Петропавловского, 4 Каннского уездов)⁴⁶. Владикавказский воинский начальник полковник Михайлов собрал по губерниям Кавказского военного округа и направил в Сарыкамыш и Тифлис 73 меннонита⁴⁷.

Летом возобновились и индивидуальные, и групповые ходатайства обязанных рабочих–меннонитов о переводе их из лесных команд в санитары. Жестокие потери на фронтах, острая нехватка строевых солдат и младшего медицинского персонала заставили военное ведомство – ГУГШ, Военное министерство и Ставку (Штаб Верховного главнокомандующего) – пересмотреть отношение к меннонитам, хотя идеологическое недоверие к ним со стороны властей не было изжито. 26 июня 1915 г. Лесной департамент направил в Мобилизационный отдел ГУГШ ходатайства 4 меннонитов из Бердянской команды и 2 из Велико-Анадольской команды, которые пожелали служить в армии на общих основаниях. Поскольку к этому времени в самом разгаре уже была кампания по переводу солдат из немцев-колонистов на кавказский фронт, то генерал Аверьянов был поставлен в затруднительное положение. 2 июля он запросил мнение Управления воинской повинности МВД и 10 августа получил ответ об отсутствии возражений, «если лица эти, с немецкими фамилиями и немецкого происхождения, не вызывают у военного ведомства сомнений в верности воинскому долгу и присяге»⁴⁸. Сам Аверьянов, как и управляющий Военным министерством генерал Беляев, полагал, что такие добровольцы нежелательны на западных фронтах, но могут быть отправлены в Кавказскую армию. Однако на соответствующий запрос в Ставку дежурный генерал штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант П.К.Кондзеровский 19 августа ответил: «Не встречается препятствий к зачислению в ряды Действующей армии лесных рабочих меннонитов немецкого происхождения или с немецкими фамилиями, изъявивших это желание. Направлять следует равномерно во все фронты». 21 августа об этом решении был извещен директор Лесного департамента, а через неделю Мобилизационный отдел направил в военные округа циркуляр о

порядке принятия на добровольных началах в армию меннонитов. Такой прием в действующую армию мог вести любой уездный воинский начальник, который должен был организовать их подготовку в запасных батальонах и взять с меннонитов подписки о согласии служить на общих основаниях, то есть и с оружием⁴⁹.

В то же время лесное ведомство также испытывало нужду в рабочих руках, которые так дешево обходились казне (семьи меннонитов не получали пособий и пайков). 29 июля 1915 г. Главное управление землеустройства и земледелия возбудило перед Военным министерством вопрос о призыве в лесные команды меннонитов-ополченцев сроков 1900–1916 годов, поскольку число ополченцев, поступивших в лесное ведомство весной, составило менее половины ожидаемого количества (всего 1700 человек). На сей раз предлагалось осуществить призыв меннонитов по всей Империи, а не выборочно. Такой призыв предлагалось провести вместе с набором ополчения 2-й очереди (к ополчению 1-го разряда относились лица, по возрасту вышедшие из состава запасных, или освобожденные от действительной службы по семейному положению, 2-й разряд включал физически неполноценных ратников и единственных сыновей в семьях)- то есть в сентябре⁵⁰.

3 августа это предложение было одобрено ГУГШ, а 10 августа – управляющим МВД князем Б.О. Щербатовым. При этом было выдвинуто требование к Лесному департаменту, оформленное письмом генералов М.А. Беляева и П.И. Аверьянова главноуправляющему ГУЗиЗ А.А. Риттиху от 18 августа: из числа призываемых ратников 300 меннонитов Екатеринослава и 100 – Самары – должны быть переданы военному ведомству для пополнения санитарных организаций⁵¹.

Но призыв еще не успел начаться, когда Риттих возбудил вопрос о призыве еще двух сроков ополчения 1-го разряда (1898-1899 годов) – вместе с призываемыми по всей Империи по императорскому указу от 11 августа 1915 г. Их также предлагалось отправить в лесные команды в сентябре – вместе с ополченцами 2-го разряда. Обмен письмами с Военным министерством и МВД показал, что ГУГШ выступает против частой переписки по каждому поводу: достаточно будет принимать всех меннонитов в лесное ведомство, а нужное количество для военно-санитарной службы всегда может быть направлено уездными воинскими начальниками по распоряжению Мобилизационного отдела. «Такой порядок призыва меннонитов в значительной бы степени упростил технику призыва (поскольку меннониты призывались бы вместе со всеми остальными подданными соответственного срока службы. – С.Н.) и устранил бы случаи неправильного призыва меннонитов», – подчеркивал М.А. Беляев⁵².

28 августа А.А. Риттих и Н. Грушевский объявили о согласии с предложениями Военного министерства и МВД и даже представили возможности передачи в санитары меннонитов из строго определенных мест – 100 из Самарской губернии и 300 из Екатеринославского и Верхнеднепровского уездов Екатеринославской губернии. К началу сентября в военные округа уже были направлены соответ-

ствующие предписания⁵³, хотя надежды на большое число ратников для военно-санитарной службы, на мой взгляд, было мало: ведь по Екатеринославской и Самарской губерниям ополченцы уже набирались в санитары весной 1915 года. Подобные решения свидетельствуют о том, что ни военное, ни лесное ведомства не имели понятия о численности меннонитов в местностях, охваченных призывом, о величине призывных контингентов и о демографической структуре меннонитского населения России.

Единственное, что хорошо было известно военным, это потребность в рабочих руках для санитарной службы. Этим руководство Военного министерства и ГУГШ (сосредоточенное весной и летом 1915 г. в руках генерала от инфантерии М.А. Беляева) отличалось от Риттиха и Грушевского, которые не имели понятия и о реальных потребностях Лесного департамента и лишь стремились завладеть наибольшим количеством бесплатной рабочей силы. К началу сентября в Мобилизационный отдел поступили новые запросы от Екатеринославского комитета ВЗС (на 150 меннонитов), от Новгородского губернатора (на 10) и от начальника штаба Кавказского военного округа полковника Н.И. фон Рубенау для закавказских лазаретов Союза Городов (200 человек; при этом Рубенау утверждал, что на Кавказе меннонитов нет и просил назначить их из других областей империи)⁵⁴. За это же время, то есть до подписания императором указа 14 сентября о призыве ополчения 2-го разряда, из Самары в Тифлис было направлено 175 меннонитов (ополченцев и новобранцев 1917 года из Азиатской части Империи), а из Екатеринослава – 50 в Екатеринославский комитет ВЗС, 10 в Новгород и 32 в Сарыкамыш Карской области⁵⁵. В числе призванных контингента 1917 года было 13 меннонитов Кубанской и 16 Терской областей, 7 меннонитов Тюкалинского уезда Тобольской губернии, 109 – Барнаульского уезда и 4 Каинского уезда Томской губернии⁵⁶. Интересно, что ни в один из призывов не попали меннониты Еленендорфа Елисаветпольского уезда и губернии, а штаб Кавказского военного округа сетовал на отсутствие меннонитов в Закавказье.

Согласно Особому журналу Совета Министров, утвержденному 14 сентября 1915 г., меннониты должны были призываться наряду с другими подданными, тех же возрастов и категорий службы. Поэтому вместе с ратниками обоих разрядов ополчения призыву подлежали и не охваченные еще мобилизацией сроки 1912-1916 годов по всей России⁵⁷. Заявки на санитаров не заставили себя ждать. До конца сентября Киевский и Московский комитеты Земсоюза потребовали соответственно 150 и 300 ополченцев-меннонитов, то есть больше, чем планировал призвать Мобилизационный отдел ГУГШ⁵⁸.

2 октября поступил запрос комитета Союза городов из Москвы на еще 500 меннонитов. Генерал-лейтенант Аверьянов был вынужден выяснять, куда конкретно понадобилось такое количество санитаров. «В будущем же, – писал он главноуполномоченному ВСГ М.В. Челнокову, – не признается возможности в полной мере удовлетворять Ваши ходатайства о назначении... такого огромного

количества меннонитов». Переписка с Челноковым завершилась к концу октября, когда стало известно, что новые санитары нужны для транспортных отрядов на Кавказском фронте и для формирования новых госпиталей в Москве, причем в первую очередь надо доставить меннонитов («как в высшей степени трудолюбивых и исполнительных работников») в Москву.

Военное ведомство могло направить туда не более 250 человек⁵⁹. До конца года в Москву в комитет ВЗС был отправлен 181 меннонит из ополченцев (из Самары – 7, из Владикавказа – 13, из Екатеринослава – 161)⁶⁰. Московский комитет ВСГ за то же время получил 199 ратников-меннонитов (из Самары – 74, из Владикавказа – 4, из Екатеринослава – 121)⁶¹.

В связи с большой потребностью в санитарях и невозможностью привлекать к уходу за ранеными строевых солдат, которых в действующей армии ощущался большой недостаток, 14 октября Беляев сообщил Риттиху, что военное ведомство должно получить 500 меннонитов из ратников 2-го разряда сроков 1912–1916 гг. Одновременно велась переписка со 2-м отделом МИД по вопросу о привлечении на службу русско-подданных меннонитов, живущих за рубежом, в частности в Китае. Генерал Аверьянов заявил, что представители России за границей должны принять меры к вызову на родину меннонитов тех сроков и категорий (новобранцы 1914–1917 годов, все запасные, ополченцы 1898-1916 годов службы), которые призываются на службу в самой России⁶².

В мае–декабре 1915 г., по подсчетам полковника А. Туроверова, различным организациям было отправлено более 2000 меннонитов в качестве санитаров: Владикавказским уездным воинским начальником – 85, Екатеринославским – 1393, Самарским – 532. В следующем году предполагалось покрыть недостаток по запросам Сарыкамышских госпиталей ВСГ и Московского комитета ВЗС – всего 145 человек. Всего же с начала войны на военно-санитарную службу поступило 4757 меннонитов, не считая добровольцев⁶³. Кроме того, в лесных командах должно было находиться около 3500 обязанных рабочих из меннонитов. Таким образом, на службе оказалось 10% всех российских меннонитов, а доля призванных от трудоспособных мужчин составила почти половину, что не могло не сказаться на ведении хозяйства. За это же время остальное население России дало армии 11,5 млн. солдат, или 6,4% всего населения, а в отношении трудоспособных мужчин – только 19%. Получается, что призван на службу был каждый второй взрослый меннонит и каждый пятый – принадлежащий к другим конфессиям.

Тем не менее в декабре 1915 г. вновь разгорелись ведомственные страсти вокруг ожидаемого призыва новобранцев 1918 года. Товарищ министра земледелия А.А. Риттих писал 1 декабря М.А. Беляеву, что «с призывом в войска запасных и ратников ополчения I и II разрядов лесное ведомство лишилось весьма значительного числа лесной стражи, для замены коей не имеется ни свободных средств, ни подходящих людей, ...и весь досрочный призыв меннонитов 1918 года было бы крайне желательно использовать хотя бы для частичного пополнения лесной

стражи». Однако помощник военного министра по ГУГШ признавал «желательным в виду постоянных просьб о назначении меннонитов для санитарной службы в неподвижные лечебные заведения предоставить в распоряжение военного ведомства хотя бы 200–300 меннонитов из числа досрочного призыва 1918 года». 23 декабря Риттих согласился передать военному ведомству весь призывной контингент меннонитов по Екатеринославской и Самарской губерниям⁶⁴. Кроме того, Оренбургская местная бригада летом 1916 г. передала военному ведомству 44 меннонита Оренбургского уезда и губернии, 1 Вирского и 9 Белебеевского уездов Уфимской губернии из числа новобранцев 1918 года⁶⁵.

Сведений о численности переданных военному ведомству и направленных в санитарные учреждения меннонитов за 1916 год мне обнаружить не удалось (речь идет о ратниках ополчения 1-го разряда сроков службы 1894–1897 гг. и 2-го разряда 1900–1911 гг.). Но 10 ноября 1916 г. последовало отправление из Казанского военного округа (Саратовская местная бригада) в Тифлис 256 меннонитов на строительные работы⁶⁶. Судя по всему, на Кавказском фронте уже с 1915 года находились строительные отряды меннонитов (скорее всего набранных в Закавказье). Во всяком случае, начальник Кавказского округа путей сообщения генерал-лейтенант Порошин в апреле 1916 г. утверждал, что на постройке Эрзерумской железной дороги работают «дружины Земгора, укомплектованные тысячами меннонитов» и сам требовал для строительства шоссе Сарыкамыш – Караурган «до трех тысяч меннонитов с охранной частью». Скорее всего, речь шла о ратниках ополчения из немцев Поволжья, но, тем не менее, командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н. Юденич распорядился предоставить «8000 меннонитов, на которых претендовал Эрзерум и Карс»⁶⁷. Этот факт еще раз иллюстрирует вывод о том, насколько плохо было осведомлено военное ведомство о количестве призывных контингентов из меннонитов: ведь в данном случае пришлось бы направить на Кавказ каждого десятого, не исключая женщин и детей!

Поскольку 16 марта 1916 г. последовало высочайшее соизволение царя назначать в санитары нижних чинов, не годных для службы в строю, а нужда в людях на фронте снизилась, теперь санитарное дело переставало быть строго конфессиональным. Поэтому в течение всего 1916 г. практически весь призывной контингент меннонитов был отправлен в лесные команды. Туда же в начале 1917 г. было велено отправлять белобилетников (освобожденных от службы по состоянию здоровья) и ратников ополчения⁶⁸. Назначения в санитары стали принимать характер частных обращений, регулярно отклонявшихся Лесным департаментом Министерства земледелия.

В последний досрочный призыв контингента 1919 г. директор Лесного департамента Данилин 30 января 1917 г. как обычно обратился в Мобилизационный отдел ГУГШ, настаивая на полной передаче новобранцев в распоряжение его ведомства. 1 февраля начальник Мобилизационного отдела полковник Д.В. Саттеруп настоял на передаче военному ведомству 200 меннонитов этого призыва,

и спустя три дня согласие было получено⁶⁹. 11 февраля указания в этом духе получил Екатеринославский уездный воинский начальник полковник Н.С. Круглов: все 200 меннонитов должны быть взяты в санитары по его округу, а сверх этого количества – направлены в лесные команды. Начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор Н.И. фон Рубенау получил указание всех меннонитов-призывников отправлять в Бердянскую лесную команду⁷⁰.

К середине февраля 1917г. нужда в санитарях была куда острее, нежели предполагали офицеры Мобилизационного отдела ГУГШ. Упорные бои на Румынском фронте, сложность условий этого театра военных действий заставили развернуть новые военно-санитарные учреждения как в ближайшем тылу армий, так и в Одесском военном округе. В январе управление главноуполномоченного Красного Креста Южного района было переведено из Екатеринослава в Одессу. Туда было направлено 7 студентов-медиков из меннонитов призыва 1916 года. Еще 13 меннонитов призыва 1919 года было командировано в Екатеринославский лазарет им. Наследника Цесаревича. 23 февраля заявку о направлении 300 меннонитов в санитарные учреждения Москвы подал главноуполномоченный Земсоюза князь Е.Е. Львов. Но ему было отправлено только 186 человек из Екатеринослава и отвечено, что больше свободных меннонитов нет⁷¹. В то же время к началу марта остальные меннониты (229) были отправлены полковником Кругловым в лесные команды. Это не мешало Лесному департаменту отклонять прошения меннонитов о переводе их в военно-санитарную службу и даже в ряды армии нестроевыми под предлогом нехватки рабочих рук. «Лесной департамент имеет честь сообщить Мобилизационному отделу, что с призывом в войска по мобилизации замечается большой недостаток в рабочих силах для исполнения весьма важных и неотложно спешных работ, часто связанных с интересами обороны, а потому Департамент считает ходатайство обязанных рабочих меннонитов... подлежащим отклонению»⁷², – эта фраза стала стандартной в переписке военного и лесного ведомств.

Больших трудов стоило полковнику Саттеру к началу апреля 1917 г. добиться оставления на санитарных поездках ВЗС 436 добровольцев меннонитов, служивших там с начала войны. Среди них было 52 новобранца 1914 года, 94 – 1915 года, 43 – 1916 года, 15 – 1917 года, 13 – 1918 года, 40 – 1919 года, 149 ратников ополчения, 8 белобилетников и 23 обязанных рабочих⁷³. Нехватку санитаров командованию Одесского округа было указано покрывать за счет белобилетников и возвращающихся с полевых работ солдат других конфессий. 15 апреля 1917 г. Временное правительство совместно с Департаментом духовных дел МВД предложило направлять в санитары вообще всех лиц, «уклоняющихся от военной службы исключительно по религиозным убеждениям, в случае их явки к отбытию воинской повинности»⁷⁴. Лесные работы становились исключительной участью меннонитов. В санитары после Февральской революции 1917 г. было перечислено 64 меннонита: 3 ратника из Самары, 13 ратников и 10 новобранцев из Екатерино-

слава (все – в отряды Красного Креста Южного района), 36 бежавших из плена – на санитарные поезда ВЗС⁷⁵.

После революции вновь усилился поток доносов и разнообразных прожектов об отправке меннонитов в действующую армию. Так, помощник начальника Павлодарской почтово-телеграфной конторы В. Малышев в марте 1917 г. обратился к военному министру А.И. Гучкову по вопросу о немцах, «нагло выдумавших секту меннонитов»: «...распорядитесь этих жирных немцев гнать хотя рыть окопы, таскать казенные грузы. Так же как собрали и угнали отсюда киргизов»⁷⁶. В апреле 1917 г. в ГУГШ и в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов поступило обращение крестьян Екатеринославской губернии, служащих в Петрограде, о назначении всех меннонитов в действующую армию, причем начальник ГУГШ даже счел «пересмотр порядка отбывания меннонитами воинской повинности своевременным»⁷⁷.

20 мая 1917 г. в Екатеринославе прошел съезд уполномоченных меннонитских общин по содержанию лесных команд. Его делегаты направили военному министру объяснительную записку о своем взгляде на войну. Представители меннонитов констатировали, что на службу призвано уже 12300 человек (или 45% трудоспособных мужчин. – С.Н.), из них служит санитарями около 7000. Они выражали готовность исполнять свой христианский долг – то есть спасать раненых и больных – и на передовых позициях, но без оружия, в согласии с нормами вероучения. «Наш долг и наше желание – смягчить ужасы и бедствия, являющиеся следствием войны, способствовать залечиванию ран, причиняемых ею, и служить нашему ближнему», – подчеркивали делегаты. Ссылаясь на приказ военного министра А.Ф.Керенского от 11 мая 1917 г., на Декларацию прав военнослужащего, где говорилось об отмене преследований и дискриминации по национальному или религиозному признакам, они заявили, что «всякую попытку к принуждению нас, меннонитов, служить в строю, с оружием в руках, от кого бы она не исходила, признаем грубым и ничем не оправданным нарушением свободы совести и свидетельством торжества отживающей свой век и ненавистной нам идеи милитаризма». 2 июня этот документ был вручен Керенскому делегатами Г.А.Андреасом, А.И.Вибе и К.А.Унрау⁷⁸.

Вплоть до окончания войны порядок прохождения службы меннонитами изменен не был. Более того, несмотря на противодействие Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии А.А.Брусилова, МВД и Военное министерство летом 1917 г. прорабатывали проект закона об альтернативной военной службе с вдвое большим сроком ее прохождения и «с неперменным условием, чтобы положение таких лиц не представлялось в чем-либо более льготным по сравнению с положением солдат»⁷⁹.

Положение меннонитов в лесных командах никак нельзя было назвать льготным. Их семьи были лишены продовольственных пайков, обязанные рабочие не имели отпусков и права на посылки, практически не увольнялись из лесных ко-

манд по болезни и неспособности к тяжелому труду на лесоповале, сверхурочные работы не оплачивались, служба распространялась на священнослужителей⁸⁰. 2 мая 1917 г. Мобилизационный отдел ГУГШ закрыл вопрос о предоставлении казенных пайков семьям меннонитов, находящихся на военно-санитарной и лесной службах: они по-прежнему были лишены какой-либо помощи со стороны государства. 16 мая это решение подтвердил и Главный штаб⁸¹.

В лесных командах меннониты получали при 10–12-часовом рабочем дне всего 20 копеек, лишь в июне Министерство земледелия (комиссар Н.Волков) вышло с предложением в ГУГШ об изменении условий содержания лесных команд, но такая комиссия так и не была созвана⁸². Только после обращения организации меннонитов Брянского лесничества «Менносьезд» (делегаты И.П.Корнис и Я.Г.Янцен) обязанные рабочие получили право покупки поношенного или отремонтированного обмундирования и льготного проезда по железной дороге. Отпуска на полевые работы были для них отменены, также не распространялся на меннонитов приказ по армии и флоту об увольнении со службы лиц старше 43 лет⁸³.

Итак, в годы Первой мировой войны российские меннониты, несмотря на освобождение от службы в действующей армии, использовались военным ведомством России и Лесным департаментом для работ, связанных с войною. Порядок передачи меннонитов для службы в санитарных учреждениях был определен императорским указом 13 августа 1914 г. Однако в начале 1915 г. этот порядок был пересмотрен, поскольку военное командование подозревало меннонитов во «вредном влиянии» на солдат в силу пацифизма их вероучения. При этом Лесной департамент использовал недоверие к меннонитам, чтобы сохранить запасы дармовой рабочей силы. Различные же организации, занимавшиеся развертыванием лечебно-санитарных заведений (Российское общество Красного Креста, Всероссийский Земский Союз, Всероссийский Союз Городов) стремились использовать высокие моральные качества меннонитов. К исходу 1915 г. более 60% призванных на службу меннонитов (новобранцы сроков 1914–1917 годов, ратники ополчения 1898–1916 годов службы) находились в санитарных отрядах и госпиталях.

К концу 1915 г. был выработан порядок, при котором военное ведомство само определяло потребность в меннонитах для санитарных учреждений, а остальные передавались лесному департаменту. Однако Главное управление Генерального штаба (его Мобилизационный отдел) не имело представления о мобилизационных возможностях меннонитской общины. Заявки же на санитаров-меннонитов всегда превосходили то количество, которое выговаривало военное ведомство у лесного департамента. В более спокойный для русской армии 1916 год почти все призванные меннониты были отправлены в лесные команды. Также и в 1917 г. в санитары поступило не более 300 меннонитов, считая и добровольцев. Прошения же других, как массовые, так и индивидуальные, отклонялись под предлогом нехватки рабочих рук в лесничествах.

Революция не принесла изменений в положении обязанных рабочих. Режим их труда приближался к каторжным условиям, их семьи не получали тех льгот, которые имели семьи солдат. Государство в полной мере воспользовалось меннонитами для оборонно-строительных и заготовительных работ и для ухода за ранеными. Дезертиров среди меннонитов практически не было. Все «уклонившиеся» от явки в лесные команды находились, как правило, в санитарях. К концу войны на военно-санитарной службе находилось около 60% всех призванных меннонитов. 15% меннонитов (или 45,5% трудоспособных мужчин) было призвано на службу, в то время когда среди остальных конфессий эта доля составляла около 8% (или 23,5% трудоспособных мужчин). Таким образом, напряжение сил меннонитов в войне было вдвое выше.

Военное ведомство, почти полностью эксплуатируя возможности меннонитов для нужд армии, оставило на произвол судьбы их семьи и хозяйства, которые не могли пользоваться покровительством Военного министерства. Колоссальное напряжение сил меннонитских общин, которые еще и содержали лесные команды, сказывалось на состоянии хозяйства. Отвлечение такого количества рабочих рук гораздо больше ударило по ним, нежели по соседним хозяйствам других конфессий. Наиболее пострадали в данном случае новороссийские меннониты, из которых только в санитарные организации ушло служить по призыву или добровольно около 5000 человек.

Война имела негативные последствия и в духовной среде. Если в первые два года меннониты считали своим долгом помочь и ближнему, и государству, то к концу войны, особенно в 1917 г., они все больше осознали равнодушие государства к ним, холодную эксплуатацию их веры в интересах милитаризма. Этот фактор отчуждения сказался и в последующем, после краха российского общества.

¹ См.: Клибанов А.И. Меннониты. М.–Л., 1931. С. 82–85, 95, 97–104; Его же. Меннонитская колонизация на юге России в XVIII – XIX веках. Л., 1935. С.5; Рейнмарус А., Фризен Г. Под гнетом религии: Немцы-колонисты в СССР и их религиозные организации. М.–Л., 1931. С. 54, 59, 66, 86, 118, 121, 141.

² См.: Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России. Пг., 1916. С. 86.

³ См.: Там же. С. 63–64.

⁴ См.: Российский военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1181. Л. 32.

⁵ Там же. Д. 2676. Л. 49–50, 108, 127, 144, 150, 197, 203, 206, 236, 239, 245. Итог подсчитан автором.

⁶ См.: Там же. Д. 1181. Л. 22–25.

⁷ См.: Там же. Л. 32.

⁸ См.: Там же. Л. 6–13.

⁹ См.: Там же Л. 32–33.

¹⁰ См.: Там же. Л. 40.

¹¹ См.: Там же. Л. 47–48. В это время неудовлетворенными оставались запросы Всероссийского Земского Союза, Екатеринбургского подвижного госпиталя, Дворянского комитета Красного Креста и Главного управления Красного Креста на 254 санитар-меннонита.

¹² См.: Там же. Л. 75–76.

¹³ См.: Там же. Л. 86, 90.

¹⁴ См.: Там же. Л. 180–180 об., 182–183.

¹⁵ См.: Там же. Л. 73–74 об.

¹⁶ См.: Там же. Л. 83–85, 91, 106–107.

¹⁷ См.: Там же. Л. 100.

¹⁸ См.: Там же. Л. 102, 114–114 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 129–134.

²⁰ См.: Там же. Л. 140–141.

²¹ Там же. Л. 137–138.

²² Там же. Л. 146–146 об., 151.

²³ См.: Там же. Л. 135–135 об., 139.

²⁴ Новое Время. 1915. 25 февраля. Предположительный автор – М.О. Меньшиков.

²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1181. Л. 143–143 об.

²⁶ См.: Там же. Л. 196–197.

²⁷ См.: Там же. Л. 203–204, 209–210, 219–220, 228.

²⁸ Там же. Л. 235–135 об., 240.

²⁹ См.: Там же. Л. 248–249.

³⁰ См.: Там же. Л. 250, 261, 278.

³¹ Там же. Л. 284–285.

³² См.: Там же. Л. 316, 319.

³³ См.: Там же. Л. 277–177 об.

³⁴ См.: Там же. Л. 282–283.

³⁵ См.: Там же. Л. 286–286 об., 292–293.

³⁶ См.: Там же. Л. 1–3. Подсчитано автором по нарядам на службу.

³⁷ Там же. Л. 201, 297–298; Д. 1182. Л. 1–3. Дополнительно в Екатеринбург было послано еще 4 меннонита.

³⁸ См.: Там же. Д. 1181. Л. 350 и об.

³⁹ См.: Там же. Д. 1182. Л. 21–24.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 17, 20; Д. 2678. Л. 29, 64, 67, 70, 144.

⁴¹ ВСГ – Всероссийский союз городов.

⁴² См.: Там же. Д. 1182. Л. 42, 44, 46–48, 53, 56, 62, 66, 67, 71.

⁴³ См.: Там же. Л. 26–16 об.

⁴⁴ См.: Там же. Л. 92–93. К ходатайству были приложены именные списки.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 123–124, 135–137; Д. 2679. Л. 83, 86.

⁴⁶ См.: Там же. Л.40; Д. 2680. Л.27; Д. 1182. Л. 111–112, 126–127, 148–149.

⁴⁷ См.: Там же. Л. 115,134.

⁴⁸ Там же. Л. 140–143.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 144–147 об.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 156–157.

⁵¹ См.: Там же. Л. 155–155 об., 158–159 об.

⁵² См.: Там же. Л. 160–164 об.

⁵³ См.: Там же. Л. 196–198.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 188, 190–191, 128, 184–184 об.

⁵⁵ См.: Там же. Л. 193, 200–204, 237, 239.

⁵⁶ См.: Там же. Л. 259, 265, 268–270, 273–273 об., 311.

⁵⁷ См.: Там же. Л.256–256 об., 301.

- ⁵⁸ См.: Там же. Л. 274, 297.
- ⁵⁹ См.: Там же. Л. 299–300 об., 331–332, 345.
- ⁶⁰ См.: Там же. Л. 283, 350.
- ⁶¹ См.: Там же. Л.355,358,365,388,398,402.
- ⁶² См.: Там же. Л.316–318 об.
- ⁶³ Подсчитано по: Д. 1181. Л. 1–3; Д. 1182. Л. 41–41 об.
- ⁶⁴ См.: Там же. Д. 1182. Л. 399–400, 405.
- ⁶⁵ См.: Там же. Д.2680. Л. 19,23.
- ⁶⁶ См.: Там же. Д.1163. Л.81.
- ⁶⁷ Там же. Ф.2100. Оп.2. Д.280. Л.61–62.
- ⁶⁸ См.: Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1183. Л. 8–9.
- ⁶⁹ См.: Там же. Л.41–42, 50.
- ⁷⁰ См.: Там же. Л.51–51 об., 60–62.
- ⁷¹ См.: Там же. Л.11–13, 66, 71, 71 об., 75, 77, 92–93. При этом на сборном пункте в Екатеринославе находилось еще 400 меннонитов.
- ⁷² Там же. Л. 143–143 об.
- ⁷³ См.: Там же. Л.99–118. В деле есть именные списки.
- ⁷⁴ Там же. Л. 149,188–190.
- ⁷⁵ См.: Там же. Л. 131,155–159,203–204,245. Всего с начала года на военно-санитарную службу было направлено 283 меннонита, главным образом из Екатеринослава. Подсчитано автором.
- ⁷⁶ Там же. Л.91.
- ⁷⁷ Там же. Л. 121.
- ⁷⁸ См.: Там же. Л. 193–194 об.
- ⁷⁹ Там же. Ф.400. Оп. 19. Д.183. Л.126–132 об.
- ⁸⁰ См.: Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1183. Л. 277–278 об.
- ⁸¹ См.: Там же. Л. 152,181–182.
- ⁸² См.: Там же. Л.209–211.
- ⁸³ См.: Там же. Л. 196, 196 об., 226, 274–276.

Литература российско-немецкого «народа в пути» в контексте концепции Ю. Лотмана о семиосфере

Изучение российско-немецкой литературы как субсемиосферы в свете учения Ю. Лотмана о семиосфере¹ позволяет увидеть и прогнозировать многие характерные для нее процессы и признаки.

Семиосфера, понятие, используемое Ю. Лотманом по аналогии с биосферой и ноосферой В. Вернадского и подхваченное в трудах других исследователей², пространство культуры, многоуровневая, неоднородная система систем, пронизанная границами, соединяющими и разделяющими различные культурные языки, «не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном отношении предшествует им и постоянно взаимодействует с ними»³. «Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка»⁴. Язык (будь то национальный язык или язык какого-либо вида искусства) определяется Ю. Лотманом как «функция», «сгусток семиотического пространства». Неоднородность семиосферы обусловлена гетерогенностью и гетерофункциональностью языков. Все элементы семиосферы находятся не в статическом, а в динамическом соотношении.

Семиосфера асимметрична, обладает ярко выраженными ядром и периферией. Исследуя семиосферу, Ю. Лотман определяет понятие границы, одновременно принадлежащей обеим пограничным субкультурам, механизмы перевода, элементарный из которых – диалог. Диалогическим системам свойственна дискретность, то есть способность выдавать информацию порциями.

В трудах Ю. Лотмана понятия «семиосфера» и «семиотическое пространство» нередко употребляются и в общем (все семиотическое пространство), и в частном (участок семиосферы) смыслах. Употребление в нашем исследовании термина «субсемиосфера», также используемого Ю. Лотманом, относительно определенной культурной системы как части семиосферы дифференцирует и уточняет понятия.

К каким языкам культуры мы будем обращаться? Это естественные (в данном случае – в основном русский и немецкий) и семиотические языки (к примеру, язык литературы как вида искусства, особый язык российско-немецкой культуры и российско-немецкой литературы в частности).

По Ю. Лотману, текст культуры можно определить как картину мира данной культуры. Обязательным свойством текста культуры является его универсальность. Важно уяснить, что понятие субсемиосферы условно, субсемиосфера соотносена со всем миром.

В свете задач исследования важны выводы, сформулированные проф. В. Кирилловым относительно исторической специфики российских немцев: они не были завоеванным народом; с самого начала XVIII в. играли значительную роль в

истории России; являясь составной частью населения России, имели отношение к одному из самых крупных и влиятельных народов Европы; были одним из репрессированных советских народов; лишились автономии⁵.

Каким образом проявляются различные законы существования семиосферы в бытовании литературы российских немцев и ее жанрового поля?

Закон семиосферы: Ситуация возмущения и бунта элементов семиосферы возникает при столкновении двух способов кодирования: когда социально-семиотическая структура описывает некую зависимую часть, а часть осознает себя автономной единицей, семиотическим субъектом, а не объектом.

Встает вопрос о том, что российско-немецкий этнос в трудное для него время депортации и трудармии был недостаточно погружен в семиотическое пространство и не был полноценным семиотическим субъектом. Главным последствием этого предстает инерция маргинальности, усугубленная в 1990 г. массовой эмиграцией российских немцев в Германию.

Депортация, безусловно, охватила и российско-немецкую интеллигенцию, в том числе писательский контингент. Российско-немецкий народ не был отделен тоталитарной советской системой от собственно немцев (российские немцы были депортированы как представители немецкого, а не российско-немецкого этноса), был воспринят как единое «ответственное лицо»⁶. Как написано в обращении участников Траурного митинга российских немцев (Берлин, Рейхстаг, 28 августа 2005 г.) к Государственной думе России и бундестагу Германии ущемление советских немцев центральной властью СССР было обусловлено лишь тем, что «российские немцы в одночасье стали рассматриваться частью всей немецкой нации и тем самым государства-агрессора». Подобное отношение не могло не породить в дальнейшем бурной реакции, одним из проявлений которой стала волна массовой российско-немецкой литературы.

Предки исследуемых поэтов-российских немцев в большинстве своем попали в Россию, когда идентификация немецкой нации в Германии еще не завершилась. Дж. Гарольд [J. Harold], исследуя вопрос немецкой идентификации, отмечает: “Als die Deutschen ihre Vision einer Nation in dem Jahrhundert vor 1871 festigten, konnten sie nicht mit dem Blick auf die Gegenwart begründen, was deutsche Identität bedeutete. Ihr Land war politisch zersplittert, und die meisten Territorien waren in der internationalen Politik nahezu ohnmächtig. <...> Eine Identität in der Vergangenheit zu finden war für Deutsche jedoch problematisch, ungeachtet der Existenz einer deutschen Sprache und einer kulturellen Tradition, die man für sich in Anspruch nehmen konnte” [«Когда немцы с 1871 г. укрепляли образ своей нации, они не могли со взгляда современности обосновать, что значит немецкая идентификация. Их страна была политически раздроблена, и многие территории в плане интернациональной политики были практически беспомощными. <...> Найти в прошлом идентификацию для немцев было все же проблематично, несмотря на существование немецкого языка и культурной традиции, на которую они могли

притязать]»⁷. По мнению Дж. Гарольда, именно политические проблемы мешали немцам обрести идентификацию: "Der Deutsche Bund, wie er 1815 errichtet worden war, schien kein System zu sein, das fähig war, Forderungen nach einer spezifisch deutschen institutionellen Identität zu befriedigen: Er war durch die Kaiser aus dem Hause Habsburg mit der internationalen Sache, der politischen und gesellschaftlichen Reaktion verbunden. <...> Sie (die Deutschen. – J.S.) sahen in Politik nur Schwäche und Aufsplitterung" ["Немецкий Союз, основанный в 1815 г., оказался системой, не способной удовлетворять специфическим немецким институциональным требованиям: в сфере интернациональных вопросов, политической и общественной реакции он управлялся кайзером из центра в Габсбурге. <...> Они (немцы. – Е.З.) видели в политике только слабые стороны и раскол"]⁸.

Авторы энциклопедии «Народы России» также сообщают о том, что немецкий этнос сформировался в конце XIX в., поскольку «многовековая феодальная раздробленность тормозила развитие немцев как единого народа»⁹, и отмечают, что во время эмиграции германских поселенцев в Россию «процесс сложения немецкого этноса еще далеко не завершился»¹⁰.

Российско-немецкая литература практически не имела контактов с современной германской литературой. Таким образом, на российско-немецком жанровом поле активны не современные, а классические источники. Однако не только в межкультурном пространстве, но даже в пределах собственной, синхронной культуры текст, чтобы стать активным участником процесса литературной преемственности, должен превратиться из знакомого, «своего» в незнакомый, «чужой»: процесс воздействия всегда связан с трансформацией текста (Ю. Тынянов).

С одной стороны, наступает процесс растворения в других культурах, ассимиляции, которой российские немцы сопротивляются, с другой стороны, наблюдается заключенность российско-немецкой культуры в капсулу. Глагол *abkapseln* [«заключать в капсулу»] встречается в работах о культуре российских немцев (А. Энгель-Брауншмидт, В. Вебер).

«Периферия периферии» (Ю. Лотман) – пограничная область культуры и быта – у российских немцев всегда была релятивной и зависела от физических перемещений и контактов народа.

Удар по литературе российских немцев был нанесен еще до Второй мировой войны. «Так, еще в 1930 году покончил с собой Пауль Рау, в 1934 году был репрессирован Иоганн Янцен, в 1935 году не стало Иоганнеса Шауфлера, в 1936 Адама Райхерта, в середине тридцатых репрессированы Карл Шмидт, Давид Шелленберг, в 1937 году – Франц Бах, а также Ганс Гансман, Петер Петерман и Эрнст Кончак (все трое проходили по одному делу и обвинялись в «связи с зарубежной буржуазией, подготовке вооруженного восстания против советского правительства, антисоветской агитации» и т.п.); в этом же 1937 году ушли из жизни Георг Люфт, Готлиб Фихтнер, Рейнгольд Гаан, Вольдемар Репп, в 1938 году репрессированы Герхард Завацкий и Франц Шиллер, в 1939 году не стало Петера Петермана и

Ганса Лорера, в 1940 – Адама Эмиха...»¹¹. Искажение развития российско-немецкой литературы продолжилось начиная с 1941 г., года массовой депортации советских немцев. Красноречиво привести имена писателей, оставшихся в живых: «Это были фактически годы глубокого молчания, хотя несколько писателей и осталось в живых. На лесоповале в тайге работал Вольдемар Гердт, на лесосплаве на Северном Урале был Вольдемар Шпаар, в трудармии же были Андреас Закс и Виктор Клейн, банщиком в лагере был Доминик Гольман, на Северной Двине под Архангельском работала в женском трудармейском лагере Роза Пфлюг, из тюрьмы в трудармию был переведен Зепп Эстеррайхер, с фронта, из действующей армии были сняты и направлены в лагеря Андреас Крамер и Александр Бретман, на далеком Севере отбывали свой срок Эрнст Кончак, Давид Шелленберг, Нора Пфеффер, участник Гражданской войны Рейнгардт Кельн»¹².

Однако даже в условиях трудармии литература не умирала, отдельные российско-немецкие авторы писали стихи и прозу: «Видимо, писатель остается писателем, пока дышит. В альманахе «Хайматлихе вайтен», № 2 за 1988 год, опубликована подборка стихотворений Вольдемара Гердта, в которую вошел и ряд стихов, написанных им в трудармейском лагере. Оказывается, В. Гердт не только пытался писать там стихи, но и вел дневник. Об этом, естественно, стало известно коменданту. К счастью, комендант не знал немецкого языка, а его сотрудница, русская девушка, сама вызвавшись прочитать дневник, постаралась оценить его содержание как можно мягче. И вместо того, чтобы уничтожить дневник, ибо возвращать его владельцу было нельзя, она оставила его у себя. Через двадцать лет после трудармии В. Гердт опять побывал в тех местах и случайно встретил эту девушку. К его изумлению, она сохранила его дневник и передала ему... Писали, иногда на русском языке в трудармейские газеты, но чаще без всякой надежды на публикацию, Фридрих Больгер, Эдмунд Гюнтер, Андреас Крамер, Давид Вагнер, Александр Реймген»¹³.

Закон семиосферы: В каждом участке семиосферы продолжают существовать, по Ю. Лотману, «разнообразные традиционные структуры». Ни один из этапов развития не свободен от столкновения с текстами, извне поступающими со стороны культур, прежде вообще находящихся вне горизонта данной семиосферы. Эти вторжения оказывают возмущающие воздействия на внутренний слой «картины мира» данной культуры¹⁴. «На метауровне создается картина семиотической унификации, а на уровне семиотической реальности кипит разнообразие тенденций. Смысловые токи текут не только по горизонтальным пластам семиосферы, но и действуют по вертикали, образуя сложные диалоги между разными ее пластинами¹⁵.

Субсемиосферы, при всем их отличии, структурно организованы примерно одинаково (на временном уровне – прошедшее, настоящее, будущее, на пространственном – внутреннее, внешнее пространство и граница между ними). Ярко выраженной спецификой российско-немецкой литературы является то, что она развивается на территории титульного этноса (на ранних этапах – русского,

на поздних – немецкого). Возвращение российских немцев в Германию является естественным, поскольку народ «при утрате права на свое этническое пространство и дисперсию среди других народов» «воспроизводит в исторической памяти идею возврата на «исконные» территории»¹⁶. Стремление российских немцев вернуть родную территорию Поволжья оказалось безуспешным, что вызвало процесс эмиграции на генетическую землю.

При том что Европа переживает сейчас процесс мощной интеграции, беспокоиться об исчезновении национального нет причин. «Планируемое исчезновение европейских границ несколько не отвергает значение национального, наоборот, оно дает возможность оценить чужую культуру, ее воздействие на свою, не опасаясь агрессивности чужеземного, не подвергаясь опасности быть поглощенной им, ибо общение предполагается добровольное»¹⁷. В таких условиях европейские российские немцы не теряют возможности сохранить свою национальную специфику.

Исторически российско-немецкая литература охватывает определенный участок семиосферы, на который оказываются возмущающие действия со стороны русской и немецкой культур, а в советское время оказывались со стороны советской культуры.

Одноканальная система позволяет передавать только предельно простые сигналы. Для генерации новой информации культура абсолютно нуждается в «другом», во влиянии извне. По Ю. Лотману, «это “извне” само по себе имеет сложную организацию: это и “извне” данного жанра или определенной традиции внутри данной культуры, и “извне” круга, очерченного определенной метаязыковой чертой, делящей все сообщения внутри данной культуры на культурно существующие (“высокие”, “ценные”, “культурные”, “исконные” и т.п.) и культурно несуществующие, апокрифические (“низкие”, “не ценные”, “чужеродные” и т.п.)», а также «чужие тексты, пришедшие из иной национальной, культурной, ареальной традиции»¹⁸.

В связи с этим достаточно полемичным предстают утверждения, подобные, к примеру, оценке М. Рыжовой ситуации в словенской литературе XIX в.: «Словенская литература зарождалась и формировалась в сложных, неблагоприятных условиях гегемонии немецкой культуры, немецкого языка»¹⁹. Словенско-немецкое двуязычие (Ф. Прешерн и др.) остается все же неоднозначным феноменом: особенно в творческом плане его можно оценить и позитивно. Положительна и двойственная ментальная природа российских немцев.

Культура российских немцев и в России и в Германии отличается как от окружающего инокультурного, так и от материнского этносов. С явлением «российские немцы» в какой-то мере сопоставимо явление «румынские немцы», однако принципиальные отличия несомненны. Составитель сборника немецкоязычных поэтов Румынии В. Вебер, предваряя книгу вступительной статьей, называет их «народом»: «...столь необычна, сложна, трагична история народа, чью литературу представляет эта книга»²⁰. Однако личная переписка с В. Вебером уточняет

ет его отношение к румынским немцам как к национальной группе: «В Румынии было четыре очень разные группы немцев, да и сама Румыния в настоящем варианте – явление не столь давнее, а немцы жили в Трансильвании с 13 века, когда румын как нации еще не существовало. Мое употребление слова «народ» неточное. Национальная группа – точнее. Но она часть немецкого народа»²¹. Острова немецкой культуры возникали в Европе с раннего средневековья в областях, где местное население занималось скотоводством. Однако волна гнева поработанных народов после двух мировых войн практически смыла эти немецкие очаги. Немцы Трансильвании (Семиградья) и Баната оказались устойчивее своих соплеменников. Живя в Румынии, они создали свою особую литературу. «Она с такой силой заявила о себе в 1960–70-е гг., что германисты всего мира всерьез заговорили тогда о пятой немецкой литературе (наряду с литературами ФРГ, ГДР, Австрии, Швейцарии)»²². Важные отличия румынско-немецкой культуры от российско-немецкой заключаются в следующем: румынские немцы наладили связь с культурным немецкоязычным миром и создали немецкую литературу. «Мимо румынских немцев не прошли никакие тенденции в развитии немецкой поэзии 1950–70 гг. В эти же годы произошло и освоение опыта таких поэтов ГДР, как Брехт, Кунерт, Меккель, Э. Арендт, Г. Маурер»²³. Российские же немцы были изолированы от современной им немецкой литературы, что не позволило их литературе стать шестой немецкой.

Российский немец – семиотическая личность, в какой-то мере близкая семиотическим личностям «русский западник» или «русский Байрон» (Ю. Лотман: «чтобы Байрон вошел в русскую культуру, должен возникнуть его культурный двойник, который будет являться лицом двух культур»²⁴), однако соединение русского и европейского начал здесь принципиально разное. «Русский западник» и «русский Байрон» несут в себе немалую долю искусственности. Первый культивирует нереальный, незнакомый ему Запад. Миссию второго (подобные образы может включать не только отдельный текст или автор, но и целая культура) Ю. Лотман сопоставляет с функциональностью «словаря-билингва», называя «русского Байрона» эквивалентом «другого» в «нашем». По мере изживания своей значимости, поначалу являясь средством коммуникации, данный образ становится препятствием к ней.

Считая европеизацию России псевдоморфозом, О. Шпенглер выступал на стороне тех ученых, которые воспринимали западнические влияния для России как пагубные. Немцы, попав на территорию России и став ее частью, могли способствовать естественности принятия Россией европейских влияний.

Запад «русского западника» сконструирован по контрасту с русской действительностью, Запад «русского Байрона» стремится быть аналогом «чужого» в своей культуре, Запад российского немца, в том числе в генетическом подсознании, – органичен. Таким образом, в отличие от искусственных русско-европейских семиотических субъектов, российские немцы первого поколения привносят в российскую культуру знание истинного Запада.

Сначала для российских немцев «другой» предстает русская культура, затем, после ее многолетнего «присвоения», в том числе вынужденного, – немецкая. «Другой» перестает быть «другим», и таковым становится былой «свой», вернее, близкий «своему».

Российско-немецкая литература отчетливо формируется по закону отрицания отрицания: тезис – антитезис – синтез.

У первых поколений российских немцев – преобладание немецкой культуры, даже в какой-то степени еще донемецкой, не захватившей период окончательного формирования немецкой нации (тезис). Как утверждает Ю. Левин, «русские немцы-литераторы XVIII–XIX вв. писали в основном на своем родном немецком языке, хотя особенности русской культурной жизни накладывали отпечаток на их творчество. Лишь немногие из живших в России литераторов немецкого происхождения отваживались творить на русском языке, который был ими усвоен после родного, иногда значительно позже»²⁵. Так, писавшего на русском языке с большой долей германизмов Георга (Егора) Розена современники иронически именовали «германо-русским пиитой»²⁶. Исследуя творчество выходца из поволжской немецкой колонии, поэта Э. Губера, Ю. Левин обращает внимание на элементы немецкого языка в его русскоязычных стихах (присоединение с помощью местоимения «где» придаточного времени; неверное употребление предлогов, управляемых глаголами)²⁷. На немецком языке (при преобладающем русском языке творчества) писали И. Хемницер, В. Кюхельбекер, Е. Кульман, К. Павлова-Яниш и другие российские немцы. В стихах Е. Кульман, к примеру, доминировал разбавленный русицизмами *petersburgese Deutsch*²⁸. Многие из перечисленных поэтов получили немецкое воспитание.

Безусловно, нельзя не заметить, что в XIX в. российские немцы уже в заметной мере обрусели. Данный процесс углубляется и благодаря взаимному ознакомлению и сближению литератур (русской и немецкой), сопровождаемому в первую треть XIX в. «более явным, чем раньше, обособлением языков»²⁹.

Обращение российских немцев к русской культуре (антитезис) усиливается в XIX в. с каждым годом, хотя в случае локального их поселения это не происходило. Творчество таких поэтов с немецкой кровью, творивших в XX в. и живших в русскоязычной среде, как А. Блок, М. Цветаева, О. Берггольц, уже практически полностью относится к русской культуре.

Возвращение к немецкой культуре (синтез) происходит на качественно новом уровне – возникает собственно российско-немецкий народ, зарождение которого связывают с парадоксальным единением российских немцев вследствие депортации.

Интересно следующее заявление, характеризующее российских немцев, с одной стороны, как народ, осознающий себя особым, не идентичным немецкому, с другой стороны, как народ, вынужденный идти к сближению с советской культурой. В годы застоя главный редактор газеты *Neues Leben* Г. Пшеницын в

обращении в ЦК КПСС отметил: «...так же как американцев нельзя считать частью английской нации, так же как австрийцев нельзя считать частью немецкой нации, так же и с еще большим основанием нельзя считать советских немцев частью немецкого народа, живущего в центре Европы. Не случайно многие наши читатели в своих письмах ставят вопрос о том, чтобы в их паспортах в графе “национальность” указывалось “советский немец”»³⁰.

В результате массовой эмиграции российских немцев в Германию (1990 г.) начинается некоторое расслоение российских немцев на российских немцев СНГ и российских немцев Германии, хотя единство российско-немецкого народа сохраняется. Однако на этапе синтеза раздвоение происходит уже не по принципу «русский»/«немецкий», настолько неразрывным становится этот контакт, а, как видим, по принципу «российский немец СНГ»/«российский немец Германии».

По утверждению Т. Иларионовой, «часть этнической группы может ориентироваться на интеграцию, часть на изоляционизм»³¹. Часть российско-немецких писателей Германии активно интегрируется в немецкое общество, часть сохраняет инерцию. Это заметно уже по использованию немецкого языка как языка творчества: так, часть русскоязычных писателей начинает настойчиво использовать немецкий язык как язык творчества (И. Бер), часть по преимуществу использует в художественных произведениях русский язык (А. Шмидт).

Взаимодействие эмигрировавших в Россию немцев и принявшего их русского народа есть пример единого процесса взаимодействия и имманентного развития двух семиотических личностей. Столь же позитивно должно быть и общение российских переселенцев в Германии и германских немцев.

Контакт с «чужой» культурой необходим российско-немецким литераторам не только как способ возбуждения новой творческой энергии, генерации текстов, но и как способ поиска читателя, поскольку российские немцы в разное время оказываются внутри «другой» для их основной естественно-языковой установки культуры: сначала внутри русской культуры (эмиграция в Россию), затем, обрусев, – внутри немецкой (обратная эмиграция в Германию).

Нельзя недооценить и роль немцев (ученых, политиков, литераторов и др.) в истории российского государства³².

Сохранение российскими немцами вошедшей в их пространство русской культуры очень важно и актуально особенно в 1990–2000 гг., когда по развитию русского языка в связи с распадом советского пространства был нанесен значительный удар. Российские немцы благодаря своему билингвизму способны быть проводниками прорусской культуры в Европу.

Одни из важнейших источников российско-немецкой литературы – немецкий фольклор и немецкая классическая литература. Обследование альбомов старинной немецкой поэзии на платт-дойч³³ не выявляет явной преемственности между напечатанными в них произведениями и российско-немецкой литературой. Это связано с тем, что данные произведения были литературными, не передавались из

уст в уста, но издавались редко и не были доступны широкому читателю. Однако классические немецкие литературные произведения хорошо известны российским немцам, также как и устно бытующие немецкие фольклорные произведения, особенно песни (что обнаруживается уже при сопоставительном обследовании сборников фольклорных немецких и российско-немецких песен³⁴). При исследовании поэзии российских немцев целесообразной становится опора на теоретические и историко-литературные источники XIX в.³⁵

Недоступностью советским немецким авторам современной литературы Германии и влиянием классики объясняется присущая российско-немецкой литературе второй половины XX в., не актуальная для этого времени жанровость.

1990-е гг. приносят российским немцам знакомство с современной немецкой литературой и изменения в жанровом поле российско-немецкой литературы.

Российско-немецкая литература находится под влиянием русской и немецкой литератур, но не ассимилируется ими, а является полноценной частью мировой литературы. Меняется соотношение горизонтальных и вертикальных потоков семиосферных смыслов, вертикальная ось вырастает.

Случаи единичного творческого бытования российских немцев вне родной этнической среды говорят о нередком растворении их в окружающей культуре, тем более если эта культура также не является «другой». Так, один из исследуемых авторов Л. Вебер, этническая принадлежность которого смешанная (две четверти немецкой крови, одна четверть русской и одна греческой) заявляет: «Да, я русский немец. Но сложность моего положения (как немца) в том, что в иных условиях, в иной атмосфере жизни – мои немецкие корни уснули очень глубоким сном. Чего не скажешь о русских корнях и о вновь оживающих греческих»³⁶.

Закон семиосферы: Бинарность и асимметрия – обязательные законы построения реальной семиотической системы. Центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно организованные языки. В то же время периферия является пространством, способным создавать свои ядерные структуры.

Российско-немецкой литературе долгое время нагнеталась «грамматика» языка центральной культуры – советской, причем условия бесправного бытования российско-немецкого этноса в Советском Союзе способствовали массовому усвоению ее российскими немцами. Данный парадокс подмечает В. Вебер: „Wir – Volk mit einem äußerst tragischen Schicksal – haben eine beispiellos lackierte Literatur! [Мы – народ с чрезвычайно трагической судьбой – имели бесприммерно гладкую литературу!]”³⁷. Под особым давлением советского норматива российско-немецкая литература теряла специфику и потенциальное богатство, но становилась в условиях органичного конфликта с искусственными нормами и – на этом поле напряжения – начала созревания собственного ядра. Как любое маргинальное явление, российско-немецкая литература способна в будущем стать бурным культурным агрессором и диктовать свои законы окружающим языкам культуры.

Маргинальность обусловила своеобразие жанрового поля в российско-немецкой литературе, в первую очередь, жанрово-историческую инерционность, пристрастие к жанрам. Как отличить здесь искажение от своеобразия? Очевидно, не исходя из эстетической оценки уровня произведений, поскольку и массовая литература дает ценный материал для исследования, консервируя в себе особенности современного литературного процесса. Продуктивным становится изучение жанра в контексте этнической картины мира.

Географическая переброска основной массы российско-немецких литературных сил из глубины континента (Сибирь, Казахстан) в центральную Европу (Германия), совершенная в добровольном порядке, показала, что, попав в Германию, российско-немецкие литераторы не растворяются в немецкой среде, хотя подобная тенденция в какой-то мере намечается.

В различные исторические периоды российско-немецкая литература предстает отдаленной от читателя: в России от русского, в Германии от немецкого. По мнению исследователей, «фактор территориальной локализации предстает как наиболее распространенный и наиболее разработанный, но не единственный критерий региональности системы»³⁸. В случае с российско-немецким искусством одним из факторов региональности и даже маргинальности становится территориальная рассредоточенность народа. Возможно возникновение ядерных структур в различных районах периферийной дислокации российских немцев.

Российско-немецкая литература на данном этапе инерционно находится в состоянии пассивного насыщения, накопления потенциала.

Центр и периферия внутри самой российско-немецкой литературы также нуждаются в изучении. В пределах российско-немецкой литературы, ее жанрового поля, даже одного произведения наблюдается накапливание вторичных элементов, их экспансия в центр. В периферии жанрового поля российско-немецкой литературы зреют жанры, перешедшие затем в ядерные структуры.

Жанровое поле российско-немецкой литературы хронологически претерпело смещение материала из периферии в центр. Так, в 1940–1950-е гг. большие формы (поэма, лирический цикл, книга стихов), а также изысканные (сонет, венок сонетов, триолет), безусловно, находились на периферии. В условиях депортации и тем более трудармии российско-немецкие авторы были лишены возможности создавать большие формы, к примеру, поэмы, составлять и издавать книги стихов, проявлять интерес к сложнейшей поэтике.

Ситуация усугублялась из-за недоступности для российских немцев высших учебных заведений, а следовательно, невозможности получить специальное литературное образование.

Однако после относительной реабилитации российско-немецкого народа большие формы, принимая на себя функцию отражения исторической памяти российских немцев, выходят в центр жанрового пространства. Изысканные формы также становятся активны вследствие своей способности манифестировать

изображаемую ситуацию и с помощью повторов акцентировать важные элементы содержания.

Внутри одного жанра также происходят смещения из центра в периферию и из периферии в центр, перераспределение жанровых признаков.

Так, в песне и поэме получают дополнительную силу содержательные признаки (к примеру, отражение судьбы российско-немецкого народа), лежащие на поверхности жанра, а следовательно, в его периферии. Басня несколько теряет средний объем, процент привычных для данного жанра анималистических персонажей уступает первенство флористическим. Объем теряет поэма. Константы сонета (например, специфическая сонетная графика) становятся доминантами, то есть жанровые черты начинают движение к периферии. Незначительные смещения могут стать предвестниками глубоких.

Активизируются признаки, способные отражать и маркировать национальную картину мира (к примеру, приемы повторов в песнях, прошедшее время в элегии и др.), а также приобретаются новые (субъектная форма «мы» – «мы» как российско-немецкий народ – в стилизации под «блатную» шансонную песню).

Закон семиосферы: Высшей формой структурной организации семиотической системы является стадия самоописания. Кодификация норм поднимает описываемый объект на новую ступень организации. Самоописание системы – последний этап в процессе ее самоорганизации. Необходимость этапа самоописания связана с угрозой излишнего разнообразия внутри семиосферы: система может потерять определенность и единство³⁹.

При самоописании целые пласты маргинальных, с точки зрения данной метаструктуры, явлений культуры не соотносятся с ее идеализированным портретом. Они объявляются «несуществующими»⁴⁰.

Самоописание позволяет системе не «расползтись», снимает угрозу излишнего разнообразия. Усиленные теоретизирования сопровождают обычно уже застывшее явление.

Поднимаясь до уровня самоописания, ядро приобретает четко организованный характер и достигает саморегулировки, однако теряет динамичность и способность к развитию. Активизируется периферия, в которой ускоренно созревают центры и начинается выработка ими самоописаний. Новоявленные центры могут стать претендентами на универсальную структуру метаописания всей семиосферы⁴¹.

При том что российско-немецкая литература подверглась крайнему диктату советской культуры и приняла в свое жанровое поле, к примеру, советские одические элементы, в частности, пафосность, советская литература, кодифицируя свои нормы, практически игнорировала российско-немецкую, на что указывает отсутствие сведений о российских немцах в советских словарях и энциклопедиях, долгий запрет на публикацию российско-немецких произведений в периодических изданиях, выпуск книг.

Возникает вопрос о деформации развития в подобных условиях российско-немецкой интеллигенции, в том числе творческой и, в частности, литературной.

Ситуация бунта в субсемиосфере возникает уже тогда, когда при самоописании центр описывает субсемиосферу как свою часть, но сама субсемиосфера считает себя автономной. В случае с российскими немцами процесс игнорирования был значительно резче. Это не могло не вызвать, с одной стороны, назревание конфликта, с другой – стремление не отличаться от других советских субкультур, слиться с советским искусством (а в Германии – с немецкой). В связи с последним нельзя упускать из виду, что нормы на периферии искажались, российские немцы, находясь в условиях блокады, зачастую не имели возможности верно воспроизводить нормы.

Долгое время не было крупных исследований российско-немецкой литературы, что, в частности, указывает на ее динамический, формирующийся, не поддающийся исследованию характер. Но сейчас подходит время активности исследований. С одной стороны, это чревато попытками распространения норм на всю российско-немецкую субсемиосферу, с другой – приведением в четкую систему имеющих место процессов и закономерностей.

При наметившемся интересе к исследованию российско-немецкой культуры представителей других национальностей (Л. Кирюхина, Ж. Ескуатова, С. Ананьева и др.), продолжается и активное освоение российскими немцами своей субсемиосферы изнутри (Г. Бельгер, К. Эрлих, И. Варкентин и др.). Кодификация изнутри и со стороны объекта должна дать верную картину. Литература начинает получать и жанровую кодификацию, что продуктивно, поскольку жанр способен консервировать в себе эстетическую память эпохи.

Маргинальность российско-немецкой культуры, не укладывавшаяся в правила, не входила в самописание советской системы. Однако здесь проявилось несоответствие не эстетическим, а социальным нормам. Такого рода историческая маргинальность может стать мощным стимулом генерации нового.

Г. Вормсбехер отмечает, что до 1941 г. российско-немецкая литература «не только имела практически все условия, имевшиеся у других национальных литератур; она вдобавок опиралась на достаточно развитую национальную культуру, на уже достигнутую сплошную грамотность немецкого населения, а также подпитывалась мощной немецкой классической литературой, чего не было у большинства других национальных литератур страны»⁴². Вормсбехер перечисляет причины угнетения российско-немецкой литературы: Советская власть «перервала связь времен в ней, классовым подходом отторгнув в значительной мере дореволюционную литературу», «затем уничтожила творцов, причем в первую очередь наиболее талантливых, которым установленные рамки были особенно тесны», «депортацией всех советских немцев, ликвидацией их республики и национальных районов, распылением народа по огромной территории Сибири и Казахстана Советская власть уничтожила даже то, что не она создавала: совместное проживание, национальное само-

управление, условия для национальной жизни, условия для будущего народа вообще»; «с литературой было сделано примерно то же, что и с советскими немцами во время войны: как народ был на годы разделен по половому признаку даже в трудармии, чтобы лишить его возможности воспроизводства, так и литература была отлучена запретами и цензурой от всей проблематики жизни народа, чтобы она не могла произвести на свет ни одного серьезного произведения...»⁴³.

Заявляя, что «поле всей нашей национальной и творческой жизни было ограничено, причем до такой степени, которую нормальному человеку трудно представить», Г. Вормсбехер объясняет «пассивность» писателей-русских немцев: «Зная страну, систему, условия, в которых они жили, советские немецкие писатели хорошо понимали, что не считаться с установленными правилами и порядками невозможно. И что соблюдать их надо не только для того, чтобы публиковаться. Опыт трудармейского и спецкомендатурного прошлого настоятельно подсказывал каждому: соблюдение предписанных правил – это вопрос жизни и смерти, и не только творческой жизни и смерти. Поэтому никто и не демонстрировал свою “оппозиционность”. К тому же писательская команда советских немцев была слишком мала, каждый “игрок” в ней имел значительно большее значение, чем в других, более многочисленных национальных литературах, и было бы даже безответственным спровоцировать нарушением правил свое удаление с литературного поля, еще более осложнив труднейшее положение команды»⁴⁴.

В настоящее время пассивность российско-немецкой литературы успешно преодолена. В некоторой мере российско-немецкая литература уже становится культурным транслятором для германской литературы. По образному выражению поэта, редактора, германской эмигрантки О. Бешенковской, молодые российско-немецкие литераторы, пишущие на немецком, в какой-то мере делают современной немецкой поэзии, склонной к безрифвенности (и добавим – отсутствию метра), “русскую прививку”, в большинстве случаев внося в свои немецкоязычные стихи рифму⁴⁵. Это начальные сигналы будущей активности российско-немецкой литературы.

Гарант грядущей активности российско-немецких литераторов – обретение ими свободы чтения, в том числе генетически родной современной немецкой литературы. Это дает возможность обмена творческой энергией и новых творческих зарядов.

Одни и те же участки семиосферы могут быть одновременно активно действующими и принимающими, относительно разных семиотических объектов могут выступать центром или периферией. Иррадиация энергии в семиосфере не всегда предсказуема – могут внезапно оживать те или иные спокойные участки.

Российско-немецкая литература создает вокруг себя и фоновое явление, втягивая в свое силовое поле художественные устремления представителей других национальностей, так или иначе связанных с русско-немецкими реалиями, заражая их притягательной атмосферой русско-немецкого пограничья. К примеру,

русский поэт, актриса и режиссер Д. Фирсова, детство которой прошло в Кенигсберге, создает русскоязычный лирический цикл «Сны возвращения (Город детства. Кенигсберг 1945 г.)», насыщенный русско-немецкими мотивами.

В Германии вынужденная социальная пассивность российских немцев (в частности, вследствие безработицы), с одной стороны, лишает их полнокровной социальной жизни, с другой – обуславливает достаточное количество времени для творчества.

Российско-немецкая литература готова к самоописанию, но еще не кодифицирована, что доказывает ее пребывание на стадии живого развития. В подобных условиях «авторское намерение» превращается в «фермент» (Ю. Тынянов), механизмы саморазвития текста и литературы в целом запущены.

Закон семиосферы: Наиболее «горячими» точками субсемиосферы являются ее границы. Граница би- и полилингвистична, она представляет собой механизм перевода текстов «чужой» семиотики на язык «нашей», место трансформации «внешнего» во «внутреннее», фильтрующую мембрану, трансформирующую чужие тексты так, что они вписываются во внутреннюю семиотику субсемиосферы, но остаются однородными.

Российско-немецкая культура как культура пограничного этноса сама по себе является своеобразной границей, в какой-то мере парадоксально соединяя и одновременно разделяя немецкую и русскую картины мира.

Индивидуумом или коллективом любое пространство осознается как «свое» или «чужое». Для российских немцев «своим» представляется как немецкое, так и русское пространства, однако наиболее комфортной является привычная российско-немецкая, диффузная среда. В связи с этим и литературные, в том числе жанровые тяготения российских немцев активно питаются обеими традициями – русской и немецкой. Российско-немецкая культура предполагает не смешение русской и немецкой культур, а особое, самостоятельное явление, внутри которого нельзя отделить русское от немецкого.

Без семиотического различия русской и немецкой культур диалог невозможен, однако преодоление семиотического барьера здесь не представляется сложным.

К какому сверхнароду («совокупности наций, объединенных общей, совместно создаваемой культурой»), по теории Д. Андреева⁴⁶, относятся российские немцы – германскому или российскому? По всей вероятности, российские немцы и зарождаются как этнос, начиная отторгаться от своей генетической отнесенности к германскому сверхнароду и приникать к лону российского, то есть бытуя в сегменте соприкосновения сверхнародов. Не без ущерба откалываясь от материнского ложа, российские немцы вбирают в себя в какой-то мере осколочное германское видение мира, лакуны заполняются российским мирозерцанием. Однако речь здесь идет не о настоящем, бытующем в сознании российских немцев, а о подсознательном генетическом прошлом. Как раз такая двоичность прошлого, разливаясь в сфере подсознательного, дает российским немцам ровный,

цельный слой этнических ощущений и самоидентификации как представителей особой этнической общности.

Миф сверхнарода, по Д. Андрееву, «создается отнюдь не в одном лишь детском периоде его истории»⁴⁷. Следовательно, отдельная нация в составе сверхнарода может, в свою очередь, влиять на его миф. Российские немцы, по всей вероятности, способны внести дополнительные грани в мифы германского и российского сверхнародов.

По теории этногенеза Л. Гумилева⁴⁸, развитие российского и немецкого народов находится на зрелых стадиях. Г. Гачев определяет 2 вида контактов народов: 1. В контакт входят равные народы. Они развиваются параллельно друг другу, и прошли путь по исторической длине примерно равный; 2. В контакт входят народы, находящиеся на разных стадиях исторического развития. Один народ дает другому больше, чем берет⁴⁹. Безусловно, в случае с немецким и русским этносами речь идет о первом виде контакта.

Русский и немецкий этносы не соотносятся между собой, к примеру, как старо- и младописьменный. Русский и немецкий языки относятся к индоевропейской семье, имеют общую праоснову (праиндоевропейский язык), оба являются синтетическими. Русская и немецкая литература – высокоразвитые области мировой культуры, отличающиеся исторически обусловленным сходством части жанрового поля. Несмотря на то, что «XIX в. повел русскую и немецкую поэзию разными путями»⁵⁰, общие процессы здесь, безусловно, наблюдаются. Русское и немецкое стихосложения, являясь по своей природе тоническими (и силлаботоническими), во многом адекватны друг другу.

По Ю. Лотману, между подобными семиотическими языками (русским и немецким) устанавливаются отношения несложного преодоления семиотических барьеров.

Важной становится не только равноценность обеих культур, но и их взаимное тяготение, предшествующее контакту (немецкая монархическая династия в России; экспансия политики Петра I на Запад; приглашение Екатериной I немцев в Россию).

Возникая на границе двух семиотических миров, российско-немецкая культура преобразуется в новый семиотический субъект. На жанровом поле наблюдается частичное разделение поля влияния – к примеру, шванки пишутся только на немецком языке, российско-немецкий шансон – на русском. Действует ли здесь культурный закон, при котором язык может использоваться для отражения инонациональной картины мира: русский язык – для отражения немецкой культуры, немецкий – русской? Безусловно, однако специфичность российско-немецкого менталитета состоит в его двойственности, поэтому как русский, так и немецкий языки могут адекватно выражать российско-немецкий самообраз, будучи органичной его частью. Для различных представителей российско-немецкого этноса первичной может быть либо немецкая, либо русская культуры.

По И. Пригожину и И. Стенгерс, «определение системы необходимо модифицировать в ходе эволюции», «простейший из примеров такой эволюции связан с понятием структурной устойчивости» – реакции заданной системы на введение новых единиц, способных размножаться и вовлекать во взаимодействие различные процессы, протекающие в системе⁵¹. Вводимые в небольшом количестве в систему новые составляющие приводят к возникновению новой сети реакций между ее компонентами. Новая сеть реакций начинает конкурировать со старым способом функционирования системы. Если система структурно устойчива относительно вторжения новых единиц, то новый режим функционирования не устанавливается, а сами новые единицы («инноваторы») погибают. Немцы, прибывшие в Россию, были частью формирующегося народа, способность которого быть структурно устойчивым не была абсолютной. Являясь ограниченной группой, к тому же разбросанной по разным местам Российской империи, российские немцы были к тому же заинтересованы в сохранении русских «инноваторов».

Российско-немецкая культура одновременно чужеродна и органична и в русской, и в немецкой культурах. По мнению социологов, бикультурализм возникает на стадии, когда этническая группа и ее отдельные представители осознают свое отличие не только от окружающей инонациональной среды, но и от материнского этноса⁵².

Наименования жанров российско-немецких произведений порой раздваиваются в читательском бытовании: так, жанровая форма с обозначением „Vierzeiler“ восходит либо к немецкому шпруху, либо к русской частушке, но называется одинаково.

Особого внимания заслуживают межжанровые границы российско-немецких произведений, на стыке элементов внутри жанровой диффузии может активно проявиться фрагмент этнической картины мира. Таково соединение элегии и идиллии у Г. Генке: с одной стороны, показана мечта, с другой, ее развенчание.

Билингвизм и полилингвизм (die Zweisprachigkeit, die Mehrsprachigkeit), по мнению М. Алексеева, должен быть нормой образованного общества⁵³. Двухязычие российских немцев предстает положительной, созидательной чертой.

Закон семиосферы. Элементарный акт мышления – перевод. Элементарный механизм перевода – диалог. Диалог подразумевает асимметрию.

Дискретность диалогической системы предполагает, что периоды интенсивного развития культуры сменяются относительными затишьями, но эти периоды спада заполнены интенсивным накоплением информации, за которой следуют периоды трансляции. Генератор находится в центре, получатель – на периферии. Когда насыщение достигает определенного порога, принимающая сторона начинает бурно порождать новые тексты, сама становится культурным «транслятором», происходит смена центра и периферии.

К тому же отдельные участки семиосферы развиваются быстрее, другие – медленнее, гомологической картины не наблюдается.

Передача текста, написанного талантливым или гениальным человеком, представляющего высокую культурную ценность, не является высокогарантированной, поскольку точность информации теряется во множественности и даже бесконечности интерпретаций⁵⁴. Массовые литераторы, бережно копирующие приемы, не вносят в текст дополнительных смысловых обертонов. Несмотря на низкую эстетическую ценность, произведения российско-немецких массовых литераторов несут необходимую для исследования информацию.

Выше было отмечено, что попавшая в маргинальное положение российско-немецкая литература находилась одновременно в состоянии упадка и пассивного насыщения. Последнее может прогнозировать высокую активность российско-немецкой литературы в будущем, горизонты которого недалеки, поскольку заметно устремление российско-немецкого искусства в центр семиосферы (попытки самоописания). Логичность трансляции после интенсивного накопления информации неоспорима. Но за периодом трансляции закономерно наступит период затишья, поскольку развитие культуры подчинено синусоидным колебаниям.

Социальные катаклизмы не могли не отразиться на жанровом поле российских немцев.

В условиях депортации энергичны средние лирические жанры, особенно песня, способная к выживанию в коллективном сознании. Сатирические и юмористические жанры (к примеру, шванк) в это время не активны, и очередной всплеск шванка (Э. Пюнтер) возникает уже в 1970-е гг., когда условия бытования российско-немецкого этноса стабилизируются, боль затихает и у авторов появляется желание прибегнуть к истокам народного юмора. Аппелляция к поэме (Р. Вебер, Н. Ваккер) сопрягается с желанием осмыслить пережитое, зафиксировать его эпохальность.

Наблюдается прямая связь между историческими событиями и теми или иными жанровыми вспышками. Так, потеря автономии, депортация, трудармия активизировали элегию, послание, адаптация в Германии – стилизацию под «блатную» шансонную песню. Характерно, что жанр песни в разных его разновидностях сопровождает все этапы бытования российско-немецкого этноса.

На отсутствие гомологической картины (различная скорость развития литературных явлений) указывают, к примеру, такие факты: российско-немецкая драма развивается пассивнее других жанров; российско-немецкая массовая литература необыкновенно активна („Die Literatur war für viele jener Strohalm, an den sich der Ertrinkende klammert. Wider alle Logik war dieser Strohalm für viele die Rettung“[«Литература для многих была соломинкой, за которую хватается утопающий. Против всей логики эта соломинка была для многих спасением»]⁵⁵).

Развитие российско-немецкого этноса неминуемо проходит следующие стадии: осознание на начальном этапе достаточности культурного потенциала, принесенного с родины; переход к бикультурализму посредством изучения языка титульной нации и интеграции в общественную жизнь новой родины; осознание собственных национальных ценностей как признака самости этнической группы

и стремление защитить размывающиеся на новой родине традиции; образование на новой родине собственных общественных органов, ставящих перед собой культуртрегерские, а затем и политические задачи; взаимодействие или даже координация деятельности общественных объединений этногруппы для утверждения культурной автономии на новой родине⁵⁶. Спецификой российско-немецкого народа является то, что данные фазы он проходит трижды: при эмиграции из Германии в Россию, при депортации в отдаленные районы Советского Союза, при эмиграции из СНГ в Германию.

Ю. Лотман определяет следующие этапы процесса восприятия культурной информации «принимающей» стороной:

1. Поступающие извне тексты сохраняют облик «чужих». Новое переживается как спасительное.

2. «Импортированные» тексты и «своя» культура взаимно перестраиваются. Господствует стремление к восстановлению прерванного пути, ищутся «корни».

3. Обнаруживается стремление отделить некое высшее содержание усвоенного миропонимания от той конкретной национальной культуры, в текстах которой она была импортирована, доказать его ценность именно в «своей» культуре. Культивируется неприязнь к культуре-источнику.

4. Воспринимающая культура начинает порождать новые тексты, основанные на культурных кодах, стимулированных внешним вторжением, но преобразованных в «своей» культуре.

5. Культура-приемник переходит в позицию культуры-передатчика, направляющим поток текстов в другие, с ее точки зрения периферийные районы семиосферы⁵⁷.

Российские немцы в полной мере не являются подобной принимающей стороной, поскольку вышеприведенные этапы характеризуют отношения разновозрастных культур. Российские немцы – парадоксальное явление, это молодой народ, генетически восходящий к зрелому немецкому этносу. Воспринимая «другое» как «спасительное» (в России русское, в Германии немецкое), российские немцы обладают достаточным культурным опытом, для того чтобы избежать 3 этап – неприязнь к культуре-источнику.

По мнению Т. Иларионовой, «именно культура способствует значительной мифологизации общественного сознания этнической группы» [58]. Национальные символы и мифы, иконизация родины сопровождают двойную самоидентификацию российских немцев.

Осознание российскими немцами собственной анклавной уникальности постепенно становится все более положительным признаком.

¹ О семиосфере см.: Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб, 2004. – 704 с.

² О тартуской школе см.: Гаспаров Б. Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен // Wiener Slawistischer Almanach. 1989. Bd. 23; Чередниченко И. Структурно-семиотический метод тартуской школы. Спб., 2001; Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства. Опыт энциклопедического словаря. – Спб., 2000. – 552 с.; Почецов Г.Г. Семиотика. М.: РГБ, 2003. – 430 с.; Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: Автореф. дис. ... д. филол. н. М., 2002. – 34 с.; Культура: семиотика, феноменология, телеология / Редкол. В. Лебедев, В. Савельев. – Тверь, 2003. – 159 с.; Зенкин С. Бой с тенью Лотмана: Заметки о теории // Новое литературное обозрение. № 53. – М., 2002. – С. 340-347; и др. Труды тартуской школы см.: Лотман Ю. М. Заметки о тартуских семиотических изданиях // Труды по русской литературе и семиотике кафедры русской литературы Тартуского университета. 1958–1990. Указатель содержания. Тарту, 1991.

³ Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 250.

⁴ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 250.

⁵ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. Учебное пособие. Т. 1. М.: МСНК-пресс, 2005. С. 11.

⁶ Там же. С. 264.

⁷ Harold, J. Deutsche Identität. 1770-1990 / Aus dem Englischen von W. Müller. Frankfurt: New York, 1991. S. 17 [Гарольд Дж. Немецкая идентификация. 1770-1990 / Пер. с англ. В. Мюллера. Франкфурт: Нью-Йорк, 1991. С. 17]

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В. Тишков. Редколл.: В. Александров, С. Брук и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 246.

¹⁰ Там же. С. 247.

¹¹ Paulsen N., Hugo Wormsbecher: „Der Almanach „Heimatliche Weiten“ und die russlanddeutsche Nachkriegsliteratur“ // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 2006. Stuttgart: Herausgeber: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V., 2006. – S. 191 [Паульсен Н. Гуго Вормсбехер: альманах «Родные просторы» и российский-немецкая послевоенная литература // Heimatbuch немцев из России 2006. – Штутгарт: Землячество немцев из России, 2006. С. 191].

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 253.

¹⁵ Там же. С. 256.

¹⁶ Иларионова Т. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М.: Neues Leben, 1994. С. 4.

¹⁷ Вебер В. Не утратив внутренней свободы // Лирика семи городов: Стихи / Пер. с нем. Сост. В. Вебера и Е. Витковского; вступ. ст. и справки об авторах В. Вебера. М.: Худож. лит, 1992. С. 3.

¹⁸ Ю.М. Указ. соч. . С. 610.

¹⁹ Рыжова М.И. Немецкие стихи словенских поэтов в контексте развития словенской национальной литературы (XIX в.) // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. – 359 с.

²⁰ Вебер В. Указ. соч. С. 3.

²¹ Письмо В. Вебера Е. Зейферт от 10 февраля 2006 г. по поводу идентификации румынских немцев. Аугсбург – Караганда // Личный архив Е. Зейферт.

²² Вебер В. Указ. соч. С. 4.

²³ Там же. С. 11.

²⁴ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 262.

²⁵ Левин Ю.Д. Немецко-русский поэт Э.И. Губер // Многоязычие и литературное творчество. М., 1972. – С. 107.

²⁶ Там же.

- ²⁷ Там же. С. 106-123.
- ²⁸ Данилевский Р.Ю. Немецкие стихотворения русских поэтов // Многоязычие и литературное творчество. – М., 1972. – С. 39.
- ²⁹ Данилевский Р.Ю. Указ. соч. С. 35.
- ³⁰ Цит. по: Иларионова Т. Указ. соч. С. 5-6.
- ³¹ Иларионова Т. Указ. соч. С. 65.
- ³² Об этом см., к примеру: Брюхнова Е.А. Российские немцы в государственной политике России: историко-политический анализ: Автореф. дис. к. полит. н. М., 2002. – 24 с.
- ³³ Album plattdeutscher Dichtungen. Leipzig: G-W. Grunow, 1869. – 328 S. [Альбом поэзии на платт-дойч. – Лейпциг: Г.-В. Грунов, 1869. – 328 с.]
- ³⁴ Brüder Sinder. Volksliederbuch. Kassel-Basel-London, 1954. – 144 S. [Братья Зиндер. Книга народных песен. Кассель-Базель-Лондон, 1954. – 144 с.]; Die schönsten Kinderlieder. – Oldenburg: Corvus Verlags- und Mediengesellschaft mbH, 1997. – 218 S. [Прекрасные детские песни. – Ольденбург: Corvus, 1997. – 218 с.]; Песни и баллады волжского села Блюменвельд: По материалам архива Георга и Эммы Дингесов / Ред.-сост. Е.М. Шишкина-Фишер. М.: Готика, 1999. – 184 с.; В кругу друзей: Немецкие народные песни в России / Сост. Э. Томаровская. М., 1996; и др.
- ³⁵ Alberti, C. Die Zukunft der deutschen Literaturgeschichte // Natur und Kunst. Beiträge zur Untersuchung ihres gegenseitigen Verhältnisses. Leipzig, 1890. S. 285–296. [Альберти К. Будущее немецкой истории литературы // Природа и искусство. Статьи по исследованию современных условий. Лейпциг, 1890. С. 285–296.]
- ³⁶ Письмо Л. Вебера Е. Зейферт по поводу его ментальных ощущений и творчества. 13 июля 2006. Лариса (Греция) – Караганда // Личный архив Е. Зейферт
- ³⁷ Weber, W. Tränen sind Linsen. Lyrik und Essays. – Moskau: Raduga-Verlag, 1992. S. 120. [Вебер В. Слезы – линзы. Лирика и эссе. – М.: Радуга, 1992. С. 120].
- ³⁸ Гамзатов Г. XX век как эпоха национальных литератур и региональных литературных общностей / Теоретико-литературные итоги XX века. Художественный текст и контекст культуры. Т. 2 / Редколл. Ю.Б. Боров (гл. ред.), Н.К. Гей, О.А. Овчаренко, В.Д. Сквозников и др. М.: Наука, 2003. С. 404.
- ³⁹ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 254-255.
- ⁴⁰ Там же. С. 256.
- ⁴¹ Там же. С. 260.
- ⁴² Paulsen N. Hugo Wormsbecher: „Der Almanach 'Heimatliche Weiten' und die russlanddeutsche Nachkriegsliteratur“ // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 2006. – Stuttgart: Herausgeber: Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e.V., 2006. S. 177–197. [Паульзен Н. Гуго Вормсбехер: альманах «Родные просторы» и российско-немецкая послевоенная литература // Heimatbuch немцев из России 2006. Штутгарт: Землячество немцев из России, 2006. С. 177-197]
- ⁴³ Там же. С. 187.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Фролова И. О Зарубежных записках и Петербургских стихах <Интервью с О. Бешенковской> // Русская Германия. № 25/470. 27.06. – 03.07. 2005. Баден-Вюртемберг. С. 21.
- ⁴⁶ Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1991. С. 51–52.
- ⁴⁷ Там же. С. 51.
- ⁴⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2005. – 556 с.; Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). – СПб., 2005. – 975 с.
- ⁴⁹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. С. 18.
- ⁵⁰ Данилевский Р.Ю. Немецкие стихотворения русских поэтов // Многоязычие и литературное творчество / Отв. ред. акад. М.П. Алексеев. М.: Наука, 1981.

⁵¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2003. – 312 с.

⁵² Иларионова Т. Указ. соч. С. 66.

⁵³ Алексеев М. Указ. соч. С. 5.

⁵⁴ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 607.

⁵⁵ Die Perestrojika als Chance für die Russlanddeutschen // Tränen sind Linsen. Lyrik und Essays. Moskau: Raduga-Verlag, 1992. S. 157. [Перестройка как шанс для российских немцев // Слезы – линзы. Лирика и эссе. М.: Радуга, 1992. С. 157]

⁵⁶ Иларионова Т. Указ. соч. С. 63.

⁵⁷ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 272.

⁵⁸ Иларионова Т. Указ. соч. С. 73.

Традиции воспитания детей: качества «немецкого национального характера», не подлежащие сомнению

Одним из актуальных направлений в социальной и этнической психологии является изучение этнических стереотипов. Именно они определяют установки на межэтническое взаимодействие, определяют статус той или иной группы в обществе. Этнические стереотипы – обобщенные, устойчивые, эмоционально насыщенные, сложившиеся в исторической практике межэтнических отношений, образы этнических групп, регулирующие восприятие ее представителей и планирование взаимодействия с ними. Основными свойствами стереотипа, таким образом, являются: устойчивость (или существование одних и тех же стереотипов у разных поколений людей внутри одного этноса), ригидность, избирательность восприятия информации и эмоциональная наполненность. Вместе с тем этнический стереотип отражает стремление людей к сохранению и укреплению позитивной этнокультурной идентичности, играя важную социальную роль как фактор консолидации и фиксации этнической группы. Как отмечает Г. Солдатова, «этнические стереотипы – это когнитивные инструменты поддержания оптимальной проницаемости этнических границ. Оптимальность состоит в том, что плотность этнических границ, с одной стороны, должна быть не меньше, чем это требуется для сохранения группы как самостоятельного и целостного этнокультурного образования. С другой – не больше, чем это необходимо для непрекращающегося взаимодействия между разными народами»¹.

Каждый этнос в процессе своей жизнедеятельности на определенной территории в конкретных социально-экономических и исторических условиях вырабатывает свой уникальный стереотип поведения, который «поставляет» членам этноса общепринятые модели поведения в тех или иных стандартных ситуациях. В данном контексте «стереотип» означает не столько представление о другом этносе, сколько «устойчивые, регулярно повторяемые элементы образа жизни, которые хотя и обладают известной социальной значимостью, однако не носят «событийного характера» и не осознаются носителями поведения как «поступки»². Этнический стереотип поведения представляет собой набор типовых программ, направленный, прежде всего, на «нейтрализацию тенденции к индивидуализации поведения, сдерживанию роста его вариативности, ибо ничем не контролируемый рост многообразия неминуемо привел бы к распаду общества»³. Таким образом, этнические особенности поведения выступают важнейшим этноконсолидирующим фактором и основанием для сравнения и сопоставления с другими этносами.

С понятием «этнический стереотип» тесно связан термин «национальный характер». До сих пор в науке четко не определено это понятие. Нам представляется интересным рассмотреть те черты, которые приписывают «немецкому национальному характеру» и рассмотреть механизм стереотипизации тех или других черт.

Этнические стереотипы усваиваются в раннем детстве – обычно из вторичных источников (семья, друзья), а не из непосредственного опыта – и используются детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они принадлежат. Этнические стереотипы имеют два вида: автостереотип – представление народа о самом себе и гетеростереотип – представление народа о других этносах.

Нам хотелось бы подробнее остановиться на феномене автостереотипа, как одного из способов сохранения своей этнической специфики и идентификации. Изучение этого аспекта на примере немецкого населения приобретает дополнительную актуальность в силу особенностей этнической истории немцев. Мы имеем в виду, в первую очередь, высокую миграционную активность народа и необходимость выработки специальных механизмов сохранения своей идентичности в иноэтническом окружении.

Для выявления стереотипных черт немецкого населения Западной Сибири в рамках этносоциологического опроса, который был направлен на изучение межэтнической брачности, респондентам был задан вопрос: Какие основные черты характера есть у представителей вашей национальности и представителей национальности вашего мужа (жены)? Это довольно распространенная методика для исследования этнических стереотипов, в научной литературе наиболее употребляемое ее название метод свободных описаний: респонденту предлагается назвать черты характера тех или иных национальных групп, после чего с применением общечастотного анализа и контент-анализа составляется список наиболее употребимых характеристик. Преимущество этой методики состоит в том, что описание составляется в свободной форме, что исключает программирующее влияние заранее предложенных в списке характеристик.

Нами было опрошено 65 представителей немецкой национальности (37 женщин и 28 мужчин). Кроме того, 30 анкет заполнено с людьми, состоящими в браке с немцами (20 женщин, 10 мужчин), так как основным брачным партнером в межэтнических браках для немцев являются русские, то и в нашем опросе они доминировали, однако сюда включены казахи (3 анкеты) и татары (2 анкеты).

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам. Но сначала несколько вводных замечаний. Особенностью автостереотипов является стремление этнической общности внести в их содержание нечто от идеала, подчеркнуть наиболее самобытные черты национального характера. Например, установлено, что группы с более высоким статусом в экономической сфере имеют тенденцию характеризовать себя как компетентных и добившихся экономического успеха, а группы с более низким статусом – как отличающихся добротой, сер-

дечностью, гуманностью, с одновременным снижением значимости тех качеств, которые обеспечивают чужой группе экономическое превосходство – деловитости, предприимчивости.

Женщины среди основных черт немецкого характера выделили (называю по релевантности): пунктуальность, аккуратность, чистоплотность, трудолюбие, порядочность, ответственность, скромность, педантичность и религиозность. Всего же было названо 64 характеристики, среди которых наиболее интересные: культ домашнего очага, ориентация на семейные ценности, добродушие, смирение, необщительность, любвеобильность, своевременность, строгость, дисциплинированность, эмоциональность, законопослушность.

Мужской взгляд на черты немецкого характера незначительно отличался от женского. Так к основным характеристикам были отнесены: пунктуальность, аккуратность, трудолюбие, чистоплотность, ответственность и работоспособность. Чертами, которые упомянули один или два раза, были гордость, честность, сдержанность, хитрость, скупость, скрупулезность, настойчивость, порядочность, нравственность, вежливость и др. Всего мужчины отметили 39 признаков «настоящего немца». Хотелось бы отметить, что только один человек на поставленный вопрос ответил, что черты характера не зависят от национальности, большинство респондентов отмечали три отличительные черты.

Вполне логично, что автостереотип обычно носит «оправдательный» характер, более позитивно оцениваемый с точки зрения общепринятых норм, а «гетеростереотип» – «обвинительный».

Теперь хотелось бы остановиться на гетеростереотипных характеристиках, т.е. представлениях о немцах других национальных групп. По мнению Д. Кэмпбелла, увеличению удельного веса реальных черт в этнических стереотипах способствуют более глубокие и длительные контакты между группами. Как отмечает Г. Кцоева (Солдатова), «более значительное влияние на содержание и направленность этнических стереотипов оказывает совместная деятельность, объединяющая представителей различных этнических групп и дающая возможность познать друг друга глубже и разностороннее, чем в процессе межличностных отношений. Важнейшим фактором в этой связи является персонификация отдельных представителей иноэтнических групп, что «способствует конкретизации этнического стереотипа, обогащению и повышению адекватности его когнитивного содержания»⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что супруги, живущие вместе на протяжении нескольких лет, могут выделить наиболее «объективные» стереотипные черты.

Итак, к типичным чертам немецкого национального характера были отнесены пунктуальность, аккуратность, трудолюбие, чистоплотность. Среди других ответов можно назвать спокойствие, вежливость, умение выполнять обещания, замкнутость, выдержанность, четкость, придирчивость, отзывчивость, порядочность, скупость, эгоистичность и коллективизм. В целом в ответах доминировали позитивные и нейтральные оценки, хотя, встречались и негативные характеристики.

В этой группе также, только один человек отметил, что характер и этничность не связаны между собой.

С нашей точки зрения черты, названные респондентами действительно присущи российским немцам. Вторую часть доклада мы бы хотели посвятить проблемам формирования этих черт, в частности пунктуальности, аккуратности, чистоплотности, трудолюбия и механизму их стереотипизации.

«Первый слой» этнической специфики сознания закладывается еще в раннем сенсомоторном опыте ребенка вместе с восприятием им нормы социального взаимодействия. В. Павленко и С. Таглин считают, что процесс этот начинается с того момента, когда ребенок начинает воспринимать содержание напеваемых ему колыбельных песен⁵.

Важное педагогическое значение в жизни немецкого ребенка, имел распорядок дня, который в высокой степени упорядочивал жизнь ребенка и приучал его к пунктуальности и дисциплинированности. Немцы часто употребляют выражение: «Все в порядке» (Alles is Ordnung) или «Порядок превыше всего» (Ordnung muss sein)⁶. Это относится не только к быту и хозяйственным делам, но и к организации времени, все должно иметь свое время – и труд, и отдых. Семья начинала свой день около 5 часов утра, зимой около 6. Утром после завтрака отец и мать распределяли дела, которые необходимо было выполнить за день. Затем дети могли выполнить неотложную часть работ и отправиться в школу. После занятий в школе они приступали к выполнению дальнейших хозяйственных обязанностей. Особенностью немецкого населения Западной Сибири можно считать четко очерченный круг функций и добросовестное их выполнение, независимо от возраста. Это обеспечивало повседневную занятость в хозяйственных делах. Например, Иван Иванович Гильдебрант рассказал такой случай: когда его сыну было 8 лет, мальчик пришел из школы, переделался и исчез, никому ничего не сказав, не предупредив. Его все стали искать и беспокоились о нем, так как он даже не пообедал. Пришел мальчик через три часа. Оказывается все это время, он выполнял обязанность, которая была закреплена за ним в семье – чистил хозяйственные постройки.

Выполняя свои обязанности, ребенок должен помнить о других, он не должен заставлять себя ждать. Например, около часа дня вся семья собиралась на обед, если кто-то из детей опаздывал ему говорили:

*Holt souge, Wuta druoge
Fie muoke, tiltie koka
Bratschidasch komt ete
Jascha nech fejete
Wana nech bolt kunme wont
Woa wie am ferem Bolzkopp jewe
Butz, butz, butz.
Дрова пилить, воду носить,*

*Огонь зажечь, лапшу варить.
Плотники пойдете есть.
Яшу не забудьте,
Если он не скоро придет,
Мы будем бить его по лбу
Бац, бац, бац ⁷.*

После выполнения своих обязанностей у детей появлялось свободное время. Они могли его провести со своими друзьями или дома, отдыхая от работы. Этот процесс тоже был регламентирован, хотя и в меньшей степени. Для того, чтобы отлучиться из дома, ребенок должен был спросить разрешения у отца или матери⁸. Родители строго следили за дисциплиной и требовали возвращения домой в указанное время к 22 часам летом, зимой – к 21 часу⁹. Примерно так был распланирован каждый день немецкого ребенка. В воскресенье немецкие семьи не работали, этот день должен быть «посвящен Богу».

Разные виды хозяйственной деятельности, выполнение домашних обязанностей занимали большую часть времени трудоспособных членов немецкой семьи. Старшие из детей (14–15 лет) участвовали во всех полевых работах наравне со взрослыми. Младшие дети также участвовали в производственном процессе, насколько это было возможно.

Но в немецких семьях существуют некоторые особенности привития ребенку этих качеств, на наш взгляд, это обусловлено особенностями хозяйственной культуры немцев Западной Сибири. Вслед за Н.Н. Зарубиной под хозяйственной культурой мы понимаем систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности, определяющих форму ее осуществления, а вместе с тем и восприятие ее обществом¹⁰.

Формирование отношения к труду происходило под влиянием конфессионального фактора, так как в начале XX в. большинство российских немцев в Сибири по вероисповеданию были протестантами, то можно говорить о некоей локальной традиции «протестантской этики»¹¹, то есть, хозяйственной культуры, основанной на этих принципах.

Согласно представлениям немцев, усердный труд, постоянная забота о семье и родителях считаются главным жизненным долгом человека¹². К работе, труду немцы относились так же серьезно и ревностно, как к исполнению религиозных обрядов, что придавало их жизни большую степень регламентированности, упорядоченности. В представлениях верующих принятие веры и точное соблюдение принципов Святого Писания в повседневной жизни принесет спасение любому человеку. Считалось, что постоянный труд угоден Богу, в результате человек получает его благословление и спасение. Трудовая деятельность выступала как главная добродетель. Несмотря на видоизменения экономических основ существования, неизменным остается принцип ответственности каждого за судьбу

своей семьи, забота о достатке и благополучии в ней, именно такая установка прививалась детям в ходе социализации¹³. Трудолюбие, бережливость, честность, основательность – вот качества, которые родители должны были привить ребенку в процессе воспитания. Подобные установки в отношении трудовой деятельности существовали и у русского старообрядческого населения Сибири¹⁴.

С первых дней жизни ребенок воспринимался как помощник отца и матери в исполнении хозяйственных обязанностей. С 3–5 лет дети получают свои первые обязанности: девочки следят за чистотой посуды, мальчики ухаживают за птицей или мелким скотом. «Если ребенок хочет что-то сделать нужно дать ему эту возможность и ни в коем случае не запрещать».

С 6–8 лет трудовые нагрузки возрастают, ребенку поручается выполнение определенных обязанностей, это приобретает систематический характер: дети моют посуду, убирают дом, ухаживают за скотом. Обязанность закрепляется за ребенком, за неисполнение которой его ждет наказание, иногда очень суровое, так как «лень – это грех, за который необходимо наказывать»¹⁵. Обычным наказанием в этих случаях было увеличение количества выполняемых работ или выполнение заново уже сделанного. При этом, хвалить за труд было не принято, так как это может «разбаловать» ребенка.

Немецкие родители старались воспитать у своего ребенка сознание того, что он – неотделимая часть семьи, и его труд ценен и необходим для всей семьи, также как труд любого взрослого. Например, Иван Эдуардович Беем житель д. Чучкино, говорит, что в 8–10 лет ребенок знает, что труд – это обязанность каждого, помощь родителям и всей семье – большая ответственность¹⁶.

Важным этапом в освоении трудовой деятельности было игровое начало. Постоянно наблюдая за родителями, братьями и сестрами, дети начинают имитировать их действия: строить дома, убирать в этих домах, готовить пищу, шить одежду и т. д. Например, Зюзанна Петровна Коретал, жительница с. Орлово, вспоминает, что хорошо шила с детства: сначала детские одежки, потом шила для себя, а потом и всю семью стала обшивать¹⁷.

Сейчас детские игры также сочетаются с выполнением какой-либо трудовой деятельности. Например, в с. Неудачино Новосибирской области мы были свидетелями следующей игры: мальчишки 3–4 лет машинками перевозили мусор (опавшие листья, ветки), который собрал их старший брат, причем игру для них придумала мама¹⁸.

По вечерам было принято собираться всей семьей, помимо чтения Библии, семья занималась различными видами домашних работ. Отец и мальчишки что-то мастерили или ремонтировали. Мать и девочки занимались рукоделием. Причем нужно отметить, что деятельность, направленная на обеспечение семьи, но не требующая тяжелых физических усилий, рассматривалась немцами как вид отдыха.

Таким образом, жизнь ребенка с раннего детства связана с трудом, который становится неотъемлемой частью его существования. В результате такой практики трудового воспитания дети к 12–14 годам осваивают весь комплекс хозяйственных занятий.

В. Павленко и С. Таглин отмечают также роль малых форм фольклора в качестве орудий этнической спецификации сознания: это связано с тем, что в народных пословицах, поговорках, загадках так или иначе отражаются природные и социальные условия существования этноса: «Отражая особенности местной флоры и фауны, ландшафта и климата, паремии задают индивиду образ природной среды его родины и формируют природный фон ассоциаций». Отражение в народном творчестве социальных реалий конкретной этнической общности формирует «второй слой» этноспецифичности сознания: «Этим путем в ассоциативные процессы индивида включаются образы и понятия из сферы социального устройства, религии, хозяйственной деятельности, быта и истории этноса»¹⁹. К этому «второму слою» относится также формирование представлений о других этносах, взаимоотношения с которыми являются неотъемлемой частью легендарного эпоса народа, его былин и сказаний. К трудолюбию и аккуратности и бережливости ребенка приучали следующие поговорки:

Ischte de oubet, dout spiel (Делу – время, потехе – час);

Je de Fùla twoi mull jet, nemmta so viell dout dem de Bock woi det (Чем пойти два раза, ленивый возьмет столько, что живот заболит);

Fùla tost sech Dout, en de Maka raut sech Dout (Ленивый тащит пока не помрет, медленный бежит пока не помрет)²⁰;

Wohlgeschmack bringt Bettelsack (Вкус к приятному приводит к нищете);

Das ist ein schlechtes Schaf das seine eigene Wolle nicht tragen kann (Плоха та овца, которая не может носить собственной шерсти);

Ruh und Rast ist die halbe Mast (Покой и отдых – все равно, что половина корма);

Unrecht kommt an den dritten Erben (Несправедливое добро не доходит до третьего наследника);

Jeder kriegt, was er wert ist (Каждый получает то, что он заслужил)²¹.

Для приучения ребенка к прилежанию при выполнении любой деятельности немцы употребляют следующие пословицы:

Fleiß ist des Glückes Vater (Прилежание – отец счастья);

Kein Fleiß ohne Schweiß (Без пота нет и прилежания);

Der Jugend Fleiß, des Alters Preis (В молодости прилежание, в старости почет)²².

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что основные черты «национального немецкого характера» формируются с раннего детства и закрепляются на последующих этапах жизни ребенка, перерастая в устойчивые формы, передающиеся из поколения в поколения. Во многом эти черты выполняют этноконсолидирующие функции, что дает возможность поддерживать национальную иден-

тичность даже в условиях, когда изучаемая группа ощущает себя меньшинством с низким этнический статусом, как это было в некоторые периоды этнической истории российских немцев.

¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С.40–63.

² Старовойтова Г.В. Этнические особенности поведения и внешности в восприятии горожан // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 27.

³ Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. М, 1986. С. 12.

⁴ Кцоева Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. 1986. № 2, С. 47.

⁵ Павленко В.Н., Таглин С.А. Факторы этнопсихогенеза. Харьков, 1993. С. 243.

⁶ Зайденец Ш., Баркоу Б. Эти странные немцы. М., 1999. С.12.

⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. - 1. 2006. Д. 188-1. Л. 71.

⁸ См.: Там же. 2002. Д. 157-2. Л. 39.

⁹ См.: Там же. 2000. Д. 151-1. Л. 51.

¹⁰ Цит. по: Кротт И. Протестантизм и хозяйственная культура Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Культура: информационно-методический бюллетень. 2005. № 8. С. 3.

¹¹ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1993. – 320 с.

¹² См.: МАЭ ОмГУ. Ф. - I. 2005. Д. 182-2. Л. 43.

¹³ См.: Чернова И.Н. Современная семья у немцев Сибири: из опыта историко-этнографических исследований // Исторический ежегодник. Омск, 2001. С. 245–247.

¹⁴ См.: Расков Д.Е. Старообрядческое предпринимательство в экономике России (на примере московской промышленности XIX века) // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. – Вып. 3. М.; Волгоград, 2001. С. 404–428.

¹⁵ МАЭ ОмГУ. Ф. – I. 2002. Д. 157-2. Л. 12.

¹⁶ См.: Там же. 1999. Д. 181-3. Л. 28.

¹⁷ См.: Там же. 1997. Д. 179-4. Л. 16.

¹⁸ См.: Там же. 2000. Д. 151-7. Л. 55.

¹⁹ Павленко В.Н., Таглин С.А. Указ. соч. С. 245.

²⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. – I. 2006. Д. 188-1. Л. 71.

²¹ Грипенотрог Г. Социализация в семье, как преемственность трудового опыта // Традиции в современном обществе. Москва, 1990. С. 83–88.

²² Осипчук О.С. Отражение национального характера российских немцев, проживающих на территории Омской области, в пословицах, характеризующих отношение к труду // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2006. С. 243–244.

Роль шванка в сохранении идентичности российских немцев¹

Уже более двух веков на территории России существуют немецкие диалекты, сохраняя для многих этнических немцев статус языка повседневного общения. Немецкие островные диалекты являются специфическими образованиями, развивающимися на протяжении длительного времени в иноязычном окружении и подвергающимися сильному воздействию со стороны русского языка. Одной из форм сохранения родного языка и культуры российских немцев являются произведения устного народного творчества российских немцев. В этом отношении шванк, зафиксированный на немецком диалекте, представляет собой яркий пример одного из фольклорных жанров, который в соответствии с классификацией А. Жоле долитературных форм относится к простейшим формам, противопоставляемым им формам художественным².

Шванк имеет давнюю историю. Этот жанр бытовал в Германии уже в древности. Первыми немецкими шванками, дошедшим до современности, считается комическая история 9-го века *Modus Liebinc*, а также шванки известного ученого и поэта Ноткера Балбулы, развлекательная направленность и композиционно-структурные особенности которых полностью соответствуют специфике этого жанра³. Тексты первых зафиксированных на письме шванков написаны на латинском языке, но сюжеты взяты из жизни народа того времени⁴.

Пережив свой расцвет в 16–17 в., жанр шванка постепенно вытесняется родственной ему формой анекдотом, в XX веке он мало используется авторами, хотя продолжает существовать в народной среде, о чем свидетельствует собранный в течение последнего столетия значительный материал⁵. Таким образом, жанр шванка воспринимается сегодня в Германии прежде всего как исторический.

Попав на новую почву, в России шванк начинает бурно развиваться. О распространенности шванков в народной среде свидетельствуют записи начала XX века, сделанные Эммой и Георгом Дингесами. В более позднее время к этому жанру обращаются писатели, выходцы из села (Fr. Bolger, D. Busch, Kl. Eck, E. Günther, G. Haffner, W. Hartwig, W. Herdt, J. Kunz, H. Klein, A. Jordan, E. Jost, Fr. Krüger, W. Lochmann, L. Marx, Kl. Obert, A. Saks, E. Spuling и др.).

Немецкие исследователи понимают под шванком комическую историю в народном стиле, грубовато-дерзкого содержания, часто переходящего в непристойное, скабрешное, в стихах или прозе, имеющую небольшой объем, которая может содержать какое-либо поучение⁶. В России шванк сохраняет основные типологические черты своего предшественника, но и приобретает некоторые особенности. Устный прозаический шуточный рассказ, переданный в форме личного воспоминания или рассказа определенного лица, характеризуется традиционным

набором сюжетов (высмеивание различных отрицательных качеств человека, которые проявляются в бытовых ситуациях), установкой на достоверность (значение подлинного факта как для рассказчика, так и для слушателя), комическим исходом сюжета, часто содержащим поучение, небольшим объемом.

Так как родной язык немцев в России сохранялся прежде всего в сельской местности, где компактно проживало немецкоязычное население, то предметом изображения часто становятся взаимоотношения крестьян и сельского старосты, священника и прихожан, взаимоотношения мужчин и женщин, хотя в шванке российских немцев отсутствуют сюжеты, связанные с изменой супругов, типичные для шванка на территории Германии. Позже тематическую сферу шванка РН определили жизнь немцев в колхозе/совхозе, их отношение к труду, отношение к власти, отношения колхозников и правления, противопоставление сельских жителей и горожан. Все действие шванка представлено через призму восприятия окружающей действительности деревенским жителем или жительницей, являющихся рассказчиками.

Для российско-немецкого шванка характерно «перевоспитание» отрицательного героя, это отражается в высказываниях рассказчика в конце текста („ ... S hot gholf. Ich hun jetz immr mei schee truckl Handtuch“; „... Von dere Zeit ou trinkt dr Philipp kaa Schnaps mehr“; „... Von delemol war s aus bei dene mit ihrer Sauferei“; „... vun dem Tag an war s aus mit m Jasch seiner Prahleri“; „Mei Marie saat immer, ich soll mich mit fremde Weibslait net behänge... Däs war mr dermol n Urok“)?.

Традиционное сознание определяет нормы поведения человека, предполагая особое восприятие обыденной жизни. Создаваемый традиционным сознанием образец предписывает выполнение определенных действий в каждой конкретной повседневной ситуации. Шванк, высмеивая человеческие пороки, становится одним из способов фиксации и сохранения коллективных норм и традиций поведения. В этом смысле шванк может рассматриваться как средство формирования традиционной модели мира как в коллективном сознании, так и в сознании отдельного индивида.

Именно эта способность шванка внедрять в сознание индивида сложившиеся в коллективе представления и тем самым определять его поведение в соответствии с нормами традиционной этики является наряду с развлекательной важнейшей жанровой функцией шванка. Короткие комические рассказы отражают народный, национальный взгляд на правила поведения человека в обществе, подвергая критике такие качества как лень, обжорство, пьянство, скупость, глупость и др. Становясь предметом иронии, человеческие пороки осуждались и таким образом определялись правила повседневного поведения в конкретной бытовой ситуации, задавая определенный ритуал поведения, позволяющий поддерживать установившийся порядок.

Характерной чертой шванка является его отнесенность к «народному» рассказу со всеми его стилистическими и структурными особенностями. Шванк –

это бытовое повествование. Рассказчик преподносит описываемое событие как случай, свидетелем которого он был сам, его знакомый, родственник. При этом языковые средства подчеркивают достоверность события. В начале шванка вводятся главные герои, чьи характеры становятся предпосылками развития сюжета. При предъявлении черт, имеющих фабульное значение, используются различные экспрессивные средства выражения, такие как диалектизмы, фразеологизмы, заимствования и т.д., напр.: „... n Kopp gedrückt wie siewe Tach Regewetter. Bliska ne chodi, der Deiwel is los.“

Структуру текста определяет соотношение роли рассказчика и собственно внутритекстового пространства шванка. Так, рассказчик может сообщать о событиях, участником которых он является, то есть выступать в роли очевидца, напр.: „Unlängst kommt mei Komrod der Martin zu mir ...“, „Die Zeit, wu mr noch jung war, war immer die gute alte Zeit...“. Он может излагать историю, услышанную от другого лица, непосредственного участника событий, при этом изложение может вестись либо от первого, либо от третьего лица, напр.: „Unlängst hot mr mei Gvatra e komische Geschichte vrzählt ...“. История может быть рассказана вообще без ссылок на источник сведений, напр.: „Dr Petermillersch Heine war n vrdrehte Welschkopp ...“.

Описание событий очевидцем выражено личным местоимением 1 лица, глагольными формами 1 лица, притяжательными местоимениями – на морфологическом уровне, терминологией родства и свойства, а также системой личных имен при именовании персонажей – на лексическом уровне.

Пересказ информации, полученной рассказчиком от непосредственного участника событий допускает свободный переход от 3 лица к 1 и наоборот.

Во вводной части текста сообщается информация о передаче сведений (их источнике). Рассказчик представляет главного героя, участников события, сообщает сведения и приводит факты о времени и месте действия.

Для номинации субъекта действия используется лексика определенных тематических групп: термины родства, именованья лиц по профессии и роду занятий, поло-возрастные именованья лиц.

Такие событийные характеристики как указание на участника, время и место приписывают событию фактографическую точность и одновременно соотносят его с традицией (через употребление маркированных с традиционной точки зрения лексических единиц), напрямую отражая отношение: повествователь – событие.

Рассматривая именованья персонажей, можно расположить их по шкале определенности/ неопределенности. Максимальной определенностью характеризуются имена собственные, обладающие подобно личным местоимениям уникальной референцией, термины родства, представляющие лицо по однозначному отношению к другому названному лицу, названия профессий, должностей, отличающиеся ситуативным употреблением.

Степень взаимосвязи персонажа с рассказчиком отражают: 1) термины родства и свойства, 2) имена собственные, 3) именованя лиц по профессии, 4) имена существительные, содержащие указание на пол и возраст.

Именованя первых двух типов служат в первую очередь для создания достоверности повествования. Именованя с поло-возрастной характеристикой связаны с дидактической функцией шванка, подчеркивая, что потенциальным объектом иронии является любой член социума. Именование лиц по профессии является относительно нейтральными.

Термины родства и свойства. Использование в тексте шванка терминологии родства и свойства обособляет шванк и делает такое упоминание жанровым показателем.

Помимо собственно терминов, называющих лиц по кровной связи *die Mottr*, *die Großmottr*, *Mame*, *Date*, *Papa*, *Vata*, *die Tochter*, *dr Sohn*, *dr Vetter*, *die Wäs*, *s Wäsje*, *die Baas*/ *Bäsl*/ *Pooss*/ *Paas*, *die Halbschwester*, а также по матримониальным отношениям *die Fraa*, *dr Mann*, *dr Schwiersohn*, *dr Tochtermann*, *die Schnerch*, *die Schwiechersleit* к терминам свойства могут быть отнесены также наименования лиц по отношениям, возникшим в силу христианского обряда крещения⁸ (Моисеев 1985, 9): *Gvatra*, *Gvatin*, *Petter*, *Gode*, *Kumm*.

Употребление терминов родства и свойства в шванке неоднородно, так как они могут быть ориентированы на рассказчика или указывать на родственные отношения персонажей относительно друг друга в рамках внутритекстового пространства.

С помощью терминов родства и свойства осуществляется именование персонажа – родственника рассказчика в начале текста: „*Ich un mei Niklaus hen uns ziemlich Hei gmeht un hen s uf dr Markt gführt. Aach unsr Vetter Peter hat etwas Hei gmacht ...*“; „*Mei Dotje war a Fraa so eene, die muss man suche ...*“, или именование персонажей относительно ранее названного героя: „*Wie s Malje noch dr Hochzeit s erschemol haam is kumma bei se Eltern, do war die Mottr arig neischierig, wie s gehe tät bei dr Schwiechersleit.*“ Употребление таких терминов связано с существованием в народном сознании представлений об особой связи родственников или свойственников между собой.

Тексты с номинацией героя термином родства или свойства составляют значительную часть всего корпуса шванков. Использование терминов родства и свойства в шванке служит средством создания достоверности повествования (при ориентации на рассказчика), а также связано с дидактической функцией.

Номинация с помощью терминов родства и свойства может заменяться дальше в тексте другим типом номинации, с помощью имени собственного или местоимения или именованя передающего поло-возрастную характеристику, напр.: *mei Alter*.

Имя собственное. Определенность и конкретность антропонима делают его важным средством создания достоверности описываемой в тексте ситуации. Ан-

тропонимы в шванке – это имена конкретных людей, связанных с рассказчиком (членов его семьи, соседей, знакомых, односельчан и т.д.), поэтому антропонимикон шванка отличается оригинальностью, разнообразием и отсутствием нарицательности. Имя героя не подвергается обобщению и переосмыслению в народной традиции (как например Prahlhans, Dummejan, neischerige Rikepas usw.), кроме того, оно не может обладать той степенью обобщенности, которая свойственна ему в других фольклорных жанрах (напр.: сказке, былине).

Для шванка одним из самых значимых признаков речевой ситуации оказывается неофициальность общения рассказчика и слушателя, позволяющая рассказчику свободно выбирать наиболее приемлемый, с его точки зрения, вариант номинации персонажа. Неофициальность ситуации вместе с фактором устной формы бытования шванка соотносят употребление личных имен с устной разговорной речью, с диалектом.

В шванке используются различные модели собственных имен. При этом имя собственное всегда используется с определенным артиклем. Шванк не располагает определенным ограниченным корпусом характерных личных имен, хотя некоторым именам оказывается предпочтение. Примером полного личного имени могут служить:

dr Martin, dr Waldemar, dr Jorch, dr Niklaus, die Christine, die Kathrinlies и др.

Для шванка характерно использование:

сокращенной формы личного имени:

de Jasch (от русс. Яша), dr Heine, die Lies и др.;

личных имен с уменьшительным суффиксом:

unser Michel, des Davidje, s Liesje, s Dortje, dr Joske, dr Jaschke и др.

Имена собственные с немецкими диалектными уменьшительными суффиксами –je, –el переходят в группу имен среднего рода, имена собственные с заимствованным из русского языка уменьшительным суффиксом –ke в фонетически адаптированной форме сохраняют грамматический род полного имени.

Другой часто используемой моделью в шванке является личное имя + возможное расширение:

de Wäs Christine, de Wäs Rose, de Wäs Milje, dr Vетtr Karlusch, dr Vетtr Petr, dr Vетtr Franz, dr Vетtr Sepl.

Как правило, в качестве расширения используются термины родства и свойства.

По фамилии называются второстепенные персонажи шванка: Moates en Friese, dr Sepp, dr Salmon, bei dene Schneiders, dr Schollenberger. Имя собственное, обозначающее фамилию, также употребляется с определенным артиклем, множественное число образуется при помощи суффикса –s.

В начале шванка при представлении героя называется его личное имя + фамилия:

de Proppe Jasch, de Frieses Jasch, de Moates Insbraund, dr Fuchse Jasch, des Kisters Liesje, dr Rusche Karl, dr Schollebergers Fritz, de Rotebergers Lore, dr Ruppel David, dr Schreiners Philipp и др.

Фамилия стоит после определенного артикля перед личным именем в родительном падеже.

Модель имя + отчество заимствована из русского языка:

Iwan Iwanowitsch, Karl Karlowitsch, Kritian Adamowitsch, Karl Theophilitsch, die Amalie Christianowna и др.

Это наиболее официальное именование персонажа шванка. Удельный вес именованной этой модели среди прочих невелик. Именования героя по имени и отчеству указывают на следующий характер отношений между героем и рассказчиком: 1) герой русский, напр.: Iwan Iwanowitsch, 2) герой значительно старше рассказчика, он авторитетен в глазах рассказчика, очень уважаем, напр.: ... behauptete die Amalie Christianowna, als sie zum 4. Mal Braut wurde, 3) наоборот, герой является предметом иронии, уважительное именование имя + отчество сочетается с описанием поведения не соответствующего выказываемому уважению, что приводит к созданию комического эффекта, напр.: Karl Theophilitsch gapste nach Luft.

Именование по профессии и роду занятий. Идентифицирующая способность именованной по профессии достаточно велика, эти именованья могут служить в тексте заместителями собственных имен, поэтому эта номинация является одним из средств создания достоверности. В шванке встречаются следующие именованья по профессии и роду занятий: ons Predkolchosa, de Predsedatel, dr Dispetscher, dr Mechanikr, dr Leiter vun dere Ziegelei, dr Sowchosbuchhalter, Tabellführerin, Nachtwächter. Напр.: „ ... an jenem Somma schauft de Jasch auls Gorjutschewos on onsem Kolchos“; „Frieses Jasch en Moates Insbraund schauffe auls Schoffasch en onsem Kolchos“.

Эти именованья употребляются для конкретизации уже названного персонажа, то есть идентифицируют его. В эту группу наименований входит большое число заимствований из русского языка.

В некоторых случаях именованья лиц по роду занятий соотносят персонаж с определенной социальной группой, если в шванке высмеиваются не отрицательные качества отдельного лица, а недостатки общества, которые выявляются в результате столкновения крестьянина с властью или священниками, напр.: „Mr hatte früher n Pater im Dorf.“; „Was die Vorgesetzten unseres Dorfes anbetraf, so konnten sie „den Langen“ im Wind nicht riechen. ... Der Obervorsteher, der Pastor, der Schulmeister und der Kirchenrat fürchteten ihn wie das Fegefeuer ...“.

Номинация по признаку пола и возраста.

Этот способ номинации является мало употребительным в шванке. Лексика, вошедшая в эту группу делится на три парные подгруппы:

Пол/возраст	мужской	женский
старший	dr Alt	die Alt
средний	dr Mann	die Fra, s Weibsbild
младший	de Buw, dr Jung, dr Kjal	s MädI, s Mätje

Номинации по поло-возрастному признаку в тексте шванка часто соотносятся с терминами родства и свойства, употребляемыми в нетерминологическом значении.

Итак, установка на достоверность тесно связана с ориентацией на традицию, с развлекательной и дидактической функцией шванка, регулированием бытового поведения российских немцев.

Шванк характеризуется разной прагматической направленностью, его целью является передача традиционных знаний, сюжетное ироническое изложение частного случая с комическим исходом, в котором высмеиваются негативные качества человека, отражая традиционные воззрения, что подтверждается наличием морали и специальным упоминанием о перевоспитании главного героя.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ.

² Jolles A. Einfache Formen. 2 Aufl. Halle 1956. S.247.

³ Neumann, S. Schwank // Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung. Leipzig, 1987. S.158; Strassner E. Schwank. Stuttgart, 1968. S.24.

⁴ Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. 1, bearb. von E. Erb. Berlin 1963/64, S. 365 ff.

⁵ Meyer G.F. Plattdeutsche Volksmärchen und Schwänke. Neumünster. 1925; Wossidlo, R., Neumann, S. Volksschwänke aus Mecklenburg. Berlin 1963; Kopffhammer, G. Bayerische Schwänke, dastunka and dalogn. Düsseldorf/Köln, 1974. ua.

⁶ Strassner, E. Schwank. Stuttgart, 1968. S.2-3.

⁷ Schwänke von einst und jetzt. Moskau, 1967. 94 S.

⁸ Моисеев А.И. Термины родства и свойства как конверсивы // Лексико-семантические группы современного русского языка. Новосибирск, 1985. С.9.

Российские немцы в интернете

В последние годы из-за значительных изменений в законодательстве этнокультурная сфера стала частью деятельности гражданского общества, что вызвало к жизни многочисленные некоммерческие организации, национально-культурные автономии, иные формы реализации этнокультурных интересов народов России. В конце 1990-х – начале 2000-х годов эта работа канализировалась, по преимуществу, в деятельности реальных объединений, делавших ставку на проведение собраний, съездов и тому подобных мероприятий. Сейчас складываются новые формы консолидации граждан. Эти новые формы – интернет. В виртуальную среду постепенно перемещаются и российские немцы.

С чем это связано? Объединения российских немцев в 1990-х годах пережили серьезные организационные и идейные кризисы, часть из них из-за несменяемости составов руководителей, неустойчивого финансирования и иных причин превратились в организации слабого влияния. Подобный путь проделали и многие другие народы России. Окостеневшие организационные структуры перестали казаться привлекательными новому поколению активистов. Выход в широкое информационное пространство предоставил этим спикерам из числа татар, ингушей, марийцев новые возможности распространять свои взгляды, искать и находить единомышленников, образовывать новые содружества, общества, кружки для осуществления этнических устремлений.

Интернет, куда пришли этнокультурные спикеры, стал «территорией» взаимодействий поверх границ и над пространствами. Организация сайта, размещение информации на нем настолько легки и дешевы, что никакие иные формы «прямого контакта» не составляют конкуренции этой среде общения, консолидации, реализации интересов граждан.

Правда, народы страны существенно различаются по степени своего присутствия в интернете.

Анализ присутствия в интернет-среде активных этнокультурных сообществ показывает, что к 2008 году произошло своего рода структурное оформление виртуального пространства: создаются сайты, которые берут на себя функцию «главных», «основных» (так, на татар ориентируется <http://www.tatarlar.ru>, на башкир – <http://www.bashkironline.org/>); другие работают по территориальному принципу (например, для татар в Москве <http://moskvatar.ru>; сайт «Башкиры Москвы» <http://www.bashkort.com/>); третьи – по интересам, в зависимости от коммерческой направленности. Ряд ресурсов создан отдельными организациями, частными лицами.

Крупные сайты сочетают при проведении своей информационной политики три вида подачи данных: размещают научные материалы, дают оперативную информацию и публикуют рекламные объявления.

Так, сайт, обозначенный как «Татарский всемирный сервер»¹, сочетает информацию самых разных видов: историческую, культурную, познавательную, бытовую. Интернет-ресурс позволяет людям решать важные жизненные проблемы: выучить язык, заказать на татарском книгу или видео, скачать татарскую песню, MP3 или мелодию «для мобилы», посмотреть на татарском мультфильм, как и найти работу или завязать знакомство. Большую роль в подобных ресурсах играет возможность живого общения посетителей – чаты и форумы.

Сайт <http://tatarlar.ru/> предоставляет множество гиперссылок на другие интернет-ресурсы: отдельных городов с проживанием татар (например, Москвы²) или организаций (в первую очередь, Федеральной национально-культурной автономии татар России³).

На этом фоне отсутствие собственных сайтов у многих других народов свидетельствует о том, что есть этнокультурные общности в стране, не включенные в информационные сети и обмены. Между народами России возник заметный цифровой разрыв. Причем этот разрыв касается и народов, обладающих государственностью. Например, есть самые разнообразные сайты марийцев и практически отсутствуют чувашские интернет-ресурсы.

Не найти и ресурсов малочисленных народов. Скажем, тофолары присутствуют в Сети только как объект научных исследований – о них пространные статьи и отчеты, то есть не самопрезентация представителей народа, не реклама мероприятий этнокультурного характера, не отчет об этих мероприятиях, а исследования сторонних наблюдателей и заинтересованных лиц.

Эти очевидные цифровые разрывы пытаются преодолевать «коллективные» сайты, – посвященные истории, культуре, современному развитию целого ряда малочисленных народов. Так, на сайте «Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой исчезновения»⁴ представлены тексты по истории и современному развитию этих народов. Тут очевиден крен в сторону академизма: малочисленные народы остаются объектом исследований, а вовсе не источником сведений о собственной жизни.

Тесно к научным ресурсам примыкают образовательные сети. Так, информационно-образовательная сеть коренных народов «Льыоравэтльан»⁵ является своеобразной «доской объявлений» для различного рода программ обучения представителей малочисленных народов, а также витриной публичных отчетов о проведении всяческих семинаров, круглых столов, дискуссий и встреч по проблемам развития этих народов.

Однако не только малочисленность является основанием для создания единого интернет-ресурса. Другим объединительным мотивом служит общность языков. Популярностью пользуется ресурс «Информационный центр финно-угорских народов»⁶, распространяющий информацию о венграх, вепсах, води, ижорцах, карелах, квенах, коми, коми-пермяках, ливах, манси, марийцах, мокши, ненцах, саамах, селькупках, сету, удмуртах, финнах, финнах-ингермандандцах, хантах, эрзя, эстонцах. Показательно:

сайт разделяет марийцев и эрзя, хотя на некоторых марийских сайтах проблема двух частей народа по-прежнему остается дискуссионной.

Третьим объединительным признаком является религия. Так, русскоязычный «Независимый исламский информационный канал»⁷ апеллирует к самым разным российским народам на основе общности их вероисповедания, более того он имеет также и миссионерские цели и потому стремится расширить свою аудиторию с помощью привлекательной и по содержанию, и по подаче информации.

Четвертым объединительным признаком для крайне небольшого количества ресурсов служит общность российских народов как граждан Российской Федерации. К подобного рода порталам можно отнести «Россию Великую»⁸. Здесь сосредоточены самые разные исторические и культурные сведения, текущая информация о подавляющем большинстве народов нашей страны. Выбор источников достаточно взвешенный, набор сообщений вполне новостной.

Интернет-ресурсы различаются также и по «градусу» обсуждения этнокультурных проблем. Ряд правозащитных объединений рассматривает виртуальное пространство как возможность распространения своих взглядов, привлечения широкого внимания к проблемам тех или иных народов, алармистских выступлений по конкретным поводам. Например, по проблемам коми в интернете можно найти статьи представителей таких организаций, которые в реальности зарегистрированы быть не могут: «Коми правозащитной партии «Доръям асьнымцс» («Защитим себя»)⁹. Как известно, российское законодательство запрещает организацию политических партий по признаку национальной принадлежности. Так что виртуальная «партия» может осуществить себя только в пространстве, где нет правового регулирования.

Высоким остается этот «градус» и в обсуждении проблем ингушского народа. Портал «Ингушетия.Ru – Независимый портал»¹⁰ распространяет альтернативную официальной информации о положении дел в республике, которую сотрясают террористические акты и внутривнутриполитические кризисы на протяжении длительного времени.

Простор действиям подобного рода ресурсов в значительной степени дают российские средства массовой информации: официальные источники могут вообще не содержать никакой информации о жизни народов страны. Знакомство с новостной лентой телепрограммы «Вести» убеждает в этом. Были выборочно проанализированы региональные сообщения сайта <http://www.vesti.ru/>. Так, 14 марта 2008 года на ленте из 32 сообщений не было ни одного о жизни, культурном развитии, проблемах какого-либо из российских народов¹¹. И это совершенно типичная новостная лента. Очевидно, что при такой политике государственного канала и его ресурса в Интернете есть огромный простор для деятельности альтернативных или экстремистских «вещателей».

В целом анализ содержания этнокультурных сайтов позволяет выявить четыре уровня активности. На первом находятся «стационарные» организации, действующие в значительной степени по советскому принципу административного деления: в

масштабах города или района, в границах субъекта Федерации, как всероссийские. Это соответствует современному российскому законодательству и относится ко всем зарегистрированным объединениям, действующим на основании Федерального закона «Об общественных объединениях».

Второй уровень этнокультурных организаций представляет организационно оформленный этнический бизнес – фирмы, предприятия, обслуживающие интересы в сфере культуры того или иного народа. Примером такого рода предпринимательства служит «Ателье Луиза», имеющее свой ресурс в интернете¹². Сайт, посвященный этнической одежде народов, представляет подробные тексты на следующие темы: азербайджанский костюм; арабская одежда; арабская чалма; грузинский костюм; кабардинский костюм; калмыцкие шапки; киргизская одежда; коми-пермяки, коми-язьвинцы, сылвенские марийцы, буйские удмурты; марийский костюм; марийская вышивка; среднеазиатские шелковые ткани; тувинский костюм; туркменский костюм; узбекская тюбетейка; чалма по-среднеазиатски; чеченский костюм; чувашская одежда; чувашская вышивка; чувашские головные уборы; якутские унты – торбаса.

Третий уровень – это неформальные, «летучие» группы по интересам, группы, создаваемые для решения конкретных проблем, протестные группы. К неформальным объединениям относятся и те, которые стихийно создаются вокруг редакций сайтов.

Наконец, четвертым уровнем этнокультурной активности являются посетители сайтов, то есть никак не объединенные люди, тем не менее, представляющие собой определенную общность, чувствующие свое сплочение и единство.

Традиционные национально-культурные автономии осуществляют свою работу по нескольким, вполне традиционным направлениям:

- организационные мероприятия (выборы, перевыборы руководящих органов НКА, создание рабочих групп по направлениям деятельности и т.д.);
- культурные мероприятия (фестивали, конкурсы, юбилеи);
- просветительские мероприятия (создание языковых школ и курсов, курсов народной кулинарии, курсов традиционного костюма и т.д.);
- мероприятия социальной направленности (поддержка пенсионеров, инвалидов и ветеранов);
- выпуск в свет периодических изданий.

«Летучие» объединения этнокультурного характера большинства из направлений «стационарных» организаций не придерживаются. Неформальные группы, по преимуществу, нацелены на

- информационную работу;
- благотворительность в отношении конкретных людей и групп;
- проведение исследований в этнокультурной области;
- политическую деятельность.

Конкретные мероприятия здесь замещаются акциями, проектами, то есть деятельность осуществляется так, как требует статус неформальных групп.

Для подавляющего большинства этнокультурных сайтов главным информационным поводом в подготовке новостной ленты является деятельность известных людей – представителей народа. Внимание к тем, кто сделал себе имя в масштабах России, остается стойким. Сайты, претендующие на представительство общезнаменитых интересов, регулярно составляют рейтинги «Человек года» с многочисленными номинациями для того, чтобы отметить выдвижение собственных «национальных кадров».

Так, татарский интернет-портал <http://tatarlar.ru/> дважды проводил «Татарский интернет-конкурс». «Татары года-2007» проходил по следующим номинациям: татарская женщина года-2007; татарский общественный деятель-2007; татарский меценат-2007; татарский просветитель-2007; татарский артист-2007; татарский политик-2007; татарский молодежный лидер-2007; татарский журналист-2007; татарский спортсмен-2007; татарский коллектив-2007; деятель татарского зарубежья-2007; татарский активист интернета-2007.

В 2007 году звание «татарской женщины» завоевала министр экономического развития Российской Федерации Эльвира Набиуллина, а звание «татарского общественного деятеля» получила актриса и организатор благотворительных акций Чулпан Хаматова. В голосовании приняло участие около 10 тыс. человек¹³.

Подобные рейтинги ведут и другие этнокультурные сайты. Был конкурс «Эрзянин – 2007», лауреатами которого стали представители эрзя из самых разных мест России – Мурманской, Нижегородской областей и из Украины¹⁴.

Многие этнокультурные интернет-ресурсы стремятся персонализировать деятельность этнокультурных объединений. Так, на сайте газеты «Эрзянь мастор» - независимой общественно-политической газеты мордовского республиканского общественного фонда спасения эрзянского языка ведется сбор средств в поддержку языка – вывешен список жертвователей и объявлен размер их взноса¹⁵.

Интернет-источники, например, уделяют незначительное внимание контактам с органами государственной власти. Это серьезным образом отличает «стационарные» организации от «летучих», неформальных. Если для национально-культурных автономий взаимодействие с министерствами и ведомствами в Москве и регионах является одним из приоритетных направлений работы, то неформальные организации, оппозиционные этнокультурные и этнополитические объединения по определению не могут быть партнерами власти: законодательство выводит различные кружки, союзы, группы, этнические бизнес-структуры за пределы обсуждения проблем народов России. Неформальная этническая среда существует как бы без государства, ее основным партнером, получателем ее информационных услуг является гражданин. И потому сведений о взаимодействии, сотрудничестве, совместном с государственными органами определении политики в этнокультурной сфере на перечисленных сайтах – минимальное количество. Но это вовсе не значит, что политика государства вне зоны критики. Значительные претензии на сайтах выдвигаются в отношении курса в сфере образования.

В свою очередь в поле зрения государственных органов, как известно, только организации, прошедшие регистрацию. А основные ожидания «стационарных» организаций от сотрудничества с властью – получение для своей деятельности средств из бюджета. Выходит, что сегодня государство имеет дело с «представителями», которые на самом деле никого не представляют, и диалоги этих собеседников всегда об одном и том же – о деньгах из бюджета.

Неформальные же организации в отсутствие бюджетного финансирования смогли найти свои точки приложения сил и решения проблем с помощью самостоятельного «зарабатывания денег». Такими прибыльными сферами деятельности этнокультурных обществ, неформальных организаций, предприятий и фирм малого предпринимательства стали: сфера брачных отношений (одна из наиболее популярных рубрик татарских сайтов остается «Женю татар»), работа с детьми и молодежью (что также нацелено на внутриэтническую брачную политику), проведение этнических рейтингов (по примеру «Человек года»), распространение учебной, развлекательной литературы на национальном языке, популяризация национального искусства, популяризация национальной кухни, популяризация национальных видов спорта, правовая помощь, в том числе при случаях дискриминации по этническому или религиозному признаку и т.д.

Анализ этой деятельности показывает, что фактический отказ государства принимать финансовое участие в этнокультурном развитии российских народов (речь, разумеется, идет об общностях за пределами республик в составе России) привел к тому, что они самостоятельно искали и нашли способы выживания. Более того, интернет-ресурсы свидетельствуют: подобная позиция государства, обусловленная объективными экономическими и финансовыми трудностями 1990-х годов, стала стимулирующей для самоорганизации этнокультурных объединений. Вопреки ожиданиям, интерес к проблемам этнического не угасает, а его удовлетворение находит все новые и новые способы.

Как на этом фоне выглядят сайты российских немцев?

Самый крупный, насыщенный разнообразной «короткой» и «длинной» информацией (новостями и сведениями общего характера) является сайт Международного союза немецкой культуры¹⁶. На нем можно найти ссылки на другие веб-страницы российских немцев. Называется цифра, что подобных ресурсов сейчас около 60. Однако при ближайшем рассмотрении таких сайтов можно обнаружить не более десятка. Подавляющее большинство немецких культурных обществ, национально-культурных автономий не присутствует в интернете. Все, что для практической жизни они берут от Сети, – это возможности электронной почты. Об этом ясно говорит размещенный на rusdeutsch.ru перечень зарегистрированных организаций со сведениями такого рода.

Небольшие сайты, по преимуществу, организованы российско-немецкими домами на местах и молодежными объединениями. Эти две силы преследуют разные цели, открывая свои сайты: РНД, как правило, нацелены на простое информирование

людей о мероприятиях и направлениях деятельности, о работе кружков; молодежь образует своего рода корпоратив, т.е. публикует то, что интересно именно ей, без расчета на всеобщее внимание.

Как правило, сил общественности хватает на регулярное ведение двух-трех рубрик. Большинство заявленных разделов остаются не наполненными, присутствует информация лишь исторического и новостного характера.

В глаза бросается полное отсутствие рекламы. Это ясно свидетельствует о том, что многофункциональный и успешный бизнес российских немцев не выполняет своих ролей рекламодателя. Он не видит возможностей этнокультурных сайтов для реализации собственных коммерческих проектов.

Сайты по-разному обновляются. Так, Jugendring из Кургана в августе 2008 г. предлагал посетителям план своей работы на 2007 год¹⁷. А «Возрождение» из Минусинска вообще и о 2007 годе говорило со своего сайта в будущем времени: «2007 год станет годом Сибири в Германии»¹⁸. На этом фоне сайт «GermanyMania» выглядит супероперативно: на главной странице вывешен календарь на текущий день¹⁹: какие памятные даты, дни рождения великих людей отмечаются именно сегодня, когда посетитель зашел на сайт.

Интернет-ресурсы российских немцев ведут самую различную языковую политику: есть только немецкоязычные (например, красноярский ресурс Kulturbruecke²⁰, сайт культурного центра в Кирове²¹); есть только русскоязычные (например, «Возрождение» в Минусинске²²), есть немецко-русско-английские (например, ресурс Немецко-русского дома в Калининграде²³). Но большинство, конечно, дают информацию на двух языках – русском и немецком, причем каждой новости – свой язык.

Большой проблемой является идентификация ресурсов. Их редакции не считают нужным уведомить посетителя, куда он попал. Так, только после долгих блужданий по сайту можно выяснить, что Русско-немецкий центр встреч в Тосно – это в Ленинградской области²⁴. То же и в отношении ресурса «Российские немцы – единое информационное пространство»²⁵ – здесь даже долгие поиски не приводят к успеху, нельзя понять в каком месте реального пространства создается это единство.

Общей проблемой сайтов является информация персонального характера. В размещенных новостях практически нет рассказа о конкретных людях, отсутствует личностная составляющая, какая есть на татарских или башкирских сайтах. На этом фоне выделяется только сайт Национально-культурной автономии немцев Коми – тут есть рассказ о председателе Олеге Штралере, можно понять, чем живы члены НКА²⁶. Но в целом так не хватает рейтингов известных и уважаемых людей из числа немцев, блогов и форумов для живого общения людей из разных мест.

В целом видно, что пока уникальные возможности Интернета российские немцы используют только в самой незначительной степени: нет ни роликов, которые бы создавали впечатление интернет-телевидения, нет выводов аудиопрограмм или радио, нет интерактивных форм общения с посетителями (например, уроков краеведения, народной кулинарии или немецкого языка), вообще не освоен онлайн – ни

одной трансляции какого-нибудь немецкого мероприятия пока не проводилось вживую через интернет.

Ко всему прочему сайты не очень популярны. Так, на красноярском ресурсе Kulturbruecke я была 4655-м посетителем с 18 апреля 2003 года²⁷.

Интернет открывает широкое поле для творчества. Он создает возможности нового сетевого общества, которое позволит разрозненно живущим людям почувствовать свою связь с близкими, свое сплочение и единство. Эти уникальные возможности еще предстоит освоить и использовать в полной мере, в том числе и российским немцам.

¹ См.: <http://tatarlar.ru/>

² См.: <http://moskvatatar.ru/>

³ См.: <http://nka.tatarlar.ru/>

⁴ См.: http://lingsib.unesco.ru/round_table/papers/alpatov.shtml.htm

⁵ См.: <http://www.indigenous.ru/>

⁶ См.: <http://www.finugor.ru/>

⁷ См.: <http://www.islam.ru/about/>

⁸ См.: <http://russia.rin.ru/>

⁹ См.: <http://www.hro.org/editions/hrdef/komi1/00.htm>

¹⁰ См.: <http://www.ingushetiya.ru>

¹¹ См.: <http://www.vesti.ru/section.html?cid=17>.

¹² См.: <http://luiza-m.narod.ru/atele.htm>

¹³ См.: <http://tatarlar.ru/plugins/sample/sample.php?lng=ru&id=17>

¹⁴ См.: <http://www.erzia.saransk.ru/arhiv.php?n=2175&nom11=276>

¹⁵ См.: <http://www.erzia.saransk.ru/arhiv.php?n=2174&nom11=276>

¹⁶ См.: <http://www.rusdeutsch.ru/>

¹⁷ См.: <http://www.jdr.ru/>

¹⁸ См.: <http://www.mzdk.narod.ru>

¹⁹ См.: <http://www.germ-mania.narod.ru/>

²⁰ См.: <http://www.kulturbruecke.narod.ru/>

²¹ См.: <http://www.kirov-center.org/index.shtml>

²² См.: <http://www.mzdk.narod.ru>

²³ См.: <http://www.drh-k.ru/offer-rus.htm>

²⁴ См.: <http://www.drb-tosno.narod.ru/>

²⁵ См.: http://eiprd.ru/site.php?mode=view&site_id=223

²⁶ См.: <http://nnka.biz/>

²⁷ См.: <http://www.kulturbruecke.narod.ru/>

Eine alte Disziplin im neuen Gewand. Die Internationalen Beziehungen im Fokus der modernen Forschung

Старая дисциплина в новом одеянии. Международные отношения в фокусе современных научных исследований

In der deutschen Geschichtswissenschaft hat vor einigen Jahren ziemlich unvermittelt eine lebhafte Diskussion über Grundfragen der internationalen Beziehungen in der Vormoderne und in der Moderne eingesetzt. Nachdem diese Subdisziplin lange zu den Stiefkindern der historischen Forschung gezählt hatte, hat man nicht nur ihren spezifischen Reiz wiedererkannt, sondern sich auch um Begriffsklärungen und Begriffsschärfungen bemüht, um Definitionen, die von sehr einfachen – Handeln staatlicher und nichtstaatlicher Akteure in einem internationalen Umfeld – bis zu sehr komplizierten reichen. Zugleich entbrannte eine Diskussion über konkurrierende Bezeichnungen des selben Phänomens, die – wie Diplomatiegeschichte oder Außenpolitik – entweder als veraltet und historisch belastet eingestuft wurden oder – wie Internationale Politik oder Internationale Geschichte – als missverständlich und zu eng gefasst, was vor allem für den letztgenannten Begriff Konsequenzen hat, hat sich doch in den mittleren 1990er Jahren eine eigene Reihe mit diesem Namen begründet. Der Begriff Internationale Beziehungen wird in der deutschen Geschichtswissenschaft auch deswegen favorisiert, weil er eine größere interdisziplinäre Anschlußfähigkeit zur Politikwissenschaft aufweist¹.

Aber sehen wir von diesen Diskussionen einmal ab, so kommt diese Hinwendung zur Geschichte der Internationalen Beziehungen, die sich stellvertretend in einem gleichnamigen Handbuch spiegelt², einem wirklichen Paradigmenwechsel nahe, weil die Abwendung von der strukturorientierten Gesellschaftsgeschichte eher überraschend erfolgte und möglicherweise auch etwas damit zu tun hat, dass ihre großen Protagonisten – ob man etwa an Hans-Ulrich Wehler oder an Jürgen Kocka denkt – allmählich von der akademischen Bühne abtreten. War in den 1970er Jahren der „Kampf“ zwischen den Verfechtern der vermeintlich modernen Gesellschaftsgeschichte und den Repräsentanten einer „politischen Geschichte modernerer Prägung“ – ein wirklicher Kampf um den Primat – noch mit viel Getöse und nicht ohne persönliche Verletzungen ausgetragen worden, so ist dieser neue Paradigmenwechsel jetzt eher lautlos vor sich gegangen, jedenfalls ohne den Schlachtenlärm vergangener Jahre. Und: er scheint nachhaltig zu sein, und es verbietet sich mit Bestimmtheit, ihn mit den vielen kurzlebigen turns, die spätestens alle zwei Jahre über die Geisteswissenschaften hereinbrechen, in einen Topf zu werfen.

Dieser Paradigmenwechsel mit der Tendenz einer Rückkehr zur Geschichte der internationalen Beziehungen ist übrigens keine deutsche Besonderheit. In Großbritannien und den USA stellen wir ähnliche Entwicklungen fest. Lediglich Frankreich hat es nie dazu kommen lassen, dass die Internationalen Beziehungen völlig in den Windschatten der vermeintlich moderneren Subdisziplinen gerieten. Das hatte ganz elementar etwas damit zu tun, dass die sog. Renouvin-Schule sich schon seit den 1950er Jahren für die Axiome und Impulse der Annales-Schule öffnete und viel früher als andernorts nach den forces profondes von Geographie, Demographie, Ökonomie und Mentalitäten zu fragen begann, die hinter den politischen Entscheidungen standen und sie zu erheblichen Teilen bedingten. Auch heute steht die französische Forschung im internationalen Vergleich gut da – dort war die Tradition letztlich nie abgebrochen und hatte sich zudem früh auch neuen Fragestellungen und Erweiterungen ihres Blickfeldes geöffnet³.

Generell wird sich sagen lassen, dass sich die Erforschung der internationalen Beziehungen, soweit sie von Historikern betrieben wird, heute in Bezug auf Methodik und Erkenntnisinteresse meilenweit entfernt hat von jener traditionellen Diplomatiegeschichte, die sich in der akribischen Schilderung der „Haupt- und Staatsaktionen“ und der Apologie großer Staatsmänner erschöpfte. Internationale Beziehungen ist vielmehr ein Oberbegriff geworden für ein breites thematisches Feld, das sowohl die klassischen zwischenstaatlichen Verhältnisse, wie sie sich uns etwa aus den Kabinettsprotokollen darstellen, umfasst, als auch das weite Beziehungsgeflecht transnationaler und transkultureller Kontakte staatlicher und nichtstaatlicher Akteure. Diese Erweiterung der Palette der Akteure geht einher mit einer starken Ausdifferenzierung des methodischen Instrumentariums: Schon etwas älteren Datums ist die Einsicht von der engen Verzahnung von Innen- und Außenpolitik, die längst als interdependente Faktoren begriffen werden und es zu einem Gemeinplatz gemacht haben, dass die Untersuchung von internationaler Politik ohne Berücksichtigung der gesellschaftlichen Entwicklung, des jeweiligen politischen Systems und der sozio-kulturellen Prägungen – mit Einschluß etwa der Fremdsterotypen und der Feindbilder – nicht mehr vorstellbar ist. Die neue Studie von Reiner Marcowitz „Großmacht auf Bewährung. Die Interdependenz französischer Innen- und Außenpolitik und ihre Auswirkungen auf Frankreichs Stellung im Europäischen Konzert 1814/15-1851/52“⁴ ist dafür ein gutes Beispiel.

Auch wenn man das nicht so umbruchartig sehen muß wie die Protagonisten des sog. Cultural turn, ist es keine Frage, dass auch die sog. Neue Kulturgeschichte auf die Geschichte der Internationalen Beziehungen ausgestrahlt hat⁵. Freilich, um es zu wiederholen, ist nicht alles so neu, wie es gelegentlich dargestellt wird. Die kulturelle Repräsentation und die symbolische Stilisierung von Außenpolitik sind kein völlig neues Terrain – der ganze Bereich der „Bilder“ oder das Phänomen der Perzeption, also der Selbst- und der Fremdwahrnehmung, sind nicht fundamental neu, und man hat auch zu registrieren, dass dezidiert kulturalistisch akzentuierte Ansätze bisher eher kleinformatig umgesetzt worden sind, z.B. was die kulturelle Ausstattung und das symbolische

Handeln bei Einzügen von Diplomaten in die Residenzstadt ihres Gastgeberstaates betrifft, und die großen Gesamtdarstellungen noch ausstehen; Johannes Paulmanns Münchener Habilitationsschrift über die Monarchenbegegnungen seit dem ausgehenden 18. Jahrhundert stellt hier eine rühmliche Ausnahme dar⁶. Aber insgesamt kommen hier dann doch neue Akzente in die Forschung hinein, so wenn z. B. von Jessica Gienow-Hecht nach der Rolle und Funktion der Musik in den transatlantischen, insbesondere deutsch-amerikanischen Beziehungen seit der Mitte des 19. Jahrhunderts gefragt wird⁷. Um einen Eindruck von dem Themenspektrum der jetzt unter dem Signum „Internationale Beziehungen“ behandelten Sujets zu vermitteln, seien einige der Aufsätze hier angeführt, die in einem jüngst erschienenen Band vorwiegend jüngerer Wissenschaftler zur Frühen Neuzeit zusammengefasst wurden⁸. Da gibt es u. a. Beiträge zur Genese des neuzeitlichen Neutralitätskonzepts auf der Grundlage italienischer Discorsi seit der Mitte des 15. Jahrhunderts, zur konfessionellen Nachrichtenpolitik im ausgehenden 16. Jahrhundert, über das Gesandtschaftszeremoniell in der wittelsbachischen Außenpolitik um 1600, zur Theorie der Diplomatie im Jahrhundert nach dem Westfälischen Frieden und zum Geheimnisverrat kaiserlicher Funktionsträger gegenüber kurbayerischen Diplomaten im 18. Jahrhundert. Der genannte Band wird, womit wir bei einem neuen Gedanken ankommen, der gleich nachher noch einmal aufgegriffen werden wird, beschlossen durch einen Aufsatz über die Beziehungen zwischen Großbritannien und China am Ende der Frühen Neuzeit, wie sie, sich deutlich überlappend, von zwei Personengruppen gestaltet wurden: von Kaufleuten und Diplomaten.

Der genannte, in einer von dem Münchener Frühneuzeithistoriker Winfried Schulze herausgegebenen Reihe⁹ erschienene Sammelband benennt im Vorwort drei Bereiche, die perspektivisch weiterführend sein könnten: erstens das Problemfeld der Kommunikation, wobei nicht nur an die Infrastruktur gedacht ist, also Nachrichten-, Post- und Verkehrswesen, sondern auch an die vielfältigen Formen des politischen Austauschs durch Zeichen, die sich im Zeremoniell und in der Öffentlichkeit der internationalen Beziehungen spiegeln; zum zweiten eine kulturalistische Erweiterung der Fragestellungen, wobei nicht nur die „Kulturen“ der Diplomatie“ gemeint sind, sondern auch Mentalitäten, Wahrnehmungen, Denkmuster, Bilder, die sich auch in den diplomatischen Korrespondenzen niederschlagen; zum dritten schließlich die Ausweitung des Fokus auf Grenzräume und die außereuropäischen Räume.

Was, um auf den obigen Gedanken des Facettenreichtums von Ganz-, Halb- oder nur Möchtegern-Diplomaten zurückzukommen, nämlich auch die moderne Politikgeschichte, soweit sie auf die internationalen Beziehungen fokussiert ist, noch nicht in adäquater Weise angepackt hat, ist das Phänomen – um es einmal so zu formulieren – der Männer in der zweiten und dritten Linie und derjenigen, die sich ohne Diplomatensstatus um den Aufbau von Beziehungen bemühten. Während über Diplomaten, die an exponierter Stelle die bilateralen Beziehungen zweier Staaten zu gestalten suchten, viele Studien vorliegen, sind die Männer an ihrer Seite, die Sekretäre, die Agenten, die

politischen Berater, vielleicht sogar die Beichtväter, weitgehend im Dunkel geblieben. Nicht alle von ihnen stiegen später einmal in der Hierarchie – etwa bis zur Übernahme einer Stelle als Konsul, von denen die französischen Angehörigen dieser Gruppe durch Christian Windler inzwischen gut erforscht sind¹⁰ – signifikant auf, aber sie waren vor Ort für die Diplomaten, die in der vortechnischen Zeit ja nur mühsam mit ihren Höfen in Verbindung standen, unentbehrlich. Im Windschatten der historischen Forschung sind bisher jene Personen, die sich ohne oder mit einem offiziellen Mandat ihrer Regierungen um die Anbahnung formalisierter Kontakte mit solchen Drittstaaten bemühten, die sich bisher solchen Kontakten verschlossen hatten. Die russisch-ostasiatischen Beziehungen sind ein solches Feld, aber man könnte z. B. auch an die spanischen oder französischen Beziehungen zu den Maghrebstaaten seit dem 18. Jahrhundert denken¹¹. Denn hier mussten zunächst ja einmal Schwellen des Wissens um die politischen Strukturen des Drittlandes überwunden werden, was in der Regel nur gelang, indem man ein je eigenes Informantennetzwerk aufbaute: Wer ist formal für die Gestaltung der Außenpolitik zuständig, ist das Drittland von seinem Selbstverständnis her überhaupt an Kontakten zur Außenwelt interessiert oder genügt es sich selbst? Reicht der Reiz des Wirtschaftsaustauschs aus, um zu formalisierten Kontakten zu kommen, oder ist auch der Ehrgeiz eines Souveräns unverzichtbar, seinen Bekanntheitsgrad und damit sein Prestige über die bisher geläufige Welt hinaus auszudehnen? Dann kommen aber all die kulturellen Schwellen hinzu, die die Beziehungen der europäischen Staaten zu den politischen Gebilden in den Nachbarkontinenten generell so ungeheuer schwer machten: Welches Zeremoniell erwartet man im Drittland, bis zu welchem Punkt dürfen die eigenen Diplomaten gehen und offen oder verdeckt die Gleichrangigkeit des fremden Souveräns anerkennen, wie gehen sie mit den in anderen Kulturen gängigen Praktiken um, dass alle Menschen auch Standbildern oder bildlichen Darstellungen des Herrschers Reverenz erweisen müssen?

Die Anbahnung formalisierter diplomatischer Beziehungen mit fremdkulturellen peripheren Gemeinwesen ist in aller Regel ein stufenweiser Prozess gewesen, an dessen Beginn in der Regel Kaufleute, aber auch Wissenschaftler wie Ethnographen oder Sprachforscher standen, in Einzelfällen wohl auch Abenteurer, die vom Reiz des Fremden gepackt worden waren. Es ist inzwischen durch erste größer dimensionierte Studien – etwa von Béatrice Nicollier-de Weck¹² – auch bereits herausgearbeitet worden, wie sich solche Gruppierungen mit Männern aus dem Kommerz, den konfessionellen Netzwerken und auch aus der Gelehrtenrepublik bildeten und wie sie miteinander in einer bestimmten Zielrichtung kooperierten. Erst in dem Moment, wo der eine Staat glaubt, aus wirtschaftlichen oder sonstigen Gründen zu einer Formalisierung von Beziehungen übergehen zu sollen, treten dann Diplomaten in Aktion, meist wie im russisch-chinesischen Fall zunächst per Sonder-, also außerordentlichen Gesandtschaften. Hierbei können, wie die britischen oder auch die russischen Beispiele um 1800 zeigen, all jene Komponenten interkultureller Mißverständnisse zum Tragen kommen, die oben angedeutet wurden: das Maß der dem fremden Herrscher zu gewährenden Re-

verenz, Fragen der durch das Zeremoniell zu verdeutlichenden Gleichrangigkeit oder Verschiedenrangigkeit der Herrscher, die Adäquanz der erwarteten Geschenke und Gegengeschenke usw. In der Frühen Neuzeit hatten europäische Staaten ja allenfalls mit einem solchen fremdkulturellen Gemeinwesen ihre Erfahrungen gemacht: mit dem Osmanischen Reich, aber die dortigen Erfahrungen ließen sich nicht sozusagen eins zu eins auf andere periphere Reiche übertragen¹³.

Ging die Theorie der diplomatischen Beziehungen, die immer an europäischen Beispielen und dem europäischen Erfahrungshaushalt entwickelt wurde, stets davon aus, dass formalisierte Beziehungen sich in der Angst vor Übergriffen des Drittstaats begründeten, den man durch Diplomaten – denen deswegen lange der Geruch anhing, bessere Spione zu sein – unter eine Art Beobachtung und damit Kontrolle bringen wollte, so wird man bei den europäisch-nichteuropäischen Beziehungen andere Gesichtspunkte zu gewichten haben – die Sorge vor einem militärischen Überraschungsangriff durch das Drittland spielte angesichts der notorischen militärischen Überlegenheit des „Westens“¹⁴ in der Regel keine Rolle. Zum einen wird man das Moment der Kultur der Diplomatie, die zum Ausdruck brachte, dass man ein und demselben politischen System angehörte, das keiner der Partner zur Disposition stellen wollte, und die das Moment einschloss, dass man dieselben Spielregeln im Gesandtschaftswesen akzeptierte, eher gering veranschlagen, auf der anderen Seite aber die Mehrstufigkeit des Verfahrens unterstreichen müssen, die in der innereuropäischen diplomatischen Praxis keine entscheidende Rolle spielte. Der Aufnahme formalisierter Beziehungen mit peripheren außereuropäischen Gemeinwesen gingen oft lange vor-diplomatische Kontakte und Sondierungen voraus, deren Träger Personen ohne diplomatische Immunität waren und die deswegen oft viel riskierten – und die ohne den Aufbau von Patronage- und Klientelbeziehungen im Gastland in der Regel nicht erfolgreich sein konnten. Das konnten Kaufleute oder Abenteurer, das konnten Wissenschaftler oder auch Missionare sein – Personen auf jeden Fall, die sich dann – ob mit Hoffnung auf Gewinn, Belohnung oder eine neue Karriere – in ihrem Heimatstaat um die Formalisierung dieser Beziehungen bemühten. Aber dann fing bei einer positiven Entscheidung – zweite Stufe – die Probleme erst an, weil es nun all das aus dem Weg zu räumen galt, was die Europäer aus ihrer Erfahrung mit vermeintlich in der politischen Dignität unter ihnen stehenden Gemeinwesen zu praktizieren gewohnt waren: zeremonielle Überlegenheit zu demonstrieren, zu glauben, ihrem Selbstverständnis von ihrer kulturellen Dominanz Ausdruck verleihen zu sollen. Erst wenn diese meist beiderseitigen Irritationen überwunden waren, war der Weg – dritte Stufe – frei für die formalisierten Beziehungen, wobei es noch zu den Forschungsdesideraten gehört, die Rückwirkungen der auf dem Wiener Kongreß vereinbarten Spielregeln der modernen Diplomatie auf die europäisch-außereuropäischen Beziehungen zu untersuchen. Es konnte dann – das Beispiel des Persischen Reichs belegt das schlagend, wo es eine britische Gesandtschaft seit 1809, eine russische seit 1828 und eine französische seit 1855 gab – dort sogar zu einer gegenseitigen Kontrolle europäischer Mächte kom-

men, die dafür Sorge trugen, dass der Einfluss des einen gegenüber dem der anderen nicht überhand nahm¹⁵. Letztlich unterscheidet sich China davon nicht fundamental; die Europäer errichteten dort in den 1860er Jahre förmliche Gesandtschaften, also nach einer sehr langen Vorlaufzeit, aber, so M. S. Anderson, „the duties of western diplomats in Peking remained essentially those of fostering [the] economic interests and seeing that no imperial power stole a march on its rivals [...]“¹⁶.

Die Beziehungen des russischen Reiches zu seinen unmittelbaren Anrainern, insbesondere den nichteuropäischen, sind für die Vormoderne noch längst nicht hinreichend erforscht worden. Solche Untersuchungen zu den langen Wegen hin zu formalisierten diplomatischen Beziehungen sind aber so aspektreich, dass sie, u. a. mit den Fragestellungen der Neuen Kulturgeschichte, verstärkt angegangen werden sollten - es geht in diesen Kontexten immer ja auch um den Wandel von Fremdbildern und Stereotypen und um Prozesse der Wissensakkumulation von Gesellschaften und des Transfers, die für jede Untersuchung von internationaler Politik inzwischen unverzichtbar geworden sind. Wenn hier mit den russisch-chinesischen Beziehungen mit einem systematischen Zugriff einmal ein Anfang gemacht werden könnte, wäre das ein Schritt in die richtige Richtung und könnte sicher auch internationaler Aufmerksamkeit sicher sein.

¹ Generell zur Disziplin- und Methodendiskussion Rainer Marcowitz, Von der Diplomatiegeschichte zur Geschichte der Internationalen Beziehungen. Methoden, Themen, Perspektiven einer historischen Teildisziplin, in: *Francia* 32/3 (2005) S. 75–100; Eckart Conze [u. a.] (Hrsg.), *Geschichte der internationalen Beziehungen. Erneuerung und Erweiterung einer historischen Disziplin*, Köln 2004; Friedrich Kiessling, *Der „Dialog der Taubstummen“ ist vorbei. Neue Ansätze in der Geschichte der internationalen Beziehungen des 19. und 20. Jahrhunderts*, in: *Historische Zeitschrift* 275 (2002), S. 651–680. – Zum Ansatz „Internationale Geschichte“ vgl. Wilfried Loth/Jürgen Osterhammel (Hrsg.), *Internationale Geschichte. Themen, Ergebnisse, Aussichten*, München 2000. – Zur Anschlußfähigkeit der Politikwissenschaft vgl. auch Volker Rittberger/Hartwig Hummel, *Die Disziplin ‚Internationale Beziehungen‘ im deutschsprachigen Raum auf der Suche nach ihrer Identität*, in: Volker Rittberger (Hrsg.), *Theorien der Internationalen Beziehungen, Bestandsaufnahme und Forschungsperspektiven*, Opladen 1990, S. 17–47.

² *Handbuch der Geschichte der Internationalen Beziehungen*, hrsg. von Heinz Duchhardt/Franz Knipping, Paderborn seit 1997. Bisher liegen die Bände 1 (Kohler), 2 (Schilling), 4 (Duchhardt), 5 (Erbe) und 6 (Baumgart) vor.

³ Zu den Entwicklungen der Subdisziplin in den USA und Frankreich vgl. die Beiträge von Georges-Henri Soutou und Michael Hunt in dem oben Anm. 1 genannten Sammelband von Loth/Osterhammel.

⁴ Stuttgart 2000.

⁵ Gute Einführung: Ute Daniel, *Kompendium Kulturgeschichte. Theorien, Praxis, Schlüsselwörter*, Frankfurt/M. 2004. Vgl. auch Ursula Lehmkuhl, *Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte*, in: *Geschichte und Gesellschaft* 27 (2001), S. 394–423.

⁶ Johannes Paulmann, *Pomp und Politik. Monarchenbegegnungen in Europa zwischen Ancien Régime und Erstem Weltkrieg*, Paderborn [usw.] 1999.

⁷ Jessica Gienow-Hecht, Emotionale Wahlverwandtschaften: Musik und Politik in den transatlantischen Beziehungen seit 1850, in: Conze u. a., Geschichte der internationalen Beziehungen (Anm. 1), S. 107–229.

⁸ Heidrun Kugeler [u. a.] (Hrsg.), Internationale Beziehungen in der Frühen Neuzeit. Ansätze und Perspektiven, Münster 2006. Für die Frühe Neuzeit außerdem besonders wichtig: Friedrich Beiderbeck [u. a.] (Hrsg.), Dimensionen der europäischen Außenpolitik zur Zeit der Wende vom 16. zum 17. Jahrhundert, Berlin 2003, sowie Sven Externbrink/Jörg Uibrecht (Hrsg.), Formen internationaler Beziehungen in der Frühen Neuzeit. Frankreich und das Alte Reich im europäischen Staatensystem, Berlin. Wichtig nach wie vor: Peter Krüger (Hrsg.), Das europäische Staatensystem im Wandel. Strukturelle Bedingungen und bewegende Kräfte seit der Frühen Neuzeit, München 1996.

⁹ Wirklichkeit und Wahrnehmung in der Frühen Neuzeit.

¹⁰ Christian Windler, La diplomatie comme expérience de l'autre : consuls français au Maghreb (1700–1840), Genève 2002.

¹¹ Christian Windler, Diplomatic history as a field for cultural analysis: Muslim-Christian relations in Tunis, 1700-1840, in: The Historical Journal 44 (2001), S. 79-106.

¹² Béatrice Nicollier-De Weck, Hubert Languet (1518–1581): un réseau politique international de Melanchthon à Guillaume d'Orange, Genève 1995.

¹³ Das gilt etwa auch für das Vertragswesen: Die europäisch-osmanischen Verträge beruhen grundsätzlich auf dem Prinzip der Gleichrangigkeit, wenn nicht sogar Vorrangigkeit des Sultans, in ihren Beziehungen zu anderen nichteuropäischen Gemeinwesen tendierten die europäischen Staaten dagegen immer zum Prinzip des „ungleichen Vertrags“; vgl. Harald Kleinschmidt, Das europäische Völkerrecht und die ungleichen Verträge um die Mitte des 19. Jahrhunderts, Tokyo 2007.

¹⁴ Geoffrey Parker, The Military Revolution and the Rise of the West, Cambridge 1988, 19962.

¹⁵ M. S. Anderson, The Rise of modern Diplomacy 1450–1919, Harlow 1993 S. 108.

¹⁶ Anderson, S. 109.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «НАРОДА В ПУТИ»

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ

А.В. Афанасьева (Курск)

Эмиграция российских немцев в Германию в 1992–2002 гг. (на примере Курской, Орловской и Тульской областей)

В отечественной науке под «эмиграцией» понимают межгосударственное перемещение населения, сопровождаемое сменой места жительства и влекущие за собой смену гражданства. Эмиграция, носящая селективный характер по этническому компоненте (немцы, евреи) и странам вселения называется «резмиграцией»¹.

Причины интенсивной эмиграции российских немцев на историческую родину – в Германию, общеизвестны: политическая и экономическая нестабильность на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов, боязнь потерять свою национальную идентичность, а также вопросы обеспечения элементарной безопасности, выживаемости немцев в нестабильных в 90-е гг. XX в. регионах (Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан). Распад СССР в начале 1990-х гг. привел к непредсказуемости национальной политики новых государств по отношению к меньшинствам. Это привело к выезду русскоязычного населения, к которому относились и немцы, из Казахстана и Средней Азии в Россию, и последующей эмиграции немцев в Германию.

Начиная с 90-х годов XX в. среди российских немцев наблюдается четкая тенденция их идентификации с немецким происхождением, языком и культурой. С момента либерализации закона о въезде и выезде российские граждане, имевшие немецкие корни, стали именовать себя немцами, надеясь на перспективу выезда в Германию. Кроме того, представителей русского, украинского, казахского и других народов, вступивших в брак с немцами, также относили к немецкому меньшинству.

Пик миграционных процессов пришелся на первую половину 90-х годов, когда число ежегодных переселенцев удерживалось на уровне 150 – 200 тыс. человек². В 1993 г. в ФРГ вступил в действие закон о ликвидации последствий войны, который наряду с отменой и ограничением некоторых прав и материальной помощи установил число ежегодно принимаемых переселенцев – около 225 тыс. в год.

Этот закон способствовал увеличению числа эмигрантов в 1993–1995 гг. из России и стран СНГ в Германию. В 1990 г. в Германию выехало 147950 человек, в 1991 г. – 147320, в 1992 г. – 195576, в 1993 г. – 207347, в 1994 г. – 213214, в 1995 г. – 209409, в 1996 г. – 172181, в 1997 г. – 131895³. Затем этот уровень начал снижаться, но и в 2003 г. из Российской Федерации в Германию эмигрировало 49404 чел.⁴

В 1996–1997 гг. число переселенцев сократилось, что было связано с необходимостью подтвердить требуемое законом знание немецкого языка, пройдя тестирование в одном из представительств Германии, перед получением вызова на въезд. В 1998 году оно составило около 103 тыс. человек⁵, что на 23% меньше, чем в 1997 г., и на 42% меньше, чем в 1996 г., к концу 90-х годов XX в. сокращение числа реэмигрантов из России и стран бывшего СССР достигает максимум 100 тыс. человек⁶. Следует отметить, что в области миграционной статистики существуют огромные пробелы. Нет единого механизма охвата миграционных движений, как в Германии, так и в России.

Общероссийская эмиграция российских немцев затронула и Центральный Федеральный округ, в состав которого входят Курская, Орловская и Тульская области. Так, из Тульской области в 1992 г. выехало 218 немцев⁷, из Курской области 17 немцев⁸, из Орловской области 16 немцев⁹.

К традиционным источникам количественных характеристик миграции в целом и отдельных миграционных потоков, в т.ч. эмиграции, относятся материалы государственной статистики. На основании данных ведомственных архивов Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Орловской области и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области за 1992–2002 гг. в данной статье приведены статистические результаты по эмиграции российских немцев в Курской, Орловской и Тульской областях.

Количественные показатели миграции российских немцев с 1992-го по 2002 г. отражены в нижеследующей таблице¹⁰.

Таблица 1.

Миграция российских немцев в Курской, Орловской и Тульской областях

Годы Регион	1992		1993		1994		1995		1996	
	при- было	вы- было	при- было	вы- было	при- было	вы- было	при- было	вы- было	при- было	вы- было
Курская область	97	17	99	61	128	54	93	73	90	62
Орловская область	78	16	123	66	160	80	109	112	112	91
Тульская область	148	218	154	258	нет данных		148	нет данных	218	154

Годы Регион	1997		1998		1999		2000		2001		2002	
	при-было	вы-было	при-было	вы-было	при-было	вы-было	при-было	вы-было	при-было	вы-было	при-было	вы-было
Курская область	98	85	93	76	49	67	62	42	48	39	26	38
Орловская область	96	74	83	101	35	32	22	29	7	3	нет данных	
Тульская область	246	322	нет данных		137	270	132	196	нет данных		54	189

За межпереписной период в Курской области численность немецкого населения увеличилась на 427 чел. В период с 1989-го по 2002 г. в Курскую область прибыло 883 чел. немецкой национальности, выбыло 614 немцев, т.о. миграционный прирост составил 269 чел.¹¹ Поскольку естественный прирост населения Курской области был фактически равен нулю, (по данным Всесоюзной переписи 1989 г. в Курской области проживало 389 немцев, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в Курской области проживало 816 чел., назвавших себя немцами), то мы получим разницу в 158 чел., которую могли дать только люди смешанного происхождения. Аналогичная ситуация наблюдается и в Орловской области. В 1989 г. там проживало 411 немцев, к 2002 г. было зарегистрировано 888 немцев, миграционный прирост за межпереписной период составил 278 чел., т.о. благодаря процессам этнически-культурного возрождения 199 чел. отнесли себя к немецкой национальности¹².

В Курской и Орловской областях с 1992-го по 2002-го г. наблюдается стойкая тенденция положительного миграционного прироста немецкого населения, тогда как в Тульской области миграционный прирост имеет отрицательное значение. И действительно, численность российских немцев в Курской и Орловской областях увеличилась за время исследуемого периода, в Тульской области значительно сократилась. Из трех исследуемых областей наибольший поток мигрантов немецкой национальности в Германию был зарегистрирован в Тульской области. Так, в 1997 г. из Тульской области в Германию выбыло 311 человек, в 1999 году 361 человек, в 2000 году 217 человек, в 2002 году 352 человека¹³.

На основании сводного отчета об итогах миграции населения Орловской области за 1993 г. Орловского областного комитета госстатистики¹⁴ выявлено, что общее число прибывших в область мигрантов в городские поселения и сельскую местность составило 29529 человек, из них русских 25382 человека, украинцев 1445 человек, армян 426 человек, азербайджанцев 191 человек, немцев 123 человека¹⁵; выбыло из Орловской области в результате межреспубликанской миграции 18424 человека, русских 16294 человека, украинцев 720 человек, армян 89 человек, азербайджанцев 116 человек, немцев 66 человек¹⁶.

Подтверждением общероссийской тенденции снижения количества реэмигрантов в период с середины 90-х годов к 2002 г. являются следующие данные Орловского областного комитета госстатистики: в Орловской области получили в

органах МВД разрешение на выезд в Германию в 1993 г. – 17 человек¹⁷, в 1994 г. – 175 человек, в 1998 г. – 63 человека, в 1999 г. – 32 человека, в 2000 г. – 29 человек. В Орловской области наибольший отток мигрантов в Германию составили немцы – 83%¹⁸.

В 2007 г. автором был проведен социологический опрос «История миграции российских немцев», в результате которого было опрошено 100 российских граждан немецкой национальности, проживающих в Курской (гг. Курск, Курчатов, Железнодорожск) и Тульской областях (г. Тула). Полученная информация позволила выявить первоочередные проблемы миграции российских немцев, рассмотреть влияние миграции на все стороны жизнедеятельности немецкого населения и конкретных людей. Особое значение в анкетах имели вопросы о намерениях опрашиваемых изменить место жительства, об ожиданиях, надеждах будущих переселенцев. Так, на вопрос «Собираетесь ли Вы дальше проживать в настоящем месте или изменять его» и на вопрос «Собираетесь ли Вы покинуть Россию и переехать в Германию или другие страны» получены следующие ответы: 29% опрошенных намерены переехать в Германию, 1% в другую страну, 58% намерены остаться в России, 4% – нет ответа.

Данные опроса свидетельствуют о наличии родственников в Германии у 78% респондентов. Из ответов респондентов следует, что твердое решение реэмигрировать в Германию приняли лишь 29 % опрошенных. При этом 49% респондентов считают, что их жизнь в Германии в случае эмиграции изменится в лучшую сторону, изменится их экономические условия жизни, материальное положение, реэмиграция позволит «обеспечить лучшее будущее для детей». Таким образом, можно предположить, что миграционный потенциал российских немцев, не принявших окончательного решения относительно своего перемещения в будущем, составляет примерно 20%. Результаты данного анкетного опроса не претендуют на полное отражение реальной ситуации, однако представляют большую ценность для анализа первоочередных проблем миграции российских немцев и прогнозирования тенденций развития миграционных процессов данного народа.

Таким образом, сокращение численности немецкого населения Российской Федерации в 1992–2002 гг., обусловлено в основном эмиграционными процессами. Подтверждением общероссийской тенденции явилась миграционная ситуация в Тульской области. Здесь с начала 1990-х по 2002 г. произошло сокращение численности российских немцев примерно на 2 тыс. человек. Увеличение численности российских немцев в Курской и Орловской областях, несмотря на непрекращающиеся эмиграционные процессы, обусловлено в основном как внутренними миграционными процессами российских немцев (внутренняя миграция из регионов Сибири и крайнего Севера), так и продолжающимся процессом реэтнизации в среде российских немцев.

На региональном уровне сокращение количества реэмигрантов немецкой национальности из Курской, Орловской и Тульской областей с середины 90-х годов XX в.

к началу XXI в. объясняется не только повышением выездных барьеров со стороны Германии, но является результатом экономической консолидации в Российской Федерации, а также результатом политики Германии, направленной на укрепление желания немцев оставаться в России (программы языковой помощи российским немцам, культурологическая помощь центрам встреч российских немцев и др.).

¹ См.: Миграция населения. Вып.1: Теория и практика исследования. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001. С.17.

² См.: Почему в Германию приезжает все меньше переселенцев из стран Восточной Европы // InfoDienst / Deutsch-russische Ausgabe. Немецко-русское издание. Информация уполномоченного федерального правительства по делам переселенцев. 1999. №10. С.2.

³ См.: Конев Е.В. Немцы Западной Сибири в 1940-е–1990-е гг. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей): дис. ...канд. ист. н. Томск, 2002. С.65.

⁴ См.: Дизендорф В.Ф. Немецкое население России на рубеже XXI века в зеркале демографической статистики. – Режим доступа: <http://www.rusdeutsch.ru> – Проверено 17.04.2009.

⁵ См.: Количество переезжающих в Германию на ПМЖ в 1998 году существенно уменьшилось // InfoDienst / Deutsch-russische Ausgabe. Немецко-русское издание. 1999. №1. С.5.

⁶ См.: Информация Уполномоченного Федерального правительства по делам переселенцев // InfoDienst / Deutsch-russische Ausgabe. Немецко-русское издание. 2001. №38. С.11.

⁷ См.: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области. Папка «Естественное и механическое движения населения за 1992 г.». Дело «Годовой статистический бюллетень». Л.29.

⁸ См.: Личный архив автора. Папка «Курскстат». Дело «Миграция населения Курской области». Л.2.

⁹ См.: Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф.2583. Оп.1. Д.7-09. Л.21.

¹⁰ Составлено автором по данным текущих архивов Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области за 1992–2002 гг., Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области за 1992–2002 гг. и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Орловской области за 1992–2002 гг.

¹¹ См.: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области за 1989–2004 гг.

¹² См.: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Орловской области за 1989–2004 гг.

¹³ См.: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области за 2002 г. Папка «Внешняя миграция населения Тульской области». Дело «Национальный состав мигрантов». Л.18.

¹⁴ См.: ГАОО. Ф.2583. Оп.1. Д.10444. Л.104-106.

¹⁵ См.: ГАОО. Ф.2583. Оп.1. Д.10444. Л.107.

¹⁶ См.: ГАОО. Ф.2583. Оп.1. Д.10444. Л.110.

¹⁷ См.: ГАОО. Ф.2583. Оп.1. Д.10444. Л.454.

¹⁸ Орловский областной комитет государственной статистики. Миграция населения Орловской области в 2001 г. Орел, 2002. С.18.

М. В. Булычев (Саратов)

Проявления русско-украинского влияния в хозяйстве и быту поволжских немцев в начале XIX в.

Устойчивый интерес с середины 80-х годов прошлого столетия к истории поволжских немцев, а также заметные отличия колоний в управлении, хозяйственном укладе и повседневном быту объясняют тот факт, что степень изученности жизни этого немцев Поволжья заметно выше, нежели других в данном регионе, включая и русских. Но, несмотря на это, неизученных проблем истории поволжских немцев остается вполне достаточно еще не на одно поколение исследователей.

Одна из них – это емкая, серьезная проблема формирования на весьма отдаленных от Западной Европы волжских берегах из разноконфессиональных, многопрофессиональных разрозненных групп переселенцев из разных немецких земель нового этноса – поволжских немцев. Очень эмоционально обозначил этот народ один из наиболее известных сейчас исследователей его истории Яков Дитц. По его словам, немцы Поволжья «новый народ, даже новая раса, создававшаяся в особых жизненных условиях... Колонисты – это новая, самобытная, самодавящая нация...». Он же отметил, что невозможно было бы решить вопрос о типе колониста, если бы мы «прошли мимо социальных и природных условий», а можно бы добавить и этнических условий «среди коих этот народ существовал»¹. Действительно, в условиях неизбежно растянувшейся на несколько десятилетий адаптации в совершенно новом природно-климатическом, социально-экономическом пространстве взаимовлияния между новыми переселенцами и другими народами, уже обживающих степные просторы юго-востока Европейской России, было вполне естественным явлением.

Наиболее крупными этносами, в соприкосновение с которыми сразу же вошли колонисты, были русские и украинцы. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века в Саратовском Поволжье явились временем массовой, преимущественно славянской колонизации, изменившей всю последующую историю края. Контакты колонистов с местным населением начались уже с их расселения на отведенных территориях. Последующее соседство со славянским населением, пришлым, как и колонисты, но в гораздо большей степени адаптированным к окружающим условиям, не могло не оказать определенного влияния на разные стороны жизни поволжских немцев.

В исторической литературе более принято подчеркивать немецкий вклад в российскую действительность. Тот же Я. Дитц с немалой долей преувеличения пи-

сал: «...колонисты привезли в Россию плуг, косу и деревянную молотилку... Они привезли трехпольную систему..., ввели белотурку, картофель, увеличили посевы льна, конопли и других культур...»². Конечно, нужно принимать во внимание запальчивость автора, он завершал свой труд в условиях Первой мировой войны, когда антинемецкие настроения захватили некоторую часть общества и правительственные круги, но нельзя отрицать значительное влияние разнообразных проявлений жизни поволжских немцев на культуру, быт и, прежде всего, экономику Нижневолжского региона.

В то же время представляется возможность, не забывая о взаимопроникновении культур, выделить черты влияния в хозяйстве и быту немцев именно русско-украинского окружения.

Разумеется, рассматривая славянское влияние на формирование бытовой культуры немецкого этноса Поволжья, можно выделять определенные этапы, так как в разные периоды существования народа эти проявления имели и разную глубину. В данной публикации рассматривается начало XIX в. Это время интересно тем, что длительный период адаптации в основном завершился. Те первопоселенцы, которые приехали в Россию были уже стариками, хозяйствовали их дети и внуки, родившиеся на Волге. Столь растянутое вживание в новые условия было характерно не только для немцев³. Один из наблюдателей мытарств славянских переселенцев в Саратовском Заволжье 40-х годов XIX в. пришел к важному выводу: «...благоденствие у переселенцев, осевших в Заволжье, появляется не ранее третьего поколения»⁴. В экономическом отношении немецкие колонии переселенцев второго и третьего поколений нельзя сказать что процветали – уже ощущалось малоземелье на правом берегу⁵, но достигли стабилизации на сравнительно высоком уровне развития. Колонии были чисто аграрными поселениями, как и русские деревни, ремесленное производство только начало распространяться⁶.

Саратовский край, особенно в его заволжской части был еще слабозаселен, там оставались значительные пространства целинных ковыльных степей, где в избытке встречались не только дрофы и сайгаки, но даже «ходили большими косяками дикие лошади, называемые тарпаны»⁷. Но темпы освоения края заметно возрастали. По данным V ревизии 1795 г. на территории губернии проживали 381413 душ мужского пола, а по VI ревизии 1811 г. уже 514314 душ⁸. Губерния уже давно имела известность в России как поставщик соли, рыбы, а с начала XIX в. и зерна.

Основным источником, позволяющим выявить некоторые проявления местного влияния на хозяйство и быт колонистов данного периода, является рукопись под названием «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии». По своей структуре оно в целом аналогично ранним описаниям Саратовского наместничества 1782-го и 1783 гг.⁹ Но в сравнении с ними – более подробно и имеет приложения в виде очерков об Эльтонском соляном озере, Ахтубинском шелкопрядном заводе, рыбном промысле и жизни немецких колоний. По-видимому, приложение со сведениями о состоянии колоний можно дати-

ровать 1804 годом¹⁰. Имеется, по крайней мере, три экземпляра этого описания Саратовской губернии. Один из них находится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН¹¹, второй – в отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве¹². Какую-то из этих рукописей, хранившуюся в библиотеке Академии Наук, исследовал еще в 20-х годах XX в. П. Г. Любомиров¹³. Третий экземпляр имеется в рукописном отделе Центральной научной библиотеки Академии наук Украины. Автором последнего описания (возможно и всех) является землемер Л. М. Лебедский¹⁴. Отдельные сведения об элементах заимствования немецкими переселенцами хозяйственных и бытовых реалий местного населения можно встретить и в других источниках: приказах и распоряжениях Конторы опекунства, воспоминаниях, свидетельствах современников. К сожалению, все же источников для начала XIX столетия немного.

Рассматривая эту проблему, необходимо учитывать, что многие особенности быта колонистов были привнесены извне, русскими чиновниками уже с начала появления немцев на Волге. Были разработаны два типовых плана застройки колоний, которые предусматривали широкую прямую главную улицу, небольшие поперечные. По проектам российских чиновников русские плотники своими методами и приемами возводили дома и хозяйственные пристройки. Так, на строительстве домов в колонии Сосновка были задействованы 60 крестьян из села Новые Бурасы Петровского уезда, в колонии Севастьяновке – 27 человек из Керенского уезда и т.д.¹⁵ Поэтому первые жилые и иные постройки в колониях нельзя рассматривать как проявление немецкой архитектуры. Разумеется, русская крестьянская изба не бралась за образец, но похожие дома встречались в городах, кое-что могло дополняться соображением проектировщиков о целесообразности и удобствах построек. Подобный же тип хозяйственных дворов встречался и у русских крестьян¹⁶.

В начале XIX в. в ряде колоний правобережья и Заволжья еще оставались «по бедности и недостатку хозяев» старые казенные дома, вросшие в землю. Но в основном колонисты уже перестроили свои жилища. Преимущественно они оставались деревянными, но их тип и внутреннее устройство похоже на то, что позже описано исследователями, например, тем же Дитцем¹⁷. Во многих колониях, особенно правобережных, колонисты в это время, используя дешевый местный материал, строили дома и все надворные строения из сырцового кирпича, выбеленные внутри и снаружи. Некоторые же возводили дома из гладко отесанного местного известняка, используя в обоих случаях для связки глину. В Лесном и Голом Карамышах применялся и третий способ – в «ящички», т. е. в опалубку закладывали поплотнее камни, а пустоты заливали жидкой глиной и забивали мелким битым камнем. Но прочность таких сооружений была незначительной, в них сохранялась сырость, и они не прижились. Как видим, это уже немецкая инициатива, хотя постройки из сырца в степных местах встречались и могли служить образцом для строительства. В Панинском округе на отдаленных от селений участках полей

колонисты строили жилища по типу украинских мазанок, выбеленных снаружи и внутри, где и жили с весны до самого рождества¹⁸. Дома во многих колониях из-за нехватки дров отапливались кизяками, как и во всех других степных поселениях региона даже в более позднее время.

Кое-что перешло к колонистам и из организации внутреннего самоуправления местного населения. Вскоре после образования Саратовского наместничества, в 1782 г. Контора опекунства временно прекратила свою деятельность. С этого времени в колониях происходит замена подворного на подушное землепользование, характерного в России, с переходом к трехполью и переделом земли, что явилось важным элементом жизни русского народа. Это нововведение позволяло поволжским колонистам претендовать в дальнейшем, по мере роста населения, как и казенным крестьянам, на получение дополнительных земельных наделов в расчете на ревизскую душу. В условиях высокого естественного прироста населения в немецких колониях, а также сложности справедливого распределения участков при массовом расселении поселками и недостаточном спросе в тот период на изделия ремесел и промыслов, общинное землепользование становилось своеобразным гарантом равномерного наделения землей всех крестьян, а не какой-то его части. В дальнейшем правительство все дополнительные прирезки земель давало не на семейство, а в расчете на количество ревизских душ в селении. Техника земельных переделов известна из более поздних источников. Она во многом была тождественна русской, но отличалась большей точностью и скрупулезностью. Впрочем, в начале XIX столетия в большинстве колоний применялась еще залежная система, с довольно поверхностной обработкой почвы, что было характерно для степной зоны всего юго-востока. На отдаленных полях устраивались хутора. Повсеместно распространился степной способ молотбы хлеба в зажиточных хозяйствах, когда на открытых токах, по разложенным снопам по кругу прогоняли три – шесть лошадей, привязанных одна к хвосту другой, которые копытами выбивали зерно¹⁹. Овины были только в колониях Саратовского уезда, где был лес, что было обычным явлением степной полосы России. Хлеб клали в скирды с одоньями, а сено – в скирды на гумнах, где иногда делали токи. Житницы представляли собой деревянные амбары, как у русских. Попытки строить житницы из сырцового кирпича (в Таловке) не прижились, в них портился хлеб²⁰.

Как известно, в первое, наиболее тяжелое десятилетие, правительство поддерживало прожиточный минимум колонистов не только ссудами, но и закупками у местного населения, или русского населения других губерний всего необходимого: семенного зерна, рабочего скота, сельскохозяйственных орудий, даже предметов быта и одежды. Так, в 1775 г., после прошедшего голодного года и потрясений пугачевского времени, Конторой опекунства иностранных было приобретено для весеннего сева 12508 четвертей пшеницы, 2458 четвертей ячменя, 10000 четвертей овса и на питание 37267 четвертей муки, а также 1367 плугов, 2868 сошников, 3257 телег, 1931 сани, большое количество кос, серпов, топоров,

железных вил, уздечек, вожжей, хомутов, шуб, кафтанов и холста²¹. По мере налаживания хозяйственной жизни иммигрантов подобные закупки прекратились, но они не могли пройти совершенно бесследно.

Автор топографического описания отмечает, что телег у немцев уже нет, а есть фуры, в которые впрягают пару или три лошади, выделяет «средний бранденбургский плуг», в который впрягают по три лошади и, видимо, уже вытеснивший закупленные когда-то русские плуги, но в ряде колоний правобережья: Щербаковке, Крестовом, Водяном и Булдаковом Буераках, Усть-Грязнухе, Лесном Карамыше и Линевом Озере крестьяне «пашут землю быками парно», как делалось в украинских селениях. Грабли, косы, серпы, повествует топографическое описание, «обычные», как и у всех крестьян региона. Пшеницу и озимую рожь жнут, а овес, ячмень и просо косят, как делали и местные крестьяне²².

В основе подобных заимствований лежал критерий практической целесообразности, рационального учета местных природно-климатических условий и практического опыта хозяйствования местного русского и украинского населения, опыта, который вырабатывался десятилетиями и столетиями.

Определенное влияние местного населения было заметно и в одежде немцев-мужчин. Массовые закупки в первое двадцатилетие всего необходимого для существования колонистов, вплоть до белья²³, да и приспособленность дешевой верхней крестьянской одежды к местным условиям и труду делали ее вполне приемлемой и в быту колонистов. На это указывают отдельные источники конца XVIII – начала XIX в. Чиновники конторы опекунов в 1782 г. подметили как негатив, что «даже самый покрой одежды мужского пола сообразен русскому»²⁴. Пленный солдат наполеоновской армии вестфалец А. Флек, оказавшийся в Саратове, встретил на базаре «пару крестьян, которые... были одеты в русское платье...; особенно нас удивило то, что их лица были выбриты, тогда как все остальные крестьяне носили длинные бороды». Крестьяне оказались немцами²⁵. Автор топографического описания рассказывая о повседневной одежде колониста отмечает, что он носит долгий кафтан серого (т. е. некрашеного) сукна домашнего изготовления, подпоясанный кушаком (так же как и русский крестьянин), круглую шляпу, а зимой долгополые шапки (подобные русские шапки с ушными клапанами длиной в два локтя описал еще один пленный граф К. А. В. фон Ведель)²⁶. Можно отметить еще одну интересную подробность в топографическом описании: «Все носят сапоги, а лапти только во время сенокоса и в зимнее время при разных работах»²⁷. Впоследствии лапти исчезнут из обихода немцев. А. Н. Минх в своем этнографическом исследовании, написанном на основе материалов, собранных в 1861–1888 годах подчеркивает, что лаптей колонисты не носят²⁸. Впрочем, подобные черты русского влияния в мужском костюме не были повсеместными. Так, жители Панинского и, особенно, Екатериненштадтского округов и вели себя и одевались «скорее по городскому, нежели по сельскому обычаю»: носили разноцветные кафтаны, наподобие сюртуков. А вот старики и в начале XIX в., по крайней мере, в воскресные

дни и в праздники «носят немецкое платье и башмаки, шляпу треугольную, платочек на шее»²⁹.

Женский костюм оказался более консервативным. Автор описания отмечает, что все женщины одевались по-немецки: косынки или шапочки из купленного холста, платок на шее, разноцветные долгополые суконные юбки покупные или домашнего изделия, а на ногах – зимой и летом разноцветные шерстяные чулки. Но некоторое влияние местных условий ощущается и в женской одежде: зимой все одевают нагольные длинные шубы. Щеголихи отмеченных ранее Екатерининштадтского и Панинского округов носили шубы на городской манер, покрытые шелковой материей³⁰.

В определенной степени бытовое обрусение сдерживалось деятельностью конторы опекунства иностранных, ее мелочной регламентацией жизни колонистов. Во многом отличия внешнего вида селений, устройства усадеб, домов и даже форма одежды определялись требованиями конторских чиновников. Так, в 1800 г. в очередной инструкции Конторы опекунства иностранных отмечалось, что в некоторых колониях «сделаны печи без труб», то есть, помещения отапливались по-черному, что было характерно именно для русских изб. Та же инструкция предписывала окружному голове принуждать поселян делать печи с трубами и поворачивать их челом в особо приделанные небольшие кухни, обмазанные глиной или обложенные кирпичом³¹. Тарлыцкий окружной голова Шемберг приказом 13 июня 1829 г. предписал форштрегерам к приезду главного судьи конторы Кропотова привести колонии в порядок, в том числе не допускать на улицы колонистов без галстука и кафтана³² (видимо, это было весьма распространенным явлением). В топографическом описании упоминаются такие распоряжения администрации, как запрещение держать в покоях «для сохранения здоровья» арбузы и тыквы, в избах, в котлах, вделанных в печи, воду не разогревать для стирания белья и еду не варить «для избежания нездоровых паров и неприятного запаха», а также из-за того, что в доме бегают дети в одних рубашках, которые лазят на печку и могут обвариться, чему бывали случаи³³.

В значительной мере консервации немецкой самобытности служила и их конфессиональная принадлежность, наличие национальных школ и слабое знание русского языка. В 1802 г. ревизия колоний обнаружила полное отсутствие во всех 12-ти округах грамотного колониста, который мог бы исправлять должность окружного писаря по-русски³⁴. Даже в конце 70-х годов XIX в., когда уже особого управления колонистами в виде Конторы опекунства не было, более половины мужчин – поселян, например, сравнительно небольшой Ягодно-Полянской волости, находившейся в окружении русских сел, не умело говорить по-русски, а среди женщин, отмечал А.Н. Минх «едва ли найдутся две или три в каждом селении, умеющих сказать несколько русских слов. Колонисты на русских не женятся, обрядовая жизнь не поддавалась до сих пор обрусению и сохранялась более столетия совершенно своеобразною»³⁵. Но это не являлось спецификой только немецкого

населения. Такие же факторы способствовали консервации и татарского меньшинства среди преобладающего русского населения, тогда как обрусение православных украинцев³⁶ и, особенно, мордвы³⁷ происходило значительно быстрее.

Разумеется, подобная ситуация тормозила проникновение какого либо влияния извне в быт немецких поселян, хотя и не могла исключить его полностью. С конца XIX в., под напором миграционных, рыночных процессов, влияния городского образа жизни на быт крупных зажиточных селений, правительственной и земской политики в области образования, ситуация начнет постепенно меняться.

¹ Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 377.

² Там же. С. 264.

³ О проблемах обустройства переселенцев в Саратовской губернии см.: Булычев М.В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 22–24; Его же. Правительственные меры по обустройству переселенцев в Саратовском Заволжье в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века //Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Материалы научных конференций саратовского областного отделения РОИА. Саратов, 2006. С. 143–154.

⁴ Сафронов А.Я. Статистический очерк Саратовской губернии// Журнал министерства внутренних дел. 1846. № 7. С. 54.

⁵ См.: Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПб ИИ РАН). Коллекция 115. Оп. 1. Д. 352. Л. 18.

⁶ См.: Там же. Л. 191-192.

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ См.: Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 107, 119.

⁹ См.: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 550. F IV. Ед. хр. 68.

¹⁰ На л. 162 (Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 352.) упоминается «нынешний 1804 год». Вся же рукопись могла быть составлена в последующие два-три года. Так, в тексте рукописи есть сообщение о возобновлении «с прошлого, 1804 года» службы в Троицком соборе. На время завершения рукописи указывает и то, что московский вариант написан на плотной синеватой бумаге ярославского производства с водяными знаками и датой 1806 г. Количество душ приведено по пятой ревизии 1795 г. (шестая состоялась в 1811 г).

¹¹ См.: Архив СПб ИИ РАН. Кол.115. Оп. 1. Д. 352.

¹² См.: Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 68. Ед. хр. 229.

¹³ См.: Любимиров П.Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века. Саратов, 1928. С. 7.

¹⁴ См.: Пономаренко Л. О чем поведало описание землемера //Коммунист, 1978, 21 сент.

¹⁵ См.: Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. М., 2000. С. 120-125.

¹⁶ См.: Никольский А. Хозяйственное описание Балашовского уезда Саратовской губернии. СПб., 1855. С. 46-47.

¹⁷ См.: Архив СПб ИИ РАН. Кол.115. Оп. 1. Д. 352. Л. 163 об.; Дитц Я. Указ. соч. С. 382.

¹⁸ См.: Архив СПб ИИ РАН. Кол.115. Оп. 1. Д. 352. Л. 155 об.

¹⁹ См.: Там же. Л. 160 об., 170 об.

²⁰ См.: Там же. Л. 171.

- ²¹ См.: Плева И.Р. Указ. соч. С. 176, 177.
- ²² См.: Архив СПб ИИ РАН. Кол.115. Оп. 1. Д. 352. Л. 160, 170.
- ²³ См.: Плева И.Р. Указ. соч. С. 194.
- ²⁴ Дитц Я. Указ. соч. С. 264.
- ²⁵ См.: Флек А. «Описание моих страданий и судеб во время наполеоновского похода и моего плена в России» //Труды Государственного исторического музея. М., 2003. Вып. 137. С. 219.
- ²⁶ См.: Ведель фон К.А.В. История одного офицера в войну против России в 1812 году, в русском плену в 1813-1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: воспоминания // Поволжский край. Вып 12. Саратов, 2003. С. 180.
- ²⁷ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 352 Л. 167.
- ²⁸ См.: Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. СПб., 1890. С. 11.
- ²⁹ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 352 Л. 167.
- ³⁰ См.: Там же. Л. 168, 168 об.
- ³¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVI. № 19562 (17 сент. 1800 г.).
- ³² См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 141.
- ³³ См.: Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 352 Л. 168.
- ³⁴ См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 137.
- ³⁵ Минх А. Н. Указ. соч. С. 12.
- ³⁶ См.: Северьянова А А. Заселение Нижнего Поволжья украинцами //Историко-краеведческие записки. Вып 2. Волгоград, 1974. С. 93.
- ³⁷ См.: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 37. Ед. хр. 37. Л. 610.

Иностранные колонисты в Поволжье и военный постой (Последняя четверть XVIII – начало XIX в.)

Во второй половине 60-х гг. XVIII в. Саратовское Поволжье становится объектом колонизационных усилий русского правительства. В короткий срок на картах появилось несколько десятков поселений, жители которых являлись приглашенными из-за границы иностранцами. Манифест императрицы Екатерины II от 22 июля 1763 г. на 30 лет освобождал колонистов «от всяких налогов и тягостей», включая постоянную повинность¹.

Указанная льгота, как будет показано далее, являлась важным элементом в системе взаимоотношений государства с иностранцами.

В первые годы власти легко обходились без привлечения колонистов к отбыванию повинности. Военный постой в крае был невелик, а маршруты прохождения армейских частей и рекрутских партий составлялись таким образом, чтобы миновать возможные остановки в колониях. Исключение было сделано лишь для некоторых заволжских селений, жителей которых охраняли от набегов кочевников приданные Саратовской конторе опекунства казаки и артиллеристы. Размещаемым в них военным служащим нередко сооружались специальные помещения, в некоторых документах даже называемые «казармами»², либо отводились отдельные дома, конюшни, необходимые хозяйственные постройки.

Казалось бы, сам факт освобождения иностранцев от несения постоянной повинности лишает смысла саму постановку проблемы. Тем не менее, именно благодаря колонистам мы располагаем уникальными документальными материалами, вскрывающими практику военного постоя в России второй половины XVIII в. Архивных источников, позволяющих судить о характере взаимоотношений военных с гражданским населением, сохранилось немного, причем в основном они касаются военного постоя в городах. При этом пребывание армейских формирований в сельской местности, где проживала основная масса населения Российской империи, прослеживается плохо. Чиновники насквозь коррумпированной бюрократической машины провинциальной администрации в союзе с офицерами и помещиками, стремились устранить вероятность официального рассмотрения соответствующих жалоб крестьян на творимый военными произвол, на самых первых стадиях прохождения соответствующих петиций блокируя их дальнейшее рассмотрение на более высоком официальном уровне. Не в последнюю очередь именно с этим обстоятельством связано почти полное отсутствие в провинциальных архивах дел, связанных с нарушениями закона во время квартирования военных. Молчание документов явно дисгармонирует с многочисленными свидетельствами современников, указывающими на крайнюю остроту взаимоотношений армии и населения в течение XVIII – первой

половины XIX в. Нередко историкам приходится аргументировать свои выводы по данной проблеме лишь законодательными источниками и высказываниями мемуаристов. Определенным выходом из положения может стать привлечение обильных материалов по истории иностранных колонистов Нижнего Поволжья. В те короткие периоды, когда им доводилось терпеть соседство армейских подразделений, между ними и их постояльцами возникали такие же конфликты, как и в аналогичных ситуациях с участием русских крестьян. Дело в том, что военные, располагавшиеся на постой в селениях колонистов, не всегда осознавали принципиальное различие между постоем в русских селах и таким же, как им могло показаться, постоем в колониях иностранных поселенцев. Прибыв на новое место квартирования, военные привычно воспроизводили сложившийся порядок отношений к местным жителям, как низшей касте, обязанной всецело подчиняться их требованиям. Но в колониях притязания армии на главенствующую роль неожиданно встречали дружный и решительный отпор. Иностранцы великолепно знали о своих правах и, обладая несравнимо более высоким, привнесенным из Европы уровнем правосознания, не собирались ни на йоту поступаться дарованными им привилегиями. В лице чиновников опекунской конторы они имели независимых от армии и местных властей защитников их интересов, посредством которых, в случае необходимости, без труда могли довести свои нужды до сведения высших петербургских чиновников и даже самой императрицы.

Если жители заволжских колоний, подвергавшиеся нападениям со стороны калмыков, а с начала 70 х гг. XVIII в. киргиз кайсаков³, воспринимали соседство с военными как необходимое условие собственной безопасности, поневоле мирясь с его негативными последствиями, иностранные поселенцы саратовского правобережья видели в присутствии армии покушение на высочайше дарованные им права. Особенно ярко такое отношение к военным проявилось у них в первое время после Пугачевского бунта, когда регион был буквально наводнен вооруженными формированиями. Так, в августе 1775 г. поручик Бахмутского гусарского полка Протопопов рапортовал своему начальнику бригадиру И. А. Пилю, что, находясь в команде поручика того же полка Станишкова, отправленной на борьбу с разбойниками в колонию Россоши⁴, он был послан к форштегеру селения с требованием об отводе квартир для ночлега военнослужащих. Когда тот начал отвод, «реченной колонии французы так сильно збунтовались, что хотели против команды поступить военною рукою, почему реченной порутчик Станишков с командою принужденным был выйти для наслегу в степь». По свидетельству Протопопова, колонисты «собравшись в кучу, кричали, что они никак не обязаны иметь в своих домах постой», а когда для прояснения ситуации он вместе со Станишковым вышел из дома на улицу, на них «с великим криком и бранью» буквально набросилась супруга колониста Н. Рика. Ругаясь «непотребными словами», она кинула в офицеров поднятый с земли камень. На заседании

15 августа 1775 г. саратовская контора опекунства решила, что «хотя высочайшим Его Императорского Величества о вызове в Россию колонистов манифестом срок от понесения и всяких служб налогов и тягостей еще не миновал, а посему и постою содержать еще не обязаны, но, как означенная военная команда к сыску и искоренению воров командирована по требованию конторскому единственно для защищения от разграбления колоней», их жителям предписывалось «объявить, чтоб они непременно командированным для сыску воров военным командам наследи давали без всякого прекословия под опасением в противном случае штрафа»⁵. Следующий эпизод в полной мере пояснит, чего именно так опасались колонисты, категорически отказывая военным даже в ночлеге. Почти одновременно с рассмотрением дела об обиде поручиков Станишкова и Протопопова, 8 сентября 1775 г. в конторе обсуждался рапорт форштегера заволжской колонии Привольной⁶ И.-М. Фохта. В нем он сообщал, что «когда стоящая там Бахмуцкого гусарского полку команда прибыла, думали они со оными так же как и Молдавскую⁷ согласно жить, и что у них из харчу имелось всегда с оными делились, но за все оное весьма худо награждены, ибо де с самого их прибытия туда ничего они в домах своим назвать не могли, телеги, конской убор... отымают силою и пользуются до тех пор, покуда совсем изломают, они же всегда принуждены были тем гусарам подводы давать, однако де ныне не столько берут, как прежде; в огородных же плодов ничего зберечь не могли: з бахчи арбузы покрали, да и караулщиков ночью прибили, а одному из оных Адаму Келеру, которой домоводство имеет порядочное, руку преломили, и потому зделали ево к правлению домоводства неспособным. Во все же лето оные гусары имели весьма большое место в покосу для своих лошадей, на котором прежде сего их лошади паслись, отчего де скотина их во время суши большой недостаток в корме имела, а оне, перемяв всю траву, хотят силою в луга гонять, где они для продовольствования их скота корм заготовляют, да и у некоторых колонистов все их доли косили, отчего у них зимою скотина без корму быть может»⁸.

Через два с половиною года после инцидента в Россошах при весьма схожих обстоятельствах произошло столкновение с военными в другой колонии. Правда, в этом случае речь шла уже не о квартирах, а о предоставлении лошадей. В начале февраля 1778 г. подполковник И. Рылеев, осматривая размещенные в разных местах для «прикрытия» колонистов подразделения Санкт Петербургского драгунского полка, заехал в селение Буйдаков Буерак⁹, где привычно потребовал от форштегера дать ему для дальнейшего следования сменных коней. Но тот, «не сказав о лошадях ничего, начал звонить в колокола и при том звоне кричал необычным голосом, почему на тот звон и крик збежалось колонистов до пятидесяти человек с разным дрекольем, и имевших[ся] при нем служивых капрала, драгуна и двух его людей зачели бить, почему он Рылеев принужден был выйти из саней, испрашивал у форштегера, за что оне бьют, но оной ево бранил с великим криком и самими

подлыми словами, и в самое то время один из колонистов зделал ему превеличайшим шестом такой жестокой удар в левой висок, что он упал на снег»¹⁰.

Несколько иначе обстояло дело в левобережных колониях. Там негодование жителей вызывали не сам факт присутствия военных, а их порой весьма бесцеремонное поведение. Приведу некоторые характерные примеры такого рода, относящиеся к колониям по р. Б. Караман. В июле 1777 г. в опекунской конторе обсуждался конфликт, возникший между колонистами селения Тонкошуровка¹¹ и квартировавшими в нем военными Санкт-Петербургского драгунского полка. Поводом к открытому проявлению давно существовавшего противостояния стала пропажа у колониста И. Сомера собаки. В ее исчезновении он обвинил слугу начальствовавшего над командой капитана Потулова. В ответ на избиение Сомером слуги, ему самому немедленно пришлось испытать на себе силу драгунских кулаков. Военные обвинили зачинщика драки в «неучтивстве», а колонисты, в свою очередь, представили в контору опекунства коллективную жалобу на драгунскую команду. Потулову особых претензий не выдвигалось, а вот его подчиненный прапорщик Ностгафт стал для тонкошуровцев персоной *non grata*. Для своей квартиры в колонии он занял здание школы и, ссылаясь на разрешение Потулова, отказывался из него переходить. В опекунской конторе Ностгафту припомнили, что он «и в других колониях был беспокоен», потребовав от командования части прислать вместо него другого офицера, «дабы восстановить тем в колонии порядок и спокойствие»¹². Однако успокоить иностранцев удалось далеко не скоро. В августе и сентябре того же года тонкошуровский форштегер Н. Эгер представил в контору жалобу поселян на то, что «состоящая в оной колонии драгунская команда сверх отведенных для пазбы лошадей мест выкосила множество трав, так что колонисты не в состоянии будут чрез зиму скот свой прокормить, а сверх того лошадей своих пускают в их колонической табун и поят оных в тех местах, где колонисты воду берут для пищи и питания, а не где им отведено». Претензию поддержал и вызывательский поверенный поручик Вейц, однако, вопреки их ожиданиям, на этот раз контора, вняв встречной жалобе со стороны командования полка, упрекнула Вейца в поощрении им «неосновательных начинаний» жителей селения и предписала ему, чтобы он «от таковых не дельных поступок удержался и колонистов к тому не приглашал»¹³. Но не решенная проблема дала о себе знать уже весной, когда кони перешли на подножный корм. В мае 1778 г. тонкошуровское общество уведомило контору, что «находящаяся в той колонии драгунская команда великой вред сенокосным лугам причиняет тем, что и ныне казенных лошадей на лугах пасут, о чем колонисты господину прапорщику Ларионову употребляли прозбу, ... но никакого удовольствия от него не получено»¹⁴.

Уже в начале следующего 1778 г. к драгунам были предъявлены новые претензии. В соседней с Тонкошуровкою колонии Отроговке¹⁵ перешедший туда «капитан Потулов своими охотными собаками» умышленно «стравил супоросую

свинью» поселянина И. Шпренгера. Тот потребовал возместить убыток, что позднее, после долгих препирательств, было сделано¹⁶. Тогда же и в той же колонии «отличился» один из подчиненных Потулова начальник над стоявшей в соседнем селении Хайсоль¹⁷ драгунской командой прапорщик Ларионов. Сначала он задолжал отроговскому жителю Л. Дебатисту 5 руб. 75 коп. за приобретенных у него лошадей, а вечером 31 декабря 1777 г. «будучи пьян» в «самой новой год» явился к другому здешнему колонисту И. Лику с требованием от него «безденежно» купленного в Саратове для празднования крестин и свадьбы односельчанина штофа водки. Лик, зная, что Ларионов «берет в долг, а денег не возвращает», долго сопротивлялся, «но напоследок, получа от онога прапорщика муфту и табакерку под заклад, «убоясь» исполнил требуемое, «более страха ради, видя, что при реченном прапорщике немалое число драгунов было». Когда сделка состоялась, подчиненный Ларионову унтер-офицер вырвал из рук колониста только что полученный им заклад, а драгуны «взяли у него из кухни два ведра вина и заткнули всю трубу соломою, а как на другой день на очаге раскладен был огонь, то загорелись в трубе солома столь сильно, что более сажени пламя из трубы видно было». Капитаном Потуловым несчастный Лик «услышан не был» и за защитой ему пришлось обращаться в опекунскую контору¹⁸.

Гостеприимством колонистов злоупотребляли не только офицеры. В той же Отроговке в один из дней вскоре после наступления нового 1778 г. в доме у местного жителя Г. Шуберта неизвестным злоумышленником был разломан сундук, из которого тот украл несколько предметов одежды, по преимуществу, женской. Так как поиски вора среди колонистов ни к чему не привели, форштегер И. Кесслер «хотел обыскивать те двory, где драгуны квартируют, но господин ротмистр к тому не допустил». Преступление так и могло бы остаться нераскрытым, если бы 12 марта того же года, находясь в Саратове, Кесслер не увидел на базаре драгуна отроговской команды И. Григорьева, который продавал «ис покраденных вещей русской кафтан». Увидев знакомого форштегера, солдат бросил ворованное и скрылся. На просьбу представить Григорьева для разбирательства военные сначала отзывались его нахождением в полковом лазарете, а 19 апреля сообщили, что он еще 17 марта бежал из части¹⁹.

9 марта того же года в конторе обсуждался любопытный вопрос, вскрывающий интересную сторону взаимоотношений колонистов и военных. Выше уже приводились примеры, когда иностранцы по своей воле или по принуждению кредитовали военных. На этот раз жалоба в опекунскую контору поступила от командиров 1-й половины Санкт-Петербургского полка, чьи подчиненные располагались на постах в Заволжье. По сообщению армейского начальства, жители левобережных колоний квартировавшим у них драгунам «не токмо дают для пропивания вино за денги, но и в долге им верят иногда до пяти рублей, а как драгуны, получая известное малое жалованье, ... приведены быть могут к худым порочным поступкам», командование полка просило контору «предпринять удоб-

няя мера» к прекращению подобной практики, а та, в свою очередь, строжайше запретила колонистам кредитовать нижних чинов без позволения их начальников, угрожая, что в случае возникновения каких-либо претензий об отдаче долга, требования колонистов выполнены не будут. Заодно контора поинтересовалась, откуда подопечные ей поселяне берут алкоголь, производство которого регулировало государство²⁰.

В январе 1780 г. посты в заволжских колониях занял прибывший с Кавказа Астраханский драгунский полк. Уже 3 февраля в опекунской конторе обсуждалась жалоба офицера на то, что «общество колонии Отроговки командированной от онога полку драгунской команде для квартирования отведенного пустава дому, требующаго необходимо нужнаго поправления, не исправляет и к отоплению дров не дает». Учитывая, что команда была послана в Отроговку по требованию конторы, ее члены попытались внушить поселянам, что при расположении драгун в обывательских домах «колонисты могут иногда почитать болше неудовольствия, нежели от исправления отведенного особо для квартирования пустава дому, да и теплом и водою должны довольствоваться оных». Во избежание «ропотных происшествий», контора велела исполнить требования военных, «потому болше, что сия команда по расположению назначена быть во оной колонии для безопасности ея поселян от нечаянных приключений»²¹. Отроговцы подчинились, но исполнили только то, что было написано в присланном им указе. 3 ноября конторе пришлось отдельным распоряжением потребовать от колонистов давать военным еще и свечи для освещения отведенного им помещения²².

В ожидании «приключений» контора как в воду глядела. Только теперь заволжских колонистов посетили уральские казаки. В июле 1780 г. по нескольким колониям на р. Б. Караман вихрем пронеслись подчиненные сотников И. Турыбарина, Ф. Беляева и В. Солодовникова, посланные для поимки казака Аристова «с воровскою артелью». Со стороны шайки Аристова никаких злодеяний колонистам причинено не было, а вот их преследователи, возвращаясь с Волги домой, сумели одним своим появлением напомнить иностранцам киргиз кайсацкий набег 1774 г. Первыми нападению почти трех десятков уральцев подверглись колонии Подстепная, Теляуза и Звонаревка. Здесь казаки забрали несколько лошадей, личные вещи и значительную сумму денег, попутно избив трех колонистов. В Тонкошуровке они нанесли тяжелые побои форштегеру и перебили множество кур. 18 июля достигнув р. Нахой, уральцы расположились на отдых, «перепились горячаго вина допьяна и зачели из ружей стрелять пулями». На шум из расположенной в полуверсте от этого места колонии Хайсоль приехал прапорщик Я. Нелюбов с тремя военнотружущими Астраханского полка. Они попытались урезонить буянов, но в ответ услышали брань, а капрал Е. Санков и драгун А. Трухин еще и пострадали от побоев. О происшествии немедленно известили стоявшего с командой в соседней Отроговке прапорщика И.Д. Романова и начальство эскадронов, размещенных в Покровской слободе²³. Широкомасштабной карательной экспедиции астраханцам

организовывать не пришлось, так как уже на следующий день казаки явились к Я. Нелюбову с повинной головой. Свое поведение они объяснили чрезмерным опьянением, а в качестве возмещения обиды предложили побитым драгунам двух лошадей, оказавшихся позже украденными у колонистов²⁴.

Поведение военнoслужащих Астраханского драгунского полка, сменивших на постах в Заволжье подразделения Санкт-Петербургского полка, едва ли не в точности повторяло все пороки их предшественников. Так, 26 сентября 1781 г. в опекунской конторе обсуждалось сообщение, что «находящейся в колонии Отроговки драгунской команды господин майор и поручик самовольно заняли пасторский дом и причиняет обществу притеснение». Кажется, смирившись с неизбежным, контора отреагировала на очередное нарушение военными закона достаточно сдержано. Напомнив секунд майору В. Булычеву, что «пасторские дома по силе указов не занимают постоем», она лишь потребовала от него принять дом «по описи», чтобы он «за повреждаемое ответствен». Интересно, что приезд майора стал для конторы совершенной неожиданностью, и она сочла необходимым осведомиться у него, сам ли он «переехал в Тонкошуровку или по ордеру от главной команды»²⁵. Вскоре выяснилось, что драгуны покушались не только на пасторский дом. 28 сентября в конторе рассмотрели сообщения тонкошуровского форштегера и окружного комиссара о том, что В. Булычев требовал от колонистов отвести под конюшни пустые помещения с переносом их на удобное для военных место. Пересказав положения высочайшего манифеста от 22 июля 1763 г. об освобождении иностранных поселенцев от постоя в течение 30 лет, контора отказала офицеру в его просьбе. Свое решение она основывала на том, что в подведомственных ей селениях все «построения остаются на отчете общества, а что следует до квартирования во оной колонии драгунской команды и как она находится там для защищения колонии то и может помещена быть в тех домах, в коих колонисты жительствоуют, а есть ли оные к минованию занятием их домов согласятся сами отвести особые корпуса с дачею дров и свету в таком случае оастается на их воле»²⁶.

Возвращаясь к самовольному выбору офицерами не только домов для квартирования, но, порой, и населенных пунктов, необходимо обратить внимание на любопытную коллизию, возникшую в Заволжье осенью 1781 г. 9 октября в конторе обсуждалось сообщение о том, что «для находящейся по луговой стороне Астраханского драгунского полку команды нарочно присланными от оной заняты в колонии Екатеринштате»²⁷ зимняя квартиры майору, трем офицерам и на 150 человек драгун, куда уже он господин майор с 70 человеками ево команды прибыв, по квартирам расположился, а еще ожидает прибытия с Елтонского озера»²⁸ достальных из оной же команды военнoслужащих чинов, но общество сей колонии особым письменным прошением почитает себе квартирование в тягость и просят о избавлении их от сего постоя». Контора обратилась к саратовскому губернатору И.И. Поливанову с просьбой распорядиться «о расположении вышеупомянутой

драгунской команды по тем колониям, где прежде заняты были посты на защите колонистов, а именно в Хайсоле, Тонкошуровке или Отроговке, в Цесарсфельде²⁹ или Эрнестинендорфе, в Шафгаузене, в Поповкиной, Привольной и Ровной, в коих таковое помянутой команды расположение на защите контора почитает более нужным, нежели в одном Екатеринштатском селении, которое от стороны степи не токмо что не состоит крайним, а находитца внутри прочих колоний, но и к своей обороне, как из общественного их представления значит, имеет особо вооруженных людей, составляющих яко гражданскую роту»³⁰.

В конце XVIII в. количество воинских частей, размещавшихся на квартирование в Саратовской губ, значительно снизилось. Проблема военного постоя в регионе утратила прежнюю остроту. Тем не менее, колонисты продолжали игнорировать потребности военных, причем это касалось и тех из них, кого власти направляли для защиты селений от набегов киргиз кайсаков. Так, в 23 июня 1798 г. саратовский комендант полковник В.Ф. фон Кабрит сообщил Конторе опекунства иностранных, что «здешней казачьей команды стоящие на форпостах в карауле близ колонии Графской, то есть Крутойрочки»³¹, казаки принесли ему жалобу, что оной колонии колонисты не допускают их для приготовления к зимнему времени на продовольствие имеющихся при них верховых лошадей косить траву и для топления зделанной на зиму землянки рубить дрова». Учтя крайнюю скудость местных колонистов в лесе и сенных покосах, которые они снимали за плату у губернской казенной палаты, контора запретила казакам самовольно заготавливать деревья и сено для своих нужд. При этом опекунские чиновники предложили им всем необходимым «довольствоваться ... по прописанным узаконениям добровольною от поселян покупкою», на средства, выдававшиеся для этих целей из казны. О выделении казакам особого сенокосного участка В. Ф. Кабриту советовали ходатайствовать в Казенной палате³². Весной 1802 г. хорунжий команды князь Мустафин просил контору разрешить казакам, содержавшим форпост «на речке Грязнухе блис колонии Мечетной»³³, вырубить хворост для поправки трех землянок и их отопления в лесных дачах колонии. Соответствующее разрешение казаки получили³⁴.

Неожиданному нашествию колонисты подверглись в 1801 г. По распоряжению императора Павла к Оренбургу для дальнейшего похода в индийские владения англичан отпавились порядка 22 тыс. донских казаков. 28 февраля 1801 г. в Саратовской конторе опекунства иностранных поселенцев обсуждалось отношение саратовского губернатора В. С. Ланского об оказании содействия командированным в Оренбург казакам во время их следования через подведомственные конторе колонии. Для донских полков губернатор предписал заготовить провиант и фураж, «располагая ночлеги по удобности от 25 до 30 верст, и чтоб провиант в муке и крупе и фураж в овсе и пшене отпускаем был под квитанции полков». Если «в которой колонии чего будет недостаточно, то б друг другу помогали и заблаговременно заимствовались от соседственных колоний, а также лежащих за Волгою». Учтывая, что «такое командирование полков, последовавшее по

высочайшему его императорского величества повеления составляет важнейший в рассуждении многолюдства транспорт», 1 марта, «для надлежащего распоряжения и устройства» месте контора командировала в район прохождения казаков надворного советника Х. Сикстеля и регистратора И. И. Мешкова. 6 марта, основываясь на рапортах начальников трех округов об отсутствии в колониях овса, было разрешено заимствовать его из запасных магазинов.

Прошлый год в регионе выдался неурожайным, а к весне оставшиеся у местного населения скудные запасы продовольствия подходили к концу. Чтобы не испытывать недостатка в провианте и фураже, при прохождении по Саратовской губернии для каждого из четырех эшелонов был составлен отдельный маршрут. Уже по ходу следования начавшийся разлив рек внес коррективы в маршруты полков. Командиру следовавшей по левому берегу 2-й части генерал-майору И.Н. Бузину из-за разлива волжского притока р. Б. Караман пришлось дать приказ своим полкам переходить «подавшись к вершинам», т. е. выше по течению. Еще до их подхода к реке они взяли вправо и углубились в степь. На два дня Бузин потерял след четырех своих полков. 14 марта опекунской конторе пришлось срочно сноситься с начальниками находившихся на их пути колоний, чтобы те обеспечили нежданных гостей всем необходимым. При возвращении казаков картина повторилась в еще большем масштабе, т. к. запасы продовольствия в селениях Саратовской губ. были опустошены еще при следовании в Оренбург.

От прохода полков пострадал иностранный колонист И. Эккерт. Принадлежавшие ему в Яблоновке 100 пудов сена окружной голова Рудольф передал казакам³⁵. Не обошлось и без претензий со стороны потенциальных завоевателей Индии. 1 апреля у ночевавшего в доме иностранца Г. Красмана в колонии Красный Яр казака Атаманского полка К. Родионова пропали «из воинского оружия в серебряной оправе натруска³⁶, стоящая десяти рублей, и турецкой пистолет двадцати рублей»³⁷.

В иностранных колониях Саратовской губернии казаки выдали квитанций за взятый провиант и фураж на сумму 9280 руб. 14 коп. Но возмещения понесенных убытков пришлось ждать почти два года. Как докладывала Саратовская контора опекунства, еще до прохода казаков «у означенных колонистов не только на продовольствие их, но и собственно себя, хлеба, а для скота фуража, не доставало. А потому иные даже в долг для продовольствия тех полков хлеб и фураж принуждены были покупать в соседственных селениях по высоким ценам, в чаянии за все доставляемое скорой от тех полков уплаты». Но сколько ни жаловалась контора, что ее подопечные «невинно терпят в своем домоводстве не токмо убыток, но и совершенное расстройство», Казанское провиантское депо неизменно отзывалось «недоставлением» ему соответствующих ведомостей комиссионером Терениным³⁸.

В 1803 г. неприятный инцидент произошел с проходившей через колонию Линево Озеро рекрутской партией под командой поручика Саратовского гарни-

зонного батальона Е. Жаркова. Прибыв в селение 28 сентября, офицер сначала «потребовал на обед харчу, что и было исполнено, потом сорок лошадей, кои также приведены были, но когда форштегер чрез толмача стал у него требовать прогонные деньги, то он, не дав им оных, будучи пьян, так бесчеловечно их избил, что отняли обоих их в крови». Жарков выдвинул против жалобщиков встречное обвинение, будто форштегер колонии оскорблял его «ругательным словом с повторением, что провожен будет из селения кольями»³⁹. В данном случае мы имеем еще один наглядный пример, когда традиционное отношение к сельским жителям, как к низшей касте, явно пришлось не к месту. В Линевом Озере Е. Жарков, едва ли не впервые в жизни, встретил в лице колонистов достойный отпор, невысказанный в любом русском селении. Любопытно, что точно такое же происшествие спустя несколько лет имело место в другой колонии Пановке⁴⁰. В 1811 г. в учинении «беспорядков» при прохождении через селение обвинялся сопровождавший рекрутскую партию штабс-капитан Саратовской инвалидной роты Ушаков. На этот раз военные быстро уладили дело миром⁴¹.

В 1817 г. глава колонии Сарепты⁴² обратился к начальнику Главного штаба с просьбой отменить остановки в их селении проходящих рекрутских партий. В гораздо более сложное положение попали шесть колоний Саратовского и Аткарского уездов, в которых с конца 1821 г. разместились на постой эскадроны 2-й гусарской дивизии. Откликаясь на просьбы своих подопечных, Саратовская контора опекунства иностранных поселенцев 4 июня 1825 г. обратилась в министерство внутренних дел с просьбой, «дабы саратовские колонии освобождены были от воинского постоя». В августе того же года по распоряжению начальника Главного штаба генерал лейтенанта И. И. Дибича гусары были выведены из колоний, а спустя еще год выступили в Орловскую губ.⁴³ Почти на целое десятилетие регион полностью освободился от квартирующих частей.

Особый статус иностранных поселенцев способствовал изоляции колоний, население которых, «свободное от тех тягостей, какие нес коренной русский житель, крестьянин-земледелец, жило исключительно своими частными интересами, игнорируя общегосударственные интересы»⁴⁴. Когда в 70-е гг. иностранные поселенцы были полностью уравниены в правах и обязанностях с остальным населением, они испытали культурный шок. Длительное пребывание иностранных поселенцев под опекой государства оказалось со стороны последнего «медвежьей услугой». За столетие пребывания на новой родине колонистам не удалось полноценно интегрироваться в русскую жизнь. В исторической перспективе это отрицательно сказалось на судьбе российских немцев, так и не успевших стать для сограждан до конца «своими». Трагическая судьба народа в XX столетии явилась зримым подтверждением этого факта.

¹ Селившимся в городах этот срок был сокращен до десяти лет, а для обосновавшихся в прибалтийских провинциях, Москве и Санкт-Петербурге – до пяти. См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 11880; История и статистика колоний иностранных поселенцев в России // Журнал Министерства государственных имуществ. 1854. № 8. С. 40.

² См., например: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 18. Л. 17.

³ Так в XVIII – XIX вв. называли казахов.

⁴ Ныне железнодорожная станция в Красноармейском р-не Саратовской обл.

⁵ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 10. Л. 184 – 185; Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 272.

⁶ Ныне в Ровенском р-не Саратовской обл.

⁷ Т. е. стоявшей до этого командой Молдавского гусарского полка.

⁸ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 10. Л. 283 об – 284.

⁹ Ныне с. Бутковка Камышинского р-на Волгоградской обл.

¹⁰ Там же. Д. 16. Оп. 1. Д. 192 об.

¹¹ Ныне с. Советское в одноименном р-не Саратовской обл.

¹² Там же. Д. 15. Л. 48 – 48 об; Д. 16. Л. 243 об - 244.

¹³ Там же. Д. 15. Л. 158 об – 159, 262 об – 263.

¹⁴ Там же. Д. 16. Л. 608 об – 609.

¹⁵ Ныне районный центр Советского р-на пос. Степное.

¹⁶ Там же. Л. 177 об; 297 об - 298.

¹⁷ Не существует с конца XVIII в. Располагалась на р. Нахой близ впадения ее в р. Б. Караман, в двух километрах от Отроговки (Степное).

¹⁸ Там же. Л. 178 об – 179, 298, 320.

¹⁹ Там же. Л. 383 об – 384, 462 – 462 об.

²⁰ Там же. Л. 309 – 309 об.

²¹ Там же. Д. 20. Л. 130.

²² Там же. Д. 21. Л. 363 об.

²³ Ныне районный центр Саратовской обл. г. Энгельс.

²⁴ Там же. Л. 47 об, 56, 60, 77; Государственный архив Астраханской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 1 – 11 об.

²⁵ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 23. Л. 268.

²⁶ Там же. Л. 274 – 274 об.

²⁷ Екатериненштадт – ныне районный центр Саратовской обл. г. Маркс.

²⁸ Для охраны соляного промысла на оз. Эльтон (ныне на территории Волгоградской обл.) командировались военнслужащие квартировавших в регионе полков русской армии.

²⁹ Не существует с конца XVIII в.

³⁰ Там же. Л. 304 - 304 об.

³¹ Село Крутойровка Советского р-на Саратовской обл. прекратило свое существование в 90-е гг. XX в.

³² Там же. Д. 30. Л. 451 – 452 об.

³³ Бытовавшее среди славянского населения название колонии Отроговки. Речка Грязнуха – левый приток р. Б. Караман на границе Энгельсского и Советского р-нов Саратовской обл.

³⁴ Там же. Д. 43. Л. 291.

³⁵ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 42. Л. 4 – 4 об; Аннотированная опись дел Саратовской конторы иностранных поселенцев. Т. 2. М., 2002. С. 50.

³⁶ Натруска – «крожок, небольшая порошничка для насыпки порошу на полку» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.–М., 1882. Т. 2. С. 385).

³⁷ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 43. Л. 189.

³⁸ Там же. Л. 430 – 430 об; Плешаков И. Н. Император Павел I: «Через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, по ней лежащие» // Военно исторический журнал. 2007. № 12. С. 48 – 51.

³⁹ Там же. Д. 45. Л. 93 об – 94, 102.

⁴⁰ Ныне в Камышинском р не Волгоградской обл. См.: Там же. Д. 76. Л. 148 – 148 об.

⁴¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12258. Л. 72 – 72 об.

⁴² Ныне в черте г. Волгограда.

⁴³ См.: Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 141. Л. 427 427 об. В документе 2-я гусарская дивизия сначала ошибочно названа 2-гренадерской, а потом 1-й гусарской. См. также: Плешаков И.Н. Гусарская быль // Волга XXI век. 2008. № 1 – 2.

⁴⁴ См.: Саратовский дневник. 1887. 2 декабря.

Экологическая целесообразность природопользования немецких колонистов второй половины XVIII – начала XIX в. (на примере поселения Сарепта)

Человечество за сравнительно небольшой период достигло грандиозных успехов в различных областях знания, благодаря чему появились уникальные достижения в науке и технике. Однако по-прежнему необоснованно мало уделяется внимания такой сложной и противоречивой проблеме, как взаимодействие человека с окружающей природной средой и их последствия.

Возможно, это связано с недостаточной зрелостью современного общества, которое многие глобальные проблемы воспринимает, как нечто абстрактное и не существенное. Однако в связи с наступлением информационной эпохи, способствующей интеграционным процессам, нивелировке пространства и времени, сжатию мира, стираются географические границы и объединяются люди всех континентов, а их проблемы, приобретая глобальное измерение, становятся первоочередными.

Возможно, что при решении экологических вопросов, чаще всего имеющих трансграничное измерение, приходит понимание их комплексного характера, необходимости консолидации сил всех стран и ученых всего мира для их успешного преодоления.

Но в любом случае эта проблема относится к числу приоритетных, так как с ее решением связано будущее всего человечества.

Одним из аспектов взаимодействия человека с окружающей средой является противоречивый характер развития экономики и экологии, следствием которого являются процессы деградации природных экосистем, с одной стороны, и сдерживание развития экономики с другой.

Предложенная в 1992 г. «Концепция устойчивого развития», к сожалению, не была ориентирована на коэволюцию экономики и экологии, поэтому не смогла обеспечить человечеству приемлемый путь решения экологических проблем. Сегодня становится очевидным необходимость экологизации экономики - сложного, длительного процесса, предполагающего формирование нового мировоззрения, новых норм поведения людей, переоценку существующих приоритетов, без чего невозможно обеспечить переход к новой модели цивилизации. Человечество наконец-то должно осознать, что прогресс, сопровождающийся разрушением окружающей среды, в конечном итоге обернется серьезным кризисом, способным привести к уничтожению цивилизации. Поэтому любой успех в развитии экономики должен соотноситься с состоянием окружающей среды, и лишь гармоничное развитие этих важнейших условий существования человечества могут расцениваться как истинный шаг к прогрессу.

В этой связи возникает очень сложная задача: в короткие сроки, отпущенные человечеству, найти приемлемую модель гармоничного развития с природой. Одним из путей решения столь важной проблемы является изучение традиций успешного природопользования различных народов, хозяйственная деятельность которых изначально была экологичной. Благодаря этому им удавалось достичь высокого уровня духовного и экономического развития на фоне сохранившейся природной среды. Нельзя не согласиться с мнением А.Т. Горяева «о необходимости коррекции наших взглядов на место национальных традиций в поступи движения общества, преодоления стереотипных суждений об изначальной консервативности характера традиционных реформ»¹.

Примером такой модели может служить природопользование немецких колонистов Сарепты, оказавшихся в период правления Екатерины II в суровых климатических условиях Нижнего Поволжья и, тем не менее, сумевших организовать свою экономику таким образом, что позволило им достигнуть высоких экономических показателей и при этом не нарушить экологического равновесия в регионе. Немцы, поселившиеся на р. Сарпа, были прекрасными мастерами, обладавшими навыками разнообразных ремесел. В результате из небольшого поселения им удалось создать довольно крупный промышленный центр. Отсюда впоследствии распространились ткацкое и табачное производства, впервые в Поволжье были созданы свечной и мыльный заводы, а горчица, производимая в Сарепте, была известна всей стране. Сарепта имела особый статус не только как культурный и религиозный, но и как высоко развитый экономический центр.

Истории российских немцев посвящено достаточно много работ, в которых подробно изложена процедура приглашения колонистов², проанализированы законодательные акты, регулирующие правовую сторону поселенцев, описаны их традиции и обычаи³, рассмотрена миссионерская деятельность⁴.

Обобщающие работы с обширной библиографией и текстами документов различного характера, а также описанием особенностей становления хозяйства колонистов⁵, их социально-экономического развития⁶ появились только в конце XX–нач. XXI в.

Духовная жизнь сарептян анализируется в монографии Н.Э. Вашкау⁷, в которой рассматривается структура школьного образования и ее место в системе духовных ценностей. Особенности быта, традиций и их культуры, характеристика конфессиональной принадлежности изложены в работе М.А. Рыбловой и В.В. Когитина⁸.

Однако работ по изучению модели природопользования немецких колонистов Нижнего Поволжья, в отечественной историографии недостаточно.

Опубликовано исследование О.А. Аверьянова «Особенности природопользования колонистов Сарепты (XVIII–XIX вв.)»⁹, в котором автор утверждает: «сарептяне создали искусственное местообитание, при этом превалировала переделка природного ландшафта, а не приспособление к нему»¹⁰. Если исследователь

исходит из того, что особенности природопользования колонистов Сарепты заключаются «в переделке природного ландшафта, а не приспособления к нему», то абсолютно нелогичным кажется вывод, предложенный автором в конце статьи: «Похоже сарептяне реализовали ценности культурно-экологической парадигмы, о создании которой так много пишут в последнее время»¹¹.

Следует напомнить, что ценности культурно-экологической парадигмы связаны, прежде всего, с формированием экологического сознания и экологической культуры, способной направить деятельность человека на гармонизацию с природой, обеспечить сбалансированное развитие экономики и экологии, а также безопасность общества. Реализация данной задачи на современном этапе развития предполагает движение к качественно новому состоянию общества, способному поддержать устойчивое развитие. Усилия по реализации этой концепции переведены в ранг государственной и межгосударственной политики.

«Экологическая политика призвана быть искусством возможного, т.е. осуществлять оптимальное соотношение между различными интересами, ...может касаться разнообразных сторон человеческой деятельности, может быть направлена на сохранение той или иной экосистемы или биосферы в целом... Национальная экологическая политика, не связанная с глобальной экологической политикой, обречена в конечном итоге на неудачу. Все страны призваны прилагать усилия для предотвращения разрушения природной среды»¹².

Напротив, «переделка природного ландшафта», о которой упоминает О.А. Аверьянов, далеко не соответствует культурно-экологической парадигме хотя бы потому, что с этим связано угнетение природных экосистем, а значит их деградация.

«Ландшафт – это общий вид местности, в пределах которого горные породы, рельеф, климат, воды, почвы, растительность и животный мир образуют взаимосвязанное и взаимообусловленное единство»¹³. Поэтому следствием переделки ландшафта неизбежно становится нарушение его единства, и такой ландшафт обречается на разрушение.

Длительное время усилия людей были направлены на переустройство окружающего мира с целью удовлетворения потребностей человека. Преследуя только прагматические цели при использовании и переделке природы, человечество стремительно стало приближаться к глобальному экологическому кризису, пути выхода из которого и обеспечение безопасности являются приоритетной задачей нашего времени. Такой подход к природе оказался губительным не только для природы, но и для человека, «ибо сбрасывает со счета духовно-нравственные основания человеческого отношения к природе, равнодушно отодвигает и цинично попирает ценностно-смысловые пласты этого отношения, питающие то глубинное чувство к природе, без которого нет человека»¹⁴.

Скорее, следует обратить внимание на экологическую целесообразность экономики сарептян и их экологическую мудрость, которую они проявили при

обустройстве своей колонии, приспособляясь к условиям климатических особенностей Нижнего Поволжья. Обоснованию этого предположения и посвящается данное исследование.

Во второй половине XVIII в. Российская империя проводила активную колониальную политику в освоении юго-восточных и южных территорий. В частности, 4 декабря 1762 г. был подписан Манифест, позволяющий иностранным гражданам заселять районы Нижнего Поволжья. Однако этот документ носил декларативный характер, поэтому позднее 22 июля 1763 г. Екатерина издает новый Манифест, определяющий юридическую основу колонизации земель в России. Переселенцы, селившиеся колониями, получали свою «внутреннюю юрисдикцию и торговые льготы»: избавление от всех податей, налогов и всякого рода повинностей на 30 лет, свободную беспошлинную торговлю в течение 10 лет, самостоятельное управление посредством выборных судей, финансирование переезда, беспроцентные кредиты на 10 лет для обустройства на новом месте и пр.¹⁵

Одними из первых на призыв Российского правительства откликнулись потомки Моравских братьев – гернгутеры (по названию местечка Гернгут в Саксонии) – члены религиозно-экономической ассоциации, составляющей один из видов протестантизма. Для них колонизация земель не являлась самоцелью, а более всего привлекала возможность миссионерской деятельности.

На основании поданного прошения гернгутеров, Екатерина II Указом от 11 февраля 1764 г. разрешила братьям «свободно отправлять свою веру и принимать присягу по своим обычаям»¹⁶. Кроме того, государыней были утверждены «Правила для поселения в России братства евангелического общества», состоящие из 11 параграфов, по которым разрешались «мещанские промыслы, торговля, всякое ремесло и художество, заводить фабрики и мануфактуры: варить пиво и курить вино для своего употребления; строить мельницы, пользоваться рыболовными водами и охотой на зверей и птиц, рубить лес и т.д.»¹⁷. Канцелярия опекунства иностранных прибавила еще один параграф о податях, пошлинах и акцизах.

На основании этого перечня прав и обязанностей в августе 1765 г. прибыли первые братья, которые «для изыскания земли под братское учреждение, особливо желали, чтобы на оной были хорошие ключи, река, несколько лесу с пахотной землей и лугами и в своих намерениях нарочито преуспели»¹⁸. После долгих колебаний решили основать колонию в том месте, где р. Сарпа впадает в Волгу. До заселения гернгутеров здесь была безлюдная бескрайняя полупустынная степь с землей, потрескавшейся от жгучих лучей солнца, с редкой, едва покрывавшей почву растительностью из ковыля и приземистой полыни.

За очень короткий срок они сумели адаптироваться к особенностям местного резко континентального климата, и уже в начале XIX в. «Сарепта, залитая зеленью и цветами, представляла своего рода оазис среди пустыни». Ближайшие окрестности вокруг колонии «с безотрадными в летнее время до тла выжженными степями

между Царицыным и Астраханью» составляли «разительный контраст чистенькой, уютной, свежей Сарепты»¹⁹.

Основные положения Указа относительно переселенцев выполнялись безукоризненно, поэтому С.Г. Гмелин, посетив селение колонистов в Сарепте, в своих дневниках оставит следующее воспоминание: «им дозволяется везде, где они поселятся всеми пользоваться гражданскими правами, торговать, производить всякие рукоделия и ремесла, заводить по своему изволению фабрики и мануфактуры, для собственной своей нужды и для проезжающих, варить пиво, гнать вино, всякие строить мельницы, в своих дачах ловить рыбу, охотой и правом лесов без всякого исключения равномерно, как и дровами пользоваться свободно. Никому не дозволяется на их земле нигде строиться, ставить для продажи пиво, вина и водки, питейные дома, отправлять рукоделия, селиться или там жить, разве то сделано будет с собственного согласия»²⁰.

Радуюсь успешным ходом хозяйственных заведений, просвещенным трудолюбием и добрыми нравами жителей Сарепты, Екатерина Великая даровала им многие права и преимущества, которыми другие колонии не пользовались и которые «означены в Высочайшей грамоте, подтвержденной как покойным Государем Павлом I, так и нынешним Императором»²¹.

Братья, согласно закону, получили полное самоуправление без всякого вмешательства со стороны чиновников. Они находились под покровительством избранного ими попечителя – астраханского губернатора. Канцелярия опекунства иностранных не имела власти над поселением братства²².

Климатические и природные условия в этом регионе действительно были суровыми. По сведениям Г.С. Гмелина «...на этой земле и особенно вблизи Сарепты имеются большие непригодные куски, или так называемые соляные источники, которые не только непригодны для земледелия, но из-за находящихся на них оврагов или буераков, которые за последние несколько лет очень увеличились весной при таянии снега и постоянно распространяются дальше, что со временем может быть опасно для данной местности»²³.

П.С. Паллас при посещении Сарепты отметил неудовлетворительное состояние земель: «земля оных весьма солена, и почти ничего не производит, кроме изрядных повсюду рассеянных соленых растений...». И далее «Но по сухости того места ничего невозможно ожидать от земледелия, и хлебопашества...Земля ...худая для пашни, и почва ее по большей части суха и солена, и в обыкновенные здешние летние засухи никаким образом лучшей и плодороднейшей быть не может»²⁴.

Наиболее полное описание климата Нижнего Поволжья с его характерными признаками отмечены в книге «Россия: полное географическое описание нашего Отечества» под редакцией профессора В.П. Семенова-Тян-Шанского. «Зима здесь наступает в первых числах ноября, чаще всего со снегом и морозом от 5 до 10 градусов. Оттепели случаются редко, и постепенно от декабря к февралю мороз усиливается до 25–30 градусов. В середине, а иногда в начале апреля, наступает

резкое потепление, и масса снега за короткое время исчезает... Начинается короткая, но зато превосходная весна. Растительность быстро развивается, к середине мая наступает жара, достигающая к концу июля иногда 30 градусов. К тому же, в Поволжье часто отмечалось повышенное атмосферное давление. Зной становится невыносимым еще и за счет иссушающих восточных и юго-восточных ветров с высокой температурой воздуха, своей сухостью они губительно действуют на растительность края»²⁵.

Лучшим временем года здесь считается осень, которая наступает в первых числах сентября и продолжается нередко до середины ноября. В это время часто выпадали дожди, которые придавали степи новую свежесть и препятствовали образованию существовавших летом пыльных бурь²⁶.

Безусловно, суровый климат Поволжья оказался тяжелейшим испытанием для колонистов, тем более что они были выходцами из мест с умеренным мягким климатом. Поэтому обстановка, с которой им пришлось столкнуться при организации своей экономики, оказалась для них экстремальной. Однако в первые годы заселения и адаптации братья предпринимают попытки развития различных отраслей с целью определения наиболее успешных и перспективных для местных условий.

Одним из основных занятий традиционно считается земледелие, но земля в Сарепте оказалась мало пригодной для хлебопашества. Безусловно, можно было перейти к экстенсивному способу ведения хозяйства и расширить пахотные земли, как это было в России, где крестьяне пахали где, кто и сколько хотел. Однако бережливые сарептяне, осознавая, что селятся на века и, заботясь о будущем колонии, попробовали приспособиться к отсутствию плодородной почвы по-своему. Чтобы снизить нагрузку на почву и получить достаточный для выживания урожай зерна, они «ввели пятипольный севооборот»²⁷. Но и эта мера не привела к желаемому результату, так как каждый третий год по статистике был засушливым, поэтому затраты на посев и сбор урожая не оправдывали себя²⁸. Гмелин С.Г. писал: «хотя об оном весьма стараются в селении однако опыт показывает, что оно во время переменной и сухой погоды не может быть довольным средством для пропитания земледельца»²⁹.

Несколько неудачных попыток, когда в течение ряда лет урожай едва возвращал семена, привели к тому, что хлеб колонисты стали выращивать исключительно для собственных нужд³⁰.

Природные условия Поволжья благоприятствовали развитию скотоводства, постепенно ставшим необходимой отраслью хозяйства колонистов. Однако и здесь им пришлось столкнуться с трудностями, связанными с ограниченной возможностью заготовки сена на степных землях засушливого края и конкуренцией со стороны кочевников. Попытки заниматься животноводством в широком масштабе не оправдались с одной стороны, из-за часто свирепствующей «скотской чумы», особенно опасной для большого стада, поэтому их содержание было со-

пряжено с большим риском, а с другой стороны, из-за конкуренции кочующих вокруг Сарепты племен с многочисленными стадами, что резко снижало цены на продукцию животноводства. Именно поэтому занятие скотоводством было ориентировано преимущественно на разведение мелкого скота (овцы, козы, свиньи) для собственного потребления. Предприимчивые колонисты добиваются повышения урожайности кормовых трав путем использования системы орошения, для чего в низовьях были построены плотины, куда бережно собиралась вся талая весенняя вода, которая хорошо увлажняла землю и способствовала росту сочных трав. Таким образом скот обеспечивался высококачественным сеном в зимний период. Благодаря этому стало возможным содержать «весьма хороший общественный коровий завод, где держат также скотину на убой назначаемую, и на особо построенном дворе с успехом разводят чистой породы мериносов»³¹. Рациональный подход ведения хозяйства позволил колонистам приспособиться к климатическим условиям степной зоны, создав эффективную систему орошения и превратив скотоводство в успешный вид хозяйственной деятельности.

Одновременно со скотоводством, колонисты освоили садоводство, чему способствовало большое число солнечных теплых дней в году. Однако суровый климат с глинистой малоплодородной почвой позволяли выращивать только определенные сорта плодовых деревьев, адаптированных к местным условиям, а для получения обильного урожая требовалось искусственное орошение. С этой целью на реке Сарпе была возведена плотина на дубовых сваях. Талые воды по весне стекали в водохранилище, и их обычно хватало на все лето для полива садов, разведенных на 25 десятинах земли по обоим берегам реки. Полив происходил с помощью водоподъемных машин, приводимых в действие лошадьми.

В садах, кроме огородных растений, разводили табак различных сортов, оказавшийся очень выгодной культурой для местных условий: урожай составлял до 75 пудов с десятины. Выращивалась в садах простая и перечная мята, из которой получали целебные и очень полезные масла, а у доктора был заведен даже особый аптекарский сад, где высевались многие лечебные травы³².

Жители Сарепты предпочитали наиболее засухоустойчивые и поливные культуры в интересах промышленного производства, для которого сырьем служили сорго, табак, садовые и бахчевые культуры. Так из сорго производили сахар, табак - перерабатывали на махорку и сигары, из арбузов варили арбузный мед, успешно использовавшийся для выпечки знаменитых медовых сарептских пряников. Сарептские арбузы, которые перевозились по Волге в специальных корзинах, составлялись на царский стол³³.

С первых дней своего пребывания в Сарепте колонисты стремились озеленить свое поселение, для чего использовали местный посадочный материал черного тополя, дуба, березы, вяза обыкновенного, ивы различных видов, черемухи, жимолости и др. Позднее были завезены сорта из других районов, и они, благодаря усилиям колонистов, успешно прижились в условиях Нижнего Поволжья. Де-

ревя высаживались вдоль улиц, на приусадебных участках, а также вокруг садов, создавая лесозащитные полосы для сохранения урожая. Необходимо отметить и бережное отношение сарептян к естественным лесам, произрастающим в урочищах Волги. Лесные массивы здесь редки, поэтому каждое дерево было буквально на счету. Для сохранения леса на рубку ежегодно отводился лишь определенный участок, а нехватка дров компенсировалась за счет закупки их со стороны³⁴.

Благодаря своему трудолюбию, колонисты стали выращивать виноград, несмотря на неблагоприятные почвенно-климатические условия, по которым территория считалась зоной рискованного виноградарства³⁵.

Тем не менее, адаптируясь к местному климату, виноградари Сарепты нарабатывали свои собственные приемы ухода за виноградом и добились отменных урожаев, удовлетворявших потребности сарептян в вине и столовом винограде³⁶, и даже превратили товарное виноградарство в рентабельную самостоятельную отрасль сельского хозяйства. Сарептские виноградари заложили собственные традиции по уходу за лозой, переработке и хранению продукции, увеличили ассортимент посадочного материала, совершенствовали агротехнику, развили частное виноградарство. Они продавали свою продукцию не только в колонии, но и вывозили на ярмарки в города Поволжья, Москву, Санкт-Петербург³⁷.

Однако не все начинания и замыслы были успешными. Так попытка выращивания тутовых деревьев в местных условиях оказалась несостоятельной. Продолжительные морозы зимой и сильная засуха в летний период неблагоприятно отразились на росте тутовника, поэтому производимый шелк был низкого качества, а его реализация не позволяла покрыть даже издержки производства. Поэтому занятие шелководством было признано бесполезным и неосуществимым предприятием³⁸. Однако следует упомянуть, что Экономическое Общество наградило медалью неутомимого Конрада Нейтца за рассадку тутовых деревьев и разведение шелковых червей. Он «имел терпение насадить своими руками тутовые деревья, развел на них шелковых червей, собрал шелк и обработал его, а достойная его супруга окрасила, выпряла и выткала из сего шелка ленты»³⁹.

Не окупилось и начатое овцеводство с калмыцким и малороссийским скотом, так как полученная шерсть была слишком грубой, а коневодство оказалось нерентабельным из-за конкуренции калмыков⁴⁰.

Колонисты вскоре убедились, что Сарепта может существовать не за счет сельского хозяйства и скотоводства, а только благодаря своим ремеслам, фабрикам и торговле.

По почину Императорского Вольного Экономического Общества в Сарепте были произведены первые попытки по акклиматизации горчичного семени в России. Опыты дали блестящие результаты⁴¹. Но этот успех, как и в других случаях, пришел не сразу: в течение 15-ти лет преодолевались трудности по акклиматизации горчичной культуры. Колонисты настойчиво искали и подбирали оптималь-

ные условия для выращивания горчицы, и в результате эта отрасль не только стала успешной, но и принесла славу Сарепте.

В 1798 г. сарептянин Конрад Нейтц открыл очень рентабельный способ переработки горчицы и первым в Поволжье с помощью ручных аппаратов для выделки семени получил столовую горчицу, имеющую большой спрос. Вскоре было налажено производство горчичного порошка и масла, «не уступающее ни вкусом, ни чистотой лучшему оливковому», причем технология изготовления постоянно совершенствовалась. Так, помимо паровых машин, на заводе были установлены механические терки для окончательного отшелушивания горчицы, построен веяльный очистительный аппарат, установлен маслоцедильный прибор с использованием гидростатического давления и др.⁴² Модернизация производства сказалась на повышении качества продукции, спрос на которую и без того был велик по всей стране.

Среди приехавших колонистов были мастера и ткацкого промысла. Они организовали и развили текстильную промышленность в общине, достигшей своего расцвета в начале XIX в. К этому времени в Сарепте насчитывалось 28 предприятий с 25 ткацкими и 12 вязальными станками⁴³, причем такие отрасли, как ткацкое, суконное, чулочное-вязальное, красильное, прядильное, приносили общине значительный доход.

Высоко ценилась ткань, производимая в Сарепте, и получившая название «сарпинка». Она славилась не только своими высокими потребительскими свойствами, но и относительной дешевизной. Изготавливалась «сарпинка» из хлопчатобумажной ткани, а ее качество зависело от добавления льна и шерсти. К сожалению, вскоре она была вытеснена с рынка, так как в Россию стала поступать английская машинная пряжа, обходившаяся дешевле ручной «сарпинки»⁴⁴, но более низкого качества. Однако это производство было продолжено предприимчивыми и энергичными купцами, которые наладили изготовление сарпинки в других колониях. По официальным данным в 1866 г. существовало уже 69 сарпиночных фабрик. Сарпиночное производство благотворно влияло на развитие других колоний: способствовало росту благосостояния колонистов и даже преобразило внешний вид колоний⁴⁵.

Помимо этого, сарептские мастера, несмотря на все затруднения в создании и обслуживании фабрик, организовали шерстяную и суконную мануфактуры для изготовления высококачественной продукции из шерсти испанских и персидских тонкорунных овец, а овечья шерсть местных пород (калмыцкой, казахской, русской) использовалась только для производства грубого крестьянского сукна. Пользовались большим спросом вязаные платки, шали из ангорской шерсти и многие другие изделия, связанные мастерицами Сарепты. Производили сарептские ткачи и полушелковое полотно, для которого шелк выписывался из Италии⁴⁶, а также бумажные и льняные разноцветные материи «весьма хорошей доброты, и продают их по цене довольно высокой и постоянной»⁴⁷.

Колонисты, обустроиваясь на новом месте, старались использовать все доступные ресурсы сарептской земли. В условиях дефицита древесины ими были предложены, а затем и отработаны, новые технологии строительства домов: из местного камня, глины, кирпича⁴⁸. Из глины, добываемой на берегах Сарпы, поселенцы делали прочный кирпич для строительства домов, «который они здесь сами обжигали и который очень хороший и прочный»⁴⁹. На берегах Волги собирали «дикий» камень, используемый ими для сооружения жилых и хозяйственных построек⁵⁰.

Трудолюбивые колонисты, казалось, из всего могли извлечь пользу. Многие жители Сарепты были награждены медалями за добывание клея из моха; за производство поташа из травы, растущей на солончаках; за посев китайского пшена; за выращивание земляного миндаля⁵¹. Путешественник Н. Лендер, побывавший в Сарепте, упоминает «Сарептский» бальзам, который настаивали на 20 видах степных трав и винном спирте: «... крошечная, красиво распланированная колония с рядами маленьких белых домиков, с аллеями тополей, с заводами и виноградниками. Вокруг расстилается унылая степь, поросшая местами особыми видами темно-зеленых степных трав, из которых колонисты научились делать очень вкусный, ароматный бальзам»⁵². Его разливали в глиняные бутылки и использовали в качестве лекарства от многих болезней. Этот бальзам пользовался большим спросом по всей России⁵³.

Деятельность колонистов была очень разносторонней. Мастера-ремесленники Сарепты наладили производство плугов, веялок, саней, телег, колес; из прутьев плелись корзины, из соломы – шляпы, из липовой коры – рогожа и лапти. Бондари славились не только тем, что успешно делали бочки, но и великолепную посуду, выдолбленную из дерева. Сарептские мастера ткали шелковые головные платки, которые покупали местные старообрядцы, считавшие «нечистыми» вещи, изготовленные на фабричных механических станках. Затем они перешли на тканье хлопчатобумажных платков, изготавливали бумажные чепцы, платки и чулки⁵⁴.

В лавках для продажи можно было встретить все необходимые товары для калмыка, немца, русского крестьянина, донского казака, татарина, малороссиянина, путешественника, художника, купца и ученого⁵⁵. Богатейший пример для изучения спроса населения на необходимые товары!

Так осторожно, шаг за шагом, не принося вреда окружающей среде, сарептяне создавали собственную хозяйственно-сырьевую структуру. Накопив первоначальный опыт по адаптации к местным климатическим условиям, колонисты смогли очень выгодно реализовать его и развить именно те отрасли хозяйства, которые оказались наиболее успешными для данного региона.

Поэтому уже в начале XIX в. отмечается стремительный экономический рост в Сарепте, где находились лучшие сады, виноградники, бахчи, огороды Поволжья, и даже выращивались персики.

«Дома на главной площади и улицах преимущественно каменные, двухэтажные, крытые железом. В каждый дом проведена вода желобами... Магазины, склады их и фабричные заведения в лучшем состоянии... костел, школы мужского и женского пола – и все это находилось в лучшем виде и отличной чистоте»⁵⁶.

Отличились колонисты и своей миссионерской деятельностью. «Шмидт перевел на калмыцкий язык весь Новый Завет и составил словарь; Нейц и Гамель предприняли опасное путешествие в Кавказские горы для проповедания Евангелия хищным лезгинцам и осетинам»⁵⁷.

Их деятельность была настолько успешной, что привлекала к себе не только путешественников, приезжавших полюбоваться на «чудо-республику», но и самого императора Павла I, подписавшего грамоту о выдаче дополнительных льгот «не только утвердить все их прежние права и преимущества, но для возбуждения в них вядашей ревности к трудолюбию и продолжению начатых ими полезных заведений, и для внушения охоты к подражанию и в прочих иностранных поселениях даровать еще и новые выгоды..., позволять развить из колонии для вольной продажи по всем российским городам»⁵⁸.

Согласно этой грамоте, сарептяне получали право на реализацию своей продукции во всех городах Поволжья и даже столицах, поэтому о конкуренции не могло быть и речи.

Успешное экономическое развитие Сарепты отвечало не только интересам колонистов, но и «способствовало процветанию всего края»⁵⁹.

Это поселение заметно выделялось своей уникальностью на фоне других немецких колоний. Все переселенцы на первом этапе столкнулись с рядом серьезных трудностей: неподготовленностью места к поселению, нехваткой строевого леса, непривычным климатом, неурожаями, болезнями, многочисленными набегами кочевников, разорениями повстанцами Пугачева и т.д. И, тем не менее, только Сарепта в начале XIX в. получила особый статус в экономической, религиозной и культурной сферах.

К концу 60-х годов XIX столетия число колоний на Волге возросло до 189 с населением около 300 тыс. переселенцев. Население Сарепты составляло всего 193 человека на начало 1775 г. и на 1 января 1865 г. в среднем там проживало 500 человек⁶⁰, однако они сумели спланировать свою экономику и организовать хозяйство таким образом, что позволило достигнуть им поистине феноменальных успехов.

Это необычное явление исследователи толкуют по-разному. По мнению Гервига Хафа, своему существованию и процветанию Сарепта обязана, главным образом, религиозному содержанию деятельности⁶¹. Иной точки зрения придерживается А.К. Клаус, считавший, что именно религиозно-миссионерская деятельность колонии стала тем тяжелым балластом, который способствовал постепенному упадку Сарепты и, в конечном счете, ее полному распаду⁶². Солидарен с ним Я.Е. Дитц, утверждавший, что религия не помешала сарептянам сделаться

эгоистами... эгоизм и изолированность Сарепты загубили не только ее промышленность и торговлю, но и саму религиозную общину. Сарепта, по мнению Я.Е. Дитца, представлялась исключительным явлением до тех пор, пока Россия не встала «на путь экономического и гражданского прогресса, Сарепта оказалась старым пережитком, анахронизмом, аномалией. Общинный строй Сарепты порабощал личность и препятствовал индивидуальному развитию отдельных своих членов»⁶³.

А.И. Велицын отмечает, что своим «богатством и преуспеванием они обязаны заботам и умелой опеке о них нашего правительства»⁶⁴.

Нельзя отрицать, что указы Екатерины II и ее постоянное внимание к поселенцам помогли им обустроить свое хозяйство в этих местах, но уравнивание прав колонистов с русскими крестьянами не стало катастрофой для сарептян. В случае пожаров и других бедствий (набеги кочевников) Гернгут оказывал общине своевременную финансовую помощь.

Принимая во внимание существующие точки зрения, следует признать, что расцвету колонии способствовали многие факторы, в том числе этнокультурные особенности жизни сарептян. Среди них необходимо выделить:

- жесткую централизацию власти в руках представителя духовенства;
- развитие преимущественно тех отраслей экономики, которые могли стать рентабельными в климатических условиях региона;
- целостность сообщества, объединенного единой мировоззренческой парадигмой;
- поощрение культурного и духовно-нравственного развития населения, определившее экологическую целесообразность деятельности сарептян.

В справедливости данного вывода убеждаешься при сравнении экономического и духовного развития колонии Сарепты с другими немецкими поселениями периода адаптации второй половины XVIII в. – начала XIX в.

За период с 1763-го по 1766 г. в Поволжье, согласно Манифесту Екатерины II, прибыло 22800 человек, не считая гернгутеров, водворенных в Сарепте⁶⁵. С момента вербовки колонисты находились под управлением Канцелярии опекунства иностранных и ее Конторы в Саратове⁶⁶, в компетенцию которой входило распределение и управление ими с помощью подчиненных окружных комиссаров, непосредственно регулирующих доходные хозяйственные функции. Причем внутренний распорядок жизни колонистов оставался в юрисдикции самих переселенцев и зависел от руководства колонии и выработанного им устава. Однако на деле Канцелярия всегда произвольно распоряжалась всей жизнью колонистов, не различая внутренней от внешней юрисдикции⁶⁷.

В первые десятилетия освоения края в колониях сложилась непростая обстановка, связанная с отсутствием компетентного единого руководства. В то время как колонистам необходимо было четкое, плановое управление, они оказались, с одной стороны, под властью русских управленцев: до 1782 г. Канцелярии

опекунства иностранных, а с 1797 г. – Саратовской конторы Опекунства иностранных, и неустойчивой слабой властью духовенства – с другой.

Чиновники, управляющие колонистами, исходили не из их интересов, а с учетом собственной выгоды. Автор книги «Наши колонии» – А. Клаус, состоявший чиновником Конторы, характеризует их «как самодуров, казнокрадов, корыстолюбцев, лихоимцев, взяточников»⁶⁸. Поэтому еще до прибытия к месту назначения переселенцы были полностью разочарованы, а на местах «не оказалось ни обещанных домов, ни провизии, ни даже возможности добыть себе необходимое для пропитания». Халатность и беспечность чиновников надолго задержало нормальное развитие колоний. Кроме того, чиновники даже не позаботились о выполнении Указа 1764 г. о поселении людей одной веры в одну колонию, поэтому нередко разноверцы вынуждены были жить рядом в одной колонии. Так в колонию Елшанка поселили православных, католиков и протестантов. Понадобилось несколько десятилетий для того, чтобы в колониях оказались люди одной религии. Избрание голов и форштегеров сопровождалось взятками, назначение писарей производилось за установленную плату. Корысть чиновников проявлялась при всяких предприятиях и сделках, подлежащих санкции Конторы: покупка домов, садов и пр. И все это проделывалось при содействии местных колониетских начальников. Поэтому головы и писари играли в колониях роль неограниченных деспотов и самодуров⁶⁹.

В течение длительного времени в Поволжских колониях ощущался дефицит пасторов. Каждый из них обслуживал по 10 общин и мог проповедовать в одной колонии не чаще 5 раз в году, поэтому прихожане были предоставлены сами себе. По причине недостатка пасторов, в обязанность которых входило не только управление церковью, но и влияние на нравы и образ жизни колонистов, их заменяли шультейстеры, бывшие одновременно кистерами. Они не отличались нравственностью, не всегда были должным образом подготовлены к духовной деятельности, а иногда даже не имели образования⁷⁰. Это не могло не отразиться на духовном развитии первых колонистов, которых насильно, под угрозой штрафа и применения исправительных общественных работ, заставляли посещать церковь, слушать проповеди и поучения невежественных представителей духовенства, постоянно вводивших собственные новшества в проведение литургии⁷¹.

Долгое время евангелические церковные приходы колоний не подчинялись какому-либо вышестоящему органу и даже не были связаны друг с другом. Хотя в начале XIX в. уже была введена должность старейшины приходов, однако внутреннее устройство и порядок богослужений определялись приходами самостоятельно, а регулярных собраний пасторов вообще не проводилось.

Колонисты и пасторы представляли два разных мира, между ними царил полное непонимание. Пасторы, вынужденные по своему сану вести уединенный, скромный образ жизни, те же требования предъявляли и к колонистам.

В результате публичность празднеств была загнана в подполье и заменена скрытыми удовольствиями: пьянством, развратом, игрой в карты⁷².

Бывший начальник Саратовской Конторы иностранных поселенцев А.А. Клаус в своей книге «Наши колонии» резко осудил деятельность поволжского духовенства, за что и был уволен из министерства.

Такая ситуация была характерна для всех поселений, кроме Сарепты, куда в 1765 г. из Гернгута прибыл первый протестантский проповедник – пастор Яннет, к которому обращались за помощью в проведении богослужений многие общины. Поэтому в трудные кризисные годы адаптации к сложным климатическим условиям, колонисты Сарепты жили строго, согласно Уставу Евангелической общины Гернгута.

«Дух и характер нашей общины в тогдашнее время (конец XVIII в. – А.П.) был серьезный, далекий от вздоров и удовольствий. Взор был устремлен к небесной цели, и все были проникнуты желанием избегать не только вредного, но и ненужного... Духовные руководители общины применяли христианские меры воздействия к слабым душам...»⁷³.

Выдающейся чертой того времени А. Глич считал готовность служить, как и где бы это ни было, лишь бы с пользой. Причем многие службы велись бесплатно или за малое вознаграждение. Содержание стоящих на службе общины председателя, пастора, учителя, мастеров и т.д. было низким. Однако не было стремления что-то заработать для собственной персоны и стать богатым, удовлетворялись необходимым. Но при этом ни у кого из сарептян не возникало озабоченности, напротив они доверяли общине и были убеждены в том, что она не оставит в нужде никого, кто служит ей⁷⁴. Поэтому не было ни «одной семьи, которая бы томилась в нищете или в праздности, скиталась бы печально с сумою, или носила бы рубище, оскорбительное для человечества»⁷⁵.

Сарептянам была чужда ненасытная алчность к корысти под видом заботливой предусмотрительности, и желания оставить наследство своим детям⁷⁶. Они подходили к этому благоразумно и каждого ребенка обучали ремеслу или искусству, что является самым лучшим и надежнейшим наследством, которое попечительный отец или мать могут оставить своим детям. К чести сарептян следует отметить и тот факт, что за «полувековое существование общины не случилось между ними ни одного уголовного преступления»⁷⁷.

Маленькая Сарепта в конце XVIII в. была своеобразным духовным центром первых протестантских колоний Поволжья, где царил единый порядок и консолидация всех колонистов, благодаря устойчивой и признаваемой всеми идеи: веры в Бога и необходимости трудиться, чтобы быть угодным Всевышнему. Отсюда и прилежание в труде, предприимчивость и нововведения, так необходимые при обустройстве на новых землях и построении своей экономики, ориентированной на непривычные суровые условия региона. Все жители колонии неустанно труди-

лись. Правительство не разрешало мужчинам вступать в брак, если он не докажет, что обучен какому-либо ремеслу и может прокормить жену и детей⁷⁸.

Из воспоминаний К.И. Попова: «Колония эта существовала на особых правах противу других колоний. Ею заведовал собственно управляющий саратовской конторы иностранных поселенцев, а все распоряжения в колонии зависели от братского колониального общества»⁷⁹.

Население Сарепты делилось на корпорации, выполняющие разнообразные функции. Четкая специализация сарептян позволила им развивать ремесленное производство, наряду со скотоводством и земледелием.

Другие же немецкие колонии были основаны как исключительно земледельческие поселения. «Всякое иное, кроме хлебопашества, занятие было в загоне и допускалось лишь для преуспения хлебопашества и только параллельно с ним»⁸⁰. При этом 40% прибывших колонистов являлись представителями различных ремесленных профессий, но в силу узкой специализации хозяйства, многих из них заставили пахать землю и насильно сделали хлебоборобами, угрожая наказаниями. «Но импровизированные хлебопашцы из ремесленников сделались бременем для колоний, и их пришлось распустить в города для занятия своими специальностями и уплаты из заработков казенного долга»⁸¹. Однако дела их в городе шли плохо, и вскоре они присоединились к шайкам Пугачева. Таким образом следы ремесленной промышленности в колониях исчезли и они остались чисто земледельческими.

Земледелие в колониях долгое время влачило жалкое существование, когда же колонисты немного наладили свое хозяйство, наступили неурожайные годы. До 1775 г. колонии страдали от почти тотального неурожая, поэтому нуждались в помощи со стороны правительства. Урожаи наступили со следующего 1776 г., и тогда же появилась надежда на нормальное обустройство колоний.

Поволжские колонисты привезли в Россию трехпольную систему, плуг, косу и деревянную молотилку, увеличили ассортимент различных культур, высеваемых на полях, но улучшить культуру русского земледелия им не удалось. Более того, когда в 1782 г. по высочайшему указу были упразднены Канцелярия опекунства иностранных в Санкт-Петербурге и Саратовская контора, и колонии были переданы в общее управление с государственными крестьянами, они охотно переняли русскую общинную систему землепользования. К концу XVIII в. установилось разведение пшеницы, ржи, овса, ячменя и табака, а также овощей и бахчевых культур для собственного потребления.

Собственной промышленности в немецких колониях долгое время не существовало, поэтому там вскоре появилась дешевая рабочая сила. Этим обстоятельством воспользовались сарептяне и даже некоторые русские промышленники, которые перенесли отдельные отрасли в немецкие колонии, на которых трудились поселенцы.

С 1782 г. колонисты автоматически лишались всех привилегий, которые были им гарантированы при водворении. Кроме того, с наступлением 1794 г. истекал 30 летний срок со дня освобождения от податей. Поэтому поселенцы, доведенные до отчаяния, оказались в тяжелейшем положении. Среди них царили бедность и невежество. Для расследования сложившегося положения в колониях в 1802 г. была учреждена ревизия под руководством сенатора К. Габлица, который в отчете темными красками обрисовал неустройство и беспорядок и отметил, что колонии по стечению разных обстоятельств далеко не достигли того состояния, в каком бы они могли быть, «как по начальному от них положению, так и по великим суммам на обзаведение их определенным»⁸².

По результатам проверки вышел указ о выделении недостающей земли колонистам, а также выявлены злоупотребления чиновников Конторы опекунов иностранных и некоторые из них были преданы суду.

В колониях часто возникали межличностные и межнациональные конфликты, во многом осложнявшие налаживание хозяйственной жизни. Объяснялись они, прежде всего, разнообразным составом колонистов, которых набирали без учета социального и экономического положения, потребностей и интересов, отсутствием у них единых корней, так как многие колонии набирали из семей разной национальности, не связанных единой культурой и традициями. Например, голландца селили со швейцарцем, баварца с пруссаком, южного немца с северным, немца с французом, поляка с финляндцем⁸³.

Напротив, в Сарепте убытки общины от неурожайных годов восполнялись за счет других отраслей, а население колонии росло медленнее, чем в других поселениях, так как в брак могли вступать только братья, ставшие самостоятельными хозяевами и мастерами⁸⁴. Праздный образ жизни был чужд сарептянам, а «пьяных в Сарепте вы никогда не увидите»⁸⁵. Повседневная жизнь их совершалась по неизменно установленному порядку: тихо, в материальном довольстве и даже с известного рода роскошью⁸⁶. Жители Сарепты поддерживали связь с внешним миром и получали известия из всех стран. Каждый житель этого поселения был осведомлен обо всех политических событиях, о новых изобретениях, об открытиях в науке. Александр Федорович Воейков заметил, что «немец скорее откажется от жизни, нежели от газет»⁸⁷.

Огромное значение в Сарепте придавалось просвещению молодежи, духовным ценностям, которые преобладали над материальными. Это объяснялось религиозными воззрениями гернгутеров, получивших право создавать собственные «публичные училища». В 1772 г. была открыта школа для мальчиков, а в 1773 г. – для девочек. В первые годы учителя приглашались из Германии, а затем ими становились сыновья колонистов, закончившие университеты Санкт-Петербурга, Москвы, Казани⁸⁸.

Саратовский чиновник К.И. Попов, посетив Сарепту в 1836 г., высоко оценил уровень преподавания в ней: «Из школы выходят девицы благонравные, их с удо-

вольствием берут в гувернантки русские помещики; мужской пол, образовавшийся в Сарепте, тоже выходит хорошей нравственности и занимает лучшие места в торговых магазинах преимущественно немецких»⁸⁹.

При создании школ Сарептское братство исходило из этических норм, закрепленных Уставом Евангелической братской общины Сарепты от 1821 г.: «надо заботиться о том, чтобы молодежь основательно обучалась в познании правды, благочестия, чтобы она научилась применять благо правды не только разумом и памятью, но, прежде всего, сердцем. Наряду с этим дети должны быть также научены познаниям и наукам, необходимым в человеческой жизни... Является также обязанностью родителей приучать своих детей к регулярному посещению школы... из-за плохого воспитания детей их лишают возможности жить в общине»⁹⁰. Главным предметом воспитания молодых людей заслуженно считались наука морали и художеств, благодаря чему формировались добродетельные жены и чадобливые отцы.

За время существования колонии в Сарепте было подготовлено много учителей для поволжских колоний. Когда в богатых колониях основывались небольшие частные школы, то в них нередко преподавали выходцы из Сарепты⁹¹.

Духовное развитие, поощрение изучения наук, строгое соблюдение этических и религиозных норм выгодно отличало уникальное поселение Сарепты от других немецких колоний. Здесь изучались немецкий и русский языки, латынь, история, география, физика, математика, механика, музыка, химия, ботаника. Отсюда, и успешные опыты по выведению новых, адаптированных к местным климатическим условиям, сортов винограда, горчицы, требовавшие знаний биологии, химии, математики, стремление сарептян к развитию своего сообщества и достижению максимальных успехов во всех сферах экономики. Умелое руководство общиной состояло в максимально рациональном использовании природных и человеческих ресурсов при одновременном бережном отношении к ним. О качественном образовании в школах Сарепты свидетельствует и тот факт, что многие богатые колонисты соседних колоний отправляли своих детей учиться именно в Сарепту. С этой целью там был открыт специальный пансион.

Напротив, бедствовавшие в начале поселения колонии Поволжья, мало обращали внимания на школы и грамотность поддерживалась постольку, поскольку она была необходима в интересах вероисповедных. Колонистские школы не могли научить даже письму, поэтому для образования окружных писарей приходилось посылать мальчиков в Саратов. Более того, когда в 1802 г. в немецкие колонии для проведения ревизии был направлен тайный советник К.И. Габлиц, который в течение 3-х лет подробно изучал все колонии, он столкнулся с безотрадным положением колонистов и полным невежеством при отсутствии школ. Из 12 округов не нашлось ни одного грамотного колониста⁹².

Неудовлетворительное состояние школьного образования отмечал и профессор Казанского университета И.Ф. Эрдман, проводивший в 1815 г. ревизию

в училищах Саратовской губернии. Проверив училища, он обратил внимание на немецкие училища в колониях и нашел их «в весьма худом состоянии и приближающимися к совершенному упадку»⁹³. Занятия сводились к изучению Библии, катехизиса, библейской истории, церковному пению, преподавались азы арифметики, чтения и письма. Школа служила необходимой ступенью для приведения детей к конфирмации. Шульмейстеры практически во всех колониях подчинялись пастору и попутно совмещали свои обязанности с ролью кистера – помощника пастора. Пасторы и патеры держались от колонистов обособленно, воспринимая их как невежественную и необразованную массу. Возложение на шульмейстера обязанностей кистера и неудовлетворительное выполнение и тех, и других обязанностей «вело к незнанию основ религии и одичанию юношества»⁹⁴.

После ревизии И.Ф. Эрдмана школы перешли в полное распоряжение церкви и стали учреждением конфессиональным, которому просветительские цели были чужды⁹⁵. Поэтому критика Эрдмана и его усилия на улучшение школы колонистов не получили поддержки в Конторе.

Школьное образование, сводившееся «к заучиванию наизусть катехизиса, гимна, евангельских изречений без всякого размышления», не побуждало детей к мышлению, однако именно такую цель и преследовали шульмейстеры, по мнению которых «этим метод и хорош!»⁹⁶.

Такое отношение к просвещению незамедлило сказаться и на общем развитии немецких колоний. Без образования и культуры колонисты огрубели, а попечительное начальство следило лишь за исправным внесением податей и долгов и совершенно не заботилось о моральном и умственном развитии колонистов. Невежество колонистов проявлялось даже в обустройстве их колоний. Так из отчета управляющего Саратовской Конторы барона Остен-Сакена от 1870 г. следует, что «вообще редко можно видеть зелень в колониях, и если встречаются иногда два или три палисадника, то смело можно предположить, что дом принадлежит местному пастору или священнику... Это обстоятельство подтверждает, что чем цивилизованнее человек, тем более он имеет потребность в украшении своего жилища»⁹⁷.

При сравнении духовной и экономической жизни поселения Сарепты с другими немецкими колониями можно предположить, что феномен этой колонии состоялся благодаря самодисциплине сарептян, основанной на религиозно-нравственных нормах, на которые опиралось централизованное руководство колонии. Н. Лендер, побывавший в Сарепте, в своих воспоминаниях отметил, что «сарептяне – особенные люди, их главная особенность в том, что это, прежде всего, истинные христиане, а затем уже немцы»⁹⁸.

Подтверждением данного тезиса служит и тот факт, что после изменения общественного строя и управления Сарептой, в число членов общества могли вступать лица, не принадлежавшие к братской общине, и разрешались браки гернгутеров с лютеранами. В результате в 1870-х гг. в сарептской колонии появились члены

двух религиозных толков, между которыми стали возникать неизбежные конфликты. С 1894 г. Сарептское братство было вынуждено войти в состав Лютеранской церкви в качестве прихода⁹⁹.

Постепенно в конце XIX в. произошла «ломка строгих религиозных догм, превратилась связь колонии с Гернгутом. Пастор уже не вмешивался во внутренний ход жизни..., да и назначался он Министерством внутренних дел»¹⁰⁰.

Сарепта была уравниена с немецкими поселениями Поволжья и никакими привилегиями более не пользовалась. Постепенно сообщество утратило свою монолитность, соблюдение социальной и экономической справедливости не имело первостепенного значения, а развитие культуры, науки и просвещения перестали быть актуальными. Как только эти факторы оказались малозначимыми, колония потеряла свои лидирующие позиции в экономической и культурной жизни региона.

«Упадок религиозных верований в корне изменили дух жизни колонии, низведя его из области возвышенных интересов на почву житейской суеты. Одно только осталось у колонии – это связь с заграницей и эта связь является единственным жизненным нервом колонии», – писал А.И. Велицын¹⁰¹.

Мировоззренческая установка сарептян, сложившаяся в процессе формирования духовных и моральных ценностей, предполагала развитие экологического сознания, направленного на бережное отношение к природе. Благодаря этому, им удалось реализовать именно такой тип хозяйственной деятельности, который способствовал всестороннему развитию человека, как личности, ориентированной на совершенствование своей культуры, духовности, образования, и вместе с тем добиться значительных показателей в экономике, обеспечив высокий уровень жизни сарептян, и не нарушить экологического равновесия в регионе.

В настоящее время, когда человечество напрямую столкнулось с такими проблемами, как дефицит энергетических и сырьевых ресурсов, оскудение природных кладовых, деградация экосистем, изменение климата и т.д., следует обратить внимание, в том числе, и на духовную деградацию, нравственный дефицит общества, способные породить экологические проблемы современности. По мнению В.Л. Огудина, их следует рассматривать через призму экологии религии – науки о взаимоотношениях веры и окружающей среды¹⁰², через «формирование экологорелигиозной картины мироздания в сознании человека»¹⁰³.

Необходимо признать, что технологические возможности человека давно опередили уровень его нравственного сознания. Тем не менее, как подчеркивает Г.С. Киселев, «современный массовый социум продолжает формировать упрощенного человека, разрушая его целостную духовно-природную конструкцию и выводя в качестве основного его содержания ту или иную частичную его сторону... Если индустриальная эпоха способствовала формированию преимущественно человека производящего и потребляющего, то нынешнее «информационное общество» в ряде случаев способствует формированию одностороннего развития интеллекта,

а массовая культура во многом создает «человека развлекающегося»¹⁰⁴. Научный прогресс спровоцировал безграничный рост новейших достижений, обеспечил человека материальным комфортом, и вместе с тем способствовал крушению религиозных ценностей, породил мировоззренческий дефицит, восполнить который не в состоянии, т.к. основы целостного убедительного миропонимания в течение тысячелетий формировала религия. Эти факторы и привели европейскую цивилизацию к кризису, выход из которого некоторые исследователи видят в возврате к святыням прошлого, в восстановлении биокосмического единства, в создании общечеловеческой религии. В. Теобальд в одной из своих работ упоминает высказывание Бирнбахера, что природа подходит для проекции духовного и душевного содержания¹⁰⁵. Иными словами, отношение к природе является зеркалом нашего отношения к самим себе¹⁰⁶.

Одним из самых успешных подходов в решении экологических проблем современности представляется формирование и развитие экологической духовности. Размышляя над этим, В.Л. Огудин приходит к выводу, что человечество в своем развитии, ориентированном на непрерывно расширяющееся промышленное производство, приведет себя к самоуничтожению из-за невозможности собственного жизнеобеспечения. «Шансы на выживание останутся у тех человеческих общностей, которые сумеют разумно ограничить потребление природных ресурсов и сохраняют из технических достижений лишь те, которые не будут пагубно влиять на окружающую среду, а станут основываться на экономном расходовании энергии и ресурсов»¹⁰⁷.

Экология и религия непосредственно связаны между собой, эта связь заложена в содержании сакральной картины мира, в необходимости придерживаться определенной системы правил поведения, которые вырабатываются данной средой на уровне этического закона¹⁰⁸. Сама природа изначально наделена сакральными свойствами, и только духовное содержание человека не позволит разрушить и уничтожить эту святыню.

Религиозно-экологические взгляды той или иной культуры формируются в течение многих столетий. Они проявляются в специфических приемах организации жилого пространства, способах ведения хозяйства, календарной обрядности. Для традиционного общества необходимость поддерживать окружающий мир в нравственной и физической чистоте считается бесспорным правилом. «В противном случае, наступит перевес демонических сил, люди начнут болеть и разрушаться нравственно. В городской и сельской местности уходу за местом жительства обучают с детства. Обращение с местами поклонения возводится на самый высокий уровень экологического закона»¹⁰⁹.

Именно с позиции соединения религии и экологии представляется весьма уместным и логичным объяснение экологической целесообразности природопользования немецких колонистов, образ жизни которых регламентировался религиозными догмами. Оказавшись в непривычных для себя условиях, гернгутеры

сосредоточились на нравственно-практической стороне христианства. Колония строилась сообща, всеми членами общины, находившимися в услужении братства. Сарептяне составляли, практически, полностью замкнутое сообщество на основе сурового внутреннего Устава. «И община, и отдельные члены ее имеют свою собственность и оказывают друг другу взаимную помощь, состоя между собою в круговой поруке, так что члены братства вместе отвечают за общину и община за каждого своего члена в отдельности»¹¹⁰. Поэтому в поселении не было одиноких людей, т.к. заботились как о благополучии одного человека, так и о благосостоянии всей общины. На этом не экономили ни сил, ни средств. Данное обстоятельство свидетельствует о высокой культуре жителей Сарепты, которые, как высоко нравственные люди, с большим уважением и заботой относились друг к другу. Как правило, такое же бережное отношение они проявляли и ко всему живому вокруг себя.

Примером может служить опыт по выращиванию горчицы: немецкие колонисты впервые в регионе попробовали сеять эту культуру, «оказавшуюся нечувствительной к засухам»¹¹¹ и, как нельзя лучше, подходившую к данным климатическим условиям. Однако такое решение пришло не сразу, потребовалось время, трудолюбие и уважение к земле, чтобы выращивание горчицы стало самой выгодной отраслью хозяйственной деятельности колонистов. Отсюда эта культура распространилась и в другие прилегающие районы. До этого Россия покрывала потребность в горчице за счет поставок из Англии. «Горчичное производство в Сарепте избавило Россию от зависимости от Англии в этой области»¹¹². В результате была достигнута обоюдная выгода: экономическая, с одной стороны, и экологическая – с другой, т.к. эта культура органично вписалась в условия региона.

Главными добродетелями для гернгутеров являлись трудолюбие, прилежание, любовь к Богу и ближнему своему, так как основная жизнь представлялась братству единением человека с Богом в посмертном существовании. Как следствие такого миропонимания следует расценивать безразличие к браку (брак по жребию, что означало принятие любой воли Всевышнего), неприязнательность в быту, смирение и бесконечный труд, чтобы заслужить «благу» смерть у Бога и, таким образом, вечную радостную жизнь.

В Уставе Евангелической братской общины от 1821 г. записано: «...мы хотим стараться сохранить в питании, одежде и жилье умеренность, степенность, скромность, бережливость. Напротив, отстранять от себя всякое имущество, тщеславие и злоупотребление временными благами»¹¹³. Такими сарептяне были и в жизни: суть их жизненной философии сводилась к умеренности во всем. К сожалению, человек современной цивилизации излишне расточителен во всем. Причиной этому является, в том числе и бездуховность, безнравственность и безразличие, как к себе, так и ко всему окружающему.

О высоком уровне культуры колонистов Сарепты свидетельствует тот факт, что, несмотря на активное развитие промышленной деятельности, антропогенное

воздействие на окружающую среду не было губительным. Этот вывод был сделан В.А. Сагалаевым в результате полевых исследований. Им установлено, что по сей день здесь сохранились уникальные растения «...нигде более в европейской части России не найдется такого места со столь крупным скоплением большого числа классических местонахождений на небольшой площади (это астрагал, боярышник, гвоздика жесткая, ковыль сарептский и др.)»¹¹⁴.

По мнению философа В.И. Мильдона, уровень культурного развития разумно измерять степенью уменьшения человеческого вмешательства в природную среду¹¹⁵. Действительно система нравственных ценностей колонистов определяла и их поведение. Так, например, Сарептский врач Вир на склоне гор Ергеней открыл минеральный источник, обладавший лечебными свойствами, который мог стать великосветским курортом, приносящим огромный доход. Однако он не стал курортом из-за нравственных устоев сарептян, по их мнению «великосветское общество ездит на курорты не столько лечиться, сколько веселиться, прожигая бешеные деньги»¹¹⁶. По уставу братской общины сарептянину нельзя ни веселиться, ни употреблять сверх определенной нормы спиртных напитков, ни играть в азартные игры, ни устраивать балы и танцы. Эти запреты распространялись на всех посетителей колонии¹¹⁷. С завидной рациональностью, бережливостью и любовью они относились к земле, лесам, воде. Так, обнаружив источники с водой, они соорудили большие деревянные емкости, из которых чистая ключевая вода по деревянным трубам поступала в дома к сарептянам, а у главного источника поселилось несколько немецких семей с целью наблюдения за ним и содержанием его в чистоте¹¹⁸.

«В покинутой степной местности, далеко удаленной от родины, подверженные многочисленным несчастьям сарептяне смогли обустроить эту местность как образец немецкой деловитости и немецкого трудолюбия, смогли обосновать здесь первопроходческую для настоящей местности индустрию»¹¹⁹.

Сарепта представлялась исключительным явлением, «оазисом среди пустыни»¹²⁰, «распространителем культуры в некультурной стране»¹²¹, благодаря своим жителям с высоким духовным потенциалом. Образованные, высоконравственные люди, какими и были в своем большинстве сарептяне, реализовали именно такую модель экономики, которая оказалась наиболее успешной для данных климатических условий и обеспечила высокий уровень жизни сарептян на фоне благополучно сохранившейся окружающей среды. Это свидетельствует о том, что религиозные ориентации немецких колонистов Сарепты способствовали формированию экологического сознания людей, благодаря которому в обществе поддерживалась религиозно-экологическая мораль, определяющая поведение людей.

В современном мире глобальные экологические проблемы свидетельствуют о необходимости духовного оздоровления человечества, без чего нет будущего. Пример поселения Сарепты позволяет надеяться на возможное соединение экологии, экономики и религии в поиске реализации новых моделей развития

цивилизации. Будущее человека связано с новым обретением религиозных смыслов, с возрождением системы абсолютных ценностей.

¹ См.: Горяев А.Т. Национальные традиции и исторический процесс: этноэкологические воззрения евразийцев // Сарепта и народы Поволжья в истории России (Проблемы взаимодействия национальных культур) / Под ред. Б.Ф. Железчикова. Волгоград, 1998. С.7.

² См.: Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России. М., 1909.

³ См.: Дитц Я.Е. История общин немцев-колонистов. М., 2000

⁴ См.: Хафа Г. Братская община Сарепта. Бреслау.1936. // Арх.фонды музея-заповедника «Старая Сарепта». ОФ.Ш; Татаренко О.Г. Миссинерская деятельность гернгутеров Сарепты в XVIII–XIX вв. // Вопросы краеведения. Вып. 1.Волгоград. 1991. С. 42–46.

⁵ См.: Плева И.Р. Историко-статистические сведения о колонии Сарепта. Саратов, 1995.

⁶ См.: Дударев И.П. Зеленые насаждения и сады старой Сарепты // Проблемы взаимодействия национальных культур в Нижнем Поволжье. Волгоград, 2001. С. 58; Медведев В.Н. К вопросу о традиционных сельскохозяйственных занятиях сарептян (виноградарство) в XVIII – начале XIX в. // Там же. С.79–80; Хрипунов Е.В. Развитие керамики в немецких колониях Нижнего Поволжья // Там же. С. 81–82; Медведев В.Н. Табаководство в немецких колониях Нижнего Поволжья XVIII–XIX вв. // Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья. Волгоград, 2003. С. 125–136; Медведев В.Н. Горчичная промышленность Сарепты в XIX–нач. XX вв. // Чтения в Волгоградской области Общества краеведов. Вып. 8. Волгоград, 2003 С. 25–26;

⁷ См.: Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. Волгоград. 1998.

⁸ См.: Когитин В.В., Рыблова М.А. Немцы Поволжья. Быт и культура. Волгоград. 1997.

⁹ См.: Аверьянов О.А. Особенности природопользования колонистов Сарепты (XVIII–XIX вв.) // Сарепта и народы Поволжья в истории России. Волгоград, 1998. С.69–76.

¹⁰ Там же. С.69.

¹¹ Там же. С. 72

¹² Каландаров К.Х. Коммуникативные основания устойчивого развития // <http://dissertation1.narod.ru/avtoreferatsl/al24.htm>

¹³ Словарь иностранных слов под ред. Петрова Ф.Н. М. 1964. С.356.

¹⁴ Каландаров. К.Х. Указ. соч.

¹⁵ См.: Манифесты Екатерины II от 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1830. Т. XVI. №№ 11720,11880 (11978).

¹⁶ Указ Екатерины II от 11 февраля 1764 г. СПб. 1764 // Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта».ОФ. 1. 1746. НК. Л. 1-12.

¹⁷ «Правила для поселения в России братства евангелического общества», утвержденные 7 июня 1765 г. // Поли. Собр. Законов Российской империи. СПб. 1830. № 12411.

¹⁸ Цит.по: Алексеев В. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII веках. Сталинград, 1936. С.273.

¹⁹ Клаус А. Наши колонии: Материалы по истории и статистике иностранных колоний в России. СПб. 1869. Вып. 1. С. 79.

²⁰ Цит. по: Алексеев В. Указ. соч. С. 273.

²¹ Воейков А.Ф. Описание Сарепты // Северный Архив. Ч. 1. СПб. 1822. С. 49.

²² Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 442.

²³ Цит. по: Алексеев В. Указ. соч. С.273.

²⁴ Цит. по: Алексеев В. Указ. соч. С.251.

- ²⁵ Семенов В.П. Россия: полное географическое описание нашего Отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. Т. VI. СПб., 1901. С. 35.
- ²⁶ См.: Плева И.Р. Историко-статистические сведения о колонии Сарепта. Саратов, 1995. С. 14–15.
- ²⁷ Поволжье. Природа, Быт. Хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Под ред. В.П. Семенова. Л., 1925. С. 17.
- ²⁸ Там же. С. 18.
- ²⁹ Цит. по: Алексеев В. Указ. соч. С. 274.
- ³⁰ Глич А. История братской общины Сарепта в восточной России в течение ее столетнего существования. Ч. I. 1865. Сарепта: Собст. изд-во автора. С. 146; Там же. Ч. II. С. 353. (Перевод Л.Н. Донской) // Арх. фонды музея «Старая Сарепта». ОФ I, V. Фонд 6342. НК.
- ³¹ Воейков А.Ф. Описание Сарепты // Северный Архив. Ч. I. СПб., 1822. С. 56.
- ³² См.: Алексеев В. Указ. соч. С. 238.
- ³³ Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 449.
- ³⁴ См.: Плева И.Р. Указ. соч. С. 37.
- ³⁵ См.: Алексеев В. Указ. соч. С. 214.
- ³⁶ См.: Глич А. История братской общины Сарепта в восточной России в течение ее столетнего существования. Ч. I. Сарепта. Собст. Изд-во автора. 1865. С. 147 // Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта» ОФ. I, V. Фонд 6342. НК.
- ³⁷ См.: Воейков А.Ф. Описание Сарепты // Северный Архив. Ч. I. СПб. 1822. С. 57.
- ³⁸ См.: Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов М. 2000. С. 195–196.
- ³⁹ Велицын А.И. Немцы в России. СПб. 1893. С. 66.
- ⁴⁰ См.: Глич А. История братской общины... С. 147.
- ⁴¹ Семенов В.П. Россия: полное географическое описание нашего Отечества. Среднее и Нижнее Поволжье. Заволжье Т. VI. Под ред. В.П. Семенова. СПб., 1901. С. 526.
- ⁴² См.: Плева И.Р. Указ. соч. С. 33–34.
- ⁴³ См.: Лендер Н. Сарепта // Европейская Россия. 1906. С. 366.
- ⁴⁴ См.: Плева И.Р. Указ. соч. С. 30.
- ⁴⁵ См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 274.
- ⁴⁶ См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 272–275.
- ⁴⁷ Воейков А.Ф. Описание Сарепты // Северный Архив. Ч. I. СПб. 1822. С. 56.
- ⁴⁸ См.: Терехин С. Немецкие колонии на Волге в 1830-е годы // История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Ч. 1. С. 42.
- ⁴⁹ Цит. по: Алексеев В. Указ. соч. С. 274.
- ⁵⁰ См.: Когитин В.В., Рыблова М.А. Немцы Поволжья. Быт и культура. Волгоград. 1997. С. 27.
- ⁵¹ См.: Велицын А.И. Немцы в России. СПб. 1893. С. 67.
- ⁵² Лендер Н. Сарепта // Европейская Россия. 1906. С. 368.
- ⁵³ Лендер Н. В гостях у колонистов // Сарепта / Под ред. И.Р. Плева. Саратов, 1995.
- ⁵⁴ См.: Когитин В.В., Рыблова М.А. Немцы Поволжья. Быт и культура. Волгоград. 1997. С. 22–23.
- ⁵⁵ См.: Воейков А.Ф. Указ. соч. С. 57.
- ⁵⁶ Попов К.И. Записки о Сарепте // Волга. 1835. № 5. С. 71.
- ⁵⁷ Велицын А.И. Немцы в России. СПб. 1893. С. 67.
- ⁵⁸ Грамота Павла I от 20 июня 1797 г «О дополнительных льготах колонии Сарепта». СПб. 1797 // Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта». Ф. 1. Л. 1–8.
- ⁵⁹ Хафа Г. Братская община Сарепта. Бреслау, 1936. Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта» ОФ. Ш. С. 183.

⁶⁰ См.: Глич А. История братской общины Сарепта... Ч.П. С. 352, 390; Воейков А.Ф. Указ. соч. С.55; Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. М. 1802. С. 177; Велицын А.И. Указ. соч. С. 264.

⁶¹ См.: Хафа Г. Братская община Сарепта. Бреслау. 1936. С. 216 // Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта». ОФ. III. 6/н. С. 185–186.

⁶² Клаус А.К. Наши колонии: Материалы по истории и статистике иностранных колоний в России. СПб., 1869. Вып.1. // Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта». ОФ.1П. С.98.

⁶³ См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 456.

⁶⁴ Велицын А.И. Немцы в России. СПб. 1893. С. 265.

⁶⁵ См.: Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М. 2000. С.55.

⁶⁶ См.: Там же. С. 59.

⁶⁷ Клаус А. Указ. соч. С. 16.

⁶⁸ Цит. по Дитцу Я.Е. С. 205.

⁶⁹ См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 78–83.

⁷⁰ См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 291; Лиценбергер О. Лютеранская церковь в Поволжье (с момента основания колоний до середины XIX в.) // История и культура российских немцев. Вып. 3. Ч. 1. Саратов.1996. С.58–59.

⁷¹ См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 292.

⁷² См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 328.

⁷³ Глич А. История братской общины Сарепты в Восточной России в течение ее столетнего существования. Сарепта // Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта». ОФ.Ш. 6342. С. 35.

⁷⁴ См.: Глич А. История братской общины... С. 164–165.

⁷⁵ Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. М. 1802. С. 180 // Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта» ОФ. I.V. 9626 НК.

⁷⁶ См.: Велицын А.И. Указ. соч. С.68.

⁷⁷ Воейков А.Ф. Указ. соч. С. 52.

⁷⁸ См.: Там же. С. 61.

⁷⁹ Попов К.И. Записки о Сарепте // Отчий край. 1998. № 2. С. 160.

⁸⁰ Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 264.

⁸¹ Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 81, 268

⁸² Цит. по: Велицын А.И. Немцы в России. СПб. 1893. С. 263.

⁸³ См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 80–83.

⁸⁴ См.: Глич А. Указ. соч. С. 46.

⁸⁵ Лендер Н. В гостях у колонистов // Сарепта / Сост. И.Р. Плевле. Саратов, 1995. С. 48.

⁸⁶ См.: Клаус А. Указ. соч. С.56.

⁸⁷ Воейков А.Ф. Описание Сарепты // Северный Архив. Ч. I. СПб. 1822. С.63.

⁸⁸ См.: Клаус А. Указ. соч. С. 76.

⁸⁹ Попов К.И. Указ. соч. С. 71.

⁹⁰ Устав Евангелической братской общины 1821 г. // Архив Гернгута. R 12a № 422. Копия. Арх. Фонда музея-заповедника «Старая Сарепта». Л. 8.

⁹¹ См.: Дитц Я.Е. Указ. соч. С.453.

⁹² См.: Там же. С.140.

⁹³ Цит. по: Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья. Волгоград, 1998. С. 32.

⁹⁴ Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 345.

⁹⁵ См.: Там же. С.213–214.

⁹⁶ Там же. С. 359.

⁹⁷ Цит. по: Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. С. 142.

⁹⁸ Лендер Н. В гостях у колонистов // Сарепта / Сост. И.Р. Плевле. Саратов, 1995. С.50.

⁹⁹ См.: Полное Собрание Законов. Т. 26. № 19562 от 1.06. 1871.

¹⁰⁰ Вашкау Н.Э. Экономические и этнокультурные особенности жизни немецких колоний на Волге в XIX–начале XX в. // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII–XX в.: Сб. науч. статей. Волгоград, 1999. С. 107.

¹⁰¹ Велицын А.И. Немцы в России. СПб. 1893. С.199.

¹⁰² См.: Огудин В.Л. Экологическая функция религии // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С.23.

¹⁰³ Там же. С. 23.

¹⁰⁴ Киселев Г.С. Постмодерн и христианство // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 4.

¹⁰⁵ Теобальд В. Экология как эрзац-религия и вопрос ее рациональной обосновываемости // Вопросы философии. 2003. №12. С. 97.

¹⁰⁶ См.: Хюбнер К. Критика научного разума. М. 1994. С. 25–26.

¹⁰⁷ См.: Огудин В.Л. Экологическая функция религии // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 25

¹⁰⁸ См.: Там же. С.24.

¹⁰⁹ Огудин В.Л. Экологическая функция... С. 35.

¹¹⁰ Дитц Я.Е. Указ. соч. С. 432.

¹¹¹ Семенов В.П. Указ. соч. С. 217

¹¹² Там же. С. 217.

¹¹³ Устав Евангелической братской общины 1821 г. // Архив Гернгута R 12а. № 422 (Копия) Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта». Л. 12.

¹¹⁴ Сагалаев В.А. Ландшафтный комплекс на Ергенях // Арх. фонды музея-заповедника «Старая Сарепта». ОФ. 1/3. Л. 8.

¹¹⁵ См.: Мильдон В.И. Природа и культура // Вопросы философии. 1996. № 12. С. 71.

¹¹⁶ Дитц Я. Указ. соч. С. 457.

¹¹⁷ См.: Клаус А. Указ. соч. С. 85.

¹¹⁸ См.: Алексеев А. Указ. соч. С. 158.

¹¹⁹ Хафа Г. Братская община... С. 216.

¹²⁰ Клаус А. Указ. соч. С. 79.

¹²¹ Дитц Я. Указ. соч. С. 460.

«Богато, весело живем под сталинской звездой»?

(Некоторые аспекты демографии и реалий повседневной жизни населения в Республике немцев Поволжья)

«Нет в мире такой прекрасной,
такой радостной жизни,
какая создана гением Ленина и Сталина
у нас, в Советском Союзе,
для трудящихся всех национальностей.
Эту радость хорошо выразил 68-летний колхозник
Яков Михайлович Гайль
в сложенной им песне о Ленине и Сталине.

*Товарищ Сталин нас ведет
Дорогой коммунизма.
В нас дело Ленина живет
В колхозной нашей жизни.*

*Мы песни весело поем
Колхозною семьею.
Богато, весело живем
Под Сталинской звездой».*

Дискуссии о «счастливой зажиточной жизни» в АССР немцев Поволжья, являвшейся «цветущим садом социалистической Родины» продолжаются уже 20 лет. Они начались в разгар «перестройки», в 1988 г. накануне 70-летия создания немецкой автономии на Волге. Впервые после 47-летнего перерыва советские немцы отметили юбилей. По сути дела, этот юбилей придал импульс национальному движению немцев в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Само движение во многом опиралось на мифологизированный образ АССР НП, что стало одной из причин его поражения.

Дискуссия продолжается до сих пор, даже тогда, когда история немецкой автономии на Волге получила достаточно широкое и объективное освещение в научных трудах целого ряда авторов. Странников мифа еще немало, и в этом нет ничего удивительного, ибо если обратиться к ситуации в целом по России, то можно увидеть, что Сталинский миф не умирает, более того сегодня некоторые даже уважаемые политики прилагают немалые усилия к его реанимации.

Дифирамбы Республике немцев Поволжья, раздающиеся из Германии, звучание, главным образом, в воспоминаниях некоторых пожилых переселенцев, хотя того их авторы или нет, лишь помогают неосталинистам в России и мешают преодолению сталинского наследства в сфере исторического сознания.

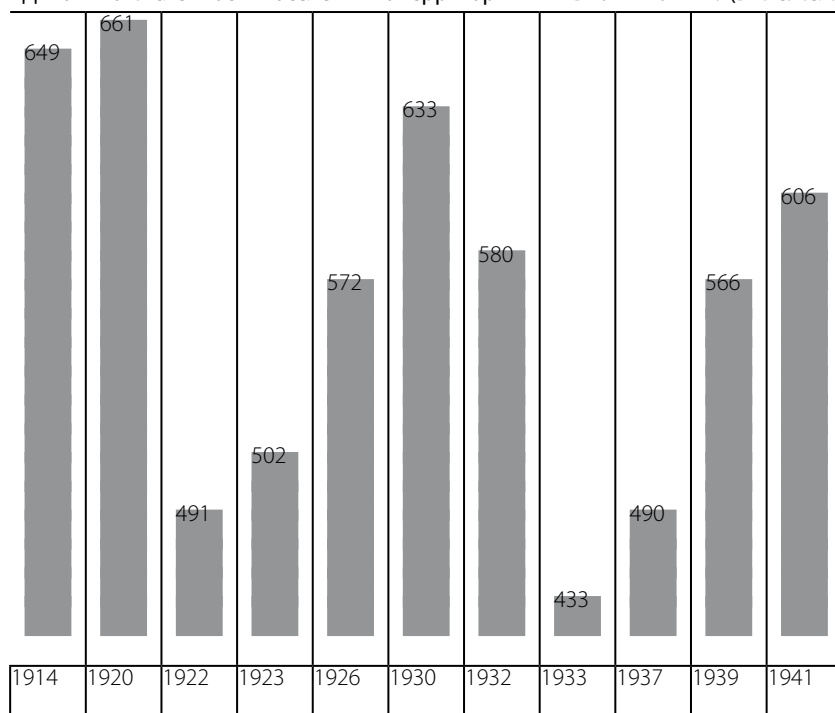
Поэтому сохраняет свою актуальность реконструкция реальной, а не мифической картины жизни советского населения в 1930-е гг., в том числе и в Республике немцев Поволжья.

Рассмотрим некоторые аспекты демографии и реалий повседневной жизни населения в Республике немцев Поволжья)

1. Динамика численности населения за все годы существования немецкой автономии

Диаграмма 1.

Динамика численности населения на территории РНП в 1914–1941 гг. (в тыс. чел.)²

Два явно видимых «провала» в диаграмме – резкое уменьшение численности населения – было вызвано массовой смертностью и бегством населения в 1921–1923 и 1932–1933 гг. В целом за годы существования АССР НП ее население сократилось на 55 тыс. чел. В то время как при более или менее нормальных условиях жизни оно в результате естественного прироста увеличивалось на 13–18 тыс. чел. в год³.

2. Голод и недоедание как постоянные спутники жизни населения. Их присутствие фиксируется не только в 1920–1922 и 1931–1933 гг., но и в сравнительно благополучных 1936, 1937, 1938, 1939 гг.⁴

Ощущался постоянный дефицит товаров первой необходимости. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся в архиве запись телефонного разговора первого секретаря обкома ВКП(б) АССР НП И. Аношина с Наркомом торговли РСФСР, состоявшегося 19 сентября 1939 года. И. Аношин пытался «выбить» дополнительные фонды на поставку товаров первой необходимости в Республику немцев Поволжья. Из записи телефонного разговора явствует, что в тот период времени в Немреспублике «очень плохое» положение сложилось с обеспечением населения сахаром, кондитерскими изделиями, рыбными консервами, швейными изделиями. «Скверно» обстояло дело с солью, макаронами. Республике выделялись смехотворно малые фонды на колбасу, масло, сыр. Так, на сентябрь 1939 г. Золотовскому кантону для продажи были выделены всего 1 кг сливочного масла и 1 кг сыра. И это в то время, когда колбаса, масло и сыр вывозились из Немреспублики по государственным заготовкам сотнями и тысячами тонн. Отмечалась и периодическая «лихорадка» с продажей хлеба. Перебои в поставках многих товаров в села, кроме всего прочего, вызывались также плохой работой транспорта и безобразным состоянием дорог⁵.

3. Низкий уровень материального благосостояния основной части населения – крестьян–колхозников.

Таблица 1

Среднегодовой доход одного колхозника АССР НП
по трудодням в 1934–1937 гг.⁶

Доход	1934	1935	1936	1937
Количество заработанного зерна, кг	229,95	709,70	191,97	2620,80
Денежный доход, руб.	54,75	84,60	21,87	163,80

В 1934–1936 гг. доходы колхозников были нищенскими. И лишь в 1937 г., благодаря богатому урожаю, заработки колхозников несколько возросли. В неурожайные 1938 и 1939 гг. доходы вновь опустились и даже в 1940 г. были ниже уровня 1937 г.⁷

Разрешение в 1935 г. иметь личные подсобные хозяйства несколько улучшило благосостояние колхозников, однако с 1939 г. приусадебные участки вновь начали урезать, на подсобное хозяйство налагались жестокие налоги⁸.

4. Низкий уровень жизни рабочих. Нищенская зарплата и тяжелые условия труда вызывали беспрецедентную текучесть кадров. На большинстве предприятий АССР НП до 26 июня 1940 г. (введения действие Указа о прикреплении рабочих к предприятиям) в течение года увольнялось значительно больше половины всего штатного состава рабочих, причем более 50% увольнялись за прогулы⁹. В октябре 1937 г. в самый разгар массовых политических репрессий на крупнейшем пред-

приятии АССР НП – заводе «Коммунист» в Маркштадте состоялась забастовка рабочих, протестовавших против тяжелых условий труда и невыплаты зарплаты. Забастовка была жестоко подавлена¹⁰.

Представляется, что приведенные данные наносят серьезный удар по существующему и поныне мифу о «железной дисциплине» на производстве во времена «сталинского социализма». Становятся вполне объяснимыми причины низкой производительности труда, большого брака и высокой стоимости продукции. Конечно же, при огромной текучести рабочей силы не могло быть и речи о каком бы то ни было росте или даже просто поддержании на одном уровне профессионализма и мастерства рабочих.

Как известно, 26 июня 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Только в первые два месяца после издания этого драконовского Указа за его нарушение в Немреспублике было осуждено 2361 человек. Всего же с 1 июля 1940 г. по 1 июня 1941 г. в АССР НП репрессиям на основании Указа подверглось 7966 человек, среди них большое число женщин¹¹.

5. Неблагоустроенность городов и рабочих поселков АССР НП: тяжелейшая жилищная проблема. Неразвитость коммунального хозяйства и инфраструктуры.

В столице АССР НП г. Энгельсе за годы существования Немреспублики средняя площадь жилья на одного человека не только не увеличилась, но наоборот уменьшилась почти в 2 раза (в 1926 г. 4,1 кв. м., в 1935 г. – 2,7 кв. м. в 1940 г. – 2,3 кв. м. жилья на человека)¹². Из-за мизерного выделения средств строительство водопровода в г. Энгельсе растянулось на две пятилетки. В 1936 г. на 111 км улиц города протяженность водопровода составляла всего лишь 10,5 км. Отсутствовала канализация. Расположенный на низком заболоченном месте, Энгельс каждую весну и осень утопал в грязи, так как мощеных улиц и тротуаров было очень мало. С 1934 г. в г. Энгельсе появился общественный транспорт: начали курсировать пять автобусов¹³. В Маркштадте и Бальцере полностью отсутствовали водопровод, канализация, твердое покрытие улиц, общественный транспорт, практически не велось строительство государственного жилья. Аналогичная ситуация имела место и в рабочих поселках Красный Текстильщик, Зельман, Красный Кут и др.¹⁴

Нерешенность вопросов городского хозяйства, жизни и быта горожан, наряду с другими проблемами существенно усиливала социальную напряженность в городах, вела к росту таких негативных явлений как текучесть рабочей силы на предприятиях, нарушения общественного порядка, уголовные преступления¹⁵.

6. Постоянные политические репрессии против населения АССР НП, особенно с конца 1920-х гг. Только в 1930 - 1931 гг. из немецкой автономии было выселено 4288 семей (24202 человека) «раскулаченных» – 3,7% от общей численности крестьянских хозяйств Немреспублики¹⁶.

Как отмечают специалисты «Мемориала», в ходе «немецкой операции» НКВД в АССР немцев Поволжья было репрессировано значительно меньше граждан (1002 чел., из них расстреляно – 567), чем в других республиках, краях и областях (всего по СССР было репрессировано 55005 чел.). Это можно объяснить тем, что по логике советского руководства АССР НП являлась зафиксированным Конституцией СССР национально-территориальным образованием, поэтому немцы, постоянно жившие там, в отличие от немцев во всех других местах их компактного проживания, были «своими», принадлежавшими к «советской», а не «иностранной» национальностям¹⁷.

Как бы компенсировав «недостачу» репрессированных в ходе «немецкой операции», органы НКВД Республики Поволжья провели массовые аресты и осуждения по другим «линиям», прежде всего, по «кулацкой». Так «тройка» НКВД по АССР НП осудила 3027 чел. к расстрелу и 2603 – к заключению в лагерь. Всего в 1937 – 1938 гг. по АССР немцев Поволжья было арестовано свыше 6,7 тыс. чел., из них расстреляно около 3,6 тыс. (54,2%). Эти неполные, данные, говорят о том, что в Немреспублике «большой террор» 1937 – 1938 гг. осуществлялся более массированно, чем в среднем по СССР. Если в целом по СССР за 1937 – 1938 гг. было осуждено около 1% населения, то в АССР НП процент осуждения примерно в 6 раз выше. Основное объяснение этому феномену – страх перед «пятой колонной», характерная для сталинского режима неадекватная перестраховка¹⁸.

7. Противоречивые процессы в духовной сфере жизни АССР НП. Большевистский режим одной рукой насаждал «культурную революцию», создавая определенные возможности для развития образования и общего культурного развития народа, сохранения немецкого языка, другой же рукой, борясь с «буржуазным немецким национализмом» – жестоко преследовал церковь, традиции старой школы, подрывал народную культуру, уничтожая все ее разнообразие, обедняя и примитивизируя, приспособлявая ее к своим эгоистическим партийным интересам¹⁹.

Как это уже неоднократно бывало в прошлом, осенью 1940 г. в образовательной политике центрального руководства страны произошел резкий поворот. 2 октября Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О государственных трудовых резервах СССР», в соответствии с которым на местах должно было быть обеспечено массовое привлечение молодежи в ремесленные и железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения. Для облегчения выполнения этого Указа Совнарком СССР параллельно принял два постановления: «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР» и «Об изменении порядка назначения стипендий». Эти постановления, в силу материальных причин, закрыли перед тысячами молодых людей двери в среднюю школу и вузы. Им ничего не оставалось, как идти учиться в систему разворачивавшегося массового профессионально-технического обучения, которое не обеспечивало даже полноценного среднего образования²⁰.

Сравнение демографических параметров и реалий повседневной жизни населения в Республике немцев Поволжья с другими республиками, краями и областями СССР выявляет больше сходства, чем различий, что еще раз подводит нас к выводу о том, что некорректно говорить как о каких-то особых позитивных условиях, созданных для жизни поволжских немцев в их национальной автономии, так и об особой ненависти, геноциде большевистской власти к советским немцам. Ситуация в Республике немцев Поволжья в целом отражала общую ситуацию, сложившуюся в то время в СССР²¹.

¹ Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья: Политико-экономический очерк. Энгельс: Немгосиздат, 1938. С. 43.

² Диаграмма подготовлена А.А. Германом, Е.А. Герман и опубликована. См.: Герман А.А., Герман Е.А. Республика немцев Поволжья // Немцы России: Энциклопедия. Т. 3. М.: ЭРН, 2006. С. 278.

³ См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 267.

⁴ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3041. Л. 12, 90, 131, 165; Д. 3786. Л. 23, 61, 62, 63, 80-82, 91, 100; Д. 4150. ОЛ. 153; Оп. 1а. Особая папка. Д. 5. Л. 122.

⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4289. Л. 18–41.

⁶ См.: Герман А. А. Указ соч. С. 286.

⁷ См.: Герман А. А. Указ соч. С. 368.

⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4159. Л. 170; Д. 4195. Л. 35; Большевик (г. Энгельс). 1939. 12 июня.

⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4452. Л. 53; Д. 4753. Л. 55-60.

¹⁰ См.: Герман А. А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996. С. 116.

¹¹ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4467. Л. 86; Д.45016. Л. 164-168; Д. 4849. Л. 143; Д. 4919. Л. 58.

¹² Подсчитано автором. См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2353. Л. 94, 95, 96; Д. 3422. Л. 7.

¹³ См.: Герман А. А. Указ соч. С. 302.

¹⁴ См.: Там же. С. 303.

¹⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4753. Л. 45.

¹⁶ Подсчитано автором. См.: ГАНИСО. Ф. 1., Оп. 1. Д.1737. Л. 235, 296, 324; Д. 1737. Л. 25.

¹⁷ См.: Охотин, Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Названный народ: Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 67–68.

¹⁸ Подробнее см.: Герман А. А. «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид»: об обоснованности и корректности данного утверждения // Ключевые проблемы истории российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2004. С. 88–89.

¹⁹ Подробнее см.: Герман А. А. Указ соч. С. 331–365, 387–399.

²⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4488. Л. 61, 113, 127–130; Д. 4917. Л. 58–60.

²¹ Подробное обоснование данного вывода см.: Герман А. А. «В отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид»: об обоснованности и корректности данного утверждения // Ключевые проблемы истории российских немцев. М.: МСНК-пресс, 2004. С. 86–98.

О гибридности и конгломеративности музыкальной традиционной культуры поволжских немцев в начале 3-го тысячелетия

Вступление. Несмотря на частое современное употребление термина «российские немцы», этническая консолидация этой диаспоры не произошла, российские немцы по-прежнему состоят из разрозненных субэтнических групп, одной из которых и посвящена эта работа. Поволжские немцы, их поселения на территории России в сложном полиэтническом регионе Поволжья, их культурная и экономическая жизнь на протяжении последних 240 лет являются одной из ярчайших страниц в культурном диалоге «Германия–Россия», дав свой своеобразный самобытный вариант, пусть и недостаточно изученный, не во всех деталях осознанный и не до конца оцененный в настоящее время.

Ведь поволжские немцы, как и представители других субэтнических групп на территории бывшей Российской царской империи, стали посредниками между западноевропейской и русской культурой и, работая в России и на благо России, они стали созидателями и носителями новых духовных ценностей, отождествляя свою судьбу с судьбой своей новой родины. И если волна реэмиграции 1990-х гг. заставила задуматься о будущей судьбе российских немцев и их культурного наследия, то результаты Всероссийской переписи 2002 года показали, что 600 тысяч российских немцев по-прежнему считают своей родиной именно Россию и связывают с этой страной свое будущее, а значит и свои культурные традиции. Выходцы из Германии и Австрии жили и трудились в Поволжье в течение длительного исторического периода с конца XVIII в. в новых для них природных и социальных условиях в чуждой национальной среде.

Районы проживания поволжских немцев входили в единый регион, специфичный по условиям заселения, формирования и развития культурных взаимосвязей, этнокультурный контекст, окружающий переселенцев, был весьма пестрым и нестабильным, в то же время сами переселенцы в течение столетий сохраняли в неизменности многие особенности своего традиционного быта и хозяйства, материальной и духовной культуры. Этой сохранности способствовали не только иноконфессиональное и иноэтническое окружение поволжского региона, но и длительная изоляция от метрополии, с самого начала переселения вызванная значительной удаленностью поселений от Германии и затрудненностью контактов.

Сохраняясь как целостное явление в основе, традиционное музыкальное наследие поволжских немцев в течение всех рассматриваемых 242 лет (1764–2006) постепенно видоизменялось под влиянием особенностей духовной культуры новой родины.

Наше исследование является первой работой, поставившей тему усиления гибридности и конгломеративности музыкальной традиционной культуры поволжских немцев в последепортационный период. Как и предыдущие работы автора, оно опирается на материалы полевых музыкально-этнографических экспедиций по поселениям Поволжья, Урала, Сибири в последние 15 лет¹.

В результате межэтнических контактов на территории региона Поволжья в процессе исторического развития возникли различные виды межкультурных взаимосвязей между этническими группами как в результате взаимодействия разных переселенческих групп внутри одного этноса, так и в результате соприкосновения разных этносов на территории региона (финно-угорские, тюркоязычные, монголоязычные, славяноязычные, германоязычные). Как нам кажется, процесс взаимодействия культур на территории Поволжья включал в себя следующие этапы: а) заимствование из «чужой» культурной традиции форм, образов, элементов музыкального языка, т.е. явления мультикультурализма; б) приспособление заимствованного материала к условиям собственной культуры, т.е. явления гибридности; в) синтезирование «чужого» и «своего», органическое их сочетание, когда все компоненты находятся в определенном равновесии, и образованное единство уже не является заимствованием, т.е. явления конгломеративности.

Проявление гибридности на уровне жанровой системы. В работе были определены репрезентативные музыкально-певческие образцы жанров, сохраняющие и сегодня доминанты этнической идентичности российских немцев, даны их существенные характеристики: это жанры духовных песнопений, баллад, лирических песен, песни о родине, шуточные.

Ярким проявлением гибридности волжско-немецкого традиционного музыкального наследия является создание новых жанров «колониистская песня» и «частушки». В этих жанрах обычными являются макаронические смешения русских слов и выражений, мелодические заимствования из русского и украинского городского фольклора, которые были зафиксированы исследователями Г.Шюнеманом, В.Жирмунским, Г.Дингесом, А.Дульзоном уже в начале и середине XX века². Следовательно, эти гибридные явления были включены в культурные трансформации субэтноса еще до депортации 1941 года, приведшей к лавинообразной русификации субэтноса, и являются его органической частью.

Проявление гибридности в свадебной обрядности. Материалы, на которые можно опереться сегодня, моделируя версии поволжско-немецкого свадебного ритуала, немногочисленны и сведения, которые можно получить из опубликованных (и неопубликованных) источников сильно различаются по степени полноты, то есть, не всегда сопоставимы и не воссоздают целостной картины свадебной традиции немцев Поволжья. Тем не менее имеющиеся статьи и материалы представляют собой большую фактографическую ценность, хотя почти все работы по поволжско-немецкой свадьбе были чисто этнографическими. Первые версии поволжско-немецких свадебных обрядов были записаны в Саратовской области

А. Минхом и относились к началу и середине XIX в.³, обряды конца XIX в. отражены в статье Е. Зайба⁴ и монографиях Я. Дитца⁵ и Г. Шюнемана⁶, хотя информация по свадьбе носит в них часто отрывочный характер. Свадебные версии начала XX в. – 1920-х гг. презентуют работы Тепфера⁷ и Е. Кагарова⁸, А. Дульзона⁹. Разумеется, начиная с 1950-х гг. в различных изданиях журнала «Книга Родины» («Heimatbuch», Stuttgart, Deutschland) и газеты «Новая жизнь» («Neues Leben», Москва, Россия) можно встретить разнообразные заметки о свадьбах российских (в том числе и поволжских) немцев, и некоторые из них достаточно интересны, чтобы иметь определенное научное значение¹⁰. Г. Хабенихт рассмотрел особенности свадебного ритуала католической поволжско-немецкой колонии Ротхаммель (ныне с. Памятное Волгоградской обл.), опираясь на архивные материалы Кюнциг-института, сохраняющие записи Иоханнеса Кюнцига от выдающейся народной певицы, жительницы колонии Ротхаммель Марии Вон¹¹, а также описал песни поволжско-немецкого свадебного обряда¹². Заканчивая обзор этнографических изданий по свадьбе, упомянем изучение островной культуры поволжских немцев, переехавших в Аргентину, Ирис Барбарой Грэфе¹³ и монографию Клауса Боля о культуре немцев-реэмигрантов из Советского Союза 1970–1980-х гг., в которой есть информация и от немцев Поволжья¹⁴. Этнографические описания, полученные в наших фольклорных экспедициях в течение 1992–2006 гг. и используемые в работе (воспоминания о проведении свадеб до 1941 года), также часто достаточно отрывочны, отражая уход из пассивной памяти многих важных реалий подлинного обряда. Поэтому неизбежна была ретроспективная реконструкция обряда с последующим созданием моделей ритуала, в определенной степени обобщенных.

Если говорить об опубликованных вербальных и музыкальных материалах из поволжско-немецких колоний, имеющих отношение к комплексу свадебных обычаев и обрядов, то это прежде всего пятнадцать вербальных текстов жанра «свадебные песни, песни супружества» («Hochzeits- und Ehestandslieder»), которые впервые появились в публикации Эрбеса/Зиннера¹⁵. Опубликованный собственно музыкальный материал также весьма скромнен по количеству: две песни невесты «Ach Gott, es fällt mir schwer» и «Hochzeitsmahl, Freudensaal» были впервые приведены в собрании Шюнемана¹⁶, три песни невесте «Singt mit fröhlichem Gemüte», «Der goldene Rosenkranz», «Die Melon', die hat viel Blumen» были опубликованы Г. Хабенихтом¹⁷. Авторская же публикация записей 1992–1997 гг. знакомит с левыми записями шести инструментальных свадебных наигрышей¹⁸.

Сопоставительный диахронный анализ записей волжско-немецкого свадебного обряда в течение XX века позволил сделать вывод о его исторической изменчивости, которая привела к таким результатам как редукция элементов обряда, редукция текстов приговоров и мелодий песен, трансформация ритуально-магических черт ритуала в игровые формы с забвением их первоначального значения. Но и в самых поздних описаниях ритуала сохраняются как наиболее устойчивые компоненты такие обрядовые действия, как: сватовство, помолвка, осмотр невестой

дома жениха, приглашение гостей на свадьбу, «вечеринка шума» в канун свадьбы, «задержки» свадебного поезда, выкуп невесты, кража туфли/башмака невесты, одаривание невесты, танцы невесты, снятие венка невесты, «выметание гостей», перевоз приданого невесты, послесвадебные вечеринки. Эти компоненты рассматриваются нами как сущностные константы этнической идентичности волжских немцев.

А.Минх писал в конце XIX в.: «Немцы до сих пор в нашем крае составляют совершенно обособленный тип; они не смешиваются браками ни с одной народностью... колонисты на русских не женятся, обрядовая жизнь не поддавалась до сих пор обрусению и сохранилась более столетия совершенно своеобразною»¹⁹. Мнение А.Минха весьма категорически поддержал Г.Шюнеман в начале XX в.: в этот исторический период «свадьбы остаются самыми большими праздниками в жизни колонистов. Это сильная опора всего немецкого в то время, когда уже в школе начинается борьба за истребление немецкого искусства»²⁰. Несмотря на эти убедительные высказывания, авторское исследование кодов волжско-немецкого свадебного ритуала раскрыло гибридный и мультикультурный характер многих обрядовых действий, благодаря включению различных иноэтнических компонентов: русских, украинских, казахских и др. как на уровне вербальных, акциональных, так и музыкальных кодов.

Мы выделили следующие гибридные черты волжско-немецкого ритуала, общие с поволжской русской и украинской свадьбой: 1) особенности сватовства как действия; 2) обряды с караваем и веточкой ели в канун свадьбы сходные с русским «девишником»; 3) выстрелы в течении всего периода свадьбы; 4) обычай отказа от жениха через обряд «выставления корзины», перекликающийся с чисто славянским – «подарить гарбуза» – так как в Поволжье собственно украинские элементы также тесно переплетены с русскими; 5) неодобрение поведением девушки через «мазание ворот дегтем или навозом»; 6) смена «денег верности» («Teugeld») на «кладку» (термин, распространенный в русских селах Поволжья); 7) подношение в качестве подарка от невесты жениху рубашки (распространенный обычай во всех поволжских русских селах); 8) необходимость целоваться на свадьбе обрученным под возгласы «горько»; 9) смена хореографического кода обряда на песенный, а «вытанцовывание невесты» на ее опевание во время обряда снятия венка (то есть здесь произошла русификация формы важнейшего обрядового действия, маркирующего вертикальный переход невесты); 10) включение в обряд не только русских, но и украинских, казахских танцев и игр. Весьма важно в свете поставленных нами задач то, что некоторые из выделенных действий отмечались исследователями задолго до насильственной русификации поволжско-немецкого субэтноса (путем депортации, трудовой армии и спецпоселения 1941–1955 гг.) и, следовательно, мы можем считать проявление мультикультурного начала как одну из изначальных культурных трансформаций этой обособившейся островной

группы. Но несомненно, что включения мультикультурных компонентов нарастали постепенно с течением времени, особенно усилившись после депортации.

Проявление гибридности на уровне музыкальной типологии. Когда Г.Шюнеман в начале XX в. писал о пении немцев с Волги: «тот, кто слышит песни колонистов, не зная мелодии и слов, прежде всего подумает, что перед ним русские – так сильны изменения, которые претерпела немецкая песня в процессе своего преобразования...»²¹, возможно, он и не ожидал той научной бури – продолжительностью почти в столетие, – которая затем пронесется вслед за его высказыванием. И хотя о немецкой песенной культуре в России – возражая Г.Шюнеману – писали в разное время В.Жирмунский, В.Виттрок, В.Зуппан, И.Виндгольц, Г.Хабенихт и другие ученые, основной вопрос о ее генезисе, с нашей точки зрения, остался нерешенным.

Георг Шюнеман первым описал наличие в музыкальном фольклоре российских немцев «мелодических моделей»²², т.е. наличие специфических коротких мелодических оборотов – или мотивов (с точки зрения нашей теории – ячейковый способ формирования мелодии). Он объяснял это явление разными причинами, например, причинами забывания в памяти «правильной мелодии»: «Колонист часто довольствуется мелодическим оборотом из небольшого количества тактов, часто фрагментом песни, который только и остался в его памяти»²³, влиянием русской народной музыки: «Не только забывчивость и недостаток музыкальной уверенности приводят к орнаментированию, но также исполнительская манера и истинно русское предпочтение малых характерных мотивов»²⁴ [там же, с.40], совершенно четко сформулировав, что именно «в тесной связи с русификацией находится пристрастие к малым и мельчайшим мотивам» [там же, с.26]. Но затем он пишет и о влиянии разных народов России, в том числе «не только великороссов и малороссов, но и черемисов, мордовцев, татар и чувашей», замечая, что у всех этих народностей «песни разнообразны, но одно у них общее: самоограничение малыми и мельчайшими мотивами». Далее Г.Шюнеман развивает свою мысль: «короткие мелодические фразы с их множеством изменений образуют собственный художественный идеал многих народов»²⁵, и пытается ее обобщить, осмысливая явление эстетически: «лентообразный ряд одинаковых или похожих мотивов – это скорее выражение принадлежности определенному кругу идей... в малых повторяющихся мотивах у коми-зырян, мордвы, татар и других народов я вижу не переходную фазу к более высокой ступени развития, а собственный принцип формообразования, который опирается на сосуществование одинаковых или подобных групп мотивов... здесь дело в предпочтении воздействия на малые мелодические мотивы путем их богатого и своеобразного варьирования»²⁶. Г.Шюнеман вновь и вновь возвращается к понятию «мелодической модели», и, пытаясь объяснить генезис и эволюцию подобных форм он обращается к понятию заимствования, пишет о том, что немцы Поволжья, соседствуя, встречались не только с русскими, но и с другими народами, начинает цитировать песни черемисов, удмуртов, мордвы, чувашей

и татар (в записях от мужчин-военнопленных Первой мировой войны 1915–1918 гг.), доказывая, что как бы ни были разнообразны песни у всех по отдельности, но «одно у них общее: самоограничение малыми и мельчайшими мотивами»²⁷.

Но Г.Шюнеман пытается найти и другие объяснения возникновения мельчайших мелодических мотивов, например, то, что возникает «привыкание к музыкальному самоотречению, решающую роль в котором играет утрата первоисточников и вариантность»²⁸. При этом тут же, противореча самому себе, он пытается рассмотреть этот вопрос с эстетической точки зрения, констатируя, что «короткие мелодические фразы с их множеством изменений образуют собственный художественный идеал многих народов... То, что их предпочтение нельзя отнести на счет внутреннего закона инертности или неспособности к музыкальной изобретательности, следует из количества и меткости многих вариантов. Лентообразный ряд одинаковых или похожих мотивов – скорее, выражение принадлежности определенному кругу идей... В малых повторяющихся мотивах у коми-зырян, мордвы, татар и др. народов я вижу не переходную фазу к более высокой ступени развития, а собственный принцип формообразования, который опирается на сосуществование одинаковых или подобных групп мотивов»²⁹.

По сути высказанного Г.Шюнеманом положения, то есть о наличии в музыке поволжских немцев «коротких мелодических фраз, которые вновь и вновь варьируются», нет никаких конкретных высказываний в мировом музыкознании. Эта идея не рассматривалась, не комментировалась и не изучалась далее на конкретных образцах немецкого пения Германии, Австрии или Швейцарии. Но об идее Шюнемана о том, что возникновение этих «коротких фраз» есть полное и безоговорочное воздействие русских и других народов, окружающих немцев в России, высказывались далее и отечественные и зарубежные ученые. Основным во всех высказываниях было прежде всего опровержение главного тезиса – о влиянии русского пения. И, опровергая концепцию Шюнемана об иноэтнических влияниях, ученые опирались на описание Шюнеманом оригинального «мужского мелизматического пения», сохранившегося именно у поволжских немцев: «колониист из Поволжья твердо придерживается передаваемой из поколения в поколение манеры исполнения и растягивает песню и орнаментирует и украшает ее так, как услышал от других, и как ему самому вошло в плоть и кровь. При этом веселые песни и песни братств содержат меньше фигураций, чем любовные и прощальные песни, духовные напевы, военные песни и баллады всех видов»³⁰. Шюнеман заключает, что эта новая песенная традиция находится прежде всего под влиянием песенной традиции русских, а также тюркоязычных и финноугорских народов: «они (поволжские немцы) исповедуют тот же идеал, что и многие российские народы: они любят цветистое, богато орнаментированное исполнение...и охотно заполняют по очереди звуки и звуковые соединения музыкальными скольжениями и украшениями линии»³¹. Отмеченная Шюнеманом оригинальная мелизматическая манера пения привлекла к обсуждению других знатоков восточнонемецкого пе-

ния в течение ряда десятилетий XX века, а теория ее происхождения вызвала резкие споры и явились определенной научной проблемой при изучении музыкального фольклора немцев Поволжья, окончательно не разрешенной и сегодня.

Так, в 1931 году В.Жирмунский поставил под сомнение утверждение Г.Шюнемана, что мелизматическое пение поволжских немцев находится под русским влиянием и предположил, что, возможно, «этот свободный вид был репрезентативным в прежнем отечестве колонистов в устной манере исполнения народных песен... вплоть до времени их переселения»³². Однако при этом В.Жирмунский никаких соответствующих немецких музыкальных образцов пения в поддержку своего предположения не привел. Исследователь Вольфганг Виттрок, опираясь на послевоенные публикации Иоханнеса Кюнцига и Вальтраут Вернер, в своей работе в 60-е годы XX века также согласился с предположениями Жирмунского, опровергая Шюнемана: «Не только в областях поселений поволжских немцев, но и в других реликтовых областях, где поют немецкие народные песни, находятся типологически сравнимые образцы мелизматического пения»³³, также не приводя никаких определенных музыкальных примеров в доказательство своего опровержения.

Осмысливая названные проблемы, еще один исследователь немецкого музыкального фольклора Вольфганг Зуппан в 1970-е годы, так же, как и все остальные, возражающие Шюнеману ученые, делает вывод, что «этот способ исполнения немецких песен у поволжских немцев не может быть объяснен прямым влиянием этнических групп, которые окружают поволжских немцев, но эта манера, скорее всего, была перевезена колонистами во второй половине XVIII века при переселении»³⁴. Зуппан находит сходные черты в образовании мелодии у волжских немцев с мелизматикой шведских частушек, обращаясь к работе Карла-Аллана Моберга, и делает вывод, что «сравнимые с богато украшенным песенным стилем поволжских немцев манеры, мелизмы, орнаменты находятся во многих культурных традициях европейских народов»³⁵. В заключение своей работы В.Зуппан называет гипотезу Г.Шюнемана о русском происхождении манеры пения российских немцев «однобокой» и, желая окончательно разяснить этот вопрос и свою собственную позицию, заявляет, что «орнаментика появляется везде там, где письменная фиксация не повлияла на норму исполнения песен», приводя в пример особенности народного пения в Скандинавии, на Балканах, в альпийских странах, на Корсике, на Фарерских островах, в Дании, Исландии и на Гебридах³⁶.

В.Зуппан отмечает, что «в постоянном противостоянии с местными стилями, мелизматическое пение раскрывается в специфических образах, причем строение песни упрощается, а ведение мелодии в отдельных случаях обогащено. Певец оперирует запасом формул с устойчивыми украшениями, вставленными между отдельными постоянными тонами»³⁷. При этом В.Зуппан, исследуя конкретный певческий репертуар волжского немца Георга Зэнгера, признает, что «обилие распетых слогов, которые характерны для песенного репертуара немцев Поволжья, можно

встретить, пожалуй, в русской песне, но никак не в современном отечественном пении. Как показывают отдельные записи Зэнгера, такое обилие мелизматики – это, во-первых, вопрос исполнения: отдельные звуки глиссандообразно связаны путем слияния или запоздалого взятия последнего или преждевременного взятия следующего звука, к тому же, во-вторых, мелодическая линия обогащена различной орнаментацией. И тот, и другой прием непостижимы ввиду отсутствия народно-музыкальных первоисточников из прошедших столетий на прародине, однако, о них можно узнать по сообщениям о песне и вокале.

Сравнительные исследования в связи с теми же сообщениями позволяют предположить, что в устно-письменной песенной традиции, и в немецкой деревне тоже, некогда царили те же вокальные привычки, которые этномузыкологи в нашем столетии фиксируют у немцев Поволжья и могут законсервировать с помощью магнитной ленты, и которые лишь мимолетно и стилизованно отражены в письменно зафиксированных грегорианских мелодиях, напевах миннезингеров и майстерзингеров и во всем песенном наследии вплоть до XVIII века, когда немецкие переселенцы были призваны в тогдашнюю Российскую империю. Русская ситуация могла не только повлиять на сохранение этих приемов, но и благоприятствовать им»³⁸.

Таким образом, и мелодическую формульность, и особенности мужского мелизматического пения волжских немцев Зуппан относит к рудиментарным остаткам средневекового стиля Германии. Тем самым Зуппан, как и все его предшественники, не соглашается с идеями Г.Шюнемана полномасштабного влияния иноэтнических групп России на стиль поволжско-немецкого пения, но признает возможность благоприятствования сохранению средневековых традиций именно на территории России.

Помимо названия самого явления коротких мотивов у поволжских немцев «мелодическими моделями», Г.Шюнеман никак не систематизирует и не описывает эти структуры. Разумеется, поволжско-немецкое песенное наследие представляет собой, как и многие подобные народные традиции к концу XX в., весьма сложный объект, включив в себя за 240 лет своего существования, неопределенное количество внефольклорных явлений. Поэтому, во время нашего сравнительного анализа были сопоставлены только собственно традиционные явления, типологически значимые, что необходимо иметь в виду, знакомясь с выделенными формами. Мелодические линии волжско-немецких напевов во многих образцах различных жанров (но не во всех) складываются из мелодических оборотов определенной конфигурации, завершающихся опорным тоном. Эти мелодические обороты мы называем «ячейками» (термин Е.В.Гиппиуса), являющиеся относительно законченными, автономными синтаксическими единицами напева, которые обладают логически-завершенной конструкцией на разных уровнях организации: звуковысотном и ритмическом. Структурой ячеек, их последовательностью,

особенностями их координации с ритмической формой напевов определяется мелодическая композиция части описываемого нами песенного массива.

За основу нашего сравнительно-исторического анализа были взяты мелодии баллад, лирических песен, духовных песнопений как жанров, сохранных в Поволжье в наиболее старинных образцах. Здесь хотелось бы сформулировать важный вывод нашей работы: в начале XX века народно-певческое наследие волжских немцев во многом сохраняло культурные традиции Германии. Этот вывод касается вербальных поэтических текстов, типовых стиховых структур, большей части типовых слоговых музыкально-ритмических форм, каденционного строения, строения мелодий, которое в основном представляло собой целостную волнообразную структуру. В то же время выявилось, что в старинной народной мелодике Германии были предпосылки для ячейкового развития, не осуществившегося в полной мере. Поэтому нам кажется, что найденные в поволжско-немецких народных песнях, балладах и духовных песнопениях конца XX века «мелодические модели» Шюнемана или мелодические ячейки современного структурно-типологического анализа мелодики уже были намечены в мелодике немецких песен XVI-XVII вв. в Германии. Разумеется, эти закругленные мелодические обороты стали характерной чертой поволжско-немецкой мелодики не случайно, а под длительным дополнительным воздействием русского поволжского мелодико-многоголосного стиля.

И Шюнеман был прав, как бы предвосхищая своими исследованиями будущее широкое влияние русской мелодики, которое в последующем скажется, кроме как на тембре, и на более значимых сущностных характеристиках: таких как лад, фактура, ячейковое строение мелодии. Он был прав, так как тембровое звучание поволжско-немецких песен в начале XX века уже тогда ярко передавало саму суть русского начала, пусть пока еще и с главенством доминантовых каденций в мелодике: пение задушевное, искреннее, ярко выразительное, с резкими для европейского слуха открытыми тембрами и специфической «разнотембровостью» и «тембристостью» каждого голоса отдельно, явления, характерного именно для певческих южнорусских и русских поволжских традиций («тембровая многоотеночная манера», как называл это Е.В.Гиппиус). Эти голоса и сейчас еще можно услышать в Фонограмм-архиве г. Берлина благодаря фонографическим валикам Эдисона, на которые Г.Шюнеманом были сделаны первые звуковые записи поволжско-немецкого пения.

Наше исследование показывает, что в поволжско-немецких мелодических и ладовых конструкциях и в мельчайших компонентах этого мелодико-многоголосного стиля наличествует все усиливающееся влияние именно русской волжской местной песенной традиции.

И все-таки утверждения Г.Шюнемана оспаривались не зря, так как действительно, в ладовых и мелодических сущностных характеристиках это русское влияние проявилось в полной мере не раньше, чем в напевах середины XX века, тогда как в начале века влияние русского стиля гораздо более выпукло и значимо

только в тембровом воплощении поволжско-немецких песен и баллад. Возможно именно поэтому Готфрид Хабенихт, изучавший певческое наследие Марии Вон 1950–1970-х гг., признавал многие эстетические впечатления Шюнемана как совершенно точные и верные именно от песенных тембров волжских немцев.

Несомненно, сила воздействия русской певческой культуры резко увеличивается после 1941 года. В песенном репертуаре немецких коллективов начинают доминировать известные и релевантные жанры, близкие и сходные для русской культуры: прежде всего танцевальные и лирические. Сами исполнительские манеры немецких певческих коллективов становились все более и более зависимы от того непосредственного окружения, в котором они находились (на Урале, в Киргизии, в Казахстане, в Сибири и проч.). Реликтовые же особенности певческого немецкого наследия лучше всего сохраняются в исполнительских стилях отдельных одиночных певцов или же религиозных коллективов, которые уже длительное время поют вместе. Тем не менее, их тембровое звучание также сильно трансформировано.

Мы определяем яркие сочные звонкие тембры поволжско-немецкого певческого массива в звучании начала и середины XX в. как «доминанту этнической идентичности» волжских немцев, как определенный показатель их этнического тождества. Одновременно нужно подчеркнуть, что этот показатель в значительной степени трансформировался к концу XX века, и эти изменения связаны не только с гендерными смещениями (исполнение народных песен переместилось полностью в женские группы общества) и изменениями мелодических и фактурных характеристик (одноголосный мужской виртуозный стиль меняется на многоголосный женский стиль с утратой виртуозных распевов).

Особенно ярким проявлением воздействия русской народной музыки автор считает доминирование кварттово-секстовых ячеек в одноголосных поволжско-немецких мелодиях и типовых кварттовых ячеек в многоголосных мелодиях. То есть кварттовость, как ладовое явление в целом, играет значительную роль и в ладовых формах ячеек и в ладовых вертикальных проекциях волжско-немецкого зрелого стиля, что мы относим к несомненному влиянию русского традиционного пения и именно местных мелодико-многоголосных стилиевых ареалов.

Орнаментальный мужской стиль пения – «мелизматический», открытый Г.Шюнеманом как в сольных, так и многоголосных песнях и балладах начала XX в., благодаря гендерному смещению сохраняется не только в мужских напевах середины XX в. (Георг Зэнгер, Райнхардт Зальцман), но и в женских (Мария Вон). Этот виртуозный стиль к концу XX века встречается только в сольных женских версиях в жанрах духовных песнопений, баллад и лирических песен (Эмилия Бенке, Эмма Круч, Эмилия Штырц), резко редуцированный и практически утраченный в записанных нами многоголосных версиях песен и баллад 1992–2006 гг.

Таким образом, мелос волжско-немецких напевов является гибридом между традиционным пением, сохраняющим особенности немецкой национальной куль-

туры – к этим особенностям мы относим типовые вербальные, стиховые и слогоритмические структуры, мужское сольное орнаментальное пение, – и – волжским русским песенным стилем, с присущими только ему музыкально-ритмическими, ладовыми и многоголосными конструкциями: ячеювость, квартовость на разных уровнях, доминирование квартово-секстовых ячеек в поволжско-немецких мелодиях, наличие с начала XX в. в многоголосии волжских немцев фактуры октавных каденций, характерное тембровое звучание волжско-немецких песен и баллад.

Заключение. Процесс эволюции культуры поволжских немцев, ее содержания определяется в течение XX века двумя основными объективными предпосылками: во-первых, наличием нескольких культурных пластов, возникших в процессе исторически сложившегося заселения немцами региона Поволжья и формирования поволжско-немецкой песенно-обрядовой традиции как гибридной конгломеративной системы путем взаимодействия с другими народами; во-вторых, разрушением репрессивным путем культуры этого сообщества.

Проведенное нами исследование на разных уровнях выявило три уровня межэтнического взаимодействия, первый: взаимодействие на территории Поволжья немецких культур разных земель Германии и Австрии привело к различным конгломеративным формам; второй: взаимодействие поволжско-немецкой и славянской традиционных музыкальных культур (русской и украинской) образовало разнообразные конгломеративные и гибридные формы; третий: включение в поволжско-немецкую культуру чужих форм различных национальных культур, оставшихся на периферии сознания, в частности казахской, мордовской, украинской, русской и др. часто имело мультикультурные формы.

В результате современное поволжско-немецкое традиционное музыкальное наследие определяется нами как гибридная конгломеративная мультикультурная система, в которой наличествует своеобразие единства составляющих ее компонентов, – в качестве главных, типовых для культуры субэтноса рассматриваются не только и не столько отдельные формы и типы, сколько их «набор» и соотношение в традиции.

Начиная с 1930 года сведения о звукозаписях музыкальной традиционной культуры российских немцев в их колониях перестали быть достоянием мировой науки, а после 1940 года музыкально-этнографические исследования были прекращены и в России. Поволжско-немецкое традиционное музыкальное наследие, прежде всего именно как певческое наследие, в настоящее время не осознано как выдающееся явление мировой культуры, по сути, являясь уникальным синтезом традиций средневековой Германии и России XIX–XX столетий, приняв за основу колоритные формы поволжского региона. Изначально сформированное на эстетических принципах Европы и на базе европейского музыкального языка, сумев переработать и то и другое изнутри, оставшись типологически близким как культуре метрополии, так и России, это наследие еще ждет своего признания.

Сельская культура поволжских немцев, сформированная на мультикультурной основе материнскими культурами Германии и народов России, имела до первой половины XX века отчетливо выраженные региональные особенности и различия. И именно культура поволжских немцев, полностью лишенных своих территорий и переселенных за Урал, стала составной частью культуры основной массы немцев России, проживающих в настоящее время в различных регионах Сибири, Оренбуржья, Казахстана, а также Германии. При этом явления мультикультурализма, отмеченные еще в первой трети XX века, сохранились до начала XXI столетия. Напрашивается вывод, что гибрид между реликтовым наследием германской культуры и мультикультурностью поволжско-немецкой культуры был заложен в основу развития немецкого субэтноса на территории региона еще в конце XVIII в. и сохранился в течение всех рассматриваемых исторических периодов.

¹ См.: Шишкина Е.М. Возрождение культуры российских немцев и современность: особенности музыкального фольклора немцев Поволжья последепортационного периода // Материалы международной научной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир». Москва, 22–24 мая 2002 г. М.: Республиканский центр русского фольклора, 2004. С.92–102; ее же. Свадебная обрядность волжских немцев //Памяти М.А.Этингера. Астрахань: ГФЦ «Астраханская песня», 2006. С.124–166; Ее же. К проблемам мелодической типологии волжско-немецкой песенной традиции // Музыкальная семиотика: перспективы и пути развития: Сб.статей по материалам Международной научной конференции 16–17 ноября 2006 года в 2-х частях. Часть 2. Астрахань: Изд-во ОПОУ ДПО АИПКП, 2006. С.104–112; ее же. Волжско-немецкие баллады в современном бытовании: феномен долгожительства // Традиционная культура. М.: Республиканский центр русского фольклора, 2007. №1. С.110–127; Шишкина-Фишер Е.М. Поют и танцуют немцы Поволжья/ Музыкальный фольклор российских немцев в современных звукозаписях. Es singen und tanzen die Wolgadeutschen. Serie: Musikfolklore der Russlanddeutschen in modernen Tonaufnahmen Вып.1. М.: Готика, 1998; Schischkina, E. Interkulturelle Beziehungen in der Volksmusik der Wolga-Region // Musik kennt keine Grenzen. Hrsg. von G. Noll und W. Schepping. Bd.14. Essen. 2001. S.129–143; Shishkina E. The Ethnic Identity of Russian Germans in the Context of Contemporary Social, Cultural and Ethnopolitical Problems of the Volga Region in Russia // Shared Musics and Minority Identities: Papers from the Third Meeting of the "Music and Minorities" Study Group of the International Council for Traditional Music (ICTM), Roč, Croatia, 2004. – Naila Ceribašić and Erica Haskell, eds. Zagreb. - Roč: Institute of Ethnology and Folklore Research – Cultural-Artistic Society "Istarski željezničar", 2006. С.235-252; Shishkina E. Growth of Hybrid and Conglomerate Tendencies in the Traditional Musical Culture of the Volga Region Germans at the Beginning of the third Millenium // Fourth Meeting of the Study Group «Music and Minorities» of the International Council for Traditional Music. Varna, Bulgaria, 2006. P.60-61; Shishkina E. Musical and folklore heritage of the Volga Germans today: archives, expeditions, festivals and conferences // XXII EUROPEAN SEMINAR IN ETHNOMUSICOLOGY, Jokkmokk, Sweden, September 6–10 2006. P.19.

² См.: Дингес Г. К изучению говоров поволжских немцев (Результаты, задачи, методы) // Ученые записки СГУ. Т.IV. Вып.36. 1925. С.12–20; Дингес Г. О русских словах, заимствованных поволжскими немцами до 1876 года // Уч. зап. Саратовского госуниверситета, пед.фак-т. Саратов, 1929. Т.7. Вып.3. С.195–236; Дитц Я. Жизнь и характер, нравы и обычаи колонистов // Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 1997. С.376–396; Дульзон А.

Проблема смешения диалектов по материалам языка немцев Поволжья // Известия Академии наук СССР. ОЛЯ. 1941. №3. С.82–96; Дульзон А. Языковые процессы у немцев Поволжья // Ученые записки Саратовского пединститута. 1941. № 3. С.82–96; Шишкина-Фишер Е.М. Поют и танцуют немцы Поволжья / Музыкальный фольклор российских немцев в современных звукозаписях. Es singen und tanzen die Wolgadeutschen / Serie: Musikfolklore der Russlanddeutschen in modernen Tonaufnahmen. Вып.1. М.: Готика, 1998.

³ См.: Жирмунский В.М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Советская этнография. 1933. № 2. С.84–112.

⁴ См.: Dulson, A. Volkskundliche Fragebogen. 1. Die Hochzeitsbräuche der Wolgadeutschen. Pokrowsk: Zentralmuseum d. ASSR d. Wolgadeutschen, 1931.

⁵ См.: [2] Дитц Я. Указ соч. С.376–396.

⁶ См.: Dulson, A. Volkskundliche Fragebogen. 1. Die Hochzeitsbräuche der Wolgadeutschen. S. 5-6.

⁷ См.: Habenicht, Gottfried. Zeremonielles Lied und zeremonialisiertes Lied – Dargestellt am Beispiel des wolgadeutschen Hochzeitsbrauchtums // Lied, Tanz und Musik im Brauchtum. 9–12 September 1982. Münster, 1985. S. 63–64

⁸ См.: [5,10] Караров Е. Материалы по этнографии немцев Поволжья // Доклады АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. №13. С.283–286; №14. С.262-269; Boll Klaus. Kulturwandel der Deutschen aus der Sowjetunion: Eine empirische Studie zur Lebenswelt russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik. Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.v. Band 63. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1993.

⁹ См.: Шишкина-Фишер Е.М. Поют и танцуют немцы Поволжья / Музыкальный фольклор российских немцев в современных звукозаписях. Es singen und tanzen die Wolgadeutschen/Serie: Musikfolklore der Russlanddeutschen in modernen Tonaufnahmen. Вып.1.

¹⁰ См.: Graefe Iris, Barbara. Zur Volkskunde der Russlanddeutschen in Argentinien/ Veröffentlichungen des Instituts für Volkskunde an der Universität Wien. Bd. 4. Wien: Verlag A. Schendl, 1971; Graefe Iris, Barbara. Die Wolgadeutschen – Ökologie einer Volksgruppe // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1973–1981. Stuttgart, 1982. S.126–139 (Kirschner, 1956); Suppan Wolfgang. Das melismatische Singen der Wolgadeutschen in seinem historischen und geographischen Kontext // Studia instrumentorum musicae popularis. Stockholm: Musikhistoriska museet, 1974. S. 237–243 (Zeiler, 1960–1961); Kirschner, A. Wie die Wolgadeutschen Hochzeit feierten // Heimatbuch der Ostumsiedler. Stuttgart: Arbeitsgemeinschaft der Ostumsiedler, 1956. S.129–134, Stahf, 1961).

¹¹ См.: Boll, Klaus. Kulturwandel der Deutschen aus der Sowjetunion: Eine empirische Studie zur Lebenswelt russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik / Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.v. Band 63. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1993.

¹² См.: Dulson, A. Volkskundliche Fragebogen. 1. Die Hochzeitsbräuche der Wolgadeutschen.

¹³ См.: Boll, Klaus. Kulturwandel der Deutschen aus der Sowjetunion: Eine empirische Studie zur Lebenswelt russlanddeutscher Aussiedler in der Bundesrepublik. Schriftenreihe der Kommission für ostdeutsche Volkskunde in der deutschen Gesellschaft für Volkskunde e.v. Band 63. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1993.

¹⁴ См.: Шишкина-Фишер Е.М. Поют и танцуют немцы Поволжья/ Музыкальный фольклор российских немцев в современных звукозаписях. Es singen und tanzen die Wolgadeutschen/Serie: Musikfolklore der Russlanddeutschen in modernen Tonaufnahmen.

¹⁵ См.: Dulson, A. Volkskundliche Fragebogen. 1. Die Hochzeitsbräuche der Wolgadeutschen (1914, №№115–129).

¹⁶ См.: Kagarow, Eugen. Materialien zur Volkskunde der Wolgadeutschen. 1. Hochzeitsgebräuche // Zeitschrift für Volkskunde. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1932. S. 241–251 (№№ 242–243).

¹⁷ См.: Graefe Iris Barbara. Zur Volkskunde der Russlanddeutschen in Argentinien/ Veröffentlichungen des Instituts für Volkskunde an der Universität Wien. Bd. 4. Wien: Verlag A. Schendl, 1971; Graefe Iris, Barbara. Die Wolgadeutschen – Ökologie einer Volksgruppe // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1973–1981. S.126–139.

¹⁸ См.: Шишкина-Фишер Е.М. Поют и танцуют немцы Поволжья / Музыкальный фольклор российских немцев в современных звукозаписях. Es singen und tanzen die Wolgadeutschen / Serie: Musikfolklore der Russlanddeutschen in modernen Tonaufnahmen. Вып.1. (№№41–43; 46–48).

¹⁹ Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861 – 1888 годах А.Н.Минхом. Предисл. А. Пыпина. С-Пб.: в типогр. В. Безобразова и комп. 1890. С. 11.

²⁰ Шишкина-Фишер Е.М. Поют и танцуют немцы Поволжья / Музыкальный фольклор российских немцев в современных звукозаписях. Es singen und tanzen die Wolgadeutschen / Serie: Musikfolklore der Russlanddeutschen in modernen Tonaufnahmen. Вып.1. С. 7.

²¹ Там же. С. 44.

²² См.: Там же. С. 28.

²³ Там же. С. 27.

²⁴ Там же. С. 28.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Там же. С. 30.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Там же. С. 29.

²⁹ Там же. С. 29–30.

³⁰ Там же. С. 51.

³¹ Там же. С. 75.

³² Шишкина Е.М. Возрождение культуры российских немцев и современность: особенности музыкального фольклора немцев Поволжья последепортационного периода // Материалы международной научной конференции «Славянская традиционная культура и современный мир». С. 9.

³³ Habenicht, Gottfried. Die wolgadeutsche Hochzeit. Dargestellt am Beispiel der Gemeinde Rothammel. S. 648–650; Habenicht Gottfried. Zeremonielles Lied und zeremonialisiertes Lied – Dargestellt am Beispiel des wolgadeutschen Hochzeitsbrauchtums. S. 125–127.

³⁴ Erbes, Johannes, Sinner, Peter. Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien. Saratow: Gesellschaft „Buchdruckerei Energie“, 1914. S. 237.

³⁵ Ebenda. S. 239.

³⁶ Ebenda. S. 240.

³⁷ Ebenda.

³⁸ Ebenda. S. 237.

Д.И. Вайман, А.В. Черных (Пермь)

Межэтническое взаимодействие как фактор формирования специфики традиционной культуры немцев Прикамья в XX веке

В конце XIX – начале XX века на незаселенные земли Башкирии, находящиеся на границе Уфимской и Пермской губерний, стали компактно селиться немецкие крестьяне, являющиеся выходцами из западных губерний России – Киевской и Волынской. С 1902-го по 1907 г. немцами было основано несколько хуторских поселений: Николаевка Первая, Николаевка Вторая, Нижняя Григорьевка, Сергеевка, Екатериновка, Романовка. В настоящее время эта территория в административном отношении относится к Чернушинскому и Октябрьскому районам Пермского края. Полевые исследования последних лет, проведенные в этих районах, как среди немецкого, так и эстонского, марийского, русского, удмуртского населения позволили выявить как особенности межэтнического взаимодействия, так и иноэтническое влияние соседних народов на традиционную культуру немцев, влияние немецкого населения на соседние народы.

Незаселенные лесные дачи в этот период активно также осваиваются и другими народами: эстонцами, марийцами, татарами, удмуртами, но большей частью русскими, выходцами как из северных уездов Пермской, так и соседних Вятской и Уфимской губерний¹. Немецкие хутора с самого начала своего основания находились в иноэтничном окружении: в непосредственной близости от них располагались эстонские хутора, рядом существовали русские, татарские, башкирские, марийские деревни.

При этом русские составляли относительное большинство населения этих территорий. Этнический состав населения в XX в. продолжал усложняться: с 1920-х годов в Южное Прикамье начинается переселение чувашей с Поволжья, удмуртов с территории северной Башкирии, и все они определяют на жительство в уже существующие населенные пункты. И если до 1940-х годов немецкое население сохраняло компактный и моноэтнический характер расселения, то при ликвидации хуторов немцы оказались в этнически смешанных поселениях. Этнический состав деревень Баймурзино, Жуки (Октябрьский район), Ивановка (Чернушинский район), как правило, включал два народа: немцы и русские – в Ивановке и Жуках, немцы и марийцы – в Баймурзино. Однако со временем состав постепенно усложняется. Самой этнически пестрой представляется д. Ивановка, в которой уже в 1960-е годы из 320 жителей помимо немцев (84 чел., или 26,3% всего населения)

были русские (128 чел., или 40%), чувашаи (88 чел., или 27,5%), а также марийцы (6 чел., или 1,9%), татары (5 чел., или 1,6%), башкиры (5 чел., или 1,6%), удмурты (3 чел., или 0,9%), белорусы (1 чел., или 0,3%)². В этих условиях межэтническое взаимодействие, иноэтнические инновации явились как одними из важных факторов формирования специфики традиционной культуры и языка немецкого населения этих территорий Пермского Прикамья, так и фактором влияния традиций немецкой культуры на соседнее население.

На сложный полиэтничный и поликонфессиональный характер территории постоянно указывали наши информаторы: «У нас тут десять деревень, из нашего совету. Вот Петровка – эстонцы. Тураевка, Орловка, Змеевка, Сергеевка – русские. А еще у нас тут татары, марийцы, чувашаи» (д. Баймурзино)³; «Как нас переселили в сороковые годы с хуторов, все уже вместе там росли – и русские, и чувашаи, и немцы, все вместе были там» (д. Ивановка)⁴. О глубине межэтнического взаимодействия говорит и степень владения языками соседних народов. Не только русский выступал языком межнационального общения. Так, в д. Ивановка разговаривали и по-немецки: «Мы на немецком с чувашаи то же разговаривали. Я до школы вообще русский не знала. У нас и чувашаи, но их мало было, и русских мало, несколько семей, они на немецком все знали, все могли говорить на немецком языке. И за немцев замуж вышли русские» (д. Ивановка)⁵. В эстонской деревне Новопетровка Октябрьского района немцы и русские, постоянно проживающие в этой деревне, осваивали эстонский язык: «Немцы то же по-эстонски сначала не знали. Которые женщины жили у нас тут в Петровке, четыре человека, они научились по-эстонски говорить, говорили по-эстонски как и эстонки, немки были. А русские женщины жили в деревне, они не научились говорить, а понимать они понимали, что эстонцы при них говорят. Что-нибудь секретное сказать нельзя было, они уже понимали это, что что-то такое» (д. Новопетровка)⁶.

В первой половине XX в., с момента основания хуторских поселений, один из векторов межэтнического взаимодействия немецкого населения был направлен на контакты с соседними эстонцами. Об интенсивности этих контактов свидетельствуют примеры межэтнических немецко-эстонских браков. На возможность и вероятность смешанных эстонско-немецких браков уже в первой половине XX в. неоднократно указывали информаторы, как немцы, так и эстонцы, в то время как браки с представителями других народов не поощрялись: «Потом наши мужики многие женились на немках. Или своих девок не было или че, женились на немецких девках. У нас три семьи, наверно, этих немецких были. Галина бабушка вышла за немца. Немка вышла за эстонца. И тетка ее. Наверно, три сестры вышли за эстонцев» (д. Новопетровка)⁷. Нередким было и совместное проживание в одних хуторских поселениях. Так, д. Сергеевка, основанная немцами уже в 1920-е годы, превратилась в немецко-эстонскую деревню.

Сближению двух народов способствовала конфессиональная близость (среди немцев и эстонцев были представители лютеран). Так или иначе, религиозный

фактор обусловил схожесть в некоторых элементах духовной культуры, прежде всего в праздновании основных религиозных праздников, сроки которых и совпадали и различались с соседним русским населением. Активные контакты и взаимовлияния были обусловлены и общностью хозяйственного уклада: в отличие от соседних народов, немцы и эстонцы сохраняли хуторское хозяйство и хуторской тип расселения. В результате взаимодействия складывался общий пласт элементов хозяйства и материальной культуры, проявившийся в одинаковой планировке интерьера, жилища, конструкции печи, традиционном костюме, утвари, приемах ведения хозяйства.

В то же время, при общности некоторых черт материальной и духовной культуры, информаторы указывают на некоторые значимые для них детали оценки соседнего народа. В частности, эстонцы всегда отмечают существенные внешние отличия соседей-немцев от представителей своего народа: «Немцы, они темнее, эстонцы – светлый народ. Эстонцев мало темнокожих, темноволосых. Светловолосые эстонцы больше...» (д. Новопетровка)⁸. Эстонцы указывали и на неразвитость празднично-обрядовой культуры соседнего немецкого населения, так как народный календарь эстонцев был более развернут и включал большее число как праздничных дат, так и обычаев, с ними связанных: «У их ведь как-то вроде немного по иначе все. Они больше верующие были. Праздники они не каждый праздновали, у нас много праздников, а у них нет» (д. Новопетровка)⁹. Эстонцы обращают внимание и на высокую степень миграционной мобильности соседей-немцев: «Наш народ эстонцы не летуны, с места на место не летали. Где устроились, там живут, работают и умирают. А немцы, они прилетели, маленько поживут – и опять. Немцы уехали, там нажились, приехали снова сюда, давай строиться. Здесь построили такие большие дома. Пожили тут годов пяток, может, больше, опять ехать надо. Продали все, опять уехали. Теперь в Германию переехали» (д. Новопетровка)¹⁰.

Второй вектор межэтнического взаимодействия в этот период был направлен на контакты с русским населением, которое не только составляло большинство соседнего населения региона, но и материальная культура которого была более приспособлена к суровым природно-климатическим условиям Пермского края. Немцами были восприняты некоторые элементы традиционного костюма соседнего населения, как и приемы их изготовления: катание валенок и плетение лаптей. Повседневной и рабочей обувью в немецких деревнях Южного Прикамья стали и русские лапти. Лапти лишь иногда покупали, во многих семьях была освоена технология их плетения: «На работе лапти носили, лапти русские, прямые, мы такие носили, покупали, три рубля пара. Лапти ну изнашивали, так в лесу лыки надерем, сама уже подплетала, чтоб подольше ходить. Ну а потом, когда замуж вышла, муж сам лапти плел. [– Муж немец был?] – Да» (д. Николаевка). «[– Немцы лапти носили?] – Как сказать. Мы здесь жили, мы все носили. Сами плели, я плел, и брат плел. Сами плели мы. Научились...» (д. Романовка)¹¹;

«Лапти были, на работе лапти носили. У русских прямые личика были, у татар – приподнятые. А у нас были и на правую и на левую ногу – разные. Говорили, что немцы вятские лапти носят» (д. Н. Григорьевка)¹². Разница в видах лаптей у русских, отмеченная информатором, связана с тем, что этот район осваивался в начале XX в. выходцами из разных районов, преимущественно Вятской и Пермской губерний, чем и обусловлена некоторая разница культурных традиций. Немецким населением были усвоены два типа лаптей, отличающиеся как особенностями изготовления, так и внешним видом: «русские» лапти (характерные для переселенцев из Пермской губернии) и «вятские», свойственные переселенцам из Вятской губернии¹³. Лапти, обозначаемые русским термином, как и в русских деревнях, носили с холщовыми, полусуконными или суконными портянками. От русского населения были восприняты и валенки, как зимняя повседневная и праздничная обувь. Валенки, хотя и получили широкое распространение в немецких деревнях, однако их производство в этих деревнях не было развито, и валенки, как правило, приобретались в русских деревнях у русских мастеров: «Валенки катали. У нас в Николаевке, потом в Ивановке никто не катал, рядом деревня была русская, Андреевка, там катовалы были. Отдавали. Помню, один раз отец еще домой приглашал, дома катал...» (д. Николаевка)¹⁴. В д. Баймурзино только одна немецкая семья занималась производством валенок: «У нас, наверное, отец один валенки делал...» (д. Баймурзино)¹⁵. При этом сохранялась традиционная обувь для работы в конюшне – пантофли.

В Прикамье немцы быстро перешли к строительству русских бань, отказавшись от традиционных способов гигиены. Появление бани на немецкой усадьбе связано с заимствованием этой хозяйственной постройки у соседнего русского населения: «В хуторах бань не было, и в Ивановку переехали, какое-то время немцы сами не ставили бани. У русских были, когда ходили к русским. Сами себе сколько раз уже задавались вопросом, почему же немцы такие были, бани не делали. В деревне когда жили, у нас семья большая была, десять человек. Здоровая такая бочка. Мы когда маленькие были, нас двоих, троих туда сразу. И палькаемся там» (д. Николаевка)¹⁶. Однако с конца 1940-х годов баня постепенно становится обязательной постройкой усадебного комплекса и размещается на удалении от других жилых и хозяйственных построек.

Достаточно быстро в условиях лесного ландшафта немцы отказались от традиционного способа покрытия крыши соломенными снопами, сменив их пиленым тесом сначала на жилых, а затем и на хозяйственных постройках. Активно используется немцами и глиняная посуда, приобретаемая у русских. Постепенно в быт входят и некоторые предметы печного инвентаря, например ухват, которого, как отмечают информаторы, в прошлом также не было в немецкой традиции, так как горшки не ставили в печь.

Не только заимствования и восприятие русских традиций определяли характер взаимодействия немецкого и русского населения. Можно говорить и об

определенной этнической кооперации. В хуторских поселениях, как правило, не было мельниц, поэтому для помола муки обращались к русским мельникам в соседние деревни. Нередко прибегали и к помощи русских кузнецов. Немцы, хотя и пользовались глиняной посудой, приобретали также ее у русских горшечников и никогда не изготавливали ее сами. Как мы отмечаем, так же они поступали и при необходимости в валяной обуви: валенки либо приобретали у котовалов, либо приглашали мастеров на дом в немецкие деревни.

В то же время, несмотря на активное сближение и контакты с русским населением, существенной была разница традиционного быта и культуры, что постоянно подчеркивалось информаторами: «У русских были прялки высокие, у них колесо. А у немцев они были низкие. Процесс один и тот же»; «У русских в домах одна комната, и все, а у нас кухня отдельно, комната отдельно»; «Мы тоже похлебки варили разные, но они не совпадают с русскими» (д. Николаевка)¹⁷.

Известны примеры гостевания немцев в русских деревнях на праздники у друзей и знакомых: «Но Масленица, вот я помню, насколько вот мы, дети, помнили, так, помню, мама ездила все раньше в деревне там в Темну, Андреевку они ездили все. Но русские люди были, но тоже дружили, ходили, ездили на Масленицу к ним. В Темное, в Андреевку, тут два километра от нас было, деревня тоже. Это помню, ездили мама с папой» (д. Николаевка)¹⁸.

Активизация контактов с русскими произошла в 1930-е годы. В это период происходит активное освоение немцами русского языка. Большую интенсивность эти контакты приобрели после 1939–40-го гг., когда немецкие хутора были сселены в более крупные населенные пункты. Часть немецких хуторов была переведена в русскую деревню Жуки, где образовала немецкую улицу, вторая часть – в марийскую деревню Баймурзино, где также немцы расселились на отдельной улице. Большая часть хуторов образовала деревню Ивановка с исключительно немецким населением. Этот этап примечателен протеканием принципиально нового межэтнического взаимодействия немецкого и русского населения. Здесь происходят качественные изменения, отразившиеся, пожалуй, почти во всех областях традиционной культуры немцев. Ввиду постоянных тесных контактов с русскими усвоение элементов русской культуры становится очевидным. Наблюдается снижение роли немецкого языка и усиление роли русского. Значительная часть иноэтнических влияний в этот период проникает в область духовной культуры. Вплоть до середины XX в. немцам удавалось сохранить традиционную календарную обрядность. С течением времени немецкие праздники стали проводиться в те же сроки, что и русские, под русским влиянием в традиционной обрядности немцев можно увидеть некоторые заимствованные праздники, как например Радольница, Масленица и др. Сначала немцы просто принимали участие в праздновании в соседних русских деревнях, а позднее и восприняли некоторые из праздников соседнего народа. Отдельные праздники получили русские названия – Троица, Вербное воскресенье; немецкие названия оказались почти забыты, хотя элементы

празднования сохранялись традиционные. Русские традиции сказались на свадебной и похоронно-поминальной обрядности.

Некоторое отличие от межэтнического взаимодействия немцев с русскими и эстонцами имело взаимодействие немцев с другими народами: марийцами, татарами, удмуртами, чувашами, – которое проходило в рамках мирного добрососедства. Об этом, например, говорят оценочные характеристики взаимодействия между народами, полученные от информаторов: «Все заодно были, дружно были, работали вместе...». Нередким было участие в немецких праздниках марийцев д. Баймурзино. И наоборот: «Да, ходили, конечно. Мы всегда ходили. У них, например, Пасха начинается раньше, в четверг. У нас Великий четверг, у них Пасха. Они Пасху отпразднуют, потом начинается немецкая Пасха. Немецкую отпразднуют, потом русская начинается. Вот так и отмечали все праздники» (д. Баймурзино)¹⁹.

В то же время контакты с названными народами не приводили к иноэтническим инновациям в немецкую культуру. Объективно не существовало тех этнокультурных связей, которые могли бы обеспечить более высокий уровень взаимодействия. Сказывалась и конфессиональная разница – с мусульманским татарским и башкирским населением, с язычниками марийцами и удмуртами контакты ограничивались и по причине конфессиональных отличий. Существенной была разница и бытового уклада этих народов в сравнении с немецкой культурой. Многие бытовые черты чувашей, марийцев, удмуртов, татар и башкир вызвали неподдельный интерес: «Когда сюда чуваша приехали... Они на речку ходили стирать, возьмут две палки, корыто, положат белье в корыто и палками колотят, так интересно. Мы маленькие все на речку бегали смотреть, как чуваша стирают» (д. Ивановка)²⁰; «Мы все на мельницах мололи, а у чувашей круги были такие, как ручная мельница, они сами мололи» (д. Ивановка)²¹. Однако внешний интерес к новому и необычному не приводил к заимствованиям, так как обычаи этих народов либо существенно отличались от немецких традиций (например, похоронно-поминальные традиции татар и башкир), либо немецкие формы схожих бытовых традиций были более современны, как например интерьер жилища и комплекс традиционного костюма («У марийцев и у чувашей платья такие цветные, оборки они еще пришивали, а мы уж так не одевались, у нас все по-современному» (д. Ивановка)²²), или более совершенны, как конструкция печи в доме. В ряде случаев «свои» традиции оценивались более положительно: «В Баймурзино немецкая улица от марийской чистотой отличалась, везде палисадники, цветы. У марийцев так не было» (д. Баймурзино)²³; «У марийцев женщины всегда работали, а у немцев старались, чтобы женщины дома сидели, не работали, за детьми, за домом смотрели...» (д. Баймурзино)²⁴. При этом традиции этих народов противопоставлялись не только своей, немецкой культуре, но и культуре русского населения, на которую были более ориентированы немецкие традиции: «Раньше русские, немцы почти что одинаково, ну разве что чуваша, марийцы – они как-то все по-другому. А так русские, немцы – почти одинаково» (д. Николаевка)²⁵.

Незначительное влияние иноэтнических традиций было обусловлено и тем фактором, что во время активных межэтнических контактов с марийцами, удмуртами, чувашами, татарами и башкирами уже в советское время, начиная с 1930-х годов, традиционный уклад и культура этих народов также испытывали сильные трансформации, связанные с новыми идеологическими установками и социально-экономическими преобразованиями. Чувашаи и удмурты, переселенцы из других регионов, кроме того, не имели компактных поселений, а их культура также нуждалась в адаптации к новым природно-климатическим и этнокультурным реалиям, поэтому сама в большей степени была ориентирована на восприятие иноэтнических инноваций.

Процессы восприятия иноэтнической культуры немецким населением, происходившие на протяжении довольно длительного времени, наблюдаются и по сей день. В настоящее время можно отметить проявления некоторой двойственности традиций, прежде всего немецко-русской: с одной стороны, сохраняется национальная культура, с другой стороны, активны и иноэтнические компоненты.

Влияние немецкого населения на соседние народы прежде всего сказывалось в восприятии последними, в том числе русскими, более рациональных приемов хозяйствования и технологий. Так, немецкая телега, как более удобная и совершенная, была воспринята соседними народами; в интерьер жилища этих народов проникла немецкая печь с особой «теплой стенкой», обогревающей отдельную комнату. Восприняты были и некоторые блюда немецкой кухни: в русских деревнях именно от немецкого населения русские научились готовить блины на основе молотого. Определенное влияние немецких традиций сказалось на лексике русских говоров этих территорий («Немцы, эстонцы – они другая вера, лутурьянцы» (д. Новопетровка))²⁶. До настоящего времени сохраняются немецкие топонимы для обозначения тех мест, где в прошлом располагались хуторские поселения: «У нас покос на Блюментале, там, у Жуков» (с. Тюинск Октябрьского района)²⁷. Многие немецкие традиции воспринимались на личностном уровне. Интересный пример взаимодействия отмечен нами в русском с. Тюинск, в котором в послевоенное время также проживало определенное число немецкого населения: «Я [русская] у Дуни Банземир [немка] училась капусту садить, у нее всегда капуста хорошая была, она говорила: «Всегда сей капусту 6 мая». Я от нее научилась» (с. Тюинск)²⁸. Данный пример показывает «двойную» передачу традиции. Обычай садить капустную рассадку в Егорьев день, 6 мая, – один из самых распространенных в русских традициях южных районов Прикамья, который в свое время был воспринят немецким населением и вновь транслировался в русскую среду в условиях полиэтнического поселения. Характерной особенностью восприятия русскими соседнего немецкого населения служит и распространение термина «наши немцы», в чем заключается не только противопоставление их немцам Германии или других регионов, но и отмечается близость исторических судеб и хозяйственного и бытового уклада, опыт длительного добрососедства.

Таким образом, межэтническое взаимодействие и заимствования явились одним из факторов формирования специфики традиционной культуры немецкого населения южных районов Прикамья, со свойственной только ей этнокультурными особенностями, а, с другой стороны, особенно на стадии разрушения традиционной культуры, послужили также и фактором интеграционных и ассимиляционных процессов.

¹ См.: Вайман Д.И., Черных А.В. Немецкие деревни Южного Прикамья: История и традиционная культура // Немцы Сибири: История и культура. Материалы V Международной научно-практической конференции. Омск, 16-18 мая 2006 г. Омск, 2006. С.189–191; Немецкие населенные пункты с СССР до 1941. М. 2002. С. 140–141; Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т.VI. Кунгурский округ. С.4–9; Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т.IX. Сарапульский округ. С.128–131.

² О формировании населения этого региона см.: Черных А. В. Этнический состав населения и особенности расселения в Южном Прикамье в XVI – первой четверти XX в. // Этнические проблемы регионов России: Пермская область. М., 1998. С. 39–113.

³ Полевые материалы авторов – далее ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

⁴ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, родом из д. Ивановка Чернушинского района.

⁵ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, родом из д. Ивановка Чернушинского района.

⁶ ПМА-2008; Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна 1919 г.р., эстонка.

⁷ ПМА-2008; Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна 1919 г.р., эстонка.

⁸ ПМА-2008; Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна 1919 г.р., эстонка.

⁹ ПМА-2008; Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна 1919 г.р., эстонка.

¹⁰ ПМА-2008; Октябрьский район, д. Новопетровка, Меас Эльвина Юлисовна 1919 г.р., эстонка.

¹¹ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Фелерт Андрей Борисович 1937 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

¹² ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

¹³ См.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т.V. Бирский уезд. Уфа, 1899. С.34–38.

¹⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Сарс, Либерт Роман Юлисович 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

¹⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

¹⁶ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, родом из д. Ивановка Чернушинского района.

¹⁷ ПМА-2004; Октябрьский район, п. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

¹⁸ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Сарс, Либерт Роман Юлисович 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

¹⁹ ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

²⁰ ПМА-2000; Чернушинский район, с. Трун, Либерт (Гуткнехт) Ольга Васильевна, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

²¹ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, родом из д. Ивановка Чернушинского района.

²² ПМА-2004; Октябрьский район, п. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района

²³ ПМА-2004; Октябрьский район, п. Щучье Озеро, Еске Елизавета Юлисовна, 1940 г.р., родом из д. Николаевка.

²⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

²⁵ ПМА-2004; п. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

²⁶ ПМА-2008; Октябрьский район, д. Новопетровка (русские).

²⁷ ПМА-2008; Октябрьский район, с. Тюинск (русские).

²⁸ ПМА-2008; Октябрьский район, с. Тюинск (русские).

Исторические памятники немцев-пивоваров в городах Оренбургской губернии

Целью данной публикации является знакомство с биографией и предпринимательской деятельностью первых немецких пивоваров из г. Оренбурга А. Клюмпа и Г. Гофмана, из г. Троицка Я. Л. Зуккера и параллельно проследить судьбу построенных ими в середине XIX в. заводов вплоть до настоящего времени.

История Оренбуржья интересна и многогранна. Российские немцы и подданные Германии, жившие в городах Оренбургской губернии в XIX – начале XX в., оставили следы своей деятельности. Их можно обнаружить в письменных документах областного архива, в губернской дореволюционной прессе, в печатных трудах иностранцев, посещавших Оренбургский край, и в сохранившихся до наших дней артефактах, которые представлены промышленными предприятиями, в данном случае, пивоваренными заводами. Артефакты, как и люди, имеют разные судьбы, но обладают одним удивительным свойством – быть на протяжении веков молчаливыми свидетелями исторической памяти, которая хранит и вызывает при стечении благоприятных условий в обществе имена их создателей из далекого прошлого.

Пиво варили еще во II тысячелетии в Месопотамии, Египте, Греции. В Европе оно получило наибольшее распространение в Германии, Чехии, Дании, где производилось из ячменя, а в Англии – из пшеницы. На Руси в Московии этот напиток называли брагой в XV в. и путем брожения получали из проса и хмеля. В XVI в., при царе Алексее Михайловиче, разное пиво варилось в кремлевском Сытном дворе – «малиновое», «мартовское», «приправленное» (с медом), «приказное» (т.е. сваренное по особому случаю) и до начала XVIII в. являлось государственной монополией. Импортное пиво стало завозиться в XVII в. Следует отметить роль царя-реформатора Петра I в развитии производства пивоварения в России. Возглавляя Великое посольство в страны Западной Европы в 1697 – 1698 гг., он познакомился с разными сортами пива. Вскоре оно вошло в ассортимент напитков, подаваемых на царский стол, а в 1719 г. издали указ о строительстве специальной пивоварни для российского флота и разрешили заниматься этим промыслом иностранцам – голландцам, англичанам и уроженцам Прибалтики¹.

Первый в России частный пивоваренный завод при Екатерине II в 1795 г. открыл прибывший из Финляндии А.Ф. Крон. Императрица выдала ему грамоту на монопольное производство пива в Санкт-Петербурге и участок рядом с Александро-Невской лаврой. Поскольку пиво как слабоалкогольный напиток приносило в казну постоянный и немалый доход, его производство регламентировалось специальным уставом «О пивоварении». Он определял содержание экстракта

в первоначальном сусле (9%), спирта в готовом пиве (6%), плотность суслу (16 градусов) при температуре в 14 градусов по Реомюру или 17,50 по Цельсию².

В Оренбургской губернии первенство в развитии этой пищевой отрасли принадлежало российским немцам и немцам-иностранцам. На их средства, накопленные в результате напряженной купеческой деятельности, поднялись пивзаводы. Будущий купец Антон Ключмп родился 4 февраля 1827 г. в семье немецкого вольного поселенца Федора Яковлевича Ключмпа и саратовской немки, чьи родители были колонистами³. Время не донесло до нас имя его матери, хотя известно, что родители по этой линии были потомками первых немецких переселенцев, которые прибыли на р. Волгу во времена Екатерины Второй по Манифесту 1763 г. Старший Ф. Я. Ключмп своим появлением в немецких поселениях под Саратовом был обязан Наполеону I, который мечтал покорить Россию в войне 1812 г. Тогда Ф. Ключмпу исполнилось 18 лет. Он родился 9 ноября 1789 г. на Рейне в Фишеленском приходе вблизи Крефельда и Кёльна. Семья относилась к католическому вероисповеданию, по роду занятий принадлежала к потомственным ткачам шелковых материй. Перед походом на восток, Наполеон I пополнил ряды своей армии немецкими новобранцами. Поставленный под ружье, юноша как солдат наполеоновской армии прошагал до Москвы, где был взят русскими в плен, который пришлось отбывать под Саратовом. Познакомившись с трудовой жизнью соотечественников-колонистов и общаясь с ними, он решил, как и некоторые другие военнопленные, остаться в далекой России. Ф. Ключмп принял новое подданство, обзавелся семьей и вновь превратился в ремесленника-ткача. Вместе с родственником и земляком Матцом начал ткать ситец под названием «сарпинка», которая быстро раскупалась на месте и в близлежащих губерниях. Ремесло приносило такой хороший заработок, что отец успел дать сыну Антону трехклассное гимназическое образование. Пожар, уничтоживший ткацкую мастерскую, вернул бедность и изменил планы подрастающего юноши. Он занялся изучением переплетного дела, но в Астрахани познакомился с азами профессии дистиллятора по очистке хлебного кваса, а в Москве продолжил профессиональное образование и сдал экзамены на звание дистиллятора. Младший Ключмп сначала трудился в Самаре, потом в Бузулуке, с 1860 г. в Оренбурге, где работал в союзе с купцом П.Н. Оглодковым. Список купцов на 1867 г. представил Антона Ключмпа временным 2-й гильдии оренбургским купцом. В 40 лет он работал много и упорно, интенсивно занимался общественной деятельностью и благотворительностью. Всю оставшуюся жизнь до смерти в 1892 г. он посвятил развитию пивоваренного дела в Оренбурге, которое началось в 1866 г. на небольшом медо-пивоваренном заведении. Проработав около десятка лет на устаревшем оборудовании и получая пиво низкого качества, решил построить новый завод за счет личных сбережений.

Для расширения площади он дополнительно купил дворовое место в пределах городского квартала⁴. От него 6 марта 1875 г. поступило прошение в Городскую Управу на постройку дома, завода и складов. Прошение было удовлетворено

11 марта 1875 г. городским архитектором Кориным с обязательной припиской, что строительство будет «вестись без малейшего отступления от плана». Реконструкция бывшего здания и возведение нового корпуса начались на площади в 490, 1 кв. сажен и продолжались до 1888 г. Завод принимал форму буквы «Г», где располагались сушильни, солодовые цехи, заторная, бродильная, комната-ледник, складские помещения под хлеб. Ниже были оборудованы глубокие сводчатые подвалы для пивных танкеров, проведено местное электричество и канализация. На втором этаже, как раз над хлебным складом, находилась 2-х комнатная квартира пивовара, во дворе в каменном одноэтажном сарае караулка для сторожа. В 1879 г. пожар повредил возведенные строения, но последствия были вскоре устранены. Весь фасад завода по ул. Неплюевской (ныне ул. Ленинская, 17) украсила особая кирпичная кладка, от ближайших домов он был отделен двойной противопожарной стеной из кирпича. Интересно отметить, что постройки возводились по соседству с оренбургскими купцами Оглодковыми и Измайловыми. На предприятии трудились 13 рабочих с интенсивным использованием тяжелого физического труда⁵. Зимой на р. Урал они выпиливали из льда целые блоки и на санях перевозили на завод, чтобы к началу таяния снега успеть заложить лед в ниши между танкерами с пивом и поддерживать в подвалах необходимую температуру даже летом. Вручную мыли бутылки, для мытья танкеров нанимали низкорослых и худощавых рабочих, которые вползали через нижнее небольшое оконце вовнутрь огромной, примерно пятитонной, бочки и очищали ее от дрожжевого осадка.

Местная газета «Оренбургский листок» за 1876 г. поместила объявление о продаже мартовского пива с завода А. Клюмпа, приготовленного по баварскому способу пивоваром Георгом Гофманом⁶. Здесь необходимо отметить, что к началу 1870 г. 90% общего объема производства пива в России приходилось на баварский сорт, который вырабатывался особым технологическим процессом – низовым брожением, позволявшим длительный срок хранения. В Баварии такой способ производства был известен примерно с 1420 г. Престижность этого сорта окончательно утвердилась при баварском герцоге Вильгельме IV, который издал в апреле 1516 г. «Закон о чистоте пива», выделив хмель, солод, воду и дрожжи, в качестве главных ингредиентов. Баварское пиво имело цвета от темно-желтого до темно-красного, было густым из-за большого содержания экстракта, а вкус – более «хлебным».

После Парижской выставки 1867 г. во всей Европе стало популярным венское пиво из-за мягкого винного вкуса, приятного и тонкого аромата и меньшей густоты, получали его по технологии верхового брожения, хотя по сроку хранения оно значительно уступало баварскому. Владелец завода А. Клюмп и пивовар Г. Гофман запустили в производство и эту новинку. В мае реклама сообщала уже о венском пиве, которое продавалось по цене от 1 руб. 60 коп. до 1 руб. 40 коп. за одно ведро непосредственно с завода.

Когда строительство завода шло полным ходом, в местной газете за 1883 г. поместили статью с острой критикой на выпускаемое пиво. Автор, обращаясь к

А. Клюмпу и Г. Гофману, писал: «Смилосердствуйте, господа! Вот уже более месяца как вы пускаете в продажу вместо пива какой-то брандохлыст, какую-то мутную воду, и хотя для вас сбыт этой бурды несомненно выгоден, да чем же виноваты желудки потребителей-то?! Вы расстраиваете здоровье вашим странным суррогатом, именуемым «пиво». Это злостно. Любители пива, положим, не пьют теперь вашего фабриката, но масса поглощает вашу бурду по-прежнему, платя хорошие деньги». Справедливости ради необходимо отметить, что больше подобных отзывов в местную прессу не поступало. В России лидером среди сортов считалось пильзенское столовое, которое варила треть российских пивоваренных заводов как самое простое в изготовлении. На заводе А. Клюмпа оно стало выпускаться с 1887 г.

«Пиво – это особое вещество, сближающее одного человека с другим, это незаменимый источник уюта», – так записано в немецком «Словаре аппетитных вещей» 1892 г. Следуя этому изречению, А. Клюмп открыл портерную лавку в собственном доме. Реализация шла через харчевню в здании старой гауптвахты, в ресторане на набережной р. Урал, летом в Александровском сквере и в Зауральной роще, где имели летние дачи состоятельные оренбуржцы. С того же года появились конкуренты В.Ф. Никитин из С-Петербурга с завода, основанного финном А.Ф. Кроном в 1795 г., и местные купцы братья-пивовары Мошковы⁷.

А.Ф. Клюмп был заботливым сыном для престарелых родителей. Он помогал им сначала материально, когда же крепко встал на ноги как купец и заводчик, то перевез престарелого отца в Оренбург, где тот умер в мае 1865 г. Он заботился о двух братьях и семи сестрах, оставившими после себя более 40 продолжателей этого рода. Сестры Елизавета и Мина пережили Антона, который умер 15 марта 1892 г. от «аневризма сердца» в возрасте 65 лет. Здоровье А.Ф. Клюмпа не выдержало постоянной гонки за покупателем и напряженной борьбы с конкурентами.

В личной жизни купец А. Клюмп и его жена Шарлотта Раутер, уроженка Кенигсберга, умершая в 1882 г., не имели собственных детей. Трижды они пытались усыновить подкидышей и мальчиков из городского приюта, но те, будучи младенцами, умирали. Для желанных детей в доме купца имелись специально подготовленные комнаты с мебелью и вещами. Супружеская чета думала о наследниках, которым она желала передать свой благоприобретенный капитал. Из приемных детей вырос один только сын Николай, усыновленный в 1871 г. и записанный в православное вероисповедание, согласно существовавшему законодательству. Отец дал ему образование в школах России и за границей, возил по городам Европы, знакомил с пивоваренным производством, возлагая на сына большие надежды. От Николая Клюмпа общественность города ждала продолжение семейного дела, но напрасно. Он продал завод в 1898 г. купцу, бывшему пивовару и единомышленнику отца баварцу Г. Гофману, чьи наследники, кроме пива, наладили выпуск 4 сортов фруктовой воды и владели предприятием до революции 1917 г. Николая Клюмпа со второй половины 1902 г. причислили к мещанскому сословию, как «необъявившего купеческого капитала», и его следы окончательно затерялись⁸.

Общественная служба оренбургского 2-й гильдии купца А. Клюмпа поражает своей широтой, разнообразием и усердием. Он был присяжным оценщиком с 1866 г., гласным городской думы, кандидатом на должность общественного директора городского банка с 1874 г., затем директором этого же банка в течение 15 лет до конца своей жизни, директором Оренбургского губернского попечительного о тюрьмах комитета, почетным смотрителем городского трехклассного училища, почетным членом садоводческого общества. А.Ф. Клюмп принимал активное участие в пожертвованиях для бедных города, поставлял продукты в детские приюты и дом младенца для подкидышей, выделял средства для закупки полушубков и тулупов для поступивших в госпиталь раненых солдат в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. По случаю взятия болгарского города Плевны и освобождения его от турок русской армией, владелец водочного завода А.Клюмп совместно с купцом Д.И. Кулаковым отвезли огромную бочку водки в Караван-Сарай к губернатору в день народного ликования. Желаящие горожане смогли одолеть такое количество спиртного только за два дня. На его деньги закупались учебники для подшефного училища и проводился текущий ремонт. На заработанные средства жил сам и давал возможность жить другим. За обширную благотворительную деятельность был награжден золотыми медалями для ношения на шее, получал благодарности от министерства народного просвещения, оставил на память потомкам пивоваренный завод. Насколько уважительно относилось правление города к А.Ф. Клюмпу, говорит факт его последних проводов в иной мир. Священник католического костела отец Байковский провел церковную службу, прибывший из Самары отец Каревич в заключении службы «сказал три назидательных надгробных слова – два по-немецки и одно по-польски», православное духовенство отслужило малую панихиду. В похоронной процессии принимало участие все население города. «Известного своими полезными и необходимыми делами купца-труженика и примерного семьянина, – писала местная газета, – благодарная публика пронесла на руках от дома до могилы на городском кладбище. На месте последнего пристанища души умершего возложили венки родственники, вице-губернатор А.А. Ломачевский, учителя трехклассного училища, служащие банка, члены общества взаимопомощи приказчиков и др. Всего было возложено 11 венков».

Молодой баварец и потомственный пивовар, католик Георг Гофман прибыл в Оренбург в конце 70-х гг. XIX в., мечтая об основании собственного дела в России. В далеком степном городе он воплотил мечту в реальность, заняв место пивовара и разорившегося купца Карла Фишера. Известность пришла после 1898 г., когда он стал полновластным хозяином нового пивоваренного завода. «Оренбургская газета» в 1900 г. запестрела обновленной рекламой: «С 1 мая с парового пивоваренного завода наследников А.Ф. Клюмпа поступило в продажу хорошо отстоянное мартовское пиво по 1 р. 60 коп. за ведро. Венское. Черное. Баварское. Рекомендованное пиво приготовлено из Кавказского ячменя и самого высшего сорта заграничного хмеля». Здесь требуется уточнить, что особенно слож-

ными для производства были так называемые черные и полубелые сорта, которые «рвали при перевозке» бутылки и даже бочки, в отличие от предыдущих сортов. Одновременно повысился акциз на пиво, что повлекло за собой увеличение цены за ведро на 10 коп. В Оренбурге «Товарищество парового пивоваренного завода «Е.Е. Гофман и К°» (бывший Ключмп)» появилось в 1902 г. и продолжало лидировать в гонке с конкурентами. В расширении ассортимента выпускаемой продукции и в финансовых вопросах через нотариуса большую помощь оказал земляк и зять Людвиг Бамбергер, германский подданный и торговец хмелем.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. начались осложнения в размерной жизни наследников умершего к тому времени Георга Гофмана. На время войны Николай II запретил изданным законом производство вина и пива, поэтому на заводе опечатали остатки, а предприятие в 1915 г. перевели на выпуск искусственных минеральных и фруктовых вод. В июле в продажу «поступили яблочный и фруктовый сидр, клюкво-ванильный, клюквенный и хлебный квас, фруктовые, яблочные и сельтерские воды, приготовленные из натуральных продуктов, рафинированного сахара и кипяченой воды», как гласила реклама.

Положение 10 детей Георга Гофмана значительно ухудшилось, поскольку они с началом военных действий стали относиться к гражданам враждебного для России государства. От окончательного распада большой семьи спасало вступление в русское подданство дочери Елизаветы Егоровны Гофман на второй день войны. В 1915 г. на освободившихся площадях завода разместилась мастерская по пошиву солдатских овчинных полушубков, которые отправлялись в госпитали и на фронт⁹. После Октябрьской революции 1917 г. Гофманы лишились завода, т.к. он был национализирован властью Советов. Дотянув до ратификации Брестского мирного договора с Германией в марте 1918 г., семья приняла решение вернуться на историческую родину и начала готовить документы к отъезду. Семья Гофман навсегда оставила Оренбург в 1921 г.

В уездом Троицке монополистом на производство пива был германский подданный Иоганн Леонгардт Зуккер. Он получил билет на жительство 5 ноября 1890 г. на основании национального паспорта, выданного Оренбургским губернатором 20 октября 1889 г., когда сыну Якову исполнилось 18 лет¹⁰. Отец был лютеранин, родился в немецком городке Линнерштадт (Бавария), где занимался торговлей. После его смерти в 1891 г. хозяйкой пивоварни стала жена Августина Иосифовна Зуккер, до замужества имевшая российское гражданство. В семье росло трое детей – Яков, Екатерина и Софья, которые являлись гражданами Германии. Их мать А.И. Зуккер после смерти мужа в 1901 г. вернула российское подданство. Она принадлежала к купеческому сословию Троицка и владела значительной недвижимой собственностью. Будущий крупный пивовар и продолжатель отцовского дела Яков Леонгардт родился 17 марта 1869 г. в Уфе. Дочери Екатерина и Софья родились уже в Троицке, первая в 1878 г., вторая – 15 ноября 1881 г. Старшая приняла российское подданство в 1901 г, младшая в 1903 г., окончив в Оренбурге на «хорошо и отлично»

институт императора Николая I в 1901 г., и поступила учиться на Надеждинские акушерские курсы в Санкт-Петербурге.

Младший Я.Л. Зуккер окончил курс классической гимназии в Троицке в 1888 г. и поступил на юридический факультет Дерптского университета, затем перешел в Ярославский Демидовский лицей, но в связи со смертью отца, вынужден был прервать образование и вернуться в родной город¹¹. Он стал главным помощником матери в торгово-промышленных делах. А.И. Зуккер выпускала в 1892 г. два сорта пива – баварское и экспортное, реализовалось оно в Троицке и уезде, в Кустанайской и Тургайской областях, складские помещения существовали в Кустанае, на Миасском заводе и в поселках Федоровском, Кочкарском, Боровом, Асинкритовске. Ячмень поступал из уезда и из Волынской губернии, а хмель – из Баварии. На заводе трудилось от 4 рабочих-мужчин с мая по сентябрь и до 10 человек в остальные сезоны. За варкой пива следил один мастер-иностранец, который имел общее образование. Пиво разливалось в фирменные бутылки грушевидной и прямоугольной формы из темного стекла. Посуда была украшена щитом ромбовидной формы с шестиконечной звездой и латинской буквой «S», что уберегало от подделок со стороны конкурентов, и служила рекламой для многочисленных потребителей.

На акционерных началах в 1907–1908 гг. молодой владелец провел реконструкцию пивоварни «Восточная Бавария» и освоил технологию варки пива нескольких сортов: «Столовое», «Черное», «Экспорт». До наших дней краеведческий музей Троицка сохранил образцы посуды и этикеток. За высокое качество популярный напиток был награжден Золотой медалью в 1906 г. на сельскохозяйственной выставке в Ростове-на-Дону, в 1908 г. – Большой золотой медалью и Почетным крестом на международной выставке в Риме. Я.Л. Зуккер занимался виноторговлей и имел ренсковый погреб с широким ассортиментом вин, коньяков, ликеров, шампанских вин, водочных изделий, поставляемых русскими и иностранными фирмами.

В октябре 1900 г. Троицкую общественность всколыхнул несчастный случай, произошедший на заводе из-за нарушения правил техники безопасности. Вот что писала «Оренбургская газета» 20 октября : «В Троицком окружном суде рассмотрено дело заводчика Я.Л. Зуккера, ...во время варки пива... сварились два солдата местной команды, обыватели Миасского завода Бобров и Сырьев. Суд в полном составе выезжал на заводы Зуккера для осмотра устройства приспособлений для варки пива. Были вызваны эксперты – фабричный инспектор Губин, помощник акционерного надзирателя В.И. Филиппов и поверенный заводчика А.П. Лорец. Показания экспертов были в пользу Зуккера. Несчастный случай произошел при следующих обстоятельствах. Два солдата местной команды были отпущены на частные работы на завод Зуккера. По окончании работ, когда еще было рано возвращаться к начальству, солдатики забрались на печь между двумя котлами, в которых варилось сусло. Когда наступило время ухода в казармы, один из солдатиков разбудил другого, и они решили пройти по печи между двух котлов, а

затем по лестнице спуститься на пол. Во время перехода, один из солдатиков потерял равновесие и повалился в котел с кипящей массой. Падая, он машинально схватил своего товарища, шедшего за ним, и увлек в котел. Извлеченные из котла ночью в военном лазарете скончались. Товарищ прокурор отметил, что владелец завода должен был предвидеть такую катастрофу, котлы никогда не были закрыты во время варки пива, и предложил суду применить к Зуккеру высшую степень наказания. Присяжный поверенный г. Раецкий доказывал, что все заводы на Руси построены по типу завода Зуккер, что несчастные солдатики Бобров и Сырьев не имели никакого права ложиться спать там, где бы ни один из постоянных рабочих никогда не лег, а потому просил суд не налагать на г. Зуккера никакого наказания. Суд вынес решение: сделать г. Зуккер выговор в присутствии суда и наложить покаяние. Один из погибших Бобров имел жену и детей, другой был холост и из богатой семьи. Семье первого солдата Я.Л. Зуккер выплатил 600 руб.»¹².

У пивовара существовал конкурент баварский немец А.П. Лорец, открывший фирму «Новая Бавария». Он выпускал такие же марки пива, что и Я.Л. Зуккер и давал схожие названия, например, у первого пиво поступало в продажу как «Баварское», то у второго оно шло под этикеткой «Пиво мюнхенское»¹³. В трудное время Первой мировой войны А.П. Лорец свернул свое дело и вернулся в Германию, а Я.Л. Зуккер пережил его в Троицке как интернированный немец. Пройдя сложный путь веры и разочарования в советскую власть, выбора места постоянного жительства, семья Я.Л. Зуккера в начале 30-х годов вернулась на историческую родину. Связь с Россией была навсегда оборвана.

Завод пережил смену владельцев во второй половине 1917 г., был перепрофилирован на выпуск мясных консервов для нужд армии, в 1921–1922 гг. перешел на производство жестяных консервных банок и ящиков для других заводов. В конце 1920-х гг. на нем вновь выпускают пиво и прохладительные напитки, в военные годы (1941–1945 гг.) в цехах расположился эвакуированный авиационный завод, в послевоенные годы возобновилось пивное производство. За прошедшие годы здание не подвергалось капитальному ремонту, ветшало, и в 1987 г. ночью рухнула стена солодовенного цеха, усугубив и без того тяжелое материальное положение завода, поставившего себя в зависимость от поставок солода и сырья другими организациями. Предприятие перешло в разряд убыточных, годы перестройки довели развал до логического завершения – полной ликвидации исторического памятника. Троицкие историки и краеведы предлагали использовать брошенное здание под исторический музей своего края или литературное кафе. В настоящее время здание и службы огромного завода стоят полуразрушенными и обросшими деревьями вперемежку с кустарниками и ждут своего часа уничтожения или чуда возрождения.

В уездном Верхнеуральске, лежащим на р. Урал в северной части губернии, пивоварением занимался прусский подданный Карл Рамздорф, умер в 1903 г. Его жена Аделаида, урожденная Кламмер, русская подданная, мещанка, вышла вторич-

но замуж за Гарри Везера из Ревеля. Их завод, расположенный в восточной части города, выпускал популярные сорта пива, искусственные минеральные и фруктовые воды, реализация продукции шла через киоски и лавки. В настоящее время завод бездействует, здание продано неизвестным лицам. Конкуренцию в уездном городке решил составить германский подданный Иван Шморель, сын известного оренбургского временного 2-й гильдии купца К. Шмореля, который в 1891 г. на арендованном до 1903 г. участке выстроил пиво-медоваренный завод. По неизвестной причине продал предприятие купцу И. Яманчалову с правом пользования строениями до 1903 г. В 1913 г. И.А. Шморель не успел прочно обосноваться на новом месте в качестве страхового агента, как началась война, и был уволен, согласно закону 1914 г. о лишении рабочих мест подданных вражеских держав.

Уездный Челябинск из захолустного городка в 90-х годах XIX в. в связи с превращением в крупную железнодорожную узловую станцию Транссиба начал привлекать предпринимателей, как русских, так и иностранных. Одним из первых, кто стал заниматься здесь пивоварением, был К. Венцель. Он построил завод недалеко от железнодорожного вокзала на Сибирской улице, там же имел складские помещения под сырье и готовую продукцию. К. Венцель владел заводом до начала Первой мировой войны, затем его быстро продал и вернулся в Германию. В настоящее время образовалась пивоваренная компания «Вена», которая занимается реорганизацией пивной отрасли и модернизацией оборудования.

Таким образом, пивзаводы в Оренбурге и Троицке являются историческими памятниками, но их судьбы сложились по-разному за 130 лет. В Оренбурге российский немец А.Ф. Клюмп первым построил завод, второй владелец подданный Германии Г. Гофман, вместе с детьми, сохранили предприятие до 1917 г. и расширили ассортимент выпускаемой продукции. В советское время завод работал стабильно, выпуская в год до 1200000 литров пива. Старожилы помнят «Жигулевское», «Славянское» и «Бархатное», два последних сорта были популярными у населения и поступали в продажу только в праздничные дни для выполнения плана. Зимой коллектив завода делал запасы для лета. Руководство своевременно проводило реконструкцию завода, строило дополнительные помещения, которые в годы перестройки кроме «Жигулевского» обеспечили появление новых сортов: «Александров», «Триумф», «Раздолье», «Емельян Пугачев». Завод работал на натуральном сырье, получая светлый солод из Тульской и Воронежской областей, хмель – из Чувашии, вода подавалась из р. Урал и очищалась по специальной технологии. Самая большая производительность падает на 1992 – 1998 гг. Перед началом 2000 г. пиво стало именоваться «Гофмань» – светлое, особое, оригинальное и крепкое. На московской выставке оригинальное пиво наградили медалью. Современная Оренбургская пивоваренная кампания «Гофмань» пытается выжить в условиях жесткой конкуренции со стороны производителей из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и импортного пива. В декабре 2006 г. автором совершена экскурсия на завод, во время которой удалось перенестись в далекое прошлое,

шагая в подвалах по каменным плитам из натурального камня, уложенных в далеком 1875 г., увидеть уже бездействующие старинные двери с глазком, соединявшие когда-то подвалы в один лабиринт, и прикоснуться руками к танкам 1875 г., от которых можно пальцами отрывать ржавые полоски металла. Эти раритеты могли бы стать отличным памятником основателям пивного производства в Оренбурге Антону Клюмпу и Георгу Гофману. В 2008 г. исполнилось 106 лет после смерти и 123 года с основания завода А.Ф. Клюмпом.

Старейшее предприятие Оренбурга – пивоваренный завод, преобразованный в 1998 г. в ЗАО ОрПИК, красиво обустроил прилегающую территорию, открыл пивной бар, погребок и магазин для реализации фирменной продукции в 2006 – 2008 гг. В одном заводском здании на первом этаже разместился частный русский пивной ресторан «Гофман». Портрет германского подданного Г.Г. Гофмана, выполненного с фотографии известного оренбургского и московского фотомастера К.А. Фишера, всегда приветливо встречает своих посетителей. Память о первом владельце завода сохранена в меню: закуска «Клюмп» к пиву, «Клюмпинский борщ», пельмени мясные «Клюмпинские». От такого пристального и похвального внимания к прошлому со стороны руководства ОрПИК возникает мысль, что о детище двух немцев А. Ф. Клюмпа и Г. Г. Гофмана помнят и берегут, оно живет своей производственной жизнью и необходимо жителям и гостям Оренбурга. Завод Я.Л. Зуккера в г. Троицке Челябинской области стоит в полуразрушенном состоянии и покорно ждет полного уничтожения. Он невольно наводит на философские рассуждения о судьбе памятников и исторической памяти, о части нашей общей культуры, отражающей сложность человеческого бытия и переоценку истории народа, создавшего их.

¹ См.: Бем В., Белянина Н. Пивоварение // Немцы России: энциклопедия / Редкол.: О. Кубицкая и др. М., 2006. Т. 3. С. 47.

² См.: Свод Законов. Т.V. Раздел 2. Гл. 1. Отдел. 7. Ст.250 – 294. СПб., 1897. С. 271 – 275.

³ См.: Оренбургская газета. 1892. 22 марта.

⁴ См.: Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО.Ф. 41. Оп. 1. Д. 874/5. Л. 25).

⁵ См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА. Ф.20. Оп. 12. Д. 141. Л. 482).

⁶ См.: Оренбургский листок. 1876. 11 апреля.

⁷ См.: ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 397. Л. 7 об. - 8.

⁸ См.: Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 743. Л. 185.

⁹ См.: Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 255Л. 73.

¹⁰ См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 671. Л. 1 – 1 об.

¹¹ См.: Архивный отдел администрации г. Троицка. Ф. Р-431. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹² См.: Оренбургская газета. 1900. 20 октября.

¹³ См.: Скобелкин Е., Шамсутдинов И. Возвращаясь к прошлому. Троицк, 1993. С. 109.

П. П. Вибе (Омск)

Социальная мобильность немецких колонистов как проявление национального менталитета (на примере Сибири)

По определению П. Сорокина, «под социальной мобильностью понимается любой переход индивида или социальной группы из одной социальной позиции в другую». Наряду с горизонтальной социальной мобильностью, под которой подразумевается переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне, выделяют еще и вертикальную социальную мобильность, т.е. те отношения, которые возникают при перемещении индивида из одного социального пласта в другой. Именно вертикальная социальная мобильность немецких колонистов в Сибири в ее экономическом проявлении и является предметом нашего научного интереса.

В зависимости от направления перемещения существует два типа вертикальной мобильности: восходящая и нисходящая. И тот и другой типы вертикальной социальной мобильности были характерны для социальных процессов, происходивших в среде немецких колонистов в Сибири в годы становления и развития их колоний. На преобладание того или иного направления вертикальной мобильности в отдельные периоды оказывали влияние разные факторы: войны и революции, политика государства в отношении колонистов, их менталитет и т.д. Рассмотрим, как менялся социальный статус колонистов в Сибири в конце XIX – первой трети XX в. под воздействием этих факторов.

Анализ социально-экономического положения крестьян разных национальностей накануне их переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX в. показал характерную особенность – достаточно высокий уровень социальной дифференциации у немецких переселенцев в местах выхода. На родине у поволжских немцев было значительно больше, чем у русских и украинских крестьян, крупных земледельческих хозяйств с пашней в 15–25 и более десятин земли. В то же время достаточно велика была доля (55,92%) безземельных и малоземельных колонистов. Таким образом, более половины переселявшихся в Сибирь немцев-колонистов из Поволжья мало чем в экономическом отношении отличались от основной массы русских и украинских переселенцев и не выделялись своим благосостоянием в общем переселенческом потоке. Для всех них Сибирь была страной, где они надеялись спастись от малоземелья и нищеты. Очевидно, не менее четверти немецких переселенцев, в первую очередь тех, кто не смог продать свое имущество,

были объективно вообще не подготовлены к успешной колонизации. В Сибирь они направились, с одной стороны, от безысходности, а с другой, не желая терять связей со своей общиной, и во многом полагаясь на жизненный опыт крупных хозяев.

Путь в Сибирь к своим переселенческим участкам был для немцев более долгим и тяжелым, чем у других переселенцев. Немецкие переселенческие поселки в Сибири нередко возникали случайно, не там где хотели переселенцы. На этот процесс серьезное воздействие имели факторы субъективного характера. К их числу в первую очередь следует отнести ограничения, которые чинили немцам переселенческие чиновники, руководствовавшиеся бытовавшим в правящих кругах взглядом на то, что переселение немцев-колонистов в Сибирь не соответствует задачам русской колонизации и не должно ущемлять интересы русского крестьянства.

В результате многим немецким переселенцам, прежде чем окончательно поселиться в Сибири пришлось пожить в местах временного водворения. Удельный вес немецких хозяйств, переводившихся с места на место в несколько раз превосходил аналогичные показатели у русских и украинцев. В это время немцы, в сравнении с другими переселенческими группами, понесли наиболее ощутимые демографические потери.

Но, несмотря на это, прибыв в Сибирь с одинаковым, а возможно и меньшим, по сравнению с остальными переселенцами, экономическим потенциалом, поселившись в тех же, а чаще всего в худших природно-климатических условиях и получив меньшую от правительства помощь и поддержку, они в конечном итоге быстро восстановили свой демографический статус и достигли более весомых хозяйственных результатов.

Что же отличало немецких крестьян от поселившихся рядом русских и украинских переселенцев? Обладая, по наблюдениям современников, большими потребностями, немцы прибыли в Сибирь и с более высоким уровнем социально-экономической мотивации. Она реализовывалась в наиболее рациональном использовании трудовых и денежных ресурсов, основная часть которых на первых порах направлялась не на строительство дорогостоящего жилья, а на разработку пашни и увеличение поголовья скота. Высокий уровень социально-экономической мотивации служил серьезным катализатором, усиливающим колонизационные возможности немцев по сравнению с другими переселенцами.

Психология хозяйственной деятельности немецких колонистов, основанная на протестантской этике, делала их целеустремленными и предприимчивыми. Большое значение, бесспорно, имел и так называемый «нравственный фактор». Этот фактор, субъективный по природе, «трудноуловимый», как писал в то время один из исследователей, в данном случае совершенно очевидно имел национальный оттенок и характеризовался такими личными качествами колонистов, как трудо-

любие, бережливость, аккуратность, трезвость, высокий уровень трудовых навыков и т.д.

В результате, к началу Первой мировой войны немецкие хозяйства в Сибири добились уже заметных результатов. Колонии отличались однородностью социально-экономической структуры, характеризовавшейся относительно высоким уровнем зажиточности. Хозяйства немцев были не только более крепкими, чем те, которые они оставили в районах выхода, но и выгодно отличались от хозяйств других переселенцев. В немецких колониях зажиточных хозяйств было в два – три раза больше, чем в других переселенческих поселках.

Следует отметить и такой немаловажный факт. По данным советских историков, в конце XIX – начале XX в. в сибирской деревне социальная структура изменялась в сторону выделения сельского пролетариата и сельской буржуазии, т.е. имели место оба типа вертикальной мобильности: восходящая и нисходящая. При этом отмечалось, что наиболее быстро выделение сельской буржуазии шло в старожильческих селах и казачьих станицах, а сельского пролетариата – в переселенческих поселках. В отличие от этого, в немецких колониях Сибири, основанных на переселенческих участках, накануне первой мировой войны ведущей социальной тенденцией был процесс формирования сельской буржуазии, т.е. преобладала восходящая вертикальная мобильность.

События революционных и военных лет в целом отрицательно сказались на экономике немецких колоний в Сибири. Характерным явлением в это время было сокращение поголовья скота, количества инвентаря, посевных площадей. И все же, несмотря на потери, понесенные в 1917 – 1919 гг., немецкие колонии Сибири сохранили неплохие перспективы для своего развития в мирных условиях. Этому способствовали их экономическая устойчивость к разного рода невзгодам и более благоприятная, по сравнению с остальным населением Сибири, демографическая ситуация. Эти обстоятельства должны были обеспечить немцам в ближайшее десятилетие лучшие перспективы воспроизводства населения и давали им некоторое преимущество перед остальным населением в общем контексте дальнейшего социально-экономического развития.

Но аграрные мероприятия, проведенные советской властью в период «военного коммунизма» и, особенно, продразверстка подорвали экономическую мощь некогда благополучных немецких хозяйств, сделали их чрезвычайно чувствительными к неурожаю и другим невзгодам. Внеэкономическое отчуждение хлебных и других излишков сковало предпринимательскую инициативу колонистов, привело к сокращению сельскохозяйственного производства и обнищанию их основной массы. Под воздействием внешних факторов вектор вертикальной социальной мобильности сменил свое направление с восходящего на нисходящее.

Переход к нэпу и связанная с этим замена продразверстки продналогом на первых порах не улучшили экономическое положение сельского немецкого населения Сибири. Более того, первая продналоговая кампания оказалась для

крестьян даже более обременительной, чем продразверстка, так как все запасы хлеба были уже исчерпаны. Во многих немецких волостях царили голод и нищета. Классовый характер налоговой политики советского государства приводил к тому, что немецкие хозяйства чаще всего облагались по самой высокой налоговой ставке. При этом наиболее тяжелым налоговым обложением было для относительно зажиточных немецких хозяйств.

Тем не менее, новые экономические условия позволили предприимчивым немецким хозяйствам на короткое время (1925 – 1928 гг.) не только возродиться, но и достичь значительных результатов. Немецкие колонии преобразились, их экономика значительно окрепла. Особенно заметно было оживление хозяйственной жизни в меннонитских колониях, где активно развернули свою деятельность отделения Всероссийского менонитского сельскохозяйственного общества. Немцы добились значительных успехов в селекционной и племенной работе, стремились к интенсификации своего сельскохозяйственного производства, создавали перерабатывающие предприятия, развивали торговлю. По многим экономическим показателям немецкие хозяйства значительно превосходили среднестатистические сибирские хозяйства. Вновь наметилась тенденция к повышению социально-экономического статуса немецких колонистов.

Но вскоре ситуация коренным образом поменялась. Взяв курс на сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса, советское государство нанесло сокрушительный удар экономике немецких хозяйств в Сибири. Меры советской власти, направленные против наиболее эффективных и предприимчивых крестьянских хозяйств, имели серьезные социально-экономические и демографические последствия. Произошло резкое падение сельскохозяйственного производства в результате разрушения либо серьезного подрыва экономических позиций зажиточных и средних слоев крестьянства. Миграционная мобильность, охватившая значительную часть немецкого населения, привела в конечном итоге к разорению многих хозяйств. Таким образом, история немецких колонистов в Сибири подтвердила вывод П.Сорокина о том, что в вертикальной мобильности «нет постоянного направления ни в сторону усиления, ни в сторону ослабления ее интенсивности и всеобщности». Этот вывод, по мнению П. Сорокина, действителен «для истории любой страны, для истории больших социальных организмов и, наконец, для всей истории человечества».

Подводя итог вышесказанному, отметим, что межгрупповая мобильность социальной структуры крестьянства в Сибири была выше, чем в Европейской России, и являлась следствием влияния переселений и колонизации. Отмечая эти особенности, известный специалист по аграрной истории Сибири Л.М. Горюшкин подчеркивал, что они «не отрицали единые закономерности в формировании социальной структуры крестьянства Сибири и Европейской России, а лишь отражали различия в форме проявления этих закономерностей в отдельных районах страны». В свою очередь в среде немецких колонистов вертикальная социальная

мобильность проявлялось особенно сильно. Высокая социально-экономическая мотивация или иными словами внутренняя заряженность на успех, с которой немцы прибыли в Сибирь, их хозяйственные навыки и традиции, национальные черты (трудолюбие, пунктуальность, трезвость и т.д.) способствовали тому, что большая часть колонистов смогла сменить свой социальный статус, подняться по социальной лестнице, перейдя из низших слоев в высшие (восходящая вертикальная мобильность, либо значительно укрепить свое социально-экономическое положение в рамках одного и того же социального слоя. Анализ статистических материалов показал, что у немцев этот процесс проходил более динамично, чем в других национальных переселенческих группах.

По утверждению автора теории социальной мобильности П. Сорокина, «никогда не существовало общества, в котором вертикальная социальная мобильность была бы абсолютно свободной, а переход из одного социального слоя в другой осуществлялся бы безо всякого сопротивления». И действительно, воздействие внешних факторов, таких как: переселенческая политика царского правительства, пагубные последствия революционных преобразований, мировой и гражданской войн, налоговое бремя первого десятилетия советской власти, администрирование и вторжение в хозяйственную и духовную жизнь колоний со стороны большевистского государства – все это сдерживало динамику восходящей вертикальной мобильности в среде немецких колонистов. Вся история сибирских немецких колоний с конца XIX в. до их уничтожения в начале 1930-х годов представляет собой историю противоборства двух противоположных тенденций социально-экономического развития – восходящей и нисходящей.

Проведенные же советской властью на рубеже 1920–1930-х гг. мероприятия по коллективизации немецких хозяйств в Сибири, привели к преобладанию нисходящей вертикальной мобильности и нивелировке социально-экономической структуры в теперь уже бывших немецких колониях. На этом этапе своего исторического развития немецкий колхозник уже мало, чем отличался от других участников «социалистического сектора» экономики.

Особенности воспроизводства этнической культуры немцев Сибири в условиях миграций

Переселение больших групп населения в совершенно новые условия (природно-климатические, политические, социальные, культурные, этнические) приводит к возникновению в культуре двух противоположных тенденций. Первая тенденция – это стремление сохранить и воспроизвести на новой территории обитания уже сложившиеся культурные традиции, которые рассматриваются членами диаспоры как неотъемлемый признак «своей» культуры и служит залогом сохранения идентичности. На наш взгляд, основной причиной этого феномена диаспорной культуры является выделение определенных культурных элементов, их консервация, придание этим элементам статуса этнических символов и последующая (часто бессознательная) культивация в качестве основных характерных черт народа, «этнической культуры», правил и норм поведения и т.д.

Вторая тенденция культурного воспроизводства в диаспоре – это восприятие нового, приобретение новых качеств, нового культурного опыта, заимствования у других народов и культурное обновление в результате процессов модернизации культуры. Важно отметить, что и в ходе этих процессов, которые можно назвать инновационными, также происходит символизация определенных элементов культуры и их последующее воспроизводство. Это вторая тенденция развития культуры в диаспоре. Следует отметить, что обе эти тенденции сосуществуют абсолютно непротиворечиво и гармонично, имеют в разные исторические периоды, разную интенсивность, результатом – совершенно уникальную культуру, и продолжают до тех пор, пока существует диаспора.

Культурное воспроизводство у российских немцев Сибири в первые десятилетия после их переселения из европейской части России было обусловлено процессами адаптации к местным климатическим условиям и к жизни в иноэтнической, инокультурной среде. Процессы адаптации привели к изменениям не только в материальной культуре. Например, поздняя в Сибири весна, короткое лето и ранняя холодная осень изменили сельскохозяйственный календарь, а вместе с ним – и календарную обрядность. Социальные трансформации российского общества привели к изменению социальной структуры немецкой этнической общности, роли и функций общины, структуры семьи, семейной обрядности и духовной жизни в целом. Очень большим было влияние на культуру немцев русских сибиряков и других народов, в непосредственной близости с которыми проживали немцы. Этнокультурное взаимодействие происходило не только между немцами и другими народами, но и между различными группами немцев, результатом этого взаимодействия было сложение консолидированных культурных комплексов, с одновременным сохранением отдельных локальных и конфессиональных особенностей элементов культуры.

Эти культурные комплексы находились в состоянии динамического равновесия (т.е., с одной стороны, они были подвержены изменениям, а с другой – сохраняли устойчивость) вплоть до конца 1980-х гг.

Начало формированию этих культурных комплексов было положено в конце XIX – начале XX в., когда происходило переселение немецких крестьян в Сибирь. Именно тогда сложились места компактного расселения немцев, в основном в районе Славгорода и Омска. Депортация привела к многократному увеличению немцев в Сибири (со 100 тысяч до 438 тыс. в Западной Сибири в 1959 г.), к рассредоточению и дисперсному расселению немцев по территории Сибири, к значительному увеличению доли поволжских немцев в составе немецкого населения.

До 1941 г. районы компактного расселения немцев – выходцев из определенных колоний европейской части России, и, следовательно, носителей определенной локальной культуры, выделялись достаточно четко. Но депортация привела к тому, что практически в каждом поселении появились новые группы немцев, генетически мало связанные (а чаще – вообще никак не связанные) со старожильческим немецким населением. Тем не менее, компактные районы расселения немцев сохранялись. В конце 1980-х гг., по-прежнему, более 60% немцев Сибири проживало в Омской области и в Алтайском крае. В Западной Сибири было 104 населенных пункта, где немцы составляли выраженное большинство, более 80% населения. Из этих 104 населенных пунктов 60 находились в Омской области, 3 – в Новосибирской области и 41 – на Алтае. В Западной Сибири также существовало 286 населенных пунктов с выраженной долей (более 20%) немецкого населения.

В результате укрупнения поселений происходили процессы стирания локальных различий между разными группами немцев и процессы внутриэтнической консолидации. Исключением являлись поселения, сохранившие, в основном в силу своей удаленности, более или менее однородный в этническом отношении состав населения. По полевым материалам мы можем выделить два поселения, имеющих ярко выраженные локальные, изолированные черты культуры. Это с. Литковка Тарского района Омской области, где на протяжении всего XX века в относительной изоляции проживали волынские немцы и с. Новоскатовка Шербакульского района Омской области, где проживали переселенцы из поволжских колоний Скатовка и Ягодная Поляна. Кроме того, можно выделить районы с преобладающим немецким населением определенных групп. Так, волынские немцы проживали более или менее компактно в Любинском и Горьковском районах Омской области, поволжские немцы – в южных районах Омской области и отдельными селениями на Алтае, меннониты – компактными группами в Алтайском крае и вдоль железной дороги от Исилькуля до Татарска.

Именно в этих районах был собран в экспедициях значительный массив материалов, который подтверждает тезис о консервации архаичных элементов культуры в диаспорных группах. Речь идет о том, что в результате миграции происходит разрыв связей с метрополией, в метрополии культура развивается в направлении

складывания общенациональных форм, под значительным влиянием государственных институтов, политических процессов, а в диаспоре – исходя из тех ресурсов, которые существовали на момент переселения. В культуре диаспоры происходят процессы, имеющие очень большую степень сходства с развитием диалектов, филологи изучают островные диалекты, а этнографы – локальные культуры, хотя своя специфика в функционировании языка и культуры, разумеется, существует.

Консервация архаики, длительное сохранение архаичных элементов – одна из самых характерных черт диаспорной культуры. В качестве примера можно привести длительное, вплоть до настоящего времени, сохранение таких обычаев, как «Вторая свадьба» (Цвайнхохцайт), обычаи ряжения в календарных праздниках, обычай «венчания покойников».

На обычай «венчания покойников» следует остановиться подробнее. Этому обычаю была посвящена статья Евгения Георгиевича Кагарова, которая вышла в журнале «Советская этнография» в 1936 г. В ней описывался этот обычай, зафиксированный Кагаровым во время экспедиции 1929 г. в Поволжье, в Куккусе¹. Это единственное упоминание о существовании подобного обычая у российских немцев.

В Германии вышло достаточно большое количество работ, посвященных этому обычаю, который называется «Totenhochzeit» («Свадьба мертвых»). Это, например, книга Отто Шрадера, которая вышла в 1904 г., статья Отто Лауфера «Этнографический обычай использования корон покойников в Германии», вышедшая в 1916 г., книга Эрнста Хельмута Зегшнайдера «Венок и корона в похоронах не состоявших в браке покойников», вышедшая в 1976 г. в Кельне, которая была основана на материалах Атласа немецкого народоведения, опубликованного в 1939 г. и содержащего сведения, собранные в период между 1930 и 1935 гг., множество статей регионального характера². И, наконец, в 2007 г. в Касселе вышел сборник статей «Свадьба мертвых с венком и короной», подготовленный к открытию в местном музее одноименной выставки и посвященный символическому венчанию покойников в похоронном обряде в разных землях Германии³.

Все немецкие исследователи описывают этот обычай «как архаичный реликт из древнего, суеверного времени», распространенный лишь до конца XIX в., и в XX в. практически нигде не встречающийся. Между тем, полевые исследования, проведенные в Сибири, свидетельствуют об очень широком распространении этого обычая среди немецкого населения вплоть до настоящего времени, и его особенностях по сравнению с встречающимися в литературе описаниями.

Общая схема «Totenhochzeit» такова: в случае смерти девушки ее рассматривают как невесту, одевают в светлое (часто – белое) платье, а на голову надевают свадебный венок с фатой – Rosenkranz. Умерших неженатых юношей одевали в свадебный костюм – на лацкане пиджака с левой стороны крепилось украшение из цветов и лент – Strauss. Если по какой-то причине, в редких случаях, светлого платья и костюма не было, молодых людей хоронили в обычной одежде, но венок и букет были обязательно.

Е.Г. Кагаров, анализируя данный обычай у немцев Поволжья, не приводит его подробного описания (он лишь упоминает о похоронах девушки), уделяя основное внимание его объяснению и происхождению. Он пишет, что обычай этот возник «на почве первобытного представления о безусловной необходимости брака, как в этой жизни, так и в загробной» и прошел в своем историческом развитии несколько ступеней. Древнейшей его формой было убийство и погребение девушки вместе с умершим юношей. Затем – совершение фиктивного бракосочетания умершего юноши с какой-либо девушкой, которая одевалась как невеста. Впоследствии «обряд еще более упрощается: умершую девушку одевают как бы под венец. Одновременно с этим происходит процесс переосмысления обычая; его объясняют представлением о необходимости брака и в земной жизни, и за гробом и связанной с этим представлением верой в «заложных покойников».

Сами немцы, наши информанты, объясняют этот обычай примерно так же: брак обязателен для любого человека. Поэтому если он не успел создать свою семью при жизни, нужно чтобы он прошел через этот этап перед похоронами. Отличительной особенностью этого обычая у немцев является полное отсутствие возрастных границ у мертвых невест и женихов. Если у большинства народов обряд посмертного бракосочетания устраивается для девушек и юношей того возраста, в котором принято вступать в брак или, по крайней мере, достигших половой зрелости, то у немцев нет никаких возрастных ограничений. Немцы в Сибири устраивают «Totenhochzeit» для всех, не состоявших в браке – от грудных младенцев и до старых дев и холостых мужчин любого возраста.

В материалах экспедиций, помимо устных сведений об обязательном погребении молодых людей в свадебной одежде, имеются фотографии, на которых запечатлены такие похороны. В нашем архиве имеются фотографии похорон молодых людей и девушек в свадебных костюмах из с. Ананьевка, Гришковка, Кусак, Николаевка, Редкая Дубрава Алтайского края, Неудачино Новосибирской области, Николайполь, Хортицы Омской области. Повсеместно отсутствуют возрастные границы, для проведения такого обряда главным критерием является девственность покойника.

Например, в экспедиции 1999 г. в д. Миролюбовка Омской области (меннониты) нам была подарена фотография, на которой запечатлены похороны женщины 30 лет, также в свадебном платье и венке. Надо сказать, что покойница на фото выглядит намного старше, просто старухой, потому что перед смертью долго болела. Тем не менее, по словам родственников, хоронить ее было нужно в свадебном наряде, потому что, умерев девственницей, она стала «христовой невестой». Мужчины, не состоявшие в браке, также одевались, как женихи. В экспедиции 1997 г. в д. Гришковка Алтайского края (меннониты), нам была подарена фотография, на которой запечатлены похороны мужчины около 40 лет в костюме с приколотым к груди «штраусом» – атрибутом костюма жениха. По словам родственников, он не был женат, потому что в молодости сломал ноги и был инвалидом. Следует сказать, что таких случаев было зафиксировано немного, потому что холостыми и незамужними

оставались лишь те, кто имел какие-либо физические недостатки, российские немцы традиционно крайне отрицательно относятся к безбрачию.

Самое большое количество материалов относится к похоронам детей. Это 20 фотографий, в том числе – 9 относятся к похоронам младенцев, умерших в возрасте от нескольких дней до одного года. По словам информантов, девочек хоронили в венках в любом возрасте, «хоть ей был месяц, хоть неделя или еще меньше». В некоторых случаях венок надевали поверх чепчика. Мальчикам укладывали цветы в изголовье и на грудь. Цветами также украшали гроб, крышку гроба и крест. В могилу также бросали цветы, в с. Цветнополе Омской области была записана информация о том, что если умерший был молодым человеком, не имевшим собственного дома, такой «дом» ему делали: могильную яму обмазывали глиной, белили и расписывали орнаментом.

Сам процесс проведения «Totenhochzeit», хотя и незначительно, но отличался от похорон взрослых. Так, могилу должны были копать молодые люди. Гроб незамужней девушки должны были нести до кладбища молодые неженатые парни. На похоронах юношей цветы и венки перед гробом должны были нести молодые девушки. Они также плели венки из полевых цветов или (по более поздним источникам) вплетали полевые цветы в венки из искусственных цветов. Проповедь, которая на похоронах у взрослых обычно посвящена их жизни, на похоронах молодых людей включает в себя наставления родителям, поскольку смерть ребенка – это всегда наказание родителей за их грехи. На похоронах младенцев иногда пели детские песни, которые обычно матери поют своим детям. У поволжских немцев была зафиксирована информация о том, что если хоронили девушку, которая должна была скоро выйти замуж, то исполняли одну свадебную песню, как правило, печальную.

Сведения о «венчании покойников» были собраны во всех группах немцев. Еще Е.Г. Кагаров, анализируя этот обычай у поволжских немцев, совершенно исключил возможность его заимствования у славянского населения. Ссылаясь на немецкую народоведческую литературу, он писал о том, что этот обычай встречается у многих народов, а также засвидетельствован в некоторых землях Германии – в Вестфалии, Эйхсфельде и других местностях. Немецкие авторы пишут о том, что обычай «Totenhochzeit» получил широкое распространение во многих германских землях, эпицентром его распространения были Гессен, Тюрингия, Бавария, Бранденбург и Нижняя Саксония. Из этих же земель происходила значительная часть переселенцев в Россию. Можно с большой степенью уверенности говорить о том, что немцы принесли этот обычай с собой сначала из Германии в колонии, образованные в европейской части России, а впоследствии – и в Сибирь.

Скорее всего, сохранение обычая хоронить в свадебной одежде детей и младенцев, связано со временем переселения немцев в Россию. Можно предположить, что в XVIII в. этот обычай был распространен если не повсеместно, то достаточно широко и у многих народов, во всяком случае, европейских. Это объясняется отсутствием в то время четких представлений о границах детства и отношением к

детству вообще. Можно сослаться на мнение Филиппа Арьеса, который пишет о том, что для того времени характерна возрастная неопределенность, детство не осознавалось как нечто особенное, а дети – это «взрослые уменьшенных размеров»⁴. И.С. Кон также считает, что «признание за детством автономной, самостоятельной социальной и психологической ценности» произошло только в новое время⁵. Изменение отношения к детству в европейской культуре, которое произошло в XVIII и XIX вв., выделение в нем определенных периодов (по крайней мере, рубежей рождения, крещения, конфирмации и совершеннолетия), повлекло за собой и изменение в обрядности, в частности привело к быстрому исчезновению обычая «венчать» умерших детей.

У российских немцев этот обычай продолжал существовать по нескольким причинам. Во-первых, у них долгое время сохранялась традиционная структура семьи и патриархальные внутрисемейные отношения. Хотя отношение к детям и к периоду детства менялось, но эти изменения не были столь значительными, как в Германии.

Во-вторых, границы детства продолжали оставаться нечеткими. Крещение и конфирмация не были жестко привязаны к определенному возрасту. У католиков и лютеран детей крестили тогда, когда приезжал священник, а он в отдаленное сибирское село мог приехать один раз в пять лет. Хотя, конечно, старались окрестить детей пораньше, «года в два-три». В сельских общинах конфирмация не проводилась вообще. В общинах меннонитов и баптистов крещение проводится в «сознательном» возрасте, начиная с 18 лет. Дети в этих общинах разделяются на группы, но при этом учитывается не столько возраст, сколько способности каждого конкретного ребенка. При подобном отношении к детству, как довольно аморфному периоду, критерий девственности для проведения «венчания покойников» был важнее критерия достижения брачного возраста.

В-третьих, в Германии к обычаю «похорон–свадьбы» резко отрицательно относилась церковь. В России немецкие религиозные общины какой-то усиленной борьбы с «язычеством» не вели. Их усилия были сосредоточены на другом – сохранении в чистоте веры предков, поэтому многие обычаи, привнесенные из Германии, сознательно культивировались, поскольку их отличала «немецкость», а о позиции официальной церкви немецкие общины в Сибири просто не имели представления. Не случайно наибольшая степень сохранности этого обычая была отмечена у меннонитов, которых вплоть до последнего времени отличал сознательный изоляционизм. В этих условиях сохранение обычая «венчания покойников» по отношению ко всем, не вступившим в брак, в том числе, и к маленьким детям, вполне объяснимо.

С сентября 2007 г. по март 2008 г. в музее Касселя (Museum für Sepulkralkultur) земли Гессен проходила выставка, на которой были представлены венки и короны, использовавшиеся в «свадьбе мертвых». Экспонаты этой выставки позволяют судить как о сходстве, так и о различиях между обычаем «Totenhochzeit» в германских землях и у немцев Сибири. На выставке представлены венки и короны (Totenkronen), самые ранние из которых относятся к XVI в. С этого времени в венках и коронах в основном

не хоронили, а, используя в процессе похорон (их клали на гроб и несли перед гробом), передавали в церковь, где хранили в специальных футлярах. Такие же футляры, представляющие собой деревянные ящики со стеклянной крышкой мы встречаем в сибирских селах, с той лишь разницей, что в них хранятся свадебные венки.

Возможно, что длительное сохранение обычая «венчать покойников» у немцев Сибири, связано, в числе других причин, с той ролью, которая отводилась венку в свадебном обряде. Обязательным элементом немецкой свадьбы является ритуал снятия венка с невесты (так называемый ритуал очепления). В этнографической литературе существует мнение, что в Германии в конце XIX – начале XX в. обычай очепления встречался уже очень редко⁶. У немцев Сибири, однако, этот обычай повсеместно распространен до настоящего времени. Раньше после снятия венка на молодую было принято одевать чепец, про новобрачную говорили, что она «идет под чепец» («kommt unter die Haube»). Позже вместо чепца стали использовать платок (в некоторых деревнях чепчик невесте одевали вплоть до 1970-х гг.), но сам ритуал фактически не изменился. В полночь новобрачных усаживают в центре комнаты. Гости становятся вокруг и поют песню (как правило, это песня о прекрасной молодости «Schön ist die Jugend»). В разных селах поют и другие песни, например, песню о снятом венке или другие песни подобного содержания. В д. Поповка Омской области этот ритуал носит название «отпевание венка». В ряде деревень жених тоже проходит через обряд перехода из группы холостых в группу женатых мужчин. С его головы снимают головной убор (шляпу, шапку или кепку), а с груди – букет.

Вообще, свои варианты этого ритуала есть практически в каждой деревне. Возможно, что это связано с его значением, он занимает центральное место в свадебном обряде. Поэтому его проведение было четко регламентировано. Этот ритуал старались исполнить точно так же, как это делали раньше, соблюдая традиции. В случае смешанных браков придерживались правил той общины, в которой проводилась свадьба. Даже если свадьба проводилась в городе, даже если брак заключался с людьми других национальностей, «немецкая сторона» все равно проводила этот ритуал. В настоящее время большинство браков, которые заключают немцы – это национально-смешанные браки (более 60% в сельской местности и более 90% в городах). И в этих случаях часто приходится слышать, что «свадьба была по-немецки, веночек снимали». Этот факт подтверждает принципиальное значение снятия венка в структуре немецкой свадебной обрядности.

Не подлежит сомнению, что венок раньше был символом невинности. Г.С. Маслова, посвятившая в своей книге специальный раздел девичьим головным уборам, считала, что «венок символизировал девство»⁷. О том, что корона и венок символизируют «девственность как примерную, достойную добродетель», пишет и большинство немецких авторов⁸. В Сибири на свадьбе, если невеста выходила замуж не девственной, гости могли сорвать с головы невесты венок и повязать ей на голову черный платок. Это считалось большим позором, и свадьба после этого прекращалась. Женщины и вдовы, повторно выходящие замуж, никогда не надевали

свадебный венок. В некоторых деревнях женщина могла надеть венок только на серебряную или золотую свадьбу, но фата к такому венку не крепилась. В настоящее время запрет на добрачную половую жизнь соблюдается в общинах меннонитов и баптистов. В большинстве же случаев сейчас венок на невесте – это уже не символ девственности, а скорее символ проведения свадьбы по немецким обычаям.

Сохранение венка в свадебном обряде имело своим следствием сохранение его значения и в похоронном обряде. Но, конечно, основной причиной длительного сохранения обычая «венчать покойников» у немцев Сибири, является консервация архаики в условиях изоляционного развития.

Подобных примеров, когда по отношению к Германии мы говорим, что какие-то обычаи уже не существуют, или, по крайней мере, они значительно трансформировались, а у немцев Сибири они существуют, можно привести довольно много. Например, Ю.В. Иванова-Бучатская в своей работе, посвященной символам Северной Германии, пишет о том, что в Мекленбурге долгое время сохранялась старая форма обычая «водить коня», когда всадник въезжал в дом на коне⁹. В сибирском селе Литковка этот обычай сохранялся до последнего времени, как и обычай «водить козла». До настоящего времени сохраняются и обычаи второй свадьбы.

Во второй половине XX в. на развитие этнической культуры российских немцев решающее влияние стали оказывать процессы урбанизации и формирования массовой культуры. В результате этих процессов, а также эмиграционного движения и одновременного проникновения в культуру российских немцев элементов культуры современной Германии, в конце XX – начале XXI в. происходит значительная трансформация этнической культуры немцев в Сибири.

В частности, в настоящее время мы наблюдаем мощное влияние культуры современной Германии на культуру немцев Сибири. Если продолжить приводить примеры, связанные с той же обрядностью, то это календарные праздники, прежде всего. Например, обычай установки майского дерева в сибирских деревнях раньше не был широко распространен и фиксировался в основном у католиков. Сейчас майское дерево устанавливают на всех немецких праздниках, и на городских тоже, для того, чтобы подчеркнуть европейский характер праздника и его отличие от русской традиции. Повсеместно стали праздновать «Октоберфест», для крестьянской традиции тоже нехарактерный. В последние годы мы в экспедициях постоянно фиксируем сведения, которые люди узнали не от бабушек и дедушек, а прочитали в книгах. Например, когда в первых экспедициях мы собирали свадебный фольклор, в нем еще было какое-то разнообразие, локальные различия. Сейчас на свадьбах обязательно исполняют песню «Schön ist die Jugend», потому что ее сначала опубликовала газета «Нойес лебен», а потом перепечатали все методические журналы. Поэтому ее все знают и исполняют.

Или, например, в наших экспедиционных этнографических материалах всегда было очень мало аутентичного сказочного фольклора. Все рассказывали сказки

братьев Гримм, Гофмана. Безусловно, это народные сказки, но когда они обработаны и опубликованы, теряется смысл пересказывать архаичные оригинальные тексты.

Все эти процессы вполне закономерны и прогрессивны. Культура не может долгое время находиться в изоляции, она в этом случае неизбежно будет ассимилирована. Когда группа находится в изоляции от метрополии, когда отсутствует влияние национальной культуры и возможность модернизации за счет новых национальных культурных форм, тогда культура обновляется либо за счет имеющихся культурных форм, которые и не бесконечны, и уже не соответствуют времени, либо за счет внешнего влияния.

В заключении следует сказать, что одним из главных условий сохранения диаспоры является сохранение ее культурной специфики. Если раньше, когда связей с Германией не было, и группа находилась фактически в изоляции, культурная специфика сохранялась, благодаря консервации архаичных элементов, то в современных условиях необходимость в этом отпадает. С установлением постоянных и прочных связей, с регулярным получением и восприятием этнически значимой информации, культурная специфика группы уже не подлежит сомнению и не находится под угрозой исчезновения. В принципе, для членов диаспоры уже не важно, что эта новая культура носит вторичный характер и имеет мало общего с культурой их предков. Восприятие этой культуры (культуры современной Германии) позволяет немцам осознавать себя немцами – и это главное в настоящее время. Таким образом, мы еще раз должны подчеркнуть тесную связь этнической культуры с этнической идентичностью.

1 См.: Кагаров Е.Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. 1936. № 1. С. 106–108.

2 См.: Lauffer O. Der volkskundische Gebrauch der Totenkronen in Deutschland: Zeitschrift für Volkskunde 26 (1916). S. 225–246; Schrader, O. Totenhochzeit. Ein Vortrag, gehalten in der Gesellschaft für Urgeschichte zu Jena. – Jena, 1904. 38 S.; Segsneider, E. Totenkranz und Totenkronen im Ledigenbegräbnis. Nach einer Dokumentation des Atlas der Deutschen Volkskunde: Amt für Rheinische Landeskunde (Hg.), Werken und Wohnen. Volkskundige Untersuchungen in Rheinland. Band 10. Köln, 1976. 235 S.

3 См.: Totenhochzeit mit Kranz und Krone: Zur Symbolik im Brauchtum des Ledigenbegräbnisses. Kassel, 2007. 312 S.

4 Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 47.

5 Кон И.С. Ребенок и общество. М., 2003. С. 7.

6 См.: Филимонова Т. Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы. – М., 1989. – С. 36.

7 Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 50.

8 Totenhochzeit ... С. 12.

9 См.: Иванова-Бучатская Ю.В. Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб., 2006. С. 113–114.

Адаптационные процессы в истории семьи немецкого населения Западной Сибири конца XIX – начала XXI века

Семья как вид социальной организации является неотъемлемым элементом в разных обществах и культурах, поскольку с ней связаны такие важнейшие социальные функции, как воспроизводство населения, воспитание детей и первичная социализация молодого поколения, формирование национального самосознания, межпоколенная трансляция характерных этнических черт и культурного наследства. Развитие семьи, в свою очередь, отражает макроэкономические и социальные преобразования, становление новых отношений. В этом смысле изучение института семьи в контексте истории и культуры общества имеет немаловажное значение для понимания базисных элементов организации совместной деятельности, отношений людей и микроуровня социокультурных процессов, протекающих в изучаемой среде.

Избрание семьи у немцев Западной Сибири в качестве объекта настоящего исследования обусловлено проблемой сохранения и развития особенностей культуры этнических групп, проживающих за пределами основной территории расселения этноса. На протяжении всего периода проживания немцев в России их этнокультурные традиции подвергались определенным изменениям, что являлось средством адаптации к природно-географическим, экономическим, социально-политическим условиям. В конце XIX – начале XXI в. в сфере семьи немцев Западной Сибири проявились особенности процессов адаптации и этнокультурной преемственности поколений.

Наиболее полно в работе представлены следующие важные аспекты жизнедеятельности семьи:

– поведение семьи в системе отношений с коллективом поселения и другими социальными институтами (культура труда, общественные нормы и регуляторы поведения);

– демографические показатели семьи;

– семейный уклад, взаимоотношения между членами семьи.

Основным источником послужили материалы, собранные в результате этнографических экспедиций Омского государственного университета в 1989–2004 гг. в районах наиболее компактного проживания немцев в Сибири – на территории Кемеровской, Новосибирской, Омской областей и Алтайского края. В качестве источника по истории семьи немцев Западной Сибири конца XIX – начала XXI в. нами использована делопроизводственная документация, сосредоточенная в Государственном архиве Омской области, Государственном архиве Новосибирской области и тобольском филиале Государственного архива Тюменской области¹, и

статистические источники, представленные материалами Всесоюзных (1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийской (2002 г.) переписей населения.

Анализ этнографических, исторических, демографических материалов показал значительное влияние на семью немецкого населения Западной Сибири конца XIX – начала XXI в. социальных преобразований. Семья с ее структурой оставалась системообразующим институтом, который подлежал трансформации в соответствии с направлением развития экономики в стране, политической обстановки, культуры, а также конфессиональной ситуации. В семье немцев Сибири отразились специфические процессы, определяемые историческим прошлым, вееросповеданием, а также региональными условиями, и общие процессы развития семьи, характерные для своего времени.

С конца XIX в. вплоть до начала 1930-х гг. сельский локальный характер поселений, иноэтничное и иноконфессиональное окружение, хозяйственная деятельность крестьянских семей способствовали сохранению архаичных элементов немецкой семьи. Общее происхождение и родство укрепляло связи между семьями колонистов. В разнообразных занятиях и отношениях в коллективе родственников и односельчан происходила адаптация населения к природным и социальным сибирским условиям. Переселенческое движение за Урал «стало, по сути, трансмиссией культуры на иную почву, в иные условия», в рамках которых осуществлялось дальнейшее развитие элементов культуры, всего уклада жизни и быта переселенцев².

Особенности этнолокального формирования немецкого населения в Западной Сибири являлись важнейшим условием длительного существования характерных черт и различий в сфере материальной и духовной культуры наиболее крупных групп, а именно поволжских, украинских, волынских немцев и меннонитов. В частности, рассматривая семью западно-сибирских немцев в контексте общественного быта, нами отмечены локальные особенности хозяйственно-бытового уклада их поселений, основой для которых послужили формы землепользования, сложившиеся в немецких колониях европейской части России³. А.Р. Бетхер, изучив специфику хозяйственного комплекса у отдельных групп немецкого населения Западной Сибири, указал, что для поволжских немцев была характерна общинная система землепользования, для волынских немцев – хуторская, для меннонитов – подворно-отрубная⁴. Очевидно, что у представителей данных групп существовали различные условия и способы организации деятельности семей.

В конце XIX – начале XX в. у немецких крестьян в Сибири, как, впрочем, и у соседнего населения, существовали обычаи совместного труда и взаимопомощи. Рассматриваемые формы коллективного труда у немцев как объединения местного населения существовали в земледелии (обычай взаимопомощи при обработке земли, взаимный обмен работниками двух-четырёх семей односельчан, взаимный обмен инвентарем), животноводстве; несельскохозяйственных занятиях, связанных с переработкой продуктов сельского хозяйства, лесным промыслом, строительны-

ми работами и т.д. Важным моментом являлось участие населения в работах в пользу всего села.

Следует отметить, что складывающиеся связи между семьями колонистов были необходимы для самого процесса обустройства, поскольку облегчали адаптацию к новым условиям. В ситуации освоения целинных земель широкое распространение среди немцев получили объединения крестьянских хозяйств на период полевых работ. Характер этих объединений был обусловлен ролью систем землепользования в поселениях. Так, земледельческие работы колонисты проводили различными по составу группами участников. Для поселений с общинным землепользованием характерны объединения крестьян села или части его в зависимости от количества рабочего скота, орудий труда и содержания работ. Обычай взаимопомощи при обработке земли соблюдался в поселениях поволжских немцев. Обработка земли производилась у них складом, т.е. в форме объединения рабочего скота малолощадных хозяев⁵. Видимо, это объясняется влиянием общинной системы с ее принудительным севооборотом, а также невысокой состоятельностью переселенцев. Более состоятельные хозяева, у которых насчитывалось 3-5 голов рабочего скота, также объединяли свой скот для выполнения определенных работ. Чаще всего таким способом родственники помогали друг другу в проведении первой посевной кампании⁶.

В местах хуторного и подворного пользования землей сельскохозяйственные работы выполнялись преимущественно членами отдельной семьи. Принципы развития самостоятельного крестьянского хозяйства поддерживались у немецкого населения, выходцев с Волыни. По словам Эвальда Генриховича Фрицковско-го, 1941 г.р., жителя с. Литковка (Омская обл.), традиция личного хозяйства была основной: «Будучи активным и трудолюбивым, хозяин вел дела успешно, а если нет – семья могла оказаться в бедственном положении. И никто этому недобросовестному хозяину не помогал»⁷. Однако в пик сельскохозяйственных работ количество рабочих рук в одной семье не всегда было достаточным. Совместный труд семей практиковался во время уборки зерновых, а также молотбы. Как свидетельствуют этнографические материалы, хозяева договаривались об одинаковых условиях помощи.

В населенных пунктах меннонитов, украинских немцев (католиков и лютеран), выходцев из немецких колоний Украины и Причерноморья, семьи использовали взаимный обмен работниками. Как правило, это были объединения двух-четырех семей односельчан. Семьи трудились на поле друг у друга поочередно, отдавая долг за оказанную помощь⁸. В семье Марии Вольдемаровны Вульфферт (с. Бологое, Омская обл.) зерно молотили несколько хозяев. Для этого «собирались несколько семей вместе и сначала работали у одного хозяина, молотили цепами. Затем шли молотить зерно к следующему, и так по очереди»⁹. Отношение верующих к труду как к высшей добродетели способствовало быстрому обустройству переселенцев в новых условиях, не ограничивая при этом их предприимчивость. Кроме того,

хозяйственная деятельность в поселениях меннонитов имела частносемейный характер в сочетании с традициями общинной солидарности верующих. «Соседи работали вместе, ведь не всем хватало орудий труда», – вспоминала рассказы родителей Зузанна Петровна Петерс (1918 г.р., с. Гришковка, Алтайский край)¹⁰. Но когда хозяйство семьи становилось крепче, как считают сестры Тевс из с. Неудачино Новосибирской обл., каждый стремился работать сам¹¹.

Семьи меннонитов, украинских и других групп немцев в Сибири, по большей части выходцев из немецких колоний Украины, Причерноморья и Волыни, привлекали наемных работников. Без дополнительной рабочей силы нельзя было обойтись в зажиточных хозяйствах. Число наемных работников в одной семье, как правило, зависело от потребности в дополнительной рабочей силе, состоятельности семьи и количества трудоспособных членов. Если в семье были малолетние дети, целесообразным являлся найм нескольких человек, например, «няньки» – девушки из более бедной семьи на несколько лет для присмотра за детьми, и работников для тяжелого физического труда в крестьянском хозяйстве. Таким образом, в первой трети XX в. семья немецкого населения в Западной Сибири состояла не только из родственников, но также могла включать лиц, не находившихся в родственных отношениях. Данная особенность являлась важной составляющей структуры немецкой семьи.

Широкое распространение в поселениях немцев имели обработка продуктов сельского хозяйства и другие неземледельческие промыслы. Развитие молочного скотоводства, деятельность по переработке и сбыту молочной продукции имели значительный экономический эффект в период новой экономической политики и поощрения правительством различных форм кооперации – потребительской, промысловой, кредитной, сельскохозяйственной и др. Уровень развития хозяйственной деятельности в меннонитской среде в рамках кооперативного движения у исследователей истории немецких и меннонитских хозяйств Сибири получает высокую оценку¹².

В 1920-е гг. немецкое крестьянство практиковало различные формы кооперации. В первой половине 1920-х гг. организовывались коммуны и артели¹³. В процессе коллективизации крестьянских хозяйств в селах создавались сельскохозяйственные кооперативные объединения – машинные товарищества с целью коллективного приобретения сельскохозяйственной техники, товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы).

На жизнь коллектива поселения и его адаптацию к новой среде оказывала влияние общественная деятельность в пользу всего села. Односельчане участвовали в строительных работах и общесельских мероприятиях – коллективном содержании школы, церкви, оплате работы учителя на средства членов сельского общества и т.д. Местные жители проводили строительство и ремонт колодцев, дорог, рытье каналов, которые создавались для всего села. Обычай заботы коллектива о благополучии односельчан получил также отражение в действиях, связанных

со строительством дома. Участие семей первых колонистов в постройке временных жилищ (землянок), в которых, как правило, и селились переселенцы, имело повсеместное распространение. В целом порядок взаимоотношений немецких семей в наиболее важных сферах хозяйственной деятельности характеризовался системой взаимных обязательств и равных услуг.

Таким образом, в процессе складывания и развития хозяйственной жизни в поселениях немцев Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. существовали различные виды объединений семей. Коллектив поселения, как правило, состоял не из отдельных индивидуумов, «а из семей, которые, таким образом, выступали как структурные компоненты общины»¹⁴. Хозяева сотрудничали при выполнении преимущественно самых трудоемких сельскохозяйственных работ, за что каждый из них мог рассчитывать на ответную помощь. Временные коллективные объединения собирали, прежде всего, те семьи, у которых недостаточно было орудий труда и рабочего скота. Преобладающее значение в таких объединениях имели родственные связи: отцовская семья - отделившиеся сыновья. Большое влияние на эти процессы оказали социально-экономические условия: различия в системе землепользования отражались на характере и составе объединений крестьян. Обычаи взаимопомощи, например у поволжских немцев, были связаны с общинными традициями крестьян.

Значительное влияние на процесс адаптации и обеспечение нормализованной жизни семей немцев оказало их внимание к соблюдению установленного порядка и приверженность правилам. Главной чертой уклада жизни немецких поселений в Сибири являлся культ труда и порядка. Так, внешняя сторона поселений немецких колонистов начала XX в. была отмечена еще современниками. Авторов статистических отчетов и обследований немецких поселков привлекала «аккуратность и чистота, в которых немец привык сохранять свое жилище, хозяйственные постройки, сад, огород и различного рода инвентарь»¹⁵. Более того, этот порядок доходил «до последних пределов образцовости»¹⁶. Каждый хозяин дома ревниво заботился об уважении к своей персоне и о достойной репутации своей семьи со стороны окружающих. Выработанные в немецкой среде нормы контролировали бытовую сторону уклада немецких поселений, отношение местных жителей к труду и порядку, регулировали взаимоотношения между членами общины.

Связь семьи с религиозной жизнью общины была очень глубока. Принадлежность к коллективу одноверцев являлась обязательной как в колониях на территории европейской части России, так и в Западной Сибири. Религиозная община регулировала семейно-брачные отношения, одобряя заключение браков между представителями одной конфессии, поощряла рождение большого числа детей, определяя ценности семейной жизни немцев. Однако по мере социально-экономических, политических преобразований в советское время в данной сфере жизни населения нашей страны происходят кардинальные изменения. Меры,

направленные против верующих, привели к нарушению межпоколенного наследования религиозно-духовных ценностей.

Основными факторами, определяющими развитие семьи в 1930-е и последующие годы являлись насильственная коллективизация и вовлечение населения в сферу общественного производства. Главным звеном в системе сельского хозяйства становилось коллективное хозяйство, поставленное под жесткий административный контроль. Члены сельскохозяйственных товариществ, артелей, кооперированные крестьяне вовлекаются в колхозы. Чаще всего этот перевод был принудительным и происходил в короткие сроки. Из воспоминаний семьи Браков (с. Александровка, Омская обл.): «...Отца ждали целый вечер. В Азово собрание уже завершилось, но отец долго не возвращался домой. Пришел очень поздно. Керосиновая лампа осветила его мрачное лицо, отец был задумчив и долго молчал. Потом он с большим трудом проговорил: «Завтра будет страшный порядок – все сдадим в колхоз, и нашу лошадь, и овечку... У нас ничего не останется (1929 г.)»¹⁷. Следствием социально-экономических трансформаций в деревне в 1930-е гг. стало появление колхозной деревни и ликвидация хуторов.

Развитие колхозного и совхозного производства порождало изменение материальной основы и первичной ячейки сельского поселения. Комплекс основных сельскохозяйственных угодий крестьянской семьи преобразуется в новое явление – приусадебное хозяйство¹⁸. Следствием колхозного и совхозного строительства явились трансформационные изменения характера труда сельского населения. Распространенной формой объединения односельчан в рамках крупных колхозов являлись бригады и отделения. Колхозники были заняты на полях, фермах, в обслуживании сельскохозяйственной техники. Одним из результатов стала трансформация хозяйственного уклада прежде замкнутых, изолированных обществ немецкого населения с их тесными родственными и соседскими взаимоотношениями. В ходе производственных и общественных мероприятий у немцев возникали новые трудовые и дружеские отношения. Часто эти отношения охватывали население нескольких соседних деревень с русским, украинским населением и др. Значительную роль в установлении этих связей играла и по-прежнему играет молодежь.

Большое значение в жизнь населения продолжали вносить обычаи взаимопомощи и коллективные работы односельчан. Среди них традиции коллективного домостроения, носившие название «субботники» или «воскресники», приглашение родственников и соседей по случаю забоя скота, а также участие подростков, юношей и девушек в коллективных работах, где при этом каждый трудился для своей семьи. В так называемые «субботники» собирались родственники, друзья и соседи. Для выполнения специальных работ по камню или металлу и дереву приглашались местные мастера. При этом, как и прежде, сохранялся обычай угощения всех строителей обедом. Хозяева накрывали длинные столы для помощников. Чаще всего на строительство дома и угощение собиралось более 30 человек¹⁹.

В настоящее время данный элемент добровольной помощи у немцев не сохранил функцию объединения членов всего сельского коллектива. Основной его смысл перешел в сферу родственных и близких соседских взаимоотношений семьи. Процесс перехода от коллективной к частно-семейной форме проявления традиций сопровождал развитие комплекса обычаев и обрядов, в частности, календарной обрядности немцев²⁰.

Определенное значение новые связи имеют для развития культурных контактов населения. Однако старшее поколение придерживается прежних отношений родственников и близких соседей. В настоящее время среди немцев существуют обычаи совместного труда близких родственников на приусадебных участках или арендуемой в акционерном обществе земле. Тесные семейные связи поддерживаются не только в трудовой деятельности, но и в повседневной жизни с помощью личных встреч и телефонных переговоров.

Следующим результатом является характеристика основных элементов структуры семьи и семейных отношений у немцев Западной Сибири: выявлены изменения родственного, поколенного состава и численности семьи в течение конца XIX – начала XXI в., определен характер отношений в современных семьях.

В истории крестьянской семьи в России конца XIX – начала XX в. наблюдалось широкое распространение общероссийской формы простой семьи, для которой характерны семейные разделы²¹. Для немецкого населения семейно-структурный вопрос был также тесно связан с явлениями социально-экономической жизни в немецких колониях Поволжья, Украины и Причерноморья. В целом формирование семейной структуры немецкого населения в Сибири происходило в ходе массового переселения из немецких колоний Европейской России и практически было завершено к концу первого десятилетия XX в.

В период заселения немцами Западной Сибири среди переселенцев была широко представлена простая семья. Согласно материалам полевых исследований, в конце XIX – начале XX в. среди немцев получила распространение и определенная доля сложных семей, которая утвердилась по мере обустройства переселенцев и имела тенденцию к новому увеличению. Одним из вариантов сложного типа была семья, объединявшая две-три супружеские пары – родителей с малолетними детьми и сыновей с их женами и потомством. Другой вариант сложной семьи включал супружескую пару с детьми и одного из родителей супругов (иногда стариков – дедушку или бабушку)²². Обычно с родителями или одним из них жил младший сын с семьей, сохраняя связь поколений по мужской линии. Родственные семьи также образовывали семейные коллективы, состоявшие из женатых братьев и замужних сестер с детьми, которые селились под одной крышей²³.

Образование семейных коллективов из нескольких брачных пар было связано с хозяйственными потребностями и сохранением единого состава и собственности семьи. Очевидно, что немецкие колонисты частично сохраняли, частично адаптировали в зависимости от хозяйственных потребностей семьи и социальных

условий сложившиеся в их семейном быту в Европейской России опыт и принципы общесемейной деятельности. Глава семьи (старший мужчина в семье), хозяин, руководил собственностью семьи, и его решениям члены семьи подчинялись беспрекословно. Если семье было выгодно совместное хозяйство, молодые семьи оставались жить вместе с родителями супруга на неопределенный срок. Однако глава семьи собственным решением мог отселить молодую пару, не живущую с остальными членами семьи²⁴.

Как свидетельствуют этнографические данные, проживание взрослых женатых сыновей в отцовской семье могло быть временным. Оставаясь жить после свадьбы в доме родителей, молодая семья готовилась при помощи родственников со стороны мужа и жены к выделу в самостоятельное хозяйство. Чаще всего дети оставались в той же деревне и устраивались рядом с родителями, следуя правилу «корни к корням»²⁵. Выдел детей мог быть формальным, после которого семьи продолжали вести совместную обработку земли в поле. При наличии свободных земель в Сибири семейные разделы не нарушали отцовского хозяйства. Дом и хозяйство семьи у немцев наследовал младший сын, который оставался с родителями.

Численность семьи – величина, которая отображает изменения в родственном и поколенном составе семьи и шире – уровне рождаемости и смертности населения, демографической ситуации в том или ином регионе и стране, связана с их постоянными изменениями и зависит от обстоятельств функционирования семьи. Материалы о немецкой семье Омского уезда в 1915 г. позволяют зафиксировать численный состав семьи спустя более чем десятилетний период после переселения немцев в Сибирь. Так, в 1915 г. семья немцев Омского уезда состояла в среднем из 7,62 человека и насчитывала 4,9 детей²⁶. Согласно приводимым в работе П.П. Вибе данным о переселенческой семье начала XX в., в первые годы становления хозяйств переселенцев численный состав их семей уменьшался²⁷. Таким образом, полученные данные демонстрируют тенденцию роста среднего размера семей с началом устройства жизни колонистов.

В последующие десятилетия динамика изменений состава семьи у немцев обнаружила противоположную тенденцию. Различные структурные трансформации семьи на протяжении XX в. привели к формированию демографических показателей современной семьи, с которыми она будет существовать в дальнейшем.

Разрушение крестьянского быта, обусловленное социально-экономическими преобразованиями, проявилось в значительном распространении простой семьи. Усиление семейных разделов в 1930-е гг. происходило одновременно среди сельского населения различных областей страны²⁸. Неизгладимый след в истории немецкой семьи XX в. оставила массовая депортация и мобилизация немцев в трудовую армию, значительно повлияв на структуру семьи. Депортация и последующая мобилизация разъединили многие семьи российских немцев. В эти годы стали распространенными неполные семьи, состоявшие из матерей с детьми или

осиротевших братьев и сестер. Однако мать, одна воспитывающая детей, всегда могла рассчитывать на помощь родных братьев и сестер. В целом существование тесных родственных отношений у немцев позволило им сохранить межсемейные связи в условиях военного времени. Простая семья оставалась наиболее характерной формой семьи среди немецкого населения.

При характеристике современной семьи у немцев привлечены материалы по хозяйственных списков по составу семьи на 1989–1990 гг. в Кемеровской, Новосибирской и Омской областях, 1996–1997 гг. на Алтае и 1999–2002 гг. в Омской области. Результаты анализа данных похозяйственных книг показали изменения в составе семьи с интервалом через 10–12 лет. Так, в семейной структуре преобладают простые двухпоколенные семьи, включающие родителей и неженатых детей. Определенная доля сложных семей у немцев в Сибири сохраняется во многом благодаря традиции совместного проживания родственников. В качестве наиболее распространенного варианта сложной семьи у немцев определена сложная трехпоколенная семья, состоящая из брачной пары с детьми и одного из родителей супругов. В то же время, с 1989-го по 2002 г. среди однонациональных немецких семей выявлено снижение процента полных семей на фоне продолжающейся эмиграции немцев в Германию.

Согласно результатам современных демографических исследований в нашей стране сложилась преобладающая тенденция к сокращению величины семьи²⁹. Прежде всего она выражается в относительном росте числа небольших (из двух-трех человек) и сокращении доли крупных семей (из пяти и более человек) как у городского, так и сельского населения. В 2002 г. у немцев Омской области, по материалам похозяйственных книг Администраций сельских районов области, численность семьи составила 4,01 человека в среднем на семью³⁰. Для сравнения, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., у сельского населения области средний размер семьи оказался на уровне 2,9 человека³¹. В настоящее время спецификой немецкой и русско-немецкой семей, где жена – немка, а муж – немец или русский, является более высокий процент многодетных семей – с количеством детей – пять и более. Установка на большое число рождений прежде всего проявляется в семьях меннонитов и баптистов. В условиях высокой миграции рождение и воспитание детей, укрупнение численного состава (и детности) семьи у немцев Западной Сибири является благоприятным условием для межпоколенной передачи культурных традиций и сохранения крепких семейных связей. В целом в настоящее время у немцев Западной Сибири преобладают семьи с двумя детьми.

Развитие общества детерминировало изменение социальных норм, поддерживающих взаимоотношения между людьми. Различные аспекты социальных преобразований семейной сферы в XX в. постепенно формировали новые устои семьи, вырабатывали новые нормы поведения. Тем не менее семья оставалась институтом, выполняющим свою особую роль. В области семейных отношений основное

внимание уделено взаимоотношениям между супругами, родителями и детьми, старшим и младшими поколениями.

В правилах семейного этикета у немцев, в процессе хозяйственной деятельности семьи и межличностных отношениях существует авторитет главы семьи – старшего по возрасту мужчины, уважительное отношение и обращение к родителям и прародителям. В отношениях между мужем и женой признается главенство мужчины в семье, однако важные решения нередко принимаются супругами совместно. Отношения между детьми и родителями в семье у немцев Сибири были регламентированы, как и семейные отношения в целом. Все важнейшие события в жизни детей – вступление в брак, уход из дома – зависели от согласия родителей. «Слово отца для детей было законом», – вспоминал Генрих Генрихович Майер, 1931 г.р. (д. Новоскатовка Омской обл.)³². Нарушение родительской воли считалось грехом. Характерным требованием в семье у немцев является обращение к родителям в уважительной форме «Вы» (Sie). Новообразованием отношений в последние годы можно считать снятие строгих запретов и требований.

Отношения стариков, их детей и внуков, старшего и младшего поколений в семье наиболее существенны для культурной преемственности общества. Наряду с оказанием взаимной помощи старики и дети являются носителями прошлого и будущего семьи. Нормы взаимоотношений между поколениями характеризуются прежде всего уважением к предкам и высоким авторитетом людей старшего поколения. Отношение к ним как к главным в семье существовало в каждом поколении, при этом обращение к ним на «Вы» также было общепринятым, «Ты» считалось неуважительным. Характерная позиция супругов у немцев – уважение и забота о родителях, поддержание их авторитета. Чаще всего ими признается исполнение своей родительской роли, и наряду с ней существует обращение за советом и помощью к старшим. Позиция внуков (правнуков) по отношению к старикам также заключалась в исполнении ими соответственной роли. Отношения внуков и прародителей складывались в процессе совместного труда младшего и старшего поколений, обучения ремеслам и общения членов семьи в свободное время.

Внутрисемейные отношения немцев Западной Сибири на протяжении всего изучаемого периода сохраняли ориентацию на религиозные ценности. В связи с ускорением социально-экономических, идеологических процессов в советское время происходит размывание прежних ценностей – ведущей роли религиозных установок в семейных отношениях супругов, ориентации женщины на рождение и воспитание детей. Между тем в современной семейной культуре среди представителей религиозных общин у немцев поддерживаются элементы христианских традиций, которые тесно сочетаются у них с повседневной деятельностью в семье.

В целом в семье немцев на протяжении конца XIX – XX в. и вплоть до настоящего времени протекали интенсивные процессы практически во всех компо-

нентах ее сложной структуры. Главным результатом взаимодействия внутренних процессов в семье с крупными трансформациями является сочетание в современной семье и семейных отношениях у немцев Западной Сибири традиционных элементов и новаций, региональных особенностей и общих основных тенденций развития семьи в России.

¹ См.: ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д.2930; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 766, 784, 1329, 1400, 1412, 1612, 1647, 2014; ТФ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48, 109. Ф. 417. Оп. 1. Д. 590.

² См.: Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.: Учебное пособие. М.: Логос, 2001. Вып. 2. С. 16.

³ См.: Бетхер А.Р. Землевладение и землепользование в немецких поселениях Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Немцы в Омском Прииртышье. Материалы Областных молодежных научных чтений. Омск, 2003.С. 39.

⁴ См.: Бетхер А.Р. Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. С. 19.

⁵ См.: Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году. Омск, 1900. С. 12.

⁶ См.: МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1997. Д. 104-2. Л. 5.

⁷ Там же. 2000. Д. 151-2. Л. 6.

⁸ См.: Там же. 1997. Д. 104-2. Л. 27.

⁹ Там же. 2004. Д. 167-1. Л. 22.

¹⁰ Там же. 1996. Д. 104-2. Л. 16.

¹¹ См.: Там же. 2000. Д. 151-1. Л. 3.

¹² См.: Бруль В.И. Из исторического наследия и этнического прошлого алтайских немцев // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 443–446; Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX вв. Барнаул: «Полиграф-сервис», 2003. С. 104.

¹³ См.: Малиновский Л.В. Первые шаги коллективизации в немецкой деревне Западной Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 6. С. 119.

¹⁴ Токарев С.А. Община и семья // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М.: Наука, 1983. С. 195.

¹⁵ Материалы по истории немецких и менонитских колоний в Омском Прииртышье. 1895–1930 / Сост. П.П. Вибе. Омск: ОГИК музей, 2002. С. 153.

¹⁶ Вошинин В. На Сибирском просторе. Картины переселения. СПб: «Наш век», 1912. С. 47.

¹⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. I. 2001. Д. 152-2. Л. 19.

¹⁸ См.: Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях модернизационного перехода. 1930–1980-е гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Омск, 2004. Ч. 1. С. 88; Шпедт А.А. Коллективизация крестьянских хозяйств Сибири // Указ. сб. науч. тр. С. 197.

¹⁹ См.: МАЭ ОмГУ. Ф. I. 2004. Д. 167-1. Л. 19.

²⁰ См.: Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX – XX вв. М.: Готика, 2000. С. 106.

²¹ См.: Русские. Историко-этнографические очерки (Народы России) / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997. С. 46.

²² См.: МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1997. Д. 104-3. Л. 7,11,13; 1999. Д. 149-2. Л. 52-53; 2001. Д. 152-2. Л. 17.

²³ См.: Там же. 1997. Д. 104-3. Л. 6-7; 2001. Д. 152-2. Л. 2.

²⁴ См.: Там же. 2001. Д. 152-2. Л. 1.

²⁵ См.: Там же. 1999. Д. 149-2. Л. 33.

²⁶ Рассчитано по: ГАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2930. Л. 251–331.

²⁷ См.: Вибе П.П. Сравнительный анализ социально-экономического положения немецких переселенцев Омского уезда на родине и в Сибири в начале XX века // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М.: Готика, 1999. – С. 90.

²⁸ См.: Власова И.В. Русские. Сельская семья // Семейный быт у народов СССР. – М., 1990. – С. 34.

²⁹ См.: Гришаев И.А. Демографические характеристики семьи у основных национальностей союзных республик // Семейный быт народов СССР. – М., 1990. – С.8.

³⁰ См.: Рассчитано по: МАЭ ОмГУ. 2004. Д. 167-1.

³¹ См.: Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации: <http://perepis2002.ru>.

³² МАЭ ОмГУ. Ф. I. 2001. Д. 152-2. Л. 17.

Особенности социокультурной адаптации сельских и городских немцев, переселившихся в Томскую губернию в конце XIX – начале XX века

Все мигранты неизбежно сталкиваются с проблемой адаптации, попадая в принимающее общество. Преодоление разрыва между понятиями «свой» и «чужой» – одна из самых больших трудностей адаптационного процесса. Не избежали этого и немецкие переселенцы в Томской губернии, которая являлась одним из основных районов немецкой колонизации в Сибири. И без того не простой процесс вхождения немцев в принимающее общество усложнял тот факт, что они были «чужими» не только потому, что пришли из других мест, но еще и по ряду социокультурных признаков (язык, религия, особенности хозяйственной и бытовой культуры и др.). Кроме того, процесс адаптации немецких переселенцев в значительной мере зависел от места их проживания. Заметными были различия в стратегиях адаптации, избранных немецкими колонистами, проживавшими в сельской местности, и немцами-горожанами. Для обозначения их выбора будет использована классификация стратегий аккультурации мигрантов, предложенная канадским психологом Дж. Берри¹, который выделил следующие стратегии поведения этноса в иноэтническом окружении:

1) ассимиляция – этнос ориентирован на идентификацию с новой культурой, на освоение новых культурных ценностей и постепенную замену ими прежних собственных культурных ценностей. Здесь возможны два варианта: поглощение доминантной группой группы меньшинства или формирование нового культурного варианта, содержащего в себе элементы двух исходных культур;

2) сепаратизм (сегрегация) – меньшинство отвергает культуру большинства и сохраняет свои культурные особенности. Причем меньшинства далеко не всегда свободны в выборе стратегий аккультурации. Если выбор инициируется со стороны меньшинства, можно говорить об изоляционистских установках его представителей и ориентации на сепаратизм. В случае, если стратегия навязывается меньшинству доминирующей группой, следует говорить о стратегии сегрегации;

3) маргинализация – группа и ее члены не идентифицируют себя ни с той, ни с другой культурой. Это может быть результатом невозможности поддержания собственной культурной идентичности и отсутствия желания установления и развития позитивных отношений с группой культурного большинства (из-за отвержения другой культурой или дискриминации);

4) интеграция – идентификация как со старой, так и с новой культурами. Результат процесса интеграции – сохранение собственного культурного наследия в сочетании с благожелательным отношением к культуре большинства.

Сельские немцы в Сибири появились в процессе массового сельскохозяйственного переселения российского крестьянства за Урал в конце XIX – начале XX вв. Немецкие колонисты оказались в весьма разнородном социокультурном окружении, которое состояло из сибирских старожилов, переселенцев других национальностей и аборигенного населения. Отношения немецких колонистов с местными жителями (старожилами и «инородцами») и другими переселенцами складывались в какой-то степени в рамках общих тенденций, характерных для всей Сибири. Имели место примеры и взаимовыгодного сотрудничества², и конфликтные ситуации на бытовой почве³. Все это в полной мере можно отнести и к сельским немцам Томской губернии, которые, по свидетельствам местных чиновников, в целом вполне мирно сосуществовали с местными жителями⁴.

В то же время процесс социокультурной адаптации немецких переселенцев в рамках сибирского общества имел свою безусловную специфику, которая выражалась в стремлении колонистов к социальной и культурной изоляции от местного населения и других мигрантов. Взаимодействие немецких колонистов с принимающим обществом имело особенности, отличающие их от других переселенцев. Сельские немцы не только не стремились войти в окружающий их социум в качестве полноправных его членов, но и подчеркнуто от него обособливались.

В частности, обособленность немецких колонистов Томской губернии отмечали многие, в том числе и местные, чиновники. Например, крестьянский начальник 4 участка Каинского уезда сообщал Томскому губернатору в 1915 г., что «население немецких поселков Тарской волости живет изолировано во всех отношениях от окружающего русского населения; для устройства торговых и прочих дел немцы-колонисты имеют сношения с городом Омском»⁵. По словам Каинского уездного исправника, немецкие колонисты старались «обходиться без помощи русских», а по отношению к окружающим их местным жителям были «чужды и очень осторожны»⁶. Был солидарен с этой оценкой и Змеиногорский уездный исправник, который писал, что «от окружающего... русского населения немцы сторонятся, почти никаких дел с ними не имеют»⁷.

В отчетах местных чиновников встречаются и намеки на причины подобного поведения немецких переселенцев. Например, по мнению временного заведующего Кулундинским подрайоном, «присматриваясь к общему укладу жизни немецких переселенцев, нельзя не отметить их обособленность от русского населения и настойчивое стремление неприкосновенными сохранить свой язык и обычаи»⁸. Соглашался с этой характеристикой и Барнаульский уездный исправник, в чьем отчете в 1915 г. было также указано, что «немецкие колонисты отличаются обособленностью от местных русских жителей, недоверием к последним и стремлением сохранить свою немецкую национальность»⁹. Заведующий водворением переселенцев в Барнаульском подрайоне вообще полагал, что «замкнутость и некоторая обособленность – черты, присущие вообще немецким колонистам, даже и давнего поселения в России»¹⁰, то есть стремление немецких переселенцев максимально

оградить себя от контактов с окружающим их инонациональным и инокультурным социумом, обуславливалось желанием сохранить свою этническую самобытность, при чем подобная стратегия поведения была характерна для российских немцев в целом. Достижению этой цели способствовал целый ряд факторов: иная языковая принадлежность немецких колонистов, другая религия, замкнутость сельской общины и обособленная система школьного образования.

Основным фактором, препятствующим полноценной коммуникации немецких колонистов с русскоязычным населением, был языковой барьер. Традиционно русский язык в среде российских немцев был мало распространен, а языком бытового и культурного общения являлся немецкий¹¹. Подтверждение этому можно найти в свидетельствах местных чиновников, которые имели возможность ознакомиться с жизнью немецких переселенцев.

В частности, Змеиногорский уездный исправник в своем отчете на имя Томского губернатора писал в 1915 г. о немецких колонистах, что говорят они «на своем языке и многие из них по-русски совершенно не знают»¹². Крестьянский начальник того же уезда отмечал в свою очередь, что «между собой немцы говорят на своем родном языке. Многие из них совсем не говорят по-русски, еще большая часть с трудом коверкает русские слова и только некоторые, очень немногие, хорошо говорят по-русски»¹³. На то же обстоятельство указывал и Барнаульский уездный исправник. Описывая жизнь немецких переселенцев во вверенном ему уезде, он отмечал, что «русским языком из них владеют по преимуществу только мужчины»¹⁴, подтверждая тем самым тезис некоторых исследователей о том, что именно мужское население, как экономически более активное, являлось носителем билингвизма¹⁵. Представитель еще одного уезда – Каинского – также подтверждал, что «все означенные колонисты живут между собой весьма общительно, говорят преимущественно на немецком языке, и немногие из них плохо говорят по-русски»¹⁶.

На сохранение замкнутости и обособленности немецких колонистов большое влияние оказывал фактор их религиозной принадлежности. Религия выступала не только как важная составляющая часть духовной жизни, но и как форма социального объединения, отчего сельская община у немцев носила во многом конфессиональный характер, что делало ее еще более замкнутой¹⁷.

Очень тесно с религиозной жизнью переселенцев была связана система национального школьного образования, которая тоже способствовала обособленности немецкой общины. Так сложилось, что немцы весьма трепетно относились к школе. Это объяснялось традицией обязательного школьного обучения, которая напрямую исходила из необходимости подготовки ребенка к конфирмации, то есть вступлению в церковную общину. Именно поэтому среди первоочередных задач, которые решали колонисты с момента водворения за Уралом, были вопросы образования детей и строительства школы. Значительную распространенность школьного образования среди немецких переселенцев Томской губернии отмечали и местные провинциальные чиновники. Например, Змеиногорский уездный

исправник сообщал в своем рапорте, что «во многих поселках немцы имеют домашние школы и обучают детей по-немецки»¹⁸. Практически повторяя его слова, крестьянский начальник 2 участка Змеиногорского уезда информировал Томского губернатора, что «в каждом поселке немцы имеют свою домашнюю школу, где обучают детей не по-русски, а по-немецки»¹⁹. Это упорное стремление колонистов заниматься школьным образованием детей в рамках своей культуры, отмечал и Барнаульский уездный исправник. В частности, он сообщал, что «колонисты воспитывают своих детей в чисто немецком духе»²⁰. Из этих свидетельств видно, что школа у немецких колонистов не только выполняла просветительские функции, но и выступала как средство поддержания и развития этнических традиций. В то же время немецкая национальная школа в силу своей замкнутости являлась фактором, усиливающим обособленность сельских немцев Томской губернии от принимающего общества.

Таким образом, особенность социокультурной адаптации сельских немцев Томской губернии состояла в том, что они стремились оградить себя от какого-либо влияния инонациональной и инокультурной окружающей среды и предпочитали жить максимально изолированно в рамках своего поселения или религиозной общины. Очевидно, что не принимающее общество отторгло их, а они сами не шли с ним на контакт, ставя принцип социальной и культурной изоляции в ранг неписаного закона. Согласно классификации адаптационных стратегий мигрантов, предложенной Дж. Берри, сельские немцы Томской губернии в качестве стратегии адаптации избрали стратегию сепаратизма, когда меньшинство отвергает культуру большинства и сохраняет свои культурные особенности.

Процесс социокультурной адаптации городских немцев заметно отличался от процесса адаптации сельских колонистов. Во-первых, городские немцы жили в Сибири, как правило, гораздо дольше, а, во-вторых, условия городской жизни не давали возможности для той социальной и культурной обособленности, которую предпочитали немцы-сельчане. В условиях города немцы чувствовали себя этноконфессиональным меньшинством, что, с одной стороны, способствовало сплочению городского немецкого сообщества, а с другой – вынуждало немцев гораздо активнее контактировать с окружающей социальной средой. Все эти тенденции можно наблюдать на примере немцев г. Томска. Прежде всего необходимо отметить, что томское немецкое сообщество принадлежало в основном к лютеранскому вероисповеданию, что и послужило основанием для их консолидации вокруг местного евангелическо-лютеранского прихода. Томские немцы прикладывали значительные усилия, чтобы сохранить свою самобытность. Достижению этой цели во многом должны были способствовать различные этноконфессиональные и социальные институты.

Духовным и культурным центром томских немцев-лютеран являлась лютеранская церковь – кирха Св. Марии²¹, построенная в 1864 г. на средства евангелическо-лютеранского общества. Ее проект был заказан в Петербурге ученикам знамени-

того архитектора Бенау²², а располагалась она в квартале, ограниченном улицами Александровской (ныне ул. Герцена), Черепичной (ныне ул. Кузнецова) и Еланской (ныне ул. Советская). Четвертая улица, закрывавшая квартал с севера, долгое время оставалась безымянной, но с 1910 г., по ходатайству церковного совета кирхи, стала называться Лютеранской²³. Было у томских лютеран и свое кладбище, которое находилось в районе современной ул. Вершинина²⁴.

Во главе лютеранского прихода стоял пастор. Как правило, это был выпускник богословского факультета Дерптского университета. Экономической его частью ведал церковный совет (der Kirchenrat), который состоял из 11 членов²⁵. Одним из самых значительных достижений лютеранского общества г. Томска было открытие в ноябре 1896 г. первой в Сибири официально зарегистрированной городской немецкой школы, которая была предназначена для детей лютеранского вероисповедания и тоже служила фактором обособления томского немецкого сообщества от принимающего общества.

Вдохновителем и главным ее создателем был пастор Альфред Келлер, возглавлявший в то время лютеранский приход. Именно он вел переписку с попечителем Западно-Сибирского учебного округа, ходатайствуя об открытии «частного двухклассного элементарного училища»²⁶. Школа была предназначена для детей лютеранского вероисповедания, однако обучались там и представители иных конфессий. Например, в сентябре 1903 г. состав учеников по вероисповеданию, согласно публикации в газете «Сибирская жизнь», был следующим: 14 – лютеран, 10 – православных и 1 – иудей²⁷. Детей принимали в школу с 8 лет, обучение было платным. Девочки и мальчики обучались совместно, требовалось, правда, чтобы девочки были не старше 12 лет и сидели на отдельных скамьях. Количество учеников было небольшим – от 20 (1897 г.) до 35 (1904 г.) детей²⁸. Помимо школы был в Томске и частный немецкий пансион, открытый в 1902 г. г-жей А. Брейтигам²⁹.

Кроме того, томские немцы прилагали значительные усилия для того, чтобы сохранить свой родной язык: на нем проводились богослужения, разыгрывались спектакли³⁰, устраивались немецкие семейные вечера³¹, была даже идея создать немецкий клуб³². Немецкий являлся языком корпоративного общения в среде немецкого сообщества Томска. Помимо организации духовной и культурной жизни немцев-лютеран томская евангелическо-лютеранская община занималась благотворительностью. С 1897 г. при кирхе действовал приют для детей-сирот, целью которого, согласно уставу, было «ограждать от телесной и душевной гибели бедных и испорченных детей, развивать их разум и воспитывать их полезными членами общества»³³. Воспитанниками этого заведения были в основном дети ссыльно-поселенцев³⁴. Для поддержания приюта и школы томским лютеранским обществом в городском масштабе устраивались различные благотворительные мероприятия с целью сбора денежных средств.

В 1905 г. было образовано Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество, целью которого являлось «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных евангелическо-лютеранского вероисповедания в губернии без различия пола, возраста, звания и состояния». В 1910 г. в обществе состояло 34 человека, годовой членский взнос составлял 3 руб., а бессменным председателем являлась Екатерина Георгиевна Рокачевская³⁵. Только появившись, благотворительное общество дам-лютеранок развило бурную деятельность. За период с 1905-го по 1914 г. им было организовано 8 крупных лотерей-аллегри³⁶, чистая прибыль от каждой из них стабильно составляла сумму 1500–2000 руб.³⁷

Томская лютеранская община принимала активное участие в общественной жизни города, и томичи очень доброжелательно относились к ее деятельности, что в полной мере подтверждается публикациями в сибирской прессе. В то же время нельзя не отметить заметную обособленность томских немцев-лютеран, их стремление оградить себя от возможного влияния других этноконфессиональных сообществ, что достигалось созданием собственных общественных и религиозных институтов: кирхи, школы, приюта, благотворительного общества. В целом подобную политику томских немцев можно расценить как механизм сохранения своей конфессиональной и этнической самобытности и защиты от ассимиляции со стороны господствующей религии и этноса. В этой связи можно сделать вывод, что стратегия адаптации, выбранная городскими немцами Томской губернии, была близка к стратегии интеграции, когда происходит сохранение собственного культурного наследия в сочетании с благожелательным отношением к культуре большинства.

Таким образом, подводя итог анализу особенностей социокультурной адаптации немецких переселенцев в Томской губернии в конце XIX – начале XX в., следует отметить, что адаптационные стратегии, избранные сельскими и городскими немцами, значительно отличались друг от друга. Условия сельской местности давали больше возможностей для обособленного во всех отношениях существования, город же, по сути своей, способствовал более интенсивным интеграционным процессам. В целом же процесс социокультурной адаптации немецких переселенцев Томской губернии можно охарактеризовать, как успешный. Мигранты не были отвергнуты принимающим обществом и имели возможность выстраивать свои взаимоотношения с окружающей социальной средой по своему усмотрению. Во многом этому способствовал сложившийся в местах прежнего расселения комплекс диаспоральности: обособленность образа жизни, стабильность стереотипов поведения, регламентация жизненного уклада, высокий уровень производственной и бытовой культуры, особые конфессиональные отношения, национальные школы и т.п.³⁸ Столь благополучная ситуация значительно ухудшилась в связи с началом Первой мировой войны и дальнейшими событиями в русской истории.

-
- ¹ См.: Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис личности. М., 2002. С.143.
- ² См.: Сибирская жизнь. Томск. 1904. 26 авг.; Томский листок. 1897. 4 мая.
- ³ См.: Сибирская жизнь. 1906. 27 июля.
- ⁴ См.: Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф.3. Оп.44. Д.4204. Л.46, 174.
- ⁵ Там же. Л.38.
- ⁶ Там же. Л.81.
- ⁷ Там же. Л.85-об.
- ⁸ Там же. Л.120.
- ⁹ Там же. Л.178.
- ¹⁰ Там же. Л.174.
- ¹¹ См.: Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск, 2006. С.117.
- ¹² ГАТО. Ф.3. Оп.44. Д.4204. Л.85.
- ¹³ Там же. Л.91-об.
- ¹⁴ Там же. Л.178.
- ¹⁵ См.: Кутилова Л.А. Школа на родном языке как фактор сохранения этнической целостности в среде меннонитов-переселенцев в Сибири // Американский и Сибирский фронт. Томск, 1997. С.175.
- ¹⁶ ГАТО. Ф.3. Оп.44. Д.4204. Л.81.
- ¹⁷ См.: Чернова И.Н. Религиозный фактор в социальных отношениях у немцев Алтайского края // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2002. С.263.
- ¹⁸ ГАТО. Ф.3. Оп.44. Д.4204. Л.85-85-об.
- ¹⁹ Там же. Л.91-об.
- ²⁰ Там же. Л.178.
- ²¹ См.: Нам И.В. Духовный центр томских лютеран // Сибирская старина. Томск, 2006. № 25. С.18.
- ²² См.: Морозова Н. Немецкие места // Территория согласия. Томск, 2004. №1. С.27.
- ²³ См.: Нам И.В. Духовный центр ... С.18.
- ²⁴ См.: Пашкова Н.В. Формирование немецкого населения г. Томска на рубеже XIX–XX вв. // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2002. С.132.
- ²⁵ См.: Нам И.В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871 – 1941 гг. М., 2002. С.378; Сибирская жизнь. 1899. 16 окт; 1904. 13 апр; 1909. 10, 15 марта; 1910. 4 марта и др.
- ²⁶ ГАТО. Ф.126. Оп.1. Д.920. Л.1.
- ²⁷ См.: Сибирская жизнь. 1903. 5 сент.
- ²⁸ См.: Нам И.В. Духовный центр ... С.19.
- ²⁹ См.: Сибирская жизнь. 1902. 13, 15 авг.
- ³⁰ См.: Там же. 1902. 27 июня; 1908. 21 фев.
- ³¹ См.: Там же. 1911. 25 янв.
- ³² См.: Там же. 28 янв.
- ³³ Там же. 1899. 29 янв.
- ³⁴ См.: Там же. 12 марта.
- ³⁵ См.: Нам И.В. Жизнь в диаспоре ... С.381.
- ³⁶ См.: Сибирская жизнь. 1905. 11 дек; 1907. 11 нояб; 1908. 21 нояб; 1910. 6 янв; 1911. 6 янв; 1912. 6 янв; 1913. 6 янв; 1914. 6 янв.
- ³⁷ См.: Там же. 1907. 24 нояб; 1908. 10 дек; 1910. 9 янв; 1911. 9 янв.
- ³⁸ См.: Нам И.В. Немцы-переселенцы глазами сибирского чиновника: проблема адаптации в инокультурной среде (на материалах Томской губернии) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. М., 2005. С.149.

Участие немецких переселенцев в Славгородском восстании 1918 г.: попытка реконструкции событий

Славгородское (Чернодольское) восстание (2–10 сентября 1918 г.) было одним из самых крупных крестьянских восстаний в Сибири во второй половине 1918 г. Восстание охватило 17 волостей Алтайской губернии¹ с преимущественно переселенческим (украинским и немецким) населением. Несмотря на имеющуюся литературу, посвященную этому восстанию², его этническая сторона, и, в частности, участие и роль немцев в этом восстании изучены недостаточно. Касающиеся этого сюжета исследователи³ опираются преимущественно на воспоминания, субъективный и не свободный от искажений источник. Их некритическое использование привело к ошибкам, на которые нам уже приходилось обращать внимание⁴. Утверждается, в частности, что восстание было направлено против Колчака, объявившего мобилизацию молодежи в свою армию. В действительности, восстание вспыхнуло на два месяца раньше прихода к власти А.В. Колчака, и было вызвано реакцией алтайского крестьянства на объявленную Временным Сибирским правительством, демократическим по своему составу, принудительную мобилизацию в Сибирскую армию лиц, родившихся в 1898–1899 гг. К сожалению, этой же ошибки не избежали и авторы вышедшего в 2005 г. учебного пособия по истории немцев в России⁵.

Опубликованные в свое время автором настоящей статьи тезисы основаны преимущественно на воспоминаниях и описании этих событий в периодической печати периода гражданской войны⁶, что также недостаточно для всестороннего рассмотрения участия немцев в Славгородском восстании. Эти источники не позволяют ответить на многие вопросы, которые возникают при ближайшем знакомстве с событиями сентября 1918 г. в Славгородском уезде. Архивных документов, которые могли бы пролить свет на действительную роль немцев в Славгородском восстании, известно очень мало. В этом отношении несомненный интерес представляет архивно-следственное дело Ф.Ф. Васловского⁷, которое было возбуждено Новониколаевской ЧК против него и еще трех человек: Ф. Роота, его сына А. Роота и А. Риммера, в июне 1920 г. по обвинению в выдаче ими семерых участвовавших в восстании коммунистов с. Подсосновское⁸.

Учитывая все это, в статье предпринимается попытка на основе анализа имеющейся литературы и выявленных на сегодняшний день источников, как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот, попытаться выявить причины участия и роль немецких переселенцев в Славгородском восстании, восстановить его ход, рассмотреть вопрос о «зачинщиках» восстания и «виновниках» их расстрела.

Как уже было сказано, восстание было вызвано реакцией алтайского крестьянства на объявленную Временным Сибирским правительством принудительную мобилизацию в Сибирскую армию молодежи 1898–1899 гг. рождения. 31 июля 1918 г. был подписан указ, которым добровольный принцип комплектования Сибирской армии заменялся принудительным. Призыву подлежало все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 г.⁹ В циркуляре МВД от 17 августа разъяснялось: «Все инородцы, подлежащие отбыванию воинской повинности, согласно уставу о таковой повинности (изд. 1915 г.), должны призываться и теперь, если они прибыли в Сибирь до 1 января 1915 г.» (п. 6). Меннониты призывались на общем основании, изъятий для них не предусматривалось (п.7)¹⁰.

Начавшийся 25 августа призыв привел в ряде мест к открытым вооруженным крестьянским выступлениям, в которых приняли участие и переселенцы, в том числе нерусские. В Славгородском уезде, объединявшем 52 волости, по приказу начальника гарнизона штабс-капитана Киржаева, новобранцы должны были явиться 4 сентября в уездный центр – Славгород на сборный пункт. Не явившиеся в указанный срок подлежали преданию военно-полевому суду¹¹. До сих пор в основной своей массе пассивно относившиеся к происходящим событиям крестьяне начали митинговать, выносить резолюции с протестом против объявленной мобилизации, которые направлялись в Славгород, в Омск Временному Сибирскому правительству и в Томск, где в это время заседала Сибирская областная дума.

Упорнее всех сопротивлялись мобилизации жители села Архангельское (Черный Дол), расположенного в 7-8 верстах к северу от Славгорода, где, судя по воспоминаниям, имела небольшая группа крестьян, примыкавших к большевикам¹². Накануне восстания в Архангельское, жители которого упорнее других селений не давали новобранцев Сибирскому правительству, явился вооруженный отряд под командованием начальника гарнизона капитана Киржаева и, угрожая расстрелами, потребовал выполнить приказ о мобилизации и выдать местных большевиков, на что чернодольцы ответили отказом. Тогда офицеры арестовали трех членов подпольного большевистского комитета. Возмущенные чернодольцы потребовали их освобождения, после чего офицеры открыли по ним стрельбу. Были убитые и раненые.

Однако угрозы и насилие возымели обратное действие. Как пишет П. Парфенов, слух об архангельском инциденте «искрой разнесся по окрестным селам и деревням». Молодежь объединилась, образовала «крестьянский штаб» и приготовилась к «обороне». Стали распространяться сведения, что расстрел архангельцев есть самовольное действие начальника гарнизона и офицеров, что Сибирская областная дума «стоит» за крестьянство» и т.п.¹³ «Крестьянско-рабочий штаб» издал несколько воззваний с призывом к крестьянам и рабочим восстать против Временного Сибирского правительства, по селам были посланы агитаторы¹⁴. По свидетельству Т. Чуева, «особенное сочувствие идея восстания встретила сре-

ди немецких поселков Подсосновской волости»¹⁵. Чтобы упредить события, было решено «освободить Славгород от офицеров», рассчитывая получить поддержку от Омского правительства и Сибирской областной думы, и добиться освобождения от мобилизации и уплаты налогов¹⁶.

2 сентября крестьяне села Черный Дол и соседних с ним селений, в том числе немцы-колонисты Подсосновской волости (Камыши, Марьяновка), вооруженные, кто, чем мог – ружьями, дробовиками, вилами, топорами, лопатами, батогами ворвались в Славгород и устроили там кровавую расправу над зажиточными горожанами («буржуйами»), милицией и офицерами гарнизона. Застигнутый врасплох гарнизон, несмотря на техническое превосходство, необходимого сопротивления не оказал¹⁷.

Некоторые источники умалчивают об участии немецких колонистов в восстании, другие, напротив, утверждают, что восстание было «инспирировано» немцами, говорят об их активном участии и даже «предводительстве» в восстании, отводят им роль «подстрекателей» с целью «создать затруднения при воссоздании армии для борьбы с их сородичами»¹⁸. По свидетельству пастора Я. Штаха, немцев вел некто Вагнер, «посланец Ленина в Сибири», «темная фигура», «демагог», сумевший поднять колонистов на бунт, выдавая большевизм за разновидность хилястического учения о тысячелетнем царстве, сторонниками которого были немецкие колонисты¹⁹.

Факт активного участия немцев в восстании подтверждается и официальными документами. Так, начальник Славгородской уездной милиции сообщал в рапорте Алтайскому губернскому комиссару: «В связи с призывом новобранцев, в понедельник, 2 сентября, около 9 часов утра на воинский гарнизон, уездную и городскую милицию крестьянами села Архангельского Славгородской волости, под предводительством немцев Подсосновской волости, Славгородского уезда (выделено мной. – И.Н.), было сделано вооруженное нападение. Восстание подготовлялось в строгом секрете и, в силу внезапности, а также малочисленности вооруженных сил в Славгороде, приняло весьма бурную и угрожающую форму»²⁰.

Со 2-го по 9-е сентября, как говорилось в сообщении Славгородской уездной земской управы в Алтайскую губернскую управу, «как в городе, так и в уезде царил полная анархия, и город был под насилием темных личностей, производивших обыски и грабежи. Почта и телеграф не работали, движение по железной дороге было приостановлено»²¹. Во время этих событий, как сообщалось в газетах, «озверелою толпою» был убит «с честью выполнявший обязанности городского головы симпатичнейший А.Я. Фрей»²². По словам Я. Штаха, смертный приговор был вынесен всем руководителям немецкого самоуправления в уезде²³, в том числе Штаху и Васловскому. Об этом же пишет в своих воспоминаниях и Т. Чувев: «Особенно были настойчивы в своих требованиях немцы. Они жаждали мести и расправы. Они быстро разыскали городского голову, немца Фрея, владельца паровой мельницы, – и на площади с ним разделились. Долго искали другого немца – богача

Васловского²⁴, но не могли его найти, так как он был в это время в Омске». При этом автор оговаривается, что впоследствии немцы изменили свое отношение к Васловскому, который после разгрома колчаковщины был арестован и водворен в Славгородскую тюрьму. Освободившись, он нашел приют в одном из немецких поселков среди тех крестьян, которые в сентябре 1918 г. хотели учинить над ним расправу²⁵.

После того, как город оказался в руках восставших, «рабоче-крестьянский штаб» был преобразован в уездный штаб с резиденцией в селе Черный Дол. Штаб заявил о переходе к нему всей «полноты власти» впредь до созыва уездного крестьянского съезда, назначенного на 12 сентября, который должен был наряду с другими вопросами рассмотреть и вопрос о мобилизации. В Томск – Сибирской областной думе и в Омск – Временному Сибирскому правительству была послана повестка съезда с «просьбой» прислать своих представителей для доклада о текущем политическом моменте и информации²⁶. Призыв на уездный съезд, исходивший от «своей власти», встретил среди крестьян широкий отклик. По словам П. Парфенова, «жгучее желание», с одной стороны, избавиться от офицерской и милицейской нагайки, которая начала усиленно «гулять» по спинам крестьян, и намерение укрепить «крестьянскую власть» в уезде, а с другой – возможность «выслушать успокоительный доклад» от представителей Думы, заставили крестьян бросить свои дела и выбрать своих представителей на съезд, снабдив их соответствующими наказами²⁷.

Но в Омске на славгородские события ответили решением о жестких мерах. Приказом военного министра Временного Сибирского правительства А.Н. Гришина-Алмазова на усмирение восстания был послан карательный отряд под командованием подполковника Б.В. Анненкова, многонациональный по своему составу, по словам Т. Чуева, «полная смесь наций и языков»²⁸. Восстание было жестоко подавлено. Усмирением Славгородского восстания прославились также польский легион и имени П. Сагайдачного – единственное украинское воинское подразделение в Западной Сибири²⁹. На жестокость польских легионеров, которые при подавлении Славгородского восстания зверствовали «еще хуже чехов», указывал и пастор Я. Штах в своих воспоминаниях: «...Та или иная деревня объявлялась ими без всяких оснований «красной», где они расстреливали, грабили, а другая, соседняя деревня, которую они объявляли «белой», должна была за объявленную ими сумму купить у них награбленное добро...»³⁰.

Немцы-колонисты подверглись репрессиям анненковцев в той же мере, как и русские и украинские его участники. В Подсоснове расстрелу подлежали 13 человек, по свидетельству Романенко – 19³¹. В их числе: Иван-Яков Беккер, К. Вагнер, Корел, Шрадер, Вебер, Эрмес, Гремза, Кипа, Юост, Давид, Вайс, Штумп, Принц и др. По воспоминаниям Я. Штах, расстреляли каждого десятого – всего 12 человек³². И.И. Романенко называет цифру 18 человек (из 19 спасся только один –

Иван Кинти-Гебух). Как можно судить по материалам дела Васловского – Роота, всего было расстреляно 7 человек.

И.И. Романенко в своих воспоминаниях (неопубликованных), рассказывая о событиях в Подсосново, пишет, что список большевиков из 36 человек карателям представил местный поп, но многие убежали, и карателям удалось найти только 19 человек³³.

Из материалов архивно-следственного дела Ф. Васловского, Ф. Роота, А. Роота и А. Риммера, которых обвиняли в выдаче анненковцам подсосновских большевиков Беккера, Вагнера и других, предстает следующая картина. Никто из обвиняемых виновным себя не признал. Как свидетельствуют материалы дознания, местные жители, за исключением нескольких человек, коммунистов или близких родственников расстрелянных³⁴, показания которых были основаны на слухах и откровенных домыслах, отказывались признать фигурантов этого дела предателями.

Напротив, о Васловском, например, говорили как о человеке, который «всегда держал сторону бедняков»³⁵ и многих спас от репрессий со стороны белых³⁶. Так, в приговоре Марьяновского сельского общества говорилось, что во время нашествия Анненковского отряда «поселок был защищен исключительно через Васловского...», благодаря тому, что в это время он служил в Земской управе³⁷. В материалах дела имеются также приговоры Удалинского сельского общества Славгородской волости и немецких поселков Камышовки и Антоновки Подсосновской волости, в которых говорится, что Васловский до установления Советской власти торговал мукой и сельскохозяйственными машинами, продавая их крестьянам в кредит, помогал им, чем мог, ссужал деньгами и худого никому не делал³⁸.

Жители с. Подсосновское, чтобы не подвергать село разграблению, на общем сходе приняли решение откупиться от карателей контрибуцией или любым другим способом. Сход просил «зачинщиков» самим сдать в руки властей и не ставить село под удар. С этой миссией в Славгород к Анненкову были посланы Ф. Роот и А. Риммер, которые проходили по делу, как предатели. Любопытная деталь: коммунист К. Вагнер, якобы выданный в числе этих 7 человек, о котором пастор Я. Штах писал в своих воспоминаниях, как о главном «зачинщике» восстания, сумел избежать расстрела. Проходя в 1920 г. по делу как свидетель, он стал оправдывать Ф. Роота и других, утверждая, что его никто не выдавал, что он сам «объявил себя виновным». По его словам, так поступили и другие известные ему организаторы восстания, потому что между ними была заранее такая договоренность. Во время следствия это обстоятельство было объяснено внутренним переломом Вагнера и сделано предположение, что из коммуниста он стал баптистом³⁹.

Версия о невиновности Ф. Роота подтверждается свидетельством учителя К.К. Зейбея, бывшего во время восстания волостным секретарем, который показал, что 12 сентября, когда в село прибыл карательный отряд под командованием Киржаева и потребовал выдать трех человек из участников восстания, угрожая,

что в противном случае от села останется лишь пепелище, Вагнер, Беккер и Корел сознались, что именно они были в Славгороде во время восстания. После чего Вагнер и Беккер скрылись, а Корел остался и вскоре был расстрелян⁴⁰. Однако Беккер позднее был задержан, отправлен в Славгород и там расстрелян. Вагнеру удалось бежать.

В деле имеются «поручительный протокол» жителей с. Подсоснова, ходатайствующих об освобождении Ф.Г. Роота, А.Ф. Роота и А.А. Риммера и «подписка» от лица приговоренных к расстрелу И.Г. Геймбуха, Д.Д. Киндта и Г. Ебауэра, которым чудом удалось спастись, что их односельчане «в предательстве невиновны», наоборот, они сделали все возможное, чтобы никого из участников бунта не выдавать, а одного из них, Геймбуха, Роот укрывал у себя на пашне в соломе⁴¹.

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует, во-первых, о том, что роль немецких переселенцев в восстании, недовольных начавшейся принудительной мобилизацией в Сибирскую армию, была весьма существенной. «Главную скрипку» играли жители с. Подсоснова – самой большой лютеранской колонии на Алтае. Вполне очевидной представляется ведущая роль – роль «зачинщиков» Карла Вагнера и Якова Беккера. Меннониты в восстании, судя по всему, не участвовали. В-третьих, как таковых, «предателей», выдавших «зачинщиков», среди колонистов не оказалось. Доказать виновность Ф. Васловского и Ф. Роота, хотя они и были осуждены⁴², не удалось. Напротив, как можно судить по показаниям большинства свидетелей, за исключением родственников и тех людей, с кем у фигурантов дела были личные счета на классовой основе, они, как могли, пытались предотвратить массовые расправы анненковских карателей над жителями немецких поселков. В ходе следствия так и не удалось установить, кто выдал анненковцам «зачинщиков» восстания.

¹ См.: Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С.82.

² См.: Парфенов П. Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 года (К процессу эсеров) // Пролетарская революция. 1922. № 7; Чуев Т. Чернодольское восстание // Сибирские огни. 1926. № 5-6; Шелестов Д.К. Из истории крестьянских восстаний в Западной Сибири осенью 1918 г. // Вестник Моск. ун-та. 1954. № 1; Горностаев Д.Л. Чернодольское восстание (воспоминания) // Алтай, 1957. № 10; Журов Ю.В. Указ.соч.; Партизанское движение в Западной Сибири. Новосибирск, 1959; Романенко И.И. Славгородское восстание // Забываемое. Барнаул, 1960; Плотников И.Ф. Героическое подполье. М., 1968; Дрыгин С.Д. Новые материалы по Славгородскому восстанию 1918 г. // Алтайский сборник. Вып. XVI. Барнаул, 1995 и др.

³ См.: Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С. 109; Шеленберг И. История села Орлово. М., 1996. С. 29; Bruhl, V. Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von Ansiedlung bis zur Auswanderung. Bd. 1. Nürnberg, München, Grossburgwedel: HVD, 2003. S. 136.

⁴ См.: Нам И.В. Немцы и власть в Сибири в условиях гражданской войны (1917–1918 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2003. № 10. С. 2003.

⁵ См.: Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. М., 2005. С. 261.

⁶ См.: Нам И.В. Об участии немцев в Славгородском восстании в сентябре 1918 г. // Немцы Сибири: история и культура : Сборник резюме докладов Третьей междунар. науч. конф. Омск, 1999. С.30–32.

⁷ Дело Томской (Новониколаевской) Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности по обвинению Васловского Ф.Ф. в выдаче советских работников и в расстрелах в г. Славгороде в 1918 г. (См.: Отдел спецдокументации Управления архивных дел Администрации Алтайского края (ОСД УАД ААК). Ф. Р-2. Оп.6. Д. 8).

⁸ Впервые материалы этого дела вместе с материалами других следственных дел были частично введены в оборот Н.В. Кладовой (См.: Кладова Н.В. К вопросу о влиянии гражданской войны на массовое политическое поведение // Актуальные вопросы истории Сибири. Науч. чтения памяти А.П. Бородавкина 20 мая 1997 г. Барнаул, 1998.

⁹ Поляки, украинцы и другие национальности призывались в части, организуемые по национальному признаку. В то же время они должны были входить «в состав русских высших войсковых соединений» и «сноситься при официальной переписке на русском языке» (Законодательная деятельность белых правительств Сибири. Вып. 1. Томск, 1998. С. 118).

¹⁰ См.: Алтайские губернские ведомости. Барнаул. 1918. 28 авг.

¹¹ См.: Из воспоминаний И.И. Романенко о Чернодольском восстании // Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. Барнаул, 2001. С. 183.

¹² См.: Чуев Т. Указ. соч. С. 159.

¹³ См.: Парфенов П. Указ. соч. С. 63.

¹⁴ См.: Революционные события и Гражданская война в Алтайской губернии... С. 182.

¹⁵ Чуев Т. Указ. соч. С. 160.

¹⁶ См.: Парфенов П. Указ. соч. С. 62-63.

¹⁷ Описание восстания см.: Революционные события и Гражданская война в Алтайской губернии... С. 181-182; Алтай. Бийск. 1918. 26 (13) сент; Народная свобода. Барнаул. 1918. 24 сент; Чуев Т. Указ. соч. С. 159-161.

¹⁸ Стратонитский А. Славгородские события // Сибирская жизнь. 1918. 20 сент.

¹⁹ См.: Stach, J. Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. Stuttgart, 1938. S. 122–124.

²⁰ Дрыгин С.Д. Указ. соч. С. 197.

²¹ Революционные события и Гражданская война в Алтайской губернии... С. 182.

²² См.: Сибирская жизнь. 1918. 20 сент.

²³ См.: Stach, J. Das Deutschtum in Sibirien ... S. 122–124.

²⁴ См.: В тексте – Власовского.

²⁵ См.: Чуев Т. Указ. соч. С. 161.

²⁶ См.: Парфенов П. Указ. соч. С. 63.

²⁷ См.: Там же. С. 64.

²⁸ Чуев Т. Указ. соч. С. 164.

²⁹ См.: Ефименко А. Сибирская Украина: Несостоявшийся альянс // Родина. 2006. № 7. С. 81; Заря. 1919. 16 апр.; Русская речь. 1919. 20 июня.

³⁰ Но после подавления восстания, по свидетельству пастора, «немецкие колонисты больше в политические дела не вмешивались, кормили и поили кофеом поляков, когда те через их колонии проезжали. Краткая польская эра пощадила немцев от насилий и грабежа» (Stach, J. Meine Feuertaufe. Erlebnisse eines evangelischen Diasporapfarrers in Sibirien. Von Jacob Stach. - St. Gallen, Buchhandlung der evangelischen Gesellschaft, 1924. С. 123).

³¹ См.: Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 5876. Оп. 1. Д. 224. Л. 18-19

³² См.: Stach, J. Das Deutschtum in Sibirien ... S. 125.

³³ См.: ЦХАФАК. Ф. 5876. Оп. 1. Д. 224. Л. 18–19.

³⁴ См.: Например, жены и брата Беккера (См.: ОСД УАД ААК. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 131, 132).

³⁵ ОСД УАД ААК. Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 63–63 об.

³⁶ См.: Там же. Л. 62 об.

³⁷ См.: Там же. Л. 74, 100.

³⁸ См.: Там же. Л. 71–73.

³⁹ См.: Там же. Л. 202–202 об.

⁴⁰ См.: Там же. Л. 180.

⁴¹ Там же. Л. 178.

⁴² А. Роот и А. Риммер были признаны невиновными. Фердинад Фердинандович Васловский был осужден приговором Омского губревтрибунала от 10 июня 2001 г. к 1 году 7 месяцам общих работ условно. Постановлением ревтрибунала от 16 декабря 1921 г. освобожден от наказания по амнистии. В 1997 г. был реабилитирован постановлением прокурора Алтайского края. Тогда же был реабилитирован Фридрих Готлибович Роот.

Особенности региональной политики по сохранению и восстановлению иностранных воинских захоронений Второй мировой войны в Западной Сибири

В рамках данной публикации рассмотрена специфика региональной политики в отношении памятных мемориальных мест, связанная с выявлением, изучением и сохранением иностранных воинских захоронений времен Второй мировой войны в Западной Сибири, т.е. на территории Кемеровской, Новосибирской, Тюменской областей и Алтайского края. За истекшие годы постоянно растет интерес к данной проблеме как в России, так и за рубежом, в частности в Германии, Японии, США, Великобритании, Франции. Библиографический список научных исследований в этой области постоянно пополняется¹.

Однако, к сожалению, и сегодня в нашем обществе есть определенное недопонимание важности и необходимости выявления имен и судеб не только погибших советских солдат, но и немецких, уважительного отношения к кладбищам бывших военных противников. Статья написана на основе материалов центральных и региональных архивов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Вопросы сохранения, восстановления, изучения и ухода за воинскими захоронениями времен Второй мировой войны на территории Германии и России как исторических мемориальных комплексов, так и части европейского культурного наследия, теснейшим образом связаны с исторической памятью человечества в современном мире. Ряд международных конвенций и соглашений, начиная со времени принятия в 1929 г. Женевской конвенции, регулируют порядок погребения и учет погибших в плену иностранцев, предусматривают систему мер, необходимых, чтобы воинские захоронения на территории противоборствующих сторон «должным образом почитались и надлежаще содержались»².

Захоронения участников событий Второй мировой войны 1939–1945 гг., воевавших на стороне Третьего рейха, умерших в плену на территории СССР, России, с находящимися здесь элементами ограждения, иными сооружениями и объектами в документах международного права определяются как памятные исторические места и подлежат охране государства. К таковым также относятся: кладбища или участки погребений, индивидуальные могилы на гражданских кладбищах или вне кладбищ, колумбарии и урны, которые еще существуют, могут быть обнаружены, или заложены вновь в районах воинских захоронений военнопленных и интернированных гражданских лиц³.

В целях обеспечения должного ухода данных мемориальных мест устанавливаются подлежащие учету охранные зоны и зоны охраняемого ландшафта. В рамках законодательства Российской Федерации предполагается, что на каждый выявленный воинский некрополь необходимо устанавливать мемориальный знак,

а также составлять паспорт исторического объекта, в соответствии с которым производится картографирование территории и предоставляется в региональную администрацию точный реестр захоронений военнопленных. Ответственность за учет, содержание, документационное оформление воинских погребений возлагается на заместителей глав администраций городов и районов Российской Федерации⁴. Правительства государств, чьими гражданами являлись захороненные на территории России, а также федеральные учреждения, предприятия или общественные структуры вправе принимать участие в организации обустройства и ухода за погребениями военнопленных и интернированных⁵.

Впервые порядок погребения иностранных военнопленных в СССР регламентировал Проект ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1931 г. «Положение о военнопленных», в котором указывалось на необходимость производить захоронение военнопленных «в том же порядке, как и военнослужащих РККА. Место погребения каждого военнопленного должно быть надлежащим образом обозначено»⁶. Данный документ был положен в основу Постановления СНК СССР за № 1798-800с «Об утверждении положения о военнопленных» от 1 июля 1941 г. В постановлении указывалось, что «военнопленные могут составлять завещания... Деньги и документы умерших военнопленных для направления наследникам передаются Центральному справочному бюро при исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца»⁷. Указанные выше положения, касающиеся захоронений иностранцев, подтверждались «Инструкцией о порядке учета военнопленных в лагерях НКВД за № 001067 от 7 августа 1941 г. В частности утверждалось, что, несмотря на национальный обычай у японцев сжигать трупы умерших, следует погребать их «путем предания земле»⁸. Однако, несмотря на строгие предписания, в начальный период организации производственных лагерей, особенно в отдаленных лагерных отделениях, умерших военнопленных японцев хоронили в соответствии с их традициями и обычаями – сжигали, поэтому в кладбищенских книгах и регистрационных документах встречаются записи «труп сожжен», а следовательно установить точное количество захоронений на сегодняшний день вряд ли возможно.

И в дальнейшем, на протяжении 1943-1946 годов, организация воинских кладбищ, учет погибших иностранных военнопленных регламентировались рядом директив и инструкций НКВД-МВД СССР. В частности, Директива НКВД СССР № 201 «О порядке погребения трупов военнопленных японцев» от 14 ноября 1945 г.⁹, Инструкция ГУПВИ МВД «О порядке учета и правильном захоронении трупов военнопленных», «Директива и инструкции НКВД СССР № 413 «О порядке учета умерших военнопленных» от 13 августа 1943 г. и 7 декабря 1945 г. предписывали отведение под кладбища обособленных специализированных участков земли¹⁰.

В рамках межгосударственных соглашений на региональном уровне были приняты многочисленные постановления, направленные на выявление и постановку на учет кладбищ немецких военнопленных. Начиная с сентября 1945 г. органами

МВД СССР совместно с УМВД и областными партийными организациями стали проводиться регулярные проверки состояния находящихся на учете воинских кладбищ, а также сверка имеющейся государственной и областной (краевой) документации по учету умерших военнопленных. Определялся и порядок захоронений. Начальники лагерных отделений обязывались направлять своих представителей к инспектору учета и сообщать ему фамилию, имя и отчество умершего, национальность, воинское звание, год рождения и дату смерти. Учетчик в свою очередь указывал квадрат кладбища, где следовало копать могилу и ее номер. На каждое погребение необходимо было ставить опознавательный столбик с дощечкой, на которой краской в числителе заносился номер могилы, в знаменателе номер квадрата. Места погребений в обязательном порядке необходимо было огораживать колючей проволокой или земляным рвом¹¹.

Однако в первые послевоенные годы, в российской глубинке данные правила практически не соблюдались ввиду поступления большого количества военнопленных в тыловые лагеря, спешного порядка их развертывания, а также высокого процента смертности военнопленных, прибывавшими в западносибирский регион ослабленными и больными. Случалось, что с приходящих в Сибирь эшелонов, снимали трупы умерших военнопленных и интернированных, которые не регистрировались начальниками эшелонов (конвоя) и сдавались железнодорожной милиции для погребения без актов¹². Данные умершие могли вообще не заноситься в реестр потерь. Бывало, что военнопленные на станциях по нескольку дней не выгружались из вагонов ввиду несвоевременного прибытия конвоя. Эпатированные в течение длительного времени, измученные и больные, «замороженные» в неотапливаемых вагонах люди существенно «пополняли» процент смертности. К тому же в сложившихся условиях, при отсутствии специально отведенных земель под воинские захоронения, военнопленных и интернированных погребали либо на гражданских кладбищах, либо вблизи железнодорожных станций, промышленных предприятий, лагерных зон, а иногда и просто на пустырях, или в лесных массивах¹³. Учесть эти захоронения в полном объеме было просто невозможно.

Вся система учета военнопленных была несовершенна. Частично отсутствовали кладбищенские книги, этапные списки военнопленных, схемы и описание расположения местонахождений воинских кладбищ. Допускалась и намеренная манипуляция цифрами с целью сокрытия истинного количества погибших в плену, чтобы «не портить» плановые показатели лагерей и промышленных предприятий.

На каждого погибшего военнопленного в производственных лаготделениях составлялись три акта: о смерти, о захоронении и о сдаче вещей умершего. Заключение о смерти было типовым и подписывалось представителями лагерной администрации, начальниками лазаретов и спецгоспиталей, или просто медицинским работником (за отсутствием врача – фельдшером или медицинской сестрой) с указанием причины гибели военнопленного¹⁴.

Неоднократно имели место и грубые нарушения процедуры погребения. Инструкции НКВД-МВД предписывали захоронение трупов производить не позже, чем через двое суток после смерти. Однако, судя по «спискам погибших и захороненных на кладбищах военнопленных» в Новосибирской, Тюменской, Кемеровской областях и Алтайском крае, можно констатировать, что зачастую хоронили через 3–18, а иногда и более дней. Случалось, что незахороненные трупы лежали в сараях по нескольку месяцев, ожидая своей «очереди» на погребение¹⁵. Один из очевидцев событий, работавший в лагере для военнопленных охранником, вспоминал, что умерших хоронили без нательного белья, голыми, тела просто сбрасывались в наспех вырытую яму и присыпались землей¹⁶.

Вплоть до 1948 г. в лагерях МВД Западной Сибири производились массовые групповые захоронения, что являлось, в свою очередь, серьезным нарушением действующих государственных положений и инструкций¹⁷. Впрочем, и здесь мы имеем дело с определенными «махинациями», так как в отчетных документах, в основном, указывалось на отсутствие общих, коллективных могил. Однако, в процессе анализа списков умерших, в которых указаны квадраты и номера могил, становится ясно, что групповые погребения имели место в широком масштабе. На таких могилах, как правило, опознавательные знаки отсутствовали, а, следовательно, с течением времени установить общее количество умерших в том, или ином лагере уже было практически невозможно. Так, например, в Акте от 8 июня 1949 г., составленном на основании приказа начальника Управления лагеря МВД СССР № 525, указывалось, что захоронения военнопленных, осуществляемые лагерным отделением № 20 в районе рабочего поселка «Красный Кузбасс» г. Киселевска, произведенные в период 1945–1946 годов, осуществлялись в трех общих братских могилах до их полного заполнения. Документов учета умерших и кладбищенских книг при этом не велось, как и отсутствовало разрешение местных органов власти на использование данного земельного участка под кладбище военнопленных. Поэтому в 1949 г. руководители киселевского горкомхоза вынуждены были констатировать, что «определить количество похороненных здесь военнопленных немцев не представляется возможным». Более того, из документов следует, что ранее трупы были захоронены в одиночных могилах, но впоследствии зачем-то были «выкопаны и захоронены в три общие могилы»¹⁸. Послевоенные документы в буквальном смысле «пестрят» подобного рода фактами и сообщениями.

В связи с приближением окончания репатриации узников сибирских лагерей на родину заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант И.А. Серов 24 мая 1949 г. Распоряжением МВД СССР за № 324 «О сдаче кладбищ военнопленных и интернированных под надзор местным органам МВД» обязал начальников лагерей для военнопленных передать воинские некрополи в юрисдикцию областных УМВД, которые, в свою очередь, определяли их в ведение местных райкомхозов и горкомхозов¹⁹.

На региональном западносибирском уровне в спешном порядке были приняты многочисленные постановления и директивы, направленные на выявление и постановку на учет кладбищ иностранных военнопленных и интернированных гражданских лиц. Начиная с 1949 г. проводятся регулярные проверки состояния, зарегистрированных действующих и закрытых воинских кладбищ, сверка и анализ имеющейся документации (журналов регистрации, кладбищенских и алфавитных книг, картотек, схем и планов) в Сибири и в МВД СССР. Все материалы по учету воинских захоронений предписывалось сохранять в архивах МВД-УМВД на «правах совершенно секретных документов».

После расформировании лагерей, лагерных отделений, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонов для военнопленных и интернированных местным органам власти в кратчайший срок рекомендовалось провести восстановительные работы по приведению всех воинских кладбищ в надлежащий порядок (поправить ограды, опознавательные знаки, надмогильные холмики, расчистить канавы, сверить количественные данные умерших по спискам МВД СССР и местных УМВД) и, по возможности, устранить разночтения²⁰.

Постановлениями МВД СССР предусматривалось недопущение без специальных санкций занятие и использование кладбищ военнопленных и интернированных под строительные работы, посевы местных жителей и иное хозяйственное освоение. Однако данное распоряжение было издано слишком поздно. К 1949 г. большая часть лагерей для военнопленных, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонов в связи с массовой репатриацией были ликвидированы, и осуществлять надзор за воинскими кладбищами на деле оказалось просто некому. В лучшем случае бесхозные кладбищенские территории просто забрасывались, в худшем – не дожидаясь разрешения местных властей, с попустительства местных органов власти, началась несанкционированная распашка под пашни, пастбища и огороды колхозами, совхозами, да и просто жителями сибирской глубинки земель, используемых лагерями для воинских захоронений. Причем запахивались территории кладбищ уже на следующий год после его закрытия. В ряде областей на территории воинских кладбищ хоронили гражданских лиц (вплоть до 1980-х годов), немцев-спецпоселенцев, заключенных ИТЛ, останки иностранных военнопленных при этом убирались, переносились в иное место²¹, или просто выбрасывались. Так, например, в г. Новокузнецке (на Кузнецком кладбище) в обход действующих международных и федеральных постановлений и в настоящее время осуществляются вторичные захоронения умерших местных жителей на территории «немецкого» кладбища.

Неточности в учете и регистрации воинских захоронений привели к утрате многих из них. Показательным, в данном случае, является «Дело об установлении расположения кладбища военнопленных немцев и итальянцев Славгородского спецгоспиталя № 1512» (1949 г., Алтайский край)²². Установить его местонахождение, как и численность захороненных на нем, по имеющимся документам (вслед-

ствии отсутствия таковых в 1940-е годы) в ГО МВД АК оказалось невозможным. Однако в РГВА г. Москвы нам удалось найти сведения и этапный список на 174 умерших военнопленных, погребенных на территории селекционной станции в 4-5 км от госпиталя № 1512²³.

Международные документы и соглашения требовали сохранности и восстановления кладбищ иностранцев. Так, в январе 1957 г. на переговорах между правительственными делегациями СССР и ГДР была достигнута договоренность о том, что в европейских странах будет обеспечиваться уход за захоронениями и памятными местами времен Второй мировой войны. В ходе переговоров подчеркивалось, что органы МВД СССР должны осуществлять надзор над наиболее крупными кладбищами, на которых погребены умершие военнопленные бывшей германской армии, союзных с ней армий и интернированные немцы. Посольство ГДР обратилось с просьбой в МИД СССР передать органам ГДР список кладбищ германских граждан, обозначенных на территории СССР²⁴.

По мнению МВД и МИД СССР, в 1959 г. можно было предоставить посольству ГДР перечень только 50 кладбищ, которые находились в более или менее удовлетворительном состоянии, с количеством захороненных на них около 30 тысяч немцев. В случае необходимости правительство СССР предполагало обеспечить посещение указанных объектов представителями ГДР и других иностранных держав. Аналогичная ситуация складывалась и в плане договоренностей о наличии кладбищ, где были захоронены японские, австрийские и венгерские военнопленные²⁵.

Осуществить это на практике оказалось весьма непросто. Фактически никакого надзора за кладбищами военнопленных и интернированных, за небольшим исключением, со стороны органов УМВД в западносибирском регионе в 1940–1950-е годы так и не было организовано. Неслучайно в ходе повторной массовой проверки и регистрации мест захоронений, проводимых в 1959–1960-е годы, МВД СССР вынуждено было констатировать, что пригодных для посещения иностранными представителями воинских кладбищ на территории Западной Сибири практически не осталось. Местные же органы власти, ссылаясь на недостаточное и несвоевременное финансирование, постоянно сокращали список охраняемых объектов, вынуждены были и впредь «списывать» с баланса и закрывать, а, следовательно, уничтожать, распахивать оставшиеся из них. Первыми «под удар» попали кладбища, расположенные в городской и поселковой черте (например, в городах Тюмень, Барнаул, Бийск, Рубцовск, Сталинск (Новокузнецк), Осинники, пос. Шушталеп), в лесных массивах Алтайского края и Кемеровской области (доступ к которым был затруднен по причине бездорожья), в местах залегания угольных пластов в Кузбассе (Прокопьевский, Беловский, Ленинск-Кузнецкий, Новокузнецкий районы).

В настоящее время вопрос о преднамеренном уничтожении кладбищ иностранных военнопленных региональными органами власти и местным населе-

нием в современной российской историографии является дискуссионным и достаточно болезненным. Анализ имеющихся архивных документов, на наш взгляд, все же не позволяет однозначно подходить к рассмотрению данной проблемы. Несомненно, в трудное послевоенное время сохранение и уход за иностранными воинскими кладбищами требовали немало средств и усилий. На осуществление всего комплекса мер по поддержанию порядка на кладбищах иностранных военнопленных, как того требовали международные и государственные постановления и инструкции, на региональном уровне не хватало ни финансовых средств, а зачастую ни времени, ни сил. Можно констатировать, что международные и государственные обязательства в плане выявления, сохранения и охраны памятных исторических мест в 1945–1960 годы в Западной Сибири, в основном, не выполнялись, а в 1970–1980-е годы можно говорить о полной утрате интереса в СССР к данной проблеме.

В Германии вопрос воссоздания, поддержания и ухода за воинскими захоронениями на ее территории регулируется законом о захоронениях от 1 июля 1965 г., в новом чтении от 1 января 1993 г.²⁶ По этому закону сюда относятся и могилы погибших иностранных солдат, офицеров и репатриированных гражданских лиц. На основании этого многочисленные кладбища советских военнопленных были восстановлены или заново сооружены и бережно сохраняются государственными и общественными организациями, выполняющими свой гражданский и человеческий долг²⁷. Так, 16 декабря 1991 г. Президентом РФ Б. Н. Ельциным и Канцлером ФРГ Г. Колем были заключены важнейшие соглашения. Первое – это совместное заявление бывших военных противников, в котором обе стороны выражали намерение восстановить справедливость в отношении безвинных жертв террора и распространить на них действие законодательства о реабилитации. Одновременно правительства обеих стран подписали договор о воинских захоронениях Второй мировой войны в России и Германии, который в качестве документа международного права создал основу для их защиты и достойного ухода, а также выяснения судеб павших иностранных солдат и офицеров на территории послевоенной Европы. Ранее аналогичные обязательства приняли на себя Бельгия и Люксембург²⁸.

На сегодняшний день в Западной Сибири выявлены места 51 кладбищ и погребений иностранных военнопленных и интернированных гражданских лиц²⁹. В Кемеровской области за последние годы в результате ряда экспедиций найдены 34 местонахождения захоронений немецких, японских, венгерских и других военнопленных; учтены 4 кладбища в Новосибирской области, 3 – в Тюменской, 12 – на территории Алтайского края. Предприняты конкретные шаги по их благоустройству, сохранности и охране. На территории Западной Сибири установлены 19 мемориальных знаков иностранным военнопленным – жертвам второй мировой войны. Первым в Сибири на средства Немецкого народного союза по уходу за военными могилами было обустроено Первомайское кладбище иностранных во-

еннопленных в Новосибирской области. Его открытие состоялось 19 ноября 1995 г. – в День национального траура, отмечаемого в Германии в память о погибших в Первой и Второй мировых войнах. В церемонии принимали участие представители Генерального консульства ФРГ, католической церкви, администрации города, жители района. В 16-м квартале Заельцовского кладбища (Новосибирск) установлен мемориальный знак в виде высотного креста и памятник плиты на русском и немецком языках³⁰. В г. Юрге (Кемеровская область) на средства учителя из Германии Иосифа Цера был воздвигнут памятник жертвам Второй мировой войны – немецким военнопленным, погибшим в лагерях Кузбасса. В Новокузнецке открыт ряд памятников венгерским, немецким и японским военнопленным. В октябре 2006 г. состоялось торжественное открытие монумента на месте захоронений иностранных военнопленных и интернированных в Предзаводском районе Кемерова.

¹ См., например: Букин С.С. Смертность военнопленных в лагерях Сибири в годы Второй мировой войны и послевоенный период // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 170–176; Букин С. С., Тимошенко А.И. Лагерь военнопленных в Сибири // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира: Тезисы международной научной конференции. Омск, 1999. С. 133–137; Грибанов Р. Немцы своих не забывают: Немецкий союз Германии берется за восстановление кладбищ военнопленных // Челябинский рабочий. 2000. 30 июня. С. 2; Конасов В. Б., Терещук А. В. Узники войны (К истории иностранного военного плена в России и СССР) // Новый часовой. 1994. № 1. С. 37–42; Конасов В. Б., Терещук А. В. К истории советских и немецких военнопленных (1941–1945 гг.) // Новая и новейшая история. 1996. С. 54–72; Коротков Г. И. Сколько немецких военнопленных погибло в СССР? // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 93–94; Маркдорф Н. М. Захоронения иностранных военнопленных в Кузбассе в 1940–1950-е годы // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Материалы Международной научной конференции, г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г./ Отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 67-75; Мотревич В. П. Кладбища военнопленных: что дальше? // Международное общество прав человека. Уральская группа. Специальный выпуск. Первоуральск, 1992. С. 11–15; его же. Иностранцы воинские кладбища в Тюменской области // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск: ТГПИ, 1997. С. 45–47; его же. Захоронения военнопленных Второй мировой войны на территории Тюменской области // Великий подвиг народа. Екатеринбург: «Волот», 2001. С. 56–64; его же. Германские воинские кладбища Второй мировой войны в Свердловской области: численность, дислокация и современное состояние // Немцы на Урале и в Сибири (XVI – XX вв.). Екатеринбург: «Волот», 2001. С. 260; Его же. Захоронения военнопленных в Челябинской области: численность, дислокация, проблема сохранности // Урал в 1941–1945 годах: экономика и культура военного времени. К 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне: Материалы регионального научного семинара. 10 апреля 2005 г. Челябинск: ЧГУ, 2005. С. 268–279.

² См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 505. Л. 22–48, 378 (Предложения Н. П. Дудорова, В. В. Кузнецова в ЦК КПСС по вопросу предоставления руководству ГДР сведений о кладбищах германских граждан в СССР).

³ См.: О деятельности Ассоциации «Военные мемориалы». – Москва: Без издательства, 2002. – с. 11.

⁴ См.: Кладбище Хаммельбург (Бавария) / Сост. Клаус-Дитер Мюллер, Райхард Отто, Рольф Келли, Вили Каммерер. Кассель: Народный Союз Германии по уходу за военными могилами, 2002. С. 16.

⁵ См.: О создании Межведомственной комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести // Новые известия: Ежедневная общероссийская газета. 2005. 7 мая.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 64 д. Д. 1049. Л. 1-1а.

⁷ См.: Букин С.С. Смертность военнопленных в лагерях Сибири в годы Второй мировой войны и послевоенный период // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 170.

⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 619. Л. 369-371.

⁹ См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Сост. М. Загорюлько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; Под ред. М. М. Загорюлько. М.: Логос, 2000. С. 86.

¹⁰ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1 п. Оп. 37 а. Д. 1. Л. 178.

¹¹ См.: Архив Информационного центра ГУВД алтайского края (далее – Архив ИЦ ГУВД АК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

¹² См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 37 а. Д. 1. Л. 187.

¹³ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 419. Л. 59–60.

¹⁴ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1360. Л. 19.

¹⁵ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 8 з. Д. 122. Л. 15.

¹⁶ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1363. Л. 1–2.

¹⁷ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1378. Л. 1–3.

¹⁸ РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 1378. Л. 9.

¹⁹ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 419. Л. 11–12.

²⁰ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 37 а. Д. 2. Л. 263.

²¹ По предложению Тюремного отдела МВД СССР, ввиду ликвидации кладбища военнопленных лагеря № 511/7 на северной окраине г. Рубцовска Алтайского края и предполагаемого строительства на этой территории жилого массива завода «Алтайсельмаш», останки 400 немецких военнопленных было решено перенести на второе кладбище, расположенное на южной окраине г. Рубцовска и перезахоронить их в общих могилах. При этом в документе указывалось, что данный акт не противоречит Женевским соглашениям 1949 г. «Об обращении с военнопленными». См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 411. Л. 40–41.

²² См.: Архив ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 15. Л. 6–7.

²³ См.: РГВА. Ф. 1 п. Оп. 05 е. Д. 420. Л. 1–19.

²⁴ См.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 505. Л. 378.

²⁵ См.: Там же. С. 379.

²⁶ См.: Российская Федерация: Народный Союз Германии по уходу за военными захоронениями: работа во имя мира. Немецкие военные захоронения. Кассель, 2002. С. 1–2.

²⁷ См.: Там же. С. 24.

²⁸ См.: О деятельности Ассоциации «Военные мемориалы». М., 2002.

²⁹ Подсчитано автором на основании анализа архивных материалов и в ходе экспедиций по Алтайскому краю и Кемеровской области.

³⁰ См.: Букин С.С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944–1948 гг. Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000. С. 49–50.

Немцы Поволжья и кулундинское переселенческое село 1950-1960-х гг.: проблемы этнического взаимодействия

На протяжении 1990-х гг. российско-немецкая проблематика находилась в фокусе «социального заказа», реализация отечественных и международных программ правовой, и, шире, социокультурной реабилитации бывших спецпоселенцев, обилие публицистического и мемуарного творчества активистов НКО также удерживали внимание общественности, прежде всего, на виктимных аспектах существования советских немцев. «В тени», практически вне внимания исследователей и публицистов, остались примеры социокультурных успехов советских немцев 1950–1960-х гг., а ведь «советский немец» – результат не только масштабной репрессивной политики и недостаточных реабилитационных инициатив Советского государства, но и продуктивного воздействия иноэтничного окружения, а также самостоятельных этногрупповых стратегий по возрождению и адаптации родной культуры в новых социокультурных реалиях.

Кампания «по освоению целинных и залежных земель» 1950-х гг. представляла собой опыт переноса в аграрную сферу индустриальных технологий и предоставляла богатые возможности как для реализации опыта модернизированного плантационного хозяйства, носителями которого были поволжские немцы старших поколений, так и для профессионального и карьерного роста поволжско-немецкой молодежи, социализировавшейся уже в условиях спецпоселения.

Север Кулунды в настоящее время включает в себя шесть территориальных единиц современной Новосибирской области: Чистоозерный, Купинский, Баганский, Карасукский, Краснозерский, Кочковский районы. Площадь Новосибирской Кулунды составляет около 27 тыс. кв.км. Немецкое население Северной Кулунды на 1959 г. насчитывало 15 516 человек, составляло от пяти (Краснозерский и Купинский районы) до десяти процентов (Баганский и Карасукский районы) населения района, одну пятую общей численности немцев Новосибирской области и треть сельских новосибирских немцев¹.

Статья основана преимущественно на нарративных источниках – меморатах кулундинцев 1920–1930-х гг. рождения и материалах районной прессы, характеризующих повседневную жизнь немцев-целинников. Мемораты были получены в ходе глубинных интервью, проведенных во время экспедиций автора в южные районы Новосибирской области в 2001–2004 гг. Полевые материалы дополнены данными региональной прессы 1953–1965 гг.², прежде всего публикациями газет Краснозерского и Кочковского районов Новосибирской области, на территории которых не было компактно проживающего сибирско-немецкого населения, практически все упоминаемые в местной прессе немцы – депортированные и их потомки.

Изучение групп немецкого населения Новосибирской Кулунды было начато в 1960-х гг. Л.В. Малиновским³. Статья, посвященная поселениям и жилищу сибирских немцев, стала на долгие годы единственным примером этнографического исследования культур «поздних поселенцев» Западной Сибири. Полномасштабные этнографические исследования культуры немцев Сибири оказались возможны лишь в 1990-е гг. благодаря деятельности Омского филиала ИАЭТ СО РАН⁴. Весьма полные сведения о существовании северокулундинских немецких колоний содержатся в монографии Л.П. Белковец⁵, в контексте истории немецкой колонизации Сибири о них упоминает П.П. Вибе⁶, лютеранско-баптистские поселения Купинского и Андреевского районов упоминаются также в монографии А. Савина и Д. Брандеса⁷.

Специфика советской административно-хозяйственной деятельности (в т.ч. однородная земледельческо-животноводческая специализация) и значительная удаленность от областного центра способствовали превращению Северной Кулунды в административно-географический регион, где долгое время сохранялись устойчивые крестьянские традиции. В отличие от большинства регионов Западной Сибири, в Новосибирской Кулунде поволжские немцы находились только на спецпоселении и были практически единственным контингентом депортированных немцев.

До 1944 г. поволжские немцы находились в кулундинских селах в качестве объекта местного обычного права (де-юре, а фактически на протяжении 1940-х гг. всего периода ссылки), в полной зависимости от произвола местных администраторов и соционормативных практик принимающих сообществ. Поволжские немцы в ходе депортации и высылки, регулярных и чрезвычайных изъятий превратились в клиентов общин кулундинских старожилов – будь-то снабжение семенным материалом или обзаведение скотом, опека сирот или научение промысловым занятиям. В свою очередь, в рамках «помочи», соседской взаимовыручки, получило развитие и немецкое ремесло в кулундинском переселенческом селе.

Годы нищеты и неквалифицированной работы, изъятия из аграрного сектора производства «потенциальных колонистов» в экстремальные условия трудармии, отсутствие реальных вложений в личное обустройство переселенцев, равно как и попыток размежевания пропагандистских штампов в отношении внешнего врага и образа «своего» немца – все это препятствовало раскрытию колонизационного потенциала поволжских немцев. Помимо этого сельское хозяйство региона на протяжении 1940-х гг. переживало депрессию – в целом по Новосибирской области посевные площади сократились на треть от довоенного объема, даже к 1953 г. запашка в кулундинских районах достигала лишь 85–90% от показателей 1940 г.⁸

Государство в ходе кампании по освоению целинных и залежных земель было вынуждено пойти на весьма разумные изменения в налоговой политике: в частности, в 1953–1954 гг. были снижены ставки налога на личное хозяйство, в 1958 г.

натуральные поставки с подворий колхозников были вовсе отменены⁹. Колхозные заработки кулундинских крестьян в целинный период стали вполне весомыми: «Колхозник Заостромных Д. продал государству 16 центнеров молока, Н. Мокаров – 11 центнеров. Более 14 центнеров молока продал государству колхозник Шейн В.. По новым закупочным ценам они получили большие суммы денег»¹⁰.

Именно в условиях форсированного освоения новых технологий и земельных ресурсов, при предоставлении относительной хозяйственной автономии и возможности «богатеть» (т.е. наращивать социокультурное достояние) стала возможной «новая немецкая колонизация Сибири». «Работал сперва на тракторе, стал зарабатывать и хлеб, и деньги. А до того мы их, деньги-то, и не видели. Невероятная была радость! Теперь я достиг человеческой жизни!»¹¹.

В высказываниях соседей кулундинских немцев – представителей местного русского и украинского населения – нередки указания на неполный характер мер реабилитации 1990-х гг.: по мнению респондентов, правительство «забыло», за чей счет выживали депортированные немцы в 1940-е гг. «Давай помогать [переселенцам]!» - отрывали у колхоза. Сейчас мое поколение возмущается. Ведь и мы в то время пострадали. Свой кусок отдавали им. По приказу тогда от колхоза давали зерно, скот... Русский Иван простит...»¹². Однако в условиях целинной деревни оказался возможным процесс компенсации мирских ресурсов. Кроме того, в ходе адаптации спецпереселенцев происходило не только заимствование ресурсов, но и освоение технологий, востребованных в местной экономике. Имело место также обогащение и «возврат» «исконного» старожильского промысла.

В результате трудовых мобилизаций, повлекших за собой социально-экономическую деградацию при низком уровне инфраструктуры сибирских сел, немецкие подростки в 1940-х – начале 1950-х гг. не могли перенимать собственно немецкие ремесла. Единственным доступным в кулундинской деревне профессионально-образовательным «ресурсом» оставались сельские мастера – русские и украинские «дедки»: «Я валенки катал. Как катал? Шерсть теребишь, потом заращиваешь, потом в кислоту. Потом – в котел с горячей водой, что руки не терпят... Меня – дядя Иван научил. А он – у Сергея Ивановича Парфенова [научился]»¹³.

Считавшиеся в Кулундинской степи исконно русскими (например, изготовление валенок) или казахскими (овцеводство) занятия «прирастали» немецкими технологиями: «Хорошо трудятся пимокаты Гербаевского отделения промартели. Мастер Миллер А. в ноябре скатал 46 пар валенок»¹⁴; «Среди чабанов колхоза имени Сталина замечательных успехов добилась Вальдман Анна»¹⁵.

Массовыми были случаи самостоятельного профессионального обучения: «Начинал в промкомбинате, сапожником. Никто не учил, если бы не научился, – с голоду бы помер. Лапти, чуни – с этого начинал. Потом присматривался по дереву. Дед один заметил, – помог. И пошло: сперва обозы делал. Потом столы, шкафы. В район их отправляли, – замечаний не было»¹⁶.

В дальнейшем молодые немцы, не имея доступа к высшему или среднему специальному образованию, самостоятельно осваивали все новые профессии, становясь подлинными сельскими мастерами: «В нынешнюю уборочную у новых самоходных комбайнов «СК-3» один за другим начали выходить из строя отжимные подшипники муфты сцепления. Каждый раз доставать новые было трудно. Задумался над этим Владимир. ... Сделал насыпной подшипник. После испытания оказалось, что по качеству работы он почти не уступает заводским. Владимир Шеффер и слесарь, и медник, и электрик»¹⁷.

Лишив немцев права вернуться на прежние места жительства (вопреки многим другим прецедентам этнической реабилитации), правительство не предприняло мер для нормализации их проживания в местах ссылки. Для поддержания милитаризации общества в условиях «холодной войны» советским пропагандистам нужно было поддерживать негативные стереотипы времен Великой Отечественной войны. «Русские ребята кричали: «Ура! Наши победили!» А мы – молчком смотрели, унижение чувствовали. Ничего себе – немца убили. Резануло – чуть не до слез. Как-то так странно было – и те «наши» и эти «наши»¹⁸; «А меня бесит, что немцев в кино всегда дураками показывают...»¹⁹.

Низкий, порицаемый почти каждым советским «военным» фильмом статус немецкой культуры обесценивал труд «образцового крестьянина». Притом что в переселенческих сельских обществах Кулунды уже в начале 1950-х гг. немцев воспринимали прежде всего как соседей и партнеров. Проблемы создавали в основном односельчане, не отличавшиеся ни трудолюбием, ни трезвым умом: «Отец не хотел здесь оставаться. Жили и боялись. Каждый пьяный попрекал: «фашист» да «немец»²⁰.

Однако в 1960 – 1980-е гг. Советское государство так и не предоставило информационных ресурсов для развития немецкой культуры на местах. Поволжских немцев просто «не было» в СССР на уровне общедоступных средств массовой информации, кино и легальной литературы, в научных трудах и школьных учебниках.

Молодое поколение немцев, социализировавшееся в условиях ссылки, уже решало проблемы «оскорблений по нации» личным «рабочим» порядком. «Один меня в школе дразнил «фрицем», завел [я его] в умывальник, «помыл» ему морду»²¹. Для более зрелых людей, прошедших трудовую и спецкомендатуру, добиться уважения и справедливости психологически было гораздо сложнее: «Был случай – отца не то «фрицем», не то «фашистом» называли – морду набил. Что Вы!? Что Вы!? Какой там – «правильно»? Дома прямо траур был. Мать: «Что ты надеялся!?» Но ничего, обошлось. Тот даже на суд не стал подавать»²². Случаи возмездия обидчику нередко приобретали форму семейных преданий, зафиксировавших экстраординарное событие. «Ну, это на кого «нарвешься»... Вон, Маня Урман за «фашистку»-то и отлупила...»²³.

В условиях частичной реабилитации вплоть до конца 1950-х гг. бывшие спецссыленцы избегали полемики с коллегами на полевых работах, производственных

участках и фермах. Подчиненный-немец переносил безропотно внушения начальника: «Колхозный ветсанитар Яков Иосифович Цаберт даже и не пытался оправдываться. Наклонив голову, он молча слушал»²⁴.

В период «оттепели» возрастает эффективность работы правоохранительных органов в целинном селе. Кулундинские районные газеты рубежа 1950–1960-х гг. «украшают» фото хулиганов и дебоширов, подвергнутых административному аресту, действенной дисциплинарной мерой становится штраф. Указ 1964 г. явился и комментарием партийным и правоохранительным органам, ориентирующим местную власть в отношении бывших спецпоселенцев-немцев. «Потом за оскорбления стали «гонять» – «десятка» штрафа, все и прекратилось»²⁵; «Была у нас одна, Валентина – она меня при своей матери «фрицем», «фашисткой» обзывала. В 8 классе это было, в шестьдесят восьмом году. Я за коровой пошла, и тут она – одна. И опять – обзываться. У нее была длинная коса. Я ее за косу веревкой к столбу привязала. Потом иду с коровой – ее мать навстречу: «Вы за своей «фашисткой» на ГЭС сходите.» Прибыл участковый. Разобрались. Валентину исключили из комсомола, с родителей взяли штраф»²⁶.

Немцы Поволжья приносовились к кулундинской земле и сибирскому климату, смирились с неполной реабилитацией и смогли наладить отношения с ближним окружением и хозяйственной администрацией. Но преодолеть негативизм значительной части местного населения в отношении общественного труда локальным группам бывших спецпоселенцев было не всегда под силу. Наиболее удобным способом подобного противодействия была хозяйственная автономия в пределах звена, бригады, производственного участка. Передовой производственный коллектив нередко собирался на основе семейной группы, позволявшей сохранять этнические традиции трудового поведения:

«Заслуживает особого внимания работа семьи Адольф. Агрегат сеялок обслуживает отец Андрей, его дочь Мария и третий сеяльщик Шрейдер Андрей. Водитель трактора ДТ-54 – сын Андрея Адольфа Александр»²⁷.

«Вирц Иван Петрович работает старшим чабаном в Хабаровском совхозе с 1950 года. В последние два года тов. Вирц отказался от привлечения на работу в его отаре посторонней obsługi и обеспечивает уход, кормление и содержание отары своей семьей, состоящей из жены, отца и матери. В зимовку 1955–1956 года вследствие отсутствия кормов в хозяйстве, отара старшего чабана Вирц была переведена в Краснозерский совхоз в наспех построенное примитивное помещение. Семья т. Вирц, удаленная от совхоза на 70 км, часто ощущала недостаток в снабжении предметами первой необходимости, в жилье и культурном обслуживании. Но она трудилась упорно и настойчиво и добилась лучших результатов по сохранению поголовья овец»²⁸.

Попытки поволжских немцев добиться хозяйственной автономии далеко не всегда имели успех и вызывали раздражение администраторов. Но сложность хозяйственных задач, решаемых в ходе освоения целинных земель, относительная

либерализация низовых производственных отношений сделали возможным относительную автономию специалистов и производственных звеньев в рамках гроздских агропредприятий – совхозов рубежа 1950–1960-х гг. Бригадир Э. Денк так обозначил эту ситуацию: «Анализируя свои недостатки, мы пришли к выводу, что кукурузные поля должны быть закреплены за определенными людьми. Этим самым мы изживем обезличку, пагубно сказавшуюся на урожайности прошлого года»²⁹.

Относительная хозяйственная и социокультурная автономия в пределах производственного звена или домохозяйства дорого обходилась поволжским немцам. В начале 1960-х гг. инициативный крестьянин либо нарушал законы и подзаконные акты, либо причинял беспокойство местному руководству. Парадокс заключается в том, что поволжский немец за право осуществлять традиционно обусловленное трудовое поведение (уже приводящее к перевыполнению плана на 120–130%) в рамках советской аграрной экономики должен был декларировать более масштабный результат.

«...В 1929 году коммуна сеяла только 300 га зерновых. Эту площадь посевов обрабатывало около ста человек. Нынче же только одно звено в составе трех человек, которое возглавил лучший комбайнер Иван Давыдович Гюнтер, взяло обязательство посеять и убрать 750 га зерновых, вспахать и обработать 150 га паров, поднять 300 га заби. Вот как повысилась производительность труда наших колхозников!»³⁰.

На производстве целинник был занят практически весь год: «На «бригадирство» пойти уговорили. Туда так просто не идут – уговаривают. Краснобаев поставил, председатель. Все в этой работе трудное. Техника: все вовремя нужно, – ГСМ, запчасти. Не дай Бог бригадиром работать. Всю эту землю я знаю. У меня восемь К-700 было – во всех концах. Как снег сошел – в поле. И до зимы»³¹. «Папа по дому ничего не делал. Картошку не сажал, не копал, он в колхозе самоотверженно работал. Мы его даже не видели. Когда он умер, бабка-соседка подошла к гробу и сказала: «Все, трудяга, отработал». И это была правда. Он не жил – он работал»³².

Семьи рядовых трактористов тоже нечасто видели родителей в сезон. Тракторист А.Адольф: «Все мы живем в восьмой бригаде Куйбышевского отделения, что в Мохнатологовском совхозе. Здесь и кушаем и отдыхаем. Бригада стала для нас вторым домом»³³. Немцы рабочих профессий также участвовали в гонке соревнований. Слесарь Виктор Шеффер: «Мое слово – 200 процентов. ...Чтобы вовремя все сделать, я прихожу на работу заранее. Домой не ухожу, пока не выполню заказ»³⁴.

Успехи поволжских немцев на кулундинской целине были бы невозможны без межэтнической кооперации. Достижения передовиков-немцев были связаны с добросовестным трудом их напарников и соседей – русских, украинцев, белорусов и казахов: «Умело пасут дойный скот Николай Бовт и Иван Рейнвальд»³⁵. «...Почти круглыми сутками трудились кузнец Я.Г. Вейде со своим помощником И.П. Сороченко»³⁶.

«Естественным» образом, самостоятельно и легально, немцы могли поддерживать родную культуру лишь в пределах «немецкого дома» и «берлина» – своего этнического сегмента в переселенческом селе. Противодействие процессам ассимиляции и маргинализации со стороны поволжских немцев Сибири привело к преобладанию женщин-социализаторов над мужчинами. Женщины (бабушки и матери), освобожденные (полностью или частично) от работы в колхозе, передавали детям традиционные формулы немецкого воспитания, мужчина обеспечивал всю семью.

«Освобождение женщины» в условиях аграрной экономики 1960-х гг. было возможно за счет занятости в разнорабочих, либо в инфраструктуре – на должностях швей или уборщиц. Подобная занятость предполагала либо минимум рабочих дней, либо работу по вечерам, либо возможность работать «на дому».

Однако «освободиться» удалось далеко не всем, – успешная работа в животноводстве приносила необходимые в семье деньги. В результате сочетать ударный труд доярки и долг материнства получалось с помощью русских соседок: «Дети как пошли – горе, канитель, работа, нужда. Обращались к бабкам: «Бабка Лукерья, я тебе оставлю ребенка?»³⁷. «Сибирское здоровье» детей спецпоселенцев также достигалось в результате обращения к местной фармакопее и знахаркам. «Травы собирать, – как дети пошли, так и начали. Дальше – больше. Врача нет, один фельдшер. Как-то недоглядели. Маленькая девчонка полезла на кадушку. Был октябрь, там – лед. Гукнулась. Успели. Сгребли за ногу. Испугалась девчонка. «Бабка» лечила от испуга. Девчонку потом дергало. «Бабушка» ее отходила»³⁸.

По исчерпанию ресурса семейных групп поволжский немец-бригадир продолжал комплектование производственного звена не за счет клана или локальной поволжско-немецкой группы, а кадрами местного населения – своими товарищами и соседями: «...Карл Эдуардович Лампартер в овцеводстве работает более 12 лет... – В нашем деле – говорит т. Лампартер, – успех решает вся бригада. Поэтому к себе я взял добросовестных людей – своего брата Франца, Ивана Липовского, Андрея Данилкина. Каждый хорошо усвоил свои обязанности»³⁹.

Добровольное обращение к ресурсам переселенческого села (минус клановые и этногрупповые) низовых администраторов-немцев было вызвано маргинализацией, размытием традиционных этнокультурных трудовых и этических норм («В каждом стаде бывают паршивые бараны, так что от «нации» – плохой или хороший человек – не зависит»⁴⁰), «авральной» занятостью целинников, отсутствием досуга для конструирования «культурно-трудовой» автономии. Передовики-целинники, занятые в сложных, отличных от традиционных вариантов землепользования и ремесла, производственных циклах, наблюдали тех, кто жил и рос по соседству. Гораздо проще было взять в бригаду добросовестного человека, которого уже видели в деле соседской «помочи», в процессах ведения личного хозяйства и трудового воспитания. «Все по Некрасову, только «деревню на лугу» заменяют всего четыре человека: три брата – Андрей, Владимир и Виктор Гольцман, да их товарищ

Владимир Анищенко. «Агрегат Гольцманов» – в шутку называют их в Павловском отделении совхоза «Сибирь»⁴¹. В актуальных экономических связях поволжские немцы были, прежде всего, кулундинцами, проживая в маргинализованном социокультурном пространстве переселенческого села 1950–1960-х гг.

Поволжские немцы были ответственны перед небольшими группами коллег и соседей – коллективами, которые реально помогли обустроиться и зарабатывать, бывшие «спецпереселенцы» являлись патриотами сельского сегмента или улицы. Вот пример соседской работы по электрификации своей улицы. «Если Сопову и его помощникам Юстусу и Рейзнеру не хватало изоляторов, они без зазрения совести снимали их со столбов на соседней улице»⁴².

Из открытого письма комсомольца А. Сагеля: «Есть у меня друзья на Центральном отделении Хабаровского совхоза, где я работаю. Зовут их Николай Варенников, Эдуард Сагель, Иван Кислых. Все они комсомольцы. Комсомолец и я. Да не о том речь. Главное, что мы крепко держимся друг за друга. Настоящая мужская дружба помогает нам в работе»⁴³. В экстремальных условиях целинной страды, с немецкой точки зрения, должно было быть надежным все – и агрегат и команда. Товарищеские отношения здесь представлялись ценнее родственных, более того, родственные и этногрупповые отношения оценивались через дружеские – в дни страды кузен-немец для тракториста Сагеля прежде всего – коллега и друг.

Помимо социокультурных оснований целинные «трудовые победы» имели и догматическую подоплеку, которая осваивалась подспудно в рамках освоения системы этнических, религиозно обоснованных системы ценностей. Написанное комсомольцем Сагелем, близко новозаветному «Нет ни эллина, ни иудея...», весьма возможно, было перифразом апостольских посланий. Однако простой сельский человек – наследник крестьянских культур и комсомолец-«шестидесятник» – наблюдал не остаточные артефакты традиционного трудового поведения, а примеры успешной работы советских людей и довольствовался «комсомольским» языком для их понимания и интерпретации. Другого языка для публичного выражения молодой тракторист Сагель и не имел. Однако идеологические штампы, которые автор был вынужден ввести в текст, частично не соответствовали сути сообщения. Речь-то действительно шла «не о том» – для А. Сагеля на целинных полях не было ни этников, ни комсомольцев. Культурно-антропологическим результатом целинных «трудовых побед» стал толерантный к традиционным ценностям, прагматично ориентированный в стандартах модернизации кулундинец, усвоивший элементы традиционных культур сибирских переселенцев путем снижения их контекста.

¹ См.: Население по городским поселениям и сельским районам НСО (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.) – Новосибирск: Статуправление НСО, 1972. С.61

² См.: «На колхозной стройке» (1952–1958 гг.), «Кулундинская правда» (1958–1965 гг.) (Краснозерский р.), «Трудовая жизнь» (1952–1965 гг., Кочковский р.).

³ См.: Малиновский Л.В. Жилище немцев-колонистов в Сибири //Советская этнография. 1968. № 3 С. 96-106.

⁴ См.: Рублевская С.А., Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX – XX вв. М., 2000; Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003; Бетхер А.Р. Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. Автореферат. дисс. канд. ист. наук. Омск, 2003.

⁵ См.: Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири: Конец 1920-х – 1930-е годы. М: Готика, 1995.

⁶ См.: Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.

⁷ См.: Brandes, D., Savin, A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen: Klartext-Verlag, 2001

⁸ См.: Народное хозяйство НСО. Новосибирск: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. С. 136

⁹ См.: Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920–х–1980-е годы. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. С. 71–72

¹⁰ Краснозерская районная газета «На колхозной стройке», от 21.01.54.

¹¹ ПМА, ГВМ, 1932 г.р., поволжский немец (Карасукский район, 2002)

¹² ПМА, ПАД, 1929 г.р., украинец.(Купинский район, 2001)

¹³ ПМА, ДВН, 1928 г.р., поволжский немец. (Здвинский район, 2001)

¹⁴ Краснозерская районная газета «На колхозной стройке» от 05.11.1953

¹⁵ Краснозерская районная газета «На колхозной стройке» от 29.12.1954.

¹⁶ ПМА, КПА, 1932 г.р., поволжский немец (Краснозерский район, 2001)

¹⁷ Кочковская районная газета «Трудовая жизнь» от 26.07.1961.

¹⁸ ПМА, ДВИ, 1959 г.р., немец (Здвинский район, 2001)

¹⁹ ПМА, ШАА, 1954 г.р., немец (Краснозерский район, 2001)

²⁰ ПМА, М (Л) ВА, 1935 г.р., поволжская немка (Купинский район, 2001)

²¹ ПМА, КВИ, 1938 г.р., поволжский немец (Купинский район, 2001)

²² ПМА, ДЛВ, 1959 г.р., немка (Здвинский район, 2001)

²³ ПМА, КЭА, 1937 г.р., поволжская немка (Купинский район, 2001)

²⁴ Кочковская районная газета «Трудовая жизнь» от 08.03.1958

²⁵ ПМА, КВИ, 1938 г.р., поволжский немец (Купинский район, 2001)

²⁶ ПМА, ДАГ, 1954 г.р., немка (Краснозерский район, 2001)

²⁷ Краснозерская районная газета «На колхозной стройке» (№59) от 16.05.1958

²⁸ Краснозерская районная газета «На колхозной стройке» от 16.02.1958

²⁹ Краснозерская районная газета «Кулундинская правда» от 23.03.1962.

³⁰ Купинская районная газета «Коммунист» от 22.04.1960

³¹ ПМА, ДВН, 1928 г.р., поволжский немец (Здвинский район, 2001)

³² ПМА, ДЛВ, 1959 г.р., немка (Здвинский район, 2001)

³³ Краснозерская районная газета «Кулундинская правда» от 26.05.1963)

³⁴ Краснозерская районная газета «На колхозной стройке» от 11.08.1961

³⁵ Краснозерская районная газета «На колхозной стройке» от 28.11.1956.

³⁶ Кочковская районная газета «Трудовая жизнь» от 04.06.1958.

³⁷ ПМА, ЭМИ, 1928 г.р., поволжская немка (Чистоозерный район, 2001)

³⁸ ПМА, ЭМИ, 1928 г.р., поволжская немка (Чистоозерный район, 2001)

³⁹ Купинская районная газета «Коммунист» от 06.04.1960

⁴⁰ ПМА, ЭОС, 1925 г.р., поволжский немец (Купинский район, 2001)

⁴¹ Краснозерская районная газета «Кулундинская правда» от 07.07.1963.

⁴² Кочковская районная газета «Трудовая жизнь» от 24.09.1958

⁴³ Краснозерская районная газета «Кулундинская правда» от 09.06.1963.

Динамика численности и социально-экономическое положение немецкого населения в местах некомпактного проживания Западной Сибири во второй половине XX века

В последние два десятилетия изучение различных аспектов истории немцев России является едва ли не самой интенсивно разрабатываемой проблематикой. Над ней работает большой корпус отечественных, в том числе сибирских, и зарубежных исследователей, издается много литературы, регулярно проводятся научные конференции¹.

Но большая часть имеющихся по теме работ строится применительно к Западной Сибири в первую очередь на материалах Омской области и Алтайского края, т.е. местах компактного проживания значительной части немцев данного региона. Почти не затронутым остается социально-экономическое положение немецкого населения на территории Кемеровской, Новосибирской и Томской областей в постсталинский период.

В результате депортации 1940-х гг. немцы составили одну из наиболее крупных национальных групп в западносибирском регионе. На территории Новосибирской области в 1956 г. насчитывалось 75 тыс. немцев, из них 60 тыс. проживало в сельской местности, 15 тыс. в городах. В сельском хозяйстве было занято 71% всех немцев, 24% в промышленности, остальные в различных организациях и учреждениях. В Кемеровской области насчитывалось свыше 60 тыс. немцев, Томской – 20 486². В Томской области большинство немцев в 1950-е гг. было сосредоточено в сельской местности, тогда как в Кемеровской – в городах и рабочих поселках. Появились новые места их поселения – Нарымский округ, шахтерские города Кузбасса. И только с начала 1956 г. у основной массы немецкого населения (выселенных и репатриированных) появилась возможность свободно перемещаться из одной области в другую. Но лишь небольшому количеству немецких семей удалось выехать в Поволжье. В дальнейшем же государственные органы сдерживали миграцию немцев из восточных в западные регионы страны³. На территории Кемеровской, Новосибирской и Томской областей 90% немцев – бывших спецпоселенцев осталось в местах ссылки. Часть из них вступила в межнациональные браки. Дети, родившиеся в результате таких браков, записывались русскими.

Следует отметить, что представители немецкого национального меньшинства, особенно в местах некомпактного проживания, активно вступали в смешанные браки. Их доля была выше, нежели у других крупных народов СССР, и достигала шестидесяти с лишним процентов⁴. Только в отдельных населенных пунктах Новосибирской области с преимущественно немецким населением в Карасукском,

Купинском, Чистоозерном, Краснозерском, Татарском и Болотнинском районах практически отсутствовали смешанные браки.

В 1960-е гг. заметно усилился процесс урбанизации, и немцев в местах некомпактного проживания Западной Сибири он коснулся в большей степени. Именно с этого времени наблюдалась тенденция переезда немцев из бывшего Нарымского округа Томской области на юг региона к областному центру или поближе, а в связи освоением целинных земель многие бывшие спецпоселенцы переехали в Казахстан. Еще в начале 1950-х гг. в северных районах Томской области насчитывалось более десяти тысяч немцев. Но с момента снятия их с учета спецкомендатур привело к заметному сокращению немецкого населения. Так, в 1970 г. в Томской области проживало 15 257 немцев и примерно половина 7 549 в Томске и в его предместье⁵. По социальному положению они подразделялись на рабочих – 6031, колхозников – 39, служащих – 1541. Из числа служащих – 450 были ИТР и специалистами народного хозяйства, 68 человек находилось на ответственной руководящей работе. В областном центре наиболее значительное число лиц немецкой национальности работало на заводах «Сибэлектромотор», пятом государственном подшипниковом (ГПЗ-5), электроламповом, измерительной аппаратуры, а также в различных строительных организациях⁶. В 1979 уже большая часть немцев проживала в Томске и в его пригородах 8 110 из 15 027 насчитывавших в области⁷.

В Кемеровской области доля городского населения составляла 81,5%, и немцы здесь были сосредоточены в индустриальных городах: Новокузнецке, Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком, Киселевске, Осинниках и Юрге. Кроме того, наибольший удельный вес немцев в составе населения составил в Яшкинском, Крапивинском и Тяжинском районах. Всего же по переписи 1970 г. в Кузбассе проживало свыше 52 тысяч немцев (на три млн. жителей)⁸. Большая их часть была занята в промышленности на таких предприятиях-гигантах Кузбасса, как Западно-Сибирский металлургический комбинат, Таштагольское рудоуправление, «Юргапромстрой», на крупных шахтах и разрезах. Еще в 1950-е гг. многие из немцев были выдвинуты на руководящие должности. На предприятиях среди них были главные инженеры, прорабы, бригадиры, маркшейдеры, управляющие. Например, в тресте «Юргапромстрой» в 1970-е гг. работало 318 лиц немецкой национальности, в том числе 15 немцев-бригадиров (из 46 бригадиров) и 34 инженерно-технических работника⁹. В Томске и городах Кузбасса немцы, как правило, являлись квалифицированными рабочими на предприятиях (газоэлектросварщики, слесари, автогенщики и др.). Однако политика Советского государства сдерживала частную инициативу и не давала в полной мере удовлетворять свои потребности. Многих представителей немецкой национальности не устраивала советская уравнилельная система. Более того, принадлежность к национальности Запада приводила к тому, что работавших немцев на предприятиях в меньшей степени награждали и поощряли. Не случайно в 1970-е гг. немцы, занятые квалифицированной работой, активно добивались выезда за границу. Например, в Юрге самое большое коли-

чество граждан немецкой национальности работало в тресте «Юрганпромстрой» – 318, из них 10–12% вынашивали эмиграционные настроения, несмотря на обеспеченность жильем, автомашинами. Одной из причин являлся как раз низкий уровень жизни по сравнению с ФРГ. В Томске активно ходатайствовали о выезде из СССР квалифицированные рабочие (строгальщики, слесари, механики, технологи, настройщики, мастера и др.) заводов «Сибэлектромотор», ГПЗ-5, электролампового, измерительной аппаратуры, стройматериалов.

Миграция из сел в города в Новосибирской области проходила в меньшей степени, чем в Кузбассе и в Томской области. В 80-е гг. городское немецкое население здесь составляло всего 49% от общей численности проживавших в ней немцев, и в основном они находились в Новосибирске и Бердске.

Таким образом, в послевоенные десятилетия процесс урбанизации среди немцев затронул прежде всего депортированных и репатриированных (в тех местностях, где до Великой Отечественной войны отсутствовали их поселения). В Кемеровской, Томской и частично Новосибирской областях резко возросло городское немецкое население в результате стихийной миграции из сельской местности в города.

В 1950–1980-е гг. сокращался в целом удельный вес немецкого населения в СССР. В 1959 г. он составлял 0,77%, в 1970 г. – 0,76%, в 1979 г. – 0,74%. В РСФСР удельный вес немцев соответственно составлял 0,7%, 0,58%, 0,57¹⁰. В ряде регионов страны, особенно в местах некомпактного проживания немцев, уменьшалась их численность в связи с миграцией, огромным количеством межнациональных браков. Если в Новосибирской области во второй половине 1950-х гг. насчитывалось свыше 75 тыс. немцев, то в 1979 г. уже 64 895, а в 1989 г. – 61 479. Их удельный вес в составе населения Новосибирской области сократился с 9,4% во второй половине 1950-х гг. до 2,2% в 1989 г. В Кемеровской области в 1950-е гг. проживало свыше 60 тыс. немцев, в 1989 г. – 47 990 (1,5% к общей численности населения). В Томской области в 1970 г. насчитывалось 15 257 немцев, и их удельный вес в составе населения составлял 2,0%, в 1979 г. – 15 027 (1,7%), в 1989 г. – 15 541 (1,5%)¹¹. Переписи 1970, 1979 и 1989 гг. показывают, что численность немцев в Томской области оставалась на прежнем уровне – 15 тысяч, тогда как количество украинцев выросло с 14 439 в 1970 г. до 25 799 в 1989 г., татар соответственно с 15 226 до 20 812¹². Увеличение этих национальных групп происходило за счет естественного прироста, миграции из других регионов. Немецкое население в значительной степени ассимилировалось.

Таким образом, во второй половине XX века немцы являлись одной из наиболее крупных по численности национальных групп в Западной Сибири. Они постоянно перемещались как внутри региона, так и за его пределы. На протяжении 1950–1980-х гг. в трех соседних областях – местах некомпактного проживания (Кемеровской, Новосибирской и Томской) наиболее заметно происходила урбанизация немецкого населения, и большинство его было сосредоточено в

городах и рабочих поселках и занято в производственной, научной и управленческой сферах народного хозяйства. Немцы по социальному положению не отличались от основного населения. Более того, благодаря трудолюбию и стремлению к улучшению материального положения они в тесном содружестве с представителями других народов активно участвовали в хозяйственном строительстве региона. Большинство немцев стремилось к высокооплачиваемой работе. Эта национальная группа являлась мобильной и по возможности переезжала в более развитые промышленные районы Западно-Сибирского региона.

¹ См.: Российские немцы: научно-информационный бюллетень. 1995–2009.

² См.: Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1654. Л. 9; Неизвестный Кузбасс. Вып. 2. Тоталитарная система: Палачи и жертва. Кемерово, 1995. С. 186; Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2668. Л. 189.

³ См.: Малова Н.А. Возвращение поволжских немцев на Волгу в конце 1950-х гг. (по материалам историко-этнографических экспедиций в Поволжье 1995–1997 гг.) // Миграционные процессы среди российских немцев. М.: Готика, С. 359–364.

⁴ См.: Волков А.Г. Этнические смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 12–22; № 8. С. 8–24.

⁵ См.: ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4506. Л. 131.

⁶ См.: Там же. Л. 121

⁷ См.: Там же. Ф. 607. Оп. 31. Д. 552. Л. 2

⁸ См.: Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 47. Л. 56.

⁹ См.: Там же. Л. 60.

¹⁰ См.: Котов В.И. Этнодемографическая ситуация в РСФСР в 60-80-е годы // Отечественная история. 1992. № 5. С. 33.

¹¹ См.: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984. С. 71, 94, 97; Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Госкомитет СССР по статистике. М., 1991. С. 60–61, 68–69; Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР. М., 1989. С. 2.

¹² См.: Численность и национальный состав населения Томской области. Стат. сборник №1. По данным Всесоюзных переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. Томск, 1990. С. 45–46.

Т. С. Иларионова (Москва)

Немцы в российской дипломатии на Дальнем Востоке

Тема участия иностранцев в дипломатическом освоении Дальнего Востока заставила меня составить своего рода каталог тех, кто, приехав в нашу страну издалека, способствовал изучению и освоению самых отдаленных территорий и заложил основы для взаимодействия между народами и странами региона. В этом каталоге – 248 фамилий самых разных людей, по преимуществу немцев, выполнявших для Российского государства всевозможные ответственные поручения. Такой массив биографических сведений позволяет составить представление о сферах приложения сил людей из Европы и их потомков в России. Показательно: лишь немногие из иностранцев действовали здесь в качестве предпринимателей. Основная масса выполняла задания царей и российских правительств, т.е. работала на государство. Именно как государственные предприятия осуществлялись морские походы или геодезическая разведка. В целом этих сфер было не так уж и много:

дипломатия;

военная служба;

региональные администрации;

научные исследования;

кругосветные путешествия.

Все это финансировалось из бюджета, поскольку преследовалась цель закрепления России на Тихом океане и достижения победы в соперничестве с ведущими европейскими державами за богатства Китая, Кореи и Японии. Дипломатические усилия сами по себе не могли принести успеха без сопутствующих многоплановых действий власти по самым разным направлениям. Переговоры, обмен посольствами были лишь одним из методов политики на Дальнем Востоке и не существовали в отрыве от прочих проектов.

Прежде всего, государственный курс на Дальнем Востоке нуждался в научном, исследовательском подкреплении. Центральной власти России была необходима информация – географы, ботаники, биологи, этнологи, геологи из числа иностранцев отправлялись за новыми бесценными сведениями в край, о котором в XVII – XIX веках существовали самые смутные представления.

В то время, когда Европа искала дальние страны за морями, снаряжала корабли за океан, Россия прорубала свои новые пути через тайгу, сопки и степи. Эта дорога по суше была намного труднее, дольше, дороже, чем водный путь. Хотя,

по европейскому образцу, морские кругосветные плавания для закрепления на дальневосточных рубежах страна поддерживала также, придавала им не меньшее значение, чем дороге в глубь страны.

По-разному сложились судьбы иностранцев – ученых в России. Некоторые из них стали универсалистами, другие специализировались на отдельных отраслях знания. Наряду с кабинетными теоретиками основная масса была первопроходцами, отправлялась на Дальний Восток для того, чтобы собирать коллекции камней или растений, вести описания мест, где они побывали.

К числу самых разносторонних талантов, осуществивших себя в России и внесших огромный вклад в самые разные области гуманитарной и естественнонаучной сферы, в освоение Дальнего Востока, относится, прежде всего, Герард-Фридрих (Федор Иванович) Миллер (Мюллер), неутомимый искатель и систематизатор научных данных, какие бы ни попадались ему, умелый организатор, менеджер науки. Он первый, кто собрал начальные документы о русско-китайских отношениях. Все, что только можно было найти в то время, было им найдено и составило целостную коллекцию первоисточников для понимания отправных путей российско-китайских двусторонних отношений¹.

Все путешествие Елиза́рия Избранта (Идеса Избранта) можно проследить по «Портфелям Миллера»², как и хронику первых китайских посольств на территории России, торговых дел с Китаем и Японией. Его интересовало буквально все: какой была история города Албазина и в чем причина возникших там между русскими и китайцами ссорах; какие меры весов и длины употребляют в Китае; какую веру там исповедуют; какие обычаи и нравы существуют у его народа и т.д.³

Он составил таблицы, в которых классифицировал провинции, привел число их жителей и ежегодный доход Китайского государства⁴. Впервые на русском языке представил хронологию императоров Поднебесной, как и описание войск этой страны⁵. Значительный объем документов – об установлении границы.

«Портфели Миллера» свидетельствуют: России повезло, что такой человек был у нее на службе, причем – в эпоху перемен. Миллер сформировал огромную научную базу для последующего освоения Дальнего Востока, установления регулярных дипломатических, торговых, человеческих отношений со странами региона. Ученый выступал инициатором переводов ранее лежавших без прочтения документов, воодушевлял таких же, как и он сам, искателей новых знаний, на изучение языков, составление алфавитов и словарей, систематизацию источников.

Миллер состоял в переписке с десятками ученых по всему свету, с людьми разных званий, профессий, должностей – с единственной целью собрать сведения в свою и без того обширную коллекцию.

К сожалению, тогдашняя Санкт-Петербургская Академия наук была пронизана интригами, склоками, подсиживанием. Миллеру не удалось обнародовать и сотой части своих записей. До сих пор его «Портфели» – по большей части неопубликованный и мало изученный архив.

Ученый притягивал к себе таких же увлеченных путешествиями и исследованиями людей. В числе близких к нему исследователей – Иоганн Георг Гмелин, проехавший в 1733–1743 гг. по Сибири и Камчатке. Это было трудное путешествие, полное опасностей, через безлюдные места, через отдельные поселения, где неприветливо встречали экспедицию. Это было путешествие, потребовавшее многих сил и стоившее здоровья. Гмелин свои труды смог беспрепятственно опубликовать только в Германии, куда он вернулся вопреки приказам Академии⁶.

Но и до Миллера и Гмелина в дальние экспедиции выезжали исследователи из числа иностранцев. Даниэль Готлиб Мессершмидт, оказавшийся в России по приглашению Петра I в 1720–1727 гг., руководил научной экспедицией в Сибири. Нашел ряд памятников монгольского и тангутского (тибетского) письма, которые передал по возвращении в Кунсткамеру. Вместе с ним в походе был швед Филипп-Иоганн Страленберг (Табберт), попавший в Россию как пленный: после Полтавского сражения он оказался в Сибири и примкнул к экспедиции Мессершмидта. Именно он нашел в Приобье выходы черной горючей жидкости – нефти. Небольшую емкость с нею ученый и преподнес Петру I по окончании экспедиции⁷.

Еще одним пионером освоения Дальнего Востока был Густав Иванович (Густав Фердинанд Рихард) Радде. В краеведческом музее Биробиджана ему посвящен отдельный стенд. В этом далеком крае до сих пор чтут первого исследователя Байкала, путешественника по Амуру и Саянам, по истокам рек Енисей, Иркута и Оби.

Интересно: среди пионеров исследований Дальнего Востока было немало выходцев из Данцига. Радде и Мессершмидт как раз оттуда – земляки.

Наряду с такими универсалами в России работало немало и «узких» специалистов: лингвисты, нумизматы, исследователи конкретных дальневосточных народов. Так, коллекции восточных монет увлеченно собирали Георгий Яковлевич Кер и Христиан Данилович Френ. Кер «придумал» «Академию восточных языков»⁸, Френ в 1818 г. при Академии создал Азиатский музей⁹. Иоганн Иериг посвятил большую часть своей творческой жизни изучению Монголии, составил краткий очерк грамматики тибетского языка и перевел ряд материалов по литературе, языку и быту монголов и тибетцев¹⁰.

Значительным достижением России стали кругосветные путешествия. В.Н.Аров пишет: «Русские моряки позже других европейских морских держав стали совершать такие плавания. Ко времени организации первой русской кругосветки четыре европейские страны совершили уже 15 подобных плаваний, начиная с Ф. Магеллана (1519–1522 гг.) и кончая третьим плаванием Дж. Кука. Больше всех кругосветных плаваний на счету английских моряков – восемь, в том числе три – под командованием Кука. Пять плаваний совершили голландцы, по одному – испанцы и французы. Россия стала пятой страной в этом списке, но по количеству кругосветных плаваний превзошла все европейские страны вместе взятые. В XIX в. русские парусные корабли совершили более 30 полных кругосветных плаваний и

около 15 полукругосветных, когда прибывшие с Балтики на Тихий океан корабли оставались нести службу на Дальнем Востоке и в Русской Америке»¹¹.

И значительное число искателей приключений под российским флагом были европейцами: им Россия открывала возможности для самореализации. Она поддерживала смелых и отчаянных – морально, деньгами, обустройством в стране, предоставлением высокого социального статуса.

Так, в экспедиции Крузенштерна в 1803 – 1806 гг., первом русском кругосветном путешествии, было немало немцев – и корабельных специалистов, и ученых: доктор Карл Эспенберг, его помощник Иван Сидгам, астроном И. К. Горнер, естествоиспытатели Вильгельм Тилезиус фон Тиленау, доктор Георг Лангсдорф из Гёттингенского университета, впоследствии академик Санкт-Петербургской академии и путешественник по Бразилии. Среди офицеров «Надежды» находилось немало опытных моряков, впоследствии прославивших русский флот: будущий адмирал и первооткрыватель Антарктиды Фаддей Фаддеевич Белинсгаузен, будущий руководитель двух кругосветных плаваний (1815–1818 и 1823–1826 гг.) Отто Евстафьевич Коцебу и его брат Мориц Коцебу. В свите камергера Н. П. Резанова на корабле «Нева» были майор Ермолай Фредерици, надворный советник Федор Фос, медик и ботаник Бринкин, Василий Берх (впоследствии историк русского флота), доктор Мориц Либенд и другие¹².

Иностранцы и в научных исследованиях, и в дипломатии потому так активно использовались царями, что с ними можно было строить отношения, говоря современным языком, «на проектной основе»: их можно было приглашать для выполнения разовых заданий, под конкретное поручение, для достижения поставленной цели. А потом можно было, вознаградив, отправить восвояси. Со своими жить приходилось в ином режиме: родственные, сословные отношения, социальные роли не давали свободы в привлечении и использовании тех людей, в которых в данный конкретный момент нуждалась власть.

Только позже, на фоне многообразных контактов с представителями государств Европы вполне закономерно возникла потребность их долговременного использования на государственной службе. А поначалу иностранцы принимаются на службу царю лишь с единственной целью – содействовать контактам Русского государства с внешним миром. Первый документ о приеме на государственную службу иностранца, найденный нами, относится к 1679 году (он не датирован) – ко времени государя царя и великого князя Федора Алексеевича. Это Именной указ «О введении иноземцев по прежним Указам в одном Посольском приказе»¹³. Документ свидетельствует, что ранее уже принимались акты, разрешавшие государственную службу иностранцам в Посольском приказе. Здесь же был важный «информационный» повод вернуться к этой теме: голландский переводчик – служащий Посольского приказа попросил разрешения брать иноземцев в другие приказы на службу. Но Именной указ не дозволил этого. То есть иностранцы во

второй половине XVII века оставались только толмачами, служили коммуникаторами для русских царей и царедворцев.

Вот и на «китайском направлении» было в числе российских дипломатов огромное количество иностранцев.

Одним из первых в 1675 г. в Китай был отправлен по повелению российского царя Алексея Михайловича молдавский боярин греческого происхождения Николай Гаврилович Спафарий. В Пекин его миссия прибыла 15 мая 1676 г. Китайцы встретили посланцев царя с подозрением, миссия была взята под стражу¹⁴. Но узнав, что Спафарий владеет латынью, император Канси назначил иезуита Вербиеста переводчиком переговоров. Способность Спафария говорить по-латыни с ученым советником императора произвела благоприятное впечатление на китайцев. И хотя ему не удалось заключить договора с Китаем, русское посольство дало свои результаты: Спафарий собрал обширную информацию о Китае, его правительстве, системе управления и политических целях на Дальнем Востоке.

Избрант Идес, уроженец Голштинии, коммерсант, в 1692 г. был отправлен Петром I в Китай с торговой и дипломатической миссией. Вместе с ним был Адам Бранд, также уроженец Голштинии.

Но самая удивительная судьба была у шведа Лоренца Ланга. Это был один из многих западноевропейцев, поступивших на российскую службу при правлении Петра I. В качестве специального посланника в 1715 году он был отправлен в Китай для защиты коммерческих интересов России. Путь его лежал через Тобольск, Томск, Енисейск, Иркутск, а также озеро Байкал, после чего он прибыл в Пекин, где прожил два года. После превосходного рапорта Ланга царь решил в 1719 году снова направить его в Пекин, но теперь в качестве консула для наблюдения за российскими купцами. Миссия Ланга, однако, прервалась, когда китайский суд отменил торговые льготы России из-за спора по поводу господства над монголами¹⁵.

В 1720 г. Ланг был секретарем Чрезвычайного посольства лейб-гвардии Преображенского полка капитана Льва Измайлова и последним был оставлен в Пекине в чине «агента Российского для надзирания и управления купечества». В июне 1722 г. Ланг покинул Пекин. А в июне 1727 г. он снова в качестве секретаря сопровождал в Пекин уже посольство графа Саввы Владиславича-Рагузинского, принимал участие в заключении Буринского договора. После этого он вновь отправился в Пекин – с караваном Молокова. Следующая его поездка была в 1731 – 1732 гг. – Ланг был назначен директором второго после заключения Кяхтинского трактата казенного каравана комиссара Молокова. В Пекине ему был оказан хороший прием, Ланг получил аудиенцию у императора, вел успешно торговлю и 8 сентября выехал из Пекина. Наконец, он также возглавлял в качестве директора третий казенный караван комиссара Ерофея Фирсова, а после возвращения из Пекина в июне 1739 года был назначен вице-губернатором Иркутска.

Архивные источники свидетельствуют о деятельной натуре Ланга: он все время писал в Петербург о необходимости укрепления острогов в русско-китайском порубежье; отбирал и отправлял для работы по описанию незнакомых мест геодезистов с тем, чтобы были составлены карты. Лоренц Ланг похоронен на Немецком лютеранском кладбище в Иркутске¹⁶.

Владиславич-Рагузинский Савва Лукич, граф Иллирийский, серб на русской службе, был Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Китай в 1725 – 1728 гг. Именно он заключил Буринский и Кяхтинский договоры о пограничных территориях и торговле между двумя странами, фактически исправив ошибки Головина при подписании Нерчинского договора, в соответствии с которым многие земли оставались «под китайцами»¹⁷.

О китайцах Владиславич писал так: «Как можно видеть из всех их поступков, они войны сильно боятся, но от гордости и лукавства не отступают; а такого непостоянства от рождения моего я ни в каком народе не видал, воистину никакого резону человеческого не имеют, кроме трусости, и если б граница вашего императорского величества была в добром порядке, то все б можно делать по-своему; но, видя границу отворену и всю Сибирь без единой крепости и видя, что русские часто к ним посольство посылают, китайцы пуще гордятся, и, что ни делают, все из боязни войны, а не от любви... Государство Китайское вовсе не так сильно, как думают и как многие историки их возвышают; я имею подлинные известия о их состоянии и силах, как морских, так и сухопутных; нынешним ханом никто не доволен, потому что действительно хуже римского Нерона государство свое притесняет и уже несколько тысяч людей казнил, а несколько миллионов ограбил; из двадцати четырех его братьев только трое пользуются его доверием, прочие же одни казнены, а другие находятся в жестоком заключении; в народе нет ни крепости, ни разума, ни храбрости, только многолюдство и чрезмерное богатство, и как Китай начался, столько золота и серебра в казне не было, как теперь, а народ помирает с голоду...»

Как видим, никакого очарования от Китая у него не было и в помине...

Показательно, что именно Посольский приказ позволит войти в русскую историю и такому выдающемуся иностранцу и «автору» государственной службы Российской империи, как Андрей Иванович Остерман. Как известно, он родился в семье пастора в Вестфалии, учился в Йенском университете, но из-за дуэли должен был бежать в Амстердам, оттуда с рекрутом кадров для русского царя вице-адмиралом К.И. Крюсом приехал в 1704 году в Россию. Быстро выучившись русскому языку, Остерман завоевал доверие Петра и в 1707 году стал переводчиком Посольского приказа, а через три года уже его секретарем. Постоянный советник Петра I, Остерман выдвигал самые разные идеи для совершенствования государственного управления. Именно он создал «Табель о рангах»¹⁸.

Закон «Табель о рангах» упорядочивал иерархию должностей, делал сопоставимыми гражданские, воинские и придворные чины, создавал стройную систему

службы государю¹⁹. Документ до сих пор оказывает свое воздействие на государственную службу России – к ней апеллируют теоретики и практики управления, ответственные за административную реформу в нашей стране.

Как свидетельствуют архивные источники, над составлением «Табели о рангах» Остерман работал с 1719-го по 1721 года, документ был принят 24 января 1722 года. Подавляющее большинство должностей, вошедших в «Табель», – транслитерации из немецкого и шведского. Уже одно это предполагало, что государственная служба, организованная по иностранному образцу, будет открыта для приезжих из чужих краев, для тех, кто хочет и может служить русскому государю.

В 1740 году в списке «канцелярских служителей» было учтено 215 чиновников, причем напротив фамилий иностранцев имелись соответствующие записи – откуда они: например, членом присутствия в Фортификационной конторе служил Д.Деколонг «из шляхетства французской нации», в Юстиц-коллегии – ассессором Гейсон «из немецких шляхтичей», президентом Академии наук был барон А.Корф «ис курляндских шляхтичей». Для остальных выходцев из-за рубежа, являвшихся разночинцами, отмечалось, что они «из иноземцев», или указывалась национальность: например, советник канцелярии Академии наук Я.Д.Шумахер был «альзацкой нации». О директоре Петербургской почтовой конторы Ф.Аше было написано, что он происходит из «города Бреславля из гражданского чину», о его московском коллеге В.Пестеле – «города саксонского из гражданского чину»²⁰.

К 1755 году иноземцы на государственной службе России в центральных учреждениях составляли 8,21%, в местных органах центральных учреждений – 10,34%, в местном управлении – 1,44%, в дворцовых учреждениях – 3,1%²¹.

Не удивительно, что и в последующем в дальневосточной политике участвовали десятки немцев, греков, французов. Так, по данным «Очерков истории Министерства иностранных дел», до 1902 года в странах региона в ранге поверенных в делах, генеральных консулов, посланников работало на Россию в числе дипломатов до двух третей выходцев из Европы, по преимуществу немцев²².

За столетие с 1802 года в Пекине из 12 высших чиновников немцами был посланник Евгений Карлович Бюцов (с 15 мая 1873-го по 13 апреля 1883 г.) и Алексей Николаевич Шпейер (правда, так и не доехавший до Пекина в 1897 – 1898 гг.). Их предшественниками и преемниками на этом посту были итальянец Артур Павлович Кассини, швед Михаил Николаевич Гирс, греки Александр Георгиевич Влангали и Алексей Михайлович Кумани, с французскими корнями Павел Михайлович Лессар, даже китаец Лев Федорович Баллюзек, проявивший беспримерную храбрость при защите Севастополя в 1853–1854 гг.

В Японии из восьми высших русских дипломатов пятеро были немцами: тот же Евгений Карлович Бюцов (с 1 января 1871-го по 15 мая 1873-го г.), Кирилл Васильевич Струве (с 15 мая 1873-го по 12 января 1882-го г.), барон Роман Романович Розен (с 22 ноября 1877-го по 12 августа 1879-го г. и с 4 февраля 1897-го

по 18 ноября 1899-го г.), Михаил Федорович Бартоломей (с 12 января 1882-го по 30 ноября 1882-го г.), Алексей Николаевич Шпейер (с 25 февраля 1896-го по 6 ноября 1897-го г.)²³.

В Корею из четырех представителей России с 1885-го по 1902 г. двое было немцев: Карл Иванович Вебер (с 2 апреля 1885 по 18 июля 1895 гг.) и Алексей Николаевич Шпейер (с 18 июля 1895 по 6 ноября 1897 гг.).

В эти же годы – с 1802 по 1902-й – на посту министров иностранных дел сменяли друг друга также представители разного этнического происхождения, из девяти руководителей внешнеполитического ведомства Российской империи трое были немцы: барон Андрей Яковлевич Будберг (с 8 сентября 1802-го по 2 декабря 1805-го г.), граф Карл Васильевич Нессельроде (с 12 февраля 1816-го по 15 апреля 1856-го г.) и граф Владимир Николаевич Ламздорф (с 25 декабря 1900-го²⁴ по май 1906-го г.²⁵).

Сегодня эти яркие фигуры из прошлого становятся иногда действующими лицами исторических реконструкций – научных и художественных. Внимание публики в последние годы к восточной теме было привлечено талантливыми романами Бориса Акунина, где временами на авансцену выводятся российские дипломаты из немцев. Так, в эпизодах второго тома «Алмазной колесница» в контексте событий 1858 года появляется Кирилл Васильевич Корф, «посланник, действительный статский советник» российского посольства в Токио. Корф в изображении автора выглядит так: барон с «сухими остзейскими губами» и «водянистыми глазами»²⁶.

Российский Дальний Восток представлял собой европейское явление уже и потому, что по обе стороны границы, а не только за рубежом в дипмиссиях, были немцы. По эту сторону активно работали, вносили свой вклад в развитие нашей страны российские чиновники из немцев: барон А.Н.Корф – генерал-губернатор Амурского края в конце XIX века, который способствовал развитию приграничных контактов с Кореей и Китаем; П.Ф.Унтербергер – преемник барона Корфа на посту генерал-губернатора и проводник российской дальневосточной политики.

Реальный барон Андрей Николаевич Корф происходил из потомственных немцев – государственных служащих империи. Он родился в 1831 году, был православным²⁷. Пройдя с успехом военную службу до генеральского чина, он в 1884 году занял должность Приамурского генерал-губернатора, а в 1887 году стал еще и наказным атаманом приамурских казачьих войск²⁸.

Приамурское генерал-губернаторство было учреждено в первой половине 1884 года, в его состав вошли Забайкальская, Амурская, Приморская области вместе с островом Сахалин и Камчаткой. Эта территория была в 5,5 раза больше владений Франции в Европе²⁹.

Как указывали Брокгауз и Эфрон, Корф «заботился о поднятии экономического и образовательного уровня края: при нем увеличилась численность, стал быстро колонизироваться Южно-Уссурийский край, началась разработка залежей каменного угля на Сахалине, а также местных лесных и рыбных богатств; были приняты

меры к прекращению котикового промысла на Командорских островах и к развитию морских сношений с Китаем, Японией и Кореей. По инициативе Корфа, в Хабаровске состоялся (в январе 1893 года) съезд местных деятелей для выяснения нужд края: при нем же открыто много школ и развилась миссионерская деятельность между инородцами»³⁰.

На посту генерал-губернатора Приморья, вторит этому автор Военной энциклопедии, Корф «проявил выдающуюся энергию и деятельность. Он широко просвещение среди инородцев, организуя для них школы, заботился о колонизации Южно-Уссурийского края, особое внимание обратил на охрану котикового промысла на Командорских островах, содействовал развитию мореходных сношений Европейской России с Дальним Востоком, в целях развития там торговли и промышленности, начал разработку каменно-угольных залежей на Сахалине, организовал первые съезды местных деятелей и принимал деятельное участие в разработке плана великого Сибирского железнодорожного пути. Стараясь развить торговые сношения с Китаем и Японией, Корф в то же время зорко следил за их политикой и энергично отстаивал русские интересы на Дальнем Востоке. Умер в Хабаровске 7 февраля 1893 года»³¹.

Однако тот факт, что православный Корф был инородцем, все же сыграл свою роль. В № 192 «Московских ведомостей» от 5 июня 1893 года, то есть уже после смерти Андрея Николаевича, появилась статья некоего господина потомственного дворянина Евстафия Воронца, озаглавленная «Государственные ошибки в Приамурском крае». Ее предварял эпиграф: «Не увлекаюсь самыми лестными и деликатными фразами, когда вижу на деле, что ими прикрывается измена моему Государю и Отечеству». Статья посвящалась деятельности Корфа в Приамурье, генерал-губернатор обвинялся в измене.

В прессе развернулась полемика по этому поводу, нашлись авторы, которые публично вступились за Корфа. Суть спора была в том, что в обширном крае с разными народами, граничавшем с большими государствами Дальнего Востока, деятельность Корфа не способствовала быстрой христианизации населения. «Барон А.Н.Корф, будучи истинным православным (даже этого не могут простить ему враги, во сто крат предпочитавшие бы укорять его за принадлежность к лютеранству!), честно и открыто осуждал насильственное крещение инородцев», – об этом в защиту Корфа писал князь Эспер Ухтомский в газете «Гражданин»³².

В вину Корфу его противниками ставилось то, что «он поступил недостойно русского генерала и боялся Китая, который мог, в случае обуздания лам, заступиться за буддистов на нашей окраине»³³.

Однако это не совсем соответствует истине: Корф противился притоку мигрантов, в частности он категорически выступал против переселения корейцев в Россию, хотя и не вводил формальных запретов. Здесь не было последовательности в действиях властей: если барон А.Н.Корф и противился корейской иммиграции, то его преемники С.М. Духовский и Н.И. Гродеков считали ее весьма полезной для

колонизации Приамурья и всячески способствовали улучшению условий жизни корейцев в России, облегчению принятия ими российского подданства³⁴.

Еще одна яркая фигура в истории российского Дальнего Востока – потомственный дворянин Павел Фридрихович Унтербергер. После ряда высоких должностей в Иркутске и Приамурском военном округе он был назначен в 1889 году военным губернатором Приморской области³⁵. Человек отнюдь не либеральных взглядов и жесткой руки, он в 1910 году стал членом Государственного Совета. А с 1906-го по 1911 год в качестве генерал-губернатора «командовал» Приамурским краем.

Как пишут биографы, чьи работы представлены в Интернете, Унтербергер «был своего рода «долгожителем» Дальнего Востока. Он единственный из всех военных губернаторов Приморской области прослужил в этой должности девять лет»³⁶.

Он внес свой вклад в строительство железных дорог в регионе. «В конце XIX века, будучи губернатором Приморья, он заинтересованно участвовал в строительстве Уссурийской железной дороги. А после Русско-японской войны назрела необходимость довести Сибирскую железнодорожную магистраль до Хабаровска – главного центра Дальнего Востока. Как государственник, радевший об укреплении пошатнувшихся позиций России на тихоокеанских рубежах, Унтербергер был убежден, что постройка Амурской железной дороги является первостепенным делом правительства. Она должна была соединить запад страны с Дальним Востоком, пройти по российской территории, чтобы не зависеть, как КВЖД, от политических и военных обстоятельств соседнего государства»³⁷.

Когда П. Унтербергер сдавал свои дела военного губернатора Приморской области генералу Д. Субботичу, городская дума, отмечая заслуги перед городом, избрала его почетным гражданином Владивостока. Не осталась в стороне и китайская община города, которая преподнесла ему адрес, написанный на шелковой материи на китайском языке. В нем говорилось: «Его превосходительству Павлу Федоровичу Унтербергеру за добродетельное управление, признательное китайское общество г. Владивостока, 4 мая 1897 г.»³⁸.

Деятельность таких иностранцев, как Миллер, Гмелин, Корф, Унтербергер, до сих пор – раздражающий фактор для поборников самобытности и державности России. Достаточно зайти на сайт Фоменко-Носовского, «изобретателей» «новой хронологии», чтобы увидеть, насколько современное историческое сообщество не просто расколото, но и наполнено злобными и вздорными теориями в отношении прошлого собственной страны. Тот факт, что в России в XVIII – XIX веках было много иностранцев, в том числе в науке, на государственной службе, в дипломатии, вызывает у этих «историков» приступы бешенства, припадки ксенофобии³⁹. Бьет на то, что всегда вызывает самые темные силы у плохо образованных читающих – на ущемленное национальное самосознание. Рассуждения о засилье иностранцев – великолепная почва для того, чтобы приписать своему народу всякие достижения, в том числе и те, которые были совершены другими. Это мошенничество

в современной России встречает слабое сопротивление, и общество потребляет эти теории наряду с теориями поп-культуры или теориями скинхедов.

Между тем обмен идеями и людьми в самых разных сферах – залог взаимопонимания народов, единства цивилизации. История освоения Россией Дальнего Востока – удивительный пример силы и влияния европейских образцов на развитие человечества. Из Европы приезжали активные, любознательные, работоспособные люди, специалисты своего дела, которые отправлялись в дорогу – на благо своей новой Родины. Благодаря им мы можем говорить сегодня о нашем глобальном мире, где легко принимать общие правила и жить вместе.

¹ См.: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Портфели Г.Ф.Миллера. Ф. 199. Год 1683. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 12. Ед.хр. 2; Год 1684. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 12. Ед.хр. 3, 4; Год 1686. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 13. Ед.хр. 1; Год 1687. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 13. Ед.хр. 2; Год 1688. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 13. Ед.хр. 3; Год 1689. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 13. Ед.хр. 4; Год 1690. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 13. Ед.хр. 5; Год 1691. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 14. Ед.хр. 1; Год 1692. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 14. Ед.хр. 2; Год 1693. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 14. Уд.хр. 3; Год 1694. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 14. Ед.хр. 4; Год 1695. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 14. Ед.хр. 5; Год 1696. Оп. 1. Портфель № 130. Ч. 14. Ед.хр. 6.

² См.: РГАДА. Портфели Г.Ф.Миллера. Ф. 199. Год 1682 – 1709. Оп. 1. Портфель № 133. Ч. 4. Ед.хр. 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320.

³ См.: РГАДА. Портфели Г.Ф.Миллера. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 349.

⁴ См.: РГАДА. Портфели Г.Ф.Миллера. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 349. Ч. 1. Ед.хр. 3.

⁵ См.: РГАДА. Портфели Г.Ф.Миллера. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 349. Ч. 1. Ед.хр. 9 - 12.

⁶ См.: Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870 – 1873.

⁷ См.: Новый энциклопедический словарь / Изд.: Ф.А.Брокгауз и И.А.Эфрон: Биографии. Т. 25 – 29. Пг., 1915 – 1916.

⁸ См.: Эрлих В.А. Русскоязычные издания XVIII века о Востоке и российские немцы // http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/n_e_sib_2/erlihw.htm

⁹ <http://www.nlr.ru/ar/staff/fren.htm>

¹⁰ См.: Эрлих В.А. Русскоязычные издания XVIII века о Востоке и российские немцы // http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/n_e_sib_2/erlihw.htm

¹¹ Аров В. Н. Камчатка и первое русское кругосветное плавание (к 200-летию экспедиции И.Ф. Крузенштерна 1803–1806 гг.) // <http://www.msun.ru/world/history/200/>

¹² См.: Аров В. Н. Камчатка и первое русское кругосветное плавание (к 200-летию экспедиции И. Ф. Крузенштерна 1803–1806 гг.) // <http://www.msun.ru/world/history/200/>

¹³ См.: Полное собрание законов Российском империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. Том II. СПб., 1830. С. 231 - 232.

¹⁴ См.: Кучумова Л. Как Спафарий «увидел» Японию // <http://www.japantoday.ru/arch/jurnal/0606/10.shtml>

¹⁵ См.: <http://international.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdiscvry/lanqe.html>

¹⁶ См.: <http://www.express.irkutsk.ru/history/cemetery/nem.htm>

¹⁷ <http://www.egregor.ru/pravoslavie/monastir.html>

¹⁸ См.: http://www.rudata.ru/wiki/%D0%9E%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%2C_%D0%93%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B8%D1%85_%D0%98%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BD_%D0%A4%D1%80%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%B8%D1%85

- ¹⁹ См.: Мельников В.П. Государственная службы в России. М.: Изд-во РАГС, 2005.С. 59.
- ²⁰ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974.С. 210.
- ²¹ См.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М.: Наука, 1974.С. 213 – 215.
- ²² См.: Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802 – 1902. М., 2002.
- ²³ См.: Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802 – 1902. М., 2002.
- ²⁴ См.: <http://www.inter-rel.ru/b150-P-1.php>
- ²⁵ См.: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00040/95500.htm>
- ²⁶ Акунин Б. Алмазная колесница: В 2-х тт. Т. II. – М.: «Захаров», 2008. – С. 233.
- ²⁷ См.: Корф, барон Андрей Николаевич / Фрейман О.Р. фон. Пажи за 183 года (1711 – 1894). Фридрихсгамн, 1894.
- ²⁸ См.: Корф Андрей Николаевич // Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Биографии. М., 1991.
- ²⁹ См.: Корф, барон Андрей Николаевич // Фрейман О.Р. фон. Пажи за 183 года (1711 – 1894). Фридрихсгамн, 1894.
- ³⁰ Корф Андрей Николаевич // Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Биографии. М., 1991.
- ³¹ Корф Андрей Николаевич // Военная энциклопедия. М., 1911 – 1915.
- ³² См.: Корф, барон Андрей Николаевич // Фрейман О.Р. фон. Пажи за 183 года (1711 – 1894). Фридрихсгамн, 1894.
- ³³ См.: Корф, барон Андрей Николаевич // Фрейман О.Р. фон. Пажи за 183 года (1711 – 1894). Фридрихсгамн, 1894.
- ³⁴ См.: Курбанов С.О. Россия и Корея // Россия и Восток: Учеб.пособие / Под ред. С.М.Иванова, Б.Н.Мельниченко. Спб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 2000. С. 370.
- ³⁵ См.: Павел Фридрихович Унтербергер // Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897.
- ³⁶ <http://www.pgpb.ru/cd/german/foto/unterber.htm>
- ³⁷ http://www.journaldalniyostok.ru/articles/02_07/Unterberger
- ³⁸ <http://www.pgpb.ru/cd/german/foto/unterber.htm>
- ³⁹ См.: <http://www.chronologia.org/index.htm>

Военные наблюдатели и командиры. Немцы на Дальнем Востоке на войне и в революции. 1904–1906 гг.

Русско-японская война 1904–1905 годов с ее серией поражений на суше и на воде еще полна загадок не только для постсоветской историографии, которая рассматривает Российскую империю перед Октябрьской революцией в положительном свете, а также и для представителей исторического общества. Как могла предположительно слабая второразрядная Япония нанести такое чувствительное поражение великой Российской державе?

Уже в 1854–1855 гг. царская империя находилась среди тех держав, которые – с их точки зрения – «открыли» островную империю¹. Однако, в следующие десятилетия интенсивные реформаторские процессы и процессы модернизации в Японии были едва приняты к сведению. После того, как Россия вместе с Германией и Францией принудили Японию в 1895 году к отказу от существенных результатов китайско-японской войны, по-прежнему господствовала недооценка, порожденная неосведомленностью².

Тем более неожиданным было начало войны: вслед за поражением на полях сражения под Ляояном и Мукденом, капитуляцией Порт-Артура и выводом из строя русского тихоокеанского флота последовал разгром так называемых 2-ой и 3-й эскадры после их кругосветного плавания. Эти неудачи дезавуировали сначала армию и морской флот, а затем и политику самодержавия, которая частично мирилась с риском вооруженного столкновения, частично необдуманно втянулась в эту войну. После так называемой «войны великого князя» против Османской империи в 1877–1878 годах они больше не были подвержены серьезному испытанию и никто из офицеров не считал центральноазиатские походы шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годов XIX века серьезной проверкой собственных военных возможностей.

В 1904–1905 годах ситуация на дальневосточных театрах военных действий выглядела следующим образом: технически вполне обеспеченные японские войска, которые могли быстро высаживаться на азиатской суше и действовать целенаправленно и координированно; тактически прекрасно подготовленный морской флот, наилучшим образом извлекавший пользу из японско-английского сближения в начале XX века; солдаты, чья манера сражения сделала из них «human bullets» по образному выражению переведенного с японского на английский язык произведения³.

Все это остро контрастировало с впечатлением, которое оставляли русские вооруженные силы. Они численно превосходили японцев и владели, в противоположность противнику, неограниченными возможностями покрывать потери. Как никак летом 1905 года на Дальнем Востоке стояли более чем 1,2 млн. сол-

дат, среди которых вспыхивали многочисленными мятежи. Коммуникация между воинскими частями и командирами, вопреки чрезмерным ресурсам, оказалась в русских вооруженных силах недостаточной. Русские вооруженные силы показали себя только ограниченно способными вести современную войну.

Эти исторические факты были неоднократно описаны в историографии с различными оценками⁴. Кроме того, часто комментировались цепи событий, позволившие самодержавию неосторожно рисковать войной и указывающие на его твердолобые действия в дипломатии и в связанной с ней внутренней политике. Невежество самодержавия, отсутствие того, что Давид Мак Ларен Макдональд обозначил как «United Government»⁵, фиксация на форме господства, пережившая себя с учетом как экономического так и общественного развития и в то же время определяющая поведение в военном руководстве – такой узел факторов способствовал тому, что кампания против Японии развилась не в ту «маленькую победоносную войну»⁶, которую ожидал – согласно Сергею Витте – министр внутренних дел Плеве в беседе с военным министром, а позднее главнокомандующим Куропаткиным, а перешла в солидную последовательность революционных событий, почти стоившие царю трона, но именно только почти.

В зависимости от индивидуальных связей и основных политических приемов современники искали причины катастрофических поражений в структурных и общественных обстоятельствах поздней царской империи или в индивидуальных ошибочных действиях. В связи со 100-летним юбилеем войны появились многочисленные сборники, которые все это по-новому оценили и распределили.

При этом было замечено, что немцы на российской службе или вообще немцы на театре военных действий самостоятельной темой не были. Это может быть связано с тем, что личности, которые играли здесь определенную роль, рассматривались во взаимосвязи с их социальными группами, например, в качестве членов политической функциональной элиты или армии. Я могу это сказать, по меньшей мере, в той связи, в которой я занялся этой группой на рубеже XIX и XX вв. Но здесь стоит по различным причинам рассмотреть несколько личностей, игравших роль в войне и в революции на Дальнем Востоке в контексте их этнической принадлежности.

Дело в том, что Германская империя в ходе поиска «места под солнцем» испытывала усиленный интерес к Китаю, бывшему объектом амбиций всех великих держав в конце XIX века. Аренда Киаучуса и позднее участие в подавлении так называемого боксерского восстания могут служить примером этому. В то же время немало офицеров из прибалтийских немцев и других российских подданных немецкого происхождения служили на Дальнем Востоке в рядах Российской армии.

Если принять в расчет, что германская политика с интересом следила за началом войны с Японией и что на пороге 1905–1906 гг. отношения между Россией и Германией стали жестче⁷, появляется вопрос о рассмотрении нижеупомянутой

группы людей как «pars pro toto», так как после поражения в войне с Японией и в ходе революции 1905 года с различных сторон разгорелся спор о лояльности немецкоязычных царских подданных, ведший в преддверии Первой мировой войны к ложному выводу об их нелояльности. Была ли причина для этого заложена уже в русско-японской войне?

Примечательно, что во время русско-японской войны речь шла о современной войне не только с армейской технической точки зрения, она была также значительным шагом в деле изображения войны в прессе. Каждая великая держава посылала своих армейских наблюдателей, которые отображали события на воде и на суше⁸. Одновременно у них была официальная миссия и они могли передвигаться в глубоком тылу среди политических деятелей. И из каждой великой державы, независимо от того, нейтральная она или союзническая, новые заинтересованные лица спешили на поля сражений. При этом русский Дальний Восток уже перед началом войны находился в центре внимания. К тому же не в последнюю очередь имело значение строительство транссибирской железной дороги и ее дорогостоящая презентация на Парижской всемирной выставке. Такие путевые заметки как «Транссибирь: По железной дороге через Россию и Китай в 1903 году» Евгения Цабеля появились при огромных тиражах. То же можно сказать о серии публикаций «Россия в Азии» вышедшего на пенсию немецкого генерала Густава Крамера. Эта серия публиковалась в отдельных томах о Центральной Азии, Сибири и, наконец, о Маньчжурии и Корее между 1898-м и 1902 годами и нашла сравнительно широкую читательскую аудиторию⁹. Дальний Восток представлялся местом, на котором немецкие и русские журналисты стояли в конкуренции друг с другом.

Таким образом неудивительно, что отдельные роды войск посылали своих военных наблюдателей. Эрнст фон Ревентлов, один из известных военных обозревателей своего времени¹⁰, также принадлежал к ним, как и принц Карл Хохензоллер-Зигмаринген, который своей назойливостью приводил в отчаяние как русских так и японских армейских командиров. Альберт Хопманн писал для морского флота из осажденного Порт Артура¹¹. Наконец, на театре военных действий был стимул для журналистов, какого, пожалуй, не видела еще ни одна война ранее. Репортеры различных газет великих держав снабжали своих читателей при помощи телеграфа актуальными сообщениями из Харбина, Мукдена или Порт Артура. Многие немецкие газеты обобщали статьи своих журналистов в особенно блестящих приложениях своих газет¹². Все эти сообщения служили формированию больших изложений, которые писались с видом на надвигающуюся войну¹³.

При этом в этих произведениях просматривалось сочувствие к русской армии. И в то же время они были полны стереотипов. Произведения майора Эбергарт фон Теттау – выдающийся пример этого. Теттау очень точно анализировал тактику и стратегию русских полководцев и согласованность глубокого тыла и фронта во время больших наземных битв и не останавливался при этом перед острой кри-

тикой. В частности, в центре критики находился главнокомандующий Алексей Куропаткин, так как он в своей предшествующей деятельности в качестве военного министра нес ответственность за плохую подготовку к войне. Теттау, который не был силен в русском языке, черпал свои сведения преимущественно от немецко-балтийских офицеров и генералов, служивших в царской армии. Он сидел с ними в тылу, когда получил от Куропаткина запрет передвигаться на самых передних фронтовых линиях. Теттау получал существенные сведения от генералов Оскара фон Гриппенберга, барона Билдерлинга, барона Каулбарса и Ренненкампа. Подобное можно сказать и об Альберте Хопманне, о его информации по мерам защиты Порт Артура, полученной от генералов немецкого происхождения.

У обоих авторов – и не только у них – можно найти стереотипные описания русского офицерского корпуса, который боролся без вдохновения и больше заботился о личной роскоши и хорошем самочувствии, нежели о победоносном исходе боевых действий. К тому же подчеркивались отличия между терпеливыми русскими солдатами (влияние стереотипа о нетребовательном русском крестьянине) и офицерским составом высокого уровня. В то же время дисциплинированный японский офицер приводился в качестве противоположного примера.

Таким образом, немецкие военные наблюдатели вели себя на театре военных действий не иначе, чем военные корреспонденты русской прессы. В регулярных сообщениях считающихся либеральными «профессорских листов» «Русских ведомостей», консервативной газеты «Новое время» или реакционного «Гражданина» князя Мещерского¹⁴, начиная с конца 1904 года, при всем различии политических установок и при всем патриотизме звучала активная критика офицерского корпуса царской армии. Эта критика довольно значительно способствовала успеху «кампании банкетов» осенью 1904 года и внесла вместе с тем определенный вклад в повышение революционного настроения в преддверии 1905 года.

Разумеется, целевое направление критики, прежде всего, в консервативной русской прессе было иным, нежели у немецких военных наблюдателей. В то время как немецкие военные наблюдатели склонялись к тому, чтобы подвергать критике, в первую очередь русских офицеров – в фокусе были здесь, прежде всего, А.Н. Куропаткин и заместитель адмирал Алексеев – некоторые русские печатные органы, в частности, издательство «Новое Время» под редакцией А.С. Суворина¹⁵, сообщали, что немецко-балтийские офицеры не считали войну их делом и соответственно командовали и руководили безучастно. Здесь звучал упрек в нелояльности поступков по отношению к династии и империи. Упрек, впрочем, делался также и польским солдатам и офицерам¹⁶. При этом этот упрек имел реальные основания, нежели подозрения в отношении немецко-балтийских армейских служащих. Первые бунты против мобилизации произошли в военном округе Варшавы уже осенью 1904 года, в то время как немецко-балтийские офицеры с готовностью несли свою службу.

Тем не менее, дискуссия могла быть понята как знак того, что царская империя как мультиэтническая и мультинациональная вполне могла иметь проблему балансирования национализма и лояльности по отношению к династии. Война на Дальнем Востоке была в этом отношении примером, когда организующееся в 1904-м и 1905 годах в неведомом размере общественное мнение принимала эту войну как провал царя и его окружения¹⁷. Во время войны и революции лояльность становилась неустойчивой. Беспорядки в Польше и Закавказье были доказательством этому. Тем не менее на театре военных действий Дальнего Востока проблема лояльности стояла не для офицеров немецкого происхождения. Они происходили преимущественно из балтийских провинций и были при всех обстоятельствах прикованы к династии, в отличие от латышей и эстонцев с их просяпающимся национализмом и с их привилегиями. То, что у власти, независимо от газетных оценок, не существовало сомнения в лояльности офицеров немецкого происхождения, было подтверждено при более обширных исследованиях, проведенных по приказу военного министра генерала А.Ф. Редигера в 1905–1906 гг. вплоть до военных процессов. Результаты исследований рисовали совсем иную картину, нежели статьи в газетах «Новое время» и «Гражданин» в 1904-м и 1905 годах.

Поэтому я хотел бы во второй части своего доклада остановить внимание на двух армейских командирах, карьера которых типична для хода событий того времени.

Первым из них был Александр Васильевич Каульбарс (Александр Вильгельм Андерс фон Каульбарс; рожден в 1844 году в имении Моддерс, в Везенбергском округе Эстляндской губернии; скончался в 1925 году в Париже). К началу войны он уже имел за спиной продолжительную карьеру. С 1869-го по 1872 год Каульбарс предпринял экспедицию в Гималаи и составил карту Тянь-Шаня. Во время последней экспедиции он заключил торговый договор с Якуб-беком, новым владельцем Кульджи, которая в свое время лежала в китайской части Туркестана. В 1873 году он участвовал в Аму-Дарьянской экспедиции. После русско-турецкой войны 1878–1879 годов он был членом комиссии, созданной в связи с новой демаркационной линией Сербии. Между июлем 1882-го и сентябрем 1883 года он служил военным министром Княжества Болгарского, где был проводником русского влияния.

В 1892 году он сформировал новую русскую кавалерийскую дивизию. В 1894 году произведен в чин генерал-лейтенанта и назначен командующим 15-й кавалерийской дивизии, расположенной в Плотске, в 1901 году командовал 2 сибирским корпусом и участвовал в усмирении боксерского восстания в Китае. Позже Каульбарс стал генерал-губернатором Одессы. Для участия в войне с Японией он был вновь призван на действительную службу, так как располагал опытом службы на Дальнем Востоке. Первоначально он командовал 3, а позже 2 Маньчжурской армиями. В битвах при Ляояне и Мукдене он разделял стратегическую тактику

Куропаткина, которая заключалась в том, чтобы, в принципе, не рисковать войсками, а учитывая японскую тактику кругового охвата, предпочитать отступление и ожидать подкрепления. В начале 1905 года Каульбарс подал прошение об оставке в связи с развернувшейся критикой в прессе.

Военный министр А. Ф. Редигер, тоже этнический немец, осуждал нерешительность барона Каульбарса, которого он лично хорошо знал в его кратковременную бытность военным министром в Болгарии¹⁸.

Барон приобрел незначительные заслуги как командующий 2-й Маньчжурской армией и возвратился весной 1905 года в Санкт-Петербург. Там ему одновременно с должностью генерал-губернатора было передано командование над Одесским военным округом. Отсюда следует, что он возвратился на свою предыдущую должность, которая совмещала – что типично для администрации царской империи – военные и гражданские обязанности. В конце 1905 года Каульбарс не только не подавил волнения на флоте, но и пассивно прореагировал на погромы в Одессе¹⁹, что было истолковано Редигером как неуместная нерешительность. В течение первых месяцев 1906 года примерно 100 000 резервистов с Дальнего Востока возвращались через Одессу на родину. В связи с этим Каульбарс получил похвалу от Редигера: Его образ действий – послать навстречу офицерам корабли в Порт-Саид со свежими продовольственными товарами, и его обращения при встрече в гавани с резервистами – действовали успокаивающе и предотвратили новые беспорядки²⁰.

Подобные разносторонние наблюдения Редигера не меняли однако его общей оценки. Переданные ему Каульбарсом слухи о том, что офицеры его службы в Одессе якобы были не только жестокими, но и коррумпированными, являлись по его мнению свидетельством состояния армии²¹. Он видел коррупцию и неподчинение не только в войне с Японией, но также и при подавлении внутренних беспорядков во время революционных событий 1905 года. Каульбарс был для Редигера и не только для него примером несостоятельности военной элиты в целом, без ссылки на его этническое происхождение. Каульбарс служил в Одессе до 1919 года и в ходе революции ушел вместе с белыми в изгнание. В 1925 году он скончался в Париже.

Второй пример – Павел-Георг Эдлер фон Ренненкампф. Ренненкампф, также выходец из Эстляндии, родился в 1854 году и был на 10 лет моложе Каульбарса. В 1876 году он стал лейтенантом, в 1877 году – штабным ротмистром. В 1879–1882 гг. обучался в Академии генерального штаба в Санкт-Петербурге. По окончании академии в 1882 году ему было присвоено звание майора и он стал офицером генерального штаба. После различных карьерных ступеней в центральной России и в Литве Ренненкампф в 1889 году стал начальником штаба войск Забайкальской области. В 1900 году он участвовал в оккупации Маньчжурии в связи с боксерским восстанием. В 1904 году он стал командиром Забайкальской казачьей дивизии и генерал-лейтенантом. Во время боксерского восстания в Китае в

1900–1901 гг. он отличился как командир, в марте же 1905 года после Мукденской битвы его неоднократно упрекали в трусости. Он реабилитировал себя, борясь в Сибири против восставших в революции 1905 года. Ренненкампф усмотрел в этом задании шанс восстановить свою репутацию. В декабре 1905 года он получил задание установить порядок от Харбина вдоль транссибирской железнодорожной линии, в то время как его «партнер» генерал барон Меллер-Закомельский начал выполнять тот же самый приказ, но из Красноярска. Карательная экспедиция Ренненкампфа против отрядов, бунтовавших с осени 1905 года в Сибири и на Дальнем Востоке, протекла сенсационно. С помощью двух поездов, заполненных несколькими сотнями верных элитных солдат гвардейского полка, вооруженными пушками и пулеметами, Ренненкампф силой навел порядок и распустил в городах вдоль железнодорожной линии революционные комитеты, которые после окончания войны и в ходе демобилизации часто брали общественную жизнь под свой контроль. В конце января части Ренненкампфа и Меллера-Закомельского вместе вступили в мятежную революционную Читку и заставили восставших солдат сдать город. Таким образом Ренненкампф восстановил свою честь в глазах консервативной общественности и царя не подвигами на поле сражения, а крайне жестокими полицейскими методами против революции²². Общественная дискуссия о верности Ренненкампфа царю затихла на время²³. Тем не менее она возобновилась после 1906 года в связи с его оправдательными письмами²⁴.

Вышеупомянутый военный министр Редигер внутренне сомневался в квалификации Ренненкампфа еще и потому, что он не считал подобные штрафные экспедиции задачей армии и тем более офицеров. Работа «палача» вредит, по мнению Редигера, престижу армии, даже если они отмечены кратковременными успехами²⁵.

Конечно, у Редигера были возражения, не только относительно генералов, которым были поручены карательные экспедиции. Он также считал почти весь личный состав русских вооруженных сил недостаточно обученным, плохо настроенным и неспособным выдерживать нагрузки, которые принесли с собой война с Японией, и действия против беспокойных слоев населения. Это касалось и сухопутных войск и флота²⁶. Эскадры уступали японским кораблям не только с технической точки зрения. И офицеры, среди которых немецкие балтийцы встречались чаще, чем в сухопутных вооруженных силах, в силу нехватки опыта и устаревших тактических планов - по мнению Редигера - доказали свою неспособность воевать²⁷. Кроме того, личный состав и нижние офицерские чины флота были особенно подвержены воздействию политической агитации, как это показали восстания в Одессе, Либаве, Кронштадте, Севастополе и Владивостоке²⁸.

На этом фоне Редигер видел весьма непривлекательную картину общего состояния морского флота и предложил радикальные меры, выразившиеся в обновлении составов во флоте и в армии, и в частности, что важно, на всех уровнях. От старого состава должны были остаться на своих местах только служащие, необхо-

димые для режима содержания материальных средств²⁹. Редигер потерпел жестокую неудачу со своим проектом, что впоследствии лишило его возможности стать спасителем русской боевой силы накануне Первой мировой войны³⁰. Генералы и офицеры за малыми исключениями, несмотря на общественные и внутренние дискуссии, продолжали делать свою карьеру³¹.

Это касается и Ренненкампа после его карательной экспедиции на Дальнем Востоке. В начале Первой мировой войны ему поручили командование 1-ой русской армией, которая участвовала в захвате Восточной Пруссии. Действия Ренненкампа во время битвы у Танненберга в августе 1914 года были подвергнуты критике. После ряда поражений, в конце 1914 года он уволился из армии, так как его упрекали в некомпетентности и со всех сторон обвиняли в измене в связи с его немецко-балтийском происхождением. Ренненкампф совершенно отстранился от общественной жизни и переехал к Черному морю в Таганрог, где в 1919 г. был убит из-за отказа служить в Красной Армии.

В заключение я хотел бы сказать, что российские офицеры немецко-балтийского происхождения действовали на полях сражений на Дальнем Востоке соответственно общему состоянию военных сил царской империи. Интересно, что в германских докладах о военных действиях, несмотря на то, писались ли они военными профессионалами или журналистами, ощущался упрек в структурной неспособности реформирования российского офицерского корпуса, за исключением немецкоязычных офицеров. Часть же русской правой прессы, напротив, приписывала офицерам немецкого происхождения недостаточную готовность к действиям именно на основе их происхождения. Оба мнения были данью растущему с начала XX века национализму и оба были одновременно неверными. После 1905 года ложные обвинения в пангерманизме или панславянстве были испытанным средством в общественной дискуссии, однако они не соответствовали реальным условиям, в которых офицеры исполняли свой долг. Одно, вероятно, антинемецкие настроения сыграли свою роль: усадьбы представленных здесь балтийских аристократов Каульбарса и Ренненкампа принадлежали к тем, которые были сожжены эстонскими крестьянами во время революции 1905 года.

Царское самодержавие на полях сражений и в революционных волнениях доказало свою несостоятельность. Возможно, что немецко-балтийские генералы были в своих действиях неадекватны, но с другой стороны, было ясно, что государство не сможет надолго удержать свои привилегии³². Каульбарс и Ренненкампф оставались накануне и в ходе Первой мировой войны лояльными к царской империи. Были и другие представители их уровня и профессии, которые смотрели на империю с глазами, преисполненными надежды. Как показала революция семнадцатого года, этим надеждам не суждено было сбыться.

¹ Об этом см.: Jan Kusber, *Koloniale Expansion und die Wahrnehmung „Asiens“ um die Mitte des 19. Jahrhunderts: Das Beispiel Ivan A. Gončarov*. In: *Studia Eurasistica. Kieler Festschrift für Hermann Kulke zum 65. Geburtstag*. Hg. v. Stephan Conermann und Jan Kusber. Hamburg 2003, S. 189–211.

² См. сохранивший до сегодняшнего дня свою актуальность текст книги Б.А. Романова: *Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма*. Ленинград, 1928.

³ Tadayoshi Sakurai, *Human Bullets. A Soldiers Story of Port Arthur*. Boston 1907.

⁴ С дельнейшими указаниями на литературные источники: Jan Kusber, *Der Russisch-Japanische Krieg 1904–1905 in Publizistik und Historiographie. Anmerkungen zur Literatur über den «kleinen siegreichen Krieg»*. In: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas NF 42* (1994), S. 217–234.

⁵ David McLaren MacDonald, *United Government and Foreign Policy in Russia 1900–1914*. Cambridge, London 1992.

⁶ См. Мемуары С.Ю. Витте: S. Ju. Witte, *Erinnerungen*. Berlin 1923. Точка зрения о том, что внутривластическое состояние консервировалось посредством внешнеполитических успехов, подвергается по-прежнему дискуссии. Уже в начале войны ожидалось, что война может быть использована исходным пунктом для того, чтобы начать систематическую политику внутренних реформ. См. адресованное Николаю П письмо от 25.01.1904 года статского советника Клопова, рассматривавшего себя личным советником государя, однако так и не добившегося особого влияния: Российский Государственный исторический архив (далее – РГВИА). Санкт Петербург. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 8. Л. 14, 15.

⁷ См.: Barbara Vogel, *Deutsche Russlandpolitik 1900–1906. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow*. Düsseldorf 1973; Brigitte Löhr, *Die «Zukunft Russlands». Perspektiven russischer Wirtschaftsentwicklung und deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen vor dem Ersten Weltkrieg*. Stuttgart 1985.

⁸ См.: напр.: Leonard Haas (Hg.), *Der Russisch-Japanische Krieg 1904–1905. Augenzeugenberichte schweizerischer Militärbeobachter an den Fronten. Sonderbeilage zur Juninummer 1968 der «Schweizer Monatshefte»; Sir Ian Hamilton, Tagebuch eines Generalstabsoffiziers während des Russisch-Japanischen Krieges*. Berlin 1910; Newton A. McCully, *The McCully Report. The Russo-Japanese War 1904–1905*. Annapolis 1977.

⁹ См.: напр.: Gustav Krahrmer, *Russland in Ostasien (mit besonderer Berücksichtigung der Mandschurei)*. Leipzig 1899 (= *Russland in Ostasien*, IV).

¹⁰ Происходивший из рода Ревентлов, Эрнст Ревентлов поступил в 1888 году в императорский флот, где ему в 1898 году было присвоено звание старшего лейтенанта флота. В 1899 г. он вышел в отставку капитаном морского флота, чтобы попытать счастья плантатором в Центральной Америке. В 1905 году он вернулся в Германию и занялся деятельностью политического обозревателя. Позже он перешел к национал-социализму на основе своих антисемитских взглядов. См.: Michael Peters: *Reventlow, Ernst Christian Einar Ludwig Detlev*. In: *Neue Deutsche Biographie (NDB)*. Bd. 21, Berlin 2003, S. 476 f.; см., также: Walter Erdmann von Kalinowski, *Der Krieg zwischen Russland und Japan*. Berlin 1906.

¹¹ См.: Michael Epkenhans (Hrsg.), Albert Hopmann, *Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers» Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920*. Wien 2004. (Beiträge zur Militärgeschichte, Bd. 62)

¹² Некоторые из этих статей включены авторами в книгу. См.: Max Th. S. Behrmann, *Hinter den Kulissen des mandschurischen Kriegstheaters. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines Kriegskorrespondenten*. Berlin 1905.

¹³ См.: Admiralstab der Marine (Hg.), *Der Krieg zwischen Rußland und Japan 1904–1905*. 3 Bände. Berlin 1906–1908; Freiherr [Eberhard] von Tettau, *Achtzehn Monate mit Russlands*

Heeren in der Mandschurei. 2 Bände, Berlin 1907; Freiherr [Eberhard] von Tettau, Kuropatkin und seine Unterführer. Kritik und Lehren des Russisch-Japanischen Krieges. 2 Bände, Berlin 1913.

¹⁴ См.: напр.: Новое время № 10367. 15.01.1905. С. 3; № 10370. 18. 01.1905. С. 3.

¹⁵ См. также его дневниковые записи: Суворин А.С. Дневник. М., 1992.

¹⁶ См.: E. K. Nojine (Nožin), *The Truth about Port Arthur*. London 1908. Ножин был корреспондентом «Новое время», пишущим из Порт Артура.

¹⁷ См. подробно: Jan Kusber. *Krieg und Revolution in Russland. Das Militär im Verhältnis zu Wirtschaft, Autokratie und Gesellschaft*. Stuttgart 1997.

¹⁸ См.: Записки А.Ф. Редигера о 1905 г. // Красный Архив 45 (1931). С. 102–111. О личности Каульбарса см.: Patrick J. Rollins, Kaulbars, in: Joseph Wieczynski (Hg.), *The Modern Encyklopedia of Soviet and Russian History*, Vol. 16. Gulf Breeze 1980. P. 72–73. Каульбарс был известен как разведчик и географ на военной службе уже в семидесятые годы XIX века. В 1882 г. он служил в Болгарии военным министром. К его свите принадлежал Редигер.

¹⁹ Его роль дискутировалась Робертом Вейнбергом. См.: *The Pogrom Movement of 1905 in Odessa: a Case Study*, in: John D. Klier, Shlomo Lambroza (Hg.), *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*, Cambridge usw. 1992, P. 262 ff.

²⁰ См.: Записки А.Ф. Редигера // Красный архив 60 (1933) С. 104.

²¹ См.: Записки А.Ф.Редигера. С. 106.

²² См.: Jan Kusber, *Soldiers' Unrest behind the Front after the End of the War*. In: Kowner, Rotem (Hg.): *Rethinking the Russo-Japanese War. Volume I: Centennial Perspectives*. Folkestone 2007, P. 281–290.

²³ См.: РГВИА. Ф. 280. Оп. 1. Т. 5. Л. 5.

²⁴ См.: По реке Амур и в Маньчжурии. Военные записки генерала Павла фон Ренненкампа. 1904 г. Ч.1 // Военный сборник № 3, С. 89–108; № 4, С. 57–86; № 5, С. 55–86; Paul von Rennenkampf, *Der zwanzigtägige Kampf meines Detachements in der Schlacht von Mukden*, Berlin 1909.

²⁵ См.: РГВИА. Ф. 280, Оп. 1. Т. 5. Л. 4. См. также о негативной позиции Редигера по отношению к штрафным экспедициям и их командирам: Записки А.Ф. Редигера. С. 95, 103.

²⁶ Об этом см.: Peter Gatrell, *Government, Industry and Rearmament in Russia, 1900–1914. The Last Argument of Tsarism*. Cambridge 1994, P. 96 ff.

²⁷ См: *Admiralstab der Marine* (Hg.), *Der Krieg zwischen Russland und Japan 1904–1905*. В 3 тт. Berlin 1906–1908. Т. 3, С. 187; Curt Freiherr von Maltzahn. *Der Seekrieg zwischen Russland und Japan 1904/1905*. В 3 тт. Berlin, 1912. Т. 3, С. 171; Karl Galster. *Der Kampf der Hauptgeschwader in der Seeschlacht bei Tushima am 27. 5. 1905*. Wilhelmshaven 1906, С. 14; Reventlow, Т. 3, С. 281; а также анализы В. Золотарева, И. Кольцова. *Русско-японская война 1904-1905 гг. Борьба на море*. М., 1990. С. 173 (и след).

²⁸ См.: Назаренко Л.Б.. *Советская историография революционного движения во флоте в году первой русской революции*. Дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1980.

²⁹ См.: Записки А.Ф. Редигера. С. 95.

³⁰ См.: Там же. С. 96. См., также: Андреев В.А. После Мукдена и Цусимы // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 8. С. 3; Куцин В.В.. *Первая русская революция и военный аппарат самодержавия* // ВМУ. 1952. № 7. С. 64.

³¹ См.: Jan Kusber. *Die russischen Streitkräfte und der deutsche Aufmarsch beim Ausbruch des Ersten Weltkrieges*. In: Hans Ehlert u. a. (Hg.): *Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente*. Paderborn 2006, S. 257–268.

³² См.: C. Leonard Lundin, *The Road from Tsar to Kaiser: Changing Loyalties of the Baltic Germans, 1905–1914*, in: *Journal of Central European Affairs* 10 (1950) 3, P. 223–255.

Русско-японская война и немцы Поволжья

Вплоть до 1874 г., то есть почти 110 лет после переселения в Россию, немецкие колонисты Поволжья, как и некоторые граждане других национальностей (поляки, сербы, болгары, греки, армяне, карелы, большая часть мусульманских народностей и др.), фактически не призывались в армию России. Как свидетельствуют публиковавшиеся в периодической печати «Обзоры состояния и деятельности всех частей военного министерства», накануне принятия Устава о воинской повинности, в 1871 г. было принято на службу в армию только 58 немцев при общем наборе в 130 154 человека, в 1872 г. соответственно 38 немцев при общем наборе 132 066 человек¹.

Реформы Александра II коренным образом стали менять жизнь поволжских немцев. Одной из них была военная реформа 1860–1870-х годов. По замыслу Александра II, военная реформа должна была «преобразовать устройство военных сил Империи на основании указаний современного опыта»².

1 января 1874 г. рассмотренный общим собранием Государственного совета «Устав о воинской повинности» был утвержден Александром II. По этому поводу царем был подписан специальный манифест. Текст манифеста гласил: «Исходя из основного положения, что защита престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного, устав сей привлекает к участию в отправлении воинской повинности все мужское население»³.

В 1874 г. состоялся первый призыв по новому Уставу в Российско-императорскую армию. С этого времени колонисты начали ощущать на себе все тяготы воинской повинности. Призыву в армию подлежал каждый молодой человек, которому «к 1-му января того года, когда набор проводится, минуло 20 лет от роду»⁴. Отбор на воинскую службу осуществлялся методом жеребьевки («вытягиванием билетов») среди призывников. Однако непосредственно на военную службу призывалось значительно меньшее число поволжских немцев, чем количество подлежавших призыву. В первое двадцатилетие количество принятых на службу в армию немцев Поволжья составляло не более 29% назначенных к призыву.

Предвидя трудности привыкания немцев Поволжья к «новым условиям существования в России», с июня 1871 г. по 1881 г. власти разрешили колонистам эмигрировать в другие государства⁵. Как и ожидалось, первоначально «Устав о воинской повинности» вызвал у поволжских немцев страх и опасение за свое будущее и привел даже к некоторому усилению эмиграционного движения. Земские власти отмечали: «Выселение в Америку началось из Камышинского уезда с 1874-75 гг., тотчас по введении у колонистов воинской повинности, с этого времени и до 1881 г. преимущественно в первые годы этого периода) из 5 волостей вышло от 450 до 500 семей»⁶.

Постепенно колонисты успокоились и привыкли к воинской обязанности, поскольку призыв молодежи носил достаточно ограниченный характер. В Камышинском уезде Саратовской губернии было отмечено, что спустя несколько лет после введения всеобщей воинской повинности «...эмиграционное движение затихло, а с 1881 совершенно прекратилось»⁷. Как отмечал один из призывников-немцев тех лет: «Со временем, колонисты Поволжья стали рассматривать воинскую повинность как обычное дело и при чтении писем эмигрантов, в которых описывались тяготы жизни в Новом Свете, воинская служба представлялась как меньшее из зол»⁸.

Предвидя трудности в военном обучении солдат нерусских национальностей, генерал Драгомиров выступал с инициативой введения всеобщего изучения русского языка в «инородческих» школах. В конце 1880-х гг. стали предприниматься меры по принудительному введению преподавания русского языка в колонистских школах⁹.

Многие колонисты понимали, что большую часть трудностей военной службы можно избежать благодаря знанию русского языка, в этом также убеждали своих односельчан вернувшиеся со службы солдаты-немцы, они же и становились активными инициаторами изучения русского языка в колониях. Поэтому некоторые родители, зная, что их сыновья будут служить в армии, старались обучить своих детей русскому языку.

По окончании срока службы практически все военнослужащие-немцы в достаточной степени усваивали русский язык и могли общаться на нем с окружающими. Введение воинской повинности повлекло за собой процесс постепенного введения русского языка в обиход немецкого населения Поволжья, поскольку находившиеся в армии поволжские немцы вынуждены были жить и общаться в русскоязычной среде. В целом же служба в армии приобщала поволжских немцев к изучению русского языка, способствовала разрушению той изоляции, в которой они находились с момента поселения на Волге, помогая налаживанию и укреплению отношений со своими русскими соседями.

Отслужив в армии, демобилизованные солдаты с почетом возвращались в свои деревни. Они выгодно отличались от своих односельчан. Служба в армии, общение с представителями других национальностей расширяли их кругозор. Они выделялись дисциплиной, становились более крепкими. Опрятный, подтянутый солдат возвращался домой «настоящим» мужчиной, с более высоким социальным статусом. Как свидетельствовали колонисты, «на собрании общины они (бывшие солдаты) оттесняли старших и тех, кто не служил в армии, на задний план»¹⁰.

После окончания действительной военной службы призывники еще девять лет находились в запасе, то есть являлись резервистами, или, как тогда их называли, запасными. С момента введения всеобщей воинской повинности и вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 гг. резервисты никогда не призывались на действительную военную службу. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. немцев-резервистов еще не существовало, поскольку ни у одного колониста к

этому времени не завершился срок службы. В последующем, до 1904 г., пребывание колонистов в воинском резерве не накладывало на них каких либо особых обязанностей. Призывы на военно-учебные сборы осуществлялись крайне редко и к тому же были непродолжительными. Как правило, число призванных резервистов на сборы было невелико. К тому же сборы проводились на базе Саратовской местной бригады при условии соблюдения хозяйственных и материальных интересов населения¹¹.

Таким образом, первые тридцать лет существования в России всеобщей воинской повинности прошли для немцев Поволжья относительно благополучно и не повлияли сколько-нибудь существенно на их уклад и образ жизни. Потому отношение их к воинской повинности сформировалось вполне лояльным.

Ситуация несколько изменилась с началом Русско-японской войны, когда в Поволжье впервые была проведена массовая мобилизация резервистов. Мобилизация немцев-резервистов осуществлялась на базе 225-го запасного батальона, по мере комплектации воинских команд они отправлялись на Дальний Восток. По прибытию к месту назначения мобилизованные немцы распределялись по полкам. Большая часть поволжских немцев попала в: 1-й, 2-й, 5-й, 6-й, 18-й стрелковые полки, 1-й, 4-й, 6-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 20-й, 22-й, 23-й, 24-й, 33-й, 34-й, 35-й, 36-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, 33-й Елицкий, 34-й Севский, 35-й Брянский, 36-й Орловский, 121-й Пензенский, 122-й Тамбовский, 124-й Воронежский, 139-й Моршанский, 140-й Зарайский, 213-й Оровайский, 215-й Бузулукский, 241-й Орский, 283-й Бугульминский пехотные и 52-й Нежинский драгунский полк¹².

Негативное отношение поволжских колонистов к войне появилось сразу же после первых неудач на фронте. Русское командование оказалось слабо подготовленным к войне. Первые бои на реке Ялу и у ст. Вофонгоу оказались неудачными, русские войска потеряли около 3 тысяч человек. В числе погибших, раненных и пропавших без вести в боях на р. Ялу и у ст. Вофонгоу были и поволжские немцы, среди них: убиты стрелки 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка А. Тауль (Сосновской волости), Я. Меслер (Семёновской волости), ранены стрелки: Г. Герд (д. Колоновка Соломатинской волости), А. Шмит (с. Лесной-Карамыш), Л. Войскенберг (Норкинской волости), К. Остермиллер (с.Топовка Сосновской волости), Шваб (с.Булд. Буерак Усть- Кулалинской волости), пропал без вести стрелок 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка К. Мендо (с. Сосновка)¹³. Этот список далеко не полон, продолжавшаяся война требовала новых жертв.

Сейчас трудно определить общее число погибших, раненных и пропавших без вести поволжских немцев в годы Русско-японской войны. Известно лишь, что за годы войны попали в японский плен: 2321 католик, 370 лютеран; пропало без вести: 1517 католиков и 457 лютеран¹⁴ (среди католиков основная масса все же была поляками).

Первые поражения произвели тяжелое впечатление на русские войска и оказали существенное влияние на дальнейший ход боевых действий русской армии.

Неудачи подорвали веру солдат в своих военачальников и создали ошибочное представление о силе и возможностях противника¹⁵. Примерами непопулярности русско-японской войны среди немцев Поволжья являются воспоминания их потомков, живущих в Америке. «Большинство колонистов мало, что знали об истории России, скорее, они что-то слышали о «кайзере» Николае и о семье Романовых. Сохранилось много комментариев, анекдотов и рассказов о Русско-японской войне. Кривой генерал Куропаткин плохо руководил армией, проиграл войну, принес солдатам неисчислимые страдания и даже намеренно предал свою армию, связавшись с одной японкой»¹⁶.

Приходившие с фронта от солдат письма вызывали резко негативное отношение немцев к войне. Солдаты писали, что они не получают необходимого обмундирования и пищи, вынуждены голодать и питаться подножным кормом, спать под открытым небом, страдать от болезней, павших на поле боя приходилось хоронить без соответствующего религиозного обряда.

Война чувствительно ударила по всем сторонам жизни немецких колоний. Мобилизация в армию кормильцев тяжело отразилась на благосостоянии немецких семей. Земские начальники Медведицкой волости Аткарского уезда отмечали, что некоторые семьи из-за нехватки денег на существование вынуждены, были продавать овец¹⁷. В с. Ягодная Поляна Саратовского уезда «...очень часто наблюдалось уменьшение посевов и продажа скота. Некоторые семьи совсем не сеяли, а душевой надел сдавали за деньги»¹⁸. Земские власти Сосновской волости Камышинского уезда отмечали, что «война действует возбуждающе на народ, боятся будущих налогов или новой мобилизации»¹⁹.

Согласно циркуляру № 3 Министерства Внутренних дел от 25 февраля 1904 г., «семьи нижних чинов, находящиеся на фронте, по необходимости брались на попечение земства, городских и сельских обществ по принадлежности. На попечении состояли: жены, дети, а также престарелые родители, существовавших на иждивении призванных, оставшиеся без достаточных средств к жизни»²⁰. Эта помощь была для семей фронтовиков существенной, она оказывалась деньгами или натурой. При просмотре отчетов становится ясно, что в первую очередь помощь получали русские, а только затем немецкие семьи. Однако нельзя сказать, что колонисты совсем не получали помощи. В рапорте в Саратовское губернское по воинской повинности присутствие от исправника Камышинского уезда читаем: «Поселянке с. Каменка Марии Мюллер было отведено помещение для жизни, принадлежащее Каменскому волостному управлению, в связи с тем, что ее сын был убит на войне с японцами»²¹. Подобные случаи были, однако, единичными. Вероятнее всего, помощь поволжским немцам была малозначительной в силу сложившихся как у населения, так и губернского и земского руководства представления о «зажиточности» поволжских немцев. Поэтому вся тяжесть забот по опекунству над семьями мобилизованных немцев, ложилась на самих колонистов. Как отмечали земские начальники в с. Ягодная Поляна, «общество почти всем дает отопление»²².

Несмотря на то, что вера солдат в высшее руководство армии и страны была подорвана, поволжские немцы в боях с японцами показали себя хорошими воинами и патриотами России. Они с честью и достоинством выполняли свой воинский долг. Младший мастер 157-го Имеретинского стрелкового полка Антон Бернар был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» на орденской ленте св. Станислава для ношения на груди²³. За мужество и храбрость в разведках и бою у Сыфонлинского перевала Знаком отличия Военного Ордена²⁴ 4-й степени награжден младший унтер-офицер Вильгельм Кох²⁵. Этим же знаком были отмечены многие солдаты-немцы, вот некоторые из них: рядовой 139-го пехотного Моршанского полка А.Фишер²⁶, фельдфебель 140-го пехотного Зарайского полка А.Микс²⁷, старший унтер-офицер В.Клосс²⁸. Рядовой 5-го стрелкового полка А.Мейер был награжден за мужество и храбрость, проявленные под Мукденом²⁹. Когда не оставалось снарядов, стрелок 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Г.Шуверт собрал все имевшиеся на позиции боеприпасы и израсходовал их, отступая, вынес из боя тело убитого артиллерийского офицера³⁰. Рядовой 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка М. Тененбаум, будучи раненным, остался в строю³¹. К награде за Русско-японскую войну были представлены член Камышинской уездной управы Вейберт Карл Яковлевич, лекарь Фербер Николай Иванович³² и другие.

Русско-японская война отразила всю непродуманность мобилизационной политики российского правительства. Нередкими были случаи, когда солдаты на фронте, их семьи и дома были брошены государством на произвол судьбы. В это тяжелое время губернские власти практически самоустранились и переложили всю заботу о семьях солдат-фронтовиков на немецкие общины. Все это вызвало неприятие такой политики государства, находившее свое выражение в различных формах. Прежде всего резко вырос поток эмигрантов, причем значительная их часть покидала Россию нелегально. Страх перед новой войной, к которой как им казалось, они не имеют никакого отношения, гнал наиболее трудоспособную часть колонистов за границу. Поволжские немцы уже не были уверены, что в случае войны действия российского правительства будут справедливы и обоснованы, что оно не оставит без помощи и внимания семьи фронтовиков.

Никогда ранее не интересовавшиеся вопросами своего гражданства многие колонисты из-за нежелания идти на войну стали заявлять о своем германском подданстве, добиваясь возвращения на свою «историческую родину». То, что внезапно вспыхнувший «германский патриотизм» у колонистов, по сути, был лишь трюком, подтверждает география эмиграции. Пересекая границу Российской империи, поволжские немцы в подавляющем своем большинстве ехали не в Германию, а в Америку, подыскивая для себя более благоприятные места для проживания³³.

Окончание Русско-японской войны не уменьшило беспокойство поволжских немцев за своих членов семьи, призванных на службу в армию. Немцы Поволжья уже не были уверены, что завтра или послезавтра не начнется новая война. Возвратившиеся с фронта солдаты рассказывали правду о войне и плене.

Непродуманная политика государства в военном вопросе привела к падению авторитета армии и военной службы, росло количество уклонявшихся от призыва россиян разных национальностей. Одной из характеристик, ярко отражавших отношение поволжских немцев к военной службе, является количество не явившихся без уважительной причины на призывные пункты во время набора, а также число лиц, не поступивших в войска (недобора. – И.Ш.) после проведения призывной компании. В первые двадцать лет с начала призыва в поволжских колониях недобор новобранцев практически отсутствовал, а количество не прибывших на призывные участки призывников-колонистов не превышало количества не прибывших русских призывников. На основании приведенных выше данных можно опровергнуть утверждение Л. Г. Бескровного, как не соответствующее действительности, о том, что немцы были одной из национальностей, по вине которой в первые годы после начала призыва по Уставу 1874 г. происходил недобор³⁴.

Ситуация изменилась на рубеже XIX–XX столетий. В этот период количество уклонений от воинской службы ежегодно увеличивалось. Сложившуюся ситуацию журнал «Военный сборник» объяснял следующим образом: «С ростом вооруженных сил и с постепенным сокращением сроков действительной службы возрастал и контингент новобранцев, но далеко не пропорционально росту населения. Рост контингента более чем в полтора раза опередил естественный рост населения. Естественно, при таких условиях исполнение воинской повинности ложилось на население более тяжелым бременем, чем в первые годы, что и побуждало людей, мало проникнутых важностью этой повинности для государства, принимать всевозможные меры к уклонению от службы»³⁵. После Русско-японской войны, в связи с постоянным и существенным ростом армии, призыв немцев-волжан в армию принял значительно более широкий характер, чем в довоенный период, нанося все более заметный ущерб их хозяйству и традиционному укладу жизни.

Таким образом, увеличение количества призываемых в армию, мобилизация резервистов, последствия ужасов войны и распространение слухов о предстоящей войне явились основными причинами эмиграции поволжских немцев в последующее десятилетие после начала Русско-японской войны.

¹ См.: Обзор состояния и деятельности всех частей военного министерства за 1871г. // Военный сборник. 1872. №4. С. 167; Обзор состояния и деятельности всех частей военного министерства за 1872г. // Военный сборник. 1874. №4. С. 153.

² Манифест Александра II от 1 января 1874г. // Русский инвалид. 1874. 3 янв. С. 1.

³ Там же.

⁴ Устав о воинской повинности. 1 января 1874 г. // Реформы Александра II. М.: Юридическая литература, 1998. С. 339.

⁵ См.: Закон от 4 июня 1871г. «Об общественном устройстве и устройстве поселенцев-собственников (бывших колонистов) и о передаче их в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений» // Свод законов и постановлений о крестьянах. М., 1879. С. 362.

- ⁶ Сборник статистических сведений по Саратовской губернии Т. 11. Саратов, 1891. С. 57.
- ⁷ Сборник статистических сведений по Саратовской губернии Т. 11. Саратов, 1891. С. 57–58.
- ⁸ Цит. по: Long I. From Privileged to Dispossessed: The Volga Germans, 1860–1917. London and Linkoln, 1987. P. 37 .
- ⁹ См.: Томан И. Б. Хрестоматия по родному языку для немецких колонистских школ в России. Вторая половина XIX –начало XX вв. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М.: Готика, 1995. С. 347.
- ¹⁰ Лебсен П. Поселения в Поволжье. СПб., 1912. С. 116.
- ¹¹ См.: ГАСО. Ф.82. Оп. 1. Д.255. Л. 512; Д.282. Л.111.
- ¹² См.: Саратовские губернские ведомости. 1905. № 79, 81, 85, 92, 95; 1906. № 7-9, 13, 17, 18, 24, 44, 73.
- ¹³ См.: Саратовские губернские ведомости. 1906. 24 сент. С. 4.
- ¹⁴ См.: РГВИА Ф. 400. Оп. 32. Д. 331. Л. 59.
- ¹⁵ См.: История русско-японской войны 1904-05. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 153.
- ¹⁶ См.: Long I. From Privileged to Dispossessed: The Volga Germans, 1860-1917. London-Linkoln, 1987. P. 39.
- ¹⁷ См.: Оценочно-статистическое отделение саратовской губернской земской управы. Сборник сведений по Саратовской губернии за 1905г. Вып. 2. Отдел 2. Саратов: 1906. С. 93.
- ¹⁸ Там же. С. 86.
- ¹⁹ Там же. С. 108.
- ²⁰ ГАСО Ф. 82. Оп. 1. Д. 327. Л. 1.
- ²¹ ГАСО Ф. 82. Оп. 1. Д. 327. Л. 236.
- ²² См.: Оценочно- статистическое отделение саратовской губернской земской управы. Сборник сведений по Саратовской губернии за 1905г. Вып. 2. Отдел 2. Саратов: 1906. С. 100.
- ²³ См.: РГВИА Ф. 487. Оп. 1 Д. 450. Л. 95.
- ²⁴ Знаком отличия Императорского Военного Ордена святого великомученика и победоносца Георгия награждались за доблесть в боях рядовые и унтер-офицеры. Военный знак носился на георгиевской ленте и имел 4 степени: 1-я и 2-я золотые кресты, 3-я и 4-я серебряные. С 1913г. Знак отличия стал именоваться Георгиевским крестом.
- ²⁵ См.: Русский инвалид. 1904. 26 сент. С. 4.
- ²⁶ См.: Там же. 11 сент. С. 4.
- ²⁷ См.: Там же. 1904. 23 окт. С. 4.
- ²⁸ См.: Там же.
- ²⁹ См.: Русский инвалид. 1905. 22 мая. С. 5.
- ³⁰ См.: РГВИА Ф.487. Оп. 1. Д. 648. Л. 3.
- ³¹ См.: Русский инвалид. 1905. 2 февр. С. 6.
- ³² См.: ГАСО Ф. 417. Оп. 1. Д.137. Л. 17; Д.366. Л. 5.
- ³³ См.: ГАСО Ф. 82. Оп. 1. Д. 504. Л. 179, 180.
- ³⁴ См.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 91.
- ³⁵ См.: Об отношении народностей России к исполнению воинской повинности // Военный сборник. 1915. №1. С. 140.

Миграции немецкого населения на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг.: версии, факты, заблуждения

Проблема исторического феномена немцев как «народа в пути» весьма актуальна применительно к российскому Дальнему Востоку, где немецкое население формировалось посредством прямых и обратных миграций. Однако в отличие от многих других регионов России, которые достаточно хорошо исследованы по данному вопросу, Дальний Восток во многом остается «белым пятном». Особенно «туманным» является период 1930-х годов. Историография проблемы ограничена несколькими статьями дальневосточных исследователей, в которых к тому же из-за недостатка источниковой базы имеются спорные утверждения. В частности, распространение получили следующие версии, которые мы считаем необходимым подвергнуть дискуссии, тем более что ни одна из них не подкреплена полноценными ссылками на источники:

1) В конце 1930-х гг. на Дальний Восток прибыла большая группа немецких переселенцев, которые образовали в Тамбовском районе Амурской области семь немецких колхозов.

2) В 1930-е гг. в регион были переселены от 18 тыс. до 24, 4 тыс. немцев, из них в Амурскую область – около 2 тыс. чел. Вариации: эти переселенцы рассматриваются как принудительные мигранты (спецпоселенцы) или форма их переселения не оговаривается. Районами расселения считаются Тамбовский, Константиновский, Ивановский, Селемджинский, Мазановский, Верхнебурейский. Причем последние три района, наиболее суровые для проживания, названы либо как изначально основные, либо как районы вторичного переселения внутри региона, произведенного в годы массовых депортаций.

Попытаемся проследить происхождение этих версий. Впервые в отечественной литературе проблему истории советских немцев на Дальнем Востоке поставил журналист из Комсомольска-на-Амуре А.С. Сутурин в книге «Дело краевого масштаба» (1991 г.), один из очерков которой посвящен немецкому населению Амурской области 1930-1940-х гг. Опираясь на свидетельства очевидцев, письма, интервью и документальный материал, публицист рассказал о трагической судьбе людей в период сталинских репрессий. Однако, воздавая должное автору, нельзя не учитывать того, что в годы его работы над книгой необходимые архивные документы еще только начали приоткрываться, а в большинстве оставались засекреченными. С позиции сегодняшнего дня ясно, что в работе имеются некоторые фактологические неточности и ошибки. В частности, в очерке приводится интересный материал о немецкой колонии в Тамбовском районе Амурской области, на базе которой были образованы семь колхозов – «Энергия», «Штерн», «Источник», «Роте-фане», «Сигнал», им. Лаврентьева и им. Тельмана. Однако автор

ошибочно считал, что они были созданы переселенцами, прибывшими в регион в конце 1930-х гг.¹ Между тем, этот фрагмент до сих пор является наиболее цитируемым в исторических исследованиях. Ниже мы остановимся на нем подробнее, а пока продолжим историографический обзор.

В 1992 г. практически дословно, с небольшими сокращениями очерк о немцах был перепечатан в благовещенской «Амурской газете», причем авторство А.С. Сутурина не указывалось, но давалась пометка, что материал к публикации подготовил С. Жариков². В 1998 г. в другой газете («Амурская правда») вышла еще одна публикация – «Крестный путь советских немцев» за подписью начальника отдела информации УВД Амурской области В. Гамермана. Проблема оставалась она в принудительные миграции и трудоустройство немцев, но раскрывалась она в более широких хронологических рамках – вплоть до середины 1950-х гг. В газетной статье нет прямых ссылок на источники, но из самого текста видно, что автор пользовался как публикациями (в том числе очерком А.С. Сутурина и исследованиями общероссийского плана), так и некоторыми документами, позволившими ему ввести в научный оборот новые факты.

К сожалению, в статье оказались некоторые «невнятности» и «странности». Так, ссылаясь на архив спецпоселений (без указания точного названия архива, номеров фондов, описей и дел), автор сообщил: «На Дальний Восток к 1935 г. было доставлено 24420 чел., в т.ч. в Хабаровский край – 18420, в Амурскую область – 1718. Прибывших расселили по селам и деревням по несколько семей»³. Эта фраза размещена в тексте таким образом, что возникает впечатление, будто приведенные цифры относятся именно к немцам-спецпоселенцам. Вслед за А.С. Сутуриным В. Гамерман связывает создание вышеперечисленных семи немецких колхозов в Тамбовском районе с переселенцами конца 1930-х гг. Те же числа – 18 тыс. и 1,7 тыс. – удивительным образом повторяются у него в отношении немцев, прибывших в Хабаровский край и Амурскую область, но уже в годы Великой Отечественной войны.

В публикации упоминается также об одной из записок руководства ГУЛАГа на имя Берия (без даты, но ясно, что не ранее конца 1938 г.), в которой говорилось: «В Ярославской области проживает 3121 чел. немецкой национальности, в том числе членов ВКП(б) – 41, членов ВЛКСМ – 124. На учете сомнительных лиц – 91. В целях предотвращения антисоветской работы со стороны проживающих в Ярославской области немцев НКВД СССР считает целесообразным сомнительные элементы арестовать, а оставшуюся часть немецкого населения в количестве 2865 переселить на Дальний Восток». В августе 1939 г., – отмечает В. Гамерман, – Берии доложили, что немцев расселили целыми колхозами и совхозами. Были ли это выселенцы из Ярославской области или откуда-либо еще – не уточняется.

Однако, несмотря на эти «несстыковки», из-за отсутствия другой более обстоятельной информации некоторые дальневосточные исследователи использовали сведения В. Гамермана в своих работах. Так, Н.А. Шиндялов в небольшой публи-

кации (2001 г.) писал (без сноски), что в годы первых пятилеток «вместе с тысячами переселенцев из российских областей на Дальний Восток прибыло ... более 18 тыс. немецких переселенцев, в том числе в Амурскую область более 2-х тысяч человек»⁴.

Данные о 24,4 тыс. чел., вселенных в спецпоселки региона в 1935 г., практически дословно повторяет в кандидатской диссертации и изданной на ее основе монографии (2005 г.) благовещенский историк С.А. Головин. Но в отличие от В. Гамермана, он уверенно относит их к населению «немецкого происхождения» и дает точную ссылку на источник – архив УВД Амурской области с номерами дела и листа⁵ (к сожалению, наше обращение в этот архив не подтвердило наличие указанного дела). Сравнив полученные результаты с материалами переписи 1939 г., автор не мог не обнаружить, что получается уменьшение на 17 тыс. чел. Эти потери он объяснил спецоперацией по аресту немцев и их высылкой за пределы ДВК, опять же не подтверждая свое объяснение источниками и не составив труда выяснить реальные масштабы репрессий в отношении немцев на Дальнем Востоке⁶.

Что касается указанных 24,4 тыс. чел., то С.А. Головин «распределил» их по территории следующим образом: «Некоторым из них для расселения были выделены пахотные земли (в Ивановском и Константиновском районах Амурской области). В Тамбовском районе Амурской области советские немцы создали семь колхозов ... (те же названия, что и у А.С. Сутурина. – Е.Ч.). Основную же часть немецких переселенцев разместили в труднодоступной местности Селемджинского, Мазановского и Верхнебурейского районов, большая часть их работала в тайге, на строительстве объектов народного хозяйства»⁷.

Еще одна статья, посвященная антинемецким сталинским репрессиям в Амурской области, была опубликована в 2005 г. в журнале «Дальний Восток». Ее автор хабаровский исследователь д.и.н. В.В. Романов привлек ценные архивные материалы, в том числе, очевидно, уголовно-следственные дела репрессированных, однако формат журнала (художественно-публицистический) продиктовал отсутствие сносок на источники. Раскрывая проблему, автор остановился и на истории формирования немецкого населения в регионе. Но цифровой материал, опубликованный В. Гамерманом и С.А. Головиным, он использует более осторожно, не связывая напрямую со спецпоселками. «По некоторым данным, – говорится в статье, – к 1935 году на Дальний Восток было переселено около 25 тысяч немцев, из них большая часть, свыше 18 тысяч, размещалась на территории Хабаровского края. В то время, до начала массовых репрессий, порядок их расселения был несложным. Как правило, по несколько семей расселялись по селам и деревням. Обычными местами спецпоселенцев являлись суровые в климатическом плане Селемджинский, Мазановский, Зейский, Верхнебурейский и другие северные районы»⁸. В отличие от предшественников В.В. Романову удалось обнаружить документы о

немецких колхозах в Амурской области, относящиеся к 1931-1934 гг., поэтому он не воспроизвел версию об их создании переселенцами конца 1930-х гг.⁹

Мы поставили цель попытаться найти источники и уточнить, как все же происходила миграция немецкого населения на Дальнем Востоке в 1930-е гг. Поиск документального материала осуществлялся нами в центральных государственных¹⁰ и в региональных¹¹ архивах, для анализа привлечены также материалы переписей населения (см. табл.1).

Таблица 1.

Динамика численности немцев на советском Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. по данным переписей населения (чел.)

Края и области	1923	1926	1939
Приморский край	1233	997	1911
Хабаровский край	144	492	3403
Амурская область	581	806	1688
Сахалинская область	нет св.	29	463
Камчатская область	нет св.	18	142
Всего	1958	2342	7607

Примечание: данные условно адаптированы к современным территориально-административным границам.

Переписи показывают, что в 1920–1930-е гг. в регионе стабильно росла численность этнических немцев. В 1939 г., по сравнению с 1926 г., их стало больше в 3,2 раза или на 5265 чел. Наибольший прирост произошел в Хабаровском крае, он составил 2911 чел. (или в 6,9 раза), в Приморье – 914, Амурской области – 882, Сахалинской области – 434, на Камчатке – 124 чел. Несомненно, такая динамика могла произойти только при преобладающем значении миграций. Какие же потоки немецких мигрантов повлияли на это? Из подтвержденных достоверными источниками мы можем назвать плановое сельскохозяйственное переселение 1927 г. и внеплановое «эмиграционное» рубежа 1920-х и 1930-х гг.

В 1920-е гг. треть немцев-дальневосточников проживала в городах, остальные в значительной массе были сосредоточены в селах, основанных немецкими переселенцами еще в дореволюционное время. Основными сельскими районами концентрации немцев были Завитинский и Тамбовский районы Амурской области, Спасский и Ивановский районы Приморья (в 1932–1938 гг. – Уссурийской области). Во второй половине 1920-х гг. правительство организовало плановое сельскохозяйственное переселение на Дальний Восток, в числе новоселов были и немцы. Так, согласно официальному документу 1939 г., в Тамбовский район Амурской области в 1927 г. прибыло до 200 немецких семей из Славгородского округа Западной Сибири и Таврической губернии Украины. Именно они в период

коллективизации организовали 8 немецких колхозов – «Энергия», «Штерн», «Источник», «Роте-фане», «Сигнал», им. Энгельса, им. Тельмана, «Арбейт»¹³ (колхоз им. Лаврентьева среди немецких колхозов в данном источнике не назван, возможно, он был переименован в им. Энгельса) (см. табл.2).

Таблица 2

**Немецкие колхозы Тамбовского района Амурской области
в 1930-е гг.¹⁴**

Колхоз	Год создания	Число хозяйств						
		1930	1934	1935	1936	1937	1938	1939
им. Тельмана	1930	32	18	21	18	28	39	...
Штерн	1931		28	30	28	30	32	...
им. Энгельса	1930	28	20	24	29	30	30	...
Энергия	1930	...	40	39	41	44	47	...
Роте-Фане
Сигнал
Источник
Арбейт	1930	32	-	-	-	-	-	-
Всего	242

Примечание: отточие означает отсутствие сведений.

В селах Спасского района Уссурийской области, где к началу 1932 г. проживало 360 немцев, было создано 2 колхоза, куда вошли 292 чел. (58 хозяйств). В деревне Гринталь действовала промысловая артель «Красный Бондарь»¹⁵. По данным И.О. Сагитовой (интервью со старожилами), многие немцы в Приморье жили хуторами и предпочитали вести единоличные хозяйства¹⁶.

Новым миграционным явлением на рубеже 1920-х и 1930-х гг. стало прибытие в приграничные районы Дальнего Востока немцев с Алтая и некоторых других областей СССР с целью нелегальной эмиграции через советско-китайскую границу¹⁷, что они частично и осуществили. К сожалению, не известно точно, сколько «эмиграционно настроенных» немцев вселилось в регион, исследователи считают – несколько сот семей. По данным ОГПУ, с февраля по май 1929 г. в Китай, а оттуда в Канаду удалось нелегально перебраться 175 семьям крестьян Омского и Славгородского округов. К осени того же года еще 300 чел. перешли границу и ушли в Харбин¹⁸, а в декабре 1929 г. к ним добавились 72 семьи (около 500 чел.), проживавшие во Владивостокском и Амурском округах¹⁹. В конце 1930 г. по замерзшему льду р. Амура через границу бежали все жители пос. Шумановка и Фриденсфельд Тамбовского района, члены колхоза «Арбейт» – 202 немца-меннонита (32 хозяйства), в результате чего колхоз «Арбейт» перестал существовать²⁰. В 1932–1933 гг. их число дополнили еще 17 немецких семей: в Китай бежали из колхозов «Ис-

точник» – 8 семей, «Энергия» – 5, «Роте-Фане» – 3, «Сигнал» – 1²¹. Таким образом, суммарное количество немцев – нелегальных эмигрантов с Дальнего Востока составляло порядка 2 тыс. чел.

Часть немецких жителей в эти годы из Амурского округа переселялась также дальше на восток России, в том числе на Сахалин, где за короткий срок (с 1926-го по 1931 г.) их численность возросла с 29 до 322 чел.²² Другие же в период раскулачивания возвратились обратно в Западную Сибирь или на Украину.

В 1930-е годы в СССР начались массовые принудительные миграции. Однако современное изучение этих процессов относительно российских немцев, как правило, географически не распространяется восточнее Сибири. Все сколько-нибудь известные исследования, посвященные и 1930-м, и 1940-м годам, среди районов выселения рассматривают европейскую часть страны, а районов вселения – в основном Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. Между тем, на Дальнем Востоке в указанные годы также практиковались как вселения, так и выселения немцев.

В 1930-е гг. часть немцев на Дальнем Востоке не могла не попасть в число принудительных выселенцев в общем потоке репрессированных граждан в результате раскулачивания, паспортизации, административных «чисток», арестов и отправки в исправительно-трудовые лагеря. Однако переселения осуществлялись в основном внутри региона. Так, 1 января 1931 г. на заседании секретариата Далькрайкома ВКП(б) рассматривался вопрос «О состоянии немецких колхозов», по которому были одобрены мероприятия ПП ОГПУ о выселении «самовселившихся в 1929-1930 гг. эмиграционно настроенных немцев» за 100-км полосу²³. В 1932 г. в связи с раскулачиванием из немецких сел Тамбовского района было выселено до 25 семей²⁴ (все раскулаченные на Дальнем Востоке переселялись в труднодоступные районы этого же региона). В целом же по Дальнему Востоку ни точных, ни даже приблизительных количественных показателей по этой категории мигрантов выяснить не удалось. Тем не менее данные табл.2 свидетельствуют, что значительных колебаний числа хозяйств – членов колхозов не произошло, за исключением колхоза им. Тельмана, который в 1937 г. принял 11 новых переселенческих семей (национальная принадлежность новоселов не известна)²⁵. Выбытия же в каждом из колхозов по разным причинам составляли в среднем по 1–3 хозяйства в год. Если судить по четырем колхозам – им. Тельмана, им. Энгельса, «Штерн» и «Энергия», – то оттуда, согласно документам, в 1934–1938 гг. выбыло 29 хозяйств, в то же время общее увеличение составило 42 хозяйства, для чего необходимо было вступление в колхоз 71 новой семьи. Это могли быть как переселенцы, так и бывшие местные единоличники. Скорее всего, шел процесс доприселения вновь прибывших мигрантов в существовавшие колхозы мелкими партиями (однако отметим, что большую часть переселенцев этих лет на Дальнем Востоке составляли демобилизованные красноармейцы и их семьи). Немцы, очевидно, прибывали также и в города региона в рамках промышленного переселения как рабочие и служащие. Но это не были специально организованные этнические миграции, и в

статистике того времени их национальный состав не учитывался. Таким образом, версия о переезде в регион немцев в общем потоке переселенцев 1930-х гг. находит косвенное подтверждение. Масштабы этого процесса в Амурской области вполне могли быть в пределах 1,7 тыс. чел., что укладывается и в рамки межпереписного демографического прироста с учетом выбытия. Однако по Хабаровскому краю никаких следов 18-тысячного пополнения немецкого населения и вселения немцев целыми колхозами нами не найдено.

Мы предприняли попытку найти недостающий материал также в отчетных документах по выполнению планов межобластных добровольных сельхозпереселений конца 1930-х гг. (РГАЭ, ф.5675), однако они не дают ответа: мигранты выезжали из нескольких областей РСФСР, УССР и БССР, в каждом из потоков могли оказаться и немцы. Но подтверждения этому нами не найдено, более того, в обнаруженной характеристике национального состава сельских мигрантов, прибывших на Дальний Восток в сентябре-декабре 1939 г., немцев не значится²⁶. Кстати, Ярославская область в списке районов выхода мигрантов на Дальний Восток этих лет отсутствует. Но нами выявлена следующая информация. В 1939 г. проходило переселение жителей из районов Ярославской области, входивших в зону затопления в связи со строительством Рыбинского гидроузла. Переселенческий Отдел НКВД СССР считал возможным провести в этих районах вербовку для переселения в Сибирь и на Дальний Восток, для чего в Ярославскую область был послан специальный уполномоченный, который после изучения вопроса на месте предложил вести вербовочную работу в трех сельскохозяйственных районах, где на 20 февраля 1939 г. оставались не переселенными 5014 хозяйств. В том же году в переселенческие органы поступило большое число заявлений как от колхозников, так и от рабочих и служащих области, желавших переехать на Дальний Восток. К сожалению, итоговых документов по этому сюжету найти не удалось. Однако в отчете Переселенческого управления при СНК СССР за 1939 г. по стране в целом Ярославская область среди мест выхода в межобластных переселениях колхозников не значится²⁷.

Что же касается упомянутой В. Гамерманом записки для Берия с предложением о выселении из Ярославской области 2,8 тыс. немцев, то, во-первых, по характеру текста она сильно ассоциируется нами с документами начала войны, во-вторых, указанные лица в связи с их «неблагонадежностью» должны были проходить в статусе не добровольных переселенцев, а, как минимум, административно выселенных, но вовсе не обязательно спецпоселенцев, в-третьих, не ясно, было ли это предложение реализовано и, если было, то когда. В современной литературе не вызывает сомнений факт принудительного переселения отдельных групп немцев из различных районов европейской части СССР в 1930-е – первой половине 1941 гг.²⁸ Так, А.А. Шадт выделяет этот период как предварительный (до массовых депортаций военного времени) и справедливо отмечает, что «основной чертой данного этапа стал социальный, классовый характер депортаций в отличие от

ярко выраженного национального на последующих этапах. Точных цифр по довоенному переселению немцев нет. Их установление дело будущего»²⁹. Ни в одном исследовании Дальний Восток не назван в числе мест принудительного вселения немцев этого периода.

Мы считаем, что приведенные В. Гамерманом цифры не относились к немецкому населению. В противном случае они выглядят весьма высокими при сравнении их с общей численностью спецпоселенцев на Дальнем Востоке, с одной стороны, и материалами переписи 1939 г., – с другой. Всего в ДВК на 1 января 1934 г. состояло на учете 46 495 спецпоселенцев, к 1 января 1940 г. их число сократилось до 26 540 чел.³⁰ Если бы указанные В. Гамерманом и повторенные С.А. Головиным данные относились к немцам, то последние составляли бы от половины до трети всех спецпоселенцев в регионе, что довольно много. Причем такая специфика должна была обязательно отразиться в документах спецпоселенческих и партийных органов ДВК, но этого нет. Более того, имеются прямо противоположные сведения: в официальном статотчете соответствующего отдела ГУЛАГа НКВД о национальном составе трудпоселенцев на 1 июля 1940 г. сообщается, что немцев среди них насчитывалось в Приморском крае – 1 чел. (из общего числа 1017), в Хабаровском крае – 17 чел. (из 25 700)³¹.

Кроме выявления необходимых материалов в фондах государственных центральных и дальневосточных архивов, мы обращались также в архив УВД Амурской области³², где методом случайной выборки проанализировали ряд личных дел бывших спецпоселенцев-немцев Амурской области. В одном случае фигуранткой дела была немка, принудительно выселенная в 1930 г. из Днепропетровской области на спецпоселение в г. Зея, во всех остальных – это были либо местные уроженцы, либо лица, переселившиеся ранее на Дальний Восток добровольно и взятые на учет спецпоселений в 1946 г.

Теперь о переписи 1939 г.: при справедливости информации В. Гамермана налицо будет уменьшение на 17 тыс. чел. по сравнению с 1926 г. Куда исчезло недостающее число, если о массовых депортациях немцев с Дальнего Востока в 1935–1939 гг. ничего не известно? Правда, имеются свидетельства старожилов Приморья о том, что большинство жителей немецких хуторов Спасского района Уссурийской области было выслано в Сибирь весной-летом 1937 г.³³ Упоминание о такого же рода выселении немцев мы находим в монографии П.М. Поляна, который вскользь замечает (без ссылки), что вместе с выселенными в 1937 г. корейцами были «прихвачены» и по несколько сот человек некоторых других этнических групп, включая немцев³⁴ (но не 17 тыс.!). Что касается потерь в связи с репрессиями, то, по нашим данным, они также были на два порядка меньше³⁵. Например, в селах Тамбовского района, по данным районного НКВД, в связи с т.н. немецкой операцией в 1937–1938 гг. были арестованы 154 чел., из которых 132 чел. к середине 1939 г. освободили³⁶. Согласно сведениям Н. Охотина и А. Рогинского, в ДВК число лиц, осужденных по этой операции с ее начала по 15 ноября 1938 г. в

«альбомном порядке» и особыми тройками, составляло 41 чел., из них 30 чел. – к высшей мере наказания и 11 – к другим мерам³⁷. Мы считаем, что указанное число занижено. По данным Приморского отделения общества «Мемориал», только в Приморском крае в «немецкую операцию» было расстреляно не менее 41 немца, из них 34 приговора было вынесено в НКВД СССР в один день – 28 августа 1938 г. Всего же в 1937-1938 г. в существовавших тогда Приморской и Уссурийской областях было расстреляно не менее 81 немца, в том числе 17 красноармейцев в возрасте 22–27 лет³⁸. К этому следует добавить неизвестное, к сожалению, число тех, кто был отправлен в исправительно-трудовые лагеря. На Сахалине так же в один день – 27 июля 1938 г. – решением ОСО были приговорены к заключению в лагерях 17 немцев, арестованных в феврале-марте 1938 г.³⁹, а 23 августа 1938 г. там расстреляли 18 чел., абсолютное большинство которых – немцы⁴⁰. Общее же число лиц этой национальности, репрессированных в разные годы в Сахалинской области по ст.58 УК РСФСР, составляет не менее 99 чел.⁴¹ И все-таки, несмотря на наши поправки, число немцев, арестованных и осужденных в годы Большого террора, на Дальнем Востоке было значительно меньше, чем в других регионах страны, и вряд ли могло достигнуть нескольких тысяч. Объяснялось это, скорее всего тем, что общая численность немецкого населения в регионе и их локальная концентрация были сравнительно небольшими.

Сопоставление и анализ документов приводит нас к выводу, что указанные В. Гамерманом 24,4 тыс. чел. могли относиться ко всем спецпоселенцам (независимо от этнической принадлежности), доставленным в Хабаровский край, в состав которого в те годы входила и Амурская область (эти данные были ошибочно восприняты другими авторами как относящиеся к немцам и привели к тиражированию данного заблуждения в публикациях). Однако и в этом случае не совсем ясно, к какому году привязано указанное число, поскольку уже в 1930–1931 гг. в ДВК было завезено более 34 тыс. спецпоселенцев из других регионов страны, а именно: из БССР, УССР, Татарской АССР, Средне-Волжского края, Центрально-Черноземной области⁴². В последующие годы десятилетия массового притока этой категории принудительных мигрантов на Дальний Восток не происходило.

Вернемся к упомянутому В. Гамерманом отчету, поступившему из Амурской области на имя Берия в августе 1939 г., о том, что немцев расселили целыми колхозами и совхозами. Нам представляется, что в нем речь могла идти о результатах как плановых сельхозпереселений на Дальний Восток, так и принудительно-административных, включая переселения из приграничных в тыловые районы внутри региона в рамках специальной кампании по общей «очистке» пограничной зоны в предвоенный период. Эта «чистка» была нацелена на разные группы т.н. «неблагонадежного» населения края, в том числе и на членов немецких колхозов Тамбовского района, которые располагались на расстоянии от 12 до 30 км от государственной границы. Постановлением Бюро Хабаровского КК ВКП(б) от 29 мая 1939 г. было решено переселить их из Тамбовского в Мазановский район

Амурской области. К этому времени немецкие колхозы объединяли 242 хозяйства, в которых насчитывалось 1116 чел.⁴³

Но и с данным эпизодом не все ясно. После принятия постановления Хабаровского крайкома партии подготовка к переселению, несомненно, велась. Об этом свидетельствует, например, доклад начальника Тамбовского РО НКВД секретарю РК ВКП(б) «О состоянии немецких колхозов» на 20 июня 1939 г., в котором помимо прочей информации было перечислено все движимое и недвижимое имущество немецких колхозов с его оценочной стоимостью⁴⁴. Однако, когда в 1941 г. в связи с начавшейся войной готовилось переселение дальневосточных немцев в Селемджинский и некоторые другие труднодоступные районы края, в официальных документах вновь отмечалось, что основная масса немецкого населения Амурской области проживает в колхозах Тамбовского района. Это означает, что в 1939 г. переселение из Тамбовского в Мазановский район по каким-то причинам не состоялось. По крайней мере, в полном составе колхозов. А вот в конце 1941 – начале 1942 г. такая акция с полным охватом немецкого населения была проведена, всего по области ей подверглось порядка 2,5 тыс. чел.⁴⁵ Дополнительное вселение немецких мигрантов из других регионов СССР в Тамбовский район в конце 1930-х гг. было невозможно по соображениям «безопасности приграничной территории», но пополнение переселенцами других («более благонадежных») национальностей активно шло, что приводило к определенному размыванию этнического состава немецких сел. Так, на заседании бюро Тамбовского РК ВКП(б) 30 сентября 1939 г. был утвержден план вселения 125 семейств на 1939-1940 гг. в колхозы им. Петровского, «Красное знамя», «На страже Октября», «Знамя Ленина», «Ильич», «2-я Приамурская»⁴⁶. Колхозы же, бывшие ранее немецкими, с конца 1941 г. таковыми быть перестали, но сохранили свои названия, о чем свидетельствуют документы Тамбовского РИКа за 1941–1943 гг. В итоге мы не находим пока хронологической и территориальной привязки к вышеназванному отчету на имя Берия (если в нем речь идет именно о переселенцах-немцах).

Таким образом, выявленные к настоящему времени источники доказывают, что немецкие колхозы Тамбовского района Амурской области были организованы переселенцами, прибывшими не в конце 1930-х, а в конце 1920-х гг. Не подтверждается также распространенная версия о том, что в 1930-е гг. на Дальний Восток извне было переселено более 20 тыс. немцев (ни принудительно, ни добровольно). Но миграция их в более скромных масштабах, несомненно, осуществлялась. Что же касается «распределения» немецких переселенцев в 1935 г. по районам Амурской области, данного С.А. Головиным (см. выше), то, на наш взгляд, в нем соединены события разных этапов, из которых размещение немцев в труднодоступной местности Селемджинского и Верхнебурейского районов приходится на годы войны, а по остальным районам – на более раннее время. Известный к настоящему времени материал по нашей проблеме ставит больше вопросов, чем

ответов. Перед исследователями стоит задача дальнейшего поиска и анализа необходимых источников.

¹ См.: Сутурин А.С. Немцы на Дальнем Востоке? // Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1991. С.215–216.

² См.: Трагедия Амурских немцев / подготовил к публикации С. Жариков // Амурская газета. Благовещенск, 1992, 6-12 июня. № 27. С.13.

³ Гамерман В. Крестный путь советских немцев // Амурская правда. Благовещенск. 1998. 29 июля. Приложение «Порубежье». С.3.

⁴ Шиндялов Н.А. Немецкая диаспора на Амуре // Российская цивилизация и мир: проблемы взаимоотношений: Сб. науч. трудов по материалам межд. науч. конф. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2001. С.7.

⁵ См.: Головин С.А. Дальний Восток РСФСР в 20–30-е гг. XX века (аспекты репрессивной политики). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С.297, 310.

⁶ См.: Там же. С.298.

⁷ Там же. С.297.

⁸ Романов В.В. «Германский заговор» в амурской деревне. По следам политических репрессий // Дальний Восток. Хабаровск, 2005, № 2. С.132.

⁹ См.: Там же. С.131–132.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ).

¹¹ Государственный архив Хабаровского края (далее ГАХК), Государственный архив Приморского края (ГАПК), Государственный архив Амурской области (далее ГААО), Архив УВД Амурской области.

¹² Таблица составлена автором по: Статистический ежегодник. 1923-1925. 1-я часть. Хабаровск, 1926. С.20; Статистический ежегодник 1927 года. Вып.1. Социальная статистика. Труд. Профессиональное движение. Хабаровск-Благовещенск: Дальневост. краевое стат. управление, 1928. С.6, 7; Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. Дальний Восток РСФСР: Основные итоги: Сб. документов / Сост. С.А. Головин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С.384.

¹³ См.6 ГААО. Ф. П-14. Оп.1. Д.192. Л.1.

¹⁴ Таблица составлена автором по: ГААО. Ф.П-14. Оп.1. Д.175. Л.22, 92, 106; Д.192, Л.1,2; Ф.376. Оп.1. Д.30. Л.94.

¹⁵ Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Немцы на советском Дальнем Востоке: статистико-демографический аспект // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток: Дальнаука, 2004. С.156–176.

¹⁶ См.: Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик (вторая половина XIX – XX вв.). Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2004. С.115–116.

¹⁷ См.: Немцы на Алтае. Этническая история и культура. Коллективный проект Научно-исследовательской лабораторией этнографии и истории немцев Сибири Омского государственного университета. http://newasp.omskreg.ru /alt_nem/hist_sel.html.

¹⁸ См.: Герман А.А., Иларионова Т.С., Плевне И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М.: Издательство «МСНК-пресс», 2005. С.341.

¹⁹ См.: Романов В.В. «Германский заговор» ... С.129–130.

²⁰ См.: ГААО. Ф.376, оп.1, д.30, л.94.

- ²¹ См.: ГААО. Ф.П-14, оп.1, д.192, л.2.
- ²² См.: Материалы переписи населения на о. Сахалин в 1931 г. // Государственный архив Сахалинской области. Ф.3, оп.2, д.1, л.30. Подробнее об этом см.: Чернолуцкая Е.Н. Немцы на советском Дальнем Востоке... С.160–161.
- ²³ См.: Романов В. «Германский заговор»... С.131–132.
- ²⁴ См.: ГААО. Ф.П-14. Оп.1. Д.192, Л.1.
- ²⁵ См.: ГААО. Ф.П-14. Оп.1. Д.175. Л.24.
- ²⁶ См.: РГАЭ. Ф.5675. Оп.1. Д.281. Л.11.
- ²⁷ См.: РГАЭ. Ф.5675. Оп.1. Д.240. Л.5.
- ²⁸ См., например: Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001; Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935-1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ. М.: Звенья, 1999, и др.
- ²⁹ Шадрт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955). Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. Разд.1.1.
- ³⁰ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М.: Наука, 2005. С.25, 41.
- ³¹ См.: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.62. Л.18, 19.
- ³² Мы выражаем искреннюю признательность сотрудникам Архива УВД Амурской области за помощь в работе.
- ³³ См.: Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края... С.116.
- ³⁴ См.: Полян П.М. Не по своей воле... С.92.
- ³⁵ См.: Чернолуцкая Е.Н. Немцы и политические репрессии на Дальнем Востоке (1930-е годы) // Государство и личность. Политические репрессии на Дальнем Востоке в XX в. / Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005. С.248–254.
- ³⁶ См.: ГААО. Ф.П-14. Оп.1. Д.192. Л.2.
- ³⁷ Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ...
- ³⁸ Подсчитано автором по: Мартиролог лиц, репрессированных в Приморском крае. Приморское отделение общества «Мемориал». Предварительная рукопись.
- ³⁹ Проанализировано автором по: Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области. Т.6. Южно-Сахалинск, 2000.
- ⁴⁰ См.: Пашков А.М. Боль и память. Южно-Сахалинск, 1990. С.13.; Валл Ф. Тяжело вспоминать // Советский Сахалин. 1989. 17 октября.
- ⁴¹ См.: Горобец В. Тайны секретных архивов // Молодая гвардия. Южно-Сахалинск, 1992. 8 сентября. С.3.
- ⁴² Подсчитано автором по: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.3. 1930–1934 гг. Кн.1. 1930–1931 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. С.671.
- ⁴³ См.: ГААО. Ф.П-14. Оп.1. Д.192. Л.1, 2; ГАХК. Ф.П-35. Оп.1. Д.12а. Л.24.
- ⁴⁴ ГААО. Ф.П-14. Оп.1. Д.192. Л.1–3.
- ⁴⁵ См.: ГААО. Ф.114. Оп.2. Д.156. Л.20, 21.
- ⁴⁶ См.: ГААО. Ф.П-14. Оп.1. Д.183. Л.110–114.

Т. Чернова-Деке (Берлин)

Специфика управления духовными делами закавказских немецких колоний в Российской империи

Религиозная жизнь являлась важнейшей составной культурного развития колоний. Религиозный мотив был доминирующим среди причин, а сохранение свободы вероисповедания – одним из главных условий переселения швабов из Вюртембергского королевства на Кавказ. Первые переселенцы появились в осень 1817 г. и основали к. Мариенфельд. Свыше 400 семей крестьян и ремесленников евангелистов и около 100 семей примкнувшим к ним под Одессой колонистов Аугсбургского вероисповедания прибыли в Грузию осенью 1818 г. На казенных землях было основано еще 7 колоний: Тифлисская колония ремесленников – в пригороде, местечко Кука, и в радиусе 60 верст вокруг Тифлиса – Александерсдорф, Екатериненфельд, Елизабетталь, Петерсдорф. Вблизи г. Елизаветполь (б. Гянджа) – Еленендорф и Анненфельд. (Позже возникли дочерние колонии.) Эмигрировав в конфликте с церковью и властью, по привнесенной традиции независимости сепаратисты не желали поначалу иметь никаких священнослужителей. В каждой общине выбирался духовный учитель, который исполнял обязанности пастора; по воскресеньям и праздникам проводилось богослужение, а с детьми и молодежью изучался катехизис. Но при этом обозначилась разобщенность общин, углубились внутренние противоречия¹.

Стремление приобщить колонистов к Церкви наблюдалось по двум каналам: с одной стороны, усилия местной российской администрации, а с другой, – заинтересованность в этом Базельского общества миссионеров в Швейцарии. Наряду с материальной поддержкой администрация края искала пути приобщения переселенцев к лютеранской церкви, как один из рычагов для управления ими. По запросу Главноуправляющего Грузией генерала А.П. Ермолова к министру внутренних дел В.С. Ланскому о евангелическом священнике для немцев, наконец, от Саратовской консистории был назначен 50-летний пастор Кр. Фр. Ган, с инструкцией вернуть заблудших на путь истинный. Он прибыл 10 июля 1825 г. в Тифлис, но колонисты указали ему на свои привилегии, свободу в богослужении и дали четко понять, что не хотят знать о его благодеянии². Работу пастора затрудняло также присутствие миссионеров.

Одновременно активно добивались влияния в колониях представители Базельского общества миссионеров А. Дитрих и граф Ф. Заремба, прибывшие на

Кавказ с разрешения правительства – с целью основать колонию «из немецких благочестивых семейств», завести училище и типографию, «нести слово Божие» среди мухамеддан и язычников. Ермолов высказался против создания ими колонии (о чем объявил им при встрече и сообщил выше), поскольку местные жители могли бы посчитать это «как желание правительства стеснять их иноземцами и лишать земель». В отношении от 8.06.1823 он сообщил о своем опасении в МВД и просил «не допуская делать поселение», дозволить миссионерам на первый случай устроить только училище и типографию. Получив от министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына письмо с изложением этих причин, миссионеры сориентировались исполнить свои цели и без колонии, но при «законной защите правительства и нужной свободе к возвещению Евангелия». В конце 1823 г. они сообщили Ермолову, что осели в Шуше, купив дом и землю под огород для начала, «пока правительство объявит нам занять земли, хотя бы в собственно Грузии»³. Так в провинции Карабах возник очаг миссионерской деятельности Базельских евангелистов.

Миссионеры давно обратили внимание на швабские колонии. Из письма (от 20.09.1822 из Астрахани) Ермолову: «В особенности мы, чувствуя душевное страдание к жалкому положению колонистов из Германии, поселившихся около Тифлиса и далее, всем сердцем рады будем, сколько время позволит... стараться о насаждении между ними истинной веры...»⁴. По прибытии в Шушу пастора Г. Бенца миссионеры весной 1823 г. посетили немецкие колонии для знакомства и проповедей. Администрация мирилась с этим, испытыв разочарование в поведении части переселенцев. Так, Грузинский гражданский губернатор фон Ховен отмечал: «Они именуют себя сепаратистами, не признают никакого над собою начальства и утверждают, что пребывание в Грузии только временное, а настоящее назначение их в Иерусалиме...» Также А.П. Ермолов, огорченный отсутствием согласия среди них и рвения к труду, находил колонистов «весьма мало пекущимися о домашнем устройстве», а секты – «без всякой нравственности, преданных разврату, невоздержных, небережливых и праздных»⁵. Ермолова успокаивало лишь то, что их повседневные занятия толкованием Апокалипсиса, благо, не влияли на местных. В колониях постепенно сказывалось влияние миссионеров, в частности, на становление управления духовных дел.

Религиозная жизнь регламентировалась сводом церковных правил, Уставом (Kirchen-Ordnung), разработанным А. Дитрихом и одобренным Синодом 12–22 августа 1823 г. в Тифлисе⁶. Синод являлся высшим представительным органом духовного управления колониями. Он созывался ежегодно как собрание избранных, по 3 от общины. Для контроля за соблюдением Устава в общинах избирался церковный Конвент из 6 человек. Устав сохранял независимость колоний в религиозном культе. Он предписывал: проведение богослужения по старому вюртембергскому служебнику (Агенде) и старому собранию духовных песен (новая книга 1789 г. отвергалась); полуаскетический и замкнутый образ монотонной жизни, труд и отказ

в удовольствиях; послушание верноподданных. По Уставу запрещалось: 1. ездить в город на рынок в воскресные дни и праздники для сбыта продукции; 2. вступать в брак с представителями иной национальности и другой конфессии, дабы «истинно верующие не растворились» в чуждой среде. При утверждении Устава в сентябре 1823 г., гражданский губернатор Р.И. Ховен сделал пометки против этих пунктов, посчитав их «весьма строгими», а также высказался за снижение возраста для женитьбы (до 18 лет у юношей и 16 – у девушек)⁷.

Прибывший весной 1824 г. в Тифлис базельский миссионер Йохан Залтет стал по просьбе колонистов их духовным наставником. Через год в Елизаветаль прибыл базельский пастор Вер. В колониях принимали их «как гостей и братьев», мало помалу стали обращаться к церковным обрядам. Колонисты тяготели в большинстве своем к Аугсбургской конфессии, в основе обучения в церкви, школе и дома лежала Библия, которую трактовали по-разному (под влиянием вюртембергских теологов). Но далеко не все воспринимали пасторов, их высмеивали; Залтет был вынужден вернуться в Шушу и возвратился только после неожиданной смерти в октябре 1825 г. пастора Гана. За время его отсутствия произошел раскол в общине Екатериненфельда: 24 семьи во главе с Я. Козером отошли от церкви (они отвергали Устав, церковный брак, разошлись по обряду крещения детей и т.д.). Попытка Залтета в январе 1826 г. примирить общину не удалась. Обострение конфликта становилось опасным и вызвало вмешательство администрации с принудительными мерами (даже публично были избиты розгами Я. Козер и колонист, который сам крестил свое дитя)⁸. Конфликт был лишь на время прерван нападением на Екатериненфельд персов 14 (26) августа 1826 г. в ходе Русско-персидской войны. Разорение колонии, жертвы убитыми и пленными (погиб духовный учитель Ф. Рорер) не примирили беженцев, принятых на год в колониях Александерсдорф и Тифлисской⁹.

Итак, особенностью религиозной жизни колонистов стали раскол и сепаратизм, вплоть до 1843 г. Вопрос о вреде несущих раздоры сект (уклонение от святого причащения, некрещение младенцев, отвержение молитв при погребении, признание являющихся им духов и т.п.) обсуждался в Особом Комитете, созданном в мае 1827 г. военным губернатором Сипягиным для выяснения нужд пострадавших в войну колоний. Только что официально назначенный Обер-пастором 8-ми закавказских колоний Залтет (он получил согласие Базельского комитета на принятие этой обязанности по просьбе «лучшей части здешних колонистов») был включен в состав комитета. Линия администрации при обсуждении была жесткой: предлагалось при упорстве отступников веры «немедленно отделять их от колоний» для поселения в другом месте¹⁰. Давление администрации вызывало недовольство сепаратистов, направивших Сипягину прошение, что они «никак не могут подвергнуть себя оковам» от миссионеров. Своеобразие момента заключалось в том, что, с одной стороны, это был моноконфессиональный анклав колонистов-евангелистов, с другой – они изначально не представляли единства в

религиозных воззрениях. Здесь были последователи взглядов крупных теологов Вюртемберга, сторонники церкви и отошедшие от нее сепаратисты, фанатики в вере – хилиасты (уверовавшие в грядущее тысячелетнее Царство Христа) и отошедшие ото всех – сектанты, не признававшие Агенду, колониетский Синод и пасторов, отвергавшие Устав. Каждый на свой лад, в лабиринте веры и мечты, интерпретировал Библию. В спорах по ее толкованию возникали группы последователей: А. Беппле – в Елизабеттале; Я. Кауттера – в Тифлисе, Александерсдорфе и Мариенфельде; Я. Козера – в Екатеринфельде. Последняя стояла прямо враждебно к малой группе бепплеановцев¹¹. К сожалению, не удастся проследить степень имевшихся расхождений между ними, а также формы их неподчинения шультцам и Сельским Приказам. Ожились группки хилиастов, стремившихся в Иерусалим. В правящих кругах термин «сепаратисты» распространялся как на всех немцев-колонистов в Грузии (Грузией именовалось все Закавказье), так и в более узком смысле, на отколовшиеся от них группы сектантов (в официальных документах их называли сектеристы). Так термин «сепаратисты» получил новый оттенок.

Но большинство колонистов тяготело к базельским пасторам. Для их вызова и назначения было два условия: утверждение МВД и согласие своей миссии. Определенную роль для закавказских колоний играло Высочайше утвержденное 17 мая 1827 г. Положение Комитета министров о вызове евангелистов протестантских проповедников из Базеля для колонистов в Южном крае и для внутренних губерний. Оно возлагало на министерство просвещения ответственность следить, чтобы «не были впущены к нам вольнодумцы», а на МИД – строго следить за избранными. Резолюция императора была краткой: «Весьма справедливо»¹². Отношение А.С. Шишкова в МВД (25.08.1827) проясняло позицию министерства народного просвещения. Он признал возможным, пока не наладится теологическое образование в Дерптском университете, обращаться за пасторами в Базельское общество и поручить колонистов «в духовное попечение» Зальтету, который снискал их доверие и одобрялся местным начальством как «начальник прочих сотоварищей». Общинам объявить, что «правительство, не стесняя их совести, будет только руководствовать их в духовных их нуждах... чтобы утвердить в их сообществе правила Аугсбургского исповедания веры», которые предки избрали, чтобы «охранить их от пагубных заблуждений, неверия или суеверия, в которые могут впасть эти простосердечные люди от прельщения неограниченною свободою мнений о вере...»¹³. Оберпастор был посредником с администрацией и МВД, нес ответственность перед его Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий, представлял кандидатов-пасторов и давал им характеристику. Вскоре император выразил одобрение вызова в Закавказье 1–2-х пасторов «из базельских, независимых от консистории» и дал распоряжение об отпуске значительных средств 27859 руб. сер. для построения 5-ти церквей и пасторских домов в Тифлисе, Мариенфельде, Екатериненфельде, Елизаветтале и Еленендорфе и школы в Тифлисе¹⁴.

Важное значение для духовной жизни общин имел Синод, состоявшийся 3–4 января 1828 г. На нем был пересмотрен Церковный Устав, в частности, по замечаниям губернатора Ховена. Пункт 5 предусматривал вызов проповедников из Базеля, но условия вызова менялись, их обязывали быть независимыми от миссии. Принимая присягу «на верность службы Е.И.В.», они должны были терять влияние извне¹⁵. Устав был утвержден императором 6 февраля 1829 г. и вводился на основании Высочайше утвержденных правил. Ввод устава «для поселенных в Грузии протестантских сепаратистов» допускался поскольку был «не противен общим государственным законам и порядку, учрежденному для внутреннего управления колониями»¹⁶. Спецификой духовного управления оставалась независимость от любой Консистории. Согласно п. 6 Устава Оберпастор был обязан доносить Главному управлению края и МВД «о всех заслуживающих внимания правительства случаях по духовной части в колониях» и о делах в Синоде. Напрашивается вывод, что церковь и духовная жизнь общины только в определенном смысле были независимы, находясь вне Консистории, но оставались глубоко подконтрольными местной администрации и правительству. Возможно, это тоже отталкивало сепаратистов.

В 1833 г. А. Дитрих был назначен вторым Оберпастором (после смерти Залтета от холеры, эпидемия в 1830 г.). Летом 1835 г. он докладывал Главноуправляющему Г.В. Розену об усилении движения сектантов: в Екатеринфельде насчитывалось – 60, Мариенфельде – 20, Елизабеттале – 45, Александерсдорфе – 30, Тифлисе – 20, итого: 175 отступников. Шли донесения гражданского губенатора князя Н.О. Палавандова «о распространяющихся сектах», об упорстве в исповеди ереси не менее 60 семейств, о «происходящих в колониях беспорядках»¹⁷. Розен был согласен на решительные меры и учредил особую комиссию под председательством генерал-майора Дитрикса (в составе ее чиновники-управленцы немцы и пастор Брайтенбах из кол. Еленендорф). Цель – исследовать причины раскола и дать заключение «о средствах и мерах к прекращению ереси на будущее время». Но попытки пресечь сепаратизм административными мерами снова оказались безуспешными. Комиссия была распущена, а ее данные и выводы переданы в МВД (28.02.1837) Д.Н. Блудову¹⁸.

Раскол усугублялся тем, что затягивалось строительство церквей, что Устав «во многом не соответствовал состоянию колониетского общества» и терял влияние. Оберпастор запросил МВД (ввиду строгости своего Устава), можно ли руководствоваться в бракоразводных делах Всеобщим Уставом, принятым в конце 1832 г. для объединения всех евангелических общин в России. 12 февраля 1835 г. было Высочайше утверждено Положение Комитета министров: «О распространении на поселенных в Грузии сепаратистов Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви в России». Приходам колоний разрешалось употребление общего Устава в этих и других случаях, что «могло бы принести для сих колоний несомненную пользу»¹⁹. Этот факт важен для историографии как свидетельство, что Общий Устав вводился здесь постепенно.

Колонистский Синод 1836 г. принял решение, по своему усмотрению руководствоваться Уставом Евангелическо-лютеранской церкви России, сохраняя свою независимость. Проведение в 1840 г. административно-территориальной реформы, разделение закавказских территорий на Грузино-Имеретинскую губернию и Каспийскую область, ломка гражданского управления и самими колониями (передача их из компетенции гражданского губернатора в ведение Грузино-Имеретинской палаты государственных имуществ) ускорили принятие нового церковного Устава. Важно отметить, что в него были включены некоторые правила из Устава 1829 г. (Sonderbestimmungen). Возникло дополняющее Общий Устав приложение (Anhang) для немецких общин колонистов в Закавказье, с целью сохранения дарованных им при водворении прав и привилегий в духовном отношении. Порядок общественного богослужения и прочих церковных обрядов определялся вюртембергской церковной Агендой, по-прежнему служившей, как и старое собрание духовных песен, основой для церковной службы. Важнейшим был пункт о неподчинении Консистории, хотя по Уставу они составляли часть Евангелическо-лютеранской церкви России. Общины оставались в ведении Синода и Обер-пастора, подконтрольно Департаменту духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Новый Устав евангелическо-лютеранских приходов закавказских колоний Николай I официально утвердил 25 ноября 1841 г., отменив прежний²⁰. Фактически на колонии был распространен Всеобщий устав, за рядом исключений. Особые правила были изданы тогда же в виде дополнения к Уставу. Принятие общероссийского Устава было символично в условиях насаждения внутрироссийских порядков в процессе реформы, здесь есть, на мой взгляд, незримая связь. Требовалась воля, чтобы в этих условиях отстоять свои привилегии и свободы. Большая заслуга в этом Синода и оберпастора Кр. Бонвеча.

Однако, это вызвало усиление беспокойства отвергавших Устав сектантов. По докладу гражданского губернатора Главноуправляющему, «нововведение не имело выгодного влияния на дух сектеризма; напротив, секта увеличилась, оставляли полевые работы, раздавали бедным имущество, деньги, лошадей...»²¹. Ждали призыва к выходу. В Тифлис были посланы две депутации, с настоянием о разрешении выезда. Инспектору колоний Энкельману предписывалось дать распоряжение по колониям, что разрешение на уход возможно только при условии уплаты долга казне, а при непослушании, «если поднимутся массой... употреблена будет военная сила для приведения в повинность».

Притягательным центром стала группа в Екатериненфельде, а идейной вдохновительницей – Варвара Шпон, выдававшая себя за невесту Христа и посредницу с Богом. Обстановка накалялась, администрация беспокоилась, последовало предписание ген.-ад. М.Н.Коцебу, от 27 мая, собрать отряд в 115 казаков²². Религиозный фанатизм, подогреваемый призывами к «детям Божиим» идти в Иерусалим, привел к попытке эмиграции 4 июня 1843 г. сепаратистов из разных колоний,

368 человек с детьми, собравшихся в Екатериненфельде. Правда, она была решительно пресечена казачьим отрядом Коцебу, «за послушание правительству». История эта подробно запечатлена в документах и в историографии²³. «До последнего козака мы все были проникнуты состраданием, ни малейшего вреда никому не сделано», – писал Коцебу на следующий день в донесении ген.-лейт. Гурко²⁴.

Позицию правительства проясняет переписка между министрами и администрацией края²⁵. Она сводилась к тому, чтобы не преследовать сектантов и разрешить отправиться 2–3-м их депутатам в Палестину «узнать предстоящие трудности». Идея была одобрена императором. Возвращение из Иерусалима Гинцингера, Пальмера и Фихтнера с вестью о невозможности там поселиться возымело действие: сепаратисты запросили Главноуправляющего краем А.И. Нейдгардта о помиловании и официально объявили 24 января 1844 г. о присоединении к Евангелическо-Лютеранской церкви (подписались все, за исключением 3-х человек)²⁶. Так воцарилось годами нарушавшееся спокойствие, что облегчало духовное управление. Но лишь весной 1854 г. в Екатериненфельде при пасторе И. Эберле, наконец, была достроена и торжественно освящена красавица-церковь.

В условиях введенного на Кавказе наместничества с 1845 г. заметно усилилась зависимость Синода и оберпастора от влияния наместника в духовном управлении. Особенно, с указом от 10 августа 1856 г., в котором председатель Кавказского Комитета граф Орлов сообщил волю императора о пределах власти наместника в отношении к духовным делам иноверческих исповеданий. Это касалось и лютеранских приходов. Колонистский Синод был в полном подчинении наместнику, все вопросы решались только через него, по согласованию с ним. Министр внутренних дел лишь определял, по соглашению с наместником, порядок движения дел – к императору лично или через Кавказский комитет²⁷. Обер-пастор и пасторы (по представлению оберпастора) назначаются и утверждаются непосредственно наместником или по сношению с МВД.

С марта 1852 г. был запрещен и прекращен вызов базельских пасторов. В докладе МВД в Комитет министров отмечалось, что решение это было «не по местным обстоятельствам, а по причинам политическим и опасениям от тогдашнего брожения умов в Швейцарии»²⁸. Но уже в Уставе отсутствовал пункт о вызове иностранных пасторов. По этому поводу оберпастор Бонвеч писал, что колонисты «в высшей степени благодарны за вновь Высочайше дарованное им благодеяние, сожалеют только о пропуске одного параграфа», по которому могли иметь у себя базельских пасторов (правила Устава 1829 г.)²⁹. Сложилась непростая ситуация: некоторые колонии по 2-3 года и более не имели пасторов. Вакантные места следовало замещать российскими подданными из Дерпта. (Но были отличия в обычаях здешних и прибалтийских немцев.)

Усилиями Оберпастора Хр. Г. Ротта вопрос этот был пересмотрен Кавказским комитетом. Ротт обратился к наместнику Кавказскому князю А.И. Барятинскому с ходатайством о назначении базельских пасторов в общины, ввиду «предохране-

ния их от нравственного упадка по недостатку в проповедниках». Просьба была признана наместником «уважительной». Но потребовались годы переписки начальника Главного управления края А.Ф. Крузенштерна для согласования вопроса с директором Департамента духовных дел МВД гр. Сиверсом, с МВД И МИД. В 1858 г. министр С.С. Ланской запросил, наконец, Высочайшего «соизволения на вызов иностранных кандидатов из королевства Вюртемберг», учеников Базельской Миссии, по удостоверении в их благонадежности в ходе духовной беседы с членами Консistorии³⁰. Отношение министра было рассмотрено в Кавказском Комитете лишь осенью 1861 г. 26 ноября было Высочайше утверждено Положение Комитета «О дозволении вызывать из-за границы кандидатов для замещения вакансий пасторов в Закавказских немецких колониях». Здесь пункт 2 гласил: проводить духовную беседу с имевшим духовный сан кандидатом вместо Консistorии в общем собрании Оберпастора и пасторов приходов. Вопрос о вознаграждении и путевых издержках (п. 5) передавался на усмотрение наместника. Последовавший Указ императора о порядке назначения пасторов в немецкие колонии разрешал допускать из иностранных и оплатить проезд из источников и по возможностям Закавказской администрации³¹. Так был разрешен вопрос, столь важный для духовной жизни колоний. Первым по ходатайству оберпастора прибыл пастором в Елизаветталь М. Фр. Шренк, написавший известную книгу по истории становления колоний в Закавказье.

С устранением наместничества в 1882 г. и введением нового Учреждения управления Кавказского края 1883 г., во изменение статей 870 и 874 Устава духовных дел иностранных исповеданий, Оберпасторы и пасторы закавказских немецких колоний стали назначаться МВД, по соглашению с Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе³².

Своеобразие религиозной жизни закавказских немцев проявилось в том, что (согласно Общему Уставу, ст. 433 и 434) все евангелическо-лютеранские приходы Закавказского края, за исключением иностранных поселенцев в колониях, состояли в ведении Московской Консistorии. Так, наряду с Округом евангелическо-лютеранского Синода закавказских немецких колоний (Округ Закавказского колониетского Синода) был Закавказский округ Евангелическо-Лютеранской общины (Округ Московской Евангелическо-Лютеранской консistorии), куда входили общины Тифлиса, Баку, поселений Петровка /у г. Карс/ и Георгсталь. Для многочисленной городской лютеранской общины Тифлиса, прихожанами которой были чины администрации и военные из остзейского дворянства, горожане-лютеране, в частности, из бывшей немецкой колонии, в 1897 г. была построена новая евангелическо-лютеранская церковь (по проекту немца-архитектора Л. Бильфельда). На пороге XX в. проявлялось стремление к единению. Редактор газеты „Kaukasische Post“ Карл А. Фишер считал, что вне Генеральной консistorии все непрактично или устарело. Также сельские общины подавали идею создания особого Закавказского Пробст-округа и вхождения под Московскую Консistorию,

при сохранении вюртембергских церковных традиций и своего бюджета от казны (4300 руб.)³³. Однако вопрос этот требует более глубокого исследования. Отмечу только, что в преддверии очередного Синода в 1913 г. на страницах „Kaukasische Post“ обсуждались, видимо, наболевшие проблемы об изменениях в порядке церковной жизни, речь шла о реформе Синода, пересмотре основ его деятельности. Особенно важным считалось иметь единую общину. Накануне войны на религиозной жизни бывших колонистов, видимо, сказались эволюция собственных воззрений и отголосок антинемецких настроений в империи.

Итак, колониетские приходы Закавказского округа управлялись в духовном отношении особым церковным Уставом, а с 1841 г. общим Уставом Евангелическо-лютеранской церкви, распространенным на Закавказье по особым правилам. Неизменно сохранялась традиция и право свободы вероисповедания, независимости от любой евангелическо-лютеранской Консистории (ст. 869 Устава). Немецкие колониетские общины находились в отношении духовном «под ведением Колониетского Синода и Обер-пастора», которые были в непосредственной зависимости от главы администрации Кавказского края, в сношении с Департаментом духовных дел МВД. Но эту зависимость Синода не следует рассматривать только как вмешательство или насилие (русификацию), достаточно вспомнить поддержку в построении церквей и пасторатов, школ, в вызове и оплате вюртембергских пасторов Базельской миссии и т.д. Подробнее о роли и составе собиравшегося 2 раза в год Синода, о его духовных и светских депутатах, правах и обязанностях Оберпастора и пасторов изложено в Уставе Евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи (изд. 1857 г. гл. 3 «О управлении духовных дел Немецких колонистов в Закавказском крае»). Статьи 858-884 проясняли отличия и отклонения от Общего Устава. Оберпастор «как начальник и блюститель над прочими Проповедниками, надзирает над их учением, нравственностью и точностью в исполнении их должности и печется вообще о благосостоянии Церкви» (ст. 875)³⁴.

В заключение следует отметить один аспект, который представляется важным, хотя и не имеет непосредственного отношения к управлению духовными делами. Вызывает сомнение интерпретация в современной историографии роли колонистов как «христианских миссионеров». Национальные историографии народов, когда-то входивших в империю, сегодня концентрируют внимание на собственной нации и государстве, проецируя их в прошлое. Для них имперская история – лишь тягостный контекст, а «вопрос о мотивации политики центральных властей почти никогда не ставится, просто потому, что на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной»³⁵.

Трудно не согласиться с этим мнением, высказанным российскими учеными. Это замечание помогает понять интерпретацию цели правительства при поселении немцев в Северном Азербайджане, а именно – христианизации мусульман (мухаммедан) колонистами-швабами. Так, в отношении политики христианизации Х. Вердиева пишет: «С этой целью с 1818 г. Закавказье стало заселяться немцами-

колонистами»³⁶. Но цель эта нигде не документируется. Похоже, колонисты отождествляются с миссионерами Базельского общества в Шуше, просветительская деятельность которых была разрешена, но в 1835 г. запрещена правительством³⁷.

Комитет Министров разделял мнение Главноуправляющего Розена, что «действия всех вообще иностранных миссионеров в Закавказском крае должны быть навсегда прекращены» (признавалась лишь миссия Грекороссийской церкви, православное миссионерство). Вспомним позицию Ермолова в отношении поселения базельских миссионеров, когда он однозначно высказался против создания их колонии. Поэтому данный тезис вызывает сомнение. Далее: «среди целей переселения немцев на Кавказ» правительством «не была забыта важная цель: усиление христианского элемента, в первую очередь в Северном Азербайджане»³⁸.

Но более половины всех колонистов оказались в Грузии среди христиан грузинского и армянского происхождения. Немцы-колонисты в Елизаветпольском уезде (с 1867 г. губернии) составляли менее 0,5 % населения и, как христиане, могли лишь олицетворять собой факт присутствия христианского элемента. Говоря, что «для реализации своих планов царизм всячески стремился изолировать колонистов», автор называет указ правительства (?) в 1829 г., «запрещавший браки между грузинами и немецкими колонистами». Но запрет колонистам на межнациональные браки и с людьми иной конфессии исходил из церковного Устава 1829 г., правда, Высочайше утвержденного.

Забота администрации края о возрождении православного христианства в Закавказье и создание в Тифлисе, под патронатом наместника Кавказского кн. Барятинского, соответствующего Общества в 1860 г. не имели ничего общего с целью переселения немцев. (Вспомним, что перед колонистами-сектантами в 1840-е гг. стояла задача ввести в лоно церкви собственных детей.) Реальные попытки приобщить колонистов, как христиан, к миссионерству проявились лишь усилиями пастора Лемма в Екатериненфельде (1865–1876). Карл Лемм, «свой», остзейский, выпускник Дерптского университета, пытался в проповедях направить колонистов на миссионерскую деятельность среди мухамеддан. На Празднике миссии всех немецких общин Грузии, организованном им в Екатериненфельде в 1867 г., Лемм внушал и напоминал об их «миссионерской обязанности в отношении татар»³⁹. Он вынашивал проект, создать в Екатериненфельде семинар для этой работы (вопреки предупреждениям оберпастора). Его усилиями был создан Союз общин (Verein), обратившийся в Германнсбургскую Миссию в Лейпциге.

Однако колонисты в целом оставались в стороне, большинство считало работу среди мусульман бессмысленной, безрезультатной. Большинство четко высказалось против миссии, направив жалобу оберпастору К. Роосу. «Ферейн» был вскоре распущен, Лемма убрали из колонии. А вся его корреспонденция и договоренности с Германнсбургской миссией свидетельствовали скорее о целях самого пастора, а не российского правительства. Можно согласиться с выводом немецкого исследователя А. Гросса, что причины неприятия миссии были как в

религиозной замкнутости, нежелании колонистов допускать других в свою веру, так и в их менталитете. Были живы еще воспоминания об участии татар (так называли в Закавказье мусульман) в грабежах колоний в августе 1826 г., во время войны с Персией; страх держал швабов на уровне подсознания на определенной дистанции к ним. Так что начинать тогда попытку использовать швабов в качестве миссионеров было несвоевременным⁴⁰. Усилия Лемма оказались безрезультатными, поскольку и среди пасторов не было единства по вопросу о миссионерской деятельности.

Таким образом, регламентация религиозной жизни закавказских колонистских общин евангелистов, бывших маленьким «островком» среди иного этноконфессионального мира, имела наглядное своеобразие. Их выделяли независимость от Московской консистории, куда входили, в частности, городские немецкие общины, обособленность от них и неизменная приверженность своим традициям и вюртембергской Агенде. Однако на управлении делами общин сказывалась сильная зависимость от местной администрации и МВД. Руководство же общероссийским церковным Уставом свидетельствовало о том, что «сии общества составляют часть Евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи».

¹ См.: Petri, Hans. Schwäbische Chilianen in Südrussland. In: Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. Bd. V. Stuttgart, 1962. S. 85–92.

² См.: Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее – АКАК). Архив Главного управления наместника Кавказского. Т. VIII. Тифлис, 1881. Док. 165; Kaukasische Post. 1913. № 12. С.12.

³ АКАК. Т. VI. Ч. I Тифлис, 1874. Док. 637–639, 642.

⁴ Там же. Док. 633.

⁵ Там же. Т. VI. Ч. I – Док. 460; Записки Алексея Петровича Ермолова. С прилож. Изд. А. П. Ермолова. Часть II. (1816–1827). М., 1868. С. 68.

⁶ См.: Национальный Архив Грузии. Центральный Исторический архив (далее – НАГр. ЦИА). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1–44; Ф. 2. Оп. 1. Д. 2284. Лл. 1–16.

⁷ См.: Groß, Andreas. Missionare und Kolonisten: Die Basler und die Hermannsburger Mission in Georgien am Beispiel der Kolonie Katharinenfeld. 1818–1870. (Studien zur Orientalischen Kirchengeschichte. Bd. 6) – Hamburg: Lit, 1998 – S. 34f.

⁸ См.: Groß A. Missionare und Kolonisten... S. 92.

⁹ См.: Der Schreckenstag von Katharinenfeld. Schicksale deutscher Siedler in Transkaukasien. Berlin u. Stuttgart, 1934. S. 9–13.

¹⁰ См.: НАГр.ЦИА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2072. Л. 8 об. Л. 21; АКАК. Т. VII. Ч. 2. Тифлис, 1878. Док. 183–184.

¹¹ См.: Подробнее о сектах: Groß A. Missionare und Kolonisten... S. 36–43; Смирнов С. К. Немецкие сектанты за Кавказом // Русский вестник. № 5. Т. 57 М., 1865 С. 230–257; Майсурадзе Р. И. Немецкий религиозный сепаратизм и лютеранство в Грузии. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990.

¹² ПСЗ-II. Т. II. № 1097.

¹³ АКАК. Т. VII. Ч. 2. – Док. 184. С. 238.

¹⁴ См.: НАГр.ЦИА. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 2.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 2284. Лл. 28об.-29.

¹⁵ См.: Там же. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 7. Протокол заседания Синода опубликован, см.: Schrenk M. Fr. Geschichte der deutschen Colonien in Transkauasien. Tiflis, 1869 S. 84–86.

¹⁶ ПСЗ-II. Т. IV. № 2659.

¹⁷ НАГр.ЦИА. Ф.1728. Оп. 1. Д. 6. Лл. 28-29; АКАК. Т. VIII. Док. 161, 163.

¹⁸ АКАК. Т. VIII. Док. 164-165.

¹⁹ ПСЗ-II. Т. X. Отд. 1. № 7853.

²⁰ См.: ПСЗ-II. Т. XVI. Отд. 2. № 15059.

²¹ АКАК. Т. IX. Ч. 2 – Тифлис, 1884 – Док. 574.

²² См.: Там же. Док. 577, 579, 580, 583, 588, 589. См. также: Schrenk M. Fr. Geschichte der deutschen Colonien... S. 116–117; Groß A. Missionare und Kolonisten... S. 72–73; Petri H. Schwäbische Chliasten in Südrußland... S. 91, 129.

²³ См.: Подробнее о событиях см.: Смирнов С.К. Немецкие сектанты за Кавказом... С. 241–257; Вердиева Х.-Ю. К вопросу о сепаратизме немцев-колонистов Закавказья в XIX веке // Материалы первой международной научной конференции «Кавказские немцы – немцы на Кавказе до первой мировой войны». – Баку, 2001 – С. 307–316.

²⁴ АКАК. Т. IX. Ч. 2. Док. 577.

²⁵ См.: Там же. Док. 579, 580, 582.

²⁶ См.: Там же. Док. 583, 588.

²⁷ См.: ПСЗ-II. Т. XXXI. №. 30838.

²⁸ АКАК. Т. XII. – Тифлис, 1904 – Док. 478

²⁹ См.: АКАК. Т. IX. Ч. 1. Док. 136. С. 100.

³⁰ См.: АКАК. Т. XII. Док. 479.

³¹ См.: ПСЗ-II. Т. XXXVI. Отд. 2. №. 37671; НАГр.ЦИА. Ф. 1592. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

³² См.: Учреждение управления Кавказского края. – Тифлис, 1883.

³³ См.: НАГр.ЦИА. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 49. Лл. 1-2; Kaukasische Post. 1913. № 37, 39.

³⁴ Свод законов Российской империи (СЗРИ). 1857 г. Т. XI. Ч.1.

³⁵ Северный Кавказ в составе Российской империи М.: Нов. лит. обзор., 2007 С. 5.

³⁶ Вердиева Х.-Ю. К вопросу о сепаратизме немцев-колонистов... С. 307, 310.

³⁷ См.: ПСЗ-II. Т. X. № 8271.

³⁸ Вердиева Х.-Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане Баку, 1999 С. 64, 68, 70.

³⁹ Groß A. Missionare und Kolonisten... S.162.

⁴⁰ Ebenda. S. 156, 229.

Характерные особенности и общие черты в процессе переселения и хозяйственной деятельности немецкого населения на Южном и Северном Кавказе

Кавказ, расположенный на стыке Запада и Востока, является интересным геополитическим регионом, имеющим богатое историческое прошлое и разнообразную, довольно пеструю этническую карту. Здесь на протяжении веков по соседству проживали представители различных автохтонных этносов, а также переселившиеся в определенные периоды истории западных и восточных народов, для которых Кавказ становился родиной. Существующее этноконфессиональное разнообразие на Кавказе свидетельствует о толерантности, веротерпимости, имеющих глубокие корни и исторические традиции в регионе. Большой интерес вызывает исследование жизни и деятельности представителей европейских народов, проживавших на Кавказе, среди которых необходимо отметить немецкое население. Немцы были наиболее массовой этнической группой представителей европейских народов, проживавшей на протяжении длительного периода на Кавказе.

В целом, немцы Кавказа представляли собой единую региональную группу немецкого населения Российской империи и Советского Союза. Однако, исследуя проблему, необходимо выделить два географических региона Кавказа, где имело место массовое заселение немцев – Южный и Северный Кавказ, в процессе переселения, хозяйственной и культурной жизни немецкого населения в каждом из которых имелись как общие черты, так и характерные особенности и определенные различия.

Переселение немцев и формирование немецкой общины на Кавказе являлось довольно длительным процессом, имеющим свои особенности и различия в причинах миграции, группах, сословиях переселенцев и регионах поселения.

Процесс переселения немцев и их поселения на территории Южного Кавказа начался с первых десятилетий XIX в. Первыми немецкими переселенцами на Южном Кавказе были выходцы из Германии. Переселение было обусловлено рядом причин. В начале XIX века в Германии, разоренной в ходе наполеоновских войн, было сложное политическое, экономическое положение, что способствовало недовольству народных масс и усилению миграционных процессов. В особенно тяжелом положении оказались южные земли Германии, в частности – Вюртемберг, где также активизировались религиозные, сектантские движения, одним из которых был сепаратизм. Некоторые из последователей этого движения в поисках спасения изъявили желание переселиться на Восток, в частности, на Кавказ, который, по их мнению, находился «недалеко от колыбели человеческого рода»¹. В результате сектанты обратились к Российскому императору Александру I, который, будучи

на Венском конгрессе, проезжал через г. Штутгарт, с просьбой разрешить им поселиться на Кавказе².

Отметим, что в этот период в начале XIX в. территория Южного Кавказа была завоевана Российской империей, после чего перед царизмом стал вопрос об установлении и укреплении здесь, среди местного населения, политической власти, господства для дальнейшего экономического освоения и использования ресурсов края. Для осуществления этих целей Российскому царизму необходимо было создать надежную социально-политическую, экономическую, этноконфессиональную опору в этом регионе. Начиная с первых десятилетий XIX столетия, царскими властями на Южном Кавказе посредством переселения армян, русских проводилась целенаправленная переселенческая политика, приведшая к изменениям в этноконфессиональной, демографической карте всего Кавказского региона. Начало переселенческой политике царизма на Южном Кавказе было положено переселением группы немецких колонистов. На наш взгляд, переселение немцев на Южный Кавказ необходимо рассматривать в контексте общей переселенческой политики Российской империи.

Процесс переселения немецких колонистов на Южный Кавказ начался с 1816 г. и продолжался вплоть до 1818 г. По данным источников, количество переселенцев, отправившихся из Вюртемберга на Кавказ, достигало 1400 семейств около 6000 человек, хотя в некоторых источниках эта цифра колеблется до 7000 человек³. В итоге, после больших потерь в пути, к осени 1818 только около 500 семейств (приблизительно 2000–2500 чел.) колонистов достигли г. Тифлиса, в дальнейшем они были поселены на территории Азербайджана и Грузии⁴.

В предписании генерала Ермолова отмечалось, что «в Елизаветпольском уезде есть немало земель казенных и там по многим отношениям выгодно поселить колонистов»⁵. Весной 1819 г. часть немецких переселенцев была переселена царскими властями на территорию Азербайджана в Елизаветпольский округ, где ими были основаны два немецких поселения – Еленендорф на месте разрушенной азербайджанской деревни Ханлыклар (Ханлар) в 7 верстах от г. Елизаветполя (Гянджи), и Анненфельд на месте расположения древнего азербайджанского города Шамкир. Ссылаясь на источники, отметим, что в кол. Еленендорф первоначально поселилось 127 семей колонистов (приблизительно 600 человек), а в кол. Анненфельд – 67 семей (около 300–400 человек)⁶. В дальнейшем, вследствие экономического развития, демографического роста, число немецких поселений на территории Северного Азербайджана увеличилось и к началу XX в. доходило до восьми – Еленендорф, Анненфельд, Георгсфельд, Алексеевка, Грюнфельд, Эйгенфельд, Траубенфельд, Елизаветинка, находившихся в основном на местах старых азербайджанских селений в Ханларском, Шамкирском, Казахском, Таузском, Акстафинском районах.

На территории Тифлисской губернии в 1818–1819 гг. были основаны первоначально 6 немецких колоний – колония Тифлисская (40 немецких семейств),

Александрсдорф (23 семейства), Мариенфельд (31 семейство), Елизаветталь (65 семейств), Екатериненфельд (116 семейств), Петерсдорф (17 семейств)⁷.

К середине XIX в. немецкими поселенцами были основаны еще две немецкие колонии – Фрейденталь, основанная в 1842 г. в Ахалцихском уезде и перенесенная в 1848 г. Тифлисский уезд, и Александрсгильф, основанная в 1857 г. вследствие малоземелья в кол. Елизаветталь и переселения властями 38 немецких семейств из этой колонии в урочище Цалки⁸. В 1852 г. колония Тифлисская была причислена к городу Тифлису, а с 1861 г. колонистам этой колонии как сословию горожан было даровано право собственности на надельные земли⁹. В результате колония Тифлисская, потеряв статус колонии, волилась в состав г. Тифлиса как окраина города и стала называться Михайловской улицей¹⁰.

К последней трети XIX в. на территории Тифлисской губернии существовало 7 немецких колоний: из них 5 были расположены в Тифлисском уезде и 2 в Борчалинском уезде¹¹. Со временем, в результате расширения немецких поселений, демографического и экономического роста, внутренних и внешних миграций на территории Тифлисской губернии были основаны дочерние немецкие поселения. Так возникли колония Траубенберг, расположенная в Борчалинском уезде в 42 вестах от Тифлиса, колония Георгсталь, расположенная в Душетском уезде в 35 вестах от Тифлиса и др.¹²

Таким образом, к началу XX в. количество немецких колоний в Грузии увеличилось. Так, согласно источникам, к середине 1920-х годов в Грузинской ССР находилось 13 немецких поселений: из них 8 в Тифлисском уезде – Елизаветталь (1500 чел., 225 крест. хоз.), Розенфельд (1075 чел., 225 крест. хоз.), Либкнехтсдорф (760 чел., 110 крест. хоз.), Розенберг (800 чел., 160 крест. хоз.), Визендорф (86 чел., 25 крест. хоз.), Штейнфельд (95 чел., 28 крест. хоз.), Гофнунгсталь (92 чел., 26 крест. хоз.), Грюнталь (120 чел., 30 крест. хоз.), и 4 в Борчалинском уезде – Люксембург (3700 чел., 737 крест. хоз.), Траубенберг (420 чел., 99 крест. хоз.), Вальдгейм (310 чел., 65 крест. хоз.), Маркогейм (105 чел., 25 крест. хоз.) и 1 в Душетском уезде – Георгсталь (250 чел., 38 крест.хоз.)¹³.

Немецким исследователем К.Штумпом отмечено 19 немецких поселений, существовавших на территории Грузинской ССР: Александрсдорф (Либкнехтсдорф) (осн. в 1817 г.), Александрсгильф (Розенберг) (1860), Блюменфельд (-таль) (Якобли) (1892), Елисаветталь (Асурети) (1817), Фрейденталь (1847), Георгсталь (1910), Гнаденберг (в районе Сухуми) (1879), Грюнталь (1922), Гофнунгсталь (1922), Екатериненфельд (Люксембург) (1818), Линдау (в районе Сухуми) (1879), Мариенфельд (Розенфельд) (1817), Марксгейм (Марнаул) (1914), Нойсдорф (в районе Сухуми) (1879), Новый Тифлис (Михаилсдорф) (1818, присоединен к г.Тифлису), Петерсдорф (1819), Штейнфельд (1922), Траубенберг (1908), Вальдгейм (1911), Висендорф (-фельд) (Марабенталь) (1921)¹⁴.

Как видно, число и названия немецких поселений Грузии в разных источниках приводятся по-разному. Это связано с рядом причин – расширением немецких поселений и образованием дочерних колоний, переименованием некоторых коло-

ний. Так, в годы первой мировой войны в связи с принятыми царским правительством ограничительными мерами против немецкого населения, многие немецкие колонии в Тифлисской губернии были переименованы: Фрейденталь – в Веселое, Мариенфельд – в Марино, Елизаветталь – в Асурети и т.д.¹⁵ Также и в советский период в связи с проводимой идеологической работой названия некоторых немецких поселений были изменены, как например, Александрсдорф – Либкнехтдорф, Екатериненфельд – Люксембург, Мариенфельд – Розенфельд, Александрсгильф – Розенберг и т.д. Ввиду этого существуют определенные разночтения в наименовании и перечислении немецких поселений, находившихся на территории Грузии, создается неопределенность в использовании старых и новых названий и т.д.

Переселение 1816–1818 гг. можно считать первой и основной волной процесса переселения немцев на Южный Кавказ. Немецкие колонисты – выходцы из Германии – представляли основную и массово выраженную группу немецкого населения на Южном Кавказе. Однако, как известно в конце XIX – начале XX в. в связи с нефтяным, промышленным бумом в Азербайджан и Грузию, в особенности в г. Баку, Тифлис, переселялось большое количество иностранцев, в том числе и немцев, среди которых были известные предприниматели, промышленники, инженеры, архитекторы, врачи, ученые, педагоги и т.д. Эта волна переселения немецкого населения, среди которых были выходцы как из Германии, так и из внутренних губерний России, носила дисперсный характер, т.е. проходила вследствие переселения отдельных лиц и их семей, и была обусловлена в основном экономическими причинами.

Говоря о процессе переселения немецкого населения на Северный Кавказ, отметим, что в отличие от Южного Кавказа здесь переселение носило более стихийный характер и проходило в несколько этапов. Северный Кавказ был регионом в основном повторного переселения немцев, т.к. большинство из них переселялось из внутренних губерний России – Поволжья, Причерноморья, с Украины, и только сравнительно небольшая часть немецких мигрантов переселилась непосредственно из исторической родины – Германии. Таким образом, немецкое население Северного Кавказа можно разделить на 2 группы – переселенцы из Германии и переселенцы из внутренних губерний Российской империи, поселившиеся там ранее после указа Екатерины II.

После манифеста Екатерины II от 22 июля 1763 г. в Россию были переселены немецкие поселенцы, большая часть из которых была расселена в Поволжье. Но, ввиду малоземелья, земельного неудобства, через определенное время имело место вторичное переселение колонистов с мест своего первоначального обоснования. Так, например, по указу от 27 октября 1778 г. небольшое количество немецких колонистов с берегов Волги было переселено на Северный Кавказ. В итоге, первые немецкие переселенцы появились на Северном Кавказе в конце XVIII в. после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в результате которой в состав России вошли территории Предкавказья, куда переселялось население из внутренних российских губерний, в том числе и небольшое количество немецких

семей из Поволжья. Однако до начала XIX в. на территории Северного Кавказа не были созданы немецкие колонии. В 1789 г. в районе современного Буденновска проживали 347 немцев – выходцев из Саратовской губернии, которые не смогли обосноваться в этом районе и в большинстве вернулись в Саратовскую губернию. В июле 1785 г. царизмом был издан манифест о дозволении иностранцам селиться в городах и селениях Кавказской губернии¹⁶.

В начале XIX в. волна переселения немецкого населения на Северный Кавказ усилилась. Здесь были основаны первые немецкие колонии, одной из наиболее ранних и крупных среди которых была колония Каррас (или Карас). Колония Каррас или так называемая Шотландская колония (Шотландка), находящая близ Пятигорска, считается одним из самых первых немецких поселений на Северном Кавказе. Интересно то, что основание этой колонии не было связано с немецкими колонистами. Эта колония была основана в миссионерских целях шотландцами Генри Бронтоном и Александром Паттерсоном, отправленными на Кавказ по поручению Эдинбургского миссионерского общества в 1802 г. Однако в 1809, 1810, 1813 гг. небольшое количество немецких семейств из колоний Саратовской губернии поселилось в Каррасе. В 1813 г. в Каррасе было 123 немцев. Постепенно, в результате увеличения немецкого населения эта колония трансформировалась из шотландской в немецкую¹⁷. Конец XVIII–начало XIX в. можно охарактеризовать как первоначальный период переселения немецкого на Северный Кавказ.

Массовое переселение групп немецкого населения на Северный Кавказ – выходцев в основном из Бессарабии и Таврической губернии, а также Саратовской и Самарской губерний началось уже после Крымской войны 1853–1856 гг. Основными причинами, послужившими переселению, стали военные действия и разрушения. Среди главных причин переселения необходимо отметить также переселенческую политику Российской империи на Кавказе. Во второй половине XIX в. в связи с проведением крестьянской реформы и началом экономического подъема, наличием необработанных земель, строительством коммуникаций, на Северном Кавказе увеличилось количество переселенцев – инородного населения, которым царскими властями предоставлялись определенные льготы при поселении.

После Крымской войны 1853–1856 гг. первые немецкие колонии появились в Ейском уезде Кубанской области – Александрфельд, позже переименованная в Александровку, и Михельсталь (Воронцовка). В 60-е годы XIX века в Кубанской области были основаны немецкие колонии Семеновка, Ново-Николаевская, Эйгенфельд (Ванновская), Розенфельд (Шереметьевская), Леоновская. Также немецкие колонии были основаны в Лабинской отделе – Клеопатрафельд, Лилкенфельд, Мариенфельд, в Екатеринодарском отделе – Гнадентау, в Таманском отделе – Михаэлсфельд (Джигинское), Пиленково, в Балтапашенском отделе – колония немцев-менонитов Вольдемфюрст (Великокняжеская), колония немцев-католиков – Рождественская и т.д.¹⁸

Большинство немцев в Терской области проживали в Пятигорском округе¹⁹. К концу XIX в. в Терской области имелось 53 немецкие колонии, наиболее крупными из которых являлись Каррас, Бетания, Гартенфельд, Фюрстенгоф, Сарона в Пятигорском отделе, Канна (Каново), Моргенталь, Гнаденфельд близ Прохладного, Александерсдорф, Эбен-Эцер близ Нальчика, Вальдгейм, Ивановка, Гнаденбург близ Моздока, Михайловское, Эмаус в округе Владикавказ, Константиновка в округе Грозного, Штраухдорф, Владин, Мариенфельд Романовка. Каплан, Александровка в округе Хасав-Юрт и др.²⁰

Согласно сведениям списков населенных мест Ставропольской губернии 1909 г, здесь были отмечены немецкие поселения: кол. Молочная – Иохансдорф (389 душ об.п.), кол.Мартыновка – Мартынсфельд (420 душ об.п.), кол.Ивашенко – Бетель (108 душ.об.п), кол.Золотаревка – Фридрихсфельд (628 душ об.п.) и др.²¹

Немецкие поселения возникли в Области Войска Донского с 70-х гг. XIX в. и являлись в основном дочерними от колоний Воронежской, Таврической, Екатеринославской, Саратовской и Херсонской губерний. Наиболее крупными из них были Остхейм, Фридрихсфельд, Блюменсфельд, Любенталь и т.д. Также на Северном Кавказе наряду с колониями существовали и многочисленные немецкие хутора. Исследователь Т.Н. Плохотнюк отмечает: «На Северном Кавказе существовали свыше 200 немецких поселений: на Ставрополье – 60, в Ростовской области свыше 100, в Краснодарском крае – около 20»²².

На наш взгляд, точное количество немецких поселений, существовавших на Северном Кавказе, определить очень сложно. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, как видно из вышеуказанных материалов, некоторые немецкие поселения были основаны, а затем объединены с другими близлежащими колониями. Также некоторые немецкие хутора, расширяясь, в связи с демографическим ростом, переходили в статус колоний или же объединялись с другими немецкими селами. Во-вторых, новые губернские разделения, административные изменения на Северном Кавказе в советский период также имели непосредственное влияние на отношение немецких поселений к той или иной административной единице. Некоторые немецкие села причислялись к поселкам городского типа или механически сливались, входя в состав близлежащих городов. А немецкое население этих колоний переходило в статус горожан. Некоторое количество немецкого населения целенаправленно переселялось в города Северного Кавказа. Среди горожан были также и колонисты, примыкавшие к процессу отходничества, переселявшие в города и становившиеся ремесленниками, рабочими, торговцами и т.д. С другой стороны, неточности с количеством немецких колоний можно также связать с изменением их названий в период Первой мировой войны и советской власти. К примеру, в 1915 г. в связи с проведением антинемецкой кампании многие немецкие села Северного Кавказа были переименованы, как например, Петерсталь – Селивановка, Либенталь – Брусиловка, Руэнталь – Радковка, Гофнунфельд – Колонтаровка и т.д. В результате все эти факторы осложняют исследование общего количества немецких поселений,

административно-территориальных изменений, происходящих в них, а также демографических изменений среди немецкого населения Северного Кавказа.

Отметим, что на Северный Кавказ переселялись не только крестьяне-колонисты, но и представители высшего сословия немецкого населения. В частности, конце XVIII - начале XIX вв. на Северном Кавказе служили и получили за службу земельные угодья российские генералы и офицеры немецкого происхождения, в частности, генералы П.Габбе, П.Коцебу, офицеры Ф.Торнау, И.Бларамберг и др.²³ Также среди немецкого населения Северного Кавказа были известные предприниматели, к примеру, барон Штейнгель, горожане, представители интеллигенции и аристократии и т.д. Но переселение этих групп немецкого населения, в отличие от массового переселения немецких колонистов, носило дисперсный характер.

Процесс массового переселения немецкого населения привел к демографическим изменениям и появлению новой немецкой этнической общины на этнодемографической карте Кавказа. Говоря о демографических показателях, отметим, что в целом динамика численности немецкого населения Кавказа на протяжении XIX–первой половины XX в. (до 1941 г.) была возрастающей и имела тенденции постепенного роста. Демографические процессы среди немецкого населения восстановить полностью в настоящее время очень сложно, и можно исследовать в основном по переписям населения губерний, а затем республик, областей и краев Кавказа, проведенным в различные годы, и по некоторым статистическим источникам и данным.

По данным переписи 1897 г. на Южном Кавказе в Елизаветпольском уезде Елизаветпольской губернии проживало 3086 немцев, из них 1512 муж.п. и 1574 жен.п., а в Бакинской губернии 1642 лиц мужского и 1788 лиц женского пола, т.е. 3430 немцев обоого пола, родным языком которых являлся немецкий язык, вероисповеданием большинства – лютеранство. Значительное количество – 2460 немцев проживало в г. Баку²⁴. В Тифлисской губернии проживало немцев – 4103 муж.п., 4237 жен.п. - 8340 об.п., из которых большинство (7857 об.п.) исповедовали лютеранство²⁵. В Кутаисской губернии проживало 613 муж.п., 452 жен.п., в целом 1065 немцев об.п. На Северном Кавказе согласно переписи 1897 г. проживало: в Кубанской области – 20778 лиц об.п., в Ставропольской губернии – 8601 лиц об.п., в Терской области – 9672 лиц об.п., родным языком которых считался немецкий язык, а вероисповеданием – лютеранство²⁶.

В виду высоких темпов естественного прироста, демографического роста, в начале XX в. количество немецкого населения на Кавказе увеличилось. В материалах переписи 1926 г. представлены данные о численности немецкого населения республик, областей, уездов, городов Закавказья (Таблица 1)²⁷.

Таблица 1

Численность немецкого населения Кавказа
по Всесоюзной переписи 1926 г. (чел.)

Республики, области, уезды и города	Численность
Закавказская СФСР	25327
Азербайджанская ССР	13149
г. Баку	6357
Бакинский уезд	6428
Гянджинский уезд	4855
Казахский уезд	1543
Грузинская ССР	12074
г. Тифлис	3156
Тифлисский уезд	6685
Борчалинский уезд	4052
Армянская ССР	104
Северо-Кавказский край	93915
Городские поселения	12734
Сельские местности	81181
Армавирский округ	21856
г. Армавир	2913
Донецкий округ	7256
Донской округ	8216
г. Ростов-на-Дону	1982
Кубанский округ	7255
г. Краснодар	1107
Майкопский округ	962
г. Майкоп	111
Сальский округ	3544
Ставропольский округ	8157
г. Ставрополь	395
Сунженский округ	38
Таганрогский округ	8523
г. Таганрог	470
Терский округ	18043
г. Пятигорск	596
Черноморский округ	2968
г. Новороссийск	528
Шахтинско-Донецкий округ	1687
Владикавказ	530
Грозный	468
Адыгейско-Черкесская АО	108
Ингушская АО	14
Кабардино-Балкарская АО	2674
Карачаевская АО	12
Северо-Осетинская АО	1502

Черкесская АО	24
Чеченская АО	78
Дагестанская АССР	2551

По итогам Всесоюзной переписи к 1939 г. всего на Кавказе проживало немцев: в Краснодарском крае – 34 287 чел., Орджоникидзевском крае – 45 689 чел., Кабардино-Балкарской АССР – 5327 чел, Северо-Осетинской АССР – 2929 чел., Чечено-Ингушской АССР – 858 чел., Дагестанской АССР – 5048 чел., Азербайджанской ССР – 23 133 чел., Грузинской ССР – 20 527 чел.²⁸

Как видно из статистических данных, к середине XX в. демографические показатели немецкого населения Кавказа были довольно высокими. В частности, на протяжении XIX- начала XX вв. только на территории Южного Кавказа было основано около 30 немецких поселений, а динамика численности немецкого населения здесь составила от более 2000 – 2500 немцев в 1818 г. до более 40000 немцев в 1939 г. Исходя из данных переписи, в 1939 г. численность немецкого населения на всем Кавказском пространстве достигала около 140–150 тыс. человек.

Таким образом, процесс переселения немецкого населения и формирования немецкой общины на Кавказе проходил на протяжении конца XVIII – XIX в. и имел свои характерные особенности и различия в регионах Южного и Северного Кавказа. Переселение немецкого населения на Южный Кавказ носило, условно говоря, двухэтапный характер: 1) 1818–1819 гг. – переселение немецких колонистов – выходцев из Южной Германии, основной причиной которого послужили сектантские побуждения группы немецких крестьян переселиться на Восток и цели российской переселенческой политики; 2) вторая половина XIX – начало XX в. – переселение отдельных лиц немецкого происхождения из Германии или внутренних губерний России, обусловленное в целях службы, профессиональной, предпринимательской деятельности и тд. Переселение немецкого населения на Северный Кавказ происходило также в несколько этапов (конец XVIII – начало XIX в.; середина – вторая половина XIX в.). Но в отличие от Южного Кавказа, немецкие колонисты переселялись и расселялись на Северном Кавказе несколькими потоками на протяжении конца XVIII – XIX в.; переселение носило более стихийный характер; переселенцы были в основном выходцами из внутренних губерний Российской империи (вторичное переселение) и частично из Германии; переселение проходило большей частью по экономическим мотивам в контексте общей переселенческой политики российского царизма, которым были предоставлены значительные льготы, земельное обеспечение иностранным переселенцам. Среди немецкого населения Кавказа можно выделить 2 группы: крестьяне-колонисты, массово и поэтапно переселявшиеся и обосновавшиеся в регионе, а также предприниматели, представители научной, творческой интеллигенции, военного, духовного сословия немецкого происхождения, переселявшиеся дисперсно по работе, службе, в виду промышленного бума, культурного развития Кавказского края в основном во второй половине XIX – начале XX в. В результате немецкие колонии являлись местами компактного проживания

немцев, основными центрами концентрации, формирования немецкой общины Кавказа. А немецкое население, проживавшее дисперсно в городах и промышленных центрах Кавказа, объединялось вокруг культурно-религиозных обществ.

В хозяйственной деятельности немецкого населения Кавказа можно выделить несколько основных направлений. Большинство немецкого населения Кавказа по словословию были крестьянами-колонистами и проживали в сельской местности. Ввиду этого основные отрасли деятельности немецкого населения были связаны с сельским хозяйством и сельскохозяйственным производством, хотя среди немцев Кавказа были и крупные предприниматели, задействованные в различных сферах легкой и тяжелой промышленности. В развитии различных отраслей хозяйственной деятельности немецкого населения областей Южного и Северного Кавказа имелись как общие тенденции, так и отличительные черты, связанные с природно-климатическими условиями и расположением немецких поселений, хозяйственными навыками колонистов, востребованностью и прибыльностью данных экономических отраслей, возможностью быстрого выхода на рынки сбыта, условиями, созданными властями и т.д. Если в первой половине XIX в. в немецких поселениях Кавказа шел процесс первоначального становления, адаптации к местным условиям жизни региона, то во второй половине XIX в. четко наметились основные тенденции хозяйственной специализации немецкого населения Кавказа. Говоря о направлениях хозяйственной специализации немецкого населения, наиболее уместно представить классификацию исследователя Н.К.Никифорова, разделившего по источникам благосостояния немецкие колонии Кавказа на 3 группы: земледельческая, винодельческая и скотоводческая группы²⁹.

Земледелие было развито в некоторых немецких поселениях Грузии и Северного Кавказа. В немецких поселениях Азербайджана земледелие носило натуральный характер и не представляло собой основную статью дохода колонистов. В немецких колониях, располагавшихся на территории Тифлисской губернии – Александрсдорф, Мариенфельд, Петерсдорф, Фрейденталь – основным источником благосостояния являлось хлебопашество. Здесь использовалась переложная система хозяйства. Особое преимущество давалось озимым посевам, разводились пшеница, ячмень, рожь, овес, кукуруза, картофель. На Северном Кавказе на земледелие было широко развито в немецких колониях Семеновка, Вольдемфирст и Александрфельд и др. В колонии Семеновке существовало общинное землевладение, которое не распространялось на сады и приусадебные земли. Исключительным занятием колонистов Семеновки являлось земледелие. Большинство сельскохозяйственных продуктов сбывалось в Екатеринодаре³⁰. В колониях Вольдемфирст и Александрфельд существовало общинное землевладение, а земли были разделены на три участка – для пастбища, сенокоса и распашки. Хотя через некоторое время, ввиду развития рыночных отношений в сельском хозяйстве, начался постепенный переход к частновладельческому землепользованию. Хлебопашество являлось основной отраслью дохода этих колоний. Так в 1882 г. в этих двух колониях было собрано 7182 четверти

зерновых и 410 четверти картофеля. Почти все хозяйства имели собственные сады и огороды, выращивали картофель и бахчевые культуры³¹.

Одной из основных отраслей хозяйственной деятельности немецкого населения на Кавказе было виноградарство и виноделие. Эти хозяйственные отрасли были развиты во всех немецких колониях Азербайджана, некоторых колониях Грузии и Северного Кавказа.

Со второй половины XIX в. основным направлением деятельности, специализацией немецких поселений стало виноградарство и виноделие, развитие которых способствовало их экономическому росту. В результате привезенных с собой из исторической родины – Германии навыков в данном хозяйственном направлении, принятия местных особенностей в культуре виноградарства, развитой в регионе, обмена опытом с местным населением, а также вложения усилий и труда, немецкие колонисты были известны своим виноградным хозяйством, винопродукцией и считались одними из лучших производителей в этой сфере промышленности. Большой вклад в развитие винодельческой промышленности в немецких колониях Азербайджана внесли возникшие со второй половины XIX в. винодельческие фирмы братьев Форер и братьев Гуммель, владевшие многими промышленными предприятиями, торговыми точками, землями, угодьями и немалым для того времени капиталом и, являвшиеся одними из самых крупных предпринимателей среди немецких колонистов не только Азербайджана, но и в целом Южного Кавказа, вложившими свой вклад в развитие виноделия региона. В 1922 г. в немецких поселениях был создан Производственный Кооператив Виноградарей – Виноделов Гянджинского района «Конкордия», охватывавший более 90% немецких винодельческих хозяйств в Гянджинском районе. К 1926 г. во владении кооператива имелись 9 норменно-винокуренных, спиртово-ректификационных и 5 коньячных заводов, 11 винодельческих и коньячных подвалов. «Конкордия» имела свои представительства и отделения в различных городах СССР. Помимо этого, необходимо особенно отметить деятельность Берлинского представительства «Конкордии», посредством которого производились заграничные поставки винопродукции и закупалось оборудование, лечебные средства для кооператива. В результате расширения деятельности росли и доходы кооператива. К примеру, 1924/25 операционный год «Конкордия» закончила с балансом свыше 8 млн. Рублей³². Созданные в результате коллективизации немецкие колхозы в Азербайджане также специализировались на виноделие.

Часть немецких поселений Грузии также специализировались на виноградарстве и виноделии. К ним относились Екатериненфельд, Елизаветталь. По сведениям на 80-е годы XIX в. средний годовой урожай винограда с десятины в этих колониях составлял 480 ведер, среднегодовая производительность вина – 50–60 тыс. ведер, а средняя стоимость вина за ведро – 1 руб. 20 коп., а общая среднегодовая выручка с продажи вина составляла 60–70 тыс. руб. В кол. Екатериненфельд с десятины получали в среднем 400 ведер вина, а доход с десятины виноградника составлял

500 руб.³³ В 1873 г. было получено в Екатериненфельде – 54 867, Елизаветтале – 22 003, Александрсдорфе – 633, Мариенфельде – 6 217, Петерсдорфе – 2 200, Фрейдентале – 1 227 ведер вина³⁴.

В немецких поселениях Северного Кавказа виноградарство и виноделие было одним из самых прибыльных отраслей их хозяйства. Основа виноградарства была заложена немецкими переселенцами в одном из самых первых немецких поселений на Кавказе – в Каррасе, где первоначально колонистами была засажена виноградниками небольшая площадь. Прочное основание виноградарству близ Пятигорска было положено немцами двух колоний – Орбелиановки и Темпельгофа, находящихся на берегу р. Кумы. Первые саженцы винограда были привезены в конце 60-х годов XIX в. колонистами Орбелиановки, которые были выходцами из Бессарабии и были знакомы с виноградарством. К 1897 г. колонисты Темпельгофа имели 126 десятин плодоносящих виноградников, а Орбелиановки – 85 дес. В 1893 г. производительность в этих колониях составляла 600-700 ведер вина с каждой десятины. Вина вывозились колонистами для продажи в близлежащие уездные, так и крупные губернские центры³⁵. Наиболее крупными винодельческими пунктами в Кубанской области 4 города – Екатеринодар, Ейск, Темрюк, Анапа, а также иностранные поселения – немцев, молдаван, греков. На долю немецких колоний Кубанской области Вольдемфюрст (Великокняжеское), Александрсдорф, Михаэлсфельд приходилось около 300 дес. виноградника. Также в начале 80-х годов XIX в. в колониях Эйгенфельд и Розенфельд Кубанской области имелось 67 дес. виноградника. К примеру, в одной только колонии Михаэлсфельд в среднем в год приходилось 40 000 ведер вина³⁶.

Также большое значение в хозяйственной деятельности немецкого населения Кавказа имело скотоводство и молочное производство, для развития которых на Кавказе имелись определенные традиции, природно-климатические условия и экономические предпосылки. В немецких поселениях Азербайджана скотоводство и молочное хозяйство носило натуральный характер и не являлось хозяйственной специализацией. Однако многие немецкие колонии Грузии специализировались на производстве молочной продукции. Молочное хозяйство, а особенно сыроварение было очень сильно развито в Борчалинском уезде Тифлисской губернии. История швейцарского сыроварения на территории Тифлисской губернии началась в 60-70-х годах XIX в. и была тесно связана с деятельностью завода Кученбаха и общественного завода в Александрсгильфе. Со временем швейцарское сыроварение получило в Грузии широкое распространение. К концу XIX в. здесь существовало 6 швейцарских сыроварен. Колония Александрсгильф специализировалась в основном на скотоводстве. В 1864 г. в Александрсгильфе в 120 вестах от Тифлиса был основан общественный завод, занимавшийся промышленным производством молочной продукции. С 1865 г. в колонии начала действовать общественная сыроварня для выделки швейцарского сыра, для работы в которой был приглашен швейцарский сыровар Чабольд. В 1883 г. в сыроварне было переработано 16 386 ведер моло-

ка, из которых было получено 1089 пуд. сыра, который для продажи поступил на собственный склад колонистов в Тифлисе и продавался по цене 12 руб. за пуд. Прибыль, полученная от продажи, пропорционально распределялась между колонистами пропорционально количеству поступившего от них молока³⁷.

Сыроварение и в целом молочное хозяйство было одной из важных статей дохода части немецкого населения Грузии. Из числа сыроварен, существовавших в Борчалинском уезде, наибольшей известностью пользовалась фирма барона А.Ф. фон-Кученбаха. В середине 90-х годов XIX в. ферма барона Кученбаха имела большую доходность и пользовалась известностью на Кавказе³⁸. К концу XIX века в хозяйстве Кученбаха насчитывалось дойных коров в пределах от 250 до 280 (мелкого рогатого скота до 140). В год хозяйством изготовлялось сыра около 2000 пудов, из которых 1500–1800 пудов – швейцарского, а остальные – голландского и лимбургского. Сыроварение производилось круглый год. В производилось около 300 пуд. масла (из них 250 пуд. сливочного). Все эти продукты доставлялись и сбывались в Тифлисе³⁹. До советизации в Тифлисской губернии действовали несколько немецких молочных коопераций – в Александрсдорфе, организованная в 1858 г., Вальгейме (1918), Траубенберге (1920). После советизации возникли немецкие молочные артели в сел. Александрсдорф (1921), Ленино (1923), Георгсталь (1922)⁴⁰. Молочное хозяйство в них носило промышленный характер, 90% продукции поступало на рынок и сбывалось в основном в Тифлисе. С 1 января 1923 г. было оформлено «Товарищество немецких молочных артелей Грузии», в которое на паевых началах вошли: Розенфельдская, Либкнехсдорфская, Траубенбергская и Георгстальская артели. В состав Товарищества не вошли только 2 сыроваренные артели – Александрсгильфская и Вальдгеймская. Первоначально Товарищество не имело собственных средств, ему было выделено 3 распределительных пункта в Тифлисе. Но за короткий промежуток времени Товарищество смогло увеличить объем производства и к началу 1924 г. владело 7 пунктами в Тифлисе⁴¹.

В немецких колониях Северного Кавказа одной из развитых отраслей было молочное хозяйство, носившее товарный, коммерческий характер. В частности, менониты кол. Вольдемфюрст основали сыроваренный завод, на котором изготовляли швейцарский сыр и масло. На Кавказской выставке 1889 г. они получили серебряную медаль за производство сыра⁴². В колониях Вольдемфюрст и Александрфельд имелось около 600 лошадей и 500 коров. В этих колониях также велось молочное хозяйство. К примеру, в 1893 г. жителями этих двух немецких поселений было выработано и поступило на завод 11 401 пуд. молока более чем на 5000 руб., из которого было изготовлено 1007 пуд. сыра и 81 пуд. масла. В этих менонитских колониях было основано «Общество потребителей», которое имело магазин, винный погреб и сыроваренный завод. В 1893 г. сыроваренным заводом было получено чистого дохода 3100 руб.⁴³

Наряду с сельскохозяйственным производством, некоторая часть немецкого населения Кавказа занималась ремеслом и промышленной деятельностью. В не-

мецких поселениях Кавказа ремесло большей частью носило прикладной характер и обеспечивало собственные потребности колонистов. Большое развитие получило производство европейских фургонов, «колонистского» плуга, винных бочек. Широкое распространение ремесленничество получило в колонии Тифлисской, которая была присоединена к г. Тифлису. И если первоначально ремесло носило натуральный характер, в целях использования в собственном хозяйстве, то в дальнейшем, с развитием промышленности, данные виды кустарного ремесла перешли на промышленный уровень. Среди немецкого населения Кавказа были как крупные промышленники, так средние предприниматели. Здесь можно отметить имена Сименсов, Бенкендорфов, Фореров, Гуммелей, Кученбаха, барона Штейнгеля и др.

Как видно, немецкое население Кавказа было занято в различных отраслях сельского хозяйства и хозяйственного производства, а также ремесленно-мануфактурной и промышленной деятельности, принимая активное участие в экономической жизни края. Различия в выборе хозяйственной специализации той или иной группы немецкого населения были связаны с наличием собственных навыков и методов, заимствованных у местного населения, природно-климатических условий и ресурсов, ближайших рынков и коммуникаций, прибыльностью, конкурентоспособностью и другими причинами. В целом немецкую общину, существовавшую на Кавказе на протяжении XIX–XX вв., можно охарактеризовать некоторыми общими чертами: развитие различных отраслей сельского хозяйства и производства – виноградарство и виноделие, земледелие, молочное производство, ремесло и т.д., развитие культурной и религиозной жизни (лютеране, католики, меннониты и др.) – деятельность немецких школ, издание немецких газет, строительство церквей и т.д. Немецкое население имело довольно высокий уровень экономического, хозяйственного, культурного развития, т.е. представляло собой экономически, культурно развитую, соответственно высоким демографическим показателям, крупную этническую общину Кавказа. Процесс депортации 1941 г. стал последней страницей истории немецкого населения, прервавшей их жизнедеятельность на Кавказе.

¹ Смирнов С. Немецкие сектанты за Кавказом // Русский Вестник. Т.57. М., 1865. С.230–233

² См.: Басихин П. Немецкие колонии на Кавказе. Этнографический очерк // Кавказский вестник. 1900. № 1. С.14.

³ См.: Schweinitz Helenendorf. Eine deutsche Kolonie im Kaukasus. Berlin, 1908. S. 3; Басихин П., Указ.соч. С.14.

⁴ См.: Циммер Ф. Колония Еленендорф, Елисаветпольской губернии и уезда // СМОМК. Вып.29. Тифлис, 1901. С.2–3.

⁵ Акты собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК) / Под ред. Ад.Берже. Т.6. Ч.1. Тифлис, 1874. С.331.

⁶ См.: Никифоров Н.К. Экономический быт немецких колонистов в Закавказском крае // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского

края. Т.1. Тифлис, 1886. С.104; Stumpp K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862. 1993. S. 99.

⁷ См.: Никифоров Н.К. Указ.соч. С.105.

⁸ См.: Аргунский-Долгоруков. Борчалинский уезд. Тифлис, 1897. С. 43.

⁹ См.: Никифоров Н.К. Указ.соч. С. 105-106, 111.

¹⁰ См.: Тифлис и его окрестности. Тифлис, 1896. С.40; Басихин П. Указ.соч. С.15.

¹¹ См.: Никифоров Н.К. Указ.соч. С 111.

¹² См.: Мюльбах О. Молочная кооперация в немецких колониях в Грузии // Экономический Вестник Закавказья. Тифлис. 1925. № 21. С. 94.

¹³ См.: Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (далее - ГАППОДАР). Ф.1. Оп.235. Д.303. Л.76; Jakob Hummel, Heimat Buchlein der Deutschen in Traskaukasien. Pokrowsk: Nemgosizdat, 1928. S. 49.

¹⁴ См.: Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. Stuttgart: 1961. S.162–163.

¹⁵ См.: Манджгаладзе Г.Х. Германский капитал в Закавказье (1860–1918). Автореферат дис. ... док. ист. наук. Тбилиси, 1991. С.20.

¹⁶ См.: Плева И.Р. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.: Обещания и реальность // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы российско-германской научной конференции. М., 1995. С. 31; Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. С. 41; Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М, 2001. С. 7.

¹⁷ См.: Вейденбаум Е. К истории Шотландской колонии около Пятигорска // Известия Кавказского Отдела Имперского Русского Географического Общества (ИКОИРГО). Том VII. 1881. С.171.

¹⁸ Алексеенко И.И. История и проблемы российских немцев на Кубани // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Российско-Германской научной конференции. М., 1995. С. 56-57; Руденко Л.Ф. Некоторые черты свадебной обрядности у немцев Тбилисского района // Археология, этнография и краеведение Кубани: Материалы конференции. Армавир-Краснодар, 1998. С. 36.

¹⁹ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Терская область. Тифлис, 1905. С. 5, 131.

²⁰ См.: Агаева Э.Я. Становление и дальнейшая судьба немецких колоний в Терской области // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы Российско-Германской научной конференции. М., 1995. С.120–122; Гостиева Л.К. Немцы Северной Осетии: история и современность // Там же. С.132–134.

²¹ См.: Сборник сведений о Северном Кавказе. Списки населенных мест ставропольской губернии (по данным 1909 г.). Том V. Ставрополь, 1911. С. 20, 34

²² Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М, 2001. С.6-27; Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середина XX в.): Сборник документов / сост. Т.Н. Плохотнюк. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С.3.

²³ См.: Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995. С. 92.

²⁴ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., т. LXIII. Елизаветпольская губерния. 1904. С. 3, 63, 65, 87; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Бакинская губерния. Т. LXI, 1905. С.52, 58–59, 72–73, 108–109.

²⁵ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXIX Тифлисская губерния. 1905. С. 76–77, 82–83, 109, 264–265; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVI Кутаисская губерния. 1905. С. 2–3, 94–95, 123.

²⁶ См.: Кавказский календарь на 1908 год. Тифлис, 1907. С. 120–124; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Терская область. Тифлис, 1905. С. 59.

²⁷ См.: Население Закавказья. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Тифлис: Издание ЗакЦСУ, 1928. С. 10–17; Всесоюзная перепись населения 1926 г. том. V Крымская АССР, Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР. М., 1928. С. 52, 54, 56, 58–59, 63, 65, 67, 71, 73, 77–78, 81, 84–85, 87–89, 91–92, 96–97, 101, 103, 105–109, 112–113, 116–117, 342.

²⁸ См.: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Под ред. Ю.А.Полякова. М.: Наука, 1992. С. 71, 59–67; История российских немцев в документах (1763–1992) / Под ред. В.А.Аумана, В.Г.Чеботаревой. М., 1993. С.156.

²⁹ См.: Никифоров Н.К. Указ.соч. С.124.

³⁰ См.: Розенберг Л.Немецкая колония Семеновка Кубанской области, Кавказского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 27. Тифлис, 1900. С.175–181

³¹ См.: Твалчрелидзе А. Колонии менонитов Вюртемфурст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 5. Тифлис, 1886. С. 236–257.

³² См.: Государственный архив Азербайджанской республики (далее – ГААР). Ф.2384. Оп.1. Д.2. Л.214; Ф.816. Оп.6. Д.56. Л.7-8; Ф.2384. Оп.1. Д. 17. Л. 100-101; ГАППОДАР. Ф.1. Оп.85. Д.613. Л.65; Оп. 235. Д. 303. Л.141.

³³ См.: Аргунский-Долгоруков. Борчалинский уезд. Тифлис, 1897. С.120–121.

³⁴ См.: Очерк виноделия Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Т. III. Тифлис, 1875. С. 241–247, 362–363.

³⁵ См.: Морев Н.И. Виноградарство и виноделие в Пятигорском отделе Терской области // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Выпуск IX. Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области. Тифлис, 1901. С.43–52

³⁶ См.: Шавердов С.Б. Виноградарство и виноделие в Кубанской области // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Выпуск IX. Ставропольская губерния, Терская и Кубанская области. Тифлис, 1901. С. 44, 116.

³⁷ См.: Мюльбах О. Молочная кооперация в немецких колониях в Грузии // Экономический Вестник Закавказья. № 21. Тифлис, 1925. С. 92.

³⁸ См.: Гугушвили П.В. Развитие сельского хозяйства в Грузии и Закавказье в XIX-XX вв. Тбилиси: Мецниереба, 1963. С. 299–300.

³⁹ См.: Аргунский-Долгоруков. Борчалинский уезд. Тифлис, 1897. С.137–140.

⁴⁰ См.: Молочная кооперация в Восточной Грузии // Экономический Вестник Закавказья. Тифлис. 1924. № 8. С.38.

⁴¹ См.: Мюльбах О. Молочная кооперация в немецких колониях в Грузии // Экономический Вестник Закавказья. Тифлис. 1925. № 25. С. 95–98.

⁴² См.: Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М, 2001. С.42.

⁴³ См.: Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 23. Тифлис, 1897. С.120–125.

К вопросу о региональных стратегиях адаптации переселенческих сообществ: уникальность и типичность северокавказской меннонитской общности

Одной из наиболее актуальных в современной науке является проблема сохранения этнокультурной самобытности малых народов и этнических общностей в многонациональном и поликонфессиональном государстве. Естественно-географическое, природно-климатическое, этническое, религиозное и культурное разнообразие российского государства предопределило неоднородность геополитического пространства России и сложность определения «этнических рубежей» на своем территориальном пространстве. Тот факт, что территория российского государства никогда не представляла однородный массив, всегда требовал анализа в отношении к макрорегионам, имеющим свою географическую специфику, различные исторические традиции и экономические возможности, свое неповторимое этнокультурное лицо.

Особенности регионализации необходимо учитывать при исследовании механизмов самосохранения, выработанных различными этнокультурными сообществами в процессе приспособления к новым условиям существования. Анализ адаптивного поведения меннонитской общности в условиях северокавказского региона в данном случае – не исключение. В последнее время перспективным направлением темы «русские меннониты» стало изучение проблем существования и развития «дочерних» поселений. Вопросы, связанные с этой группой колоний, особенно актуальны для российских ученых, т.к. практически все колонии меннонитов, существовавшие на территории сегодняшней Российской Федерации (в Поволжье, Сибири, Северном Кавказе, Оренбуржье) относились к т.н. «дочерним» поселениям.

До сих пор «материнские» и «дочерние» колонии меннонитов рассматривались как единое целое. Однако современные исследования, ведущиеся в российских регионах, ставят вопросы о существовании характерных особенностей «дочерних» общин-конгрегаций, их религиозного и социального устройства, уникальности расселения и др. С одной стороны, такое рассмотрение предмета позволяет увидеть особенности меннонитских общин, с другой, без общего взгляда нет целостной картины явлений, поэтому для адекватного понимания основных процессов, происходящих в меннонитских поселениях, необходимо учитывать общероссийский контекст.

Проанализировать общее и особенное в формировании, организации жизнедеятельности, адаптации к новым условиям северокавказской меннонитской общности возможно лишь в условиях междисциплинарного исследования и с

привлечением широкого круга источников. Прежде всего, документов региональных архивов (Ставрополя, Краснодара, Владикавказа, Одессы), в том числе ранее неизвестных: комплекса распорядительных документов, отражающих особенности правового положения иностранцев и подданных империи во второй половине XIX – начале XX в., комплекса документации административных и фискальных учреждений, переписки, списков поселенцев колоний и др. Кроме того, решить поставленные задачи помогают уникальные материалы журналов «Preservings», «Heimatbuch» и др. (дневниковые записи, письма, воспоминания, фотографии меннонитов); трудов исследователей-меннонитов: П. Фризена, Дж. Ремпеля и др.; исследования и описания северокавказских меннонитских поселений современниками (публикации М. Заалова, Д. Классена, А. Твалчрелидзе) и др.¹

Колонизационный тип перемещения меннонитов как в Россию, так и на территорию Северного Кавказа, обусловил особенности природно-хозяйственной и социально-этнической адаптации. Если в среднем процесс природно-хозяйственной адаптации занимает около восьми-десяти лет, то в случае с меннонитами, осваивающими ранее пустующие земли, создающими соответствующую инфраструктуру и т.д. этот процесс усложнился и растянулся до 20–30 лет².

Анализ источников свидетельствует, что в течение второй половины XIX – начала XX в. северокавказские меннонитские общины в целом успешно адаптировались в природно-хозяйственном отношении: меннониты выработали свою стратегию хозяйственной адаптации и смогли занять собственную нишу в экономическом поле региона. Для меннонитов привлекательными являлись далеко не все сферы экономики. Труд на земле имел в учении меннонитов религиозное обоснование, поэтому предпочтение они отдавали сельскому хозяйству, специализируясь прежде всего на выращивании пшеницы. Однако формирующийся рынок северокавказского региона диктовал свои условия. Падение цен на хлеб в последнее десятилетие XIX века (в Кубанской области – почти в три раза) и складывание экономической базы курортов Кавминвод стимулировали поиск новых хозяйственных стратегий, привели к всплеску предпринимательской активности у северокавказских меннонитов. Рентабельными на региональном рынке оказались такие отрасли сельского хозяйства как молочное животноводство, виноградарство и садоводство³.

Завершение процесса природно-хозяйственной адаптации имело важные последствия в развитии общности. После того, как были выработаны механизмы существования в новой среде обитания, можно говорить о начале межкультурного влияния. Об этом свидетельствуют:

- языковые заимствования северокавказских меннонитов. В силу конфессиональной замкнутости меннонитов взаимоотношения с местным населением имели место в основном в хозяйственной сфере, поэтому наибольшее влияние русского языка отмечается в лексике, связанной с сельскохозяйственным производством и торговлей;

– культурные заимствования (в сфере одежды, жилища, внешнего вида и др. Так, по свидетельствам современников, большинство мужчин-меннонитов на Кавказе носили бороды, мотивируя это тем, что «горцы выказывают большее доверие мужчинам с бородой, чем безбородым»)⁴;

– построение взаимоотношений меннонитов с окружающими народами (русскими, горцами, казаками) и иными конфессиями (католиками, лютеранами и др.);

– активная миссионерская деятельность меннонитских общин на Северном Кавказе.

Наличие этих процессов в меннонитской общности свидетельствует о вхождении меннонитов в социокультурное пространство региона. Следует отметить, что обычно принимающее общество – это хорошо структурированный социум, который обладает присущим только ему общественным сознанием и устойчив к внешним воздействиям. Диаспора со своими традициями, образом мысли, мировосприятием является чужеродным для общества образованием, и при всех обстоятельствах ее существование нарушает естественное для него течение жизни. Особенностью переселенческой ситуации и процесса адаптации меннонитов (как и немцев, греков, армян, болгар и др. этнических групп, сложившихся на территории региона в условиях иммиграции) было то, что в северокавказских условиях социокультурное пространство еще только оформлялось, и они включились в него на этом этапе.

Всесторонний, комплексный анализ источников демонстрирует, что общины переселенческих сообществ (и меннониты в этом случае не являлись исключением) не могут существовать в одинаковой степени изолированно значительное время. С течением времени они неизбежно подвергаются влиянию окружающей среды. Особенности адаптации меннонитской общности заложены в изначальной психологической установке: ориентацию на длительное проживание в новой среде, но не интеграцию в социальное окружение. Основной задачей любой общины как социального института является самосохранение. В меннонитской общине, ориентированной на изоляцию от внешнего «греховного» мира, стремление к общинному самосохранению происходило в утрированном виде. Однако меннонитская община, как бы крепка и сплочена не была, все-таки не является идеальным «обществом святых» и не может опровергнуть общие законы социального развития. С течением времени меннонитская община адаптируется и в экономическом, и в социокультурном отношении, и это является началом ее разрушения.

Таким образом, несмотря на все региональные особенности адаптации меннонитов, их община в условиях Северного Кавказа (как и любого другого региона) – сложнейшая структурированная многофункциональная организация, основной задачей которой является провести процесс адаптации для обеспечения жизнедеятельности общности и одновременно сохранить изоляцию. В несовместимости этих задач и заключается основное противоречие меннонитской общности, определившее ее судьбу «народа в пути».

¹ См.: Preservings (the Magazine of the Hanover Steinbach Historical Society Inc.) – No.14, June, 1999. No.27, December, 2005.; Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1954. Stuttgart: Hrsg. v.d. Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1954. – 150 S.; Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1967/68. Stuttgart, 1968. – 216 S.; Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1985/89. Stuttgart, 1989.– 224 S.; Friesen P.M. The Mennonite Brotherhood in Russia (1768–1910). / Trans. from German. Fresno, Ca, 1980; Rempel D. The Mennonite Colonies in New Russia. Stanford University, 1933; Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 23. С. 89–127.; Классен Д. Вольдемфюрст колония // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 228–229; Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфюрст и Александерфельд, Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. С. 209–274.

² См.: Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. С. 67; ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1257. Л. 5–8.

³ См.: К вопросу о садоводстве у меннонитов Ставропольской губернии // Промышленный сад и огород. 1900. № 4; ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 714. Л. 28–35.

⁴ Friesen P.M. The Mennonite Brotherhood in Russia (1768–1910). / Trans. from German. – Fresno, Ca, 1980. P.501.

Проблема ликвидации недвижимого имущества немецких колонистов в Тифлисской губернии (Грузия) в период Первой мировой войны

Годы Первой мировой войны явились суровым испытанием для колонистов Закавказского края, как и для всего немецкого населения в Российской империи. Объективно необходимые в условиях военного времени ограничительные или репрессивные меры правительства против подданных неприятельских государств рефлексировали на положение немцев – российских подданных, бывших колонистов. Антинемецкие настроения и публикации в прессе, запрет на употребление родного языка, погромы, узаконение ликвидации немецких предприятий и землевладения, депортации и т.п. держали российских немцев в полном напряжении. Волна экстраординарных мер и распоряжений по ограничению и ликвидации недвижимого имущества лиц немецкого происхождения докатилась от приграничных западных губерний (закон 2 февраля 1915 г.) до Кавказа, захлестнув с принятием узаконения от 13 декабря 1915 г. швабские колонии. Высочайше утвержденное положение Совета министров о некоторых изменениях и дополнениях к закону 2.02.1915 расширяло радиус его действия в приграничном поясе до Каспийского моря, «во всех местностях Кавказского края»¹ касаясь, в частности, землевладения австрийских, венгерских или немецких выходцев. Это реально ставило под угрозу внеадельные и надельные земли колонистов в Закавказье. Администрация Кавказского наместничества, во главе которого в 1915 г. (указ 23 августа) стал вел. кн. Н.Н. Романов, проявила завидное рвение к неукоснительному исполнению этих, так называемых ликвидационных законов. Концепция ослабления «внутреннего врага» при неудачах на фронтах нашла воплощение в ее деятельности на всех уровнях.

Вопрос о положении в годы войны немецких колоний в Елизаветпольской губернии (Северный Азербайджан) был рассмотрен в новейшей литературе². Мы остановимся на ходе реализации узаконений по ликвидации немецкого землевладения в Тифлисской губернии (не затрагивая мер против германского капитала, германских и австро-венгерских подданных). Данный аспект, не нашедший освещения в отношении немецких колоний в Грузии, исследуется на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот. Речь идет о пяти колониях, основанных в 1817–1818 гг. (не считая Тифлисской колонии ремесленников, вошедшей в 1861 г. в состав города), и возникших позже шести дочерних колониях в Тифлиском и Борчалинском уездах губернии.

Наглядный след разнузданной антинемецкой кампании в стране и соответствующей государственной политики на Кавказе оставило переименование коло-

ний на основе циркуляров МВД от 13 и 15 октября 1914 г. (за №№ 52, 55), когда министр Н.А. Маклаков нашел «своевременным поставить на очередь» данный вопрос. По распоряжению наместника Кавказского губернского правление постановило присвоить колониям русские наименования: кол. Екатериненфельд – Екатериновка, Елисаветталь – Асурети, Траубенберг – Виноградовка, Фрейденталь – Веселое и т.д. Была запрещена газета „Kaukasische Post“.

Координация действий на местах по ходу организации добровольного и принудительного отчуждения иностранного недвижимого имущества в крае шла через МВД и Канцелярию наместника Е.И.В. на Кавказе. Отношением от 5 февраля 1916 г. за № 3901 наместник обязует Бакинского вице-губернатора ст. сов. А.А. Макарова к общему наблюдению (в статусе «Наблюдающего») за осуществлением мер, с периодическими выездами и отчетами (включая Кубанскую и Терскую области) – «для ближайшего руководства делом ликвидации иностранного землевладения»³. Процесс отчуждения земель начинался с составления списков их владельцев. Тифлисское губернское правление препроводило в Баку Наблюдающему 3 именных списка австрийских, германских и венгерских подданных, сведения о 2-х прошедших и предстоящих торгах их именными. Сведения о землевладении немецких выходцев и колонистов в Тифлисской губернии были затребованы от уездных начальников 9 февраля 1916 г. Составленный на основе полученных донесений общий список 44-х владельцев недвижимых имуществ был опубликован 24 марта в газете «Кавказ». Согласно данному списку ликвидации подлежало: 1) наделных земель колонистов – 15018 дес. 638 кв.с.; 2) вненаделных земель, состоящих во владении обществ и товариществ колонистов – 9859 дес. 138 кв.с.; 3) земель, принадлежащих отдельным колонистам – 2485 дес. 2340 кв.с.; 4) земель во владении выходцев (наследников баронов фон Кученбах) – 8625 дес. 638 кв.с. Итого: 35988 дес. 638 кв.с.⁴ Так, за вычетом земель прусскоподданного фон Кученбаха, намечалось к ликвидации свыше 27363 дес. земель колонистов. По 2-му пункту следует пояснить, что в швабских колониях Грузии (кроме Елисаветталь и азербайджанских колоний) земля приобреталась в основном на общественный счет не в частную, а в общественную собственность всей колонии; но отдельные хозяева имели собственные участки⁵.

В докладе о состоянии дела по ликвидации земель отмечалось, что в список, возможно, не попали лишь некоторые мелкие участки в дачных местностях Тифлисского уезда, к выяснению чего были приняты меры. Отмечались некоторые неточности при составлении списков. К примеру, в поименный список членов товарищества колонистов Георгсталь были включены австрийский и германский подданные, а в состав наделной земли Екатериновского сельского общества (б. к. Екатериненфельд) включены участки земли под православной церковью и принадлежавшие вдове Анохиной и Д. Кервалидзе. По поводу включенных в список казенно-наделных земель колоний, замешованных в свое время за казною, Тифлисское управление земледелия и государственных имуществ уведомило

Тифлисское губернское правление, что управление собирает о них сведения в Тифлисском межевом округе. А потому управление просило губернское правление о распоряжении, чтобы сделки на добровольное отчуждение данных земель «были временно задержаны»⁶. Возбужденный таким образом управлением вопрос о порядке ликвидации казенно-наделных земель колонистов признавался как имеющий общее значение, возможно, и для других местностей. Через управления земледелия и государственных имуществ Кавказского края в Канцелярию наместника были затребованы сведения о порядке отвода колонистам наделных земель для выснения оснований, по которым управления считали эти земли «не подлежащими отчуждению».

По законодательству землевладельцы имели право обжалования действий администрации в Правительствующий Сенат в течение одного месяца со дня публикации списков. Интересно, что жалоба в Сенат последовала, но не от колонистов, а от государственного учреждения. Уже 22 апреля 1916 г. Тифлисское управление Земледелия и Государственных имуществ подало через губернское правление для представления в Первый департамент Правительствующего Сената «Жалобу на действие данного правления, выраженное в публикации в газете „Кавказ“, в № 68 от 24 марта с.г., именного списка владельцев подлежащих ликвидации недвижимых имуществ, в части, касающейся казенно-наделных земель немецких колоний». Речь шла о землях следующих сельских обществ колонистов:

№ 1. Александровского, при сел. Александровке (б. к. Александерсгильф), Борчалинского уезда, Триалетского участка, удобной и неудобной земли 2510 дес.;

№ 2. Асуретского (б. к. Елисаветталь), при сел. Яковлеве (б. Якублы-немецком), того же уезда и участка, всего 328 дес.;

№ 3. Асуретского, близ сел. Яковлева – всего 622 дес.;

№ 48. Асуретского, при сел. Асурети (б. к. Елисаветталь) Тифлисского уезда, Тифлисского участка, всего – 3180 дес.;

№ 4. Екатериновского, при сел. Екатериновке (б. к. Екатериненфельд), Борчалинского уезда, всего 4200 дес.;

№ 44. Александровского, при сел. Александровском (б. к. Александердорф) Тифлисского уезда, пригородного участка – 1731 дес.;

№ 45. Марьинского, при сел. Марьинском (б. к. Мариенфельд) Тифлисского уезда, Сартачальского участка – 1341 дес.;

№ 46. Петровского, при сел. Петровке (б. к. Петерсдорф), того же уезда и участка – 711 дес.;

№ 47. Веселого, при сел. Веселом (б. к. Фрейденталь), того же уезда и участка – всего 393 дес.⁷

Все эти земли признавались «принадлежащими» их владельцам, т.е. названным сельским обществам немецких колонистов. Но в каком смысле, вопрошалось в жалобе, как частная их собственность или на вотчинном праве владения, – точно не усматривалось. Далее, поскольку в списке были показаны преимущественно

имения в частной собственности, включая ряд образованных колонистами товариществ (№№ 5, 6 и др.) и земли отдельных колонистов (№№ 19–22: Альмендингер, 23–26: Шпейзер, № 34: Кромер и др.), видимо, губернское правление относило все земли в списке к имуществам, принадлежавшим владельцам на правах частной собственности. В жалобе доказывалось, что при поселении (1817–1819 гг.) или впоследствии, дополнительно, колониям были отведены наделы от казны, с сохранением за ней права собственности, а потому при размежевании Закавказского края они были замежеваны в 1861 г. за казенным ведомством государственных имуществ, но оставлены в надельном от имени казны пользовании колонистов на «праве вечного и потомственного владения» (См. Правила о колонистах Кавказского края, ст. 35). Для подтверждения к жалобе была приложена копия удостоверения Особого межевого присутствия Тифлисской судебной палаты от 21 апреля за № 3299 (выданного Управлению государственных имуществ по его запросу от 8 апреля 1916 г.), чтобы Сенат мог убедиться по архивной справке⁸.

Были представлены и другие документы, к примеру, относительно дополнительного надела выходцам к. Елисаветаль (по списку №№ 1, 2 и 3) из фонда свободных казенных земель дачи Цалки, Борчалинского уезда. Некоторые расхождения в количестве замежеванной за казной земли названных в списке обществ колонистов объяснялись последовавшими после межевания обментами отдельных участков надельной земли на частновладельческие, с ведома и согласия Управления государственных имуществ. Так, кол. Александерсдорф (№ 44, сел. Александровское) в 1910 г. за участок надельной земли около 10 дес. досталось земли, поблизости, в 10 раз больше (по обмену на участок садовладелицы Квеес, согласно выписки из нотариального архива)⁹. Затруднения в представлении справок по дополнительным наделам объяснялись в «Жалобе» краткостью срока на подачу обжалования и эвакуацией в условиях войны архива Канцелярии наместника в г. Армавир.

Возникает вопрос, почему чиновники управления так заботятся о немцах-колонистах в атмосфере противоправных действий правительства, стремясь предотвратить беззаконие в отношении своих верноподданных? Ответ в тексте «Жалобы»: «Двусмысленное выражение „принадлежаших“, употребленное в списке, без комментария не понятно простому обывателю и способно вызвать при ликвидации земель крупные недоразумения и при том не столько во вред ликвидирующим владельцам и их случайным покупателям, сколько в ущерб интересам казны, которая, в случае продажи тех земель под видом собственности колонистов, лишается не одного только титула собственника ликвидируемых имений, но и ожидаемой в случае осуществления соответствующего законопроекта, внесенного еще в 1913 г. по инициативе Наместника Кавказского в законодательные учреждения, выкупной стоимости этих же имений, которая ввиду все возрастающих цен на окультивированные земли в Закавказье могла бы достигнуть высокой цифры»¹⁰. Но даже если и было право собственности на земли у колонистов до межевания,

то оно считалось утерянным, т.к. о нем не было заявлено, утверждало Управление земледелия в жалобе.

По логике доказательств упоминалось далее, что по камеральному описанию 1873 г. закавказские колонисты числились живущими на казенной земле и с 1 января 1901 г. облагались государственной оброчной податью (вместо подымной) наравне с государственными крестьянами (как видно из представленного управлением отношения Тифлисской Казенной палаты от 20 апреля с.г. за № 25467). Это обстоятельство, по мнению управления, доказывало, что употребленное в ст. 35 Правил о колонистах Закавказского края слово «собственность» относится далеко не ко всем колониям на Кавказе, а лишь к тем (например, Сарепта или кол. Каррас близ Пятигорска), которым земли отводились по Высочайшим грамотам в собственность¹¹.

Приведенные в списке по Тифлисской губернии к таковым исключениям не принадлежат и никогда не принадлежали. И уплата с 1901 г. государственной оброчной подати наравне с крестьянами (вместо государственно-поземельного налога, взимавшегося с владельцев-собственников) лишний раз подтверждала, что земли колонистов признавались на местах «всегда и без всяких возражений собственностью казны».

Специфика развития закавказских колоний заключалась в том, что на них не было распространено Положение 4 июня 1871 г., а подчинение их ведению общих губернских и уездных, также местных по крестьянским делам учреждений состоялось лишь в 1903 г. В законопроекте 1913 г. о поземельном устройстве бывших государственных поселян в Кавказском крае – с обязательным выкупом земель с помощью правительства – наместник граф И.И. Воронцов-Дашков совершенно основательно подвел под общие нормы о выкупе и казенно-надельные земли колонистов, бывшие в «вечно потомственном владении». С такой убедительной аргументацией к изложенному Тифлисское управление земледелия и государственных имуществ просило Первый Департамент обязать губернское правление дополнить опубликованный список примечанием с пояснением права собственности колонистов и объявить его вновь¹².

5 мая текущего года Тифлисское управление Земледелия уведомило Наблюдающего за ликвидацией немецкого землевладения в Закавказском крае Макарова о подаче жалобы в Сенат, а 28 мая начальник управления В. Павловский отправил в Баку ее копию. В июне жалоба была отправлена в Тифлисское губернское по крестьянским делам присутствие.

Вместе с тем прилагались все усилия для уточнения и пополнения ликвидационных списков. 11 мая 1916 г. было опубликовано Обязательное постановление для Тифлисской и Елизаветпольской губерний и Кубанской и Терской областей, изданное Главным начальником Кавказского военного округа ген.-лейт. Вольским. Все подпадающие под действие закона 13.12.1915 колонисты и поселенцы, а равно собственники из австрийских, германских и венгерских выходцев, которые еще

не внесены в списки, обязаны были в двухнедельный срок со дня этой публикации представить полицейским властям необходимые сведения о роде и количестве личного недвижимого имущества. (В архиве хранятся специальные бланки для занесения сведений. – Т.Ч.) В случае неисполнения постановления виновные подвергались штрафу в 3000 руб. или заключению в тюрьму или крепость до 3-х месяцев. Ответственными за взыскания считались губернаторы (и временные генерал-губернаторы обеих северокавказских областей)¹³. В МВД последовал указ Правительствующего Сената, на основании указа императора от 16 мая за № 7285, что пересмотр постановлений губернских правлений по спискам к отчуждению земель мог быть только с разрешения Правительствующего Сената¹⁴. Циркулярно МВД извещал об этом наместника.

Распоряжением министра финансов П.Л. Барка от 1 мая 1915 г. право покупать за свой счет земли подданных и выходцев из враждебных держав предоставлялось Крестьянскому Поземельному банку (имевшему филиал и в Тифлисе). Соответственно Банк действовал не только как кредитное заинтересованное учреждение, но и с позиции содействия успешному осуществлению важной государственной и политической задачи.

Ликвидационная политика правительства вызвала серьезные потрясения в сельском хозяйстве, в частности, резкое сокращение посевных площадей, распродажу скота. В телеграмме-распоряжении помощника наместника по гражданской части ген.-лейт. кн. В.Н. Орлова от 30 марта за № 877 сообщалось о решении Совета министров немедленно известить, что даже с переходом имений к Банку все сделанные яровые посевы обеспечивают владельцам право пользования землей до полной уборки урожая. Журнал Совета министров от 20 мая 1916 г. содержит решения о некоторых дополнительных мерах против недосева полей на колонистских землях. В депеше в Тифлис от 15 июня от товарища министра внутренних дел кн. В.М. Волконского сообщалось, что Совет министров признал необходимым, не задерживая ликвидации земель, «широко оповестить колонистов», что и при переходе их земель к Крестьянскому Поземельному банку, владельцы могли пользоваться полями до уборки урожая, а также – при условии своевременного проведения работ – засеянными озимыми и яровыми весной 1917 г., с отчислением банку 5% от покупной стоимости земли¹⁵. (4 июля Банк писал то же в свой Закавказский филиал. Положение Совета министров от 24.06.1916, Высочайше утвержденное 10 июля, давало право Банку оставлять этот срок не более года.) 18 июня помощник наместника по гражданской части Орлов переслал телеграммой копию депеши Бакинскому губернатору и градоначальнику. Наряду с оповещением тифлисских колонистов, в предписании от 20 июня о данном решении извещал колонистов Елизаветпольский губернатор.

Так в условиях нехватки продовольствия в стране правительство стремилось регламентировать порядок отчуждения недвижимого имущества путем дополнительных положений и разъяснений к исполнению их на местах, даже если воз-

никали определенные коллизии. В частности, для проведения осенних полевых работ и дальнейшего ведения хозяйства часть землевладельцев выпадала из радиуса действия изданного 18 июня с.г. постановления Главного начальника Кавказского военного округа о запрещении колонистам и отдельным собственникам из германских и австрийских выходцев оставаться на отчужденных землях на жительство, независимо от согласия новых владельцев. В этой связи вывод о «недееспособности властей... в данном случае – в отношении немцев-колонистов Южного Кавказа» или определение «бездарная администрация» представляются несколько поспешными¹⁶. Расхожее мнение, что после отчуждения имущества «предусматривалось обязательное выселение колонистов» или что «процесс ликвидации немецкого землевладения и землепользования должен был завершиться массовой депортацией немцев» (дисперсно проживавших на Северном Кавказе. – Т.Ч.), остается документально не подтвержденным.

Позиция правительства отражена в Особом журнале Совета министров: «С точки зрения социально-политической придется считаться с перемещением в городские населенные сотен тысяч людей, оторванных от привычных сельскохозяйственных занятий и располагающих не наличными средствами, которые могли бы быть обращены на новое устройство трудовой жизни, а лишь правом на ежегодный доход от именных свидетельств Крестьянского Поземельного Банка». Учитывая, что это был тревожный для общественного спокойствия элемент, правительство стремилось планомерно и согласованно, объединив свои структуры, организовать ликвидацию немецкого присутствия в империи. С этой целью 22 марта 1916 г. при Совете министров (по инициативе его председателя, немца Б. Штюрмера!) был создан «Особый комитет по борьбе с немецким засильем», во главе с ген.-ад. Треповым. Его сменил на посту Председателя член Государственного совета, лидер правых А.С. Стишинский.

Комитет руководствовался в действии Положением, утвержденным указом Николая II от 1 июня 1916 г. Возникший, по официальной версии, для разъяснения ликвидационных законов и координирования деятельности государственных и общественных учреждений в проведении мероприятий по ликвидации немецкого землевладения и освобождению от немецкого влияния, по сути Комитет стал очередным межведомственным совещанием¹⁷. К сожалению, документы, материалы заседаний и решения Особого Комитета по Кавказскому региону остаются недостаточно исследованными. Суждения Комитета для ознакомления поступали к заместителю. Так, в Журнале Особого комитета от 4 августа 1916 г. был поднят вопрос – сохранять ли за колонистами Кавказского края владения виноградников, по аналогии права пользования до уборки урожая земельным участком. Комитет полагал эту меру не распространять, ибо временное прекращение работ в садах и виноградниках не могло нанести существенного урона ни самой их ценности, ни интересам продовольственного дела, ни экономике в целом. А вопрос о виноградниках касался Крыма и других местностей страны¹⁸.

В отношении опубликованных списков дополнительно были разработаны правила отчуждения. По Высочайше утвержденному 19 августа Положению Совета министров (Собр. узак. и распоряж. правительства от 1 сентября 1916 г. № 233, ст. 1869) наделы и недвижимые имущества сельских и мирских обществ, колониетских, подлежали отчуждению лишь в полном составе. Правило это относилось к применению не только при ликвидации наделных и вненаделных, приобретенных всем обществом земель колоний, но и частных, если на них затем фактически (без утверждения властями) образовались колониетские сельские общества. Вследствие этого поименные списки колонистов признавались излишними. Министерство юстиции в сообщении от 20 октября, по запросу А.А. Макарова, разъясняло, что поскольку на основании узаконения 19 августа (ст. 1, отд. I) имущества колониетских обществ подлежат отчуждению по добровольному соглашению или продаже с торга не иначе, как в полном составе, то следовательно отдельные члены колоний отнюдь не могли считаться неограниченными собственниками своего участка и не вправе были лично распоряжаться им. А поскольку дома и сады являются принадлежностью земли, то они «должны следовать судьбе последней» и не могут быть отделены на сруб или снос¹⁹. Права по договорам найма и аренды утрачивали силу по законодательству, но в Закавказье эта форма землепользования была распространена слабо.

МВД сообщал циркуляром от 21.12.1916 губернаторам решения Особого Комитета, обсуждавшего вопрос о продаже имущества колоний в полном составе по праву 19 августа, что следовало обязать к оплате закладные, совершенные до 1 ноября 1914 г. отдельными колонистами на свои доли в означенном имуществе. Наличие и размер залоговых и иных вотчинных обязательств выявлялись старшим нотариусом, составлявшим списки²⁰.

Работа по подготовке к публичным торгам набирала обороты, т.к. 10-месячный срок добровольного отчуждения колониетских земель, со дня публикации списков в газете «Кавказ», истекал в конце января 1917 г. Порой возникали вопросы «наверху». Так, Наблюдающий за ликвидацией немецкого землевладения в Закавказском крае Макаров запрашивал Канцелярию заместника, надлежит ли вносить в описи к торгам живой и мертвый инвентарь? В ответе от 11 августа 1916 г. кн. Орлов разъяснял, что можно с имением или отдельно. По запросу Макарова в Министерство юстиции от 3 ноября с.г. (ответ 11 ноября) пояснялось, что положение о приостановлении торгов поныне не осуществлялось и «едва ли может возникнуть»²¹. Назрела явная необходимость общего инструктажа по делу в регионе.

Большое значение в ходе ликвидации немецкого землевладения в Тифлисской губернии и по всему краю сыграл циркуляр от 28 ноября с.г. за № 34946, за подписью помощника по гражданской части заместника Кавказского кн. Орлова²². Ввиду имевшихся в Управлении заместника сведений о допущенных в некоторых случаях неточностях при опубликовании ликвидационных списков и о затрудне-

ниях на местах при составлении описей недвижимых имуществ, подлежавших продаже с торгов, практически давалась инструкция по делу губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края и Бакинскому градоначальнику.

Поскольку списки владельцев составлялись по сведениям, представленным чинам полиции без проверки данных нотариального архива, то вместо собственников в списки попадали фактические владельцы по домашним договорам. Ввиду этого, согласно циркуляру, следовало безотлагательно истребовать от старших нотариусов сведения о носящих немецкие фамилии собственниках, выяснив, кто подходил под действие узаконений, и создать дополнительные списки. Циркуляр предписывал далее выяснить, по каким крепостным документам владели землей колонистские товарищества и образованные на купленных землях колонистские селения.

Однако опубликование новых списков в целом было нежелательным, т.к. это отодвигало бы льготные сроки отчуждения. При таких условиях представлялось возможным указанные неправильности исправить при составлении юридически грамотных описей подлежащих продаже с торгов недвижимых имуществ. В целях устранения промедления в составлении описей надлежало уже, не ожидая истечения льготного срока, наряду с выяснением сведений в отношении крепостных документов, собрать данные о лежащих на имуществах запрещениях, долговых обязательствах, с учетом залога, и составить проекты описей. В узаконении от 25 октября 1916 г. о некоторых изменениях и дополнениях действующих законов об ограничении неприятельских землевладения и землепользования (собр. узак. № 304 1916 г., ст. 2406) указано, какие именно статьи положения о взысканиях по бесспорным делам казны должны применяться при производстве описей. В описях как колоний, селений и товариществ, ликвидируемых в полном составе, так и единоличной собственности, обязательно должны были быть точно указаны: а) крепостной акт владения имуществом; б) титул владения (на праве собственности, потомственного владения и т.д.); в) границы и г) площадь описываемого имущества²³. Подробное перечисление построек в имении представлялось излишним, следовало указать их общее число, особо указать лишь сельско-промышленные постройки (мельницы, заводы, мастерские и т.д.). Сооружения и постройки в колониях, ликвидируемых в полном составе по закону 19 августа, в описи не вносились, как не подлежащие отчуждению отдельно. Заметим, что совместная продажа земли и промышленных предприятий неизбежно вела бы к обесцениванию в результате дезинтереса покупателя к тому или другому. По вопросу о внесении в опись живого и мертвого инвентаря предписывалось руководствоваться ст. 229 Положения о взысканиях по бесспорным делам казны, согласно которой следовало указать лишь общее количество: сельскохозяйственные орудия и машины, домашний скот для работ, запас зерна и фуража.

Также достаточно было указать лишь название колоний и селений, без поименного списка. В описях имуществ товариществ, отчуждаемых как общая собственность, следовало переименовать всех совладельцев, с указанием доли каждого. Могли продаваться и отдельные доли. Недвижимые имущества могли быть проданы ниже оценки не только на втором, но и на первом торге. Поэтому подробная их оценка представлялась совершенно излишней, определялась общая сумма, с инвентарем, без указания отдельно оценки земли и построек (но не ниже оценки залога в отдельных случаях). Циркуляр нацеливал на заблаговременное соби́рание всех необходимых сведений для составления проектов описей и оценок, чтобы по истечении в 1917 г. сроков для добровольного отчуждения имущества колонистов составить опись и оценку «без всяких затруднений в кратчайший срок» и чтобы торги при губернских правлениях «производились бы без малейшего промедления».

В заключение кн. Орлов высказал уверенность, что «в сознании государственной важности своевременной ликвидации немецкого землевладения все подлежащие правительственные учреждения и должностные лица несомненно объединятся в дружной совместной работе, отнюдь не допуская при взаимных сношениях всяких излишних формальностей и тем самым общими силами успешно без промедления выполнят возложенную на них государственную задачу ликвидации немецкого землевладения в Кавказском крае»²⁴. Однако данной надежде не суждено было сбыться.

На страже государственных интересов администрация края стремилась к точному исполнению задачи. Еще в январе 1917 г. Макаров выяснял обстоятельства расхождений в количестве надельной земли обществ селений Александровского и Марьинского (б.к. Александерсдорф и Мариенфельд) и получил исчерпывающий ответ от начальника Тифлисского управления земледелия и государственных имуществ Павловского. МВД переслал 4 января с.г. материалы обсуждения Особым Комитетом вопроса о порядке расчета с Крестьянским банком, для ознакомления наместнику и через него – губернаторам, а также решение Комитета о размере вознаграждения опекуна²⁵. Но февральские социальные потрясения, отречение Николая II от престола и крушение самодержавия остановили практическое решение поставленной задачи.

7 марта Наместник Кавказский вел. кн. Романов был вынужден навсегда покинуть Тифлис (вызванный в Ставку). 11 марта глава Временного правительства кн. Г.Е. Львов подписал Постановление правительства о приостановлении действия ликвидационных законов вплоть до решения Учредительного собрания.

В послании от 22 марта 1917 г. за №45 А.А. Макаров запрашивал Н.Г. Келарева о дальнейшем ходе дела ликвидации. В связи с появившимися в печати сведениями о предположении правительства предоставить немецким колонистам льготы, в изменение законоположений о ликвидации имущества, «должна ли продолжаться ныне ликвидация немецкого землевладения на прежнем основании»? Он сооб-

чал, что сроки добровольного отчуждения имущества колонистов в крае частью истекли или скоро истекают, и полагал нужным воздержаться от каких-либо сношений с местными властями по делу ликвидации неприятельского землевладения впредь до получения разъяснений²⁶. Заметим, что Особый Комитет по борьбе с немецким засильем, утерев с февраля влияние и компетенцию, прекратив свою деятельность, был ликвидирован постановлением Временного правительства от 14.07.1917.

Итак, реализация узаконений 1915 года по ликвидации немецкого землевладения и землепользования имела на Кавказе свои особенности. Учитывая их, на наш взгляд, проблему следует рассматривать в рамках Кавказского наместничества и Ставропольской губернии, без привлечения фактологии (кроме сравнительного анализа) по Области Войска Донского, имевшей свою специфику административного устройства и управления колониями. Напряженная работа кавказской администрации (Тифлис–Баку), координация действий с распоряжениями правительства и рвение к выполнению в срок задачи «государственной важности» на огромной территории принесла определенные плоды. Состоявшиеся на Кавказе в 1915–1917 гг. отчуждения и публичные торги затронули в основном частное движимое и недвижимое имущество и землевладение германских подданных (как и подданных других воюющих держав). Ликвидационное законодательство не успело со всей силой обрушиться на немцев-колонистов, в частности, в Тифлисской губернии Грузии. Таким образом, в целом судьба хранила 7350 колонистов (а всего в Закавказье – 12 тыс. человек), этих верноподданных, добровольные пожертвования которых для фронта – несмотря на гонения и усиленный надзор местных властей, страх за будущее и обиды – составили свыше 16 тыс. руб. деньгами, вином, подарками, содержанием лазарета в Екатериновке (Екатериенфельд), а по Закавказью – 75 171 руб.²⁷

Однако пережитое и внутривластическая ситуация в стране всколыхнули национальное самосознание немцев, проживавших на Кавказе, побудили к политической активности. Так, в конгрессе представителей немецкого населения, проходившем в Москве в апреле 1917 г., среди 86 делегатов были участники из немецких колоний Елизаветпольской, Тифлисской, Ставропольской губерний и Кубанской области. В апреле-мае в колониях Закавказья были созданы местные комитеты. 14 мая с.г. состоялся Первый съезд делегатов «российских граждан немецкой национальности Закавказья», избравший краевой комитет с центром в Тифлисе. Кавказский союз российских граждан немецкой национальности отстаивал право колонистов на создание отрядов самообороны осенью 1917 г. и другие их интересы в период деятельности временного Закавказского правительства – Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ). Представители Союза Бернштейн и Бюль были избраны при поддержке Партии умеренных социалистов в Грузии в Учредительное собрание²⁸. Провозглашение 26 мая 1918 г. независимой республики Грузия открывало новую главу в истории немецких колоний на ее земле.

¹ Вердиева Х.Ю. Немцы Северного Азербайджана в годы первой мировой войны // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. Матер. Межд. науч. конф., Москва, 17–19 сент. 1999. М.: Готика, 2000 С. 63–70.

² Кавказский край включал в себя губернии и области Закавказья, Кубанскую и Терскую области Северного Кавказа. С февраля 1905 г. здесь было восстановлено Наместничество. Поскольку выделившаяся в 1898 г. в самостоятельную Ставропольская губерния не являлась пограничной, но входила с августа 1914 г. в состав Кавказского военного округа, губернские власти добивались распространения ликвидационных законов на ее территорию.

³ Центральный Исторический архив Грузии (далее – ЦИА Грузии). Ф. 224. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴ См.: Там же. Д. 2. Л. 34.

⁵ См.: Чернова-Деке Т. Немецкие колонии в Грузии: специфика становления, управления и экономической жизни (1817–1917 гг.)

⁶ ЦИА Грузии. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 об., 35.

⁷ См.: Там же. Л. 48–48 об.

⁸ См.: Там же. Л. 49 об. При этом прилагалось отношение Особого межевого присутствия от 21 апреля за № 3300, свидетельствующее, что и по Елизаветпольской губернии немецкие колонии, пользующиеся одинаковыми правами на казенно-надельные земли с грузинскими, замечованы не за колонистами, а за казенным ведомством.

⁹ См.: Там же. Л. 50.

¹⁰ Там же. Л. 50 об.

¹¹ См.: ПСЗ(I), т. XX I X, № 22410; Чернова Т.Н. Из истории становления немецких поселений на Северном Кавказе // Ключевые проблемы истории российских немцев. Матер. 10-й межд. науч. конф. Москва, 18–21 ноября 2003. М., 2004 С. 391–392.

¹² См.: ЦИА Грузии. Ф. 224. Оп. 1. Д. 2. Л. 53 об.

¹³ См.: Там же. Д. 1. Л. 65.

¹⁴ См.: Там же. Л. 153.

¹⁵ См.: Там же. Д. Л. 35, 73.

¹⁶ См.: Вердиева Х.Ю. Указ. соч. С. 68–69.

¹⁷ См.: Бобылева С.И. Материалы Особого Комитета как источник по истории судеб немецкого населения периода Первой мировой войны // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. Матер. 8-й межд. науч. конф. Москва, 13–16 октября 2001 г. М., 2002. С. 495–505.

¹⁸ См.: ЦИА Грузии. Ф. 224. Оп. 1. Д. 1. Л. 170.

¹⁹ См.: Там же. Л. 118.

²⁰ См.: Там же. Л. 163.

²¹ Там же. Л. 55, 135.

²² См.: Там же. Л. 139–142.

²³ См.: Там же. Л. 140 об.

²⁴ Там же. Л. 142.

²⁵ См.: Там же. Д. 2. Л. 118–118 об.; Д. 1. Л. 155.

²⁶ См.: Там же. Д. 1. Л. 151.

²⁷ См.: Сведения о культурно-экономическом состоянии колоний в Закавказском крае. Пг., 1916. С. 12–13. См., также статистические данные о недвижимом имуществе колонистов.

²⁸ См.: Айсфельд А. Автономистское движение // Немцы России: Энциклопедия. Т.1 (А–И). М.: «ЭРН», 1999. С. 20; Fischer K.A. Die „Kaukasische Post“ Leipzig, 1944.

Социально-политические аспекты жизни немцев Азербайджана в первой половине XX века

После развала СССР немецкие страницы истории Азербайджана стали объектом изучения исследователей отечественной историографии. Появились ряд научных, научно-популярных и биографических работ по проблеме «Немцы в Азербайджане»¹. За последние два десятилетия отдельными исследователями были изучены разные аспекты данной проблемы, но еще очень многие вопросы являются «белыми пятнами» в азербайджанской историографии.

Объектом изучения данной работы являются социальные вопросы в немецких страницах истории Азербайджана в первой трети XX века. Следует отметить, что отдельные аспекты данного вопроса изучались представителями отечественной историографии в исследуемый период. В этой же работе мы пытаемся осветить отдельные эпизоды по данному объекту исследования.

В начале XX века немцы страны, как и в России, переживали тяжелые социально-политические коллапсы, всколыхнувшие империю. Рост национально-освободительного движения, затем Первая российская революция и потрясшая весь мир Первая мировая война оставили глубокий след в социально-экономической жизни немцев России, а также Северного Азербайджана.

Непредвиденное затягивание войны тяжело отразилось на социально-экономическую жизнь страны. В этой войне Россия несла огромные потери в живой силе. Уже к осени 1914 года российская сторона потеряла больше половины своей действующей армии.

Демографические изменения в России в годы Первой Мировой войны принимали минорные тона. 15 млн. мужчин были призваны в армию и к концу 1916 года около 8 млн. солдат и офицеров были убиты. Военные действия на европейском театре в 1915-1916 гг. были настолько тяжелы и армия была настолько истощена, что правительственные круги осенью 1916 года допускали возможным призывать в армию подданных союзных государств проживающих на территории империи². Ужасы войны были освещены в разосланном циркуляре МВД от 6 февраля 1916 года военным губернаторам, губернаторам, начальникам областей и градоначальникам³. Военно-политическая ситуация была настолько критической, что вынудила правительство запретить въезд в Москву осенью 1916 года подданным Четверного Союза, включая славян⁴.

Наряду с вышеуказанными циркулярами, российское правительство принимало ликвидационные законы и исходящие из них ограничительные меры в отношении немцев России и ее регионов. Однако принятые ликвидационные законы и ограничительные меры, выдворение более 200 тыс. немцев из западных губерний империи весной 1915 года⁵, а также высылки в определенные места немцев России

не успокаивало общество, и правительство принимало все более суровые меры. Аналогичные действия принимались Кавказским Наместничеством⁶. Наряду с этим выявленные нами исторические документы и фактические материалы свидетельствуют об односторонней позиции кавказской администрации к немцам-колонистам страны. А также к немцам, проживающим в г. Баку. В первом случае немцы села Еленино обвинялись в тягчайшем преступлении против армян и в усугублении межнациональных отношений⁷. Во втором случае осенью 1916 г. местные власти обвиняли немцев в возникшем дефиците на потребительскую продукцию в г. Баку. Местные власти обвиняли немцев. Так, в своем предписании в сентябре 1916 года за N 5824 Бакинский Градоначальник писал исп. об. полн. Бакинского Полицеймейстерства Турикову: «это (возникший дефицит. – Х.В.) наруку немцам, больше недовольства среди населения, ближе к смуте, которой так жаждут немцы»⁸.

Февральская революция остановила антинемецкую кампанию и немцы Северного Азербайджана связывали свои надежды на демократические преобразования, провозглашенные в «Акте о независимости» правительством АДР. После падения династии Романовых образованный Закавказский Немецкий Национальный Совет тесно сотрудничал с правительственными кабинетами АДР. Однако апрельский переворот 1920 года сыграл роковую роль в немецких страницах истории Азербайджана. Ломка устоявшегося административного управления в колониях, экспроприация имущества привели к тому, что часть немцев страны, не принявших советскую власть, эмигрировала из страны. Волна немецкой эмиграции в начале 20-х годов XX века в Германию из страны не была массовой, но при этом оставила определенные следы в демографии немцев советского Азербайджана. Так, если накануне Первой Мировой войны в Северном Азербайджане численность немцев составляла 15 990 чел.⁹ (в эти данные были включены колонии Борчалинского уезда Тифлисской губернии. – Х.В.) то после окончания вышеуказанной империалистической войны численность немцев упала. Только в г. Баку по данным 1913 года было зарегистрировано 3 274 немца¹⁰, а по переписи 22 октября 1917 года проведенной Статистическим Отделом в г. Баку их было 2777 чел.¹¹ К 1928 году в Баку, как указывают отдельные источники, проживали около 3000 немцев, при этом из них около 2 500 чел. были колонисты-волжане, переселенные в Баку, из голодного Поволжья в начале 20-х годов прошлого столетия. Следовательно, рассмотренные нами статистические данные свидетельствуют о том, что социально-политические процессы Первой мировой войны и послевоенного периода привели к серьезным демографическим изменениям в количественно-качественном составе немецкого населения в указанный период в г. Баку. Аналогичная ситуация наблюдалась в немецких колониях страны. Если в начале XX века в колониях Елизаветпольской губернии Северного Азербайджана численность немцев составляла 6 093 чел.¹², то в 1928 году их было 4 539 чел. Количественные изменения среди немецкого населения за исследуемый период объясняется тяжелой социально-экономической ситуацией в Северном Азербайджане.

В годы коллективизации и в особенности после «наступления» социализма по всему фронту немецкие колонии были подвергнуты принудительной коллективизации. Уже в сентябре 1929 года на основании Постановления СССР кооператив «Конкордия» реорганизуется в районное объединение поселковых товариществ виноградовинодельческой кооперации, а участковые отделы «Конкордии» – в самостоятельные поселковые производственные товарищества¹³. И в этот же период авторитарно-тоталитарная машина советской власти приступает к политическому террору и начинается репрессии против немецкого населения советского Азербайджана¹⁴. Еще раньше советская власть в идеологическом фронте целенаправленно насаждала атеистическое мировоззрение, пытаясь подавить в умах устоявшуюся веру. Уже в конце 20-х годов XX века проводились антирождественские кампании и в декабре 1929 года только в г. Баку были закрыты 8 православных церквей¹⁵ и если принять во внимание, что к концу 1913 года в городе функционировали 18 православных церквей¹⁶, то указанные факты свидетельствуют, что в результате антирелигиозной политики большевиков была приостановлена деятельность значительной части православных церквей. Аналогичные действия властей наблюдаются в отношении других конфессий, в том числе – евангелическо-лютеранской церкви. Так, на запрос Гянджинского административного милицейского управления о возможности проведения лютеранского съезда, заместитель председателя Аз.ЧК – Габер-Корн отвечал, что намечаемый «съезд в Еленендорфе не будет иметь значения для широких масс лютеранства, как в месте отдаленном от Центра, а поэтому Аз.ЧК рекомендует созыв съезда не иначе, как в Баку»¹⁷.

Однако, истина заключалась в другом. В эти годы силовые структуры советского Азербайджана пристально следили за социально-экономической жизнью, как колонистов, так и немцев проживающих в городе Баку. В отличии от трех тысячного немецкого населения Баку, немцы-колонисты страны были более религиозными и конфессионально большая часть придерживалась лютеранской церкви, тогда как немцы Баку в эти годы не отличались своей набожностью, а отпочковавшаяся от массы группа сектантов в основном обсуждала религиозные вопросы и молитвы. В то же время крушение нравов, разрушение социального уклада привели к идеологическому брожению в умах немцев-колонистов страны. Так, в колонии Гринфельд возникает религиозная община – «Церковь Божья», основоположником которой был Генрих Госс. Он в своих проповедях утверждал о приближении конца света. Принимая во внимание идеологический настрой немецкого населения, представители советской власти считали целесообразным проведение работы лютеранского съезда в Баку, где немцы в массе были разрозненны, когда в колониях и в частности в кол. Еленендорф, колонисты пытались сохранить свои этно-конфессиональные традиции и поддерживали связь с Германией, получали журналы и газеты, как например «Дас ное Дорф», «Ди Вохе» и др. Поэтому власти воспринимали колонистов, как носителей пангерманизма.

В годы массовых репрессий немцы страны и, в частности колонисты, на своих судьбах испытывали политический террор авторитарно-тоталитарного режима. Сотни семей немцев-колонистов подверглись преследованиям и арестам. Среди них известные представители фамилий немцев-колонистов, как Бек, Вухреры, Лоренцы, Фореры, Гуммели, Гурры и др.

Последний аккорд в немецких страницах истории Азербайджана был сделан в годы Второй Мировой войны. Постановлением Государственного Комитета Обороны № 744 от 8 октября 1941 года немецкое население из Советского Азербайджана в количестве 22 141 чел. было депортировано в Казахстана и Сибирь¹⁸, где разделило судьбу всех остальных советских немцев.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что социально-политические процессы первой половины XX века, происходившие в России (позднее в СССР) оставили глубокий трагический след в судьбе немцев Азербайджана. Более того, они привели к фактическому исчезновению этой уникальной этнической группы.

¹ См.: Абдуллаев Ч. Немцы в Азербайджане. Баку, 1992; его же. Azerbaidşan-Deutschland. Atte und Moderne Beziehungen. Köln, 2007; Керимов Э. О некоторых историко-этнографических особенностях немецких колонистов. – Материалы Первой Международной научной конференции «Кавказские немцы – немцы на Кавказе до Первой мировой войны». Баку, 2001; Ибрагимов Н. немецкие страницы истории Азербайджана. Баку, 1995; Гумбатова Т. Духовная жизнь немцев в Баку. – Материалы международной научной конференции « Российские немцы; Проблемы истории, языка и современного положения». Москва, 1996; Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Баку, 1998; Ахундова Т. Немцы-колонисты Азербайджана XIX–нач. XX в. Баку, 1999; Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане. Баку, 1999; ее же. Базельские миссионеры в Северном Азербайджане. – *Hummanitar elmlrin öyrnilmsinin aktual problemlri*. Baku, 2005.; Алиев К. Немцы на Южном Кавказе или моя жизнь в Анненфельде; Баку, 2002.Зейналова Судаба. Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941). Баку, 2002.; Агасиев И. *Azərbaycan almanları v Almanıyanın Qafqaz siyastı (1918-1920) – Almanların Azrbaycanda mskunlaşmasının 190 illiyin hsr olunmuş“ Almanlar Azrbaycanda2 Beynıxalq elmi-praktik konfransın materialları*. Baaki, 2009.

² См.: Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (далее – ГИААР). Ф. 495. Оп.1. Д. 112. Л. 515, 515об

³ См.: ГИА АР. Ф. 495 Оп. 1. Д. 112. Л. 84–84об.

⁴ См.: ГИА АР. Ф. 495 Оп. 1. Д. 124. Л. 99.

⁵ См.: ГИА АР. Ф. 495. Оп. 1. Д. 124. Л. 100.

⁶ См.: ГИА АР. ф. 495. Оп. 1. Д. 124. Л. 22об.-23,78, 95,99.

⁷ См.: ГИА АР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 385. Л. 26.

⁸ ГИА АР. Ф. 495. Оп. 1. Д.1. Л. 509.

⁹ См.: Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане. Баку, 1999. С. 225.

¹⁰ См.: Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика. С. 259.

¹¹ См.: ГА АР. Ф. 970. Оп.1. Д.248. Л.2.

¹² См.: Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика. С. 225.

¹³ См.: Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Баку, 1998. С.40.

¹⁴ См.: Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев.

¹⁵ См.: ГА АР. Ф.2983. Оп.1. Д.36. Л.387.

¹⁶ См.: ГА АР. Ф.2983. Оп.1. Д.36. Л.387.

¹⁷ ГА АР. Ф.27. Оп.1. Д.272. Л.3.

¹⁸ См.: ГА АР. Ф.27. Оп.1. Д.272. Л.46а

С.И. Бобылева (Днепропетровск)

Шведский колониетский округ

При достаточной интенсивности изучения проблем колонизации ряда регионов Российской империи, есть один район, до сих пор остающийся вне поля зрения исследователей. Речь идет о Шведском колониетском округе. Анализ происходивших в нем событий – образец востребованности локальной истории. Пример этому демонстрируют шведские ученые, реализующие полномасштабный проект «Шведы Украины», посвященный, фактически, изучению одной колонии – Альт-Шведендорф (Старошведская). История колоний Шведского колониетского округа рассматривалась историками в общем контексте колониетической политики российского царизма¹.

Конкретная история 4-х колоний, входивших в этот округ, и является предметом нашего сообщения.

Считаем необходимым вычленить следующие моменты:

- время начала колонизации этого района и его протяженность;
- причины переселения (мифы и реальность);
- динамика демографического развития колоний;
- земельный вопрос.

Рассмотрим вопрос времени возникновения колоний. Речь идет об одной шведской и трех немецких колониях. Первой из них была основана шведская колония. До настоящего времени нет единства взглядов на дату ее основания. В докладе Сената 1800 года речь идет о 1787 годе². Эта дата значится в работе А. Клауса³, в материалах «Северного архива»⁴. В работах А. Котлярчука⁵ и В.М. Кабузана⁶ указывается дата основания 1781 год. И.М. Кулинич⁷, Г. Чумаченко⁸, А. Лойт⁹ и доктор Хедман¹⁰, пишут о 1782 годе. Какую дату основания следует считать верной? Известно, что 8 марта 1781 г. был издан Указ Екатерины II о переселении шведов. 20 августа 1781 г. шведы покинули о. Даго и отправились в Новороссию. 26 ноября 1781 г. шведы достигли села Решетилровка, расположенного в 25 км от Полтавы. Здесь они перезимовали и 16 апреля 1782 г., как пишет Г. Писаревский, выступили в отведенное им под поселение место»¹¹. Начались весенне-полевые работы. Другими словами, шведы поселились на территории Альт-Шведендорфа весной 1782 г., и эту дату, очевидно, и следует считать временем основания колонии. Дата 1781 г. – есть время издания Указа Екатерины II о шведских крестьянах о. Даго, но не основанием шведской колонии.

Относительно даты 1787 г. Скорее всего, речь идет о прибытии в колонию большой группы данцигских немцев (362 чел.) Прибывшие, как сообщают источники, не были радушно встречены старожилами. В чем тут дело? Учитывая ментальность шведских колонистов, те отзывы о них, которые давали путешественники (спокойные, открытые, приветливые), подобная информация наводит на размышления. Возможно, здесь мы имеем дело с исторической памятью шведов, которая была еще довольно свежа – имеется в виду борьба шведов на о. Даго с немецкими баронами за свою личную свободу, за право жить на этой земле, где они родились. Это наша гипотеза, ее подтверждение или опровержение довольно затруднительны, ибо пока что не обнаружены какие-либо письменные источники об этом шведско-немецком противостоянии.

Большая часть немцев, учитывая враждебное настроение шведов и не совсем удобное расположение колонии, ушли на север, организовав возле Екатеринослава свою колонию (Альт-Данциг), а оставшиеся 14 семей (28 душ мужского пола¹²) попытались обосноваться в Альт-Шведендорфе. Но со временем и они в своей основной массе покинули ее. В шведской колонии остались Густав Герман с сыном Карлом и дочерью Констанцией, Кристов Цергни с сыном Иоганном и его женой Барбарой, Франц Масковитц с женой Натальей и сыном Андреасом и Иоганн Шиллинг¹³ с семьей.

Из значившихся в списке шведских первопоселенцев 965 чел. к весне 1783 г. в живых осталось 135 душ. Катастрофическая ситуация, сложившаяся в колонии, заставила правительство искать пути выхода из нее. И в 1790 г. в колонии были поселены шведы (31 человек – бывшие военнопленные, пожелавшие принять российское подданство). Если в случае с данцигскими переселенцами 1787 г. мы имеем дело с антинемецкими настроениями, вынудившими немцев оставить колонию, то шведы, прибывшие в нее в 1790 г., при всей своей шведскости тем не менее в своем большинстве тоже покинули ее. Осталось по одним данным 5 душ¹⁴, по другим 9 душ¹⁵. Причиной происшедшего были тяжелые условия жизни. Кроме того, следует учитывать следующее: земли, на которых располагалась шведская колония, только в 1783 г. были включены в состав России. Это было Дикое поле, на котором встречались малочисленные зимовники запорожских казаков*. Другими словами, переселенцам не приходилось рассчитывать на помощь местного населения, на возможность перенять, позаимствовать навыки хозяйственного обустройства автохтонного населения. Что касается помощи государственной, то учрежденная для этой цели одновременно с манифестом 1763 г. и подчинявшаяся непосредственно Екатерине II «Канцелярия Опекунства иностранных» в 1782 г. была упразднена. И шведы Херсонщины (г. Херсон начал строиться в 1778 г.) в самом начале своего обустройства оказались без помощи, которая ранее, в большей или меньшей степени, оказывалась иностранным переселенцам в других регионах.

8 ноября 1796 г. скончалась Екатерина II. Закончился екатерининский век, отмеченный активной колонизационной политикой.

Новый российский император Павел I был далеко не однозначной политической фигурой¹⁶. Взойдя на трон, он вознамерился полностью изменить политический курс, проводившийся его матерью. Вместе с тем следует отметить, что в вопросах колонизации новым императором были сделаны шаги, свидетельствующие о преемственности его политики в этой области. Более того, энергия Павла I в принятии ряда мер по улучшению дел в колониях смогла вызвать из забвения колонистов**.

В 1801 г. Павел I был убит. Его преемник Александр I, по восшествии на престол, опираясь на опыт переселенческой политики екатерининских времен и воспользовавшись результатами политики Павла I, сделал очередной шаг по пути колонизации Новороссийского края. В этот период в переселенческой практике доминировал немецкий элемент, что было обусловлено достаточно сильным влиянием на Александра I прогерманских кругов при дворе. На 1803–1815 гг. приходится апогей немецкой земледельческой колонизации. Только в Херсонской губернии за эти годы было основано 33 немецких колонии¹⁷. Нас интересуют в данном случае три из них, которые вместе с Альт-Шведендорфом составили Шведский колонистский округ: Клостердорф, Мюльхаузендорф и Шлангендорф.

Итак, рассмотрим время их основания и первопричину шведско-немецкого противостояния, начало которого относится ко времени возникновения перечисленных немецких колоний. В 1804 г. в район шведской колонии прибыла группа немецких лютеран из 30 семей^{18***}. Это были выходцы из Австрии, Вюртемберга и Богемии. Их маршрут проходил через Белоруссию, Екатеринослав и 1 сентября 1804 г. они прибыли в Берислав. Тогда же, в сентябре, их поселили в бывших шведских землянках, которые к тому времени пустовали (часть шведов, бывших обитателей этих построек, умерла, другие уже построили свои дома). В этих землянках немцы прожили больше года. И к 1806 г. южнее шведской колонии в районе небольшого дома и мельницы Карла Германа была построена новая немецкая колония, получившая название Мюльхаузендорф.

В 1805 г. в Екатеринослав прибыла следующая партия немецких колонистов состоявшая из 19 семей. Это были уроженцы Пруссии (15 семей), Померании (3 семьи) и Силезии (1 семья). В 1806 г. южнее Мюльхаузендорфа ими была основана новая немецкая колония. Ее строительство осуществлялось с нарушением присланного из Екатеринослава плана застройки колонии. Дома располагались вдоль извилистой дороги, что и дало основание назвать ее Шлангендорфом. Население исповедовало лютеранство.

В мае того же 1805 г. в Екатеринослав прибыла очередная группа переселенцев. Это были 30 семей немецких католиков. Их путь пролегал через Румынию. Здесь были выходцы из Богемии (8 семей), Майнца (7 семей), Бадена (8 семей) и 7 из других немецких государств. Первоначально они проживали в пустовавших

землянках, ранее построенных здесь шведами. Новая немецкая колония, получившая название Клостердорф, располагалась севернее шведского поселения.

Четыре перечисленные поселения составили Шведский колонистский округ. Все население его составляли переселенцы. Однако причины их переселения, условия, на которых осуществлялся их переезд, стартовые условия проходившей адаптации в новом месте проживания были различными.

Шведы о. Даго переселились из-за конфликта с новым землевладельцем бароном Унгерн-Штенбергом. Существующая в украинской и зарубежной историографии концепция об их насильственном переселении, депортации¹⁹, коллективной вине за разбой на море²⁰, не выдерживает критики при анализе документального материала и сопоставлении хронологии происходивших событий. Главными вопросами, заставившими шведов, русскоподданных с 1721 г., обратиться за помощью в Коллегию юстиции в Санкт-Петербург, были стремления защитить свою личную свободу и воспрепятствовать экономическим притеснениям, чинимым новым хозяином на острове. И как разрешение конфликтной ситуации, появился Указ Екатерины II от 8 марта 1781 г. об их переселении в Новороссию с перечислением ряда очень выгодных для шведов условий. Г. Писаревский писал следующее: «Выгоды со стороны казенной палаты открывшиеся», были настолько значительными, что крестьяне «не могли долго колебаться в решимости переселиться на новые места»²¹. Речь шла о выделении на каждый двор по 60 дес. земли, 4-х льготных годах в уплате податей, выделении им средств на постройку домов и первоначальное обустройство, семян для посева хлеба и продуктов для питания в течении первого года жизни на новом месте, местном самоуправлении, церкви и пасторе, помощи во время следования в место поселения²². Кроме того, при выезде с о. Даго они смогли продать свои дома, часть имущества, получить денежные средства. Ими была взята с собой и часть скота. В ведомости от 24 июля 1803 г., подписанной С.Х. Контениусом, читаем, что при водворении шведы получили выстроенным каждой семье казенный дом****, лошадей и сбрую, повозки, коров, свиней, сельскохозяйственные орудия, плотницкий инструмент. Весь долг каждого шведского колониста мужского пола составил 40 руб. 62 с мелкими долями копейки, а на пленных шведов – по 11 руб. 35 ½ коп. То есть помощь была оказана и поселенным в 1790 г. пленным шведам²³.

Согласитесь, это мало похоже на положение депортированного населения. Такое материальное обеспечение несколько смягчало тот культурный шок, который они получили, прибыв на место поселения. Тем не менее жизнь первых поселенцев была очень тяжелой. Подтверждением этого служит их массовая смертность уже по прибытии в Новороссию. На момент зимовки 1781–1782 гг. в Полтавской губернии из 965 шведов, выехавших в Новороссию, в живых было 880 чел. С января по март 1782 г. умерло 345 чел. С июля 1782 г. по март 1783 г. умерло еще 336 чел. и к весне 1783 г. в живых осталось 135 душ. Причина – неудачно выбранное время переезда, протяженность маршрута следования, обусловившая дли-

тельность времени нахождения в пути со всеми невзгодами, возрастной состав переселенцев – 36,27% составляли дети до 16 лет. Из них 12,85% – дети от 6 мес. до 5 лет²⁴, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи, отсутствия по прибытию к месту поселения построенных домов, землянки (с их сыростью и холодом), необычные климатические условия, антисанитария, отсутствие чистой питьевой воды. «... Нужна была привычка к перенесению этих невзгод, чтобы они на первых же порах не убили энергию в поселенцах и не заставили их пожалеть о покинутой родине»²⁵, – писал Д.И. Багaley. В 1800 году, учитывая тяжелое положение шведов, им имперским указом, был предоставлен статус колонистов.

Что касается причин и условий переселения немцев, то они были несколько иными. Речь идет о переселенцах начала XIX века, которые оказались тесно связаны с событиями последствий Великой Французской революции 1789 г. Баденский сепаратный мир 1795 г. Пруссии с «республикой цареубийц» (так именовала Францию монархическая Европа) имел одним из последствий присоединение к Франции 97 мелких немецких княжеств. В этих землях помимо уничтожения феодальных устоев устанавливалось французское господство, с его чрезмерными налогами, рекрутскими наборами. Приход к власти Наполеона расширил театр военных действий. Кроме того, последовала (в 1803 г.) медиатизация, сводившаяся к уничтожению 112 карликовых немецких государств. С этого момента приток колонистов в Россию возобновился. Что же касается Пруссии, то ее участие в 1806 г. в очередной военной коалиции против Франции привело к молниеносному разгрому и тяжелым условиям Тильзитского мира 1807 г. Налоги, военные постои и повинности, скудность земли, тяжелейшие последствия для экономики немецких земель континентальной блокады, постоянные изменения границ и многое другое вызывало соответствующую реакцию у населения, часть из которого видела выход в возможности покинуть родину и переселиться в Новороссию. Все это объясняет тот факт, что именно на период 1804–1816/17 гг. приходятся самые значительные переселения. Это еще раз подтверждает тезис о влиянии внешнеполитических факторов на причины выезда немцев в Россию. Другими словами, в вопросах причин переселения шведов и немцев существовали различия.

Теоретически были серьезные отличия и в материальном положении шведских переселенцев начала 80-х гг. XVIII в. и колонистов трех немецких поселений, возникших на территории Альт-Шведендорфа. Ибо, согласно Указу от 20 февраля 1804 г., были внесены существенные дополнения к прежнему законодательству об иностранных колонистах. Отныне в Россию на жительство приглашались лица определенного имущественного и социального статуса²⁶. Речь шла о переселении крепких хозяев, которые смогли бы вдохнуть жизнь в экономику южных регионов страны.

В то же время документы свидетельствуют, что прибывавшие после 1803 г. немецкие колонисты не всегда соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Так, в личном письме С.Х. Контениуса Э.О. Ришелье от 6 февраля 1804 г. речь идет

о водворении в Новороссии «хороших и худых иностранных выходцев». Что касается немцев, то автор письма опасался того, что они «вместо рогатого скота не накупили бы сахару и кофею». И далее Контениус пишет: «Наши добрые германцы, мои любезные соотечественники, охотно бы пожелали, чтоб подле лесов и берегов было несколько сахарных и кофейных плантаций»²⁷. Эти замечания позволяют получить некоторое представление о поведенческих характеристиках немецких колонистов начала XIX в., что имело отношение к их материальному положению.

В трех немецких колониях Шведского колониального округа оказались поселения далеко не равнозначные по своему материальному состоянию. Известно, что жители колонии Шлангендорф в дороге стали жертвами несчастного случая – большого пожара, который уничтожил большую часть перевозимых ими вещей. Прибывшие погорельцы на месте не были обеспечены жильем, что еще больше усугубило их положение. И лишь спустя год они смогли приступить к постройке своих домов. Такая задержка вполне объяснима: отсутствие леса²⁸, трудности с его доставкой²⁹, болезни, большая смертность переселенцев – все это не вызывало «строительного бума».

Сложной была ситуация в Клостердорфе. Несмотря на то что его жители привезли с собой большое количество лошадей, что, безусловно, должно было сказаться положительно на начальном этапе их хозяйственной деятельности, весной 1804 г. они обратились в Контору опекунов с просьбой о выдаче им денег, якобы необходимых для покупки дорогих семян для посева. В случае отказа в требуемых суммах они заявляли, что будут просить увольнения из колониального звания и даже грозили самовольным уходом. Стоит только вдуматься в содержание документа – фактически речь шла о шантаже. Реакция властей была молниеносной и вполне в духе времени. Министр внутренних дел граф Кочубей в послании к херсонскому военному губернатору Э.О. Дюку де Ришелье поручал объяснить колонистам, «что они по лености своей сами виноваты в дурном своем положении, и что в получении от казны средств ... прав не имеют ... поскольку правительство и так оказывает ... много добра к новым поселенцам»³⁰. И далее министр требовал наказать зачинщиков прошения, чтобы другим было не повадно. Конторе надлежало помимо этого осудить этих колонистов и «довести об этом всем колонистам для их устранения, чтобы колонисты не отваживались на такие возмутительные предприятия». Подобный документ свидетельствует, что отношения между немецкими колонистами и властью на этом этапе не были безоблачными.

В целом Контора опекунов оказывала большую действенную помощь переселенцам этой волны. На каждую семью выделялось по паре волов, по две коровы, три свиньи и многое другое³¹. Такая поддержка на старте экономического развития колоний уже сама по себе позволяла новым колониям вырваться вперед, оставив позади Альт-Шведендорф. Это в какой-то мере объясняет тот факт, что шведы, по сравнению с немцами, жили беднее. Кроме того, безусловно,

российская администрация к началу XIX в. смогла накопить уже определенный опыт рациональной поддержки переселенцев.

Все четыре колонии Шведского округа находились в одинаковых условиях. Все их население являлось переселенческим и не имело навыков ведения хозяйства в новой для него природно-климатической зоне. Одинаковыми были природно-климатические условия. У населения трех колоний (Альт-Шведендорфа, Мюльхаузендорфа и Шлангендорфа) были одинаковыми религиозные установки – они были лютеранами. Все жители Шведского колониистского округа в своем религиозно-культурном развитии, языке общения, резко отличались от населения появившихся соседних сел. И шведы и немцы к моменту переселения в Новороссию имели определенный опыт товарно-денежных отношений. Все население в начале XIX в. имело статус иностранных колонистов со всеми вытекающими из этого позитивными моментами. И в то же время хозяйственное развитие четырех колоний Шведского округа происходило неравномерно. Это определялось целым рядом факторов. Остановимся на некоторых из них.

Шведы. Основным их занятием на о. Даго была рыбная ловля. Иногда их называли «людьми моря». Выращивание хлебов являлось для них второстепенным занятием. Большое значение ранее в их торговых операциях играло изготовление и продажа дегтя, известняка. В новых условиях это утрачивало свое значение. В Новороссии их выручало изготовление и продажа лодок и рыбных снастей. А рыбная ловля спасала от голодной смерти в годы неурожая и засух, ибо выращивание хлеба в тот период не обеспечивало жизненно необходимых потребностей. В рапорте за 1802 г. смотрителя шведской колонии Павловского в Контору опекуна сказано: «Шведские колонисты не стараются на посев весенних семян и к хлебопашеству не прилежат»³².

Немцы. Большая их часть была традиционными земледельцами. Кроме того, они обладали навыками ремонта и даже изготовления сельскохозяйственных орудий труда. Эти качества сослужили им добрую службу в качестве подсобного промысла. Они ремонтировали и даже продавали отдельные орудия труда соседним шведским колонистам и не только им.

Являясь носителями определенной культуры земледелия, немецкие колонисты имели значительный опыт в животноводстве, что также положительно сказалось в их дальнейшей хозяйственной деятельности.

В изучаемый регион колонисты были приглашены для введения в хозяйственных оборот земель Дикого поля, т.е. главным их занятием должно было стать земледелие. Это, в свою очередь, ставило во главу угла вопрос земли. Большой приток колонистов потребовал выделения для них земельных наделов. И произошло непредвиденное – возникла нехватка свободных земель. Дело в том, что после разрушения Запорожской Сечи ее земли, как и присоединенные силой оружия территории, стали российской властью раздаваться чиновникам, офицерам, помещикам, иностранцам. Величина участков колебалась от 1500 дес. до 12000 дес.

и выше. Условия получения земли были достаточно приемлемыми – заселение земли и введение ее в хозяйственный оборот. Получавшие землю на 10 лет освобождались от всех налогов и повинностей. При соблюдении этих условий, по истечении 10 лет, земля могла обращаться в собственность. Однако на рубеже XVIII–XIX вв. выяснилось, что земли не давали того эффекта, на который рассчитывало правительство. Земли оставались малозаселенными. Даже в 1811 г. плотность населения на этих территориях составляла 5,4 чел. на квадратную версту. В такой ситуации власти пошли на следующие шаги: владельцы земли с меньшим положенного числа переселенцев лишались излишков земли. Последняя переходила в государственную казну, а их владельцы получали по 80 коп. за десятина. Отходившие в казну земли могли быть розданы колонистам или проданы частным лицам по цене 80 коп. за десятина³³.

Столь подробный анализ процесса, связанного с предоставлением земли и законным по тем временам основанием для ее изъятия, предпринят нами потому, что эти факты имели решающее значение для судеб наделов шведской колонии.

С 1803 г. начался активный поиск земель для поселения колонистов. Принимались решения об изъятии земли у офицеров³⁴, не выполнивших условия, на которых она была ими получена. У генералов³⁵ секвестрируется казной часть земель крупных землевладельцев³⁶, с целью использования ее колонистами, покупаются земли у государственных чиновников³⁷, отбираются земли у помещиков за неуплату поземельных денег³⁸, отрезаются земли у казенных селений³⁹, отыскиваются уездными землемерами пустопорожние земли⁴⁰. В такой обстановке активного поиска земли, Контора опекуства не могла обойти своим вниманием земли шведской колонии. Известно, что земля была им наделена из расчета 200 семей (12000 дес.). Выхали в Новороссию 127 семей. К концу 80-х гг. XVIII в. их количество снизилось до 22 семей. В 1803 г. в колонии проживало 34 семьи. Следовательно, земли, им принадлежащей, должно было быть 2040 дес. Однако и эта земля ими полностью не использовалась⁴¹. Фактически 75% их земель не были введены в хозяйственный оборот. С учетом этой ситуации 9 июля 1804 г. было принято решение о поселении на землях шведских колонистов немецких переселенцев, образовавших впоследствии 3 немецкие колонии.

Шведская колония в 1805 г. получила 2.701 дес. пахотной земли и 545 дес. пастбищной, т.е. практически ¼ часть от ранее выделенного ей надела. В тот период это не вызвало со стороны шведов акции протеста. Ситуация изменилась к худшему позже, когда демографическая ситуация изменилась в сторону роста численности шведских колонистов. Если на начальном этапе их обустройства было явно ощутим процесс резкого сокращения численности шведов (здесь возможен анализ взаимодействия среды и отдельных элементов воспроизводства населения: рождаемости, смертности, заболеваемости, продолжительности жизни), то в дальнейшем проявился прирост и результаты демографической адаптации шведов к условиям существования⁴².

Таблица 1

Динамика развития колоний Шведского колониетского округа⁴³

Колонии	Г о д ы							
	1783	1804	1812	1821	1836	1859	1887	1916
	Число семей Число жит.	Число семей Число жит.	Число семей Число жит.	Число семей Число жит.	Число семей Число жит.	Число семей Число жит.	Число семей Число жит.	Число семей Число жит.
Альт-Шведендорф	22	30	30	40	40	40	78	148
	135	140	174	204	241	328	570	718
Клостердорф	-	30	30	33	35	35	70	126
			116	132 (1824)	256	383.	534	747
Мюльхаузендорф		16	16	18	24	35	57	93
			63	64 (1824)	154	335	317	460
Шлангендорф		19	16	28	33	35	50	70
			86	110 (1824)	201	297	254	401

В таблице не все графы заполнены. В различных источниках даются данные по количеству населения и семей разные, т.е. цифровой материал нуждается в перепроверке и уточнении. Тем не менее даже поверхностный анализ свидетельствует о том, что в немецких колониях был высок прирост населения, опережая зачастую аналогичные показатели у шведов. Кроме того в 1815–1818 гг. в немецкие колонии были переселены часть военнослужащих русско-немецкого легиона, сформированного из числа жителей немецких государств на завершающем этапе войны с наполеоновской Францией. Русское правительство предоставило ветеранам-переселенцам денежные пособия⁴⁴. Это привело сразу же к практически удвоению численности жителей этих поселений. Кроме того, ощутима была разница в коэффициенте семейственности. Так, если взять данные 1836 года, то в среднем в немецких семьях на одну приходилось: в Клостердорфе – 6,56 чел., Мюльхаузендорфе – 6,42 чел., Шлангендорфе – 6,09. У шведов этот показатель составлял 6,025 чел. Две немецкие колонии (Клостердорф и Мюльхаузендорф) значительно обгоняли Альт-Шведендорф и по темпам роста числа жителей. Население колоний с 1804-го по 1916 г. возросло у шведов в 5,1 раза, в Клостердорфе в 6,4 раза, в Мюльхаузендорфе в 7,3 раза. По этим показателям шведы уступали лишь жителям Шлангендорфа.

По мере роста численности населения появлялась и затем все более обострялась проблема нехватки земли. Уже данные за 1839–1840 годы демонстрируют появление во всех колониях безземельных. В Старошведской их было 2 семьи (6 чел.), Клостердорфе 4 семьи (18 чел.), Мюльхаузендорфе – 2 семьи (11 чел.), в Шлангендорфе – 1 семья (5 чел.). В этот период начинают обостряться отношения между шведами и немцами. Первые еще помнили, что при переселении

им было выделено 12.000 дес. земли и в новых хозяйственных обстоятельствах недружелюбно взирали на немцев, поселенных, как им казалось, на их землях. При этом напрочь забыв, что в начале XIX века свыше 75% выделенной им земли по-прежнему представляли собой девственную степь⁴⁵.

Что же касается хозяйственного развития колоний, то они развивались практически параллельно. Все колонисты без особого энтузиазма воспринимали инициативы Контениуса по лесоразведению, садоводству, посадке тутовых деревьев. Но, в конце концов, были вынуждены принять установки Конторы опекунства⁴⁶. Здесь были созданы как общественные плантации шелковиц, так и насаждения в отдельных колониях. Особенно на этом поприще преуспела Старошведская, в 4-х плантациях которой насчитывалось 566 шелковиц⁴⁷. Со временем в колониях появились сады. Особой популярностью пользовались вишня и груша. В Клостердорфе и Шлангендорфе размещались ухоженные виноградники. Занимались колонисты и природоохранными лесонасаждениями⁴⁸.

На начальном этапе обустройства колонистам явно не хватало сельскохозяйственного инвентаря. Так, в 1836 г. в Старошведской на 40 семей было 30 плугов, в Мюльхаузендорфе на 24 семьи – 19 плугов, Шлагендорфе на 33 семьи – 27 плугов и т.д. В такой ситуации на первый план выходили ремесленники немецких колоний⁴⁹.

Земля, на которой находились все 4 колонии, была песчано-глинистая, дававшая неплохие урожаи при наличии обильных дождей. Но это была зона рискованного земледелия, и засухи здесь были обычным явлением. Находясь на высоком правом берегу Днепра, земли колоний часто становились объектом выгорания. Посему говорить о высоких урожаях не приходится. В то же время почва в Шлангендорфе была несколько лучше, чем в других деревнях, и, следовательно, жителям было легче достичь более высокого стандарта жизни, чем их соседям. О характере региона поселений, его обеспеченности водой, что крайне необходимо не только для полеводства, но и для скотоводства, может свидетельствовать тот факт, что он значился в перечне мест, где было нежелательно расположение воинских частей по причине отсутствия «текучей воды», а вырытые глубокие колодцы были наполнены «горько-соленой водой»⁵⁰. По воспоминаниям современников, в заводах были губительные испарения.

Жившие в одной и той же природно-климатической зоне, существенно отличавшейся от климата тех мест, откуда они были родом, шведы и немцы имели большую разницу в культуре земледелия. Немцы практиковали двойную вспашку земли – осенью и весной. Будучи изобретателями бункера, они почти отказались от малороссийского плуга, заявляя, что только «плохой хозяин пашет плугом, а хороший – всегда пукарем»⁵¹. Практиковавшееся у немцев удобрение почвы, существенно повышавшее урожайность, в Шведском колонистском округе не применялось. У немцев земля делилась на участки под посев картофеля (в урожайности которого им не было равных), кукурузы, баштанных культур и хлеба. Последний

участок делился на 4 части, каждая из которых 3 года подряд засеивалась яровыми хлебами, а 4-й год – рожью, после чего 3 года отдыха. Эта система существенно отличалась от 7-летнего цикла, существовавшего у меннонитов, когда на 7-й год определенные участки земли удобрялись и находились под паром. Уборка урожая у шведов и немцев отличалась. Немцы зачастую использовали косилки, сгребая скошенный хлеб конными большими граблями. Это позволяло выигрывать в скорости, затрате сил, сопровождалось меньшими потерями урожая.

Шведы еще долго косили косами и пользовались ручными граблями⁵². Имелись отличия и в системе землепользования. Так, в Кlostенрдорфе, где на хозяйство приходилось более 60 дес., каждый двор имел в толоке по 30 дес., в царине – эта земля делилась на 4 участка: в одном 20 дес., в другом и третьем по 4 дес. и в четвертом – 2 дес. При таком же наделе в Альт-Шведендорфе в пахотном поле находилось уже 12 участков на хозяина: в 1, 1 ½, 2, 2, 2, 2, 3, 3, 4, 5 дес. При их разбросанности это создавало излишние трудности как с рабочим скотом, так и использованием позже сельскохозяйственной техники⁵³.

Несмотря на все сложности природного характера, нехватку земли для пастбищ, в колониях было неплохо развито скотоводство. Данные за 1887 г. свидетельствуют, что шведы на 40 дворов имели 125 свиней и 322 лошади. А по немецким колониям эти показатели выглядят следующим образом:

Кlostердорф на 35 дворов – 110 свиней и 349 лошадей.

Мюльхаузердорф на 35 дворов – 167 свиней и 295 лошадей.

Шлангендорф на 35 дворов – 122 свиньи и 320 лошадей⁵⁴.

Проблема хозяйственного развития (нехватка пастбищ и пахотных земель) побуждала колонистов искать выход из создавшегося положения. Он был найден, в какой-то мере, путем аренды части монастырских земель. Располагавшийся недалеко от колоний Бизюков монастырь являлся одним из богатейших в России. Между монастырем и колонистами сложились вполне добрососедские отношения. Монахи неоднократно выручали колонистов.

Если в середине XIX века проблема земли лишь возникала, то после 60-х годов, когда начался стремительный процесс модернизации Юга, сопровождавшийся ростом товарности сельскохозяйственной продукции, а вместе с этим и стоимости земли, вопрос о земле был поднят, но отнюдь не самими шведами. Осенью 1898 г. один землемер, по распоряжению Херсонского губернского присутствия, должен был возобновить генеральную межу вокруг всей земли Старошведской волости. Этот землемер предложил каждой колонии в отдельности возобновить межу между колониями и выхлопотать для каждой из них план на землю, прося 10 коп. за десятину. Уполномоченные Шлангендорфа не согласились на это предложение, заявив, что уже имеются 2–3 подобных плана, и нет смысла тратить деньги зря. Более того, они решили внести в Херсонское губернное казначейство необходимые суммы, с тем чтобы окончательно выкупить надельную землю. Вот тогда-то землемер предстал перед шведами, обещая им (за известную мзду)

доказать незаконность поселения немцев и вернуть всю землю шведам. Шведы собрали деньги, и началась судебная тяжба, нашедшая отражение на страницах газеты «Юг».

Ситуация для шведов усугублялась рядом обстоятельств: во-первых, во время пожаров XVIII в. и начала XIX сгорели документы, определявшие условия их поселения; во-вторых, в 1872 г. было проведено межевание земли и Старошведской общине, был выдан владетельный лист, согласно которому каждый из 40 домохозяйств наделялся 60 дес. земли с правом наследования, раздела по наследованию, завещанию и переуступки. Этот документ тогда был шведами подписан и безоговорочно принят.

Учитывая все обстоятельства периода поселения немцев, 100-летнее их хозяйствование на этой земле, документы 1872 г., затеянная шведами судебная тяжба была обречена на провал, хотя и подогревалась недобросовестными адвокатами, наживавшимися на их беде.

Тем не менее конец XIX – начало XX века было, по мнению колонистов, самым счастливым периодом их жизни. Развивалась хозяйственная деятельность колоний, сокращалась смертность, росло число жителей колоний, резко увеличивалось число браков.

Делая некое обобщение изученных материалов, следует отметить следующее:

1. Население Шведского колониального округа формировалось не одномерно.

2. Хронология возникновения колоний и анализ их хозяйственного развития позволяет утверждать, что немецкие колонисты оказались в более благоприятных условиях, чем шведы, ибо они возникли в то время, когда российская администрация смогла уже накопить определенный опыт колониальной политики.

3. У колонистов были различные причины переселения. На характер их хозяйственной деятельности, на определенном этапе, серьезно сказались навыки и опыт их деятельности в местах их проживания до выезда в Новороссию.

4. Антинемецкие настроения шведов помимо причин ментального характера, имели под собой и сугубо экономический фактор – проблему земли.

Нуждаются в дальнейшем изучении следующие проблемы Шведского колониального округа:

1. Роль и место государственных структур в хозяйственном развитии колоний.

2. Роль непосредственных руководителей колонизации Новороссии в социально-экономическом развитии колоний (Контениус, Ришелье, Инзов).

3. Анализ соотношения демографического развития колоний с их социально-экономическим развитием.

4. Проблемы образования и церкви.

* В 1775 г. Запорожская Сечь была уничтожена.

** Учреждение в 1797 г. Экспедиции Государственного Хозяйства Опекунства иностранных и сельского домоводства, инспекционная поездка в Новороссию, с целью получения объективной информации, надворного советника С.Х. Контениуса, доклад Сената от 6 апреля 1800 г. «О предполагаемых средствах к поправлению состояния Новороссийских иностранных поселенцев об учреждении под ведомством Экспедиции Государственного Хозяйства, Конторы Опекунства Новороссийских иностранных поселенцев», предоставление шведам статуса колонистов, подготовка Инструкции Конторе Опекунства и др.

*** Юрген Хедман пишет о 16 немецких семьях прибывших в 1804 г. и зимовавших в шведской колонии.

**** В документе присутствует несоответствие действительности. Дома не были построены в силу ряда объективных причин (отсутствие леса, нехватка профессиональных строителей, затягивание сроков постройки и прочее).

¹ См.: Из истории заселения Херсонщины: Краткий справочник / Орлова З.С., Рейнер И.Д. Под ред. В.П. Рылеева. Херсон, 1993.

² См.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXVI. С. 119.

³ См.: Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Спб., 1869. Вып. 1. 568 с.

⁴ См.: Северный архив, 1824, апрель № 8. С. 64.

⁵ См.: Котлярчук А. Немцы Украины в судьбе шведской колонии на Днестре, 1805–2007 // Вопросы германской истории. Днепрпетровск, 2007. С.28.

⁶ См.: Кабузан В. М. Заселение Новороссии в XVIII и первой половине XIX в. М., 1978. 176 с.

⁷ См.: Кулинич І. М. Як і коли з'явилися шведські колонії в Південній Україні // УІЖ, 1995. № 1. С. 120.

⁸ См.: Чумаченко Г. Шведське поселення на Півдні України // Народна творчість та етнографія. 1997. № 2-3. С. 105.

⁹ См.: Лойт А. Переселение шведов из Эстонии на Украину в конце XVIII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. С. 106.

¹⁰ См.: Hedman J. Gammalsvenskby. The true story of the Swedish settlement in Ukraine, Stockholm, 2005. p. 18.

¹¹ Писаревский Г. Переселение шведов с острова Даго в Новороссийский край (По документам Государственного архива) // Русский вестник. М., 1899. Кн. III. С. 250.

¹² См.:

¹³ См.: Hedman J. Gammalsvenskby. The true story... P. 21-22.

¹⁴ См.: Котлярчук А. Указ. изд. С. 29.

¹⁵ См.: Багалея Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киев, 1889. С. 91.

¹⁶ См.: Общая характеристика его противоречивого правления дана в работах: Головкин Ф. Двор в царствование Павла I. М., 1912; Шильдер Н.К. Император Александр I: его жизнь и царствование: СПб, 1904. Т. 1–2; Валлоттон А. Александр I. М., 1991.

¹⁷ См.: Очерки истории немцев и меннонитов юга Украины (конец XVIII и первой половине XIX в.) / С.И. Бобылева, Н.В. Бочарова, О.В. Безносова, Л.С. Тутик, Н.В. Осташева, С.В. Атаманенко: Под ред. С.И. Бобылевой. Днепрпетровск, 1999. С. 38.

¹⁸ См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 72. Л. 78-79.

¹⁹ См.: Чумаченко Г. Культурний простір півдня // «Надніпряньська правда» 31.01.1998; Кушеверский И.А. К вопросу о перспективах исследования шведских общин в России в XIX веке в фондах РГИА / <http://rchgi.spb.ru/por>; Лойт А. Переселение шведов из Эстонии на Украину в конце XVIII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. С. 105.

²⁰ См.: Чумаченко Г. Шведське поселення на півдні України // Народна творчість та етнографія. 1997. № 2-3. С. 105.

²¹ Писаревский Г. Указ. изд. С. 247.

²² См.: Там же.

- ²³ См.: Там же.
- ²⁴ См.: ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1803 г.). Д. 4. Л. 122 об – 126.
- ²⁵ Малицька Ю. Шведське населення на Півдні Російської імперії: передумови, причини та хід міграції // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. – Випуск 52. – Серія: Історичні науки № 5. Чернігів, 2008. С. 24.
- ²⁶ См.: Багалеї Д.И. Указ. Изд. С. 100.
- ²⁷ Клаус А. Указ. Изд. – С. 20.
- ²⁸ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 277. Л. 3-6.
- ²⁹ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 277. Л. 3-6. об.
- ³⁰ ГАДО. Ф. 134, Оп. 1. Д. 54. Л. 57-58; ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 138Л. 216; Ф. 6. Оп. 1.- Д. 138. Л. 653-671; Иловайский А.С. Днепровские лощаны. К., 1910. С. 7.
- ³¹ См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 302. Л. 24-25
- ³² РГИА. Ф. 6. 383. Оп. 29. Д. 227. Л. 3-4.
- ³³ См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 98. Л. 71-72 об.
- ³⁴ См.: Багалеї Д.И. Указ изд. С. 75.
- ³⁵ См.: Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. 24. Одесса, 1902. С. 36–37.
- ³⁶ См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 72. Л. 9 об – 10 об.
- ³⁷ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 217. Л. 18-19; письма герцога Армана Эммануила де Ришелье Самуїлу Христиановичу Контениусу. 1803-1814 гг. / Сост. и ред. О.В. Коновалова. Одесса, 1999. С. 212-213.
- ³⁸ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 217. Л. 18-22.
- ³⁹ См.: ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 72. Л. 16-17.
- ⁴⁰ См.: ГАОО. Ф. 1. Оп. 220 (1803 г.). Д. 13. Л. 250-250 об.
- ⁴¹ См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 205. Л. 54; ГАДО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 72. Л. 15 об.
- ⁴² См.: . ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 98. Л. 71-72 об.
- ⁴³ См.: Научный подход к изучению динамики численности населения с учетом влияния среды обитания был дан в свое время английским демографом А.М. Карр-Саундерсом в его работе «Проблемы населения: исследование эволюции» (Carr-Saunders A.M. The Population problem: a study in himan evolution. – Oxford,1922), где автор рассмотрел взаимосвязь между развитием экономики, социального состояния общества и населением, отметил возрастающую роль социальной сферы и экономических процессов в демографическом развитии.
- ⁴⁴ См.: ГАОО. Ф.6. Оп. 1. Д. 4458. Л. 117; ГАХО. Ф.14. Оп. 1. Д. 346. Л. 44, 58, 58 об; Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. С. 20–21 прил.; Материалы для оценки Херсонской губернии. – Т. VI. Херсонский уезд (статистико-экономическое описание уезда). Херсон, 1890. С. 152; Список населенных мест Херсонской губернии (По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.). Александрия, 1917. С. 126–127; Северный архив, 1824. № 9. С. 1541.
- ⁴⁵ См.: Очерки истории немцев и меннонитов ... С. 39.
- ⁴⁶ См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 4460. Л. 1-2.
- ⁴⁷ См.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4459.
- ⁴⁸ См.: ГАОО. Ф. 6. Оп.1. Д. 4460. Л. 1-2.
- ⁴⁹ См.: ГАХО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 98. Л. 4 об.
- ⁵⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при отделении Департамента Генерального штаба. Том XI. Часть I, 1849. С. 25.
- ⁵¹ Материалы для оценки земель Херсонской губернии. Том VI. Херсонский уезд (статистико-экономическое описание уезда). Херсон, 1890. С. 222.
- ⁵² См.: Там же. С. 223.
- ⁵³ См.: Там же. С. 215.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 152

Миграционные процессы в среде волынских немцев в конце XIX начале XX в.

Анализ исторических источников дает основания утверждать, что в среде немецкой национальной общины на Волыни, несмотря на ее замкнутость и обособленность от окружающей социально-этнической среды, происходили заметные миграционные процессы. Они были вызваны разными причинами, а их интенсивность в разные периоды пребывания поселенцев в губернии была не одинаковой.

Следует отметить, что сам процесс колонизации, связанный с освоением новых земель в регионах поселения, всегда носит миграционный характер. Не была исключением в этом плане и немецкая колонизация на Волыни, где в систему немецкого землепользования постепенно вовлекались все новые и новые площади заболоченных, заросших кустарниками неосвоенных полесских земель. Не случайно, видимо, местные органы власти нередко не знали о существовании некоторых немецких колоний на протяжении продолжительного промежутка времени именно через отдаленность и труднодоступность отдельных освоенных колонистами участков земли, а соответственно не могли осуществлять относительно них никаких контролирующих функций¹.

В среде волынских немцев-поселенцев существовала и небольшая своеобразная прослойка постоянно мигрирующих колонистов. Этот своеобразный факт был отмечен еще в отчете чиновника по особым поручениям Шильднер-Шульднера в январе 1894 г., где он писал, что система немецкой колонизации на Волыни построена на том, чтобы, обработав неосвоенный участок леса или болота, продать его вновь прибывшим колонистам, а на вырученные средства приобрести новый и так далее². Безусловно, что в основе такой постоянной миграции лежал исключительно экономический интерес как можно скорее получить значительную сумму прибыли за счет продажи освоенных земель, которые ценились поселенцами намного выше, чем неосвоенные. Они хорошо понимали цену труда, вложенного в землю. Поэтому именно экономическими мотивами следует объяснять и весь комплекс внутренних колонистских миграций в границах Волынской губернии (из уезда в уезд, из колонии в колонию, из колоний в города). Сюда же, очевидно, следует включить поденные и сезонные заработки, отхожие промыслы, эпизодические и краткосрочные трудовые миграции из колоний в города. Последние стали особенно характерными в конце XIX и в начале XX в., когда у многих колонистов закончились сроки арендных договоров, а помещики не хотели их возобновлять³. Это были вынужденные миграции, доминирующей причиной которых стало антиколонистское законодательство, а также самоуправство местных землевладельцев.

Именно экономический интерес порождал также краткосрочные миграции с целью сбыта выработанной сельскохозяйственной и животноводческой продукции, как на близлежащих, так и на более отдаленных рынках.

Рядом с миграционными движениями в границах своего региона существовали и миграции в пределах Украины и всей империи. Правда, причины этих миграций довольно разные. Не всегда они имели добровольный характер, иногда были вынужденными, а то и принудительными.

К миграциям прибегали еще волынские меннониты в первой половине XIX в. Так, в 1834–1835 гг. из трех меннонитских колоний Острожского уезда в Таврийскую губернию выехало 62 семьи, а десять лет спустя 33 из них высказали желание возвратиться. И хотя официального разрешения на это не получили, некоторые семьи возвратились самовольно и снова поселились на Волыни⁴. Меннониты свой выезд мотивировали желанием соединиться с единоверцами, которых на юге Украины проживало значительно больше, а также экономическими выгодами этого региона.

Со временем просьбы на выезд в другие губернии стали подавать и колонисты. В 1833 г. из колонии Анетта Новоград-Волынского уезда группа местных поселенцев подала ходатайство на выезд в Херсонскую или Екатеринославскую губернии⁵. В 1861 г. группа колонистов местечка Рожище Луцкого уезда хлопотала о выдаче им письменного разрешения для переезда в Крым⁶.

Если меннониты мотивировали свой выезд преимущественно плохим экономическим состоянием своих хозяйств и желанием воссоединиться со своими единоверцами, то главной причиной переселения колонистов в большинстве случаев была лишь экономическая, вызванная старанием улучшить собственное материальное положение и более выгодными условиями хозяйствования в других регионах. Правда, разрешения на переезд выдавались не всегда, особенно до 90-х годов XIX в. Так, в сентябре 1884 г. канцелярия волынского губернатора отклонила ходатайство группы колонистов села Билашова на переселение в другие регионы России⁷. Причем это было самоуправство, так как законных оснований на отказ не было.

Довольно редкостными в среде волынских немцев были и миграции, связанные с отхожими промыслами и сезонными заработками. После принятия закона о всеобщей воинской повинности (1 января 1874 г.) определенная часть немцев-колонистов призывного возраста вынуждена была отлучаться в места прохождения службы. Правда, количество их было довольно незначительным. Так, в 1877 г. из 4797 призванных на службу из Волынской губернии было всего 44 лютеранина, что составило всего около 1% всех призывников или же 0,1% всего немецкого населения губернии⁸. В 1881 г. из 5179 призванных на службу количество немцев увеличилось до 103 чел. (2%)⁹. Подобная ситуация сохранялась и в дальнейшем, так как колонисты всяческими способами старались избежать воинской службы.

Антиколониистское законодательство второй половины 80-х – первой половины 90-х годов XIX в. резко изменило льготный социально-правовой статус волыньских немцев, и тем самым спровоцировало в их среде более активные миграционные процессы вынужденного характера. Часть поселенцев начала активно искать такие регионы России, где экономические и правовые условия хозяйствования были более выгодными, чем на Волыни. Так, в 1890 г. целая группа волыньских немцев переселилась в Черниговскую и Полтавскую губернии и начала скупать там землю¹⁰. Еще часть волыньских колонистов на протяжении последнего десятилетия XIX в. избрала новым регионом своего переселения южные губернии Украины.

В конце XIX и особенно в начале XX в. усилилось миграционное движение волыньских немцев в восточном направлении. Более всего привлекал их регион Сибири, где переселенцы имели возможность получить до 50 десятин земли, а впоследствии по доступным ценам выкупить ее и стать полноправными землевладельцами¹¹. Часть мигрировала еще дальше, в регион Дальнего Востока, отдельные семьи – в северные и восточные части Казахстана. Обсуждался и вопрос о переселении волыньских немцев в Самарскую и Саратовскую губернии, хотя переехало туда незначительное количество желающих¹². Следует подчеркнуть, что восточное направление переселения волыньских немцев было особенно приоритетным в годы столыпинской аграрной реформы.

Выезжая, колонисты старались быть уверенными в выгодности новых мест поселения, поэтому сперва посылали туда ходоков-разведчиков. Газета «Волынь» от 5 мая 1899 г. сообщала, что возле дилижанской конторы Фельденкрайза собралось 32 семьи немцев-колонистов со своим домашним скарбом. Они отправлялись в Киев, а потом дальше, на новые земли, о которых им привезли сведения, высланные раньше ходоки. Автор заметки писал, что они едут в Сибирь или в Карскую область и имеют большие иллюзии, касающиеся больших льгот, которые якобы ждут их на новом месте¹³. Скептицизм корреспондента был небезосновательным, так как со стороны властей помощь переселенцам не обещалась. Более того, получить разрешение на переезд было не так просто. Учитывалось и поведение на предыдущем месте жительства, и состав семьи, и гражданство, и наличие достаточной суммы финансов на переезд и начальное обустройство в местах нового поселения¹⁴. В июне 1899 г. из нескольких колоний близ городка Горошки Житомирского уезда в Приамурский край выехало 20 немецких семей¹⁵. В 1907–1908 гг. были основаны колонии волыньских немцев близ Томска¹⁶. В этот же период компактные поселения немцев-колонистов из Волыни появились и в других регионах Сибири, где они проживали вплоть до нынешнего времени, хотя их количество за последние 10–15 лет резко уменьшилось благодаря интенсивной эмиграции в Германию.

В начале XX в. в Сибирь выехала часть еще одной своеобразной группы волыньских немцев, так называемых бужских голендров. В первой половине XIX в. они расселились вдоль Западного Буга, а потом и в других регионах преимуще-

ственно Западной Волыни. Весной 1912 г. в поисках лучшей судьбы первая партия из 200 волыньских голендров прибыла на Пихтинский земельный участок Балаганского уезда Иркутской губернии, и основали три колонии, существующие до сегодняшнего дня. Следует отметить, что на протяжении всего XX в. в этих колониях сохранялся во многом тот уклад жизни, который был характерным еще со времен проживания на Волыни. Иркутские этнографы, посетившие поселения бужских голендров в 90-е годы прошлого века, были поражены увиденным – так целостно сохранить давние особенности материальной и духовной культуры как они, не смогла ни одна другая этническая группа региона. Явление было настолько оригинальным, что стало причиной появления целого ряда публикаций в местной прессе, а также в научных и научно-популярных изданиях. Так, четвертый номер научно-популярного журнала «Тальцы» за 2004 г., учредителем и издателем которого является одноименный архитектурно-этнографический музей г. Иркутска, практически полностью был посвящен бужским голендрам.

Но не всегда попытки обосноваться на новых землях были удачными, и тогда немцы снова возвращались на Волынь. В 1895–96 гг. колонисты колонии Селянский Млынок Житомирского уезда, переселяясь в Сибирь, продавали свои волыньские земли по цене 50 руб. за десятину. Разорившись на новом месте, они возвратились назад и за свои же несколько лет назад проданные земли вынужденны были платить теперь уже по 200–250 руб. за десятину. Причем новые хозяева этих участков возвращали их неохотно и то лишь потому, что не было официально заключенных договоров купли-продажи и формально колонисты оставались их собственниками¹⁷.

Следует подчеркнуть, что восточные окраины империи привлекали волыньских немцев не только перспективами получить большие земельные наделы и тем самым избежать угрожающего в будущем малоземелья, а то и безземелья на Волыни. Большие земельные участки были привлекательными для переселенцев и с позиций фермерской формы ведения хозяйства. Немаловажную роль играло и то, что в сибирских и дальневосточных регионах почти полностью отсутствовали крепостнические пережитки, да и сами помещики, от которых они в подавляющем своем большинстве были зависимы на Волыни¹⁸.

Незначительная часть волыньских немцев после 1905 г., поддавшись на агитацию прибалтийских дворян, выехали в Эстонию и Латвию¹⁹. Отдельные семьи волынян основали несколько колоний в 1905 г. и в Литве²⁰. Немецкий исследователь Н. Арндт считает, что начиная с 1906 г. около 20 тыс. волыньских немцев переселились в Прибалтику, преимущественно в Курляндию. Причем, среди причин выезда в этот регион он считает не только экономические, но и политические, связанные с событиями революции 1905–07 гг. и ожиданиями того, что они приведут к коренным переменам в царской России, результатом которых станет воссоединение Прибалтики с Германией²¹.

Заканчивая характеристику внутренних миграций волыньских немцев, хотелось бы подчеркнуть, что в конце XIX – начале XX в. в среде колонистов начались процессы деления земли между детьми, которые в конечном результате привели к дроблению наделов и соответственно снижали эффективность колонистских хозяйств²². Понимая невыгодность дробления земельных участков, поселенцы пытались предпринимать упреждающие действия, считая одним из наиболее эффективных переселение в другие регионы империи, где этих отрицательных явлений можно было бы избежать.

Вскоре за внутренними миграциями началось и эмиграционное движение. В регионе появились агенты-вербовщики, которые, преследуя в первую очередь собственные материальные интересы, стали распространять слухи о принудительном насаждении среди немцев православия, о конфискации земель и т.п., обещая замечательные условия хозяйствования за океаном. Нередко такая агитация срабатывала. Так, австрийский подданный Дельман в 1888 г. сагитировал к переселению в Америку 25 семей из колонии Томашевка Ровенского уезда²³.

Приблизительно в это же время среди волыньских немцев стали распространяться специального содержания брошюры и письма²⁴, которые тоже выполняли агитационные функции. Реагируя на эти факты, полицейское ведомство издало специальное постановление, дававшее право преследовать и наказывать агитаторов²⁵. Именно на его основании был осужден учитель немецкой школы в Ровенском уезде Д. Локштейн, который распространял слухи о преимуществах хозяйствования в Бразилии²⁶.

Преследуя агитаторов, властные структуры сначала препятствовали и самим колонистам в выезде за границы империи, что вынуждало последних искать нелегальные пути пересечения границы. Об этом свидетельствуют отчеты полицейских и пограничных служб. Так, например, неудачей закончилась попытка группы молодых немцев в 1888 г. перебраться на территорию Австро-Венгрии близ городка Радзивиллов Кременецкого уезда²⁷. Только в июне 1890 г. на тайных переходах российско-австрийской границы полиция задержала 175 волыньских немцев, которые уже продали свое имущество, приняв решение об эмиграции в Бразилию²⁸.

Но в скором времени отношение российских властных структур к немецкой эмиграции изменилось, и по закону от 14 марта 1892 г. генерал-губернатор Юго-Западного края получил право выдавать иностранцам бесплатные эмиграционные свидетельства для свободного передвижения в другие страны²⁹. Это решение было в русле начавшейся антинемецкой политики, которая постепенно начала воплощаться в жизнь, начиная со второй половины 80-х годов XIX в., путем принятия соответствующих законодательных актов. Архивные источники свидетельствуют о выдаче большого количества таких свидетельств немцам Волынской и других губерний Юго-Западного края именно в конце XIX и в начале XX в.³⁰

Особенно активной была немецкая эмиграция из Волыни в предвоенное десятилетие. Из разных уездов губернии на протяжении каждой январской трети 1904-го,

1905-го и 1906 г. выехало соответственно 585, 731 и 244 колониста. Состоянием на 1 января 1906 г. из семи уездов Волыни эмигрировало 3343 немца: из Новоград-Вольнского – 1123, из Житомирского – 987, из Ровенского – 855, из Дубенского – 166, из Луцкого – 124, из Владимира-Вольнского – 47 и с Изяславского – 44³¹.

Направления эмиграционного движения были разными. В докладе волынского губернатора императору за 1896 г. указывалось, что с 1890 г. среди волынских немцев стало ощущаться желание к переселению в другие государства, и в особенности в Бразилию. Последнее десятилетие XIX ст. в истории немецкой эмиграции за океан небезосновательно можно назвать «бразильским»³². Правительство Бразилии в конце XIX в. было заинтересовано в освоении своих территорий, а поэтому предоставляло эмигрантам определенные льготы, которые включали беспрепятственное получение виз и оплату переезда³³. Но сам путь через океан был очень трудным. Российский консул в Бразилии в июне 1890 г. сообщал, что среди 260 немцев-эмигрантов из России в дороге из-за эпидемии дифтерии и оспы умерло 48 детей³⁴. Подобная трагедия сопровождала и 1306 других эмигрантов, которые направлялись в Аргентину и прибыли в июле-августе того же года в бразильские порты³⁵. В 1889 г. из 1332 немцев, которые прибыли в Буэнос-Айрес, подавляющее большинство было именно из губерний Юго-Западного края³⁶.

Не менее популярным и массовым было канадское и американское направление эмиграции. В 1893 г. сенат Гамбурга, из порта которого отправлялись эмигранты, по причине большого скопления людей даже запретил въезд выходцам из России, большинство из которых были немцы-колонисты³⁷. Голландское правительство требовало от всех эмигрантов, которые ждали в портах отправки за океан, наличия соответствующего количества средств для проживания³⁸. Иногда ожидание выезда продолжалось месяцами из-за того, что бразильские власти не впускали корабли из Европы в свои порты, мотивируя это эпидемиями холеры в европейских странах³⁹.

Те же из волынских немцев, которые не имели достаточно финансов для переезда за океан, пытались переселиться ближе, в немецкие земли. В январе 1903 г. луцкий уездный исправник в рапорте губернатору отмечал, что в уезде замечено движение немцев за границу, причем выезжали даже те, кто принял российское подданство и был приписан к крестьянским общинам. Главной причиной выезда были слухи о раздаче германским правительством своим подданным на выкуп земель, купленных у бывших польских помещиков⁴⁰. В том же году появилось воззвание от имени Познаньской колонизационной комиссии, в котором речь шла о том, что немцы из России могли бы поселиться в познаньских и восточно-прусских немецких провинциях, где много больших помещичьих имений и мало небольших крестьянских⁴¹. В 1907 г. в связи с нехваткой рабочих рук в Рейнско-Вестфальском промышленном районе и в крупных немецких землевладельцев был поднят вопрос о возвращении немцев из Привислянского края Царства Польского и Юго-Западных губерний России⁴².

Подобного рода агитация, которой занимались специальные агенты, подтолкнула часть волынских немцев к отъезду в Пруссию и Польшу, что для многих из них означало репатриацию, так как именно оттуда они в свое время прибыли на Волынь. Правда, многие из этих репатриантов, не сумев найти работу и приобрести землю, столкнувшись с другими трудностями, вынуждены были эмигрировать за океан. Следует отметить, что поток мигрантов из Волыни в немецкие земли был незначительным, причем именно через позицию германских властей.

Когда появилась информация о намерениях вышеупомянутой колонизационной комиссии из Познани, 6 октября 1903 г. во Львове был созван съезд немецких пасторов и учителей, на котором в присутствии германского консула была принята резолюция, которая призывала всячески сдерживать немецких колонистов от возвращения в Германию, и было дано обещание улучшить их быт в недалеком будущем «братской помощью». Подобный призыв был сделан и германским консулом в Киеве к немецким колонистам Юго-Западных губерний России⁴³. Эти факты свидетельствуют, что политика германского правительства относительно возвращения российских немцев была довольно сдержанной.

Что же касается социального состава тех колонистов, которые оставляли Волынь в конце XIX – начале XX в., то он был разнообразным. Безусловно, большую активность проявляла бедная часть волынских немцев, безземельных и малоземельных. Неуверенное материальное положение заставляло их покидать свои селения, терпеть всяческие трудности и лишения в дороге, лишь бы получить большие земельные участки. Переселялась и часть середняков, хозяйства которых в условиях развития капитализма имели чаще тенденцию к разорению, чем к преобразованию в большие и зажиточные. Что же касается крепких немецких хозяев, то решались на переезд наиболее предприимчивые из них. Это была та небольшая прослойка, которая всегда стремилась к расширению своих хозяйств всяким возможным способом и в любом регионе. Кроме колонистов, выезжали также и сельские ремесленники, иногда среди мигрирующих немцев встречались и жители волынских городов.

Часто семья, которая собиралась переселиться, высылала на новые места старшего сына или же главу семьи, который закладывал основы нового хозяйства, и лишь потом забирал всю семью. Таким способом немцы старались снизить риск, который всегда сопровождает переселенцев и эмигрантов.

Говоря о причинах активных миграций волынских немцев в рассматриваемый период, следует подчеркнуть, что доминирующим фактором, который обусловил их, был экономический, хотя не следует оставлять без внимания и другие. В 1913 г. в Россию прибыл чиновник Департамента труда правительства США В.Гезбанд с целью выяснить причины массового движения российского населения в Америку. По его данным, немцы-колонисты уезжали преимущественно по причине необходимости отбывать воинскую повинность⁴⁴. Однако, с нашей точки зрения, эту причину немецкой эмиграции следует считать второстепенной, как и некоторые другие. К примеру, на протяжении 1888–1903 гг. из колонии Анетта Новоград-Волынского уезда

в Америку эмигрировало немало немецких семей, неудовлетворенных политикой русификации их среды⁴⁵. Правда, такие второстепенные факторы, которые дополняли основную экономическую причину немецкой эмиграции из Вольни, иногда становились далеко немаловажными и весомыми для колонистов в окончательном принятии решения о переселении.

Учитывая тот факт, что часть немецких колонистов проживала в губернии, оставаясь в германском подданстве, то это давало им возможность при потребности почти беспрепятственно выезжать за границу. А часть юношей при достижении призывного возраста отправлялась в Германию для прохождения воинской службы. На это обращалось внимание и в отчетах волыньских губернаторов. В частности, в 1890 г. губернатор отмечал, что имеются сведения об отдельных рабочих суконных фабрик Роона из колонии Большая Волнянка Луцкого уезда, которые отбывали воинскую службу в Пруссии, а их сыновья служат там и теперь⁴⁶. Такие факты часто использовались антинемецкими политическими кругами в России как аргументы относительно целенаправленной политики германского правительства на заселение западных окраин империи резервистами своей армии, что таит в себе стратегическую опасность. Правда, приведенные выше факты были единичными, и рассматривать их надо скорее как исключения, а не закономерности.

И, наконец, следует отметить, что наряду с добровольными и вынужденными миграциями в среде волыньских немцев встречались и принудительные, связанные преимущественно с насильственным выдворением за границы губернии и империи. Чаще всего такие виды миграций встречаются после принятия ограничительных законов относительно немецкого землевладения и землепользования и в связи с окончанием сроков аренды земельных участков. Но встречались и случаи другого характера. В 1892 г. был выслан за границу прусский подданный Ф.Миллер из колонии Луцинов за агитацию чехов и лютеран о переходе их в баптистское вероисповедание⁴⁷. В 1887 г. подобное наказание было применено и к прусскому подданному Р.Конверту из колонии Денеша Житомирского уезда «за политическую неблагонадежность»⁴⁸. За участие в польском восстании 1863 г. был выдворен из России прусский подвергнутое Байер, работавший управляющим Славутской суконной фабрики⁴⁹. Семье колониста В.Шмидке из колонии Несподзянка Ровенского уезда было запрещено проживание в губернии «за неповиновение распоряжениям правительства, относительно празднования дня Рождества по старому стилю»⁵⁰. Немцы Г.Вильде и Х.Шильке из колоний Антоновка и Кутли вместе с семьями были выдворены «за противодействие в преподавании русского языка в школах и подстрекательство колонистов к празднованию некоторых дней по новому стилю»⁵¹. Перечень подобных случаев можно продолжить. Приведенные выше факты принудительных выселений показывают, что царские власти, стараясь очистить среду волыньских колонистов от политически неблагонадежных элементов, которые своей деятельностью нарушали стабильность общественно-политической жизни в губернии, прибегали и к силовым методам и формам воздействия.

Несмотря на активные миграционные процессы в среде волыньских немцев существенного влияния на их количество в губернии они не произвели. Лишь в ходе Первой мировой войны в отношении волыньских немцев были применены насильственные действия, повлекшие за собой массовое и принудительное их выселение во внутренние регионы России, хотя большинство из них к тому времени имели российское подданство. Фактически это был первый факт в истории России, когда граждан своего государства депортировали по национальному признаку.

Подытоживая изложенный выше материал, следует отметить, что немецкое национальное меньшинство на Волыни не было абсолютно осевшей общностью в регионе, и для него были характерны разные виды миграционных процессов. На протяжении всего периода колонизации в среде волыньских колонистов наиболее распространенными были внутренние горизонтальные миграции. Анतिकолонистское законодательство 80–90-х годов XIX в. подтолкнуло волыньских немцев к межрегиональным внутренним миграциям в границах империи, а также к эмиграции, в основном, за океан. Главными причинами миграций среди колонистов были экономические, хотя существовали и некоторые другие, второстепенные. По форме подавляющее большинство этих миграционных движений было добровольным.

Хотелось бы обратить внимание и на то, что именно миграционные процессы в среде волыньских немцев в конце XIX и в начале XX в. позволили некоторой части из них избежать многих драматических, а во многом и трагических событий, которые пришлось пережить оставшимся на Волыни поселенцам в годы Первой и Второй мировых войн, а также в межвоенный период.

¹ См.: Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве (далее ЦГИАУ). Ф.442. Оп. 617. Д.114. Л.2; Оп.614. Д.238. Л.105.

² См.: Там же. Ф.442. Оп.693. Д.349. Л. 21–22.

³ См.: Там же. Ф.442. Оп.695. Д.64. Л.5–13.

⁴ См.: Государственный архив Житомирской области (далее ГАЖО). Ф.58. Оп.1. Д.371. Л.55–56.

⁵ См.: ЦГИАУ. Ф.442. Оп.1. Д.1442. Л.1–5.

⁶ См.: Там же. Ф.442. Оп.38. Д.671. Л.1–24.

⁷ См.: Там же. Ф.442. Оп.614. Д.225. Л.1–5.

⁸ См.: Там же. Ф.442. Оп.57. Д.183. Л.18.

⁹ См.: Там же. Ф.442. Оп.535. Д.322. Л.30.

¹⁰ См.: Сергеев И.И. Мирное завоевание России немцами. –Пг., 1917. С.78.

¹¹ См.: ЦГИАУ. Ф.442. Оп.694. Д.28. Л.34–44, 50–51.

¹² См.: Государственный архив Волынской области (далее ГАВО). Ф.263. Оп.1. Д.53. Л.3.

¹³ См.: Волынь. 1899. №8. 5 мая.

¹⁴ См.: ЦГИАУ. Ф.442. Оп.38. Д.671. Л.24.

¹⁵ См.: Волынь 1899. №48. 25 июня.

¹⁶ См.: ЦГИАУ. Ф.115. Оп.2 (доп.). Д.158. Л.239–240, 434, 541.

¹⁷ См.: Волынь. 1897. №208. 12 ноября.

¹⁸ См.: Тихомиров В.В. Переселения в России во второй половине XIX в. М., 1978. С.148.

- ¹⁹ См.: Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996. С.80.
- ²⁰ См.: Cichocka-Petrażyńska S. Żywioł niemiecki na Wołyńcu. – Warszawa, 1933. С.27.
- ²¹ См.: Arndt N. Umsiedlung Wolhyniendscher Kolonisten ins Baltikum 1907–1913. // Wolhynische Hefte. 5. Folge. – S.93–96; Арндт Н. Воляньские немцы и интересы государств в Восточной и Центральной Европе // Родина Волянь. Сборник статей и воспоминаний о жизни немцев на территории современных Житомирской, Ровенской и Воляньской областей Украины, составленный на основании публикаций немецкого исторического общества «Волянь» в «Воляньских тетрадах» („Wolhynische Hefte“). Визентхайд-Житомир, 1998. Т.17. С. 87–88.
- ²² См.: О немецких поселенцах Воляньской губернии. СПб., б.г. С.17.
- ²³ См.: ЦГИАУ. Ф.442. Оп.838. Д.31. Л.1–2.
- ²⁴ См.: Там же. Ф.442. Оп.701. Д.31. Л.1–2.
- ²⁵ См.: Там же. Ф.442. Оп.618. Д.199. Л.1.
- ²⁶ См.: Там же. Ф.442. Оп.618. Д.199. Л.7.
- ²⁷ См.: Там же. Ф.442. Оп.618. Д.5. Л. 137.
- ²⁸ См.: Там же. Ф.442. Оп.618. Д.261. Л.112–134
- ²⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). СПб., 1895. Т.12. 1892 г. С.165.
- ³⁰ См.: ЦГИАУ. Ф.442. Оп.693. Д.54, 60, 91, 107, 131, 152, 162, 167, 174, 191, 201, 208, 220, 238, 244, 267, 271, 300, 303, 315, 322 и прочие; Оп.694. Д.60, 140, 150 и прочие.
- ³¹ См.: Там же. Ф.442. Оп.702. Д.463. Л.96.
- ³² См.: Там же. Ф.442. Оп.846. Д.463. Л.16.
- ³³ См.: Siemigradski J. W sprawie emigracji włościanskiej w Brazylii // Biblioteka Warszawska. Styczeń-Warszawa, 1890. Т.1. S.127–154.
- ³⁴ См.: ЦГИАУ. Ф.442. Оп.618. Д.199. Л.1
- ³⁵ См.: Там же.
- ³⁶ См.: Там же.
- ³⁷ См.: Там же. Ф.442. Оп.690. Д.206. Л.24
- ³⁸ См.: Там же.
- ³⁹ См.: Там же. Ф.442. Оп.690. Д.206. Л.26.
- ⁴⁰ См.: Там же. Ф.442. Оп.702. Д.253. Л.1.
- ⁴¹ См.: Липранди А.П. Германия в России. Харьков, 1911. С.31.
- ⁴² См.: Там же. С.32.
- ⁴³ См.: ЦГИАУ. Ф.442. Оп.641. Д.707. Л.9.
- ⁴⁴ См.: Переселение в Сибирь из восьми губерний, входящих в состав Южно-Русской областной земской переселенческой организации. За 1906–1912 гг. Б.м., 1913. Вып.1. С.55.
- ⁴⁵ См.: Отдел рукописных фондов Института искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины (далее ИМФЭ). Ф.1–4/347. Л.57.
- ⁴⁶ См.: ЦГИАУ. Ф.442. Оп.690. Д.21. Л.4–6.
- ⁴⁷ См.: Там же. Ф.442. Оп.690. Д.70. Л.1–6.
- ⁴⁸ См.: Там же. Ф.442. Оп.837. Д.260. Л.1–7.
- ⁴⁹ Там же. Ф.442. Оп.816. Д.414. Л.1–27.
- ⁵⁰ См.: Там же. Ф.442. Оп.690. Д.264. Л.1–3.
- ⁵¹ Там же. Ф.442. Оп.690. Д.252. Л.1–9.

Альтшведендорф в годы революции и Гражданской войны: судьбы шведов

История поселенческого комплекса Альтшведендорф является одной из наименее изученных проблем в историографии, посвященной немцам бывшего СССР. А между тем начало его формирования было положено еще в 1782 г., когда в нижнем течении р. Днепр вблизи г. Берислав шведами-переселенцами с о. Даго на Балтике было создано поселение Гаммальсвенскбю (Старошведское). И лишь в начале XIX в. здесь поселяются немцы-эмигранты из Германии, которые основывают свои колонии: католики в 1805 г. – Клостердорф, а лютеране в 1814 г. – Шлангендорф и Мюльхаузендорф. До 1871 г. шведское и немецкие поселения входили в состав Шведского колониетского округа, преобразованного затем в Старошведскую волость Херсонского уезда одноименной губернии¹.

Следует отметить, что на характер взаимоотношений шведов и немцев с самого начала в определенной степени отрицательно влияли факторы экономического и этноконфессионального характера. Во-первых, шведы на протяжении почти 100 лет продолжали активно оспаривать законность передачи немцам при их заселении части земель якобы дарованных ранее шведам еще Екатериной II². Во-вторых, стремясь сберечь свою национальную и религиозную идентичность, шведы длительный период сопротивлялись заключению смешанных с немцами браков и неуклонно боролись за создание собственного церковного прихода³. Хотя к концу XIX в. острота этих противоречий начала постепенно сглаживаться, в частности стали заключаться межнациональные браки, определенная отчужденность во взаимоотношениях продолжала существовать.

К началу революции 1917 г. на территории Старошведской волости имелось 3 немецких колонии, 1 поселение шведов, украинское село Дремайловка и православный Бизюков монастырь. Кроме того, на арендуемой монастырской земле было расположено 20 небольших хуторов. Всего в волости проживало 5595 человек, из них шведами были 718 человек, немцами – 1608 (861 лютеранин и 747 католиков), а остальные 3259 являлись украинцами и представителями других национальностей⁴.

Весть о революции и падении монархии, дошедшая в Старошведскую волость, для ее жителей, как и для большинства населения Российской империи, оказалась полной неожиданностью. Однако реакция на эти события двух основных групп населения – немцев и шведов – была различной. Немецкие колонисты, в частности, возлагали большие надежды на то, что Временное правительство в самом скором времени отменит пресловутые указы по ликвидации их земельной собственности, изданные бывшим царским правительством в годы Первой мировой войны, и прекратит в стране разнузданную антинемецкую кампанию. Реакция же большинства

шведов была гораздо менее эмоциональной и весьма сдержанной. Для них, занятых исключительно своим хозяйством и далекими от политики, смысл и последствия происшедших в стране изменений были еще не до конца ясны и понятны.

Дальнейшее развитие событий в стране привело к тому, что к осени 1917 г. политические симпатии значительных масс населения качнулись в сторону левых партий, из которых наиболее радикальной была партия большевиков. В ночь на 7 ноября 1917 г. они захватили власть в Петрограде и низложили Временное правительство.

В этот же день в Киеве Центральная рада своим 3-м Универсалом объявила о создании Украинской Народной Республики. Кроме того, этот универсал провозгласил ликвидацию права собственности на помещичьи и другие земли так называемых нетрудовых хозяйств. Земля объявлялась собственностью всего трудового народа и должна была перейти к нему без выкупа. Украинские крестьяне сразу же начали отчуждение крупной земельной собственности. При этом были затронуты и владения некоторых богатых немцев-колонистов⁵.

Тем временем обстановка в Украине стала еще более осложняться. 1-й Всеукраинский съезд Советов, проходивший 24–25 декабря 1917 г. в Харькове объявил Украину федеративной частью РСФСР и распространил на нее действие декретов и распоряжений СНК Советской России. На помощь украинским большевикам из России были направлены крупные вооруженные отряды⁶. Начиная с конца декабря 1917 г. и по февраль 1918 г., большевистская власть распространилась на значительную часть Украины.

9 февраля 1918 г. Центральная рада заключила в Брест-Литовске мирный договор с Германией и ее союзниками, надеясь на их военную помощь в борьбе против наступавших большевиков. Ввод германских и австро-венгерских войск на территорию Украины начался 18 февраля 1918 г.⁷ Подавляя сопротивление слабых и неорганизованных большевистских частей, они начали постепенное продвижение вглубь Украины. А в это время большевики интенсивно укрепляли свою власть на юге и востоке республики.

В Старошведском местные безземельные радикалы создали так называемый революционный трибунал. В его состав вошли Андреас Альберш, Христиан Нутас и Андреас Кнутас. Своими главными задачами они считали перераспределение земли и борьбу с местными контрреволюционерами. Но широкой поддержки в селе эти люди не имели. Поэтому в марте 1918 г. прибывший в Старошведское большевистский отряд, произвел там принудительную смену власти. В частности, был создан революционный комитет во главе с председателем Христианом Нутасом. Но как только большевики покинули волость, как этот комитет был свергнут, а его члены: сам Нутас, Волдемар Утас и Петер Нутас, были подвергнуты жестокому избиению. Кроме того, шведами была уничтожена, проникшая в Старошведское и ограбившая там волостную кассу, небольшая группа анархистов под руководством некоего Смолтянова⁸.

Месть за эти действия не заставила себя долго ждать. Вскоре прибывший в Старошведское новый большевистский отряд подверг разграблению колонии, арестовал там 13 мужчин, а затем казнил их в Бизюковом монастыре⁹. По некоторым данным это был 1-й партизанский Приднепровский отряд, состоящий в основном из жителей Любимовки и других правобережных сел. Рано утром 8 апреля 1918 г. он неожиданно для колонистов исчез из монастыря. Причиной его внезапного бегства послужили вести о том, что к Бериславу приближаются крупные антибольшевицкие силы. И действительно с северо-запада туда продвигался, уничтожая на своем пути мелкие красногвардейские отряды, тысячный отряд белых добровольцев полковника Дроздовского, шедший походом с Румынского фронта на Дон к генералу Корнилову. А из Херсона в Берислав прибыл батальон австрийцев (400–500 чел.) из состава 22-й пехотной дивизии. Вскоре следом за ним в город вошел батальон 21-го пехотного полка германской армии под командованием майора Наумана. Объединенными усилиями австро-германцев и добровольцев в течение суток район был очищен от красногвардейцев. 1-й партизанский Приднепровский отряд был настигнут ими в Каховке, где потерял более 30 человек убитыми и свое красное знамя. Остатки отряда частью бежали дальше на восток, а частью нашли укрытие в плавнях¹⁰.

На следующий день 9 апреля 1918 г. отряд австро-германцев прибыл на территорию колоний. Его приход большинством колонистов был воспринят как избавление от тягот и лишений времен революционной анархии. По просьбе волостного схода германцы и австрийцы начали аресты в колониях и соседних украинских селах членов ревкомов и красногвардейцев. При чем исключений для немцев и шведов не делалось. Из последних были арестованы и отправлены в бериславскую тюрьму Андреас Альберш и Кристиан Нутас. Но, поскольку их вина была не столь большой, осенью их освободили, и они возвратились домой¹¹.

В апреле 1918 г. германское и австро-венгерское высшее руководство, недовольное неспособностью Центральной рады наладить нормальную обстановку в стране и организовать поставки продовольствия в их страны, осуществило государственный переворот в Украине, приведя к власти гетмана П. Скоропадского. Большинство колонистского населения с одобрением отнеслось к смене власти в Украине. Оно горячо надеялось на установление в государстве социальной стабильности.

Уже в первом своем законе, «Грамоте ко всему украинскому народу», П. Скоропадский объявил о восстановлении права частной собственности и отмене всех постановлений по этому вопросу Центральной рады¹². Однако украинские крестьяне не желали возвращать полученную в период ее правления землю. Тогда в дело вступили австро-германские войска. В украинские села, население которых отказывалось возвращать имущество и землю помещикам, для наказания виновных стали направляться их карательные экспедиции.

К ним нередко вольно или невольно присоединялись колонисты. Некоторые из колонистов, особенно из числа пострадавших от экспроприации, приняли самое активное участие в экспедициях. Другие же вынуждены были быть переводчиками для австрийцев при их контактах с крестьянами. В Старошведской волости таким человеком был пастор Густав Витт. Кроме того, в силу своего служебного положения частые контакты с австрийцами вынуждены были иметь представители волостной и сельских администраций, а среди них староста Старошведского Фредрик Мальмас, а также писарь Андреас Утас¹³. Естественно в глазах революционных радикалов из украинских сел, они были пособниками оккупантов.

Жестокость карательных экспедиций, нередко проявлявшаяся в арестах и расстрелах лиц, лишь заподозренных в грабежах и насилиях над землевладельцами, только усиливала радикализацию украинского крестьянства. В результате таких действий вскоре появилось довольно значительное, число небольших повстанческих групп и даже целых отрядов, которые начали борьбу против австро-германских войск и сторонников гетманского режима.

Один из таких отрядов был сформирован в начале осени 1918 г. в с. Большая Лепетиха, расположенном на правом берегу Днепра. В его состав также вошли и жители соседних Каир. Командовал отрядом местный учитель, бывший прапорщик К. Ивденко. Начальником его штаба стал выходец из крестьян-середняков, бывший фельдфебель и Георгиевский кавалер, Павловский. Численность этого отряда не превышала 100 человек. Он базировался в основном в плавнях, периодически совершая налеты на богатых хуторян и вступая в стычки с уездной стражей полковника Шохина¹⁴.

Другой такой отряд, был создан неким Дорошенко, в основном из жителей с. Михайловка, бывших ранее работниками, как в колониях, так и в Бизюковом монастыре. Участники этих формирований видели в большинстве колонистов пособников контрреволюции, которые заслуживали немедленного и жестокого наказания. Их имущество и землю повстанцы обещали распределить между бедным населением всего региона¹⁵.

Кроме двух вышеназванных отрядов в районе действовало еще несколько мелких вооруженных групп, которые прикрывали свои грабежи и убийства богатых хуторян лозунгами борьбы с контрреволюцией. Периодически в районе появлялась со своей бандой, наводя ужас на все зажиточное население, и печально знаменитая Маруся Никифорова.

В полночь 10 сентября 1918 г. один из неизвестных отрядов предпринял попытку со стороны с. Дремайловки ворваться в немецкие и шведскую колонии. Но неожиданно для себя нападавшие натолкнулись на сильный вооруженный отпор. В бой с ним вступила волостная дружина, которая объединила в своем составе отряды самообороны 3-х немецких и 1-й шведской колоний¹⁶.

Предложение колонистам немедленно приступить к созданию таких отрядов поступило от командования австро-германских войск летом 1918 г., поскольку вы-

яснилась их неспособность самостоятельно обеспечить безопасность и порядок в регионе в связи с бурным ростом повстанческого движения. Со своей стороны, австро-германцы обещали обеспечить будущие формирования необходимым оружием. После довольно продолжительного обсуждения волостной сход в июле 1918 г. принял решение создать собственные вооруженные формирования. Данное решение поддержали как немцы-колонисты, так и шведы. Это событие в ряду прочего имело и большое символическое значение. После периода более чем столетних непростых взаимоотношений между шведами и немцами смертельная опасность заставила их забыть о былых обидах и встать вместе плечом к плечу с оружием в руках.

К началу осени 1918 г. в каждой колонии был сформирован отряд самообороны. Выполняя свое обещание, австрийцы передали им более 100 винтовок системы «Маузер» и два легких пулемета, снабдив их также небольшим количеством боеприпасов. Готовясь к защите своих поселений, колонисты уделили большое внимание созданию фортификационных сооружений. В частности, к югу от Шлагендорфа и к северу от Клостердорфа были вырыты окопы, а из межевых камней сооружены пулеметные гнезда. Руководили организацией самообороны несколько участников Первой мировой войны из числа местных жителей¹⁷.

Эти военные приготовления колонистов стали своеобразным вызовом для украинских крестьян, ибо сразу после своего прихода австро-германские войска провели в регионе принудительное разоружение их сел, нередко сопровождавшееся расстрелами виновных в утаивании оружия. Поэтому открытое снабжение колонистов оружием объективно приводило к еще большему усилению антиколониальных настроений крестьянства.

Нападение же, которое было совершено в ночь на 10 сентября 1918 г., было сравнительно легко отбито пулеметным огнем самообороны. При этом отличился швед-пулеметчик Андреас Сигалет. Нападавшие, понеся большие потери, вынуждены были уйти восвояси¹⁸. Однако это была лишь небольшая тактическая победа колонистов, которая не могла изменить общий ход событий.

С падением в конце ноября режима П. Скоропадского и окончательным уходом из региона австрийских войск ситуация в регионе стала стремительно ухудшаться. Несмотря на то что вскоре в Бериславе гетманскую администрацию сменила республиканская комендатура во главе с Осауленко, последняя не в состоянии была стабилизировать ситуацию. Более того, отдельные подразделения армии Директории, появившиеся в уезде, нередко своими действиями еще более осложняли создавшееся положение. Об этом свидетельствует содержание листовки, широко распространявшейся в то время. В ней, в частности, от имени петлюровских атаманов Козачкова и Сокола прямо говорилось о том, что в уезде будут проведены погромы в домах, где не будут выставлены иконы¹⁹. Поэтому все не православное население уезда замерло в ужасе, ожидая начала массовой резни. Но, неожиданно для всех, 26 декабря 1918 г. ситуация в районе стала стремитель-

но меняться. В этот день со стороны Бизюкова монастыря до колоний долетели звуки оружейной пальбы. Там разгорелся крупный бой, который продолжался почти до вечера. Лишь на следующий день, когда по почтовой дороге на Берислав прошла большая колонна, состоявшая из повозок с людьми, кавалерии и артиллерии, колонистам стало известно, что это был так называемый екатеринославский отряд. Он представлял собой части 8-го кадрового корпуса под командованием генерала И. Васильченко, которые отказались подчиниться власти Директории и, покинув Екатеринослав, направились в Крым для присоединения к Добровольческой армии. Разгром екатеринославцами в районе Бизюкова монастыря отряда войск атамана Н. Григорьева, заставил в панике покинуть данную местность и другие вооруженные формирования²⁰.

Период относительного затишья, который наступил после этого, продолжался до 20 февраля 1919 г., когда отряд Ивденко и Павловского, уничтожив накануне остатки уездной варты полковника Шохина, предпринял попытку прорвать оборону колонистов, но потерпел неудачу. После этого он отправился в Бизюков монастырь на отдых, где уже несколько дней находился отряд Дорошенко. Дорошенко под угрозой смерти заставил монахов выплатить большую денежную контрибуцию и предавался вместе со всем своим отрядом пьянству, уничтожая обширные запасы монастырского вина. Вновь прибывшие также включились в пьяный разгул. В качестве заложников ими были захвачены в монастыре несколько богатых украинцев-хуторян и немцев – жителей Кластердорфа, неосторожно пришедших туда за покупками. Но одному из немцев удалось бежать и рассказать о случившемся волостному руководству. Примерно в это же время два монастырских послушника Николай и Евтихий, тайно покинув монастырь, прибыли в Берислав и сообщили о вакханалии большевиков местному коменданту Осавуленко. Совет самообороны после некоторых колебаний принял решение разгромить засевших в монастыре большевиков. К колонистам присоединилась и сотня под командованием офицера Нечитайло, присланная из Берислава. В ночь на 23 февраля объединенные силы окружили монастырь, где находилось в это время около 200 большевиков. После короткого боя, который произошел ранним утром, они убили заложников и бросились спасаться на левый берег Днепра. Однако, когда большевики выбрались из прибрежных зарослей на открытый лед, по ним ударил огонь пулеметов. В результате Ивденко и 10 рядовых большевиков были убиты. Но остальные, среди которых было много раненых, все же смогли добраться до противоположного берега. Там Павловский и Дорошенко собрали остатки отряда и увели его для пополнения в родные места. Трофеями их противников стали 2 пулемета «Максим», 13 винтовок и 10 лошадей. Один из этих пулеметов был передан самообороне, усилив тем самым ее огневую мощь²¹.

По воспоминаниям шведов окончательный разгром большевиков обеспечили исключительно пулеметчики самообороны, которые занимали позицию на берегу вблизи монастыря. В то же время уцелевшие большевики позднее заявляли,

что пулеметный огонь велся и с монастырских колоколен монахами. Дело в том, что накануне этих событий в монастыре существовал охранный отряд, состоявший предположительно из числа лиц недуховного звания. Участник Екатеринославского похода офицер В. Гуреев, в частности, в своих воспоминаниях отметил, что этому отряду по приказу генерала Васильченко еще 27 декабря 1918 г. были переданы пулеметы с запасом патронов²². Когда монастырь захватил Дорошенко, отдельные члены отряда, вероятно, успели спрятаться в одном из многочисленных местных подземелий. А после того, как большевики бросились бежать, они, взбравшись на колокольню, огнем из пулемета внесли свою лепту в разгром большевиков.

Этот бой был описан 26 февраля комендантом Берислава Осауленко в газете «Родной край», причем победа над большевиками была представлена как заслуга исключительно его казаков. При этом комендант хвастливо заявил о пленении всех уцелевших большевиков во главе с самим Дорошенко, в качестве захваченных трофеев упомянул о 2-х артиллерийских орудиях и 1-м заряде ящиков к ним²³. Однако все это не соответствовало действительности. Колонисты же в данной заметке даже не упоминались. Последним, однако, это было только наруку, поскольку они, не без оснований, опасались мести уцелевших большевиков. Как показали дальнейшие события, большевики хорошо разобрались, кто действительно был виноват в их поражении. Они даже составили подробный список лиц, повинных, по их мнению, в гибели их товарищей. Включены были в него и несколько шведов²⁴.

К началу марта 1919 г. на юге Украины появились крупные силы большевиков под командованием матроса Павла Дыбенко, прибывшие из Советской России. Заключив союз с Н. Махно, они общими усилиями осуществили успешный прорыв 50-километрового фронта самообороны молочанских колонистов, который махновцы безуспешно пытались преодолеть еще с середины декабря 1918 г.²⁵ Известие об этой победе быстро разлетелось по региону и придало силы местным большевикам.

В ночь на 8 марта отряд во главе с Павловским и Дорошенко, именуясь уже 3-м Таврическим повстанческим полком, начал атаку укрепленной позиции у Шлангендорфа. К утру она была отбита самообороной, но скудный запас боеприпасов у колонистов почти иссяк. Им стало ясно, что они на грани поражения. Поэтому к нападавшим была отправлена делегация парламентариев, состоявшая из 3-х шведов во главе с учителем Кристофером Гоасом. Выбор в качестве парламентариев шведов был не случаен, поскольку повстанцы гораздо большую ненависть испытывали к немцам. Обладавший даром красноречия К. Гоас смог смягчить командира полка Павловского рассказом о 300-летней дружбе шведов и украинцев, начиная еще со времен гетмана Мазепы и короля Карла XII. Павловский дал слово в случае сдачи оружия не совершать массовых убийств по вышеназванному списку приговоренных к смерти, но в качестве компромисса потребовал согласиться

на суточное расквартирование в волости. Шведы вынуждены были подчиниться. Однако это расквартирование быстро превратилось в открытый грабеж, который длился вместо суток 2 дня и 3 ночи. Из колоний были вывезено огромное количество имущества и скота. Население понесло и большие человеческие жертвы. В немецких колониях был убит 21 человек. Шведы же потеряли 3-х²⁶. Но с особой жестокостью большевики отомстили монахам Бизюкова монастыря. 11 человек из них, которые не успели скрыться, были схвачены и зверски замучены в монастырском винном подвале²⁷.

Заняв Старошведское, большевики потребовали провести смену сельской власти. 17 марта 1919 г. сельское собрание, несмотря на то что на него из 96 хозяев, имевших право голоса, явилось только 19, избрало сельский ревком. Его председателем стал Петр Иванович Аннас, а заместителем – Андрей Христианович Сигалет. Членами комитета были избраны Густав Петрович Утас, Андрей Андреевич Мальмас и Христиан Вильгельмович Утас. 7 апреля 1919 г. сход избрал и народного судью. Им стал Яков Михайлович Альберш²⁸.

Новой власти пришлось решать сложнейшие задачи по выполнению требований большевиков. Одной из таких задач были поставки продовольствия и лошадей. Так, уже в мае шведы вынуждены были выполнить официальное распоряжение о передаче в Красную армию 20 рабочих лошадей. Но гораздо чаще проходящие красноармейские части просто самовольно забирали лучших лошадей из табуна, пасшегося на участке Крытого колодезя²⁹. Суровый контроль за жизнью колонистов осуществляли члены коммунистического союза «Спартак», состоявшего из бывших германских военнопленных, примкнувших к большевикам. Не имея ничего общего с большинством населения, кроме, пожалуй, языка, они не только не пользовались авторитетом у колонистов, но и вызывали своими жестокими и бесцеремонными действиями всеобщую ненависть³⁰. В Одесском уезде такая их политика вызвала в начале августа 1919 г. крупномасштабное восстание местных немцев-колонистов³¹. Жесткий прессинг со стороны спартаковцев держал в состоянии постоянного стресса местную сельскую власть. И люди не выдерживали этого давления. 9 июля 1919 г. на общем сходе Петр Аннас попросил снять его с занимаемого поста. Сход удовлетворил его просьбу, избрав вместо Аннаса председателем Иосифа Семеновича Кнутаса. Но уже 20 июля, под предлогом болезни, он передал свои обязанности Густаву Петровичу Утасу³².

К этому времени чаша весов в ходе военных действий склонилась на сторону армии генерала Деникина. Белые к 10 июля 1919-го вышли на левый берег Днепра. Красная армия успешно оборонялась на правом берегу в районе Старошведского вплоть до 30 июля. Ранним утром этого дня Симферопольский офицерский полк, стремительно переправившись через реку, овладел селом. Красные в беспорядке отступили на запад³³. В Белую армию в этот период вступило добровольцами несколько молодых шведов. Поскольку прежний староста Фредрик Мальмас сказался больным, а занимавший при красных пост председателя ревкома Густав Утас

не мог возглавить администрацию села, то сход 11 августа избрал своим старостой Христиана Григорьевича Кнутаса³⁴.

Однако военное счастье белых было недолгим. Уже поздней осенью 1919 армия генерала Деникина, находившаяся уже на подступах к Москве, неудержимо покатила на юг. Немалой степени этому способствовала деятельность армии Махно, парализовавшая тыл белых. В январе 1920 г. Старошведское было окончательно занято красными. В нем в очередной раз была проведена смена сельской администрации. 7 февраля 1920 г. председателем местного совета стал Матвей Христианович Кнутас. Секретарем же остался незаменимый при всех властях писарь Андрей Андреевич Утас. В начале июня 1920 г. Кнутаса сменил Яков Андреевич Гоас, который осенью, в свою очередь, уступил свой пост Ивану Матвеевичу Бускасу³⁵.

После ухода с поста командующего Белой армией генерала Деникина власть перешла в ней к генералу П. Врангелю, который, переформировав уцелевшие части, в начале июня 1920 г. начал наступление из Крыма в Северную Таврию. 12 июня его части уже заняли Каховку. Но красные успели прочно закрепиться на противоположном берегу, а в ночь с 6-го на 7 августа 1920 г. форсировали Днепр, захватили Каховку и создали в ее районе обширный плацдарм. Его оборона, продолжавшаяся до октября 1920 г., была возложена на части 15-й, 52-й и Латышской стрелковых дивизий. С учетом большого количества вспомогательных и специальных частей общая численность группировки красных войск в этом районе превышала временами 70 тысяч человек³⁶. снабжение этой массы людей всем необходимым продовольствием тяжким бременем легло на население Старошведской волости, которое насчитывало лишь 4010 человек³⁷.

К 28 сентября 1920 г. колонисты вынуждены были, нередко под угрозой расстрела, передать красным войскам 54666 пудов зерна. Более того, большую часть его они обязаны были бесплатно молотить на всех своих мельницах: 2-х паровых и 6-ти ветряных. Весьма значительными были поставки других продуктов. Только картофеля, например, было забрано военными в объеме 666 пудов. Количество же конфискованных яиц и птицы просто не поддавалось учету³⁸.

Огромными были потери скота. Уже к 29 июля 1920 г. Бериславской государственной конторе волостью было поставлено 40 голов крупнорогатого скота и 52 свиньи. Войсковые части же просто забирали скот, не оставляя никаких квитанций. Так органами снабжения 15-й, 52-й и Латышской стрелковых дивизий было забрано 44 головы скота и 28 свиней. Эти конфискации продолжались вплоть до поздней осени. По состоянию на 28 сентября 1920 г. волость свои потери оценивала в 351 голову скота и 323 свиньи³⁹.

Значительный урон был нанесен поголовью лошадей – основной тягловой силе колонистов. Значительное количество их было реквизировано для своих нужд войсковыми частями. Уже 25 апреля 1920 г. начальник обороны тыла 13-й армии мобилизовал 37 лошадей, оценив их в расписке на общую сумму 92 тыс.

рублей, но не заплатил владельцам ни копейки. В дальнейшем красные забирали лошадей, вообще не оформляя никаких документов. Общая численность реквизированных лошадей составила по волости к началу осени 194 головы⁴⁰. Интересно, что доля лошадей шведов была лишь 23 головы. Дело в том, что шведы, прекрасно ориентировавшиеся в обширных плавнях, до поры до времени успешно прятали там на небольших островках своих лошадей и скот. Однако красные курсанты выследили одно из таких убежищ и арестовали находившихся там двух шведов. Но если Кристиан Гинас смог бежать, то Иоганнес Аннас был застрелен на кладбище в Бериславе⁴¹. Затем беда пришла с другой стороны реки. Белые казаки, обнаружив табун лошадей, спрятанных шведами в плавнях, в ночь на 3 июля 1920 г. переправили почти всех их вплавь на левый берег⁴².

Сокращение численности лошадей было вызвано также принудительной подводной повинностью. Шведы, например, вынуждены были в постоянной готовности держать для ее выполнения 62 подводы. Частые поездки по перевозке войск и грузов чрезвычайно изнуряли лошадей, что приводило иногда к их гибели. Нередко мобилизованные подводчики с лошадьми, сопровождая красные войска, удалялись на довольно длительные расстояния от мест своего проживания. Поэтому, боясь не вернуться домой, люди оставляли свои подводы с лошадьми и пешком устремлялись домой. Так, шведы вынуждены были во время отступления красных из Северной Таврии бросить там 6 своих лошадей. А с 3 июня 1920 г. без вести пропавшими у них числилось уже 12 подвод⁴³.

В перечень обязательных поставок для армии были включены сено, солома и даже дрова. Соломы, например, было поставлено волостью 6084 пуда, сена 160 пудов, а дров 18200 пудов⁴⁴.

В рамках так называемой трудовой мобилизации большевики привлекали колонистов к выполнению различных вспомогательных работ. Женщины, например, занимались стиркой и штопкой белья для красноармейцев, а кузнецы выполняли постоянные заказы по ремонту повозок, подковке лошадей и ремонту несложного военного оборудования⁴⁵.

И без того сложное положение колонистов усугублялось бесчинствами отдельных частей Красной Армии. Особенно не церемонились с населением латышские стрелки. Так 21 июня 1920 г. солдаты 4-го латышского полка взломали дверь канцелярии Мильхаузендорфа и уничтожили все находившееся там имущество. А в начале октября 1920 г., когда дивизия начала выходить с территории волости, по пути ее следования к переправе латышские стрелки сожгли большое количество соломы и половы, а многих из встреченных ими колонистов ограбили⁴⁶.

В конце августа 1920 г. жители Старошведской волости получили план продразверстки 1920 г., который они должны были полностью выполнить до 29 декабря этого же года. Ее объем буквально ошеломил колонистов. Только хлеба волость должна была поставить 85954 пуда. На долю Старошведского приходилось 24046 пудов. В реальности же шведы не могли поставить и половины этого

объема. Многие из урожая на площади в 2156 десятин посева им не удалось собрать из-за интенсивных боевых действий⁴⁷.

Поставки скота тоже были не реальными. Во всей волости к этому времени насчитывалось чуть более 700 голов скота, включая молодняк. А по продразверстке требовалось поставить 318 голов⁴⁸. Поэтому волостной совет попросил партийные власти скорректировать план хлебозаготовки, отметив в своем протоколе, что «хлеба Старошведской волости остались необранными вследствие нахождения в прифронтовой полосе»⁴⁹. В ответ большевики пригрозили руководству волости расстрелом за саботаж, поэтому последнее вынуждено было разверстать план по колониям.

Между тем хотя в октябре 1920 г. волость и покинули части, защищавшие каховский плацдарм, до самого конца года ее территорию неоднократно посещали крупные подразделения Красной армии, ведшие борьбу с отрядами Махно и других повстанческих атаманов. Вместе с проводившейся продразверсткой эти рейды окончательно обескровили экономику колоний. А разразившаяся весной 1921 г. жестокая засуха, уничтожила к лету и без того незначительные посевы колонистов, положила начало массовому голоду. Для украинских шведов наступил новый, еще более трагический период их истории.

¹ См.: Немцы России: Населенные пункты и места поселения. Энциклопедический словарь / Сост. В.Ф. Дизендорф / Редкол.: О. Кубицкая (пред. редкол.) и др. М.: ЭРН, 2006. С. 28, 181–182, 254, 439, 431

² См.: Процесс после 100 лет // Юг. 1899. 17 октября.

³ См.: Isberg A. Svensk lutherdom i österled: Schwedisches Luthertum im Osten: relationer till ryska och baltiska diasporaförsamlingar och minoritetskyrkor 1883–1941 / Alvin Isberg. – Uppsala: Univ., 1982. S.5–25.

⁴ См.: Список населенных мест Херсонской губернии. (По данным Всероссийской сел.-хоз. переписи 1916 г.). Александрия, Типография Ф.Х. Райхельсона, 1917. С.126–127.

⁵ См.: Українська Центральна Рада: Документи і матеріали у 2 т. / Ред. рада: П.П..Толочко (голова) та інш. К.: Наук. Думка, 1996. Т. 1: 4.березня – 9 грудня 1917 р. С.400.

⁶ См.: Безносков А. И. К вопросу об участии немецких колонистов и меннонитов в Гражданской войне на Юге Украины (1917–1921) // Вопросы германской истории. Немцы в Украине: Материалы украинско-германской научной конференции. Днепрпетровск, 26–29 сентября 1995 г. Д., 1996. С.114.

⁷ См.: Там же. С.115.

⁸ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby: The true story of the Swedish settlement in Ukraine Stockholm, 1999–2000. P.24.

⁹ См.: Ibid

¹⁰ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby... P.25; Дроздовский М.Г. Дневник // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Добровольцы и партизаны. М.:Голос, 1996. С. 38–41.

¹¹ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby... P. 24–25.

¹² См.: Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. К.: Філософська і соціологічна думка, 1992. С.82–83.

¹³ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby... P.26.

- ¹⁴ См.: Паталаха О. Чорні дні Григоріє-Бізюкова монастиря // Вгору. 2008. 14 лютого
- ¹⁵ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby... P.25.
- ¹⁶ См.: Ibid
- ¹⁷ См.: Ibid
- ¹⁸ См.: Ibid
- ¹⁹ См.: Ibid
- ²⁰ См.: Паталаха О. Чорні дні Григоріє-Бізюкова монастиря // Вгору.– 2008. 14 лютого
20Сакович Г. Екатеринославский поход// 1918 год на Украине / Сост., науч. ред., предисл. и
коммент. д. и. н. С..В. Волкова. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. С.293.
- ²¹ См.: Паталаха О. Чорні дні Григоріє-Бізюкова монастиря // Вгору. 2008. 14 лютого;
Hedman, J. Gammalsvenskby...P.25.
- ²² См.: Гуреев В. Екатеринославский поход // 1918 год на Украине / Сост., науч. ред., пре-
дисл. и коммент. д. и. н. С..В. Волкова. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. С.233.
- ²³ См.: Паталаха О. Чорні дні Григоріє-Бізюкова монастиря // Вгору.– 2008. 14 лютого.
- ²⁴ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby...P.26.
- ²⁵ См.: Beznosov, Alexander: Der Kampf ums Überleben: Selbstschutz der Deutschen und
Mennoniten in der Ukraine // Von der Autonomiegründung zur Verbannung und Entrechtung.
Die Jahre 1918 und 1941 bis 1948 in der Geschichte der Deutschen in Russland. Sonderband
der Reihe „Heimatbücher der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland e. V.“ Hrsg.: Alfred
Eisfeld. Stuttgart 2008, S. 93.
- ²⁶ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby...P.26
- ²⁷ См.: Паталаха О. Чорні дні Григоріє-Бізюкова монастиря // Вгору. 2008.– 14 лютого.
- ²⁸ См.: Государственный архив Херсонской области (далее – ГАХО), Ф. Р-1800. Оп.1. Д.15.
Л.115, 118.
- ²⁹ См.: 29Там же. Л.121-121об
- ³⁰ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby...P.26.
- ³¹ См.: Безносков А..И. Колонистское население и вооруженная борьба на Юге Украины
(конец 1918 – осень 1920 гг.) // Вопросы германской истории. Сборник научных трудов. Д.,
2005. С.81–82.
- ³² См.: ГАХО. Ф. Р-1800. Оп.1. Д.15. Л.128, 138.
- ³³ См.: Альмендингер В.В. Симферопольський офіцерський полк.1918-1920. Лос-Анджелес,
1962. С. 56.
- ³⁴ См.: ГАХО, Ф. Р-1800. Оп.1. Д.15. Л.139.
- ³⁵ См.: Там же. Д.11, Л.46, 65.
- ³⁶ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby... P.27
- ³⁷ См.: ГАХО, Ф. Р-1887, Оп.3, Д.142, Л.297об.
- ³⁸ См.: Там же. Ф. Р-1800, Оп.1, Д.6, Л. 24, 38.
- ³⁹ См.: Там же. Д.5, Л.38.114.
- ⁴⁰ См.: Там же. Ф. Р-12. Оп.2. Д.30. Л. 20. 28.
- ⁴¹ См.: Hedman, J. Gammalsvenskby... P.27.
- ⁴² См.: ГАХО. Ф. Р-1800, Оп.1, Д.5, Л.7об, 41.
- ⁴³ См.: Там же. Л. 15, 43, 123.
- ⁴⁴ См.: Там же. Л. 38.
- ⁴⁵ См.: Там же. Л. 120, 197.
- ⁴⁶ См.: Там же. Л. 104; Ф.Р-1887. Оп.3. Д. 142. Л.701.
- ⁴⁷ См.: Там же. Р-1800. Оп.1. Д.2. Л.2об.
- ⁴⁸ См.: Там же.Л. 9, 11об.
- ⁴⁹ См.: Там же. Л.2об.

Немцы Украины в реалиях сталинской реконструкции

Тоталитарный режим, используя массовый террор, делал все возможное, чтобы найти таким действиям идеологическое оправдание. Этой цели послужил выдвинутый И. Сталиным тезис об обострении классовой борьбы в ходе строительства социалистического общества. Вскоре он был органично дополнен еще одним идейным положением – о наличии в советских республиках «ползучих» националистических уклонов. Руководство советской Украины, стремясь выслужиться перед московским центром, с особенной активностью включилось в поиски «врагов народа». Выступая на XII съезде КП(б)У, С. Косиор подчеркивал, что в Украине классовая борьба более напряженная, чем в других республиках, и враги – кулаки и националисты – более опытные и злые, чем где бы то ни было в стране. Тезис об обострении классовой борьбы стал директивным, в соответствии с ней строила свою работу пропагандистская машина тоталитарного государства.

Выступая на январском (1936 г.) Пленуме ЦК КП(б)У, руководитель НКВД Украины В. Балицкий, заявил, что, по имеющейся информации, руководство фашистской Германии делает все возможное, чтобы превратить немецкие национальные районы в опорные пункты шпионажа против СССР. Он призывал собравшихся к бдительности и решительной борьбе с такими тенденциями¹.

С еще большей настойчивостью вовлекал партийных функционеров в борьбу с «вредительством» январский (1937 г.) Пленум ЦК КП(б)У. Кандидат в члены Политбюро С. Саркисов в своем выступлении отмечал, что по делу разоблачения немцев-фашистов уже проведена большая работа, однако «немцы, которые переплелись с фашистами», расставили свои сети по большим электростанциям Донбасса. «Шестьдесят фашистских групп разоблачены НКВД. Я думаю, что мы здесь должны пойти смелее по линии высылки многих немцев из Донбасса. Они нам не нужны. Наши люди, хозяйственники, обойдутся без них. Пора. Сколько лет, как они засели в Донбассе. Нужно выслать немцев»². Заметно, что в своей эмоциональной речи докладчик объединил в одно понятие «фашисты» и немцев, которые проживали на территории Украины на протяжении столетий, и немецких специалистов, приглашенных для работы на предприятиях СССР.

В общественном сознании все больше утверждалась мысль, что немцы и представители других национальных меньшинств являются потенциальными шпионами и изменниками, вредительскую деятельность которых нужно искоренять любым способом. Властные инстанции разрабатывали формы и методы такой борьбы, находя наиболее циничные и жестокие. Их диапазон был огромным – от увольнения с работы по национальному признаку, до ареста и заключения. Уже с 1935 г. под видом проверки партийных документов начали увольнять граждан немецкой национальности с работы на больших промышленных предприятиях, особенно

оборонного характера. 3 ноября 1935 г. Харьковский обком КП(б)У принял постановление «О состоянии парторганизации и командных кадров на заводе № 135 «ХТЗ», в котором содержалось требование: «Разработать календарный план мероприятий для очистки завода от поляков, немцев, троцкистов, националистов, в первую очередь тех, что занимают командные должности»³.

Наличие немцев в руководстве предприятий, учреждений, производственных подразделов расценивалось как засоренность. Тоталитарные институции принуждали директоров предприятий собирать компрометирующие материалы для обоснования освобождений с должностей. Так же цинично фабриковались и дела шпионов и шпионско-диверсионных организаций. По мнению современных исследователей, если «разоблаченные организации, союзы и группы где-то и существовали, то лишь в воображении организаторов репрессий»⁴.

Основной удар карательных органов направлялся на немцев, которые негативно относились к созданию коллективных форм управления сельским хозяйством. За шесть месяцев 1934 г. в 240 немецких населенных пунктах органы безопасности «разоблачили» 85 фашистских организаций, арестовали 250 и осудили 150 немцев. В аппарате НКВД была создана специальная «немецкая линия», которая считалась одной из самых производительных по количеству репрессированных граждан⁵. Судебные процессы часто проводились как показательные. Так, приговор Одесского облсуда, вынесенный немецким пасторам Карл-Либкнехтовского района Крушинскому, Лорану, Гофману и Таубергеру, присутствующая на суде группа колхозников приветствовала с флагами⁶.

Особенной результативностью отмечалась работа карательных органов в местах компактного проживания немцев. Подготовленная НКВД в сентябре 1937 г. «Справка к докладу о политическом состоянии немецких районов Одесской области» информировала, что на протяжении июня–августа в области было разоблачено «49 фашистских, диверсионных и повстанческих организаций, арестовано свыше 800 человек, и из этого количества 586 по Спартаковскому, Зельцскому и Карл-Либкнехтовскому национальным районам». Для повышения эффективности репрессий предлагалось, «не ослабляя оперативного удара НКВД по разгрому подполья в немецких селах, провести массовую депортацию «контрреволюционных элементов» – выселить из немецких районов области около 5 000 семей⁷.

Кроме того, среди немцев, органами государственной безопасности проводилось несколько массовых операций, которые ставили своей целью физическое уничтожение значительной части сообщества, якобы составляющего угрозу режиму. 20 июля 1937 г. началась так называемая немецкая операция, инициированная решением И. Сталина, направленным членам Политбюро под названием «Вопросы НКВД». В нем речь шла о том, чтобы «предложить М. Ежову дать срочный приказ органам НКВД относительно ареста всех немцев, которые работают на оборонных заводах (артиллерийских, снарядных, винтовочно-пулеметных, патронных и др.), и относительно высылки части арестованных за границу. О ходе арестов и количе-

стве арестованных сообщать (ежедневно) в ЦК»⁸. На аресты было отведено пять суток, начиная с 29 июля. После проведения «особенно тщательного следствия», дела направлялись на рассмотрение военной коллегии Верховного суда СССР и Особого совещания при НКВД. Приказ не ограничивался немецкими подданными. «Вновь обнаруженных в процессе следствия немецких шпионов, агентов, диверсантов и террористов, как среди советских, так и подданных других государств, немедленно арестовать, независимо от места работы». В то же время было приказано срочно провести учет подданных Германии, которые работали в других отраслях народного хозяйства СССР, а также выходцев из Германии, которые стали советскими гражданами, но раньше работали в оборонной промышленности. На всех них необходимо было подать в НКВД СССР меморандум с компрометирующими материалами «для решения вопроса относительно ареста»⁹. В деле создания контрреволюционных групп иногда доходили до абсурда. Были даже попытки создать группу из тех граждан, которые были уличены в том, что они прослушивают немецкие радиостанции. Так, Х. Лепольд был осужден на три года исправительно-трудовых работ за прослушивание передач, невзирая на то, что он был глухим¹⁰.

Объектом давления советских спецорганов оказались и общественные объединения, особенно те, которые создавались по инициативе международных организаций для помощи голодающим и бедствующим гражданам немецкого происхождения. Те немцы, которые продолжали получать посылки и денежные переводы и не хотели сдавать их в фонд Международной организации помощи борцам революции, объявлялись контрреволюционерами и агентами немецкого фашизма. Одновременно через сеть органов госбезопасности репрессировались «провокаторы, агитаторы, корреспонденты и организаторы» обращений за зарубежной помощью, главный контингент которых составляли вымирающие от голода крестьяне. По информации председателя ГПУ Украины, на 22 мая 1934 г. было арестовано 85 таких лиц и намечено к аресту еще свыше 60¹¹. Средства, которые поступали немецким колонистам с их исторической родины, продолжали изыматься и на протяжении последующих лет. Направление денежных переводов из Германии рассматривалось властью как спонсирование деятельности на территории СССР фашистской агентуры и поддержки контрреволюционных кадров.

Постановления ЦК КП(б)У «Про немецкие районы» (декабрь 1934 г.) «Про Мархлевский и Пулинский район» (август 1935 г.) открывали новый этап борьбы с проявлениями «национализма», который включал целый комплекс мероприятий по ликвидации польско-немецкой фашистской агентуры. В июле 1936 г. Оргбюро ЦК КП(б)У признало неудовлетворительным состояние партийной и культурной работы в районах и селах с немецким населением Одесской, Днепропетровской, Киевской, Винницкой областей, и поставило задание относительно усиления массово-политической работы¹².

Следующим ударом со стороны власти, который пришлось переживать немецкому населению, была кампания выселения. Она началась сразу после постанов-

ления ЦК КП(б)У «О переселении из пограничных районов» (декабрь 1934 г.). Составлялись списки антисоветских элементов, которые подлежали выселению. На протяжении месяца было депортировано 9470 хозяйств (около 40 тыс. этнических немцев и поляков). В ноябре 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О переселении польских и немецких хозяйств из пограничной полосы», которым предусматривалось перемещение за пределы Украины до семи тысяч хозяйств¹³. Работа по выселению была тщательным образом спланирована и контролировалась органами ГПУ и НКВД Украины. Было введено регулярное информирование ЦК КП(б)У о выполнении заданий, отправлении эшелонов и тому подобное. До конца не были понятными настоящие мотивы переселения, а потому намерения власти объяснялись по-разному.

Темпы переселения были достаточно высокими. На протяжении 20–23 февраля 1935 г. было отправлено 15 эшелонов. Большинство поездов комплектовалось немцами, поляками и украинцами. Среди отправленных 20 февраля в первом эшелоне со станции Славута – 102 семьи: 60 были украинскими, 22 польскими и 20 немецкими. В эшелоне № 80014, что отправлялся в Червоноградский район Харьковской области, было соответственно 117 семей, среди которых 28 немецких. В Днепропетровскую область переселялось 24 немецких семьи¹⁴.

В конце 1934 г. государственная власть начала наступление на немецкие национальные районы. По решению Политбюро ЦК КП(б)У обкомы партии обязывались отправить в немецкие районы партийных работников для разъяснения немецкому населению, что советская власть не будет терпеть попыток антисоветской агитации, не остановится перед тем, чтобы выслать всех нелояльно настроенных граждан в отдаленные местности СССР¹⁵.

Заранее спрогнозированный и предугадываемый общественный резонанс вызвало сфабрикованное дело о широкомасштабном сговоре среди немецкого населения Украины. 16 октября 1936 г. по решению Военного трибунала Киевского военного округа было расстреляно семь руководителей «Национального союза немцев Украины». Членов организации обвиняли в «идеологической подготовке немцев Украины к предоставлению помощи фашистским войскам, активном шпионаже в интересах Германии, проведении саботажа и диверсионно-террористических актов»¹⁶.

В 1937 г. по инспирированному делу о диверсионной организации на заводе Сельхозмашстроя «Коммунар» в Запорожской области были арестованы І. Берг, В. Янцен, В. Ганзен, В. Дік. Им было предъявлено обвинение в совершении ряда диверсионных актов на промышленных предприятиях города. За разные виды так называемой шпионской деятельности на протяжении года были арестованы немцы: в Винницкой области – 155, Черниговской – 259, Николаевской – 828, Полтавской – 77, Житомирской – 1558¹⁷.

Достаточно показательны действовали спецорганы на протяжении 1936–1938 гг. в Винницкой области. Из докладной записки управления НКВД в Винницкой об-

ласти, направленной первому специальному отделу НКВД СССР, следовало, что в области из 2331 арестованного: по линии немецкой контрреволюции и шпионажу было обвинено – 160, военно-фашистским делам – 134, церковно-сектантской контрреволюции – 1330 лиц. Кроме того, еще было разоблачено и арестовано – 134 шпиона, 71 участник фашистских групп¹⁸. Особое внимание спецорганов уделялось так называемым военно-фашистским заговорщикам. Они были выявлены в системе Общества содействия армии, авиации, флота. Немало его членов обвинялись во вредительской работе, направленной на подрыв оборонной деятельности и подготовки кадров. К этой категории было отнесено 15 так называемых агентов иностранных разведок¹⁹. Было арестовано 68 лиц за якобы причастность к антисоветской организации, которая проводила вредительскую работу в колхозах, требовала открытия церквей. Органы НКВД в Виннице сфабриковали дело баптистов, которые имели отношение к немецкому консульству, получали религиозную литературу и материальные средства²⁰.

Спецорганами использовалась также тактика оперативной зачистки от антисоветских элементов регионов, где компактно проживали немцы. В 1936–1937 гг. такая работа была проведена в Днепропетровской области. Немцы Г. Дегеш из с. Блюмпорт Молочанского района обвинялся в том, что, работая кузнецом в колхозе, якобы входил в руководство немецкой молодежной группой, которая ставила своей целью организацию террора против партийного и советского актива. Арестованному в Ново-Николаевском районе О. Гаусу выдвигалось обвинение в проведении антисоветской агитации среди колхозников и попытке создать боевые повстанческие формирования. На протяжении 1937–1938 гг. в области было арестовано 3689 немцев. За семь месяцев 1938 г. – 2648 лиц²¹.

Шпионов и контрреволюционеров среди немцев сотрудники НКВД находили во всех отраслях народного хозяйства. В 1937 г. на железнодорожном транспорте Днепропетровское УНКВД репрессировало «по немецкой контрреволюции»: на вагоноремонтных заводах 76 немцев, на внутризаводском транспорте – 17, на других железнодорожных объектах 64 человека. На заводах «Криворожсталь», «Коммунар», по версии НКВД, находился штаб контрреволюционной организации, которая была связана с немецким консульством в Харькове, имела штурмовые отряды в немецких колониях (Хортица, Широкое, Водяное), а также боевую группу, которая готовила террористический акт против секретаря ЦК КП(б)У Н. Хрущева²².

Немецкая военно-фашистская организация также была «выявлена» и в Донецкой области. Органы НКВД «установили», что она возглавлялась немецкими разведчиками: М. Зоммером – бывшим членом ВКП(б), А. Гольцем, В. Бехте-Блатчиком – членами Компартии Германии, которые находились на Украине как политэмигранты, К. Мартенсом – в прошлом одним из лидеров меннонитского движения, И. Шмунком – инструктором по делам нацменьшинств областного отдела народного образования. Целью организации, по мнению следователей, была подготовка к антигосударственным действиям в условиях будущей войны. Все они были арестованы²³.

Достаточно «плодотворно» спецорганы работали на Южно-Донецкой железной дороге. Из докладной записки органов ГПУ «Об итогах работы по ликвидации и разгрому контрреволюционных формирований и антисоветских элементов на Южно-Донецкой железной дороге» видно, что по фактам так называемого немецкого шпионажа, были сфабрикованы четыре дела. Первое из них «Местные», органами НКВД связывалось с группой контрреволюционеров, которая действовала на Илловайском и Ясиноватском железнодорожных узлах, во главе с работниками станции Илловайская К. Найманом и Р. Бродом. Ее деятельность связывалась с «Национальным союзом немцев Украины» и направлялась якобы на подготовку террористических актов относительно деятелей ВКП(б) и Советского правительства, путем сбора шпионских данных и организации аварий. Военным трибуналом было осуждено 105 человек.

Дело «Гаак и другие» было построено на таких вымышленных фактах: «На Ворошиловградском железнодорожном узле действовала организация в составе 20 чел. во главе с немецким шпионом Гааком и местным учителем Кохом, которая планировала подготовку катастрофы поезда в день 20-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». Все подозреваемые были арестованы²⁴. Всего за годы «великой чистки» в Донбассе было арестовано 4265 немцев, из которых расстреляно 3608 (84,6%)²⁵.

Операции по ликвидации военно-фашистских заговоров коснулись и военнослужащих немецкой национальности. Начальник политотдела 13-й авиабригады, которая дислоцировалась в Днепропетровской области, А. Гамп-Томский был арестован и расстрелян за причастность к подполью в Красной Армии. По делу «А. Вейнингер» был обвинен и расстрелян на основе фальшивой доказательной базы начальник штаба 123 стрелкового полка О. Борнштедт²⁶.

Репрессиям подвергалась и молодежь. У НКВД были сформированы следственные дела, которые назывались «Враги», «Родственники», «Наследники». Обвинения базировались на вымышленных фактах общения молодых людей с так называемыми бывшими людьми: кулаками, контрреволюционерами, которые несли потенциальную опасность существующему строю. По делу «Югенд» сотрудники НКВД арестовали шесть молодых людей, которые якобы ставили целью вербовку повстанческих кадров. Фигурант дела «Кампф» Г. Маерченко, среди других 12 юношей, обвинялся в том, что как сын «репрессированного резидента немецкой разведки», переписывался с немецким «Товариществом по предоставлению помощи немцам, которые проживали в СССР»²⁷.

В 30-е годы XX века немцы Украины стали объектом массовых репрессий, уточненных по форме и разнообразных по методам исполнения. Для этого тоталитарная власть предоставила полную свободу спецорганам для широкомасштабных политических чисток. В отношении немецкого этноса, как «чуждой нации» применили всю силу государственной машины подавления. Фабриковались ты-

сдачи уголовных дел, использовались жестокие методы наказаний. С одинаковой силой репрессии проходили на уровне регионов, городов и сел.

Еще в процессе раскулачивания проявилось два вектора социально-экономического противостояния: стремление сверху ускоренными темпами структурировать советское село, что должно было отвечать перспективам строительства нового общества и спонтанное, зачастую, неосознанное противостояние со стороны населения. С 1933 года значительно расширился список чуждых элементов, в который добавили сельскую контрреволюцию и иностранных колонистов. Треть арестованных по линии иностранных колонистов были немцы. По обвинению в шпионаже был обвинен каждый семьдесят первый немец Украины. С 1934 г. из отчетов ГПУ исчезли такие группы обвиняемых как сельская контрреволюция, иностранные колонисты, но появилась новая формулировка, в соответствии «с требованиями времени», «националистическая контрреволюция». Из общего числа арестованных на украинских территориях за контрреволюционную деятельность – немцы составляли треть. Одновременно существенно выросло количество немцев, арестованных за шпионаж. Это был каждый одиннадцатый. В период «великой чистки» 1937–1938 гг. первое место по политическим статьям занимали представители так называемых национальных линий (специфическая профессиональная терминология органов госбезопасности). По «немецкой линии» было арестовано 22400 чел.

Немцы составляли достаточно значительную группу среди репрессированных этносов. По количеству арестованных они находились на пятом месте, после украинцев, евреев, русских и поляков. По классификации преступления распределялись как контрреволюционная деятельность, уголовные преступления, должностные, экономические. Немцев осуждали за участие в кулаческих группировках, сельских союзах, агитационную деятельность. Среди всех этнических групп Украины немцы находились на втором месте по количеству арестованных за белогвардейско-контрреволюционную деятельность. Вместе с тем показатели по неоконтрреволюционным преступлениям у представителей немецкого этноса были намного ниже, чем среди украинцев, русских и евреев. Среди граждан, арестованных за спекуляцию, немцы составляли лишь 0,6%, за злоупотребление служебным положением – только 1%, за взяточничество – 0,9%, растраты – 0,8%, халатность – 2,2%, бесхозяйственность – 0,4%²⁸.

На протяжении 1928–1931 гг. общая численность репрессированных немцев выросла в 4,1 раза: за контрреволюционные преступления соответствующие цифры выросли в 7,8 раза, за должностные – в 3,3 раза, в то время как абсолютные показатели роста количества уголовных преступлений выросли всего лишь в 1,2 раза. В 1933 году количество арестованных немцев стремительно увеличилось, что обуславливалось плановыми «оперативными ударами» спецорганов. С 1934 года произошло перераспределение акцентов этнической направленности репрессий. В работе органов ГПУ начала проявляться региональная специфика.

Существенно активизировали свою деятельность его пограничные и транспортные структурные подразделения. Именно они провели 29,0%, 18,8%, 18,2%, 14,1% всех арестов украинских немцев в Донецкой, Днепропетровской, Одесской и Киевской областях. В абсолютном выражении это количество уступало лишь числу арестованных по политическим статьям украинцам. В 1934–1936 гг. эти печальные цифры, характеризующие давление системы на немецкоязычный социум, выросли на 12,4%, тогда как относительно украинцев уменьшились на 13,1%, а русских на 4,5%²⁹.

Согласно директивным документам НКВД СССР проводились оперативный учет и аресты немцев, которые не были гражданами СССР. Из отчетов областных управлений НКВД видно, что в течение 1937 года было репрессировано 16 228 (10,2%) немцев³⁰. Совершенно понятно, что на территории Украины не было такого количества немцев-иностранцев и таким образом в тиски попадали обычные украинские немцы. Немцы заняли скорбное третье место среди репрессированных по политическим мотивам на Украине, пропустив вперед только украинцев и поляков. Причем при относительном сопоставлении эти цифры просто ужасают. Если численность немецкого населения УССР довоенной поры достигала 1,4% от общего количества населения республики, то часть репрессированных достигла – 10,2%.

Неравномерно распределялись антинемецкие репрессии и по областям Украины. Как кажется, это было связано в первую очередь с насыщенностью некоторых регионов республики промышленными предприятиями и, соответственно, высококвалифицированными кадрами, среди которых был высокий процент представителей немецкого этноса. На первом месте по количеству репрессированных оказалась Донецкая область – более трети всех репрессированных, на втором – Днепропетровская – более пятой части. В тройку вошла и Одесская область.

На основе изучения архивных источников, анализа историографического наследия по данной печальной проблематике, сопоставления количественных данных, можно сделать определенные обобщения и предположения.

По-видимому, советские немцы исходя из собственной экономической самостоятельности, культурной независимости, специфических черт ментальности вызывали у компартийной верхушки советского государства особые опасения и недоверие, что послужило началом социально-экономического и политического давления на этнос. Эта репрессивная по своей сути политика из года в год приобретала просто нечеловеческие формы. Более всего во время сталинской модернизации пострадала интеллектуальная и экономическая элита немцев Украины, а также немецкоговорящие конгломераты крупных промышленных регионов республики, и это несмотря на крайне низкий уровень правонарушений и преступлений, наказуемых в уголовном порядке и совершаемых представителями немецкого этноса.

¹ См.: Центральный державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных организаций Украины – далее ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 7. Д. 472. Л. 69–70.

² Німці в Україні. 20–30-і роки ХХ ст.: 36. документів і матеріалів. К.: Інститут історії України НАН України, 1994. С. 12–13.

³ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 39. Л. 240.

⁴ Євтух В.Б., Чирко Б.В. Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). К: ІНТЕЛ, 1994. С. 65

⁵ См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. К.–Тернопіль, 1999. С. 68, 125

⁶ См.: Німці в Україні. 20–30-і роки ХХ ст.: 36. документів і матеріалів. К.: Інститут історії України НАН України, 1994. С. 187-188.

⁷ См.: Німці в Україні. 20–30-і роки ХХ ст.: 36. документів і матеріалів. К.: Інститут історії України НАН України, 1994. С. 195, 200.

⁸ [6, С. 103] Нікольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження: Монографія. Донецьк, 2003. С. 103.

⁹ Нікольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження: Монографія. Донецьк, 2003. С. 104.

¹⁰ См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. К.–Тернопіль, 1999. С. 87.

¹¹ См.: ЦДАГОУ. Ф.1. Оп. 20. Д. 6426. Л. 23.

¹² См.: Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины). Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л.295; Оп. 16. Д.11. Л. 295.

¹³ См.: Кравченко М.М. Доля німців в Україні // Трибуна. 1993. №3. С. 24.

¹⁴ См.: Державний галузевий архів Міністерства внутрішніх справ України (Государственный отраслевой архив Министерства внутренних дел Украины). Ф. 16. Оп. 28. Д. 27. Л. 5–67.

¹⁵ См.: ЦДАГОУ. Ф.1. Оп. 16. Д. 11. Л. 294-295.

¹⁶ Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. К.–Тернопіль, 1999. С. 91–92.

¹⁷ См.: Державний галузевий архів служби безпеки України (Государственный отраслевой архив службы безопасности Украины – далее ДАСБУ). Ф. 42. Д. 31. Л. 167, 169, 173, 175, 177.

¹⁸ См.: Там же. Л. 35, 38.

¹⁹ См.: Там же. Л. 39.

²⁰ См.: Там же. Л. 59.

²¹ См.: Там же. Л. 11, 61–69.

²² См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. – К.–Тернопіль, 1999. С. 99-110.

²³ См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. – К.–Тернопіль, 1999. С. 112.

²⁴ См.: Там же. Л. 310–311.

²⁵ См.: Лихолобова З. Найбільша чистка в Донбасі // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 995. №12. С. 179.

²⁶ См.: Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. – К.–Тернопіль, 1999. С. 106.

²⁷ ДАСБУ. Ф. 42. Д. 2. Л. 115.

²⁸ См.: Там же. Л. 3–4.

²⁹ См.: Там же. Д. 10. Л. 30; Д. 13. Л. 34; Д. 8. Л. 3; Д. 26. – Л 11.

³⁰ См.: Нікольський В.М. Указ. соч.

Политика командования вермахта в отношении этнических немцев на территории военной зоны Украины (1941–1943 гг.)

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории многих народов Советского Союза. Особое место здесь занимает судьба советских этнических немцев первой половины XX века. Еще почти двадцать лет назад проведение исследований в данном направлении не представлялось реальным. Однако перестройка и последовавшим затем распад СССР предоставили возможность многим историкам обратиться к забытым страницам прошлого. Одним из малоизученных аспектов в данном контексте является история этнических немцев в годы войны на территории Украины.

Накануне войны в Советской Украине насчитывалось около 600 тыс. этнических немцев, что составляло почти половину всего немецкого населения¹.

В годы коренизации в УССР возникло 11 немецких национальных районов с автономным статусом². Однако с начала 1930-х годов отношение советской власти к этническим немцам стало подозрительным и приобрело отрицательный характер. Постепенно национальные районы были ликвидированы. Параллельно с этим происходят и первые репрессии, связанные с раскулачиванием и порой носившие политический характер.

Немалое влияние на эти процессы оказали и напряженные отношения Советского Союза с гитлеровской Германией. Стоит напомнить, что за пределами Германии в то время, без учета СССР, проживало несколько миллионов этнических немцев, которые тяготели к своей бывшей родине. В начале 1930-х годов в их среде существовало более 600 национал-социалистических организаций³. Данное обстоятельство не было случайным, а поэтому носило объективный характер. Версальская система привела к обострению этнических противоречий в Югославии, Чехословакии, Польше и других государствах Европы, что и привело к развитию местных праворадикальных движений. Руководство Третьего рейха всячески стремилось использовать этнический фактор в своей внешней политике. В ходе наступления вермахта на западе в 1940 г. определенное число местных немцев проводило диверсионную и разведывательную деятельность против тех государств, гражданами которых они являлись. Последнее часто провоцировало ответные репрессивные меры. Так было в Польше, Бельгии и Франции. Однако у советской власти серьезных оснований считать советских немцев пятой колонной не было, поскольку тоталитарная система тщательно пресекала любые политические влияния извне. Вместе с тем развитие ситуации в СССР имело и свои определенные особенности. Так, в недавней публикации А.И.Савина «Формирование концепции немецкой пятой колонны в СССР (середина 1920-х годов)» приводятся многочис-

ленные факты, свидетельствующие о том, что уже с середины 20-х годов, то есть до прихода к власти А.Гитлера, в СССР уже наблюдалась тенденция к формированию негативного образа немецкого этнического меньшинства⁴.

Начало советско-германской войны 22 июня 1941 г. заставило советское руководство поспешить с решением немецкого вопроса. 28 августа был нанесен удар по АССР немцев Поволжья. Территорию автономной республики ликвидировали, а сотни тысяч немцев были выселены в восточные области СССР. Вслед за этим 31 августа вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР», согласно которому «антисоветский» элемент следовало арестовать, а часть мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет направить в строительные батальоны⁵. По мере приближения линии фронта Военный совет Юго-Западного фронта и НКВД принимают решения о выселении немцев из Харьковской, Днепропетровской и Крымской областей. Особый размах осенью 1941 г. приобрела депортация из Запорожской, Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областей УССР. Этому помешало быстрое продвижение немецких войск вглубь советской территории. Во время контрнаступления советской армии весной 1942 г. руководство НКВД вынашивало планы по завершении депортации. Об этом свидетельствует справка на имя Л.Берии, где идет речь об указании выселить проживающих в Ворошиловградской области этнических немцев в количестве 3701 человек⁶. Однако удалось ли осуществить этот план, неизвестно.

Часть оккупированной территории УССР находилась под управлением военной администрации вермахта. До 1 сентября 1942 г. в зону ее ответственности входила вся Левобережная Украина. В историографии эта территория оккупации получила название военной зоны Украины. Граница с Рейхскомиссариатом «Украина» проходила вдоль р. Днепр. По мере наступления вермахта на Восток сокращались и размеры этой территории. В конце концов к осени 1942 г. под управлением вермахта остались 5 восточных областей (Черниговская, Сумская, Харьковская, Сталинская и Ворошиловградская). Впоследствии они так и не вошли в Рейхскомиссариат «Украина». Органами военной администрации здесь являлись полевые и гарнизонные комендатуры.

Одним из главных аспектов политики оккупационных властей была работа, направленная на привлечение к сотрудничеству местных немцев, которые после регистрации получали статус фольксдойче. В докладе командования 444-й охранной дивизии вермахта за 22 сентября 1941 г. говорилось следующее: «Комендатурам отдано распоряжение подыскивать подходящие кандидатуры из лиц немецкого происхождения и использовать их на административных должностях в других районах страны»⁷.

Существовало несколько ведомств, в сферу деятельности которых входило установление опеки над бывшими соотечественниками. Здесь следует отметить бюро д-ра К.Штумпа, что действовало на территории Рейхскомиссариата и Транснистрии. Активную деятельность также развернула и зондеркоманда «R» (SKR)

под руководством оберфюрера СС Х.Хофмайера. Организация была частью Volksdeutsche Mittelstelle (VoMi), входящего в структуру СС. Штабквартира зондеркоманды находилась в Ландау (Транснистрия). Существовали также и два ее филиала в Никополе и Хальбштадте (Молочанск)⁸. VoMi стремилось монополизировать право проводить политику в делах фольксдойче. Разумеется, что данные стремления приводили к частым конфликтам с другими ведомствами и организациями, например, с уже упомянутым К.Штумпом.

В военной зоне Украины на протяжении некоторого времени действовало Посредническое управление по делам фольксдойче, которое возглавлял штурмбанфюрер СС Розенер⁹. Эта организация смогла создать свои отделы в различных населенных пунктах. Один из них находился в Харькове. Вскоре в работу с фольксдойче включился никопольский филиал зондеркоманды Х.Хофмайера. Постепенно СС удалось перенять на себя основные полномочия в этой сфере.

В начале войны регистрацию и определенную опеку этнических немцев проводило и командование наступающих дивизий вермахта. Осенью 1941 г. вблизи Мелитополя были зафиксированы случаи грабежа немецких колонистов со стороны итальянских и румынских солдат. С целью предотвращения данных эксцессов немецкое командование предприняло некоторые меры. Роте полевой жандармерии поручили патрулирование территории, а вблизи самих колоний поставили таблички с надписью «Немецкая колония»¹⁰.

Проводя регистрацию фольксдойче в сельской местности, представители оккупационных структур неоднократно констатировали упадок их хозяйств. О сложном материальном положении местных немцев в районе Мариуполя дает представление отрывок одного из докладов военной администрации: «Отмена самостоятельного крестьянского сословия (раскулачивание) и образование колхозов в 1929–1931 гг., голод на Украине в 1932–1933 гг., первая большая волна преследований и ссылки в 1937–1939 гг. и, наконец, эвакуация немецкого населения летом 1941 г. в ходе нынешней восточной кампании привели к крайнему опустошению района Грунау. Многие хозяйства брошены и пришли в упадок, нанесен ущерб полевым и садовым культурам»¹¹. Иногда военные были вынуждены признать, что уровень бедности украинских немецких колонистов был выше, чем у украинских крестьян¹².

При подсчете количества этнических немцев в военной зоне Украины следует учитывать такой важный фактор как миграция. Однако на основании некоторых отчетов о регистрации фольксдойче можно вывести примерную цифру на время весны-лета 1942 г. В районе р. Молочной, что на территории Запорожской области, находилось 100 поселений, где проживало 26 тыс. этнических немцев. Известно также и о существовании 40 поселений близ Мариуполя с 18 тыс. человек¹³. Интересен отчет гарнизонной комендатуры Мелитополя, в котором говорится, что на 12 августа 1942 г. в самом городе и в его округе насчитывалось 7715 фольксдойче¹⁴. Таким образом, примерная численность этнических немцев военной

зоны могла составлять более 50 тысяч человек. В июле 1942 г. Посредническим управлением по делам фольксдойче в Харькове и его окрестностях было зарегистрировано 2719 человек¹⁵.

При регистрации местных немцев вносили в Список особ немецкой национальности. К списку прилагались и критерии отбора которым соответствовали четыре группы. В первые две попадали лишь те, предки которых не вступали в межэтнические браки. Последние почти сразу могли рассчитывать на получение немецкого гражданства и обретение статуса имперских немцев (рейхсдойче). Однако большинство фольксдойче из-за незнания родного языка попадали в третью категорию. Доказать свое немецкое происхождение можно было либо с помощью документов с данными о генеалогии, либо с помощью одного-двух свидетелей¹⁶.

Стоит обратить внимание на некоторую характеристику со стороны представителей военной администрации этничности местных немцев. Многие жаловались на то, что национальные черты фольксдойче выражены слабо, зачастую мало кто может говорить на немецком языке. Интересен доклад гарнизонной комендатуры 796 Бердянска о моральных качествах бывших соотечественников: «именно среди фольксдойчей имеет место зависть, недоброжелательство и наущничество, а чувство общности (социальное мировоззрение), желание трудиться, а также достижения меньше, чем у украинцев»¹⁷.

Статус фольксдойче давал право на определенные привилегии. Льготы были самыми разнообразными. Зачастую это были продуктовые пайки, питание в специальных столовых. В сельской местности некоторые колонисты могли рассчитывать и на дополнительный земельный участок до 1 га, и на дополнительный инвентарь¹⁸. Бедные и особо нуждающиеся семьи получали денежное пособие. В Мариуполе, например, оно составляло от 30 до 40 рублей¹⁹. Оккупационная администрация обязала также органы местного украинского самоуправления (районные и городские управы) предоставлять помощь для пожилых фольксдойче²⁰. На льготы могли рассчитывать также и те члены семей, что не принадлежали к немецкой национальности. Однако в летнем отчете 1942 г. фельдкомендатуры 774 говорилось следующее: «В ходе регистрации фольксдойчей часто встречались случаи, что не все члены одной семьи признаны фольксдойчами. Кто не признан, тот не пользуется преимущественным правом в немецких магазинах. Но от этого страдают члены семьи – фольксдойчи, т.к. хозяйство семьи ведется совместно. Поэтому рекомендуется также и членам семьи фольксдойчей повысить продовольственные пайки»²¹. В те трудные военные годы для многих этнических немцев возможность получения продуктового пайка играла решающую роль при решении записаться в список «народных немцев». Так например, руководствуясь желанием выжить, член партии ленинского призыва Альбертина Михайловна Креге зарегистрировалась в городской управе города Сумы. Вместе с дочерью и внучкой они получили возможность питаться в специальной столовой, что впоследствии станет основанием для их обвинения в измене родине²².

Помимо уже вышеперечисленных привилегий, фольксдойче имели широкие возможности устройства на руководящие должности в оккупационные структуры. Неоднократно многие из них становились бургомистрами, руководителями предприятий, общественных хозяйств, возглавляли полицию. Например, бургомистром города Сталино был назначен фольксдойче Эйхман²³.

Следует коснуться и такого важного момента, как политика оккупационной власти, направленная на переселение местных этнических немцев. Вдоль линии Ленинград–Ладога–Валдайские высоты–Брянск–устье Днепра германское руководство намеревалось создать цепь моноэтнических немецких поселений²⁴. Эти колонии должны были бы выполнять роль заслона перед наступающими ордами с Востока. Реализация плана началась весной 1942 г. Например, в Житомирской области появились Хегевальд и Черняхов, а в Винницкой Каленфельд. Порой реализация этих планов приводила к выселению местного украинского населения, что не могло не вызывать недовольства²⁵. В военной зоне Украины также происходили переселения нескольких тысяч этнических немцев в район Хальбштадта, где, как уже было сказано, находилось около 100 колоний на р. Молочная (Запорожская область). Происходило вселение фольксдойче в пустующие дома, которых после массовых депортации 1941 г. насчитывалось довольно много²⁶. Руководство и организация этим процессом принадлежала Посредническому управлению по делам фольксдойче. Из самого Харькова летом 1942 г. было вывезено тремя эшелонами 1 386 человек²⁷. В это же время с территорией Харьковской и Сталинской областей переселили 4000 этнических немцев²⁸. Транспортные средства предоставлялись военными. На местах для облегчения адаптации и улучшения быта новых поселенцев создавались различные учреждения, в том числе и медицинские для помощи пожилым людям. В связи с этими событиями имеет смысл обратить внимание на донесение полевой комендатуры 774 летом 1942 г., где говорилось следующее: «Запланировано создать район Грунау, в котором проживали бы исключительно фольксдойчи и который существовал до 1937 года. Как только будут определены границы этого нового района, полевая комендатура представит соответствующие предложения»²⁹. Однако недостаток времени помешал воплощению этих планов. Политика переселения, правда с меньшим размахом, имела место и в оккупированной Белоруссии, что входила в Рейхскомиссариат «Остланд»³⁰.

Проживание на территории военной зоны негативно сказывалось на стабильности жизни местных немцев, так как из-за близости линии фронта они в любой момент могли превратиться в фактических беженцев. Так было во время контрнаступления Красной Армии весной 1942 г. Под Харьковом шли ожесточенные бои. Опасаясь ухудшения обстановки, немецкое командование приняло решение об эвакуации 728 фольксдойче на территорию Сумской области³¹. Местные комендатуры объективно не могли предоставить достаточную помощь. Многим фольксдойче на некоторое время пришлось поселиться в помещениях, где из-за

отсутствия кроватей приходилось спать на полу. Эта эвакуация негативно влияла на настроение местного населения, поскольку сеяла панику.

Германское командование неоднократно рассматривало фольксдойче в качестве призывного контингента. Как известно, во время войны в составе войск СС воевали несколько дивизий из этнических немцев, которые проживали в оккупированных государствах. Здесь можно вспомнить 8-ю дивизию «Флориан Гейер» и 22-ю «Мария Терезия». На территории Украины случаи создания формирований из фольксдойче также имели место. Архивные документы содержат некоторую информацию и о мобилизации на территории военной зоны Украины. Например, весной-летом 1942 г. на территории Запорожской области из немецкой молодежи было сформировано 4 кавалерийских эскадрона³². Формально призывы могли носить добровольный характер, но на практике происходило иначе. Известен и другой интересный случай, когда, по распоряжению гарнизонной комендатуры г. Гуляй-Поля, все мужчины 1908-1923 гг рождения должны были явиться на сборные пункты. Однако немало человек было отпущено назад, так как многие уже работали к тому времени в различных оккупационных учреждениях, а их уход привел бы к определенным кадровым проблемам³³. Призывы фольксдойче порождали противоречия между вермахтом и филиалом зондеркоманды Х.Хофмайера в Николаеве.

Желая повысить уровень национального сознания, оккупационные власти провели ряд мер, направленных на изучение немецкого языка. С этой целью открывались специальные курсы, открывались школы для детей. В Харькове при активном участии зондеркоманды Х.Хофмайера был создан «Дом фольксдойче» (Volksdeutschen Hauses), который являлся своего рода общежитием с уставом и комендантом. Одним из главных правил жителей дома являлось то, что они были обязаны говорить на немецком языке³⁴. Здесь также существовали курсы немецкого языка. В конце 1942 г. последовал приказ гауптштурмфюрера СС Рунге о том, что все фольксдойче обязаны посещать занятия независимо от их желания³⁵.

Таким образом, на территории военной зоны Украины немало этнических немцев сотрудничало с оккупационной властью. Чаще всего это выражалось в службе в структурах на различных должностях. Нужно признать, что для многих фольксдойче мотивацией для коллаборационизма становилось желание выжить в трудные годы, получая продуктовые пайки и денежные пособия.

Отступление вермахта перед натиском Красной армии способствовало бегству местных фольксдойче с территории военной зоны Украины на запад в 1943 г. Однако уже после поражения Германии многих насильно репатриировали в СССР, где им было суждено испытать всю тяжесть советской карательной системы.

¹ См.: Коваль М.В., Медведок П.В. Фольксдойче в Україні (1941–1944 рр.) // Український історичний журнал. 1992. №5. С. 16.

² См.: Там же.

³ См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С.390–391.

⁴ См.: См.: А.И.Савин. Формирование концепции немецкой «пятой колонны» в СССР (середина 1920-х годов). // Вопросы германской истории: Сб. науч. тр. / Ред. Кол. С.И.Бобылева и др., Днепропетровск, 2007. С. 315–225.

⁵ См.: См.: Сталинские депортации, 1928–1953 / сост.: Н.Л.Поболь, П.М.Полян. М. :Междунар. фонд «Демократия» :Материк, 2005: ОАО Яросл. полигр. комб. С. 323.

⁶ См.: См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 86 (Т. 4). Л. 212.

⁷ См.: Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее - ЦГАВОВУ) Ф. КМФ. Оп. 2. Д. 157 (Т. 2). Л. 148.

⁸ См.: Там же. Л. 149.

⁹ См.: Там же. Л. 153.

¹⁰ См.: Иванов О.Ф., Иваньков І.О. Політика нацистського режиму стосовно етнічних німців України // Український історичний журнал, 2005. №5. С. 85.

¹¹ ЦГАВОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 157 (Т. 2). Л. 130.

¹² См.: Там же. Д. 390. Л. 95.

¹³ См.: Там же. Оп. 2. Д. 157 (Т. 2). Л. 131.

¹⁴ См.: Там же. Л.148.

¹⁵ См.: Там же. Л.130-131.

¹⁶ См.: Там же. Д. 157 (Т. 3). Л. 106.

¹⁷ Там же. Д. 156. Л. 307.

¹⁸ См.: Коваль М.В., Медведок П.В. Фольксдойче в Україні (1941-1944 рр.) // Український історичний журнал. 1992. №5. С. 18.

¹⁹ См.: ЦГАВОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 157 (Т. 3). Л. 87-88.

²⁰ См.: Там же. Л.176.

²¹ Там же. Д. 157 (Т. 2). Л. 106.

²² См.: Там же. Д. 157 (Т. 3). Л. 76.

²³ См.: Корогод Г.І. До історії етнічних німців Лівобережної України (на матеріалах Сумської і Чернігівської областей). // Матеріали V Сумської наукової історико краєзнавчої конференції. Частина II, Суми, 2005. С.137.

²⁴ См.: Титаренко Д. А.А.Эйхман – председатель городской управы Юзовки (Сталино) во время немецко-фашистской оккупации // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1955 гг. Материалы 7-й международной научной конференции, Москва, 19–22 октября 2000 г. М., Готика. 2001. С. 249–256.

²⁵ См.: Хене Г. Орден «Мертвая голова». История СС. Смоленск. Русич. 2002. С. 365

²⁶ См.: ЦГАВОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 157 (Т. 2). Л. 130.

²⁷ См.: Там же. Д. 156. Л. 307.

²⁸ См.: Там же. Д. 157 (Т. 2). Л. 130.

²⁹ Там же. Д. 157 (Т. 3). Л. 122.

³⁰ См.: Тугай У.В., Тугай С.М. «Фольксдойче» в Беларуси (1941–1944 гг.). Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 22 красавіка 2004 г., Вып. 3. С.183

³¹ См.: ЦГАВОВУ. Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 157 (Т. 1). Л. 3.

³² См.: Там же. Д. 157 (Т. 2). Л. 130.

³³ См.: Там же. Д. 157 (Т. 3). Л. 140.

³⁴ См.: Государственный архив Харьковской области. Д. 4584. Оп.1. Д.1. Л.2

³⁵ См.: Там же. Л. 4

Л.А. Бургарт (Усть-Каменогорск)

Немцы-католики в Казахстане в конце XIX – начале XXI в.: основные характеристики и периоды религиозной жизни

Вопросы истории религиозной жизни немцев России, в том числе и католиков, занимают довольно значительное место в отечественной и зарубежной историографии¹.

Данная тема сегодня практически неизменно присутствует в работе всех крупных международных конференций, посвященных истории немцев России².

В последние годы появился целый ряд новых научных работ, публикаций, освещающих различные проблемы истории религиозной жизни немцев-католиков в России и положение Католической церкви в России и СССР³.

Казахстанская историография в этом плане не столь обширна, но определенные результаты исследовательской деятельности на сегодняшний день все же имеются⁴. Работ конкретно о немцах-католиках в Казахстане практически нет. Проблемы их религиозной жизни отчасти представлены либо в общих работах по истории немецкого населения в целом, либо в исследованиях посвященных истории Католической церкви в Казахстане⁵.

Бесспорное признание германской историографией, (а вслед за ней и отечественной), веры, как основы существования, сохранения и развития различных групп немецкого населения России на протяжении всей истории⁶, придает еще большую важность развитию исследований в данном направлении, в том числе и в Казахстане.

В данной работе нами предпринята попытка, с учетом имеющегося историографического опыта и на основе результатов собственных исследований, проведенных в последние годы как в рамках изучения истории немецкого населения Казахстана⁷, так и в рамках изучения истории Католической церкви в Казахстане⁸, выделить основные черты религиозной жизни немцев-католиков в регионе на протяжении конца XIX – начала XXI в. и дать ее периодизацию.

Исторические корни католичества в Казахстане уходят в далекое прошлое – к первым векам распространения христианства на Восток (II–III вв.), времени прибытия в регион первых групп гонимого христианского населения Сирии, Палестины и Ирана, времени первых христианских миссионеров на этой территории и первых контактов Святого престола с ее правителями вплоть до XV в., с которым связано вытеснение христианства, как и других религий, исламом. И хотя в после-

дующий период, прежде всего в XVIII – середине XIX в., в Казахстане наблюдалось присутствие некоторого числа католиков (военные, горные мастера, инженеры, исследователи и др.), новый этап в истории католичества в Казахстане начинается именно в конце XIX – начале XX в. с прибытием на территорию региона переселенческого населения, в том числе и католиков, и основанием первых моноконфессиональных католических поселений.

Таким образом, пред нами более чем вековой период истории католичества в Казахстане. Обращаясь к проблеме периодизации религиозной жизни немцев-католиков в Казахстане, необходимо, на наш взгляд, выделить два основных аспекта принципа периодизации, которые условно можно обозначить как аспект духовный и аспект практический.

Под духовным аспектом подразумевается уровень религиозного сознания, состояние веры как акта воли, изменение и разрушение которых не было делом одного дня или даже нескольких лет.

Практический же аспект заключается в реальных возможностях для конкретного осуществления религиозной жизни в определенных исторических условиях, при определенной государственной политике в отношении религии в целом и соответствующем положении Католической церкви, в частности.

Поэтому целесообразно определение основных крупных этапов развития и изменения религиозного сознания немцев-католиков и состояния веры в народе, определение так называемых переломных граней, а внутри этих этапов выделение конкретных периодов религиозной жизни, которые отражают, каким образом происходили отдельные изменения религиозного сознания, и позволяют проследить связь и переход от одного этапа к другому.

I этап: конец XIX в. – 60-е гг. XX в. Этот этап характеризуется прежде всего живостью веры немцев-католиков Казахстана, сохранением относительно высокого, приближенного к состоянию первых десятилетий XX в., уровня религиозного сознания основной массы немцев-католиков. На протяжении всего этапа наблюдался количественный рост немецкого католического населения, вызванный в первую очередь миграционными факторами, отмечалось и наличие старых духовных кадров. У верующих немцев-католиков сохранялась способность внутреннего противостояния негативным внешним тенденциям, направленным на разрушение религиозного сознания. При этом отмечалась ситуация преобладания религиозного самосознания над этническим. В тоже время, уже на этом этапе начинается нарастание тенденции снижения уровня религиозного сознания и разрушения веры как основы сохранения и развития этноса в связи с соответствующими практическими условиями религиозной жизни. Внутри этапа выделяются периоды неравномерного развития и отмечаются всплески религиозного сознания, четко прослеживается общность судьбы немцев-католиков в Казахстане и в России (СССР) в целом, и еще ряд определяющих особенностей.

Внутри этого крупного и далеко неоднозначного этапа выделяется несколько периодов религиозной жизни немцев-католиков:

1. Конец XIX – начало 40-х гг. XX в. Это начало нового периода в истории Католической церкви на территории Казахстана, связанного с прибытием в регион нескольких потоков католического населения, в том числе и католиков-немцев, численность которых на протяжении всего периода неуклонно возрастала, вследствие добровольных и принудительных перемещений немецкого населения России и СССР. Первый массовый приток немцев-католиков на территорию Казахстана наблюдался в конце XIX – начале XX в. в ходе переселенческого движения⁹. Таким образом, еще в дореволюционный период католики (в том числе и католики-немцы), были представлены в конфессиональной структуре населения Казахстана. В 1897 г. численность католиков в азиатской части России составляла 13 585 человек (Акмолинская обл. – 1740 человек, Сырдарьинская – 2956, Уральская – 277, Семипалатинская – 244, Семиреченская – 226, Тургайская – 121)¹⁰. При этом в этническом плане католичество в Казахстане не было монолитным. Его представляли поляки, немцы, литовцы.

Данный период характеризуется сохранением религиозного сознания, и основанного на нем жизненного уклада, сформировавшихся в течении почти полуторавекового периода проживания в материнских католических немецких колониях в России. Отмечается явное преобладание религиозного сознания немцев-католиков над этническим. Каждый из них говорил о себе прежде всего как о католике, и уже потом как о немце, отдавая предпочтение конфессиональной общности перед этнической. Об этом свидетельствуют и моноконфессиональный характер образованных ими поселений. Основной приток католиков, и прежде всего немцев, в регион наблюдался в первые годы XX века. Целый ряд поселений немцев-католиков возник в Акмолинском, Кокчетавском, Петропавловском уездах Акмолинской области, Кустанайском уезде Тургайской области. Особенно в этом отношении выделяется Келлеровская волость Кокчетавского уезда, где «преимущественно поселились католики»¹¹. Католические немецкие поселки имелись также и в Усть-Каменогорском, Бель-Агачском уездах Семипалатинской области¹². «В противоположность лютеранам, немцы-католики повсеместно являлись жителями крестьянских селений и почти полностью отсутствовали в конфессионально-демографической структуре казахстанских городов»¹³.

По прибытию к местам нового проживания, немцы-католики стремились в первую очередь и здесь сохранить веру и организовать свою религиозную жизнь. При первой же возможности изыскивалось помещение, где в отсутствие священника можно было бы собираться для молитвы под руководством кого-либо из старейших и авторитетных в вопросах веры. При этом использовались привезенные с собой из материнских колоний и также передававшиеся из поколения в поколение Библии, молитвенники, сборники религиозных песен и др.¹⁴ Трудности и лишения первых переселенческих лет были одним из факторов роста религиоз-

ного сознания. Часто вера в Бога была основой для выживания немцев-католиков в новых регионах их поселения.

Что касается структур Католической церкви в Казахстане, то немецкие католические селения Тургайской области, занимавшие земельную площадь размером 11 тыс. км², относились к Оренбургскому римско-католическому приходу, а их единоверцы в Акмолинской области – к Омскому приходу, состоявших в ведении Могилевского архиепископства (Тираспольский Епископат). В Омске был создан также деканат Тираспольской епархии с филиалами в Кустанае и Петропавловске. Немцы-католики Семиреченской и Сырдарьинской областей обслуживались Ташкентским приходом¹⁵.

Следует отметить наличие определенных сложностей, связанных с осуществлением практической религиозной жизни в Казахстане: отсутствие у большей части немцев-католиков (в отличие от материнских колоний), постоянной душепапастырской опеки священника и культовых зданий. Немецкое население материнских католических колоний, конечно же, имело в этом отношении целый ряд преимуществ, и в большинстве своем, вплоть до 1930-х гг. получало духовную поддержку в гораздо большем объеме. Но это не могло подорвать устоев твердой, передававшейся из поколения в поколение веры, являвшейся основой жизненного уклада немцев-католиков и в новых местах поселения в Казахстане.

Послереволюционный период принес с собой изменения в положении Католической церкви в целом в русле антирелигиозной политики, проводимой в первые десятилетия советской власти, результатом которой стало повсеместное «ослабление, расшатывание и разложение религиозных организаций»¹⁶. Следует упомянуть и о том, что в этот период Казахстан стал также местом заключения и ссылки сотен католических священнослужителей, монашествующих и мирян, осужденных большей частью по групповым процессам против католического духовенства и мирян в СССР¹⁷. Только согласно списку, составленному нами по данным Мартиролога Католической церкви в СССР, в казахстанских тюрьмах, лагерях и ссылках находилось 122 человека из состава священнослужителей, монашествующих и мирян (священники, погибшие и умершие в казахстанских тюрьмах, лагерях и ссылках – 18 человек; священники, прошедшие казахстанские тюрьмы, лагеря и ссылку, дальнейшая судьба которых неизвестна – 5; священники, прошедшие казахстанские тюрьмы, лагеря и ссылку – вышедшие на свободу, переведенные в другие регионы – 45; монашествующие и миряне, погибшие и умершие в казахстанских тюрьмах, лагерях и ссылках – 2; монашествующие и миряне, прошедшие казахстанские тюрьмы, лагеря и ссылку, дальнейшая судьба которых неизвестна – 38; монашествующие и миряне, вышедшие на свободу, переведенные в другие регионы – 14)¹⁸. Каждый из них внес свой вклад в дело веры на этой земле, пострадав во имя Христа.

Несмотря на весь натиск, отмечалось мощное внутреннее противостояние религиозного сознания немцев-католиков Казахстана внешним разрушительным

тенденциям¹⁹. Властям не удавалось с ходу разрушить сложившийся в течение более векового периода традиционный уклад жизни немцев-католиков. Аналогично ситуации в России и Украине, «несмотря на глобальные общественные трансформации и разрушение церковной инфраструктуры, в их массовом сознании произошли лишь незначительные секуляризационные подвижки»²⁰.

2. 1940-е – середина 1950-х гг. Именно с этим периодом связан самый крупный за всю историю католичества в Казахстане приток немцев-католиков, вызванный, прежде всего процессами принудительного перемещения немецкого населения в годы войны и режима спецпоселения. Этот процесс имел несколько составляющих.:

– депортация польского населения из приграничных районов Украинской ССР на основании Постановления СНК СССР № 776-120 сс от 28 апреля 1936 г. «О переселении лиц польской национальности из Украинской ССР». Немцы составили 23,8% (14970 человек) от общего числа депортированных. Основная доля переселенцев была размещена в Северо-Казахстанской, а также Карагандинской областях²¹;

– массовая депортация немецкого населения в 1941–1942 гг. (всего около 400 тысяч человек). Не имея возможности назвать точное число немцев-католиков, мы, исходя из традиционного конфессионального состава немецкого населения России, можем ориентироваться на менее 1/3 (порядка 30%) от общего числа депортированных²²;

– массовые мобилизации немецкого населения (в том числе и католиков) в 1942–1944 гг. в промышленность Казахстана, прежде всего в промышленность Карагандинской области, которые впоследствии вызвали новый приток немецкого населения в ходе процесса воссоединения семей мобилизованных в промышленность²³.

В результате этих процессов, численность группы немцев-католиков в Казахстане увеличилась не менее чем в 4 раза, возросла ее доля в конфессиональной структуре населения Казахстана. Прибывшие в составе депортированного населения немцы-католики также обладали достаточно высоким уровнем религиозного сознания, так как вплоть до середины 1930-х гг. имели в основной своей массе душепастырскую опеку. В то же время в результате депортации был нарушен моноконфессиональный принцип их поселения – депортированные немцы-католики размещались в селах с русским, казахским, украинским населением, немцами-лютеранами и меннонитами²⁴.

Вместе с тем в более крупном масштабе образовались отдельные ареалы со значительной концентрацией немецкого населения, в том числе и католического. Наиболее крупный ареал и своеобразный феномен представляет в этом плане регион Караганды – сама Караганда и прилегающие к ней районы соседних областей. Значительное увеличение численности католиков в Караганде, Карагандинской области и близлежащих регионах, с высокой степенью его концентрации

в самой Караганде, в результате процессов массового принудительного перемещения населения, было одним из основных факторов, способствовавших в последующий период превращению Караганды в центр возрождения католической веры и развития Католической церкви²⁵.

Условия для практической религиозной жизни немцев-католиков Казахстана таинствами церкви в период войны, трудармии и режима спецпоселения отсутствовали, вместе с тем экстремальные жизненные обстоятельства подчас выступали как факторы, обостряющие религиозное сознание, и вера в Бога в очередной раз спасала тех, кто был поставлен на грань физической и духовной гибели.

3. Середина 1950-х – 1960-е гг. К середине 1950-х гг. на территории Казахстана оказалась довольно значительная масса католического населения, прежде всего немецкого и польского. Несмотря на преобладающий дисперсный характер их расселения, сформировались отдельные регионы со значительной концентрацией католиков – немцев и поляков. Как уже упоминалось, следствием массовых депортаций и трудовых мобилизаций стало значительное увеличение численности польского и немецкого католического населения на территории Карагандинской области, со значительной концентрацией в Караганде и ее окрестностях. В 1949 г. на территории Карагандинской области проживало 67210 немцев-спецпоселенцев²⁶ (примерно 1/3 из них была католического вероисповедания). К концу 1950-х гг. численность немецкого населения возросла и составила по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. 111 044 человека, основная доля (83 605 человек) размещалась в городах Карагандинской области²⁷. Следует отметить и довольно высокую численность немецкого населения в соседних областях. К примеру в Северо-Казахстанской области в 1959 г. проживало 35 246 немцев, в Кокчетавской – 67 781²⁸.

Но одного массового присутствия католического населения в регионе, даже при его значительной концентрации, было явно недостаточно для возрождения практики религиозной жизни. Конечно, можно было осуществлять тайные собрания верующих на дому для совместных молитв, но основой полноценной жизни в католической вере являются именно церковные таинства (крещение, исповедь, миропомазание, причастие, брак, священство, елеопомазание больных). В этом отношении верующим католикам было гораздо сложнее, чем представителям какой-либо христианской общины или объединения. Полноценную жизнь церковными таинствами могла дать только церковь в лице своих священнослужителей и именно их наличие в этот период в Караганде стало вторым, неразрывно связанным с первым, условием возрождения католической веры и практики религиозной жизни, а в последующем и формирования Караганды как своеобразного католического центра. Именно Караганде суждено было стать местом, где отбывали заключение и ссылку многие католические священнослужители начиная еще с 1930-х гг.²⁹ В условиях «политической оттепели» отбывавшие заключение в казахстанских лагерях католические священники вышли на свободу. С Карагандой оказались

связаны многие годы жизни и душепастырского служения репрессированных священников: о. Владислава Буковинского, о. Александра Штауба, греко-католических священников, служивших и для римо-католиков – блаженного о. Алексия Зарицкого, епископа Александра Хиры³⁰. Как отмечает в своих воспоминаниях ксендз Буковинский: «Провидение Божие действует иногда и через атеистов, которые послали меня туда, где нужен был ксендз. Уже в сентябре 1954 года я знал, что меня ожидает огромная душепастырская работа»³¹. Именно в этот период происходит формирование и развитие Караганды как нелегального центра возрождения католической веры не только в рамках Казахстана, но и всего Советского Союза, как результат сочетания двух факторов – значительной концентрации католического населения, прежде всего немцев-католиков, в Караганде и окрестных регионах и наличие мощного потенциала духовных кадров в лице ссыльных священнослужителей³².

Были и другие места в Казахстане, где открывались, чаще всего ненадолго, католические церкви и часовни. В деревне Зеленый Гай, Целиноградской области более 3 лет существовала церковь открытая священником Брониславом Джепецким. В городке Таинча, Кокчетавской области была церковь, которую открыл священник Иосиф Кучинский. Обе были вскоре закрыты. В конце 1967 г. было получено разрешение на открытие церквей в Алма-Ате и Кустанае³³.

Это особый период в истории Католической церкви в Казахстане период так называемой катакомбной церкви³⁴. Условия душепастырской работы священников, находившихся в этот период в Казахстане, мало чем отличались друг от друга. Наиболее точно они обрисованы в «Воспоминаниях» о. Владислава Буковинского: «Очень часто ксендзы мне задают вопрос: как можно проводить душепастырство без церкви? Можно! Ведь за 12 лет моей работы в Караганде только один год у меня была церковь, а 11 лет я работаю без всякой церкви и дома молитвы»³⁵. Священники ходили по домам, служили Святую мессу у надежных верующих, на кладбище, часами исповедовали, проводили катехизис – подготовку к крещению, первому причастию, венчанию. И это был поистине гигантский труд, ибо десятилетиями верующие были лишены церковных таинств. Период середины 1950-х–конца 1970-х гг. в истории католицизма в Казахстане в целом характеризуется отсутствием церкви как полноценной структуры и как культового сооружения. В создавшихся условиях центральной фигурой становился священник – своеобразная, находящаяся в постоянном движении нелегальная церковь и одновременно податель всех ее таинств. Самоотреченное служение ссыльных священников, постоянно рисковавших своей жизнью, вскоре принесло свои плоды. Возникли такие небольшие оазисы возрожденной католической веры. Особый феномен – как уже отмечалось выше – Караганда, превратившаяся в центр католической веры (хотя пока и нелегальный), получивший в народе наименование Второго Рима, Ватикана Советского Союза. Именно это стало одной из основных причин, вызвавших еще одну волну миграции католиков, преимущественно немцев, в Караганду

и ее окрестности не только из других областей Казахстана, но и всего Союза. Так сестра Клара Риттер вспоминает: «Мы жили 15 лет на севере под комендатурой. Когда ее сняли, отец поехал по родственникам, чтобы посмотреть, куда было бы лучше переехать. Вернувшись, он сказал: «Везде можно жить, но в Караганде – там вера». И мы решили поехать туда, где вера»³⁶. Священник Буковинский также отмечает: «В течение последних 15 лет немцы заселили всю Караганду. Конечно же, они приезжали сюда и по той причине, что здесь легко найти работу, но прежде всего, их сюда привлекало то, что в нашем городе есть католические ксендзы»³⁷. А. Пекарь в своей работе о Епископе А. Хире пишет: «Прослышав о том, что в Караганде живет католический священник, многие католики немецкой национальности останавливали свой выбор относительно места жительства в пользу этого быстро растущего шахтерского города в Центральной Азии»³⁸. Переписи населения 1959³⁹, 1970⁴⁰, 1979⁴¹, 1989⁴² гг. свидетельствуют о быстром росте немецкого населения (в том числе и католического) Карагандинской области, прочно занявшей по его численности первое место среди всех областей Казахстана.

Следует упомянуть также о католиках, временно пребывавших в Караганде. Ксендз Буковинский по этому поводу пишет: «В Караганде много душепастырской работы с постоянными жителями этого города. Добавляется еще работа с приезжими. Речь идет не о тех приезжих, которые из близлежащих районов, так как они в основном исповедуются. Речь идет о приезжающих из далека, которые часто приезжают за несколько тысяч километров, лишь бы найти священника. Среди католиков очень широко разрослись слухи, что в Караганде всегда можно найти священника. Не говоря уже о самом Казахстане, люди едут с севера и из республик Средней Азии. Едут с севера, иногда даже из Архангельска, хотя оттуда намного ближе до Москвы, чем до Караганды. Едут с Запада, даже с Поволжья. Едут с востока, из глубины Сибири. Едут к родственникам и одновременно к ксендзу»⁴³.

Существенное представление о практическом стоянии религиозной жизни католиков в Казахстане дают характеристики душепастырской работы, связанной с совершением церковных таинств. На основе «Воспоминаний о Казахстане» священника о. Владислава Буковинского можно выделить особенности, присущие на практике каждому таинству.

Для таинства крещения были характерны три момента:

1) Крещение, большей частью во взрослом возрасте, а не в младенческом, как это принято у католиков, из-за отсутствия священника в прежние годы.

2) Необходимость условного крещения. «В этих обширных краях, где поблизости нет ни одного священника, очень распространено крещение светскими католиками. Чаще всего крестит какая-нибудь авторитетная бабушка. Поляки называют такое крещение крещением водой, а немцы называют Nottaufex»⁴⁴. Весьма распространенной была ситуация, когда католики, за неимением другой возможности, крестили своих детей у бабушки в православной церкви. Интересно мнение Буковинского по этому поводу: «Когда нужно, мы говорим людям, что бабушка

в православной церкви крестит правильно, и ксендз второй раз не будет крестить ребенка, уже окрещенного батюшкой. Однако, несмотря на экуменизм, в советских условиях было бы рискованно предлагать католикам крещение батюшки там, где нет ксендза. Лучше учить советских католиков правильному крещению. Отправка к батюшке порождает опасность не различения конфессий, это как будто одно и то же. Впрочем, крестить у ксендза или у батюшки, что православная это церковь, или костел католический – но все одна вера»⁴⁵.

3) Массовые крещения (в условиях миссионерских поездок).

В качестве отличительной особенности исповеди – Таинства покаяния, о. Буковинский называет ее генеральный характер – исповедь за 10, 20 лет, а иногда и за всю жизнь. При этом он пишет об огромной ответственности священника. «Бывает часто так, что я – первый католический ксендз, которого видит человек, со мной говорящий за последние 20 или 40 лет. Я должен сделать все, что в моих силах, чтобы у этого человека осталось наилучшее впечатление от этой встречи. Если этот человек исповедуется, то нельзя заниматься чем попало, например, смотреть на часы, но нужно дать ему возможность исповедаться как следует, и затем дать глубокое не шаблонное поучение»⁴⁶.

Для таинства брака было характерно венчание супружеских пар не вначале их союза, а спустя многие годы. Многие пары в тех условиях жили без священнического благословения, но в то же время в воспоминаниях о. Буковинского мы находим такое интересное замечание: «Однако, не все живут без клятвы верности. Среди немцев очень распространена *Nottrauung*. Там, где нет ксендза, молодожены дают друг другу клятву верности в присутствии двух свидетелей католиков. Это уже настоящее сакраментальное супружество. Если такие супруги позднее встречаются ксендза, то оба исповедуются, принимают святое причастие и в его присутствии обновляют супружескую клятву, а потом он благословляет их супружеский союз авторитетом Католической церкви. К сожалению, у поляков такая *Nottrauung* не известна и не употребляется. Очень часто бывает так, что родители перед свадьбой благословляют молодоженов с образами, но при этом нет никакой клятвы»⁴⁷.

Особенностью таинства миропомазания было его уделение не епископом, а священником, а также разновозрастный состав приступающих к нему верующих и обязательная подготовка, даже в тех условиях.

Особое внимание обращено на таинство Евхаристии – центральное таинство церкви, на которое направлены все остальные таинства. Характерными особенностями при уделении святого причастия были:

- 1) Служение святой мессы в экстремальных условиях, при отсутствии церкви.
 - 2) Необходимость уделить святое причастие не только во время мессы, но также до или после.
 - 3) Необходимость постоянного напоминания о сущности святого причастия.
- Следующая характеристика, данная о. Буковинским, также показывает состояние веры и религиозного сознания некоторой части паствы, вследствие многолетнего

отсутствия церкви: «При уделении св. причастия нужно считаться с тем, что есть много таких людей, которые не знают о том, что в причастии принимают Иисуса Христа. Просто люди забывают об этом. Если в самой Караганде в этом отношении немного лучше, то на окраинах с этим совсем плохо. Есть немало и таких, которые даже не знают о том, что Иисус Христос умер на кресте, а еще меньше, что Он воскрес. Крестьяне во имя Отца и Сына и Святого духа, но не имеют понятия ни об Отце, ни о Сыне, ни о Святом Духе. Поэтому нужно снова неумолимо повторять, кого мы принимаем в святом причастии»⁴⁸.

4) Проблема принятия Причастия мирянами без священника (у немцев *Selbstkommunion*). Ввиду отсутствия священника, такая практика действительно имела место, несмотря на то что это неоднозначно воспринималось некоторыми священниками, как пишет Буковинский. Он сам поступал так, но подходил к этому очень серьезно: «Я сам оставлял людям пресвятые дары, но конкретно подчеркивал, кто может принимать святое причастие, и оставлял их на короткое конкретное время. При такой практике мы запрещали раздачу святого причастия одной личностью, ведь у нас нет дьяконов. Это делалось таким образом, что каждый принимающий причастие, подходит к алтарю и сам берет из дароносицы или другого сосуда, замещающего освященный сосуд, причастие при помощи ложечки... ибо иначе св. причастие было бы невозможным... Но все это совершается под строгим наблюдением ксендза и не может вызвать никаких возражений»⁴⁹. В то же время о.Буковинский указывает и на факты печальных злоупотреблений, имевших место в разных регионах Союза, когда изредка приезжавшие священники, легкомысленно оставляли пресвятые дары, раздававшиеся мирянами (у поляков – «*Matki kosciola*» – «матери церкви»). Все это часто порождало усмешки, соблазн, нередко дары хранились недостойно, случались и факты святотатства⁵⁰.

Касательно таинства елеопомазания больных и приготовления к христианской смерти, о. Буковинский отмечает факт уделения таинства елеопомазания вместе с полным отпущением грехов приезжим пожилым людям, ввиду отсутствия у них постоянного священника и невозможности часто приезжать в Караганду⁵¹.

Проповедничество в этой зоне тоже имело свои особенности, в нескольких чертах это:

1) Неприемлемость цикла проповедей. «Во время каждой св. мессы в Караганде, не говоря уже о миссиях, у меня другие люди»⁵².

2) Краткость и доступность проповеди. «Чаще всего я говорю проповедь, связанную с евангелием. Проповедь должна быть короткой, особенно если в помещении жарко, и существенной, поучающей, и не витающей в облаках, куда большая часть слушателей и так не поднимется»⁵³.

Даже в экстремальных условиях, священникам удавалось проводить катехизическую работу – приготовление к таинствам – первой исповеди и первому святому причастию. Именно эту работу ксендз Буковинский считал наиболее важной и требующей много времени. У нее также были свои особенности в этом регионе:

1) Разновозрастной состав кандидатов.

2) Отсутствие, за редким исключением (Караганда), катехизаторов и непосредственная подготовка самим священником.

3) Преследование властями религиозной работы среди детей и молодежи.

Буковинский описывает, как проходит подготовка непосредственно в Караганде: «... приготовление детей и молодежи к первому святому причастию мы проводим во время летних каникул. Средняя группа составляет 10–15 человек в возрасте не менее 9 лет, реже бывают группы большие, из 20–25 человек»⁵⁴. Особенностью у немцев было наличие катехеток, занимавшихся с детьми до священника. С польскими детьми Буковинский занимался сам. Даже в тех условиях священники делали все максимально возможное, чтобы дать хорошую подготовку, а само таинство сделать максимально торжественным: «Везде в нашей третьей зоне первое причастие бывает групповое, хотя бы и очень маленькой группой. Везде используются белые платья и фата для девочек и белые рубашки для мальчиков. И везде ксендз, хотя бы коротко, обращается к детям перед их первым святым причастием... Я стараюсь, чтобы первое св. причастие каждого ребенка было одновременно и семейным причастием. Вместе с детьми св. причастие принимает и мать, часто и отец, чаще бабушка, а также все семейство»⁵⁵. Большое внимание уделялось и наставлению родителей детей, прежде всего матерей. Эту работу он с одинаковой старательностью проводил как в самой Караганде, так и в своих миссионерских поездках.

Практически через все воспоминания Владислава Буковинского проходит мысль о важности семьи в деле сохранения веры и особом значении духовной работы среди детей и молодежи для будущего церкви. «Преследование веры – это не самая большая опасность. Большая опасность – это изоляция детей и молодежи, лишение возможности познать Бога»⁵⁶.

Религиозная жизнь верующих католиков была возможна, в первую очередь, благодаря миссионерским поездкам священников. За счет миссионерских поездок священникам удавалось охватить душепастырской работой довольно обширный радиус территории в пределах не только Казахстана, но и всего Союза. С Казахстаном связаны годы самоотреченного служения в условиях преследований и гонений со стороны режима священников Иосифа Кучинского, Бронислава Джепецкого, Алексия Зарицкого, Михаила Бенгаса, Михаила Стонеза, Стефана Пришлака, Иосифа Шабана, Александра Думбляускаса, Алоизия Кашубы, Михаила Келлера, епископа Александра Хиры, а также сестер-монахинь Конгрегаций Бедного младенца Иисуса и евхаристического Иисуса. Именно верно несшие свой крест и свято исполнявшие свой долг священники, были той силой, через которую удавалось «противопоставить атеизму – своеобразному псевдомистическому телу сатаны, истинное мистическое тело Христа»⁵⁷.

В тех же регионах, где десятилетиями вообще не было ни одного священника, большая роль в сохранении веры принадлежала пожилым верующим женщинам-

католичкам, которые сами крестили детей, руководили молитвенными группами верующих, совершали, насколько это было в их силах, обряд погребения, давали благословение и даже совершали евхаристические поклонения и раздавали святое причастие. Это были евхаристические женщины, женщины со священнической душой⁵⁸. Так их называет в своей книге епископ Атаназий Шнайдер. Это духовное понятие, которое вместе с тем очень точно отражает историческую реальность – процесс сохранения веры в условиях отсутствия церковных структур и подпольного существования церкви в Советском Союзе. Один из многочисленных примеров – Анна Штанг, проживавшая в г. Зырянске Восточно-Казахстанской области. Когда она впервые увидела священника здесь, в Казахстане, ей было уже 90 лет. Раньше она ездила к священнику в Киргизию за 1300 км. Бабушка Анна тайно вела религиозную жизнь в Зырянске. Это значит, что она проводила погребения, крестила, перед ней молодые люди давали брачные обязательства, и она каждое воскресенье проводила молитву. С разрешения священника она даже раздавала людям святое причастие⁵⁹.

Аналогичным образом, моя бабушка, выросшая и воспитанная в вере в католическом селе Ново-Николаевка Краснодарского края, крестила три десятка своих внуков и правнуков. Каждое воскресенье и в дни церковных праздников в нашем доме, где не было коммунистов, собиралась молитвенная группа пожилых женщин – немки 60–80 лет. Они молились Розарий, пели церковные песни. Если умирал кто-то из немецкой католической семьи, проводили его отпевание по католическому обряду. Им удалось передать кое-что и поколению своих детей, рожденным в предвоенные годы, которые позже в 80–90-е гг., несмотря на то что многое было безвозвратно утрачено, собирались в такие же молитвенные группы.

Роль молитвы личной и в группе в таких условия вообще чрезвычайно велика. «Насилие тоже имеет свои границы. Кто может мне запретить молиться?... Действительно, молиться можно всегда и везде, было бы желание. Тело можно закрыть и даже целыми годами держать в одиночной тюремной камере, но нельзя связать душу, которая и оттуда найдет прямую дорогу к Богу»⁶⁰.

Очень точную характеристику положения Католической церкви и веры в этот период дает в своем историко-богословском экскурсе о святом причастии епископ Атаназий Шнайдер: «Коммунистический режим Советского Союза, длившийся более 70 лет (1917–1991), сделал заявку построить своего рода рай на этой земле. Но это царство не могло выстоять, так как было воздвигнуто на лжи, пренебрежении человеческим достоинством, на отвержении Бога, вплоть до ненависти к Богу и Его церкви. Это было царство, в котором Бог и духовные ценности не могли и не должны были иметь места. Каждый знак, который мог напомнить людям о Боге, Христе и церкви, был удален из общественной жизни и поля зрения человека. И все же была реальность, которая более всего напоминала людям о Боге: священник. По этой причине, священник не мог быть видимым, более того, он вообще не должен был существовать.

Для гонителей Христа и Его церкви священник был опасной личностью. Может быть они неосознанно видели причину, почему священник является опасной личностью. Эта причина была следующей: только священник мог дать людям Бога, мог дать Христа в пресуществленном виде и непосредственным образом, это означает, через Евхаристию и святое причастие. Посему празднование святой мессы было запрещено. Но ни какая человеческая власть ни была в состоянии победить силу Божию, действующую в тайне церкви и, прежде всего, в таинствах.

Во время этих темных лет Церковь в огромном советском царстве была вынуждена жить в подполье. Но важнейшим было следующее: церковь была жива, жива даже внешне, несмотря на отсутствие у нее видимых структур, несмотря на отсутствие у нее культовых зданий, несмотря на наличие очень большого недостатка священников. Церковь была очень жива, потому что у нее не было недостатка в евхаристии – даже если она была лишь изредка доступна верующим, – потому что у нее не было недостатка в душах с сильной верой в евхаристическую тайну, потому что у нее не было недостатка в женщинах, часто матерях и бабушках, со священнической душой, которые с необычайной любовью, чувством нежности и сколь можно большим благоговением хранили Евхаристию и даже раздавали ее, именно в духе христиан первых веков, выражающемся в девизе: *cum amore ac timore* (с любовью и благоговением)⁶¹.

Исходя из реальных условий для осуществления религиозной жизни в этот период, можно говорить о трех группах верующего (практикующего) католического немецкого населения:

1. Католики, имевшие практически постоянную тайную душепастырскую опеку священника и возможность регулярно приступать к церковным таинствам. Эта группа была немногочисленна, ее составляли в основном католики тех мест, где постоянно проживали и нелегально служили ссыльные священники.

2. Католики, имевшие душепастырскую опеку периодически, лишь в случае нелегального приезда священника или возможности выезда к нему, но активно жившие религиозной жизнью за счет совместной молитвы и духовного руководства со стороны уполномоченных священником (чаще всего пожилых женщин), которые руководили молитвенными собраниями, осуществляли обряды крещения, венчания, погребения, следуя указаниям священника, давали святое причастие. Эта группа была несколько больше по численности, так как за счет миссионерских поездок священникам удалось охватить душепастырской работой довольно обширную территорию.

3. Католики, не имевшие душепастырской опеки священника и возможности непосредственно преступить к церковным таинствам, но жившие верой в небольших молитвенных группах, в их среде также пожилыми женщинами осуществлялось основные обряды. Это наиболее многочисленная группа, которую составляли католики-немцы, разбросанные по обширной территории Казахстана.

Для этого периода характерно не только сохранение самого религиозного сознания, но и его преобладающей позиции, в сравнении с национальным, прежде всего у старшего поколения немцев. Священник Буковинский в своих воспоминаниях пишет: «Старшие немцы-католики чувствуют себя, прежде всего, католиками, а потом уже немцами. Так, старый немец-католик говорит себе: «Я немец-католик», и режет: «Я немец». У молодежи нет этого перевеса католицизма над национальностью. Старшие немцы-католики не очень признают немцев-лютеран или баптистов за своих соотечественников. Они предпочитают, чтобы их дети, внуки женились, выходили замуж за поляков, литовцев, лишь бы действительно за верующих католиков, чем за немцев, принадлежащих к другим вероисповеданиям. Почти всегда они против браков с русскими. Так как немецкие семьи более дисциплинированы, чем польские семьи, их дети в основном считаются с мнениями родителей, несмотря на это, смешанные русско-немецкие браки встречаются довольно часто, но даже союзы с немцами других вероисповеданий более редки, чем браки немецкие и католические»⁶².

Небезинтересны и отдельные сравнительные характеристики, приводимые в воспоминаниях Буковинского: «Могу утверждать с полной уверенностью, что хорошо быть душепастырем среди немцев, или, как говорят здешние атеисты «немецким попом». У немцев в крови порядок и дисциплинированность. Или они совсем не приглашают ксендза, или, если уже пригласят, то все пользуются его услугами. Зато наши полячки как везде, так и в Казахстане – индивидуалисты. Если в Казахстане немец-католик женится на немке-католичке, то обычно за целый месяц до свадьбы приходят к ксендзу обе мамы и говорят так: «Свадьба будет в такой-то день. Мы приходим заранее, чтобы у патера было время подготовить к венчанию, и чтобы вместе определить дату венчания. Конечно же, перед свадьбой». В то время наши дорогие полячки думают только о шумной свадьбе, густо заправленной водкой, а о церковном венчании начинают думать только после свадьбы (и то не все). Одним словом, немцы более последовательные католики, чем поляки, и поэтому хорошо быть их душепастырем. Поляки превосходят немцев в некоторых отношениях. Они более сердечные и жертвенные. Все, не исключая молодых интеллигентов, целуют руку ксендзу и делают это охотно, без принуждения. У немцев, за исключением некоторых старушек, этого обычая нет. Они более официальные, хотя и не лишены сердечности. Да, они жертвенны, нередко очень жертвенны, но поляки, в общем-то более жертвенные»⁶³.

Касааясь вопроса, «как с религиозной точки зрения представлены католики Советского Союза, и что делается с нашей католической молодежью и детьми», о. Буковинский пишет: «Здесь, без сомнения, дело в СССР обстоит лучше, чем с православными. В европейской части Советского Союза по численности на первом месте среди католиков находится Литва, на втором поляки, на третьем латыши, но есть, хотя и в меньшем количестве католики белорусы, грузины, армяне, немцы. Особую группу составляют украинские греко-католики... В азиатской части

СССР среди католиков на первом месте находятся, и это в превышающей численности, немцы, на втором поляки, на третьем литовцы, а другие народности представлены очень немногочисленно. Католики превосходят православных в старании передать веру и набожность своим детям и внукам. В борьбе за душу ребенка больше всего зависит от семьи, а особенно от матери... В многонациональном католическом обществе Советского Союза убежденных атеистов очень мало, агностиков больше, но меньше чем среди православных. Достаточно среди молодого поколения верующих, но они не молятся совсем или очень мало: однако они, прощаясь вечером и ложась спать, всегда крестят своих детей. Такова ситуация в католическом обществе в Советском Союзе. Почти все старшие и значительная часть молодых – это католики верующие и практикующие. Значительная часть молодых – это люди верующие, но не молящиеся, как я только что говорил. Среди молодежи есть определенный процент агностиков. Меньше атеистов»⁶⁴. Довольно точно о Буковинский описал механизм этого процесса: «Если семья верующая, по-настоящему и старательная, то она воспитывает и верующую практикующую молодежь. Если семья верующая, но так, на среднем уровне, то очень часто молодежь верит в Бога, не отрекается от веры, но не молится. Если семья верующая, но халатная или смешанный брак в отношении вероисповеданий или частично неверующая, то в среде такой семьи молодежь вырастает агностиками, а иногда и атеистами»⁶⁵. Как отмечает тот же Буковинский: «Значит не совсем плохо в нашем советском обществе католикам, но и не совсем хорошо»⁶⁶. Следует отметить и нарастание негативных разрушительных тенденций к концу этапа. Совершенно обоснованно о Буковинский пишет в своих воспоминаниях: «У нас должны быть серьезные опасения за будущее. Я знаю такие примеры: пока в семье живет бабушка, мудрая и набожная, вся семья – верующая и практикующая. Когда бабушка умирает, то мама уже не может дать своим детям то, что давала бабушка, воспитанная в намного лучших, в отношении веры, условиях. А если умрет мама, то ее дочь еще в меньшей степени может повлиять на своих детей, чем мама. И так потихоньку среди католической молодежи уменьшается процент тех, кто считает себя верующим. Они перестают молиться, и их дети, верне всего, будут агностиками»⁶⁷.

II этап: 1970-е – 1990-е гг. То, за что опасался и в какой-то мере предвидел священник Буковинский, стало печальной реальностью. Именно в эти годы мы наблюдаем обвальное вытеснение религиозного сознания основной массы немцев-католиков, состоянием религиозной дистанцированности, агностицизмом и даже атеистическим сознанием.

Для поколения, пришедшего на смену поколению действительно верующих католиков, были характерны позиции, очень ярко представленные в одном из примеров о Буковинского о набожной женщине-католичке, которой однако не удалось воспитать в этой вере своих детей. Все больше молодых немцев, и не только немцев, занимали такую позицию в отношении веры и своих верующих

родителей: «Какая ты отсталая, что еще молишься. Не понимаешь, что это глупость и потеря времени». В лучшем случае еще можно было встретить такую позицию: «Ты сама молись столько, сколько хочешь. Прошу тебя, молись и за меня. Но не требуй от меня, чтобы я молился. Теперь другое время, а ты этого не понимаешь»⁶⁸. Но и эта позиция со временем и сменой поколений встречалась все реже и реже. Имеющиеся официальные сведения о динамике численности зарегистрированных католических общин в эти годы в Казахстане представляют ее следующим образом:

- 1975 г. – 1 община, 0, 1 тыс. верующих
- 1976 г. – 1 община, 0, 1 тыс. верующих
- 1977 г. – 2 общины, 0, 35 тыс. верующих
- 1978 г. – 7 общин, 2,5 тыс. верующих
- 1979 г. – 9 общин, 2,65 тыс. верующих
- 1980 г. – 11 общин, 2,7тыс. верующих
- 1982 г. – 18 общин, 3,2 тыс. верующих
- 1984 г. – 35 общин, 4,0 тыс. верующих
- 1989 г. – 42 общины⁶⁹.

Эти данные, конечно же, не являются реальным показателем состояния веры и религиозной жизни немцев-католиков Казахстана. Несмотря на то что в эти годы происходит легализация деятельности католических общин (созданными общинами католиков руководили так называемые «двадцатки», в которые входили представители различных групп, объединявших верующих по признаку места проживания или национальности)⁷⁰, перелом в массовом религиозном сознании был неизбежен. Основная причина этого – утрата традиционного, накопленного в течении веков и питавшего из поколения в поколение веру народа, духовного потенциала, вследствие неуклонно проводившегося годами курса антирелигиозной политики государства, в результате которого большая часть верующих немцев-католиков десятилетиями не имела возможности для осуществления практической религиозной жизни. Отсутствие жизни церковными таинствами не могло не повлиять на состояние религиозного сознания даже тех немцев-католиков, которые были воспитаны в вере и знали на своем веку настоящую церковь со всеми атрибутами практической религиозной жизни, не говоря уже о последующих поколениях, не знавших церкви и не приступавших к таинствам. Функция семьи, как домашней церкви с ее жизнью молитвы и преемственностью поколений, практически была утрачена. На смену поколению детей, которое не отрицало Бога в принципе, хотя и не являлось практикующими католиками, пришло поколение внуков и правнуков, которые либо уже ничего не знали о Боге и вере, либо не желали ничего знать, а порой и занимали непримиримую атеистическую позицию. Сказался и достигший своего пика дефицит духовных кадров, прежде всего в лице священников. Католические священники, получившие духовное образование еще в дореволюционный период и выжившие после заключения и ссылки, находи-

лись уже в преклонном возрасте, многие к этому времени уже умерли. В 1974 г. умер о. Владислав Буковинский, в 1977 г. – о. Алоизий Кашуба, в 1979 г. – о. Кароль Киселевский, в 1983 – епископ Александр Хира, в 1984 – о. Томас Мария фон Гуппенберг⁷¹, в 1991 – о. Александр Бень. Своих пастырей не имели даже зарегистрированные общины, не говоря уже о духовной опеке немцев-католиков, рассеянных по огромным просторам Казахстана. Символом отсутствия священника, издавна применявшимся в Католической церкви, был выложенный на алтарь орнат (облачение священника). Так поступали верующие в зарегистрированном приходе в Целинограде(Акмоле). «Прихожане не переставали ездить в Ригу к епископу, показывали ему фотографию с положенными на алтарь орнатом, рассказывали историю прихода...»⁷². Дефицит духовных кадров выражался и в постепенном снижении численности католиков-старших возрастов, способных отчасти выполнять функцию хранителей традиций веры в условиях отсутствия полноценной практики религиозной жизни. Караганда, конечно же, продолжала быть таким своеобразным центром католической веры, но преобладающей ситуацией среди немцев-католиков Казахстана в целом было отсутствие религиозной практики и невозможность внутреннего противостояния разрушительным тенденциям.

III этап: Новый этап связан с серединой 90-х гг. XX в. и рубежом веков. Внутри этого этапа мы пока можем выделить два периода:

1. С середины 90-х до рубежа веков. В этот период мы наблюдаем рост религиозного сознания немцев-католиков Казахстана и активизацию религиозной жизни в условиях политических и религиозных свобод, подъема религиозного сознания и мощного притока духовных кадров в ходе активной миссионерской деятельности Римско-католической церкви. Реально о возрождении Католической церкви в Казахстане в полном смысле можно говорить лишь применительно к 1990-м гг., когда стали регистрироваться католические общины, строиться новые церкви и часовни и оформилась церковная структура. 13 апреля 1991 г. Ватиканом была учреждена Апостольская администрация Казахстана и Средней Азии. В «Официальном документе Ватикана об установлении Апостольской администрации Казахстана и Средней Азии» отмечалось: «В связи с насильственным переселением народов, которое осуществлялось в СССР в последние семьдесят лет, в Республике Казахстан живет сегодня много католиков латинского обряда, заботу о духовном добре которых далее откладывать нельзя. По этой причине почтенный брат Франциск Коласуонно, титулярный архиепископ Труэнтский, посол Апостольского престола в СССР просил, чтобы в вышеназванной республике для католических общин был установлен канонический порядок латинского обряда, через установление Карагандинской администрации, и чтобы территория Апостольского администратора временно распространялась на разбросанные общины, которые находятся в соседних республиках: Таджикистане, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане... Исполняя полноту наших Апостольских полномочий и авторитета, этим письмом устанавливаем территорию Республики Казахстан

Апостольской администратурой. Она будет иметь те же границы, как и сама республика в настоящее время, и ее престол размещаем в городе Караганде. Прелата нововоздвигнутой Апостольской администратуры мы наделяем всеми правами и полномочиями и возлагаем на него все обязанности... И пока не будет решено иначе, мы доверяем ему пастырскую заботу обо всех верующих христианах в республиках Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан»⁷³. Апостольским администратором был назначен Ян Павел Ленга. 26 мая 1991 г. в Красноармейске Кокчетавской области состоялась его епископская хиротония⁷⁴. По нашим подсчетам к этому моменту численность населения, принадлежавшего к католическому вероисповеданию, составляла в Казахстане не менее 400 тысяч человек. При этом основная доля приходилась на немцев (около 300 тысяч)⁷⁵. Наличие на территории Казахстана значительной массы католического населения и определенная компактность в его размещении создавали благоприятные условия для возрождения веры и восстановления Католической церкви.

К 1994 г. в Казахстане было 40 католических приходов и 26 священников. К 1998 г. число зарегистрированных католических общин составило 77⁷⁶. Авторы В.А. Иванов и Я.Ф. Трофимов приводят несколько иные данные о численности религиозных объединений Римско-католической церкви:

- 1993 г. – 66 общин
- 1995 г. – 66 общин
- 1996 г. – 73 общины
- 1997 г. – 74 общины
- 1998 г. – 77 общин⁷⁷.

Для этого времени характерно наличие значительного числа приходов с преобладанием католиков-немцев. Отмечается и явное преобладание немцев в составе верующих католиков в Казахстане в целом.

1990-е гг. стали временем возрождения веры, активного пробуждения религиозного сознания людей, их возвращения к Богу⁷⁸. Мы можем говорить, в некотором смысле, о возрождении преемственности поколений, но при этом следует сказать о том, что вера, особенно на начальном этапе, порой воспринималась лишь как один из признаков принадлежности к немецкому этносу, а посещение церкви нередко рассматривалось как одно из условий для успешной эмиграции в Германию⁷⁹.

Несмотря на то что к этому времени в Казахстане имелись священники, сумевшие тайно принять рукоположение еще в советское время, они были малочисленны и не могли восполнить образовавшийся в течении десятилетий дефицит духовных кадров. Собственная духовная семинария в Казахстане была открыта в Караганде только в конце 1997 г.⁸⁰ В этой связи следует подчеркнуть особую роль миссионерской деятельности и самопожертвованного служения десятков миссионеров – священников и сестер-монахинь из Германии, Польши, Словакии, Италии, Франции и др., прибывших в Казахстан по приглашению апостольского админи-

стратора Казахстана и Средней Азии епископа Яна Павла Ленги. Так, в письме-приглашении от 11 августа 1994 г., направленном миссионерам Общины «Семьи Марии» в Словакии, отмечается: «Апостольская администратура Казахстана и Средней Азии охватывает большую территорию (4 млн км²) и многих людей, забывших Бога или еще не слышавших о нем. Я рад, что священники и сестры вашей общины имеют желание работать в винограднике Господа, на поле, которое еще является целиной. Со своей стороны прошу вас нести пасторальное служение в Казахстане и сердечно приглашаю всех, чувствующих себя призванными для этой страны. Думаю, что для начала местом вашего служения могли бы стать Щербакты и близлежащие села, также и Павлодарская область. В дальнейшем, считаю, что круг вашей деятельности расширится на другие области»⁸¹. Священники из Германии в первые годы вели богослужение на немецком или латинском языках. На сегодняшний день во всех приходах литургия мессы ведется на русском языке, проповеди в некоторых приходах читаются на немецком (в некоторых приходах также на польском) с переводом на русский.

На этом этапе значительную роль в истории Католической церкви в Казахстан сыграл миграционный фактор. Речь идет о процессе массовой эмиграции, прежде всего немецкого населения, в Германию и мощных потерях Римско-католической церкви Казахстана в результате массового исхода прихожан немецкой национальности. Этот процесс самым непосредственным образом затронул все католические приходы Казахстана. Массовая лавинообразная эмиграция немецкого населения нанесла ощутимый удар по возродившейся Католической церкви, лишив ее значительной части прихожан. К 1999 г. численность немецкого населения Казахстана в сравнении с 1989 г. сократилась почти на 600 тысяч. Отрицательное сальдо прироста составило 62,7%⁸². Последствия процессов такого масштаба были весьма значительными. О том насколько серьезными были эти последствия для Католической церкви России, Казахстана и Средней Азии свидетельствует совместное обращение Архиепископа Тадеуша Кондрусевича, епископов Иосифа Верта и Яна Павла Ленги: «Мы, епископы Католической церкви на территории России, Казахстана и Средней Азии разделяем с Вами радость о тех грандиозных позитивных изменениях, которые произошли на закате второго тысячелетия в наших странах и во всем мире. Это прежде всего крах тоталитарных режимов и обретение народами религиозных свобод. Мы разделяем с Вами также тревогу и заботу в связи с теми трудностями, которые сопровождают этот переходный период и молим Бога, чтобы «сократил те дни... ради избранных своих» (Мф. 24,22). Для той части нашей паствы, которая относится к немецкой национальности это, прежде всего, болезненный процесс переезда в Германию. Мы искренне сожалеем о Вашем выезде. Потеря такого большого числа наших ревностных прихожан болезненно сказывается на жизни наших католических приходов. Мы, одновременно, осознаем те глубинные причины, заставляющие Вас сделать этот тяжелый выбор, и полностью признаем за Вами свободу такого выбора. Вместе с тем, мы

приветствуем каждое смелое решение остаться здесь, и внести свою лепту в дело всестороннего возрождения наших стран и народов. Исход народов из поверженных в глубокий кризис стран, не является решением самих проблем. Нужны люди, готовые молиться и работать для лучшего будущего»⁸³.

Печальные последствия имела не только сама эмиграция, но и предшествовавшие ей эмиграционные настроения. В своем обращении епископы отмечают: «Мы знаем о таких печальных явлениях, когда семья, ожидающая выезда, уже за долго до этого как бы сама исключает себя из общества, дети месяцами не ходят в школу. И даже взрослые не могут заставить себя заниматься обычными делами, а последние недели часто проходят в расточительных проводах с обильным употреблением спиртного. Это может привести к деградации всей нации, так как процесс выезда немцев затягивается на долгие годы...»⁸⁴. В обращении епископов звучит призыв к прихожанам-немцам «не праздно ожидать дня и часа выезда, а усердно готовить себя для будущей жизни в Германии. Следует как можно интенсивнее использовать это время для своего всестороннего самосовершенствования, что является основной задачей человека в земной жизни вообще... Мы, как пастыри церкви, призываем к работе над своим духовным совершенствованием. После восстановления в 1990-е гг. церковных структур в бывшем СССР, во многих городах восстановлены и действуют католические приходы, которые обслуживают католические священники. Более тесно приобщайтесь к религиозной жизни вашего прихода: участвуйте в воскресной Мессе, часто приступайте к таинствам исповеди и святому причастию. По прибытию в Германию Вас тоже ожидают там католические священнослужители, специально назначенные для Вашего духовного оформления в первый трудный период адаптации... Мы верим, что, пройдя все испытания и преследования атеистического режима, Вы и там явитесь тихим, скромным примером верности Богу и церкви»⁸⁵.

Роль этнического фактора в жизни немцев-католиков Казахстана в этот период была определяющей.

2. Рубеж веков, первые годы нового столетия. В это время мы наблюдаем относительную стабилизацию религиозной жизни как Римско-католической церкви Казахстана в целом, так и той доли верующих католиков-немцев, которые остались в Казахстане. Итогом предшествующего периода стало значительное снижение удельного веса немцев в составе верующего католического населения Казахстана. В то же время, национальный фактор утратил то влияние на положение немцев-католиков Казахстана, которое имел в предшествующие периоды. Жизнь немцев-католиков Казахстана определялась особенностями положения и развития самой Католической церкви.

Определенное влияние на положение Католической церкви в Казахстане в целом и на отношение со стороны государственных органов власти имела ратификация 30 июля 1999 г. подписанного 24 сентября 1998 г. в Ватикане Конкордата (Соглашения) о взаимоотношениях между Святым престолом (Ватикан) и

Республикой Казахстан⁸⁶. Деятельность Римско-католической Церкви в Казахстане в законодательном аспекте осуществлялась на основе Закона РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» от 15 января 1992 г., в который вносились изменения и дополнения. Последняя редакция Закона была осуществлена 8 июля 2005 г.⁸⁷

В этот период произошла и реорганизация структур выросшей количественно и качественно Римско-католической церкви Казахстана. Еще в ноябре 1997 г. из юрисдикции Апостольской администрации Казахстана и Средней Азии Святым престолом были выделены Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, в которых были основаны 3 миссии «*sui iuris*»⁸⁸. 7 июля 1999 г. папа Иоанн Павел II установил новый церковный порядок в границах Республики Казахстан. Апостольская администрация была упразднена, была создана новая Карагандинская епархия, непосредственно подчиненная Апостольскому престолу с территорией в границах областей Центрального и Восточного Казахстана, также создавались новые Апостольские администрации: Алмаатинская, Астанинская, Атырауская⁸⁹. 17 мая 2003 г. Апостольская администрация Астаны была возведена в ранг Архиепископской митрополии. Митрополитом был назначен епископ Томаш Пэта. Апостольская администрация Алматы была преобразована в епархию и вместе с Карагандинской епархией и Апостольской администрацией в Атырау получили статус суффраганов Архиепархии Астаны⁹⁰. Сегодня в Казахстане 1 архиепископ-митрополит, 1 архиепископ, 1 епископ-апостольский администратор, 1 епископ, 1 епископ-помощник.

Стали ощутимыми первые плоды восстановленной в постсоветский период церкви. Католические приходы имелись уже по всей территории Казахстана, была налажена и духовная опека верующих в деревнях и поселках, где не имелось церквей и часовен. Во многих населенных пунктах, где в результате эмиграции осталось лишь несколько немецких семей, последние, несмотря на все сложности, все же имеют возможность приступать к церковным таинствам и сохранять свою веру.

Именно на этом рубеже отмечается явное изменение этнического облика приходов. Несмотря на то что в некоторых приходах по-прежнему отмечается преобладание верующих польской или немецкой национальности, большинство приходов на сегодняшний день полиэтничны по национальному составу своих верующих.

В проекции на немцев-католиков Казахстана мы видим и новое соотношение понятий этническая и религиозная общность. Религиозная общность приобретает все более первостепенное и основополагающее значение, но уже не является основой сохранения этноса в традиционном смысле. Однако и сегодня вера может быть тем, что побуждает человека вспомнить о своих историко-культурных корнях, формирует в нем уважение к памяти предков и желание развивать в себе все прекрасное, вложенное в него Богом.

Следует также сказать, что к этому рубежу сформировалась и официальная позиция казахстанского государства в отношении Католической церкви, высказанная президентом Н.А. Назарбаевым: «Католицизм в Казахстане имеет давнюю историю. Много новой информации, проливающей свет на исторические события почти тысячелетней переписки руководителей Ватикана с ханами и другими правителями государств, существовавших на территории нынешнего Казахстана и Средней Азии в период средневековья. Поэтому Католическая церковь для нас не является чужеродной реальностью, привнесенной извне. Она продолжает те культурные и духовные традиции, которые развивались в далеком прошлом»⁹¹. Католическая вера – это по-прежнему вера народов, чья история оказалась самым тесным образом связанной с Казахстаном. И сегодня в Казахстане «проживает еще немало потомков немцев-католиков, забывших о своих корнях и еще не нашедших путь к Богу. В этой связи, особую важность приобретает призыв отца-архиепископа Томаша Пэты к поиску тех людей, которые имеют католические корни»⁹².

Таковы основные характеристики религиозной жизни немцев-католиков Казахстана на протяжении их более чем вековой истории в этом регионе. Данная периодизация, безусловно, не претендует на исключительную полноту, возможно в процессе дальнейшего исследования потребуется еще более подробное определение и более четкое разграничение периодов, также пока нельзя дать исчерпывающую оценку и современному этапу.

Тем не менее выделенные этапы и периоды позволяют не только увидеть основные черты конкретики религиозной жизни немцев-католиков в регионе, но и представить более глубокие процессы, связанные с состоянием веры и религиозного сознания.

¹ См.: Brandes D., Busch M., Pavlovic K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. B.1. Von der Einwanderung bis 1817. München, 1994; Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. B.2. Von 1917 bis 1998. München, 1999; Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991–2000 гг. М., 2001, а также, текущая библиография в научно-информационном бюллетене «Российские немцы».

² См.: См. сборники материалов 12-ти международных научных конференций Международной Ассоциации исследователей истории и культуры немцев России (Анапа–Москва), сборники материалов международных научных конференций «Немцы Сибири: история и культура» и др.

³ См.: Лиценбергер О. Репрессии против лютеранских и католических священнослужителей в СССР // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. По материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики». М., 1999. С. 200–211; Рублева Н.С. Особенности существования немецкой католической общности в УССР (1920–1930 гг) // Немцы России и СССР: 1901–1941. Материалы 6-й международной научной конференции. М., 2000. С. 343–351; Савранина Т.В. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941–1955 гг. // Немцы

СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941–1955. Материалы 7 международной научной конференции, Москва, 19–22 октября 2000. М., 2001. С. 313–320; Лиценбергер О.А. Немцы-католики и положение Римско-католической церкви России в конце XIX – начале XX в. // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие. 1871–1941 гг. Материалы 8-й международной научной конференции. М., 2002. С. 256–268; Лиценбергер О.А. Возрождение Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церкви после ликвидации режима спецпоселения (1956–2002) // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.). Материалы 9-й международной научной конференции. М., 2003. С. 264–277; Нам И.В. Борьба за выживание: немецкие религиозные общины Томской области в годы «оттепели» и «застоя» // Там же. С. 301–317; Рублева Н.С. Последний Патер Тираспольской диоцезии: Михаэль Келлер (1897–1983) // Там же. С. 318–325; Деннигхаус В. Борьба за немецкую молодежь: ЦБ немсекций при ЦК ВЛКСМ и религиозные молодежные формирования в СССР (1922–1930 гг.) // Ключевые проблемы истории российских немцев. Материалы 10-й международной научной конференции. М., 2004. С. 74–85; Лиценбергер О.А. Проблема нравственности в деятельности лютеранской и католической церкви / Там же. С. 201–211; Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001; Парфентьев П.А. Рецензия на книгу: Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. Осипова И. «В язвах своих сокрой меня...». Гонения на Католическую церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. Авторы-сост. о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М.: «Серебряные нити», 2000; Зерно из этой земли. Мученики Католической церкви в России XX века. СПб., 2002; Юдин А. Леонид Федоров. М., «Христианская Россия», 2002. 304 с.; Симонов В.В. Католическая церковь в Башкирии. Уфа, 2003; Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002, Т. 2. М., 2005; Moll H.(Hrsg.) „Zeugen für Christus. Das deutsche Martyrologium des XX. Jahrhunderts“. В. II. Padeborn, 1999; Ossipowa I. Wenn die Welt euch hasst ... die Verfolgung der Katholischen in der UdSSR (übers. v. der rus. Sprach). Hrsg. E. Reinhardt. Annweiler, 2000. 285 S.; Bosch A. Geschichte der deutschen Katholiken und ihrer Priester in Russland// Heimatbuch der Deutschen aus Russland. Stuttgart, 2001/2002. S. 107-118; Reinelt K. Lebenserzählung von „Tante“ Emma Wetsch//A. Bosch(Hrsg.). Russlanddeutsche Zeitgeschichte. Unter Monarchie und Diktatur. В. 4, Ausg. 2004/2005. HFDR. Nürnberg/Grossburgwedel, 2005. S. 459-483; и др.

⁴ См.: См. билиографические указатели, а также Ерофеева И. В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй половине XVIII – начале XX в. // История немцев Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Алматы, 9–10 октября 1997. Алматы, 1998. С. 52–64; Роль религиозных конфессий в жизни немцев Центральной Азии. Сборник материалов международной научно-практической конференции, 30–31 октября 2002. Алматы, 2002; Die Rolle der religiösen Konfessionen im Leben der Deutschen von Zentralasien. Übersetzung einer Auswahl von Texten in die deutsche Sprache. Almaty, 2004; Трофимов Я.Ф. Взаимодействие религиозных объединений Казахстана и Германии в 90-х годах XX в. / Германия – Центральная Азия – диалог культур: история, современность, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции, Алматы, 1–2 ноября 2001. Алматы, 2002. С. 65–80; Иванов В. А. Роль религии в сохранении самобытности немцев Казахстана // Aus Sibirien 2005. Научно-информационный сборник. Тюмень, 2005. С. 58–62; Трофимов Я. Ф. Особенности религиозного сознания немцев Казахстана // Там же. С. 126–128 и др.

⁵ См.: «Кредо». Газета Римско-католической церкви Казахстана. 1995–2008. №№1–156; Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане // Шченский Анджей. Отцы церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. Караганда, 2000. С. 199–283; Визит Святейшего отца Иоанна Павла II в Казахстан. Караганда, 2001; Eine verborgene Perle Kasachstans. Der selige P. Aleksij Sarytskij (1912–1963) // Triumph des Herzens, № 78, 2006. С. 16–23 и др.

⁶ См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Evangelischer Teil, Stuttgart, 1978; Katolischer Teil. Stuttgart, 1980; Bosch Anton, Lingor Josef. Entstehung, Entwicklung und Auflösung der deutschen Kolonien am Schwarzen Meer am Beispiel von Kandel von 1808 bis 1944. Stuttgart, 1990; Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. München, 1992. S. 176–203 (von W. Kahle); Stricker G. Deutsches Kirchenwesen. Die Römisch Katholische Kirche //Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Hrsg. G. Stricker. Siedler Verlag. Berlin, 1997- S. 361–367, 389–391, 408–415 и др.

⁷ См.: Бургарт Л.А. Из истории немецких поселений в Восточном Казахстане (нач. XX века – 1941 г.). Усть-Каменогорск, 1999; Бургарт Л.А. Религиозные группы немцев-спецпоселенцев по материалам агентурно-осведомительной сети НКВД (40–50 гг.) // Культура немцев Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции, Алматы, 9–11 октября 1998. Алматы, 1999. С. 112–121; Бургарт Л.А. Материалы Земельных управлений по землеустройству как источник по истории немецких поселений в Казахстане // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941г.). Материалы 8-й международной научной конференции. Москва, 13–16 октября 2001. М., 2002. С. 528–545; Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001; Бургарт Л.А. Религиозная жизнь и этноконфессиональные процессы среди немецкого населения России и СССР в отечественной историографии (1991–2001 гг.) // Роль религиозных конфессий в жизни немцев Центральной Азии. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Алматы, 2002. С. 227–239.

⁸ См.: Бургарт Л.А. Влияние миграционных факторов на формирование и развитие Католической Церкви в Казахстане // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 8–9 ноября, 2005 г. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2006. С. 54–61; Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 2–3 февраля 2007 г. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2007. С. 59–69; Бургарт Л.А. Религиозная жизнь католиков и положение Католической Церкви в Казахстане в середине 50-х – начале 70-х гг. по «Воспоминаниям о Казахстане» священника Владислава Буковинского //«Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе» (Вып. 1). Барнаул, 2007. С. 231–251; Бургарт Л.А. Католики Казахстана к моменту установления Апостольской Администрации Казахстана и Средней Азии: некоторые демографические характеристики //Научное сообщество этнических немцев в Центральной Азии и России: современное состояние и перспективы. Материалы Международной научно-методической конференции. Караганда, 23–24 октября 2008. Караганда, 2008 (в печати).

⁹ См.: Вибе П.П. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири //Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. М., 1998. С. 134–144; Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край в конце XIX – начале XX в. (на примере Акмолинской и Семипалатинской областей) // История немцев Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Алматы, 1998. С. 19–30; Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord-(Sibirien) und Mittelasien //Heimatsbuch der Deutschen aus Russland.1964. S. 87-99; Das kirchliche und religiöse Leben der Deutschen in Sibirien und Mittelasien von seinen Anfängen bis zum Jahre 1917– Von A. M... // Heimatsbuch...1964. S. 124–125.

¹⁰ См.: Дабжанова Ж.Б. Социокультурное развитие конфессиональных образований(на примере немецкой, еврейской и корейской диаспор) // Роль религиозных конфессий в жизни немцев Центральной Азии. Сб. материалов международной научной конференции. Алматы, 2002. С. 153.

¹¹ Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край... С. 25; см. также История католического прихода св. Иосифа в Караганде // Кредо. 1995. Сентябрь. С. 3; История католического прихода Успения Богородицы в г. Кустанае // Кредо. 1995. Октябрь. С. 3; Страницы истории Церкви. Приход в Петропавловске // Кредо. 2001. Июнь. С. 21; Страницы истории Церкви. Приход с. Келлеровка // Кредо. 2001. Июль–август. С. 19–20; «С Марией в паломничестве веры». История Католической церкви на территории Астанинской архиепархии // Кредо. 2007. Апрель. С. 10–13.

¹² См.: Бургарт Л.А. Материалы Земельных управлений по землеустройству как источник по истории немецких поселений в Казахстане // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). Материалы 8-й международной научной конференции. Москва, 13–16 октября 2001. М., 2002. С. 528–545.

¹³ Ерофеева И. В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй половине XVIII – начале XX в. // История немцев Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Алматы, 9–10 октября 1997. Алматы, 1998. С. 59–60.

¹⁴ См.: По воспоминаниям современников. См. также Бургарт Л.А. Из истории немецких поселений в Восточном Казахстане (нач. XX века – 1941 г.). Усть-Каменогорск, 1999.

¹⁵ См.: Ерофеева И. В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана... С. 57.

¹⁶ Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство... С. 92.

¹⁷ См.: Осипова И. «В язвах своих сокрой меня...». Гонения на Католическую церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996; Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. Авторы-сост. о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М.: «Серебряные нити», 2000; Зерно из этой земли. Мученики Католической церкви в России XX века. СПб., 2002; Ossipowa I. Wenn die Welt euch hasst... Die Verfolgung der Katholischen Kirche in der UdSSR. Annweiler, 2000; Bosch A. Geschichte der deutschen Katholiken und ihrer Priester in Russland // Heimatbuch... 2001/2002. S. 107–118.

¹⁸ См.: Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. Авторы-сост. о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М.: «Серебряные нити», 2000.

¹⁹ См.: ЦДНИ ВКО Ф. 153. Оп. 1. Д. 439 Л.211–212, см. также Бургарт Л.А. Немецкие поселения в Восточном Казахстане (1901–1941 гг.): историография, источники, периодизация развития ... С. 381–403; Бургарт Л.А. Из истории немецких поселений в Восточном Казахстане (нач. XX века – 1941 г.). Усть-Каменогорск, 1999.

²⁰ Рублева Н.С. Особенности существования немецкой католической общности в УССР (1920–1930 гг)... С. 347; Stricker G. Deutsches Kirchenwesen. Die Römisch Katholische Kirche... С. 389–391.

²¹ См.: Из истории немцев Казахстана. 1921–1975. Сборник документов. От ред. Карпыкова Г.А. Алматы. Москва: Готика, 1997. С. 85; Грибанова Е. М., Зулкашева А. С. Из истории депортации немцев в Казахстан. 1936 год: переселение и обустройство (по документальным источникам) // История немцев Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Алматы, 9–10 октября 1997. Алматы, 1998. С. 222–228.

²² См.: Депортация народов СССР. 1930–1950 годы. Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) Сост. О. Л. Милова. М., 1995; Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee/ Die Deutschen in der Sowjetunion 1941 bis 1956. (Hrsg. Eisfeld A, Herdt V). Köln, 1996 и др.

²³ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». 1940-е годы. Сборник документов. Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1998. С.253-284; Из истории немцев Казахстана. 1921–1975... С. 143–144.

²⁴ См.: Бургарт Л. А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001; Trutanow Igor. Russlands Stieffkinder. Ein deutsches Dorf in Kasachstan. Berlin, 1992.

²⁵ См.: Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 2–3 февраля, 2007 г. С. 59–69.

²⁶ См.: Зулкашева А. Дискриминация лиц немецкой национальности в различных сферах общественной жизни Казахской ССР (1941–1955 гг.) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг. Материалы 7-й международной научной конференции. М., 2001. С. 386.

²⁷ См.: Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. Алма-Ата, 1960. С. 124–143.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР..

³⁰ См.: Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане // Шченский Анжей. Отцы Церкви. Отцы наших отцов. Мы дети нашего Отца. Караганда, 2000. С. 213.

³¹ Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР..

³² См.: Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане... С. 248–249; а также материалы газеты «Кредо».

³³ См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen: Katolischer Teil. Stuttgart, 1980. S. 100–124

³⁴ См.: Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане... С. 248, см. также Бургарт Л.А. Религиозная жизнь католиков и положение Католической Церкви в Казахстане в середине 50-х – начале 70-х гг. по «Воспоминаниям о Казахстане» священника Владислава Буковинского // «Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе» (Вып. 1). Барнаул, 2007. С. 231–251.

³⁵ «Караганда – второй Рим» // Кредо. Газета Римско-католической церкви Казахстана. 2005. № 3 (115). Март. С. 14–16.

³⁶ Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане... С. 227.

³⁷ Пекарь А. Епископ Александр Хира // Кредо. 2002. Июль. С. 10.

³⁸ Материалы «Кредо», а также Бургарт Л.А. Влияние массовых депортаций и трудовых мобилизаций на формирование Караганды как центра католической веры в СССР // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Усть-Каменогорск, 2–3 февраля, 2007 г. С. 59–69.

³⁹ См.: Население Казахской ССР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. Алма-Ата, 1960.

⁴⁰ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года по Казахской ССР. Алма-Ата, 1974

⁴¹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Казахской ССР. Алма-Ата, 1982.

⁴² См.: Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 104–113.

⁴³ Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане... С. 251–252.

⁴⁴ Там же. С. 252.

⁴⁵ Там же. С. 253.

⁴⁶ Там же. С. 254.

⁴⁷ Там же. С. 255.

⁴⁸ Там же. С. 256.

⁴⁹ Там же. С. 257.

⁵⁰ См.: Там же. С. 257–258.

- ⁵¹ См.: Там же. С. 253–254.
- ⁵² Там же. С. 261.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 260.
- ⁵⁵ Там же
- ⁵⁶ Там же. С. 211.
- ⁵⁷ Die Stimme der zum Schweigen gebrachten Kirche. Bischof Paolo Hnilica //Triumph des Herzens, №82, 2007. S. 28. см. также Hnilica J., Vnuk F. In geheimer Mission. Bischof unter roten Haschern. Miriam-Verlag. Jestetten, 1998.
- ⁵⁸ Шнайдер Атаназиус. Это Господь(перевод с немецкого). Рукопись. С. 3. Оригинальное издание: Dominus est. Riflessioni di un vescovo dell'Asia Centrale sulla sacra Comunione. © Copyright 2008 – Libreria Editrice Vaticana.
- ⁵⁹ См.: Краткая история возникновения прихода «Пресвятой Девы Марии Святого Розария» г. Усть-Каменогорск // Архив прихода, а также рукопись воспоминаний Анны Штанг.
- ⁶⁰ Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане... С. 210–211.
- ⁶¹ Шнайдер Атаназиус. Это Господь (перевод с немецкого). Рукопись. С. 3. Оригинальное издание: Dominus est. Riflessioni di un vescovo dell'Asia Centrale sulla sacra Comunione. © Copyright 2008 – Libreria Editrice Vaticana.
- ⁶² Буковинский Владислав. Воспоминания о Казахстане... С. 226.
- ⁶³ Там же. С. 225–226.
- ⁶⁴ Там же. С. 233.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. С. 234.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же. С. 240.
- ⁶⁹ См.: Иванов В.А., Трофимов Я.Ф. Религии в Казахстане: Справочник. Алматы, 2003. С. 4-5, 87.
- ⁷⁰ См.: О «двадцатках» и строительстве Карагандинского собора // Кредо. 2005. Ноябрь. С. 12–14.
- ⁷¹ См.: Zum Heimgang des Seelsorges von Aktjubinsk, P. Thomas Maria von Guppenberg // Sonderdruck aus „Heimat im Glauben“, April 1984.
- ⁷² Гильгенберг Л. Из истории Католической церкви в Акмолинской области // Кредо. 1997. Апрель. С. 3–4; Вновь в старом храме // Кредо. 2003. Ноябрь. С. 16, 17, 19.
- ⁷³ Официальный документ Ватикана об установлении Апостольской администрации Казахстана и Средней Азии // ЗОВ. 1992. № 1. С. 6.
- ⁷⁴ См.: Там же.
- ⁷⁵ См.: Католическая энциклопедия. Т. II. Издательство Францисканцев. М., 2005. С. 671-672.
- ⁷⁶ См.: Подсчеты произведены по данным Переписи населения 1989 г. и статистическим материалам (подробнее: Бургарт Л.А. Католики Казахстана к моменту установления Апостольской администрации Казахстана и Средней Азии: некоторые демографические характеристики // Научное сообщество этнических немцев в Центральной Азии и России: современное состояние и перспективы. Материалы Международной научно-методической конференции. Караганда, 23–24 октября 2008. Караганда, 2008.
- ⁷⁷ См.: Иванов В.А., Трофимов Я.Ф. Религии в Казахстане. Справочник... С. 4–5.
- ⁷⁸ См.: Кредо. 1995–2000 гг.
- ⁷⁹ См.: Из данных личной работы с поздними переселенцами.
- ⁸⁰ См.: Открытие семинарии «Редемпторис Матер» // Кредо. 1997. Ноябрь. С. 2.

⁸¹ См.: Письмо Апостольского администратора Казахстана и Средней Азии от 11.08.1994. Документ предоставлен Римско-католическим приходом Пресвятой Девы Марии Святого Розария г. Усть-Каменогорска.

⁸² См.: Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. I. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000; см. также Немецкое население Казахстана в конце XIX – XX в. По материалам всеобщих переписей населения 1897–1999 гг. / Сост. Л.А. Бургарт. Усть-Каменогорск, 2002.

⁸³ Обращение Епископов по поводу переселения немцев // Кредо. 1997. №19–20. Февраль–март. С. 5–6.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Соглашение между Святым престолом и Республикой Казахстан о взаимоотношениях // Кредо. 1999. Ноябрь. С. 8.

⁸⁷ См.: Закон РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединений» от 15 января 1992 г. в редакции от 08.07.2005 г. // Электронная версия. Республиканский центр правовой информации.

⁸⁸ См.: Учреждении Миссии «*sui iuris*» // Кредо. 1997. Ноябрь. С. 2.

⁸⁹ См.: Новые Апостольские администратуры // Кредо. 1999. Август–сентябрь. С. 6–7; Апостольские Администраторы новых церковных структур высказываются о своем служении // Кредо. 1999. Ноябрь. С. 2–5.

⁹⁰ См.: Кредо. 2003. Июль–август. С. 3–5.

⁹¹ Визит Святейшего отца Иоанна Павла II в Казахстан. Караганда, 2001. С. 24.

⁹² «С Марией в паломничестве веры». История Католической церкви на территории Астанинской архиепархии // Кредо. 2007. Апрель. С. 10–13.

Организация немецкой автономии на территории Казахстана: неудачная попытка решения проблемы восстановления нарушенных прав народа

К началу 1970-х гг. на территории Казахстана образовались места компактного проживания немцев. В отличие от других народов, насильственно переселенных на территорию республики, немцы так и не дождались от властей справедливого решения их проблем. Варианты этого решения были очевидны. Восстановления немецкой автономии в Поволжье могло бы стать итогом реабилитации депортированного народа.

Общественная активность немецкого населения стала расти после принятия Указов Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря и 29 августа 1955 г о снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении. Эти документы частично отменили репрессии в отношении немцев, определив новую политику государства в их отношении: политику «укоренения»¹. Половинчатость решения проблемы послужила тем толчком, который привел в действие механизм возникновения немецкого национального движения за восстановление исторической справедливости. Сложившаяся в среде немецкого этноса мысль о том, что любой народ имеет право на свободное развитие своей культуры, привела к осознанию необходимости восстановления государственно-территориальной автономии. Существовавшая до войны АССР НП была центром национальной немецкой культуры², ее восстановление должно было возродить немецкий народ.

Постепенно формировалось единое автономистское движение советских немцев. Организовывались делегации в Москву, однако обращения к властям не принесли никаких значимых практических результатов. Поэтому в среде немцев начинают вызревать мысли об очередной эмиграции, в надежде спастись от остатков дискриминации, от угрозы окончательной утраты языка, культуры.

Советское правительство всячески стремилось усложнить выезд немцев за пределы страны. Органы государственной безопасности строго следили за выдачей советским гражданам разрешений на выезд, отказывая в выезде большей части обратившихся. Начались преследования немцев, желающих эмигрировать. Инициировались многочисленные судебные процессы против немцев, желающих отказаться от советского гражданства и выехать в ФРГ³. Но немецкое движение за эмиграцию только нарастало. В 1971 г. в органы МВД Казахстана было подано 488 ходатайств о разрешении эмиграции в ФРГ, в 1972 г. количество прошений увеличилось до 1119, за первое полугодие 1973 г. таких обращений было зафиксировано уже 1924⁴. В 1970-е гг., власть, по сути, была поставлена перед дилеммой: либо разрешить немцам эмиграцию, либо восстановить автономию.

В обстановке нараставшего недовольства политикой удерживания, принятой советскими властями по отношению к советским немцам, Политбюро принимает решение об организации территориальной автономии немцев. Восстановить автономию в Поволжье, после стольких отказов немецким делегациям, власти не захотели, мотивировав это решение для общественности тем, что «... немецкое население здесь фактически не проживает и исторических корней в этом районе не имеет...»⁵. Было принято решение об организации Немецкой автономной области на территории Казахстана⁶. Оно было достаточно продуманным с организационной точки зрения – были отрегулированы штатные расписания, определен центр, обсуждены кандидатуры на номенклатурные должности, подсчитаны финансовые затраты⁷.

В начале 1979 г. проходят консультации представителей высшего партийного руководства с представителями ЦК Компартии Казахстана, часть из которых не поддержала идею создания этнотерриториального образования в республике⁸.

Пока вопрос обсуждался на уровне высших инстанций, параллельно велись разговоры в кулуарах, порождая массу слухов. Вопрос был слишком важен для населения, проживающего на землях, выделенных под немецкую автономию, но решение было принято без учета мнения народа. Власть, уверенная в единодушной поддержке всех своих начинаний, не сочла нужным обсудить вопрос изменения границ и статуса территорий с населением Казахстана.

Немецкая автономия должна была расположиться на территории Ерментауского и Селетинского районов Целиноградской области, Иртышского района Павлодарской области, Валихановского района Кокчетавской области. Включены в автономию были Молодежный поссовет, Дальненский, Пролетарский, Родниковский, Тельмановский и Шидертинский сельсоветы Молодежного района Карагандинской области⁹. Центром новообразованной автономии должен был стать город Ерментау. Мотивы выбора именно этого города были очевидны. Географически Ерментау находится в самом центре создаваемой области. Имеющиеся в Ерментауском районе транспортные магистрали развиты лучше, чем в остальных районах. Автодороги и железная дорога связывает город с такими крупными центрами как Целиноград, Караганда, Павлодар, Экибастуз. Немаловажное значение имело и то, что именно в Ерментауском районе находились два крупных немецких колхоза – Новодолинский и Ерментаусский. Но оценив преимущества данного района с точки зрения содержащейся в ней инфраструктуры, власти не учли особого положения этих земель в сознании и духовной культуре проживающего здесь коренного казахского народа. Ерментауская земля имеет особое значение для них, так как по преданиям именно здесь родился легендарный батыр (богатырь, герой) Богенбай, почитаемый казахами за полководческий талант, проявленный в войнах с джунгарами, китайцами, волжскими калмыками, башкирами, уральскими казаками. Земля, являющаяся родиной прославленного батыра, почитается казахами как священная. Решение отдать землю, породившую освободителя исконно казахских

земель немецкому народу, не могло восприниматься казахским населением положительно.

Не было учтено и мнение немецкого населения, эмиграционные настроения которых можно было изменить, только восстановив историческую справедливость, возродив уничтоженную советским режимом автономию на Волге. Появление автономии на территории Казахстана, закрепило бы немцев на местах, отрезало бы им даже возможность вернуться в Поволжье, которое они считали своей утерянной родиной, либо на этническую родину, в Германию. Кроме того, не был бы решен вопрос и с возрождением культуры немцев, так как на данных территориях немецкое население стало бы национальным меньшинством, они составляли только около 14% от всего населения, проживающего в данной местности¹⁰.

Перед тем как объявить о создании немецкой автономии Ерментау привели в порядок, были отремонтированы фасады домов, улицы украсили флагами и портретами. В трудовых коллективах провели собрания, где объявили о создании автономии. С момента объявления о решении создать автономию начинаются события, предусмотреть которые власти не могли.

В начале июня 1979 г. в Ерментау приехала большая группа ответственных работников, возглавляемая А.Г. Коркиным, вторым секретарем Компартии Казахстана. Они сообщили, что 18 июня состоится собрание актива немецкой автономии, на котором будет присутствовать первый секретарь Компартии Казахстана Д.А. Кунаев, и где состоится окончательное решение всех организационных вопросов, связанных с организацией немецкой автономии. 13-го или 14 июня, лектор областного комитета партии Шапров, на своей лекции перед студентами сельскохозяйственного института, располагающегося в Целинограде, объявил о создании автономии. Собравшись после лекции в общежитии и обсудив новость, студенты решили, что создание такой национальной области на территории Казахстана незаконно и решили воспрепятствовать этому. Связавшись со студентами других вузов, они договорились выступить с протестами 16 июня на площади Ленина, выразив свой протест против решения о создании национальной автономии на территории, исконно принадлежавших казахскому народу. Свое несогласие студенты выразили в петиции, которую хотели вручить руководителям области.

16 июня 1979 г. около 10 часов на площадь Ленина стал стекаться народ. По свидетельству очевидца события писателя К. Эрлиха, это была организованная демонстрация¹¹. Точное количество демонстрантов установить невозможно, свидетельства очевидцев здесь расходятся. Называются цифры от 200 до 600 человек¹². Демонстранты несли в руках транспаранты с требованиями об отмене решения о создании автономии, о проведении референдума по вопросу образования в Казахстане национальной области. В митинге участвовало не только казахское, но и русское и немецкое население республики.

Об организованном характере этого мероприятия говорит тот факт, что милиция достаточно спокойно относилась к такому несанкционированному властями митингу¹³.

В этот день, 16 июня, на площади Ленина было запланировано торжественное вручение документов об окончании учебы выпускникам училищ и техникумов. Подготовленными к этому мероприятию трибуны, микрофоны, усилители, были использованы демонстрантами для выступления. Этот факт также является косвенным доказательством подготовленности демонстрации.

Митинг начался в 10 часов утра. На трибуну поднялся молодой человек казахской национальности, который рассказал собравшимся о принятом союзным центром решении о создании в центре Казахстана немецкой автономной области с центром в Ерментау, зачитал петицию, содержащую требования митингующих и тут же передал ее присутствующим здесь руководителям области, второму секретарю обкома партии З. Шайдурову и секретарю обкома И. Тимошенко. Затем на трибуны стали подниматься молодые ребята-казахи в возрасте 25–30 лет, которые читали обращения к митингующим, призывая к осуждению действий Кремля¹⁴. Возраст активистов митинга также свидетельствует в пользу версии о подготовленности мероприятия и о руководстве им извне. Возраст обучающихся в вузах 17–25 лет, присутствие в демонстрации людей более старшего возраста говорит о возможном участии в нем не только студентов, но и возможно и преподавателей, и даже людей, специально внедренных в среду митингующих.

Демонстранты заняли достаточно противоречивую позицию. Были лозунги оскорбительного для немцев содержания, но были и призывы к дружбе, и заверения, что протест направлен не против немцев, а против действий Кремля, который принимает решение о создании автономии в республике, которая стала на протяжении последних десятилетий родиной не только для казахов, но и для русских, белорусов, украинцев, корейцев, татар и представителей многих других народов¹⁵.

Через некоторое время на площадь был подогнан автобус с радиоустановкой, вышли руководители области. Они постарались успокоить собравшихся, подождать окончательного принятия решения. К руководителям области присоединились и срочно вызванные на место митинга руководители всех вузов Целинограда. Но демонстрантов заявления руководителей области и партии не убедили. Митинг продолжался около часа, в его ходе властям было заявлено о том, что его участники ждут ясного ответа на эти требования до 19 июня. В этот день они вновь соберутся на площади и если их требования не будут удовлетворены, то ночью 22 июня будет организовано факельное шествие.

Организованность этого выступления была тем фактором, который заставил власти задуматься о возможности перерастания этого проявления несогласия с политикой партии, в более широкие формы. О такой возможности говорил и тот

факт, что через несколько дней после событий в Целинограде, прошли выступления молодежи в Атбасаре, Ерментау, Кокчетаве, пригороде самого Целинограда.

Власть вынуждена была предпринимать определенные шаги по локализации и прекращению акции. В обкоме и горкоме КПСС состоялись рабочие совещания, где было принято решение о формировании группы пропагандистов, которые направляются в студенческие и заводские общежития с целью проведения разъяснительной работы среди протестующих. Заводские парткомы получили распоряжения провести беседы в цехах и в общежитиях. Занятия в вузах отменили, студентов загнали в общежития, где они находились под постоянным контролем воспитателей¹⁶. Были проведены и собрания и в вузах города.

В города и поселки, которые предполагалось включить в состав немецкой автономии были отправлены агитаторы из числа чиновников, которые приступили к разъяснительной работе среди населения. Выбирать для агитационной работы на местах старались людей казахской национальности, причем, подбирали людей, принадлежащих роду канжыгалы, так как именно представители этого рода проживают в основном на данной территории. В менталитете казахов очень сильна традиция почитания деления на роды и жузы, людям своего рода доверяют значительно больше.

Несмотря на все усилия власти, митинг 19 июня все же состоялся, хотя власти сделали все возможное чтобы не допустить его проведения. Все подступы на площадь Ленина с утра были перекрыты, входы были перегорожены машинами милиции и пожарных частей. Люди, направлявшиеся на митинг, стали собираться у магазина «Мелодия», находившегося на той же улице. К 10 часом утра, на площадь вышел председатель облисполкома А. Джилмухамедов и попытался уговорить митингующих разойтись или хотя бы пройти в здание областного совета профсоюзов, для спокойного обсуждения создавшейся ситуации. Оба предложения были отвергнуты, так как, во-первых, митингующие были настроены решить проблему немедленно, а, во-вторых, все присутствующие не смогли бы поместиться в зале облсовпрофа.

Среди демонстрантов, на этот раз были не только студенческая молодежь, но и немало ветеранов, многодетных матерей, статус которых подчеркивался надетыми многочисленными орденами и медалями. Из выступлений митингующих стало понятно, что многие из них приехали из районов области, их автобусы повсеместно задерживала милиция, поэтому они добирались на митинг на случайных попутных машинах. Выступления вызвали негодование и многотысячная демонстрация двинулась на площадь Ленина. Отогнав машины, преграждающие путь, митингующие проникли на площадь и расположились напротив Дома Советов, где размещались в то время обком партии, облисполком и другие областные руководящие организации¹⁷. И опять работники милиции не препятствовали этому, что подтверждает идею о спровоцированности выступлений самими верхами республики.

Митингующие стали требовать выхода к ним с разъяснениями первого секретаря обкома партии Н.Е. Морозова. Появившийся Морозов, попытался успокоить собравшихся, но все его попытки прекратил один из митингующих, поднявшийся на трибуну и заявивший в микрофон о несогласии народа с организацией на территории Казахстана немецкой автономной области. Морозов вынужден был рассказать собравшимся о своем телефонном разговоре с Д.А. Кунаевым, в котором руководитель республики сообщил ему о том, что решение об образовании автономии принято ни сейчас, ни в дальнейшем не будет. Это сообщение люди встретили аплодисментами и после этого митинг прекратился. К 12 часам на площади митингующих уже не осталось¹⁸.

Июньские события 1979 г. в средствах массовой информации того времени не упоминались. Руководство республики и КГБ приложили максимум усилий к тому, чтобы информация о демонстрациях не получила широкого распространения.

Лишь со второй половины 1980-х гг. в прессе начали появляться отрывочные, разрозненные сведения о событиях того времени.

Сигналом к появлению такого рода публикаций стало опубликование постановления ЦК КПСС от 1 июля 1987 г. «О работе казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся» в котором говорилось о событиях декабря 1986 г. в Алма-Ате, когда казахская студенческая молодежь, выступила за выход Казахстана из состава СССР. В постановлении события 1979 г. в Целинограде и 1986 года в Алма-Ате были определены как националистические выступления¹⁹.

После этого постановления в печати стали появляться статьи, в которых была дана попытка оценить и проанализировать события 1979 г.

В 1988 г. первый секретарь Целиноградского обкома Компартии Казахстана А. Браун в своем выступлении на пленуме обкома дал свою оценку происходящему в 1979 г. в области: «Давайте посмотрим на эту проблему с другой стороны... А нужна ли была немцам та территория и автономия в пределах Казахстан?»²⁰

Открытым остается вопрос о возможных организаторах выступлений 1979 г. и о мотивах их действий. Мнения казахстанских и российских исследователей в этом вопросе расходятся. Большинство казахстанских исследователей отрицают саму идею о том, что выступления могли быть организованы республиканским руководством. Связано это, по-видимому, с тем, что в республике сложился определенный образ Д. Кунаева, бывшего тогда первым секретарем Компартии Казахстана, как яркой личности, автора множества деяний, выдвинувших Казахстан на передовые рубежи, поднявшего благосостояние населения и т.д. Исследования казахстанских ученых изобилуют превосходными эпитетами и благими пожеланиями в его адрес, что очевидно, и не позволяет им рассматривать фигуру Кунаева как наиболее вероятного организатора событий в Целинограде.

Немногие российские исследователи, затрагивающие в своих работах проблемы образования немецкой автономии в Казахстане, напротив, убеждены в том,

что непосредственным организатором выступлений, был именно Кунаев. Мотивами его действий были, очевидно, и желание поднять свой авторитет в среде казахского населения, постепенно падавший в связи с его известной дружбой с Л. Брежневым, и желание показать стареющему генеральному секретарю КПСС свою политическую силу, и поставить в зависимое положение иноязычное большинство республики²¹.

Сложность объективного рассмотрения вопросов, связанных с описанием событий 1979 г. в Казахстане обусловлена тем, что документы об этом событии в доступных исследователям архивах обнаружить не удалось. По свидетельству М.Ш. Омарова и А.Г. Какена, бывших в то время сотрудниками органов госбезопасности республики, все документы, касающиеся массовых выступлений против образования немецкой автономии, по приказанию КГБ СССР в 1990 г. были уничтожены²².

¹ См.: История российских немцев в документах (1763–1992гг.). Кн. I..М., 1993. С.177–179.

² См.: Карсаков И. Немцы Казахстана: определение берега. // Мысль. 1995. № 6. С.46.

³ См.: Fleischhauer I., Pinkus B. Die Deutschen in der Sowjetunion. – Baden-Baden, 1987. – S. 517–518.

⁴ См.: АПРК. Ф.808. Оп. 56. Д.352. Л.165-170.

⁵ История российских немцев в документах (1763–1992гг.). Кн. I..М., 1993. С. 192.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Владимиров В. Кремлевская карусель // Феникс. 1993. № 1.

⁸ См.: Исиналиев М. Как немцам автономию создавали // Новое поколение. № 45. 1996. Ноябрь.

⁹ См.: История российских немцев в документах (1763–1992гг.). Кн. I. М., 1993. С. 194.

¹⁰ См.: Бауэр В.А., Иларионова Т.С. Российские немцы: право на надежду. К истории национального движения народа (1955–1993). М., 1995. С.58.

¹¹ См.: Эрлих К. Петров М. Судьбы и люди // Собеседник. 1988. № 52. С.13.

¹² См.: Омаров М. Какен А. Познание себя. Алматы: «Аль-Фараби», 1998. С.53.

¹³ См.: Эрлих К. Петров М. Судьбы и люди // Собеседник. 1988. № 52. С.13.

¹⁴ См.: Пономарев В. Вариант справедливости // «Немецкая газета» еженедельное приложение к «Дойче Альгемайне». 1991. 20 июля.

¹⁵ См. Омаров М. Какен А. Познание себя. Алматы: «Аль-Фараби», 1998. С.55; История российских немцев в документах (1763–1992гг.). Кн. I. М., 1993. С. 196.

¹⁶ См.: Пономарев В. Вариант справедливости // «Немецкая газета» еженедельное приложение к «Дойче Альгемайне». 1991. 20 июля.

¹⁷ См.: Омаров М.Ш. Какен А.Г. Познание себя. Алматы, 1998. С. 63.

¹⁸ См.: Пономарев В. Вариант справедливости // «Немецкая газета» еженедельное приложение к «Дойче Альгемайне». 1991. 20 июля.

¹⁹ См.: Казахстанская правда. 1987. 16 июля.

²⁰ Цит. по Исаков К. Урок немецкого // Новое время. 1989. №15. С.31.

²¹ См.: Бауэр В.А., Иларионова Т.С. Российские немцы: право на надежду. К истории национального движения народа (1955-1993). М., 1995. С.57; Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет. М., 1997. С. 172.

²² См.: Омаров М.Ш. Какен А.Г. Познание себя. Алматы, 1998. С. 6.

**Элементы традиционной немецкой культуры
(свадебный обряд, национальная кухня, особенности
домостроения) как критерии этнической
идентификации в условиях полиэтнической
социальной среды. (По материалам детских
этнографических экспедиций в села Костанайской
области, Северный Казахстан)**

Среди основных критериев этнической идентификации могут быть такие, как родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к родной земле, своей родине, общей территории проживания¹.

В августе 2008 года участниками проекта «Дети пишут историю» (призовой грант Представительства Германского общества по техническому сотрудничеству в Казахстане) был проведен ряд исследований, с целью изучения составляющих традиционной культуры немецкого этноса. Интерес для исследования представляли элементы свадебного обряда, традиции национальной кухни, особенности планировки немецких сел и домостроения, которые являются яркими этническими характеристиками. Представители немецкого этноса длительный период существовали в среде интенсивных межэтнических контактов, в условиях подавления национальных чувств и невозможности развивать национальную культуру. Поэтому особую значимость приобретают семейно-ролевая деятельность, бытовые формы поведения, которые маркируют принадлежность к определенной этнической группе, обеспечивая ее непохожесть на другие.

В ходе детских этнографических экспедиций был проведен опрос среди жителей сел Тарановского и Денисовского районов Костанайской области в Северном Казахстане. Результаты представляют интерес, так как участников опроса можно считать достаточно представительной фокус-группой. Количество сел, где побывали участники экспедиций, 10. Количество семей, в которых проводился опрос, – 15. Из них сохранили информацию об истории семьи и немецких традициях – 11, из 15 семей смешанными являются 13. Из 11 семей – 5 по вероисповеданию – католики, 6 – лютеране. Из 11 респондентов, сохранивших знания об истории семьи, 2 – являются потомками немецких колонистов начала XX века, 4 – были депортированы в детском или юношеском возрасте вместе с семьями, 2 – родились в селах Костанайской области, куда были высланы родители, 3 – прибыли в Казахстан уже после депортации на освоение целины. Годы рождения информаторов: 1926 – 1953. Родились в Саратовской области – 7.

В анкетировании с целью изучения элементов свадебного обряда приняли участие 6 респондентов, ныне проживающих в селах Тарановского и Денисовского

районов Костанайской области, 5 – уроженцы Саратовской области, 1 – родился в немецком поселке Чебендовка, возникшем в начале XX века. Анализ анкет позволяет выделить общее и особенное в структуре свадебного обряда 1950–80 гг., применительно к данной фокусной группе. Вероисповедание и национальная принадлежность играли незначительную роль, молодые не венчались, нарушали родительский запрет на вступление в брак с представителем иной национальности и вероисповедания. Не фиксируется обряд прикрепления денег к платью невесты, нет четкой ориентации на национальные блюда во время свадебного пира. Как правило, отсутствуют, или не сохраняются фотографии. Обязательное использование воскового свадебного венка характерно для 1950–70 гг., в 1980–е свадебные венки покупают в магазине. Наряду со свадебным венком присутствует украшение для жениха, а также для друга и дружки. Во время свадьбы гости стреляли в воздух, натягивали шнур, преграждая дорогу молодым, танцы разрешались. Жили молодые после свадьбы в доме жениха или его родных. Приводим выборочные моменты из рассказов, которые раскрывают некоторые особенности, характерные для свадебных обрядов разных групп.

Мария Иосифовна Пинсак (п. Крымский, Денисовский район) рассказала о своей свадьбе, которая состоялась в 1955 году в Сибири. Мария Иосифовна – католического вероисповедания, муж – православный. Сватовство происходило по православным традициям. Во время приглашения на свадьбу Hochzeitfaderhaus (главный распорядитель на свадьбе) приходил в дома со свадебным шестом, в знак согласия гости крепили к шесту цветную ленту. Невесту везли к месту свадьбы на трех лошадях. У невесты был свадебный венок из воска, венок украшали длинные височные подвески, длина подвесок – до груди. Лейсмистер Роза Эммануиловна (п. Крымский, Денисовский район) рассказывала о свадьбе подружки, которая проходила в с. Имановка (Денисовский район) в 1973–74 (год точно не помнит). На свадьбе опоздавшим раскрашивали лицо губной помадой, сажали в грязное корыто или повозку и через все село доставляли на свадьбу таким образом. Габерер Семен Андреевич (п. Шункырколь, Денисовский район) рассказал о свадьбах в немецком селе Чебендовка (Денисовский район) в 1970–80 гг. На второй день обязательно устраивали угощение для старых людей. Жених и невеста приходили в дома пожилых односельчан и приносили угощение. В этот же день бытовал обычай переодевания, жених – в невесту, а невеста в жениха. Молодые садились на осла и ездил с гармошкой по деревне. Танцевали на свадьбах польку. Заар Лилия Эргардтовна (п. Евгеновка, Тарановский район) рассказывала о свадьбах, которые отмечались в селе Покровка (Тарановский район) в 1980–е годы. У невесты было короткое платье. Длина фаты – до подола платья. Венок покупали в магазине. Цветами и лентами украшали шнур, который натягивали перед молодыми. Пели на немецком языке, все музыканты были немцы. На второй день опоздавших хлестали ветками деревьев. Родители не приветствовали браки с представителями других национальностей, говорили так: «Каждый должен остаться у своего корыта!» Шульдайс (Квиташова)

Татьяна Романовна (п. Барсуковка) описала свадьбы, которые проходили в Барсуковке в 1950–е годы. Платье невеста надевала то, которое было в наличии, порой замуж выходили в плюшевом зеленом платье. Платье украшали цветы и листья из воска. У невесты на груди был восковой цветок с лентой. Живые цветы использовались в качестве украшения дома. Венок из воска был обязательно. Вместо фаты его украшали разноцветные ленты. Если у девушки уже умер отец, то влетали одну черную ленту. Опоздавших обмазывали смолой сажей, глиной. Лютеране, которые жили в Барсуковке, старались ограничить общение с католиками.

Одним из важных этнических маркеров являются традиции национальной кухни. Наша цель была выяснить перечень блюд, употребляемых немцами в селах Костанайской области. Вопрос о национальных блюдах содержался в анкете, которую мы предлагали всем собеседникам. Из 15 опрошенных, лишь 5 респондентов смогли расширить список традиционных немецких блюд (Nudelsuppe, Kuchen).

Шпис Варвара Антоновна (уроженка с. Луй, Мариентальский район, Саратовская область, ныне проживает в п. Некрасовка Денисовского района) рассказала о таких национальных блюдах как: Truklnudel, Knepplekartoffel, Kartoffelschtambs, Nachtschedokuchen, Riwelkuchen, Krautmoldasch, Nudel und Milch. Квинт Э.Я. и Квинт А.И. также упоминали в беседе блюдо Kartoffelschtambs. Пинсак Мария Иосифовна (уроженка Тамбовской обл., с/х Луч, отд. Марксист, ныне проживает в п. Крымский, Денисовский район) обязательно пекла Kuchen, делала Strudel. В их семье штрудли называли «штрули». Готовили также Kartoffel und Kleis. Лейсмистер Роза Эммануиловна (родилась в селе Покровское, Ордженикидзевский район, Кост. обл., сейчас живет в п. Крымский, Денисовский район) поделилась оригинальным рецептом немецкого блюда Krumnderwasch (фаршированные картофелем и мясом свиные кишки). В семье Лейсмистер любили также Rahmnudel. В п.Барсуковка, в семье Шульдайс готовили такие немецкие блюда как Nudelsuppe, Krautbrei, Krautmatsch.

Не менее значимым критерием этнической идентификации можно считать планировку домов, поселков и особенности домостроения. Квинт А.И., уроженец села Луй, Мариентальский район, Саратовская область, описал, как выглядел его родной дом в Саратовской области в селе Луй. Дом был деревянным (лиственница), в центре находилась печь, в доме был подвал. Сначала входили на веранду, затем в прихожую, далее - зал, спальня, детская и кухня. Комнаты располагались по кругу, вокруг печи.

В Костанайской области мы фиксируем иной план немецкого дома. Григорова (Заар) Л.Э. объяснила планировку своего родительского дома в п. Покровка (Тарановский район). Прямо по коридору – кладовка, слева в центре – кухня с двумя печами (голландка, круглая печь), справа – детская, слева – спальня родителей. Экспедиция обследовала разрушенные немецкие поселки, возникшие на территории области в начале XX века – Шункуркуль (Шункырколь), Мариновка.

Село Мариновка было основано в 1904 году выходцами из Херсонской губернии. Первоначальное звучание названия «Мариинское», село входило в состав Павловской волости.

Первые дома, построенные переселенцами, были из земляных пластов (землянки). Население, в основном принадлежало к католическому вероисповеданию. Расцвет поселка приходился на 1960–е годы, когда 100% населения составляли немцы. По свидетельству жителя села Неюбинки Эрета Я.М., количество дворов тогда составляло 260–270. На момент обследования 19 августа 2008 года отсутствовал указатель с названием села. Участники экспедиции насчитали 240 дворов, дома разрушены. Схема расположения улиц: две параллельные асфальтированные улицы, соединены между собой 5 переулками. Расстояние между улицами 460 – 490 шагов, что составляет около 400 – 500 м. Орнаменты на внутренних углах домов, которые можно было увидеть в 2003 году, уже не фиксируются. Для строительства домов использовался: саманный кирпич, шлакоблоки, кирпич, металлическая сетка. Для утепления – дерево, камыш, глина. Отопление – печи-голландки, круглые печи. Рядом с поселком находится фруктовый сад, на территории поселка посажены клены. Село Шункырколь было основано в начале XX века, входило в Денисовскую волость. Название селу дало озеро, находившееся поблизости. Схема расположения улиц аналогична той, что зафиксирована в Мариновке: две асфальтированные улицы, параллельные друг другу. Между улицами расстояние более 500 м. На каждой улице по 60 домов, дома разрушены. Общее количество дворов 100 – 120. Хозяйственные постройки (кухня, гараж, сарай) располагаются под одной крышей, напротив дома. В качестве основного строительного материала использованы саманные кирпичи и шлакоблоки. Можно предположить, что значительная часть домов была построена в 1920–30-е годы из саманного кирпича и затем перестроена. На одной улице зафиксированы 36 домов, внешние углы которых украшены рисунками. Используются зооморфные, растительные виды орнаментов. Сохранность рисунков удовлетворительная (Приложение 1).

В Шункыркуле, Мариновке, Нелюбинке использовалась традиционная схема планировки немецкого дома: в центре кухня, с одной стороны в стену встроена печь-голландка, с другой – круглая печь, справа и слева большие комнаты. При изучении домов были выявлены различные варианты подобной планировки, которые касаются дополнительных пристроек, но основная схема расположения комнат относительно кухни сохраняется.

На основе данных этнографических экспедиций 2003–2007 годов, фиксируется традиция украшения ворот в немецких домах Костанайской области изображениями голубей.

Приведенные данные недостаточны для каких-либо научных заключений, но, могут быть введены в научный оборот в качестве материала для сравнительного анализа этнических особенностей немцев, характерных для разных регионов. Результаты исследований, в определенной степени, отражают уровень этнической идентификации на данный момент в одной из областей Северного Казахстана.

1 См.: Исхаков Р.Р. Этническая идентичность в полиэтнической среде (деятельностный подход). Дисс. магистра социологии. Институт социологии РАН. Центр социологического образования. М., 2000.

К вопросу об этнической самоидентификации немецкого населения (по материалам социологического исследования Центрального Казахстана)

Человек является носителем целого набора идентичностей – культурной, профессиональной, политической, религиозной, этнической, территориальной и др.

Этническая идентичность – это разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и, в определенной степени, государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп. Вместе с тем, этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и оценка значимости членства в ней. Она дает человеку наиболее широкие возможности для самореализации.

Этническая идентичность в современных условиях неизбежно трансформируется под влиянием процессов модернизации. Предполагается, что модернизационные процессы ведут к нивелированию этнических и культурных различий путем разрушения культурной изоляции малочисленных народов. В то же время современный мир демонстрирует тот факт, что этническая идентичность характеризуется устойчивостью, и по-прежнему определяет поступки и поведение людей¹.

Объяснение этого противоречия является актуальной задачей для исследователей.

Данные нашего опроса были получены при помощи анкетирования. Респондентам было предложено ответить на 42 вопроса, заданных в закрытой или открытой форме. При разработке анкет мы опирались на опыт, имеющийся в проведении подобных исследований у казахстанских и российских исследователей². Корреляционный анализ данных исследования проводился с использованием коэффициента корреляции Пирсона (r), позволяющего определить наличие связи между переменными (показателями) и ее направление (уровень значимости – $p < 0,05$)³.

В соответствии с тем, что исследование носило постановочный характер, общий объем выборочной совокупности составил 156 человек. В экспериментальную группу вошли респонденты, идентифицировавшие себя как представители немецкой национальности.

В целом, результаты социологического исследования были разделены на следующие блоки:

- Вопросы социально-демографического характера;
- Характеристика этнонима и историческое самосознание представителей немецкого этноса в Казахстане;
- Социокультурные характеристики этнической идентичности;
- Лингвистические показатели этнической идентичности;

Вопросы социально-демографического блока включали такие характеристики респондентов как место проживания, возраст, пол, уровень образования. Полученный в ходе исследования социально-демографический материал характеризовал ряд особенностей опрошенных, и позволил более точно интерпретировать некоторые результаты исследования. Тем не менее влияние данных факторов на дифференциацию ответов по всему массиву не стоит переоценивать, так как в силу специфики объекта исследования они были распределены достаточно равномерно.

Исследование проводилось в начале 2008 г. по населенным пунктам Центрального Казахстана: г. Караганда (54,5%); г. Шахтинск (20,5%); г. Сарань (11,5%); пос. Актас (4,5%); г. Темиртау (3,2%) и др.

Исследование проводилось в тесном взаимодействии с Карагандинским общественным объединением «Немецкий центр «Wiedergeburt» и его региональными филиалами, в связи с этим, основную часть респондентов составили посетители этого центра и его филиалов, а так же студенчество высших учебных заведений региона. В связи с чем, около 57% опрошенных составили респонденты в возрасте до 21 года; 29,5% – в возрасте от 22 до 39 лет и 13,5% в возрасте от 40 лет и старше. Распределение респондентов по полу выглядело следующим образом: 70,5% составили женщины, 29,5% мужчины.

По уровню образования 32,7% респондентов имели неоконченное высшее образование, по 18,6% неоконченное среднее, среднее и высшее образование и среднеспециальное образование имели 10,9% респондентов.

Характеристики этнонима и историческое самосознание представителей немецкого этноса в Казахстане

Самоназвание (этноним) это важный элемент исторической памяти народа. Оно позволяет фиксировать различие между «мы» и «они». Этническое самосознание это осознание своей генетической связи с другими представителями этой группы. Следует отметить, что здесь имеется в виду не столько действительная генетическая связь, сколько представление о ней⁴. Соответственно, респондентам было предложено идентифицировать немцев, проживающих в Казахстане как представителей группы, имеющей общее этносоциальное название.

57,7% опрошенных идентифицировали свою этническую группу как «казахстанские немцы», исходя не только из географического положения, но и наличия специфических культурных характеристик, сложившихся в процессе проживания

в Казахстане (полилингвизм, толерантность). Более четверти респондентов (25,6%) считают себя «советскими немцами», так как их предки были насильственно переселены в Казахстан в советский период.

Менее популярен такой этноним как «немцы» («немецкие немцы», «просто немцы», «Volksdeutsche») – 8,3% ответивших. В качестве обоснования приводится следующий довод: «Немцы, потому что не важно, где проживает человек, важно кто он по национальности». «Российскими немцами» себя считают также 8,3% респондентов. По их мнению, немцы в течение нескольких столетий проживали на территории России, где выработали ряд специфических культурных черт и лишь в XX веке были депортированы в Казахстан.

В качестве основных факторов, обеспечивающих внутригрупповую интеграцию немцев в Казахстане, респонденты указали «общую историческую судьбу» (65,4%), «этническую культуру» (64,1%), «знание немецкого языка» (48,7%), «религиозную общность» (23,1%), «финансовую поддержку Германии» (12,8%). Вместе с тем, 10,3% опрошенных считают, что немцы, проживающие в Казахстане, не представляют целостной этнокультурной общности.

При этом историю немецкого населения в Казахстане, по собственному признанию, на достаточном уровне знают лишь 26,9% опрошенных, 60,3% – имеют лишь отрывочные сведения, не владеют информацией по данному вопросу – 12,8% респондентов.

Желание привить своим детям культурные традиции, знание истории своего народа и навыки общения на немецком языке испытывают 81,4% опрошенных. По их мнению, «дети должны знать язык, историю и культурные традиции своего народа» (67,7%), кроме того, «немецкий язык необходим для проживания в Германии» (18,8%). Имеют место и иные мнения – «это должен решить сам ребенок» (8,3%), «изучение немецкого языка и культуры не требуется для проживания в Казахстане» (5,2%).

Социокультурные характеристики этнической идентичности. Содержание этнической идентичности составляют различные этносоциальные представления, разделяемые в той или иной степени представителями определенной этнической группы. Эти представления формируются в процессе внутрикультурной и межэтнической коммуникаций. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения и государственности.

Центральное место среди этносоциальных представлений занимают образы собственной и других этнических групп. Совокупность этих знаний связывает членов данной этнической группы и служит основой ее отличия от других этнических групп, обеспечивая интеграцию представителей этноса.

В этой связи опрошенным было предложено указать свою национальную принадлежность (на основе самоидентификации). В результате было установлено, что все респонденты, вошедшие в экспериментальную группу, считают себя предста-

вителями немецкого этноса. При этом этническая принадлежность в большинстве случаев (82,7%) осуществляется по национальности одного из родителей – отца (64,7%), матери (16,7%) или более отдаленных родственников (1,3%), так как только 17,3% респондентов происходят из мононациональных семей.

Большинство опрошенных немцев ощутили свою этническую принадлежность достаточно рано – в детском (32,7%), подростковом (21,8%) или юношеском (21,2%) возрасте, тогда как в более поздний период – только 5,1%. Вместе с тем, 15,4% – затруднились с ответом, а 3,8% – не имеют чувства этнической принадлежности.

Однако этническая идентичность представляет собой не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и оценку значимости членства в ней. Для 59,0% опрошенных немцев этническая принадлежность имеет безусловную важность и оказывает влияние на многие сферы их жизни – культурную (52,6%), семейную (46,2%), религиозную (28,2%), профессиональную (21,2%), политическую (5,8%) или же «на все вместе» (5,8%). При этом 19,2% опрошенных в данной группе, считают, что принадлежность к немецкому этносу не влияет на их повседневную деятельность.

Этническая идентичность формирует также построение системы отношений и действий в различных межэтнических контактах. С ее помощью человек определяет свое место в многонациональном обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы, разделяет другие народы на «похожих» и «непохожих» на свой этнос. В итоге выявляется и осознается уникальность и неповторимость своего этноса, его культуры. Учитывая это, респондентам было предложено указать национальности, которые они определяют как наиболее близкие к немцам по культуре и быту. 34,0% – выделили представителей немецкоязычных стран (австрийцев, швейцарцев) и германоязычных народов (в первую очередь англичан, шведов и голландцев). Из этносов, проживающих на территории Казахстана, наиболее близки в культурном плане, по мнению респондентов, поляки – 9,6% и русские – 8,3%. При этом следует отметить, что 45,5% опрошенных не выразили своего мнения, оставив данный вопрос без ответа.

Согласно данным опроса, представители немецкого этноса в Казахстане обладают развитыми ценностями толерантного отношения к другим национальным группам. Это косвенно подтверждается ответами респондентов на вопрос о национальности их друзей. Так, в 49,4% случаев – это русские, в 15,4% – казахи, в 3,4% – украинцы, в 2,8% – корейцы, в 2,4% – татары; представители своего этноса (немцы) указаны только в 16,7% случаев. Кроме того, 52,6% опрошенных выразили положительное отношение к межнациональным бракам, 42,3% – нейтральное и только 4,5% – отрицательное. При этом 75,6% – считают, что сохранение и передача детям культурных традиций вполне возможна в семьях, где отец и мать имеют разные национальности. В качестве положительной аргументации указывается следующее:

– «родители совместно передают традиции своих народов детям» – 66,3%;

- «положительный опыт собственной полиэтничной семьи» – 14,7%;
- «толерантность родителей по отношению к культурным нормам друг друга» – 12,6%.

В качестве отрицательного обоснования – «культурные и религиозные различия родителей, которые способствуют возникновению конфликтов в семье» – 6,3%.

При этом отношение к собственной этнической группе со стороны других национальностей, проживающих в Казахстане, оценивается респондентами весьма положительно: 23,1% – очень хорошее; 33,3% – хорошее; 41,0% – нормальное; 0,6 – плохое (затруднились с ответом – 1,9%).

Религиозная (конфессиональная) принадлежность традиционно определяется в качестве существенно важной составляющей этнической идентичности. Тем не менее в современном обществе ее значимость в качестве фактора национальной идентификации постепенно размывается, что подтверждается и данными настоящего исследования. Так, к «традиционно немецким» вероисповеданиям – католическому и лютеранскому принадлежат соответственно 21,8% и 7,1% опрошенных, тогда как 48,7% – считают себя православными, 4,5% – просто христианами, а 16,7% – атеистами. Представители других конфессий (ислама и язычества) составили 1,3% опрошенных. При этом следование религиозным обычаям, например, регулярное посещение храма, характерно только для представителей католического вероисповедания (таковых оказалось 44,1% от общей численности данной группы респондентов). Для остальных опрошенных большинство праздников уже потеряло свое первоначальное религиозное значение, превратившись в дополнительный фактор этнокультурной идентификации. В первую очередь это относится к «немецким» Рождеству (Weinacht) и Пасхе (Ostern), которые в своем большинстве отмечают не только православные немцы, но и атеисты, а также Дню Св. Николая (Nikolaustag) и Дню Св. Валентина (Walentinstag). Также большинство опрошенных старается сохранять немецкие кулинарные традиции (46,1%), передавать своим детям традиционные немецкие песни (15,4%).

Лингвистические показатели этнической идентичности. Язык является одним из важнейших этноконсолидирующих признаков идентичности. Тем не менее по мнению некоторых авторов, «70-летняя советская история создала специфический феномен в области соотношения языка и этнической идентичности, а именно: язык должен считаться не облигаторным, а скорее, факультативным компонентом структуры этнической идентичности» /7/. То есть из основного фактора этнокультурной идентификации он превратился в дополнительный, когда отождествление с определенным этносом может быть осуществлено на практике без знания соответствующего языка.

Согласно результатам анкетирования, почти три четверти (73,7%) опрошенных немцев считают родным языком русский, а не немецкий (25,0%). В домашнем общении русский язык используется в 96,2% случаев, тогда как немецкий – только

в 2,6%. Также установлено, что 34,6% опрошенных читают периодические издания на немецком языке. Следует отметить, что уровень знания немецкого языка оказывается существенно выше его востребованности в повседневном взаимодействии.

При этом разговор немцев на русском языке является для респондентов привычным явлением и не вызывает у большинства из них (62,2%) особых эмоций, 19,2% – испытывают уважение к говорящим, 5,8% – чувство горечи. Разговор же на немецком языке формирует у опрошенных более сложные чувства: уважение (32,7%), восхищение (16,0%) и даже зависть (7,1%), ничего не испытывают при этом – 33,3% опрошенных.

Оценка положения и перспектив немецкого этноса в Казахстане. Этническая идентичность непосредственным образом связана с социальным самочувствием этноса, самооценкой его представителей перспектив своего проживания в определенном регионе, условий для этнокультурного развития.

Респонденты осторожны в своих оценках по данному показателю. Безусловно верят в возможность сохранения и развития самобытности немцев в Казахстане менее четверти опрошенных – 22,4%. 36,5% – считают это возможным лишь при поддержке правительства Германии, а 14,7% – Казахстана. Пессимистично смотрят на данную проблему – 11,5%. Затруднились с ответом – 14,7%. При этом только 33,3% – считают, что в районе их проживания принимаются действенные меры по удовлетворению культурных потребностей немецкого населения. Соответственно, условиями для национального культурного отдыха в своем населенном пункте довольно еще меньшее количество опрошенных – 23,1%, причем конкретные предложения по совершенствованию этого направления смогли указать лишь 21,2% респондентов. В качестве таковых ими было предложено:

- «проводить культурно-массовые мероприятия в дни немецких праздников» – 30,3%;
- «открыть немецкие национальные культурные центры в городах-спутниках» – 18,2%;
- «активизировать работу имеющихся культурных центров» – 18,2%;
- «организовать больше семинаров и летних лагерей в Германии за счет не только германского, но и казахстанского правительства» – 15,1%.

Вместе с тем были зафиксированы и пессимистические оценки: «немцев в Казахстане уже практически не осталось, делать что-то уже незачем и не для кого» (12,2%), «немцы и не имеют права высказывать свои требования в Казахстане» (6,0%).

Основную поддержку культурной работы среди немецкого населения респонденты ожидают от немецких культурных центров (82,7%), зарубежных немецких организаций (40,4%), государственных структур Республики Казахстан (31,4%). Сами участвуют в деятельности немецких организаций (практически во всех случаях – это немецкий национальный культурный центр «Wiedergeburt») 37,2%

опрошенных, причем это, в первую очередь, люди, верящие в сохранение культурной самобытности немцев в Казахстане ($r = 0,20$, при $p < 0,05$).

На сегодняшний день одной из острых проблем, грозящей поставить под сомнение само существование немецкого этноса в Казахстане, является эмиграция немцев из республики. Большинство респондентов, принявших участие в опросе (56,4%) положительно относятся к выезду немцев из Казахстана (38,5% – нейтрально и 5,1% – отрицательно). Более того, только 11,5%, в основном, люди старшего поколения, твердо намерены связать свою судьбу с Казахстаном. 36,5% – уже сейчас планируют выехать из республики в другую страну на постоянное место жительства (главным образом, с целью воссоединения с родственниками, проживающими на исторической родине), 25,6% – при возникновении экстренных обстоятельств социально-экономического или политического характера, усиления дискриминационных тенденций в казахстанской языковой политике. Затруднились с ответом – 26,3% респондентов. При этом большинство немцев (85,3%), впрочем, как и представителей других этнических групп (72,7%), при наличии возможности выбора между Германией и Россией, предпочли бы выехать в Германию. Преобладающей мотивацией для немцев здесь является «этническая и духовная близость к Германии» (44,2%) и «наличие родственников, проживающих в данной стране» (42,3%). Желаящие выехать в Россию (14,7%) объясняют свой выбор незнанием немецкого языка и ментальной близостью к российскому обществу.

По приведенным выше результатам настоящего исследования, полученным в ходе анкетного опроса и обработки его данных, можно сделать следующие выводы:

В качестве самоназвания немецкого этноса, проживающего на территории Казахстана наиболее популярны этнонимы «казахстанские немцы» и «советские немцы», что определяется географическим положением и общностью исторической судьбы.

Знание истории немецкого этноса в Казахстане находится на недостаточном уровне у большинства его представителей, что негативно сказывается на формировании этнически ориентированного мировоззрения.

Немцы, проживающие в Казахстане, обладают развитыми ценностями толерантного отношения к представителям других этносов, что подтверждается значительным количеством межнациональных браков и дружеских привязанностей.

Неудовлетворительный уровень владения немецким языком более трети опрошенных немцев, объясняется ими же самими тем, что их родной язык оказывается слабо востребованным в повседневной практике общения.

Большинство опрошенных не удовлетворено возможностями для социально-экономического и этнокультурного развития, имеющимися в Казахстане, и ориентировано на эмиграцию в ближайшей или отдаленной перспективе. В качестве наиболее привлекательного места постоянного проживания большинством респондентов избирается Германия, которая рассматривается одними как истори-

ческая родина, другими как страна с высоким уровнем жизни и значительными социальными гарантиями.

На сегодняшний день «немцев» делает «немцами» во многом, не столько этнический фон и не определение извне. Наиболее значимым внешним маркером «немецкости» остается фамилия. Процесс конструирования этнической идентичности сегодня для многих приобретает форму «добровольной стигматизации», как добровольное взятие на себя роли – роли немца, и презентация себя в этой роли⁵.

В то же время мы можем говорить о том, что утерянная предыдущими поколениями этническая идентичность ныне актуализируется, ложится в основу построения жизненных стратегий. На разделенной «исторической памяти» возводится новый конструкт этничности. Мы разделяем утверждение о том, «что «немцы» становятся немцами, легитимируют свою «немецкость» войдя в круг «своих». Роль «немца» воспроизводится только там, где она уместна, там, где есть он член группы, чьи образцы поведения он разделяет, где коды и символы понятны и значимы лишь для членов группы. Возникают солидарности, основанные на этничности, формируются социальные сети, формируются этнические коды и конструируются границы группы. На основе таких сетей и образуется немецкая община города»⁶.

¹ См.: Хилханов Д. Л. Этническая идентичность: роль хозяйственно-экономических и культурно-языковых факторов. Автореферат дисс. ... докт. социологич. наук. Улан-Удэ, 2007.

² См.: Курске В.С. Теоретико-методологический раздел программы конкретных социологических исследований. Социологическое агентство «КВОТА»; Социологическое исследование различных сфер жизнедеятельности немцев РК. Ассоциация Общественных объединений немцев Казахстана.

³ См.: Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. М., 1976. с.103-122; Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2001. С.113-142; Общая теория статистики / А.Я. Боярский, Л.Л. Викторова, А.М. Гольдберг и др.; Под ред. А.М. Гольдберга, В.С. Козлова. М., 1985. С. 195–265.

⁴ См.: Культура и этнос. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / Сост. Л.В. Щеглова, Н. Б. Шипулина, Н. Р. Суродина. Волгоград: Перемена, 2002. С. 23.

⁵ См.: Бредникова О. «Вообще-то я русский... Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я чувствую, что я все-таки немец...» // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. Центр независимых социологических исследований. Санкт-Петербург, 1998. С. 102–103.

⁶ Там же. С. 104, 110.

Д. Иноятова (Ташкент)

Немецкие школы в Узбекистане (конец XIX в. – 1930-е гг.)

Мы обратились к данной теме не случайно. Ее актуальность определяется несколькими моментами: во-первых, конечно же, малоизученностью, во-вторых, местом образования в формировании менталитета и народа в целом, в-третьих, хотелось проследить специфику состояния немецких школ в нашем регионе. По данной проблеме в Узбекистане нет ни одного фундаментального исследования. В общих чертах этот вопрос рассматривается в статье А.М.Матвеева¹. Заслуживает особого внимания монография Вильгельма Кале, посвященная столетию Евангелическо-лютеранской церкви в Ташкенте². Этот труд ценен тем, что в нем впервые публикуются отчеты об истории общины и церковного прихода, которые местным исследователям недоступны. Однако наш вопрос не стоит в центре внимания его исследования, ему посвящены лишь некоторые аспекты, и то, касающиеся только лютеранского школьного образования.

За рубежом, в частности в России, вопрос школьного образования немцев изучен более досконально – это монографии В. Кригера, В.Г. Чеботаревой, И.В. Черказьяновой³. Однако в них о немецких школах в Узбекистане сказано весьма бегло. Монографию И.В. Черказьяновой мы использовали как научно-методическое пособие в изучении школьного вопроса.

При подготовке данной статьи нами использованы так же документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз), в частности, отчеты руководителя Немецкого ЦБ И.Немеца и секретаря немсекции Ленского, которые раскрывают состояние немецких школ в 20-е годы XX века, их борьбу с коммунистами за отстаивание национального характера школы. Многие документы использованы впервые.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период: по мере образования немецкой диаспоры в Узбекистане (2-я половина XIX века) и до конца 30-х годов XX века.

После завоевания территории Туркестана царской Россией и проведения там ею переселенческой политики, в Туркестан двинулась огромная волна европейского населения. И поэтому, уже в начале 60-х годов XIX в. встает вопрос о школьном образовании детей переселенцев. Серьезное внимание делу школьного образования уделял первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман. Весомый вклад в развитие образование внесли А.Л. Кун, Н.П. Остроумов⁴.

По инициативе тогдашней небольшой русской общины и при содействии воеводного губернатора Дмитрия Ильича Романовского, с помощью частных пожертвований, в 1866 г. была открыта первая русская школа в Ташкенте для совместного обучения мальчиков и девочек. Постепенно по месту компактного проживания национальных меньшинств открываются школы на их языке. Так, в 1873 г. была открыта первая татарская школа при мечети на Воскресенском базаре. С 1895 г. преподавание в ней велось по новому методу. В 1882 г. была открыта частная еврейская школа, в которой обучались исключительно дети русских евреев. В 1884 г. в туземной части города открывается первая русско-туземная школа для обучения детей туземцев русской грамоте, письму и первым четырем правилам арифметики. В школе кроме древнееврейского, преподавался и русский язык⁵.

Первые немецкие школы в Туркестанском крае открывались в сложнейших условиях переселения. В этот период их школы подразделялись на лютеранские и меннонитские, т.е. тип школы зависел от религиозной принадлежности. Немецкая этническая группа не представляла собой фактически единой общности ни в религиозном отношении, ни по происхождению или роду занятий. Это были многочисленные военные и чиновники, служащие царских учреждений, учителя и другие представители интеллигенции, медицинские работники, владельцы лавок, магазинов, аптек, предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов, приказчики, торговцы, крупные купцы и предприниматели, крестьяне. Среди них были лютеране, меннониты, реформаторы, позднее – адвентисты и баптисты, в незначительном количестве католики и православные. Лютеране, католики, православные жили в основном в городах, остальные в сельской местности, только в колонии Орлове жили смешанно лютеране и меннониты. Между городским и сельским населением практически отсутствовали какие-либо контакты. Однако общее у немецкого этноса было их серьезное отношение к религии и к получению образования, поэтому они почти все стремились дать своим детям хорошее образование. А так как в системе образования школа имела первостепенное значение немцы в местах более или менее компактного проживания стремились создать школы на родном языке.

Лютеранские школы. Лютеранские школы раньше чем в городах появились в селениях Крестово (Закаспийская область), Константиновке (Ташкентский уезд), Орлове (Аулиеатинский уезд). По данным 1905 года в этих селениях обучалось: в Константиновке 80 школьников (в 1912 г. – 137 детей), в Орлове – 50 и Крестово – 70 учеников. Первая школа среди вышеназванных поселений возникла в Крестово, находящейся в Тедженском уезде. Община указывала на это с определенной гордостью. К тому же говорится, что попечение генерала Куропаткина помогло оборудовать школу и пригласить евангелического учителя. Считалось, что это была первая евангелическая школа в Средней Азии⁶. Хотя, ожидалось, что именно Ташкент со своим немецким населением положит начало созданию школ. Но так не произошло, лютеранской общине Ташкента потребовалось несколько

десятков лет и немалых усилий, что бы открыть школу. На протяжении десятилетий было недостаточно детей, чтобы создать школу такого типа, которая довела бы учеников до экзамена на аттестат зрелости. С другой стороны, община понимала, чтобы сохранить образовательный уровень национального меньшинства, необходимо, как можно скорее, дать детям хорошее образование. На эту мысль их еще больше подталкивало развитие школьного дела у русского большинства, подъем которого произошел в 1900 г. Темп развития русскоязычной школьной системы был иным. У них работа велась уже с 1860 года⁷. А немцы, наоборот, после основания своей общины, которая официально была утверждена 12 января 1885 г.⁸, и в этом смысле намного отстали. В конечном итоге, эти размышления привели к тому, что в 1902 г. общиной была сделана очередная попытка, которая оказалась более успешной, чем прежние. Хотя действия по созданию школы в Ташкенте столкнулись с теми же административными трудностями, что и в селениях: ожидание обязательного разрешения со стороны руководства и хлопоты о подходящем помещении. Общине необходимо было собрать средства для строительства здания школы, которое обеспечивало бы проведение занятий. Временная мера работать в зале заседаний пастора – не должна была затягиваться на долго. Принимая во внимание необходимость скорейшего начала учебного процесса, школа была открыта в 1902 г. при Евангелическо-лютеранской церкви, хотя разрешение на ее открытие последовало только в 1904 г. Первоначально школа размещалась в квартире пастора, который был и преподавателем. В 1906 г. приглашена преподавательница. Совет лютеранской общины стал больше уделять внимание школе. Был создан специальный комитет, который занимался школьными вопросами: по мере поступления средств он увеличивал школьный инвентарь. С его заботой о школе связана настоятельная просьба по отношению к общине, помочь школе в большем процветании. Поэтому совет общины указывает на сложившееся положение: «в данный момент у нас три группы учеников, которые одновременно обучаются в одном помещении – в зале заседаний пастората – с одной единственной учительницей. Мы просим не забывать, что хорошая школа является и превосходным питомником евангелических христиан»⁹. В связи с этими просьбами на работу в школу были приняты две помощницы, одна из которой преподавала русский язык. В школе обучалось 40-45 детей обоего пола. Лютеранское общество давало на содержание школы до 1500 рублей в год. Затем школу переместили в здание при Евангелическо-лютеранской церкви. Это причиняло прихожанам и пастору определенные неудобства. Принимая во внимание необходимость скорейшего начала строительства здания школы, община активизировала свою деятельность в этой сфере. Большую роль в изыскании средств на постройку отдельного здания школы сыграло Ташкентское евангелистско-лютеранское дамское благотворительное общество. 1 октября 1909 г. состоялось открытие нового здания школы, состоящего из двух комнат для занятий, зала заседаний и двухкомнатной квартиры для преподавателя. Общие затраты составили 6556

рублей, из которых 3832 предоставило дамское благотворительное общество. В 1910 г. школа была причислена к III разряду частных школ. В отчетных докладах церковной приходской общины отмечалось, что чистота и порядок в школе были образцовые. В школе наблюдается прогресс. Число учащихся возросло до 67, с которыми занимались учительница и две ее помощницы. Занятия велись по программе начальных церковно-приходских училищ прибалтийских провинций. Находясь рядом с кирхой, она была своеобразным культурным центром. Она имела достаточно вместительный зал и сцену. По воскресеньям утром немцы-лютеране шли на службу, а вечером, если это было зимнее время, собирались в школе, где ставились спектакли, устраивались концерты, и проводились праздники¹⁰.

Среди немцев Ташкента школа становится все более известной и популярной. Она считалась единственной городской немецкой школой в Туркестане. Даже из отдаленных территорий Туркестана родители записывали сюда своих детей¹¹.

Отмечая, бесспорно, положительные стороны в создании такого типа школ для немецкого меньшинства, отметим, что она все же являлась только вводной, основополагающей частью неполной системы образования. Ввиду количества детей в церковном приходе нельзя было рассчитывать на другие возможности, а именно, на общеобразовательные немецкие школы. Русский язык на третьем, последнем году обучения открывал переход в русскоязычную школу, это давало возможность получения дальнейшего образования. Поэтому, кто хотел получить среднее образование, тот был вынужден посещать русскую среднюю школу или отправляться к родственникам в балтийские провинции. В больших городах, таких как Москва, Санкт-Петербург, Одесса тоже существовали немецкие общеобразовательные школы. Но это была дополнительная нагрузка родителям в материальном положении, да и приходилось совершенно еще маленьких детей отрывать от семьи.

Меннонитские школы. Другую часть немецкого населения составляли крестьяне-переселенцы из немецких колоний юга России и Поволжья, основавшие отдельные сельские поселения и занимавшиеся земледелием и скотоводством. По религиозному убеждению они были в большинстве меннонитами, но среди них были, хотя и не так много баптистов, субботников.

Переселившиеся в Туркестан в начале 80-х гг. XIX века немцы – меннониты проживали большей частью на территории Сырдарьинской области Аулиеатинского уезда, образовав 4 колонии: Николайполь, Гнаденталь, Гнаденфельд и Кеппенталь, под общим названием Николайполь. В 1893 г. название трех поселков были заменены русскими – Гнаденфельд – Владимировское (впоследствии Владимировка), Кеппенталь – Романовское (Романовка), Гнаденталь – Андреевское¹². Небольшая часть меннонитов была поселена вместе с переселенцами из лютеран в селе Орловка. Отметим, что меннонитская община «Ак-Мечеть» существовала в Хивинском ханстве, находящаяся под протекторатом России.

Меннониты в значительной мере сохранили свое национальное своеобразие, немецкий язык и бытовую культуру, по сравнению с городскими немцами. В их общине вопросы вероисповедательного характера были традиционно тесно связаны со школьным делом. У них «потребность школьного обучения являлось прямым последствием конфессионализма», так как умение читать Библию, знать догматы вероисповедания являлось основной предпосылкой становления полноправным членом общины. Поэтому, чтобы дать своим детям начальное образование, переселенцы в сложнейших условиях переселения, одновременно с жилыми домами, усилиями общины строили здание школы на собственные средства. Почти в каждом меннонитском селении, аналогично лютеранским был молитвенный дом, библиотека и хорошо оборудованная школа. Так, в Сырдарьинской области Аулиеатинского уезда в 1917 г. в селе Николайполь в школе обучалось 39 человек, в селе Орловское – 88 учеников, в селе Владимировке – 28, в селе Гогендорф – 11, в селе Андреевка – 25 и т.д. На территории Хивинского ханства в меннонитском поселке Ак-Мечеть тоже имелась школа, в которой в начале XX века обучалось 15 детей. Здание школы было построено прочно, комнаты расположены удобно. Здесь же помещение и для учителя. Известно, что Яков Тевс приходской учитель, из Хивы в 1884 г. отправился в Америку. Возможно, он являлся первым педагогом акмечетской школы. После его отъезда в общине была постоянная проблема с учителем. До войны немцы долго и тщетно хлопотали о том, чтобы им разрешили выписать настоящего школьного учителя прямо из Германии, но они его не получили.

В этих школах изучались основы меннонитской религии, немецкий язык. Важной фигурой при организации сельской школы был – учитель – наиболее грамотный уважаемый член общины. Сельский учитель в селении фактически был духовным проповедником, вел воскресную службу и совмещал с ней педагогическую деятельность. Разумеется, он давал детям уроки Закона Божьего, основы лютеранского (меннонитского, католического) вероучения и нередко играл среди сельчан роль духовного авторитета. На первых порах поселенцы не имели средств приглашать квалифицированных педагогов. Поэтому первыми учителями становились наиболее грамотные односельчане. В Романовке – Г.Коппер, В.Пеннер, в Николайполе – Г.Янцен, Андреевке – П.Валл, во Владимировке – И.Реймер¹³, в Ак-Мечети Яков Тевс.

Школы первых лет существования можно назвать школами чтения, так как главной задачей такого учителя было научить детей читать и толковать Библию.

В селах Романовка и Владимировка школы были объявлены приходскими училищами. Из учебных дисциплин в младших группах изучались немецкий язык как родной. Обучение по всем предметам велось на немецком языке.

Меннониты более целенаправленно решали кадровую проблему, путем приглашения учителей из материнских колоний или через отправку юношей в центральные школы для получения соответствующего образования. Приглашение

учителей было временным способом решения проблемы, по окончании срока службы он мог вернуться на родину.

В связи с этим меннонитами был возбужден вопрос и предпринята попытка организовать собственную школу по подготовке учителей начальных классов.

Меннониты избегали помощи государства и поэтому их автономность, позволяла им в большей степени, чем лютеранам или католиком сохранять немецкий язык и культурные традиции.

О грамотности немецкого населения. Как отмечал, А.М. Матвеев, обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в начале XX века из-за недостатка мест в школе не все родители русских детей в городах могли устроить своих детей в начальные, профессиональные, средние или другие городские школы. Зато родители почти всех немецких детей, несмотря на трудности, добивались устройства своих детей в школы. Во всяком случае в среднем у немцев в городах и в сельской местности была самая высокая грамотность по сравнению со всеми остальными европейцами, включая и русских¹⁴.

В своих исследованиях В. Кригер отмечает высокую грамотность немецкого населения в Туркестане. Грамотность немецкого населения им была вычислена по переписи населения 1897 г. Так, он отмечает, что в Закаспийской области общий уровень грамотности всего составил 7,2%, а у немецкого 63,3%. У сельского населения показатели были соответственно ниже: 2,6% и 59,5%. В Тедженском уезде, где подавляющее большинство немецкого населения проживало в пос. Крестовом, насчитывалось 193 грамотных немца, из которых 143 человека были грамотны по-русски. Аналогичная ситуация складывалась в Сырдарьинской области. Здесь наибольшей грамотностью отличались протестанты, большинство из которых немецкого происхождения. Примечательно, что если у них практически не было разницы между мужчинами и женщинами в уровне грамотности, то у других народов наблюдались сильные различия. Например, если у немцев 70,4% мужчин и 67,4% женщин владели грамотою, у русских эти показатели составляли 59,2% и 34,3% соответственно, у евреев – 55,0 и 23,4%, у узбеков – 4,2 и 0,3%, у казахов – 2,4 и 0,1%, и так далее. Немецкого аграрного населения насчитывалось в области 1196 человек, в том числе 540 грамотных по-русски и 262 – на других языках (видимо, на немецком). Некоторые чиновники не признавали полноценным образование, полученное в национальной школе. Из справки о положении колонистов села Степного: «Грамотность же в селении невысока – хорошо грамотных всего имеется более 25%, большая же часть или малограмотны, или же грамотны только по-немецки. Совершенно неграмотных насчитывается до 10%»¹⁵.

Ценились агротехнические и сельскохозяйственные знания, умение вести племное хозяйство, физическая сила, практические навыки, владение определенным ремеслом и материальный достаток. Большим спросом пользовалась религиозная и научно-популярная литература. Так, до 1917 г. в селе Романовка работала библиотека, книжный фонд которой составлял 1500 книг на немецком языке.

Советский период. Такое положение в немецких школах было до 1917 года. С приходом большевиков к власти сразу же определилась и линия на методическое искоренение прежней системы образования и закладки новой структуры. Так, в короткий срок были ликвидированы прежние органы управления народного образования, развернулось преследование конфессиональных школ. Для обеспечения этой важной для коммунистического руководства задачи в 1917–1918 гг. СНК РСФСР принял ряд декретов, нацеленных на решительное устранение, «вмешательства» церкви в дела школы. Во всех государственных, общественных и частных заведениях было запрещено преподавание религиозных дисциплин.

На территории же Узбекистана заметно усилилось наступление на систему конфессионального образования и на религию в целом во второй половине 1920-х годов. В то время перед Узбекской ССР союзное руководство поставило конкретную задачу – с одной стороны, укрепить советскую школу, а с другой – принять комплекс мер по сокращению традиционных мактабов и конфессиональных школ.

Школы национальных меньшинств объявлялись государственными, на них распространялось действие «Положение о единой трудовой школе»¹⁶.

Для судеб немецкой школы важнейшее значение имел декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» («Об отделении церкви от государства и школы от церкви»). Его принятию предшествовали другие меры по приданию школе светского характера: дело воспитания и образования было передано из духовного ведомства в ведение НКП, с 1 января 1918 г. упраздняясь должность законоучителя. В статье 9 декрета говорилось об отделении школы от церкви. В соответствии с этим не допускалось изучение религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные дисциплины. Гражданам разрешалось учить и обучаться религии частным образом. Опубликованием этого документа была продекларирована одна из основных линий государственной школьной политики: начиналась решительная борьба за светскую школу, за искоренение в школах любого проявления религиозности.

В связи с этим традиционные устои немцев в деле образования пришли в острое противоречие с теорией и практикой советского строительства, так как исторически религия занимала особое место в жизни немцев. Население было сплошь религиозно, особенно ярко это проявлялось у меннонитов, баптистов.

Создание государственных трудовых школ в немецких колониях Ташкентского и Аулиеатинского уездов проходило в более сложной обстановке нежели школ других национальных меньшинств.

Меннонитам, чужды были коммунистическая идеология и светский образ жизни, и поэтому они отказывались пускать своих детей в трудовые школы. От субсидий из государственного бюджета они принципиально отказывались и продолжали содержать школы на средства колонии. Воспитание детей велось ис-

ключительно старыми методами, меннониты категорически отказывались вести учебные занятия по советским учебникам. Решительно отвергалось и какое-либо вмешательство в учебный процесс районного отдела народного образования. Закон Божий преподавался 6 раз в неделю. Обучение велось на родном языке. Учителя с согласия родителей наказывали учеников ремнем, рукой и линейкой. Такая обстановка продолжалась до конца 1920-х годов.

С октября месяца 1920 г. согласно распоряжению ЦК РКП(б) среди немецкого населения Туркеспублики началась так называемая «культурно-просветительная работа». До этого времени немсекция вела свою работу исключительно среди бывших военнопленных. Согласно постановлению ЦБ немецких секций, при Наркомпросе Туркеспублики, Туркестанском политпросвете, при уездных исполкомах в городах были созданы немецкие подотделы, призванные заниматься школьным строительством и культурой. В Аулиеатинский и Байрамалийский (Закаспийская область) уезды были отправлены учителя, которым было поручено организовать при Аулиеатинском отделе народного образования немецкий подотдел.

В Аулиеатинском уезде местная комячейка образовала школьный волостной совет, который следил за ходом обучения, за снабжением школ необходимыми средствами. По инициативе немецких секций в г. Аулие-Ате проведено совещание учителей уезда для разработки единого учебного плана на основе Положения о единой трудовой школе. Представитель Центрального бюро при Наркомпросе Туркеспублики взял на учет все библиотеки, в которых хранилась немецкая литература, и организовал передачу части их фонда (2 тысячи томов) в распоряжение Немецкого клуба в Ташкенте; 400 томов отправили для создания уездной немецкой библиотеки в г. Аулие-Ата.

Из отчетов заведующего Центральным Немецким бюро Иосифа Немеца Со-внацмену НКП мы видим следующую картину: Самый важный и затруднительный момент в работе Немсекции, это был летний период 1921 года, когда колонии получили предписание Аулиеатинского отдела народного образования об открытии трудовой школы. Родители не пустили детей на занятия. Комячейка заподозрила учителей-меннонитов в подстрекательстве против трудовой школы и Советской власти. Последовал вызов девяти проповедников меннонитских школ в Ташкент. В Наркомпросе они узнали, что их обвиняют в агитации против Советской власти и трудовой школы. Наркомпрос принимает решение: разбить «контрреволюционную группировку». Учитель Отто Отт был возвращен в родное село, Абрама Ведела и Франца Янца оставили работать в немецкой ташкентской школе, Яков Вибе был сослан в село Никольское под Ташкентом, а остальные пять учителей – Яков Янцен, Мартин Тильман, Иоганн Реймер, Петр Паульс и Герман Барч – как наиболее «злостные противники трудовой школы» отправлены в Москву. В письме, направленном в Менноцентр 30 октября 1921 г., «злоумышленники» просили принять все зависящие меры командировать их на старые места службы.

Подводя итог, проделанной работе за два года, в отчетном докладе ЦБ И. Немец указывает на то, что «...До начала работы со стороны немсекции все немецкие школы находились в самом критическом положении: никто не заботился о них, во многих школах преподавался тайным образом даже закон Божий и т.д. Серьезное внимание было также обращено на дошкольное и внешкольное воспитание. Культурно-просветительная работа в деревнях среди сектантского населения была самой затруднительной. В 1921 году в Туркесреспублике находилось всего 13 школ, 2 рабочих дома, 2 детских сада, 6 библиотек. В 1922 г. после ведения новой твердой школьной сети имеется: школ – 11 (2 потерянных!), рабочих домов – 1 (1 потерян!), детских садов нет совсем (2 потерянных!), библиотек – 5 (1 потеряна!). Кроме того, надо отметить, что во всех школах отмечается острая нужда в учебниках...»¹⁷. Из доклада И. Немеца, без комментариев ясно видна «особая забота» большевистской власти о «культурно-просветительной работе», которая привела к потере школ, рабочих домов, детских садов и даже библиотеки.

Обстановка, как считал И.Немец, немного «смягчилась» к началу 1922 г., с 10 января начались занятия в школах Аулиеатинского уезда. Но, борьба между меннонитами и коммунистами продолжалась еще долго. К примеру: в селе Николайполе «деревенские кулаки уничтожили клуб: сначала выбили все стекла, и сломали все двери, а потом постепенно разнесли все здание. По воскресеньям всей молодежи преподавался Закон Божий. Учительский персонал был в полной зависимости от деревенских кулаков т.к. Инспекция Наркомпроса до сих пор ни одну немецкую деревню не заставила подписать договора о содержании школы и учителей и т.д. Мною предприняты следующие меры: весь мною полученный материал передан в Сыроблнарком К.П.Т.¹⁸, чтобы он оказал давление на Аулиеатинский уезд, немедленно ликвидировал частные религиозные школы». В Ташкентском уезде «Местная инспекция до сих пор не заключила с сельскими исполкомами договор по поводу содержания школ и учительского состава, вследствие чего кулаки отказывают учительскому персоналу в выплате содержания, что, безусловно, резко отзывается на народном просвещении. О ходе работы немецких школ в Мервском уезде ЦБ уже более полутора лет никаких сведений не имеет, несмотря на неоднократные, категорические требования»¹⁹.

8 июля 1923 года Комиссия произвела обследование состояния учебно-воспитательной работы в школах немколоний Аулиеатинского уезда: сел Романовки, Николайполь, Андреевки, Владимировки, Хивинском, и приняла следующее заключение: «Несоответствие познания учащихся с программой единой семилетней школы обуславливается ненормальной учебной жизнью ряда предыдущих 2-х учебных годов, когда учебные занятия велись нерегулярно и бессистемно, а то и совсем прерывались вследствие высылки учащихся и распространением эпидемий. Физическому, эстетическому, трудовому и политическому воспитанию уделялось внимание недостаточно; клубных работ не проводилось, дневника школьного не велось, детских организаций не было и развитию детской самостоятельности вни-

мания не уделялось. В школьной библиотеки имеются книги на русском языке, на родном же (немецком) не имеются»²⁰.

Немецкая секция при Наркомнаце в информации о немецком населении Туркеспублики сообщала, что по подсчету 1922 года было 25 000 немцев. На школьный 1922/ 23 учебный год имелось 11 школ I-ой ступени, 1087 учеников и 26 учителей, 5 библиотек и 1 рабочий дом²¹. Библиотеки существовали в уезде Аулие-Аты – 4; в Ташкенте – 1; в уезде Ташкента – 1, в уезде Мерва – 1. Существовал всего 1 детский сад в уезде Аулие-Аты²². Во всех немецких школах наблюдалась острая нужда в немецких учебниках по всем предметам. Вся немецкая литература поступала из Москвы.

Из отчетов И.Немеца и заключений Комиссии мы видим, что положение в немецких школах не улучшалось, а находилось в еще более сложном положении и особенно у меннонитов. Лютеране по сравнению с меннонитами менее болезненно воспринимали новую идеологию, и поэтому, культурно-просветительная работа среди них шла вполне удовлетворительно. И даже среди всех немецких школ Туркеспублики школа г. Ташкента считалась самой образцовой. Учительский персонал являлся вполне квалифицированным. Там был открыт новый 6-й класс, до сих пор было только 5 классов, 2 из которых содержались за государственный счет, а остальные за счет самообеспечения, имелись клуб и кружковая работа²³. Хотя и здесь возникали свои проблемы, к примеру, связанные с незаконным занятием помещения частными лицами. В результате принятых мер, И.Немеца со стороны новой власти школе было предоставлено помещение²⁴. Другой пример: сокращение штатов и перевод почти всех школ нацменов на самообеспечение. И.Немец неоднократно ходатайствовал перед Совнацменом о сохранении штатов в немецкой школе, и более того, о переводе ее на особое обеспечение, так как это была единственная немецкая школа в г. Ташкенте, которую посещали, в том числе, и 76 учеников из голодающего Поволжья²⁵.

В 1925 г. происходит размежевание и на месте ТАССР образуется Узбекская ССР и другие республики. Часть территории, на которой проживали Аулиеатинские меннониты переходит в состав Киргизской АССР²⁶, а село Константиновка – оказывается на территории Казахской АССР. На территории Узбекской ССР до 27 апреля 1935 г. находилась только община Ак-Мечетских меннонитов. Исследование социально-экономического состояния Ак-Мечетских меннонитов представителями НКВД в 1925 году, а затем в 1934 г. показывает, что состояние общины совершенно не изменилось, оно абсолютно не подверглось советизации, в том числе и школа.

В 1938 г. в СССР, в рамках «борьбы с буржуазным национализмом», произошла ликвидация национальных школ нетитульных народов. по указанию центральных органов советской власти в немецких школах, в том числе в Ленинпольской средней школе было введено обучение на русском языке с обязательным изучением кыргызского и немецкого языков²⁷.

Подводя итог, укажем, что в данной статье мы проследили специфику состояния немецких школ в нашем регионе с момента их образования и до 30-х годов прошлого века. Необходимость обучения детей у немцев была продиктована самой логикой протестантизма, поэтому появление школы было закономерным процессом. Первые школы были школами чтения, в них не было профессиональных учителей. Начальное образование выполняло важную функцию – готовило молодое поколение для вступления в церковную общину. Немецкие школы создавались и содержались за счет общин, они же заботились об учителях, контролировали обязательность посещения занятий детьми. Характер преподавания и содержания изучаемых дисциплин соответствовал запросам населения. Организация первых немецких школ, строительство школьных помещений происходили без участия государства. Это были традиционные народные школы, опыт которых был привнесен еще из Германии, они получили распространение во всех местах компактного проживания немцев в России, а затем и Туркестана.

Изучение вопроса показывает, что создать школу лютеранам, проживающим в городах, было гораздо сложнее, чем лютеранам и меннонитам в сельской местности. Во-первых, в силу того, что лютеране в городах жили разрозненно, а в селе компактно. Во-вторых, при создании школы требовалось определенное количество учеников школьного возраста, которых в городе собрать было сложно. Другой причиной являлось то, что многие немцы, проживавшие в городах или промышленных поселениях, были полностью или частично русифицированы и не знали родного языка, и даже в кругу семьи общались по-русски. Часть из них перешла в православие и считала своим родным языком русский. И поэтому, у них не было потребности создания немецких школ, их дети обучались в обычных русских начальных, профессиональных и средних школах вместе с учениками русской и других европейских национальностей. Дети наиболее состоятельных родителей-немцев обучались в гимназиях. И только небольшое число детей немецкой национальности обучалось в частных немецких школах.

В работе мы показали смену режима властей, которая привела к появлению новых проблем в школьном образовании немцев. С установлением советской власти изменилась и система обучения в немецких школах Туркестана. Были организованы начальные трудовые школы с обязательным обучением всех детей школьного возраста. Обучение в немецких начальных трудовых школах проводилось на немецком языке, согласно постановления Наркомпроса Советской России «О школах национальных меньшинств», где было указано, что дети должны обучаться на родном языке. Принятие советами решения о создании школ для нацменьшинств с обучением на родном языке, это действительно положительный момент в судьбе всех национальных меньшинств. Однако, принятие правительством ряда декретов, нацеленных на решительное устранение «вмешательства» церкви в дела школы и отделение школы от церкви, а главное запрет на преподавание религиоз-

ных дисциплин, серьезно отразилось на судьбе немецкого населения, особенно меннонитов. В отличие от лютеран, они очень болезненно воспринимали новую идеологию, которая самым жестоким образом была направлена на слом традиционных устоев жизни сектантов и навязыванием им коммунистических ценностей. Учитывая особенности их менталитета (индивидуалистический хозяйственно-бытовой уклад жизни, протестантская этика труда, приверженность религиозным традициям, этноконфессиональный изоляционизм) их можно понять, и, мы видим, как чужды были им новая идеология и советский образ жизни. А вопрос о запрещении преподавания в школах Закона Божьего и изгнание учителей – самых авторитетных людей общины, стал самым острым в их борьбе с коммунистами.

Из практики недавних лет, мы ясно видим, к чему может привести насильственное внедрение атеизма в сознание людей и насильственные методы борьбы против религиозных конфессий. Они не привели к отмиранию религии, а напротив, даже усилили ее влияние на население. Многие люди в советский период продолжали скрытно совершать обряды. Насильственные методы в антирелигиозной пропаганде давали временный успех, а чаще озлобляли людей, вызвали их возмущение. Для немцев же во все времена школа и религия воплощала в себе неразрывное единство родного языка преподавания и религиозности обучения и воспитания. Поэтому несложно объяснить негативную реакцию населения в ответ на попытки государства, что-либо изменить в школе. Победить общину одними запретами было нельзя, для этого надо было уничтожить саму общину, что и было сделано в годы коллективизации. Ярким свидетельством тому служит депортация жителей немецкой общины Ак-Мечеть в Вахшскую долину (в Таджикистан) в 1935 г., отказавшимся подчиняться законам советской власти.

Отношение правительства к национальным меньшинствам, в частности, к национальным школам, во все периоды истории зависело от идеологического курса государства. Так, правительственный курс царского колониального режима в Туркестане был направлен на сохранение незабываемости религиозной основы школьного образования нерусского населения, а по отношению к немецкому этносу был более чем лоялен, и всячески поддерживал его. В годы советской власти с установлением коммунистической идеологии главная борьба правительства была направлена на искоренение религии и за атеистическую национальную школу. С середины 30-х годов наметились симптомы изменения государственной национальной и языковой политики, которые привели к концу 30-х годов к полной ликвидации школ нацменьшинств, в том числе и немецких. Закрытие национальных школ нанесло серьезный урон национальной культуре немцев и других народов страны.

¹ См.: Матвеев А.М. К вопросу о выходцах из Германии в Средней Азии в конце XIX – начале XX в. Научные труды, Вып. 392. М., 1970.

² См.: Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. Санкт-Петербург, 1996.

³ См.: Кригер В. Рейн–Волга–Иртыш: из истории немцев Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2006; Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М. 2003; Черказьянова И.В. Школьное образование российских немцев. С.–Петербург, 2004.

⁴ Более подробно о народном образовании этого периода см.: Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М., 1960.; Флыгин Ю. Мой просвещенный друг Остроумов. Восток свыше. Духовное и литературно-историческое издание. Вып.VIII. Ташкент, 2004.

⁵ См.: Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912. С.198, 199, 203, 205.

⁶ См.: Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии. Санкт-Петербург, 1996. С.35.

⁷ См.: Бендриков К.Е.. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М., 1960.

⁸ См.: Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России... С. 24.

⁹ Из истории Евангелическо-лютеранской церкви в России..., С.37.

¹⁰ См.: ЦГА Руз. Ф.34. Оп.1. Д.1288. Л.7.

¹¹ Возможно, это были родители, которые хотели дать детям именно начальное немецкое образование, однако это могли позволить себе только те, кто имел в Ташкенте родственников или близких знакомых, которым можно было доверить ребенка.

¹² См.: ЦГА Руз. Ф.И-7. Оп. 1. Д. 5221. Л. 51-53.

¹³ См.: Кенешбеков К.А., Малдыбаев А.О. Из истории изучения немецкого языка немцами в Кыргызстане (XIX-XX вв.) // Вестник Кыргызского национального университета. Серия 1. Гуманитарные науки. Выпуск IV: История. Регионоведение. Этнография. Религиоведение. Бишкек: КНУ, 2004. С. 102.

¹⁴ См.: Матвеев А.М. Указ. соч. С.71.

¹⁵ Цит. по: Кригер В. Рейн–Волга–Иртыш...

¹⁶ В Постановлении НКП № 835 «О школах национальных меньшинств» отмечено: 1) Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своем родном языке обеих ступеней единой трудовой школы и высшей школе; 2) Школы национальных меньшинств, открываются там, где имеется достаточное количество учащихся данной национальности для организации школы. Количественная норма устанавливается в размере не менее 25-ти учащихся в для одной и той же возрастной группы; 3) С целью культурного сближения и развития классовой солидарности трудящихся различных национальностей, в школах национальных меньшинств вводится обязательное изучение языка большинства населения данной области; 4) Школы национальных меньшинств являются школами государственными, и на них распространяется во всей полноте «Положение об единой трудовой школе» (Собр. Указ. 1918 г., 1 74, ст.812); 5) Все управление школами национальных меньшинств сосредотачивается в Народном комиссариате просвещения, областных или губернских отделах народного образования.

Примечание 1-е. Для заведывания школами национальных меньшинств при НКП создается особый отдел Коллегии, который должен состоять из равного количества представителей Народных комиссариатов просвещения по делам национальностей, причем последние утверждаются Народным комиссариатом просвещения. Примечание 2-е. Для заведывания школами национальных меньшинств на местах областные и губернские отделы Народного образования организуют секции на тех же основаниях, как в центре. Подписал Зам. НКП М.Покровский. См.: ЦГА Руз. Ф.34. Оп.1. Д.1301. Л. 25 об.

¹⁷ ЦГА Руз. Ф.34. Оп.1. Д.1288. Л. 22, 22 об.

¹⁸ Сыроблнарком К.П.Т.- Сырдарьинский областной комитет Коммунистической партии Туркестана.

¹⁹ ЦГА РУз. Ф.34. Оп.1. Д. 2092. Л.1, 1 об., 3, 3 об, 16.

²⁰ ЦГА РУз. Ф.34. Оп.1. Д. 2092 Л. 6-8 об.

²¹ См.: ЦГА РУз. Ф.34. Оп.1. Д.1302. Л.1.

²² См.: ЦГА РУз. Ф. 34. Оп.1. Д.1719. Л.5, 5 об.

²³ См.: ЦГА РУз. Ф.34. Оп.1. Д. 2092. Л.1, 1 об., 3, 3 об, 16.

²⁴ См.: ЦГА РУ. Ф.36. Оп.1. Д.173. Л. 31 об.

²⁵ См.: ЦГА РУз. Ф.34. Оп.1. Д.1302. Л.36.

²⁶ Поселения Аулиеатинского уезда с общим названием Николайполь после размежевания и передачи их Киргизской ССР со временем были переименованы в Ленинполь.

²⁷ См.: Кенешбеков К.А., Малдыбаев А.О. Из истории изучения немецкого языка немцами в Кыргызстане... С. 103.

А. А. Конопленко (Саратов)

Прибалтийские немцы до вхождения в состав Российской империи: три исторических сюжета

1. Причины учреждения Ордена меченосцев

В первой половине XIII в. объектом крестоносной экспансии стал последний европейский регион, не затронутый христианизацией – прибалтийские земли. С 1200 г. начинается крестоносное завоевание Ливонии, населенной языческими племенами ливов, латгалов, эстов, семигалов, куршей и селов. В процессе этого завоевания в Прибалтике была создана и действовала новая духовно-рыцарская корпорация – Орден меченосцев (Братство рыцарей Христовых).

Казалось бы, ответ на вопрос о причинах учреждения в Ливонии в 1202 г. нового духовно-рыцарского братства лежит на поверхности: подобно всякой иной духовно-рыцарской корпорации он был создан для защиты христианизированных областей от иноверцев и дальнейшей христианизации новых, фактически же, как показывает его недолгая, но бурная история, для новых завоеваний и обороны уже завоеванных территорий. Историки воспринимали этот тезис как очевидную данность, высказываясь лишь в самой общей форме по поводу того, что крестоносцам была нужна постоянная военная сила¹. Однако установить, насколько и почему она была нужна, всерьез никто не пытался.

Сведения источников о причинах основания Ордена меченосцев и его устройстве довольно скупы. Даже основной источник, хроника Генриха Латвийского, современника меченосцев, освещает эти вопросы предельно кратко. Думается, что, в силу известной политической позиции, хронист, сторонник рижского епископа, соперничавшего с Орденом, не посчитал нужным уделять братьям-рыцарям особое внимание, отмечая, и то весьма скупо, лишь те факты их истории, которые были важны в масштабах всей Ливонии. Вместе с тем, Генрих Латвийский отчетливо признает необходимость учреждения Ордена, как своего рода гаранта существования «ливонской церкви» и ее дальнейшего расширения. Это достаточно краткое замечание в немалой степени уравнивает дальнейшие туманные высказывания хрониста относительно места и роли братьев-рыцарей в крестоносном завоевании Ливонии.

Еще более краток в освещении интересующих нас вопросов автор более позднего, орденского источника, относящегося к концу XIII в., «Старшей ливонской Рифмованной хроники», но, как представляется, эта краткость явилась следствием не отсутствия интереса хрониста к данным сюжетам, а скорее отсутствием у него достаточной информации на этот счет. Вместе с тем, исходя из задач на-

писания «Старшей ливонской Рифмованной хроники», призванной прославлять ратные свершения братьев-рыцарей, вопросы орденского устройства, его организации для хрониста явно второстепенны и затрагиваются лишь косвенно и применительно к тем или иным военным событиям. Вопросы о причинах учреждения братства меченосцев для орденского хрониста вообще не существует, поскольку это событие им воспринимается как само собой разумеющееся, очевидное в своей закономерности и не нуждающееся в объяснении.

Думается, что степень необходимости создания Ордена меченосцев должна была определяться, во-первых, объемом военно-стратегических и политических задач, которые было необходимо разрешить в ходе крестоносного завоевания; во-вторых, состоянием военных сил, какими крестоносцы располагали в Ливонии: их составом, числом и боеспособностью. Поскольку этот вопрос остался за рамками внимания исследователей, необходимо выявить, кто именно, в каком числе и насколько последовательно сражался под эгидой креста, и были ли достаточны данные усилия.

К моменту основания Ордена меченосцев немцы контролировали лишь незначительную полоску земли в низовьях Западной Двины. Вокруг нее простирались огромные, по сравнению с ней, земли, населенные языческими племенами. На юге крестоносцам грозили воинственные литовцы. Наконец, попытка крестоносного завоевания неизбежно должна была привести к столкновению с Полоцком, его подвинскими вассалами, а также с Новгородом и Псковом. Разумеется, в такой ситуации крестоносцам требовались немалые военные силы для решения военных задач столь значительного масштаба.

У Генриха Латвийского мы находим лишь одну краткую запись о создании Ордена меченосцев: под 1202 г. хронист отмечает, что священник Дитрих, который в это время замещал в Ливонии рижского епископа Альберта Буксгевдена, находившегося в Германии, «предвидя вероломство ливов и боясь, что иначе нельзя будет противостоять массе язычников, для увеличения числа верующих и сохранения церкви среди неверных учредил... Братство рыцарей Христовых»²,

В сообщении Генриха можно усмотреть подтекст. Очевидно, что некоторое число христиан среди ливов к этому времени существовало (в частности, хронист в другой связи называет одного из ливских нобилей, Ассо, принявшего крещение по прибытии епископа Альберта в Ливонию в 1200 г.³), но их было немного (в сравнении с «массой язычников»). Примечательно замечание хрониста, выражающего опасения не только перед язычниками, но и перед «вероломством ливов», подразумевая под последними, очевидно, новокрещенных.

Нужно сказать, что страхи немецких миссионеров были небезосновательны: в их памяти должны были быть свежие воспоминания о событиях четырехлетней давности (1198 г.), о печальной судьбе второго ливонского епископа Бертольда, которого «новокрещенные» «наперебой старались – одни сжечь... в церкви, другие – убить, третьи – утопить» и, в конце концов, сразили на поле боя. После чего

«стали обливаться водой в Двине», решив таким способом «смыть воду крещения и приверженность христианству»⁴.

Да и само повторное крещение части ливов епископом Альбертом трудно назвать добровольным: вместе с новым прелатом в Ливонию в 1200 г. на 23 кораблях прибыли воины-крестоносцы. Даже Генрих Латвийский, немецкий священник, не отрицает принудительности обращения ливов, «получивших благодать крещения... из-за боязни большей опасности»⁵.

Так что поверить Генриху Латвийскому в том, что рыцарский орден был создан для защиты новокрещенных, довольно трудно. Скорее, актуальным был вопрос, как удержать их в лоне Церкви, то есть фактически под властью крестоносцев. Очевидно, епископ, помня тщетные усилия своих предшественников, все же не желал отступать. Ко всем прежним методам «распространения» христианства он решил добавить некий новый, осуществляемый при помощи организованной и способной постоянно действовать силы.

Обоснованность этого предположения станет очевидной, если попытаться выяснить, существовали ли для епископа Альберта иные варианты.

Судя по рассказу Генриха Латвийского, для удержания захваченной территории епископу Альберту с самого начала его деятельности потребовались подкрепления из стран Западной Европы, прежде всего – из немецких земель. На протяжении всего своего пребывания в должности епископа Альберт едва ли не каждый год отправлялся в Германию, чтобы набрать там добровольцев для борьбы с язычниками. Генрих Латвийский с присущим ему драматизмом, в данном случае достаточно уместным, повествует, что «епископ Альберт... обходил в Германии каждую деревню, улицу и церковь, ища пилигримов»⁶. Прибывали они, как правило, в начале весны, когда на Балтийском море открывалось судоходство, и в течение года, до следующей весны, участвовали в военных действиях.

Главным источником сведений о составе крестоносных войск, действовавших в Ливонии, является хроника Генриха Латвийского. Об участии в борьбе с язычниками крестоносцев, прибывавших в Ливонию на определенный срок и называемых в тексте «пилигримами», хронист оставил записи в 16 книгах своего труда (IV, VII, VIII-IX, XI, XIII-XIV, XVIII, XX-XXIII, XXV, XXVII, XXIX-XXX). Наиболее ранняя запись связана с первым прибытием епископа в Ливонию (1200 г.), последняя – с событиями крестоносного завоевания Эзеля (Сааремаа) (1227 г.). Ввиду важности вопроса данные Генриха Латвийского были сведены в таблицу (См. табл. 1).

Таблица 1

Прибытие крестоносцев в Ливонию

Время прибытия	Имена и факты
1200	Графы Конрад Дортмундский и Гарберт фон Иборг ⁷
1201	«Благородный Даниил и Конрад из Мейендорфа» ⁸

1203	«Благородный Арнольд из Мейендорфа, Бернард из Зегаузена,... а также многих других почтенных людей ⁹ и рыцарей» ¹⁰
1204	«Многие пилигримы на трех кораблях» ¹¹
1205	«Граф Генрих из Штумпенгузена, благородный Коно из Изенбурга и множество других рыцарей и из Вестфалии, и из Саксонии» ¹²
1207	«Граф Готшалк Пирмонт, другой граф и еще множество пилигримов» ¹³
1210	Граф Генрих фон Сладен ¹⁴
1211	«Изо [фон Вельпе], епископ Верденский, Филипп, епископ Рацебургский, а также [Бернгард II фон Иббенбюрен], епископ Падеборнский... со всеми их рыцарями» ¹⁵ ; «Рудольф из Иерихо, Вальтер из Гатерслева (Гамерслева) и множеств других знатных... рыцарей», Гельмольд фон Плессе ¹⁶
1213	«Многие пилигримы» ¹⁷
1217	Граф Альбрехт фон Орламюнде ¹⁸
1218	Генрих Борвин, сын мекленбургского князя Генриха I ¹⁹
1219	Саксонский герцог Альбрехт фон Ангальт, Рудольф фон Стотель, бургграф Веттина Ульрих ²⁰ ;
1221	Бодо фон Гомбург ²¹
1223	«Многие пилигримы» ²²
1225	«Пилигримы» ²³
1227	граф фон Аренштедт из Тюрингии ²⁴ .

К сожалению, начиная с 1227 г., сколько-нибудь подробных известий о прибытии крестоносцев, равноценных содержащимся в хронике Генриха Латвийского, нет. Однако хронист XVI в. Бальтазар Руссов пишет об их участии в походе на Семигалию в 1228 г.²⁵, а «Старшая ливонская Рифмованная хроника» сообщает о значительном числе западноевропейских рыцарей, принявших участие в походе на Литву в 1236 г. В феврале этого года папа Григорий IX издал постановление, согласно которому все, принявшие крест в Северной Германии, должны были отправляться в Ливонию²⁶. Таким образом, весной и летом туда прибыло немало крестоносцев под началом графа фон Даннеберга и Дитриха фон Газельдорфа, большей частью перебитых в битве с литовским нобилом Выкинтом²⁷ при Шауляе (или Сауле)²⁸.

Тем не менее, видно, что, по крайней мере, до 1227 г., в период, достаточно хорошо освещенный источниками, крестоносцы прибывали и участвовали в военных действиях против язычников едва ли не ежегодно.

Как видно из сведений Генриха Латвийского, в Ливонию, как правило, отправлялись крестоносцы из расположенных вблизи Балтийского побережья Саксонии и Вестфалии²⁹. В их составе преобладало рыцарство, однако в одном случае (1211 г.) среди них можно видеть сразу трех прелатов, а в 1217 и 1219 гг. – двух крупных князей – графа Орламюнде и герцога Саксонского. Тем не менее, нужно констатировать, что основными участниками крестовых походов в Ливонию были выходцы из мелкого и среднего рыцарства, что существенно отличало состав крестоносных войск, сражавшихся в Ливонии, от аналогичных формирований, действовавших, к примеру, позже в Пруссии, неоднократно «посещаемой» могущественными германскими князьями³⁰, а однажды (в 1254–1255 гг.), даже чешским королем Пршемыслом II Оттокар, состав войска которого был довольно

впечатляющим³¹. На фоне походов в Пруссию более ранние крестовые походы, совершавшиеся в Ливонию, выглядят гораздо менее представительными.

Другой важный момент – численность крестоносцев, прибывавших в Ливонию. Генрих Латвийский, как видно из таблицы, часто говорит о «многих пилигримах», «множестве рыцарей», «множестве пилигримов». Однако точного числа он не называет. Более того, он нередко указывает на малую или недостаточную численность крестоносцев. Так, он сообщает, что в 1201 г. «епископ [Альберт]... возвратился в Ливонию с пилигримами, каких сумел собрать», а через 10 лет, под 1211 г. годом, вновь сетует, что в Ливонию прибыли лишь «немногие пилигримы»³². Реальное же содержание понятия «многие» уяснить трудно. Отчасти, оно становится понятным из рассказа о прибытии крестоносцев в 1204 г. Хронист пишет, что их приплыло «множество». Однако, как следует из его же слов все это «множество» разместилось на трех кораблях³³. Если принять во внимание, что даже в середине XIV в. максимальная вместимость когга, корабля, предназначенного для крупных грузоперевозок, не превышала 100 вооруженных воинов и 20 лошадей³⁴, не считая припасов для долгого плавания, можно предположить, что характеристика «многие» употреблялась Генрихом Латвийским, скорее как литературный оборот и не отражала численности прибывавших в Ливонию крестоносцев, в действительности незначительной³⁵.

По подсчетам Ф. Беннинггофена, обычно одновременно прибывало от 300 до 1000 крестоносцев, причем их число было ближе к нижнему порогу³⁶, чего было явно недостаточно для эффективной борьбы с многочисленными язычниками. Исключение представляет, пожалуй, лишь первое прибытие епископа Альберта в Ливонию (1200 г.), когда за ним могло следовать около 2 300 воинов (исходя из того, что в устье Западной Двины вошло 23 корабля), и, возможно, экспедиция саксонского герцога Альбрехта фон Ангальта (1219 г.), число воинов которого, к сожалению неизвестно, но, исходя из высокого положения их предводителя, могло быть довольно значительным.

Еще одна причина недостаточности военной помощи извне кроется в самой организации крестоносных экспедиций. Вероятность, время прибытия и отбытия крестоносцев, их число, очевидно, далеко не всегда были известны ливонским немцам, что исключало возможность четкого стратегического планирования ими военных операций против язычников. По сути дела, размер военных подкреплений зависел почти исключительно от усилий епископа Альберта, который лично их вербовал, и к деятельности которого папская курия относилась без особого участия.

Важно отметить, что хотя крестоносцы, исполнившие свой обет, как правило, отбывали из Ливонии той же весной, когда туда прибывали новые «пилигримы», между этими двумя событиями, как следует из хроники Генриха Латвийского, иногда создавался временной зазор, что также не могло не понижать боеспособности ливонских немцев.

Одной из существенных причин малочисленности крестоносцев, прибывавших в Ливонию, а таким образом, и необходимости учреждения Ордена меченосцев, явилась позиция римской курии. Римские папы, рассматривая походы в Восточную Прибалтику как одно из направлений крестоносного движения, не ставили знак равенства между ними и военными экспедициями в Святую Землю. И Иннокентий III (1199–1216), и Гонорий III (1216–1227), активно направляя западное рыцарство в Сирию и Палестину³⁷, ливонским делам уделяли сравнительно мало внимания.

По сообщению Генриха Латвийского, уже первый ливонский епископ Мейнард сумел добиться от Целестина III (1191–1198) буллы, в которой папа обещал всем тем, кто отправится воевать с прибалтийскими язычниками, полное отпущение грехов³⁸. Примерно в 1197 г. подобная же грамота была получена преемником Мейнарда епископом Бертольдом³⁹. Сами документы не сохранились, но даже из сообщения хрониста очевидно, что речь в них шла только об отпущении грехов. О равноценности похода в Ливонию походу в «Заморскую землю», как замечает М. А. Бойцов, ничего не говорилось⁴⁰.

Но епископы, вновь назначаемые в Ливонию, неустанно ориентировались на крестовую идею. Едва получив посвящение в ливонские епископы, Альберт, видимо, так же, как и его предшественники, обратился к Иннокентию III с просьбой объявить крестовый поход в Ливонию. Но тот, будучи занят подготовкой нового крестового похода на Восток, несравнимого по масштабам с планами епископа Альберта, очевидно, посчитал вредным дробить силы потенциальных крестоносцев. Поэтому в булле Иннокентия III от 5 октября 1199 г., адресованной епископу Альберту, также нет указания на приравнивание паломничества в Ливонию к паломничеству в Святую Землю: «искупить грехи» в Ливонии, согласно этой грамоте, могли лишь выходцы из близлежащих Саксонии и Вестфалии. Да и это сделать они могли лишь в качестве исполнения обета посещения и поклонения останкам святых. Но это не освобождало их от обязательства отправиться на Восток, если такое было дано до издания папской буллы⁴¹.

Позиция папы мало изменилась и после завершения Четвертого крестового похода. 12 октября 1204 г. Иннокентий III издал буллу, которая позволяла заменить паломничество в Иерусалим походом в Ливонию духовным лицам только близлежащих областей, а мирянам – лишь больным и неимущим⁴². Аналогичное содержание имеет и папская булла от 10 октября 1205 г.

Наконец, нельзя не принимать во внимание и умонастроения, свойственные эпохе. Среди немецких феодалов считалось более достойным совершить поездку в Святую Землю, нежели в Ливонию. Даже в разгар событий там, в первой половине 1216 г., когда скажем, граф Альбрехт фон Орламунде вознамерился отправиться в Ливонию, он не смог найти и десяти вассалов, более или менее крупных, не давших до того обета отправиться освобождать Гроб Господень⁴³. Графу пришлось обратиться к папе за специальным разрешением для изменения их обета. Курия пошла на уступку, тем более, что была заинтересована в экспедиции Альбрехта

в силу ряда политических причин⁴⁴. Но в официальном послании от 25 января 1217 г., адресованном графу, Гонорий III, тем не менее, отметил (очевидно, не желая превратить свою уступку в прецедент), что, несмотря на данное Альбрехту разрешение, «большему благу не стоит предпочитать меньшее»⁴⁵.

Для уяснения ситуации в целом, имеет смысл указать и на другую папскую грамоту, также касающуюся крестоносной экспансии в Прибалтике, правда, не в Ливонии, а в Пруссии. Это послание было отправлено в апреле того же 1217 года Гонорием III в ответ на прошение епископов и князей Гнезненского архиепископства, пожелавших вместо Палестины отправиться в соседние прусские земли. Папа и на этот раз удовлетворил просьбу, но оговорился, что судьба Святой Земли несравненно важнее дела крещения пруссов⁴⁶. В таком же тоне выдержан и следующий папский документ этого времени, от 5 мая 1218 г., в котором Гонорий III предписывает «всем верующим» в Польше и Померании, а также в церковных провинциях Кельн, Майнц и Зальцбург, не имеющим возможности отправиться «за море», «по крайней мере» принять участие в «обороне» прусских неопитов от их сородичей-язычников⁴⁷. Наконец, в послании архиепископу Гнезненскому и другим польским прелатам от 20 апреля 1221 г. папа призывал церковных иерархов как можно скорее убедить князя Лешека Мазовецкого отправиться для исполнения крестоносного обета в Святую Землю, но, «если они сочтут более целесообразным», призвать его к борьбе с пруссами⁴⁸. Таким образом, трудно согласиться с мнением известного историка крестоносного движения Дж. Райли-Смита, едва ли не безусловно приравнивавшего северные крестовые походы к восточносредиземноморским⁴⁹.

Очевидно, что военная помощь ливонским немцам из стран Западной Европы, по большей части из Нижней Германии, осуществлявшаяся в виде перманентного крестового похода, не могла быть достаточной и определяющей в силу целого ряда причин: малой численности военных подкреплений, нерегулярности их прибытия, относительной кратковременности пребывания в Ливонии и т. д. К этому добавлялась позиция папской курии, не считавшей борьбу с прибалтийскими язычниками равноценной борьбе за Иерусалим и поэтому направлявшей главные силы крестоносцев в Святую Землю. В глазах самого рыцарства крестоносные экспедиции в Ливонию выглядели менее значительными и почетными. Это стало одной из причин, побудивших епископа Альберта (сделавшего выводы из папской реакции на его просьбу в 1199 г. об объявлении крестового похода, и, видимо, верно предугадавшего неизменность отношения курии к этому вопросу и в будущем), создать «собственную» постоянную военную силу, опираясь на которую, рижский прелат мог в меньшей степени зависеть от помощи извне.

Особый вопрос, который также проливает свет на совокупность причин, приведших к образованию Ордена – это вопрос о позиции местной, ливонской знати. Епископ Альберт пытался найти в ней опору. В ходе завоевания Ливонии крестоносцы опирались на помощь ополчений из местного населения и, прежде всего,

на отряды местных нобилей. Но насколько она оказалась регулярной и эффективной, была ли добровольной, насколько существенно восполняла недостаток подкреплений из Западной Европы?

По рассказу Генриха Латвийского, вернейшим союзником крестоносцев стал ливский нобиль Каупо⁵⁰, совершивший по инициативе епископа Альберта (рассчитывавшего поразить воображение неопита «благами» западного мира) вместе со священником Дитрихом поездку в Рим и милостиво принятый Иннокентием III. Каупо был одним из самых богатых и знатных ливов. Из своей крепости Кубезеле ему удалось распространить власть на всю Торейду и обеспечить здесь крестоносцам серьезную поддержку. Даже во время восстания его соплеменников в 1206 г. он сражался на стороне немцев⁵¹. И впоследствии Каупо неизменно выступал вместе с крестоносцами и погиб в битве с эстами в 1217 г.⁵²

Пример Каупо – не единичный. Генрих Латвийский неоднократно сообщает о фактах использования крестоносцами местных военных сил. На основании его сведений возможно составить следующую таблицу⁵³ (См. табл. 2).

Таблица 2

Участие прибалтийских отрядов в крестоносном завоевании Ливонии

Дата военных действий	Участники военных действий (кроме немецких крестоносцев)	Направление военных действий (походов)
1206	Семигальский нобиль Вестгард	Против ливов ⁵⁴
1208	Латгальские нобили Руссин из Сотекле, Варидот из Аутина и Талибальд из Беверина	Против эстов Саккалы и Унгавнии ⁵⁵
1209	Латгалы и ливы	Против русских князей из Кокнесе и Герцике
	Латгалы	Против эстов Унгавнии ⁵⁶
1210	Латгалы и ливы	Против литовцев и куршей
	Латгалы	Против эстов Унгавнии ⁵⁷
1211	Латгалы и ливы	Против эстов Саккалы, Унгавнии и Зонтаганы ⁵⁸
1212	Латгалы и ливы	Против эстов Вайги, Гервена, Мохи, Нурмегунде и Саккалы ⁵⁹
1213	Латгалы	Против селов и литовцев ⁶⁰
1214	Латгалы и ливы	Против эстов Вика и русского князя из Герцике ⁶¹
1216	Латгалы и ливы	Против эстов Вика и Гариэна ⁶²
1217	Латгалы	Против новгородцев, эстов Саккалы и Унгавнии ⁶³
1218	Латгалы	Против эстов Вика и Ревеле

	Ливы	Против эстов Эзеля
	Латгалы и ливы	Против новгородцев и псковичей ⁶⁴
1219	Латгалы и ливы	Против эстов Ревеле и Виронии
	Латгалы	Против эстов Гервена
	Эсты Унгавнии и Гервена	Против эстов Виронии ⁶⁵
1220	Латгалы и ливы	Против семигалов
	Латгалы, ливы, эсты Саккалы и Унгавнии	Против эстов Гариэна ⁶⁶
1221	Латгалы	Против новгородцев, псковичей и литовцев ⁶⁷
1223	Латгалы и ливы	Против эстов Саккалы, Унгавнии и Нурмегунде, новгородцев и псковичей ⁶⁸
1224	Латгалы и ливы	Против эстов Гервена, Гариэна, Виронии и Унгавнии ⁶⁹
1227	Ливы, латгалы и все континентальные эсты	Против эстов Эзеля ⁷⁰

Из приведенных сведений очевидно, что наиболее последовательным союзником крестоносцев, начиная с 1208–1209 гг., выступали латгалы и ливы, используемые немцами чаще всего в войнах с эстами и претендовавшими на господство в Эстонии новгородцами и псковичами. Участие в военных предприятиях крестоносцев эстов было незначительным. Впервые оно отмечается в 1219 г., а затем фиксируется только трижды.

Вопрос о причинах, которые побудили прибалтийские племена, особенно их нобилей, яростно сражаться друг с другом, фактически оказывать содействие пришлым завоевателям – большой и сложный. Поскольку эффективность использования крестоносцами военных сил, прежде всего, латгальского и ливского нобилитета, напрямую зависела от степени заинтересованности последнего в помощи немцам, необходимо прояснить причины такого поведения местной знати. Существует мнение, что крестоносцы исключительно силой вынуждали прибалтов участвовать в их военных походах⁷¹. Возможно, что в отдельных случаях так и происходило, но вряд ли это было общим правилом. Дело в том, что довольно часто прибалты наносили удары по противникам крестоносцев самостоятельно, без участия последних и даже не согласовывая свои действия с ними. Поражает и упорство в войнах, участвовать в которых прибалты, казалось бы, были не заинтересованы. Между тем, они были способны в течение года предпринять до девяти походов против соседей – противников крестоносцев. Причем их набеги отличались крайней жестокостью, чему, в случае совместных походов, поражались сами крестоносцы. Так, по сообщению Генриха Латвийского, во время похода немецких крестоносцев, латгалов и ливов на североэстонскую область Вик в 1214 г., «ливы с латгалами, превосходящие жестокостью другие народы, ... перебили бесчисленное множество народу, даже некоторых женщин и детей, не щадя никого ни в полях, ни в деревнях»⁷². Трудно предположить, что такое ожесточение объясняется стремлением услужить крестоносцам.

Примечателен и другой факт: в 1214 г. ливы и латгалы, до того помогавшие крестоносцам в войне с эстами, заключили с последними сепаратный мир, что не вызвало со стороны немцев сколько-нибудь выраженной негативной реакции и карательных санкций⁷³ и что позволяет рассматривать прибалтов в данном случае именно как самостоятельную воюющую сторону, как союзников крестоносцев, но отнюдь не как их военных слуг.

Папский легат Вильгельм Моденский, обращаясь в 1225 г. с проповедью к латгалам, отметил, по сообщению хрониста, «что они добровольно, без всякого военного принуждения с самого начала приняли веру христианскую и впоследствии не оскорбляли таинства крещения». Легат «хвалил смирение и терпение, с каким летты радостно несли Имя Господа...Иисуса Христа к эстам и другим языческим народам и погибли во множестве убитыми за веру христианскую, переселяясь... в мир мучеников»⁷⁴.

По-видимому, ни ливов, ни латгалов немцы участвовать в своих войнах особенно не принуждали, но, тем не менее, участие это было весьма активным. Но вряд ли здесь дело в том, или только в том, что ливы и латгалы, глубоко прониклись идеалами христианства (в их средневековом понимании), а потому рьяно ополчились на язычников. Думается, что причины крещения и помощи завоевателям были вполне мирские. Для их выявления следует вновь взглянуть на политическую ситуацию в Ливонии к началу крестоносного завоевания.

Как выявил В.Т. Пашуто, жившие к югу от Ливонии литовские племена опережали своих северных соседей в политическом развитии⁷⁵. И Ливония в конце XII–начале XIII в. подвергалась их опустошительным набегам. Литовцы разоряли земли ливов, латгалов, селов, семигалов и даже эстов⁷⁶. О том, насколько большую опасность представляли для ливов и латгалов литовские вторжения еще задолго до начала интересующего нас периода, говорят некоторые важные факты. Так, в 1186 г., когда первый ливонский епископ Мейнард, только-только начал миссионерскую деятельность среди ливов, земли последних подверглись очередному опустошительному вторжению литовцев. После ухода литовского отряда епископ предложил ливам выстроить для них два каменных укрепления, где можно было бы укрыться и защититься от врагов. Но взамен потребовал, чтобы ливы приняли крещение. Те согласились на предложение Мейнарда и, действительно, частью крестились. Но как только вызванные из Германии мастера завершили возведение крепостей, «крещение вновь возвратилось к язычеству, а те, кто еще не крестились, отказались принять христианство»⁷⁷. Ясно, что, принимая крещение, ливы руководствовались единственно стремлением использовать помощь иноземцев для защиты от литовцев.

Литовские вторжения оказались серьезной проблемой и для крестоносцев. Поэтому в самом начале их походов, в 1205 г., они охотно приняли предложение о союзе против литовцев со стороны семигальского нобиля Вестгарда. Совместное выступление закончилось сокрушительным разгромом грабительского литовского отряда в бою при Роденпойсе⁷⁸. Три года спустя Вестгард вновь обратился к не-

мецким крестоносцам с аналогичным предложением, и литовцы снова были разбиты их объединенными силами⁷⁹.

Как же повлияла литовская угроза на взаимоотношения крестоносцев с местными племенами? Для ответа на этот вопрос имеет смысл привести несколько ярких фактов.

Первый из них относится к 1208 г., когда среди живущих на реке Имере латгалов начал миссионерскую деятельность посланный епископом Альбертом священник Алебранд. По словам Генриха Латвийского, местные жители «обрадовались приходу священника, так как литовцы часто разоряли их, ливы всегда притесняли, а от тевтонов (т. е. немцев – А. К.) они надеялись на помощь и защиту»⁸⁰, что, вероятно, объясняет быстрое принятие ими крещения.

В 1214 г. старейшины латгалов из Толовы «отдались во власть епископа [Альберта], обещали переменить... веру на латинский обряд, с тем, чтобы и во время мира. и во время войны быть им всегда под покровительством епископа,... а против эстов и литовцев получать защиту»⁸¹. И в данном случае, мотивы крещения те же самые.

В 1219 г. к епископу Альберту «пришли... семигалы из Мезиоте просить помощи против литовцев. И сказал епископ: «Если вы захотите креститься и принять законы христианства, то мы окажем вам помощь». Пообещав принять крещение (но, правда, так и не приняв), семигалы действительно получили военную поддержку крестоносцев»⁸².

То есть, во всех приведенных случаях стремление найти защиту от литовских или иных вторжений вело к крещению местных племен, признанию ими власти крестоносцев.

Кстати, Генрих Латвийский так охарактеризовал исторические судьбы ливов и латгалов: «Власть литовская до такой степени тяготела надо всеми,... что лишь немногие решались жить в своих деревушках». С приходом же крестоносцев, «Бог избавил от пасти волчьей... крещеных ливов и леттов»⁸³. Это высказывание хрониста и другие, подобные ему, позволили Г. Гнегель-Вайчис сделать вывод о том, что единственной целью крестоносцев в войнах с литовцами, а затем с эстами и русскими было стремление помочь крещеным прибалтам, защитить их⁸⁴.

С подобной точкой зрения, базирующейся на некритическом прочтении источника, согласиться не представляется возможным. Вряд ли необходимо доказывать, что, крестоносцы, оказывая военную помощь прибалтам против литовцев, преследовали собственные политические цели: во-первых, добивались принятия крещения, признания своей власти; во-вторых, получали возможность воспользоваться при необходимости военными силами местных племен. Таким образом, последние, будучи заинтересованы в защите от литовцев, в качестве платы за нее, оказались вовлечены в завоевательные мероприятия крестоносцев.

Нельзя не отметить, что, помимо стремления заручиться помощью крестоносцев в борьбе с соседями, местные нобили, помогая завоевателям своими воинами, преследовали и самые обыкновенные корыстные интересы. Генрих Латвий-

ский отмечает раздел «поровну» богатой добычи между немцами и их союзниками при описании совместных военных действий вместе с ливами и латгалами против эстов в 1210 г.⁸⁵, с латгалами против эстов в 1214 г.⁸⁶; с латгалами против псковичей в 1219 г.⁸⁷; с ливами и латгалами против семигалов⁸⁸, с латгалами против эстов⁸⁹ в 1220 г.; с латгалами и эстами против новгородцев в 1221 г.⁹⁰; с ливами и латгалами против эстов в 1223⁹¹ и 1224⁹² гг. Думается, что нечто подобное происходило и в остальных совместных военных акциях крестоносцев и прибалтов.

То есть к участию в военных предприятиях немцев прибалтийских нобилей подталкивал и материальный интерес. Совместные победы приносили большую добычу, прежде всего, как показывает Генрих Латвийский, коней и скот, пленных.

Еще один фактор, побуждающий прибалтийский нобилитет оказывать поддержку крестоносцам, выявили В. И. Матузова и Е. Л. Назарова, отметившие, что крестоносцы, желая приобрести союзников среди местной знати, не посягали на ее социальное положение среди соплеменников, сохраняли ее прежние имущественные права, а саму ее постепенно включали в складывающуюся систему ленных отношений⁹³. Желая в новых условиях сохранить и упрочить свое привилегированное положение, местный нобилитет не мог не участвовать в военных предприятиях завоевателей, с силой которых нельзя было не считаться.

Но есть и другая сторона: заинтересованность местной знати в альянсе с немцами скорее представляется следствием объективной необходимости в том смысле, что нобили были вынуждены обратиться за помощью к крестоносцам, дабы как-то обезопасить себя от литовских нападений. Более того, необходимость создавалась самим вторжением немцев, из-за которого прибалтийская знать была вынуждена после первых неудачных попыток сопротивления или, возможно, осознания его бесплодности, идти на компромисс с завоевателями, если не из надежды сохранить свое привилегированное положение, то из желания просто физически уцелеть. В особенности это касается ливов и латгалов, земли которых оказались на пересечении двух наступательных потоков – литовского и крестоносного, что, видимо, прежде всего, и определило «верность» местного нобилитета немцам (с литовцами, которых интересовала лишь награбленная добыча, договориться было практически невозможно).

Думается, что именно в таком контексте следует рассматривать интересующий нас в связи с причинами учреждения Ордена меченосцев вопрос о степени эффективности военной помощи местного нобилитета крестоносцам, и, с другой стороны, о степени ее надежности.

Следует начать с того, что военные дружины местного нобилитета, а тем более ополчения прибалтов не отличались той боеспособностью, выучкой и вооружением, какими обладали средневековые западноевропейские рыцари и кнехты⁹⁴.

Численность местных военных контингентов, сражавшихся на стороне крестоносцев в большинстве случаев остается неизвестной. Можно привести лишь единичные данные Генриха Латвийского о том, что в походе крестоносцев на се-

мигалов в 1220 г. участвовало 4000 латгалов и ливов⁹⁵, что, однако, по меркам средневековых войн представляется маловероятным. Тем более, что данная экспедиция не имела стратегической важности, была предпринята после истребления семигалами нескольких десятков немцев, в том числе и миссионеров, то есть носила, очевидно, карательный характер.

Крестоносцы использовали местные отряды, как это следует из многочисленных сообщений Генриха Латвийского, преимущественно для опустошения и грабежа вражеской территории, с чем те справлялись наилучшим образом. Или же посылали их в первых рядах на штурм языческих укреплений. В полевом бою прибалтийским отрядам отводилась вспомогательная роль. Да и особой стойкостью в бою местная знать, за редкими исключениями, вроде Каупо, не отличалась и нередко бежала с поля боя. Так, например, повели ливы в бою с эстами на Имере в 1210 г., ливы и латгалы в столкновении с новгородско-псковской ратью осенью 1218 г. и, позднее, эсты в Ледовом побоище⁹⁶.

Если вернуться к ранним событиям, по сообщению Генриха Латвийского, в 1206 г. во время обороны Гольма от полоцких дружин «тевтоны,... боясь измены со стороны ливов, [состоявших в гарнизоне крепости] денно и ночью оставались на валах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри, и от врагов извне»⁹⁷. Недоверие хрониста к союзникам-ливам, хотя и выраженное в ироничной форме, очевидно. Или другой, гораздо более поздний факт: в 1221 г. гарнизоны замков Южной Эстонии были доукомплектованы эстонскими воинами⁹⁸. И когда в начале 1223 г. эсты подняли общее восстание, им даже не пришлось брать крепости крестоносцев штурмом: их соотечественники из гарнизонов просто вырезали немцев и присоединились к восставшим. В результате вся Южная Эстония за короткое время была для немцев потеряна⁹⁹. Подавив восстание, немцы восстановили свои замки, но эстов впредь в них не допускали¹⁰⁰. И еще один факт связан уже с судьбоносным для Ордена Шауляйским сражением 1236 г., в ходе которого часть прибалтийских воинов перебежала на сторону противника, что окончательно решило исход боя в пользу литовцев¹⁰¹.

Вероятно, перед местными нобилиями всякий раз вставал вопрос о целесообразности поддержки крестоносцев в том ли ином конкретном случае. Как ясно из свидетельств Генриха Латвийского, и сами немцы не заблуждались относительно надежности своих местных союзников, понимая причины, толкавшие их под крестоносные знамена.

В целом, военная помощь немцам части местного нобилитета, прежде всего, латгалов и ливов, носила регулярный характер и выражалась в участии прибалтийских отрядов в завоевательных предприятиях крестоносцев. При всей кажущейся добровольности она, по сути, имела вынужденный характер. В силу этого крестоносцы не могли полностью положиться на местную знать. Ее поддержка не могла быть эффективной и по чисто военно-техническим причинам, вследствие чего местные отряды использовались крестоносцами лишь в качестве вспомога-

тельной силы и, соответственно, вряд ли были в состоянии выполнить роль постоянной и организованной военной силы, столь необходимой завоевателям.

Таким образом, ни одна из двух сил, на которые немцы могли опереться в покорении ливонских земель, не гарантировала успеха этого предприятия. Ни помощь из Западной Европы, прежде всего Германии, в виде перманентного крестового похода, ни поддержка местных нобилей не могли обеспечить военных ресурсов, необходимых для решения поставленной епископом Альбертом задачи захвата Ливонии.

Очевидно, именно эта ситуация и обусловила создание здесь особой духовно-рыцарской корпорации, как новой и необходимой военной силы.

2. Орден меченосцев и датское вторжение в Северную Эстонию

В конце XII–первой трети XIII в. Юго-Восточная Прибалтика превратилась в поле ожесточенного этно-конфессионального и военно-политического противостояния крестоносцев-католиков, православных-русичей и местных язычников-прибалтов. Прямо или косвенно в эту историческую игру оказались вовлечены римские папы, германские императоры, датские короли, русские князья, правящие круги Новгорода и Пскова. Пожалуй, ни один европейский локальный конфликт Средневековья не отличался столь высокой событийной насыщенностью, кровопролитностью, противоречивостью, сложностью, длительностью. Этот узел далеко еще не распутан исследователями, поскольку столетие за столетием обрастал историческими и национальными мифами, «завязывался» все крепче и крепче.

Значительного внимания заслуживает вопрос о завоевании крестоносцами Северной Эстонии, о роли в этом процессе ливонской духовно-рыцарской корпорации, Ордена меченосцев (Братства рыцарей Христовых). Следует отметить, что это завоевание в значительной степени отличалось по своему содержанию от покорения крестоносцами других ливонских земель – Ливии, Латгалии и Южной Эстонии и было осложнено появлением в лице датской короны нового политического фактора, существенно повлиявшего на расстановку сил в регионе.

При каких же обстоятельствах и с какой целью вмешалась Дания в ливонские дела? Следует напомнить, что на протяжении XI–XII вв. датская корона неоднократно пыталась восстановить господство над эстами, стряхнувшими с себя данническую зависимость от датских викингов еще в конце X в.¹⁰² Около 1100 г. датский король Эрик I Эйегод (1095–1103) принял номинальный титул герцога Эстонии, явно выказывая претензии датской короны на Эстонию¹⁰³. В 70-х гг. XII в. король Вальдемар I (1131–1182) посылал в Эстонию, хотя и безуспешно, миссионеров и военные экспедиции¹⁰⁴. В 1194–1197 гг. несколько походов против эстов предпринял король Канут IV¹⁰⁵. Однако нужно заметить, что эстонская политика датских королей не носила последовательного характера. Основное внимание датской короны было приковано к северогерманским делам¹⁰⁶.

Ситуация изменилась с восшествием на датский престол Вальдемара II Победителя (1202–1241), целью которого, по замечанию Ф. Коха, было достижение *Dominiūm maris Baltici*¹⁰⁷. Вальдемар получил в наследство от своего предшественника государство, внутренне стабильное и готовое к проведению активной внешней политики, ставшее главной силой на Балтике¹⁰⁸. Поэтому отношение Дании к эстонскому вопросу существенно изменилось.

Еще в 1199 г., когда Альберт вскоре после своего посвящения в ливонские епископы, проезжал в свою епархию через Данию, он «получил дары от короля Канута, герцога Вальдемара (будущего короля Вальдемара II – А. К.) и архиепископа Авессалома (Лундского – А. К.)»¹⁰⁹. По предположению Г. Лакмана, епископ Альберт уже тогда мог гарантировать датчанам соблюдение их интересов в отношении Эстонии¹¹⁰. По мнению Ф. Коха, датчане решили воспользоваться миссией Альберта, рассчитывая проводить через него свою политику в Ливонии, не будучи в состоянии действовать самим из-за занятости северогерманскими делами. Также немецкий исследователь полагает, что миссия Альберта отвечала и интересам архиепископа Авессалома Лундского, опасавшегося самому браться за крещение прибалтов, памятуя о предшествующих неудачах в этом деле, и не надеявшегося на последовательную военную поддержку Канута IV, какую впоследствии получил от короля Вальдемара архиепископ Андреас, действительно, претендовавший на митрополичью власть в Ливонии¹¹¹. Так что вполне возможно, что датчане стремились использовать миссию Альберта в собственных интересах, не предполагая, что на фоне неудач предыдущих ливонских епископов она окажется настолько успешной, что создаст предпосылки для основания в Ливонии нового государственного образования, оказавшегося впоследствии соперником Дании в регионе.

В 1206 г. Вальдемар предпринял первую военную акцию в Ливонии – высадку на Эзеле, к которой он, по данным Ф. Коха, готовился в течение трех лет¹¹². В этом походе датского правителя сопровождали архиепископ Андреас Лундский и епископ Николай Шлезвигский. Но датчанам после первых побед не удалось закрепиться на острове¹¹³. Е.В. Чешихин объясняет поход на Эзель желанием короля поквитаться с островитянами за совершенный теми в 1204 г. набег на датскую область Листрия. Сделать это раньше Вальдемар не мог по причине занятости другими делами¹¹⁴. Однако подобное объяснение в свете последующей настойчивой экспансии датчан в Эстонии представляется недостаточным. На то, что поход 1206 г. носил не карательный, а завоевательный характер, указывает и присутствие в войске Вальдемара главы датской церкви. Скорее, экспедиция короля Вальдемара в 1206 г. являлась своеобразной пробой сил, показавшей на тот момент их недостаточность.

После провала датского похода на Эзель глава датской церкви архиепископ Андреас и епископ Николай, канцлер короля Вальдемара, прибыли в Ригу и находились там до весны 1207 г. По словам Генриха Латвийского, все это время Андреас Лундский проводил за богоугодными поучениями¹¹⁵. Вряд ли, однако, интересы

архиепископа, верного сторонника короля Вальдемара, исчерпывались только церковными делами. По мнению Ф. Коха, целью пребывания прелатов в Риге являлся сбор сведений о положении дел в Ливонии. А возвратившись к Пасхе 1207 г. в Данию, Андреас Лундский отправил письмо Иннокентию III, где сообщал о том, что ливы крещены, а остальные языческие земли готовы принять крещение (разумеется, из рук датской короны и Лундской церкви)¹¹⁶.

Но, будучи занят северогерманскими делами, король Вальдемар долгое время откладывал реализацию своих ливонских планов. Он не решался отправиться в Ливонию, так как опасался нападения враждебных немецких князей¹¹⁷. Так, например, в 1209 г. король Вальдемар писал папе, что может выступить против язычников, но опасается отбыть в Ливонию из-за вероятного нападения на его владения¹¹⁸. Иннокентий III в ответном послании успокаивал короля и призывал его не отказываться от «богоугодного намерения»¹¹⁹. В тот же день (31 октября) папа обратился и к императору Оттону IV, сообщая ему о тревогах короля Вальдемара и призывая содействовать защите датских интересов¹²⁰. Более того, в булле от 7 января 1210 г. папа напоминал, что Датское королевство является леном Св. Петра, а его властитель – вассалом папы, гарантировал спокойствие владениям короля Вальдемара, когда тот отправится воевать с язычниками, угрожал суровой карой окрестным князьям в случае их враждебных действий в отношении датчан¹²¹.

Но, видимо, только на грозные папские грамоты Вальдемар не мог положиться. Лишь к концу второго десятилетия XIII в. он, находившийся в то время в союзе и с новым германским владыкой, и с папой, получил возможность обратиться к ливонским делам.

Какова же была в тот момент политическая ситуация в Ливонии? В результате новгородско-псковского наступления в феврале 1217 г., когда крестоносцы за три недели потеряли власть над южноэстонскими землями Саккалой и Унгавнией, на покорение которых затратили целых восемь лет, ливонские немцы оказались в крайне затруднительном положении. Генрих Латвийский рассказывает, что в этой ситуации епископ Альберт обратился за помощью к некоему графу Альбрехту фон Орламюнде (называемому в хронике Альбертом фон Лауенбургом) и тот вскоре прибыл в Ливонию с сильным отрядом.

Возникает вопрос: что побудило графа Альбрехта отправиться в Ливонию? Если верить Генриху Латвийскому, то получается, что подвигли графа на «паломничество» просьбы и красноречие епископа Альберта, стремление защитить «ливонскую церковь» от русских и эстов¹²². То есть, хронист однозначно связывает поход Альбрехта с последствиями новгородско-псковского наступления. Что, однако, невозможно уже в силу того обстоятельства, что русский поход начался в феврале 1217 г., епископ Альберт отправился в Германию за подмогой только весной 1217 г., между тем как послание графа Альбрехта к папе с просьбой разрешить заменить его вассалам поход в Святую Землю экспедицией в Ливонию, на основании соответствующей папской резолюции, бесспорно датируется 1216 г.¹²³,

а летом 1217 г. он уже прибыл в Ливонию. То есть, прибытие графа Альбрехта в Ливонию не может быть изначально связано с необходимостью противодействия угрозе русского наступления, как это представляется из хроники Генриха Латвийского. Ситуация для ливонских немцев стала критической только в начале 1217 г., в то время, как известные намерения графа Альбрехта проявились гораздо ранее. Так что, собираясь отправиться в «паломничество», граф руководствовался явно иными причинами, и его прибытие в Ливонию лишь счастливым для местных немцев образом совпало с их политическими затруднениями.

Для выявления причин похода достаточно установить кто, собственно, такой граф Альбрехт фон Орламюнде. В хронике Генриха Латвийского он (как Альберт де Лауенбург) выступает в качестве независимой фигуры, не связанной с какими-либо политическими силами, заинтересованными в господстве над Ливонией. Между тем выясняется, что граф Альбрехт – не кто иной, как сын Зигфрида, графа Орламюнде, ландграфа Тюрингского, и Софьи, сестры короля Вальдемара, то есть племянник датского монарха по материнской линии, его доверенное лицо и наместник во всех северогерманских владениях¹²⁴.

Не означает ли это, что экспедиция графа Альбрехта фон Орламюнде была обусловлена ливонскими интересами датской короны? Роль графа Альбрехта как представителя интересов Дании прорисовывается и в его попытках направить усилия ливонских немцев на покорение Эзеля, после того как им с помощью графа удалось в 1217 г. разгромить восставших эстов. На фоне совместных побед графа и ливонцев в борьбе с эстами эта новая инициатива могла развернуться в еще более успешное мероприятие. Однако поход был сорван, причем «по вине» ливонских немцев. Тот же Генрих Латвийский поясняет, что немцы в ответ на предложение графа выступить против эзельцев «решили идти на других эстов», объясняя свое нежелание поддержать его непрочным ледяным покровом по пути до острова¹²⁵.

Заявленная ливонцами причина отказа от похода на Эзель вряд ли может рассматриваться всерьез. Трудно предположить, что граф Альбрехт, опытный военачальник, предложил бы своим союзникам организовать военную операцию, заведомо невозможную по объективным погодным причинам. Позиция ливонских немцев становится понятна, если иметь в виду политическую «погоду»: ведь владение Эзелем позволяло осуществлять контроль над Рижским заливом. Датский военный флот и без того господствовал на Балтике, блокируя при необходимости связи Ливонии с германскими землями. Передача острова в руки верного сторонника короля Вальдемара с возможным последующим созданием здесь, под самым боком у немцев, новой базы для датских военных кораблей только усугубила бы эту ситуацию. Что же касается датчан, то насколько Эзель был важен для них, показывает тот факт, что, позднее, в 1222 г., Вальдемар все же организовал под своим личным началом экспедицию на остров, правда, как и в 1206 г. окончившуюся неудачей. Причем Альбрехт фон Орламюнде активно в ней участвовал¹²⁶.

Экспедиция графа Альбрехта в Ливонию, поспособствовав временной стабилизации положения ливонских немцев и завершившись очередным покорением западной части Южной Эстонии, Саккалы, все же не решила проблемы, главной на тот момент для ливонцев – проблемы взаимоотношений с Новгородом и Псковом, новое наступление которых грозило вновь сокрушить только что восстановленное, но непрочное немецкое господство. Тем более, что главная военная сила крестоносцев, Орден меченосцев, все еще не мог прийти в себя после тяжелого поражения от новгородцев и псковичей под Оденпе в феврале 1217 г. И действительно, как показали последующие события, в конце лета–начале осени 1218 г. сильное русское войско Святослава Мстиславича Новгородского и Владимира Мстиславича Псковского опустошило южноэстонские земли Саккалу и Унгавнию и, практически беспрепятственно пройдя через них, вторглось на территории союзных крестоносцам ливов и латгалов, осадив даже главный опорный пункт меченосцев, Венден.

Епископ Альберт не мог не предполагать подобного развития событий и потому был вынужден искать поддержки вне Ливонии, обратившись за помощью к королю Вальдемару. Как сообщает Генрих Латвийский, в июне 1218 г. епископ прибыл на проходивший в Шлезвиге риксдаг для переговоров с датским правителем¹²⁷. Примечательно, что при этом рижского прелата сопровождал тот же граф Альбрехт фон Орламунде, возможно, «посоветовавший» Альберту обратиться за помощью к датчанам. Впрочем, столь искушенный политик, как епископ Альберт, не мог не понимать возможных последствий альянса с Данией¹²⁸, и побудить его на этот шаг могли лишь самые веские причины, которые достаточно очевидны. Даже Генрих Латвийский совершенно отчетливо связывает обращение к королю с перспективой неизбежного предстоящего столкновения с Новгородом и Псковом¹²⁹.

На следующий год король во главе сильного войска, насчитывавшего, по данным Е. В. Чешихина, как минимум, пять тысяч человек, выступил в поход¹³⁰. Датчане высадились в Северной Эстонии близ эстонского городища Линданисе. Местные эсты под впечатлением силы королевского войска пошли на хитрость. Выказав на словах покорность королю Вальдемару, ночью они напали на его лагерь. Захваченные врасплох датчане были близки к полному разгрому, и лишь своевременное и неожиданное для эстов вмешательство отряда князя Вицлава I, правителя Рюгена и части Померании, датского вассала, стоявшего отдельным лагерем, позволило войску Вальдемара оправиться от неожиданности, отбить атаку эстов и обратить, казалось бы неминуемое поражение в победу. На месте бывшего эстонского городища был возведен датский замок, названный Ревелем (по имени этой эстонской области, Ревеле) и ставший главным опорным пунктом датчан в Ливонии¹³¹.

Вот тут-то и встал вопрос о выполнении ливонскими немцами обязательств, данных королю Вальдемару. Каковы они были, точно не известно. Генрих Латвийский, к выгоде для своего патрона-епископа, старательно умалчивает о принесении им каких-либо обещаний, сообщая, что король Вальдемар «как только узнал

о великой войне русских и эстов против ливонцев,... обещал на следующий год быть в Эстонии ради славы Пресвятой Девы и отпущения грехов его»¹³². Не отрицая возможного благочестия Вальдемара, трудно предположить, что столь амбициозный монарх ограничился только лишь ими.

Молчание источников относительно условий немецко-датского соглашения позволило историкам высказывать самые разные предположения. Так, Я. Я. Зутис утверждает, что епископ Альберт обещал превратить Ливонию в колонию Дании и подчинить ее духовной власти лундского архиепископа¹³³. По Г. Трусмону, датчане стремились овладеть «частью» Эстонии¹³⁴. По мнению Г. Гильдебранда, епископ Альберт уступал королю Вальдемару все языческие земли, которые тот сумеет покорить¹³⁵. Однако ни одно из высказанных предположений не находит прямого подтверждения в источниках.

Некоторый свет на условия немецко-датского соглашения проливают последующие события. Попытаемся выявить, в чем именно данные условия могли заключаться.

Прежде всего, важно, чего потребовали от немцев сами датчане. Как рассказывает Генрих Латвийский, во время переговоров с немцами в 1220 г. датские послы заявили, что «вся Эстония принадлежит королю датчан, поскольку передана ему епископами ливонскими»¹³⁶. Это высказывание можно трактовать по-разному. В любом случае, датчане апеллировали к соглашению 1218 г., однако и в этой связи его содержание все же остается не вполне ясным. Возможны три варианта. Согласно первому, датский король добивался признания своих владетельных прав на всю Эстонию, включая и Южную – Саккалу и Унгавнию. Возможно, однако, что речь в 1218 г. шла о североэстонских землях, которые еще не были подчинены немцами, либо же о тех территориях в Северной Эстонии, которые датскому королю реально удастся завоевать на паритетных с немцами началах.

В том же, 1220 году лундский архиепископ Андреас, с 1219 г. – фактический глава датской администрации в Ревеле, дал аудиенцию миссионерам епископа Альберта Петру Кайкевальде и Генриху с Имеры (под эти именем скрывается, вероятно сам хронист Генрих Латвийский), проповедовавшим в Эстонии. Прелат совершенно ясно заявил, что «вся Эстония, и завоеванная рижанами, и еще не покоренная, принадлежит королю датчан»¹³⁷. Здесь уже перед представителями епископа Альберта архиепископ озвучивает претензии датской короны на обладание всеми эстонскими землями. Неизвестно, действительно ли немцы признали данные претензии на шлезвигских переговорах 1218 г. Но так или иначе, слова лундского архиепископа указывают на стремление датчан не просто принять участие в завоевании непокоренных языческих земель (на тот момент – Северной Эстонии) или покорить ее самостоятельно, но вообще поставить под свою власть не только Северную, но и Южную Эстонию, в которой вот уже как 12 лет пытались закрепиться немецкие крестоносцы.

В походе 1219 г. короля Вальдемара сопровождал соратник епископа Альберта Дитрих, назначенный рижским прелатом восемью годами раньше епископом Эстонии. Участие в датском походе оказалось для Дитриха роковым: во время ночного боя с эстами он погиб при неясных обстоятельствах. Генрих Латвийский сообщает, что язычники убили его, приняв за датского короля. Так или иначе, немецкий епископ Эстонии погиб как нельзя более кстати для датчан. На его место Вальдемаром незамедлительно, вероятно, несколькими днями после боя, был поставлен «свой» человек, королевский капеллан Висцелин, причем в качестве суффрагана Лундской митрополии¹³⁸.

Впрочем, и Альберт, получив известие о гибели Дитриха, не замедлил назначить в Эстонию епископом своего брата Германа¹³⁹. Казалось бы, возникло откровенное противоречие – в Эстонии оказалось сразу два епископа. Однако римскую курию это нисколько не смутило. В папских грамотах 1220 г. епископ Висцелин обозначен как епископ Ревельский, а Герман – как епископ Леальский¹⁴⁰. Да и сам Альберт назначает Германа епископом Леальским¹⁴¹. Так что есть основания для вывода о том, что курия санкционировала раздел Эстонии на две епархии, что Альберт и Герман не собирались оспаривать полномочий Висцелина и были согласны удовольствоваться духовной властью над южной частью Эстонии, оставив ее север, по крайней мере, захваченную датчанами в 1219 г. Ревеле, Лундской митрополии¹⁴².

Однако Вальдемар, по-видимому, не разделял стремления немецких епископов к компромиссу. Об этом красноречивее всего свидетельствует факт принудительной задержки им епископа Германа в Любеке. Назначив Германа епископом, Альберт, не имея формального права посвящать его в сан, направил брата к магдебургскому архиепископу, сделав это, по всей видимости, втайне от короля Вальдемара. Герман благополучно добрался до цели и был посвящен, но вот возвращение его в Ливонию оказалось существенно отсроченным: когда о посвящении «узнал король датчан, он на несколько лет (до 1223 г. – А. К.) задержал отъезд епископа в Ливонию, и тот был вынужден отправиться к королю, обещая принять епископат от него и быть его верным сторонником»¹⁴³. Датскому королю не нужен был немецкий епископ Эстонии. Не потому ли, что датская корона сама претендовала на всю Эстонию? На такую меру короля могло подвигнуть только одно – стремление распространить духовную власть подконтрольного ему Лундского архиепископства, а затем и свою, на всю Эстонию.

В 1221 г. король Вальдемар потребовал перехода под его сюзеренитет всей Ливонии вообще¹⁴⁴. В этой связи оговоренность в 1218 г. датских претензий на всю Эстонию представляется еще более вероятной.

Таким образом, содержание датских требований 1220–1221 гг. позволяет заключить, что взамен помощи ливонским немцам, обещанной в 1218 г., король Вальдемар потребовал себе всю Эстонию.

Однако, вернемся к Ордену. Датчане, захватившие Ревеле, демонстрировали дальнейшие территориальные и политические претензии. Орден меченосцев также претендовал на эстонские земли. Так как же он отнесся к появлению соперника в их завоевании? Насколько вообще соответствовало его интересам военное присутствие датской короны в Северной Эстонии?

В отечественной историографии этот вопрос был затронут М. А. Бойцовым. Историк связывает первые орденско-датские контакты еще с деятельностью в Ливонии в 1217–1218 гг. датского эmissара, графа Альбрехта фон Орламюнде. По мнению М. А. Бойцова, в своей деятельности в Ливонии граф опирался на Орден, при поддержке которого свел до минимума реальную власть епископа даже в его владениях, вынудив рижского прелата тем самым принять помощь короля Вальдемара. Иными словами, Орден был заинтересован в появлении в Ливонии новой силы в лице датчан, поскольку оно должно было осложнить положение епископата. Аргументируя свою точку зрения, исследователь, ссылаясь на Генриха Латвийского, указывает, что в главной военной операции, осуществленной ливонскими немцами при поддержке графа, разгроме эстов у Вилиенде осенью 1217 г., участвовали только воины Альбрехта и Ордена. Войска епископа в этом сражении участия не принимали, по мнению М. А. Бойцова, именно по причине его слабости¹⁴⁵.

С этим трудно согласиться. Генрих Латвийский отчетливо указывает, что в составе крестоносного войска у Вилиенде епископские войска были¹⁴⁶, а рассказывая о походах против эстов ливонских немцев и графа весной 1218 г., хронист не упоминает об участии в них Ордена, что противоречит заключениям М. А. Бойцова¹⁴⁷. Вероятно, после того, как критическая для ливонских немцев ситуация была купирована разгромом эстов у Вилиенде, осуществленном при участии Ордена, то есть после момента, когда совместное с графом Альбрехтом выступление против язычников диктовалось настоятельной необходимостью, дальнейшую поддержку военных инициатив датского эmissара меченосцы посчитали излишней. Так что о предполагаемом М.А. Бойцовым антиепископском альянсе Альбрехта фон Орламюнде и братьев-рыцарей сделать заключение на базе изученных источников невозможно.

Правда, имело место участие магистра Волквина (вместе с епископом Альбертом) в шлезвигских переговорах 1218 года с королем Вальдемаром¹⁴⁸. Но оно, вероятно, объяснялось тем, что под угрозой ожидаемого немцами новгородско-псковского наступления оказались именно владения крестоносцев в Саккале, которую Орден всеми силами старался закрепить за собой. Так что в июне 1218 г. в датской помощи магистр был заинтересован, пожалуй, даже в большей степени, чем епископ Альберт.

Однако поскольку в 1219 г., ко времени прибытия датского войска в Северную Эстонию, угроза русского наступления отошла на второй план, отношение

меченосцев к датским «союзникам» изменилось, на что явно указывают действия братьев-рыцарей в 1219–1220 гг.

Осенью 1219 г. меченосцы в союзе с латгалами вторглись в Северную Эстонию, в земли гервенских эстов. Предлог был вполне благовидным: братья-рыцари заявили о желании покарать гервенцев за их выступление против закрепившихся в Ревеле датчан (оно имело место после отбытия главных сил короля Вальдемара). Однако вряд ли братья-рыцари были обеспокоены судьбой датских единоверцев. К тому моменту те уже отбили наступление эстов самостоятельно¹⁴⁹. Скорее, из факта похода на Гервен видно, что меченосцев мало устраивала перспектива утверждения здесь датского влияния, и поход явился мерой по его предотвращению.

То, что братьям-рыцарям это вполне удалось видно из дальнейших событий: той же осенью 1219 г. гервенцы сражались под орденскими знаменами. Вместе с ними, а также с южными эстами, меченосцы вступили на территорию другой североэстонской земли, Виронии, подвергнув ее в течение пяти дней «тяжкому разорению». Причем Генрих Латвийский отмечает торопливость, с которой меченосцы отправились в этот поход¹⁵⁰, явно стремясь опередить датчан. В результате вироны, как ранее гервенцы, запросили братьев-рыцарей о мире и обещали принять крещение. От кого именно – видно из того факта, что крестным отцом наиболее влиятельного вироноского нобилия Кириавана стал не кто иной, как Родольф, глава орденского отделения в Вендене, один из наиболее влиятельных орденских управителей¹⁵¹.

Наконец, в следующем, 1220 г., орденские войска и союзные им эсты вторглись в последнюю из непокоренных североэстонских земель – Гаризн. Результат был тот же, что в Гервене и Виронии: местные эсты после переговоров с магистром изъявили покорность и приняли крещение¹⁵².

Таким образом, к весне 1220 г. под контролем меченосцев оказалась практически вся Северная Эстония, за исключением лишь Ревеле, которую датчане успели подчинить в 1219 г. Но и она не осталась нетронутой: по сообщению Генриха Латвийского, эстонские союзники Ордена из Саккалы «нарушили приказание старейшин¹⁵³,... разгромили и Ревельскую область, уже принявшую проповедь от датчан»¹⁵⁴. Вряд ли это было простой случайностью и ошибкой. Скорее, накануне предстоящего неизбежного дипломатического урегулирования отношений с датчанами, которые так же, как и меченосцы, претендовали на Виронию, Гервен и Гаризн, братья-рыцари решили их слегка припугнуть руками вчерашних язычников, от действий которых всегда можно было откреститься.

Братья-рыцари сумели с максимальной для себя выгодой использовать военную слабость датчан в Северной Эстонии. Напомним, что основное внимание короля Вальдемара, как и прежде было приковано к северогерманским делам, и, разгромив ревельских эстов, он отбыл с войском за море, оставив в возведенной крепости, видимо, сравнительно незначительные силы. Меченосцы, пользуясь

благоприятным моментом, укрепились в землях северных эстов, реально ограничив датские владения одной лишь только Ревельской областью и исключив для датчан возможность расширения сферы их влияния.

После реального утверждения немецкого, а фактически орденского господства в Гервене, Виронии и Гариэне, поздней весной или ранним летом 1221 г. состоялись переговоры, в ходе которых произошло первое открытое столкновение с датчанами, заявившими о принадлежности Эстонии (как минимум, Северной) датской короне согласно договору 1218 г. Генрих Латвийский не конкретизирует состав немецких переговорщиков. Однако показательно, что от лица немцев на переговорах выступил орденский магистр Волквин. Он твердо настаивал на том, что «ничего не знает о принесении Эстонии в дар королю датчан, молвил, что вся Эстония, за исключением лишь Ревельской области и острова Эзеля, покорена христианской вере рижанами (то есть немцами – А. К.), под хоругвью Пресвятой Девы»¹⁵⁵. То есть, фактически переговоры о принадлежности североэстонских земель велись датчанами не со всеми ливонскими немцами, а именно с оккупировавшими эти территории меченосцами.

Доводы магистра объясняют торопливость действий меченосцев в Северной Эстонии, стремившихся лишить датчан оснований для претензий на крещенные (читай: покоренные) не ими земли. В этом случае антидатская позиция ордена очевидна. Фактически Орден, чувствуя свою силу, диктовал датчанам условия, выступая от имени всех ливонских немцев, но преследуя сугубо собственные интересы.

Казалось бы, подданные короля Вальдемара, не располагавшие силами, достаточными для подкрепления своих претензий, потеряли всякую возможность к их реализации. Но в том же 1220 г. политическая ситуация в Северной Эстонии резко изменилась.

В целом, на фоне последовательного успешного орденского натиска в Северной Эстонии в 1219–1220 гг. последующие события выглядят, на первый взгляд, несколько странно. В том же 1220 г. датчане перешли в контрнаступление. Утвердившись окончательно в Ревельской области, они вступили в Гервен и принудили местных эстов к подчинению. Далее с помощью гервенцев датчане восстановили свою власть в Гариэне и в Виронии. Удалось им это не вполне легко: только в Гариэн пришлось совершить девять походов¹⁵⁶. Однако, как видно, кроме эстов сопротивления датчанам никто не оказал.

Что же удержало Орден от начала военных действий для обороны от датчан недавно захваченных земель? Можно было бы предположить, что он не располагал достаточным для этого количеством сил. Но предшествующие успехи меченосцев говорят об обратном. Тем более, что о прибытии каких-либо значительных подкреплений из Дании или из северогерманских владений датской короны источники не сообщают. Думается, что бездействие братьев-рыцарей, не предпри-

нявших мер для защиты своих интересов в Северной Эстонии, объясняется причиной, не имеющей прямой связи с отношениями меченосцев и датчан.

Вероятно, дело было в пришедшемся на это же время новом обострении соперничества Ордена и епископата из-за южноэстонских земель. Орден решил заручиться поддержкой датчан. В 1220 г. меченосцы, раздраженные крайней неуступчивостью епископов, предприняли демонстративный шаг навстречу датской короне, выдвинувшей в том же году претензии на сюзеренитет над всей Ливонией, и признали, со своей стороны, ее сюзеренитет над всей Эстонией, «получив» из рук короля Вальдемара права на безраздельное владение Саккалой и Унгавнией в результате состоявшихся тогда же переговоров Вальдемара и Родольфа Венденского¹⁵⁷. Так что, с одной стороны, соглашение с датчанами по поводу более важной для Ордена Южной Эстонии сделало для меченосцев нецелесообразным сопротивление датскому контрнаступлению на севере эстонских земель, тем более, что, как показали орденские успехи здесь в 1219–1220 гг., реставрация датского господства вряд ли могла быть необратимой). С другой стороны, уступчивость меченосцев, заинтересованных в соглашении с датчанами, в свою очередь, могла стать достаточным побудительным мотивом для активизации действий подданных короля Вальдемара, направленных на восстановление датской власти над северными эстами.

Фактический переход Северной Эстонии под власть Дании в 1220–1221 г. получил официальное закрепление. После того, как в апреле 1221 г. эзельцы, восставшие виронцы и гаризнцы предприняли нападение на датчан в Ревеле¹⁵⁸, архиепископ Андреас Лундский, опасаясь нового возмущения, понимая непрочность своего положения и необходимость, при случае, немецкой помощи¹⁵⁹, пригласил на переговоры в Ревель епископа Альберта и магистра Волквина. На состоявшейся встрече Андреас обещал, что Дания откажется от претензий на ливонские земли в целом и подтвердит права Ордена на Саккалу и Унгавнию, данные королем Вальдемаром при его переговорах с Родольфом Венденским. По сообщению Генриха Латвийского, архиепископ «обещал всячески стараться вновь вернуть Ливонии ее свободу (от сюзеренитета короля Вальдемара – А. К.), лишь бы только тевтоны и даны были всегда заодно и в мире, и в войне с язычниками или с русскими. В Саккале и Унгавнии все королевские и все мирские права были отданы братьям-рыцарям»¹⁶⁰. То есть, было заключено соглашение о совместных действиях против эстов в случае их восстания или нападения с Эзеля, а при необходимости – и против русских. Хронист умалчивает о судьбе Северной Эстонии, но, вместе с тем, ничего не говорит и о ее переходе под власть немцев, что на фоне предшествующей оккупации североэстонских земель датчанами может означать только одно – они остались за датской короной. Нежелание Генриха Латвийского запечатлеть этот факт, вероятно, связано с его антидатской позицией и несогласием с подобным развитием событий. Таким образом, Ревеле, Гаризн, Вирония и Гервен,

с молчаливого (по хронике Генриха Латвийского, хотя могло быть и наоборот) согласия епископа Альберта и магистра Волквина, остались в руках датчан.

Дальнейшие действия датского короля позволяют предположить, что Андреас Лундский пошел на соглашение с немцами по собственной инициативе. Едва только немецкое посольство возвратилось в Ригу, как туда, в качестве фогта, уполномоченного осуществлять датскую власть в южноливонских землях, король Вальдемар прислал рыцаря Готшалка, впрочем, сразу же изгнанного немцами¹⁶¹. Вероятно, провал миссии Готшалка убедил датского короля отказаться от претензий на сюзеренитет над всей Ливонией: произошло это в 1222 г. во время переговоров Вальдемара с епископом Альбертом и магистром Волквином на Эзеле, в ходе которых датская власть над Северной Эстонии была вновь подтверждена¹⁶².

Таким образом, по результатам переговоров Родольфа Венденского с королем Вальдемаром в 1220 г., магистра Волквина с архиепископом Андреасом Лундским в 1221 г. и королем Вальдемаром в 1222 г. отношения Ордена и Дании установились следующим образом: Орден, уступив Дании в интересах своей борьбы с епископатам захваченные им в 1219–1220 гг. Гервен, Гариэн, Виронию и признав формальный сюзеренитет Вальдемара над Саккалой и Унгавнией, добился формального единовластия в Южной Эстонии. Вместе с тем, совместные дипломатические усилия Ордена и епископата позволили снять вопрос об установлении вассальной зависимости от датской короны орденских владений в Либии и Латгалии.

Как показали дальнейшие события, эти соглашения оказались весьма недолговечными и вскоре немецко-датский конфликт из-за эстонских земель разгорелся, при самом активном участии Ордена меченосцев, с новой силой.

3. Псковско-ливонские военные конфликты первой трети XIV века

Обращение к истории псковско-ливонских отношений первой трети XIV в. имеет смысл в силу недостаточной, как представляется, изученности отношений Пскова и Ливонии на протяжении всего указанного столетия. В целом, псковско-ливонские отношения рассматривались лишь как составная часть отношений русско-ливонских, либо в контексте изучения новгородской внешней политики. Исключением в этом отношении стала блестящая работа Н. А. Казаковой, однако предметом ее внимания стали исторические реалии сравнительно поздней эпохи, – XV и XVI столетий¹⁶³. С другой стороны, в последние полтора-два десятилетия появились новые исследования, прежде всего, Е. Л. Назаровой, И. Н. Данилевского, освещающие псковско-ливонские отношения в XIII веке¹⁶⁴. Исследование же псковско-ливонских отношений XIV столетия содержится лишь в новейшей работе петербургского ученого А. В. Валерова¹⁶⁵. Однако наблюдения и выводы, содержащиеся в названном исследовании, трудно считать бесспорными, в силу того, что автор, являясь, вне всякого сомнения, знатоком русской истории, видимо, не вполне осведомлен об истории западных соседей Новгорода и Пскова, что, разумеется, не могло не отразиться на достоверности и научной состоятельности данной работы.

Как известно, последнее перед интересующим нас сюжетом военное столкновение Пскова с ливонцами имело место в 1299 г., в последние годы княжения в городе последовательного противника крестоносцев и союзника Великого княжества Литовского Довмонта (1266–1299)¹⁶⁶.

Существует, однако, предположение, что первое в XIV столетии псковско-ливонское столкновение относится уже к 1307 г. По видимому, оно основано на сообщении хроники Бальтазара Рюссова, написанной гораздо позднее, в третьей четверти XVI в. Согласно Рюссову, ливонский ландмейстер Герхард (или Конрад) фон Йоке «собрал большое войско из местных (т. е. ливонских – А. К.) воинов, кроме того, ему на помощь было прислано из Пруссии много воинов... и вот с таким ополчением магистр пошел в Руссию и осадил город Псков, взял и разграбил его, и привез с собой непомерно громадную добычу, принудив русских таким образом к миру»¹⁶⁷.

С этим известием согласны прибалтийско-немецкие исследователи, прежде всего О. Рутенбург¹⁶⁸, а также Н. М. Карамзин. Однако достоверность сообщения Рюссова вызывает большие сомнения, поскольку описанное им событие не получило никакого отражения в современной орденовой хронистике (причем не только в прусской, но и в ливонской), что, учитывая его значимость (при условии, что оно случилось), невероятно. Еще большие сомнения в правдивости Рюссова вызывает полное молчание о названной войне псковских летописцев, для которых было бы еще более странным не заметить возможной трагической страницы в истории родного города. Таким образом, есть основания отнести сообщение Рюссова о победоносном походе ландмейстера Йоке на Псков к ряду недостоверных известий, которыми хроника Рюссова при описании событий, предшествующих XVI столетию, изобилует.

Первым же достоверно известным, подтвержденным источниками, псковско-ливонским вооруженным конфликтом является война 1322–1323 гг. Согласно псковским летописям, осенью 1322 г. немцы перебили псковских купцов и рыбаков на Чудском озере и реке Нарове, а также напали на пограничные с Ливонией псковские территории. Этот порубежный конфликт явился началом масштабной (по региональным меркам) двухлетней войны между Псковом и ливонцами. Что же стало причиной развития указанного конфликта? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться к особенностям внешнеполитической доктрины Пскова того времени.

В чем же она на тот момент заключалась? Еще известный историк XIX столетия С. М. Соловьев обратил внимание на «неприятности» между Новгородом и Псковом, переходящие иногда в открытую вражду. По мнению С. М. Соловьева, это объяснялось желанием Пскова «выйти из-под опеки старшего брата своего», которое «все более усиливается» и приводит к фактическому прекращению политического господства новгородцев над псковичами¹⁶⁹. По мнению М. И. Костомарова, при Довмонте «Псков уже твердо осознал свою самостоятельность»¹⁷⁰. После смерти знаменитого псковского князя эта тенденция получает все большее

и развитие, пока, наконец, не воплощается в условиях Болотовского договора, фактически утвердившего самостоятельность Псковской республики¹⁷¹.

Разумеется, стремление Пскова к независимости не могло не вызвать сопротивления Новгорода. Поэтому псковичам были необходимы союзники. Первоначально, в первой половине XIII в., в качестве таковых Псков использовал ливонских немцев: примером тому являются направленный против новгородцев и великого князя Ярослава Всеволодовича псковско-ливонский союз 1228 года¹⁷², а также, возможно, неоднозначно трактуемые события 1240–1241 годов¹⁷³. Однако, сложные отношения Пскова с ливонской стороной во второй половине XIII в. сделали невозможными союзнические отношения. В этой ситуации, в состоянии вражды с ливонскими ландесгеррами и Новгородом, Псков сумел найти опору лишь в Великом княжестве Литовском, ведшем яростную борьбу с крестоносцами и заинтересованном в расширении на северо-восток за счет новгородских территорий.

Первые шаги к сближению Пскова и Литвы имели место уже в княжение Довмонта, выходца из Литвы. Однако законченную форму псковско-литовский альянс обрел, как представляется, именно в 1322–1323 гг. Это следует из того, что после пограничных столкновений с немцами осенью 1322 г. (а, быть может, и ранее) на псковский стол для организации обороны был приглашен из Литвы князь Давыд Гродненский (в немецких хрониках – Давид, кастелян Гарты), вассал и соратник великого князя Литовского Гедимина (1316–1341). Давыд был известен как последовательный противник Ордена, боровшийся с крестоносцами с 1314 года до своей гибели в 1326 году¹⁷⁴, чем возможно и был обусловлен его выбор псковским князем. То, что к псковско-литовской коалиции присоединился город Рига и его архиепископ¹⁷⁵, в то время находившиеся фактически в состоянии крайне острого конфликта с братьями-рыцарями, явно свидетельствует о ее направленности против Ордена.

Вряд ли такой поворот псковской политики устраивал ливонских немцев, за исключением Риги и архиепископа, ведущих практически непрекращающуюся войну с Литвой. Оформление псковско-литовского союза создавало критическую для ливонцев стратегическую ситуацию, поскольку открывало литовцам фактически беспрепятственный путь на правобережье Западной Двины и делало абсолютно бесполезной мощную оборонительную систему из орденских замков, возведенных на рубеже с Литвой. Причем, это опасение подтвердилось уже в 1322 г., когда «литвины с великим множеством народа вошли в землю Ливонии, и, кроме прочего урона, который они нанесли в епископате Дерптском огнем и мечом, они убили более пяти тысяч христиан и увели в вечный плен»¹⁷⁶. По-видимому, продвинуться так далеко на север литовцам позволил именно альянс с Псковом. По мнению же английского исследователя С. Роуэлла, псковичи даже приняли участие в этом походе¹⁷⁷.

Не меньшую опасность для Ордена таила возможность совместных боевых действий рижан и литовцев, тем более что братья-рыцари и до того неодно-

кратно имели случай убедиться в проблематичности такой ситуации¹⁷⁸, которая теперь могла еще более усугубиться военным вмешательством Пскова. По мнению Е.В. Чешихина, литовский поход 1322 г. был предпринят «едва ли не по приглашению архиепископа Рижского», после чего Гедимин «завел сношения с Ригой и архиепископом о заключении... дружественного... союза»¹⁷⁹.

В этой ситуации Орден обратился к сопернику Пскова и Литвы. В Новгород было направлено посольство, в котором названы комтуры Реймар Гане Венденский и Генрих Гольцете Динамюндский, а также ливонские вассалы Отто Брамгорн, Вальдемар фон Долен, Генрих фон Паренбеке и Гельмольд фон Заген. 28 января 1323 г. между ливонскими послами, с одной стороны, и Новгородом, представленным новгородским архиепископом Давыдом, посадником Олфромеем и тысяцким Аврамом, с другой, был заключен «вечный союз, которому быть навеки». Суть его, по словам ливонских послов, состояла в том, «чтобы новгородцы нам помогали, а мы им против литовцев и всех их друзей и помощников». Далее, из текста грамоты следует, что «друзья и помощники» литовцев – это псковичи и их князь, литовский вассал, Давыд Гродненский. Договор предусматривал обязательства совместной оборонительно-наступательной войны с Псковом до полного изгнания Давыда; кроме того, стороны обязывались не заключать сепаратного мира. Одно из условий договора, явно свидетельствует о заинтересованности в нем Новгорода: ливонцы обещали при любом варианте развития событий не заключать никаких соглашений с псковичами, пока «они не подчинятся новгородцам». Завершается текст грамоты взаимным обязательством уважать существующие рубежи и не посягать на право собственности в отношении порубежных промысловых зон»¹⁸⁰.

Далее события развивались следующим образом: 3 февраля того же года псковичи, узнав, видимо, о ливонско-новгородском договоре, во главе с князем Давыдом выступили в поход против немцев, опустошив ливонские территории (в том числе и североэстонские владения датской короны) до самого Ревеля, и по сообщению орденского хрониста Петра из Дусбурга, «кроме прочего безмерного урона, нанесенного... упомянутой земле огнем и мечом, [Давыд] взял в плен и убил свыше пяти тысяч знатных христиан»¹⁸¹.

Показательно упоминание этого вторжения, содержащееся в той же хронике: «Давид, кастелян Гарты (Гродно – А. К.), с войском литвинов вошел в Ревель, землю короля Дании»¹⁸². То есть сам поход расценивался хронистом как акция, предпринятая не Псковом, а Литвой, при участии ее войск и во главе с военачальником великого князя Литовского.

Любопытно, что параллельно этим событиям, литовцы активизировали военные действия против Ордена и на других направлениях: 14 марта «литвины из Жемайтии с войском своим взяли град Мемель... Сам город и три ближайших замка новообращенных¹⁸³, лодки и прочие суда и все, что могло быть взято огнем, кроме только замка, в котором жили братья (Ордена – А. К.), они обратили в пепел»¹⁸⁴. В целом, вторжения литовцев в Куронию и Пруссию продолжались на

протяжении весны и лета 1323 года¹⁸⁵. Кроме того, литовцами были предприняты нападения и на новгородскую территорию: на Ловать и Луки¹⁸⁶.

Ответной мерой на действия Давыда Гродненского стал ливонский поход на Псков. 13 марта ливонское войско подошло к Пскову, однако все его действия ограничились трехдневным стоянием под городскими стенами и, быть может, неудачным приступом.

Собрав после этого большие силы, ливонцы во главе с вице-ландмейстером Конрадом Кессельхутом предприняли новый поход на Псков, князь которого находился в Литве (Давыд не жил постоянно в Пскове, продолжая свою деятельность и в Литве). По сообщению псковского летописца, «приидоша Немцы к Пскову, загордевшеся, в силе тяжце, ... приехаша в кораблех и в лодиях и на конях, с пороки (стенобитными и метательными орудиями – А. К.) и з города (осадными башнями – А.К.) и со инеми многими замышлении»¹⁸⁷. Приведенная цитата определенно свидетельствует о намерении ливонцев любой ценой захватить Псков, а не просто ограничиться разорением его окружи или демонстрацией силы (с целью склонить противника к подписанию мира на невыгодных для него условиях, что также случалось в псковско-ливонских отношениях). О том, что над городом нависла реальная угроза завоевания, свидетельствует и отправка псковичами, впрочем, разумеется, безрезультатная, гонцов за помощью к новгородцам.

Осада полностью заблокированного города началась 11 мая 1323 года и продолжалась 18 дней; было предпринято несколько ожесточенных приступов, с трудом отбитых псковичами. Ливонцы применили весь арсенал осадной техники, «пороки биуще, города свои придвигаючи, за лесами лезуще, и лестницы исчиливше через стену лести; и иная их замышления многа бяше»¹⁸⁸. В ходе ожесточенных боев на городских укреплениях погиб посадник Солил (Селила) Олексенич, видимо, руководивший обороной Пскова в отсутствие князя. Однако, несмотря на все усилия ливонцев, город выстоял до подхода помощи.

Когда лагерь осаждающих подвергся неожиданному нападению воинов изборского князя Евстафия, также выходца из Литвы, и возвратившегося из Литвы Давыда, поддержанного вылазкой осажденных, немцы лишились осадной техники и запаса продовольствия, и были вынуждены снять осаду и отступить¹⁸⁹. Впрочем, это не помешало орденскому хронисту Герману Вартберге заверить своих читателей в том, что Кессельхут завоевал Псковскую землю и Псков¹⁹⁰. По сути же, успехи ливонцев, как и псковичей во время февральского похода ограничились разграблением и опустошением вражеской территории.

Военные действия между Псковом и ливонцами прекратились, по-видимому, в том же году. Как известно, в это время литовский князь Гедимин выступил перед папой с инициативой своего крещения¹⁹¹. 6 августа 1323 года ливонские ландесгерры направили к князю совместное посольство, а 2 октября между ними и Гедимином был заключен мирный, если не сказать, дружественный договор¹⁹², утвержденный в июле следующего года папой¹⁹³. В этой ситуации пролитовская

ориентация Пскова уже не могла служить ни причиной, ни даже поводом для продолжения войны с Псковом, дальнейшая борьба с которым могла быть расценена Гедимином как проявление враждебности. Так или иначе, ни о каких столкновениях Пскова с ливонцами в ближайшие годы ничего не известно. Не известно, впрочем, и том, было в это время заключено какое-либо формальное мирное соглашение между псковской и ливонской стороной. Вероятно, мир был возобновлен на довоенных условиях.

Между Новгородом и Литвой мир был заключен позже, в 1326 г.¹⁹⁴

Рассмотренная ситуация позволяет сделать некоторые предположения. В целом, оценивая псковско-ливонскую войну 1322–1323 гг., возможно заключить, что она была вызвана не сиюминутной политической конъюнктурой, но и более глубинными, скрытыми до поры причинами и свидетельствовала о формировании достаточно стабильной до середины XIV в. геополитической ситуации, в рамках которой сложились два соперничавших лагеря, а именно – с одной стороны коалиция Великого княжества Литовского, Пскова, Риги и рижского архиепископа, и, вероятно, Твери, а с другой – альянс Новгород, Ордена и, возможно, Москвы¹⁹⁵. Включение в состав противоборствующих лагерей Москвы и Твери отнюдь не случайно. Как известно, Москва в борьбе со своим главным соперником в Северо-Восточной Руси – Тверью, а также в попытке подчинить своему влиянию Псков (особенно в великое княжение Ивана Калиты), натолкнулась на серьезный отпор Великого княжества Литовского, и, в этой ситуации пошла на союз с Новгородом. Фактически, политические устремления Москвы совпали и интересами Ордена. Таким образом, существование двух вышеназванных коалиций, хотя и не всегда скрепленных формально-юридическими актами и не всегда однородных по своим политическим устремлениям и стимулам, достаточно очевидно. А война 1322–1323 гг., будучи вызвана локальными причинами, в итоге, вероятно, отразила политические реалии более масштабного уровня.

¹ См.: Rutenburg O. von. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland von der älteren Zeit. Leipzig, 1859. Bd. I. S. 63; Трусман Г. Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884. С. 274; Seraphim E. Geschichte von Livland. Bd. I: Das livländische Mittelalter und die Zeit der Reformation (bis 1582). Gotha, 1906. S. 36; История Латвийской ССР / Под ред. К. Я. Страдина, Я. Я. Зутиса, Я. П. Крастыня и А. А. Дризула; Отв. ред. Я. Я. Зутис. Рига, 1952. Т. I. С. 91; История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г. И. Наана. Таллинн, 1952. С. 36.

² *Origines Livoniae sacrae et civilis. Heinrich's des Letten älteste Chronik von Liefland, aufs neue herausgegeben und mit einer Einleitung // Scriptorum rerum Livonicarum.* Riga; Leipzig, 1853. Bd. I (далее: НСЛ). VI, 6. Как доказано в специальных исследованиях, Дитрих действовал если не по распоряжению епископа Альберта, то, во всяком случае, с ведома и благословения деятельного рижского прелата, которого, не рискуя впасть в заблуждение, можно назвать фактическим основателем Ордена (Bunge F. G. *Der Orden der Schwertbrüder.* Leipzig, 1875. S. 10; Benninghoven F. *Der Orden der Schwertbrüder.* Köln; Graz, 1965. S. 45; Mugurēvičs Ē. *Die militärische Tätigkeit des Schwertbrüderordens (1202–1236) // Ordines militares – Colloquia*

torunensia historica VI – 1991: Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter / Hrsg. von Z. H. Nowak. Toruń, 1991. S. 125).

³ Ibid. IV, 3.

⁴ Ibid. II, 3, 6, 8.

⁵ Ibid. IV, 2-3.

⁶ Ibid. X, 17.

⁷ Ibid. IV, 1. Иборг – современный Бадебург в Вестфалии. О Конраде Дортмундском и Гарберте фон Иборге см.: Transehe-Roseneck A. von. Die Ritterlichen Livländfahrer des 13. Jahrhunderts. Eine genealogische Untersuchung / Hrsg. v. W. Lenz. Würzburg, 1960. S. 17; Heine H. W., Wachter B. Burgen. Ausgrabung in Niedersachsen. Stuttgart, 1985. S. 256.

⁸ HCL. V, 2. Мейендорф – замок в Магдебургском архиепископстве.

⁹ Очевидно, имеются в виду горожане (обычно из Любека и Висбю), участие которых в ливонских походах подробно рассмотрено В. А. Антоновым (См. Антонов В. А. Указ. соч. С. 217-229).

¹⁰ HCL. VII, 1. Зегаузен – замок в Магдебургском архиепископстве.

¹¹ Ibid. VIII, 3.

¹² Ibid. IX, 6, 8-9. Штумпенгузен – замок в области Гойя, Изенбург – замок в графстве Берг.

¹³ Ibid. XI, 1, 5.

¹⁴ Ibid. XIV, 5. Сладен – между Госларом и Вольфенбюттелем. О Генрихе фон Сладене см.: Arbusow L. Livlands Geistlichkeit vom Ende des 12. bis ins 16. Jahrhundert // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. 1900. Riga, 1901. S. 57ff.

¹⁵ HCL. XIV, 4.

¹⁶ Ibid. XIII, 1-2; XV, 2. Иерихо – замок в Магдебургском архиепископстве. Гамерслева – замок, расположенный севернее Гальберштадта. Плессе – замок близ Геттингена. О Рудольфе фон Иерихо см.: Transehe-Roseneck A. von. Op. cit. S. 24-25.

¹⁷ HCL. XVIII, 1.

¹⁸ Ibid. XX, 7; XXI, 1; Annales Stadenses // Monumenta Germaniae Historica. T. XVI. S. 356. О походе Альберта фон Орламунде см. ниже, гл. III, а также: Transehe-Roseneck A. von. Op. cit. S. 39-40; Бойцов М. А., Ткаченко Н. Г. Вместо Палестины – Ливония // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1995. №2. С. 59-77.

¹⁹ HCL. XXII, 1-3. Его военная деятельность в Ливонии отмечена и в «Рифмованной хронике» (Dietleb's von Alnpeke Livländische Reimchronik, nach dem Bergmannschen Drucke mit den Ergänzungen den abweichenden Lesearten der Heidelberger Handschrift neu bearbeitet und herausgegeben von C. E. Napiersky und Th. Källmeyer // Scriptorum rerum Livonicarum. Riga; Leipzig, 1848. Bd. I. (далее: Reimchronik) V. 1416-1418). См. также: Transehe-Roseneck A. von. Op. cit. S. 40-41.

²⁰ HCL. XXII, 9; XXIII, 1, 7-8; Reimchronik. V. 914-1222; Baltasar Russow. Chronica der Prowintz Lifflandt // Scriptorum rerum Livonicarum. Riga; Leipzig, 1848. Bd. II. (далее: Russow). S. 14. Стотель – замок к югу от современного Бремерсгафена.

²¹ HCL. XXV, 1, 3. О Бодо см.: Transehe-Roseneck A. von. Op. cit. S. 45.

²² HCL. XXVII, 1.

²³ Ibid. XXIX, 2.

²⁴ Ibid. XXX, 3; Russow. S. 15.

²⁵ HCL. XXX, 3; Russow. S. 15.

²⁶ Liv-, Esth- und Curländischen Urkundenbuch nebst Regesten / Hrsg. von F. G. Bunge. (далее: LUB). Reval, 1853-1859. Bd. I. №144.

²⁷ По предположению Э. Боннеля (Bonnell E. Russisch-livländische Chronographie. St. Petersburg, 1862. S. 56).

²⁸ См.: Reimchronik. V. 1862-1863, 1893, 1955.

²⁹ Ср.: Ясинский А. Н. Причины падения древней Ливонии: Публ. лекции. Юрьев, 1898. С.15.

³⁰ См.: Krollmann Ch. Die deutsche Besiedlung des Ordenslandes Preussen // Prussia. Königsberg, 1931. Bd. 29. S. 252-253.

³¹ См.: Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg / Hrsg. v. Toeppen // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. I. III, 71. «Хроника земли Прусской» называет среди крестоносцев, помимо самого короля, «Отто, маркграфа Бранденбургского,... герцога Австрии,

маркграфа Моравии (Герцог Австрии и маркграф Моравии в войске присутствовать никак не могли, поскольку эти титулы носил сам король. Однако, их упоминание указывает на присутствие в крестоносной рати отрядов из этих областей – А. К.), Генриха, епископа Кульмского, Ансельма, епископа Вармийского и епископа Оломуцкого с великим множеством пилигримов из Саксонии, Тюрингии, Мейсена, Австрии, Рейна и других частей Алемании, баронов, рыцарей и знати». Причем столь активное участие западного рыцарства и знати в походах на пруссов носило систематический характер. О об этом походе см. подробно: Ковалев В. Н. Балтийские земли в политике короля Чехии Пршемысла Оттокара II (Крестовые походы в Пруссию в освещении анналов и хроник XIII–XIV вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1998. №6. С. 95-109. В. Н. Ковалев, основываясь на мобильности крестоносного войска, сумевшего, по данным источников, самое большее, за 23 дня (25 декабря 1254 г.–17 января 1255 г.) преодолеть расстояние в 400 км только по прямой, полагает, что оно было исключительно конным (Там же. С. 99).

³² HCL. XXI, 1.

³³ Ibid. VIII, 3.

³⁴ См.: Подаяк Н. Г. Ганза // Город в средневековой цивилизации // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4: Extra muros: город, общество, государство. М., 2000. С. 131.

³⁵ Вместе с тем, следует оговориться, что «многими» прибывавшие крестоносцы могли быть в глазах Генриха Латвийского, сопоставлявшего их число с наличными силами ливонских немцев, но не по сравнению с численностью противника.

³⁶ См.: Benninghoven F. Op. cit. S. 38-41, 401.

³⁷ См.: Бильбасов В. Крестовый поход императора Фридриха Второго из дома гогенштауфенских герцогов (18 июня 1228 – 10 июня 1229). СПб., 1863. С. 21 и след.; Koch F. Livland und das Reich bis zum Jahre 1225. Posen, 1943. S. 45; Waas A. Geschichte der Kreuzzüge. Freiburg, 1956. Bd. I. S. 231, 234-235; Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002. С. 199, 208 и др.; Ллойд С. Крестоносное движение. 1096–1274 // История крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. М., 1998. С. 59.

³⁸ HCL. I, 12.

³⁹ Ibid. II, 3.

⁴⁰ См.: Бойцов М. А., Ткаченко Н. Г. Указ. соч. С. 69.

⁴¹ LUB. I. №12.

⁴² Ibid. №14.

⁴³ См.: Бойцов М. А., Ткаченко Н. Г. Указ. соч. С. 68.

⁴⁴ Об этом см.: Бойцов М. А., Ткаченко Н. Г. Указ. соч. С. 59-74.

⁴⁵ LUB. I. №39.

⁴⁶ Preussisches Urkundenbuch / Hrsg. von K. Philippi, C. P. Wölky und A. Seraphim. Königsberg, 1882. Bd. I/1. №16.

⁴⁷ Ibid. №20.

⁴⁸ Ibid. №39. См. также: Hausmann R. Das Ringen der Deutschen und Dänen um den Besitz Estlands bis 1227. Leipzig, 1870. S. 9.

⁴⁹ См.: Riley-Smith J. Introduction // The Militari Orders / Ed. H. Nicholson. Aldershot, 1998. Vol. 2. S. XXV. О дискуссии между «традиционалистами», считающими, что понятие «крестовый поход» применимо лишь для обозначения похода в Святую Землю, и «плюралистами», распространяющими его на крестоносные акции и в других регионах см. подробно: Райли-Смит Дж. Изучение крестовых походов // История крестовых походов. С. 14-20; Матузова В. И. Крестоносцы в Восточной Европе: крестовые походы в Прибалтику как проблема современной историографии (по материалам зарубежных исследований) // Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, переводы, комментарии. М., 2002. С. 20-23.

⁵⁰ См.: Reimchronik. V. 259-275. О Kayпо см.: Švābe Ā. Latviešu Iņdriķis un viņa chronika // Straumes un avoti. 2.sēj. Rīga, 1940. S. 139; Назарова Е. А. Национально-освободительная борьба ливов в начале XIII в. // Вопросы истории. 1982. №1. С. 100-105.

⁵¹ См.: HCL. X, 10, 13; Franz Nyenstädt's Livländische Chronik, nebst dessen Handbuch, erstete nach ältern und neuern Abschriften, III / Hrsg. von G. Tielemann (далее: Nyenstädt) // Monumenta Livoniae antiquae. Riga, 1839. Bd. II. VIII.

⁵² См.: HCL. XIV, 5, 8; XV, 2-3, 7; XXI, 2-4.

⁵³ Помимо данных Генриха Латвийского, ограничившего свой труд событиями 1227 г., участие прибалтийских отрядов, неизвестно правда каких именно, отмечено автором «Рифмованной хроники» в походе на Литву в 1236 г. (Reimchronik. V. 1893). Эстов («Чюдь») в составе немецкого войска на льду Чудского озера в 1242 г. называет русский летописец (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. Псковские летописи / Подг. А. Насонов. М., 1955. Вып. 2. С. 78).

⁵⁴ См.: HCL. X, 10.

⁵⁵ Ibid. XII, 6. См. подробно: Laakmann H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit // Beiträge zur Kunde Estlands im Auftrage der Estländischen Gesellschaft. Reval, 1933. Bd. XVIII. H. 2. S. 62ff.

⁵⁶ См.: HCL. XIII, 1, 4.

⁵⁷ Ibid. XIV, 5-6.

⁵⁸ Ibid. XIV, 10; XV, 1.

⁵⁹ Ibid. XV, 7.

⁶⁰ Ibid. XVII, 5.

⁶¹ Ibid. XVIII, 5, 9.

⁶² Ibid. XIX, 8; XX, 2.

⁶³ Ibid. XX, 5, 7; XXI, 2-4.

⁶⁴ Ibid. XXI, 5, 7; XXII, 2-6.

⁶⁵ Ibid. XXII, 9; XXIII, 4-7.

⁶⁶ Ibid. XXIII, 8-9.

⁶⁷ Ibid. XXV, 3-6.

⁶⁸ Ibid. XXVI, 12-13; XXVII, 1-3.

⁶⁹ Ibid. XXVII, 6; XXVIII, 1, 5.

⁷⁰ Ibid. XXX, 3.

⁷¹ См., напр.: Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Рига, 1884. Т. I. С. 154; Рихтер [А.]. Прибалтийский край и его население до прибытия немцев // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края / Под ред. Е. В. Чешихина-Ветринского. Рига, 1876. Т. I. С. 25.

⁷² HCL. XVIII, 5.

⁷³ См.: HCL. XV, 11.

⁷⁴ Ibid. XIX, 3.

⁷⁵ См.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина. М., 1965. С. 118.

⁷⁶ См.: Reimchronik. V. 26-30. О литовских вторжениях в Ливонию см.: Чешихин Е. В. Указ. соч. С. 78, 142; Харузин Н. К. К истории города Герцике в Ливонии. М., 1895. С. 8-9; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 366.

⁷⁷ HCL. I, 5-7, 9.

⁷⁸ Ibid. IX, 2-3.

⁷⁹ Ibid. XII, 2.

⁸⁰ Ibid. XI, 7.

⁸¹ Ibid. XVIII, 3.

⁸² Ibid. XXIII, 3.

⁸³ Ibid. XIII, 4.

⁸⁴ См.: Gnegel-Waittschies G. Bischof Albert von Riga. Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten (1199-1229). Hamburg, 1958. S. 25.

⁸⁵ HCL. XIV, 10.

⁸⁶ Ibid. XVIII, 5.

⁸⁷ Ibid. XXIII, 5-6.

⁸⁸ Ibid. XXIII, 8.

⁸⁹ Ibid. XXIII, 9-10.

⁹⁰ Ibid. XXV, 5-6.

⁹¹ Ibid. XXVII, 1.

⁹² Ibid. XXVII, 6.

⁹³ См.: Матузова В. И., Назарова Е. Л. Жалованные грамоты местным нобилям в Пруссии и Ливонии XIII в.: (Сравнительное исследование) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990: Тез. докл. М., 1990. С. 72. Например, от Каупо происходит прибалтийский дворянский род фон Ливен (Чешихин Е. В. Указ. соч. С. 195).

⁹⁴ Термин, принятый в военно-исторической науке для обозначения профессиональных воинов неблагородного происхождения, военных слуг рыцарей.

⁹⁵ См.: HCL. XXIII, 8.

⁹⁶ Ibid. XIV, 8; XXII, 2. См.: Богусевич В. А. Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1938. Вып. III-IV. С. 29.

⁹⁷ HCL. X, 12.

⁹⁸ Ibid. XXV, 5.

⁹⁹ Ibid. XXVI, 5-7.

¹⁰⁰ Ibid. XXXVIII, 8.

¹⁰¹ См.: Пашуто В. Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке. М., 1951. С. 72.

¹⁰² См.: Oldenkop H. Die Anfänge der katolischen Kirche bei den Ostfinnen. Reval, 1912. S. 34; Arbusow L. Frühgeschichte Lettlands // Dommuseum der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga. III. Riga, 1933. S. 39; Taube M. von. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. NF. Breslau, 1935. Bd. XI. H. 3/4. S. 373-379.

¹⁰³ См.: Зутис Я. Я. Русско-эстонские отношения в IX–XIV вв. // Историк-марксист. 1940. №3. С. 41.

¹⁰⁴ См.: Taube M. von. Op. cit. S. 381; Зутис Я. Я. Русско-эстонские отношения... С. 41, 43.

¹⁰⁵ См.: Arbusow L. Op. cit. S. 41; Taube M. von. Op. cit. S. 381.

¹⁰⁶ См.: Usinger R. Deutsch-dänische Geschichte 1185–1227. B., 1863. S. 87, 191; Koch F. Livland und das Reich bis zum Jahre 1225. Posen, 1943. S. 10.

¹⁰⁷ См.: Koch F. Op. cit. S. 21.

¹⁰⁸ Ibid. S. 10.

¹⁰⁹ Origines Livoniae sacrae et civilis. Heinrich's des Letten älteste Chronik von Liefland, aufs neue herausgegeben und mit einer Einleitung (далее: HCL) // Scriptores rerum Livonicarum. Riga; Leipzig, 1853. Bd. I. III, 3.

¹¹⁰ См.: Laakmann H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit // Beiträge zur Kunde Estlands im Auftrage der Estländischen Gesellschaft. Reval, 1933. Bd. XVIII. H. 2. S. 77. Anm. 75.

¹¹¹ См.: Koch F. Op. cit. S. 10-11.

¹¹² Ibid. S. 21.

¹¹³ См.: HCL. X, 13.

¹¹⁴ См.: Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Рига, 1884. Т. I. С. 121-122.

¹¹⁵ См.: HCL. X, 13.

¹¹⁶ См.: Koch F. Op. cit. S. 21.

¹¹⁷ См.: Usinger R. Op. cit. S. 152.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ См.: Regesta pontificum Romanorum 1198–1304 / Hrsg. von A. Potthast. B., 1874. Bd. I. №3809.

¹²⁰ Ibid. №3810.

¹²¹ Ibid. №3993.

¹²² См.: HCL. XXI, 1.

¹²³ См.: Liv-, Esth- und Curländischen Urkundenbuch nebst Regesten (далее: LUB) / Hrsg. von F. G. Bunge. Reval, 1853. Bd. I. №39.

¹²⁴ См.: Transehe-Roseneck A. von. Die Ritterlichen Livlandfahrer des 13. Jahrhunderts. Eine genealogische Untersuchung / Hrsg. v. W. Lenz. Würzburg, 1960. S. 39-40; Benninghoven F. Der Orden der Schwertbrüder. Köln; Graz, 1965. S. 144.

¹²⁵ См.: HCL. XXI, 5.

¹²⁶ Ibid. XXVI, 2.

- ¹²⁷ Ibid. XXII, 1.
- ¹²⁸ Так, например, Е. В. Чешихин, утверждает, что епископ Альберт решил обратиться за помощью к датчанам, не подозревая, чем это ему грозит в будущем (Чешихин Е. В. Указ. соч. С. 197).
- ¹²⁹ См.: HCL. XXII, 1.
- ¹³⁰ См.: Чешихин Е. В. Указ. соч. С. 204.
- ¹³¹ См.: HCL. XXIII, 2.
- ¹³² Ibid. XXII, 1.
- ¹³³ См.: Зутис Я. Я. Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии // Исторический журнал. 1940. №7. С. 64.
- ¹³⁴ См.: Трусман Г. Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884. С.219.
- ¹³⁵ См.: Hildebrand H. Die Chronik Heinrichs von Lettland. B., 1865. S. 111-112.
- ¹³⁶ HCL. XXIII, 10.
- ¹³⁷ Ibid. XXIV, 1.
- ¹³⁸ См.: HCL. XXIII, 2.
- ¹³⁹ Ibid. XXIII, 11.
- ¹⁴⁰ См.: LUB. VI. №2175.
- ¹⁴¹ Ibid. I. №61.
- ¹⁴² После захвата датчанами, помимо Ревеле, остальной Северной Эстонии – Гервена, Гариэна и Виронии архиепископ Андреас Лундский посвятил в епископы Гервена и Виронии своего ставленника Острада, оставив Ревельскую область и Гариэн под духовным надзором епископа Висселина (HCL. XXIV, 2.). Г. Гильдебранд и Р. Гаусман также полагают, что епископ Альберт был готов идти на территориальный компромисс (Hildebrand H. Op. cit. S. 104; Hausmann R. Das Ringen der Deutschen und Dänen um den Besitz Estlands bis 1227. Leipzig, 1870. S. 8).
- ¹⁴³ См.: HCL. XXIII, 11. Нужно отметить, что на уступчивость короля Вальдемара повлияло и то, что сам он находился в плену у графа Шверинского.
- ¹⁴⁴ См.: HCL. XXV, 1.
- ¹⁴⁵ См.: Бойцов М. А., Ткаченко Н. Г. Вместо Палестины – Ливония // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1995. №2. С. 72.
- ¹⁴⁶ См.: HCL. XXI, 2.
- ¹⁴⁷ Ibid. XXI, 5-6.
- ¹⁴⁸ Ibid. XXII, 1.
- ¹⁴⁹ Ibid. XXIII, 6.
- ¹⁵⁰ Ibid. XXIII, 6.
- ¹⁵¹ Ibid. XXIII, 7.
- ¹⁵² Ibid. XXIII, 9.
- ¹⁵³ Генрих Латвийский явно старается показать, что действия саккалских эстов были не более, чем самоуправством, не санкционированным ни немцами, ни их собственными вождями.
- ¹⁵⁴ См.: HCL. XXIII, 9.
- ¹⁵⁵ Ibid. XXIII, 10.
- ¹⁵⁶ Ibid. XXIV, 2.
- ¹⁵⁷ Ibid. XXIV, 2.
- ¹⁵⁸ Ibid. XXIV, 7.
- ¹⁵⁹ См.: Koch F. Op. cit. S. 55.
- ¹⁶⁰ См.: HCL. XXV, 1.
- ¹⁶¹ Ibid. XXV, 2.
- ¹⁶² Ibid. XXVI, 2.
- ¹⁶³ См.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV–начало XVI в. Л., 1975.
- ¹⁶⁴ См.: Назарова Е. А. Национально-освободительная борьба ливов в начале XIII в. // Вопросы истории. 1982. №1; Она же. Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X–XIII вв.) // Древнейшее государство на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 г. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1986; Она же. Регион Западной Двины в эпоху смены политического влияния // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995; Она же. Место Ливонии

в отношениях между Новгородом и Псковом. 1 четверть XIII в. // Историческая археология: К 80-летию Д. А. Авдусина. М., 1998; Она же. Князь Ярослав Владимирович и его роль в ливонской политике Новгорода // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2000: Данилевский И. Н. Мистификация летописных текстов: миф об Александре Невском // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций / Отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань, 2001; Он же. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005 и др.

¹⁶⁵ См.: Валеров А. В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004.

¹⁶⁶ См.6 Псковская первая летопись (далее: ППЛ) // Псковские летописи / Подг. А. Насонов. Вып. I. М.; Л. 1941. С. 14.

¹⁶⁷ Baltasar Russow. Chronica der Prowintz Lifflandt // Scriptorum rerum Livonicarum. Riga; Leipzig, 1848. Bd. II. S. 23.

¹⁶⁸ «Йоке вторгся на Русь, завоевал Псков и принудил этот город к весьма бесславному миру» (Rutenburg O. von. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland von der älteren Zeit. Leipzig, 1859. Bd. I. S. 290).

¹⁶⁹ См.: Соловьев С. М. Сочинения: В 18-кн. М., 1988. Кн. II. С. 221.

¹⁷⁰ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1886. Т. VII. С. 225.

¹⁷¹ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. IV. С. 137; Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 250; Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1867. Кн. 3: История города Пскова и Псковской земли. С. 258–260.

¹⁷² См. подробно: Данилевский И. Н. Указ. соч. С. 156–158, Конопленко А. А. Орден меченосцев в политической истории Ливонии: Дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2005. С. 113–115.

¹⁷³ См. напр.: Белецкий С. В., Сатырева Д. Н. Псков и Орден в первой трети XIII века // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 81–85.

¹⁷⁴ Так, например, в 1314 г. Давыд нанес крестоносцам серьезный урон под Новогрудком, а в 1322 г. опустошил принадлежавшую Ордену прусскую область Вохеншторф (Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg. III, 322, 337 (далее: Dusburg; дано в переводе В.И. Матузовой) / Hrsg. v. Toeppen // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. I.).

¹⁷⁵ См.: Liv-, Esth- und Curländischen Urkundenbuch nebst Regesten (далее: LUB) / Hrsg. von F.G. Bunge. Riga, 1871. Bd. VI. № 3068. См. также: Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878. Вып. I. С. 68–72.

¹⁷⁶ Dusburg. III. См. также: Fahne A. Livland und seine Geschlechter. Bd. I. Köln, 1875. S. 67.

¹⁷⁷ См.: Rowell S. C. Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994. S. 193.

¹⁷⁸ О военном союзе и совместных действиях против Ордена рижан, рижского архиепископа и литовцев см. подробно: Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 420 и далее.

¹⁷⁹ [Чешихин Е. В.] Примечания // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1870. Т. III. С. 230.

¹⁸⁰ LUB. Reval, 1855. Bd. II. № 685.

¹⁸¹ Dusburg. III, 343. См. также: Detmars von Lübeck Chronick // Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1866. Bd. III. S. 66.

¹⁸² Ibid. III, 343.

¹⁸³ Вероятно, имеются в виду крепости крещеных прусских нобилей.

¹⁸⁴ Ibid. III, 344.

¹⁸⁵ Ibid. III, 345, 347.

¹⁸⁶ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С.97; Троицкая летопись / Реконстр. М. Д. Приселкова. М.; Л., 1950. С. 357.

¹⁸⁷ ППЛ. С. 15.

¹⁸⁸ Там же. С. 15–16.

¹⁸⁹ «И паки князь князь Еоустафей подъяма изборян, овы на конях, овы пешьцев, и поидоша в помощь псковичем: оже Немцы стоят на Завеличии (за рекой Великою – А. К.); и подьхавше, оударихася на них; и абие не оуспеша ничто же; ових избйша, и инии в реце истопоша; и полон их отъяша, и скот отгнаша. По том же божиим поспешением при-

спе князь Давыд из Литвы с людьми своими. И... с мужи псковичи вопольчившеся, прогна их (ливонцев – А. К.) за Великую реку, и пороки их отьяша, и грады и иная их замышления зажыгоша; и отбегоша Немцы со многим студом и срамом» (ПЛ. С. 16).

¹⁹⁰ См.: Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae / Hrsg. Von E. Strehlke // *Scriptores rerum Prussicarum*. Leipzig, 1853. Bd. II. S. 60.

¹⁹¹ См.: LUB. Bd. II. № 687. Этот сюжет подробно рассмотрен в работах В. Г. Васильевско-го и К. Форстрейтера: Васильевский В. Г. Обращение Гедимина в католичество // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CLIX. № 2. С. 65-196; Forstreuter K. Die Bekehrung Gedimins und der Deutsche Orden // *Altpreussische Forschungen*. 5. Jg. Königsberg, 1928. S. 239-261; Idem. Die Bekehrung des Litauerkönigs Gedimin. Eine Streitfrage // *Jahrbuch des Albertus-Universität. Würzburg*, 1955. Bd. VI. S. 142-158; Idem. Die Bekehrung Gedimins // *Deutschland und Litauen im Mittelalter*. Köln; Graz, 1962. S. 43-60. Существует мнение, согласно которому, Гедимин и рижский архиепископ Фридрих (1304–1341) прилагали совместные усилия к тому, чтобы дискредитировать Орден в глазах папы с последующим его упразднением (См. напр.: Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 421).

¹⁹² См.: LUB. Bd. II. № 843.

¹⁹³ Ibid. № 707.

¹⁹⁴ Возможно, тогда же был подтвержден мир Новгорода с ливонцами (Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. VI: Летопись по Воскресенскому списку. Стб. 199).

¹⁹⁵ В 1322 г., когда начались пограничные столкновения с ливонцами, в Пскове находился Юрий Данилович Московский. Он отказал псковичам в просьбе возглавить ополчение для отпора крестоносцам и отбыл в Новгород, занявшись его военной организацией и возглавив борьбу новгородцев со шведами (Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 474; Широкопад А. Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. М., 2006. С. 223-224). Не исключено, что Юрий был в Пскове одновременно с вокняжением Давыда, фактически находившегося в литовских землях, и именно факт союза Пскова с Литвой побудил Юрия ответить отказом на просьбу псковичей. Во всяком случае, именно так объясняет позицию Юрия новгородский летописец.

С. Г. Нелипович (Москва)

Варшава: шпионские страсти Первой мировой войны (1914–1915 гг.)

Для многих жителей Варшавской губернии первый год мировой войны был связан с выселением из родных мест во внутренние губернии Российской империи. В наибольшей степени депортация, организованная российскими гражданскими властями и военным командованием, затронула немецкую общину, причем не только подданных центральных держав, живших в Царстве Польском, но и россиян немецкой национальности, главным образом земледельцев, так называемых немцев-колонистов. Всего из Царства Польского было депортировано 200 тыс. человек немецкой национальности; на Варшаву и Варшавскую губернию приходится до 12–15 тыс. человек¹.

Освещая причины массовой депортации немецкого населения как из Царства Польского, так и из других западных регионов Российской империи (Прибалтика. Волинь), автор неоднократно подчеркивал неизученность проблемы лояльности российских немцев в первой мировой войне. Этот вопрос был поставлен на международной конференции в сентябре 1999 г.² и вызвал неоднозначную реакцию. В частности, Алексей Воронезцев (директор Государственного архива Саратовской области) в 2001 г. заявил об «определенной установке» в трактовке вопроса лояльности³. Однако с его трактовкой этого вопроса, без изучения причин какого-либо явления, с оценкой распоряжений военных и гражданских руководителей как «мнения частных лиц» трудно согласиться.

Источниками для проведения этого исследования стали документы учреждений Варшавского уезда и губернии – Варшавских городского и уездного (поветового) по воинской повинности присутствий, Варшавского губернского жандармского управления, Жандармского управления Варшавского, Новоминскою и Радиминского уездов, Отделения по охранению порядка и общественной безопасности в г. Варшаве (охранка), Управления Варшавского генерал-полицеймейстера, Канцелярии Варшавского губернатора. Эти фонды находятся ныне в Государственном архиве столичного города Варшавы (Польша. Archiwum paristwowo miasta stolecznego Warszawy. Далее – APW). Кроме того, использовались и документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива. Прежде всего, это дела штаба 2-й армии, штаба армий Северо-Западного фронта, Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), управлений некоторых корпусов и дивизий.

Что рассматривалось российскими властями как причина депортации? В распоряжениях, приказах, циркулярах военных и гражданских властей 1914–1915 гг. нередко встречаются преамбулы, «объясняющие» те или иные действия, направленные против немецкого населения Российской империи. Так, Варшавский генерал-губернатор Павел Енгальчев в циркуляре от 12 (25) апреля 1915 г. утверждал: «Опыт текущей войны с несомненностью установил явное тяготение к неприятелю со стороны многочисленных немецких выходцев, проживающих в сельских местностях губерний Царства Польского по отдельным колониям. Состоя в русском подданстве, население это тем не менее нередко оказывало содействие неприятельским войскам, используя в интересах последних и свои имущества, и запасы. В обеспечение безопасности наших войск по обоим фронтам, с одобрения Верховного Главнокомандующего, было сделано распоряжение о поголовном удалении из пределов театра военных действий как земельных колонистов немецкого происхождения, так и безземельных, приписанных к сельским обывателям»⁴.

Российская администрация Царства Польского стремилась всячески подчеркнуть враждебность немцев и поляков. В докладе на Высочайшее имя 6 (19) декабря 1914 г. Варшавский обер-полицеймейстер генерал-майор Петр Мейер утверждал: «Польское население края издавна питало нерасположение, переходившее по временам в ненависть, к немцам и к Германии, а в частности к пруссакам и Пруссии. Нерасположение это вызвано историческими причинами – созданием немецкими рыцарями немецкой Пруссии, участием Пруссии в разделах Польши и притеснением попавших под прусское владычество поляков... Германские товары продолжали конкурировать с местным производством, значительная часть которого также находилась в руках германских подданных. Немцы постепенно захватывали наиболее выгодные отрасли промышленности и создавали на свои капиталы банки, делавшие своими данниками немногочисленные польские предприятия. Это экономическое засилье немцев также играет видную роль в поддержании неприязненного по отношению к Германии настроения»⁵.

Мейер лукавил: в Варшавской губернии промышленные предприятия в большей мере принадлежали евреям и полякам; то же следует сказать и о банках; в 1907–1919 гг. только управляющим Варшавской конторой Государственного банка (то есть государственным служащим) был немец – барон Николай Тизенгаузен. Во всяком случае, столкновений на национальной почве не последовало, антинемецких выступлений, тем более погромов, подобных петербургскому и московскому, в Варшаве властям организовать не удалось.

Отношение к немецкому сельскому населению проявлялось большей частью у должностных лиц. Так, в январе 1916 г. и.д. вице-губернатора Бахтин собирал сведения о настроении немцев-колонистов по уездам. Начальник Гроецкого уезда (464 колониста на 3363 десятинах) отмечал, что «настроение колонистов при

нашествии германцев па Гроецкий уезд осенью 1914 года по отношению к сим последним было весьма сочувственное».

Начальник Кутновского уезда (4 колонии) барон Курт фон Эйнзидель докладывал 24 января 1916 г.: «До объявления войны настроение немцев колонистов было вполне лояльное, а после начала военных действий и приближения германских войск к колониям оно сразу изменилось в пользу Германии. Так, уже после занятия части уезда германскими отрядами, до меня сейчас же доходили сведения, что в занятых местностях немцы колонисты оказывали широкое содействие германским войскам в разведках и доставлении им запасов продовольствия».

Начальник Ловичского уезда (469 колонистов на 1147 десятинах) М.М. Будзинов 30 января 1916 г. писал: «Что же касается вопроса о настроении колонистов, то до войны они ни в чем предосудительном замечены не были... Во время войны разговоры среди местных жителей были, что будто бы некоторые из колонистов оказывали содействие неприятельским войскам при первом занятии последними 28 сентября 1914 г. уезда, выражая при этом удовольствие по случаю победы, но слухи эти не представилось возможности проверить за отсутствием подтверждающих фактов». Начальник Пултуского уезда Бродский доложил, что «никаких враждебных по отношению русского правительства актов и неудовольствий как до войны, так и во время оной, ими (колонистами. – С.Н.) проявлено не было».

Начальник Плонского уезда (81 колония – 4668 десятин) Николай Медников 5 февраля 1916 г. направил самый обстоятельный рапорт. «Что касается настроения колонистов до объявления нам Германией войны, то по наружному виду свое враждебное отношение ко всему русскому, а равно и русской Государственности, они прикрывали своей видимой лояльностью. В своем быту они вели замкнутую жизнь, употребляя в разговорах только немецкий язык; мужчины в силу обстоятельств пользовались польским языком, а женщины не знали и такового. Исключить можно только колонистов, живших вокруг крепости Новогеоргиевска, где они великолепно владели русским языком и старались казаться обрусевшими, дабы тем или иным способом иметь доступ в крепость в качестве рабочих, поставщиков и мастеров, и только в последние перед войной годы это им было затруднено. В бытность мою начальником Сохачевского уезда при служебных разъездах мне приходилось бывать в немецких колониях, занимавших весь левый берег реки Вислы, а также в их домах, где я видел почти во всех домах в первой комнате портрет Государя императора Николая II, а в следующей комнате портрет Императора Вильгельма.

Расположение немецких колоний по берегу реки Вислы давало им возможность сношения с Германией, передачи туда всего клонившегося к ущербу России и получения соответствующих директив при помощи служащих на грузовых пароходах, берлинках и плотках, плававших по реке Висле. Все действия работавших в этом направлении были в высочайшей степени осторожны, так что установленное наблюдение к положительным результатам, для уличения кого-либо из колонистов

в противогосударственной деятельности, не приводило. Что касается поведения немцев колонистов во время войны, то я лично, находясь в кр. Новогоргиевск в качестве уполномоченного Вашего Превосходительства по крепостному району и выполняя распоряжения коменданта крепости по выселению их с объявлением войны из крепостного района во внутрь Империи, видел, что они отнеслись к этому распоряжению как к заслуженному и не выражали по этому поводу никаких жалоб» (жалобы в большом количестве отложились в фонде канцелярии Варшавского губернатора – С.Н.)⁶

Итак, и военные, и гражданские власти рассматривали в большинстве выселение как репрессивную меру, направленную на пресечение мнимой или реальной помощи, якобы оказываемой немецкой общиной германским войскам. Прежде чем рассмотреть, насколько такой взгляд был оправдан, необходимо заметить, что вообще все нерусское население Царства Польского (не только немцы, но поляки и евреи) подозревалося военным командованием в потенциальном пособничестве врагу, хотя накануне войны Главное управление Генерального штаба даже не рассматривало возможность в таких условиях мятежа в Польше⁷.

О недоверии и даже страхе перед польским населением края свидетельствует то, что 18 сентября (1 октября) 1914 г. на предложение начальника 75-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Михаила Штегельмана организовать из местных жителей партизанские отряды, начальник штаба 4-й армии генерал-майор Алексей Гутор ответил: «При помощи населения партизанскую войну организовать трудно, так как придется выдавать оружие БЕЗ ПОЛНОЙ УВЕРЕННОСТИ, ЧТО ОНО НЕ ОБРАТИТСЯ ПРОТИВ НАС» (выделено автором. – С.Н.)⁸ Командующий 4-й армией генерал от инфантерии Алексей Эверт докладывал 2 (15) октября в штаб Юго-Западного фронта: «Жители так были запуганы евреями, что при евреях боялись давать какие-либо показания и стали показывать о германцах лишь тогда, когда мы их забрали, то есть что германцы на 2 часа заезжали к жидам, и те давали им сведения о войсках»⁹.

Начальник Отделения по охранению порядка и общественной безопасности г. Варшавы (охранка) подполковник Мартынов в докладе помощнику Варшавского генерал-губернатора по полицейской части 29 октября (11 ноября) 1914 г. утверждал: «Установившаяся еще в мирное время связь евреев с наезжими немцами дала последним возможность успешно вести среди первых агитацию против России, а наш частичный неуспех в Восточной Пруссии вызвал евреев почти на открытую помощь германцам, заключавшуюся в устройстве вступающему в пределы края противнику оаций, сокрытии его шпионов и даже отдельных солдат... Они почти открыто высказывались о своем враждебном настроении к Русскому правительству и возмущались успехами русских войск. С этого времени стал развиваться среди них шпионаж в пользу нашего противника... Враждебное против России настроение евреев сказалось с самого начала войны также и в деятельности местных еврейских политических организаций, объединившихся с таковыми же

польскими организациями (выделено автором. – С.Н.) в целях сплочения рабочей массы, которая подготовлялась в качестве силы, необходимой для революционного подъема в удобный для него момент. Не менее характеризуется враждебное настроение еврейского общества в сокрытии перевязочных материалов, теплых вещей и повышении цен на эти последние».

Тем не менее, массовой депортации подверглись именно немцы-земледельцы. В период боев под Варшавой в октябре 1914 г. рапорты командиров воинских частей говорят о единичных случаях действительного или мнимого содействия противнику со стороны так называемых «немцев-колонистов» (с 1871 г. этот термин был юридически несостоятелен, как сословие колонисты стали называться: поселяне-собственники).

1 (14) октября начальник штаба 1-го Сибирского армейского корпуса генерал-майор В.И.Зиборов радировал в штаб 2-й армии: «В Юзефославе разведчиками... захвачены четыре немецких колониста, укрывавших немецкие разъезды и занимающихся сигнализацией. Вызван жандарм, которому задержанные будут переданы»¹¹. Об оставленных агентах и средствах связи сообщал 4 (17) октября и командир 2-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант А.В.Сычевский: «Вчера при личном моем посещении пос. Юзефов командир 13 Сибирского полка полковник Панченко доложил мне, что в с. Юзефов остались жители, которые, видимо, сигнализируют противнику посредством телефона, проведенного из Юзефова в Рокитно. Телефон этот был найден в костеле д. Рокитно при взятии его 16 Сибирским полком 2-го октября (костел и дер. Рокитно были заняты только 7 (20) октября: в бою 2(15) октября за Рокитно 16-й Сибирский стрелковый полк был разбит. – С.Н.)¹² Лично был обстрелян шрапнельным огнем тотчас же, как только остановился на улице. На основании изложенного приказал всех жителей Юзефова, в числе коих имеются и немцы, выселить»¹³.

13 (26) октября в расположении сводной бригады 81-й пехотной дивизии были «пойманы в д. Кемпа Скурецка два немца-колониста, стрелявшие по нашим солдатам, и отосланы к корпусному коменданту Гренадерского корпуса для предания суду»¹⁴. Некий «переводчик поляк» в штабе 4-й армии «показал, что у дер. Свеже Гурне имеются колонисты немцы, которые вместе с жидами ходят к германцам и показывают им все. 30-го (сентября. – С.Н.) вечером немцы колонисты, заметив наших разведчиков, пошли сейчас же к германской кавалерии и предупредили ее о том, после чего кавалерия снялась с бивака»¹⁵.

В то же время многие «колонисты» бежали в Варшаву от наступающих германских войск (официально распространялись слухи, что местных жителей германцы забирают в свою армию), помогали русским войскам в период Варшавско-Ивангородской операции. Колонисты из Пясечно Гербер и Шайер увезли буквально из-под носа наступающего врага имущество тминного управления. Колонист С.Котер 12 (25) ноября 1914 г. предотвратил взрыв обводной железной дороги, столкнув под откос с рельсов сверток с взрывчаткой (сам пострадал

при взрыве)¹⁶. Колонисты Карл Роде и Оскар Шатшнейдер (санитары Лодзинского передового отряда) под обстрелом противника, в виду его наступающих войск вывезли 22 ноября (5 декабря) из Лодзи раненых русских солдат¹⁷.

К тому же частичное выселение мирных жителей немецкой национальности из района, занятого войсками, началось в Варшавской губернии гораздо раньше, чем в других регионах – уже с 29 июля (10 августа) 1914 г., в сентябре 1914 г. как военные, так и гражданские власти инициировали массовую депортацию. Слежка же за учителями начальных училищ немецкой национальности (из 404 по Варшавской губернии таких было 66), ограничения к выезду на полевые работы в Германию мужчин призывного возраста начались с весны 1914 г., еще в мирное время¹⁸.

Также с марта-апреля 1914 г. Варшавское губернское жандармское управление (генерал-майор Вельский) установило слежку за хоровыми, музыкальными, попечительским немецкими обществами, коммерческими училищами, больницами и библиотеками, открытыми немцами российского подданства¹⁹. Следует отметить, что в Варшавской губернии к началу войны из 415 обществ было только 6 «немецких» – два певческих, два родительских попечительских при училищах, музыкальное и Немецкое общество в Царстве Польском, общественная организация, созданная 15 июня 1907 г. «для защиты и попечения о родном языке устным и печатным словом, для сохранения национальности, для соединения всех немцев русского подданства без различия вероисповедания и сословий для охранения их национальной самобытности и для поддержки хороших отношении ко всем другим национальностям»²⁰.

Надо заметить, что особенно массовым общество не было. К 1 января 1913 г. в Обществе был всего 121 член, главным образом представители мелкой и средней буржуазии и интеллигенции (хотя в правлении общества были ремесленники и рабочие; на 1914 г. председателем был избран художник Ю.Ю.Клеппер, а товарищем председателя – прядильщик А.А.Голлуп). Тем не менее с декабря 1911 г. полиция приступила к слежке и регулярным проверкам деятельности Общества (в соответствии с циркуляром МВД от 20 января 1910 г. о недопущении «инородческих обществ, преследующих узконациональные цели»)²¹. В августе 1914 г. Общество было ликвидировано.

13 (26) июля 1914 г. было высочайше утверждено «Положение о подготовительном к войне периоде», действие которого на следующий день было распространено и на Варшавскую губернию. Борьба со шпионажем и задержание подозрительных лиц поручалось силам жандармерии, подчиненной с этого времени (как и полиция) командующему военным округом²². С объявлением войны они были переподчинены штабу находящейся в Варшаве 2-й армии.

В рапорте 30 августа (12 сентября) 1915 г. начальник Варшавской охраны подполковник Петр Самохвалов (настоящая фамилия Грешницын) изложил итоги работы контрразведки в Варшаве до оставления города германцам помощнику

Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Он, называя «шпионскими организациями» наряду с эмиграционными конторами, бюро по найму желающих ехать в Германию на заработки, компанией «Зингер» (американской), Варшавским офицерским экономическим обществом, и «немцев-колонистов», указывал, что все они «случайно попадались на глаза, а не были обнаруживаемы систематическим наблюдением контр-разведывательных отделений». Далее, критикуя довоенную деятельность контрразведки, Самохвалов указывает, что после начала войны опытные кадры окружных отделений и их архивы были подчинены штабам действующих армий, а вместо них назначены «молодые офицеры, буквально не имеющие представления о ведении порученного им дела (Варшава же осталась без офицера и без архива)».

Для того, чтобы набрать новый штат агентов и осведомителей, контрразведчики стали назначать жалование, в несколько раз превосходящее нормы, а также перевели к себе агентуру охранных отделений и жандармских управлений, в дальнейшем же «сами приступили к самостоятельной вербовке агентов и разведчиков при посредстве особых доверенных лиц, большей частью евреев». Эти лица оказались «не заслуживающими ни малейшего доверия, с темным прошлым и действующими исключительно в интересах наживы», которые сами стали уверять начальство, что «именно неблагонадежный элемент и может быть полезен в качестве разведчика». П.Т.Самохвалов прямо пишет о том, что такие «разведчики» с неограниченными полномочиями «ограждались от чинов местной полиции и свободно продолжали свою преступную деятельность па почве шантажа, вымогательств и провокаций». «К чистому делу наблюдения за немецкими шпионами присоединилась новая работа по ловле и высылке разведчиков-шантажистов, а также по отобранию у них штабных удостоверений».

«Деятельность контрразведывательного отделения, в район которого входила Варшава, все время носила характер бессистемного розыска шпионов среди варшавского населения и выражалась в многочисленных требованиях о производстве Охранным отделением обысков», – заключал Самохвалов. Только в июле (до оставления города) было проведено 200 обысков, не давших результата. «Мне известно, – подчеркивал он, – что в Варшавском губернском жандармском управлении имеется много переписок, где обвинение в заподозренных в шпионстве лиц основывается на голословных указаниях разведчиков, нравственная благонадежность которых компрометировалась не только за время работы в контрразведывательном отделении штаба 2-ой армии, но и в прошлом»²³.

Однако и анализ дел, заведенных против задержанных по подозрению в шпионаже в Варшавском губернском жандармском управлении, показывает, что большинство обвинений не подтвердилось. Множество фактов свидетельствует об использовании создавшейся ситуации и «шпиономании» различными дельцами и проходимцами. Так, занимавшийся ранее денежными махинациями Гирш Коттек навязчиво предлагал свои услуги платного осведомителя Варшавскому жандарм-

скому управлению, прямо заявляя, что готов предоставить компрометирующие сведения на любого интересующего жандармов человека. «Евангелики Лодзинского происхождения. – писал он в очередном доносе. – все враги отечества: Лодзинских немцев проживающих в Варшаве есть очень много, спрашивается почему из Лодзи пред германцами удрали если их так сильно поддерживают? Есть даже такие, которые состоят ныне во главе лодзинских благотворительных комитетах, они всю жизнь воспитаны в Германии, знаю их лично, это немцы до убога а теперь занимают пост благодетелей и патриотов еще в Варшаве? Но это маскарад, это внутренний враг правительства, держать их опасно, тем более в районе военных действий. В Варшаве находится богатый домовладелец и фабрикант шоколадной фабрики «Эмиль Ведель» он всегда утверждает, что он только гость Варшавы, а душа принадлежит Берлину? Секвестра ни контроли государственной над операциями неустановлены. Редакция неоднократно высылала несколько важных сведения в Правительство и готова всегда дать дополнения но без всякой ответственности конфиденциально» (орфография оригинала сохранена. Курсив наш. – С.Н.)²⁴

Тем не менее известный варшавский кондитер Эмиль Фридрих Альберт Ведель 3 (16) марта 1915 г. был арестован и подвергнут допросам в жандармском управлении. Слежка за ним результата не дала. Тем не менее, тот же подполковник П.Т.Самохвалов докладывал Варшавскому обер-полицеймейстеру 7 (20) июня 1915 г.: «Принимая во внимание серьезность указаний г. Коттека по этому делу, доношу, что хотя до сих пор и не добыто мною данных, удостоверяющих достоверность возникших подозрений, но таковое обследование будет мною продолжаться и о последующем донесу беззамедлительно»²⁵.

Во время боев у Варшавы 4–7 (17–20) октября 1914 г. было заведено 10 дел на 24 человека, из которых было 7 немцев. Так было положено начало «шпиономании». 16 (29) октября начальник штаба Двинского военного округа генерал-майор Александр Медведев направил телеграмму Варшавскому губернатору барону Семену Корфу: «В равной мере повелено (верховным главнокомандующим генералом от кавалерии великим князем Николаем Николаевичем 14 (27) октября. – С.Н.) строго следить за всеми лицами даже местной немецкой национальности и ни под каким видом не оставлять без строжайшего взыскания какие бы то ни было попытки оказания хотя бы самой косвенной помощи врагу, обещая денежные награды тому, кто представит фактические данные о скрытой телефонной сети, радиостанции, сигнализации, подготовки площадок для аэропланов и тому подобном, секвеструя имущество виновных»²⁶. Соответствующий циркуляр по уездам был разослан 19 октября (1 ноября) 1914 г.

26 января (8 февраля) 1915 г. начальник Варшавского губернского жандармского управления генерал-майор Вельский представил Варшавскому губернатору список «подозреваемых в государственной измене» из 289 лиц. из них 32 немца германского и австро-венгерского подданства и 61 немец русского подданства²⁷.

Всего же с начала войны до оставления Варшавы военно-полевые суды рассмотрели всего несколько дел по обвинению местных жителей из немцев в шпионаже из общего количества 163 дел на 358 лиц различных национальностей. Среди обвиняемых немцев было 54 (15%), и уже к весне 1915 г. обвинения против 45 из них были сняты²⁸. 15–16 (28–29) июня 1915 г. были вывезены в Вильно для продолжения следствия 13 человек²⁹, а 21 и 24 июня казнено за шпионаж по приговору военно-полевого суда в числе других лиц 3 немца³⁰, причем из них не было ни одного «колонииста». В одиночную и женскую тюрьмы Петрограда при эвакуации города было направлено 284 мужчины (25 немцев, из которых только один был осужден) и 74 женщины (14 немок)³¹. Среди 109 вывезенных в июле 1915 г. из Варшавы политических заключенных было всего 10 немцев, причем трое были арестованы за принадлежность к организации «Польская Конфедерация», трое по подозрению в шпионаже, один за самовольное возвращение в родную деревню, а остальные – по печально знаменитым «запискам ротмистра Муева», начальника контрразведывательного отделения штаба 2-й армии³².

Содержание обвинений было примерно стандартным и не отличалось от таких же, выдвигаемых против поляков, евреев, украинцев, русских. Прежде всего арестовывали за «разговоры». Так, колониист Карл Бронкренц был выслан вместе с 8 детьми за «враждебное отношение к полякам» (из материалов дела следует, что он пострадал за невоздержанность языка: заявлял, что «немцы наведут порядок в Польше, что знает, кого немцы повесят, когда придут»)³³. Более сложно было доказать факты «пособничества врагу» или шпионажа, и в документах охраны и жандармского отделения все время сквозит недовольство работой судов, не принимающих сфабрикованные доносчиками и жандармами обвинения.

Тем не менее, и контрразведка 2-й армии, и охранное отделение, и жандармское управление стремились организовать «громкие дела» о массовом шпионаже или пособничестве. Примером такой фабрикации служит так называемое «дело Жирардовской мануфактуры». Поводом стало размещение в зданиях фабрики германского госпиталя во время боев под Варшавой в октябре 1914 г.

На основе доноса дворника фабрики Павла Лазарева обвинения были выдвинуты сразу против 33 рабочих, служащих и инженеров (31 немец и 2 еврея), у кого германские войска стояли на квартирах, двух рабочих-немцев, привлекавшихся германскими саперами для подрыва железнодорожного моста. Столяра Вендта обвиняли в том, что он принимал у себя германских офицеров, швейцара главной конторы фабрики Гебиха – в «разговорах» (назвал русских солдат «свиньями, которых ведут на бойню Вильгельма»). Четверо жителей пос. Вискитки были обвинены в указании неприятелю направления движения русских развозов. Народные учителя Людвиг Вольф, Кляд, Густав Радке, Людвиг Зисман, Павел Стефаний обвинялись в том, что «будучи сами заядлыми немцами, в своих школах преподавали немецкие идеи, стремясь привить детям ненависть ко всему русскому и вселить в их сердца эгоистическую приверженность ко всему немецкому, восхваляя

при этом достоинства германского императора Вильгельма». Эти сведения были собраны «нелегальным путем», как указывал жандармский генерал-майор Бельский³⁴. «Достаточно бывало прибыть в Жирардов какой-либо воинской части, как появлялся неприятельский аэроплан и почти с точностью бросал бомбы в места расположения частей», - показывал поручик Гаврилович из штаба 2-го Сибирского армейского корпуса.

Однако обвинения не были доказаны. Народные учителя не только не шпионили, но и «воспитание ими в детях немецких националистов» не нашло подтверждения в Варшавском учебном округе, «где наоборот, они считались усердными и способными учителями». Полностью были сняты обвинения с вице-директора Жирардовской мануфактуры Карла Ганиха (Ханиха) и помощника директора Евгения Эрдмана (размещение 700 вражеских раненых в бывшем помещении для казаков они организовали не добровольно, а по принуждению оккупантов).

Не подтвердил «немецкой ориентации» правления мануфактуры и начальник Блонского уезда Ланской. 10 (23) декабря 1914 г. он докладывал Варшавскому губернатору: «На работы по постройкам выписывались не немцы каменщики, а итальянцы и чехи. Русских служащих в Жирардове совсем не было, поэтому их и не изгоняли. Что касается поляков, то они имеют довольно веское на фабрике положение, образовавшееся лет девять тому назад (в период 1905 года, когда немцы оставили свои места), и не прочь конечно его усилить, чем можно объяснить подачу прошения, если подписавший под ним не существует». Ланской заключал: «Девизы правления Жирардовских мануфактур (4 поляка и 1 англичанин, председателем был егермейстер Двора Николая II граф Владислав Велепольский. – С.Н.) КАСАТЕЛЬНО ПОДДЕРЖКИ ВСЕГО НЕМЕЦКОГО МНЕ НЕИЗВЕСТНЫ, НО ДУМАЮ. ЧТО ВСЕ ЭТО НЕ ПОДЛЕЖИТ СОМНЕНИЮ (выделено автором. – С.Н.) и проводилось главными руководителями по мере возможности на основании существующих законоположений»³⁵.

29 января (11 февраля) 1915 г. постановлением начальника Варшавского губернского жандармского управления 24 человека, проходивших по «делу Жирардовской мануфактуры», подлежали высылке в Томскую губернию (Нарымский край); 9 человек, признанных совершенно невиновными (в том числе все учителя), были высланы в «северные губернии» на основании приказа главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта от 27 декабря 1914 г. (9 января 1915 г.)³⁶ 19 февраля (4 марта) 1915 г. правление мануфактуры обратилось к Варшавскому губернатору с прошением об освобождении 45 рабочих и служащих, подлежащих высылке.

Но еще 7 (20) февраля главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта генералу от инфантерии Николаю Рузскому поступил анонимный донос о том, что по распоряжению Варшавского генерал-губернатора приостановлена «высылка фабричных служащих немцев». «Если это верно. – телеграфировал главный начальник снабжений армий Северо-Западного фронта генерал от инфантерии

Николай Данилов генерал-губернатору князю Павлу Енгальчеву. – то прошу принять меры к очищению этого пункта (Жирардова – С.Н.) от немцев».

8 (21) февраля Енгальчев доложил Данилову, что в посаде осталось только «около сорока русских подданных с немецкими фамилиями, высылка коих теперь приостановит работы, нужные военным властям и Красному Кресту». Их замена ожидалась не позднее 15 (28) марта³⁷. Особоуполномоченный Красного Креста Александр Гучков добился оставления специалистов в Жирардове, где ими обслуживались госпитали и лазареты военного ведомства, распоряжением командующего 2-й армией генерала от инфантерии Владимира Смирнова. Одновременно начальник штаба 2-й армии генерал-лейтенант Михаил Квецинский обратился с запросом об отмене выселения «русских подданных лютеран» к начальнику штаба армий Северо-Западного фронта генерал-лейтенанту Арсению Гулевичу: «все госпиталя и лазареты..., расположенные исключительно в фабричных зданиях, останутся неизбежно без воды, освещения и отопления... Представляется ли возможным исходатайствовать оставление рабочих в Жирардове». Однако решение о депортации не было отменено. 26 февраля (11 марта) И.В.Рузский приказал «выселить из Жирардова всех лиц немецкого происхождения»³⁸. По телеграмме Варшавского губернатора князя Енгальчева от 1 (14) марта 1915 г. депортации подверглось 460 семей. Высланы были даже те, кто служил в армии и был ранен во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и во время революции 1905–1907 гг. (например, Кристиан Шир). Только в 1916 г. немцам русского подданства, депортированным из Жирардова, было позволено переселиться из Нарымского края в Поволжье³⁹.

Изучение материалов Варшавского жандармского управления (генерал-майор Вельский), Варшавской «охранки» (подполковники Мартынов и Самохвалов-Грешницын), канцелярии Варшавского губернатора (Николай Граве) дает возможность сделать вывод о том, что кампания «шпиономании», развязанная этими ведомствами совместно с контрразведкой 2-й армии (ротмистр Виктор Муев), не дала желаемых результатов. Какой-либо германской шпионской сети обнаружить не удалось. Тем не менее военные стремились убедить и себя, и других, что все неудачи российско-императорской армии связаны исключительно со шпионской сетью, «раскинутой» над Царством Польским с помощью живущих здесь лиц немецкой национальности.

Это убеждение повлекло принятие массовых репрессивных мер в отношении немецкого населения Царства Польского и в частности Варшавской губернии зимой-весной 1915 г., к депортации примерно 180–200 тыс. человек, в том числе более 15 тыс. – из Варшавской губернии. Следует заметить, что подобные обвинения в нелояльности, враждебности, содействии противнику предъявлялись и евреям, и полякам. Их доля среди задержанных жандармерией и контрразведкой была выше, чем немцев. Однако вплоть до лета 1915 г. в отношении их массовая депортация не применялась. Только в результате «великого отступления» русских

войск летом 1915 г. началось принудительное выселение мужчин призывного и рабочего возрастов – евреев, поляков, русских, украинцев – сперва в составе так называемых «рабочих команд», а затем мерами войск. Путем разорения оставляемой территории русское командование армий Северо-Западного и Юго-Западного фронтов организовало принудительное «беженство» – семьи, оставшиеся без кормильцев, без хозяйства, а нередко и без жилья (почти повсеместно отступающие войска сжигали деревни), были вынуждены следовать за отходящими русскими армиями.

Все это свидетельствовало о недоверии местному населению в целом. Конечно, в условиях войны чисто психологически обыватель связывал противника, «немца-германца», с теми немцами, которые издавна жили в Российской империи и в том числе в Царстве Польском. Порой сами местные немцы определяли себя как русских по подданству, по постоянному месту жительства нескольких поколений, по социально-экономическим связям, и заявляли, что с Германией их ничего не связывает, разве только немецкая фамилия. Но и этот факт становился поводом для подозрений. Не исключено, что германское командование использовало компактное расселение немцев в Царстве Польском для организации разведывательной сети. У тех или иных лиц по разным причинам могло быть неприязненное отношение к правительству Российской империи – во многом это было неприятие самой войны, чуждой народу. Такое отношение не имело «национальности»: «антиправительственные» высказывания были характерны в этот период для всех народов империи. Однако только против немцев были приняты масштабные репрессивные меры большей частью «предупредительного» характера.

О таком отношении очень образно высказался генерал от инфантерии Алексей Куропаткин (весной-летом 1916 г. – главнокомандующий армиями Северного фронта): «Несомненно, что среди части населения возможно существование враждебного ко всему русскому отношения. Таких лиц и надо карать. НО ДЕЛАТЬ ЗА НИХ ОТВЕТСТВЕННЫМ НИ В ЧЕМ НЕ ПОВИННОЕ БОЛЬШИНСТВО НЕСПРАВЕДЛИВО И НЕ ГОСУДАРСТВЕННО» (Выделено автором. - С.Н.). К сожалению, его голос не был услышан. Начальник штаба Верховного главнокомандующего Михаил Алексеев (весной-летом 1915 г. – главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, один из организаторов и проводников политики депортаций местного населения на оставляемой войсками территории) написал на его рапорте: «Я лично с мнением Куропаткина не согласен»⁴⁰.

Такова была подоплека организации массового выселения немцев русского подданства из Царства Польского, в том числе из Варшавской губернии и города Варшавы. Судьба немецкой общины отразилась в событиях первого года Первой мировой войны так же, как и в образных прошениях высланных на имя Варшавского губернатора: «Не опозоренные и не подозреваемые никогда ни в политическом, ни в нравственном отношениях, не имея никаких решительно отношений и сношений с Германским государством и ее подданными, и не зная

даже Германии, ибо мы туда не ездили, считаем предпринятую против нас меру высылки недоразумением, либо ошибкой со стороны лиц, для коих разве только фамилия наша могла считаться подозрительной»⁴¹.

Предпринятые против немецкой общины репрессивные меры не достигли результата. В августе 1915 г. вся территория Царства Польского была оккупирована войсками Центральных держав, российское владичество в Польше закончилось, «объединение польских земель под царским скипетром», декларированное Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем 8 (21) августа 1914 г. провалилось. Остается другая сторона вопроса: не была ли «шпиономания» только ширмой для вытеснения немецкой общины из хозяйственной и общественной жизни Российской империи в предвкушении скорого и победоносного завершения войны? Но этот вопрос требует отдельного изучения.

¹ Подробнее см.: Нелипович С.Г. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С.262–283; Его же. Политика оккупационных властей Центральных держав в отношении немцев Царства Польского 1915–1918 гг. // Немцы России: Социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. М., 2002. С.95–109.

² См.: Нелипович С.Г. Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография и круг источников // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М., 2000. С.365–380. Эта тема частично затронута в сборнике «Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (М., 1998).

³ См.: Немцы России: Социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. С.71–72

⁴ APW. Z.1416/II Kancelaria gubernatora Warszawskiego (KGW). Referat II (1914). Jedn. arch. 138 /III. S. 279.

⁵ Ibidem. Z.31/I. Jedn. arch. 42. S. 72.

⁶ Ibidem. Z.1416/II Referat I Tajny. Jedn. arch. 628. S.28–31, 33–34, 38–39, 41.

⁷ См.: Nielipowicz S. Cytadela Aleksandrowska twierdzy warszawskiej w planach rosyjskiego naczelnego dowodstwa w poczatkowym okresie I wojny swiatowej // Niepodleglosc i pamiec. Warszawa, 1998. S.169.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далене – РГВИА). Ф.2118. Оп. I. Д. 158. Л.3–4

⁹ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 266. Л. 186.

¹⁰ APW. WWO (Warszavski wydzial ochrony). Jedn. arch. 363. S.3–4.

¹¹ РГВИА. Ф.2110. Оп. 1. Д. 64. Л. 134.

¹² Подробнее об этом см.: Нелипович С.Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914. М.: Цейхгауз, 2006. С.36–38.

¹³ РГВИА. Ф.2110. Оп.1. Д. 65. Л. 68.

¹⁴ Там же. Ф. 2411. Оп. 2. Д. 166. Л. 132.

¹⁵ Там же. Ф.2067. Оп. 1. Д. 266. Л. 185.

¹⁶ См.: APW. Jedn. arch. 3949. S.92–94.

¹⁷ Ibidem. WWO. Jedn. arch. 423. S.168–171.

¹⁸ См.: APW. Z.1416/II Referat II (1914). Jedn. arch. 36. S. 1-33; Referat III. Jedn. arch. 1137. S.9-10.

- ¹⁹ Ibidem. Z.1160/11 Warszawski gubernialny zarzadzandarmierii. Jedn. arch. 3976, 3978.
- ²⁰ Ibidem. Z.31/1 Zarzadz oberpolicmajstra Warszawskiego. Jedn. arch. 655. S.3.
- ²¹ Ibidem. S.23–29, 44–46.
- ²² Ibidem. Z. 1416/11 Referat I Tajny. Jedn. arch. 575. S.3–4.
- ²³ Ibidem. WWO (Warszavski wydzial ochrony). Jedn. arch. 491. S.47–50.
- ²⁴ Ibidem. Jedn. arch. 365. S. 316.
- ²⁵ Ibidem. S.324, 347–348.
- ²⁶ Ibidem. Z. 1416/11 Referat I Tajny. Jedn. arch. 592. S. 35.
- ²⁷ Ibidem. Jedn. arch. 604. S. 24–33. Подсчет автора.
- ²⁸ Подсчитано по: WWO. Jedn. arch. 384. S.1–11.
- ²⁹ См.: APW. Z.28/I. WWO. Jedn. arch. 490. S.67–234.
- ³⁰ Ibidem. Z.31/1. Jedn. arch. 27. S.7.
- ³¹ Ibidem. Jedn. arch. 490. S.276–282.
- ³² Ibidem. Z.1416/II Referat I Tajny. Jedn. arch. 575. S.3–4.
- ³³ Ibidem. Z. 1160/11 Jedn. arch. 4122.
- ³⁴ Ibidem. Z. 1416/11 Referat I Tajny. Jedn. arch. 611. S.204–207.
- ³⁵ Ibidem. S.199.
- ³⁶ Ibidem. S.208.
- ³⁷ См.: РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 366. Л. 97–98,100.
- ³⁸ Там же. Л. 108–112, 115.
- ³⁹ См.: APW. Z.1416/II Referat I Tajny. Jedn. arch. 611. S. 252.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф.2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 309 и об. Рапорт от 30 июня (13 июля) 1916 г. касался требования закрыть Юрьевский (Дерптский) университет или «эвакуировать» его так, как было сделано с Варшавским университетом.
- ⁴¹ APW. Z.1416 II Referat I Tajny. Jedn. arch. 596. S. 238. Из прошения Иосифа и Карла Беккеров. колония Хржанов гмины Близне Варшавского уезда, 23 января 1915 г.

В. Шмидт (Регенсбург)

Эмиграция российских немцев в Восточную Африку (1906–1907 гг.): из колониального прошлого Германии

Введение в тему. Регион Восточной Африки в период нового времени играл незначительную роль в историческом процессе, и исходя из этого долгое время об этом регионе не имелось каких-либо конкретных сведений, даже несмотря на завоевание его Португалией в XVI веке. Первоначальные сведения о его климате, экономике, культуре, а также демографии, появились в начале XIX века, а точнее – в середине 1820-х гг., когда английские колониальные власти стали стремиться к укреплению там своего экономического и политического господства. Более конкретные сведения о Восточной Африке, ее историческом прошлом стали появляться в период вступления Германии в эпоху колониальных завоеваний в конце XIX века. Надо отметить, что в последние годы в рамках исследований истории и культуры стран третьего мира появился целый ряд работ, авторы которых специально исследуют историческое прошлое Африки, в частности, ее колониальное прошлое. Возможность более тщательного исследования истории, культуры и колониального прошлого Танзании появилась после провозглашения этим государством независимости в 1961 году. С тех пор издан целый ряд работ по ее колониальной истории.

К началу Первой мировой войны территория современной Танзании находилась под колониальным управлением Германии. Прошлое этой колонии тесным образом оказалось также связано с историей российских немцев, искавших возможность после эмиграции из Российской империи обрести там новую родину.

В начале XX века в истории ряда народов, в том числе и российских немцев имели место эмиграционные настроения, вылившиеся в широкий поток эмиграционного движения. Стремление к лучшей жизни, особенности национального менталитета, толкали немцев к странствиям, заставляли преодолевать огромные расстояния, проникать в самые глухие уголки мира. Вот почему предложенная тема представляется весьма актуальной в научно-историческом плане.

Причины, по которым российские немцы переселялись в другие районы России, а также выезжали за ее пределы, были различны. Представляется, что в их основе лежали два основных фактора:

а) причинами внутренней миграции, вылившейся впоследствии в широкое эмиграционное движение, явились внутренние экономические условия развития старых поселений. Большинство немецкого населения в колониях на территории

Российской империи в большей мере было занято сельскохозяйственным трудом, поэтому нуждалось в наличии свободных земель. Прирост населения в немецких колониях вызывал необходимость расширения площади обрабатываемых земель, однако в районах расположения старых колоний свободной земли уже не было.

б) эмиграции российских немцев из страны, наряду с экономическими факторами, способствовали определенные государственные мероприятия царизма, в частности, ликвидация в 1871 г. статуса колониста, особого управления колониями и колониистских привилегий, а также введение с 1874 г. всеобщей воинской повинности.

В ряде случаев факторами переселения становились религиозные мотивы, однако в рассматриваемое нами время они не имели широкого развития.

Своего апогея процесс переселения из мест компактного проживания в малообжитые районы Российской империи достиг в 90-е годы XIX века. Миграция российских немцев внутри государства приносила мало положительных результатов в стабилизации их экономического, политического и религиозного состояния. Поэтому к середине 90-х годов XIX века миграционное движение постепенно начинает перерастать в эмиграцию. Вплоть до начала Первой мировой войны – это движение носило массовый и достаточно организованный характер.

Хронология, степень разработанности проблемы. Исследование охватывает период 1906-1907 гг., когда было образовано первое поселение российских немцев в Восточной Африке.

Период конца XIX – начала XX века, происходившие тогда различные исторические явления, связанные с особенностями развития эмиграционного движения в среде российских немцев, как специфической и своеобразной формы в развитии этого народа, еще обстоятельно не рассматривались, как в российской, так и в германской историографии. Тем более это касается тематики, связанной с эмиграционным движением российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке.

Научная значимость и слабая разработанность проблемы эмиграционного движения российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке предопределила выбор темы для написания этой работы. Цель исследования – на основе доступных исторических источников раскрыть начальный этап эмиграционного движения российских немцев в пределы колониальных владений Германии в Восточной Африке, показать первые шаги жизни и хозяйствования колонистов в африканских условиях.

Анализ историографии позволяет выделить по данной тематике несколько групп работ.

Прежде всего, выделяются исследования, посвященные общим вопросам колониальной истории Германии, то есть работы, рассматривающие историю и значение колониальных завоеваний для политического и экономического развития метрополии. В данных работах рассматриваются основные периоды становления

и развития колониальной системы Германии. Сюда же мы относим ряд специальных работ, которые раскрывают специфические особенности и характерные черты проводившейся политики в немецких колониях. Эта литература в большей мере характеризует отдельные колонии, их экономическое и правовое положение, административно-территориальное деление, демографическое и культурное состояние¹.

Вторую группу работ по данной проблеме составляют работы, освещающие региональную (восточно-африканскую) специфику в развитии переселенческого дела, включая и эмиграцию российских немцев. В данных работах имеются сведения об экономических отношениях в регионе Килиманджаро-Меру перед появлением переселенцев из России, а также развитию экономических отношений в данном регионе после их появления. Данные работы немногочисленны, но при ознакомлении с ними можно сформировать определенное представление о значимости проводившейся переселенческой политики.

Работ, затрагивающих эмиграционное движение российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке мало. Они разбросаны по различным изданиям и совершенно не систематизированы.

В российской историографии практически нет сколько-нибудь серьезных публикаций по этому вопросу. О дореволюционном периоде в развитии эмиграционного движения российских немцев в пределы восточно-африканских колоний Германии имеются отдельные журнальные статьи, газетные публикации, прямо или косвенно затрагивающие эту проблему. Основаны они, как правило, на непосредственных наблюдениях авторов – современников и содержат определенные факты, касающиеся тех или иных вопросов темы предлагаемой работы, но в этих исследованиях нет существенных обобщений, выводов.

Вопрос о российских немцах в Восточной Африке нашел, главным образом, отражение в германской историографии. Наиболее ценными представляются работы таких германских авторов, как Пауль Рорбах, Вили Шелль, Дикен, Ханс Майер, Ферштер, Герштенхауэр, Мартин Вайсхаут, А. Лое, Пауль Самасса, Эмиль Циммерман, Проспер Мюллендорф². Эти авторы – современники описываемых событий. Поэтому их работы можно считать источниками для нашего исследования.

Отдельно и более подробно хотелось бы остановиться на работе Э. Цехлина и Э. Руппель³ – серьезном историческом исследовании по проблеме эмиграции немцев из России в Восточную Африку, в которой широко использованы фонды различных архивов. Работа вышла в 1944 г. В ней получили серьезное освещение следующие проблемы:

- позиция немецкой прессы по вопросам эмиграции российских немцев в колонии Германии;

- переписка пастора Розенберга и взгляды различных государственных учреждений к его предложению о переселении российских немцев;

- создание и экономические проблемы существования российских немцев в Восточной Африке;
- позиция губернаторов Восточной Африки к проблеме переселения российских немцев;
- причины и неудачи в проводимой политике, а также особенности дальнейшего развития созданного поселения.

В книге нашел отражение сложный и противоречивый процесс создания поселения российских немцев в Восточной Африке, когда преодолевалось сопротивление определенных кругов пессимистов в проводимых мероприятиях, считавших создание поселения российских немцев преждевременным шагом.

Следует отдать должное авторам этого исследования: они первые проторили дорогу к монографическому исследованию этой сложной темы. К сожалению, данная работа до сих пор является единственным монографическим исследованием.

Основная источниковая база данной статьи, прежде всего, – пресса Германии того времени – начала XX столетия. Статьи в немецкой прессе начала века носили весьма информативный характер, несли в себе отпечаток авторского видения проблемы, чего конечно нельзя сказать о журнальных статьях, в которых информация носила сугубо официальный характер.

К сожалению, многие материалы, опубликованные в периодике Германии, слабо использованы или же вообще не привлечены в исследованиях историков. На страницах периодических изданий по вопросам эмиграционного движения российских немцев в восточноафриканские колонии помещались различные правовые документы, статьи личностей непосредственно участвующих в колониальной деятельности и организации поселения для переселенцев из России, материалы по реализации проводимых мероприятий, а также о специфике ее осуществления в данной колонии, ее социально-экономических особенностях. Концептуальное значение имеют публикации, отражающие различные политические течения в общественно-политической мысли Германии начала XX столетия по вопросам переселения российских немцев в колониальные владения в Африке.

Наибольшее количество материалов по эмиграционной истории российских немцев и их движения в пределы немецких колоний в Восточной Африке (ныне территория Танзании) содержится в журнале «Deutsche Kolonialzeitung», а также в «Deutsches Kolonialblatt», в которых печатались материалы о развитии и мероприятиях колониальных органов в организации и регулировании процесса эмиграции российских немцев в пределы немецких колоний в Восточной Африке. Помимо данных материалов в этих изданиях были помещены различные распоряжения и приказы колониальной администрации в Восточной Африке.

В этих периодических изданиях с той или иной степенью регулярности также освещалась жизнь поселения российских немцев. В материалах выше названных изданий содержатся также сведения представляющие интерес для разработки темы и отчасти использованные при написании этой работы. Эмиграционная

проблематика нашла отражение и в других периодических изданиях, в которых опубликованы ценные исследования по проблемам переселенческой политики российских немцев в африканские колонии Германии. Особый интерес представляют статьи, посвященные конкретным вопросам этого переселения, а также материалы о деятельности центральных учреждений Германии по этой проблеме.

Немало интересных, ценных и обширных материалов о русских немцах в Восточной Африке помещено в журналах „Die deutschen Schutzgebiete in Afrika und Südsee“ (1909/1910), „Amtliche Jahresberichte Reichskolonialamt“, а также „Denkschrift über die Entwicklung der Schutzgebiete in Afrika und der Südsee“ (1908/1909).

К числу важных источников при исследовании проблемы переселения российских немцев в колонии Германии в Восточной Африке играют материалы журнала евангелическо-лютеранской миссии в Лейпциге «Evangelisch-Lutherisches Missionsblatt». На страницах этого издания собраны сообщения миссионеров работавших в африканских колониях Германии в годы перед Первой мировой войной. В этих сообщениях имеются интересные сведения о переселении российских немцев в колонии Германии, а также описание конкретных мероприятий по организации, устройству этого переселения.

Интересны в этом плане также и материалы об организации школьного дела среди российских немцев в восточно-африканских колониях, в которых собраны сведения о количестве детей и их посещаемости школы в Лейддорфе (Леганге).

Эти сведения собраны в „Jahresbericht über die Entwicklung der Schutzgebiete in Afrika und der Südsee im Jahre 1907/1908“.

Большую значимость при исследовании вопросов переселения российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке приобретают материалы местных печатных органов издававшихся в колонии, таких как «Usambara – Post» и центральной газеты „Deutsch – Ostafrikanische Zeitung“, на страницах которых имеются конкретные сведения о процессе переселения, организации и оценке этого исторического явления. Кроме того, в этих периодических изданиях отражена роль различных колониальных кругов по вопросам переселения российских немцев в протекторат Германии в Восточной Африке.

При отборе материала возник естественный вопрос об его репрезентативности. Привлечение материала по тематике эмиграции российских немцев в Восточную Африку, определялось, прежде всего, тем, насколько в них были отражены реальные показатели интереса тех или иных изданий к самой проблеме и процессу эмиграции российских немцев.

Как представляется, используемые источники, а также привлеченные материалы ранее проведенных исследований по теме позволяют реализовать цель данной работы.

Краткий обзор заселения немецких колоний в Восточной Африке (район Килиманджаро-Меру). К началу XX века немецкие колонии в Восточной Африке стали приобретать все более важное значение в экономической жизни Германии,

особенно в развитии ее торговли. Развитие торгового оборота между колонией и метрополией требовало все больше человеческих ресурсов для производства товаров пользующихся спросом на внутреннем рынке Германии⁴.

Основание немецких колоний в Восточной Африке началось еще в 1884 году, когда в Берлине было создано Немецкое колониальное общество (Gesellschaft für deutsche Kolonisation) во главе с Карлом Петерсом. После ряда экспедиций в Восточную Африку ему удалось убедить немецкое правительство в значимости колонизации данных территорий. В 1885 году канцлер Отто фон Бисмарк⁵ подписал указ о присоединении этих территорий к Германии.

Однако с присоединением этих земель у Германии возникли сложности при их освоении. До появления немецких колониальных властей в этом регионе Африки уже имелись поселения европейцев. Кроме немецких переселенцев в Восточной Африке проживали выходцы из Австрии, Голландии, Швейцарии и Италии, а позднее переселенцы из России и Палестины⁶. К началу 1904 года в немецких колониях в Восточной Африке насчитывалось 1500 выходцев из Европы. По данным «Статистического ежегодника Германской империи» число поселившихся европейцев в Восточную Африку по годам составляло количество, указанное в таблице 1.

Таблица 1

**Рост числа европейцев в Германской
Восточной Африке (по годам)⁷**

Год	1900	1904	1905	1907	1913
Количество	1243	1500	1879	2629	5500

В восточноафриканских колониях для заселения и развития переселенческих хозяйств пригодны были в основном три района: на северо-востоке колонии – район от Узамбары до Килиманджаро-Меру, на юге горный район Уее в округе Иринга и район в округе Лангенбург⁸.

Процесс заселения европейцами колониальных владений Германии в Восточной Африке в районе Килиманджаро-Меру можно подразделить на следующие периоды.

1. Период с 1900 по 1904 годы, который можно охарактеризовать как период укрепления фермерских хозяйств буров.

2. Период с 1906 по 1909 гг., когда в заселении района участвовали российские немцы-переселенцы.

3. Период с 1909 по 1913 гг. – период переселения в район немцев – выходцев из Палестины⁹.

Появление буров в регионе Килиманджаро-Меру было вызвано последствиями Англо-бурской войны, вызвавшей внутриафриканскую миграцию буров из английских колоний в Южной Африке. Первоначально к областям, охваченным пересе-

лением буров относились западные и северные регионы Восточной Африки. Надо отметить, что миграция буров в Африке охватила не только районы Восточной Африки, но также районы немецких колоний в Юго-Западной Африке, Британской Центральной Африке, Британской Восточной Африке, Родезии¹⁰. После окончания Англо-бурской войны (1899-1902) германский губернатор в Восточной Африке Гетцен (Götzen)¹¹ рассмотрел заявления Переселенческого комитета буров о возможности передачи и разрешения выдачи земли бурам в Восточной Африке.

В результате этого в район Килиманджаро – Меру было переселено 300 семей буров. Главным видом хозяйственной деятельности буров в районе нового заселения было скотоводство¹².

Идея укрепления и развития фермерских хозяйств буров в районе Килиманджаро-Меру была поддержана руководителем округа Танга Мейером¹³. По мнению Мейера, с развитием фермерских хозяйств буров в районе Килиманджаро-Меру должно было укрепиться экономическое положение Германии в этом регионе. Позиция Мейера не нашла поддержки со стороны колониального ведомства Германии. Основанием для этого послужили все ухудшающиеся отношения между Англией и Германией, в связи с чем для правительственных кругов Германии переселенцы-буры в район Килиманджаро-Меру были нежелательным переселенческим материалом. Следующий губернатор восточноафриканских колоний Германии фон Рехенберг «из политических оснований» ввел ограничение на переселение буров в район Килиманджаро-Меру¹⁴.

К тому же, по мнению правительственных кругов Германии, буры представляли нежелательный переселенческий материал еще и потому, что с появлением их фермерских хозяйств в регионе Килиманджаро-Меру, они стали составлять серьезную конкуренцию вновь возникшим немецким фермам. Надежды колониальных властей на роль фермерских хозяйств буров в улучшении экономического состояния колоний, оправдались только частично¹⁵. Немецкие колониальные власти требовали, чтобы хорошие пахотные земли в округе Килиманджаро-Меру не распределялись среди бурских переселенцев, а остались для распределения среди будущих немецких переселенцев. В распорядительных документах колониального ведомства по вопросам переселения буров, конкретно и четко пояснялось, что местные колониальные органы должны об этих землях позаботиться и всячески стремиться к ограничению переселения буров в данный регион.

Кроме буров в рассматриваемый нами район переселялись отдельные семьи греков, англичан, итальянцев, а также выходцев из Канады и Австралии.

Отклонение проекта Мейера об укреплении фермерских хозяйств буров принудило колониальное ведомство Германии к новым поискам путей заселения этого района другими переселенцами. С момента, как Восточная Африка попала под колониальное управление Германии, Немецкое колониальное общество рассматривало эту территорию, как регион для заселения ее, прежде всего, немецкими переселенцами.

Практические трудности проводимой политики заключались в том, что колониальные органы в Восточной Африке, несмотря на свое желание, не совсем точно представляли цели и задачи этих мероприятий со стороны колониального ведомства¹⁶. Перед началом переселения российских немцев в район Килиманджаро-Меру, одним из самых острых вопросов в развитии колониальной и экономической политики Германии в этом регионе являлся вопрос о создании небольших переселенческих хозяйств.

Этот вопрос широко обсуждался в немецкой прессе, и при этом высказывались различные мысли, которые в итоге сводились к одному, что имперское правительство заинтересовано в поощрении и развитии колонизации района Килиманджаро-Меру на основе использования небогатых немецких крестьян из Восточной Европы¹⁷, стремящихся выехать из России в Канаду, США и Южную Америку для своих колониальных интересов.

Развитие долгосрочного переселенческого хозяйства в районе Килиманджаро-Меру по мнению организаторов этой политики было возможно из-за сравнительно умеренных климатических условий, которые должны были подойти выходцам из Европы¹⁸.

Губернатор Германской Восточной Африки Гетцен вначале очень осторожно подходил к вопросу заселения района Килиманджаро-Меру и создания в этом районе новых поселений. Его позиция объяснялась тем, что в этом районе не имелось нормальных дорог и прежде всего железнодорожной сети, что, по его мнению, осложняло бы заселение этого региона европейцами¹⁹.

В 1905 году в район Килиманджаро-Меру была организована специальная экспедиция во главе с капитаном колониальной службы Шлобахом (Schlobach), который впоследствии высказал свои предложения о возможностях заселения этого региона европейцами. В частности, в своем сообщении по этому поводу он писал, что «луга западнее реки Мара очень благоприятны для развития скотоводческого хозяйства, а также для развития в этом районе европейской колонизации»²⁰.

Его мысли относительно этого вопроса были подтверждены в докладе, прочитанном доктором Арнингом (Arning) на заседании колониального конгресса 1905 года. Шлобах в своей докладной записке писал также следующее: «степи заселенные племенами масаи и расположенные там горные районы вследствие своего прохладного климата очень благоприятны для заселения этого региона европейцами», но при этом он высказал также мысль, что строительство железной дороги способствовало бы более успешному проведению переселенческой политики колониальными властями, заселению этого района бурами и российскими немцами²¹.

После сообщений о проведенных исследованиях в районе Килиманджаро-Меру Немецкое колониальное общество взяло во внимание все высказанные мысли и стало субсидировать переселенческую политику, причем имперское правительство и рейхстаг не имели противоречий относительно проводимой полити-

ки. Для этой цели Немецкое колониальное общество к концу 1905 года в Эссене создало специальный фонд, цель которого была направлена на субсидирование переселенческих мероприятий в район Килиманджаро-Меру²².

Изменилась и позиция губернатора Гетцена. В начале 1906 года немецкая печать широко обсуждала разработанный им и одобренный 8 января план использования переселенцев из России при заселении района Килиманджаро-Меру. В дальнейшем он оказал деятельное участие в организации процесса заселения колониальных владений Германии в северных регионах Восточной Африки выходцами из России. Он предлагал создание деревенского поселения, состоявшего из 50 крестьянских дворов, на территории площадью 2500 га, выделяемых для этой цели из земельного фонда Переселенческого комитета.

По плану Гетцена было также необходимо и важно, во вновь созданном поселении специально выделить 20 га для организации приусадебных участков. Гетцен считал, что использование контингента переселенцев из российских немцев будет способствовать укреплению позиций Германии в данном районе. План заселения северного района (Килиманджаро-Меру) состоял из трех основных пунктов:

- использование при заселении восточноафриканских колоний выходцев из России и усиление данного элемента в потоке переселения;
- освобождение переселенцев в Восточную Африку от воинской обязанности;
- организация небольших крестьянских поселений в данном регионе без использования сил местного населения.

Позиция графа Гетцена рассматривалась в немецкой периодической печати, как непатриотичная. Первые же голоса, прозвучавшие в немецкой прессе, составили оппозицию, нацеленную на критику взглядов губернатора²³.

В газетах писалось: «Что это за политика, когда имперские немцы должны селиться в колонии, причем только на побережье и при этом отдавать свои деньги, когда русские немцы освобождены от всех трудностей и как иностранцы в колонии получают землю»²⁴. Эти слова в периодической печати показывали ограниченность определенных общественных кругов, не желавших признавать селившихся в колониях этнических немцев в качестве своих сограждан. Имперское правительство определило данную позицию, как необоснованную.

В начале 1906 года в Эссене состоялось заседание немецкого колониального общества, рассматривавшее вопрос о целесообразности переселения российских немцев в колонии Германии, обсуждалась также их способность ускорить экономическое развитие этих территорий. В решениях заседания было зафиксировано намерение колониального ведомства создать специальное учреждение, которое контролировало бы вопросы переселения российских немцев в Восточную Африку. Исходя из решений эссенского заседания немецкого колониального общества, такое учреждение было создано к весне 1906 года и получило название Восточноафриканского переселенческого комитета. В функции вновь созданного органа,

ведавшего переселением российских немцев, входили следующие задачи: оказание конкретной материальной помощи российским немцам при переселении в район Килиманджаро-Меру; обеспечение переселявшихся земельными наделами²⁵; создание в районе на основе переселения российских немцев компактного европейского поселения. Привлечение этнических немцев объяснялось тем, что немцы из самой Германии переселялись в Восточную Африку неохотно. По этой причине Переселенческий комитет был вынужден ориентироваться на 50 семей с Кавказа, искавших в тот период возможность переселиться в Канаду. Позже представители колониального переселенческого комитета доктор Арнинг (Arning) и капитан колониальной службы Лойе (Leue)²⁶ свидетельствовали, что при отправке российских немцев из Гамбурга им были разъяснены цели и задачи переселения в район Килиманджаро-Меру.

К началу переселения российских немцев в район Килиманджаро-Меру Восточноафриканский переселенческий комитет под руководством Штрауха имел уже в наличии 2500 га свободной земли. Этот комитет давал также переселявшимся российским немцам гарантии в получении земли, скота, рабочих из числа местных жителей.

Организация поселения российских немцев в Восточной Африке (1906 – 1907). План переселения российских немцев в колонии Германии в Африке был предложен пастором Розенбергом²⁷ из Латовица. По этому поводу в „Deutsch – Ostafrikanische Zeitung“ была помещена статья о задачах и целях переселения российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке. В этой статье от 31.03.1906 г. писалось, что «пастор Розенберг из Латовица, провинции Познань, обратился к колониальным службам с предложением о переселении определенной части немцев из России и использовании их при колонизации восточноафриканских колоний Германии»²⁸. Далее газета сообщала, что идеи, высказанные Розенбергом в письме, посланном в колониальное ведомство, подтверждали мнение, что будущее колониальной политики Германии зависит от использования немецких крестьян из России, где они составляют 2 млн. населения этой страны²⁹ и могли быть очень полезны в колонизации Восточной Африки³⁰.

На самом деле пастор Розенберг не ограничился одним письмом в колониальное ведомство. Сохранилась целая переписка пастора с различными правительственными ведомствами. Хронологически переписка Розенберга с различными персонами, занимающимися колониальными вопросами охватывает период с 1905-го по 1907 год. Большинство писем Розенберга адресовано министерству иностранных дел, а именно – отделу при министерстве, ведавшему колониальными вопросами. В своих письмах Розенберг обосновал идею и значимость использования российских немцев в колониальных целях Германии в Восточной Африке.

Возможность эмиграции российских немцев в колонии Германии в письмах Розенберга обосновывалась их тяжелым экономическим положением в России, а

также желанием самих колонистов изменить свое состояние путем эмиграции. В своих письмах Розенберг предлагает также, чтобы переселение российских немцев в Восточную Африку и его организацию взял на себя Восточноафриканский переселенческий комитет. По его мнению, высказанному в письмах, переселением могут быть охвачены целые районы, в которых проживают российские немцы, что в свою очередь может повлечь к переселению тысячи представителей этого этноса.

В своих письмах пастор Розенберг высказывал мысль о финансовой поддержке государством этого переселения. Однако колониальные круги эту мысль не поддержали. В частности, секретарь правительства Германии фон Шпалдинг в своем ответном письме на имя пастора Розенберга писал: «колониальное управление не имеет таких средств, чтобы организовать массовое переселение российских немцев в Восточную Африку»³¹.

Ценность писем Розенберга заключается в том, что он в них указывает конкретные области Российской империи, откуда могла идти эмиграция российских немцев в восточноафриканские колонии Германии. К одному из своих писем пастор Розенберг прилагает также письма немецких колонистов из различных регионов царской России, в которых выражается их желание переселения.

Из переписки пастора Розенберга с представителями и кругами, ведавшими колониальной политикой Германии, четко прослеживается неоднозначность мнений чиновников о переселении российских немцев в восточноафриканские колонии, которые были связаны с их конкретными представлениями о политике колонизации данной территории. Переписка пастора Розенберга с колониальным ведомством Германии показывает насколько остро стоял вопрос об использовании российских немцев в колониальных мероприятиях Германии. Потребовалось определенное время, пока колониальное ведомство приступило к осуществлению конкретных шагов по реализации плана Розенберга в жизнь.

25 апреля 1906 года пастор Розенберг послал телеграмму в колониальное ведомство, в которой сообщал, что среди российских немцев имеются желающие выехать в Восточную Африку. Для оказания помощи переселенцам был создан специальный комитет во главе с Розенбергом, находившийся в Острово (современная Польша). Этот комитет функционировал независимо от Восточноафриканского переселенческого комитета³².

Помимо двух вышеназванных организаций в марте 1906 года в Берлине была создана еще одна – Попечительский союз переселенцев. Целью этого союза было оказание помощи возвращающимся в Германию этническим немцам и дальнейшее их использование в интересах Германии. В функции учреждения входило переселение российских немцев в немецкие колонии в Восточной Африке. Несмотря на сложность, план Розенберга стал претворяться в жизнь.

13 мая 1906 года первая группа переселенцев российских немцев выехала из Гамбурга, а 18 июня 1906 года они были уже в Момбасе. По этому поводу „Deutsch

– *Ostafrikanische Zeitung*” в том же мае 1906 года поместила статью, в которой писалось, что «создание поселения российских немцев в районе Килиманджаро, а точнее в районе Узамбары нужно принять с полной серьезностью, так как энергия, которую приложил пастор Розенберг, способствовала реализации этого плана»³³.

16 июня 1906 года *„Deutsch – Ostafrikanische Zeitung“* сообщала, что «прибывшие в Момбасу немецкие переселенцы из России являются первым потоком колонистов для заселения района Килиманджаро, что к приезду первых переселенцев округ Килимантиде, богатый скотом, приготовил приблизительно 100 молочных коров и других домашних животных, которые должны быть туда переправлены после прибытия первых переселенцев»³⁴.

Однако *„Deutsch-Ostafrikanische Zeitung“* печатала не только оптимистические статьи о переселении российских немцев в колониальные владения Германии. 21.07.1906 года газета публикует статью Деэга, в которой автор подвергает критике сам процесс переселения и мероприятия колониальных властей по этим вопросам.

В своей статье Деэг пишет, что «ограниченность участков заселения в районе Моши и пригодность только трех территорий, таких как Кибошо, Кинди и северный Кибонгаро, где еще имеются свободные участки для переселения, все-таки и во многом не могут быть достаточны для обеспечения переселенцев землей, и, с другой стороны, в какой-то степени нарушат традиционную инфраструктуру»³⁵.

После двухдневного пребывания в Момбасе, которое российские немцы провели в помещении немецкого вице-консула, они выехали по железной дороге до станции Вой. Там они были встречены представителями колониальных властей, в сопровождении которых достигли военного укрепления Моши.

1 июля 1906 года фермером Фритцем Рихтером переселенцам был представлен транспорт для дальнейшего передвижения, а также в профилактических целях им был выдан хинин и кипяченая вода. Транспортom переселенцы из России добрались до подножия Килиманджаро, где были вынуждены до дальнейшего места назначения идти пешком. Поселение российских немцев в районе Килиманджаро-Меру находилось в 20 км от административного центра Аруша³⁶.

1 сентября 1906 года газета *„Deutsch-Ostafrikanische Zeitung“* сообщала, что «окружное ведомство предприняло и провело огромную работу по поискам подходящего места для российских немцев и создания условий для возникновения их поселения. Было выбрано удобное в климатическом отношении место для создания поселения, которое находится на высоте 1240 метров над уровнем моря»³⁷. Географическое положение вновь созданного поселения было очень выгодным, так оно располагалось между двумя реками Кигери и Магдирешу³⁸.

20 июня 1906 года местная газета *«Usambara Post»*, описывая проезд на место первой группы российских немцев, заканчивала свое сообщение оптимистическими прогнозами о влиянии переселения российских немцев в район Меру на

развитие этого региона: «Можно надеяться, что данное переселение даст положительные результаты, российские немцы будут лучшим переселенческим элементом, чем буры»³⁹.

В июне 1906 года в Нкоаранге было получено сообщение, в котором сообщалось, что исходя из экономической значимости района Меру, немецкие колониальные власти пришли к мнению о заселении данного региона российскими немцами.

В послании колониального ведомства требовалось, чтобы деятельность миссии в Нкоаранге была более активной при подготовке и обеспечении условий для вновь пребывающих переселенцев. Как писал в своем сообщении миссионер Краузе, «причиной их переезда послужили неурожай, что повлекло их к смене места жительства, к стремлению найти новую родину. Земли, которые были им предложены, находились между степной и лесной зоной»⁴⁰.

После отправки первой группы российских немцев в мае 1906 года, Переселенческий комитет не стремился больше обсуждать этот вопрос и стоял на позиции, что больше 50 семей он не намерен принять в колониальных владениях в Восточной Африке.

Однако пастор Розенберг, будучи инициатором и организатором этого мероприятия продолжал настойчиво требовать дальнейшего рассмотрения вопроса о возможности использования большего числа российских немцев при колонизации Восточной Африки. По мнению Розенберга сложность переселения немцев из России в Восточную Африку заключалась в том, что большинство желавших переселиться не имело для этого нужных средств. Розенберг обратился с новым предложением к государственному секретарю Шпальдингу о рассмотрении возможности передачи колониальным ведомством переселенцам 2000 га свободной земли и оказания им материальной помощи.

Помимо этого шага Розенберг предпринял еще одну попытку заинтересовать колониальное ведомство. Он направил письмо на имя директора колониального ведомства при министерстве иностранных дел Германии Гогенлоэ-Лангенбургу (Hohenlohe – Langenburg), в котором пояснил общую ситуацию в среде российских немцев, особенно в поволжских колониях, стремившихся изменить свое экономическое положение. В частности, в этом письме от 12/20 июля 1906 года он писал, что «из поволжских колоний, а именно из Самарской и Саратовской губерний приходят устные сообщения об экономическом состоянии немецких колонистов». Далее Розенберг в этом письме предлагал использовать поволжских немцев в колонизационных мероприятиях Германии в Восточной Африке. Он писал, что «это может быть не только область Килиманджаро-Меру, где уже началось заселение российскими немцами, но и другие области Восточной Африки»⁴¹.

Идея о возможности заселения территории Килиманджаро-Меру выходцами из Европы была подтверждена в сообщении капитана колониальной службы Лойе, в котором он писал, что «климатические условия очень благоприятны для евро-

пейской колонизации и переселенцы из Европы чувствуют себя очень хорошо. При этом они возделывают свои садовые участки, на которых выращивают очень удачно все виды европейских и африканских овощей, в частности в данном регионе очень хорошо растет капуста, свекла, редиска, картофель, лук, горох. При этом европейские переселенцы очень благоприятно влияют на развитие агрокультуры у местных жителей»⁴².

В результате в августе 1906 года Переселенческий комитет послал своих представителей – штабного врача Арнинга и капитана колониальной службы Лейе – в Острово, для того чтобы они ознакомились на месте с контингентом желающих переселиться в Восточную Африку. Была собрана группа переселенцев, которая состояла из четырех семей из Поволжья общей численностью 22 человека, она была отправлена в восточноафриканские колонии⁴³.

24 октября 1906 года „Usambara – Post“ писала, что «прибытие пароходом 4 семей российских немцев в колонию для того, чтобы создать здесь поселение в районе Килиманджаро-Меру, смогло осуществиться через посредничество пастора Розенберга в Острово. После прибытия в колонию, их дальнейший путь должен был продолжаться под руководством секретаря окружного ведомства Ценке (Zencke)»⁴⁴.

Подводя итог переселению первых переселенцев из числа российских немцев „Usambara - Post“ сообщала, что «транспорт российских немцев-переселенцев в район Килиманджаро – испытал определенные трудности при своем передвижении в этот район из-за отсутствия нормальной сети дорог, которые находились в этот период не в лучшем состоянии»⁴⁵.

Основной хозяйственной деятельностью в Лейддорфе являлось сельское хозяйство, которое было представлено тремя его видами: плантациями, пахотным земледелием и скотоводством. Земледельческие районы в основном имелись в регионе южного и восточного Меру, а также в регионе Килиманджаро, где имелись водные источники, необходимые для выращивания сельскохозяйственной продукции. Немецкие крестьяне с Кавказа, переселившиеся в район Килиманджаро-Меру получили в свое пользование по 50 га пахотной земли.

Помимо этого немецкое колониальное общество и имперское правительство давало материальную помощь российским немцам-переселенцам. Германия выделяла для этой цели от 850 до 1600 рейхсмарок, с учетом семейного положения каждого отдельно взятого переселенца. Кроме финансовой помощи от немецкого колониального общества российские немцы-переселенцы после прибытия в Лейддорф получали также материальную помощь от Переселенческого комитета в размере 3000 рупий. В общей сложности для этого мероприятия, а именно, для заселения области Килиманджаро-Меру немецкое колониальное общество выделило 100 000 рейхсмарок⁴⁶.

Как впоследствии сообщала газета «Hamburger Nachrichten» 1 января 1907 года, государственный секретарь имперского колониального ведомства Деренбург, совершивший поездку в немецкие колонии в Восточной Африке в своем

докладе, прочитанном на заседании торгового общества в Гамбурге, подчеркивал значимость организации европейских поселений в регионе Килиманджаро-Меру для колониальных и экономических целей Германии: «Поселения колонистов в немецкой Юго-Западной Африке размером больше чем Германия, а также горные свободные от малярии участки немецкой Восточной Африки имеют важное значение для германской экономики»⁴⁷.

Первоначально переселенцы организовали огородные участки площадью 4 га земли, на которых выращивали картофель, кукурузу и фасоль. Однако данной земельной площади было недостаточно, для того чтобы прокормить переселившихся, да и получение хорошего урожая было также сопряжено с трудностями, так как были забыты семена⁴⁸. Особенно успешно в районе Меру выращивались зерновые культуры.

В сообщении председателя германского Восточноафриканского переселенческого комитета отмечалось, что «переселенцы из России в районе Меру собрали хороший урожай пшеницы, и это должно рассматриваться нами, как успешное развитие сельского хозяйства в данном районе. Это еще одно подтверждение того, что район Меру может удачно быть заселен европейскими переселенцами»⁴⁹.

24 июля 1907 года в газете «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» появилась статья, в которой говорилось, что «использование российских немцев в колониальных мероприятиях при заселении и создании прочного европейского поселения в районе Меру использовалось колониальными властями, как агитационное средство, для привлечения немецких переселенцев-крестьян из Германии»⁵⁰.

Несмотря на столь оптимистические сообщения в «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» высказывались также и опасения по поводу данного переселения. В частности в марте 1907 года, ссылаясь на статью опубликованную по вопросам переселения в «Tägliche Rundschau» в «Deutsche-Ostafrikanische Zeitung» была помещена статья, которая критически рассматривала сам процесс переселения и задействования в нем российских немцев. В этой статье писалось, что «колониальные власти должны отнестись к вопросу переселения российских немцев в район горного массива Меру с большей серьезностью и иметь ясное представление о самих переселенцах, которые не имеют достаточных средств для своего жизненного обеспечения. В район Меру переселяются абсолютно несостоятельные в экономическом смысле люди, которые в течении короткого времени не смогли себе создать определенных жизненных условий для дальнейшего своего обеспечения»⁵¹. В конечном итоге газетная публикация в «Deutsch-Ostafrikanische Zeitung» подвергала критике саму идею колонизации района Килиманджаро-Меру на основе переселения российских немцев и буров, так оно не может быть выгодным в дальнейшем при колонизации этого района немецкими крестьянами из Германии. Вся сущность проводимой политики сводилась по существу к эксперименту⁵².

С другой стороны о значимости проводимой политики о переселении немцев в район Килиманджаро - Меру „Usambara - Post“ 22 июня 1907 года писала: «Переселение немецких колонистов из России в район Килиманджаро-Меру являлось желанием и целью правительства и различных колониальных учреждений. Но, несмотря на желание губернатора в Восточной Африке вплотную заняться переселением российских немцев в данный регион, эти мероприятия тормозились из-за отсутствия необходимых средств у переселявшихся. Ко всему нужно подчеркнуть, что район Аруши и Моши являются важнейшими стратегическими пунктами в районе Килиманджаро и было бы вполне уместно создать прочное европейское поселение на основе переселенцев – немцев из России»⁵³.

В ноябре 1907 года Пауль Фукс посетил поселение российских немцев, после чего опубликовал свои заметки о данном поселении и жизни колонистов. В записках Фукса имеются интересные сведения о жизни поселения. Записки Фукса опровергают мнение, высказанное в газете „Usambara - Post“ за 22.06.1907 года о недостаточности средств, выделяемых переселенцам. В частности, Фукс пишет, что «большая часть переселенцев находилась в этом районе свыше 7 месяцев, остальные же приехали в течении последующих трех месяцев. Для каждой переселенческой семьи губернаторство выделило по 50 га земли, причем из этого были выделены 4 га для садовых участков. Для каждой переселенческой семьи был также построен дом с двумя хозяйственными постройками, преимущественно из глины. Далее писалось, что в первый год своего пребывания каждая семья на каждого ребенка получила помощь в размере от 30 до 60 рупий, причем данная помощь выплачивалась переселенцам ежемесячно. Помимо этого каждая семья получала бесплатно 10 рабочих из числа местных жителей. Практически большинство российских немцев прибывших в этот район были ремесленниками и не имели никакого представления о земледелии. Но развитие поселения идет вполне успешно»⁵⁴.

Однако, в жизни российско-немецких поселенцев Леганги не все обстояло так уж хорошо. Об этом мы узнаем, читая страницы все той же местной газеты. В частности, 18 сентября 1907 года „Usambara - Post“ писала, что: «четыре семьи российских немцев требуют от окружного ведомства, чтобы их вновь выселили на родину»⁵⁵. К сожалению газета не указывала конкретные причины желания российских немцев покинуть Восточную Африку, отметив лишь, что «причины бегства российских немцев имеют различные аспекты, причем данные причины во многом не обоснованы»⁵⁶.

19 октября 1907 года „Usambara - Post“ вновь возвращается к теме бегства российских немцев из Восточной Африки: «В окружном центре Аруша пойманы две семьи российских немцев из района Моши, предпринявших попытку к бегству. Эти семьи состоят из 11 человек, в том числе из 5 взрослых мужчин, 13 женщин и 3 детей. Как объяснили эти беглецы, они не могут жить в районе Меру потому, что посевных площадей недостаточно для того, чтобы прокормить семью, и что в

этом горном районе нет работы, и эта земля очень плоха. Поэтому они не могут быть в этом районе удовлетворены своим положением»⁵⁷.

26 октября 1907 года «Usambara - Post» последний раз обращается к теме беглецов. Тон статьи, в отличие от предыдущих публикаций, посвященных вопросам переселения российских немцев, существенно меняется: «Две семьи российских немцев в общем количестве 11 человек вернулись обратно. Впоследствии их выселили через посредство Переселенческого комитета в Германию. Причиной их отъезда явилось то, что они получили очень плохую землю в горном районе, что послужило основой для их выезда с территории Килиманджаро-Меру». Далее газета дает резюме, довольно оскорбительное для российских немцев: «Российские немцы совершенно не показали своего старания, которое было от них ожидаемо и которое должно, в сущности, быть у каждого немецкого переселенца в Восточной Африке, от их немецкого происхождения у них остался только немецкий язык»⁵⁸.

Этот упрек, однако, был явно несправедлив, поскольку подавляющее большинство немецких семей из России осталось в Леганге, преодолев трудности адаптации.

Таблица 2.

Перечень семей российских немцев, имевших самостоятельное хозяйство в районе Килиманджаро-Меру в поселении Леганга (Лейддорф), на начало 1908 года»⁵⁹.

Фамилия	С какого времени проживает в колонии	Главное занятие
1. Мюллер	1906	сельское хозяйство
2. Кехтер	1906	сельское хозяйство
3. Бух	1906	сельское хозяйство
4. Вагнер	1906	сельское хозяйство
5. Гросс	1906	сельское хозяйство
6. Майер	1906	сельское хозяйство
7. Камерцель	1906	сельское хозяйство
8. Шиллинг	1907	сельское хозяйство
9. Шперлер Х.	1907	сельское хозяйство
10. Шперлер К.	1907	сельское хозяйство

Как следует из таблицы, основная часть семей из России поселилась в колонии в 1906 году. К началу 1907 года в восточноафриканских колониях Германии проживало 47 семей российских немцев, а к началу 1908 года их количество составляло 67 семей.

В 1907 году в округе Аруша, где находилось поселение российских немцев Леганга (или Лейддорф) насчитывалось 387 переселившихся европейцев и 280 буров.

Однако надо отметить, что многие из поселенцев в результате неурожая 1908 года были вынуждены переселиться в Британскую Восточную Африку, что повлекло к снижению численности европейского населения в округе Аруша до 313 человек⁶⁰. Общее же количество европейского населения и буров по итогам переписи 1907 года составило около 700 человек⁶¹. Европейское население в восточноафриканских колониях к началу 1908 года составляло 2845 человек.

В 1908 году число переселенческих хозяйств в регионе Килиманджаро-Меру, а точнее в районе Моши увеличился в двое. Основную часть населения этого района составляли буры и российские немцы. Видом их хозяйственной деятельности было сельское хозяйство и в частности возделывание огородов, на которых переселенцы выращивали кукурузу, картофель, сахарную свеклу и различные виды других европейских культур. Буры предприняли также попытки культивирования табака.

В результате притока населения в районе Моши остро встал вопрос о его занятости. Колониальное ведомство требовало от нового губернатора восточноафриканских колоний фон Рехенберга⁶², чтобы он более серьезно подошел к решению вопроса о заселении района Килиманджаро-Меру, а именно, округа Моши европейцами. Несмотря на то, что новый губернатор предпринял ряд служебных поездок в округ Моши, вопрос о его заселении остался открытым. Одной из причин этого послужили сомнения нового губернатора в экономической целесообразности строительства железной дороги до Килиманджаро и рассмотрение этого вопроса, как основного условия для заселения этого района европейцами. Эти сомнения фон Рехенберга об экономической значимости освоения данного региона европейцами сказались на его общей концепции колонизации района Килиманджаро-Меру.

¹ Конкретнее см.: Morgenroth, W.: Umschau in der Kolonialliteratur des letzten Jahres, in: «Jahrbuch über die deutschen Kolonien». I. Jahrgang (1908), S. 182-190.

² См.: Rohrbach, Paul: Das Deutschtum über See. Karlsruhe in Baden 1931; ebenda: Die deutschen Kolonien. Dachau 1914; Schell, Willy: Deutschlands Kolonien. Berlin 1912; Deeken: Die Auswanderung nach den deutschen Kolonien, in „Koloniale Abhandlungen“ Heft 21/22. Berlin 1908; Meyer, Hans: Das deutsche Kolonialreich. <Ostafrika und Kamerun>. Bd.1. Leipzig/Wien 1909; Förster: Die Siedlung am Kilimandscharo und Meru, in: «Koloniale Abhandlungen», Heft 12. Berlin 1907; Leue, A.: Die Siedlung am Meru, in: «Schriften zur Förderung der inneren Kolonisation» Heft 13. Berlin 1912; Samassa, Paul: Die Besiedlung Deutsch - Ostafrika. Leipzig 1909; Weißhaut, Martin: Ostafrikanische Wandertage. < Durch das Gebiet der Leipziger Mission den Deutsch - Ostafrikas.> Leipzig 1913; Zimmermann, Emil: Unsere Kolonien. Berlin/Wien 1912; Müllendorff, Prosper: Ost - Afrika im Aufstieg. Essen 1910.

³ См.: Zechlin, Egmont/Ruppel, Edith: Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch - Ostafrika. Leipzig 1944.

⁴ См.: Rohrbach, Paul: Die deutschen Kolonien. Dachau 1914, S.29-38.

⁵ Бисмарк Отто фон, основатель германской империи в 1871 году, родился 1.04.1815 г. в Шонхаузене, округ Хавельберг, умер в Фридрихсруэ 30.07.1898 года.

⁶ См.: Scheel, W.: Deutschlands Kolonien. Berlin 1912, S.99.

⁷ См.: Statistische Jahrbücher des Deutschen Reiches. Berlin 1907 - 1913, S.15; oder Bald, Detlef: Ostafrika 1904 -1914. München 1970, S.40; Deeken: Die Auswanderung nach den deutschen Kolonien, in: „Koloniale Abhandlungen“ Heft 21/22. Berlin 1908, S.25.

⁸ См.: Tetzlaff, Rainer: Koloniale Entwicklung und Ausbeutung. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Deutsch - Ostafrikas 1885 - 1914. Berlin 1970, S. 101.

⁹ Подробнее см.: Schmidt, W.: The Leidorf Settlement of Russian Germans in German's East Afrika: 1906 – 1913 // Вопросы германской истории, Днепрпетровск, 2001. С. 167 - 174; его же. Поселения российских немцев в Германской Восточной Африке // Новая и новейшая история 2002. № 5. С. 231 -233.

¹⁰ См.: Sammasa, Paul: Die Besiedlung Deutsch - Ostafrika. Leipzig 1909, S.49.

¹¹ Граф Адольф фон Гетцен, губернатор в Германской Восточной Африке с апреля 1901 по апрель 1906 гг.

¹² См.: Gerstenhauer, M.R.: Die Besiedlung in Deutsch - Ostafrika, in: „Die deutschen Kolonien“ (1906), S. 72.

¹³ См.: Förster: Die Siedlung am Kilimandscharo und Meru, in: „Koloniale Abhandlungen“, Heft 12. Berlin 12, S.3.

¹⁴ См.: Tetzlaff, Rainer: Koloniale Entwicklung und Ausbeutung. <Wirtschafts- und Sozialgeschichte Deutsch - Ostafrika 1885 - 1914>. Berlin 1970. S.110.

¹⁵ См.: Rohrbach, Paul: Das Deutschtum über See. Karlsruhe in Baden 1931, S.345 или см. Heilborn A.: Die deutschen Kolonien (Land und Leute). Leipzig 1908. S.26 - 27.

¹⁶ См.: Rohrbach, Paul: Rückblick auf unsere koloniale Entwicklung im Jahre 1908/1909, in: „Jahrbuch über die deutschen Kolonien“. Karl Schneider (Hrsg.). III. Jahrgang (1910). S. 21.

¹⁷ См.: „Alldeutsche Blätter“ Nr. 11 vom 17.03.1906.

¹⁸ См.: Lignitz: Produktion, Handel und Besiedlungsfähigkeit der deutschen Kolonien. Berlin 1908. S.67

¹⁹ Tetzlaff, Rainer: Koloniale Entwicklung und Ausbeutung. Wirtschafts- und Sozialgeschichte Deutsch - Ostafrikas 1885 - 1914. Berlin 1970. S. 110 - 111.

²⁰ Paasche, Hermann: Deutsch - Ostafrika. Hamburg 1913. S. 413 - 414.

²¹ См.: Paasche, Hermann: S. 415.

²² См.: Arning, M.: Die Besiedlung von Deutsch - Ostafrika, in: „Jahrbuch über die deutschen Kolonien“. Karl Schneider (Hrsg.). I. Jahrgang (1908), S. 144.

²³ См.: „Berliner Neueste Nachrichten“ vom 23.01.1906, Nr.36; „Deutsche Zeitung“ vom 24.01.1906, Nr.19.

²⁴ „Berliner Neueste Nachrichten“ vom 23.01.1906, Nr.36; „Deutsche Zeitung“ vom 24.01.1906, Nr.19

²⁵ См.: Deutsche Kolonialzeitung, Nr.20 (1906), s. 91.

²⁶ Август Лойе, родился 1.10.1854 года в Дюльцене при Миндене в Вестфалии, обучался в высшей технической школе в Ганновере. В начале 1880-х гг. примкнул к колониальному движению. Был секретарем общества немецкой колонизации, затем секретарем немецкого Восточноафриканского общества. В 1887 году организовал поселение Дарэссалам, а 1888 году ввел там германское управление. В 1907–1909 гг. был представителем германского Восточноафриканского переселенческого комитета в Лейддорфе. Во время Первой мировой войны был выслан в Германию. Умер в 1922 году.

²⁷ Пастор Иосиф Розенберг родился 19.03.1861 года в местечке Гостынин (российская Польша). Учился в Дерпте и Лейпциге. В 1889 году сдал экзамен, став пастором в деревне Константиново недалеко от Лодзи.

²⁸ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“ vom 31.03.1906, Nr.13, VIII. Jahrgang.

²⁹ По переписи 1897 г. общая численность всех немцев, проживавших тогда в России, не превышала 1,8 млн. человек.

³⁰ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“ vom 31.03.1906, Nr.13

³¹ Цит. по: Zechlin, Egmont/Ruppel, Edith: Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch - Ostafrika. Leipzig 1944. S.23

³² См.: Zechlin, Egmont/Ruppel, Edith: Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch - Ostafrika. Leipzig 1944. S.21.

³³ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“ vom 20.05.1906, Nr.20.

³⁴ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“ vom 16.06.1906, Nr.24, VIII. Jahrgang.

³⁵ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“ vom 21.07.1906, Nr. 29.

³⁶ Округ Аруша, по мнению колониальных властей, являлся одним из лучших округов для создания нового поселения на территории всей колонии.

³⁷ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“ vom 1.09.1906, Nr.35.

³⁸ Deutsche Kolonialzeitung (1907), Nr. 16, S. 156.

³⁹ „Usambara - Post“ vom 23.06.1906.

⁴⁰ Evangelisch - lutherisches Missionsblatt. (1906). 30. September. Nr. 19. Leipzig 1906, S. 467.

⁴¹ Цит. по: Zechlin, Egmont/Ruppel, Edith: Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch - Ostafrika. Leipzig 1944. S. 68 – 69. Из письма священника Розенберга директору колониального ведомства МИД, наследному принцу Гогенлоэ-Лангембургу от 12/20 июля 1906 года.

⁴² Bilder aus den deutschen Kolonien. <Leserstücke>. A. Leue «Der Kilimandscharo». Essen 1908. S.139.

⁴³ Deutsche Kolonialzeitung. Berlin 1907, Nr. 24. S. 240.

⁴⁴ „Usambara - Post“. Nr.51 vom 24.10.1906.

⁴⁵ „Usambara - Post“. Nr.57 vom 8.12. 1906.

⁴⁶ Samassa, Paul: Die Besiedlung Deutsch - Ostafrika. Leipzig 1909. S.63.

⁴⁷ Zimmermann, Emil: Unsere Kolonien. Berlin/Wien 1912. S.18; oder Deutsches Kolonialblatt <Amtsblatt für die Schutzgebiete in Afrika und in der Südsee> Nr. 24. Berlin 1907. S. 1195 - 1207.

⁴⁸ Zechlin, Egmont/Ruppel, Edith: S. 29.

⁴⁹ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“, Nr. 65 vom 6.11.1907.

⁵⁰ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“, Nr. 35 vom 24.07.1907.

⁵¹ „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“, Nr. 12 vom 22.03.1907.

⁵² „Deutsch - Ostafrikanische Zeitung“, Nr. 12 vom 22.03.1907.

⁵³ „Usambara - Post“ vom 22.06.1907, Nr. 4, 6. Jahrgang.

⁵⁴ „Usambara - Post“ vom 30.11.1907, Nr. 27, 6. Jahrgang oder Fuchs, Paul: Wirtschaftliche Erkundigungen im mittleren und nördlichen Deutsch - Ostafrika.

⁵⁵ „Usambara - Post“ vom 18.09.1907.

⁵⁶ „Usambara - Post“ vom 18.09.1907.

⁵⁷ „Usambara - Post“ vom 19.10.1907.

⁵⁸ „Usambara - Post“ vom 26.10.1907.

⁵⁹ См.: Denkschrift über die Entwicklung der Schutzgebiete in Afrika und der Südsee im Jahre 1907/1908. Teil B „Deutsch - Ostafrika“. Berlin 1908. S.228.

⁶⁰ См.: Müllendorff, Prosper: Ost - Afrika im Aufstieg. Essen 1910, S. 170 - 171; oder Marks: Die Entwicklung von Deutsch - Ostafrika, in „Zeitschrift für Kolonialpolitik, Kolonialrecht und Kolonialwirtschaft“ Nr.4. X. Jhr. (März 1908). S. 233.

⁶¹ См.: „Usambara - Post“ vom 5.10.1907.

⁶² Альбрехт фон Рехенберг (1859 – 1935) был в 1889 году назначен на работу во внешнеполитическое ведомство Германии. С 1893 года окружной судья в Восточной Африке, с 1896 по 1906 годы на консульской работе (1896 году вице-консул на Занзибаре, в 1898 году консул, позже с 1900 года консул в Москве а затем в Варшаве. С 1906 по 1912 годы губернатор в Восточной Африке.

Е.Е. Ходченко (Днепропетровск)

Проблемы сохранения идентичности российскими меннонитами в Новом Свете

Борьба между старым и новым – наверное одна из основных тем или лейтмотивов, которые можно проследить в истории меннонитов в целом. Сила их пути всегда мотивировалась желанием сохранить свои традиции от искушения великих сообществ.

Е.К. Френсис

В 1870-х гг. в Российской империи начались реформы государственного управления, в результате чего произошли серьезные изменения в положении иностранных колонистов, существенно менявшие условия их пребывания в России. Религиозное и политическое недовольство из-за вмешательства российского общества во внутреннюю жизнь колоний, нехватка земли, угроза введения всеобщей воинской повинности и другие причины подтолкнули многих меннонитов к решению переселиться в Северную Америку. Более 17 000 наиболее ортодоксальных меннонитов из Южных губерний России в 1870-х – 1890-х гг. эмигрировало в Новый Свет (приблизительно 10 000 в Соединенные Штаты и 7 000 в Канаду)¹.

Оказавшись в новых социокультурных условиях, переселенцы стремились сохранить религиозную независимость и свою идентичность, потому что имели четырехсотлетнюю непростую и героичную историю, испытывали гордость за прошлое и ответственность перед будущим, понимая, что этническая принадлежность является наиболее важной составляющей их исторической социальной организации.

Изучению этнического самосознания посвящены многие работы как зарубежных, так и отечественных исследователей. Теорией этнической идентификации советские ученые в большей степени начали интересоваться с 60-х гг. прошлого века. На страницах журналов «Советская этнография» и «Вопросы истории» начинают появляться статьи по данной теме. Среди них необходимо обратить внимание на работу В.А. Тишкова «О феномене этничности»²; Р.Ш. Джарылгасиновой «Теория этнического самосознания в советской этнографической науке»³; К.В. Чистова «Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры»⁴; Ю.В. Бромляя «Очерки теории этноса»⁵; В.И. Козлова «Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса»⁶ и др. Особенности становления этноконфессионального меннонитского сообщества более подробно исследовались А.Н. Ипатовым в его работе «Взаимовлияние религиозного и национального в меннонитстве»⁷. Среди зарубежных авторов выделяются работы Ф. Барса⁸; Р. Лоувена⁹; Л. Дриджера¹⁰ и др. Е.К.Френсис, американский социолог, определяет этническую группу следующим образом – это коллектив в рамках

более крупного сообщества, обладающий действительным или мнимым общим происхождением, памятью о совместном историческом прошлом и культурным вниманием к одному или более символическому элементу, который определяется как краткое представление их народности. Примерами подобных символических элементов являются: кровное родство прародителей, религиозная принадлежность, язык или его диалектные формы, родовая принадлежность, национальность¹¹.

Обобщая теоретические положения перечисленных исследователей, в данной статье будут проанализированы вопросы идентификации меннонитов, особенности сохранения ими своей идентичности, а также изменения присущих им традиций вследствие межкультурных взаимосвязей.

Этническая идентичность, как часть этнического самосознания, социально объединяет любую этноконфессиональную группу, в том числе меннонитов и их духовное наследие. В рамках этнической идентичности можно выделить следующие «маркеры»: религия, история, культура, язык, традиции и обряды. Но самой главной ее формой является самовосприятие, осознание себя неотъемлемой частью этой этнической группы. Когда идет разграничение на «нас» и «их», приходит самоосознание принадлежности именно к данной группе, тогда и начинается самоидентификация. Особенностью меннонитов является то, что они объединяют в своей идентичности как национальную, так и конфессиональную составляющие. Еще с самого начала своего зарождения из-за эндогамии, сельского локального образа жизни, а также влияния религиозных догматов была сформирована данная особенность¹².

Основой идентичности меннонитов является их вероучение о Боге как едином всемогущем творце земли, неба и всего сущего. Только Бог в их миропонимании является единственной властью и покровителем для богопослушных христиан и только ему, без всяких посредников, нужно поклоняться (что присуще всем протестантам). Поэтому каждый меннонит может общаться с Богом напрямую. Мирская власть (государство) в их понимании вторична и необходима только для того, чтобы удерживать в правовых рамках мирских законов тех, которые не признают или нарушают божьи законы. Меннониты всегда признавали и покорялись ей только до тех пор, пока она не противоречила власти Бога. Религия объединяла и объединяет меннонитов во всем мире. Когда они преследовались, иммигрировали из одной страны в другую, именно вера помогала им выжить и определить себя как особую этноконфессиональную группу.

Иногда довольно сложно разграничить религиозную и этническую идентичность меннонитов. Для них это две составляющие определяющие личность.

Другой составляющей идентичности является их четырехсотлетняя история – история тяжелых испытаний, вынужденных переселений, выживания и приспособления к новым жизненным условиям во имя сохранения и продолжения богопослушной жизни в рамках своего вероучения. Они вынуждены были отвоевывать землю у моря в Голландии строя дамбы, осушать болотистые низменности Вислы, что приучило их к коллективному труду и к коммунальному ведению хозяйства. Так возникли традиции

компактного проживания, общественной и финансовой взаимопомощи, фонда помощи сиротам и малоимущим, страхование от пожаров. На протяжении веков они пользовались гимнами и проповедями родившимися в Голландии, частично модернизированными в Пруссии и России, пронесли через века принцип несопротивления и неучастия в военных действиях. Постоянные притеснения и гонения, переселение из страны в страну научили их не доверять власть имущим и стараться жить в изоляции от светских законов, обычаев и нравов. Вынужденно переселившись в Пруссию, они с течением времени сменили голландский язык на немецкий, сделали его на долгое время своим идентификатором. Организация компактных деревень была заимствована из аграрных методов российских крестьян (так называемый «мир»). Введение неогороженной системы землепользования также происходит из российского способа ведения хозяйства. Поселения, возникшие в России, с течением времени, в результате различия языков общения полностью сформировались как однородные и стали частью социального наследия меннонитов. Формой социальной характеристики группы стали такие учреждения, как управляемость деревенскими структурами в виде сотрудничества церковной и гражданской власти, а также наследственное право, т.е. принцип неделимости фермы (земли и хозяйства) зародившийся в Пруссии.

Все перечисленные учреждения, организационные формы, язык и другие признаки стали традиционными элементами и частью культуры меннонитов. Ни одно из учреждений не было их изобретением. Они заимствовали и отбирали те формы, которые были им удобны. Церковь всегда была решающим фактором сохранения когда-либо принятых черт культуры.

Характерные признаки этнической идентичности группы постоянно находятся в динамическом процессе становления и изменяются под влиянием окружающих обстоятельств в один период времени едва заметно, а в другой временной промежуток ускоряясь. В России, где меннониты в течение долгого времени, впервые в их истории, нашли возможность беспрепятственно жить согласно принципам своей веры и постепенно сформировать свою социальную организацию, их идентичность приобрела устойчивую этнорелигиозную форму. С самого начала своего появления в Северной Америке (с 1874 г.) идентичность меннонитов внешне проявилась в социальной, религиозной и культурной самоизоляции в аграрных областях, и в использовании своего нижненемецкого диалекта платтдойч.

Еще во время переговоров (1873–1874 гг.) с представителями правительств США и Канады меннониты выдвигали ряд условий желательных для них: 1) право на самоуправление в рамках автономии; 2) невмешательство в религиозную жизнь сообщества; 3) компактное проживание в деревнях; 4) сохранение языка и собственный контроль над системой образования; 5) освобождение от воинской службы (т.к. пацифизм был неотъемлемым для их религиозной жизни) и т.д.¹³ Во всех этих условиях четко прослеживается желание сохранить культурные ценности и защитить себя от ассимиляции в другом обществе. Канадское правительство приняло все их условия, а в США они селились на общих основаниях. Однако, штаты Канзас, Небраска, Миннесота и Дакота

предоставили им некоторые права и свободы, в частности, свободу вероисповедания и отсрочку от службы в милиции.

В 1875 г. в Канаде были основаны две меннонитские колонии (Восточная и Западная), которые создали внутреннее автономное самоуправление, собственные традиционные социальные институты и систему образования детей от 7 до 14 лет, которая была подчинена церкви. Ограничение административного вмешательства правительства Манитобы в 1875–1880 гг. в дела колонии дало им возможность в полной мере реализовать привычные жизненные принципы и обустроить быт по принятым традиционным моделями. В Соединенных Штатах ситуация была иной. Согласно закону о гомстеде меннониты вынуждены были селиться не в привычных компактных поселениях, а на своих фермерских секциях. Им не всегда удавалось приобрести смежные земельные участки, и это разъединяло их традиционную коммунальную систему, которая сложилась в Южной России. Социальные связи хоть и поддерживались церковью, школой и общественными институтами, но существенно ослабли. В то же время на их этническую самобытность стало оказывать большое влияние окружающее социокультурное сообщество, до этого времени чуждое меннонитам. Все это ускорило процесс адаптации и изменения отличительных черт их этнической идентичности.

В принципе меннониты, общающиеся с Богом без посредников не нуждались в церквях и проповедниках, но привычные коллективные собрания единоверцев, где они могли обсуждать теологические проблемы, слушать проповеди, обмениваться идеями были необходимы для динамичного развития их общества. В этих условиях существенную роль для духовного объединения меннонитов сыграли созданные в США Конференция братьев меннонитов, Конференция миссии меннонитов, которые культивировали институт странствующих проповедников, выступающих с проповедями в маленьких поселениях и на отдельных фермах.

В Канаде процесс адаптации и изменения традиционных форм жизни шел значительно медленнее. В первые пять лет меннониты вообще не ощущали давление государства и канадского общества и жили по унаследованным традициям. Однако в начале 1880-х гг. они были поставлены в условия, когда изменившиеся в связи с постройкой железной дороги экономические отношения превратили Манитобу в арену гонки за прибылью. Колонии оказались в окружении агрессивного пробританского социокультурного общества. Необходимость экономической конкуренции постепенно привела к ликвидации коммунальных деревень. Господствующим стало фермерское хозяйство. Были ликвидированы, как ненужные, система страхования от пожаров, видоизменена система взаимопомощи. Эти вынужденные изменения традиционных коллективных институтов явились частью исторического процесса развития меннонитов. В то же время в годы Великой депрессии 1930-х гг., меннониты легко вернулись к коллективному способу выживания путем создания кооперативов.

Религия была общеобъединяющим началом меннонитского движения. Однако еще с XVI в. внутри меннонитства существовали группы, серьезно отличающиеся друг от

друга по религиозным, этическим, культурным или лингвистическим причинам. Больше всего их разъединяли этические расхождения во взглядах. Существует более двадцати религиозных групп, от наиболее консервативных амишей до прогрессивных Братских Меннонитов. Из Южной России в Новый Свет иммигрировали Кляйне-Гемайнде (Малая община, *Kleine Gemeinde*), Бергтальские (*Berthaler*), «Крымские братья» (*The Krimmer Mennonites*). Преимущественно они жили замкнуто, имели самостоятельные церкви, постоянных прихожан, собственные административные и образовательные службы и организации. К 1912 г. в Манитобе из-за внутриобщинных разногласий выделилось восемь меннонитских церквей: *Kleine Gemeinde*, *Holdeman*, *Bruderthaler*, *Chortizer*, *Sommerfeld*, *Berthaler*, *Reineland* (*Old Colony*), *The Mennonite Brothers*. Кроме этого выделяют так называемых Канадиер-меннониты (переселенцы 1870–1880-х гг.) и Русландер (иммигранты 1920-х гг.). Более консервативные – «Канадиер» в отношении воинской повинности допускали только альтернативную службу в Канаде, тогда как «Русландер» позволяли служить молодым призванникам на фронте медицинскими санитарями. Разъединение меннонитов на разные церковные конгрегации не было проявлением разных религиозных догм, оно в большей степени отражало разные ценности и подходы к жизни. Церковь остается наиболее значимым учреждением для меннонитов. Она не только дает коллективную поддержку, но является хранителем культурных и религиозных ценностей.

Язык является одним из важнейших форм идентичности и самовосприятия для меннонитов. Примерно до середины XX в. американские переселенцы почти не использовали английский язык, а общались на собственном диалекте платтдойч. Ситуация начала меняться накануне Первой мировой войны, когда канадское и американское правительства решительно изменили внутреннюю политику в сторону англофикации иммигрантов с провозглашением английского языка государственным и основным в системе образования и законодательства. В этот период начинается постепенная замена разговорного немецкого на английский, позволяющая более эффективно адаптироваться в окружающее социокультурное сообщество. Часть либерально настроенных меннонитов восприняли эти нововведения с энтузиазмом, другие с неудовольствием вынуждены были подчиниться обстоятельствам, но для многих меннонитов это стало ударом, т.к. более четырехсот лет их предки сохраняли свой язык и культуру почти без изменений. Это привело к реэмиграции 7 000 наиболее консервативных меннонитов в Южную Америку в 1922–1927 гг.¹⁴ Сохранение идентичности было более важным для них, чем экономическое благосостояние.

Сегодня меннониты Северной Америки свободно общаются на английском языке. Переход от немецкого к английскому был тяжелым и длительным процессом адаптации и аккомодации в новых условиях. Желанием молодых людей быть полноценными гражданами закономерно. Знание английского языка дало перспективу развития группы, а также расширило возможности миссионерства меннонитов в англоязычной среде.

Культурное развитие общества всегда находится в динамическом движении. Меннониты в Северной Америке ощутили влияние культуры многих народов. Так на-

пример, в ранние годы они переняли у индейцев и метисов особенности вспашки земли в новых климатических условиях, элементы постройки жилищ. Позднее в их жизнь вошли традиции празднования Рождества с Санта Клаусом, новые школьные предметы, театр, кино, спортивные игры.

Периодические издания заполнили нишу культурного вакуума и стали средством и способом поддержки контактов, культурно-информационной связью в условиях дисперсного расселения меннонитов по Северной Америке. Бенедикт Андерсон считает, что книги и газеты являются неотъемлемой частью культурного объединения¹⁵. Первым изданием на немецком языке в Северной Америке стала газета «Mennonite Rundschau»¹⁶, изданная 5 июля 1880 г. Это было еженедельное издание, на страницах которого выходили статьи о жизни меннонитов в США и Канаде, причем реклама в нем печаталась на английском языке (в этом прослеживается прагматизм меннонитов и желание сотрудничества с англоязычным сообществом). Кроме этого выходила еженедельная газета «Herald of Truth» (1864 – 1908) на английском языке, находившаяся под непосредственным влиянием Церкви меннонитов и в большей мере содержавшая информацию о воскресных школах, евангелизме, истории меннонитов¹⁷. Немецкоязычный вариант этой газеты «Herold der Wahrheit» (1864 – 1901). Еще одной газетой на немецком языке была «Zur Heimath» (1875 – 1881). В ней содержалась информация об иммиграции и жизни меннонитов, новости из России, а также реклама морских и железнодорожных компаний, которые были заинтересованы в новых переселенцах¹⁸. В 1924 г. в Саскачеване начала издаваться еженедельная газета «Der Bote», она выходила специально для иммигрантов, переехавшим из России в Канаду. Она давала возможность меннонитам сохранять контакты с родственниками, предоставляла информацию о их новой стране проживания, обеспечивала культурными и духовными новостями на их родном языке¹⁹. Немаловажную роль в развитии меннонитского издательства сыграл Джон Функ (1835 – 1930) и его издательская фирма в штате Индиана в г. Элхарт. Кроме газет «Herald of Truth» и «Mennonite Rundschau», он издавал для российских меннонитов катехизисы, псалтыри и другие разные брошюры как на немецком, так и на английском языках. Пресса являлась составляющей культуры, постоянно поддерживала взаимосвязь между группами меннонитов, помогала сохранить этнопсихологическую общность и способствовала сохранению идентичности с самого начала их переселения в Северную Америку.

Первые поколения переселенцев не только сохраняли свой язык, обычаи, культуру и религию, но осуществляли довольно активные связи с родственниками и друзьями, в том числе из России с помощью прессы.

Важную культурологическую функцию играет историческая память – она формирует идентичность во временной перспективе и устанавливает связь между прошлым, современным и будущим.

История для меннонитов это не только описание событий своей жизни, но и вписывание каждого человека в этот исторический процесс. Почти с самого начала своего существования они вели биографические записи, в которых отмечался

жизненный вклад каждого человека. Важное значение имели и устные предания, которые в большей степени носили религиозный характер. В них прослеживается мотив «постоянного движения в поисках земли обетованной».

В настоящее время историческое прошлое продолжают изучать многие исследователи-меннониты. Их главная цель – сохранить коллективную память о прошлом. Среди них Френк Эпп, Пол Тэвс, Харви Дик, Лоренс Клиппенштейн и др.

Таким образом, иммигрировав, меннониты перенесли на новую родину формы своего материального быта, идеалы, моральные ценности, а также общественные институты. Сохранить этнические ценности помогала традиционная система образования, которая опиралась на национальные традиции и религиозные ценности. Значительную роль самоидентификации играл немецкий язык. С начала своей жизни на новой родине группа меннонитов действовала как самостоятельный модуль, с собственной политической, хозяйственно-административной корпоративной системой и была цельной идеологически, с общей религией, общественными связями и системой взаимопомощи. Все это, но особенно демократическая сущность каждого поселения, позволило сохранить высокий уровень национального сознания в инонациональном окружении. До 1880 г. они были только формально подчинены социальной, политической и экономической системе канадского общества. Модель жизни была почти неизменной. Они сохраняли обычаи, язык, одежду, быт. Однако со временем, под влиянием новых социально-экономических условий существования, их жизнь претерпела видоизменения – от полностью изолированного до сообщества, способного к культурному восприятию.

Несмотря на попытку правительств США и Канады, проводивших по отношению к иммигрантам ассимиляционную политику, особенно в 1914–1920-х гг., этническая группа меннонитов на основе объединяющего их вероучения нашла в себе духовные силы приспособиться к жизни в более сильной и доминирующей социальной системе, приняв ее язык, мышление, культуру, практику деловых отношений, и в тоже время успешно избежав распада и ассимиляции. Как этноконфессиональная группа, испытывающая серьезное давление, они не были настолько дезорганизованы, чтобы потерять свою веру и религиозную устойчивость. Напротив, меннонитское сообщество, в значительной степени является специфической социальной системой, закрытой относительно других конфессиональных групп. Оно остается по существу эндогамной и имеет достаточно редкие браки вне группы. В Канаде меннониты продолжают компактно проживать в сельской местности, имея тенденцию устойчивого расширения по периферии. В городах они также предпочитают жить рядом. Им пришлось расстаться со многими традициями прошлых веков, но они приобрели новые, дающие возможность продолжения их существования. История меннонитов, как этноконфессиональной группы, продолжается, поскольку они ощущают и идентифицируют себя меннонитами.

¹ См.: The Mennonite Encyclopedia. Mennonite Brethren Publishing House, Hillsboro, Kansas, 1955. Vol.1.

² В ней он утверждает, что этническая идентичность – это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это есть всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы. См.: Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. №3. С.16–17.

³ См.: Джарылгасинова Р.Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке // Советская этнография. 1987. №4. С. 3–17.

⁴ См.: Чистов К.В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Советская этнография. 1972. №3. С. 77.

⁵ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

⁶ См.: Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. №2. С. 85.

⁷ См.: Ипатов А.Н. Взаимосвязь религиозного и национального в меннонитстве // Вопросы научного атеизма. Вып. 12. М.: Мысль, 1971. С. 64–93.

⁸ См.: Barth F. Introduction // F. Barth (ed.) Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. L., Bergen, 1969, P. 9–38.

⁹ См.: Loewen, Royden. Rurality, Ethnicity, and Gender Patterns of Cultural Continuity during the «Great Disjunction» in the R.M. of Hanover, 1945–1961 // Journal of the Canadian Historical Association, №4. 1993, P. 161–182.

¹⁰ См.: Driedger, Leo. Fifty Years of Mennonite Identity in Winnipeg / ed. Harry Loewen, Winnipeg: Hyperion Press. – 1980. P. 123–135.

¹¹ См.: Francis E.K. Tradition and Progress among the Mennonites in Manitoba // The Mennonite Quarterly Review October, 1950. Vol. XXIV. №4 P. 312–328.

¹² См.: Смирнова Т.Б. Этническое самосознание и этнические процессы у немцев Западной Сибири // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международной научной конференции. Анапа, 20–25 сентября 1995 г. Москва: «Готика», 1996. С.485–492.

¹³ См.: Privileges granted by the Canadian Government to prospective Mennonite Immigrants in a Letter by the Secretary of Agriculture dated July 26, 1873 // Sources on Mennonite Immigration from Russia in the 1870's. / Ed. by dr.E.Corell. Reprint from Mennonite Quarterly Review, October, 1950.

¹⁴ Josephus W. Shank. Mennonitism in Latin American background // The Mennonite Quarterly Review, July, 1928. Vol. II, №3. – P.192–197.

¹⁵ См.: Anderson, Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983.

¹⁶ См.: Bender, Harold S. and Richard D. Thiessen. «Mennonitische Rundschau, Die (Periodical)» Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. June 2007. Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. Retrieved 12 May 2009 // <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/M4720.html>.

¹⁷ См.: Bender, Harold S. «Herald of Truth (Periodical)» Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. 1955. Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. Retrieved 12 May 2009 // <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/H471.html>.

¹⁸ См.: Bender, Harold S. «Zur Heimath.» Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. 1959. Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. Retrieved 22 May 2009 // <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/Z84.html>

¹⁹ См.: Krahn, Cornelius. «Bote, Der (Periodical)». Global Anabaptist Mennonite Encyclopedia Online. // <http://www.gameo.org/encyclopedia/contents/B6785.html>.

The Germans from Russia in North America: A Viable Ethnic Group or a Fading Phenomenon?¹

Немцы из России в Северной Америке: жизнестойкая этническая группа или исчезающий феномен?

Introduction

Permit me to begin with a story. I am an anthropological folklorist by training and so naturally I think stories are important. And I believe storytelling is as vital to us human beings as the air we breathe. The following story sounds like a simple fishing tale but I think it is a story about much more than just fishing. But I'll let you decide.

There was this father and his young son who were in a boat, fishing on a lake. The sun was shining brightly and there was hardly a ripple on the lake. The fish were not biting but that was alright because everything seemed picture-perfect.

After some time passed, the little boy asked his father: "Where did we come from?" The father was a bit startled that so young a boy would ask such a question but then he realized what the boy really must be asking.

The father said: "I'm not sure. I guess our ancestors came from over in Europe. I don't really know."

The boy asked: "Where in Europe?"

The father answered: "I don't know."

The boy then asked: "Why did they leave Europe and come over here?"

The father thought a little while and replied: "I don't know."

The boy asked: "Do we still have any relatives over there?"

The father answered: "I don't know."

A few minutes passed and then the boy said: "Dad, do you mind me asking questions?"

The father answered: "Of course not, how else will you ever learn anything?"²

Remembering a Special Friend

The occasion of this "Distinguished Scholar Lecture" marks my first visit to eastern Washington and to the Walla Walla area. In a strange, *déjà-vu* sort of way, I feel like I have been here before, largely because of one individual who helped familiarize me with this part of the American West.

That one individual who painted such a vivid picture of the Walla Walla area and its history for me, was Elaine Frank Davison. I first met Elaine back in the 1970s and I was immediately impressed by her dedication and generosity. Elaine was born in Walla Walla in 1929, the only one of all her many brothers and sisters to be born in a hospital. Her parents, Johann Conrad and Maria Catharina (née Knaub) Frank, were Volga German immigrants from Kautz [Vershinka], Russia. Elaine's desire to record her people's story grew into what she jokingly referred to as an "obsession." It all began with the colorful stories of her father and his telling her: "Someday you write it [all] down." And she did. More than forty years later, she had published nearly a dozen booklets about the people of Kautz, Russia, and her computerized database included vital information about more than 22,000 relatives³. For those of you who find that number of relatives a bit unbelievable I can tell you that the German immigrants from Russia often had large families, sometimes including as many as twelve or even fifteen children. The early immigrants believed children were "precious gifts from God" and, more practically, that they were "cheaper by the dozen."

In 1977, Elaine helped organize the Blue Mountain Chapter of the American Historical Society of Germans from Russia in Walla Walla. This chapter of AHSGR continues today and its president, Larry Frank, is a nephew of Elaine Frank Davison. Another nephew of Elaine's,

D. Michael Frank, is actively carrying on Elaine's research work⁴. So Elaine Frank Davison's legacy is a very real one.

In the summer of 1991, Elaine realized a life-long dream and made a trip to the long-closed Volga German settlement area of Russia. By coincidence, my wife Rosalinda and I also made it to the Volga region that same summer. Our paths did not cross with Elaine's in Russia but I can tell you this: Elaine's name and reputation for thorough research preceded her. Rosalinda and I stayed in the old German village of Frank [Medvedickij Krestovj Buerak], Russia, and one day we went across the dusty street to visit the neighbors, who were Volga Germans. We introduced ourselves and they soon told us they traced their roots to the village of Kautz and that they were related to the Franks. I remembered an unusual Frank family nickname that Elaine once shared with me which was "Hannauschte." So I asked them if they recognized that nickname. Their eyes really lit up and they all answered at the same time in dialect: "Mir sin vun Hannauschte" – "We are from the Hannauschte [Frank] family!"⁵ I then asked if they had any contacts in America. Again, almost in unison, they all spoke the name of the one person they all had heard of in far-off, distant America: "Elaine Frank Davison in Valla Valla, Vaschendon!"

Elaine never met that particular family of Franks in Russia, but she laughed and laughed when I told her how famous she was in such a remote corner of rural Russia. To her great credit, her labor of love was recognized and appreciated by people on at least four continents.

Elaine Frank Davison liked to collect and publish stories about interesting individuals and families. Some of those stories were inspiring, some were moving, and some were almost unbelievable. The story of Elaine's own life and passing has elements of all of these⁶. She fought a heroic battle against cancer and even in the final days she eagerly reached out to complete strangers to help them find their place in the great russlanddeutsche mosaic. She was dedicated to her people and to her four children -- Jim, Lori, Julie, and Karla -- and to her husband, George Hite Davison.

In fact, Elaine and George both passed away within hours of one another in Walla Walla. George died on March 16, 2001 and Elaine passed away on March 17, 2001. Their funerals were held on the same day and both Elaine and George were interred at Mountain View Cemetery in Walla Walla. More than one mourner must have thought: "Together in life, together in death, together in eternity."

This lecture is dedicated to the memory of Elaine Frank Davison, one of Walla Walla's own. For me, and I am sure for some of you as well, Elaine is fondly remembered as a dedicated researcher, a gifted genealogist, and a talented writer. But for many of us, she also was a very special friend.

Germans from Russia as a Microcosm

The title of my presentation is "The Germans from Russia in North America: A Viable Ethnic Group or a Fading Phenomenon?" Ever since announcements starting going out with that title, russlanddeutsche people have been writing or e-mailing me, nervously asking "Are we becoming extinct? Are we dying out? Are our people fading from the scene?" I assured them that, so long as Russian-Germans were the ones asking such questions, there might still be a little time.

Although the focus of my lecture tonight is on the Germans from Russia, I believe it has wide applicability to cultural and ethnic groups of all kinds, ranging from the Amish and the Armenians to the Zoroastrians and the Zuni. The Germans from Russia will serve as our reference point, our anchor as we sail the high seas of ethnicity, cultural diversity, and trans-migration. In the case of the Germans from Russia, we behold a fascinating microcosm, perhaps one that can shed light on the forces of ethnicity and even the human condition.

Elaine Frank Davison was a great collector of family stories and personal histories. She also emphasized the importance of obituaries, as do I and other scholars who are interested in a group's history and movements. You see, obituaries tell us much more than simply who has passed away. They usually include the names not just of the dead, but also the survivors. I want to share with you three obituaries that I find of more than just passing interest. All are of individuals who trace their ancestry to the Germans from Russia.

Katherina Kramlich was born Jan. 1, 1893 in Russia. She came to the United States in 1913 and settled in the Kulm, N.D. [North Dakota], area. She married Gustave Kramlich Nov. 19, 1914. . .

She is survived by five sons, Reinhold, Ewald, and Roland, all Medina, N.D.; Gustave, Lodi, California; and Emil, Rugby, N.D.; a brother, William [Stecker], in Germany; two sisters, Rose Gab, Eureka, S.D., and Lydia Stecker, in Russia; 24 grandchildren, 74 great-grandchildren and 34 great-great grandchildren⁷.

* * *

Joseph Schell, died March 10 [1988] at Estevan, Saskatchewan, Canada. He was born in 1890 at Elsass, South Russia and migrated with his parents in 1900 to Milbank, South Dakota and then to Canada in 1902.

He was married in 1914 to Angela Miller who was born in Emmental, Bessarabia. He is survived by his wife, eight children, 33 grandchildren, 62 great grandchildren, and 5 great great grandchildren. During his long life, Mr. Schell lived under the rule of two Russian czars, two U.S. presidents, 12 Canadian prime ministers, 4 kings, and one queen⁸.

The last obituary is from the Walla Walla Union-Bulletin and is dated Monday, February 3, 1986. It is that of a Volga German immigrant who died on his 89th birthday:

William "Uncle Bill" Frank Sr., . . . was born Feb. 1, 1897, in Kautz, Russia, to Conrad and Eva Schreiner Frank. He came to this area in 1913 from Russia.

On March 4, 1917, he married Eva Elizabeth Hardt in Billings, Montana. . .

Survivors include five daughters, Elizabeth of Vancouver, Rose of Mesa, Arizona, Eva of Walla Walla, and Lydia and Esther, both of Seattle; two sons, William Frank, Jr. and Henry Frank, both of Portland; eight grandchildren; and 14 great grandchildren. He was preceded in death by three brothers and two sisters.

What this last obituary does not tell us is that one of this man's sisters was among those unfortunate Russlanddeutsche exiled to Siberia. Thus, the last time they saw one another was in Russia, when he was 16 and she was 23, in the year 1913. "Uncle Bill" Frank, incidentally, was an individual who was extremely helpful to Elaine Frank Davison in her early research in Walla Walla. Indeed, it was "Uncle Bill" who told Elaine all about life in pre-Revolution Russia. He introduced her to a marvelous world that was filled with Old Country customs, astonishing folk beliefs, and colorful nicknames⁹.

Now what do these three obituaries – from North Dakota, Canada, and Washington – tell us about the Germans from Russia? For one thing, we soon come to realize that these immigrants – all born in Russia in the 1890s – covered a lot of miles in their lifetimes. And while they may have come from small villages in Russia that were closely-knit, all three of these individuals had families that were hardly confined

to one area. They were often separated from their brothers and sisters by thousands and thousands of miles. Even their own children and grandchildren often lived many miles apart and in distant cities and distant states.

I think Russian-German obituaries like these are much more common than we realize. Because of migration, immigration, persecution, revolutions, civil wars, world wars, deportations, famine, and a variety of economic hardships as well as timely opportunities, the Germans from Russia are today a widely-scattered and far-flung people¹⁰.

On Memorial Day, when Americans visit the grave sites of their loved ones, there are families who can stop at one cemetery and visit the graves of most of their deceased grandparents and loved ones. But this is certainly not the case for all Americans. A *ruslanddeutsche* woman who is in her 40s and lives here in the United States often reminds me that her sole surviving grandparent lives far away, in Germany. Her other three grandparents all are buried on different continents-- one in North America, another in Western Europe, and the third in Asiatic Russia. None of her four grandparents will ever rest side by side. Their fate is to rest apart, far from one another and far from the original village of their common origin.

Not only are the Russian-German dead widely scattered, so often are the surviving family members. It is not uncommon to hear *Ruslanddeutsche* today speak of relatives not only all over the United States, but also in Canada, Germany, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Moldavia, Turkmenistan, Ukraine, Argentina, Brazil, Paraguay, or Australia.

From small agricultural villages in Russia, the Germans from Russia have spread out in all directions. Once their village was the world, now the world is their village.

Germans from Russia as a Diverse Group

The *Ruslanddeutsche* comprise a diverse ethnic group whose settlements once dotted various areas of the Russian Empire and the former Soviet Union. Ethnic Germans began settling in the Russian Empire as early as the mid 1500s, during the time of Ivan the Terrible. More German-speaking settlers arrived in the late 1600s, during the reign of Peter the Great. The numbers of these early German merchants and technicians were relatively small, but their influence on Russian society did not go without notice¹¹.

The real focus of this presentation is on the much larger number of agriculturally based ethnic Germans who settled in the Russian Empire during the 18th and 19th Centuries. After issuing a manifesto on July 22, 1763, Catherine the Great invited foreigners to settle in Russia and approximately 30,000 settlers answered the czarina's call. These colonists, who were directed to desolate lands bordering the Lower Volga River, became known as the "*Wolgadeutsche*" or Volga Germans. But not all of the original settlers were "Germans." Much smaller but no less surprising members of the

colonists came from France, Hungary, Sweden, Bohemia, Poland, the Netherlands, and other lands¹².

In the early 1800s, Czar Alexander I invited foreigners to settle in "New Russia"--on fertile lands near the Black Sea. These colonists became known as the "Schwarzmeer-deutsche" or Black Sea Germans. Among the German-speaking settlers of the so-called "South Russia" were small but conspicuous groups of Mennonites, who stressed agricultural innovation and productivity.

Other migrations of German settlers continued into the Russian Empire until the mid nineteenth-century. Settlements sprang up in Bessarabia, on the Crimean Peninsula, in the Caucasus, and in Volhynia or "Polish Russia." By 1897, there were approximately 1.8 million ethnic Germans living in the Russian Empire¹³.

Yet these Russlanddeutsche were never a truly homogeneous group. Diversity manifested itself along regional, religious, and linguistic lines. Other significant differences were much in evidence. The Volga Germans used the Russian mir system of periodic land allocation, whereas the Black Sea Germans followed the inheritance rule of ultimogeniture. For the Volga Germans, the Russian city of Saratov served as a common reference point, for Black Sea Germans, it was the port city of Odessa.

Despite all their differences, the Germans in Russia prided themselves in how strongly they held onto their Germanic language, customs, and traditions. This is not to say they kept themselves entirely free of Russian or Ukrainian influence. In more ways than they ever realized, they took on the look and feel of the Russian countryside. Its influence was most noticeable in cultural manifestations such as architecture, clothing, and foodways. Much like neighboring Russian peasants, the Volga Germans prepared thin pancakes called "Blinna" and a tasty, meat filled turnover they referred to as a "Bierock." The Black Sea Germans incorporated foods such as Blachinda (spiced pumpkin turnovers) and Baska, a frosted Easter bread, made with saffron.

Despite such influences, the German colonists in Russia conversed in one of their many German dialects, worshiped in German, and even taught the German language in village schools. In the 1870s, Russification policies were enacted at about the same time that land shortages and other economic pressures began to be felt. As a result, many Germans from Russia began going to North and South America. Tens of thousands of Russian-Germans immigrated to the New World from the 1870s until 1914. The immigrants tended to settle along regional and religious lines and, thus, distinct Black Sea German and separate Volga German settlement areas were established. The Dakotas, for example, drew large numbers of Black Sea Germans while the central Plains states of Kansas, Nebraska and eastern Colorado attracted sizeable contingents of Volga Germans¹⁴.

The state of Washington is interesting in that it attracted both Black Sea Germans and Volga Germans, as well as smaller numbers of Volhynian Germans and Mennonites. Among the earliest Russian-German immigrants were Protestant Volga Germans who came to Ritzville, Walla Walla, and Endicott in the late 1880s and early 1900s.

One Volga German group even came by covered wagon, traveling from the plains of Nebraska to the Ritzville area southwest of Spokane. The Black Sea Germans came at about the same time, many after sojourning in places like Parkston, South Dakota. They eventually wound up in Odessa, Ralston, Ritzville, Lind, Colfax and, eventually, some found their way to the Yakima and Toppenish areas. The wheat capital of Ritzville, Washington, is especially interesting because it attracted so many families of both Black Sea German and Volga German heritage¹⁵.

When they arrived in the United States, the Germans from Russia looked rather peculiar to Americans. Because of the men's unusual sheepskin coats and felt boots and the women's colorful headshawls, they invariably were derided as "Russians." This really perplexed and offended the Germans from Russia. For generations in Russia, they had held onto a distinct German identity and language and now they were ridiculed for being "Russians." By the time that they convinced their English-speaking neighbors that the *Russlanddeutsche* were truly "Germans," it was the time of the First World War. Now everything "German" was reviled and suspect, including the clannish Germans from Russia.

For the Russian-Germans, the early years in America were not only extremely difficult but confusing. And it always took a lot of explaining. During the anti-German hysteria of the First World War, the Germans from Russia explained they had come from the Czar's Russia, not the Kaiser's Germany. During the Second World War, the Germans from Russia downplayed their German origins. Then, during the Cold War with Russia, they downplayed any connections they had with Russia or the USSR. These years were particularly hard on younger Russian-Germans, who soon reasoned that to identify as "American" seemed a much safer alternative than to be a "German," a "Russian," or even a "Russian-German."

All of this self-labeling led to an incredible amount of confusion. Yet in the dialects of the Germans from Russia, there was no confusion. The people referred to themselves, as they had for generations, simply as "Unser Leit" or "Unsere Leute" – Our People. When Germans from Russia observed another family who appeared to be of the same ethnic background due to patterns of speech or dress or behavior, they would proudly say "Die sin' vun Unser Leit – They belong to Our People."

In certain parts of the United States, the Russian-Germans had to battle vicious anti-immigrant campaigns, discrimination, segregation, and even attacks by the Ku Klux Klan¹⁶. But as demeaning and harsh as these experiences were, they paled in comparison to the cruel fate that befell so many of their German kinsmen who remained behind in Russia. The vast majority of Russian-Germans, after all, stayed in Russia.

Following the Russian Revolution of 1917, there was a violent civil war. And in the years following, tens of thousands of *Russlanddeutsche* perished as a result of famine, oppression, deportation, and exile. By the end of World War II, the three thousand settlements founded by the Russian-Germans had been eradicated or emptied of German-speaking citizens. Those who managed to survive the great deportations

eked out a modest living and established completely new settlements in Siberia, Kazakhstan, and other areas east of the Ural Mountains.

By 1970, the Soviet census revealed that nearly two million *Russlanddeutsche* were living in the Soviet Union and the vast majority remained in exile in Siberia or Central Asia. With the wide-sweeping reforms of Mikhail Gorbachev in the 1980s and early 1990s, thousands of Russian-Germans obtained visas and took up residence in Germany, their ancient homeland. After the collapse of Soviet Communism in late 1991, thousands more streamed into Germany, the land of their ancestors. By the year 2000, about 1.8 million Russian-Germans (called "Aussiedler") had emigrated from the former USSR to put down roots in Germany. By now, less than a million *russlanddeutsche* descendants remained in Russia and other areas of the CIS¹⁷.

Recently, J. Otto Pohl authored a paper entitled "The Dark Side of Victory: Soviet Genocide Against the Russian-Germans During World War II." In this provocative paper, Pohl argues that the ethnic Germans in Russia were "victims of genocide," indeed a policy of "ethnic cleansing."¹⁸ Pohl cites statistics of declining German language use among those ethnic Germans who still remain in Russia today and he estimates their number as barely half a million. He writes: "Almost 230 years of German settlement in the east is rapidly coming to an end."¹⁹ The picture that Pohl paints of the dwindling Russian-German minority that remains in Russia is very bleak and he raises important questions regarding their viability as an ethnic group.

And what of the 1.8 million *Russlanddeutsche* who have immigrated to Germany in recent years? They now are found all over Germany, from the Polish border to the Dutch border, and from the North Sea south into Bavaria and the Tyrol. In order to get good jobs and adapt to the pace of modern-day Germany, these ethnic Germans must learn *Hochdeutsch* (Standard German). In addition, they feel compelled to surrender the outward signs of their long Russian sojourn: headshaws are neatly folded and buried in the family trunk; the Russian samovar is placed out of sight in the closet; sunflower seeds (considered *Vogelfutter* or birdseed in Germany) must be chewed and enjoyed well out of public view. The irony here is that these *Russlanddeutsche*, who proudly held onto their identity as "Germans" in Russia for so many generations, now face renewed assimilation pressure in the original German homeland of their own ancestors²⁰.

Germans from Russia as a Distinct Ethnic Group

Let us now turn to the Germans from Russia who reside here in North America, especially in the United States. Do we see evidence of a viable ethnic group or do we see the telltale signs of a fading cultural phenomenon?

The history of the Germans from Russia does not really span that much time at all. If we go back to the date of Catherine the Great's manifesto, July 22, 1763, which is touted as the birth date of the Germans from Russia²¹, we have a group that is not quite two and a half centuries old. As ethnic groups go, from A to Z, that is not very

old at all. The Armenians, for example, trace their history back at least 3,000 years. The Zoroastrians trace their history back even farther. Thus, in comparison to most other ethnic groups, the Russian-Germans certainly are among the “new kids on the block.”

Yet scholars of ethnicity do not look to the age of the group as the most important factor of ethnic group viability. Indeed, there are numerous definitions of “ethnic groups” but one of the best known is found in Fredrik Barth’s introductory essay to his book, *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. According to Barth, the term “ethnic group” is generally understood to designate a population which:

1. is largely biologically self-perpetuating
2. shares fundamental cultural values, realized in overt unity in cultural forms
3. makes up a field of communication and interaction
4. has a membership which identifies itself, and is identified by others, as constituting a category distinguishable from other categories of the same order²².

Now let us consider Barth’s checklist when considering early Russian-German immigrants who came to the United States and to this area of eastern Washington in the late 1800s and early 1900s.

1. The Germans from Russia were biologically self-perpetuating, in that there was an unwritten rule that Russian-Germans only marry other Russian-Germans – preferably from the same regional and religious background. Ideally, Black Sea German Catholics married Black Sea German Catholics and Volga German Lutherans married Volga German Lutherans. German Russians joked among themselves that a “mixed marriage” was when a Lutheran from the Wisconsin Synod married a Lutheran from the Missouri Synod!²³

2. The Germans from Russia shared fundamental values, including hard work, religious faith, an emphasis on family, honesty, a philosophy of “waste not, want not,” and a great appreciation of the land and all things connected to it.

3. The Germans from Russia communicated and interacted as a tightly knit group. Specific dialects, esoteric expressions, linguistic nuances, German church services, large family gatherings, community get togethers, traditional storytelling, made all of this interpersonal exchange possible.

4. The Germans from Russia saw themselves as a distinct group as evidenced by the term they used for themselves – “Unser Leit or Unsere Leute – Our People.”²⁴ Others saw them as a distinguishable group based on differences in speech patterns, behavior, and other cultural features. Americans clearly perceived the Germans from Russia as being quite unlike other German immigrants. Due to a number of outward differences, even German Americans tended to view the Germans from Russia as a group apart and thus epithets like “Russen,” “Russkies,” and “Rooshuns” were used. There

is little question that the early Germans from Russia could be declared a bonafide ethnic group using Barth's criteria.

Now, let us consider Russian-Germans more than a hundred years later, in the twenty-first century. What happens when we apply Barth's checklist when looking at Russian-Germans in the United States today? Before we do this, let me provide a few observations.

Many years ago, the great scholar of immigration studies, Marcus Lee Hansen, formulated an interesting idea that now bears his name. We know it as "Hansen's Law" and it states something like this: the first generation of immigrants comes to a new country and they congregate together and they try to hold onto the culture and language of the Old Country. The second generation, those born in the New World, often feel very uncomfortable being raised in two worlds and they try to distance themselves from the old-fashioned ways of their immigrant parents. The second generation vows that when they have children, their offspring will have it better. They will not have an accent or know poverty or experience discrimination. When the third generation finally comes along, these children are rather distant from the Old World culture of their grandparents. But now the third generation becomes curious and they seek to rediscover who they are. "Why must we take two years of German at college when we could have learned it at home?"— they ask. "Why didn't you ever talk about our heritage?"— they complain. "Why did you hide so much from us?"— they wonder. Thus, "Hansen's Law" reminds us that what the immigrant grandparents strive to hold onto, their American-born children strive to shrug off, and the third generation strives to remember and rediscover²⁵. Sound familiar? This is not a hard and fast rule that applies to each and every family but it does strike a responsive chord among many ethnic Americans.

For example, I was born and raised in a Russian-German community on the prairies of northeastern Colorado. All four of my grandparents were German immigrants from Russia, but my parents were both born in this country. And so I am a member of "the third generation." The old timers from Russia often filled our farmhouse and I enjoyed hearing their hair-raising stories about Russian wolves, ghostly encounters, and the mysterious "Irrlicht" (will o' the wisp). At a very early age, I began writing it all down, in an attempt to preserve what I saw as the last gasp of a dying culture. After all, many of the storytellers from Russia were very old and one by one, they were dying and their stories were disappearing with them. As a very young man, I could relate to the words of Pierre Jakez Hélias, who lamented about his Breton culture: "Nothing is left of my early civilization but wreckage. There are still some trees left, but no more forests²⁶."

By the time I went to college, I was taking all of this very serious. I interviewed countless Germans from Russia but I was often told: "You're a generation too late. Too bad you weren't here twenty or thirty years ago. People really remembered a lot then."

Well, when I first did those interviews in the late 1960s, that was thirty years ago. And yet today, in the early 2000s, when I show up to do an interview, I am still told: "You're a generation too late. Too bad you weren't here twenty or thirty years ago." Well, I was!

The point here is that every generation seems to be very hard on itself and to take the view that they do not know as much as the previous generation. True, a lot is lost from one generation to another. But a lot is passed on, especially if people actively cultivate an interest in who they are. If you open your ears and eyes when you are interacting with the older generation, it is amazing how much you take in and remember. After all, each one of us will be an "elder" someday. The younger people in our own families will look to us for priceless bits of information. And we may surprise ourselves by knowing and remembering far more than even we realize.

Now, remember the obituary of Elaine Frank Davison's "Uncle Bill" -- William Frank Sr. of Walla Walla -- that I mentioned earlier? "Uncle Bill" was someone that Elaine had interviewed repeatedly. He had an incredibly keen memory and Elaine realized this early on in her research. Here's what Elaine wrote in May 1987, after the passing of her beloved "Uncle Bill":

Uncle Bill has left us all a very rich heritage. Without his help and his extraordinary memory, we never would have documented the families from Kautz [Russia]. Uncle Bill had told me that I knew as much about Kautz as he did and said I didn't need him anymore. . . . Before he died, he told me how "proud" he was of what I have done This meant so much, as it was very hard for him to give any compliments face to face. . . . One day, while we were talking, I asked him about a Fox [Fuchs] family I had found, and asked where they had lived in Kautz He said: "You know. . . on the Back Street [of Kautz] across from the Wilhelm's Wilhelm". . . . And you know [what], I did know!!! All these many years, my dream has been to walk the land in Kautz, where my people lived I now realize Uncle Bill has helped me to do just that through his memory"27

A few short years after writing these lines, Elaine Frank Davison finally did walk the land of Kautz, Russia, and thanks to her "Uncle Bill," it was not terra incognita. The stories and memories Elaine had painstakingly recorded paid off; they made her feel as if -- in the words of the late Russian-German singer John Denver -- she had "come home to a place she'd never been before." This illustrates the incredible power of oral history and storytelling, and it demonstrates how one can reap the benefits of being truly aware and being interested in one's heritage.

Let me give you another illustration of how Russian-Germans do not always realize how much they have maintained over the generations. The largest denominational group among the Germans from Russia are the Lutherans. But Germans from Russia traditionally belong to any one of a number of different faiths: Roman Catholic,

Reformed, Baptist, Congregational, Seventh Day Adventist, Mennonite, Hutterite Brethren, as well as many others.

The Hutterite Brethren or “Hutterites” are the most conservative of all the Russland-deutsche in North America. They number about 40,000 today and live in 445 colonies in the western United States and Canada. They are trilingual. Their first language is “huttrisch,” a Russian-German dialect; their second language is High German; and their third language is English. The Hutterites have a conservative dress code that sets them clearly apart. In fact, their dress is not all that different from that of the first Hutterites who came from Russia to what is now South Dakota in the 1870s. The men wear beards, dark hats, dark trousers, and home-styled shirts and suspenders. The women wear dark, polka dot head scarfs, and long floral-patterned dresses. Young Hutterite boys often wear black, visored caps that are identical to those worn by their ancestors in Czarist Russia²⁸.

The Hutterites are truly communal -- all land and buildings and other property are held by the Gemeinde, the community. Private property is frowned upon. Most of their colonies are located in the Great Plains states of the Dakotas and Montana and in the Canadian prairie provinces but their colonies gradually are spreading westward. If I were to tell you that seven Russian-German colonies have been founded here in eastern Washington during the past 30 or so years, I would be referring to the Hutterites. Their colonies are located near Ritzville, Odessa, Reardon, Elk, Marlin, and Warden. And the Hutterites are one of the fastest growing groups in the whole nation, with an average family size of about ten offspring. Presently, the Hutterites are making plans to expand into the state of Oregon.

Whenever I visit Russian-German Hutterites at one of their many colonies, I ask about what changes they have seen in recent years. A bearded elder, looking up at me from beneath his black hat, invariably will say something like this in a thick German accent: “We are not like our parents. We’re getting chust like the Englische. We have assimilated too much.” Assimilated too much? This, from a Hutterite elder in distinctive black clothing, who lives in a communal colony set apart from the rest of the world, and who speaks English as a third language?

Assimilation, like beauty and a whole lot of other things, appears to be in the eye of the beholder. Every generation measures itself against the previous one and concentrates on all that has been lost, not on all that has been retained.

Rethinking Ethnic Group Persistence and Viability

What all of this prompts me to do is to revisit Barth’s list of the four defining characteristics of an ethnic group. Ours is no longer an age of immigrant steam ships and rural homesteads and handwritten journals. Ours is an age of diasporas and supersonic jets and electronic mail. Every ethnic group that is truly viable changes. If it does not change, its viability can be called into question.

The traits that distinguished Russian-Germans a whole century ago may be different from those that mark Russian-Germans in the United States today. But this is to be expected. We live in another age, and in very different times. So let's go through Barth's list one more time, but allow for greater flexibility as befits our modern age:

1. An ethnic group today may be largely self-perpetuating but biological descent is not an "all-or-nothing" thing. We live in a time when people share one or more ethnic backgrounds and they may claim all of them with equal pride. Who is to say an individual who is "half" Russian-German and actively cultivates his or her heritage is less than the biologically one-hundred-percent Russian-German who rejects or completely ignores his or her heritage? It is not about blood or genes, it is about culture and identity.

2. Modern Russian-Germans today may share fundamental values that are strikingly similar to those of their parents or grandparents. They do not need to live on isolated farms or in rural colonies to be "traditional." Consider, for example: hard work, religious faith, and an emphasis on family. Is it not possible to work hard at a desk job as well as at manual labor? Is it not possible to be very educated and yet very religious? Is it not possible to love two children just as easily as ten children? Might not fundamental values persist even in an age of great change?

3. Modern Russian-Germans do not need to converse in German dialect or Standard German in order to be truly "ethnic." One's ancestral language is very important but far more important is communication itself, whether in German or English. One can sing "Amazing Grace" or "Gott ist die Liebe" in either language and these hymns are still hauntingly beautiful. One can tell stories in any language to keep alive one's heritage. And one can instruct a younger member of the family how to prepare a certain ethnic dish by actions as well as words or written recipes. The really important elements here are communication and the sharing of information, whether these interpersonal exchanges occur in dialect German, Standard German, or even English.

4. Unlike the conservatively attired Hutterites, many modern Russian-Germans today have the luxury to "pass" – but there are identifying features nonetheless. Belonging to a *russlanddeutsche* ethnic organization singles you out as different. Simply opening your mouth and announcing to all the world that you are Russian-German marks you as being a bit out of the mainstream. And let's not forget all the individuals with names like Aschenbrenner, Giebelhaus, Schneidmiller, Wiederspahn, or Kloberdanz (!), who may never be able to pass. Modern Russian-Germans today have more flexibility than their grandparents in being accepted by others. One can speak flawless English, dress modern, own an iPhone, and still be Russian-German. Such ethnic adaptability should be seen in a positive light, rather than in a negative one.

What all of this means is that the viability of an ethnic group is not a static thing. An ethnic group could never survive if it remained static. Change is a part of life. Change itself is a constant. And, yes, the *Russlanddeutsche* have been "on the move" and undergoing changes of all kinds since 1763.

Every spring semester at North Dakota State University, I teach a fifteen-week “Germans from Russia” class. I have been doing so for more than 25 years and the interest on the part of young people still remains high. I have students in my class who are 4th or 5th generation Russian-Germans and who are very proud of their heritage. This pride takes many forms, ranging from a rather quiet acknowledgment of their ethnic heritage to an outspoken, even eloquent expression of their cultural uniqueness²⁹.

Will the Germans from Russia Survive?

Russian-Germans today may represent a viable ethnic group that will persist into the future. On the other hand, Russian-Germans may be described one day as a rather interesting but short-lived cultural phenomenon. What will happen? I do not know. As of this date, no one does.

But this I do know: the outcome will depend on members of the ethnic group itself. Will they allow themselves to die out and to disappear from the world scene? Will organizations like the American Historical Society of Germans from Russia and the Germans from Russia Heritage Society survive? Will individual Russian-Germans continue to cultivate a sense of identity and pass this on to their children and grandchildren? Is their heritage worth preserving and if so, what will they do about it? These are the real questions.

One of the most important things that can be done is to be aware, to listen (to really listen), and to educate one's self. Many therapists today contend that one of the biggest problems facing Americans is not stress or financial worries or interpersonal relationships. The problem is not knowing who you really are. If you know who you are and where you came from and where you are going, this represents quite an accomplishment. This is where family and education and religion and ethnic background all come into play. And there is an added benefit to knowing who you are – once you really understand yourself and all that your people endured, you become more accepting and tolerant of others.

The individual clearly has a role to play in all of this. Families, congregations, parishes, ethnic groups, are all made up of individuals. Might the Russian-German community here in the Walla Walla area be a different, less aware, and less informed community had it not been for one individual like Elaine Frank Davison? Many here already know the answer to that question.

One of the things I really admired about Elaine was not only her dedication but also her thoroughness. Yes, she recorded names and dates but she paid close attention to the needs and concerns and words of her people. She listened to their favorite memories and folk songs and personal stories and she knew how vital these were, not just to them, but to all of us. By the time Elaine's labor of love drew to a close, she had amassed an incredibly huge amount of valuable information.

But there were still a few gaps and holes. Even as Elaine battled cancer in the final days of her life, it was as if she were packing and preparing for a long journey.

Individuals who are approaching the end of their life's journey are completing a circle. They are sorting through a lifetime's accumulation of memories, memories that stretch from the present all the way back to the cradle.

In February of 2001, my wife Rosalinda and I received an e-mail message from Elaine Frank Davison. The tone of Elaine's message inspired us but it saddened us as well. She very matter-of-factly informed us that she and George were critically ill and they did not have long on this earth. She knew it and she wanted us to know it as well. Elaine wrote:

I am at peace with everything, my only wish is that I could get well enough to take care of George for a while before we have to say goodbye.

I have had a little musical ditty running around in my head for some time, hopefully you can help me solve it. My mother held me in her arms while singing to me and rocking me in her rocking chair every time she sang it. Evidently it was to keep me quiet while my Papa slept...³⁰

Elaine went on to describe for us this little folk rhyme as best she could but she could remember only a few of the key words in German – Kind, weissa, and beissa. Try as she might, she could not remember this old rhyme in its entirety.

There are literally hundreds of Russian-German folk rhymes but by focusing on those three German words, Rosalinda and I soon narrowed down all the possibilities to one particular Volga German Schlaflied (lullaby) which was sung in dialect German and which includes the three words Elaine remembered from the earliest days of her childhood:

Schlof, Kindja, schlof,
Dei' Vater hiet die Schof,
Dei' Mutter hiet die Lemmerja.
Die bringt ein Schorz voll Blemerja,
Drei rote und drei Weiss-sa.
Du sollst mein Kindja net beiss-sa!
Schlof, Kindja, schlof.

Sleep, little child, sleep,
Your father watches over the sheep,
Your mother tends the lambkins.
She has an apron filled with blossoms,
Three red ones and three white ones.
Don't you [sheep] hurt my little child!
Sleep, little child, sleep.

We quickly e-mailed the words of the lullaby to Elaine and hoped they might ease her suffering a bit. A few weeks later, we learned that Elaine and George were both gone. They had packed for their final journey and Elaine had been very selective and had carefully chosen all her favorite memories, including one from her childhood. Elaine always was one to solve the little mysteries that intrigued other families and so Rosalinda and I felt very privileged to help Elaine solve one of her own family mysteries. The simple words of that lullaby haunt us still, as well as the touching image Elaine painted for us – that of herself as a child, being held in her mother’s arms and being gently rocked to sleep with a soothing little song.

Yes, in the final analysis, it is all about the role of individuals who are members of groups. In the case of an ethnic group – any ethnic group– individual members need to ask themselves: Is this heritage of ours worth preserving and if so, what are we going to do about it? And if we do not do something, who will?

The whole scenario could be radically different. There were ethnic groups like the Tasmanians and the Yana-Yahi who wanted very much to live, to survive, to thrive. But it was all beyond their control. And sadly, they disappeared from the world scene. Lifeless evidence of their culture can be found, but only in dusty archives and museum displays³¹.

Russian-Germans and members of other ethnic groups in the United States still have a choice. They can preserve their past but they cannot change the past. They can celebrate the present but they cannot hold onto it forever. The future, however, is a very different matter – it is in their hands and in the hands of their children and their children’s children. But children need to be raised with an awareness of their heritage. Children need to be informed. Children need to know who they are.

Conclusion

Remember that story I opened my presentation with, the story about the father and his young son who were fishing? Well, I cannot change the version of the story that I already told you. You see, that version is in the past. But maybe I can re-tell the story and provide a different version, an alternative version, perhaps a version for the future. I offer it in closing and I offer it for your consideration.

There was this father and his young son who were in a boat, fishing on a lake. The sun was shining brightly and there was hardly a ripple on the lake. The fish were not biting but that was alright because everything seemed picture perfect.

After some time passed, the little boy asked his father: “Where did we come from?”

The father smiled and said: “Our ancestors came from way over in Russia, the land of the czars. But our ancestors were Germans, even though they lived in Russia for more than two hundred years.”

The boy then asked: “Where in Russia?”

The father answered: "From a village near the great Volga River called Kautz. Everytime your great grandmother heard that word, tears welled up in her eyes. Kautz was just a little village but it was her home and she must have missed it a lot."

"Did she ever talk about what Kautz was like?" the boy asked.

"All the time," the father answered. "I remember her telling me that they farmed with camels. And there was something like a geyser near Kautz. The people called it the 'Kautzer Wind Loch' and there were these big, shiny bones in the hills nearby."

"Were they dinosaur bones?" the boy asked, his eyes wide open and bright and alive.

"I'm not sure," the father answered. "I guess someday you and me will have to go over to Russia and take a look for ourselves. There isn't much left of Kautz but maybe that geyser and those big shiny bones are still there."

The boy then asked the father: "Why did our people leave Russia and come over here?"

The father answered: "Life was hard over there. The Germans always felt like stepchildren in Russia. They wanted a better life. Not just for themselves, but for you and me and all their descendants. And so they left their loved ones and came to America. It took a lot of courage to do that, to say goodbye to their brothers and sisters, knowing they might not see any of them ever again."

A few minutes passed and then the boy said: "Dad, do you mind me asking questions?"

The father smiled and said: "No, son, not at all. I'm glad you're interested and I'm real proud of you for asking."

The boy was silent for a little while and then said "Dad, I hope we can always talk like this."

"Me, too" the father answered.

Aknowledgments

First and foremost, I am indebted to Walla Walla College for inviting me to participate in their "Distinguished Scholar Lecture" Series. Prior to giving my lecture, I spent several days in eastern Washington doing research and meeting Russian-Germans in that part of the United States. I visited several communities, including Lind, Odessa, Ralston, and Ritzville. The individuals whom I met are far too numerous to list by name but I am grateful for their hospitality, kindness, and openness. I am especially indebted to the children and other family members of the late Elaine Frank Davison, who shared with me many priceless insights and memories. In addition, I want to thank the members of my own family, who are a constant source of encouragement, inspiration, and strength: my wife Rosalinda, and our sons Michael and Matthew.

¹ Originally was given in 2002 by Dr. Kloberdanz at Walla Walla College in Walla Walla, Washington, USA. The lecture stimulated considerable discussion at the time it was delivered and it still continues to provoke discussion today. A slightly different version of this article appeared in the *Journal of the American Historical Society of Germans from Russia* (Spring 2004, volume 27, no. 1, pages 14-26). Permission to reprint this article was given by AHSGR and permission also was granted by Dr. Kloberdanz in July 2009.

² This is a version of a humorous narrative that circulated in the early 2000s. It was exchanged orally and also by means of e-mail. As is often the case with folklore, the original source for the story remains unknown.

³ See, e.g., the obituary for M. Elaine Frank Davison and George Hite Davison that appeared in the *AHSGR Newsletter* (Spring 2001), pp. 31-32. Also see the article by Elaine Frank Davison, "My Kautz Project: Obsession or Labor of Love," *AHSGR Clues* (1983), Part II, pp. 17-20 and the article by Vance Orchard, "Genealogy Real People Project," in *The Times*, Waitsburg, Washington (September 17, 1998), p.3.

⁴ See, e.g., D. Michael Frank, "Kautz Genealogy on CDROM," in *Journal of the American Historical Society of Germans from Russia* 26 (Fall 2003): 14-16.

⁵ Cf. Timothy J. Kloberdanz and Rosalinda Kloberdanz, *Thunder on the Steppe: Volga German Folklife in a Changing Russia* (Lincoln, Nebraska: American Historical Society of Germans from Russia, 1993), pp. 125-126.

⁶ See, e.g., Elaine Frank Davison, "Some of the Customs of the Volga German Villages," in *Journal of the American Historical Society of Germans from Russia* 8 (Fall 1985): 33-34.

⁷ *The Fargo Forum*, Fargo, North Dakota, May 14, 1990, p. B6.

⁸ "In Remembrance," *Heritage Review* [Germans from Russia Heritage Society] 18 (May 1988).

⁹ See *Unsere Leute von Kautz*, ed. by Elaine Frank Davison, vol. 4 (Walla Walla, Washington: self-published, 1987), p. i-iii.

¹⁰ See, e.g., Alfred Einfeld and Victor Herdt (eds.), *Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1931 bis 1956* (Köln, Germany: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996).

¹¹ See, e.g., Adam Giesinger, *From Catherine to Khrushchev: The Story of Russia's Germans* (Battleford, Saskatchewan, Canada: Marian Press, 1974). Also see Timothy J. Kloberdanz, "German Russians," in *Encyclopedia of World Cultures Supplement*, ed. by Melvin Ember, Carol R. Ember, and Ian Skoggard (eds.), (New York: Macmillan Reference, 2002), pp. 121-124.

¹² For example, the Volga German colony of Katharinenstadt (established August 28, 1767) included among its mostly "German" founders more than twenty families from Amsterdam and other areas of the Netherlands. Among the original settlers also were fourteen families from France, as well as colonists from Switzerland, Bohemia, Austria, Denmark, England, Luxembourg, Hungary, Poland, and Italy. See Igor Pleve, *Einwanderung in das Wolgagebiet 1764-1767*, vol. 2 (Göttingen, Germany: Der Göttinger Arbeitskreis, 2001), pp. 275-332.

¹³ Giesinger, p. 200.

¹⁴ Richard Sallet, *Russian-German Settlements in the United States*, translated by LaVern J. Ripley and Armand Bauer (Fargo: North Dakota Institute for Regional Studies, 1974).

¹⁵ *Ibid.* See especially pp. 30-31, 41, 47-48. Also see Richard D. Scheuerman and Clifford E. Trafzer, *The Volga Germans: Pioneers of the Northwest* (Moscow: University Press of Idaho, 1985).

¹⁶ Timothy J. Kloberdanz, "Germans from Russia," in *American Immigrant Cultures: Builders of a Nation*, ed. by David Levinson and Melvin Ember, vol. I (New York: Macmillan Reference, 1997), pp. 325-331.

¹⁷ For important statistical data, see the information at this web site: <http://www.lib.ndsu.nodak.edu/grhc/info/introduction/3536.html>. Also see <http://www.deutscheausrußland.de/zdk/>

deukolon.htm and the demographic chart "Bewegung der Aussiedlerzahlen zwischen 1950 und 1999» in *Volk auf dem Weg* 51 (February 2000):5.

¹⁸ Ibid, "The Dark Side of Victory," *Heritage Review*, p. 24.

¹⁹ Since the time of my lecture, J. Otto Pohl has published his paper "The Dark Side of Victory" in *Heritage Review* 33 (December 2003): 16-24. See also J. Otto Pohl's *Ethnic Cleansing in the USSR, 1937-1949* (Westport, Connecticut: Greenwood, 1999).

²⁰ See, e.g., Peter Hilkes: *Germans from the Former Soviet Union, Dakota Dialogues* 1 [an interview] (Fargo: Institute for Regional Studies, 1994), 11 pp. Also see Eric Geiger, "Germans Saying 'Nyet' to Influx from Eastern Bloc: Ethnic Migrants Viewed as Russians," *The San Francisco Chronicle*, January 13, 1998. Reprinted in the *Central California [AHSGR] Chapter Newsletter* 5 (May 1998): 6-8.

See, e.g., *American Immigrant Cultures*, vol. 2, p. 1004.

²¹ See, e.g., *American Immigrant Cultures*, vol. 2, p. 1004.

²² Barth's book was published in Boston by Little, Brown, and Co., 1969. See especially pp. 10-11.

²³ While statements like this one are thought to be merely humorous, there are Russian-Germans living yet today who can match such statements with personal "testimonies" that seem completely devoid of humor.

²⁴ In the summer of 1976, for example, Volga Germans in Ellis and Rush Counties, Kansas, celebrated their centennial beneath banners that proclaimed "Unsere Leute" (Our People). See, e.g., Timothy J. Kloberdanz, " 'Unsre un' die Andre': In-Group Affiliation among the Volga Germans of Russia and the Great Plains," in *Plains Anthropologist* 31 (November 1986): 281-293.

²⁵ See, e.g., one of Marcus Lee Hansen's better-known works, *The Immigrant in American History* (New York: Harper and Row, 1964).

²⁶ Pierre-Jakez Hélias, *The House of Pride: Life in a Breton Village* (New Haven: Yale University Press, 1978), p. 334.

²⁷ Elaine Frank Davison, *Unsere Leute von Kautz*, vol. 4, p. i.

²⁸ One of the most comprehensive studies of the Hutterites is anthropologist John A. Hostetler's *Hutterite Society* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1974). For a much different but equally compelling "insider's view," see Samuel Hofer, *The Hutterites: Lives and Images of a Communal People* (Saskatoon, Saskatchewan, Canada: Hofer Publishers, 1998).

²⁹ See, e.g., Debra Marquart's book of poetry *Everything's a Verb* (Minneapolis: New Rivers Press, 1995). Several of the young writer's poems deal with her Russian-German heritage. See especially the poems "Speaking the Language" (pp. 3-4), "Grandfather's Hands" (p. 76), and "The Blizzard Rope" (p. 80).

³⁰ The e-mail message from Elaine Frank Davison was dated Sunday, February 11, 2001.

³¹ Too often people think of "endangered peoples" as being small tribal groups in South America or another part of the non-European world. Yet the ethnic Germans who still remain in Russia are but one of many ethnic groups whose cultural fate remains uncertain. See, e.g., *Endangered Peoples of Europe: Struggles to Survive and Thrive*, ed. by Jean S. Forward (Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2001).

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА «НАРОДА В ПУТИ»

М. Н. Машкин (Москва)

Отто фон Бисмарк, Санкт-Петербург. Россия¹

29 января 1859 г. на важнейший для Пруссии того времени дипломатический пост посланника в России был назначен Отто фон Бисмарк. Кто же был новый посланник? До назначения он с 1851 г. был посланником Пруссии при бундестаге Германского союза во Франкфурте-на-Майне и к этому времени Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк играл уже заметную роль в политике Пруссии. Он родился 1 апреля 1815 г. в семье бранденбургского юнкера в поместье Шёнхаузен в Альтмарке, недалеко от Магдебурга, а через год семья переехала в Померанию, в поместье Книпхоф. Весной 1832 г. семнадцатилетний Отто, окончив гимназию в Берлине, поступил в университет в Гёттингене, а завершил образование в Берлинском университете, сдав экзамены по праву в мае 1835 г. Служил он далее сначала в судах в Берлине, а затем в администрации в Аахене и Потсдаме. Но осенью 1838 г. он оставил государственную службу и с 1839 г. успешно занимался хозяйством в имениях в Померании и Бранденбурге.

В 1847 г. Бисмарк стал депутатом в Соединенном ландтаге и во время революции 1848–1849 гг. был очень активным и видным консервативным деятелем монархической контрреволюции, близким к королю Пруссии Фридриху-Вильгельму IV, который и назначил его посланником при Бундестаге в 1851 г., где уже ярко проявились его способности дипломата, в особенности при проведении антиавстрийской политики, что вызывало естественно острое недовольство в Вене. Во время Крымской войны Бисмарк выступал против участия Пруссии в войне на стороне антироссийской коалиции Великобритании, Франции, Турции и Сардинии, что было отмечено в России.

Сдав во Франкфурте дела и решив учить русский язык, Бисмарк в марте 1859 г. один, без близких направился в Россию. Железная дорога тогда доходила только до Кенигсберга, дальше целую неделю пришлось ехать на почтовых лошадях до Пскова, где начиналась железная дорога, в условиях русской зимы с метелями и морозами. 29 марта он прибыл в Санкт-Петербург² и временно остановился в гостинице на набережной Мойки.

На Петербург Бисмарк смотрел с большим интересом, описывая в письмах к родным свои впечатления³. Город казался ему очень значительным, с большим движением на улицах, что напоминало ему Лондон, удивлялся поздней весне, когда писал «вот три недели, что вижу только камень и снег; ворот город не имеет,

или они недостижимы», а по льду на Неве едут экипажи и идут люди, а «Нева стоит крепко, как гранит», в середине мая лишь начинает зеленеть трава. Но к концу мая уже очень жарко, пыльно и идут дожди. Бисмарку очень неудобно жить в гостинице, здание, снимаемое Прусской миссией ему не нравится и он снимает дом графа Стенбока-Фермора на Английской набережной, недалеко от Николаевского моста за довольно дорогую плату (7 тысяч рублей в год)⁴, переезжает туда уже в начале июня на все время своего пребывания в России. Ему нравится это место и Нева, «острова», и «белые ночи». Летом в связи со служебными делами Бисмарк должен был ездить в Царское Село, которое он называл «русским Потсдамом» и в Петергоф, который как «жемчужина местных окрестностей» ему особенно нравился. 2 июля 1861 г. он даже писал Альбрехту фон Роону, что «я уже сейчас испытываю к Петербургу чувство [...] как тоску по родине»⁵.

В начале июня 1859 г. Бисмарк приехал в Москву, красота города произвела не него незабываемое впечатление и он написал жене, что «этот город действительно самый красивый и оригинальный из существующих,..., вид сверху из Кремля, окруженного домами с зелеными крышами, садами, церквями с колокольнями самых причудливых форм и цветов, в основном зеленого, розового или светлосинего, но чаще всего венчаемых золотой луковкой и часто пятью или еще большего количества на одной церкви, 1000 колоколен, ничего действительно такого необычайно красивого, освещенного косыми лучами солнца при закате не приходилось видеть»⁶. Он посетил Кремль с его сокровищами и подмосковное имение князей Юсуповых Архангельское. В Петербурге Бисмарк продолжал изучать русский язык⁷, уже пробовал читать по-русски и пытался говорить, даже с императором Александром II⁸.

Официальным Петербургом и членами императорской фамилии Бисмарк был встречен благожелательно. Уже на четвертый день по приезде в Петербург он получил аудиенцию у Александра II, который и впоследствии неоднократно принимал его и говорил с ним. Очень теплый прием встретил сразу по приезде Бисмарк и у матери Александра II, вдовствующей императрицы Александры Федоровны (прусской принцессы Шарлотты – дочери королевы Луизы и короля Фридриха-Вильгельма III и сестры принца-регента Вильгельма), которая часто приглашала его на обед или вела с ним долгие беседы, а Бисмарк чувствовал себя как в Берлине. Поэтому смерть императрицы в ноябре 1860 г. его искренне опечалила. Александр II приглашал Бисмарка на военные парады, где полагалось быть в военной форме и Бисмарк, лейтенант запаса ландвера, чувствовал себя плохо, на что жаловался в Берлин. Благожелательность императора была настолько большой, что он пригласил далее Бисмарка перейти на русскую службу, но этого приглашения Бисмарк не принял.

Хорошим в то время было и отношение к Бисмарку министра иностранных дел князя А.М.Горчакова, с которым Бисмарк часто встречался. Горчаков знакомил его и с донесениями дипломатических представителей России в странах Европы.

В условиях напряженной международной обстановки, войны Сардинского королевства и Франции против Австрийской империи регулярные беседы с Горчаковым и Александром II способствовали формированию собственной концепции посланника Бисмарка на Европейскую политику и на роль в ней Пруссии, что и отражалось в его регулярных донесениях в Берлин⁹.

В начале своего пребывания в Петербурге 16 апреля 1859 г. Бисмарк так описывал в письме жене свой день: «Между 11 и 1 часом почти ежедневно рабочая встреча (Citation), потом с 3 до 4 часов я езджу с визитами, что составляет обычно от 4 до 6 визитов, иногда и меньше, многие принимают меня, если я с ними и не знаком, очень дружелюбные и приятные люди, но по-немецки говорят реже, чем я думал»¹⁰, – писал он, прекрасно говоривший по-французски и писавший или диктовавший свои депеши в Берлин всегда по-французски.

Бисмарк в Петербурге встречался со многими представителями высшего общества в России, наиболее радушный прием он встречал среди представителей высшего остзейского дворянства, а с некоторыми из них – графами Кайзерлингами он был дружен еще со студенческих времен.

Бисмарку нужно было заниматься и интересами многочисленных подданных Пруссии, как живших в России, так и приезжавших по делам. «Текущие дела состоят – писал он брату – 8.5/26.4.1859, – в полицейской и судебной защите примерно 40000 подданных Пруссии, живущих в России, и в проведении прусских процессов против русских подданных, являюсь для всех этих людей адвокатом, полицией, ландратом, призывной комиссией и прямым корреспондентом для них со всеми русскими властями от Вислы до Урала; часто я подписываю 100 документов в день»¹¹.

Пребывание Бисмарка в России пришлось на время подготовки и проведения реформ в России, когда обострившаяся внутривнутриполитическая ситуация в стране его живо интересовала, о чем он подробно сообщал в Берлин. Пристальное внимание он уделял и положению в Царстве Польском и польскому вопросу в целом, убеждая императора и других своих собеседников в Петербурге о необходимости придерживаться твердости и не идти на уступки.

Пост посланника в России Бисмарк занимал до 1862 г., но из-за тяжелой болезни должен был находиться в Германии многие месяцы, уехав в июле 1859 г. он возвратился вместе с семьей в Петербург только в июне 1860 г.. Надолго он покидал свой пост и позднее, а в конце апреля 1862 г. закончилась его миссия. На прощальной аудиенции Александр II говорил ему, о сохранении тесного союза с Пруссией, Бисмарк был пожалован орденом святого Александра Невского¹², а князь А.М.Горчаков, сожалея об его отзыве, выражал благодарность за доверие и за «неизменную лояльность, которую Вы проявляли в наших политических и личных отношениях».

У Бисмарка в годы петербургской миссии сложились многие элементы его концепции создания Пруссией единого германского государства, которую он в

последующем последовательно воплощал в жизнь. Из Петербурга Бисмарк был направлен посланником во Францию, 1 июня 1862 г. он вручал свои верительные грамоты императору Наполеону III, но уже 8 октября 1862 г. был официально назначен министром-президентом и министром иностранных дел Пруссии.

Отношения с Россией заняли очень важное место во внешней политике Бисмарка. В первые месяцы его пребывания у власти резко обострился польский вопрос: 22 января 1863 г. в Царстве Польском началось восстание. Бисмарк следовал своей линии, уже ясно выраженной во время пребывания в Петербурге. После начала восстания, хотя в Познани восстания не было, в провинцию было направлено три армейских корпуса с фактическим введением военного положения, а в Петербург был послан генерал Альвенслебен для обсуждения совместных мероприятий, который подписал с фельдмаршалом Бергом 6 февраля 1863 г. конвенцию о сотрудничестве при переходе польскими повстанцами границы с Пруссией.

Поставленный революцией 1848-1849 гг. на повестку дня вопрос о национальном объединении Германии не был решен. Теперь вопрос национального объединения Германии решался Пруссией, где министром-президентом был Отто фон Бисмарк, путем войны против Австрии и ее германских союзников и их поражения в 1866 г., по «малогерманскому варианту».

Этапным моментом в развитии русско-германских отношений была благожелательная позиция императора Александра II и его правительства к Пруссии и ее союзникам во время немецко-французской войны 1870–1871 гг. Основой такой позиции было стремление ликвидировать унижительные для суверенитета России на Черном море положения Парижского мира 1856 г. и положить конец французскому гегемонизму в Европе. Концентрация русских войск на границе с Австро-Венгрией обеспечили ее неучастие в войне на стороне Франции. Со своей стороны Бисмарк поддержал отмену Россией дискриминирующих ее статей Парижского трактата 1856 г., суверенитет России был восстановлен. Победы германского оружия в войне с Францией сделали возможным создание Германской империи. Прусский король Вильгельм I в январе 1871 г. был провозглашен германским императором. Бисмарк стал рейхсканцлером.

Образование Германской империи изменило международную обстановку в Европе. В Европе появилась могущественная держава, обладавшая крупными потенциальными и имевшая большие претензии. После создания Германской империи отношения между Германией и Россией являлись важнейшим фактором международной политики.

Рейхсканцлер Германии князь Отто фон Бисмарк был инициатором создания в 1873 г. Союза трех императоров - Германского, Всероссийского и Австрийского, т.е. союза Германии, России и Австро-Венгрии.

Разразившийся в 1875 г. Балканский кризис и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привели к резкому обострению отношений Австро-Венгрии и России. Берлинский конгресс 1878 г. ознаменовался значительным охлаждением отноше-

ний между Россией и Германией. Союз трех императоров распался. В 1879 г. был подписан секретный договор об австро-германском союзе. Но и после этого Бисмарк стремился сохранить политические связи Германии с Россией, результатом чего явилось возобновление Союза трех императоров в 1881 г., правда, уже в виде договора о нейтралитете при нападении других держав. Но и этот Союз в результате развития Болгарского кризиса 1885 г. утратил свое значение. В 1887 г. на смену Союзу трех императоров по инициативе Бисмарка пришел секретный договор Германии с Россией о нейтралитете, впоследствии получивший название договора «перестраховки». Происходило ухудшение отношений Германии с Россией, но Бисмарк стремился сохранить видимость союза с ней. Эту цель и преследовал договор «перестраховки», представлявшийся им как продолжение «традиционно-союзных» отношений двух империй, как «нить к России» («Draht nach Rußland»).

Во время пребывания Бисмарка у власти отношения с Россией имели для него очень важное значение и охватывали самые различные сферы. К ним, в частности, относился и вопрос об эмиграции немцев в Россию, к которой Бисмарк относился неодобрительно.

Так, Клеменс Аугуст Буш – заместитель статс-секретаря (Unterstaatssekretär) в Ведомстве иностранных дел – писал 23 августа 1883 года послу в Петербурге Швайниццу: «Князь Бисмарк считает, что немецкая эмиграция в Россию как в настоящее время, так и в дальнейшем не может матери-родине принести пользу как в политическом, так и в экономическом отношении. Потомки всех эмигрантов обрусееют. Национальное чувство у немца слабое, он рассматривает каждую (подчеркнуто в тексте – *М.М.*) чужую национальность, как более благородную [...]. Нет государственной необходимости для эмиграции, напротив, она проходит преимущественно из наших провинций, наиболее бедных людьми. Мы должны были, если бы имели возможность, принимать меры против эмиграции»¹³.

Несколько месяцев раньше, 8 мая 1883 г. была послана депеша Швайниццу, проект которой был очень сильно правлен Бисмарком, а многие пассажи в депеше принадлежали его перу. По вопросу о немецкой эмиграции в Царство Польское Бисмарк твердо заявил: «Я считаю сомнительным наш интерес в расширении наших колоний в Польше [...]. Действительно повышение цены на землю благоприятствует участникам, которыми являются колонисты и Российская империя. Германская империя ничего не выигрывает от этого экономического процесса. Немцы, эмигрировавшие в Польшу, чтобы там осесть, после того как они достигнут благосостояния, возвращаются очень редко назад на родину, в отличие от того, что происходит с эмигрантами в Америку, рано или поздно они становятся русскими подданными, и их усердие, их благосостояние увеличивает, без сомнения, налоговый потенциал и богатство экономики России. Для Германии они в хозяйственном и налоговом плане потеряны. Свои отношения с Германией они сохраняют настолько, как правило, чтобы иметь дипломатическую защиту от посольства или консульств, насколько это разрешается с русской стороны [...]. Я бы

не опасался обиды русской прессы на германизацию, но немецкое национальное чувство по моему впечатлению недостаточно, чтобы германизировать. Сыновья польских немцев принадлежат к самым злобным противникам страны их отцов и, как славяне, стыдятся своего германского происхождения»¹⁴.

Бисмарк уделял внимание и «остзейскому вопросу» в России¹⁵.

Во второй половине 80-х годов в Германии в военных и придворных кругах, среди юнкерства и части буржуазии росло недовольство Бисмарком, оппоненты которого объединялись в борьбе с политическим курсом «железного канцлера». Многие противники Бисмарка отвергали и его политику в отношении России, считая даже целесообразной войну Германии против России. Своих сторонников находила, в том числе, и идея «превентивной войны» против России, глашатаем которой был генерал-квартирмейстер Большого генерального штаба Пруссии генерал Альфред фон Вальдерзее. Антирусские настроения, нередко переходящие в русофобию, страх перед мифической «русской угрозой», временами с уверенностью или с опасениями о вероятности войны с Россией, широко распространялись в это время в общественном мнении Германии. Эти антирусские настроения, эта русофобия находили свое отражение в антирусской пропаганде, часто носившей милитаристский характер. Особенного накала русофобия в Германии, которая использовалась в антирусской милитаристской пропаганде, достигала во время военных тревог, когда тон высказываний представителей различных политических сил очень мало различался. Это проявилось, в частности, во время военной тревоги 1887–1888 гг., когда генерал Вальдерзее, который не имел сведений о военных планах и намерениях России, настаивал на «превентивной войне» на Востоке. Бисмарк и престарелый император Вильгельм I решительно отвергли это предложение, а в марте 1888 г. кайзер перед смертью говорил Бисмарку и внуку Вильгельму о необходимости сохранить дружбу с Россией:

После вынужденной отставки Бисмарка в марте 1890 г. противники хороших отношений с Россией среди правящей элиты Германии сочли необходимым разрыв договорно-политических уз, связывавших Германию с Россией, и в первую очередь отказ от договора «перестраховки», действие которого истекло в 1890 г., хотя в Петербурге высказывались за его возобновление. Эти линии развития отношений двух стран ярко проявились во время переговоров о возобновлении договора «перестраховки» 1887 г., которые были начаты еще Бисмарком в феврале 1890 г. Вильгельм II и рейхсканцлер Каприви, преемник Бисмарка, отказались от продления действия договора. Решающую роль в этом сыграли устремления милитаристских кругов.

Конец договора «перестраховки» означал разрыв «традиционно-союзных» отношений между царской Россией и кайзеровской Германией. Отказ Германии от этого договора явился одним из этапов развертывания агрессивно-авантюристической политики ее правящих кругов и свидетельствовал об обострении русско-германских противоречий. Ликвидация договора «перестраховки»

– последнего действовавшего политического договора между двумя странами
– привела императора Александра III и его министров сначала к сближению, а вскоре и к союзу Франции и России 1891 – 1893 гг.

Находясь в отставке до самой своей смерти 30 июля 1898 г., Бисмарк часто высказывался в своих беседах и в печати о необходимости сохранения хороших отношений России и Германии, защищал свою политику договоров с Россией, указывал, что между Германией и Россией нет противоречий, которые должны решаться путем войны, а также, что Россию невозможно победить. Этими мыслями пронизаны и его воспоминания, опубликованные посмертно.

¹ Статья подготовлена на основе доклада на торжественном открытии бюста князя Отто фон Бисмарка в Бисмарковском зале Генерального консульства Федеративной Республики Германии в Санкт-Петербурге 24 сентября 2007 г. Статья расширена и дополнена документами об отношении рейхсканцлера к немецкой эмиграции в Россию.

² Популярный очерк жизни О.фон Бисмарка в Петербурге был дан В. Дударевым. См.: Дударев В. Операция «ы». Отто фон Бисмарк в Санкт-Петербурге. «Родина». 2009. № 1. Январь. С. 45–42.

³ См. Bismarck O. von. Die gesammelten Werke. Bd. XIV. T. 1, Berlin, 1933.

⁴ Сейчас № 50 по Английской набережной. Недавно на доме была открыта памятная доска о пребывании О.фон Бисмарка в Санкт-Петербурге.

⁵ Bismarck O. von. Die gesammelten Werke, Bd. XIV. T. I. S. 572.

⁶ Ibidem, S. 526.

⁷ В семейном архиве О.Бисмарка сохранились учебные материалы Бисмарка по русскому языку (Fridrichsruhe, Bismarckarchiv-A32), показанные на выставке в Берлине в 1990 г. (Deutsches Historisches Museum. Preußen, Deutschland und Europa. Eine Ausstellung. Berlin 1990, S. 221, A/29).

⁸ Об этом вспоминал преподаватель русского языка О.Бисмарку студент-юрист В.Алексеев – Das große Bismarck-Buch. Leben und Wirken des ersten deutschen Reichskanzlers. Dresden 1890, S. 108 f.

⁹ О деятельности Бисмарка в России см. книгу профессора Петроградского университета, бывшего в эмиграции барона Б.Э.Нольде «Петербургская миссия Бисмарка 1859-1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II». Прага, 1925. (Нем. перевод Boris Nolde. Die Petersburger Mission Bismarcks. Rußland und Europa zu Beginn der Regierung Alexander II, Leipzig, 1936.).

¹⁰ Bismarck, O. Die gesammelten Werke. Bd. XIV, T. I. S. 512f.

¹¹ Ibid, S. 519.

¹² Второй по значению орден, после ордена святого Андрея Первозванного. Этим орденом награждались министры, уходившие после многолетней службы в отставку.

¹³ Busch an Schweinitz. Berlin. 28. August 1883. Nr. 210. Abschrift. Berlin. Politischer Archiv des Auswärtigen Amtes. R. 10584. Akta betreffend die deutschen Kolonisten in Rußland und Ausweisung deutscher Staatsangehörigen aus Rußland. Rußland Nr. 78, Vol. 1.

¹⁴ Bismarck an Schweinitz. Berlin, 8. Mai 1883. Nr. 98. – Ibidem.

¹⁵ См. Машкин М.Н. Бисмарк и «остзейский вопрос» в России. Россия и Германия. Выпуск 4, м., 2007; его же. Восточная Прибалтика в русско-германских отношениях 80-х годов XIX века // Балтийский регион в международных отношениях в новое и новейшее время. Калининград, 2004.

Семья Эйхенвальд как феномен в истории культуры и науки России второй половины XIX – начала XX века

На рубеже XIX–XX веков семья Эйхенвальд была широко известна в культурных слоях российского общества. В настоящее время эта фамилия, к сожалению, знакома лишь немногочисленным специалистам, интересующимся историей отечественного искусства и науки. Между тем творческая биография этой семьи представляет большой научный и познавательный интерес.

Глава семьи Александр Федорович Эйхенвальд¹. Был выходцем из Митавы (ныне город Елгава, Латвия) – губернского города в Курляндской губернии. В 1850-е годы он переезжает в Петербург, где, закончив Академию художеств, получает звание неклассного художника. До 1864–1865 годов Александр Федорович содержит фотографическое заведение на углу Садовой и Гороховой улиц. Здесь же, в Петербурге, он знакомится со своей будущей женой.

Ида Ивановна Папендик² (1842–1917) была родом из Германии. В 1860 году юная талантливая арфистка приезжает в столицу Российской империи, где становится солисткой оркестра Мариинского театра. Бракосочетание А. Эйхенвальда и И. Папендик состоялось в 1862 году в Петербурге. Спустя год у них родился сын Александр. Вскоре Иду Ивановну приглашают работать в оркестр Императорского Большого театра, и в 1864 году семья переезжает в Москву. Здесь у них рождается еще двое сыновей и семеро дочерей.

Солисткой Императорского Большого театра И. Эйхенвальд проработала тридцать семь лет. Ее виртуозная игра на арфе восхищала слушателей. Ида Ивановна давала и сольные концерты. Помимо этого вела педагогическую деятельность: более тридцати лет занимала должность профессора Московской консерватории по классу арфы. Она является одним из основателей московской школы игры на этом инструменте.

В 1967 году ее муж открывает в Москве фотостудию «Эйхенвальд». Александр Федорович – первый московский фотограф, который стал делать съемку при электрическом освещении, что позволяло работать и по вечерам. Он одним из первых в России поднял проблему восстановления и сохранения негативов. К услугам А. Эйхенвальда охотно прибегали представители московской интеллигенции и купечества. Среди работ, сделанных в его мастерской – фотографии поэта А.А. Фета, композитора П.И. Чайковского, философа В.С. Соловьева, основателей Петербургской и Московской консерваторий А.Г. и Н.Г. Рубинштейнов, купцов-меценатов Бахрушиных. На Политехнической выставке 1872 года в Москве фотограф получил золотую медаль.

Дом Эйхенвальдовых всегда был открыт для друзей и знакомых. Частыми гостями здесь были музыканты П.И. Чайковский, А.Г. и Н.Г. Рубинштейны, С.И. Танеев,

А. Никиш, Н.Р. Кочетов. К отцу приходили известные русские художники И.Е. Репин, В.Е. Маковский, В.Д. Polenov, И.М. Прянишников, скульптор М.М. Антокольский и другие. В доме также часто бывали актеры Большого и Малого театров, профессора Московского университета.

Старший сын – Александр Александрович Эйхенвальд³ (1864–1944) – был известным физиком-экспериментатором, профессором Московского университета и директором Московского высшего инженерного училища. Его опыты вошли практически во все учебные и энциклопедические издания по физике. Впервые в опыте, названном его именем, А. Эйхенвальд доказал существование магнитного поля токов смещения и измерил его величину. Он был известен и как блестящий лектор. Его лекции и публичные доклады поражали воображение слушателей блеском и эффектностью демонстраций, привлекали большие аудитории и пробуждали интерес к физике. Александр Александрович преподавал также на Московских Высших женских курсах и в Коммерческом институте. С 1920 года он жил и работал за границей.

Второй сын Александра Федоровича и Иды Ивановны – Николай Александрович⁴ (1873–1934) – был архитектором. В 1902 году он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и получил звание классного художника архитектуры. Среди известных работ зодчего – оформление интерьеров знаменитой московской кофейной булочника Д.И. Филиппова на Тверской в гостинице «Люкс» (в наст. время гостиница «Центральная»), участие в перестройке самой гостиницы.

Младший сын – Антон Александрович⁵ (1875–1952) – вошел в историю как композитор, дирижер, фольклорист, музыкально-общественный деятель. Много лет он работал руководителем оперных трупп в разных городах России, дирижировал оперными спектаклями и симфоническими концертами, собирал и изучал музыкальный фольклор разных народов, заведовал фольклорными Кабинетами в Ашхабаде, Казани, Уфе. Среди его сочинений несколько опер и балетов, музыкальных комедий, произведений для симфонического оркестра, камерно-инструментальных ансамблей, романсов, песен. С творческой, научной и театральной деятельностью Антон Александрович совмещал педагогическую: преподавал в музыкальных учебных заведениях Тифлиса, Одессы, Казани, Красноярска, Ашхабада, Уфы. В 1920-е годы он пропагандировал русскую музыку и музыкальное творчество народов России за рубежом.

Три сестры Эйхенвальд окончили Московскую консерваторию и были оперными и камерными певицами. Наибольшей известностью среди них пользовалась Маргарита Александровна Эйхенвальд⁶ (по мужу Трезвинская) (1866 – после 1948). Она много лет проработала солисткой Императорского Большого театра, и первой исполнила на его сцене главные партии в ряде русских опер: в частности, партии Иоланты и Снегурочки (в одноименных операх П. Чайковского и Н. Римского-Корсакова). Автор «Снегурочки», услышав ее в своей опере, писал:

«Эйхенвальд... была очень хороша и грациозна. Ее обработанное серебристое сопрано как нельзя более шло к роли Снегурочки»⁷. Обладая мягким голосом серебристого тембра, обаятельной артистической внешностью, сценической одаренностью, Маргарита Александровна создавала на сцене глубоко поэтические образы. Позже (до отъезда за границу) она пела в Московской частной русской опере, в нескольких частных антрепризах.

Вторая сестра – Мария Александровна Эйхенвальд-Дубровская⁸ (по мужу Брюхатова) (1872–1926) – в течение нескольких лет также была солисткой московского Большого театра. Затем пела в опере и в концертах в разных городах России, в том числе в Житомире, Нижнем Новгороде, Екатеринбургe, Петербурге, Москве (оперный театр С. Зимина), городах Сибири. Ее партнерами по сцене были выдающиеся певцы Ф. Шаляпин, Н. Фигнер, Л. Яковлев, Л. Донской и др. Проработав много лет на оперных сценах России, М.А. Эйхенвальд оставила сцену и посвятила себя педагогической деятельности (преподавала в Саратове и в Москве).

Третья сестра – Надежда Александровна Эйхенвальд-Донская⁹ – окончив консерваторию, несколько лет играла в оркестре Императорского Большого театра на арфе. Затем, оставив Большой театр, она работала оперной и камерной певицей: пела в частных антрепризах в провинции (Тифлисе, Екатеринославе и ряде других городов). Обладала несильным, но красивым голосом и была одаренной артисткой.

К членам этой незаурядной семьи в известной степени можно отнести выдающихся певцов, солистов Московского Большого театра С.Е. Трезвинского и Л.Д. Донского (были женаты соответственно на Маргарите Александровне и Надежде Александровне), знаменитого баритона П. И. Полуянова (муж Аглаиды Александровны)¹⁰. Еще одна из сестер – Валентина Александровна – была замужем за всемирно известным ученым-физиком, профессором Московского университета П.Н. Лебедевым, близким другом ее старшего брата Александра¹¹. Жена Александра – Е.К. Эйхенвальд – работала преподавателем физики Московского политехнического института¹².

Таким образом, семью Эйхенвальд можно рассматривать как уникальное явление в истории России. Ее творческая биография является ярким свидетельством вклада этнических немцев в развитие и обогащение не только отечественной, но и мировой культуры.

¹ См.: Шипова Т.Н. Фотографы Москвы – на память будущему (1839-1930): Альбом-справочник. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники», 2001. С. 324–331.

² См.: Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Келдыш. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 651.

³ См.: Погребысская Е.И. Александр Александрович Эйхенвальд // Природа. 2001. № 8. С. 76–80.

⁴ См.: Нащокина М.В. Архитекторы московского модерна. Творческие портреты. М.: «Жираф», 1998. С. 297–298.

⁵ См.: Зарипова М.А. История забытой татарской оперы: Опера «Степь» Антона Эйхенвальда // Казань, 2005. № 6. С. 84–89; Музыкально-просветительская, композиторская и этнографическая деятельность А.А. Эйхенвальда в Поволжье // Цивилизация народов Поволжья и Приуралья: Сб. науч. статей по материалам междунар. науч. Конф. Т. 2. Ч. III. Чебоксары, 2006. С. 93–104.

⁶ См.: Театральная энциклопедия / Гл. ред. П.Л. Марков. Т. 5. М.: «Советская энциклопедия». С. 971.

⁷ Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. Восьмое издание. М.: «Музыка», 1980. С. 241.

⁸ См.: Пружанский А. Отечественные певцы. 1755–1917: Словарь: в 2-х ч. Ч. 1. М.: «Советский композитор», 1991. С. 157; Эйхенвальд-Дубровская М.А. (некролог) // Вестник работников искусств. Москва. 1926. № 5. С. 25.

⁹ См.: Тифлисский листок. 1904. 10 сентября. № 215.

¹⁰ См.: Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки. Ф. 159 (Антон Эйхенвальда). Инв. № 1994. Л. 3.

¹¹ См.: Сердюков А.Р. Петр Николаевич Лебедев. М.: «Наука», 1978. С. 89.

¹² См.: Погребысская Е.И. Александр Александрович Эйхенвальд // Природа. 2001. № 8. С. 76–80.

Российские немцы – исследователи Востока: вклад в диалог культур (XVIII – начало XX в.)

Мир – это пестрое этнокультурное сообщество, в котором место каждого этноса и его культура уникальны и историчны. Среди актуальных задач современного человечества, живущего в условиях, с одной стороны усиливающейся глобализации, а с другой стороны – растущего чувства национальной исключительности, стоит задача достижения взаимопонимания между народами, культурами, людьми, укрепления связей между ними, достижения высокого уровня терпимости к этнокультурным, конфессиональным различиям.

Диалогичность общечеловеческой культуры, как отмечают исследователи, должна являться одной из духовных доминант современности, включающей в себя понимание самоценности достижений разных культур, возможности их осмысления в общении друг с другом, в сближении и взаимообосновании их идей в сознании и мышлении каждого современного человека¹.

Роль России, как европейско-азиатского государства в межкультурных контактах системы Запад–Восток специфична. Она, находясь, в силу своего местоположения, между двумя цивилизациями – западной и восточной, влияние которых во многом определяло и определяет особенности ее собственного развития, в значительной мере выполняла и выполняет функции своеобразного «моста» между ними, способствуя их диалогу.

Диалог культур, имея важнейшее общественное звучание, как ныне, так и в исторической ретроспективе, предполагает изучение, анализ и обобщение опыта развития различных народов и стран. Его плодотворность в решающей степени зависит от глубины знакомства с иной цивилизацией. Важнейшую роль в этом призваны играть исследователи, рассказывающие обществу о других народах, других культурах. Свой весомый вклад в расширение культурного горизонта стран Запада, в формирование диалога с представителями внеевропейских культур внесла ориенталистика.

В России, особенно со времен Петра I, весьма заметно участие европейцев в становление и развитие системы государственного управления, армии, флота, образования и т.д. В определенные периоды, как известно, в этом процессе преобладало немецкое начало, чему способствовали политические и династические связи России и германских государств.

Российские немцы, в силу своей исторической судьбы, сыграли важную роль в развитии межкультурного диалога Запад – Восток в самом широком его понимании. Они, привнеся в Россию, с одной стороны немецкую (европейскую) культуру, и будучи ее успешными проводниками, с другой стороны впитали в себя самобытную русскую культуру. Менталитет российских немцев, формировавшийся на границе этих культур, позволил им, органически соединив европейские идеи с российской

духовностью, достичь значительных успехов, оказав заметное влияние на развитие своей новой Родины.

Международные миграции ученых, обмен научной информацией, технологиями играют важную стимулирующую роль в развитии, как мировой, так и национальной науки. И в этой связи вклад немецких ученых в становление российской науки весьма значителен². Они, приглашенные или приехавшие в Россию по собственной инициативе, часто оставались здесь навсегда, обретая новую родину. Эти исследователи обладали знанием нескольких языков, столь обычным и в то же время столь необходимым для жизни и общения в многонациональной Европе, ценным опытом межнационального общения, владели современными методиками научного исследования.

Немецкая наука, в том числе ориенталистика, имела свои сложившиеся традиции, школы в университетах Берлина, Гамбурга, Мюнхена и других городов, высокий уровень научных исследований. Россия на протяжении всего изучаемого периода активно использовала этот опыт, приглашая авторитетных немецких ученых для проведения различных изысканий, участия в экспедициях и т.д., а так же давая возможность многим будущим крупным российским ученым, в том числе и востоковедам, получать образование, проходить стажировку в высших учебных заведениях немецких государств.

В ряду ведущих отечественных ученых, изучавших географию, историю, этнографию, языки, литературу народов Востока, и сделавших важнейшие научные открытия, немало российских немцев. Это – Ф.П. Аделунг, Г.З. Байер, В.В. Бартольд, Е.Э. Бертельс, Б.А. Дорн, К.Г. Залеман, Г.Я. Кер, Н.И. Конрад, О.Э. Лемм, Р.Х. Ленц, Д.Г. Мессершмидт, В.Ф. Миллер, С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов, В.Р. Розен, А. А. Сталь-Гольштейн, В.Г. Тизенгаузен, А.И. Томсон, П.К. Услар, Х.Д. Френ, А.Э. Шмидт и др. Свою лепту в изучение Востока внесли также дипломаты и военные: И.И. Беринг, И.Ф. Бларамберг, К.И. Вебер, А.К. Гейнс, Н.К. Гирс, И.Ф. Крузенштерн, Ф.П. Литке, П.Л. Шиллинг и др.³

Накопление знаний о Востоке в России долгое время шло стихийно, углубляясь по мере расширения ее границ в Азии. Изучению Востока и восточных языков в стране издревле уделялось внимание, причем еще до систематических научных исследований российскими правительственными ведомствами, что обуславливалось географическим положением, экономическими интересами и политическими амбициями страны.

Перелом в изучении Россией Востока наступил в эпоху Петра I. Присоединение новых земель, где также проживали восточные народы, оживление торговых, дипломатических отношений, требовало изучения языков и культуры Востока, особенно сопредельных территорий. Стали предприниматься меры к изучению восточных языков, снаряжаться экспедиции.

В XVIII веке были заложены основы собраний восточных рукописей, книг, нумизматических коллекций, стала проводиться работа по составлению каталогов, словарей, появились издания Корана и других восточных текстов, переведившихся на русский язык с европейских переводов. В царствование Екатерины II особенное развитие получило практическое изучение восточных языков.

Российские ученые, немцы по происхождению, также участвовали в этом. Так, Д.Г. Мессершмидт (1685–1735 гг.) натуралист, врач из Данцига, приглашенный в Россию, стал одним из крупнейших исследователей Сибири. За время своего, почти шестилетнего путешествия по сибирской земле, он, кроме изучения животного и растительного мира, вел исследования в области географии, истории, археологии и этнографии, составлял коллекции предметов быта, одежды жителей края, делая зарисовки. Дневник ученого богат этнографическими материалами. Д.Г. Мессершмидт также привез в столицу ряд восточных рукописей.⁴

Известный ученый Г.Я. Кер (1692–1740 гг.) приехал в Россию в 1732 г. по вызову вице-канцлера графа А.И. Остермана и поступил на службу в Коллегию иностранных дел в качестве переводчика и преподавателя восточных языков со званием профессора. Он, еще до приезда сюда, первым в Европе, дешифровал арабский куфический шрифт и установил происхождение арабских цифр из Индии.

В России Г.Я. Кер занимался разбором хранившихся в Кунсткамере восточных монет, составил их каталог, перевел со староузбекского (чагатайского) языка труд Абу-ль-Гази «Родословное древо тюрков», обучал восточным языкам учеников из московской Славяно-греко-латинской академии. Интересен составленный ученым проект «Академии или Общества восточных наук и языков в империи Российской». В документе, написанном на латинском языке, отмечались причины необходимости ближайшего изучения восточных языков для России, рассматривались возможности и польза от учреждения Академии, ставился вопрос о пособиях. Г.Я. Кер подчеркивал, что Россия поддерживает постоянные политические и дипломатические отношения со странами Ближнего Востока, Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири, а временами и с Восточной Индией, а посему необходимы не только опытные переводчики, но и специально подготовленные военные начальники, губернаторы, советники, чиновники, которые знали бы восточные языки, нравы и обычаи этих народов, чтобы уметь привязать их к Российскому государству. Таким образом, он выдвинул программу подготовки не только ученых-востоковедов, но и практических деятелей. К сожалению, данный проект был забыт и не был воплощен. И лишь в начале 20-х гг. XIX в. его обнаружил и опубликовал Х.Д. Френ⁵.

Хотелось бы вспомнить и о Г.Ф. Миллере (1705-1783 гг.)⁶ Он объездил западную и восточную Сибирь, что обогатило науку ценными сведениями по этнографии, археологии и общему состоянию края. Особенно важна была вывезенная Миллером коллекция архивных документов. О разносторонних интересах академика говорят редкие книги и рукописи из его библиотеки и знаменитых «портфелей Миллера», собранные им и переданные на постоянное хранение в Московский архив Коллегии иностранных дел.

Начиная с конца XVIII, и особенно в XIX веке не только в Европе, но и в России усилился интерес к Востоку. Значительно активизировалась деятельность царского правительства в этом регионе, осуществлялись шаги по расширению владений, по включению народов Кавказа и Средней Азии в состав русского государства. С одной

стороны, для управления присоединенными областями требовались знающие восточные языки люди, а с другой – появилась возможность хорошо изучить эти языки с чисто научной целью. Создались новые возможности для интенсивного развития всей российской востоковедческой науки.

Постепенно сложилось мощное российское востоковедение, в котором соседствовали два направления: научное (академическое) и практическое, ставящие перед собой различные цели, но, тем не менее, тесно связанные и дополняющие друг друга. Основными востоковедческими центрами этого периода являлись Петербург (Академия наук, Азиатский музей, факультет восточных языков университета, Публичная библиотека с богатым собранием восточных книг и рукописей, Азиатский департамент МИД с его учебным отделением восточных языков), Москва (Московский университет, Лазаревский институт восточных языков), Казань, Дерптский университет, Восточный институт во Владивостоке.

С огромным и зачастую бескорыстным энтузиазмом, востоковеды, от крупных специалистов до местных любителей, собирали, переводили и издавали восточные рукописи, являющиеся уникальным источником по истории, культуре стран и народов, составляли словари. Ими проводилась важнейшая работа научной каталогизации и описания восточных рукописей, поступавших в собрания научных учреждений, библиотек и музеев, закладывались основы нумизматических коллекций и т.д. Накопленные исследователями данные источников и их анализ позволили приступить к первым попыткам исторических обобщений, к созданию сводных трудов по истории стран Востока.

Востоковедение зародилось как комплексная наука, из которой постепенно выделились отдельные отрасли. Методика исследований в российской ориенталистике складывалась под значительным воздействием запада, немецкой научной школы. Но, относясь с глубоким уважением к западным коллегам, В.В. Бартольд считал, что российским ученым следует пролагать собственные пути в ориенталистике. И эти пути были успешно проложены. Как отмечает В.В. Бартольд, в XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе⁷.

Российское востоковедение в XIX веке добилось международного признания. Одним из фактов проявления этого стало проведение III Международного съезда востоковедов (1876 г.) в Санкт-Петербурге. Председателем его был тогдашний декан факультета восточных языков проф. В.В. Григорьев, а в организационном комитете работали Б.А. Дорн, П.И. Лерх, Ф.Р. Остен-Сакен, В.Р. Розен.

Тому, что в XIX столетии российское востоковедение выросло в мощную дисциплину, внесшую значительный вклад в золотой фонд мировой науки неоспоримо содействовала деятельность представителей российских немцев, занимавшихся изучением истории, культуры, экономики, растительного и животного мира, географии стран Востока.

В своей совокупности труды российских немцев, в области сбора и сохранения, описания и изучения восточных рукописей, различных коллекций, организа-

ции научно-краеведческой работы и музейного дела, осуществления наблюдений антропологического, археологического, этнографического характера, исследования архитектурных памятников, образовали весомое научное наследие, способствовавшее изучению богатейшего многовекового прошлого Востока, его культуры, созданию научной картины его истории.

Многоязычие, сохраняемое в семьях российских немцев, уважительное отношение к научным традициям, трудолюбие, кропотливость и дотошность, столь необходимые для изучения восточных языков, способствовали их успехам на поприще ориенталистики.

Успешное развитие отечественного востоковедения закономерно связывается с именем выдающегося ученого-арабиста, эрудита энциклопедического характера, основателя новой школы русского востоковедения, педагога и организатора академика В.Р. Розена (1849–1908 гг.). Именно он, как отмечает И.Ю. Крачковский в работе, выпущенной к столетию Розена, сумел «объединить вокруг себя все живые силы русского востоковедения современного ему и младшего поколения»⁸. Ему, воспитаннику факультета восточных языков Петербургского университета и его декану с 1893-го по 1902 год, принадлежит заслуга введения современных приемов и методов исследования и текстологической критики исторических источников, создания первого научного востоковедного журнала на русском языке.

В.Р. Розен выступал против европоцентризма в изучении мирового исторического процесса. Он, как справедливо считают исследователи истории российской ориенталистики, стоял на голову выше многих своих современников-востоковедов – отечественных и зарубежных – по уважительному отношению к народам Востока и их историческому прошлому. Так, замечательное творение Беруни «Индия» пришлось Розену по сердцу не только своим богатейшим фактическим содержанием, но и тем, что «от него веет духом критики беспристрастной, вполне свободной от религиозных, расовых, национальных или кастовых предрассудков и предубеждений, критики осторожной и осмотрительной»⁹.

Именно школа Розена пропагандировала концепцию, что без истории Востока не построить всемирной истории, не раскрыть закономерностей развития человечества. Его ученики, среди которых В.В. Бартольд, А.Э. Шмидт и другие, вслед за учителем признавали культурные достижения народов Востока и их влияние на европейскую культуру. Именно такой строго научный подход способствовал расширению взгляда европейцев на иную цивилизацию, создавал базу для плодотворного диалога культур.

По ряду направлений ориенталисты России имели неоспоримые преимущества перед западными коллегами (исследование памятников Центральной и Средней Азии, Восточного Туркестана, Монголии). Свою лепту в их исследование внесли и российские немцы, как профессиональные ученые, так и энтузиасты краеведы В.В. Бартольд, Е.К. Бетгер, К.Г. Залеман, Е.Ф. Каль, Д.А. Клеменц, А.Л. Кун, П.И. Лерх, В.В. Радлов и др.

Открытие древнейуйгурских памятников в Восточном Туркестане, выход в свет отчета об этом, сообщение об этих находках на XII Международном конгрессе ориенталистов (Рим, 1899 г.) стимулировали образование международной организации по изучению соответствующих регионов Азии. На XIII конгрессе ориенталистов в Гамбурге (1902 г.) была создана Международная ассоциация по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Устав ее подготовили С.Ф. Ольденбург и В.В. Радлов. Представителям стран, участвовавших в конгрессе, было рекомендовано создать свои национальные комитеты. Центральным же комитетом был определен русский, в Петербурге.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА) (1903–1918), занял видное место в истории отечественного востоковедения. Правительство России придавало большое значение его образованию и деятельности. Он был создан при МИД и находился под покровительством императора. Председателем бюро РКИСВА стал акад. В.В. Радлов, а в его состав, наряду с другими учеными, вошли В.В. Бартольд, Д.А. Клеменц, К.Г. Залеман¹⁰.

В.В. Радлов (1837–1918 гг.), отец российской тюркологии, как его уважительно называли коллеги, родился в Берлине, учился в Берлинском университете, в 1858 г. приехал в Россию. Требовательный к себе, ценивший в людях деловые качества, ученый вошел в историю отечественного востоковедения как исследователь древнетюркских, средневековых уйгурских письменных памятников, как автор труда по фонетике «северных» тюркских языков, основанного на материале более 20 тюркских языков и наречий. Благодаря его исследованиям была создана реальная база для изучения истории тюркских языков, выявлены фонетические и морфологические закономерности их развития. Радлов в той или иной форме опубликовал все известные в тот период древнетюркские рунические надписи. Крупным достижением мировой тюркологии, предопределившим дальнейшие успехи в изучении тюркоязычных письменных памятников, явилось издание одного из монументальных сочинений XI в. – поэмы Юсуфа Хас-хаджиба Баласагунского «Кутадгу билиг», осуществленное Радловым¹¹.

Значительное место в отечественной ориенталистике отводилось изучению Средней Азии и Казахстана. Здесь нельзя не вспомнить имя уникального ученого, получившего мировое признание, востоковеда, знатока ислама, историка, филолога, академика Петербургской АН В.В. Бартольда (1869–1930 гг.), труды которого, созданные на основе обширного круга источников, до сих пор не потеряли своей актуальности. Человек огромной работоспособности, эрудиции, прекрасно знающий ряд восточных языков¹², создавший множество серьезных научных трудов, в различных областях востоковедения наряду с исследовательской, педагогической, редакторской деятельностью, с научными поездками в Среднюю Азию, на Кавказ, много сил отдавал научно-организационной работе. Причем он не только сам изучал Восток, но и создал ряд работ по истории востоковедения. Это его капитальный труд «История изучения Востока в Европе и в России» (за него в 1913 г. Русское археологическое

общество присудило автору большую золотую медаль), «Востоковедение в России в XVIII в.», «Обзор деятельности факультета восточных языков»¹³.

Уже его магистерская диссертация на тему «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» была написана на столь высоком уровне, что соискателю вместо искомой степени была присуждена степень доктора истории Востока (1900 г.).

В контексте нашего сообщения важно привести цитату из его выступления на данной защите, показывающую отношение ученого к пониманию единства мира, единства человечества. Бартольд считал, что «люди везде одинаковы, что различие между культурой Востока и культурой Запада вполне объясняются тем, что умственная работа восточных народов была направлена обстоятельствами на другие пути; прибегать к априорным предположениям об основных различиях между натурой восточного и натурой западного человека, о неизгладимых расовых особенностях нет никакой надобности. Научное объяснение истории Востока необходимо уже потому, что иначе законы, выработанные только на основании истории Европы, неизбежно будут страдать односторонностью и не будет достигнута конечная цель исторической науки – выяснить законы, которым подчиняется жизнь всего человечества». Далее он подчеркивает: «История Востока получает характер самостоятельной отрасли исторической науки, и ее выводы принимаются в расчет при объяснении всемирно-исторического процесса»¹⁴. Здесь же хотелось бы отметить несомненное достоинство, как Бартольда, так и других видных российских востоковедов, заключавшееся в том, что они не позволяли себе высказывать высокомерные или презрительные взгляды о народах Востока и, негативно относились к оскорбительным и унижительным о них суждениям.

Российские немцы-ориенталисты, наряду с успешной научной деятельностью, возглавляли крупные научные подразделения. В 1818 г. был устроен при Кунсткамере Академии «Восточный кабинет»¹⁵, особое отделение для медалей, рукописей и восточных книг, возглавленный Х. Д. Френом. Академик Х.Д. Френ (1782–1851 гг.), специалист по семитским языкам, основатель школы русских нумизматов, не только описал богатую коллекцию Азиатского музея, исследовал золотоордынские монеты, но одним из первых привлек внимание к проблеме охраны памятников древности, находившихся на территории страны.

Во главе Азиатского музея, со дня его основания в различные годы стояли Х.Д. Френ, Б.А. Дорн, В.Р. Розен, Ф.И. Видеман, В.В. Радлов, К.Г. Залеман, С.Ф. Ольденбург. Каждый из этих авторитетных ученых содействовал его дальнейшему развитию – пополнению коллекций, расширению фондов библиотеки, описанию их, информированию научной общественности о новых поступлениях и изысканиях, организации научных экспедиций и т.п. В результате усилий востоковедов-специалистов и любителей хранилища России обогатились многими сотнями рукописей. Уже к середине XIX столетия в Азиатском музее хранилось до 4000 восточных рукописей.

Профессор В.Ф. Миллер (1848–1913 гг.) 14 лет был директором Лазаревского института, располагавшегося в Москве. Именно при нем был отмечен качественный

подъем преподавания в Специальных классах, привлечение студентов к научной работе в различных обществах, началось издание двух научных серий. Он умело сочетал научную деятельность кабинетного характера и педагогическую работу с выездами, научными командировками, в частности в Осетию и другие районы Северного Кавказа. И, наконец, В.Ф. Миллер интересен как ученый, который использовал редко тогда применявшийся учеными метод коллективной работы. Так, он с помощью сотрудников-осетин работал над собиранием и составлением полного осетинского словаря. Его научная деятельность и изыскания в командировках содействовали и возросшему интересу к осетиноведению, татскому языку и появлению ученых – осетин и тато¹⁶.

Человеком, стоящим у истоков реформы академического отечественного востоковедения в XX веке, объединения всех востоковедных научных учреждений, создания Института востоковедения АН СССР и его первым директором был индолог, знаток буддизма, академик Петербургской АН, Секретарь Академии наук (1904–1929), министр просвещения Временного правительства (1917) С.Ф. Ольденбург (1863–1934 гг.). Организатор и участник ряда экспедиций он, в отличие от части своих коллег, особенно зарубежных, осознавал важность комплексного изучения творческой жизни всякого народа для понимания его национальной специфики. Это определило интерес ученого к памятникам изобразительного искусства, к реалиям и предметам материальной культуры¹⁷.

После Октября 1917 г. многие ориенталисты, в том числе и из числа российских немцев, остались в Советской России и продолжали свою научную деятельность. Среди них такие выдающиеся ученые, как В.В. Бартольд, Е.А. Бертельс, С.Ф. Ольденбург, В. В. Струве и другие. Проведению их исследований на начальном этапе советской власти способствовало открытие архивов, публикация дипломатических и военных секретных документов царского правительства, сборников архивных документов.

Однако изменение ситуации в стране в последующие годы не могло не отразиться и на судьбе ряда востоковедов из среды российских немцев. Многие были репрессированы, часть из них погибла в результате гонений (А.М. Мерварт, А.Э. Шмидт и др.).

Завершая, укажем, что российская ориенталистика, основанная на серьезных научных традициях, с выраженными гуманистическими тенденциями, достигла значительных успехов. Был собран уникальный фактический материал, создано множество научных трудов, отличающихся стремлением к всестороннему изучению проблемы, уважением и признанием вклада народов Востока в мировую цивилизацию.

Востоковеды, среди которых видное место занимали ученые из числа российских немцев, знакомя европейцев с памятниками древних культур Востока, разрушая тем самым миф о его извечной отсталости, способствовали воспитанию уважительного к нему отношения, слому концепции европоцентризма, расширяли культурный горизонт народов Запада, что объективно содействовало развитию диалога культур и цивилизаций.

¹ См.: Карпова Л.М., Красноярова Н.Г. О необходимости синтеза западного и восточного мировоззрения // Россия и Восток: филология и философия. Материалы IV международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск. 1997. С.140.

² Велико участие немецких ученых в организации и деятельности Петербургской академии наук. Так, за период от основания академии в 1725 г. до 1741 г. из 50 академиков, около 40 немцы, в 1799 г. из 111 академиков – 68 немцы (всего 76 иностранцев). И лишь в первой половине XIX века число русских и иностранных членов академии сравнялось. См. Алексеева Е.В. Европейский вклад в становление и развитие российской науки (XVIII–XIX вв.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2007. № 3. С. 128–131.

³ Интерес к судьбам исследователей Востока из числа российских немцев сегодня весьма велик и оправдан, ведь ими сделано достаточно много, но, учитывая, ограниченность объема данного сообщения мы вынуждены кратко остановиться на биографиях и деятельности лишь некоторых из названных здесь лиц.

⁴ См.: Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д.Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. / Публ. З.Д. Титовой // Исторический архив. 2003. № 2. С.21 – 40.

⁵ См. Базиянц А.П., Гринкруг И.М.. Три проекта организации изучения восточных языков и Востока в России в XVIII–XIX столетиях // Формирование гуманитарных традиций отечественного востоковедения (до 1917 года) – М. – 1984. – С. 33–36.

⁶ Заслуги Миллера в становлении российской науки и образовании долгое время по существу отрицались. В современной историографии, когда идут широкие исследования его деятельности, убедительно раскрыт его вклад в русскую науку и культуру. Его лепта значительна, прежде всего, в области истории и географии, в становлении Санкт-Петербургской АН, организации и проведении научных экспедиций, становлении российского архивного дела. Не подлежит сомнению и его вклад в развитие научных и культурных связей России с европейскими государствами, прежде всего с Германией.

⁷ См.: Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Соч. Т.9. М., 1977. С. 418.

⁸ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.–Л. 1950. С.143.

⁹ См.: Востоковеды Москвы и Санкт-Петербурга. Основные направления современных исследований. Востоковедные научные центры. Персоналии. М., 2000. С. 254–255; Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981. С.14–15.

¹⁰ См.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. С. 103.; Кононов А.Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М., 1960. С. 7.

¹¹ См. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М. – 1997. – С. 385–390; Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. – Ташкент. – 1965. – С. 185; Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. – Кн. II. – М. – 1995. – С. 293–294.

¹² В.В. Бартольд обучался на ФВЯ по арабо-персидско-турецкому-татарскому разряду, кроме обязательных языков своего разряда он изучал армянский, еврейский, сирийский, санскрит.

¹³ См.: Востоковеды Москвы и Санкт-Петербурга. Основные направления современных исследований. Востоковедные научные центры. Персоналии. – М. – 2000. – С.247; Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979. С.5–23; Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981; Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. I. М, 1995. С. 128–131.

¹⁴ Бартольд В.В. Речь перед защитой диссертации // Соч. Т. 1. – М. – 1963. – С. 607-608.

¹⁵ «Восточный кабинет» сам Х.Д. Френ именовал «Азиатским музеем». Под таким именем он и вошел в историю науки.

¹⁶ См.: Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973. С. 110–112.

¹⁷ См. Востоковеды Москвы и Санкт-Петербурга. Основные направления современных исследований. Востоковедные научные центры. Персоналии. М., 2000. С.283; Дьяконова Н.В. Шикшин. Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910, 1914–1915. М., 1995.

НАШИ АВТОРЫ

Алишина Галина Николаевна, ассистент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета. Томск. Россия.

Афанасьева Анастасия Владиславовна, кандидат исторических наук, заместитель директора образовательной программы Курской областной общественной организации общества «Знание» Российской Федерации. Курск. Россия.

Бабкова Валерия Юрьевна, кандидат исторических наук, начальник отдела комплектования и делопроизводства Государственного архива новейшей истории Ставропольского края. Ставрополь. Россия.

Барбашина Эльвира Рудольфовна, кандидат философских наук, доцент, директор Немецкого исследовательского центра при Новосибирском государственном университете. Новосибирск. Россия.

Бахарева Ольга Яковлевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета. Оренбург. Россия.

Безносов Александр Иннокентьевич, научный сотрудник Института украинско-германских исследований Днепропетровского национального университета. Днепропетровск (Украина).

Блинова Анна Николаевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Омск. Россия.

Бобылева Светлана Иосифовна, кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, директор Института украинско-германских исследований Днепропетровского национального университета. Днепропетровск. Украина.

Брандес Детлеф, доктор, профессор. Берлин. Германия.

Буданова Юлия Павловна, заведующая сектором научно-экспозиционной и массовой работы ГУ «Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболя Департамента культуры Костанайской области». Лисаковск. Костанайская область. Казахстан.

Булычев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и региональной истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. Саратов. Россия.

Бургарт Людмила Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель Восточно-гуманитарного института. Усть-Каменогорск. Казахстан.

Вайман Дмитрий Игоревич, аспирант Института истории и археологии УрО РАН. Пермь. Россия.

Васильчук Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения, историографии и специальных исторических дисциплин Запорожского национального университета. Запорожье. Украина.

Венгер Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, научный сотрудник Института украинско-германских исследований Днепропетровского национального университета. Днепропетровск. Украина.

Вердиева Хаджар, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ «Азербайджановедение» Бакинского государственного университета. Баку. «Азербайджан».

Вибе Петр Петрович, доктор исторических наук, доцент, директор Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск. Россия.

Гентшке Валерия Львовна, доктор исторических наук, профессор. Москва. Россия.

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории в новейшее время Саратовского государственного университета. Саратов. Россия.

Дик Петр Францевич, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры СГД Костанайского инженерно-экономического университета (КИНЭУ). Костанай. Казахстан.

Духхард Хайнц, доктор, профессор университета Майнц. Германия.

Ефремова-Шершукова Надежда Александровна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала НОУ ВЭГУ Томск. Россия.

Зарипова Миляуша Афраимовна, преподаватель ГОУ прогимназия № 1717 Департамента образования Москва. Россия.

Зейналова Судаба, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории имени А. А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана. Баку. Азербайджан.

Зейферт Елена Ивановна, доктор филологических наук, доцент Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова. Караганда. Казахстан.

Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, генеральный директор Института энергии знаний.

Иноятова Дилором, кандидат исторических наук, докторант Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека. Ташкент. Узбекистан.

Клоберданц Тимоти, доктор, профессор, преподаватель антропологии и фольклора университета штата Северная Дакота. Фарго. США.

Конев Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета. Новокузнецк. Россия.

Конопленко Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов. Россия.

Костюк Михаил Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения Луцкого государственного технического университета. Луцк. Украина.

Кусбер Ян, доктор истории, профессор университета имени Иоханнеса Гуттенберга. Майнц. Германия.

Лиценбергер Ольга Андреевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжской академии государственной службы. Саратов. Россия.

Малиновский Лев Викторович, доктор исторических наук, профессор Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул. Россия.

Маркдорф Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Новокузнецкого филиала-института Кемеровского государственного университета. Новокузнецк. Россия.

Мартыненко Владимир Леонидович, аспирант Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина. Харьков. Украина.

Машкин Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор, в.н.с. – консультант ИВИ РАН. Москва. Россия.

Москалюк Лариса Ивановна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкого языка факультета иностранных языков Барнаульского государственного педагогического университета. Барнаул. Россия.

Нам Ирина Владимировна, доктор исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. Томск. Россия.

Нелипович Сергей Геннадьевич, кандидат исторических наук, член научного совета Российского государственного военно-исторического архива, начальник архивного отдела администрации городского округа Балашиха Московской области. Москва. Россия.

Охотников Андриан Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск. Россия.

Плешаков Иван Николаевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Саратовского военного института внутренних войск МВД Российской Федерации. Саратов. Россия.

Порох Алина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Волгоградского государственного университета. Волгоград. Россия.

Смирнова Татьяна Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Омск. Россия.

Ходченко Елена Евгеньевна, аспирант кафедры всемирной истории Днепропетровского национального университета им. О. Гончара. Днепропетровск. Украина.

Черказьянова Ирина Васильевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Санкт-Петербург. Россия.

Чернова Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий специалист ГУ «Государственная дирекция целевой научно-технической программы». Москва. Россия.

Чернова-Деке Тамара, доктор, историк. Берлин. Германия.

Чернолуцкая Елена Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток. Россия.

Черных Александр Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН. Пермь. Россия

Шишкина Елена Михайловна, кандидат искусствоведения, доцент, директор государственного фольклорного центра «Астраханская песня». Астрахань. Россия.

Шмидт Вальдемар, историк. Регенсбург. Германия.

Шульга Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Саратовского военного института радиационной, химической, бактериологической защиты. Саратов. Россия.

Яковенко (Ямшанова) Оксана Александровна, кандидат исторических наук, менеджер инновационно-технологического центра Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова. Караганда. Казахстан.

Научное издание

**ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «НАРОДА В ПУТИ»**

Материалы XII международной научной конференции

Под редакцией Германа Аркадия Адольфовича
Корректор Марина Лищинская
Верстка Андрей Моренко

Подписано в печать 01.12.2009. Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 800 экз. Зак. 81

АОО МСНК, ул. Малая Пироговская, д. 5, офис 51
Тел.: (495)937-65-44, факс (499)766-48-76

Отпечатано в ОАО «Кострома»